

Антон Керсновский

История Русской армии

Ноахер: труд А.А. Керсновского нельзя назвать фундаментальным, это скорее очерки по истории нашей армии, большей частью о начале прошлого века. В этом издании книга вышла в 4-х томах (изначально — в 4-х частях).

Содержание

Часть (том) I

Глава I. Птенцы гнезда Петрова

Глава II. От Петра до Елизаветы

Глава III. Семилетняя война

Глава IV. Век Екатерины

Глава V. Павловские времена

Глава VI. Наполеоновские грозы. Император Александр I

Часть (том) II

Глава VII. Священный союз и военные поселения

Глава VIII. Покорение Кавказа

Глава IX. Восточная война

Глава X. Эпоха преобразований

Глава XI. Туркестанские походы

Часть (том) III

Глава XII. Застой

Глава XIII. Война с Японией 1904-905 годов и первая смута

Глава XIV. От Портсмута до Сараева

Глава XV. Мировая война

Часть (том) IV

Глава XV. Мировая война (Продолжение)

Глава XVI. Борьба на Кавказе

Глава XVII. Последняя война Петровской армии

Глава XVIII. Без веры, царя и отечества

Заключение

Об авторе "Истории Русской армии"

Комментарии

Часть (Том) 1

Глава I. Птенцы гнезда Петрова

Основные законы русской государственности

Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнялись деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие — и мы. Русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих

устоя — духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя — русский царь Богу одному отдавал отчет о своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести — через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

В троичности Вера, Царь, Отечество недаром понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие Россия, неосмысленное предварительно понятием Вера, неоплодотворенное понятием Царь, является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни Веры, ни Царя, — то само собой отпало и понятие Россия, уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетия России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было — что и создало анархию). Царский престол был пуст... но помимо него существовал еще один престол — престол патриарший¹. И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества — митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился на мертвую точку. Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни Русского Народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои — спасительной инерции маховика уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие — превращение в великую, а затем в мировую державу — совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это — путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков² сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за самое право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии — династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг — враг восточный — приходил к нам из глубины азиатских степей, сперва в облике обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул — тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг — враг западный. Имя ему было и осталось — немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет — от Ледового побоища до Брест-Литовска — враг традиционный³, но не раз по капризу истории надевавший личину традиционной дружбы — всякий раз все к большей своей выгоде и все к большой беде России.

С восточным врагом боролись Дмитрий Донской, Иоанн III, Великая Екатерина, Царь Освободитель. С западным — Александр Невский, два первых Романова — Цари Михаил и Алексей, дочь Петра — Елизавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами — Иоанн IV, Петр I, Николай II (Царь Грозный, Царь Великий, Царь Мученик).

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства — праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с западным врагом — вначале успешная — оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же со врагом восточным потерпел неудачу.

Удачнее их действовал Император Николай Александрович. На третьем году беспримерной в Истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного на одно⁴... Но тут явился третий враг — враг внутренний духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И Царя не стало! Ужасной ценой заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу — и для разрешения ее, для признания за собой права на место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сперва в защиту христианской веры, а в последующие века в освобождение угнетенных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным⁵

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла свою задачу — задачу Божьей рати лучшего воина — многовековой непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора — и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света за все большую Британию и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу за други своя. Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, — то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: не нам, не нам, а Имени Твоему.

Вооруженные силы Московской России

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия Царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участившиеся и принявшие грозный характер в правление Царя Алексея.

Правление этого слабого государя⁶ не было счастливым, несмотря на присоединение Хмельницким Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с Патриархом Никоном удалила от Престола единственный государственный ум России того времени. Хозяйничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закрепощению⁷ крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в половине столетия в крепостное право стараниями крючкотворцев). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны Царя Алексея Михайловича закончились плачевно...

Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 70-х и 80-х годах страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, унизились до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном, например, 1688 году свыше 70000

человек, оно было не в состоянии. Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада — что вечным позором ложится на просвещенную Европу, уже тогда торговавшую человеческим мясом с каннибалами. По мнению известного слависта профессора В. И. Ламанского, с XV века в продолжение 4 столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишились от 3 до 5 миллионов жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство. Вот что он пишет по исследовании архивов Венецианской республики: Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Не мало было русских рабов и у мамелюков в Египте. С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи. Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта, а Благочестивый Людовик XIV только иногда прибавляя, чтоб эти Киз-81епз не были схизматик. В таких размерах совершалась в XV—XVIII веках торговля русскими невольниками и невольницами в Европе. Лишь покорением Крыма⁸ положен был конец этой позорной для Европы торговли христианскими рабами... Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу — и дальше на Рязань — была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как то показывают неудачные походы Голицына на Крым.

Для того чтобы вывести страну из этого маразма, нужна была железная воля и железная рука. Одно и другое сочеталось в младшем сыне Тишайшего.

Мы не собираемся здесь подробно излагать и критиковать реформы Петра I. Это вывело бы нас слишком далеко за рамки нашего скромного труда. Скажем только, что если бы этого Государя не было, анархия окончательно одолела бы страну, низведя Московию на положение какого-нибудь Бухарского ханства или Абиссинской деспотии, разделенную на сферы влияния. Большинство реформ Петра были жизненно необходимы, иные были излишни (насильственная ломка быта, глумление над старинными обычаями и традициями, огульно объявленными предрассудками и т. п.). Некоторые реформы, как, например, упразднение патриаршества, оказались прямо вредны. Военные же мероприятия его — реформа армии, зарождение флота — отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим.

Военная система России, как Московской, так и Императорской — резко отличалась во все времена от западноевропейской.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги сегодня цесарю и папе против христианнейшего короля, завтра королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVII века был наемником.

В основу русской⁹ военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности — принцип долга для каждого защищать Русскую землю — принцип повинности.

Московская рать¹⁰ явилась первой национальной армией в мире, подобно тому, как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе.

Регулярное войско — стрельцы — было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из земского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по принципу обязательной повинности в военное время, что придавало вооруженной силе Московского Государства милиционный характер,

Солдаты, более способные на грабеж, чем на битву, — пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший Московскую Россию в ее

упадочную пору, в XVII веке. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). Летописи московской рати не знают позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга. Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту. О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период — XVI век — предшественники Пуффендорфа судили иначе: Ни один из христианских государей, — пишет один из них о войске Василия III, — не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский. В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немцев-наемников¹¹ в равных и даже превосходных силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях. Наемные солдаты других армий в их положении, наверное, поспешили бы сдаться и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами. Военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевской Лавры.

Дружинники Святослава, обещавшие сложить свои головы, где его голова ляжет, храбрые жители Козельска — злого города Батыя, венденские пушкари, предпочтившие смерть плену, сергиевские иноки, смолян¹² и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, — вот от кого произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудо-богатыри! Двух армий — московской и императорской — не существует, есть одна Русская Армия-Войска иноземного строя стали у нас заводиться при Царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка Ван Даму в 1632 году и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 году. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на две трети из русских (те и другие — профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 году сформировано два выборных (т. е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей — Первомайский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий символ единства и нераздельности Русской Армии. В начале царствования Царя Алексея, в 1648 году, был издан первый в России воинский устав — Учение и хитрости ратного строя пехотных людей.

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т. е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских — до 25, стрелецких 40–45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 года считалось: стройных войск 110000, нестройных 55000, городских до 25000. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности.

Жалованные царями грамоты устанавливают старшинство Казачьих войск:

Всевеликого Войска Донского — с 1570 года (первая грамота казакам);

Уральского — с 1591 года;

Терского — с 1696 года (самое войско основано позднее — в 1722 году, но уже с половины XVII века донские казаки селились на Тереке и грамота эта благодарит их за службу в тех краях);

Кубанского — с 1696 года (по Хоперскому войску, вошедшему в его состав).

ПОЛКИ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОНЫНЕ:

13-й лейб-гренадерский. Эриванский (1642 — Выборный Бутырский, с 1827 Эриванский);

4-й уланский Харьковский, 1-й гусарский Сумской, 11-й гусарский Изюмский, 12-й гусарский Ахтырский (1651 — слободские казачьи полки того же имени);

2-й лейб-драгунский Псковский, 9-й гусарский Киевский, 17-й гусарский Черниговский (1668 — соответственно Северский, Киевский и Черниговский слободские компанейские).

Преобразование армии. Реформа 1698 года

Службу регулярных войск Московского Государства в последние десятилетия XVII века скорее всего можно сравнить с нынешним отбыванием лагерных сборов. Солдаты, поселенные в слободах, мало-помалу омещанивались, утрачивали воинский дух и даже воинский вид. Большинство обзаводились семьями и занимались ремеслами и промыслами, ничего общего с военной службой не имеющими. Под ружьем они находились в общей сложности месяц или два в году. Безвременье 70-х и 80-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей — каких-то янычар Московской России и представлявших своим существованием государственную опасность.

Единственно полноценными в то время могли считаться лишь четыре полка: Преображенский и Семеновский потешные (учреждены в 1683 году, полковую организацию получили с 1691 года) и оба выборных — Первомосковский Лефорта и Бутырский Гордона.

В 1694 году молодой Царь произвел первые большие маневры русской армии, так называемый Кожуховский поход. Маневры эти явили собой точное подобие войны (вплоть до того, что около 70 человек было убито и ранено стрельбой пыжами в упор) и в них участвовало до 30000 войск как старой организации, так и нового строя, причем все преимущества оказались на стороне последних.

Азовские походы окончательно убедили Царя Петра в малой пригодности войск старой организации. Кампания 1695 года закончилась плачевно — беспорядочное отступление от Азова походило на бегство. В 1696 году 70-тысячная армия при поддержке, оказанной ей импровизированным флотом, лишь после двухмесячной осады смогла овладеть крепостью, которую защищало менее 5000 турок. Солдатские полки, не говоря уже о стрелецких, проявили мало боеспособности — еще меньше дисциплины. Наоборот, полки, составленные из призванных на время войны в порядке повинности земских людей — дворян и даточных крестьян — обнаружили большое рвение при всех неизбежных недостатках войск милиционного типа.

Все это подало Петру мысль целиком обновить состав армии, распустив всех янычар — солдат, рейтар и стрельцов, и вновь набрать профессионалов, на этот раз подневольных, из среды дворян и даточных.

Реформа эта произведена в 1698 году. Все старые полки были распущены и расформированы за исключением четырех упомянутых выше. В эти 4 полка были сведены все, кого Петр считал надежными и пригодными для дальнейшей службы, всего 28000 человек (стрельцов после бунта этого года на службу не брали совсем). В основу новой своей армии Петр положил, таким образом, принцип отбора. Ближайшим сотрудником Царя в проведении этой реформы был генерал Патрик Гордон — ветеран чигиринских и герой азовских походов, переработавший тогда же старый устав 1648 года. Гордон умер в следующем 1699 году, и смерть его была тяжелой утратой для молодого Царя и молодой его армии.

В 1699 году был объявлен призыв 32000 даточных — первый в России рекрутский набор. Одновременно принято на русскую службу с большим преимуществом (главным образом в смысле окладов) много иностранцев, которым отведено большинство командных должностей в новой армии. Только что закончившаяся война Франции с Аугсбургской Лигой освобождала как раз многих профессионалов шпаги, среди которых наряду с авантюристами попадались и люди высоких качеств.

Весной и в начале лета 1700 года из сверхкомплекта четырех старых полков и новопризванных даточных сформировано 29 пехотных полков, составивших три сильные дивизии, и 3 драгунских. Большинство этих полков (вначале названных по полковникам) существует и поныне.

Внешняя политика Петра Великого

В продолжение всей своей истории Россия стремилась к свободному морю, как

лишенное света растение стремится к солнцу. Русь родилась на волнах — в варяжской ладье — ее национальная политика не могла не быть политикой в первую очередь морской. Щит Олега на вратах Царьграда является символом этой политики и сопряженной с нею великодержавности. Морская традиция была оставлена в упадочную пору русской государственности. В середине XIV века западный наш враг утвердился на Финском заливе, превратив Варяжское Море в шведское внутреннее озеро¹³. Русское Море стало турецким внутренним озером. Россия была отрезана от обоих своих морей — северного и южного.

Возрождение российской великодержавной идеи при Иоанне III и блистательное ее развитие при Грозном не могло не привести к возрождению основного закона нашей великодержавности — морской традиции в политике. Вот причина Ливонских войн. Кровь Рюрика сказала через семь столетий в предпоследнем и самом ярком из его венценосных потомков.

Петр понимал, что лишь выходом к морю можно вернуть России ее великодержавность. Архангельск и недавно приобретенный Азов не могли иметь значения для развития сношений с границей вследствие своего слишком окраинного положения.

Завоевание черноморского побережья Петр I считал менее срочным, чем приобретение окна в Европу на Балтийском море. Прежде всего борьба с такой могучей державой, как Османская Порта того времени, была немыслима без союзников. Союзники же по этой борьбе — Австрия и Польша — отказывались от продолжения Азовской войны. Австрия была озабочена вопросом о только что открывшемся испанском наследстве, Польша, по смерти Собесского, не видела выгод в походах на Молдавию. Затем, даже в лучшем случае, т. е. конечном одолении Турции, пользование Черным морем представляло много неудобств. Выходы из него были в турецких руках, и выводило оно в конце концов в Средиземное море, то есть в страны латинской культуры.

Питая отвращение к иезуитам и опасаясь не без основания роста их влияния в России, Петр не желал завязывать особенно тесных сношений с латинянами. Царевна София была сторонницей латинской культуры и иезуитов. Петр же решил искать света на севере — у голландцев (бывших его первыми друзьями) и англичан. Для этого необходимо было овладеть балтийским побережьем, т. е. выдержать борьбу со Швецией. А для этой борьбы уже намечались союзники — Дания и Польша, у которых были свои счета со своим королем.

* * *

Выступая на арену большой европейской политики, молодая Россия не имела никакого опыта в этом деле. До сих пор внешние сношения Московского Государства ограничивались почти одной Польшей¹⁴. Понятия о других странах были характера полубаснословного. Знали, что на севере живет свойский король, с которым мы часто воевали, а на юге — турецкий султан, поганой веры. Время от времени отправлялись пышные посольства римско-немецкому цесарю и принимались таковые от него. Про аглицкого короля знали, что он живет за морем и царствует не по Божьему соизволению, а по мятежных человеков хотению — чином, стало быть, будет пониже цесаря. Из остальных иноземцев лучше других знали итальянцев — мастеров на все руки — зодчих, живописцев, музыкантов и лекарей и голландцев — мореплавателей и торговцев, живших на Немецкой слободе.

Взаимоотношения иностранных держав были нам совершенно неизвестны. Отправляя в 1701 году Толстого (наш первый посол в Турции)¹⁵, Петр наказывал ему узнать какое европейское государство турки больше уважают, какой народ больше любят. О количестве войск и кораблей у иностранных potentatov сведений не имелось. Великое посольство Лефортова (1697–1698) значительно расширило кругозор Государя (принимавшего в нем участие под именем Петра Михайлова) и его спутников. Еще до того Петр узнал много полезного от иностранцев, живших в России. Дружба с голландцами Брандтом и Тиммерманом (создатель дедушки русского флота) пробудила симпатии Петра к Голландии и привела к предвзятой неприязни ко врагу Голландии — Франции Людовика XIV. В 1692 году победа англо-голландского флота над французским при Хуге была отпразднована у нас

иллюминацией и пушечной пальбой в Преображенском потешном городке (а какое дело могло быть Московскому Государству до Франции?). Франко-русские отношения, таким образом, испортились раньше, чем успели завязаться.

Положение же дел в Европе представлялось в следующем виде. Со времени Итальянских войн конца XV и начала XVI века характерной и постоянной чертой европейской политики — ее главной пружиной — являлось соперничество Франции с Австрией — христианнейшего короля с римским императором.

Союзниками Франции в этой вековой борьбе были Турция и Швеция. Традиции франко-турецкой дружбы восходят ко Франциску I и Сулейману Великолепному, а франко-шведской — к Густаву Адольфу и кардиналу Ришелье.

Эти два союзника королевской Франции являлись как раз нашими естественными противниками: столкновение России с ними при возобновлении процесса ее государственного развития было неизбежно, начертано на географической карте. И это обстоятельство определило характер франко-русских отношений на весь XVIII век. Вот причина неизменной русофобской политики Бурбонов, традиции которой, несмотря на исчезновение самой причины, сохраняются французскими роялистами и поныне. Появление России на международном ристалище и возобновление ею своей национальной и традиционно великодержавной политики явилось для Франции событием в высшей степени нежелательным, как ослабляющее ее союзников и лишаящее ее их поддержки.

Воинственный Карл XII, не будь он поглощен борьбой с Россией, конечно, не пропустил бы случая ввязаться в войну за Испанское наследство, чем выручил бы Францию, поживившись и сам за счет Англии и Австрии и стяжав себе лавры Густава Адольфа на полях Германии. Поэтому в продолжение всего XVIII века версальский кабинет всегда являлся душой интриг против России; вспомним Шуазеля.

Петр Великий не сходилась слишком близко ни с одной из иностранных держав, благодаря чему при нем русская кровь не проливалась за чужие интересы¹⁶.

18-го августа 1700 года был подписан мир с Турцией¹⁷, а на следующий день, 19-го августа, была объявлена война Швеции. Для России начинался славнейший период ее истории.

Великая Северная война

Готовясь к войне с могущественным северным соседом (количество населения Швеции тогда превышало Россию), Петр заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством. Дания чаяла возвращения областей, отторгнутых от нее Швецией по копенгагенскому и альтонскому мирным договорам. Польский же король Август II, курфюрст Саксонский, избранный по смерти Собесского в 1697 году, надеялся этой войной, предпринятой под предлогом возврата Польше Лифляндии, упрочить свою шаткую власть в Речи Посполитой.

Союз был заключен в 1699 году. В том же году польско-саксонские войска вошли в Лифляндию, открыв этим кампанию. Россия военных действий пока не начинала, занятая мирными переговорами с Турцией и устройством своей армии.

Состояние этой последней (около 60000) оставляло желать лучшего. Ненадежные элементы были, правда, удалены, но вновь сформированные полки, за исключением четырех старых, имели характер импровизированных войск. Призванные на службу даточные люди были необучены, недисциплинированы, плохо одеты и снаряжены. Большую часть высших и значительную средних командных должностей занимали, как мы уже видели, иноземцы, незнакомые с русскими условиями, обычаями, традициями, даже языком. В своем большинстве они презирали и третировали свысока своих русских сослуживцев и подчиненных, плативших им дружной ненавистью. Это взаимное недоверие верхов и низов, в связи с общим неустройством импровизированных мужицких войск, предвещало мало хорошего при столкновении со шведской армией, по справедливости считавшейся тогда лучшей в мире.

В Великой Северной Войне мы можем различить три периода. Первый — период

коалиционной войны и триумфа шведского оружия (1700–1706). Нарва и Фрауштадт знаменуют собой апогей славы суровых протестантских полков. Второй и решительный период — единоборство России со Швецией, закончившийся достопамятною полтавскою викторией (1707–1709). Третий период (1710–1721) от Полтавы до Миштадта — через Фридрихштадт, Гангут и Гренгамн — это добивание Швеции совместно с бывшими союзниками, немедленно поспешившими на помощь победителю. Прутский поход представляет собою отдельный эпизод этого третьего периода и имеет с ним тесную внутреннюю связь.

Первый период

В марте 1700 года военные действия были открыты датчанами. Датский король вторгся с войском в шведскую Голштинию¹⁸ (на которую он претендовал), оставив свои владения незащищенными. Этим немедленно воспользовался Карл XII и нанес Дании молниеносный, сокрушительный удар. С небольшой, но отборной армией он в мае внезапно высадился на о. Зеландия и угрозой сжечь беззащитный Копенгаген заставил датского короля положить оружие. Мир с Данией (в Травендале) был заключен 18-го августа — таким образом, в самый момент выступления России один из членов коалиции выбыл уже из строя.

Решив бить своих противников по очереди. Карл XII из Дании морем отбыл в Лифляндию против поляков и саксонцев, осадивших было Ригу. Однако король Август, встретив отпор гарнизона и узнав о прибытии в Пернов шведской армии, счел за благо снять осаду и ретироваться восвояси.

Оставался третий враг — московиты. Действующая русская армия — 3 дивизии, силой в 42000 человек при 145 орудиях — вторглась в сентябре в шведские пределы. План Петра заключался в овладении Ингерманландией для разъединения шведских владений — Финляндии с Эстляндией и Лифляндией. Для этого надлежало осадить и взять Нарву, которую Царь, по примеру своих предшественников, считал ключом к Ингрии. Малочисленность шведских гарнизонов, казалось, способствовала успеху операции. Армией командовал герцог де Сент Круа — французский гугенот, недавно принятый на службу и занявший место, но, увы, не заменивший покойного Гордона. Резервы в Москве устраивал князь Аникита Репнин.

Осада Нарвы затянулась, и осаждающие, вследствие плохого своего устройства, стали испытывать большие лишения, нежели осажденные. Петр I отбыл в Москву из армии наладить продовольственную часть.

Тем временем к Нарве подошел Карл XII — и 19-го ноября 1700 года русская армия потерпела здесь самое жестокое поражение за всю свою историю. Большей части ее пришлось положить оружие — остатки бежали к Новгороду, на резерв Репнина... Шведов было в пять раз меньше русских — всего 8000 человек при 37 орудиях. Сильная метель скрыла их приближение к русской позиции, но, несмотря на ее неожиданность, первая шведская атака была отражена. Внезапно вспыхнула паника в коннице Шереметева, вдруг обратившейся в бегство. Крик немцы изменили! пронесся по всему лагерю, солдаты принялись избивать иноземных офицеров, которым оставалось лишь одно спасение — сдаться шведам. Гарнизон Нарвы под начальством энергичного генерала Горна в свою очередь предпринял вылазку. При втором натиске шведов все побежало. Дивизии Трубецкого и Вейде положили оружие сразу, третья дивизия Головина — лишь после упорного сопротивления, за что сохранила знамена и ружья. По капитуляции русская армия сдала шведам всю свою артиллерию, обоз, знамена и оставляла военнопленными всех генералов. Остальные отпускались. Карл XII, не считавший этих мужиков для себя опасными, совершил ошибку — он отпустил своих будущих победителей и за нарвскую победу днем Полтавы заплатил... Наши потери — 6000 убитыми и ранеными. Шведам эта победа даром не досталась — они лишились 2000 человек четвертой части своего маленького войска. В память Нарвы, где Преображенский и Семеновский полки спасли честь русского оружия, офицерам этих полков и 1-й батарее Лейб-Гвардии 1-й артиллерийской бригады (бомбардирской роты) пожалован нагрудный знак — первый знак отличия русской

армии.

Герцог де Сент Круа поспешил вручить свою шпагу победителю, его примеру последовали почти все начальники из иностранцев. Пусть сам черт воюет с такой сволочью, — заявил он при этом.

Полвека спустя, вечером цорндорфского побоища, другой иностранец — и на этот раз великий полководец — выразился несколько иначе о русских солдатах — этих людей легче перебить, чем победить! Оба эти изречения — каждое верное для своей эпохи — нагляднее всего показывают размеры славного пути, пройденного русской армией в начале XVIII-го века и позволяют оценить по заслугам труды птенцов гнезда Петрова и самого великого преобразователя.

Считая Россию окончательно выбывшей из строя, Карл XII обратил все свои усилия против Августа II. Война стала вестись на двух отдельных театрах: польском (главные силы шведов с королем) и прибалтийском (заслон).

Оставив на этом последнем театре корпус Шлиппенбаха (8000) в Лифляндии и отряд Кронгиорта¹⁹ (6000) в Ингрии. Карл считал эти силы достаточными для удержания русских мужиков, пусть даже и превосходящих их числом во много раз. По низложении Августа II с польского престола и после разгрома Саксонии (на что шведский король полагал одну-две кампании) можно было бы добить московитов, если Шлиппенбах почему либо не управился бы с ними до тех пор.

* * *

Ужас и смятение охватило Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в швейской неволе — лишилась и всего своего снаряда. Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван, в продолжении войны отчаивались...

По глухим просекам дремучих ингерманландских и новгородских лесов шли, погибая от голода и стужи, толпами и поодиночке, остатки разоруженного шведами сермяжного воинства — первой регулярной русской армии... Тысячи их погибли в ту памятную зиму — из уцелевших же вышли полтавские победители.

Среди общего уныния не терялся один Царь, думавший только о скорейшем поправлении расстроенных дел. В течение зимы 1700–1701 годов реорганизована вся армия, вновь сформировано 10 драгунских полков, а из церковных и монастырских колоколов отлито 270 орудий — вдвое больше, чем потеряно под Нарвой.

К весне 1701 года главные силы русской армии (35000) сосредоточились у Пскова под начальством Шереметева. Репнин с 20000 был послан для оказания помощи Августу II, — но после поражения саксонцев под Люцаухсгольме вернулся назад.

Решено было двинуться в шведские пределы, но далеко не зарываться. В бой вступить лишь при наличии подавляющего численного превосходства и, действуя осторожно и осмотрительно, постепенно приучать войска к полевой войне, закалявая их переходом от более легких к более трудным задачам. Двести с лишним лет спустя, в 1917 году, тем же путем (наступления с ограниченной целью) воссоздал мораль и боеспособность своей армии французский Шереметев генерал Петэн.

1701 год весь прошел в незначительных стычках, но в конце его — 29-го декабря — Шереметев одержал первую крупную победу над шведами при Эрестфере (взято до 2000 пленных), что имело громадное влияние на дух русских войск. Трофеями в эту первую победу было 16 знамен и 8 пушек. Шведов перебито до 3000, наш урон — 1000 человек.

В 1702 году Петр Великий решил воспользоваться разобщенностью шведских сил и разбить их порознь. Шереметев в Ливонии должен был действовать против западного корпуса шведов — Шлиппенбаха, Петр же с главными силами шел на север в Ингрию — против Кронгиорта. Главным оперативным направлением вместо западного — нарвского, стало северное: линия Невы.

Получив известие о движении шведского флота в Белое море и угрозе Архангельску, Петр поспешил туда. Шведы, были отражены, и в устье Северной Двины над ними одержана первая морская победа (захвачен фрегат)²⁰. В августе 1702 года русская армия тронулась в

обратный путь с Белого моря на Ладогу по непроходимым скалам и лесам (причем солдаты на руках несли два небольших корабля — зародыш нашего будущего Балтийского флота).

Прибыв на Ладожское озеро, Петр, несмотря на начало осени, положил овладеть Ингрией и в первую очередь — линией Невы. Находившиеся здесь крепости — Нотебург (у Ладожского озера) и Ниеншанц (у Финского залива) — были гораздо слабее Нарвы, защищались небольшими гарнизонами, и утвердиться на взморье в устьях Невы было гораздо легче, чем в устьях Нарвы. Кроме того, вклиниваясь здесь в шведскую территорию, Петр разобщал Швецию и Финляндию с Ливонией.

После трехнедельной осады Петр овладел Нотебургом, переименованным в Шлиссельбург (Ключ-город), вслед за тем сдался Ниеншанц. Нотебург защищало всего 450 шведов под командой полковника Шлиппенбаха. Петр подступил к нему с 14-ю полками (28000 человек с 43 осадными орудиями). 26-го сентября крепость обложена, а 14-го октября взята штурмом. Штурмовавший отряд князя Голицына (2500 человек) был сперва отражен, понеся жестокий урон. Царь приказал тогда Голицыну отступить.

Скажи Государю, — ответил посланному Меньшикову Голицын, — Что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле. Ребята, за мной!

Эскапада удалась, несмотря на жестокий огонь. Наш урон — до 1500 человек (538 убитыми, 925 ранеными) — в 3 с половиной раза больше, чем было гарнизона. Шведы выпущены из крепости с воинскими почестями и, в воздаяние храбрости, с пулями во рту. (Их уцелело едва 150 человек.) Ниеншанц защищало 600 человек (полковник Апполон) с 28 орудиями.

Тем временем в Ливонии Шереметев 18-го июля наголову разбил Шлиппенбаха при Гумельсгофе, совершенно уничтожив его корпус. При Гумельсгофе наши силы были в подавляющем превосходстве, 30000 против 7000 шведов²¹. Бой велся с крайним ожесточением: 5500 шведов перебито, всего 300 взято в плен с 16 знаменами и 14 орудиями. Наш урон 400 убитых и 800 раненых.

В 1703 году на месте Ниеншанца был заложен Санкт-Петербург. Заветная мечта Царя осуществилась. Россия твердою ногою стала на берегах Балтийского моря! Весь этот год продолжалась мелкая война в Ливонии и Эстляндии, и окончательно завоевана Ингрия. Были взяты Копорье и древний Ям (на месте коего заложен Ямбург). Всюду оставлены крепкие гарнизоны. Утвердившись на Неве, Петр обратился на свой западный Фронт — и весной 1704 года двинулся в Эстляндию. Штурмом взяты Дерпт и Нарва. У Шереметева под Дерптом было 23000 человек при 46 осадных орудиях. Крепость защищало 5000 шведов со 133 орудиями. Осада начата 10-го июня, штурм произведен в присутствии Царя в ночь на 12-го июля. Нарву защищал тот же комендант, что и в 1700 году — генерал Горн, имевший 4800 человек при 432 орудиях (считая с запасными). Штурм, при личном участии Петра, имел место 9-го августа (осада началась 27-го июня) и отличался жестокостью из всего гарнизона осталось в живых 1848 человек. Петр I прекратил начавшийся было грабеж, собственноручно заколов одного солдата-грабителя. В то же время в Польшу, на помощь Августу II, двинут корпус князя Голицына (12000).

Таким образом, четырьмя кампаниями 1701–1704 годов шведские войска, оставленные против русских, были истреблены, большая часть Прибалтики завоевана и русская армия силою до 60000 — приучена к действиям в открытом поле.

* * *

Дела в Польше приняли тем временем дурной для наших союзников оборот. Карл XII, вторгнувшись в 1702 году в Польшу, овладел Варшавой и в ряде боев разбил польско-саксонские войска. Кампании 1702, 1703 и 1704 годов в общем походили одна на другую: Карл XII выступал в поход из варшавского района, Август II, пользуясь уходом шведов, занимал свою столицу. Шведский король возвращался тогда и гнал Августа по всей Польше... Военное счастье неизменно сопутствовало шведскому оружию, причину чему надлежит искать в превосходных качествах и организации шведской армии. Блестящие победы над сильнейшим врагом создали юному королю ореол непобедимости — как в глазах

собственных войск, так и в глазах врагов, дух которых начал заметно падать. Саксонцы никогда не отличались особенным искусством в ратном деле, о поляках вообще нечего говорить: постоянной армии у них в этот упадочный период почти не существовало — ополчение же (т. н. посполитое руженье) было качеством ниже нашей нарвской армии. Войну эту вели, собственно говоря, шведы с саксонцами на территории польского государства, польские контингенты были и у тех, и у других (сторонники Августа, сторонники шведов, партии Ле-Щинского). В 1704 году по настоянию Карла XII сейм низложил Августа и провозгласил королем главу шведской партии — Лещинского. Август обратился за помощью к Царю.

Шведский король не умел пользоваться плодами своих побед. Он гулял по Польше со своей небольшой, но превосходной армией, одерживал победы, но нисколько не заботился об упрочении своих завоеваний и организации завоеванных областей (это, впрочем, было трудно, принимая во внимание анархизм поляков). Стоило ему лишь удалиться из какой-нибудь местности, как ее немедленно занимал противник. Все завоевания Карла XII были поэтому бесплодны.

Овладев балтийскими провинциями и став твердой ногой в устьях Невы, Петр I решил перенести войну в Польшу. Весной 1705 года русская армия двинулась в Курляндию и к лету вытеснила оттуда шведские войска Левенгаупта. Верный своему всегдашнему обыкновению. Царь оставил на завоеванной территории сильные гарнизоны.

Приведя в сентябре армию в окрестности Гродны, Петр сдал начальствование над ней Августу II, а сам уехал в Москву. Армия расположилась в Гродне на зимние квартиры.

В декабре 1705 года Карл XII, стоявший в лагере у Блоне, внезапно вывел большую часть своей армии из зимних квартир и быстрыми маршами двинулся с Варты на Неман — под Гродну. С ним было 20000 отборного войска, и он надеялся принудить русских (25000, почти исключительно пехоты и 10000 союзников саксонцев и поляков, главным образом конницы) выйти из гродненского лагеря и принять бой в открытом поле, где их участь была бы решена. 14-го января 1706 года шведы установили блокаду Гродны.

Положение русской армии сделалось критическим, особенно после того как Август II оставил ее на произвол судьбы, выступил из гродненского лагеря с саксонцами и кавалерией. Король Август увел с собой не только своих саксонцев, но и 4 русских драгунских полка. В составе русских сил у Гродны осталось 45 слабых пехотных батальонов и 2 драгунских полка.

Русские стали терпеть жестокие лишения, не будучи в состоянии, за отсутствием конницы, производить фуражировок. В лагере быстро развились цинга, тиф и всевозможные поварные болезни, от которых к концу зимы погибло 8000 человек — примерно третья часть всего войска. Принявший начальство над армией фельдмаршал Огильви ни в коем случае не хотел рисковать битвой — благоприятный для шведов исход ее был ясен, да и инструкции Петра категорически запрещали ввязываться в бой. Огильви был принят на русскую службу

из саксонской в 1704 году. Хороший администратор, он наладил хозяйственную и строевую часть и известен составлением первых штатов (табели) русской армии.

Узнав о таком бедственном положении своей армии, Петр употребил все меры для ее спасения. Он сосредоточил 12000 в Минске и приказал Мазепе с казаками (25000) соединиться с ними для совместных действий по деблокаде Гродны. Когда же вовсе была потеряна надежда на помощь Августа II, Царь приказал Репнину (фактически командовавшему армией за Огильви) держаться в Гродне до вскрытия рек, а затем, пользуясь прочно устроенным мостом через Неман и довольно значительным удалением шведских линий, перейти скрытно на левый берег Немана и отступить на Брест, или между Брестом и Пинском, с целью как можно скорее прикрыться болотами Полесья, а затем отступить к Киеву. В то же время Царь стал готовиться к войне со шведами на собственной территории — он укрепил Смоленск, а для защиты от банд Лещинского провел от Пскова через Смоленск на Брянск укрепленную линию (в лесах — засеки 150–300 шагов шириною, на

полянах — валы, на больших дорогах — укрепления, их охраняющие).

30-го марта Огильви и Репнин вывели русскую армию из Гродны, уничтожили за собой мост и быстрыми переходами достигли Бреста, а после — Днепра. Не найдя моста, Карл XII смог переправиться через Неман лишь 3-го апреля, нагнать же русских ему уже не удалось.

Это отступление русских войск от Гродны является высоким образцом военного искусства. В то время оно вызвало восхищение иностранцев — ив первую очередь самих шведов. Быстрота и скрытность маршей этой армии, ослабленной 75-дневным сидением и насчитывавшей в своих рядах добрую половину больных, сохранение ею своей артиллерии и обозов — все это явилось показателем ее высокой боеспособности и воинского духа. Армия Сент Круа — нарвская армия 1700 года никогда не была бы способна на такое отступление.

8-го июня главная русская армия (Петр I и Огильви) сосредоточилась у Киева. Она насчитывала 35000 пехоты и 21000 драгун. Кроме того, на Двине у Полоцка имелось 5000 пехоты и 3000 сабель²², прикрывавших Псков и Смоленск, а в завоеванных балтийских провинциях расположено гарнизонами 22000 пехоты и 4000 драгун. Всего в распоряжении Петра имелось свыше 90000, из коих около двух третей готовились встретить шведов под киевскими стенами.

Однако шведский король, дав своим войскам отдохнуть на Волыни, двинулся оттуда не на восток — в Россию, а на запад — в Саксонию, осознав наконец (на шестом году войны) важность занятия этой страны — единственного источника Августа II к ведению войны.

* * *

Выступив зимой к Гродне с главными силами своей армии, Карл XII оставил в лагере у Блоне 12-тысячный корпус генерала Рейншильда. Командовавший русско-саксонской армией генерал Шуленбург решил воспользоваться уходом главных сил противника и атаковать шведов на их квартирах. Однако Рейншильд сам двинулся навстречу Шуленбургу и, несмотря на двойное превосходство сил русско-саксонской армии, совершенно истребил его в сражении под Фрауштадтом. При Фрауштадте 13-го ноября 1706 года 12000 шведов сражались с 20000 союзников. Эти последние лишились 6000 убитыми и ранеными и 8000 пленными (в том числе начальник русской дивизии генерал Востромирский), 68 знамен и 75 орудий. Урон победителей — 1400 человек — в 10 раз меньше побежденных.

Фрауштадтский погром явился для Саксонии тем же, что Нарва для России. Однако Август не был Петром — и саксонцы не были русскими! Никто не подумал переливать колоколов в пушки и выставять новую армию. Август II бежал в Краков, бросив свою страну — как незадолго перед этим бежал из Гродны, покинув вверенную ему Петром русскую армию.

Карл XII, выступив из Волыни, прошел всю Польшу и, соединившись с Рейншильдом, покорил без труда в течение августа месяца всю Саксонию.

Остатки саксонских войск бежали на Рейн... Шведский король расположил свою сильно утомленную армию на Эльбе, у Альтранштадта, оставив у Калиша корпус Марденфельда (7000 шведов и 20000 поляков партии Лещинского) — наблюдать за остатками войск Августа (15000 саксонцев, русских и поляков, достаточно деморализованных, чтоб считаться сколько-нибудь серьезным противником).

Курфюрст саксонский, король польский окончательно пал духом. Открыв переговоры о заключении мира (тайком от русских), Август должен был принять все условия Карла XII, отказаться от союза с Россией и от польской короны в пользу Лещинского. Мир был подписан в Альтранштадте в палатке победителя 24-го сентября²⁴ — и Август тщательно скрыл его от своего союзника — русского Царя.

Следом за шведской армией из Киева, через Волынь и Малопольшу шла конная армия Меншикова²⁵ в составе 40000 пик и сабель (20000 драгун — вся конница Киевской русской армии — и 20000 малороссийских казаков).

Подойдя к Калишу, Меншиков решил атаковать своими драгунами корпус Марденфельда и потребовал участия в бою войск Августа II, который волей-неволей поставлен был в необходимость принять участие, правда, совершенно пассивное, в

сражении.

Честь победы при Калише 18-го октября 1706 года принадлежит исключительно русским. Марденфельд со шведами сдался, его польские союзники были рассеяны... Других войск у короля Лещинского не было, и калишское сражение, — Фрауштадт с переменившимися ролями, — отдавало снова всю Польшу в руки союзников. Калишский бой знаменит тем, что в нем с русской стороны не действовало ни одного пехотинца. Это чисто кавалерийская драгунская победа. У Меншикова было 17000 драгун, у противника 27000 человек, из коих 1000 убито, 4000, во главе с Марденфельдом, взято в плен, остальные рассеяны. Наш урон — 400 человек, в 13 раз меньше.

Счастье улыбалось Августу, но саксонский курфюрст боялся им воспользоваться. Страшась гнева шведского короля, он отправился в Саксонию уговорить Карла XII не расторгать договора, а Меншикова отослал на зимние квартиры в глубь Галиции. Мир Саксонии со Швецией был объявлен 1-го ноября.

Отныне у шведского короля оставался один лишь противник — и вся тяжесть борьбы обрушилась на одну Россию.

Второй период войны

Сознавая те бедствия, которые придется испытать России от неизбежного теперь нашествия, Петр Великий пытался предложить Карлу XII мир, оговаривая для себя лишь сохранение Петербурга — окна в Европу и соглашаясь отдать все остальные свои завоевания. Однако Карл, считая это следствием боязни, предъявил самые унижительные условия, на которые русский Царь, конечно, не мог согласиться.

России оставалось изготавиться к тяжелому единоборству. Петр приказал усилить оборону Киева, Смоленска, Пскова и Новгорода, укрепить Великие Луки. На случай же самого несчастного оборота войны укреплялись Кремль и Китай-город. Устроено предмостное укрепление в Копысе на Днепре и исправлена линия засек Псков — Смоленск — Брянск.

В армию прибыли рекруты набора 1705 года (первого за войну), пополнившие ее ряды. Войска отдохнули под Киевом от гродненского сидения и утомительного отхода. В главных силах с лета 1706 года стало считаться 60000 человек. По словам англичанина Витворта, видевшего армию в 1707 году, она состояла из здоровых, статных, хорошо обученных молодцов и очень изменилась со времени кампании в Польше. Материальная часть и конский состав, правда, оставляли, по его словам, желать лучшего (оружие плохо, а лошади и того хуже). Любопытно, что все иностранцы, видевшие русскую армию в первой половине XVIII века, весьма критически относятся к нашей коннице. Малорослая порода русских лошадей не выигрывала, конечно, при сравнении с рослым конским составом европейских армий. Австриец Парадиз²⁶, наблюдавший русскую армию 30 лет спустя после Витворта — в эпоху Миниха — пишет, что кавалерию за драгунов и почитать нельзя, лошади до того плохи, что ему часто случалось видеть, как драгуны, сходя с коней, валили их на землю. Это последнее утверждение надо отнести за счет развесистой клюквы, тем не менее доля правды во всех этих суждениях, конечно, есть. Императрица Анна Иоанновна в одном из своих указов констатирует, что до сего времени при нашей кавалерии употребляемые лошади по природе своей к стрельбе и порядочному строю весьма не способны... Как бы то ни было, при всех этих недостатках русская конница имела победы, каких никогда не имела и не будет иметь конница других стран. Имена Калиша, Лесной, Полтавы, Переволочны²⁷, Пасс Круга, Палцига и Кунерсдорфа тому доказательство.

На военном совете в Жолкиеве²⁸ (квартиры Меншикова) был выработан план действий, вполне согласный с обстановкой. Во исполнение его главные силы нашей армии весной 1707 года перешли из киевского района в район Вильна — Минск, причем непроходимое Полесье огибалось маршами к Висле, а оттуда к Неману (движение совершалось по неприятельской стране, но Карл XII был далеко, а Лещинский бессилен). Оборона Киева поручалась Мазепе с казаками.

Таким образом, на севере Полесья Петр решил вести упорную активную оборону

границ, а на юге пассивную, возлагая эту последнюю задачу на малороссийскую милицию, особенно пригодную для защиты своего родного очага.

Весь 1707 год прошел в усиленных приготовлениях к войне обеих сторон. Окончив приготовления. Карл выступил в поход на Россию. Глубокой осенью двинулся он из Познани в Литву. С ним было 35000 человек (из общего числа 116000, которыми он мог бы располагать). Из 116000 шведов 35000 было при короле, остальные были разбросаны по всему северо-востоку Европы — 16000 Левенгаупта в Лифляндии, 15000 Либекера²⁹ в Финляндии, 8000 генерала Крассова оставили в Польше поддерживать шаткий трон Лещинского, а 42000 стояли гарнизонами в Прибалтике, шведских владениях в Германии (Померания и Голштиния³⁰) и самой Швеции. 29-го декабря он перешел по льду Вислу и двинулся в Мазовию по кратчайшей дороге — дремучими лесами, встречая всевозможные препятствия со стороны враждебного населения. Его авантюристической натуре всегда хотелось идти по линии наибольшего сопротивления.

* * *

В феврале 1708 года шведский король расположил свое изнуренное войско на квартиры у Сморгани. Петр I сосредоточил всю армию в Чашниках: отсюда он мог предупредить неприятеля либо в днепровском тет-де-поне, Копысе (если бы Карл продолжал свое движение на восток — к Березине и Днепру), либо в Полоцке (если бы он пошел на север к Двине и дальше в Прибалтику). Авангард Меньшикова (драгуны) стал в Минске, опустошив всю округу.

Свой поход в Россию Карл XII мог начать двояким образом: 1) отнять у Русских их завоевания в Прибалтике и, соединившись с оставленным там корпусом Левенгаупта, направиться в глубь России, 2) действовать прямо против русской армии. Первый план отвечал в своем начале идее стратегической обороны, а оборону шведский король решительно отвергал в продолжение всей своей военной карьеры. Поэтому он избрал второй план — двинуться прямо на Русских.

Для этого единственный удобный путь был от Минска на Смоленск и Москву коридор между Двиной и Днепром — классический путь нашествий на Россию с Запада. Несомненно, этот путь и был бы избран Карлом, если бы не измена Мазепы, обязавшегося по договору дать шведам зимние квартиры в Северной области (нынешняя Черниговская губерния), довольствоваться их в течение всего похода и присоединиться к ним со всеми казаками, как малороссийскими, так и донскими.

Поэтому Карл XII решил начать завоевание России с Украины. Кратчайший путь туда, в частности в обетованную землю — Северскую область — вел левым берегом Днепра.

С русской стороны на 1708 год было положено отступать в глубь страны, окружить шведскую армию летучими отрядами, тревожить и задерживать ее при всякой к тому возможности. Жителям — уходить в леса и болота, зарыв все, что не могло быть взято с собой. В Псковской и Новгородской областях всему мужскому населению было роздано оружие. Полагали, что шведы двинутся на Двину и в Лифляндию на соединение с войсками Левенгаупта.

Армия стянулась к Бещенковичам

7-го июня 1708 года Карл XII открыл поход сосредоточением своей армии в районе Минска. Затем он переправился через Березину и двинулся к Днепру, отдав распоряжение лифляндскому корпусу Левенгаупта идти к нему на соединение в район Могилева, а финляндскому Либекера — двинуться на Новгород и Псков, срыв по дороге ненавистный Санкт-Петербург.

Стремясь не допустить шведов к Днепру, русские генералы сосредоточили до 30000 под Головчиным, но в происшедшем здесь 3-го июля сражении потерпели совершенную неудачу и отступили на Оршу и Мстиславль с целью преградить неприятелю дорогу на Москву. Головчинская позиция была выбрана так неудачно, что артиллерия за дальностью расстояния не могла помочь пехоте. Бой происходил в густых зарослях, стеснявших маневрирование и делавших невозможным управление войсками, пришедшими после боя в

совершенное расстройство, несмотря на незначительные сравнительно потери. Бой мог бы иметь для нас очень скверные последствия, но шведы не преследовали по тем же причинам. Наши потери около 1100 убитыми и ранеными, 600 пленными, до 12 орудий, шведов (бывших в слегка превосходных силах) — около 1500 убитыми и ранеными. Петр был очень раздосадован опрометчивостью генералов, давших этот бой и рисковавших разгромом армии. Репнин разжалован в рядовые и ему приказано возместить из личных средств стоимость потерянных пушек и обозов. Царь остался также недоволен и войсками: Многие полки в том деле в конфузию пришли, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатским и казацким боем... Но Карл XII вместо того, чтобы настойчиво преследовать противника, повернул к Могилеву, овладел им и оставался там весь июль, давая отдых войскам и тщетно поджидая Левенгаупта. Оттуда

он выступил в первых числах августа к Чирикову, но затем, неожиданно для русских, шведская армия вдруг повернула на север, заняла Старицу и снова здесь остановилась. Карл все ждал Левенгаупта. Наконец, отчаявшись в его скором прибытии, не имея от него вестей и полагая его еще далеко в Лифляндии, король в половине сентября повернул на Украину и пошел к Стародубу.

А Левенгаупт тем временем подходил уже к Днепру. Потерпи Карл еще немного и прибавь к двум месяцам бесплодного ожидания еще неделю — и обе шведские армии соединились бы. История не знала бы тогда сражения у Лесной, а может быть и полтавской победы... Но в эту кампанию все начинало складываться фатально для шведов. Все гонцы Левенгаупта к Карлу были перехвачены русской конницей.

* * *

Движение шведской армии от Старицы к Стародубу (80 верст) через болота и непроходимую лесную чащу сопровождалось такими трудностями, что не доходя Стародуба Карл XII остановился и 15 дней собирал и приводил в порядок растянувшиеся войска.

Отлично осведомленный о движении шведов — ив частности, Левенгаупта — Петр I, как только узнал о предположенном их движении на Стародуб, немедленно распорядился об уничтожении всех запасов, накопленных Мазепой в Северной области, и о порче и без того скверных дорог.

Шведская армия получила нежелательный авангард в виде летучего корпуса Инфланда (4000 драгун), предшествовавшего ей и выполнявшего все разрушения. В то же время Шереметев с главными силами (40000) шел параллельно шведам, заслоняя от них центрально-русские области, а Баур. с 5000 драгун преследовал их с тыла.

Еще во время стоянки Карла в Старице, 30-го августа Петр имел возможность (искусно воспользовавшись утренним туманом) разбить у Доброго 6-тысячный отряд генерала Рооса. Эта первая удача подняла дух войск, а через месяц после нее была одержана наконец крупная победа.

Поручив Шереметеву, Бауру и Инфланду заматывать армию шведского короля у Стародуба, Петр с легким отрядом в 12000 человек (из коих 7000 драгун) пошел навстречу Левенгаупту и 28-го сентября наголову разбил его 15-тысячный корпус в кровопролитном сражении при Лесной. Бой длился 10 часов с перерывом. Наш урон до 4000 человек — треть всего состава (1111 убитыми, 2856 ранеными). Упорно дравшиеся шведы лишились 8000 убитыми и ранеными, 1000 пленными, 44 знамени, 17 орудий и всего обоза с припасами для армии Карла XII. Князь Репнин заслужил здесь прощение, а Петр называл впоследствии Лесную — мать Полтавской победы.

Значение этого дела было громадно, и прежде всего в моральном отношении. Это была первая наша победа над шведами в превосходных силах. Материальные ее последствия были тоже очень важны, она лишала шведов столь нетерпеливо ими ожидавшихся боевых и жизненных припасов — в частности, пороху. И под Полтавой шведская артиллерия будет молчать...

На Украине шведского короля ждали все новые разочарования. Мазепа — по

настоящему которого был, собственно говоря, предпринят этот злополучный поход привел с собой всего 3—4 тысячи разного сброда. Малороссийские казаки, не говоря уж о донских, остались верны России. Заготавливаемые запасы были уничтожены русскими драгунами, жители бежали, вместо обетованной земли шведы попадали в пустыню.

Соединившись с остатками войск Левенгаупта и перейдя Десну и Сейм (у Батурина), Карл XII расположил свою армию у Гадяча, Ромен и Лохвицы (на севере нынешней Полтавской губернии). Русская армия, следуя в общем параллельно шведам, шла на Глухов и Путивль и стала на зимние квартиры одновременно со шведами в половине ноября, у Лебедина. Оттуда были высланы отряды к Веприку, Миргороду, Полтаве и Нежину. Такое охватывающее положение давало возможность постоянно тревожить шведов внезапными набегами всю зиму.

Чтоб выйти из своего затруднительного положения, шведский король решил овладеть Белгородом, важнейшим узлом дорог южной России (Муравский шлях). Однако оба его поиска в этом направлении потерпели неудачу. В первый раз, в декабре — геройское сопротивление импровизированной крепостцы Веприк (в конце концов взятой) нарушило все расчеты шведов и сорвало их маневр. Во второй раз, в конце января — тому воспрепятствовали внезапная оттепель, украинский чернозем, в котором увязли артиллерия, обоз и неутомимые, всюду поспевавшие и везде побеждавшие Петровские драгуны.

Зима 1708 на 1709 год была лютой, и шведской армии, терпевшей крайнюю нужду во всем и расположившейся частью — за недостатком квартир — биваком в степи — пришлось испытывать то же, что испытывала за три года до того русская армия в Гродно. Мало-помалу, постоянными налетами, к концу зимы русским удалось вытеснить шведов из их первоначального квартирного расположения и заставить их стать между реками Пселом и Ворсклой.

* * *

К весне 1709 года положение шведов сделалось критическим. Армия их уменьшилась, боевые припасы иссякли, надежды на восстание в Малороссии не удались. Турция все не решалась объявить войну России, Лещинский не был в состоянии оказать помощи... Находясь в крайнем положении, Карл XII решил осадить Полтаву, послушавшись совета Мазепы (бывшим положительно его злым гением), утверждавшего, что в Полтаве шведы найдут продовольствие и большие запасы снаряжения. Король надеялся этим заставить Петра I поспешить на выручку гарнизона и принять битву. Спасти шведов и вывести их из малороссийской западни могла лишь победа. Пути к отступлению были отрезаны, мостов на Днепре не было.

25-го апреля Карл осадил Полтаву. Гарнизон под начальством храброго полковника Келина (менее 7000 человек, из коих треть вооруженных мещан) мужественно встретил сильнейшего в пять раз противника (у Карла было еще 33000, не считая казаков Мазепы). Два месяца длилась геройская оборона. Все штурмы были отбиты, Карл XII лишился примерно пятой части своей армии, израсходовал все боевые припасы и утомил окопными работами свои и без того истощенные войска. Гарнизонам (7700 человек, из коих 2600 мещан) отбито три штурма, из коих последний стоил шведам 1676 человек. Шведская армия надорвала здесь свои силы. Конница Меньшикова с половины мая производила диверсии в виду крепости (под Сенджарами отбито свыше 1000 русских пленных гарнизона Веприка и взято 8 знамен и 2 орудия). 15-го мая гарнизон мог получить подкрепление 900 человек и переговариваться с драгунами путем записок, вкладывавшихся в незаряженные бомбы. Осада длилась с 25-го апреля по 27-е июня — 63 дня. Урон гарнизона за это время — 1186 убитыми и 1720 ранеными, без малого 3000 — две пятых всего состава. Вступив в Полтаву, Петр I снял шляпу перед Келиным.

Силы осажденных все же слабели и Царь двинулся на их выручку. 20-го июня русская армия расположилась в 8 верстах от Полтавы и сражение стало неизбежным. Готовясь к нему, Петр собрал все имевшиеся у него под рукой силы и довел свою армию до 42000 человек. В то же время Карл, казалось, делал все, чтобы еще больше ослабить свою армию.

21-го июня, уже зная, что на днях предстоит решительное сражение, он предпринял последний штурм Полтавы, понеся еще раз тяжкие потери и расстреляв последние артиллерийские снаряды. У него осталось для битвы 28 000 бойцов и всего 4 стрелявших орудия.

27-го июня до рассвета шведы атаковали русскую армию, а в полдень расстроенные их толпы искали спасения в бегстве. Передовая русская линия состояла из 6 редутов, занятых 2-мя батальонами. За редутами стояла конница (17 полков), а за нею в укрепленном лагере пехота и артиллерия (56 батальонов, 72 орудия). На рассвете 27-го июня шведы устремились на редуты, но после упорного боя могли взять только два. Шведская конница Рейншильд-да после 2-часового боя была опрокинута нашей с потерей 14 штандартов. Карл XII приказал пехоте Левенгаупта не задерживаться у редутов, а помочь своей коннице. Пройдя сквозь линию редутов, шведы расстроились (на что и рассчитывал Петр, устраивая эти редуты). Подступив к укрепленному русскому лагерю на 30 саженей, они были отражены картечью и отошли в беспорядке, причем правая их колонна генерала Рооса, атакованная драгунами Меньшикова, бежала к самой Полтаве, где в шанцах и положила оружие. Полтава с этой минуты была уже деблокирована. Сражение прекратилось на короткое время и Петр, ожидая вторичной атаки шведов, вывел часть войск из лагеря, намереваясь охватить шведов с обоих флангов (Канны). Не дождавшись атаки, Царь сам пошел навстречу врагу с 42 батальонами в 2 линии и 17 драгунскими полками на флангах. У шведов осталось всего 18 батальонов в 1 линию, 14 кавалерийских полков и 4 орудия (прочая артиллерия по недостатку в порохе оставлена в полтавских шанцах). Столкновение продолжалось всего полчаса, и в 11 часов все было кончено. Наш урон — 4635 человек, 11 процентов всей армии (1346 убитыми, 3289 ранеными), шведов перебито 9234 и в плен взято 18 746 при 137 знаменах и штандартах, 32 орудиях с фельдмаршалами Рейншильдом и Левенгауптом (в самом сражении взято свыше 3000 пленных, остальные сдались у Переволочны). Полтавская битва, классический пример активной обороны — излюбленного способа действия Петра. Петр предполагал Дать наступательный бой, но ему пришлось принять оборонительный. Заслуживает внимания отличная фортификационная подготовка поля сражения (редкая для эпохи) и осмотрительность всех действий Петра. Половина шведской армии была перебита либо взята в плен. Другая половина, настигнутая драгунами Меньшикова, положила оружие на следующий день у Переволочны. С несколькими всадниками шведский король бежал в Турцию...

Так закончился второй период Великой Северной войны, период решительного единоборства Швеции с Россией, Карла XII с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружинниками Александра на берегах Невы. И целых два столетия с тех пор нога нашего западного врага, германского завоевателя, не оскверняла русской земли...

Все славяне, где только ни сходились с немецким племенем, покорялись ему, — пишет немецкий историк Коль. — Германский дуб гордо распускался на их развалинах, и они мирно почтили под его тенью. Был один день — и навсегда решилась бы судьба славянского племени, но этот день решил противное — это день Полтавской битвы. Петр Великий со своими Русскими за всех славян одержал эту вечно славную победу...

Эта победа является первым днем великодержавности России, и весь великий XVIII век, век национальных устремлений — Россия праздновала день 27-го июня.

Третий период Северной войны

Шведский король бежал в Турцию, его армия перестала существовать... Естественно, что у России при этих обстоятельствах сейчас же опять нашлись друзья и союзники.

Август II, едва лишь получив известие о полтавской победе, поспешил объявить продиктованный ему алыт-ранштадтский договор недействительным и двинулся в Польшу — возвращать себе корону. Станислав Лещинский бежал. Датский король, в свою очередь, не замедлил воспользоваться успехами русского оружия, и в конце октября 1709 года высадил свои войска в Шонии³² (однако был разбит в феврале 1710 года шведским полководцем

генералом Стенбоком). В конце февраля воюющие державы заключили в Гааге конвенцию, согласно которой шведские и датские войска в северной Германии обязывались не участвовать в военных действиях.

Тем временем Царь Петр, разделавшись со шведской армией, решил из-под Полтавы идти в Прибалтику — закончить завоевание балтийского побережья. Его превосходная армия прибыла из Малороссии в Лифляндию еще до наступления распутицы, и в ноябре Репнин осадил Ригу. У Репнина было до 32000. Шведы (генерал Стромберг) защищались до последней возможности (с 9-го ноября 1709 по 4-е июля 1710, 237 дней). Из 11000 гарнизона сдалось 5000 с 564 орудиями. Чума произвела большие опустошения среди осажденных и осаждающих — от нее в три месяца умерло 9800 русских, почти треть всей осадной армии.

В 1710 году окончательно покорена Лифляндия. Пали последние оплоты шведов — Рига, Пернов, Динамюнде (Усть-Двинск). В Финляндии — взятием Выборга на Финском заливе и Кексгольма на Ладожском озере — создан плацдарм, надежно прикрывший Петербург. В Выборге взято 4000 пленных. Кампания 1710 года носила характер крепостной войны, и кавалерия, которой в осадных работах нечего было делать, собралась под начальством своего гроссмейстера Меншикова в Польше для возведения паки на престол Августа II и наблюдения за шведами в Померании (в случае несоблюдения ими гаагской конвенции Меншиков должен был их атаковать).

Однако дальнейшие успехи русского оружия временно были приостановлены. Происки Карла XII в Турции увенчались успехом, и Порта в ноябре 1710 года объявила войну России.

Прутский поход

Зимой с 1710 на 1711 год неутомимые русские полки выступили с Невы на Днестр. Петр заручился союзом господарей Молдавии — Кантемира и Валахии Бранкована и содействием Польши. Кантемир обязался выставить 10000, Бранкован 50000 (из коих 20000 сербов), Август двинул в северную Молдавию 30000 человек, на усиление коих отправлен русский корпус Долгорукого (12000). Всего у Петра было до 50000. Со 100000, обещанных союзниками вспомогательных войск, это должно было составить внушительную силу — более чем достаточную для удержания за нами победы — по словам самого Государя. Кроме этой главной армии было образовано еще две: одна — графа Апраксина в составе 20000 регулярных войск, 40000 казаков, 20000 калмыков — должна была идти Муравским шляхом на Крым, Другая — князя Голицына (15000 регулярных войск, 30000 казаков) от Чигирина двигалась на Очаков. Таким образом для войны с Турцией — турецкой акции Россия выставляла до 90000 регулярных войск, 80000 казаков и 20000 калмыков с силами, обещанными союзниками, это должно было составить до трехсот тысяч войска.

В конце мая 1711 года русская армия подошла к Днестру. Авангард Шереметева дошел до Прута, где соединился с Кантемиром. Здесь русские узнали, что в Молдавии никаких запасов нет, а набор молдаванской армии производится туго: в 17-ти полках, организованных на русский образец, не было более 7000 человек. Обозы с продовольствием для армии, шедшие из Киева, были перехвачены в Подолии татарами. Положение становилось серьезным.

Перейдя Днестр у Сорок, Петр 20-го июня созвал военный совет, на котором было решено двинуться вперед. Только генерал Галард заметил, что русская армия находится в том же положении, в котором был Карл XII, вступая в Малороссию.

Испытывая большие затруднения от недостатка припасов, преодолевая сильный зной, русская армия вступила в Бессарабию. Надеясь на союзников, поляков и валахов, Петр смело шел вперед. Однако польская армия и корпус Долгорукого, дойдя до молдавской границы, остановились в Буковине и заняли выжидательную позицию — Бранкован же просто передался туркам.

Тем временем великий визирь Балтаджи-паша приблизился к Дунаю с 300000 войска при 500 орудиях. Переоценивая силы русского Царя, он остановился в нерешительности у Исаки. Султан, опасаясь общего восстания христиан, предложил Петру мир при посредничестве патриарха Иерусалимского и Бранкована. Турция предлагала России³³ все

земли до Дуная: Новороссию с Очаковым, Бессарабию, Молдавию и Валахию... Петр I ответил отказом, совершив этим крупнейшую ошибку своего царствования.

* * *

Заняв Яссы, Петр двинулся правым берегом Прута к Дунаю, отрядив вперед летучий авангард генерала Ренне, куда вошла почти вся кавалерия, и приказал ему овладеть Браиловым. Ренне быстро двинулся в Валахию, взял Браилов и занялся закупкой продовольствия и формированием валахских войск. Однако его донесение было перехвачено, и Петр так и не узнал о взятии Браилова.

Великий визирь, перейдя Дунай с главными силами, быстро двинулся вверх по Пруту на Яссы. 8-го июля произошло первое столкновение его с русско-молдавским авангардом, причем молдаване бежали. Ночью вся русская армия отступила на соединение с арьергардом Репнина, предав огню лишние тяжести. Турки не преследовали. 9-го июля русская армия соединилась в Станилештах и стала укреплять лагерь, но турки повели яростную атаку и захватили часть обозов, не успевших въехать за рогатки. Нападение это и два следующих были отбиты с большим уроном для турок. Русских было 38000 при 122 орудиях, турок 170000 и 469 орудий. Наш урон 2872, у турок выбыло до 7000. Тем не менее положение русской армии стало отчаянным: позиция ее представляла собой четырехугольник, задний фас коего составляла река. Турки, установив многочисленную артиллерию на командующих высотах, могли громить наш лагерь безнаказанно. Массы стрелков делали даже невозможным пользование водой... Армия была окружена в пять раз сильнее противником.

Участь России была в тот день в руках великого визиря. Даже если бы русским удалось пробиться сквозь кольцо врагов, отступление обратилось бы для них в катастрофу; все переправы через Прут были в руках турок, остатки армии очутились бы в Молдавии, как в мышеловке, и их постигла бы участь шведов у Переволочны.

Величие Петра сказалось в эти трагические минуты в полном блеске. Готовясь к последнему бою, он заготовил указ сенату: в случае пленения, его государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Но Бог хранил Россию. Визирь Балтаджи согласился³⁴ на переговоры и не использовал своего исключительного стратегического положения (бывшего более благоприятным, чем впоследствии у Мольтке под Седаном). Уступчивость визиря объясняют различно. Одни полагают ее следствием подкупа (драгоценности Екатерины), другие объясняют ее бунтом янычар. Последняя гипотеза гораздо правдоподобнее, кроме того на визиря должна была произвести впечатление стойкость наших войск в бою 9-го июля и чувствительные потери в лучших турецких войсках. Интересы Швеции и ее беспокойного короля не трогали флегматичного азиата, решившего заключить мир, раз его предлагали на условиях, приемлемых и даже выгодных для Турции. Переговоры велись спешно (дабы предупредить Карла XII, скакавшего в турецкий лагерь с требованием не уступать) и 11-го июля³⁵ привели к Прутскому договору: Россия возвращала Турции Азов с его округом и обязывалась скрыть укрепления на Днепре и Дону и Таганрогскую крепость. Кроме того, Петр обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию. Трудно представить себе, что было бы с Россией, если бы Петр погиб на Пруте. При несчастном Алексее Петровиче ей бы пришлось пережить новое смутное время. Все старания и достижения Петра пропали бы даром. Вообще же Прутский поход — это война пропущенных возможностей. Согласись Петр на предложение султана — и граница России тогда же пошла бы по Дунаю. Исполнена была бы мечта Святослава... Молдавия и Валахия, войдя в состав Империи, за 200 лет ассимилировались бы совершенно — и мы не имели бы враждебной Румынии. Не надо было бы проливать потоки крови под Очаковым, Измаилом, Рушуком, в Силистрии и вести пять войн за сто лет. Болгария и Сербия были бы освобождены от турецкого ига на сто лет раньше — Румянцевым, ставшим бы Забалканским, а не Задунайским, Суворов вместо Измаила штурмовал бы Адрианополь, а Кутузов продиктовал бы мир Порте не в Бухаресте (бывшим бы тогда русским губернским городом), а в

Царьграде. Вся история России сложилась бы иначе...

Ошибку примерно такого же порядка совершил и Балтаджи-паша. Этому визирю мы обязаны многим.

Окончание Северной войны

Карл XII не признал гаагского договора о ненападении шведских и датских войск в северной Германии, и поэтому датский и польский короли напали на Голштинию и Померанию. Несогласованные их действия не имели успеха ни в 1711, ни в 1712 году.

В конце 1712 года Петр I смог снова принять участие в войне (Меньшиков оставался в Киеве до 1713 года, наблюдая за турками). Желая одержать победу без русских, союзники атаковали 9-го декабря при Гадебуше шведскую армию Стенбока, но потерпели полное поражение. Подоспевший Царь вступил в командование соединенными русско-датско-саксонскими силами (46000) и 12-го февраля 1713 года при Фридрихштадте разбил 16 тысяч Стенбока, который, будучи после того загнан в крепость Тенинген, положил оружие с 12000 войск. Диспозиция к этому бою написана собственноручно Петром и представляет собой важный документ для оценки полководческой деятельности Царя. Петр тут намного опережает свою эпоху. Не будучи более в состоянии за отсутствием войск защищать свои владения в Германии, шведы заключили так называемый секвестрационный договор, по которому передавали их Пруссии. Один лишь комендант Штетина отказался признать этот договор и сдал свою крепость русским лишь после двухмесячной осады летом 1713 года. Гарнизон Штетина состоял из 4200 человек. Треть была перебита, сдалось 2800. За два с лишним месяца осады, с 11-го июля по 21-е сентября, мы лишились 184 убитыми и 365 ранеными.

Ликвидировав армию Стенбока и выручив союзников, Петр осенью 1713 года перенес военные действия в Финляндию. Победы при Лаппо и у Наппы доставили нам всю эту страну... 14-го июля 1714 года одержана морская победа при Гангуте.³⁶

* * *

В конце 1714 года Карл XII, рассорившись с султаном, которому стал в тягость, внезапно явился в Штральзунд в Шведской Померании, отказался признать секвестрационный договор, потребовал от прусского короля возвращения сданных ему (как бы под расписку) шведских земель и не имея обыкновения считать своих врагов — объявил войну и этому государю... Однако неравенство сил было слишком велико, и шведы потеряли зимой 1714–1715 года последние свои владения в Германии — Штральзунд и Висмар. К союзникам присоединилась и Англия (король британский был в то время курфюрстом ганноверским и рассчитывал округлить свои германские владения за счет Швеции). В Дании собралось свыше 35000 русских войск. Петр I начальствовал на Балтийском море флотом 4-х держав.

Союзники решили было высадиться в Швеции, но среди них возникли разногласия и раздоры (1715 и 1716 годов). Недовольный союзниками Царь порвал с ними и вывел в 1717 году все свои войска из Дании и Германии³⁷.

Русский царь предложил шведскому королю союз. Россия должна была получить от Швеции балтийские провинции и южную часть Финляндии, взамен чего русская армия, соединившись со шведской, должна была помочь Карлу XII вернуть свои владения в Германии и Норвегии. В самый разгар русско-шведских переговоров, Карл, уже изъявивший согласие на союз с Россией, был убит в Норвегии при осаде Фредериции³⁸.

Его сестра и наследница Ульрика Элеонора прервала переговоры. Заключив в 1719 году мир со всеми союзниками и заручившись союзом с Англией, она решила продолжать борьбу с Россией.

Начавшись на суше, Северная война кончалась на море... Вторая рука potentата завершила дело первой. Желая настоять на своих условиях, Петр I выставил сильный флот. Не обращая никакого внимания на высланный для выручки Швеции английский флот — в те славные времена наша дипломатия английских кораблей еще не боялась — Царь в 1719 и 1720 годах опустошил десантами весь восточный берег Швеции, внося войну в шведские

пределы. 27-го июня 1720 года³⁹, в одиннадцатую годовщину Полтавы, Голицын разбил шведский флот у Гренгамна. Это было последнее сражение двадцатилетней войны.

Мир был подписан в Ништадте 10-го сентября 1721 года. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, южную Финляндию до линии Кексгольм — Выборг включительно и, позолотив пиллюлю шведам, уплачивала Швеции небольшое вознаграждение. Русский флаг развевался от Выборга до Риги, Балтийское море переставало быть шведским озером.

Восточные дела и Персидская война

Закончив Северную войну — великое дело своего царствования, Петр обратил свои взоры на Восток.

Еще в 1717 году, когда кризис Северной войны благополучно миновал. Царя занимал вопрос отыскания сухого пути в Индию. Один из ревностных поборников этого похода князь Бекович-Черкасский отправился с северного берега Каспийского моря пустыней Усть-Урт вдоль сухого русла Аму-Дарьи с отрядом в 3000 человек (на большее число нельзя было запасти продовольствия). Характерный штрих для эпохи — в состав отряда Бековича входил эскадрон из пленных шведов. Вспомним, что после полтавского сражения пленные шведы при оружии показывали Петру экзерцицию по их уставу. Содержась в различных городах России, пленные помогали при случае местным гарнизонным войскам отправлять караульную и гарнизонную службу. Шлиппенбах, взятый в плен под Полтавой, занимал ответственные административные должности и был даже возведен Петром в баронское достоинство. Ненависть и озлобление к противнику появились лишь в XIX веке, со введением варварской системы вооруженных народов. Однако весь отряд и сам Бекович пали жертвой вероломства хивинского хана под самыми стенами Хивы.

Немногим счастливее был другой отряд — капитана Бухгольца (1400 человек), двинувшийся на Индию из Сибири — от Тобольска вверх по Иртышу и остановленный враждебностью киргизов и недостатком продовольствия. Оба эти отряда, не имевшие даже карт, были слишком многочисленны для мирного посольства и слишком слабы для успешной военной экспедиции.

Идею проникновения в Среднюю Азию пришлось оставить... Петр решил пройти в Индию другим путем.

В 1718 году был заключен торговый договор с Персией, оставшийся, однако, мертвой буквой вследствие несоблюдения его персами. В этой стране царила анархия, от которой сильно страдала русская торговля. Чтобы положить конец бесчинствам, подать помощь законному шаху Тамаспу⁴⁰ и заставить персов уважать русское имя, решено предпринять против них поход, и в приготовлениях к этому походу прошла зима 1721–1722 годов, первая зима по заключении Ништадского мира.

Весною 1722 года назначенные в персидскую акцию войска собрались у Астрахани. Пехота и артиллерия (22000 человек) взяты на корабли, конница и иррегулярные войска (9000 драгун, 20000 донских казаков и 30000 татар и калмыков) следовали на Персию берегом моря — через Дагестан. Пехоту составили 2 полка, Ингерманландский и Астраханский, и по 1 батальону от 20 полков. 18-го июля флот отплыл от Астрахани, а 27-го войска, руководимые Царем, высадились в устьях Терека на Астраханской косе.

Сколько-нибудь значительных боевых столкновений в эту войну не произошло. В конце лета и осенью было занято все Каспийское побережье, и вся северная Персия (три провинции, с Баку, Дербентом, Астрабадом и Рештом, переименованным в Рязань⁴⁸) превратилась в русскую область. Каспийское море сделалось русским озером.

Оккупационные войска составили Низовой Корпус, вначале из 9 полков, названных по именам новоприсоединенных персидских городов и ханств. Из этих девяти полков сохранились Апшеронский и Ширванский — украшение русской пехоты.

Присоединив к России северную Персию, Петр занял исходное положение для движения на Восток — через Белуджистан в Индию, в обход среднеазиатских пустынь — либо на Юг, к незамерзающему морю — Персидскому заливу и Индийскому океану.

К сожалению, ближайшие преемники Петра Великого не поняли⁴² всей огромной

выгоды Русской Персии. Они видели лишь невыгоду содержания дорого обходящихся гарнизонов и администрации на далекой беспокойной окраине с нездоровым климатом. Сейчас же после смерти Петра начались длительные переговоры с персами об уступке этих завоеваний обратно, и в феврале 1732 года заключен договор, а в ноябре 1735 года наши войска окончательно оттуда выведены. Одна из самых блестящих возможностей развития российской великодержавности была упущена. А теперь на Персидском заливе царит Британская Империя.

Петр Великий как политик, организатор и полководец

Двадцатилетняя Северная Война была великой школой для русской армии русского полководца, русского офицера и русского солдата. В ее огне ковались и выковались те бесподобные полки, чьей стойкости и доблести удивлялась и завидовала двести лет Европа.

Двадцать лет упорнейшей борьбы — двадцать лет планомерных последовательных усилий для достижения раз поставленной цели... Этого с Россией не случалось⁴³ за всю ее восьмивековую историю — да и всемирная история со времен единоборства Рима с Карфагеном чрезвычайно бедна такого рода примерами.

Личность Петра встает перед нами во весь свой гигантский рост — со всеми ее достоинствами и недостатками. Достоинства проявились в области внешней политики и на войне, недостатки отразились на внутренней политике.

Этот последний вопрос как будто выходит за рамки настоящего труда, но на нем следует остановиться, указав на две капитальные ошибки великого преобразователя, сыгравшие печальную роль в дальнейшем ходе русской истории чрезмерное форсирование европеизации и вавилонское пленение Церкви.

Первая из этих ошибок невольно влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всего русского, как бы недоверие к собственным достоинствам. Качества эти совершенно отсутствовали у Петра I лично, но на протяжении двухсот лет они явились самой скверной чертой русского характера считать каждого малограмотного иностранца барином, а каждого сколько-нибудь грамотного уже авторитетом. Особенный вред это преклонение перед иностранщиной принесло, как мы увидим, в военном деле.

Что касается второй ошибки — упразднения патриаршества, то она оказалась роковой для России. Будь в России в 1917 году патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом Император Николай Александрович — и все пошло бы по другому. Во всяком случае временного правительства мы не имели бы... Подчинение Церкви Государству привело при Павле I к цезарепапизму (Император — глава Церкви) — полному порабощению власти духовной властью светской со всеми отрицательными явлениями, с этим сопряженными, из коих угодничанье перед властями предержажими стоит отнюдь не на последнем месте. Чиновники в рясах из Святейшего Синода подготовили дорогу комиссарам в рясах из живой церкви.

Внешняя политика Петра безупречна⁴⁴ (кроме отклонения турецких предложений в Прутском походе). Выгода России — вот единственный критерий, руководивший первым русским Императором в его сношениях с иностранными Державами. Петр выказывает себя на протяжении всей войны лояльным союзником. Он не любит связывать себя заранее обещаниями и договорами, но раз дав слово, сдерживает его свято. Союзники не раз выручались русскими в различные периоды войны... Однако лишь только Царь увидел, что они совершенно не платят взаимностью и стремятся в действительности лишь эксплуатировать Россию, загребать жар русскими руками — он немедленно порвал с ними все отношения и в дальнейшем вел войну совершенно отдельно.

Впоследствии эта мудрая петровская традиция была позабыта. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы.

Но где гений Петра сказался полностью — это в военном деле: в устройстве вооруженной силы и в предводительствовании ею. Гениальный организатор и крупный полководец, он значительно опередил во всех отношениях свою эпоху.

* * *

Основное положение Петра Великого, как организатора, выражено полностью его знаменитым изречением: Не множеством побеждают⁴⁵.

Глава 8-я его Устава Воинского (о армии) начинается знаменательно: В старине у римлян зело великия войска бывали, но Юлиус Цезарь в одном корпусе никогда не выше 50 тысяч имел, причем в таком порядке примерном обучении были, что ими мог надежнее великия дела творити...

Элементу качества отводится главное место. Как этого добиться? Очевидно, путем наибольшего привлечения в армию того сословия, которое наиболее хранило воинские традиции и издревле предназначалось к отправлению ратной службы. И Петр издает указ, вводящий обязательную, личную и пожизненную службу дворян. По достижении известного возраста (16 лет) недорослей, так называемых новиков, экзаменовали особыми комиссиями (грамота, цыфирь и прочая несложная премудрость). Невыдержавшие этого экзамена писались солдатами без выслуги, а выдержавшие брались на государственную службу: две трети в военную, треть в гражданскую. От службы не освобождался никто. Таким образом, наиболее ценное в военном отношении сословие было использовано полностью.

Установив для дворянства личную воинскую повинность, Петр I придал рекрутской повинности других сословий общинный характер. Каждая община, сельская или мещанская, обязывались поставить по рекруту с определенного числа дворов (впоследствии — с числа душ), решив своим приговором, кому идти на службу. Рекруту должно было иметь от 20 до 35 лет, ничего другого от него не требовалось: военные приемщики должны были принимать кого отдатчики в отдачу объявят и поставят. Община собирала поставленному рекруту деньги, обычно 150 200 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму, раз в пять больше премии западно-европейским наемникам. Служба избавляла от рабства, и при Петре являлось много охотников из беглых крепостных. При Елизавете беглых перестали принимать, являвшихся секли и отсылали обратно к помещикам, чем совершалась громадная психологическая ошибка.

Итак, Петр сохранил основной принцип устройства русской вооруженной силы принудительный характер обязательной воинской повинности, резко отличавшийся во все времена от наемно-вербовочной системы западных стран. Более того, принцип этот был еще ярче оттенен Петром: повинность эта объявлена пожизненной и постоянной (тогда как в Московской России она носила лишь временный характер).

Система комплектования носила определенно территориальный характер. В 1711 году полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования — провинцию, дававшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском — солдатские дети Бутырской слободы, в Ингерманландском — жители северных новгородских пятин... Великий Царь оценил все значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первая ступень патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрестанно меняли свои квартиры и свои округа комплектования, переходя из одного конца России в другой. К половине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия — единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей...

Сухопутные вооруженные силы разделялись на действующую армию и местные войска — гарнизонные и ланд-милицию, и казаков. Ландмилиция была образована из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) в 1709 году и поселена на Украине для защиты южных границ. Губернии Архангелогородская и Астраханская содержали и комплектовали флот.

После булавинского бунта Петр не особенно доверял казакам, но, понимая большое значение казачества в жизни Российского Государства, селил казаков на окраинах. Неудачный поход Бухгольца в Среднюю Азию имел следствием учреждение Сибирского

казацкого войска, а результатом персидского похода явилось переселение части донских казаков на Терек, чем положено начало Терскому войску (названному сначала Астраханским).

Вся тяжесть рекрутской повинности легла на десять тогдашних великороссийских губерний (на юге и по сие время москаль является синонимом солдата). Малороссийское население служило в войсках милиционных, иррегулярных — ландмилиции и казацких. Такой порядок — великороссы в солдатах, малороссы в казаках, продержался до Екатерининских времен.

* * *

Перейдем теперь к полководчеству Петра. По определению генерала Леера, это был великий полководец, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать.

Полководческое дарование явилось у него лишь одной из сторон его могучего и сложного гения. Сила, яркость и гениальность его выявляются в полной мере при сравнении с дарованиями, тоже не малыми, его главного противника Карла XII.

У Петра ум государственный. Царь совмещает в себе политика, стратега и тактика — большого политика, большого стратега, большого тактика. Это редкое в истории сочетание встречалось после него лишь у двух великих полководцев Фридриха II и Наполеона⁴⁶. Гармония между этими тремя основными элементами военного искусства у Царя соблюдена в полной степени и его стратегия всецело подчинена политике.

Карл XII являет собой в этом отношении полную противоположность своему царственному противнику. Это блестящий тактик, вождь, увлекающий за собой подчиненных. Но это не стратег, а тем паче не политик... Шведский король ведет войну из любви к войне, и эта физическая любовь к войне, в связи с полным отсутствием государственного ума, привела в конце концов его армию к гибели, а его страну к упадку. В 1706 году он имел полную возможность кончить войну почетным для Швеции миром, но не захотел ею воспользоваться, а восемь лет спустя, уже после Полтавы, когда положение Швеции сделалось отчаянным, своим необузданным упрямством восстановил против себя нового врага — Пруссию. В этих двух случаях, взятых для примера из целого ряда им подобных, мы видим полное отсутствие у Карла политического глазомера, первого качества полководца, особенно венценосного.

Нет у него и глазомера стратегического. Четыре года подряд он блуждает в Польше, гоняя Августа II с места на место (и давая ценный отдых русской армии, учившейся тем временем воевать за счет злополучного Шлиппенбаха), вместо того чтобы ударом по Саксонии сразу обезоружить своего противника. Организаторских способностей у молодого короля не наблюдается, понятие организованной базы у него отсутствует, он не умеет сохранить за собой завоеванной местности и поэтому все его победы бесплодны. Едва лишь он покидает какую-либо местность в Польше — ее тотчас же занимает противник, вернее, она снова погружается в анархию, стихия которой начинается сейчас же за рогатками шведского лагеря. Получив от отца небольшое, но замечательно организованное и обученное войско ветеранов, он блестяще употребляет, но совершенно не щадит его. Зимой 1707 1708 годов, с плохо одетой и плохо снабженной армией он бросается в глухие литовские леса и затевает совершенно бессмысленную партизанскую войну с населением исключительно для удовлетворения своей жажды к приключениям и совершенно не жалея войск... Он упускает возможность сосредоточить свои силы в 1708 году — перед тем, чтобы идти на Россию и в русском своем походе делает второй шаг раньше первого...

В начале войны Карлу 19 лет. Юноша пылкий, запальчивый, упрямый и несдержанный, обладающий незаурядными способностями и не принимающий ни от кого советов, воспитанный на чтении деяний героев древности, имеющий ярко военную душу, но не имеющий ума великого полководца.

Он воображает себя Александром и в московитах Петра склонен видеть персов Дария. Вольтер замечательно удачно сказал, что он не был Александром, но достоин был быть первым солдатом Александра...

Если Карл ведет войну ради войны, то у Петра ведение войны всецело подчинено его политике. Он ничего не предпринимает даром, руководясь всегда одними лишь интересами государства Петру вверенного. Карл XII получил свою армию от отца готовой — Петр I создал свою собственными руками. Умея требовать от войск, когда придется, сверхчеловеческих усилий (до переноса кораблей на руках за сотни верст включительно), Петр никогда не расходует их сил попусту, зря. Стремления полководца по собственным его словам, должны быть направлены к одержанию победы малой кровью.

Уже кампания 1702 года, ингерманландский поход, выявляет его стратегические дарования. Закрепление им за собой линии Невы в 1703 году, чем разобщались Финляндия с Ливонией, и выбор места для основания Санкт-Петербурга — Петропавловской фортеции, указывают на большой стратегический глазомер. Вывод армии из Гродны⁴⁷, произведенный в точности по его инструкции, является таким же шедевром военного искусства, как отступление сто лет спустя Кутузова из Тироля в Моравию и Цнаймский его маневр. Кампания 1708–1709 годов проведена Петром безупречно, в чем сознаются и шведские историки, самые пристрастные историки в мире.

Как тактик, Петр далеко опережает свою эпоху. Он заводит конную артиллерию⁴⁸, за сто лет до Наполеона и за полстолетия до Фридриха. Во всех его инструкциях войскам, особенно в знаменитых фридрихштадтских регулах красной нитью проводится идея взаимной выручки и поддержки частей секундирования единого другим и согласованность действий различных родов оружия, вводится понятие боевого резерва. В первый период войны Царь действует в высшей степени осмотрительно: качество шведской армии еще слишком высоко и Петр примечает главную причину тактического превосходства шведов над молодыми русскими войсками — их сомкнутость. И ей он немедленно противопоставляет полевую фортификацию. Петровская пехота владеет лопатой, как ружьем, становясь на бивак, обносит его немедленно шанцами. О полтавские редуты сомкнутость шведов и разбилась. Зная, что не множеством побеждают, Петр принимает все меры, чтобы в решительный день оказаться в сколь можно превосходных силах (тогда как Карл XII всегда разбрасывает свои силы).

Обращает на себя внимание устройство конницы. При Петре вся она исключительно драгунского типа и великолепно обучена как конному⁴⁹, так и пешему строю. Драгуны были излюбленным родом оружия Петра и подвиги их в Северную Войну не имеют себе равных в истории других армий. Вспомним Калиш, эту исключительно драгунскую победу, Лесную, где наши силы на две трети состояли из драгун, Переволочну, где летучий корпус Меншикова заставил положить оружие шведскую армию... Петр никогда не находил, что у него слишком много конницы, и три года, с 1707 по 1710, оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, посаженные на коней, состояли на драгунском положении.

В общем, в тактике Петра преобладает элемент активной обороны, действий по обращению неприятельскому, что отвечало обстоятельствам той эпохи. Чисто наступательные начала в русскую тактику были введены лишь в Семилетнюю войну Румянцевым при Гросс-Егерндорфе.⁵⁰

* * *

Из сподвижников Петра первое место должно быть по справедливости отведено Меншикову — творцу и настоящему гроссмейстеру русской кавалерии — центавров Калиша. Лесной, Полтавы и Переволочны. Ему не раз вверялась армия и каждый раз он блестяще оправдывал доверие своего Царя. Как кавалерийский начальник, предводитель конной армии⁵¹, это деятель гораздо более крупный, чем Зейдлиц, Мюрат, Стюарт и Шеридан и смело может быть сравним с Румянцевым и Врангелем.

Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач — перевоспитание нарвских беглецов и постепенное их закаливание —ковка молодой армии под стенами ливонских замков.

Крупную величину представляет и старший из трех Репниных XVIII столетия князь Аникита Иванович. Его заслуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему

обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки.

Эти три главных военачальника Северной Войны — русские. Но армия хранит имена двух иноземцев по крови и русских по духу — первых наставников ее в ратном деле, разумных и опытных советников юного Царя в наиболее критическую эпоху его царствования — имена Франца Лефорта и Патрика Гордона.

* * *

Старый наш Устав 1648 года, хотя и подновленный Гордоном, уже не годился для войск, крещенных в огне Северной войны. И на смену ему в 1716 году пришел новый Устав Воинский — в своих основных положениях явившийся хартией русской армии на весь XVIII век. Мы не будем входить здесь в подробное рассмотрение этого замечательного документа, большую часть которого занимает разбор чинов и рангов и сопряженных с ними прав и обязанностей.

Уставом рекомендовалось на походе составлять авангардию из половины всей конницы, подкрепив ее, если возможно, несколькими легкими пушками; кордебаталию (corps de bataille) составляли инфanterия с артиллерией, затем шли обозы и все замыкалось арьергардией из остальной конницы.

Корволант сиречь легкий корпус (corps volant) наряжается для пресечения или отнимания паса у врага или оному в тыл идти или в его землю впасть — до 6 — 7000 может всюду поворачиваться без тяжести. Впрочем он может сочиняться не токмо от кавалерии одной — туда может придаваться и пехота с легкой артиллерией. Отряд Петра при Лесной — типичный корволант — как и Меншикова под Калишем и Переволочной. Вообще Северная война, особенно же кампания 1708 1709 годов, изобилует примерами удачного применения корволантов с русской стороны.

Артиллерия, которая яко движимый арсенал и магазин войск есть, составляла яко бы особый корпус (артиллерийские чины не совпадали, например, с пехотными либо драгунскими), исключая полковой, составлявший одно целое с пехотой и конницей. Строилась она за полками или в середине фрунта. Прикрытие к ней от пехоты наряжалось исключительно из пикинер (мушкеты считались опасными в пожарном отношении). Прислуге при орудиях и даже пикинерам прикрытия по этой же причине воспрещалось курить. При артиллерии обыкновенно имели свой стан инженерные чины.

Занимая позицию, армия строилась в три линии. Единственный вид каре полковой. Состоял он из 300 вздвоенных рядов (4 шеренги) — по 75 на фас. Развернутый строй был в 4 шеренги.

Штабные и нестроевые чины имели свою особую иерархию — независимую от строевой, что представляло много неудобств (и продержится до Аракчеева). Наконец, характерной чертой Устава является недоверие к единоличным решениям, он предписывает всегда коллегиальное решение — созыв военного совета. Впрочем, Петр отдал здесь дань духу времени, эпохи расцвета гофкригсрата.

Организация и быт Петровской армии

Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков — Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности) они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, писались в армию — прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (4 батальона вместо 2-х) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. На протяжении ста лет сквозь их ряды прошли все те, кто создал великую Россию восемнадцатого века...

В кавалерии роль военного училища играл лейб-регент, куда недоросли писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был Санкт-Петербургский драгунский, а с начала 20-х годов Кроншлотский, наименованный с 1730 года Конной Гвардией.

Роль офицеров Гвардии, этих первородных птенцов гнезда Петрова и значение их в

стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую службу), но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так в обязанности обер-офицеров Гвардии входило присутствие в качестве фискалов на заседаниях Правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтоб господа сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому Государю, пример которого был на глазах у всех.

Петр Великий понял значение офицера в стране и всячески стремился дать ему привилегированное положение. В табели о рангах при равенстве чинов военные имели преимущество перед гражданскими и придворными. Всех рангов было 14:

- I ранг — генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер;
- II — генерал рода оружия⁵² (аншеф), адмирал, действительный тайный советник;
- III — генерал-поручик, вице-адмирал, тайный советник;
- IV — генерал-майор, контр-адмирал, действительный статский советник;
- V — бригадир, шаутбенахт, статский советник;
- VI — полковник, капитан 1 ранга, коллежский советник;
- VII — подполковник, капитан 2 ранга, надворный советник;
- VIII — майор, капитан-лейтенант, коллежский ассессор;
- IX — капитан, лейтенант, титулярный советник;
- X — штабс-капитан, коллежский секретарь;
- XI — поручик, корабельный секретарь;
- XII — подпоручик, мичман, губернский секретарь;
- XIII — прапорщик, провинциальный секретарь;
- XIV — коллежский регистратор.

В артиллерии чину прапорщика соответствовало звание штык-юнкера, а между поручиком и капитаном имелся чин капитан-поручика. Производство обер-офицеров в штаб-офицеры и из штаб-офицеров в генералы обуславливалось баллотировкой, и этот порядок, имевший, конечно, свои выгоды, но и большие неудобства, сохранился до самой смерти Петра. Иноземцы, поступая на русскую службу, прикомандировывались к генералам и штаб-офицерам, при которых несли ординарческие обязанности, присматриваясь к службе и овладевая языком. По окончании этого стажа, они получали производство и зачислялись на службу. Оклады иноземцам в среднем были двойные, как и подобает наемникам. К концу царствования Петра I на верхах было около трети общего количества генеральских и штаб-офицерских чинов (в 1726 году в войске из 5 аншефов — 2 иноземца, из 19 генерал-поручиков и генерал-майоров — 8, из 22 бригадиров — 5, из 115 полковников — 82).

За особые заслуги жаловались ордена, святого Андрея Первозванного (первый и долгое время единственный русский орден, основанный в 1698 году), а в конце царствования и святого Александра Невского⁵³ (основан в 1722 году).

Управление войсками в мирное время сосредоточивалось в руках военной коллегии, учрежденной в 1719 году и имевшей первоначально 3 отделения (экспедиции⁵⁴) — армейское, гарнизонное и артиллерийское, ведавшие соответственно полевыми войсками, гарнизонными и материальной частью.

Высшие тактические соединения, бригады (2–3 полка) и дивизии (2–4 бригады) составлялись лишь в военное время. В мирное время высшей административной единицей был полк.

К концу царствования Петра I в армии считалось — пехоты: 2 гвардейских, 2 гренадерских и 42 пехотных полка (из коих 9 низового корпуса в Персии), всего 70000 штыков при 200 орудиях полковой артиллерии; конницы: 33 драгунских полка — 37 850 человек, 100 орудий конной артиллерии; артиллерии: 1 гвардейская, 4 армейских канонирных роты — 4190 человек с 21 полковыми и 160 осадными орудиями; сапер: 2 роты — инженерная и минерная. Всего в действующих войсках 112000 строевых при 480 орудиях.

Конница составляла таким образом третью часть полевых войск, а на каждую тысячу бойцов приходилось в среднем 3 пушки (не считая осадных). Кроме того, имелось 68000 гарнизонных войск (50 пехотных и 4 драгунских полка), 10000 ландмилиции (4 пехотных и 16 конных полков) и 35000 казаков.

Всего 225000, а считая сюда личный состав флота — 250000 пожизненных профессионалов.

Пехотные полки были в 2 батальона и состояли из 1 гренадерской и 7 фузелерных рот. Батальоны у нас появились лишь в 1698 году. До того полки делились непосредственно на роты. Оба гвардейских полка имели по 4 батальона. Многие армейские полки в различные периоды Северной войны имели тоже 4 либо 3 батальона. Каждый полк имел две 3-фунтовых пушки, на лафет которых могли быть, в случае необходимости, приспособляемы по две 6-фунтовые мортирки. Канониры носили форму полка и подчинялись полковому пехотному начальству. Орудия сопровождения петровской эпохи весили 20 пудов и перевозились парой лошадей. Штатный состав пехотного полка был 1200 строевых. До 1708 года полки именовались по полковникам.

Каждая пехотная и драгунская рота имела свое знамя. Знамя 1-ой роты считалось полковым и было белым, цвет остальных был по выбору полковника (чаще всего черным⁵⁹). Срок службы знамен был 5 лет и они считались амуничными вещами, хотя потеря их уже тогда считалась позорной и части могли быть лишены знамен по суду. (Штандарты в первый раз введены при образовании кирасир в 1733 году.)

Вся конница была драгунской. Драгунский полк состоял из 5 эскадронов по 2 роты, во всех 10 ротах считалось 1200 строевых (первые роты считались, как и в пехоте — гренадерскими). Каждому полку придавалось тоже две 3-фунтовых пушки, а кроме того по одной 20-фунтовой гаубице, весом менее 30 пудов.

Вооружение бойца составляли в пехоте: фузея (ружье) и шпага у всех. Фузея весила 14 фунтов, штык (багинет) вставлялся в дуло, так что стрелять с примкнутым штыком было невозможно. Гренадеры имели помимо всего 2 гренадные сумы (по одной 6-фунтовой гренаде в каждой). Унтер-офицеры вместо фузеи имели саженные алебарды. Недостаток в ружьях вынудил Петра вновь ввести на вооружение пехоты пики (полупики, так называемые протазаны) в 1707 году. Пикинеры (одно время свыше четвертой части всей пехоты) составляли в строю задние 4 шеренги и назначались преимущественно в прикрытие к артиллерии. Драгуны имели фузею, пистолеты и палаш. Фузеи носились в пехоте на плече, у драгун приторочивались к седлу (ремней не было).

Обмундирование состояло из длинного однобортного кафтана зеленого цвета (со времени Петра и до начала XX века, на протяжении двухсот лет, зеленый цвет являлся традиционным цветом обмундирования русских войск), камзола, коротких штанов до колен, зеленых же чулков и низких башмаков, на походе и караулах сапоги, у драгун ботфорты. Зимой надевалась епанча — род плаща.

Довольствие было отлично. Ежедневный порцион состоял из фунта мяса, двух фунтов хлеба, двух чарок вина и гарнца (кварти) пива⁵⁶. Ежемесячно выдавалось полтора гарнца крупы и два фунта соли. Царь сам испытывал на себе в продолжение месяца этот паек, раньше чем утвердить его. Солдату полагалось жалованья 24 рубля в год, из которого, впрочем, половина вычиталась за обмундирование.

Казарм не было и войска располагались постоем у обывателей. При отводе войскам квартир Устав Воинский требовал одной кровати на трех человек, из расчета, что двое будут на ней спать, а третий занят караулами. Мы можем из этого убедиться, что отправление караульной службы в те времена поглощало третью часть наличного состава войск.

Дисциплина петровской армии была суровой: под арест сажали в оковах, телесные наказания были часты, но особенной жестокостью не отличались. Разжалование (в тяжелых случаях с шельмованием и без выслуги) практиковалось широко. Офицеры, иногда и старшие генералы, как Репнин, писались в солдаты, нижние же чины писались в извошники (т. е. обозные). Посрамлению могли подвергаться и воинские части. Вот что писал Петр в

одном из своих воинских артикулов: Полки или роты, которые с поля сражения побегут, судить в генеральном военном суде и если найдется, что начальники тому причиной, то их шельмовать и преломив над ними чрез палача шпагу, повесить. Если виновные, офицеры и рядовые, то первых казнить как сказано, а из последних по жребию десятого, или как повелено будет, также повесить — прочих же наказывать шпицрутенами и сверх того без знамен стоять им вне обоза, пока храбрыми деяниями загладят преступление. Кто же докажет свою невиновность, того пощадить. Петр I вводил таким образом в войска принцип римской децимации (казни десятого). Если мы вспомним, что Устав Воинский ставит в образец малую армию Юлиуса Цезаря, то сможем утверждать, что устраивая полки Третьего Рима, Царь брал пример с легионов Первого. К чести русской армии надо прибавить, что к подобного рода наказаниям прибегать не пришлось. Тем не менее, эта грозная сентенция сослужила свою службу, наставив на путь истинный не одно робкое сердце.

Краткий артикул 1706 года вводил наказание шпицрутенами, до тех пор применявшееся (как иноземное наказание) лишь к иноземцам, служившим у нас. Шпицрутены назначались исключительно по суду и виновного прогоняли сквозь строй (наибольшее количество шпицрутен — прогонка сквозь строй полка, назначалось за рецидив грабежа). Наказание батогами (розгами) назначалось в дисциплинарном порядке.

Со всем этим телесные наказания в русской армии XVIII века были не так часты и не так жестоки, как в иностранных армиях.

Немногие сохранившиеся сказки петровских полков — строевые рапорты, донесения всякого рода, отчетность и переписка, позволяют нам судить о быте войск. Рассматривая эти сказки, мы прежде всего поражаемся размерам дезертирства. Например, в Бутырском полку, считавшемся одним из самых лучших в армии, с 1712 по 1721 годы бежал 361 человек, т. е. за десять лет свыше четверти штатного состава. Объясняется это явление новизной для русского народа суровой и тяжелой рекрутской повинности, бывшей к тому же пожизненной. Призванный под знамена даточный первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит родной семьи, родного села, родных полей. Отсюда и большинство побегов. Часто беглые сносили амуницию и оружие — фузеи, шпаги, иногда даже алебарды. Все это отнюдь не служило спокойствию на больших дорогах. Характерно, что из всего указанного в Бутырском полку числа побегов 361 за десять лет, лишь один состоялся перед неприятелем (за что виновный и казнен смертью — расстрелян). Это обстоятельство служит своеобразным показателем высокого качества войск.

Мало-помалу подневольный профессионал свыкался со своей участью, долей отрезанного ломтя. С каждым годом оставленные близкие становились все более далекими, постылый вначале полк все более близким... всю свою привязанность солдат переносил на него, свою вторую и последнюю семью, и на товарищество, солдатство. Так понемногу, постепенно, из поколения в поколение, создавался бессмертный тип русского солдата, петровского и елизаветинского фузелера, екатерининского чудо-богатыря, николаевского служебного...

Территориальная система комплектования, введенная Петром (при которой земляки попадали в тот же полк) оказала тогда громадную услугу русской армии: рекрутчина переносилась легче — на мир и смерть красна — и молодые полки скоро приобретали необходимую спайку.

Полки принимали из своего округа комплектования, в среднем, ежегодно 80 100 новобранцев в годы, когда особенных потерь не было, например в последний период Северной войны, т. е. меняли свой состав полностью за 10–12 лет. В списках рекрут не указывалось ни возраста их, ни физических данных (рост, объем груди и т. д.). Мы знаем, что принимались они без осмотра. Отмечалась лишь грамотность, из сказок, например Бутырского полка (имевшего столичный округ комплектования, Бутырскую слободу в Москве) видно, что грамотных было 2–3 на сотню, в других полках было и того меньше.

Принимая во внимание тяжелые потери в боях и походах первой половины Северной войны, мы можем утверждать, что в продолжение всей этой двадцатипятилетней борьбы

русская армия переменяла полностью свой состав три раза. Потери наши определяют до 300000 приблизительно, кто может сосчитать в точности, сколько их легло в финские болота, в польскую глину, в немецкий песок? Сколько было за благочестие кровию венчано на полях Лифляндии, Ингрии, Польши, Германии, Малороссии... И сколько погибло там же от разных язв и горячек, от всякого рода сверхчеловеческих трудов и нечеловеческих лишений?

Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции! В далеких финских дебрях, с ружьем в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей Невской перспективы под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности... Вспомним тех же Бутырцев, прадедов по прямой линии Гаврилы Сидорова, пронесших на своих плечах и в еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железной рукой направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные переходы — от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясс на Копенгаген — не была ли она армией великого народа, армией великого Царя?

Русский солдат петровских времен, навсегда простившийся с семьей во имя службы России, являл собою пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знать другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки.

ПЕТРОВСКИЕ ПОЛКИ:

Лейб-Гвардии Преображенский (1683);

Лейб-Гвардии Семеновский (1683);

2-ой гренадерский Ростовский (1700 — пехотный Гулица, с 1708 года Ростовский);

5-й гренадерский Киевский (1700 — пехотный Вилима фон Дельдена⁵⁸, с 1708 года — Киевский);

9-й гренадерский Сибирский (1700 — пехотный Ирика фон Вердена, с 1708 года — Сибирский);

12-й гренадерский Астраханский (1700 — пехотный Брюсса, с 1790 года Астраханский). С 1708 по 1790 год полк этот именовался Вологодским. Название Астраханского с 1708 года носил сформированный в 1700 году полк Александра Гордона, пошедший в 1790 году на укомплектование Грузинских Гренадер, получивших его ст-во.

11-й пехотный Псковский (1700 — пехотный Мевса, с 1708 года — Псковский);

15-й пехотный Шлиссельбургский (1700 — пехотный фон Трейдена, с 1708 года — Шлиссельбургский);

17-й пехотный Архангеле городской (1700 — пехотный Крота, с 1708 года Архангелогородский);

19-й пехотный Костромской (1700 — пехотный Николая фон Вердена, с 1805 года — Костромской);

22-й пехотный Нижегородский (1700 — пехотный Польшана, с 1708 года Нижегородский);

25-й пехотный Смоленский (1700 — пехотный Бильса, с 1708 года Смоленский);

29-й пехотный Черниговский (1700 — пехотный фон Шведена, с 1708 года Черниговский);

45-й пехотный Азовский (1700 — пехотный Буша, с 1708 года — Азовский);

61-й пехотный Владимирский (1700 — пехотный Юнгера, с 1708 года Владимирский);

64-й пехотный Казанский (1700 — пехотный фон Дельдена, с 1708 года Казанский);

65-й пехотный Московский (1700 — пехотный Иваницкого, с 1708 года Московский);

85-й пехотный Выборгский (1700 — пехотный Кулома, с 1708 года Выборгский) — Основанный в 1700 году славный Выборгский полк был расформирован в 1833 году и пошел на составление финляндских линейных батальонов (старыми полками у нас стали дорожить лишь со второй половины XIX века). В 1863 году из финляндских линейных батальонов

были составлены пехотные полки 22-й дивизии, причем 85-й назван Выборгским, хотя батальоны, образованные из прежнего Выборгского полка, пошли на составление 88-го пехотного Петровского полка, имевшего таким образом больше оснований именоваться Выборгским — Старый Великолуцкий полк в 1810 году был обращен в егерский, а в 1833, при упразднении егерей, расформирован. В 1835 году вновь сформирован пехотный полк, названный Великолупким. Император Александр III в 1884 году повелел для сохранения наименований двух старейших полков в России — Великолуцкого⁵⁹ и Выборгского, старшинство их в виде исключения из общего правила присвоить 12 пехотному Великолуцкий и 85 пехотному Выборгский полкам. В приводимой таблице мы поэтому и в виде исключения помещаем эти полки.

- 3-й пехотный Нарвский (1703 — пехотный Шенбека, с 1708 года — Нарвский);
- 9-й пехотный Старо-Ингерманландский (1703 — пехотный Меньшикова, с 1704 года — Старо-Ингерманландский);
- 27-й пехотный Витебский (1703 — пехотный Скрипицына, с 1784 года Витебский);
- 38-й пехотный Тобольский (1703 — пехотный князя Репнина, с 1708 года Тобольский);
- 69-й пехотный Рязанский (1703 — пехотный Ланга, с 1708 года — Рязанский);
- 1-й пехотный Невский (1706 — пехотный Куликова, с 1711 года — Невский);
- 62-й пехотный Суздальский (1707 — пехотный Ренцеля, с 1727 года Суздальский) см. прим.
- 13-й пехотный Белозерский (1708 — гренадерский Репнина, с 1727 года — Белозерский);
- 16-й пехотный Ладожский⁶⁰ (1708 — гренадерский Буша, с 1727 года Ладожский);
- 21-й пехотный Муромский (1708 — гренадерский Энгберга, с 1721 года Муромский);
- 63-й пехотный Углицкий (1708 — гренадерский Бильса, с 1727 года Углицкий);
- Лейб-Гвардии Кексгольмский (1710 — гренадерский князя Барятинского, с 1727 года — Кексгольмский — сформирован как Второй Гренадерский);
- 8-й пехотный Эстляндский (1711 — Эстляндский гарнизон);
- 12-й пехотный Великолуцкий (1711 — Азовский гарнизон, с 1835 года Великолуцкий);
- 193-й пехотный Свияжский (1711 — Казанский гарнизон, с 1891 года Свияжский);
- 81-й пехотный Апшеронский (1722 — Астрабадский пехотный, с 1732 года Апшеронский);
- 84-й пехотный Ширванский (1724);
- 1-й лейб-драгунский Московский (1700 — драгунский Гулипа, с 1708 года Московский);
- 17-й драгунский Нижегородский (1701 — драгунский Морелия, с 1708 года Нижегородский);
- 12-й уланский Белгородский (1701 — драгунский Дев-герина, с 1826 года Белгородский);
- 13-й уланский Владимирский (1701 — драгунский Жданова, с 1708 года Владимирский);
- Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества (1702 — драгунский князя Волконского, с 1796 года — Кирасирский Его Величества);
- Лейб-Гвардии Кирасирский Ее Величества (1704 — драгунский Портеса, с 1796 года — Кирасирский Ее Величества);
- 10-й гусарский Ингерманландский (1704);
- 13-й гусарский Нарвский (1705 — драгунский Пестова, с 1708 года Нарвский);
- 5-й драгунский Каргопольский (1707);
- 1-й уланский Санкт-Петербургский (1707 — драгунский Гешова лейб-режимент, с 1721 года — Санкт-Петербургский);
- 4-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский (1708 — драгунский Кропотова, с 1708 года — Новотроицкий, с 1783 года — Новотроицко-Екатеринославский);
- 3-й уланский Смоленский (1708 — драгунский Рославский, с 1765 года Смоленский);
- 11-й драгунский Рижский⁶¹ (1709 — гренадерский князя Кропоткина, с 1727 года —

Рижский);

13-й драгунский Военного Ордена (1709 — гренадерский фон-дер Роопа, с 1774 года — драгунский Военного Ордена);

Лейб-Гвардии Конный (1721 — драгунский Кроншлотский, с 1730 года Конный);

Лейб-Гвардии артиллерийская бригада (1683 — бомбардирская рота, с 1796 года — Лейб-Гвардии артиллерийская бригада);

Гвардейский Экипаж (1710).

Примечание. Суздальский полк сформирован из остатков семи полков дивизии Востромирского, совершенно разгромленных при Фрауштадте. В таблицы включаются лишь полки, ни разу не расформированные. Первая дата — основание полка, вторая — пожалование полку настоящего имени. Многие полки переменили названия несколько раз. Мы можем отметить, что в 16-й пехотной дивизии старой Императорской Армии все четыре полка основаны Петром (и притом еще до Полтавской битвы).

14-й гренадерский Грузинский следует причислить к Петровским полкам: он сформирован в 1700 году, назван пехотным Александра Гордона, в 1708 Астраханским пехотным и в 1785 году переименован в Кавказский.

Глава II. От Петра до Елизаветы

Эпоха упадка

При ближайших преемниках Петра Великого военное дело пришло в упадок. В кратковременное царствование Екатерины I и Петра II молодая Империя вступила в критический период своего развития и вся энергия ее пошла на борьбу за власть различных временщиков и партий. Смутные времена юности Петра I грозили повториться. Внешней политики Россия этого периода, можно сказать, не имела вовсе⁶², внутренняя политика грозила вырождаться в усобицы. Царская власть была сведена временщиками на нет.

Естественно, что все эти беспорядки не замедлили отразиться и на вооруженных силах. Численность их, как мы знаем, в середине 20-х годов достигала 250000 строевых, что было чрезмерным для страны с 17-миллионным населением, только что выдержавшей к тому же жестокую двадцатипятилетнюю войну. Уже в последние годы царствования Петра I из жалования воинских чинов производились вычеты (20 коп. с рубля у генералов,

15 — у штаб-офицеров, 10 — у обер-офицеров и 5 — у офицеров гарнизонных войск). Задержка в получении жалования на несколько месяцев стала обычным явлением. Был период (1724–1725), когда армия не получила жалования за целых 16 месяцев...

Правительство Императрицы Екатерины I напрягло все усилия к удовлетворению возникших претензий. В первую очередь были удовлетворены и приведены в порядок гвардия и столичные гарнизоны, и в конце 1728 года шведский посланник Цедеркрейц, донося своему правительству о боевой готовности русских войск, мог писать, что они могут выступить в поход по объявлении указа в три дня. Правда, в жертву первой руке potentата была принесена вторая — флот во вторую четверть столетия пришел в полное запустение.

В конце 20-х и начале 30-х годов много старых офицеров и солдат было уволено в отставку. Для облегчения бюджета военной коллегии стали наряжать войска на вольные работы, употреблять солдат на должности, ничего общего с военным делом не имеющие: прислуги, курьеров различных ведомств, даже почтальонов.

Меньшиков упразднил в 1726 году баллотировку офицеров в чины. В 1727 году полки были названы по местам их стоянок, но в том же году повеление это было отменено.

Военные действия в Персии продолжались все это время, параллельно с переговорами относительно обратной уступки персам взятых у них областей. Партизанская борьба требовала наряда значительных сил, а убыль от болезней повела к тому, что еще при Петре I 20 батальонов Низового Корпуса поглотили за три года (1723–1725) 29000 рекрут. К 1730 году на Кавказе было расположено 17 пехотных и 7 драгунских полков, примерно четвертая

часть всей вооруженной силы.

Самодержавие Анны. Реформы Миниха

При вступлении на престол Императрицы Анны Иоанновны в 1730 году Верховный Тайный Совет временщиков предъявил ей условия — кондиции, совершенно ограничивавшие царскую власть и вводившие в России олигархию. России угрожала участь Речи Посполитой, но от этой участи она была спасена русским офицерством, политически воспитанным и политически сознательным. Последнюю, посмертную услугу оказал России великий Петр, вдохнувший в сердца птенцов своего гнезда сознание государственности, гражданственности, в лучшем смысле этого слова, и политической ориентировки.

Великая ложь аполитичности армии еще не была пущена мутить и разлагать умы. Петровская традиция — соблюдение всеми вместе и каждым в отдельности интересов державы Петру вверенной сохранилась весь XVIII век, ярко проявившись в 1730, 1741, 1762 годах. Трудно сказать, что сделалось бы с нашим Отечеством, если в те критические минуты армия во имя сохранения дисциплины замкнулась бы в аполитичность.

Опираясь на офицерство, — среднее и мелкое шляхетство, — Анна разорвала кондиции и стала самодержавной государыней. На сто семьдесят пять лет Россия была избавлена от охлократии⁶³.

Правление Императрицы Анны обычно характеризуется засильем немцев. Оно, конечно, было так, и это составляет отрицательную сторону ее царствования. Официальная наша история клянет бироновщину, трактуя этот вопрос, как нам кажется, слишком односторонне и недостаточно широко. Прежде чем обвинять Бирона, посмотрим на его противников — спесивую и раболепную знать, правнуков смутьянов XVII века, вчера деливших Россию в свой пропит, сегодня заискивающих и наперебой доносящих друг на друга всеильному курляндцу. Это обстоятельство в очень большой степени объясняет (но, конечно, не оправдывает) презрение, которое Бирон питал к русским, он судил их по сиятельным скоморохам Императрицы... Как бы то ни было, со всеми своими недостатками (жестокостью и любостыжанием, что отнюдь не являлось отличительными чертами его одного), Бирон оказал России большую услугу, укрепив центральную самодержавную власть, сильно поколебленную в предшествующее пятилетие. Оба брата Бирона служили в русской армии. В Турецкую войну один командовал дивизией, другой Гвардейским отрядом.

Делами армии заведовал другой немец. Иоганн Бургард — а по-русски Иван Богданых — Миних⁶⁴ был ветераном Северной войны и поседел на русской службе. Он сроднился с Россией и правильно понимал ее интересы (не забывая в то же время и своих). Понимал и любил военное дело, хотя и был рутинером. Помимо всего, он был карьеристом и искусным куртизаном. Отличаясь славолубием и властностью, он сгорал честолюбием, брался за все, не щади трудов, еще меньше слов для прославления трудов.

Реформы Миниха разнообразны, хотя и не всегда удачны. Сам сапер, он всячески стремился поднять значение корпуса инженеров и передал туда, между прочим, квартирмейстерскую часть, т. е. несложные функции тогдашнего генерального штаба. Он сознавал недостатки офицеров, производившихся из нижних чинов, их недостаточную образованность, грубость манер. Учреждение в 1731 году Офицерского училища, наименованного вскоре Шляхетским Кадетским Корпусом (ныне Первый Кадетский) должно было отчасти заполнить этот недостаток. Программа его была чрезвычайно разносторонней, сама организация очень напоминала имперские рыцарские академии. Всего Корпус был рассчитан первоначально на 200, затем на 300 кадет. Шляхетский Корпус выпускал офицеров в специальные роды оружия и в армейские полки. Гвардия держалась старого порядка производства. В программу Корпуса входили: богословие, юриспруденция, латынь, один из новых языков (огромное большинство выбрало немецкий, что не должно нас удивлять), география, математика, артиллерия, фортификация, верховая езда, фехтование и танцы. Кадеты могли быть пажами при Дворе.

Миних принял строгие меры от проникновения в русскую армию чужеземных авантюристов: ведено впредь принимать лишь офицеров, кои в знатных европейских армиях

служили и имеют надлежащие тому свидетельства. Привилегии иностранцев упразднены, их оклады сравнены с таковыми же их русских сослуживцев, получивших при немце Минихе равноправие в родной армии. Вместе с тем в армии введены немецкие порядки: чрезвычайно умножена канцелярщина и усложнено делопроизводство. Появились букли и парики с косами (причем у солдат сало и мука заменяли косметические принадлежности). От немцев же переняты наказания фухтелями⁶⁵ (шомполами, а в коннице — саблями плашмя). Подчас, весьма снисходительный к себе, Миних был неумолимо строг с подчиненными, например, за малейшие недочеты он выставлял под ружье старых заслуженных штаб-офицеров (и притом перед фронтом части).

Говоря об усилении в армии немецких порядков, следует заметить, что примеры у нас в те времена старались брать с армии цесаря. До увлечения пруссачиной дело пока не доходило.

В 1730 году учрежден третий гвардейский полк — Измайловский: по мысли немецкой партии, он должен был явиться противовесом двум петровским, но с первых же шагов слился с ними воедино.

В 1731 году Минихом составлены новые штаты для армии, заменившие старую табель Огильви 1704 года. В пехотных и драгунских полках упразднены гренадерские роты⁶⁶ и гренадеры распределены по остальным ротам полка (по 16 гренадер на фузилерную, по 10 на драгунскую роту). В пехоте выведены из употребления пики (протазаны для офицеров и алебарды для унтер-офицеров сохранены). Ротные знамена отобраны и даны новые, по 2 знамени на пехотный батальон и конный полк. В 1733 году от общего драгунского типа конницы сделано первое отступление: сформировано 4 кирасирских полка. В конце 30-х годов у нас стали заводиться гусары (преимущественно из сербских выходцев), их сформировано Минихом сперва 3 полка: Сербский, Валахский и Венгерский, затем еще 2: Молдавский и Грузинский и им отведены места для поселения в Малороссии, по южной границе. Гусары встречаются еще в Московской России (заимствованы из Польши, где в почете были крылатые панцирные гусары). В росписи 1681 года их указано 5 рот по 400–500 сабель, поселенных в Новгородской земле. При преобразовании армии в конце XVII века они исчезли и вновь появились лишь в конце царствования Петра I, когда в 1723 году сформирована команда гусарских охотников (главным образом сербов в 340 человек, из коих к 1730 году на службе осталось 80).

Значительно усилена артиллерия. Полковая увеличена с 2 на 3 пушки⁶⁷ в пехотных и драгунских полках. Полевая утроена в сравнении с петровской эпохой и доведена до 60 орудий, главным образом 8-фунтовых пушек. Осадная составила три бомбардирских корпуса в Петербурге, Киеве и Белгороде.

Ландмилиция, кроме южной окраины, учреждена в 1731 году еще на западной (Смоленская)⁶⁸ и восточной (Закамская). Пять лет спустя, южная ландмилиция составила Украинский ландмилицкий корпус. В 1734 году в подданство России приняты запорожцы. Астраханское казачье войско переименовано в Терское. Учреждены новые войска — Волгское (в южной части нынешней Саратовской губернии) и Исетское — на Урале.

В 1736 году последовало первое смягчение тяжелой и разорительной для дворянства личной рекрутской повинности. Единственным сыновьям, либо одному из братьев, разрешено оставаться при хозяйстве буде того пожелают. С другой стороны, установлением 10-летнего срока выслуги облегчено производство в офицерские чины унтер-офицеров не из дворян (производства эти, впрочем, были редки).

Внешний вид суровой петровской армии изменился. Драгуны получили голубые, василькового цвета, кафтаны, кирасиры — белые лосиные колеты. Помимо париков, кос, пудры введены белые галстуки, красные епанчи и белые кокарды на головных уборах⁶⁹. Гусары имели длинные висячие усы и носили с каждой стороны головы по тонкой косе (большей частью природных волос), в которые вплетались ружейные пули. Обмундирование им выписывалось из Венгрии.

Введение в воинский обиход косметики чрезвычайно осложнило солдатский туалет.

Наставления того времени предписывают рекрута одевать мало помалу, из недели в неделю, дабы не вдруг его связать и беспокоить... Молодой солдат облачался во всю форму не ранее конца 3-го месяца службы.

* * *

Миних боролся с чрезвычайным возрастанием количества нестроевых, но вместе с тем в видах экономии требовал возможно большей самокупаемости армии. Солдаты стали изучать всевозможнейшие ремесла: столярное, сапожное, портняжное и разные иные, что невольно влекло за собой упущения в главном их ремесле военном. Уход на вольные работы, преимущественно полевые, наблюдался особенно в полках, расположенных в провинции: солдатские артели большую часть года проводили у окрестных помещиков, многие занимались отхожими промыслами. На квартирах оставалось ничтожное количество людей, что делало невозможным производство экзерциций.

В городах донимала караульная служба и исправление полицейских обязанностей. Полиции в те времена, можно сказать, совсем не водилось, и столичные города — особенно кишевший всяким сбродом Петербург, по ночам делались чрезвычайно опасны. Для поддержания порядка наряжались пристойные партии драгун и фузилеров. Караулы содержались всюду — у сенаторов, в иностранных посольствах, в дессьянс академии, в кунсткамере... Рассматривая ведомость непременно караулам Бутырского полка, стоявшего тогда в Петербурге, мы находим графу:

В кунсткамере у слона — ефрейтор 1, рядовых 7 (!). Естественно, что когда две трети солдат уходило на вольные работы, а оставшаяся треть расписывалась по караулам, никого не оставалось для обучения воинскому артикулу. В трех пехотных полках московского гарнизона — Ингерманландском, Архангелогородском и Астраханском вместе, в 1736 году по штатам числилось 6500 человек — 4500 находилось в отлучке, ближней либо дальней, 1300 отправляло караульную службу — оставалось всего 700, из коих половина нестроевых.

В 1732 году в самовольной отлучке числилось 20000 человек, считая и давних дезертиров петровских времен. Громадный некомплект в полках не мог быть пополнен рекрутскими наборами, более частыми в этот период, чем в последние годы царствования Петра I. С 1719 года взято 53928 рекрутов, в среднем 6–7 тысяч в год. С 1727 по 1736 годы взято 147418, т. е. 14–15 тысяч ежегодно. В 1740 году, уже по окончании войны с Турцией, прусские шпионы (лучшие шпионы в Европе) доносили, что в случае новой войны, Россия при всем напряжении не в состоянии будет выставить более 140000 человек.

Война за Польское наследство 1733–1735 годов

В конце 1732 года скончался Август II⁷⁰, король польский, курфюрст саксонский, союзник Петра Великого в Северную войну. Польский трон становился вакантным и на него претендовали два кандидата⁷¹: сын покойного Август III Саксонский и известный уже нам по Северной войне Станислав Лещинский, ставленник Франции и возглавитель русофобской партии.

Ясно, что эта последняя кандидатура являлась для России неприемлемой, так как лишала ее спокойствия на ее западной границе. Поэтому Петербургский кабинет потребовал от Сейма снять ее. Однако представление это осталось безрезультатным. Партия Лещинского все усиливалась, и в августе 1733 года он был избран королем⁷².

Избрание это отнюдь не застало Россию врасплох. Предвидя такой оборот дел, правительство Императрицы Анны с весны начало сосредоточивать войска на литовской границе. 31-го июля фельдмаршал Ласси с 20000 человек перешел границу, овладел Литвой и Курляндией и в двадцатых числах сентября подошел к Висле.

Лещинский отправился в Данциг — окно в Европу, откуда мог ожидать помощи своего зятя Людовика XV. Ласси занял Прагу и Варшаву, где провозгласил королем Августа III и стал на зимние квартиры у Ловича и Скерневиц. Однако уже в декабре он получил повеление идти на Данциг и выступил туда с 12000 отрядом (численность русских войск в Польше и Литве достигала 50000, но большую часть пришлось оставить в стране для организации

тыла, поддержки саксонской партии и наблюдения за полчищами посполитого

рушенья).

В дальнейшем военные действия сосредоточились почти исключительно вокруг Данцига, где засел Лещинский с 20000 войска⁷³ (частью шведских и французских волонтеров, частью поляков). 23-го февраля начались осадные работы, а 5-го марта туда прибыл Миних, принявший главное командование.

Осада Данцига длилась четыре месяца. Франция, став открыто на сторону Лещинского, начала военные действия против России и Австрии (тоже поддерживавшей саксонскую кандидатуру). Французский флот, войдя в Балтийское море, старался прервать сообщение осадной армии с Россией и высадил в устье Вислы десант. С другой стороны король Пруссии объявил нейтралитет и препятствовал подвозу осадной артиллерии через свои владения. Миних вел долгую и неприятную переписку с Фридрихом-Вильгельмом и в конце концов прибегнул к хитрости: осадные мортиры были доставлены в русскую армию из Саксонии в закрытых каретах под видом экипажей курфюрста вюртембергского⁷⁴.

Тем не менее, чередуя бомбардировки со штурмами, Миних овладел большей частью предместий. Попытки поляков деблокировать Данциг окончились для них плачевно, 17000 было разбито в шесть раз слабейшим русским отрядом. 17-го июня французский десантный корпус положил оружие в составе 4-х полков⁷⁵ (5000 человек) у Вейксельмюнде. Так окончилось первое в истории столкновение русских с французами. Лещинский, переодевшись, бежал — и 8-го июля⁷⁶ 1734 года Данциг сдался. Овладение Данцигом стоило нам не свыше 3000 человек, главным образом при неудачном штурме Габельберга⁷⁷ (120 офицеров, 2000 нижних чинов). К концу осады у нас было до 16000 человек.

Дело Лещинского было с тех пор потеряно, и его сторонники пали духом. Многочисленные польские ополчения не представляли собой сколько-нибудь серьезного противника. Польское войско занималось усами и доставляло русским лишь утомление переходами. Иногда, — пишет адъютант Миниха Манштейн, большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слухи, что хотят дать сражение, но не успеют русские сделать двух пушечных выстрелов, как уже поляки бегут. Никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при всех встречах... Мало-помалу польские войска расходились по домам, и русские спокойно могли стать на зимние квартиры в стране Августа III.

Делать в Польше было уже нечего. В кампанию 1735 года кабинет решил двинуть русские войска в Германию, для оказания сикурсу цесарю, войско которого сражалось на Рейне с французами.

8-го июня 1735 года Ласси с 20-тысячным корпусом⁷⁸ двинулся из Польши через Силезию и Богемию в Баварию и 30-го июля прибыл в Нюрнберг⁷⁹ (довольствие австрийцы взяли на себя). До сих пор поход совершался благополучно, — доносил Ласси из Нюрнберга, — солдаты в пропитании нужды не имели и жалоб ни от кого на войско не приходило. В здешних краях очень удивлены, что многочисленная армия содержится в столь добром порядке; из дальних мест многие приезжают смотреть наше войско...

В сентябре армия прибыла на Рейн под Филиппсбург⁸⁰. Еще никогда русские орлы не залетали так далеко на Запад, но померяться силами с равноценным противником им в эту войну так и не пришлось. Французы заключили уже перемирие, а вскоре и мир с обеими империями⁸¹.

В ноябре месяце⁸² корпус Ласси двинулся обратно в Россию — в степях Украины начиналась новая война.

Турецкая война 1736–1739 годов

Причиной Турецкой войны в царствование Императрицы Анны Иоанновны явилось желание уничтожить униженный для России Прутский договор и обуздать подвластных Турции крымских татар, опустошавших Малороссию своими набегами (все представления петербургского кабинета Порте по этому поводу были безрезультатны).

Вместе с тем, высоко расценивая мощь Оттоманской империи, русское правительство решило заручиться помощью нашей союзницы Австрии (которой оно только что помогло

посылкой на Рейн корпуса Ласси). Для Австрии тех времен турецкие войны явились своего рода традицией (Монтекукули, Людвиг Баденский, принц Евгений). Цесарь Карл VI все же медлил с объявлением войны, ограничиваясь обещаниями, а Персия, воевавшая тогда с Турцией, стала склоняться на мир. Тем не менее, в Петербурге решили действовать. В начале 1735 года крымские татары, двигаясь в Закавказье на персов, прошли через русские владения на Украине, султан же не обратил внимания на наш протест.

Война была решена, и с весны 1735 года наши войска стали продвигаться с польского театра на Украину.

В августе этого года генерал Леонтьев⁸³ с армией в 39000 человек произвел неудачный поиск на Крым. Не дойдя до Перекопа, он вернулся с потерей до 9000 главным образом заболевшими.

Весной 1736⁸³ года к Азову был двинут корпус фельдмаршала Ласси, овладевший крепостью 20-го июля⁸⁴. В Азове взято 4000 пленных и 163 орудия. Наш урон 200 убитыми, 1500 ранеными. Легко ранен сам Ласси. Главная же армия Миниха в конце апреля двинулась к Перекопу. В ней считалось 58000 строевых (17 пехотных, 17 драгунских полков⁸⁵ и 12000 казаков) при колоссальном обозе, доходившем до 40000 телег. Петербургский кабинет и большинство военачальников полагали ограничиться одним опустошением гнезда хищников, но Миних решил завоевать страну. После месячного марша (переход в среднем 8 — 10 верст в сутки, причем армия двигалась одним большим каре) — Миних 21-го мая штурмовал перекопские линии и, после жестокого боя с татарами и турецким гарнизоном Перекопа, овладел ими.

Проникнув в Крым, армия сразу же стала испытывать большие лишения от недостатка воды (татары, отступая, опустошали страну и портили колодцы). 5-го июня взят Козлов (Евпатория). Простояв там пять дней, Миних распустил ложный слух о своем отступлении, а сам быстро двинулся на Бахчисарай, столицу ханства. 16-го июня Бахчисарай взят штурмом, разорен и сожжен. Миних простоял здесь 3 недели, причем армия сильно терпела от разного рода болезней, и 6 июля тронулся в обратный путь. 16-го августа армия отошла за Перекоп⁸⁶, совершенно эвакуировав Крым, который удалось разорить, но не удалось завоевать. Из строя выбыло 30000⁸⁷ (половина всего состава), но потери в боях составляют едва 2000. Ни в одном полку не оставалось в строю свыше 600 человек, и Миних отклонил предложение Петербурга идти на Крым вторично осенью.

До сих пор военные действия велись исключительно против татар (турецкие гарнизоны принимали в них участие лишь случайно). Султан не желал войны с Россией и Австрией, но обе эти державы отвергли⁸⁸ турецкие предложения (побуждаемые фантастическими, во всяком случае сильно преувеличенными донесениями российского посла в Царьграде Вешнякова о слабости Турции и готовящемся в случае войны поголовном восстании христиан). Туркам оставалось лишь изготавиться к борьбе.

* * *

В феврале 1737 года крымский хан, собрав до 100000⁸⁹, перешел Днепр у Переволочны и двинулся к Полтаве, уничтожив слабый русский отряд генерала Лесли и опустошив все на своем пути. Быстро собрав армию с квартир, Ласси двинулся ему навстречу, и хан отошел обратно за Днепр. Турки тем временем собрали в Бессарабии и на Дунае 200-тысячную армию, обратив главное свое внимание на Австрию.

Австрийцы настаивали на совместных действиях обеих союзных армий и требовали наступления русских в Валахию и на Дунай. Однако Миних убедил Императрицу отклонить домогательства цесаря (властолюбивый фельдмаршал опасался подчинения австрийскому главнокомандующему). Было положено каждому союзнику действовать за свой счет: австрийцам — в Сербии, русским — в Новороссии⁹⁰.

Россия выставляла две армии. Главная — Миниха (100000) должна была прервать сухопутные сообщения Крыма с Турцией, овладеть Очаковым, а затем взять Бендеры и идти на Дунай. Другая армия — Ласси (40000) шла на Крым. Для пополнения войск зимой 1736–1737 годов набрано 40000 рекрут, однако половина их погибла в дороге от болезней,

лишений и дурного обращения.

Армия Миниха — 90000⁹¹ (60000 строевых), разделенная на 3 дивизии, снабженная сильной артиллерией (646 орудий) и обремененная обозом в 28000 повозок и 2000 верблюдов собралась в конце апреля на Днепре и медленно двинулась к Бугу, которого достигла лишь 15-го июня (средняя величина перехода — 4 версты!). Оставив у переправы большую часть тяжестей, обозов и чересчур стеснительной артиллерии, Миних спустился правым берегом реки к Очакову. 29-го июня он подступил к крепости и 2-го июля овладел ею штурмом. Первый штурм был отражен. Турки, бросившись вслед за отступавшими, стали добивать раненых. Миних в отчаянии сломал шпагу, воскликнув: Все пропало!. Внезапно одна из последних, выпущенных наудачу бомб попала в турецкий пороховой погреб... Половина крепости взлетела на воздух и ободрившиеся войска, снова ринувшись в атаку, овладели ею после жестокой резни (из 17000 турок пощажено лишь 4000). В крепости взято 300 знамен и значков и 96 орудий. Наш урон до 4000: 1022 убитыми, 2841 ранеными.

Недостаток продовольствия и фуража побудил Миниха отступить с главными силами от Очакова вверх по Бугу на 80 верст, в Андреевское укрепление. Однако развивавшиеся в армии поварные болезни, тиф и чума, от которых погибло 15000 человек⁹², и массовый падеж скота (в одной артиллерии пало 30000 волов) заставили фельдмаршала спешно отослать на Украину сперва часть армии, а затем отступить за Днепр с остальными, оставив в Андреевском большую часть артиллерии и почти все обозы, лишившиеся запряжек. Убыль в людях в эту кампанию доходила до 35000 человек. Армия была в плачевном состоянии: По взятии Очакова, — пишет австрийский военный агент полковник Беренклау, — армия была приведена в такое расстройство, что ничего не могла более предпринять, и если бы турки со стороны Бендер на нее напали, то не встретили бы сопротивления... Но турки выручили Миниха своим бездействием, и фельдмаршал мог донести Государыне, что армия отведена от Очакова с викторией в добром порядке...

В Очакове оставлен был гарнизон в 9000 человек под начальством Штофельна. Лишь только армия Миниха удалилась на Днепр, из Бендер для отобрания Очакова выступило 50000 турок и татар. Храбрый Штофельн отразил все штурмы (с 14 по 28 октября), положив до 10000 неприятелей (еще столько же погибло от чумы, свирепствовавшей в турецко-татарских ордах и занесенной в русские войска). Остатки неприятельской армии вернулись в Вендоры.

Пока Миних воевал под Очаковым, фельдмаршал Ласси двинулся на Крым. Хан поджидал его с войском на Перекопе, но Ласси обманул врага, внезапно двинувшись по Арабатской стрелке глубоким заходом в тыл перекопской позиции, чем навел ужас на татар. Ханская армия была рассеяна и Ласси овладел всем полуостровом. Однако недостаток в продовольствии вынудил его в конце лета отвести войска в Северную Таврию.

Тем временем наши союзники, австрийцы, терпели в Сербии одно поражение за другим⁹³. Опасаясь к зиме турецкого нашествия, они просили посылки русского вспомогательного корпуса, но и на этот раз просьба их, по настоянию Миниха, была отклонена.

К началу 1738 года армию Миниха предложено было довести до 105000⁹⁴, однако потерь предыдущей кампании возместить не удалось, и к весне ее еле-еле довели до половины предложенной цифры. Поход этого года совершенно не удался. Миниху надлежало овладеть Бендерами. Он затратил два месяца на движение от Днепра к Бугу и еще месяц на поход от Буга к Днестру. Стесненная громадным обозом (40000 повозок), армия двигалась по безлюдной степи одной массой, большим каре. Бескормица и болезни спешили почти всю конницу, разведка не производилась, и от Буга к Днестру движение армии совершалось ощупью и сомкнутым строем.

26-го июля Миних подступил к Днестру выше Бендер, но переправиться на тот берег не решился: переправу пришлось бы форсировать на глазах бендерского сераскира, занимавшего с армией в 60000 человек при 75 больших орудиях командующие высоты у правого берега и зорко следившего за движениями русских. Почти месяц блуждала русская

армия по выжженной татарами степи, имея частые стычки и даже упорные, но не всегда удачные, бои с переправившимися неприятельскими партиями и отрядами. 21-го августа армия возвратилась на Буг в самом печальном виде: в строю ее не оставалось и половины состава дизентерия, тиф и чума косили людей тысячами. Большую часть артиллерии пришлось оставить за падежом лошадей и волов: пушки брошены в колодцы, снаряды зарыты в землю. Из Очакова и Кинбурна выведены гарнизоны, вернее их остатки, дабы не вымерли от чумы...

В сентябре Миних вернулся на Украину. Генералитет весь в добром здравьи, — доносил он Государыне, — а рядовые чрезвычайно бодры и всякий желает сражаться, дабы железо, свинец и порох в честь и славу Вашего Величества употребить, а везти все это назад с собой не без труда. Болезни, особенно в рекрутах, продолжают, только опасности никакой не видно... Миних весь вылился в этих немногих строках!

Ласси и в этом году ходил на Крым, но с тем же результатом — завоевывать страну, завоевал, но удержаться в ней не смог, и все по той же причине: невозможности довольствовать армию. Отступив осенью на зимние квартиры, он исходатайствовал разрешение этих утомительных походов больше не производить и получил на будущий год чисто пассивную задачу — охрану южных границ от татар.

Таким образом, кампания 1737 года⁹⁵, стоившая подобно двум предыдущим громадных материальных затрат и жертв людьми, окончилась, как и они, безрезультатно. Более того, терялся Очаков, единственное наше приобретение до сей поры.

У союзников-австрийцев дела обстояли еще хуже. Венский кабинет, жалуясь на неокказание помощи русскими, снова просил о поддержке. Военная коллегия предписала генералу Румянцеву (отцу будущего фельдмаршала) идти на выручку цесарцев с 30-тысячным корпусом⁹⁶, но тут снова вмешался Миних, и предписание это было отменено.

Потерю в боях за всю кампанию Миних исчисляет в своем рапорте в 700 убитыми и 250 ранеными, т. е. менее тысячи. На самом деле наш урон в боях раза в три больше, как то явствует из войсковых архивов. Так, в одном неудачном для нас деле, на Каменке 6 августа⁹⁷ мы лишились 500 убитыми и 500 пленными при внезапном нападении турко-татар на наших фуражиров. Собранный тут же Минихом военный суд приговорил начальника 2-й дивизии генерал-лейтенанта Загряжского (выславшего фуражиров, не спросившись главнокомандующего) и дежурного бригадира князя Кантакузена к разжалованию в рядовые, а начальника прикрытия полковника Тютчева — к расстрелянию. Свои неудачи Миних вымещал на подчиненных.

Весной 1739 года армия Миниха (68000 при 251 орудиях)⁹⁸ сосредоточилась в киевском районе. Операционным направлением, вместо принятой дотоле линии Переволочна — Бендеры, сделалась линия Киев — Яссы, представлявшая значительные выгоды, как в смысле преодолевания меньших естественных преград (Буг и Днестр в их верхнем течении), так и особенно, в смысле удобного довольствия войск (обильная Киевщина и Подолия вместо пустынных очаковских степей). Правда, путь войскам лежал через Подолию, польскую территорию, но это обстоятельство не смущало ни русских, ни турок. Речь Посполитая, уже впадшая в состояние маразма, не была в силах заставить уважать свой нейтралитет.

Вели-паша, сераскир бендерский, которому было поручено ведение войны с Россией, вторгнулся в Подолию, но, опоздав предупредить Миниха на переправе через Буг, отступил к Хотину (у него, как и в прошлом году, было 60000).

Миних избрал пунктом переправы через Днестр деревню Синьковцы, выше Хотина, однако, чтоб отвлечь внимание турок, двинулся с армией на реку Збруч и пошел галицийским берегом этой речки. Хотинский паша Гуссейн поспешил к устью Збруча, чтобы предупредить там русских. Тогда Миних, приказав Румянцеву с главными силами и тяжестями продолжать движение вдоль Збруча, сам с 20000 корпусом и продовольствием на 10 дней быстро двинулся к Синьковцам и 19-го июля благополучно перешел на правый берег Днестра, где и укрепился, поджидая главные силы. Турецкая армия, насчитывавшая по

соединении сераскира с Гуссейном 90000, расположилась у села Ставучаны и все время бездействовала, дав Миниху возможность 3-го августа без помехи соединиться с Румянцевым. 5-го августа Миних двинулся с Днестра на Прут, прошел не тревожимый турками трудное дефиле Буковинского леса и 17-го августа под Ставучанами наголову разбил турецкую армию. Ставучанское сражение, несмотря на кратковременность, носило упорный характер. Оно типично для нашей оборонительно-наступательной тактики тех времен (сперва отбитие натиска, затем переход в наступление)⁹⁹. Это единственное генеральное сражение за 3 года войны с турками. Миних показал урон всей армии всего в 66 человек (!). Между тем, один лишь батальон Семеновского полка потерял в этом деле 145 человек. Общая наша потеря в Ставучанской баталии не менее 1800–2000 человек¹⁰⁰. Турки оставили на поле сражения 1000 трупов, 50 орудий, весь лагерь и обозы. Миних построил отступавшим золотой мост и в первые часы не сознавал все значение этой победы. В Хотине взято 990 пленных и 183 орудия. Турки бежали к Дунаю, Хотин сдался без выстрела на следующий день, а 3-го сентября Миних вступил в Яссы.

Молдавия присягнула на подданство Императрице Всероссийской. Устроив в несколько дней управление краем, фельдмаршал решил овладеть в течение осени Вендорами, занять всю Молдавию и Валахию, устроить здесь прочную базу и весной 1740 года перенести военные действия за Дунай. Однако уже 12-го сентября в армию¹⁰¹, шедшую к Бендерам, пришло известие о заключении австрийцами сепаратного и позорного мира (мира постыдного и предосудительного — как выразился о нем Миних) и повеление прекратить военные действия. Миних немедленно сделал представление в Петербург требовать от Турции уступки Молдавии с Яссами и Хотинном, срытия Бендер и распространения границы на юге до Берислава на нижнем Днепре. Но мир в Белграде был уже подписан 18-го сентября и на условиях, не соответствовавших ни достоинству России, ни огромному количеству жертв... Россия уступала Порте все свои завоевания в Молдавии, обязывалась не содержать флота на Черном и Азовском морях, перевозить русские товары исключительно на турецких судах. Мы получили Азов, но с обязательством не содержать там крепости, наша граница продвинулась на 80 верст к югу в степях — и это ценою 150000 человеческих жизней...¹⁰²

* * *

При разборе войны 1735–1739 годов — четвертой по счету войны России с Турцией за полстолетия — мы должны прежде всего отметить полную несогласованность в действиях союзников — русских и австрийцев. Несогласованность эта с нашей стороны намеренная, три раза цесарь обращался в Петербург за помощью и три раза получал отказ по настоянию Миниха. Лозунг сам погибай, а немца выручай в те времена нашим правительством (хотя и состоявшим из немецких временщиков) в степень непреложного догмата еще возведен не был. Русские войска поэтому не были вовлечены в австрийскую катастрофу¹⁰³.

Внутренняя политика России все время отражается на ходе войны. Бирон и Миних — соперники, и курляндец был очень рад удалению своего риваля в южные степи, подальше от Петербурга, где он тем временем окончательно упрочил свою власть. Однако, когда в 1739 году после Ставучан для Бирона возникла опасность узреть Миниха в ореоле триумфатора, он быстро склоняет Императрицу к заключению мира, тем более, что война сильно истощила и без того скудные финансы и продолжать ее становилось рискованным, так как разгром Австрии освобождал главные силы турок (русский фронт Порты считала второстепенным, двинув две трети армии своей с самого начала против Австрии).

Русская стратегия в общем плачевна. В четырех крымских походах 1735, 1736, 1737 и 1738 годов в каждый последующий повторяются ошибки предыдущего, а все вместе повторяют ошибки допетровских времен, хождений Голицына к Перекопу. Основная ошибка — это слишком большая, громоздкая армия, которую трудно довольствовать. Легкий летучий корпус, корволант, из драгун с конной артиллерией вполне мог бы ее заменить.

Походы Миниха 1737 года — к Очакову и обратно, в 1738 году — к Днестру и обратно — особенно напоминают допетровское полковождение. Армия движется одной сплошной

массой (в последнем случае одним большим кареем с обозом посередине). Не говоря об организационных пороках армии (переобременение ее тяжестью), самый центр войны — безлюдная степь, т. н. Дикое Поле — способствовал неудаче этих двух походов, где мы лишились не более 8000 людей в боях, а свыше 60000 погибшими от болезней и лишений.

Вся эта пятилетняя изнурительная война смело могла бы состоять из одной лишь кампании 1739 года. Более того, Миних мог бы перенести военные действия на север к Хотину еще в 1738 году: неудача предыдущей (очаковской) кампании, казалось, должна была доказать ему неудобство ведения войны на театре, для которого тогдашняя русская армия не была подготовлена. Повторив в кампанию 1738 года все ошибки предыдущей кампании, Миних затянул войну на год и, потеряв этот год даром, не имел уже времени довести до конца свою кампанию 1739 года.

Ласси, видя страдания своих войск в крымских походах, испросил разрешения их больше не предпринимать. Сравнение его полководчества с таковым же Миниха напрашивается само собой — и оно отнюдь не в пользу этого последнего. Для честолюбивого и эгоистичного Миниха страдания войск решительно ничего не значили, он смотрел на войска главным образом и прежде всего как на орудия для достижения своих целей, своих планов, своей политики,

Совершенно другой характер носит деятельность Ласси. Это — благородная солдатская фигура, старый честный и храбрый воин, всегда стоявший в стороне от придворных интриг, живший интересами армии и нуждами своих подчиненных. По словам генерала Д. Ф. Масловского, он был бессменным часовым на страже действительных нужд осиротевшей русской армии, заброшенной во все время владычества Бирона и Миниха... Этой армии он отдал пятьдесят лет своей жизни и, умирая в 1750 году, мог сказать, что вся его жизнь была дана на потребу воинскую его второй родины.

Как бы то ни было, Миних, всегда старавшийся быть на виду, получал первые роли — Ласси оставался в тени.

* * *

Рассматривая состав русской армии в этот упадочный для нее период, мы не можем не поразиться огромным количеством артиллерии и всякого рода обозов. Отправляясь в степной поход 1737 года и имея в строю 60000, Миних запасается колоссальным количеством артиллерии — 646 пушек и мортир, т. е. 11 орудий на тысячу бойцов (тогда как нормой для того времени считалось 3, самое большее 4). Это показывает, что Миних, несмотря на опыт своего похода в Крым в 1736 году, не отдавал себе отчета в свойствах противника и особенностях степной войны. Подвижные скопища татар требовали для борьбы с собой именно легких войск. Собственно осадных орудий (для Очакова) запасено было немного. Последствия этого не замедлили сказаться, и большая часть этой артиллерии брошена в степи. Еще более обременяли армию обозы: в 1737 году — 28000 телег и 2000 верблюдов, в 1738 году — 40000 телег, буквально сколько солдат, столько повозок. По штатам 1731 года на пехотный полк (8 рот) полагалось 152 телеги, но в 1737–1738 годах их было по 250–300. Этот безобразный обоз, парализовавший всю армию, объяснялся отчасти тем обстоятельством, что действовать приходилось в пустынной и ненаселенной местности и все запасы приходилось везти с собою; однако сибаритство и распущенность имеют тоже свою долю вины. Санитарное состояние армии было самым плачевным: не хватало ни врачей, ни лекарств, большая часть больных умирала. Нераспорядительность провиантской части присоединялась к болезням — при отступлении от Очакова, например, армию несколько дней довольствовали одним сырым тестом.

Австрийский военный агент капитан Парадиз, бывший в степном походе 1738 года, пишет следующее: Русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей... есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов. Неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижной... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на который всякая другая армия употребляет 4 часа... При моем отъезде из армии было

более 10000 больных: их перевозили на телегах как попало, складывая по 4, по 5 человек на такую повозку, где может лечь едва двое. Уход за больными не велик; нет искусных хирургов, всякий ученик, приезжающий сюда, тотчас определялся полковым лекарем... Кавалерия, по словам Парадиза¹⁰⁴, настолько отягчена оружием и кладью, что ее за драгунов почитать нельзя...

Еще так недавно, при Петре, за каких-нибудь 15 лет до этих событий русские войска без чрезмерного напряжения¹⁰⁵ проделывали за одну кампанию 1000 и 1500 верст, нисколько не теряя боеспособности: от Минска с боями до Полтавы, от Полтавы до Риги, от Риги до Ясс... Теперь те же войска не могут сделать и 200 верст, не придя в полное расстройство!

Все что приготовил Петр Великий своим мозолистым трудом было растеряно, пишет один из исследователей этой эпохи, — и в Турецкую войну перевелись ветераны Полтавы...

Шведская война 1741–1743 годов

Война за польское наследство и Данцигская экспедиция принесли Франции мало славы. В чаянии реванша правительство Людовика XV повело интригу в Швеции. Происки эти увенчались успехом, и 28-го июля 1741 года Швеция, отказавшись признать императорский титул Иоанна VI, объявила России войну под предлогом различных обид и несправедливостей, чинимых ей Россией.

Однако удобный момент был пропущен. Турецкая война уже закончилась, и Россия могла обратить все свое внимание на северного врага. К тому же, несмотря на долговременную подготовку к войне, шведские силы оказались совершенно недостаточными для наступления, их не хватало даже на сколько-нибудь серьезную оборону (не свыше 15000 на широком фронте).

13-го августа состоялся указ Императора-младенца о войне со Швецией, а уже 26-го¹⁰⁶ главнокомандующий, фельдмаршал Ласси, наголову разбил корпус шведского генерала Врангеля под Вильманстрандом. У Ласси было 10000, у Врангеля 6000. Наш урон — 2400 убитых и раненых, шведов — 3300 убитых и раненых, 1300 пленных, 4 знамени, 13 орудий.

Этим сражением и закончилась кампания 1741 года. В дальнейшем война велась не столько в поле, сколько в кабинетах. Шведский главнокомандующий граф Левенгаупт, по совету хитроумных версальских политиков, опубликовал манифест, в котором уговаривал достохвальную российскую нацию не сопротивляться шведам, идущим освобождать Россию от ига иноземных временщиков. Манифест этот не имел ни малейшего успеха, но замечателен, как одна из первых попыток разложения тыла противника в военной истории нового времени. По словам Левенгаупта, Швеция взялась за оружие для освобождения русского народа от несносного ига, которое позволяют означенные иностранные министры... Намерения Короля Шведского состоят в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию для ее же собственной безопасности от тяжкого чужеземного притеснения и безчеловечной тирании и представить ей свободное избрание законного и справедливого правительства... Этого достигнуть будет невозможно до тех пор, пока чужеземцы по своему произволу и для собственных целей будут господствовать над русскими. Вследствие таких справедливых намерений Его Королевского Величества, должны и могут все русские соединиться со шведами и, как друзья, отдаваться сами и с имуществом под высокое покровительство Его Величества...

Вступившая 25-го ноября 1741 года на всероссийский престол Императрица Елизавета Петровна, хотя и расположенная к Франции (Шетарди, Лесток), с негодованием отвергла франко-шведские предложения уступки Выборгской области. Война продолжалась, и непрощеным освободителям пришлось круто.

В июле 1742 года русская армия перешла в решительное наступление по всему фронту за Кюмень. Были взяты Тавастгус и Борго, а 26-го августа под Гельсингфорсом Ласси отрезал отступление шведской армии, которая и положила оружие в количестве 17000 человек (русских было столько же).

Гельсингфорская капитуляция нанесла решительный удар Швеции, начавшей мирные

переговоры. Переговоры эти, долго тянувшиеся, привели 16-го июня 1743 года к подписанию Абосского мира, по которому Россия получала известные территориальные приращения. Граница со Швецией пошла по реке Кюмень.

В общем, война эта велась вяло, несмотря на наличие с нашей стороны бесспорного превосходства в силах. Военные действия сводятся к двум эпизодам: вильманstrandской баталии и гельсингфорскому маневру, делающим честь фельдмаршалу Ласси. Миних не принимал в этой войне участия. Он стал первым лицом в государстве, свергнув Бирона, но свержение брауншвейгской династии¹⁰⁷ положило конец его политической и военной деятельности.

Елизаветинская эпоха

Воцарение дочери Петра Великого встречено было общим ликованием в армии и во всей стране, как избавление от немецких порядков и засилья немецких временщиков.

Гренадерская рота Преображенского полка, способствовавшая перевороту 25-го ноября, была названа лейбкам-панией, служившие в ней офицеры пожалованы генеральским чином, сержанты и капралы — штаб-офицерами и капитанами, все рядовые не дворяне возведены в дворянское достоинство. Императрица Елизавета приняла на себя звание полковника всех гвардейских полков. Значительное количество старших начальников из немцев было уволено, Миних сослан в Сибирь, где оставался все царствование Елизаветы. Из ссылки Миних (стараясь все время быть на виду) присылал всевозможные прожекты, так что ведено, наконец, отобрать от него бумагу. Возник вопрос, как быть с кирасирским полком опального фельдмаршала, носившим его имя согласно указу Императрицы Анны во веки. Выход был найден, и полк назван бывшим Миниховым кирасирским, но уже в 1756 году получил № 3 (ныне 13 драгунский Военного Ордена).

Первое время петербургскому населению много приходилось терпеть от самоуправства гвардейских солдат, особенно лейб-кампанцев, не признававших над собой никакой власти. Весною 1742 года Гвардия отправлена в поход в Финляндию, где не без труда удалось ее взять в руки.

Войска подвергались ряду важных преобразований. В 1741 году — еще в правление Брауншвейгской фамилии, в полках восстановлены гренадерские роты, упраздненные было за десять лет до того. В 1747 году, по представлению Ласси, все полки переформированы из 2-х батальонного в 3-х батальонный состав с 1 полковой гренадерской ротой, а в 1753 году гренадерские роты образованы (сверх 4-х фузилерных) в каждом батальоне. В 1756 году, накануне Семилетней войны, из третьих гренадерских рот различных полков сформировано 4 номерных гренадерских полка и в полках осталось по 12 фузилерных и 2 гренадерские роты.

Вообще гренадеры были любимым родом войск Императрицы Елизаветы и при том не только в пехоте. В кавалерии было образовано 9 конно-гренадерских полков (некоторые из них вскоре опять обращены в драгунские).

Когда по Белградскому миру 1739 года Австрия отдала Сербию туркам, сербы десятками тысяч устремились в Россию. Императрица Елизавета отвела им места на поселение вдоль южных границ на усиление ландмилиции (начало сербской колонизации было положено еще в царствование Анны Иоанновны). Сербь поселены частью на правом берегу Днепра — в Новой Сербии (Елизаветграде), частью на левом — в Славяно-Сербии (Славянок). Из поселенцев этих, стараниями Депрерадовича и Шевича, к концу царствования сформировано 12 гусарских полков, именовавшихся частью по национальностям (Сербский, Венгерский...), частью по цветам (Черный, Желтый и т. п.)¹⁰⁸.

В 1748 году учреждено Оренбургское казачье войско (из Исетского войска и части Закамской ландмилиции), а в 1752 году учреждением в низовьях Волги Астраханского казачьего полка положено начало Астраханскому войску.

Важнейшим военным событием первой половины этого царствования, по окончании Шведской войны, был поход 30-тысячного корпуса князя Василия Репнина (сына князя Аникиты Ивановича) весной 1748 года из Лифляндии через Богемию и Баварию на Рейн для

помощи союзнице Елизаветы, австрийской императрице Марии-Терезии. Поход удался вполне. Пруссия склонилась на мир¹⁰⁹, русской же крови за чужие интересы на этот раз проливать не пришлось. Своим видом, порядком, дисциплиной русские войска, подобно корпусу Ласси за 13 лет до того, и теперь вызвали удивление и зависть иностранцев, начиная с императрицы, смотревшей корпус в Кремзире. В донесении Репнина военной коллегии: Императрица объявила удовольствие о добром порядке войск, тако же, что люди хорошие... Еще же удивляются учтивости солдатской. Мы де вчера ездили гулять и заехали нечаянно в деревню. Солдат побежал дать знать без всякого крику и дал знать; до того часу как офицеры, так и солдаты из своих квартир выступили и отдали шляпами честь... Императрица выразила сожаление¹¹⁰, что не обратилась раньше за помощью к русским: Тогда бы мы того не терпели, что ныне терпим. Француз Лопиталь, смотревший корпус Репнина в Риге, записал: Русская армия хороша, что касается состава. Солдаты не дезертируют¹¹¹ и не боятся смерти.

Особенное влияние на дела армии приобрел в 50-х годах президент военной коллегии — генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов.

Обладая универсальными способностями (при полном неумении однако их согласовать), Шувалов брался за все, напоминая в этом отношении Миниха. Он упорядочил систему рекрутских наборов, до того времени производившихся неравномерно. В 1757 году вся страна была разделена на 5 полос. Ежегодно производился набор в одной из них по очереди — так что в каждой полосе набор бывал раз в пять лет. Порядок сдачи рекрут был настоящей язвой нашей военной системы. Люди отправлялись в полки, зачастую за тысячу верст, обычно осенью и зимой. В рекруты сдавали многих заведомо негодных по здоровью и бесполезных общине. Смертность среди рекрут в пути и по прибытии была громадна, побегии были тоже часты и до полков доходила едва половина. Например, в набор 1756 года приговорено к отдаче 43 088 рекрут, сдано приемщикам 41 374, отправлено теми в полки 37675, прибыло 23 571...

Убежденный сторонник огневой тактики, Шувалов считал главным родом оружия артиллерию. Пехота и конница должны были лишь обслуживать этот главный род оружия. Главным же видом артиллерии, по его мнению, являлся единок (гаубица). Шувалов даже проектировал вооружить всю артиллерию исключительно единоками.

Свои теории фельдцейхмейстер стал проводить в жизнь в середине 50-х годов перед самым началом Семилетней войны. Он сформировал особый Обсервационный корпус из 11000 человек, составивших 5 мушкетерских (номерных) полков особого устройства. Полки эти должны были являть сочетание пехоты с артиллерией, и на вооружении их состояло 36 единок особенной шуваловской конструкции — так называемых секретных (орудия эти окружены были большой таинственностью, их возили всегда закрытыми, прислуга особою присягою обязывалась никому не сообщать их устройства, хотя, по правде, эти единоки ничего особенного собой не представляли). Единок — геральдический зверь герба Шуваловых. В честь него в русской армии всю вторую половину XVIII и начало XIX века гаубицы звались единоками. Секретные гаубицы отличались тем, что в одном теле было высверлено два канала — для стрельбы ядром (3-фунтового калибра) и специально для стрельбы картечью (в форме эллипса для лучшего рассеяния). По общему отзыву эти универсальные орудия стреляли одинаково плохо как ядрами, так и картечью. По уходе Шувалова (1762) единоки его в армии не удержались. Их пробовали продать французам, но те забраковали их по причине чрезмерного отката при выстреле. На составление Обсервационного корпуса из полков отбирали лучших людей, что влекло за собой всеобщее неудовольствие. Корпус этот сборного состава, громоздкий и тяжеловесный на походе, неповоротливый в бою (несмотря на то, что число орудий в полках было убавлено наполовину — с 36 на 18), не имевший ни сколько-нибудь продуманной организации, ни полковых традиций — не выдержал боевого испытания: он был наголову разгромлен под Цорндорфом, остатки его расформированы, а секретные единоки Шувалова, попав в руки пруссаков, перестали быть секретными... Обсервационным корпус этот был назван в смысле

опытного (обсервации подвергались здесь знаменитые единороги).

Артиллерия была в общем значительно усилена. Полковая была еще в 1745 году усилена (4 пушки на пехотный полк), а с переходом пехотных полков на 3-х батальонное положение, даже удвоена против прежней нормы (6 3-фунтовых пушек на полк, по 2 на батальон). Полевая артиллерия была сведена в 2 полка, общей численностью 140 орудий в строю и 92 в резерве при фурштадских (обозных) ротах. Сверх того имелось 73 осадных орудия и 105 секретных гаубиц Обсервационного корпуса. Число орудий действующей армии было доведено в общем до 800. Для подготовки офицеров артиллерии был в 1758 году основан Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус (ныне 2-й Кадетский).

Идеи Шувалова в сильной степени отразились на составлении Устава 1755 года, заменившего старый петровский Устав 1716 года, во всем касавшемся обучения и тактики войск. Придерживаясь оборонительных начал и строго огневой тактики, устав этот особенно важное значение отводил артиллерии. От пехоты требовалось главным образом — ив первую очередь — производство огня.

Пехота строилась в четыре шеренги, первые две стреляли с колена. Для стрельбы батальон (гренадеры и фузилеры вместе) рассчитывался на 4 плутонга, так что стрелковые подразделения не совпадали с административными. В развернутом строю гренадерские роты шли полуротно на обоих флангах батальона.

Наиболее употребительные карей были: полковой, употреблявшийся при неподвижной обороне, преимущественно, отражении конницы: три первые фузилерные роты образовывали передний фас, три последние — задний; из оставшихся средних — три четные (4-я, 6-я, 8-я) образовывали правый, три нечетные — левый фасы. Гренадеры распределялись по фузилерным ротам и все вместе рассчитывались на плутонги, по 3 плутонга на фас. Полковая артиллерия становилась на углах, обычно по две пушки на передних, по одной на задних. При наступлении сочинялся карей иного рода — длинный, или долгий — о трех сторонах: 8 рот в переднем фасе, по 2 в каждом из боковых, заднего фаса нет. Этот трехсторонний карей был излюбленным построением нашей армии в блестящий период второй половины XVIII века.

Строевая часть усложнялась до чрезвычайности введением в каждодневный обиход громадного количества ненужных команд, приемов и построений, рабского копирования пруссачины. Петр Великий учил войска лишь тому, что им сможет пригодиться на войне. В середине XVIII века (в эпоху Шувалова и Чернышева), плац-парадные требования начинают заслонять собственно боевые. Команды были лихие с замиранием сердца, но многословные и часто походили на монологи. Для заряжания, приклада и выстрела требовалось, например, по разделениям подача тридцати особых команд — темпов (пли! лишь на двадцать восьмом темпе, а на тридцатом ружье бралось на погребение). Введен был прусский журавлиный шаг и прусское наказание — палки — за плохой строй. Особенное внимание обращалось на быстроту заряжания и отчетливость приемов при этом. Если солдат ронял патрон, то тут же перед фронтом его нещадно били палками либо фухтелем.

Уставу 1755 года суждено было остаться мертвой буквой для большей части русской армии. Год спустя был объявлен поход и на полях Пруссии было не до выстрелов в тридцать темпов. А вскоре, по окончании Семилетней войны, вся эта плац-парадная премудрость сошла на нет в славное царствование Екатерины II, чтобы с новой силой воскреснуть при Императоре Павле и его двух сыновьях.

Надо заметить, что отношения России к Пруссии были при Елизавете самые холодные¹¹². Вводя в армию пруссачину, Шувалов отдавал лишь дань общему для всей тогдашней Европы преклонению перед Фридрихом II, доведшим автоматическую выучку своих солдат до крайней степени совершенства и превратившим свои батальоны в машины для стрельбы.

С этой армией-машиной нам и пришлось помериться силами два года спустя.

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ I:

Лейб-Гвардии С. Петербургский (1726 год Аджеруцкий, с 1790 года — С.

Петербургский);

15-й гренадерский Тифлисский (1726 год Куринский, с 1784 года Тифлисский);

23-й пехотный Низовский (1726 год Астаринский, с 1732 года — Низовский);

80-й пехотный Кабардинский (1726 год Ранокуцкий, с 1732 года Кабардинский).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АННОЙ:

Лейб-Гвардии Измайловский (1730 год);

31-й пехотный Алексопольский (1731 год Алексеевский, Закамской ландмилиции, с 1784 года — Алексопольский);

1-й кадетский Корпус (1731 год Офицерское училище¹¹³, с 1801 года — 1-й Кадетский корпус).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ:

Лейб-Гвардии Гренадерский (1756 год 1-й Гренадерский, с 1813 года Лейб-Гвардии Гренадерский);

1-й гренадерский Екатеринославский (1756 год 3-й Гренадерский, с 1785 года — Екатеринославский);

6-й гренадерский Таврический (1756 год 2-й Гренадерский, с 1785 года Таврический);

10-й гренадерский Малороссийский (1756 год 4-й Гренадерский, с 1790 года Малороссийский);

11-й уланский Чугуевский (1749 год Чугуевский слободской казачий, с 1808 года — уланский Чугуевский);

4-й гусарский Мариупольский (1748 год Бахмутский слободской казачий, с 1801 года — гусарский Мариупольский);

2-й Кадетский Корпус (1758 год Артиллерийский и Инженерный Кадетский корпус, с 1801 года — 2-й кадетский Корпус).

Глава III. Семилетняя война

Быстрое усиление Пруссии вызвало общую зависть и тревогу среди европейских держав. Австрия, потеряв в 1734 году Силезию¹¹⁴, жаждала реванша. Францию тревожило сближение Фридриха II с Англией. Русский канцлер Бестужев считал Пруссию злейшим и опаснейшим врагом России. Еще в 1755 году Бестужев хлопотал о заключении так называемого субсидного договора с Англией. Англии надлежало дать золото, а России — выставить 30–40 тысяч войска. Прожекту этому так и суждено было остаться прожектом. Бестужев, правильно учитывая значение для России прусской опасности, обнаруживает в то же время полное отсутствие зрелости суждения. Он полагает сокрушить Пруссию Фридриха II корпусом в 30 40 тысяч, а за Деньгами обращается ни к кому иному, как к союзнице Пруссии Англии. При таких обстоятельствах в январе 1756 года Пруссия заключила союз с Англией, ответом на что явилось образование тройственной коалиции из Австрии, Франции и России, к которым присоединились Швеция и Саксония. Австрия требовала возвращения Силезии, России была обещана Восточная Пруссия (с правом обмена ее у Польши на Курляндию), Швеция и Саксония соблазнены другими прусскими землями: первая — Померанией, вторая — Лузацией. Вскоре к этой коалиции примкнули почти все немецкие княжества (государства имперского союза). Душой всей коалиции явилась Австрия, выставившая наибольшую армию и располагавшая лучшей дипломатией. Австрия очень ловко сумела заставить всех

Карта Театр Гравюра Семилетней неизвестного войны художника. (1756–1763 года) Конец XVIII века своих союзников и, главным образом Россию, обслуживать ее интересы.

Пока союзники делили шкуру неубитого медведя, Фридрих, окруженный врагами, решил не дожидаться их ударов, а начать самому. В августе 1756 года он первый открыл военные действия, пользуясь неготовностью союзников, вторгся в Саксонию, окружил саксонскую армию в лагере у Пирны и заставил ее положить оружие. Саксония сразу же

выбыла из строя, а плененная ее армия почти целиком перешла на прусскую службу.

Русской армии поход был объявлен в октябре 1756 года и в течение зимы она должна была сосредоточиться в Литве. Главнокомандующим назначен был фельдмаршал граф Апраксин, поставленный в самую тесную зависимость от Конференции — учреждения заимствованного от австрийцев и представлявшего собою в русских условиях ухудшенное издание пресловутого гофкригсрата. Членами Конференции были: канцлер Бестужев, князь Трубецкой, фельдмаршал Бутурлин, братья Шуваловы. Впрочем одним этим наше австрофильство не ограничивалось, а шло гораздо далее — Конференция сразу попала всецело под австрийское влияние и, командуя армией за тысячу верст от Петербурга, руководилась, казалось, в первую очередь соблюдением интересов венского кабинета.

* * *

В 1757 году определилось три главных театра, существовавших затем в продолжении всей Семилетней войны — Франко-имперский (Западная Германия), главный или Австрийский (Богемия и Силезия) и Русский (Восточная Пруссия).

Кампанию открыл Фридрих, двинувшись в конце апреля с разных сторон концентрически — в Богемию. Он разбил под Прагой австрийскую армию принца Карла Лотарингского и запер ее в Праге. Однако на выручку ей двинулась вторая австрийская армия Дауна, разбившая Фридриха при Колине (июнь). Фридрих отступил в Саксонию, и к концу лета его положение сделалось критическим. Пруссия была окружена 300000 врагов. Король поручил оборону против Австрии герцогу Бевернскому, а сам поспешил на Запад. Подкупив главнокомандующего северной французской армией герцога Ришелье и заручившись его бездействием, он после некоторых колебаний (вызванных дурными известиями с Востока) обратился на южную франко-имперскую армию. Фридрих II не был бы пруссаком и германцем, если бы действовал одними честными способами. Он заключил сделку с Ришелье, подобно тому, как Бисмарк провоцировал войну с Францией подделкой эмской депеши и как Вильгельм II, провоцировавший русскую мобилизацию подложным декретом (эпизод с Локаль Анцейгером), послал затем в Россию Ленина.

Германцы не изменились со времен Тацита. Оеппа теп-д. ас'ю па'лит — племя, рожденное во лжи... С 21000 армией он наголову разгромил 64000 франко-имперцев Субиза под Росбахом, а затем двинулся в Силезию, где Бевернский был тем временем разбит под Бреславлем. 5-го декабря Фридрих обрушился на австрийцев и буквально испепелил их армию в знаменитом сражении при Лейтене. Это — самая блестящая из всех кампаний Фридриха (по словам Наполеона, за один Лейтен он достоин именоваться великим полководцем).

Русская армия, оперировавшая на второстепенном восточно-прусском театре войны, оставалась в стороне от главных событий кампании 1757 года. Сосредоточение ее в Литве заняло всю зиму и весну. В войсках был большой некомплект, особенно чувствовавшийся в офицерах (в Бутырском полку, например, не хватало трех штаб-офицеров из пяти, 38 обер-офицеров, — свыше половины, и 557 нижних чинов — свыше четверти. Административная и хозяйственная часть не была устроена).

В поход шли отнюдь не с легким сердцем. Пруссак у нас побаивались. Со времен Петра I и особенно Анны, немец являлся для нас существом заповедным иного, высшего порядка, учителем и начальником. Пруссак же был прямо всем немцам немец. — Фредерик, говорят, самого француза бивал, а цесарцев и паче — где уж нам многогрешным супротив него устоять!.. Так рассуждали, меся своими башмаками литовскую грязь, будущие победители под Пальцигом и Кунерсдорфом. Скверная русская привычка всегда умалить себя в сравнении с иностранцем... После первой стычки на границе, где три наших драгунских полка были опрокинуты прусскими гусарами, всей армией овладела превеликая робость, трусость и боязнь (чистосердечно признается Болотов) — сказывавшиеся, впрочем, на верхах гораздо сильнее, чем на низах.

К маю месяцу сосредоточение нашей армии на Немане окончилось. В ней считалось 89000 человек, из коих годных к бою — действительно сражающихся не более 50–55 тысяч,

(остальные нестроевые всякого рода, либо неорганизованные, вооруженные луками и стрелами калмыки).

Пруссию обороняла армия фельдмаршала Левальда (30 500 регулярных и до 10000 вооруженных жителей). Фридрих, занятый борьбой с Австрией и Францией, относился к русским пренебрежительно (русские же варвары не заслуживают того, чтобы о них здесь упоминать, заметил он как-то в одном из своих писем).

Русский главнокомандующий, как мы знаем, зависел всецело от петербургской Конференции. Он не имел права распоряжаться войсками без формальной каждый раз на то апробации кабинета, не имел права проявлять инициативу в случае изменения обстановки и должен был сноситься по всяким мелочам с Петербургом. В кампанию 1757 года Конференция предписала ему маневрировать так, чтобы для него все равно было прямо на Пруссию или влево через всю Польшу в Силезию маршировать. Целью похода ставилось овладение Восточной Пруссией, но Апраксин до июня не был уверен, что часть его армии не будет послана в Силезию для усиления австрийцев.

25-го июня авангард Фермера овладел Мемелем, что послужило сигналом к открытию кампании. Апраксин шел с главными силами на Вержболово и Гумбинен, выслав авангард генерала Сибильского — 6000 коней, к Фридланду для действия в тыл пруссакам. Движение нашей армии отличалось медлительностью, что объясняется административными неурядицами, обилием артиллерии и опасением прусских войск, о коих ходили целые легенды. 10-го июля главные силы перешли границу, 15-го прошли Гумбинен и 18-го заняли Инстербург. Конница Сибильского не оправдала возлагавшихся на нее надежд, как полтора года спустя — на этих же местах, не оправдает их отряд Хана Нахичеванского... Левальд поджидал русских на сильной позиции за рекой Алле, у Велау. Соединившись с авангардом Фермером и Сибильским, Апраксин 12-го августа двинулся на Алленбург, в глубокий обход позиции пруссаков. Узнав об этом движении, Левальд поспешил навстречу русским и 19-го августа атаковал их при Гросс-Егерндорфе, но был отбит. У Левальда в этом сражении было 22000, Апраксин имел до 57000, из коих, однако, половина не приняла участия в деле. Участь боя решил Румянцев, схвативший пехоту авангарда и пошедший с ней через лес напролом в штыки. Пруссак этой атаки не выдержали. Трофеями победы было 29 орудий и 600 пленных. Урон пруссаков до 4000, наш свыше 6000. Эта первая победа имела самое благотворное влияние на войска, показав им, что пруссак не хуже шведа и турка бежит от русского штыка. Заставила она призадуматься и пруссаков.

После егерндорфского сражения пруссаки отошли к Веслау. Апраксин двинулся за ними и 25-го августа стал обходить их правый фланг. Левальд не принял боя и отступил. Собранный Апраксиным военный совет постановил, ввиду затруднительности продовольствия армии, отступить к Тильзиту, где привести в порядок хозяйственную часть. 27-го августа началось отступление, произведенное весьма скрытно (пруссак узнали о том лишь 4-го сентября). На марше выяснилось, что вследствие полного неустройства невозможно перейти в наступление этой же осенью и решено отступить в Курляндию. 13-го сентября покинут Тильзит, причем русский военный совет постановил уклониться от боя с авангардом Левальда, несмотря на все наше превосходство в силе (трусости и боязни, конечно уже и помину не было, но пресловутая робость видно не успела окончательно покинуть наших старших начальников). 16-го сентября вся армия отведена за Неман. Кампания 1757 года окончилась безрезультатно вследствие необычайного стеснения действий главнокомандующего кабинетными стратегами и расстройств хозяйственной части (в те времена не зависевшей от строевой, а имевшей, как мы то знаем, свою особенную иерархию).

Конференция требовала немедленного перехода в наступление (как то обещала союзникам наша дипломатия). Апраксин ответил отказом, был отрешен от должности и предан суду (умер от удара, не дождавшись суда). С ним поступили несправедливо, Апраксин сделал все, что мог бы сделать на его месте любой начальник средних дарований и способностей, поставленный действительно в невозможное положение и связанный по рукам

и ногам Конференцией.

* * *

Вместо Апраксина главнокомандующим был назначен генерал Фермер — отличный администратор, заботливый начальник (Суворов вспоминал о нем как о втором отце), но вместе с тем суетливый и нерешительный, прототип Куропаткина. Фермер занялся устройством войск и налаживанием хозяйственной части.

Фридрих II, пренебрежительно относясь к русским (с ними дела он лично еще не имел) не допускал и мысли, что русская армия будет в состоянии проделать зимний поход. Он направил всю армию Левальда в Померанию против шведов, оставив в Восточной Пруссии всего 6 гарнизонных рот. Фермер знал это, но не получая приказаний, не двигался с места.

Тем временем Конференция, чтобы опровергнуть ходившие в Европе, стараниями прусских газетиров, предосудительные мнения о боевых качествах российских войск, приказала Фермеру по первому снегу двинуться в Восточную Пруссию. Вот один образчик из тысячи (показания некоего безпристрастного иностранца, видевшего русскую армию): Сколько-нибудь боеспособными — и то в очень невысокой степени — могут считаться лишь гренадерские полки, пехотные полки никакого сопротивления оказать не в состоянии... Самая посредственная немецкая городская милиция качеством бесспорно выше российских войск... Солдаты худо обучены, еще хуже снаряжены, офицеры никуда не годятся, особенно в кавалерии: у русских даже поговорка сложилась: плох, как драгунский офицер...(1). В лице казаков Краснощекова, занявших Берлин, газетиры нашли оппонентов весьма... хлестких.

В первый день января 1758 года колонны Салтыкова и Румянцева (30000) перешли границу. 11-го января занят Кенигсберг, а вслед затем и вся Восточная Пруссия, обращенная в русское генерал-губернаторство. Мы приобретали ценную базу для дальнейших операций и, собственно говоря, достигли поставленной нами цели войны. Прусское население, приведенное к присяге на русское подданство еще Апраксиным, не противилось нашим войскам (местные же власти настроены были благожелательно к России). Овладев Восточной Пруссией, Фермер хотел было двинуться на Данциг, но был остановлен Конференцией, предписавшей ему обождать прибытия Обсервационного корпуса, демонстрировать совместно со шведами на Кюстрин, а затем идти с армией на Франкфурт. В ожидании летнего времени Фермер расположил большую часть армии у Торна и Познани, не особенно заботясь о соблюдении нейтралитета Речи Посполитой.

2 июля армия тронулась к Франфору, как ей указано. Она насчитывала 55000 бойцов. Расстройство Обсервационного корпуса (шуваловцев), незнание местности, затруднения с продовольствием и постоянные вмешательства Конференции привели к напрасной трате времени, продолжительным остановкам и контр-маршам. Все маневры производились под прикрытием конницы Румянцева (4000 сабель), действия которой можно назвать образцовыми. Военный совет постановил не ввязываться в бой с корпусом Дона (20000 пруссаков), предупредившим нас во Франкфурте, и идти на Кюстрин для связи со шведами. 3-го августа наша армия подошла к Кюстрину и 4-го приступила к его бомбардированию.

На выручку угрожаемому Бранденбургу поспешил сам Фридрих II. Оставив против австрийцев 40000, он с 15000 двинулся на Одер, соединился с корпусом Дона и пошел вниз по Одеру на русских. Фермер снял осаду Кюстрина и 11-го августа отступил к Цорндорфу, где занял крепкую позицию. За высылкой на переправы через Одер дивизии Румянцева (12000), в строю русской армии было 42000 человек при 240 орудиях. У пруссаков было 33000 и 116 орудий.

Фридрих обошел русскую позицию с тыла и вынудил нашу армию дать ему сражение с перевернутым фронтом. Кровавое цорндорфское побоище 14-го августа не имело тактических последствий. Обе армии разбились одна о другую. В моральном отношении Цорндорф является русской победой и жестоким ударом для Фридриха. Тут, что называется, нашла коса на камень — и прусский король увидел, что этих людей можно скорее перебить, чем победить. Здесь же он испытал и первое свое разочарование: хваленая прусская пехота, изнедава русского штыка, отказалась атаковать вторично. Честь этого кровавого дня

принадлежит латникам Зейдлица и тем старым полкам железной русской пехоты, о которых разбился порыв их лавин... Русской армии пришлось перестраивать фронт уже под огнем. Правый и левый ее фланги разделялись оврагом. Обходной маневр Фридриха припирали нашу армию к реке Митчель и превратил главную выгоду цорндорфской нашей позиции (наличие естественной преграды перед фронтом) в чрезвычайную невыгоду (река очутилась в тылу). Со стороны Фермера, совершенно не управлявшего боем, не было сделано ни малейшей попытки согласовать действия двух разобщенных масс, и это позволило Фридриху обрушиться сперва на правый наш фланг, затем на левый. В обоих случаях прусская пехота была отражена и опрокинута, но, преследуя ее, русские расстроились (особенно шуваловцы) и попали под удар прусских конных масс. У нас кавалерии почти не было (всего 2700, остальные при Румянцеве). К концу сражения фронт армий составил прямой угол с первоначальным фронтом, поле битвы и трофеи на нем были как бы поделены пополам. Наш урон — 19 500 убитыми и ранеными, 3000 пленными (все переранены), 11 знамен 85 орудий, 54 процента всей армии. В строю Обсервационного корпуса из 9143 осталось всего 1687. У пруссаков — 10000 убитыми и ранеными, 1500 пленными, 10 знамен и 26 орудий — до 35 процентов всего состава. Стойкость русских Фридрих II поставил в пример собственным войскам, особенно пехоте (... мое жалкое левое крыло бросило меня, бежало, как старые б...).

Притянув к себе Румянцева, Фермер мог бы возобновить сражение с большими шансами на успех, но он упустил эту возможность. Фридрих отступил в Силезию Фермер же задался целью овладеть сильно укрепленным Кольбер-гом в Померании. Он действовал нерешительно и в конце октября отвел армию на зимние квартиры по нижней Висле. Кампания 1758 года — успешный зимний и безрезультатный летний походы, была для русского оружия в общем благоприятной.

На остальных фронтах Фридрих продолжал активную оборону, действуя по внутренним операционным линиям. При Гохкирхе он потерпел поражение (Даун напал на него ночью), но нерешительность Дауна, не посмевшего воспользоваться своей победой, несмотря на двойное превосходство в силах, выручила пруссаков.

К открытию кампании 1759 года качество прусской армии было уже не то, что в предыдущие годы. Много погибло боевых генералов и офицеров, старых и испытанных солдат. В ряды приходилось ставить пленных и перебежчиков наравне с необученными рекрутами. Не имея уже тех сил, Фридрих решил отказаться от обычной своей инициативы в открытии кампании и выждать сперва действий союзников, чтобы потом маневрировать на их сообщения. Будучи заинтересован в кратковременности кампании ввиду скудости своих средств, прусский король стремился замедлить начало операций союзников, и с этой целью предпринял конницей набеги по тылам их для уничтожения магазинов. В ту эпоху магазинного довольствия армий и пяти переходной системы уничтожение магазинов влекло за собой срыв плана кампании. Первый налет, произведенный на русский тыл в Познани небольшими силами в феврале, сошел пруссакам в общем благополучно, хотя и не причинил особенного вреда русской армии. Румянцева тщетно указывал Фермеру при занятии квартир на всю невыгоду и опасность кордонного расположения. Это послужило даже причиной их размолвки. На 1759 год Румянцева не получил должности в действующей армии, а назначен инспектором тыла, откуда вытребован в армию уже Салтыковым. Другой набег в тыл австрийцев в апреле был гораздо успешнее и австрийская главная квартира до того была им напугана, что отказалась от всяких активных действий в течение весны и начала лета.

Тем временем петербургская Конференция, окончательно подпав под влияние Австрии, выработала на 1759 год план операций, по которому русская армия становилась вспомогательной для австрийской. Ее предполагалось довести до 120000, из коих 90000 двинуть на соединение с цесарцами, а 30000 оставить на нижней Висле. При этом главнокомандующему совершенно не указывалось, где именно соединиться с австрийцами и чем руководствоваться при совершении операций вверх либо вниз по течению Одера.

Укомплектовать армию не удалось и до половины предположенного — ввиду

настойчивых требований австрийцев пришлось выступить в поход до прибытия пополнений. В конце мая армия выступила от Бромберга на Познань и, двигаясь медленно, прибыла туда лишь в 20-х числах июня. Здесь был получен рескрипт Конференции, назначавший главнокомандующим графа Салтыкова (Фермер получал одну из 3-х дивизий). Салтыкову предписывалось соединиться с австрийцами в пункте, где эти последние того пожелают (буде Даун не согласится у Каролата, то у Кроссена), засим ему приказывалось не подчиняясь Дауну, слушать его советов — отнюдь не жертвуя армией ради австрийских интересов — и, в довершении всего, не вступать в бой с превосходными силами. Типичная кабинетная проза!..

Фридрих II, уверенный в пассивности Дауна, перебросил с австрийского фронта на русский 30000 — и решил разбить русских до соединения их с австрийцами. Пруссак (сперва Мантейфель, после Дона, наконец, Ведель) действовали вяло и пропустили удобный случай разбить русскую армию по частям.

Не смущаясь присутствием этой сильной неприятельской массы на своем левом фланге, Салтыков двинулся 6-го июля от Познани в южном направлении — на Каролат и Кроссен для соединения там с австрийцами. У него было до 40000 строевых. Русская армия блистательно совершила чрезвычайно рискованный и отважный фланговый марш, причем Салтыков принял меры на случай, если армия будет отрезана от своей базы — Познани.

Пруссак поспешили за Салтыковым, чтобы предупредить его у Кроссена. 12-го июля в сражении под Пальцигом они были разбиты и отброшены за Одер — под стены кроссенской крепости. В пальцигскую баталию 40000 русских при 186 орудиях сражалось с 28000 пруссаков. Против линейного боевого порядка последних Салтыков применил эшелонирование в глубину и игру резервами, что и дало нам победу, к сожалению, не доведенную достаточно энергичным преследованием противника до полного уничтожения пруссаков. Наш урон — 894 убитых, 3897 раненых. Пруссак показали свои потери в 9000: 7500 выбывших в бою и 1500 дезертировавших. На самом деле их урон был гораздо значительнее и его можно полагать не меньшим 12000¹¹⁵, одних убитых пруссаков погребено русскими 4228 тел. Взято 600 пленных, 7 знамен и штандартов, 14 орудий.

Все это время Даун бездействовал. Свои планы австрийский главнокомандующий основывал на русской крови.

Опасаясь вступить в сражение с Фридрихом, несмотря на двойное превосходство свое в силах, Даун стремился подвести русских под первый огонь и притянуть их к себе — в глубь Силезии. Но Салтыков, успевший раскусить своего австрийского коллегу, не поддавался на эту стратагему, а решил после пальцигской победы двинуться на Франкфурт и угрожать Берлину.

Это движение Салтыкова одинаково встревожило и Фридриха, и Дауна. Прусский король опасался за свою столицу, австрийский главнокомандующий не желал победы, одержанной одними русскими без участия австрийцев (что могло бы иметь важные политические последствия). Поэтому, пока Фридрих сосредоточивал свою армию в берлинском районе, Даун, заботливо охраняя оставленный против него слабый прусский заслон, двинул к Франкфурту корпус Лаудона, приказав ему предупредить там русских и поживиться контрибуцией. Хитроумный этот расчет не оправдался: Франфор был уже 19-го июля занят русскими.

Овладев Франкфуртом, Салтыков намеревался двинуть Румянцева с конницей на Берлин, но появление там Фридриха заставило его отказаться от этого плана. По соединении с Лаудоном он располагал 58000 (40000 русских и 18000 австрийцев), с которыми занял крепкую позицию у Кунерсдорфа.

Против 50000 пруссаков Фридриха в берлинском районе сосредоточилось таким образом три массы союзников:

с востока 5800 °Салтыкова, в 80 верстах от Берлина;

с юга 65000 Дауна, в 150 верстах и с запада 30000 имперцев, в 100 верстах.

Фридрих решил выйти из этого несносного положения, атаковав всеми своими силами

наиболее опасного врага, врага наиболее выдвинувшегося вперед, наиболее храброго и искусного, притом не имевшего обычаем уклоняться от боя, короче говоря, русских.

1-го августа он обрушился на Салтыкова и в происшедшем на кунерсдорфской позиции жестоком сражении — знаменитой Франфорской баталии — был наголову разбит, потеряв две трети своей армии и всю артиллерию. Фридрих намеревался было обойти русскую армию с тыла, как при Цорндорфе, но Салтыков не был Фермером: он немедленно повернул фронт кругом. Русская армия была сильно эшелонирована в глубину на узком сравнительно фронте. Фридрих сбил первые две линии (захватив было до 70 орудий), но атака его захлебнулась, причем погибла кавалерия Зейдлица, несвоевременно ринувшаяся на нерасстроенную русскую пехоту. Перейдя в сокрушительное контрнаступление во фронт и фланг, русские опрокинули армию Фридриха, а кавалерия Румянцева совершенно доконала пруссаков, бежавших кто куда мог. Из 48000 королю не удалось собрать непосредственно после боя и десятой части! Окончательный свой урон пруссаки показывают в 20000 в самом бою и свыше 2000 дезертиров при бегстве. На самом деле их потеря должна быть не менее 30000. Нами погребено на месте 7627 прусских трупов, взято свыше 4500 пленных, 29 знамен и штандартов и все 172 бывших в прусской армии орудия. Русский урон — до 13 500 человек (третья часть войска): 2614 убитыми, 10863 ранеными. В австрийском корпусе Лаудона убыло около 2500 (седьмая часть). Всего союзники лишились 16000 человек. Отчаяние Фридриха II лучше всего сказывается в письме его к одному из друзей детства, написанном на следующий день: От армии в 48000 у меня в эту минуту не остается и 3000. Все бежит и у меня нет больше власти над войском... В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его не переживу. Последствия битвы будут еще хуже самой битвы: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу потери моего отечества. Прощай навсегда. Преследование велось накоротке; у Салтыкова после сражения оставалось не свыше 22 — 23000 человек (австрийцы Лаудона в счет не могли идти: их подчинение было условное), и он не мог пожать плодов своей блистательной победы.

Даун, снедаемый завистью к Салтыкову, ничего не сделал со своей стороны для его облегчения, праздными же советами лишь досаждал русскому главнокомандующему. Фридрих II пришел в себя после Кунерсдорфа, бросил мысли о самоубийстве и вновь принял звание главнокомандующего (которое сложил с себя вечером франфорской баталии), 18-го августа под Берлином у Фридриха было уже 33000, и он мог спокойно взирать на будущее. Бездействие Дауна спасло Пруссию.

Австрийский главнокомандующий склонил Салтыкова двинуться в Силезию для совместного наступления на Берлин, но одного рейда прусских гусар в тыл было достаточно для поспешной ретирады Дауна в исходное положение... Обещанного для русских довольствия он не заготовил.

Возмущенный Салтыков решил действовать самостоятельно и направился к крепости Глогау, но Фридрих, предугадав его намерение, двинулся параллельно Салтыкову с целью его предупредить. У обоих было по 24000, и Салтыков решил на этот раз в бой не ввязываться:

рисковать и этими войсками за 500 верст от своей базы он считал нецелесообразным. Фридрих, помня Кунерсдорф, не настаивал на сражении. 14-го сентября противники разошлись, а 19-го Салтыков отошел на зимние квартиры к реке Варте. У победителя при Кунерсдорфе (получившего фельдмаршальский жезл) хватило гражданского мужества предпочесть интересы России интересам Австрии и отвергнуть требование Конференции, настаивавшей на зимовке в Силезии совместно с австрийцами и наряде 20–30 тысяч русской пехоты в корпус Лаудона. Уже прибыв на Варту, Салтыков по настоянию австрийцев показал вид, что возвращается в Пруссию. Этим он спас доблестного Дауна и его 80-тысячную армию от померещившегося цесарскому полководцу наступления пруссаков (целых 40 тысяч!).

Кампания 1759 года могла решить участь Семилетней войны, а вместе с ней и участь

Пруссии. По счастью для Фридриха, противниками он имел, кроме русских, еще и австрийцев.

И Фридрих II, и его победитель Салтыков, и ангел-хранитель Даун — все трое выявили себя в этой кампании в полной мере...

* * *

В кампанию 1760 года Салтыков полагал овладеть Данцигом, Кольбергом и Померанией, а оттуда действовать на Берлин. Но доморощенные австрийцы на своей Конференции решили иначе и снова посылали русскую армию на побегушки к австрийцам в Силезию — победителей при Кунерсдорфе все равняли по побежденным при Лейтене! Вместе с тем Салтыкову было указано и сделать попытку овладения Кольбергом — т. е. действовать по двум диаметрально противоположным операционным направлениям. Положение Салтыкова осложнялось еще тем, что австрийцы не осведомляли его ни о движениях Фридриха, ни о своих собственных.

В конце июня Салтыков с 60000 и запасом провианта на 2 месяца выступил из Познани и медленно двинулся к Бреславлю, куда тем временем направились и австрийцы Лаудона. Однако пруссаки заставили Лаудона отступить от Бреслава, а прибывший в Силезию Фридрих II разбил его (4-го августа) при Лигнице. Фридрих II с 30000 прибыл из Саксонии форсированным маршем, пройдя 280 верст в 5 дней (армейский переход — 56 верст). Австрийцы требовали перевода корпуса Чернышева (русский авангард) на левый берег Одера — в пасть врагу, но Салтыков воспротивился этому и отошел к Гернштадту, где армия и простояла до 2-го сентября. В конце августа Салтыков опасно заболел и сдал начальство Фермеру, который сперва пытался осаждать Глогау, а затем, 10-го сентября, отвел армию под Кроссен, решив действовать по обстоятельствам. Следующий факт отлично характеризует Фермера. Лаудон просил его помощи при предположенной им осаде Глогау.

Фермер, шагу не ступавший без разрешения Конференции, уведомил об этом Петербург. Пока за 1500 верст писались туда и обратно сношения и отношения, Лаудон передумал и решил осадить не Глогау, а Кемпен, о чем и поставил в известность Фермера. Тем временем получился рескрипт Конференции, разрешавший движение на Глогау, Фермер, слишком уж хорошо дисциплинированный полководец, двинулся на Глогау, несмотря на то, что движение это, в связи с изменившейся обстановкой, теряло всякий смысл. Пройдя к крепости. Фермер увидел, что взять ее без осадной артиллерии невозможно. Корпус Чернышева с кавалерией Тотлебена и казаками Краснощекова (всего 23000, наполовину конницы) отправлен в набег на Берлин.

23-го сентября Тотлебен атаковал Берлин, но был отбит, а 28-го Берлин сдался. В набеге на Берлин, кроме 23000 русских, участвовало 14000 австрийцев Ласси¹¹⁶. Столицу защищало 14000 пруссаков, из коих 4000 взято в плен. Разрушены монетный двор, арсенал и взята контрибуция. Прусские газетеры, писавшие, как мы видели, всякие пасквилы и небылицы про Россию и русскую армию, надлежаще перепороты. Мероприятие это навряд ли их сделало особенными русофилами, но является одним из самых утешительных эпизодов нашей истории. Пробыв в неприятельской столице четыре дня, Чернышев и Тотлебен удалились оттуда при приближении Фридриха. Важных результатов налет не имел.

Когда выяснилась невозможность сколько-нибудь продуктивного сотрудничества с австрийцами. Конференция вернулась к первоначальному плану Салтыкова и предписала Фермеру овладеть Кольбергом в Померании. Занятый организацией набega на Берлин, Фермер двинул под Кольберг дивизию Олица. Прибывший в армию новый главнокомандующий фельдмаршал Бутурлин (Салтыков все болел) снял, ввиду позднего времени года, осаду Кольберга и в октябре отвел всю армию на зимние квартиры по нижней Висле. Кампания 1760 года не принесла результатов...

В 1761 году — по примеру ряда прошлых кампаний, русская армия была двинута в Силезию к австрийцам.

От Торна она пошла обычной своей дорогой на Познань и к Бреславлю, но в этом последнем пункте была упреждена Фридрихом. Пройдя мимо Бреслава, Бутурлин связался

с Лаудоном. Вся кампания прошла в маршах и маневрах. В ночь на 29-е августа Бутурлин решил атаковать Фридриха под Гохкирхеном, но прусский король, не надеясь на свои силы, уклонился от боя. В сентябре Фридрих II двинулся было на сообщения австрийцев, но русские, быстро соединившись с этими последними, помешали тому и заставили Фридриха отступить в укрепленный лагерь при Бунцельвице. Затем Бутурлин, усилив Лаудона корпусом Чернышева (20000), отошел в Померанию. 21-го сентября Лаудон штурмом взял Швейдниц, причем особенно отличились русские (Бутырский полк), а вскоре после того обе стороны стали на зимние квартиры. При штурме Швейдница русские 2 батальона первыми взобрались на валы, открыли затем ворота австрийцам и стали в полном порядке с ружьем у ноги на валах, в то время, как у их ног австрийцы предавались разгулу и грабежу. Спартанцы и илоты! Союзники лишились 1400 человек. Прусаков сдалось 2600 при 240 орудиях (1400 перебито).

Действовавший отдельно от главной армии корпус Румянцева (18000) 5-го августа подошел к Кольбергу и осадил его. Крепость оказалась сильной и осада, веденная при помощи флота, длилась четыре месяца, сопровождаясь в то же время действиями против прусских партизан в тылу осадного корпуса. Лишь непреклонная энергия Румянцева позволила довести осаду до конца — три раза созданный военный совет высказывался за отступление. Наконец, 5-го декабря Кольберг сдался (в нем взято 5000 пленных, 20 знамен, 173 орудия) и это было последним подвигом русской армии в Семилетнюю войну.

Донесение о сдаче Кольберга застало Императрицу Елизавету на смертном одре... Вступивший на престол Император Петр III — горячий поклонник Фридриха — немедленно прекратил военные действия с Пруссией, вернул ей все завоеванные области (Восточная Пруссия 4 года находилась в русском подданстве) и приказал корпусу Чернышева состоять при прусской армии. В кампанию 1762 года весною корпус Чернышева (преимущественно конница) совершал набеги на Богемию и исправно рубил вчерашних союзников-австрийцев, к которым русские во все времена — а тогда в особенности — питали презрение. Когда в начале июля Чернышев получил повеление вернуться в Россию (где в то время произошел переворот), Фридрих упросил его остаться еще денька на три — до сражения, которое он дал 10-го июля при Буркерсдорфе. В этом сражении русские не участвовали, но одним своим присутствием (в качестве фигурантов) сильно напугали австрийцев, ничего еще не знавших о петербургских событиях.

Так печально и неожиданно закончилась для нас прославившая русское оружие Семилетняя война.

Боевая работа Русской армии в Семилетнюю войну

Составляя едва лишь пятую часть общих сил коалиции, русская армия в качественном отношении занимала в ряду их первое место — и ее боевая работа превышает таковую же всех остальных союзных армий взятых вместе. Работа эта в конечном итоге оказалась безрезультатной. Виноват в этом не только Петр III моральный вассал Фридриха — а также (и главным образом) наш австрийский союзник¹¹⁷.

Войну можно было бы кончить еще в 1759 году, после Кунерсдорфа, прояви австрийцы известный минимум лояльности, более того — понимай они правильно свои же интересы. Бездарный и нерешительный Даун пропустил тогда исключительно благоприятный момент. Эгоизм Австрии был настолько велик, что шел ей же во вред.

Жалкую роль некоего унтер-гофкригсрата играла петербургская Конференция, заботившаяся лишь о соблюдении австрийских интересов и упускавшая из виду свои собственные. Здесь, бесспорно, сказалось влияние нашей дипломатии, являвшейся во все времена защитницей интересов чужих государств в ущерб таковым же своего собственного. В те времена она подпала под влияние графа Кауница — знаменитого канцлера Марии-Терезии. В последующие эпохи Штейн, Меттерних, Бисмарк и Бьюкенен будут иметь в критические для России моменты преданных приказчиков в лице Нессельроде, Горчакова с Шуваловым, Сазонова...

Одна лишь кампания 1757 года и зимний поход 1758 года были нами ведены в наших

собственных интересах. В 1758, 1759, 1760, 1761 годах соблюдались интересы Австрии, в 1762 — интересы Пруссии.

В 1762 году участь нашего векового врага была в наших руках. Одна Россия, без всякого участия союзников, могла добить погибавшую Пруссию. Наследство Ордена Меченосцев — Кенигсберг и Мариенбург, было уже в наших руках. Но дочери Петра не суждено было завершить дела, начатого за пять столетий до того Александром Невским. Герцог голштинский спас короля прусского — спас ценою жизни Императора Всероссийского...

Действия русских войск в Семилетнюю войну — выше всякой человеческой похвалы. Ужас и восхищение объяли фридриховских ветеранов в кровавый вечер Цорндорфа при виде перебитых, но не разбитых батальонов, окровавленных, но грозных карре, стоявших несмотря ни на что, принимавших в штыки и приклады налетавшие лавины зейдлицких центавров и добившись того, что последнее слово в тот памятный день осталось за ними.

Один из участников цорндорфской битвы, Болотов, так описывает последние ее моменты: Группами, маленькими кучками, расстреляв свои последние патроны, они оставались тверды, как скала. Многие, насквозь пронзенные, продолжали держаться на ногах и сражаться, другие, потеряв ногу или руку, уже лежа на земле, пытались убить врага уцелевшей рукой...

Другой участник — прусский ротмистр фон Кате, видел атаку Зейдлица и видел, как русские лежали рядами, целовали свои пушки — в то время как их самих рубили саблями — и не покидали их...

Отличалась не одна пехота. В течение всей войны наша конница оказывала армии неоценимые услуги под командой Румянцева, Чернышева, Краснощекова. В цорндорфскую и кунерсдорфскую кампанию 1758 и 1759 годов — это было действительно всевидящее око армии. Ни одно движение неприятеля не ускользало от ее зорких глаз, ни один шаг прусских войск не оставался незамеченным и не доложенным своевременно. В Семилетнюю войну русская конница являлась единственной, способной решать задачи стратегического характера. Ее выучка оказалась превосходной — как в конном строю (Кунерсдорф), так и в пешем. При отходе Фермера после Цорндорфа в Померанию, 20 спешенных драгунских и конно-гренадерских эскадронов отряда Румянцева задержали на целый день 20-тысячный прусский корпус у Пасс Круга. Драгунская выучка и наличие конной артиллерии делали русскую конницу способной на такие дела, которые были не под силу никакой иностранной кавалерии.

Артиллерия была многочисленна и стреляла превосходно. Сказались результаты отдаваемого ей Шуваловым в мирное время предпочтения. Правда, многочисленность артиллерии несколько стесняла маневрирование. Под Цорндорфом, например, у нас приходилось 6 орудий на тысячу бойцов, вдвое больше, чем у пруссаков, в последующих же операциях примерно 5, т. е. все же больше, чем в других армиях (3–4). Со всем этим надо заметить, что артиллерия Шувалова с честью выдержала испытание Семилетней войны и долгое время еще победно гремела на полях сражений екатерининской эпохи, пока не уступила место артиллерии Аракчеева, со славою крещенной в лучах наполеоновской звезды.

Обозы были громоздки (но не в такой степени, как при Минихе). Русские полководцы все отдавали дань эпохе и применяли исключительно магазинную систему довольствия. К насильственным реквизициям у населения русские варвары не прибегали, хотя прусские газетеры (которым, как мы уже знаем, это даром не прошло) и писали о людоедстве казаков и калмыков и всевозможных русских зверствах. В последние две кампании русские главнокомандующие заготавливали довольствие на два месяца вперед, отправляясь на соединение с австрийцами, ибо по опыту Салтыкова после Кунерсдорфа знали, чего стоят их обещания заготовить провиант.

В эту войну русские войска получили и коллективные награды за боевые отличия: полкам Чернышевского корпуса пожалованы серебряные трубы за взятие Берлина сентября

28-го 1760 года. Их получили полки — гренадерские № 1-й (ныне Лейб-Гвардии Гренадерский) и № 4-й (ныне 10 гренадерский Малороссийский); пехотные — Кексгольмский (ныне Лейб-Гвардии Кексгольмский) Невский, Муромский. Суздальский, Апшеронский, Выборгский, Киевский (ныне 5 гренадерский Киевский); кавалерийские — Санкт-Петербургский карабинерный (ныне 1-й уланский Санкт-Петербургский) и № 3-й Кирасирский (бывший Минихов, ныне 13-й драгунский Военного Ордена). Эти два кавалерийские полка за отличие в Семилетнюю войну получили кроме того серебряные литавры — и до сих пор являются единственными полками в русской коннице, имеющими это боевое отличие. Первой коллективной наградой был нагрудный знак, пожалованный в 1700 году Петром Великим за Нарву офицерам Преображенского и Семеновского полков. В 1737 году Императрица Анна пожаловала своему Измайловскому полку серебряные трубы за взятие Очакова. По преданию за Кунерсдорф, где он своим порывом увлек другие полки и дрался по колена в крови, Апшеронский полк был награжден красными чулками.

Перейдем теперь к русской стратегии. О кабинетных стратегах петербургской Конференции упоминать больше не будем (скажем по-фридриховски, что эти варвары не стоят того, чтобы о них упоминать). Рассмотрим исключительно полевую стратегию. Всю войну она была скована стратегией кабинетной. Выдающиеся начальники, как Салтыков, ослабляли эти узы — посредственные, как Фермор, следовали указке слепо.

Остановимся на полководчестве Салтыкова и Румянцева. Первый из них блестяще кончил, а второй блестяще начал свое боевое поприще.

Победитель Фридриха Салтыков — старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без пышностей... вспоминает про него Болотов, — имел счастье с самого уже начала своего полюбовиться солдатам. Его любили за простоту и доступность и уважали за необычайную невозмутимость в огне. Салтыков обладал в большой степени здравым смыслом и (что делает из него вождя в истинном значении слова) сочетал с воинской храбростью большое гражданское мужество. Он умел разговаривать с наглыми австрийцами и наотрез отказывался выполнять требования Конференции, шедшие вразрез с интересами русской армии и несовместимые с достоинством России. Отдельные операции Салтыкова весьма поучительны: гольцин-пальцигский маневр (фланговый марш к Кроссену); пальцигское сражение, где Салтыков, опережая свою эпоху, эшелонирует войска в глубину (игра резервами); Кунерсдорф — и перемена фронта на 180 градусов, как только замечен маневр Фридриха; наконец, действия после Кунерсдорфа (фланговый марш на Глогау). Кампания 1759 года ставит Салтыкова головою выше всех союзных полководцев Семилетней войны.

Для Румянцева эта война была несравненной боевой школой. Впервые он проявил себя под Гросс-Егерндорфом, когда, схватив пехоту авангарда¹¹⁸, продрался с ней сквозь непроходимую чащу и принял в штыки хваленую прусскую пехоту, внушавшую тогда еще робость, трусость и боязнь. Он показал нашему солдату, что пруссак не так уж страшен и русского штыка, во всяком случае, не любит. Эта атака Румянцева решила участь дня. В последующие кампании Румянцев зарекомендовал себя замечательным кавалерийским начальником, не уступая Зейдлицу в атаках и значительно превосходя Цитена в аванпостной службе. Самостоятельным начальником ему довелось быть впервые лишь в последнюю кампанию, под Кольбергом.

В общем, с русской стороны мы можем отметить следующие элементы:

- 1) Политика — слаба и несамостоятельна.
- 2) Стратегия кабинетная — несостоятельная и антинациональная, полевая всякий раз, когда ей удастся освободиться от пут кабинетной, — хороша.
- 3) Тактика — хороша, а иногда — отлична.
- 4) Качество войск — при всех обстоятельствах превосходно.

Лучшим судьей действий русской армии был сам Фридрих II. Вначале он считал нас варварами, невеждами в военном деле. Уже Цорндорф заставил его изменить мнение (этих людей легче перебить, чем победить). А много лет спустя, когда Румянцеву пришлось быть в

Берлине, весь прусский генеральный штаб по приказанию монарха явился к нему на квартиру со шляпами в руках — с почтением и поздравлением — и старый король лично командовал на потсдамском полигоне в честь русского фельдмаршала экзерцицией, представлявшей кагульскую баталию...

Петр III

Вся трагедия Императора Петра III заключалась в том, что, вступив на престол своего великого деда, он продолжал чувствовать себя прежде всего герцогом голштинским, а потом уже императором всероссийским. Интересы его маленькой родины были ему ближе и понятнее интересов громадной вотчины, доставшейся ему от нелюбимой тетки и предназначавшейся им играть роль хинтерланда для голштинской политики.

Император Петр Федорович обещал быть правителем справедливым и гуманным, судя по его кратковременному царствованию. Он подтвердил обещание Елизаветы: никого не казнить смертью и упразднил Тайную Канцелярию. Дана широкая терпимость раскольникам, прощение беглым крепостным, наконец, издан знаменитый указ о вольности дворянской, по которому дворянство окончательно освобождалось от обязательной государственной службы. Кто знает, быть может со временем он упразднил бы рабство, заменив его барщиной на голштинско-прусский образец.

Однако все его благие намерения уничтожались полным непониманием государственных интересов России и подчинением их частным интересам голштинского герцогства. Из-за тяжбы голштинцев с датчанами император всероссийский решил вовлечь Россию в войну с Данией — ее естественной союзницей на Балтийском море.

Государь окончательно восстановил против себя Гвардию подчеркнутым к ней пренебрежением и предпочтением выписанным из Голштинии образцовым немецким войскам, с которых эти птенцы гнезда Петрова должны были брать пример. Введены прусские экзерциции, ежедневные вахтпарады с непременною участвием шефов. Вместо прежнего удобного петровского обмундирования дана новая форма тесная, неудобная, точный сколок с прусской. Командирам полков предоставлена свобода в выборе цвета обмундирования, как то имело место в Пруссии: появились белые, красные, оранжевые мундиры. Войска, бывшие в заграничном походе, так и не успели их получить... Вельможам, числившимся шефами полков, батальонов и рот указано присутствовать ежедневно на вахтпарадах и проделывать все экзерциции. Для людей в большинстве весьма пожилых и давно отвыкших от строя нововведение это было не из приятных. В апреле упразднены прославленные в боях наименования полков — им велено впредь именоваться по шефам, как в прусской армии. Полки из 3-х батальонного состава сведены в 2-х батальонный — по I гренадерской и 5 мушкетерских рот (наименование мушкетер, взятое опять-таки из прусского обихода, заменило фузилера). Этим узаконен порядок, сложившийся сам собою в последней кампании Семилетней войны, когда полки брали в поход два батальона, а один оставляли в тылу. Фридрих II любил кирасир, почему и в русской армии большинство драгунских полков обращено в кирасирские...

Перспектива непопулярной войны с Данией, а еще больше безобразное окончание славной для нашего оружия Семилетней войны и фактическое подчинение России Фридриху восстановило против Петра III все тогдашнее общественное мнение. Выразителем общего негодования явился Ломоносов:

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд! О, странный оборот!..

Недовольство выразилось в последних числах июня в открытом мятеже. 28-го июня 1762 года Петр III был низложен и на престол вступила Императрица Екатерина Алексеевна.

Глава IV. Век Екатерины

Царствование Императрицы Екатерины II в военном отношении может быть разделено на две половины — румянцевскую и потемкинскую. Первая обнимает собою 60-е и 70-е годы, вторая 80-е и 90-е.

Румянцевскому периоду предшествовала в самом начале короткая переходная эпоха. По свержении Петра III президентом военной коллегии был назначен Чернышев. Преданный Петру и казавшийся новым людям подозрительным, Румянцев получил приказание сдать армию Панину и два года после этого оставался не у дел.

Первые же распоряжения Екатерины отменяли постылые голштинские порядки. Полкам возвращены их славные имена, возвращена и старая елизаветинская форма. Голштинцы водворены к себе на родину, поход на Данию отменен, но и война с Пруссией не возобновлена.

Под руководством Чернышева был издан в 1763 году новый полевой устав. Устав этот почти полностью подтверждал положение предыдущего шуваловского Устава 1755 года. Те же линейные боевые порядки, то же одностороннее увлечение производством огня, та же пруссачина во всех видах и проявлениях... Для составителей Устава 1763 года опыт только что минувшей Семилетней войны пропал даром. Они не видели, не хотели видеть блестящей штыковой работы наших цорндорфских и кунерсдорфских полков — они видели лишь огонь прусского развернутого строя! Их творчество является одним из слишком многочисленных примеров бессмысленного нашего благоговения пред иностранцами вообще и пруссаками в частности.

В следующем 1764 году Румянцев, оцененный Императрицей по достоинству, возвратился к деятельности. Творчество доморожденных потсдамцев было сдано немедленно в архив, и для русской армии наступила новая эра.

Румянцевский период

При всеобъемлющем уме, Румянцев отличался цельностью характера, с которой сочеталась редкая гуманность. Без шуваловского дилетантизма, без миниховского рутинерства и суетливости, он разрешал все разнообразные проблемы устройства российской вооруженной силы.

Глубокий мыслитель, смотревший всегда и раньше всего в корень дела, Румянцев понимал самобытность России и все различие между русской и западноевропейской военными системами — различие, вытекающее из этой самобытности. Мы мало сходствуем с другими европейскими народами — подчеркивал он в своих Мыслях по устройству воинской части. Румянцев был первым военным деятелем после Петра Великого, посмотревшим на военное дело с точки зрения государственной, без одностороннего увлечения специалиста. Он указывает на необходимость соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями. Благосостояние армии зависит от благосостояния народа, поэтому надо стараться, чтобы несразмерным и безповоротным вниманием (податей и рекрутов) не оскудеть оный.

В эпоху господства во всей Европе бездушных прусских рационалистических теорий, формализма и автоматической — фухтельной дрессировки, Румянцев первый выдвигает в основу воспитания войск моральные начала — нравственный элемент, причем воспитание, моральную подготовку, он отделяет от обучения, подготовки физической. Историки левого толка, в том числе и Ключевский, стремятся изобразить Румянцева крепостником, намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле, точно, не жаловал утопий Руссо, входивших тогда в моду у современных снобов и сознавал всю их антигосударственность, что делает честь его уму. Румянцев признавал, правда, лишь в крайних случаях, воспитательное значение телесных наказаний, но не был таким энтузиастом порки, как Фридрих II в Пруссии, граф Сен-Жерменский во Франции и пресловутые энциклопедисты — эти патентованные передовые умы XVIII века. Гуманность Румянцева в защите не нуждается, она была отмечена современниками (благословен до поздних веков да будет друг сей человек — писал про него Державин) и сделалась своего рода семейной традицией. Старший его сын,

канцлер, противник бесполезной для страны бойни 1812–1814 годов¹¹⁹, младшему Россия обязана указом о вольных хлебопашцах.

Поучения и наставления свои Румянцев собрал в 1770 году в Обряд служб, ставший с тех пор строевым и боевым уставом славной екатерининской армии.

Требую от подчиненных точного знания устава, Румянцев прежде всего добивался с их стороны дела и работы. В армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно. В этом отношении особенно примечательны его Инструкция полковничья полку пехотному (1764) и таковая же полку конному (1766).

Лишь в великой румянцевской школе могли создаваться такие военные гуманисты, как Вейсман, Потемкин, Петр Панин, Репнин, сам Суворов... Гению Румянцева обязана русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевым. Не будь Румянцева, в силе оставалась бы пруссачина — и командир суздальцев не преминул бы получить от военной коллегии реприманд за несоблюдение устава и требование наистрожайшее впредь руководиться лишь артикулами ононого... Полк лишился бы Суздальского учреждения, а Армия — Науки Побеждать...

В полевом управлении войск Румянцевым проводится разумная децентрализация, частная инициатива, отдача не буквальных приказаний, а директив, позволяющих осуществление этой инициативы. Он отнюдь не входит в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности и не связывает рук...

Полководческие дарования Румянцева сказались уже в Семилетнюю войну, где он первый ввел в русскую тактику активные начала, взамен господствовавших до тех пор активно оборонительных. В первую турецкую войну Екатерины, особенно в кампанию 1770 года, гений его выявился в полном размере. Полководец оказался на высоте организатора.

Румянцев явился основоположником русской военной доктрины. Он проявил творчество во всех областях военного дела. Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова или Потемкина — пишет один из авторитетнейших исследователей русского военного искусства генерал Д. Ф. Масловский — но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени.

* * *

В 60-х годах проведено много реформ. Прежде всего Чернышевым и Паниным возвращена в конце 1762 года из заграничного похода армия и произведена ее демобилизация. Иррегулярные войска — казаки и калмыки, отосланы в свои области, а регулярные разведены по стране на непрременный квартиры. По последней елизаветинской росписи 1761 года вооруженные силы составили 606000 человек, из коих, однако, свыше двух пятых — 261000 — иррегулярных. По-видимому, добрая треть, а то и больше, всех этих сил существовала лишь на бумаге. В Семилетнюю войну, как мы видели, некомплект в войсках часто достигал половины штатного состава.

В 1763 году Россия разделена в военном отношении на восемь дивизий — т. е. округов: Лифляндскую, Эстляндскую, Финляндскую, С. Петербургскую, Смоленскую, Московскую, Севскую и Украинскую. Главная масса войск стояла, таким образом, в северо-западной части страны. В 1775 году, после первого раздела Польши, прибавлена Белорусская дивизия, а из Московской выделены Казанская и Воронежская. В 1779 году при обозначившемся уже поступательном движении на Кубань и к Кавказу, учреждена на юго-восток еще Пограничная дивизия. Дивизии эти представляли собой чисто территориальные организмы, наивысшей строевой единицей мирного времени оставался по-прежнему полк.

В 1763 же году у нас появилась легкая стрелковая пехота — егеря. Впервые они были заведены Паниным в своей Финляндской дивизии в количестве 300 человек — по 5 на роту из отборных стрелков. Опыт этот увенчался успехом, и уже в 1765 году при 25 пехотных полках (примерно половина общего их числа) были заведены отдельные егерские команды в

составе 1 офицера и 65 егерей. В 1769 году такие команды учреждены при всех полках. Назначение егерей было служить застрельщиками и драться в рассыпном строю, т. е. производить огонь, но, конечно, не по прусскому образцу в тридцать темпов, а по собственной русской сноровке, со скоростью заряда и цельностью приклада. Егеря носили особую форму — темно-зеленый доломан со шнурами, темно-зеленые же брюки в обтяжку, маленькую шапочку и сапоги до колен.

Организация пехотных полков осталась в общем та же, что при Петре III — 2 батальона в 6 рот (1 гренадерской, 5 мушкетерских), команда пушкарей (4 орудия — по 2 на батальон) и с 1765–1769 годов егеря. При выступлении полка в поход (а в славное царствование Екатерины тому представлялся часто случай) он оставлял на квартирах команду из 2-х рот, подготовлявших рекрут и игравших роль запасного полкового батальона-депо. Некоторые полки, особенно в конце царствования, имели 3–4 батальона.

Кавалерия получила характерный облик благодаря созданию нового типа тяжелой конницы — карабинер. В 1763 году их образовано 19 полков переформированием 13 драгунских и всех 6 конно-гренадерских. По мысли Румянцева, карабинеры должны были заменить кирасир и драгун, сочетая в себе свойства первых — силу удара (тяжелый палаш, рослый конский состав) со свойством вторых — возможностью действовать в пешем строю (наличие карабина позволяло вести огневой бой). В сущности это были, если можно так выразиться, покирасиренные драгуны.

В 1765 году упразднены слободские войска, а слободские полки (старейшие полки русской конницы) обращены в гусарские, в которых слободские казаки служили в порядке отбывания рекрутской повинности. Поселенные гусарские полки постепенно расформировывались и поселенцы приписывались к казакам. В 1762 году поселенных полков считалось 12, а через десять лет осталось 2. Непоселенных гусар было 9 полков. Вскоре, однако, гусары были упразднены совершенно Потемкиным, образовав легко-конные полки.

В 1770 году упразднена ландмилиция на окраинах. Она вошла в состав казачьих войск.

К концу румянцевского периода конница состоит из двух основных типов: тяжелой — карабинер и легкой — казаков. Из 20-ти елизаветинских драгунских полков осталось всего 6, из 17-ти кирасирских Петра III — только 5...

Кавалерийские полки были в составе 5 эскадронов, кроме гусарских и легко-конных, имевших по 10. Полевая артиллерия из 2 полков развернута в 5 (по 10 рот в каждом).

В бытность Румянцева генерал-губернатором Малороссии, в 1767 году, там произведена перепись населения (так называемая румянцевская) — и на эту область распространена рекрутская повинность, лежавшая до той поры, как мы знаем, лишь на населении великороссийских губерний. Оборона южных границ подверглась полной переработке. Румянцев обратил главное внимание на устройство населения пограничных областей, его реформы (упразднение слободских войск, ландмилиции, поселений с их администрацией) имеют целью централизацию и облегчение управления края. Вместо прежней кордонной системы укрепленных линий, Румянцев ввел систему опорных пунктов, защищаемых подвижными силами.

В 1764 году гарнизонные полки переформированы в гарнизонные батальоны числом 84 (40 пограничных, 25 внутренних, но пограничного штата, 19 внутренних). Для службы на окраинах в 1770 году учреждено 25 полевых команд из всех родов оружия (упраздненных, однако, уже в 1775 году).

Румянцев проектировал разделить русскую армию на четыре рода сил: полевые войска, составляющие действующую армию, крепостные — для обороны укрепленных пунктов и усиления при надобности действующей армии, губернские — для несения чисто караульной службы внутри страны и, наконец, запасные — для обучения рекрут и подготовки их для полевой армии. Этим реформам не суждено было осуществиться. Начавшиеся войны отвлекли Румянцева в сторону полководческой деятельности, а по окончании их на северном небосклоне заблестела уже звезда Потемкина...

Первая Польская война 1768–1772 годов

По смерти короля Августа III в Польше возникли обычные раздоры по выбору нового короля. При поддержке Императрицы Екатерины (русские войска введены в Варшаву) на престол взошел Станислав Понятовский. За эту поддержку Государыня потребовала от Речи Посполитой восстановления в правах диссидентов притесняемых поляками православных меньшинств. Сейм — немощный, но шовинистически настроенный, — ответил отказом. Тогда русский посол в Варшаве, князь Репнин, арестовал главарей сеймовой оппозиции и выслал их в Калугу. Этот поступок русского посла с правительством страны, при которой он аккредитован, служит ярким примером полнейшего упадка польской государственности. Устрашенный сейм решил было согласиться на восстановление в правах диссидентов, но это решение вызвало возмущение шовинистической части польского общества.

В феврале 1768 года недовольные, собравшись в Баре на Подолии, образовали конфедерацию, объявили сейм низложенным и принялись расширять восстание. Король Станислав, бессильный за отсутствием каких-либо польских войск совладать с бунтовщиками, обратился за помощью к Императрице. Усмирение было поручено Репнину.

Русские отряды без труда одерживали верх над мятежниками. Однако скопища конфедератов, рассеиваясь перед нашими войсками, вновь собирались в других местах. У генерала Веймарна, которому Репнин приказал разогнать Барскую конфедерацию, было всего 6000 при 10 орудиях. В 1768 году были взяты Бар и Бердичев, а генерал Вейсман с 400 всего обратил в бегство 1500 Потоцкого у Подгайцев. Литовские конфедераты избрали своим маршалком князя Радзивилла, который собрал 4000 и заперся с ними в Несвижском замке. Однако при приближении одного лишь русского батальона — 600 человек — Радзивилл бежал, а все его вояки сдались.

Сознавая невозможность продолжать борьбу с Россией собственными силами, конфедераты обратились за помощью к Франции (традиции Лещинского — тестя Людовика XV не были забыты). Версальский кабинет, традиционно враждебный России и управляемый искусным Шуазелем, немедленно же пришел им на помощь: непосредственной посылкой денег и инструкторов и косвенно — склонив осенью 1768 года турецкого султана объявить войну России.

В 1769 году конфедератов считалось до 10000. Это, конечно, не была 80-тысячная армия, обещанная союзникам-туркам и подстрекателям-французам, однако их расположение — на юге Подолии у Каменца и Жванца — являлось стеснительным для нашей армии, действовавшей против турок. В феврале командовавший русской обсервационной армией генерал Олиц разбил эти скопища при Жванце и конфедераты бежали за Днестр. К лету очаг партизанщины разгорелся в люблинском районе, где действовал Пулавский с 5000 отрядом, имея противниками драгун генерала Ренне и суздальцев Суворова. Отправляясь в ненастный ноябрь 1768 года в поход в Польшу из Новой Ладоги, Суздальский полк прошел 850 верст в 30 дней (средний переход 28 верст), причем на квартирах больных не оставлено, а в походе из 1200 захворало лишь 6. Он пытался пробраться в Литву, но Ренне преградил ему дорогу в Брест, а Суворов, настигнув его банду у Влодавы, разгромил ее. Распространение партизанщины на Галицию побудило Румянцева (ставшего главнокомандующим против турок) занять Львов и Перемышль.

1770 год протек в партизанских действиях и переговорах. Из Франции к конфедератам прибыл генерал Дюмурье в качестве военного советчика и инструктора (своего рода Вейган XVIII столетия). По настоянию французов (соблюдавших на этот раз интересы Турции) поляки прервали переговоры и, собравшись в Эпериеше (в Венгрии), объявили короля Станислава низложенным.

* * *

Кампания 1771 года открылась наступлением конфедератов на Галицию. Слабые отряды генерала Веймарна, разбросанные от Варшавы до Львова, не могли оказать должного сопротивления, и конфедераты в короткое время овладели Краковом и другими важными пунктами. Однако анархизм поляков не замедлил сказаться и здесь: между вождями их

возникли раздоры. Тщетно Дюмуре пытался примирить их — он лишь навлек на себя общую ненависть.

Тем временем Суворов двинулся со своим отрядом из Люблина и наголову разбил Дюмуре под Ландскроной. Затем он обратился на Пулавского, снова пытавшегося пробраться в Литву, разбил его у Замостья и отбросил его в Галицию. Этими двумя боями Великопольша, за исключением краковского района, была совершенно очищена от конфедератов. Зато восстание вспыхнуло в Литве, где коронный гетман Огинский в начале августа открыто примкнул к конфедерации.

Узнав об этом, Суворов пошел на Огинского. Быстрыми и скрытными маршами он устремился в Литву и на рассвете 13-го сентября наголову разбил коронного гетмана при Столовичах. Поход на Огинского предпринят Суворовым по собственной инициативе. У гетмана было до 4000, у Суворова всего 820 человек. Поляки застигнуты ночью врасплох и стремительным ударом с двух сторон выбиты из Столовичей. Наутро отряд Огинского окончательно добит, потеряв 1000 человек и всю артиллерию (12 орудий).

У Суворова убыло около 100 человек. Восстание в Литве было подавлено.

Оставался лишь краковский очаг конфедерации. Дюмуре был отозван во Францию и вместо него прислан генерал де Виомениль. Ему удалось овладеть в январе 1772 года краковским замком, но уже 25-го января под Краков прибыл Суворов и осадил замок. Все усилия Виомениля заставить Суворова снять осаду оказались тщетными. Попытки деблокады замка вождями конфедерации тоже не увенчались успехом: они не доросли до таких сложных операций и были разбиты порознь. 12-го апреля Краков сдался и война против польской конфедерации окончилась. Движение это, будучи в конце концов панской затеей и лишенное сколько-нибудь популярных вождей — отклика в массах польского народа не встретило.

Еще 6-го февраля 1772 года по почину Фридриха II состоялся договор о разделе Польши, причем прусский король обещал нам свою помощь в случае войны с Австрией. Поведение Австрии одно время внушало серьезные опасения. Еще в 1771 году она заключила договор с Турцией, гарантируя этой последней возвращение всех занятых русскими турецких областей (и надеясь за это получить от турок Сербию, утраченную еще в 1739 году). Эта последняя, однако, скоро примкнула к выгодному договору. Так состоялся первый раздел Польши — раздел, оставлявший еще жизнь анархичному, потерявшему способность управляться королевству, но не вызывавший сомнения о дальнейшей его судьбе...

Россия получала Белоруссию, Волынь и Подолию¹²⁰ — исконные русские области. Угнетению диссидентов наступил конец.

Первая Турецкая война Екатерины 1768–1774 годов

Причиной этой войны, как мы знаем, явилось натравливание французским кабинетом Порты на Россию, с целью оказать содействие конфедерации. Поводом к ее объявлению послужило нападение гайдамаков на пограничное турецкое местечко Балту.

Султан, рассчитывая на помощь Франции, благосклонность Австрии и активную поддержку конфедератов, предполагал выставить до 600000 человек. Главная армия (половина всего числа) должна была из Молдавии пройти в Польшу, соединиться с конфедератами и

двинуться на Киев и Смоленск для восстановления Польши в границах XVII века. Другая армия должна была овладеть, при поддержке флота, Азовом и Таганрогом, а третья расправиться с восставшими христианами (в Черногории и Герцеговине). 6-го октября война была объявлена и остаток 1768 года прошел в деятельных военных приготовлениях обеих сторон.

Россия выставляла три армии: 1-я князя Голицына (80000) собиралась у Киева и должна была действовать наступательно, 2-я Румянцева, генерал-губернатора Малороссии, (40000) — у Бахмута и должна была защищать южные границы, 3-я Олицы (15000) — обсервационная — у Брод. 1-я армия: 30 пехотных полков и 8 гренадерских батальонов, 19

кавалерийских полков — 68 батальонов, 95 эскадронов, при 136 полевых орудиях и 9000 казаков. 2-я армия: 14 пехотных, 16 кавалерийских полков — 28 батальонов, 80 эскадронов, 50 полевых орудий, 10000 казаков. 3-я армия: 11 пехотных, 10 кавалерийских полков — 22 батальона, 50 эскадронов, 30 полевых орудий, 1000 казаков. Полковая артиллерия (2 орудия на батальон) не засчитана. Всего против ожидавшегося 600-тысячного полчища¹²¹ выставлялось 120000, но на самом деле гораздо меньше: некомплект был чрезвычайно велик, особенно в 1-й и 3-й армиях, достигая в среднем половины штатного состава. Так, например, в бригаде Вейсмана Бутырский и Муромский полки насчитывали: первый 716 штыков, второй — 790, вместо штатных 2300. Полк, имевший 1200–1500, считался уже сильным. Для пополнения войск положено набрать 50000 рекрут.

* * *

Военные действия были открыты в январе 1769 года вторжением 100000 татар и турок из Крыма на Украину, однако Румянцев быстро заставил отступить это полчище, а к весне сам выслал летучий отряд на Крым, усилив в то же время гарнизоны Азова и Таганрога. К лету он перевел главные силы своей армии к Елизаветграду, но дальше не смог двинуться: у него было всего 30000, из коих треть вооруженных одними пиками казаков, тогда как на Днестре у Каушан стоял крымский хан со 110000 татар и турок, а 30000 татар угрожали с Перекопа. Все, что мог сделать Румянцев — это распространить ложные слухи о движении своей армии в Подолию, что совершенно спутало расчеты противника. Центр тяжести событий перенесся в 1-ю армию на Днестре.

Князь Голицын открыл кампанию уже 15-го апреля, не дожидаясь прибытия пополнений (в его армии считалось всего 45000). Молдавия восстала против турок, господарь бежал, и архиепископ ясский просил Голицына поспешить в Молдавию для принятия ее в русское подданство. Однако, вместо того чтобы сразу идти на Яссы, Голицын задался целью овладеть сперва Хотинем. Потеряв здесь даром время и не будучи в состоянии взять крепости, он отступил за Днестр за недостатком продовольствия и целый месяц простоял без действия в Подолии, упустив исключительно благоприятный момент и предоставив туркам расправляться с молдаванами...

Тем временем великий визирь с 200000 турок и татар переправился через Дунай у Исакии и двинулся в Бессарабию. Он действовал так же вяло, как и его противник Голицын — и целый месяц до половины июня простоял на Пруте. Во исполнение первоначального турецкого плана, визирь предложил послу конфедератов Понятовскому двинуться со всей ордою в Ляхистан, но Понятовский, желая избавить свою страну от нашествия таких союзников, предложил ему двинуться главными силами в Новороссию (т. е. против Румянцева), оставив заслон в хотинском направлении.

План был принят. Отправив 60000 янычар и татар под Хотин, визирь двинулся с остальными силами к Вендорам, чтобы оттуда идти на Елизаветград. Поход его не удался. Искусное распространение Румянцевым ложных слухов о своей армии заставило визиря переоценить силы гяуров. Он так и не решился перейти Днестр и отступил назад на Прут в урочище Рябая Могила (40 верст к югу от Ясс), отправив в Хотин сераскира Молдаванчипашу.

Голицын, узнав об усилении турок в Хотине, перешел к Каменцу и стал против Хотина. Этим движением он открывал дорогу главным силам турок на Киев (будь визирь немного предприимчивее) и, удаляясь от армии Румянцева, подвергал эту последнюю риску отдельного поражения. Узнав о движении визиря в Новороссию, Голицын решил воспрепятствовать ему в этом, предприняв усиленный поиск к Хотину. 24-го июня он переправился через Днестр, отбил у села Пашкивцы атаку 80000 турко-татар и блокировал Хотин. Прибытие сераскира Молдаванчи и крымского хана Девлет-Гирея побудило Голицына снять блокаду крепости и ретироваться за Днестр. Командующий 1-й армией считал цель похода — отвлечение турецких сил от Новороссии — достигнутой. Голицын придерживался той школы полководцев XVIII века, которая считала, что на войне главное не бой (достояние посредственности — говорил Мориц Саксонский), а маневрирование с целью

заставить противника отступить без боя.

В Хотине оставалось 20000 турок. Армия Молдаванчи — 130000 турок и татар стала в Липканах, на верхнем Пруте (у буковинского леса). Сам визирь со 150000 стоял у Рябой Могилы, на среднем Пруте. 25000 турок занимало Бендеры. С русской стороны — 40000 Голицына стояли в Подолии против Хотина, 30000 Румянцева в Новороссии у Елизаветграда.

Бездействие визиря и его лихоимство (присвоил 25 миллионов пиастров, назначавшихся для довольствия войска) побудили султана сместить его и назначить на его место Молдаванчи-пашу. Новый визирь получил повеление двинуться за Днестр и овладеть Подолией.

Наступление это закончилось для турок плачевно. Молдаванчи 29-го августа переправил за Днестр до 80000, но силы эти были сброшены Голицыным в реку. Отправленный 5-го сентября за Днестр для фуражировок 12-тысячный отряд был полностью уничтожен.

Неудачи эти, в связи с отсутствием продовольствия и фуража, совершенно деморализовали неприятельскую армию, на три четверти состоявшую из иррегулярного ополчения и татар. Почти вся она разбрелась. Молдаванчи успел собрать в Яссах всего 30000 (и вынужден был бежать от них: его хотели убить). У Рябой Могилы из них осталось всего 5000... Стотысячная турецкая армия развеялась как дым. Оставался лишь сильный гарнизон в Бендерах, слабые отряды в дунайских крепостях, да татарская орда в Каушанах.

* * *

Голицын не воспользовался столь благоприятно сложившейся обстановкой. Он занял без боя Хотин (где взято 163 пушки), но затем снова, в третий раз за кампанию, отступил за Днестр. Недовольная вялостью Голицына, Императрица назначила на его место Румянцева, которому ведено сдать 2-ю армию Петру Панину.

Прибыв в 1-ю армию в конце октября, Румяnceв расположил главные ее силы на квартиры в районе между Збручем и Бугом, 60 эскадронов и 108 орудий были расположены по ордер-дебаталии в прямоугольнике 70 верст в длину и 40 верст в ширину. Такое сосредоточенное положение позволяло немедленную боевую изготовку.

За Днестр и Прут — в Молдавию был двинут стратегический авангард — 17000 по большей части конницы под названием Молдавского Корпуса и под командой генерала Штофельна. Штофельну было поручено управление Молдавией, только что присягнувшей на подданство русской Императрице.

Армия приведена в порядок. Полки по 2 и 3 соединены в бригады, а бригады в дивизии. Управление артиллерией децентрализовано и артиллерийские роты распределены по дивизиям. Зимой устраивались маневры и экзерции (особенное внимание обращено на быстроту движений и конные атаки).

Штофельн действовал отважно и энергично. В ноябре он овладел всей Молдавией до Галаца и большей частью Валахии, взяв в плен обоих господарей врагов России. Военные действия в княжествах не прекращались всю зиму. Пользуясь слабостью и разбросанностью Молдавского Корпуса, турки и татары атаковали его в начале января 1770 года, но были наголову разбиты при Фокшанах. Затем Штофельн взял Браилов, снова разбил турок у Журжи и валахов у Бухареста.

Эти операции имели сильно деморализующее влияние на турок и особенно на татар. Однако султан проявил большую энергию. Не щадя затрат, он собрал новую армию, сменил крымского хана Девлета, рвение которого начало остывать, и назначил ханом Каплан-Гирея, которому приказал готовиться к походу от Каушан на Яссы для отобрания княжеств и сокрушения Молдавского Корпуса до прихода главных русских сил.

План кампании на 1770 год был составлен самим Румянцевым, добившимся от Императрицы невмешательства Петербурга в его распоряжения. Ошибки своего предшественника он резюмировал так: никто не берет города, не раздлавшись прежде с силами, его защищающими. Главной своей целью он положил уничтожение живой силы

неприятеля, для сего 1-й армии надлежало действовать наступательно (воспрепятствовать переходу турок через Дунай), 2-й армии поручалась наступательно-оборонительная задача (овладение Бендерами и защита Малороссии), 3-я обсервационная армия упразднена и вошла отдельной дивизией в состав 1-й. Большие надежды возлагались на флот Орлова, которому из Средиземного моря надлежало проникнуть в Дарданеллы¹²² и угрожать Константинополю.

Весть о приготовлениях хана к походу заставила Румянцева поторопиться с открытием кампании. Сознавая всю трудность удержания княжеств небольшими силами, он предписал Штофельну очистить Валахию и ограничиться лишь обороной восточной Молдавии, области между Прутом и Серетом.

Не ожидая укомплектования, Румянцев выступил в поход, и 12-го мая его войска сосредоточились у Хотина. Под ружьем считалось (за исключением 5000 нестроевых и 2000 больных) — 32000, составивших 10 пехотных и 4 кавалерийские бригады. Пехота сведена в 3 дивизии — Олица, Племянникова и Брюса.

Свиристествовавшая в Молдавии чума побудила было Румянцева остановиться в северной Бессарабии, однако критическое положение Молдавского Корпуса заставило его идти вперед. Значительная часть этого корпуса и сам Штофельн погибли от чумы. Принявший команду князь Репнин собрал остатки корпуса на Пруте у Рябой Могилы, где с 20-го мая стойко отбивал атаки татарской орды Каплан-Гирея (72000 человек). Высланный Румянцевым конный авангард генерала Баура вошел в связь с Репниным 10-го июня. Главные силы, задержанные плохими дорогами, подошли лишь 16-го числа и в ночь на 17-е Румянцев, невзирая на крепкую позицию и превосходные силы турко-татар, атаковал их при Рябой Могиле и отбросил на восток — в Бессарабию. Сильно укрепленный татарский лагерь при Рябой Могиле был взят широким обходным движением. Наш урон всего 46 человек, неприятель оставил до 400 тел. Всякого рода препятствия — естественные и искусственные — затруднили преследование¹²³. Хан занял еще более сильную позицию на реке Ларга, где решил выждать прибытия главных сил визиря, переправлявшихся через Дунай, и конницы Абаза-паши (15000), шедшей от Браилова.

У Румянцева за выделением частей для обеспечения тыла было не более 25000. Предугадывая намерение неприятеля, русский полководец решил разбить его по частям, не дожидаясь соединения всей 250-тысячной массы.

7-го июля на рассвете он атаковал 55000 турко-татар на Ларге и обратил их в бегство. Крымский хан бежал к озеру Ялпук, где простоял до конца кампании, потеряв дух и не проявляя активности. Подготовительные к бою движения Румянцев выполняет всегда ночью и атакует на заре. В ночных действиях всегда сказывается преимущество хорошо организованного и обученного войска над худо обученным, и Румянцев стремится это преимущество использовать. Наш урон на Ларге — 90 человек, неприятелей побито 1000 (в плен взято лишь 23), захвачен лагерь хана, 8 знамен, 33 орудия.

Тем временем визирь Молдаванчи¹²⁴, задержанный разливом Дуная, смог переправиться (у Исаки) лишь в половине июля. Его армия насчитывала 150000 бойцов (50000 отборной пехоты — главным образом янычар — и 100000 конницы), при 350 орудиях. Зная о слабости сил Румянцева, визирь был убежден, что раздавит русских одной своей многочисленностью. Войска, уверенные в победе, поклялись истребить русских.

У Румянцева оставалось в ружье всего 17000 (около половины войск, с которыми он выступил из-под Хотина два месяца назад), однако он был уверен в своих войсках и решил разбить визиря до того, как он соединится с татарами.

20-го июля турки, двигаясь вдоль речки Кагул, расположились лагерем у села Гречени, намереваясь на следующий день атаковать русских. 80000 татар стояло на Ялпуге в 20 верстах... Но Румянцев предупредил турок и на следующее утро 21-го июля сам атаковал их и одержал над ними блистательную Кагульскую победу, навсегда прославившую его имя. Визирь бежал, оставив в наших руках 200 пушек¹²⁵ и весь лагерь, татарский хан последовал его примеру. Русская армия пошла на турок тремя дивизионными кареями и опрокинула их

толпы. Внезапная контратака 10 тысяч янычар, набросившихся на дивизию генерала Племянникова, едва не имела успеха. Личный пример Румянцева, бросившегося в сечу, и его стой, ребята! спасли положение. Истреблением янычар закончилось поражение турецкой армии. Турки потеряли до 20000 убитыми и ранеными, свыше 2000 пленными, до 300 знамен и значков, 203 орудия. Наш урон — 960 человек. Преследование велось энергично: 23-го июля авангард Баура настиг турок на переправе через Дунай и под Карталом добил расстроенные полчища, захватив остальную артиллерию (150 орудий). Перебравшись за Дунай, Молдаванчи смог собрать из всей своей армии лишь 10000 человек...

Почти в один день с Кагульским126 побоищем турецкий флот был уничтожен Орловым при Чесме. Константинополь был сожжен пожаром, янычары бунтовали, требуя мира.

Казалось, наступила благоприятная пора для перенесения военных действий за Дунай с целью склонения Порты на мир. Карл XII поступил бы именно так, но Румянцев, сознавая слабость своих сил (всего дивизия военного времени по нынешним понятиям) и опасаясь чумы, свирепствовавшей с особенной силой за Дунаем, решил ограничиться в этом году прочным занятием княжеств и взятием придунайских крепостей. Измаил сдался еще в конце июля, после Кагульской битвы. В августе взята Килия, в сентябре Аккерман. Оставался Браилов, где турки отбили штурм 24-го октября, наиболее кровопролитное дело за всю кампанию (мы потеряли здесь 2000 человек, тогда как под Кагулом 1000);

однако в начале ноября и тот покинут турками... Так кончилась кампания 1770 года, одна из славнейших в нашей истории... Она решила участь войны, продлившейся еще три года, вследствие упорства султана, — турецкая армия так и не смогла оправиться от Кагульского разгрома.

Что касается действий 2-й армии, то она двинулась весной от Днестра к Днестру. Движение совершалось медленно вследствие разлива рек. Осторожный Панин обратил особое внимание на обеспечение сообщений со своей базой Елизаветградом, выстроил ряд укреплений и на каждом ночлеге, по примеру Петра I, воздвигал по реду. Его армия не испытывала нужды ни в чем. 6-го июля Панин перешел Днестр, 15-го осадил Бендеры, а 16-го сентября, после двухмесячной осады, овладел ими после жестокого штурма. У Панина было 33000, Бендеры защищало 18000 турок, из коих убито 5000, сдалось 11000 во главе с сераскиром, бежало 2000. Наш урон — 2500 убитых и раненых. В крепости взято 348 орудий. Оставив в Вендорах гарнизон, Панин отступил на Украину и стал на квартиры в районе Полтавы.

* * *

В кампании 1771 года главная роль отводилась 2-й армии, доведенной до 70000. Ей надлежало овладеть Крымом. 1-й армии предписано, занимая княжества, производить диверсии на Дунае для отвлечения турок.

Поход 2-й армии князя Долгорукова (заменившего Панина) в Крым увенчался полным успехом, и полуостров покорился без особенного труда. Искусная политика Румянцева — разьединение татар с турками — принесла теперь блестящие результаты.

На Дунае действия наши носили характер стратегической обороны. Небольшой (35000) армии Румянцева пришлось защищать громадный фронт (около 500 верст по Дунаю). Убежденный противник кордонного расположения, Румянцев расположил свою армию на квартиры 4-мя группами и с главными силами оставался в Молдавии. Войска располагались Румянцевым с таким расчетом, чтобы роты не отстояли далее чем за 10 верст от сборного пункта полка. Из всех дел кампании 1771 года наиболее значительно взятие Журжи 18-го февраля дивизией Олица. Наш урон доходил до 1000 человек, турок истреблено (перебито и потоплено) 8000 из 10000 гарнизона. В крепости взято 82 орудия.

Весною и летом инициатива была предоставлена туркам. Новый визирь Мусин-Оглу реорганизовал армию с помощью французских инструкторов, удалил оттуда татар и оставил лишь регулярные войска. Турецкие силы были вновь доведены до 160000, но использовать свое численное превосходство турки не сумели (погром 1770 года произвел на них потрясающее впечатление). Им удалось, правда, занять Западную Валахию и даже овладеть

на время Журжей, но при движении их на Бухарест они были совершенно разбиты втрое слабейшим русским корпусом генерала Эссена. У Эссена было 12000, у турок — 37000; их побито 2000 и 1300 с 14 орудиями взято в плен. У Журжи случилась неустойка, являющаяся очень характерной для понятия о воинской чести екатерининской армии. В Журже по ее занятии в феврале был оставлен майор Гензель с 600 солдатами. В конце мая к крепости подступило 14000 турок. Гензель отразил их натиск, но, видя неравенство сил (один на 25), вступил в переговоры, сдав крепость (после совета) и выговорив для гарнизона право отступить с оружием в руках, отошел на соединение с дивизией князя Репнина. Он полагал, что заключил почетную капитуляцию, но Репнин, дивизия которого шла как раз в Журжу (и который приказывал Гензелю держаться во что бы то ни стало) посмотрел на дело иначе.

Отряд Гензеля был посрамлен перед фронтом дивизии, а офицеры отданы под суд, приговоривший их всех к расстрелянию. Императрица Екатерина заменила им казнь продолжением постылой жизни — казни, чувствительнейшей самой смерти. Гензель и 2 капитана приговорены к пожизненной каторге, остальные офицеры — к службе рядовыми без выслуги. Заступничеством Румянцева и этот приговор заменен исключением провинившихся из службы... И это несмотря на то, что неприятеля было в 25 раз больше, а капитуляция заключена на самых почетных условиях. Великая армия великого века! Счастье Екатерининским орлам, не видевшим позора Новогеоргиевска и Ковны... Румянцев поручил в октябре лучшему из своих командиров Вейсману произвести поиск на турецком берегу. Переправившись через Нижний Дунай, Вейсман блестящим рейдом прошел по Добрудже, овладев всеми турецкими крепостями: Тульчей, Исакчей, Бабадагом и Мачиным. Свой знаменитый поиск Вейсман начал 19-го октября с Тульчи, где захватил 36 орудий и навел такую панику на турок, что гарнизоны Бабадага и Исакчи бежали и крепости взяты без боя. Войска визиря (до 25000 — против 4000 Вейсмана) в беспорядке бежали к Базарджику, и турки никакой активности больше не проявляли, выразив готовность вступить в мирные переговоры.

Весь 1772 год прошел в мирных переговорах, веденных при посредничестве Австрии, но не давших никаких результатов¹²⁷, благодаря ее интригам.

В 1773 году армия Румянцева была доведена до 50000, из Польши прибыл Суворов. Императрица Екатерина требовала решительных действий: перехода через Дунай в разбития армии визиря, стоявшей у Шумлы. Однако Румянцев считал для этого свои силы недостаточными и положил ограничиться производством демонстраций, из коих наиболее замечательны: набег Вейсмана на Карасу и два поиска Суворова на Туртукай.

Удача этих поисков и пассивность турок побудили Румянцева перейти с 20000 Дунай в начале июня. 18 июня он штурмовал Силистрию (имевшую 30000 гарнизон), но не довел операции до конца, получив известие о движении 30000 Нуман-паши себе в тыл. Румянцев отошел за Дунай, а авангард его, под начальством Вейсмана, одержал над армией Нумана красивую победу при Кайнарджи, за которую, однако, храбрый Вейсман заплатил жизнью. У Вейсмана было 5000, у турок 20000. Наш урон всего 167 человек. Из командиров убит лишь один — сам Вейсман, сраженный пулей в сердце в первом ряду своего карре и успевший только сказать: не говорите людям! Турок положено до 5000. Смерть Вейсмана глубоко опечалила всю армию. Суворов, друживший с ним, писал:

Вейсмана не стало, я остался один...

На правом берегу Дуная, в гирсовском тет-де-поне, оставлен Суворов с 3000. Ободренные отходом Румянцева, турки с 10000 атаковали было Гирсово, но наголову были разбиты Суворовым. Отряд Суворова, единственный из всей армии, зимовал на правом берегу.

Императрица осталась недовольна недостаточно энергичными действиями Румянцева и требовала решительного перехода в наступление. Однако, фельдмаршал не изменил своего осторожного образа действий и весь год ограничивался демонстрациями, отложив решительные действия на следующую кампанию. 1773 год закончился в общем безрезультатно.

* * *

Кампанией 1774 года Румянцев решил закончить затянувшуюся войну и проникнуть, невзирая на все трудности, до самых Балкан. Свою армию 50000 он разделил на 4 корпуса (отряда) и главные силы. Главную роль надлежало играть корпусам Каменского и Суворова (по 10000), которым ведено идти на Шумлу и разбить 50-тысячную армию визиря, причем обоим дана полная свобода действий. Характерно, что Суворов, будучи самым младшим из генерал-поручиков, получил в командование отдельный корпус (несмотря на наличие в армии генерал-поручиков и аншефов). Это показывает доверие, которое питал Румянцев к герою Столовичей и Туртукая. Корпусу Репнина велено составить им резерв, корпусу Салтыкова (сын победителя Фридриха) — действовать против Силистрии, сам же Румянцев с главными силами (12000) мог подкрепить в случае надобности любой из отрядов.

В конце апреля Суворов и Каменский перешли Дунай и очистили Добруджу от турок. Соединившись 2-го июня у Базарджика, они двинулись к Шумле, и 9-го июня Суворов с авангардом наголову разбил 40000 турок у Козлуджи, после чего оба русских отряда блокировали Шумлу. Эта операция в сущности и решила участь всей войны. При Козлудже авангард Суворова состоял всего из 8000 человек. Турок было до 40000. Суворов, следуя своему обычаю, смело атаковал авангард неприятеля, учтя то обстоятельство, что бывший недавно ливень промочил патроны у турок, носивших их за неимением кожаных подсумков, в карманах. Отбросив турок в лагерь, Суворов в продолжение 3-х часов подготавливал атаку огнем, а затем овладел лагерем стремительной атакой. Наш урон — 209 человек. Турок положено на месте 1200, пленных не взято, захвачено 107 значков и знамен и 29 орудий.

Перейдя Дунай в начале июня, Румянцев двинулся к Силистрии, а Салтыкова направил к Рушуку. Высланный Каменским конный отряд бригадира Заборовского двинулся за Балканы (куда до того еще ни разу не ступала нога русского солдата), сея всюду ужас и панику. В самой Шумле войска стали бунтовать и расходиться по домам. Видя невозможность дальнейшей борьбы и рискуя остаться без войск, визирь обратился к русскому главнокомандующему с просьбой о перемирии. Но Румянцев отказал ему в том, заявив, что может договариваться лишь о мире (чем проявил, бесспорно, большое политическое чутье). Визирю оставалось лишь покориться.

Мир был подписан 10-го июля в деревушке Кучук-Кайнарджи. Порты уступала России Кабарду, Кинбурн, крымские крепости, признавала независимость крымского ханства (первый шаг к присоединению Крыма Россией) и русский протекторат над турецкими славянами.

Первая турецкая война Екатерины длилась почти шесть лет. Протекала она в очень трудных условиях, как внешнеполитических (одновременная борьба с польскими конфедератами, угроза войны со стороны Австрии), так и внутренних (бунт Пугачева). Военные действия велись в отдаленных, диких краях, стоили громадных жертв людьми и деньгами и сопровождалась народным бедствием — чумой, от Бендер пошедшей на Москву и опустошившей Первопрестольную. Это самая большая из войн, веденных Екатериной.

Значение имеют лишь две кампании: 1770 и 1774 годов. Под Козлуджей Суворов добывает турок, сокрушенных при Кагуле Румянцевым. Эти две кампании резюмируют в сущности всю войну. Для истории русского военного искусства особенный интерес представляет кампания 1770 года — классический пример наступательной операции большого масштаба, сразу перенесшая войну с берегов Днестра на Дунай. На полях Молдавии сказалась школа Семилетней войны...

Пугачевский бунт

В то время, как русское оружие покрывалось славой на берегах Дуная, в самых недрах нашего отечества происходили глубоко печальные события, известные под именем Пугачевщины.

Этот трагический эпизод русской истории — гражданская война XVIII века имеет слишком большое значение, чтобы не быть здесь упомянутым хотя бы в самых общих чертах.

Донской казак Емельян Пугачев — типичный вор в старорусском смысле этого слова, решил тряхнуть Москвой. Он бежал на Яик и, подобрав там подходящих помощников, объявил себя Императором Петром Федоровичем. Этим Пугачев придал своему движению в глазах невежественных масс оттенок законности, что показывает его понимание психологии русского народа, и приобрел поддержку большей части яицкого войска, сыновей и внуков булавинских бунтарей, которым обещал все старые вольности. Имя Петра III, кроме того, пользовалось популярностью в среде раскольников. Сторону Пугачева приняли и башкиры, не раз до того бунтовавшие и жестоко усмиренные (имя почившего Императора вряд ли что-нибудь им говорило, но их объединяла с восставшими казаками ненависть к начальству)¹²⁸.

Яицкая пограничная линия состояла из ряда крепостей и постов — деревянных и глинобитных поселков, занятых командами гарнизонных войск и инвалидов, отвыкших от строя и службы. Почти все эти фортеции стали легкой добычей бунтовщиков в 20-х числах сентября 1773 года. Пугачев истреблял офицеров, кровью своей запечатлевших верность присяге, присоединял к себе оробевшие гарнизоны и шел от одной крепости к другой. Силы его росли подобно снежному кому, шайка превратилась в банду, банда разрослась в полчище. 18-го сентября он одержал свою первую победу у Бударинского форпоста, а 5-го октября скопища мятежников появились под Оренбургом. Беспомощность властей, совершенно потерявших голову, способствовала успеху и без того молниеносному.

Пугачев осадил Оренбург. Осада эта длилась всю зиму с 1773 на 1774 год и оказалась мятежникам не по плечу. В январе 1774 года Пугачев поручил ведение ее одному из своих енералов Хлопуше, а сам пошел на Яицкий городок, оказавший геройское сопротивление. Осада Яицкого городка (ныне Уральск) началась 30-го декабря 1773 года¹²⁹ и длилась 107 дней. Гарнизон мужественно отбил все штурмы. Когда все запасы продовольствия и все лошади были съедены, осажденные питались варевом из мягкой глины. Комендантом был полковник Симонов.

Усилия мятежников разбились о стойкость Оренбурга и Яицкого городка. Они потеряли всю зиму и выпустили из своих рук инициативу, а тем временем правительство приняло строгие меры по ликвидации восстания.

На Яик прибыл Бибилов — блестящий организатор и способный военачальник. Прибыли из внутренних губерний и войска, главным образом гарнизонные (почти вся наша вооруженная сила занята была борьбой с Турцией). Конец марта месяца ознаменовался крупными неудачами для мятежников: живая их сила была сокрушена Голицыным при Татищевой (где убито 2 с половиной тысячи их и взята вся артиллерия — 32 пушки) и у Берлинской слободы. 31-го марта освобожден Оренбург, а 15-го апреля Яицкий городок. Пугачев пытался контратаковать, но у Сейтовой лишился последних 7 пушек и бежал в единственное остававшееся у него убежище — Секмарский городок — всего со 150 мошениками¹³⁰. Яицкая область была совершенно очищена от его банд, и самозванцу, казалось, наступил конец.

Но счастье улыбнулось ему еще раз. 9-го апреля скончался Бибилов. Смерть его повлекла за собой заминку в преследовании Пугачева, воспрявшего духом. Недорубленный лес вырос. Из Секмарского городка Пугачев бросился в Уральский горно-заводской район, где нашел исключительно благоприятную почву в среде пролетариата, фабричных и приисковых рабочих и разного сброда. В мае и июне он овладел средним и нижним течением Камы¹³¹, занял Магнитную, Осу, Ижевский и Боткинский заводы.

Собрав опять значительное полчище, самозванец устремился на Казань, которую и разгромил 12-го и 13-го июля. Однако, здесь пугачевцы были атакованы и совершенно уничтожены полковником Михельсоном в боях 13-го и 15-го числа. Казань за отсутствием войск защищали гимназисты¹³². В городе из 2867 домов сожжено 2057, без малого три четверти всех зданий (в том числе 3 монастыря и 25 церквей). В бою 13-го декабря с Михельсоном¹³³ мятежников побито без счета. 15-го декабря убито еще 2000, да 5000 взято в плен. Урон Михельсона всего 100 человек. Вся голытьба легла на месте или взята в плен. С кучкой приверженцев Пугачев бежал на Волгу и 17-го июля переправился через нее.

И тут наступил последний и самый страшный период мятежа: поголовное восстание всего крепостного населения Поволжья — бессмысленный и беспощадный бунт рабов.

Михельсону едва удалось в бою при Арзамасе прикрыть московское направление и центральные области. Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская и часть Нижегородской губернии вспыхнули, как порох. Два — три пугачевца подымали волость, маленькая шайка подымала весь уезд... Опустошительным смерчем прошел Пугач от Цивильска на Симбирск, из Симбирска на Пензу, а оттуда на Саратов. В охваченных восстанием областях истреблялось дворянство, помещики, офицеры, служилые люди; причем восставшие рабы не щадили ни пола, ни возраста.

Июль и август 1774 года, два последних месяца пугачевщины, были в то же время самыми критическими. Спешно укреплялась Москва. Императрица Екатерина намеревалась лично стать во главе войск.

Овладев Саратовом, Пугачев двинулся на Царицын, но здесь 24-го августа¹³⁴ настигнут Михельсоном и все скопище его уничтожено (взято 6000 пленных и все 24 пушки). Самозванец бежал за Волгу в яицкие степи, но за ним погнался и его взял только что прибывший на Волгу с Дуная Суворов¹³⁵. Смуте наступил конец.

* * *

Господу угодно было наказать Россию через мое окаянство — сказал Пугачев Суворову. Слова эти указывают на присутствие где-то в тайниках его темной, мятежной души маленькой человеческой искорки, которая отличает его от другого изверга Махно. Пугачевское движение описало огромный, почти замкнутый круг по всей восточной части России — зловещий путь против часовой стрелки — с Яика на Урал, с Урала на Каму, с Камы на Поволжье... Путь, веками которого служили пожарища городов, укреплений, усадеб.

В движении этом мы можем отчетливо проследить три периода:

Первый — или яицкий, с сентября 1773 по апрель 1774 года. Пугачев опирается на яицких казаков, староверов и инородцев-башкир. Лозунгами движения служат по преимуществу обещания старых вольностей и избавление края от пришлой, не казацкой, администрации. В этот период войска Пугачева состоят главным образом из казаков и перебежавших гарнизонных солдат, т. е. имеют приблизительное понятие о военной службе. Отсутствие офицеров (изменников среди офицеров не оказалось)¹³⁶ сводит на нет и эти слабые качества. Назначаемые Пугачевым атаманы и енералы в счет не могут идти и главную силу мятежников составляет внезапность всего движения.

Второй период — камский, с мая по июль. Казаков и башкир уже почти что нет. Самозванец должен опираться на фабрично-приисковый элемент, городское мещанство и государственных крестьян. Соответственно с этим меняются и его лозунги — свобода и захват имущества для рабочих (по большей части крепостных), беспопшлинная торговля для мещан, отмена податей для государственных крестьян и рекрутской повинности для всех.

Третий период — поволжский, два последних месяца пугачевщины. Состав мятежников здесь опять совершенно иной. Это крепостные рабы. Пугачев обещает им свободу от повинностей и, самое главное, волю.

Вообще в этом бунте усматриваются, в зачаточном, правда, состоянии, все позднейшие лозунги великой бескровной, начиная от самостоятельности казачества и инородцев, продолжая национализацией заводов и рудников и кончая землей и волей, войной дворцам и т. п. Пугачев выказал себя искусным демагогом, вся беда его состояла лишь в том, что ему надлежало бы родиться на полтора столетия позже. Слишком крепки были устои екатерининской России и слишком чисты сердца ее сынов.

Следствием пугачевского бунта было усиление рабства (распространенного и на Малороссию), что является теневой стороной этого блистательного царствования. Мы пользуемся термином рабство, как наиболее точно и правдиво передающим смысл крепостного права — термина слишком расплывчатого, как бы вуалирующего действительность и дающего даже основания некоторым исследователям сравнивать

русскую барщину с барщиной европейской и пытаться даже искать с ней какую-то аналогию (у нас, мол, крепостное право упразднено лишь в 1861 году, но ведь и в ряде германских земель оно существовало до 1848 года и т. д.). Сравнение это немыслимо. Вассальные европейские крестьяне принадлежали поместью, русские крепостные являлись личной собственностью помещика. Европейская барщина — остаток феодализма — обязывала крестьянина работать на своего сеньора известное количество дней в году в порядке повинности. Вне этой повинности он был совершенно свободен в своих занятиях и поступках, его личность, семья и жилище были неприкосновенны, и при случае он мог найти управу на феодала (вспомним потсдамского мельника, пригрозившего Фридриху II судьей).

Русский крепостной, напротив, был рабом в полном смысле этого понятия. Его можно было продать, купить (оседло или на вывод — в дальние губернии), заложить в банке, обменять на другого раба, на борзого щенка, на какой-нибудь понравившийся рабовладельцу предмет. Можно было силой женить, выдать замуж, сдать в рекруты, разбить семейную жизнь раба, истязать его. Жизнь крепостного в XVIII веке особенной ценности не представляла (Салтычиха, умертвившая 38 рабынь, не была даже сослана в Сибирь). Лишь в 1833 году запрещено было продавать крепостных далеко от их семей. Русское рабовладение можно сравнить лишь с американским, только там угнетались негры, а здесь единоплеменники. Петр I понимал всю аморальность этого учреждения, но не мог его отменить¹³⁷, так как это повело бы к оскудению дворянства, т. е. сословия, поголовно несшего тяжелую и пожизненную государственную службу и кровью своей создавшего российскую великодержавность. С указом о вольностях шляхетских возражения этого порядка отпадали. Александр I мог бы действительно стать Благословенным, если бы в декабре 1812 года, по изгнанию двенадцати язык, избавил Россию от этой нравственной гангрены. Реформа 1861 года пришла слишком поздно... Взбунтовавшиеся рабы 1917 года были внуками рабов, слишком долго терпевших! Были приняты меры для искоренения самого воспоминания об этой смуте, переименована даже местность Яик в Урал, яицкое войско — в уральское, и до смерти Екатерины запрещалось писать о смуте и собирать о ней материалы.

Потемкинская эпоха

В 1774 году, по окончании Первой Турецкой войны, Потемкин был назначен вице-президентом военной коллегии. Его чудесная карьера начиналась — и скоро он стал первым после Императрицы лицом в государстве.

Натура богато одаренная, но неуравновешенная, гениальная и мелочная в одно время, могучий ум и неровный характер, в котором творческое вдохновение чередовалось с периодами полной прострации. Достоинства Потемкина были достоинствами государственного человека, его недостатки — недостатками временщика. Идеи его внешней политики были грандиозны (и в то же время выполнимы) — он сообщил этой политике подлинно великодержавный размах, открыл России новые горизонты. Составленный Потемкиным в 1777–1778 годах Греческий прожект¹³⁸ предусматривал изгнание турок из Европы, освобождение балканских христиан, овладение Царьградом и учреждение Византийской империи под скипетром Романовых. Оба родившихся в эту пору внука Императрицы — великие князья Александр и Константин получили греческие имена. На царьградский престол предназначался Великий князь Константин Павлович, получивший специально греческое воспитание.

Влияние его на армию было благотворным. Здесь Потемкин явился продолжателем дела Румянцева, в школе которого многому научился. Это был блестящий организатор, большой гуманист, но не военный в душе. Полководческих дарований ему не было дано.

В 70-х годах Потемкин как бы дополняет Румянцева, но его влияние все возрастает. Кагульский победитель по цельности своего характера, чистосердечию и философскому образу мыслей не был придворным. Его осыпали почестями и постепенно удалили от дел. В 1784 году Потемкин назначен президентом военной коллегии (с производством в фельдмаршалы) и стал полновластным хозяином в армии.

Все его мероприятия направлены прежде всего к облегчению условий службы солдата. Вместо неопределенного, пожизненного срока службы¹³⁹ — доколе силы и здоровье позволят введен определенный — 25 лет. В кавалерии положено служить 15 лет, после чего переводиться в пехоту либо в гарнизоны.

Строевая часть, уже упрощенная Румянцевым, упрощена еще более. Солдат учат лишь тому, что им может пригодиться в походе и в бою. При стойке обращается внимание на простоту и естественность. Движения должны быть свободны — без окостенения, как прежде было в обычае. Телесные наказания, и так очень редко применявшиеся Румянцевым, были при Потемкине совершенно выведены из обихода армии. Этим отсутствием заплочных дел мастерства, отсутствием тем более знаменательным, что телесные наказания официально отменены не были, русская армия будет всегда гордиться. И в этом отношении — как решительно и во всех остальных — армия Екатерины II стоит неизмеримо выше армий Фридриха II, Иосифа II и Людовика XVI.

В 1786 году введена новая форма: зеленый камзол с погоном (жгутом) или эполетом на одном плече, просторные красные штаны, внизу обшитые кожей, и каска черной кожи с оранжевым гребнем и белой кокардой (романовские и георгиевские цвета) и наушники. Отменены парики и косы, солдатам стали стричь волосы, отчего они выигрывали в опрятности. Вычеты из жалованья за обмундировку отменены были еще Румянцевым.

Упразднены рогатки, требовавшие громадных обозов и утяжелявшие армию в походе. В пехоте упразднены ручные Гренады.

Егерские команды пехотных полков еще в 1777 году сведены в отдельные егерские батальоны числом 6. В 1784–1785 годах батальоны эти развернуты в егерские корпуса 4-х батальонного состава. Число этих егерских корпусов к концу царствования Императрицы Екатерины доведено до 10-ти. Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский, Лифляндский, Кубанский, Днепровский, Кабардинский, Горский.

Создан новый тип регулярной легкой кавалерии, легко-конные полки, числом 11 из гусар и полков малороссийских казачьих войск (1783 год). Образовано и 4 конно-егерских полка.

Обращено внимание и на драгун, почти что уничтоженных Румянцевым. К оставшимся 6-ти полкам вновь прибавлено 5. Потемкин считал драгун самонужнейшими и полезнейшими (можно сугубое смотря по обстоятельствам из них сделать употребление, — писал он, — не заимствуя помощь и подкрепление ни пехоты, ни тяжелой конницы).

Тяжелая кавалерия осталась почти без изменения, из 19-ти карабинерных полков оставлено 16, а все 6 кирасирских полков сведены в один полк 30-ти эскадронного состава, наименованный лейб-кирасирским (по смерти Потемкина восстановлены опять).

Артиллерия из 5-ти полков переформирована в 13 батальонов (1 полк и 3 отдельных батальона бомбардирских, 2 батальона канонирских, 2 фузелерных) и 5 конных рот.

Деятельность Потемкина сказалась особенно в устройстве казачьих войск. Императрица Екатерина еще в начале своего царствования обратила особое внимание на казачество. В 1770 году Волгское войско переведено на Кавказ, где вошло отдельным Волгским полком в состав Терского. В том же году на Кавказе основаны войска Кубанское, Моздокское, а в верховьях Дона — Хоперское (впоследствии переведенное подобно Волгскому на Кавказ, но в состав Кубанского войска).

После Пугачевского бунта Императрица стала недоверчиво относиться к казакам. В 1776 году решено ликвидировать Запорожскую Сечь¹⁴⁰, давно ставшую гнездом всякого рода беспорядков и грозившую стать очагом пугачевщины при введении в Малороссии новых порядков. Ликвидация Сечи поручена генералу Текели с 25-тысячным войском. Экспедиция эта обошлась без кровопролития, однако в скором времени почти все запорожцы выселились на Дунай, в Турцию. Сечь была застигнута врасплох (по донесению Текели, запорожские часовые заняты были упражнением сна). Под предлогом рыбной ловли запорожцы стали затем целыми ватагами уходить по Днепру в море и больше не возвращались. Когда Текели хватился, из 13000 казаков не осталось и тысячи. В Добрудже

запорожцы уже застали некрасовцев — потомков бунтарей Булавина — староверов, враждебно относившихся к России и служивших в турецких войсках.

Впоследствии — во время Второй Турецкой войны — по ходатайству за них Потемкина, запорожцы вновь приняты в русское подданство под именем Черноморского войска, и им отведены земли по Кубани. Войско это было затем слито с Кубанским¹⁴¹ (один из Кубанских полков и поныне носит название Запорожского).

К концу царствования Екатерины в русской армии считалось: 3 гвардейских, 12 гренадерских, 56 пехотных полков, 10 корпусов и 3 батальона егерей, 20 отдельных полевых пехотных батальонов и гренадерских корпусов. Кавалерия состояла из 1 гвардейского (Конного), 6 кирасирских, 16 карабинерных, 1 конно-гренадерского, 11 драгунских, 11 легко-конных, 4 конно-егерских. В общей сложности 103 пехотных и 50 регулярных конных полков. Общая численность всех действовавших войск составила 287000 человек, необходимо, однако, учесть некомплект, никогда не бывший меньше пятой части. Гарнизонные войска составляли 107 батальонов (91 на пограничном, 16 на внутреннем положении). Казачьи войска могли дать до 50-ти полков.

* * *

Гвардия имела в екатерининские времена совершенно иной характер, нежели в петровскую эпоху. Петровские гвардейские полки имеют тройное назначение: политическое (опора царской власти при проведении реформ), воспитательное (подготовка офицеров для армии, показания примера армейским полкам в боях и экзерцициях) и, наконец, собственно боевое, как тактические единицы. Уже при ближайших преемниках Петра это последнее назначение отходит на второй план — в походах Миниха участвует лишь половина Гвардии, по батальону на полк. Обстоятельства воцарения Елизаветы отнюдь не способствовали упрочению дисциплины в Гвардии. Своеволие лейб-кампанцев передалось и в прочие части, взбунтовавшиеся было в Финляндии в шведскую кампанию 1742 года. После этого Гвардия не участвовала в Семилетней войне, а из войн Екатерины II приняла участие лишь в шведской, тоже в половинном составе. Ее назначением осталось охранение Престола и подготовка офицеров для армии.

Эти последние — недоросли из дворян — писались в Гвардию в раннем детстве, зачастую от рождения. Указ о вольностях дворянских избавлял их от личной явки на службу по достижении юношеских лет, и добрая половина дворян, записанных в Гвардию при Екатерине, лишь числилась в строю, а на самом деле благополучно проживала в своих поместьях. Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, за выслугу лет, и очень многие уходили в отставку, так и не увидев ни разу своего полка! Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. Живя в столице, они все свое время посвящали светским развлечениям и в свои части заглядывали лишь изредка, для проформы. Когда им приходила очередь заступать в караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие безо всяких поблажек.

Производство офицеров велось не по полкам, а по армии. При открывавшейся в полку вакансии туда переводили не очередного однополчанина, а офицера, имевшего из всех офицеров данного рода оружия вообще большее старшинство, пусть даже и другого полка. Благодаря этому полки екатерининской армии обращались в своего рода проходные дворы. Офицеры в них не засиживались, состав их все время обновлялся, а это препятствовало установлению полковых традиций, полкового духа. В Бутырском полку, например, в 1779 году из 45 офицеров лишь четверо участвовали в его рядах в Кагульской битве 9 лет назад.

Великое воспитательное значение полковых традиций не было осознано (носителями их являлись по преимуществу старые унтер-офицеры). Старыми полками поэтому не дорожили. Седой ветеран Царя Михаила Федоровича — Бутырский полк, во главе которого Царь Петр получил свои три пули в Полтавской битве, обращен в 1785 году с легким сердцем в Кубанский егерский корпус, очевидно, как бывший из всех наиболее под рукой. Его же брат-близнец — Первомосковский, бывший Лефортов, совершенно расформирован в

1790 году.

* * *

В 1769 году, при начале турецкой войны, основан Орден св. Великомученика и Победоносца Георгия, жаловавшийся за военные отличия и имевший четыре класса степени. Первым георгиевским кавалером была сама великая Основательница, возложившая на себя знаки 1-го класса. Затем кавалерами Первой степени в царствование Екатерины были пожалованы: в Первую Турецкую войну — Румянцев за Ларгу, Орлов за Чесму, Панин за Бендеры, Долгорукий за Крым; во Вторую Турецкую — Потемкин за Очаков, Суворов за Рымник, Репнин за Мачин; в Шведскую — Чичагов за Ревель. 4-я степень св. Георгия могла жаловаться и за выслугу лет (25 лет в офицерских чинах в армии, 18 морских кампаний во флоте). Это отменено в 1855 году в Восточную войну. Из Русских Императоров после Екатерины 1-ю степень имел Александр II (со дня столетия ордена, 1869 год). Император Александр III имел 2-ю степень (за 1877 год). Остальные Государи имели 4-ю степень, за исключением Императора Павла, не имевшего вовсе. Первой степенью были награждены: Кутузов (за изгнание Наполеона), Барклай де Толли (за Лейпциг), Бенигсен (за Гамбург), Дибич (за Забалканский поход), Паскевич (за Варшаву), Великий князь Николай Николаевич Старший (за взятие Плевны) и Великий князь Михаил Николаевич (за Аладжу).

В 1782 году учрежден орден св. Владимира, жаловавшийся с бантом как за гражданские, так и за военные заслуги (в последнем случае с мечами — мечи прибавлены лишь при Императоре Николае I).

Екатерина следовала петровскому обычаю чеканки медалей в память важнейших побед для ношения всеми участниками. Были выбиты медали в память Чесмы (с лаконичной надписью: Был), Кагула, Очакова, окончания Второй Турецкой войны (Победителям) и т. д.

Щедро, по царски, награждала своих сподвижников Великая Императрица. Однако львиная доля всех наград шла старшим военачальникам. Орденами награждались штаб-офицеры — обер-офицеру получить крест было делом почти что немыслимым. О солдатах нечего и говорить, наград для них не было предусмотрено (за исключением медалей, жаловавшихся всем чинам). А, впрочем, слова бессмертной Науки побеждать — За убитых Церковь молится, живым — победа, слава, слава, слава! не были пустым звуком для этих чудо-богатырей.

Совершенно не заботились о награждении полков. Елизаветинская традиция была восстановлена лишь Императором Павлом. Блестящие же победы екатерининских орлов, имена Ларги и Кагула, Измаила и Рымника, Праги и Мачина не оставили другого следа, кроме пулевых пробоин на знаменах обессмертивших там себя полков...

* * *

В 1778 году между Австрией и Пруссией началась война за Баварское наследство, так называемая картофельная война (Kartlo: Heilte), где обе армии, избегая сражений, принесли больше вреда картофельным полям Богемии, чем друг другу. Чтобы склонить на мир зачинщика, молодого цесаря Иосифа II, петербургский кабинет двинул в Силезию под Тешин 30-тысячный корпус князя Николая Репнина (сына князя Василия Аникитича, водившего за тридцать лет до того русские войска на Рейн в помощь матери Иосифа¹⁴² — Марии-Терезии). Этот заграничный поход 1779 года удался вполне и послужил новым доказательством громадного престижа России. За эту помощь Пруссия отплатила нам интригами в Швеции и Турции.

В 1781 году, во время англо-франко-американской войны за независимость Соединенных Штатов, Императрица Екатерина образовала Лигу Нейтральных Северных Держав, сформулировав принцип вооруженного нейтралитета против бесконтрольного господства над морями английского флота, задевавшего торговые интересы этих стран. Англия долго не могла простить России этой инициативы.

Вторая Турецкая война 1787–1791 годов

Подстрекаемая Англией и Пруссией, Порта летом 1787 года потребовала от России отказа от протектората над Грузией, возврата только что (в 1782 году) приобретенного

Крыма¹⁴³ и аннулирования Кучук-Кайнарджийского мира. Вслед за этими неслыханными требованиями 13-го августа Турция объявила России войну.

Главной целью войны Турция ставила овладение Крымом, чему должен был способствовать флот с сильным десантом и гарнизон Очакова.

Стремясь использовать выгодное свое положение нападающей стороны, турки сразу же проявили большую активность на море и 1-го октября высадили свой десант¹⁴⁴ на Кинбурнской косе, но десант этот был уничтожен Суворовым. При Кинбурне у Суворова было всего 1600 человек (роты и эскадроны различных полков). Турок высадилось 5500. Русские атаковали развернутым строем (Петербургские драгуны и Павлоградские легкоконные — выше колена лошади в морской воде). Для сочинения карре было слишком мало войск. Убито и потоплено до 5000 турок. Наш урон 16 офицеров, 419 нижних чинов. Суворов ранен.

Зимой с 1787 на 1788 год было образовано две армии:

главная — Екатеринославская Потемкина (82000 человек и 180 орудий, не считая полковых) и вспомогательная или Украинская Румянцева (37000 человек и 50 орудий). Потемкину надлежало наступать от Днепра через Буг и Днестр к Дунаю и овладеть сильными крепостями — Очаковым и Вендорами. Румянцев в Подолии должен был выйти на среднее течение Днестра, поддерживая связь с союзниками-австрийцами (Австрия объявила войну Турции в конце января 1788 года).

Австрийская армия — 187000 под личным начальством цесаря Иосифа II находилась у сербских границ, выслав в северную Молдавию для связи с русскими 18-тысячный корпус принца Кобургского.

Кампания 1788 года велась союзниками неудачно. Потемкин лишь в июне переправился через Буг и в июле осадил Очаков. Действовал он в высшей степени вяло, пять месяцев его 80-тысячная армия простояла под стенами крепости, которую защищало всего 15 тысяч турок. Очаков обложен с суши армией, а со стороны лимана — флотилией галер, имевшей ряд удачных дел с турецким флотом. 27-го июля гарнизон произвел вылазку, отбитую Суворовым. Затем осаждающие бездействовали. Дождливая осень сменилась ранней и холодной зимой. Войска мерзли в своих землянках и сами просились поскорее на штурм, чтобы покончить наконец с крепостью и стать на зимние квартиры. На штурм пошло 15000 человек в 23-градусный мороз. Бой отличался ожесточением и до двух третей гарнизона перебито. Взято 4500 пленных, 180 знамен и 310 орудий. Наш урон — 2789 человек. Наконец, 6-го декабря Очаков был взят штурмом. Об овладении Вендорами в ту же кампанию, разумеется, нечего было и думать. Потемкин отвел армию на квартиры, а сам уехал в Петербург.

Румянцев перешел в июле Днестр и выслал на помощь Кобургскому, тщетно пытавшемуся овладеть Хотинном, дивизию Салтыкова. Турки, не желая сдать крепость цесарцам, которых презирали, сдали ее русским. Оставшись по отделении Салтыкова почти вовсе без войск, Румянцев ничего не смог предпринять. Он занял северную Молдавию и к зиме расположил свою армию в районе Яссы-Оргеев-Кишинев.

Что касается австрийской армии, то она понесла полное поражение, разбитая турками под Мехадией и Слатиной, в западной Валахии¹⁴⁵.

* * *

В кампанию 1789 года австрийцам надлежало вторгнуться в Сербию; Румянцеву с 35000 — двинуться на Нижний Дунай, где находился визирь с главной турецкой армией; Потемкину с 80000 — овладеть Бендерами. Таким образом. Светлейший взял большую армию и легкую задачу. Небольшой же армии Румянцева давалась задача явно непосильная.

В апреле 1789 года турки двинулись в Молдавию тремя отрядами Кара-Мегмета (10000), Якубааги (20000) и Ибрагима (10000). Принц Кобургский поспешно отступил. Тогда Румянцев двинул на выручку цесарцев дивизию Дерфельдена. Дерфельден разбил 7-го апреля Кара-Мегмета у Бырлада, 16-го нанес поражение Якубу у Максимен, преследуя турок по пятам, дошел до Галаца, застал там Ибрагима, разбил и его (20-го апреля) и вернулся в

Бырлад.

Это блистательное действие было последним распоряжением старика Румянцева. По приискам Потемкина, решившего ни с кем не делиться своими будущими лаврами, от него отобрали армию... Обе армии — Екатеринославская и Украинская — были соединены в одну Южную под командованием Потемкина. Последний, прибыв из Петербурга лишь в конце июня, открыл кампанию только в июле, медленно двинувшись к Вендорам.

Узнав об этом движении Потемкина, визирь решил до его прибытия разбить войска союзников в Молдавии. Он двинул против слабого корпуса Кобургского тройные силы (30000) Османа-паши. Принц обратился за помощью к Суворову, командовавшему в Бырладе дивизией в 7000 штыков. Суворов поспешил к принцу, соединился с ним и 21-го июля атаковал и разбил Османа под Фокшанами. У Суворова с австрийцами было 17000. Наш урон — 400 человек. Турки потеряли 1600 человек и 12 орудий.

В августе Потемкин осадил Бендеры. Действия его и здесь отличались той же вялостью, что и в прошлую кампанию под Очаковом. Выдвинувшийся со своей дивизией в южную Бессарабию, князь Репнин разбил 7-го сентября значительный турецкий отряд на реке Салча. Заботясь о возможно большем усилении своего кор д'арма, Потемкин стянул к себе под Бендеры почти все русские силы, оставив в Молдавии лишь одну слабую дивизию. Дивизией этой, однако, командовал Суворов.

Визирь Юсуф решил воспользоваться удаленным положением Кобургского и Суворова, чтобы разбить их порознь, а затем двинуться на выручку Бендер. Собрав до 100000, он двинулся к речке Рымник. Кобургский снова запросил помощи у Суворова. Не медля, Суворов соединился с австрийцами 10-го сентября, пройдя в два с половиной дня по невылазной грязи 85 верст, а 11-го числа в славной Рымникской битве (второй Кагул) наголову разгромил полчища Юсуфа. У союзников было 25000 при 73 орудиях, у турок 100000 при 85 орудиях. Кобургский указал было на неравенство сил, но Суворов возразил, что тогда он атакует с одними русскими, и принц подчинился. Желая заранее составить диспозицию на следующий день, Кобургский настойчиво просил Суворова явиться к нему на совещание. Посланному было отвечено в первый раз — Суворов ужинает, во второй — Суворов Богу молится и в третий — Суворов спит. Но Суворов не спал, а с дерева обзирал турецкий лагерь. Вернувшись с рекогносцировки, Суворов приказал армии выступать немедленно и скрытым ночным переходом из Фокшан, перейдя реку Рымну (приток Рымника), подвел ее к самому турецкому лагерю. Турки, уверенные в победе над австрийцами (о прибытии Суворова они не знали), были застигнуты врасплох. Союзная армия построилась углом, вершиною к неприятелю. Русские (ставшие полковыми карре) составили правую, австрийцы (в батальонных карре) левую сторону угла. При движении между русскими и австрийцами образовался промежуток свыше 2-х верст, кое-как заполненный слабым австрийским отрядом генерала Карачая. Бой начался в 8 часов блестящей атакой через овраг правофлангового русского карре — Фанагорийских гренадер, овладевших авангардным турецким лагерем. Подоспевший визирь собрал всю свою конницу (45000 всадников — половина всего войска) и бросил 7000 всадников на левый фланг русских (воспользовавшись тем, что 2-я русская линия еще не перешла оврага), 18000 в промежуток между союзниками — на Карачая с его 2000 — и до 20000 в охват левого фланга австрийцев. Орда была отбита батальным огнем доблестных союзных кареев.

Повторная атака (25000 всадников) имела столь же мало успеха. Вся конница турок была рассеяна. В 3 часа дня союзная армия подошла к главному укрепленному лагерю турок, занятому 15000 свежих янычар. Суворов, видя, что ретраншамент полевой, слабой профили, бросил в атаку на укрепления всю свою конницу — 6000 сабель. Первым пронесся через ретраншамент Стародубовский карабинерный (ныне драгунский) полк. Завязалась убийственная сеча, в которой приняла участие подоспевшая пехота. Янычары были истреблены, и в 4 часа победа была полной. Турецкая армия превратилась в толпы, бежавшие без оглядки и массами погибающие в бурных водах разлившегося Рымника. До 15000 убитых и раненых турок осталось на поле сражения, трофеями были 4 богатых лагеря,

вся артиллерия визиря — 85 орудий и 100 знамен. Урон союзников составили всего 650 человек. Суворов награжден орденом св. Георгия 1-й степени и титулом графа Римникского.

Победа на Римнике была настолько решительна, что ничто больше не препятствовало союзникам перейти Дунай и кончить войну походом за Балканы. Турецкой армии больше не существовало. Однако Потемкин, завидуя Суворову, не пожелал воспользоваться этой победой и не тронулся от Бендер. Он предписал графу Гудовичу взять Хаджибей (где теперь Одесса) и Аккерман, что и было исполнено. Наконец 3-го ноября сдались Бендеры и этим кампания закончилась.

Союзники-австрийцы бездействовали до сентября, когда перешли Дунай и заняли Белград. Кобургский после Римника занял Валахию и расположился у Бухареста.

Тем временем Порты успела заключить союз с Пруссией, выставившей до 200000 войск на русской и австрийской границах. Подзадориваемый Пруссией и Англией, султан Селим III решил продолжать войну до конца.

* * *

В феврале 1790 года умер цесарь Иосиф II. Его брат и преемник Леопольд II, опасаясь продолжением войны с Турцией навлечь на себя еще и войну с Пруссией, поспешил завязать мирные переговоры. Турки разбили австрийцев напоследок еще под Журжею (апрель 1790 года), после чего в Рейхенбахе открылся конгресс. Как и во времена Миниха, Австрия, начав войну совместно с Россией, заключила сепаратный мир.

Угрозы Пруссии и происки Англии не подействовали на Императрицу Всероссийскую. Приняв меры на случай войны с Пруссией, Екатерина потребовала от Потемкина решительных действий. Однако Светлейший по обыкновению не торопился, и все лето и начало осени 1790 года прошли в полном бездействии.

Турки, отделившись от Австрии, взялись за свой первоначальный план. Действуя на Дунае оборонительно (здесь их главным оплотом являлась первоклассная крепость Измаил), они все свое внимание обратили на Крым и Кубань. Однако их флот был разбит нашим молодым Черноморским флотом, а 21-го июня Кубанский Корпус Гудовича штурмом овладел Анапой — сильнейшей турецкой крепостью на Черном море. У Гудовича было 12000 человек. Анапу защищало до 25000 (поровну турок и горцев). Штурм, предпринятый после короткой блокады, примечателен тем, что Гудович отделил в общий резерв и обеспечение лагеря свыше трети своих сил. Это обстоятельство спасло всю операцию, так как в разгар штурма наш тыл подвергся нападению 8000 черкес. Мы лишились в этом кровопролитном деле до 3000 человек (940 убитых, 1995 раненых). Турок и горцев легло свыше 11000, 13 500 с комендантом и всеми 95 орудиями взято в плен. В сентябре на кубанском побережье высадилась армия Батал-паши. Усилившись горскими племенами, армия эта двинулась в долину Лабы, но 30-го сентября на речке Тохтамыш была атакована отрядом генерала Германа и наголову разбита, а сам Батал-паша взят в плен. У Батал-паши было до 50000, главным образом горцев, у Германа всего 3600. За малочисленностью русские пленных не брали. Захвачена вся артиллерия турок (30 орудий) и их лагерь. Наш урон всего 150 человек. На месте этого сражения основан город, почему-то названный именем побежденного — Баталпашинском. Все наступательные замыслы Турции потерпели, таким образом, полную неудачу.

В конце октября Южная армия Потемкина открыла наконец кампанию, двинувшись в южную Бессарабию. Де Рибас овладел Исакей, Тульчей и Сулинским гирлом. Меллер-Закомельский взял Килию, а Гудович-младший и брат Потемкина осадили Измаил. Действовали они, впрочем, до того неудачно, что на военном совете решено было снять осаду.

Тогда Потемкин, придававший взятию Измаила особенное значение, дабы склонить этим Порту на мир, поручил Суворову (стоявшему со своей дивизией в Браилове) принять начальство под Измаилом и самому на месте решить, снять ли осаду или продолжать ее. Захватив с собой своих Фанагорийцев и Апшеронцев, Суворов поспешил к Измаилу, встретил 10-го декабря уже отступавшие войска, вернул их в траншеи и на рассвете 11-го

декабря беспримерным штурмом овладел турецкой твердыней. У Суворова было около 30000, из коих четвертая часть казаки, вооруженные одними только пиками. Измаил защищало 40000 под начальством сераскира Мехмет-Эмина. Суворов немедленно отправил коменданту предложение сдаться:

Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками прибыл сюда. 24 часа на размышление — воля. Первый мой выстрел — уже неволя, штурм — смерть, что и оставляю вам на размышление. На это сераскир ответил, что скорее небо упадет на землю и Дунай потечет вверх, чем он сдаст Измаил... Из 40000 турок не спасся никто, сераскир и все старшие начальники были убиты. В плен взято всего 6000 человек, с 300-ми знамен и значков и 266 орудиями. Урон Суворова — 4600 человек. 146

* * *

Падение Измаила все же не оказало желаемого действия на Порту. Подстрекаемый все теми же супостатами — Пруссией и Англией — султан упорствовал, и Екатерина повелела Потемкину перенести военные действия за Дунай для решительного поражения Турции. Однако Потемкин, опасаясь потерять свое влияние при дворе, выехал в феврале 1791 года в Петербург, сдав армию Репнину.

Князь Репнин решил действовать безотлагательно и уже в апреле выслал отряды Голицына и Кутузова в Добруджу, где они произвели удачный поиск. План русского главнокомандующего заключался в переправе главных сил под Галацем и в производстве демонстрации от Измаила.

Демонстрация поручена Кутузову, действовавшему искусно и разбившему у Бабадача 20000 турок. Сам Репнин, имея 60000, двинулся к Галацу и узнал, что у Мачина (против Галаца) стоит до 30000 турок, а 80000 с визирем находятся еще на марше от Гирсова к Мачину. Репнин переправился через Дунай и 28-го июня на рассвете атаковал турок, усилившихся до 80000 (сам визирь к бою не поспел). Турецкая армия была разгромлена и бежала к Гирсову. У Репнина в Мачинском сражении участвовало 30000 при 78 орудиях в составе трех корпусов (Голицына, Кутузова и Волконского). Трофеями были 35 орудий, 2 лагеря и обозы. Урон неприятеля — до 4000 человек, наши потери не превышали 600 человек.

Поражение под Мачиным побудило Порту вступить в мирные переговоры. Однако турки всячески затягивали их, все еще надеясь на успехи своего флота. Тогда Императрица повелела адмиралу Ушакову выступить из Севастополя со всем Черноморским флотом и разбить Капудан-пашу. Это состоялось 31-го июля у Калиакрии. Опасаясь за Константинополь, султан приказал визирю кончать скорее. Мир был подписан в Яссах 29-го декабря, не застав уже в живых Потемкина. Порта подтверждала условия Кучук-Кайнарджийского договора, отказывалась от каких-либо претензий на Крым и уступала России Кубань и Новороссию с Очаковым (всю территорию от Буга до Днестра). Кроме того, было условлено, что господари Молдавии и Валахии будут назначаться на семь лет и не сменяться без согласия России.

* * *

В этой Второй Турецкой войне Екатерины особенно примечателен ее затяжной характер. Две великие державы целых четыре года ведут войну с третьей державой более слабого ранга. И одна из этих великих держав-союзниц выбывает из строя. Это — Австрия, жертва своей обычной рутины, за которую она уже жестоко поплатилась в Семилетнюю войну и еще жесточе поплатится в наступающих войнах с Республикой и Империей. Греческому проекту Потемкина не суждено было осуществиться. Вина в этом, главным образом, сам Светлейший. В эту войну духовные его силы были явно на ущербе (чувствовал, что влияние его в Петербурге уменьшается с каждым днем), физические силы начинали сдавать. Эти обстоятельства и способствовали возникновению той вялости и апатии, которыми характеризуется полководчество Потемкина.

Душой Потемкин был не столько в армии, сколько в Петербурге — частые его поездки туда достаточно это показывают. В 1791 году он вообще бросил армию, и в его отсутствие

Репнин одержал решительную победу при Мачине. Ценности времени для Потемкина не существовало, в то время как в ту эпоху кампанию открывали обычно в апреле, он приступил к действиям: в 1788 году лишь в середине июня, в 1789 году в середине июля, а в 1790 году только в октябре! Бесспорно, при более энергичных действиях вся война могла бы состоять из двух кампаний — овладение Очаковом и Бендерами в 1788 году и переноса военных действий за Дунай в 1789 году. Трагизм Потемкина заключался в том, что в силу своего положения в стране и при дворе он не допускал того, чтобы кто-либо, кроме него, мог командовать армией. Будучи облечен всей полнотой власти, которая когда-либо давалась главнокомандующему, которой не имели Салтыков и Румянцев и не будут иметь Суворов и Кутузов, — Потемкин так и не использовал своих возможностей. Сам он, гениальный политик и организатор, совершенно был лишен каких-либо полководческих дарований и сознавал это, но в то же время (и здесь проявились в полной мере его отрицательные качества временщика) завидовал своим более даровитым в этом отношении подчиненным. Нежелание его воспользоваться рымникской победой, особенно наглядное тому доказательство.

Все же, когда под Измаилом случилась неустойка, сказался государственный ум Потемкина, его инстинктивное стремление иметь подходящих людей на подходящем месте. Он не колебался вызвать туда своего очаковского недруга Суворова и дал ему самые обширные полномочия (отступить, если найдет нужным). А когда Измаил был взят, то настоял, чтобы Суворова не наградили — зависть опять взяла верх. И победитель Измаила смог получить фельдмаршальский жезл лишь четыре года спустя и под стенами другой крепости.

Героем этой войны является Суворов. Его деятельность в 1787–1789 годы имеет поразительное сходство с деятельностью Скобелева девятью годами спустя. Кинбурн повторится под Ловчей, Рымник под Шейновом. Тернии нудной очаковской осады будут уготованы Скобелеву под Плевной — и не вина героя, что Третья Плевна не станет его Измаилом...

Кинбурнская коса вскрыла первые чудеса. За ней последовали Фокшаны, Рымник, Измаил. Уже две прежние войны — Столовичи, Туртукай, Козлуджа доставили Суворову известность, Фокшаны и Рымник прославили его, а Измаил сделал имя его легендарным.

Шведская война 1788–1790 годов

Натравив на Россию в 1787 году Турцию, наши европейские друзья-приятели этим не ограничились, а продолжали свои интриги в других соседних с нею государствах.

Происки их нашли благоприятную почву при дворе авантюристического короля Швеции Густава III.

Шведский король решил воспользоваться русско-турецкой войной и отправкой всей русской вооруженной силы на юг (чем обнажалась русско-шведская граница) для того, чтобы попытаться вернуть земли, утраченные Швецией по Ништадтскому и Абоскому договорам. Придравшись к неисправному, по его мнению, салюту русских кораблей шведской эскадры, он предъявил России дерзкие требования, а вслед затем объявил войну.

36-тысячная шведская армия под начальством самого короля вторглась в русскую часть Финляндии и осадила Нейшлот. Русская армия — 14000 под командой графа Мусина-Пушкина — носила чисто импровизированный характер и состояла из войск, либо плохо обученных (гарнизонные войска), либо вовсе не обученных, как, например, 2 батальона из причетников и их детей, казачий полк из ямщиков и тому подобные формирования. Однако шведы не сумели воспользоваться своим превосходством и действовали неумело. Нейшлот стойко держался и шведы были вынуждены снять его осаду. В августе шведская армия отступила за границу и кампания 1788 года закончилась этим. На море 6-го июля адмирал Грейг разбил шведский флот у острова Гогланда.

В 1789 году наша армия в Финляндии была доведена до 20000 и граф Мусин-Пушкин решил перейти в наступление, невзирая на численное превосходство врага. Война была внесена в шведские пределы, и в течение лета покорена значительная часть Финляндии с С.

Михелем и Фридрихсгамом¹⁴⁸. Больших сражений, как и в прошлую кампанию, на суше не произошло. На море адмирал Чичагов, заменивший умершего Грейга, одержал над шведами победы у острова Эланда, а гребная флотилия при Роченсальме.

В кампанию 1790 года новый главнокомандующий граф Салтыков вел на суше небольшие бои с переменным успехом. Решительные действия произошли на море. 2-го мая шведский флот напал на эскадру Чичагова у Ревеля, но потерпел полное поражение. Эскадра Чичагова у Ревеля состояла из 10 кораблей, 5 фрегатов и 14 мелких судов. Неприятельский флот под командой герцога Зюдер-манландского состоял из 20 линейных кораблей, 6 фрегатов и 6 мелких судов. Бой кончился полной неудачей для шведского флота, который, будучи гораздо сильнее нашего, потерпел большой ущерб, причем убит 51 человек, 81 ранен, у нас 8 убитых, раненых 27. В то же время Густав III с гребной эскадрой требовал сдачи Фридрихсгама, но безуспешно. 25-го мая шведский флот атаковал у Красной Горки русскую эскадру адмирала Круза, но снова был разбит и укрылся в Выборгской бухте, где и был блокирован.

Испытывая крайнюю нужду во всем, шведы прорвались из Выборгской бухты после двухдневного боя и с громадным уроном (18 кораблей, 3000 убитых, 5000 пленных). Преследовавшая шведов гребная флотилия принца Нассау-Зигена, зарвавшись, была потрепана у Роченсальма 28-го июня — и этим делом война закончилась. Густав III первый завязал переговоры и мир, подтверждавший ¹⁴⁹из ^V^o aple, был подписан в Ревеле 3-го августа 1790 года.

Война 1788–1790 годов с достаточной ясностью показала, что для Швеции, даже при самых благоприятных для нее обстоятельствах, борьба с Россией является делом уже безнадежным. Времена Густава — Адольфа, Карла-Густава и даже Карла XII прошли безвозвратно. Для России война эта — веденная в чрезвычайно затруднительной политической обстановке (борьба с Турцией, угроза войны со стороны Пруссии), является блестящей, хоть и слишком малоизвестной страницей ее военной истории. Маленькая русская армия, в два с лишним раза уступавшая шведам в численности и носившая к тому же полумилиционный характер, с честью выдержала это испытание. Действия ее носят характер активной обороны и являют собой один из самых ярких примеров этого образа действий. Большие сражения имели место лишь на море, где и находился все время центр тяжести событий.

Вторая Польская ("Инсurreкционная") война 1795 года

В 1791 году король Станислав Понятовский попытался вывести Польшу из состояния маразма и хронической анархии. Он обнародовал конституцию, объявлявшую королевскую власть наследственной и упразднявшую пресловутое не позволям (Ibегит ye1o — право каждого шляхтича сорвать сейм по своему желанию). Меры эти, уже запоздалые, встретили противодействие анархической шляхты, составлявшей Тарговицкую конфедерацию. Сторону этой конфедерации приняла Императрица Екатерина (антипатриотичные чаяния ее были в интересах России). Образовались две партии, сторонников реформы или патриотов, выбравших своим вождем Косцюшко, и конфедератов (эти последние в своем близоруком ослеплении не понимали, что играют в руку врагам Польши). Королевской власти фактически не существовало.

Военные действия против России, а заодно и против Пруссии (патриотам, видно, было море по колена), были открыты в марте 1794 года генералом Мадалинским, отказавшимся распустить свою конную бригаду. Его внезапные действия имели успех и привлекли на сторону патриотов многих сторонников. Принявший главное командование Косцюшко был провозглашен диктатором.

С целью ликвидации восстания генерал Игельстром (начальствовавший над русскими войсками в Польше) двинул отряд генерала Денисова, однако в бою под Рославицами 24-го марта Косцюшко наголову разбил этот отряд. Под Рославицами у Косцюшки было 4000, у русских — 5000 бойцов. Мы лишились 4 знамен и 12 орудий. Остатки войск Денисова отступили келецкими лесами к Кракову.

При известии об этой победе восстала вся Польша. Русские гарнизоны в Варшаве и Вильне были истреблены. Генерал Игельстром с остатками варшавского гарнизона пробился к Ловичу, где соединился с пруссаками. Последние, в числе 54000, двинулись в польские пределы, овладели всей Великопольшей, разбили совместно с русскими инсургентов при Щекоцине и, продвинувшись к Висле, обложили Варшаву. Однако скоро они вынуждены были снять осаду и поспешно отступить в свои владения: у них в тылу вспыхнуло восстание, охватившее всю Познань.

Пока пруссаки боролись с познанскими повстанцами, австрийцы овладели Краковом и Сандомиром, обеспечивая за собой право в дележе добычи.

Косцюшке удалось собрать 70-тысячную армию. Военные действия были перенесены в Литву, где ими руководили Огинский и Сераковский. 12-тысячный отряд вторгнулся даже в Курляндию и захватил Либаву. Неспособность главного вождя инсurreкции в Литве — Вьельгорского помешала инсургентам достигнуть еще больших успехов. Вильна была уже в конце июля отобрана русскими, а в Малопольше Дерфельден разбил 19-тысячный корпус Зай-ончека и взял Люблин.

Главное командование русскими войсками Императрица поручила Румянцеву, что явилось большим утешением для престарелого и больного героя, сознававшего, впрочем, что командование это может быть теперь чисто фиктивным.

* * *

Между тем на театре войны появился Суворов. С 10-тысячным отрядом прошел он с Днестра на Буг, сделав 560 верст за 20 дней.

4-го сентября Суворов с боя взял Кобрин, 5-го разбил Сераковского под Крупчицами и отбросил к Бресту. 7-го форсировал Буг и 8-го, внезапно атаковав под Брестом Сераковского, совершенно испепелил его корпус. У Суворова было 8000 при 14 орудиях, у Сераковского — 13000 при 28 орудиях. Русские лишились 500 человек, у поляков убито и ранено 5000 человек, а 7000 со всей артиллерией взято в плен.

Сразу поняв всю опасность, грозившую Польше и инсurreкции с появлением Суворова, Косцюшко не решился, однако, напасть на этого грозного противника. Он обратился на шедшую от верхней Вислы дивизию Ферзена, желая помешать ее соединению с Суворовым. И 28-го сентября под Мацейовицами сгинула Польша... Войска Косцюшки уничтожены, а сам он был взят в плен. Под Мацейовицами у нас был численный перевес, правда, небольшой — 12000 при 36 орудиях против 10000 Косцюшки. Урон с русской стороны — 800 убитых и 1500 раненых, у поляков, дравшихся с отчаянным мужеством, убито и ранено 6000, в плен взято 2000.

Ужас охватил Варшаву. Благоразумные люди во главе с безвластным королем сознавали безуспешность дальнейшего сопротивления и требовали вступления в переговоры с победителем. Революционная чернь настояла, однако, на продолжении борьбы. Главнокомандующим вместо Косцюшки сделан Вавржецкий и все силы инсургентов стянуты к Варшаве.

Тем временем Суворов, соединившись с дивизиями Ферзена и Дерфельдена, довел свои силы до 22000. 12-го октября он разбил поляков при Кобылке, где русская конница, по примеру Римника, понеслась на окопы, и 18-го октября подошел к сильно укрепленной Праге, которую защищало 20000 инсургентов Зайончека. Кровавопролитный штурм Праги 24-го октября завершил эту блестящую кампанию. На следующий день Варшава сдалась на капитуляцию. Инсurreкции нанесен смертельный удар.

При Кобылке 5500 русских с потерей 153 человека рассеяли 4300 поляков, взяв всю их артиллерию (9 орудий), знамя и 1073 одних пленных. Из 20000 поляков, защищавших Прагу, убито и ранено 8000, утонуло в Висле 2000, взято в плен 9000. Наш урон — 580 убитых и 960 раненых. Диспозиция войскам накануне штурма начиналась следующими словами: Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский На завтра повелели взять штурмом пражский ретраншамент. После такого приказания нельзя было не взять крепости! Обозы запоздали, и всю кампанию до ноября, несмотря на холода (морозы и дожди), войска

проделали в летних мундирах. 65-летний главнокомандующий и в этом отношении подавал всем пример. Спасенная от своеволия черни Варшава поднесла Суворову почетную саблю с надписью Варшава своему избавителю — ^агага^а г^аууси аууети.

Остатки инсургентов перешли австрийскую границу. 29-го декабря король Станислав Понятовский выслан в Россию, а 14-го ноября 1795 года сложил с себя корону.

Польское королевство перестало существовать. Оно пало жертвой собственной анархии, обязательного и неизбежного результата применения системы чистого парламентаризма в славянской стране.

* * *

Весь интерес этой войны сосредотачивается на действиях Суворова, давшего в осеннюю кампанию высокие образцы военного искусства. Марш-маневр Немиров Прага, особенно пять дней 4–8 сентября Кобрин — Брест — блестящий пример наступательной операции вообще и действий против партизанщины в крупном масштабе в частности. Штурм Праги, где Суворов нашел свой фельдмаршальский жезл, особенно поучителен. Его диспозицию можно поставить наравне с Фридрихштадтскими регулами Петра. О самом штурме Суворов говорил: сие дело подобно измаильскому.

Действия поляков в эту войну носили более организованный характер, нежели в Конфедерацию 1768–1772 годов. Войск было вдвое больше (70000, тогда как общее число выставленных конфедератами за четыре года не превышало 35000). Инсurreкция была популярнее конфедерации и затронула широкие слои народа, это показывает значительное число косиньеров (вооруженные косами в виде пик ратники, составлявшие в бою 2-ю и 3-ю шеренги). Целый полк некоего Гершки был составлен из евреев, дрался храбро и весь истреблен под Прагой.

Тактика импровизированных польских войск носила примитивный характер тактики полчищ. Сказалось отсутствие хороших, знающих военное дело кадров.

В общем, масштаб инсurreкции 1794 года гораздо крупнее масштаба конфедерации 1768 года, но в свою очередь будет превзойден восстанием 1831 года.

Начало Кавказских войн

Когда последние русские войска были в конце 1735 года выведены из пределов Восточного Кавказа и Северной Персии, на страже России в кавказских краях остались лишь Аграханские казаки, жившие по нижнему Тереку.

Северный Кавказ — нынешняя Кубанская область и Ставропольская губерния принадлежал Турции. Край этот был населен кочевыми племенами татар-ногаев, постоянно тревожившими своими набегами приграничные русские владения. С горцами-кабардинцами и черкесами, жившими в Закубанье, — мы в постоянное соприкосновение отнюдь не входили.

Дальше находилась Грузия, погибавшая от внутренних неурядиц и опустошительных набегов южных соседей, закавказских татар и хищных персов.

В 1770 году, в Первую Турецкую войну, в Грузию был двинут отряд генерала Тотлебена, наведший порядок в этой стране. Это тот самый Тотлебен, что взял в 1760 году Берлин. Обвиненный в 1763 году в государственной измене, он был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ, где храбрым поведением заслужил прощение. Однако, по окончании военных действий, этот отряд покинул пределы Мверской Земли. Согласно Кучук-Кайнарджийскому миру, Россия получила Кабарду и граница наша с Турцией прошла по реке Кубань. Расположенные здесь войска составили в административном отношении Пограничную дивизию, а в строевом Кубанский корпус. В 1782 году командиром этого корпуса был назначен Суворов, бывший до того военным губернатором Крыма и Кубани. Суворову пришлось в следующем 1783 году приводить к присяге на подданство России ногаев и усмирить их восстание. В бытность свою командующим войсками в Крыму и на Кубани, Суворов проявил замечательные административные способности. Он просто и радикально разрешил национальный вопрос, оставив Крым за коренным мусульманским населением и выведя оттуда христиан. Греки были расселены в долинах рек Берда и

Калмиус, положив начало городам Бердянску и Мариуполю, а армяне — в устьях Дона, где ими основана Нахичевань. Постоянные конфликты христиан с мусульманами прекращены изоляцией одних от других. Этот суворовский метод был, как известно, применен (но без суворовской гуманности) на греко-турецкой мирной конференции в Лозанне в 1923 году. В походе 1783 года особенно кровопролитные бои произошли 1-го августа при Урай-Илгасы — убито 3000 ногаев, наш урон — 777 человек — и на реке Лабе 1-го октября, где перебито свыше 4000 кочевников. Памятен переход через реку Кубань в присутствии Суворова и по грудь в воде Бутырского полка накануне этого последнего боя.

С 1787 года началась борьба с кабардинскими племенами, поднятыми Шах-Мансуром. Борьба эта осложнилась Второй Турецкой войной. В 1789 году Бибииков сделал неудачную попытку овладеть Анапой — главной турецкой гаванью на Черном море и окном в Турцию мусульманского Кавказа. В следующем 1790 году Анапа взята Гудовичем, а высадившаяся на Кубани турецкая армия Батал-паши разгромлена генералом Германом на реке Тохтамыш. По Ясскому миру Турция уступила России всю Кубанскую область, которая стала немедленно заселяться казаками (поселенные по пограничной линии казаки стали именоваться линейными). Волнения горских племен приняли в последующие годы крупные размеры благодаря вмешательству Персии.

В сентябре 1795 года персияне под предводительством Ага Мегмет-хана напали на Грузию и разгромили Тифлис. Императрица Екатерина немедленно двинула в Грузию 8-тысячный отряд Гудовича, остановивший нашествие. Вслед за этим отрядом были двинуты более крупные силы, составлявшие 35-тысячную армию графа Валериана Зубова. Зубов двинулся от Кизляра на Дербент, Кубу, Баку и в продолжение 1796 года овладел всем восточным Кавказом и дошел до Гинжи (ныне Елисаветполь), но получил здесь повеление восшедшего на престол Императора Павла прекратить военные действия и вывести русские войска из Грузии. Неприязнь Императора к Зубову сказалась в том, что он, игнорируя главнокомандующего, послал это повеление непосредственно командирам полков.

Вскоре царь Грузии Георгий XIII, не будучи в силах совладать с раздражавшими страну усобицами, выразил желание отдаться во власть России. Император Павел Петрович повелел тогда генералу Лазареву с 17-м егерским полком (бывший Бутырский) двинуться в Грузию и принять ее в русское подданство. Это и было выполнено в ноябре 1799 года, после трудного зимнего похода через Кавказский хребет ущельем Терека. Вслед за егерями Лазарева в Грузию двинут Кабардинский мушкетерский полк генерала Гулякова. Эти два полка и дали начало славной Кавказской Армии.

1-го ноября 1800 года в сражении на реке Иора егеря Лазарева и мушкетеры Гулякова разгромили скопища аварцев и лезгин и победой этой окончательно упрочили Грузию за Россией, положив тем самым основание русскому владычеству на Кавказе. 1200 русских егерей и мушкетеров (по батальону) с 4-мя орудиями батальным огнем отразили 15000 горцев Омар-хана, положив до 2000 их на месте и взяв 11 знамен. Вспомогательные грузинские войска (до 3-х тысяч) довершили поражение неприятеля. Наши потери: убит 1 мушкетер, ранены 1 офицер и 2 мушкетера.

Русская национальная военная доктрина

С удивительной скоростью и послушанием построенный опять карей генерал-поручика Племянникова, воскликнув единым гласом Виват Екатерина! шел вперед...

Эти строки взяты из донесения Румянцева Императрице Екатерине о кагульской победе, донесения великого полководца Великой Императрице. В этих немногих словах, как в изумительном по своей силе и мощности ракурсе, встает перед нами вся Россия великого XVIII века, Россия, умевшая побеждать и умевшая пить полными глотками из чаши своей славы. Чем-то героическим, несказуемо прекрасным, веет от этого Виват Екатерина! — торжествующего вызова в лицо смерти горсти русских офицеров и солдат в далекой молдавской степи, и от их неудержимого стремления вперед, бывшего в те достопамятные годы общим чувством, общим стремлением молодой торжествующей Империи.

На западе возвращены старые исконные русские земли — Колыбель России, Киевщина

и Волынь. На Востоке сокрушение хищной державы османов положило конец пятивековому угнетению русского племени восточным его врагом, мрачной эпохе торговли христианами... Все это сообщает войнам Екатерины Великой отпечаток высшей гуманности, а славе этих войн — особенный блеск.

Орлов-Чесменский и Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический и Суворов-Рымникский... До несправедливости суровая мачеха-история одарила Россию одной улыбкой — и этой улыбкой был век Екатерины...

* * *

Никогда еще русское военное искусство не стояло так высоко, как в конце восемнадцатого века. План его величественного здания был начертан Петром, фундамент заложен Румянцевым, самое здание вознесено до небес великим Суворовым.

Основной чертой русского военного искусства является его самобытность. Самобытность, вытекающая из нашего малого сходства с другими европейскими народами.

Русская армия тех времен мало походила на другие европейские армии. Она глубоко от них разнилась и внешним видом — простой, удобной потемкинской формой, и устройством — будучи единственной национальной армией в Европе¹⁴⁹, и обучением — моральным воспитанием, а не европейской бездушной дрессировкой, и самой стратегией и тактикой.

В отличие от европейской стратегии, преследовавшей чисто географические цели, овладение разными линиями и пунктами, русская стратегия ставит своей целью разгром живой силы противника (никто не берет города, не раздвигаясь прежде с силами, его защищающими), Румянцев в Молдавии и Суворов в Италии дали нам непревзойденные образцы этой стратегии.

Линейный боевой порядок, царивший тогда в Европе, совершенно не привился в России. Да и как он мог привиться, когда из четырех встреч российских войск с носительницей линейного принципа, прусской армией, одна, при Цорндорфе, окончилась вничью, а в трех других эта образцовая армия была сокрушена? Пруско-немецкая доктрина была доктриной побежденных. Победители под Пальцигом и Кунерсдорфом, Кагулом и Рымником применяли совершенно иную тактику, на полстолетия обогнав косневшую в рутине Европу.

Перпендикулярная тактика была выработана и широко применялась нашей армией задолго до революционных и наполеоновских войн. Вспомним боевой порядок Суворова под Туртукаем, его батальонные и даже ротные карре, рассыпной строй егерей далеко за флангами, блестящее применение конницы.

Линейное построение исключало всякое маневрирование в бою. Перестроения без риска полного разгрома были невозможны, пехотный бой можно было подготовить, но им нельзя было управлять.

Русская тактика, наоборот, основана на том, что каждый понимает свой маневр. Управление войсками в бою допускает самое широкое проявление частной инициативы. Иностранные армии, как правило, атакуют одним сплошным, непрерывным фронтом. В русской армии ее части — дивизии — получают самостоятельные задачи. Кампания 1770 года особенно поучительна в этом отношении. При Рябой Могиле сложный ночной маневр, глубокий охват укрепленной позиции противника, является результатом самостоятельных, однако согласованных главнокомандующим действий частных начальников. При этом одной части, бригаде Потемкина, дается, например, такая сложная для той эпохи задача, как глубокий (радиусом 7 верст) заход правым берегом Прута, отдельно от прочих частей армии, развертывающихся на левом берегу. На Ларге и при Кагуле части армии тоже маневрируют самостоятельно, тогда как еще в Семилетнюю войну она наступала одной общей массой.

Эшелонирование войск в глубину, наличие боевых резервов и умение своевременно пользоваться ими давало русской армии всегда преимущество в борьбе с линейными построениями пруссаков.

Русская тактика, как и вся русская доктрина, гибка и эластична: ей чужды шаблоны и трафареты, она всегда своевременно применяется к обстановке, всегда на высоте

обстоятельств, всегда грозна для врагов.

Баталия в поле, — учил Суворов, — линией против регулярных, кареями против бусурманов... А когда его чудо-богатырям пришлось встретиться в Италии с безбожными французишками, воевавшими немцев и иных колоннами, то они немедленно пошли на них колоннами же и погнали перед собой доселе непобедимые войска Республики! С того времени наша тактика стала разделяться на тактику против французов — колоннами и тактику против турок — кареями. Однако и тут никакого шаблона, сухой схематичности не наблюдалось (может случиться против турок, что пятисотенному карею надлежит будет прорвать пяти или семитысячную толпу — на тот случай бросается он в колонну). Суворов видел залог успеха не столько в форме построения, сколько в энергии атаки. (Вообще же он предпочитал трехшереножный развернутый строй Устава 1763 года двухшереножному румянцевскому.) Суворов больше всех других начальников придерживался элементарных форм устава, зато в применении их отступал от уставных норм тоже больше всех.

Суворовская Наука побеждать, катехизис, подобно которому не имеет и не будет никогда иметь ни одна армия в мире, в своей философской основе изумительно полно отражает дух русской православной культуры. Оттого-то она и сделалась наукой побеждать, оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения, все впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, штыкопоклонники и огнепоклонники — читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных очей. Неизреченная красота Науки побеждать, ее глубокий внутренний смысл остались для этих телесных глаз скрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но в то же время менее всех его понявший, генерал М. И. Драгомиров пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой пуля дура, штык молодец!

Фраза эта взята, выхвачена, из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: Стреляй редко да метко, штыком коли крепко, пуля обмишкулится, штык не обмишкулится, пуля — дура, штык — молодец!..

Суворовское изречение приобретает здесь, на своем месте, совершенно иной смысл, свой настоящий смысл.

Если уже характеризовать суворовское обучение пехоты одной фразой, то, конечно, это не будет пуля дура..., а несколько иное положение:

Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря. Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно. Но при этом он требует скорости заряда и цельности приклада и от grenадер с мушкетерами, а крепкого укола и от егерей. Каждому свое, а Наука побеждать всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва подготавливает, как следует, атаку огнем, расстраивает необстрелянные войска коронного гетмана. При Козлудже он атакует турецкий лагерь лишь после трехчасовой артиллерийской подготовки, при Фокшанах — после часовой. Янычары при Гирсове и спаги на Рымнике сокрушаются батальным огнем. В то время, как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь, стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно и... безрезультатно палила оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки карей Салтыкова.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активно оборонительные петровские начала все более уступают началам чисто пассивным. Безобразные уставы 1755 и 1763 годов, пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой на огне артиллерии, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов борется с этим злом. Он сознает всю рутину, преодолевает инерцию окружающей среды. Для преодоления этой инерции нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. Пуля — дура, штык — молодец и является одним из таких подчеркиваний, подчеркнутым концом фразы (но не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова генерал М. И. Драгомиров).

Противники драгомировской романтики, позитивисты, грешат против Суворова иным образом. Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля била всего на сто шагов и могла считаться душой. Теперь она бьет на три тысячи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части — во столько-то десятков раз. Следовательно, в Науке побеждать должно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал...

Подобный подход к делу — чисто материалистический. Бессмертие Науки побеждать именно и заключается в том, что положения ее верны во всякие эпохи и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться хотя бы одно солдатское сердце.

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился так: гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики. И это опять не мешало бы ему отпускать на каждого grenадера и мушкетера, как и в те времена, патронов в несколько раз более принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убийности стрельбы (редко да метко). И так же внушать им, что пуля обмишкулится, штык не обмишкулится... Ибо горе той пехоте, которая хотя на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет обмишкулиться. Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты франфорской баталии.

Ни в каких поправках на современные условия бессмертная Наука побеждать не нуждается. Бессмертие гения, все равно, будь это гений военный, литературный либо художественный, именно в том и заключается, что творчество его всегда современно. Его надо лишь осознать, постигнуть дух гения. Наука побеждать писана не просто для военных, а для чудо-богатырей, все равно, будут ли эти чудо-богатыри иметь кремневые ружья или усовершенствованные пулеметы. Могий вместити, да вместит...

* * *

Русская военная доктрина, такая простая и вместе с тем такая цельная, на много десятков лет опередила учения всех остальных европейских армий, так и оставшись непревзойденной. И родиться она могла лишь в тот век — век могучих национальных устремлений, когда каждый Россиянин, какое бы скромное положение он ни занимал, гордился своим именем Россиянина, чувствовал, что служит великой государыне, великой стране, великому общему делу.

Сущность русской национальной военной доктрины — это преобладание духа над материей. Ее основы были и будут: в области устройства вооруженной силы самобытность (мы мало сходствуем с другими европейскими народами), преобладание качественного элемента над количественным (не множеством побеждают); в области воспитательной — религиозность и национальная гордость (мы русские — с нами Бог), сознательное отношение к делу (каждый воин должен понимать свой маневр), проявление частной инициативы на низах (местный лучше судит... я — вправо, должно влево — меня не слушать), способствование этой инициативе на верхах (не входить в подробности ниже предложения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности — и не связывать рук); в области стратегической — смотрение на дело в целом; в области тактической — глазомер, быстрота, натиск и использование успеха до конца (недорубленный лес вырастает),

А венец всему — победа малой кровью одержанная. И эти великие заветы, эти гениальные предначертания дали великие результаты, достигнутые дружным усилием всех, как любила говорить Великая Императрица.

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II:

16-й гренадерский Мингрельский (1763 — Орловский пехотный, с 1810 егерский, с

1834 — Мингрельский);
33-й пехотный Елецкий;
34-й пехотный Севский;
70-й пехотный Рижский;
71-й пехотный Белевский (1763);
7-й пехотный Ревельский;
28-й пехотный Полоцкий (1769 — СПб Легион, с 1774 — Полоцкий и 7-й Ревельский);
46-й пехотный Днепровский (1774);
72-й пехотный Тульский (1769 — Моск. Лег. с 1774 — Т.);
14-й гренадерский Грузинский (1785 — Кавказский пехотный, с 1814 Грузинский);
основан Петром I, как пехотный Александра Гордона. 8-й гренадерский Московский (1790);
11-й гренадерский Фанагорийский (с 1785 по 1790 год название Фанагорийского носил Малороссийский гренадерский полк, участвовавший под этим именем в Рымникской битве. Таким образом, Фанагорийцы Рымника и Фанагорийцы Измаила — два различных полка);
10-й пехотный Новоингерманландский (1790);
Лейб-Гвардии Павловский (сформирован в 1796 году, но уже в царствование Павла I, получив имя Государя, как Гренадерский Павловский, с 1813 Лейб-Гвардии Павловский);
2-й Лейб-гусарский Павлоградский (1764 — Днепровский пикинерный, с 1783 Павлоградский);
3-й гусарский Елизаветградский (1764);
12-й драгунский Стародубовский (1785);
Лейб-Гвардии Гусарский (1775 — Лейб-гусарский эскадрон, с 1798 — полк);
Лейб-Гвардии Казачий (1775 — Придворная Донская и Чугуевская команды, с 1798 — полк);
Лейб-Гвардии Атаманский (1775);
14-й драгунский Малороссийский (1785);
5-й гусарский Александрийский (1776 — Далматский гусарский, с 1790 Александрийский);
6-й драгунский Глуховский (1786);
2 я Ермолова конная батарея (1794);
9-я и 22-я конные батареи (1794);
1 и Московский Кадетский Корпус (1775);
Павловское Военное Училище (1795 — Императорский Военно-Сиротский Дом, с 1829 — Павловский Кадетский Корпус, с 1863 — Павловское Военное Училище).

Глава V. Павловские времена

Император Павел Петрович является самым оклеветанным монархом русской истории. Его не оценили современники, не поняло потомство, глядевшее на события глазами современников. В нем видели лишь самодура, сославшего за плохое равнение прямо с вахтпарада в Сибирь Конную Гвардию, деспота, запретившего слово гражданин, ношение фраков и круглых шляп как оным безбожным французским режиссидам свойственных — и красившего все шлагбаумы и караульные будки Империи под цвет перчаток своей фаворитки.

Не видели, не хотели видеть ни высоко рыцарственной его души, ни доброго и отзывчивого сердца вспыльчивого, но отходчивого Императора, ни, самое главное, грустно и ненормально проведенного Цесаревичем времени в стороне от трона, почти что в ссылке. Великая Екатерина, бывшая матерью для своей страны, была мачехой для своего сына. Цесаревич Павел в детстве и юности сносил обиды надменных фаворитов, участников ропшинского действия, открыто глумившихся и поносивших память его отца, видел, что с ним не считаются. Жажда подвигов, полный благородных стремлений, неоднократно

просился на войну (славное царствование Екатерины давало много тому возможностей), но неизменно получал отказ... Многое пришлось ему перетерпеть, много выстрадать: в его душе и произошел тот глубокий надлом, что наложил особенный неизгладимый и трагический отпечаток на весь его характер, лишившийся мало-помалу душевного равновесия.

Цесаревич видел всю изнанку (изнанку неизбежную) блестящего царствования своей матери. Его скромный маленький гатчинский двор был как бы протестом против блеска и пышности большого петербургского. Маленькое гатчинское войско, своего рода потешные, были протестом против екатерининской гвардии и ее порядков. Гатчинские войска состояли из 6 номерных батальонов слабого состава (200–300 человек), трех кавалерийских полков 2-х эскадронного состава (Жандармского, Драгунского и Гусарского — по 150–200 сабель) и 1 артиллерийского батальона (12 запряженных и 46 незапряженных орудий). Всего до 2 тысяч человек. Сюда шли все недовольные и неудачники большой армии, а также и ее сор. По вступлении на престол Императора Павла войско его было расформировано, и гатчинцы распределены по частям Гвардии для ее подтягивания. Император Александр I наградил этих слуг своего отца земельными наделами в Саратовской губернии и званием однодворцев. Суровые и отчетливые гатчинские службисты, фрунтовики составляли разительный контраст с изнеженными сибаритами, щеголями и мотами зубовских времен, лишь для проформы числившихся в полках и проводивших время в кутежах и повесничестве.

Еще в бытность наследником престола Павел I был генерал-адмиралом (он любил флот и понимал морское дело) и гротмейстером Мальтийского рыцарского ордена (госпиталитов)¹⁵⁰, интересы которого особенно близко принимал к сердцу. Его отец на всероссийском престоле чувствовал себя герцогом Голштинским, а он, вступив на этот престол, чувствовал себя орденом гротмейстером. Увы, восемнадцатый век не был двенадцатым, и Российская Империя не была Иерусалимским королевством...

* * *

Переходя к обзору военных реформ Императора Павла, упомянем вкратце о его политике.

Внутренняя политика характеризуется цезарепапизмом (Император — глава Церкви), мероприятием в достаточной степени указывавшем утрату Императором душевного равновесия, но его преемниками, понимавшими всю несообразность этого положения, все же не отмененного. Был издан Закон о Императорской Фамилии, определивший порядок престолонаследования, слишком превратно и произвольно толковавшийся в XVIII столетии. Одной из больших ошибок Петра Великого был его указ о престолонаследии, согласно которому царствующий государь мог завещать Престол тому, кого сочтет достойнейшим. Указ этот мог бы повлечь за собою хаос и бонапартизм — последствия пренебрежения законностью. Крепостному праву нанесен первый удар указом о трехдневной барщине.

Павел I отказался от участия в коалиции против Франции. Однако впоследствии стечение обстоятельств (причем интересы Мальтийского ордена играли далеко не последнюю роль) побудило его принять участие в коалиционной войне, ставшей для России первой французской войной. Отсутствие душевного равновесия Императора сказывается и здесь: в 1799 году он с Англией против Франции — в 1800 году с Францией против Англии.

Замысел похода на Индию был, бесспорно, грандиозен, но вряд ли мог увенчаться успехом. Кратчайший и удобнейший путь в Индию — путь Александра Македонского, возобновленный было Петром I, был оставлен, как мы видели, еще в 30-х годах. Круглый же путь на Оренбург — Хиву — Туркестан и дальше в афганские горы — путь, по которому двинулось было Всевеликое Войско Донское, сулил непреодолимые препятствия и затруднения, из коих первым было отсутствие карт. Казаков пошло на Индию 22000 — 41 полк и 2 конно-артиллерийские роты (экспедицией начальствовал Орлов-Денисов, а один из эшелонов вел Платов, специально ради этого похода выпущенный из крепости). Базировать на пустыню сколько-нибудь значительные силы было невозможно, затевать же поход на Индию силами незначительными не имело смысла: пример Бековича был налицо. Во всяком

случае, казакам пришлось бы сперва покорить весь Туркестан, что потребовало бы не один год борьбы...

* * *

Военные мероприятия Павла I представляют собою безотчетную реакцию на екатерининские преобразования, ненавистные потемкинские порядки. Но эти преобразования и эти порядки были естественным и блестящим этапом развития русской национальной военной доктрины.

Отвергать их — значило отказаться от этой доктрины вообще. Получавшуюся же пустоту надо было как-нибудь заполнить: пренебрегая своими собственными славными традициями, приходилось заимствовать чужие — лучшие.

А таковыми могли быть лишь доктрины армии, считавшейся фрунтовиками всех стран наилучше организованной — армии прусской; армии наемно-вербовочной, воспитанной шпицрутенами и капральской палкой в безусловном, подавляющем всякую индивидуальность автоматизме и линейных боевых порядках. Принцесса Саксен-Кобургская, побывав в Гатчине, так отзывалась об этой пруссакомании: Великий князь, который, впрочем, очень умен и может быть приятным в обхождении, когда пожелает, отличается непонятными странностями; между прочим, дурачеством устраивать все на старо-прусский лад. В его владениях тотчас встречаются шлагбаумы, окрашенные в черный, белый и красный цвета, как это имеет место в Пруссии; при шлагбаумах находятся часовые, которые опрашивают проезжающих, подобно прусским. Всего хуже то, что эти солдаты-русские переодеты в пруссаков; эти прекрасные на вид русские, наряженные в мундиры времен короля Фридриха-Вильгельма I, изуродованы этой допотопной формой. Русский должен оставаться русским. Он сам это сознает и каждый находит, что он в своей одежде, в коротком кафтане, с волосами, остриженными в кружок, несравненно красивее, чем с косою и в мундире, в котором он в стесненном и несчастном виде представлен в Гатчине. Офицеры имеют вид, точно они срисованы из старинного альбома. Вот суждение о гатчинских войсках другого современника — Пишчевича:

Тактика прусская и покрой их военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась в просаленной голове, сколь можно коротенькой трости, непомерно великой шляпе, натянутых сапогах выше колена и перчатках, закрывавших локти. Въезжая в Гатчину, казалось, въезжаешь в прусское владение. При разводе Его Высочество наблюдал точно тот же порядок, какой наблюдался в Потсдаме во времена Фридриха II. Здесь можно было заметить повторение некоторых анекдотов сего прусского короля с некоторыми прибавлениями, которые сему государю никогда бы в мысль не вошли, например: Фридрих II во время Семилетней войны одному из полков в наказание оказанной им робости велел отнять тесьму с их шляп. Подражатель гатчинский одному из своих батальонов за неточное выполнение его воли велел сорвать петлицы с их рукавов и провести в пример другим через кухню в их жилища...

Голштинская трагедия довершала остальное. Прусский ОгШ, плацпарадная муштра, был давно уже основой обучения гатчинских войск. Теперь с восшествием на престол Цесаревича Павла Петровича, гатчинские порядки делались законом для всей русской армии.

Началось с внешности. Немедленно же введены давно уже сданные в цейхгауз букли, косы, пудра, парики. Вся армия одета в неудобные, прусского покроя гатчинские мундиры, обряды неудобь носимые, широкополые камзолы, узкие лосины и узкие же, калечившие ногу, штиблеты с гамашами выше колен на пуговичках. Цвет мундиров изменялся по полкам, как то было в прусской армии и как-то уже пытался ввести Петр III. Цвета эти сплошь да рядом бывали самыми неожиданными (изабелловый, абрикосовый, селадоновый и т. п.). Вновь введены жестокие прусские наказания за плохой строй — фухтели — и стали широко применяться шпицрутены. Ежедневно производились вахтпарады, разводы с церемонией на потсдамский, усовершенствованный к тому же в Гатчине, образец.

В 1797 году страна заново разделена на 12 территориальных инспекций (1-я Санкт-Петербургская, 2-я Московская, 3-я Лифляндская, 4-я Смоленская, 5-я Литовская, 6-я

Финляндская, 7-я Украинская, 8-я Днестровская, 9-я Таврическая, 10-я Кавказская, 11-я Оренбургская, 12-я Сибирская). Во главе каждой инспекции стоял генеральный инспектор, отнюдь не являвшийся командующим войсками, подобно командующему дивизией екатерининских времен. В его ведение входило лишь наблюдение за правильностью строевой и боевой подготовки войск, рациональностью их пополнения и т. д. Управление войсками централизовалось в руках военной коллегии, сильно к этому времени разросшейся.

В том же 1797 году издан строевой устав, упразднявший, между прочим, двухшереножный развернутый строй (введенный Румянцевым и особенно проповедывавшийся Потемкиным) и вновь вводивший 3-х шереножный. Этот 3-х шереножный строй Чернышевского устава 1763 года сделался основным боевым порядком русской пехоты до 1856 года (когда, наконец, заменен 2-х шереножным стрелковым). Тогда же введены в обиход армии ежедневные (при отдаче пароля) Высочайшие приказы, сильно сократившие переписку.

31-го октября 1798 года все полки, как при Петре III, переименованы по шефам на прусский образец. Только теперь реформа проведена глубже: не только полки, но и части их, батальоны, эскадроны и роты названы именами шефов, где таковые были, или командиров. Шефы полков обязаны были следить за порядком и обучением своей части и отвечали за упущения. За кратковременное царствование Павла I полки переменили шефов, а следовательно, и свои имена, в среднем по три раза, иные и больше. Так, например. Томский пехотный полк именуется: в 1798 году — мушкетерским генерал-майора графа Ивелича 1-го, а через месяц генерал-майора Павлуцкого, 1799 — генерал-майора Лаврова, 1800 генерал-майора Тизенгаузена и затем — генерал-майора князя Вяземского, 1801 генерал-майора Стеллиха. За 30 месяцев полк этот, таким образом, переменил 6 раз шефа и свое название. Еще более показательна картина в Муромском полку. 31-го октября 1798 года он наименован мушкетерским генерал-майора Масалова, 16-го ноября того же года генерал-майора Шиллинга 2-го, 17-го ноября, на следующий день, генерал-майора Титова 2-го, 18-го ноября, еще через день, генерала-от-инфантерии де Ласси, 27-го ноября, через 9 дней, — генерал-майора Маркова. Менее чем за месяц полк переменил шефа и название 5 раз. В 1799 году 24-го октября полк этот назван мушкетерским генерал-майора Алексеева, 26-го октября, через 2 дня, — генерал-майора Повало-Швейковского 2-го, 1800 год генерал-майора Петровского, удержавшегося шефом до кончины Императора Павла. Гвардия подверглась общей участи в 1800 году (шефами гвардейских полков были Государь и Великие Князья). Получалась какая-то вакханалия имен, запомнить все было немислимо. В прусской армии шефы:

Мейеринки, Мантейфели, Беверны оставались по двадцать и по тридцать лет, что и давало им возможность сродниться со своей частью, а не меняться, как в калейдоскопе.

В каждом полку сформировано две флигель-роты, не входившие в состав батальонов и становившиеся на флангах полка, как бы обрамляя его. Во всех ротах фланговые названы флигельманами. В прусской армии все это имело свое основание. Пополняясь всяким сбродом, не имея никакого иного стимула, кроме капральской палки (которой должна была бояться больше неприятельской пули), прусская пехота нуждалась в отборных флигельманах, сдавливавших справа и слева всю роту, нуждалась и в флигель-ротах, своего рода тактических фухтелях, заставлявших полк автоматически держаться указанного капральскими палками направления. Для войск же, полученных Императором Павлом, екатерининских чудо-богатырей, войск, где каждый воин понимал свой маневр и был сам себе флигельманом, где стимулом подвига был не фухтель, а субординация, экзерциция, дисциплина, победа, слава, слава, слава, где любое капральство стоило целой флигель-роты прусских автоматов, для этих войск пруссачина являлась незаслуженным оскорблением.

Эта антинациональная деятельность встретила возмущенный протест высшего представителя оскорбленного русского гения. И опала Суворова, опала двукратная, бросает тень на несчастного Императора Павла и все его краткое царствование. Известно изречение Суворова:

Пудра не порох, букли не пушки, косы не тесаки, мы не немцы, а русаки!

Суворов ни в грош не ставил пруссачину, как доктрину, так и порядки:

Нет вшивее пруссаков; в шильотгаузе и возле будки не пройдешь без заразы, а головной их убор вонюю подарит вам обморок. Мы от гадости (т. е. паразитов) были чисты, а ныне они первую доукою стали солдату. Стиблеты гной ногам...

Отставленный (без мундира!) 17-го февраля 1797 года Суворов был сослан на безвыездное проживание в свое имение село Кончанское (Новгородская губерния) и пробыл два года в ссылке.

* * *

Полки приведены в единообразный состав: 2 батальона в пехоте, 5 эскадронов в кирасирских и драгунских, 10 (сведенных в 2 батальона) в прочих полках конницы. Пехотные полки названы мушкетерскими. Из 10-ти егерских корпусов образовано 20 егерских полков (до переименования по шефам носивших номера).

Как всегда, когда в нашей армии начинало сказываться прусско-немецкое влияние, появилось увлечение кирасирами, конницей протестантских стран. В 1797 году их было 6 полков, а в 1801 году уже 19. Упразднена потемкинская кавалерия — карабинеры, легко-конные и конно-егерские полки. Вновь восстановлены в 1798 году в числе 8 полков, упраздненные Потемкиным гусары. Вообще в военном деле вся деятельность Павла I сводится в первую очередь к искоренению реформ ненавистного ему предыдущего царствования.

Генерал-инспектором артиллерии был назначен Аракчеев, сразу поднявший артиллерийское дело на большую высоту. Аракчеев был сторонником централизации управления артиллерией. Полковая артиллерия упразднена в 1800 году. В последнее время при Павле I полковая артиллерия состояла из 1 12-фунтового единорога и 4 6-фунтовых пушек. Всего имелось 14 артиллерийских батальонов 5 ротного состава — 3 осадных, 10 полевых, 1 конный (соответственно 50, 60 и 60 орудий в батальоне, 810 в полевой армии). Единороги составляли треть, пушки две трети общего количества. Материальная часть была в блестящем состоянии, 6-фунтовая легкая гатчинского образца весила всего 20 пудов (почти вдвое легче иностранных образцов), 12-фунтовая батарейная 50 пудов, а 12-фунтовый единорог всего 15 пудов. Не было ни одного вида орудия, который не был бы по крайней мере в полтора раза легче соответственной иностранной системы и в два раза легче тех же образцов начала XVIII века.

Сильно изменился облик Гвардии. Из трех назначений петровской гвардии политического, воспитательного и строевого оставлено только строевое. Нижние чины из дворян произведены либо отставлены. Солдатский состав гвардейских полков ничем больше, разве что чисто физическими качествами, не отличался от армии. Списки полков просмотрены: числившиеся, но не служившие на самом деле, исключены, а записыванье дворянских недорослей в Гвардию отменено. Отныне дворяне начинали службу в войсках в звании юнкера, как правило, не моложе 16 лет.

Упразднен чин бригадира. Генерал-поручики переименованы в генерал-лейтенантов, генерал-аншефы — в генералов-от-инфантерии и от-кавалерии, генерал-фельд-цейхмейстеры — в генералов-от-артиллерии (звание генерал-фельдцейхмейстера сохранено для фельдмаршалов, артиллеристов по происхождению). Секунд и премьер-майоры наименованы, как и в петровской табели, майорами и подполковниками, сержанты и капралы — старшими и младшими унтер-офицерами.

В 1797 году на русскую службу был принят французский эмигрантский корпус принца Конде в составе 3-х пехотных и 3-х кавалерийских полков. Корпусу этому были отведены квартиры на Волыни. В 1799 году он выступил в поход против Республики от Дубно под Цюрих и в Россию больше не возвращался.

* * *

Павловская муштра имела до некоторой степени положительное воспитательное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же Гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими

обязанностями, смотревшим на службу, как на приятную синекуру, и считавшим, что дело не медведь — в лес не убежит — дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба. Из 139 офицеров, числившихся в Конной Гвардии к моменту вступления Павла I на престол, через четыре года остались только двое (правда, за это время оба они из корнетов стали полковниками). Порядок, отчетливость и единообразие всюду были наведены образцовые. Ослабевшая струна была подтянута... и перетянута.

Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата — и тот чувствовал это и платил Царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих grenадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11-го марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии.

Обращено серьезное внимание на улучшение быта солдата. Постройка казарм стала избавлять войска от вредного влияния постоя. Увеличены оклады жалованья, упорядочены пенсии. Вольные работы, широко до тех пор практиковавшиеся, были строго воспрещены, дабы не отвлекать войска от их прямого назначения. Вместе с тем награды орденами, при Екатерине удел старших начальников и привилегированной части офицерства, распространены и на солдат: за 20 лет беспорочной службы им стали выдавать знаки ордена св. Анны. Государь не любил ордена св. Георгия, слишком связанного с традициями екатерининского века и напоминавшего подвиги тех войн, в которых ему не позволяли участвовать. За боевые отличия в его царствование жаловался орден св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест).

Наконец, Император Павел ввел и коллективные отличия — награды полкам, на что до тех пор, как мы видели, не обращалось внимания. Первой наградой войскам в его царствование был grenадерский бой, заимствованный из прусской армии и жаловавшийся полкам за отличие, притом не только в военное время. Первым полком, удостоившимся grenадерского боя, был Елецкий мушкетерский (ныне 33-й пехотный Елецкий) — за маневры под Нарвой в 1797 году, вторым, за усмирение крестьянских волнений в Орловской губернии в 1798 году — Рязский (ныне 70-й пехотный Рязский). Впоследствии, уже при Александре II (в 1871 году) полкам, получившим это отличие за боевые заслуги, был присвоен поход прежних егерских полков, названный походом за военное отличие и поставленный выше grenадерского боя. Его получили почти все пехотные полки, имевшие grenадерский бой. Grenадерский бой остался лишь в полках: 1 пехотном Невском, унаследовавшем его от морской пехоты, 33 пехотном Елецком, 70 Рязском и, разумеется, во всех grenадерских (а также в полках, образованных из grenадерских), за исключением 4-го grenадерского Несвижского, имеющего поход за военное отличие.

Война с Французской Республикой побудила Императора Павла внести в 1800 году новую награду — надписи на знамена полков, отбивших неприятельские знамена. До нашего времени награду эту сохранили 6 полков — пять за отбитие французских знамен в Италии, Швейцарии и Голландии (см. ниже), один — 80-й пехотный Кабардинский, за взятие аварских знамен на реке Иоре — первое боевое отличие Кавказской Армии. В сражении на Иоре, как мы знаем, участвовало два полка — Кабардинский мушкетерский Гулякова и 17-й егерский Лазарева. Оба они захватили трофеи, но награду получил лишь мушкетерский полк, так как егерские полки не имели знамен. В следующее царствование знамена этих полков были превращены в георгиевские.

Император Павел поднял значение знамен (до той поры считавшихся амунической принадлежностью). Он указал знаменам служить бессрочно (до того служили 5 лет). На знаменах стали изображаться Мальтийские кресты и они стали жаловаться ротам (штандарты — эскадронам), как в петровскую эпоху.

В общем же царствование Императора Павла не принесло счастья русской армии. Вахт-парадным эспонтоном наша армия была соvrащена с пути своего нормального самобытного развития, пути, по которому вели ее Петр I, Румянцев и Суворов, и направлена на путь слепого подражания западно-европейским образцам.

Духовные начала уступили место рационалистическим. Национальная традиция и

национальная доктрина — преклонению перед иностранщиной...

Петровский дуб был срублен. Вместо него на русскую почву пересажена потсдамская осина, и эту осину веле-но считать лучше дуба... Но не все дубовые ростки были вырваны, их сохранилось несколько в тени кавказских утесов. Не скоро про них вспомнили и не сразу решились вновь посадить их на место постылой немецкой осины. И целое столетие, а то и больше, русская военная мысль находилась под гнетом идейного фухте-ля — заграничных, главным образом, прусско-немецких доктрин.

Русская военная доктрина — цельная и гениальная в своей простоте — была оставлена. Мы покинули добровольно наше место — первое место в ряду европейских военных учений, чтобы стать на последнее малопочтенное место прусских подголосков, каких-то подпрусак...

С павловских вахт-парадов русская армия пошла тернистым путем, через вейротеро вековую диспозицию, пфулевскую стратегию и реадовскую неразбериху — к севастопольской Голгофе...

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПАВЛЕ:

Лейб-Гвардии Егерский (1796 год — батальон, с 1806 года — полк);

37-й пехотный Екатеринбургский (1796 год);

39-й пехотный Томский (1796 год);

41-й пехотный Селенгинский (1796 год);

66-й пехотный Бутырский (1796 год);

77-й пехотный Тенгинский (1796 год — мушкетерский Архарова, с 1801 года Тенгинский);

4-й гренадерский Несвижский (1797 год — 2-й, затем

1-й егерский, с 1857 года — Несвижский);

14-й пехотный Олонецкий (1798 год — мушкетерский Брандта, с 1801 года Олонецкий);

40-й пехотный Колыванский (1798 год — мушкетерский Миллера, с 1801 года Колыванский);

47-й пехотный Украинский (1798 год мушкетерский Берга, с 1801 года Украинский);

78-й пехотный Навагинский (1798 год — мушкетерский Павлуцкого, с 1801 года — Навагинский);

7-й драгунский Кинбурнский (1798 год — драгунский Шрейдера, с 1801 года Кинбурнский);

16-й драгунский Тверской (1798 год — кирасирский Цорна, с 1856 года Переяславский драгунский);

Кавалергардский (1799 год — Кавалерийский корпус, с 1801 года Кавалергардский полк);

Лейб-Уральская сотня (1799 год); с 1801 года — 2-я бригада);

Первая война с Францией в 1799 году

Конец царствования Императрицы Екатерины совпал с великими потрясениями, вызванными в Европе французской революцией. С 1792 года почти все монархические государства Европы во главе с Англией, Австрией и Пруссией находились в войне с молодой Республикой. Однако, гений французской нации торжествовал над английским золотом и немецкой рутинной — и союзники зывали к монархической солидарности Императрицы Всероссийской. Не желая ввязываться в новую войну, Екатерина затягивала переговоры (польские дела тому способствовали). В конце 1795 года война с Францией казалась уже настолько неизбежной, что Суворов отклонил сделанное ему предложение быть главнокомандующим силами, двинутыми против Персии. В 1796 году начаты сборы 50-тысячной экспедиционной армии, которую предполагалось двинуть под начальством Суворова в 1797 году в Западную Европу. Смерть Государыни помешала этому предприятию. Император Павел отменил поход и отказался от участия в коалиции.

Вскоре, однако, происки Австрии и захват французами Мальты побудили Павла I

ввязаться в войну с Францией. Война эта должна была вестись на трех театрах — в Голландии (экспедиционный корпус генерала Германа) совместно с Англией; в Италии (главные силы Суворова) совместно с Австрией и на Средиземном море (флот Ушакова) совместно с Англией и Турцией.

Голландская экспедиция

Для высадки в Голландию коалиция назначала 31000 англичан генерала Аберкромби и 17000 русских генерала Германа (победителя Батал-паши). Руководство этой экспедицией принял герцог Йоркский. Целью ставилось низвержение Батавской республики и восстановление законного строя, но на самом деле Англия зарилась на Голландию и преследовала свои собственные цели.

Русский корпус был еще в июле 1799 года перевезен морем из Красной Горки в Плимут. Он носил чисто сборный, случайный характер, состоя в большей своей части из отдельных батальонов различных полков, главным образом гренадерских. Снабжение конским составом англичане брали на себя, но обещания своего не сдержали — по прибытии в Англию русская артиллерия (60 орудий) получила лишь по 2 коня на запряжку, верховых не было дано вовсе.

Герцог Йоркский долго медлил с открытием кампании и отплыл из Плимута лишь в первых числах сентября. Французский главнокомандующий в Голландии генерал Брюн успел сосредоточить в угрожаемом районе (Берген и Кастрикум) 151 большую часть своих войск 22000 человек.

Едва закончив высадку, герцог Йоркский на рассвете 8-го сентября предпринял главными своими силами (23000 человек) наступление с целью овладеть Бергеном и расширить плацдарм. Атака эта совершенно не удалась, русские войска приведены в расстройство и сам генерал Герман попал в плен. Атака была назначена на 6 часов, но по невыясненным причинам русские (составлявшие правое крыло союзной армии) начали бой уж в 4 часа. Храбро, но нестройно, толпами, бросились они вперед в предрассветной мгле по неизвестной, непривычной, изрезанной каналами местности, сбили французов и овладели Бергеном. Однако, успех этот не мог быть вовремя поддержан англичанами, не успевшими еще стать в ружье. При сборном составе корпуса русские батальоны (три месяца просидевшие на кораблях) видели друг друга в первый раз, в темноте не узнавали своих и стреляли одни в других. Перемешавшиеся части были отброшены в исходное положение, потеряв 3000 убитыми и ранеными и 1000 пленными. Французы не преследовали. Неудаче содействовала трудная, пересеченная каналами и плотинами местность, превращенная дождями в сплошное озеро, но еще в большей степени непродуманная организация русского отряда. Вторая атака Бергена 21-го сентября тоже не дала ожидаемых результатов.

Тогда союзники предприняли 25-го сентября третье наступление, направив главный удар на Кастрикум. Этот последний был взят русскими, но в русском отряде не нашлось ни одного конного ординарца, чтобы известить резервы и союзников (англичане так и не дали лошадей). Удержаться в Кастрикуме нам не удалось. Этот третий бой, вся тяжесть которого опять легла на русских, окончился так же неудачно, как оба предыдущих.

После всех этих неудач герцог Йоркский отказался от дальнейших попыток к наступлению. Два месяца он бездействовал, а биваки его армии на пляже, благодаря осенней непогоде, превратились в озера. 19-го ноября он заключил с французами перемирие и посадил свою армию на суда... Вся эта экспедиция доставила нам мало славы — англичанам еще менее.

Итальянский поход Суворова

С Суворовым в Италию предполагалось двинуть 65-тысячную русскую армию (86000 австрийцев Меласа уже находилось на месте). Кроме того 85000 войск, расположенных в западных инспекциях, было приведено на военное положение. Император Павел предоставил Суворову полноту власти, но венский кабинет подчинил ему свои войска условно. Суворов волен был распоряжаться австрийскими войсками на поле сражения, распределением же их на театре войны ведал в последней инстанции гофкригсрат.

Северную Италию занимала французская армия генерала Моро¹⁵² (58000, из коих около половины в гарнизонах крепостей). В южной Италии находилась другая французская армия генерала Макдональда, завоевавшая в предшествующую кампанию Неаполитанское королевство.

4-го апреля Суворов прибыл в Виченци и уже 8-го открыл кампанию, двинувшись на армию Моро. План Суворова заключался в разбитии обеих французских армий порознь (сперва Моро, затем Макдональда) и в овладении Северной Италией, где фельдмаршал предполагал устроить базу для похода на Францию.

Суворов шел левым берегом реки По, стремясь держаться ближе к Альпам (многочисленные притоки По легче было переходить в их верховьях). С ним было 40000, а 15000 австрийцев оставлено осаждать Пескару и Мантую.

16-го апреля на реке Адда (у Кассано)¹⁵³ Суворов атаковал армию Моро и нанес ей полное поражение. Французы (28000) потеряли 2500 убитыми и ранеными, 5000 пленными, 27 орудий. Наш урон — 2000 человек. Милан открыл свои ворота победителю и 17-го апреля Цисальпинская республика перестала существовать.

Разбитый Моро отступил в Пьемонт и занял очень крепкую позицию, прислонив фланги своей армии (20000) к крепостям Вероне и Алессандрии. Суворов дал отдохнуть своей армии в Милане. Малочисленная конница союзников (у нас одни казаки) плохо справлялась с разведывательной службой и лишь 29-го главнокомандующий получил верные сведения о Моро. Он приказал армии сосредоточиться у Тортонь с целью завершения разгрома Моро. Однако, маневр этот не был приведен в исполнение.

Разнесся слух о движении крупных сил французов из Швейцарии в северную Италию на соединение с Моро. Суворов решил тогда изменить свой план действий. Он перевел свои силы на левый берег По и 5-го мая двинулся на пересечку путей из Швейцарии и Франции в Пьемонт с тем, чтобы разбить подкрепления из Швейцарии до их соединения с Моро. Кроме того фельдмаршал надеялся этим своим движением выманить армию Моро из ее крепкой позиции в открытое поле.

Суворов пошел на Турин — столицу Пьемонта и главный узел сообщений северной Италии. Моро стал отступать на Геную, опасаясь вторичной встречи с Суворовым. 15-го мая русские войска вступили в Турин и Алессандрию. Лишь теперь фельдмаршал узнал об истинном направлении отступления Моро (он полагал, что французы отступят к Савойе).

Вся северная Италия была в течение одного месяца очищена от французов, сохранивших за собой лишь Геную и Ривьеру.

* * *

Тем временем вторая французская армия Макдональда спешила на выручку армии Моро.

У Макдональда было свыше 30000. Моро усилился до 25000. Оба французских генерала должны были соединиться у Тортонь (Макдональд шел на Лукку, Болонью и Пьяченцу — Моро должен был идти от Генуи).

Суворов мог сосредоточить против них у Алессандрии всего 34000, главным образом русских. Его армия была несколько сильнее каждой французской армии порознь, но значительно уступала их соединенным силам. (Всего в Италии было до 100000 австро-русских войск, но гофкригсрат, ставя на первое место не разгром живой силы противника, а овладение географическими объектами, удержал две трети сил для более или менее бесполезных осад).

Фельдмаршал решил действовать по внутренним операционным линиям и разбить французских генералов порознь. В первую очередь он положил обратиться на Макдональда, армия которого, перевалив 31-го мая через Аппенины, выходила на сообщения союзников.

4-го июня в 10 часов вечера Суворов выступил из Алессандрии навстречу Макдональду. Молниеносным маршем прошел он 85 верст в 36 часов и утром 6-го июня обрушился на Макдональда (атаковавшего было на реке Тидона слабый австрийский отряд генерала Отта), совершенно не ожидавшего такого стремительного подхода главных русских

сил. В последовавшем четырехдневном жестоком бою на реке Треббии (6–9 июня) 154 армия Макдональда была наголову разгромлена и бежала. Этот блистательнейший из всех, какие знает история, форсированный марш является наиболее ярким применением суворовского принципа: голова хвоста не ждет.

Свыше половины всех войск отстало в дороге. Но Суворов жертвовал второстепенным (численностью) в пользу главного — выигрыша времени. На заявление Багратиона, что у него в ротах не наберется и по 40 человек, Суворов ответил: А у Макдональда нет и двадцати. Атакуй с Богом! К вечеру 6-го июня удалось собрать до 15000 против 19000 французов (Макдональд разбросал свои силы), а 7-го июня, несмотря на потери, на Треббии дралось уже 22000 союзников против 34000 французов. Главный удар нанесен в левый фланг французов, но успеха развить не удалось, так как Мелас притянул к себе на второстепенное направление (левый фланг союзников) все резервы. 8-го июня бой достиг крайнего ожесточения, и наши войска (дивизия Швейковского, атакованная тройными силами) стали подаваться. Московский гренадерский полк, будучи совершенно окружен неприятелем, повернул свою 3-ю шеренгу кругом и отбивался так на две стороны. Генерал Розенберг просил у Суворова позволения отступить. Фельдмаршал, отдыхавший от зноя в тени скалы, ответил ему: Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете?.. Ну так и русские не могут отступить! Когда с тем же к нему явился и Багратион, Суворов потребовал себе коня и, как был в рубашке, без мундира, поскакал к войскам и войска вновь обрели свои силы при одном появлении обожаемого вождя. Французы отброшены по всей линии, но вскоре потеснили австрийцев Меласа. Мелас послал спросить Суворова, куда отступать, и получил ответ: В Пьяченцу! (квартиры Макдональда). 9-го июня рано утром французы отступили. Их еле удалось нагнать, причем арьергард положил оружие. Наш урон свыше 8000, французов до 18000 (свыше половины армии, причем 12000 взято в плен). Захвачено 60 орудий (вся артиллерия армии Макдональда) и 7 знамен.

Пока Суворов расправлялся с Макдональдом, Моро двинулся на Тортону, как то было условлено. Однако весть о Треббии заставила его 14-го июня отступить в горы Ривьеры, где он соединился с остатками войск своего коллеги.

Австрийцы не дали Суворову возможности воспользоваться блестящей победой на Треббии. Гофкригсрат запретил какие бы то ни было действия до сдачи Мантуи, осажденной австрийским корпусом генерала Края. Целый месяц прошел в вынужденном бездействии. Суворов был глубоко возмущен этой рутинной и злой волей — и не скрывал своего возмущения. Его отношения с австрийским верховным командованием, бывшие и до той поры натянутыми, окончательно испортились.

А недорубленный лес вырастал. Рутинная гофкригсрата дала возможность французской Директории довести свою армию в Италии до 45000. Новым главнокомандующим был назначен генерал Жубер.

17-го июля наконец Мантуя пала, и корпус Края усилил 26-го армию Суворова — и усилил вовремя, так как уже 29-го числа французская армия перешла в наступление. Дойдя до городка Нови, Жубер увидел на равнине войска союзников. Он приостановил свое движение и стал колебаться относительно дальнейшего образа действий. Нерешительность эта оказалась для него роковой, 4-го августа Суворов атаковал, разбил и рассеял французскую армию, причем сам Жубер был убит. Демонстрируя против левого фланга Жубера австрийцами Края, Суворов главный удар нанес по правому флангу французов. Доблестный Жубер, как Вейсман при Кайнарджи, был поражен пулей в сердце во главе своих войск, успев лишь им крикнуть: Сатагааез, тагспег ^ои]оиғз!. Обе стороны дрались одинаково доблестно и победа досталась лучше управляемой — гению Суворова (опять лично подавшему пример).

43000 союзников сражалось против 35000 французов. Урон Суворова — 8000, французов — 6500 убитых и раненых, 4500 пленных, 4 знамени и 39 орудий (вся артиллерия армии Жубера). От глубокого преследования пришлось отказаться, чтобы не погубить голодом войск (страна была совершенно опустошена). Да и гофкригсрат задержал

австрийские войска.

Отношения между союзниками испортились до такой степени, что их правительства решили впредь действовать обособленно.

Русской армии надлежало перейти в Швейцарию, австрийцам остаться в Италии. Австрийцы всячески торопили русских, но в то же время чинили препятствия на каждом шагу (прислали заведомо недостаточное для горного похода число мулов, благодаря чему выступление пришлось отложить на две недели). Находившийся в Швейцарии эрцгерцог Карл выступил оттуда не дожидаясь русских и оставил на произвол судьбы под Цюрихом только что прибывший из России 30-тысячный корпус генерала Римского-Корсакова. Предательский этот поступок имел самые печальные последствия.

28-го августа русская армия, собравшись в Алессандрии, выступила в новый поход. Союзники расставались... Одних на высотах альпийских ждала слава, чистая, как снег тех высот, — слава Чертова Моста и Муттенской долины. Других ожидал позор Маренго, Гогенлиндена и Кампо Формио... Каждому воздалось по делам его.

Швейцарский поход

4-го сентября Суворов из Алессандрии прибыл в Таверну — у подножья Альп. Отсюда ему представлялось два пути на соединение с Корсаковым: кружной — в долину верхнего Рейна, и кратчайший — на Беллинцону, Сен-Го-тард, долину Рейссы — к озеру Четырех Кантонов.

По представлению союзников-австрийцев, Суворов избрал этот второй путь с тем, чтобы, пройдя берегом озера на Швиц, действовать в тыл армии Массены. Однако австрийцы, советовавшие фельдмаршалу выбрать этот путь, утаили от него главное: вдоль озера дорог на Швиц не существовало, и русская армия неминуемо попадала в тупик.

Недостаток вьючных животных (мулов) давал себя знать. Полевая артиллерия и обозы отправлены были кружным путем к Боденскому озеру. При войсках оставлены лишь полковые орудия, всего 25 горных пушек. В авангарде шла дивизия Багратиона (8 батальонов, 6 орудий), в главных силах Дерфельдена — слабые дивизии Повало-Швейковского и Ферстера (14 батальонов, 11 орудий), в арьергарде — дивизия Розенберга (10 батальонов, 8 орудий). Горные пушки австрийские, но с русской прислугой. Суворов приказал каждой дивизии идти поэшелонно, имея впереди разведчиками по 25 казаков и 20 пионер, в голове 1 батальон и 1 орудие, в главных силах по 1 пушке на полк и в хвосте эшелона запасную пушку и патронные вьюки. Завязав бой в горах, головному батальону надлежало, рассыпавшись, быстро карабкаться на кручи, главным силам, оставаясь в колоннах, быстро следовать за стрелками в штыки, не задерживаясь для стрельбы. У Суворова было 32 батальона и казаки (20000 человек).

12-го сентября армия вышла из Таверны и 13-го в бою у Сен-Готарда Суворов, разбив французскую дивизию Лекурба, открыл себе дорогу в Альпы. 14-го сентября у Чертова Моста на глазах пораженных ужасом французов форсирована бурная Рейсса¹⁵⁵. 15-го сентября армия достигла озера Четырех Кантонов¹⁵⁶, и здесь Суворов увидел, что дальнейшее движение невозможно за отсутствием дорог. Армия сидела в мышеловке...

Суворов узнал здесь о двух горных тропах. Выбора у него не оставалось. 16-го сентября имел место ужасный двенадцатичасовой переход через Роттокский перевал и 17-го числа армия собралась в Муттенской долине¹⁵⁷.

Положение ее казалось безнадежным. Со времени Прутского похода никогда еще русские войска не находились при таких отчаянных обстоятельствах. От Швица грозил Массена, только что разбивший при Цюрихе Корсакова. У Корсакова было 30000. Он разбросал свои силы на обоих берегах Рейна и не принял элементарных мер предосторожности. Массена, имевший немногим больше (35000), сосредоточенным кулаком разбил русских по частям, отбросил их после двухдневного боя в Цюрих и здесь совершенно до канал. Мы лишились в этом деле 18000 человек, 26 орудий, 9 знамен. Урон французов — 7000. Это самое жестокое поражение нашей армии за XVIII столетие. Доступ в Клентальскую долину преграждала дивизия Мо-литора. Превосходство врагов было

тройным, и ко всему этому присоединялись жестокая стужа, изнурение совершенно обносившихся войск, страх за участь находившегося с армией Сына Царя...

Идти назад на Рошток было немислимо: армия погибла бы при этом отступлении, да и Суворов никогда бы на ретираду не согласился. Оставалось одно — идти вперед.

Если когда-либо в военной истории перед каким-либо войском со всей ужасной определенностью ставилась дилемма победить или умереть, то это, конечно, случилось в Муттенской долине с горстью чудо-богатырей в те навсегда памятные и навеки славные сентябрьские дни 1799 года.

Собранный Суворовым военный совет постановил — вместо Швица идти на Гларус и Кенталь¹⁵⁸. На аррьергард Розенберга выпала трудная и почетная задача прикрыть этот маневр от армии Массены, начавшей уже от Швица спускаться в Муттенскую долину.

Три дня — 18-го, 19-го и 20-го сентября — вел неравный бой в Муттенской долине этот геройский аррьергард. 4000, а затем 7000 русских — оборванных, голодных, изнуренных — разгромили 15000 солдат Республики. Массена едва избежал плена. В этих боях французы лишились 3000 убитыми и ранеными, 2200 пленными, 2 знамен, 12 орудий. В руках одного из чудо-богатырей — гренадера Махотина, схватившего было Массену, французский главнокомандующий оставил один из своих эполет.

Тем временем главные силы армии карабкались по оледенелым кручам, до тех пор считавшимися недоступными... 20-го сентября, сбив дивизию Молитора, армия собралась в Гларусе¹⁵⁹, где выждала присоединения аррьергарда Розенберга. Здесь Суворов узнал про поражение Корсакова при Цюрихе. За кровь, пролитую под Цюрихом, вы ответите перед Богом, — писал он эрцгерцогу Карлу, главному виновнику цюрихской катастрофы — результата вероломства австрийцев.

От Гларуса началась самая трудная часть пути. Рингенкопф явился Голгофой этого изумительного похода. Поднялась снежная буря, проводники разбежались, войска двигались ощупью по козьим тропам над пропастями. Сотнями скатывались в бездну измученные обессиленные люди — их товарищи все шли вперед... Артиллерию оставили у подножья этого перевала, устроив для заклепанных орудий в камнях и снегу подобие могилы. 26-го сентября армия имела первый отдых в Паниксе¹⁶⁰, а 1-го октября стала у Фельдкирха... Трудности и лишения, холод и голод, бездонные пропасти и могилы товарищей, восхищенные враги и посрамленные союзники — все это осталось позади.

19-го октября Суворов привел свою армию в Баварию. В строю после 2-х недельного похода оставалось едва 15000 чудо-богатырей (1600 было убито, разбилось и замерзло, 3500 ранено). Здесь получил он от Императора Павла повеление вести войска в Россию. Союз с вероломной Австрией был расторгнут. За изумительный свой подвиг Суворов был возведен в сан генералиссимуса и получил титул Князя Итальянского. Было поведено воздавать ему царские почести, даже в высочайшем присутствии. Великому Князю Константину Павловичу за боевые отличия был пожалован титул Цесаревича.

* * *

Так закончилась первая война с французами (если не считать данцигский десант 1734 года — незначительный эпизод). Как и все последовавшие затем войны с Францией, она не имела никаких положительных результатов. Русская кровь лилась здесь за чужие интересы. Император Павел понял это, когда отозвал свою армию из Швейцарии. К сожалению, этим опытом совершенно не воспользовались два его сына, и в первую половину XIX века русскими костями будут усеяны все поля Европы, русская кровь будет проливаться за всевозможные интересы, кроме русских... Но походы наших чудо-богатырей в Италии и Швейцарии, политически бесплодные, имеют громаднейшее военное воспитательное значение. Это, пожалуй, самая блестящая страница нашей военной истории, лучший лавр нашего победного венка.

Кампания 1799 года была последней и блистательнейшей кампанией Суворова. Никогда его гений не сиял так ярко, никогда он не был так велик, как в этот последний год своей земной жизни.

Лейтенская кампания Фридриха II красива, Итальянская кампания Бонапарта блестяща. Швейцарский поход Суворова бессмертен. Такой яркой, торжествующей победы духа над материей не выпадало на долю ни одного народа, ни одной армии в мире.

Понятие об этом подвиге могло бы дать лишь соединение Анабазиса отступление Десяти Тысяч — с альпийским переходом Аннибала. Порознь и тот и другой походы слабее. И способнейший из всей плеяды маршалов — Массена не раз признавался, что отдал бы все свои кампании за один этот суворовский поход.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ В ЭТУ ВОЙНУ ПОЛУЧИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛКИ:

6-й гренадерский Таврический (гренадерский Завалишина) — надпись на знамени, за отбитие французского знамени у Бергена;

8-й гренадерский Московский (гренадерский Розенберга) — надпись на знамени, за отбитие французских знамен при Треббии и Нови;

15-й пехотный Шлиссельбургский (мушкетерский генерал-майора Измайлова) надпись на знамени, за отбитие французских знамен в Итальянский и Швейцарский походы;

17-й пехотный Архангелогородский (мушкетерский графа Каменского 2-го) надпись на знамени, за отбитие французского знамени на горах Альпийских;

25-й пехотный Смоленский (мушкетерский Повало-Швейковского) — надпись на знамени, за отбитие французских знамен на горах Альпийских и поход за военное отличие;

66-й пехотный Бутырский (мушкетерский генерал-майора Белецкого, по возвращении в Россию — мушкетерский Малышкина), за Треббию, поход за военное отличие.

ПОХОД ЗА ВОЕННОЕ ОТЛИЧИЕ ПОЛУЧИЛИ ПОЛКИ:

72-й пехотный Тульский (мушкетерский Лаврова);

81-й пехотный Апшеронский (мушкетерский Милора-довича);

23-й пехотный Низовский (мушкетерский Барановского);

16-й гренадерский Мингрельский (мушкетерский Мансурова).

Примечание: 69-й пехотный Рязанский полк, взявший знамя в Муттенской долине, почему-то надписи на свои знамена не получил. Полк этот вел блестящий 23-летний командир генерал-майор граф Каменский 2-й, бывший в то же время шефом (инспектором) Архангелогородского мушкетерского полка. Поход этот явился великолепной боевой школой для молодого Каменского. Суворов писал его отцу-фельдмаршалу (своему соратнику по Козлудже): Ваш юный сын — старый генерал.

Глава VI. Наполеоновские грозы. Император Александр I

Царствование Императора Александра Павловича делится на две половины, гранью между которыми надо считать 1815 год. Венский конгресс завершил первую половину — эпоху борьбы с Наполеоном и дал основание деятельности второй эпохе Священного Союза и военных поселений. Ум высокий, но химерический. Душа, преисполненная самых высоких стремлений — сперва спасти Европу, затем осуществить Царствие Божие на земле. Наряду с этим — женственность характера, фальшь и двуличие, перед которыми становится в тупик благожелательнейший из его историков — Шильдер. Глубокий мистицизм и сильное, но извращенное религиозное чувство. Болезненное самолюбие и подозрительность. И, наконец, та страсть к позе, что была подмечена в старшем внуке еще Екатериной (Господин Александр великий мастер красивых телодвижений, — писала она) — страсть, составлявшая слабую часть этого сложного характера, являвшаяся самой чувствительной его струной.

Натура богато одаренная, но противоречивая. Отчасти вследствие внутренней дисгармонии — несоответствия между чувством и волей, умом и сердцем, характером и обстоятельствами. Отчасти — пожалуй, даже главным образом вследствие самой своей противоречивой формации (космополитическая школа Руссо-Лагарпа и гатчинская кордегардия). Внук Екатерины был в то же время и сыном Павла — и сыном, более других трех своих братьев унаследовавшим душевный облик отца. Одна из характернейших

особенностей Александра I богоискательство — стало в последние годы его жизни, как венценосца, доминирующей чертой. Здесь уместно провести параллель с другим богоискателем Львом Толстым. Оба кончают жизнь в сермяге, один в сибирском скиту, другой на глухом полустанке. По вскрытии гробницы Александра I большевиками она оказалась пустою. Легенда о Федоре Кузьмиче является, таким образом, не легендой, а красивым эпизодом русской истории.

Российской, русской политики в царствование Императора Александра I, можно сказать, не существует. Есть политика европейская (сто лет спустя сказали бы пан-европейская), есть политика вселенной — политика Священного Союза. И есть русская политика иностранных кабинетов, использующих для своих корыстных целей Россию и ее Царя искусной работой доверенных лиц, имеющих на Государя неограниченное влияние (таковы, например, Поццо ди Борго и Мишо де Боретур два удивительных генерал-адъютанта, заправлявших русской политикой, но за долговременное свое генерал-адъютантство не выучившихся ни одному русскому слову).

Здесь можно проследить четыре фазы:

Первая — эпоха преимущественно английского влияния. Это — дней Александровых прекрасное начало. Молодой Государь не прочь помечтать в кругу интимных друзей о прожектах конституции российской. Англия — идеал и покровительница всякого либерализма, в том числе русского. Во главе английского правительства Питт младший — великий сын великого отца, смертельный враг Франции вообще и Бонапарта в частности. Им пускается прекрасная идея освобождения Европы от тирании Наполеона (финансовую сторону Англия берет на себя). Результат — война с Францией, — вторая французская война... Английской крови, правда, пролито немного, зато русская льется рекой при Аустерлице и Пултуске, Эйлау и Фридланде.

За Фридландом следует Тильзит, открывающий вторую эпоху — эпоху французского влияния. Гений Наполеона производит глубокое впечатление на Александра... Тильзитский банкет, георгиевские кресты на груди французских гренадер... Эрфуртское свидание — Император Запада, Император Востока... У России развязаны руки на Дунае, где она ведет войну с Турцией, Наполеон же получает свободу действий в Испании. Россия безоглядно присоединяется к континентальной системе, не обдумав всех последствий этого шага.

Наполеон отбыл в Испанию. В гениальной прусской голове Штейна созрел тем временем план освобождения Германии от ига Наполеона — план, основанный на русской крови... От Берлина до Петербурга ближе, чем от Мадрида до Петербурга. Прусское влияние начинает вытеснять французское. Штейн и Пфуль повели дело искусно, ловко представив русскому Императору все величие подвига спасения царей и их народов. Одновременно их сообщники натравливали на Россию Наполеона, всячески инсинуируя несоблюдения Россией континентального договора, затрагивая больное место Наполеона, его ненависть к главному своему врагу Англии. Отношения между эрфуртскими союзниками окончательно испортились и пустячного повода (искусно раздутого стараниями немецких доброжелателей) оказалось достаточно для вовлечения Наполеона и Александра в жестокую трехлетнюю войну, обескровившую и разорившую их страны — но оказавшуюся до чрезвычайности прибыльной (как на то и рассчитывали зачинщики) для Германии вообще и для Пруссии в частности.

Используя до конца слабые стороны Александра I — страсть к позе и мистицизм, — иностранные кабинеты тонкой лестью заставили его уверовать в свой мессианизм и через своих доверенных людей внушили ему идею Священного Союза, превратившегося затем в их искусных руках в Священный союз Европы против России. Современная тем печальным событиям гравюра изображает клятву трех монархов на гробе Фридриха Великого в вечной дружбе. Клятву, за которую ужасной ценой заплатили четыре русских поколения. На Венском конгрессе от России отбирается Галиция, незадолго до того ею полученная, а в обмен дается герцогство Варшавское, чем предусмотрительно, к вящей славе германизма, в состав России вводится враждебный ей польский элемент. В этот четвертый период русская

политика направляется по указке Меттерниха.

Русская армия в первую половину царствования Александра I

Вступив на престол в памятное утро 11-го марта 1801 года, молодой Император в первом своем манифесте изъявил волю идти по стопам своей великой бабки.

На армии это, однако, не отразилось. Армия Александра I явилась прямым продолжением армии Императора Павла I. Доктрина, уклад жизни, система обучения, шагистика и увлечение мелочами службы остались те же.

Внешний вид войск изменился. Екатерининская форма, простая и удобная, правда, не была возвращена, но упразднена павловская косметика — букли и пудра. Косы на первых порах сохранились, но размер их был укорочен. Были введены темно-зеленые, очень короткие и очень узкие мундиры с большими стоячими воротниками, оставлены штиблеты и белые панталоны и введены погоны различного (по полкам) цвета. В 1803 году треуголки заменены высокими кожаными киверами, а в 1806 году совершенно упразднены косы. Русская армия окончательно приняла тот вид, который всем нам так хорошо известен по батальным картинам последовавшей затем славной для нее эпохи.

Восстановлены исторические наименования полков. В первую половину царствования Александра I шефы полков, как при Павле, являлись их инспекторами. Багратион, Милорадович, Каменский 2-й, Кульнев наложили неизгладимую печать на свои полки. Во вторую половину — шефство чисто почетное звание. С 1815 года по 1856 год полки, имевшие шефов, именовались исключительно по шефам. Пехотные переведены в 3-батальонный состав (мушкетерские с 1802 года, егерские с 1803 года). Батальоны — все в 4 роты по 2 взвода. Флигель-роты упразднены. Первые роты батальонов именовались в мушкетерских полках гренадерскими, в егерских — карабинерными и строились по полуротно на обоих флангах своего батальона, как бы обрамляя его. В стрелковом отношении взвод равнялся плутонгу, чем наконец достигнуто было соответствие между административным и боевым устройством пехоты (вторые взводы рот именовались стрелковыми). Самое название плутонг вышло из обихода.

В 1811 году, с перевооружением пехоты новыми ружьями взамен прежних мушкетов, мушкетерские полки наименованы пехотными.

Особенное развитие в этот период получили егеря. В 1801 году их считалось 19 полков в 2 батальона, а в 1808 году — уже 36 в 3 батальона. В 1810 году, обращением 14-ти мушкетерских полков в егерские, число их было доведено до 50-ти, а в 1813 году, к началу заграничного похода, считалось уже (с Лейб-Гвардии Егерским) 58 егерских полков — треть всей пехоты.

В первую половину этого царствования сильно увеличен состав Гвардии. Егерский батальон в 1806 году развернут в полк. В том же году сформирован Батальон Императорской Милиции, в кампанию 1807 года заслуживший права Гвардии и в 1808 году развернутый в Лейб-Гвардии Финляндский полк. В 1811 году из состава Преображенского полка выделен Лейб-Гвардии Литовский, а в 1813 году, за отличие в Отечественную войну, к Гвардии причислены Лейб-Гренадерский и Павловский гренадерский, однако, со старшинством одного чина перед армейскими, а не двух. С того времени Гвардия стала разделяться на старую и молодую. Права старой гвардии оба эти полка получили в 1831 году за отличие в Польскую войну. Гвардейская конница получила тоже значительное приращение. К трем прежним регулярным полкам (Кавалергардский, Конный и Гусарский) прибавлены в 1803 году Драгунский (ныне Конно-Гренадерский) и Уланский Цесаревича (ныне Ее Величества). В 1813 году права молодой Гвардии пожалованы Кирасирскому Его Величества, а в 1814 году в Версале сформирован Лейб-Гвардии Конно-Егерский полк (ныне Лейб-Гвардии Драгунский).

Организация кавалерийских полков в общем не изменилась. Большинство кирасирских обращено в драгунские (из 19-ти кирасирских полков оставлено 6, как до Павла I). Кирасирские и драгунские полки были в составе 5-ти действующих и 1-го запасного эскадрона. В легкой кавалерии число эскадронов в полку колебалось от 6 до 10, батальоны

здесь переименованы в дивизионы (по-прежнему 2 на полк). В 1801 году подпоручики кавалерийских полков (за исключением драгунских) наименованы корнетами. Казачьи полки были 5-сотенного состава и назывались по полковникам.

В 1803 году появляются уланы (в этом году только что сформированный Одесский гусарский полк переименован в Уланский Цесаревича Константина Павловича). В 1812 году уланских полков было уже 6. В 1813 году по примеру армии Наполеона у нас заводятся конно-егеря: 8 драгунских полков переименованы в конно-егерские.

С 1801 года положено иметь по одному знамени на батальон и одному штандарту на дивизион.

Особенное внимание обращено на артиллерию. Этой последней, сведенной Аракчеевым за несколько месяцев до смерти Павла I в 8 полков, сперва опять было дали прежнюю батальонную организацию, но в 1803 году Аракчеев, вновь приглашенный на службу генерал-инспектором артиллерии, восстановил полки (мы знаем, что он был сторонником централизованного управления). В 1803–1805 годах было образовано 11 пеших и 2 конно-артиллерийских полка 2-батальонного состава (по 2 батарейных и 2 легких роты в батальоне). В 1806 году сформированы 23 артиллерийские бригады, по которым и распределены роты упраздненных артиллерийских полков и батальонов — по 2 батарейных, 1 легкой, 1 конной и 1 понтонной роте на бригаду. В батарейных ротах 14 орудий (8 12-фунтовых пушек и 6 — 20-фунтовых единорогов), в легких — 16 орудий (12 6-фунтовых пушек и 4 — 12-фунтовых единорога). Всего в артиллерийском полку было 120 орудий (80 пушек и 40 гаубиц). Артиллерийские бригады вначале состояли из 3–4 рот (50–60 орудий) и равнялись примерно прежним артиллерийским батальонам.

Централизация управления артиллерией сказалась в учреждении в 1816 году артиллерийских дивизий, из 3 пеших и 1 конно-артиллерийской бригад, существовавших по одной на корпус в нашей армии до 1856 года.

Графа Аракчеева, по справедливости, можно назвать создателем современной русской артиллерии. Она — плод его трудов, двадцатилетней упорной планомерной продуманной работы, как теоретической, так и практической. С этих времен у нас завелся тот артиллерийский дух, установились те артиллерийские традиции, носители которых на всех полях Европы отстояли за русской артиллерией место, указанное ей суровым гатчинцем — первой в мире. Из многотрудной аракчеевской школы вылетели орлы наполеоновских войн — Ермолов, Яшвил, Никитин, Костенецкий, Железнов — все те, кто вели в атаку передки и гнали банником полки на полях Шенграбена, Пултуска, Эйлау и Бородина!..

Инженерные войска в 1802 году отделены от артиллерии, при которой им указал иметь свой стан еще Петр Великий. Из одного пионерного полка 2-батальонного состава они развернуты в 1803 году в 2 полка, а в 1812 году составили 3 полка, саперный и 2 пионерных (в 3 батальона 4-ротного состава) и отдельный Лейб-Гвардии саперный батальон. Понтонные роты были розданы в войска (в артиллерийские бригады).

В бытность Аракчеева военным министром, в 1809 году введено отдание чести (причем салют первоначально производился левой рукой) и, вообще, приняты строгие меры к упрочению субординации и дисциплины в войсках, в частности, в офицерской среде, сильно было распутившейся после смерти Императора Павла. Распущенность эта являлась неизбежной реакцией на павловские порядки. С 1801 по 1815 годы офицерам вне службы разрешалось ходить в штатском. По свидетельству современников, в начале царствования Александра I, офицерский состав армейских полков (особенно в артиллерии) был более высокого качества, чем в гвардии, где сколько-нибудь аристократическими могли считаться лишь Кавалергарды и Лейб-Гусары.

* * *

В 1806 году сформировано 18 постоянных пехотных дивизий. В 1807 году число их доведено до 22-х (к открытию фридландской кампании), в 1808 году — до 24-х, а в 1809 году — к окончанию Шведской войны — в армии считалось 26 пехотных дивизий и сформировано 4 кавалерийских.

Пехотные дивизии, как правило, были в составе трех бригад — двух мушкетерских и одной егерской — всего 6 полков, носивших на погонах номер дивизии и различавшихся по цветам (1-й полк — алые погоны, 2-й — белые, 3-й синие, 4-й — темно-зеленые, 1-й егерский — алые, 2-й — синие). Гренадерам даны желтые погоны, и к 1812 году большинство гренадерских полков было сведено в отдельные бригады и дивизии.

В 1810 году, в бытность военным министром Барклая де Толли, учреждены постоянные пехотные корпуса, которых положено сперва иметь шесть (сформировано пять: I–IV и VI). В эти корпуса вошла лишь часть всех дивизий (по 2 дивизии на корпус), а именно стоявшие на западной границе.

В 1811 году, в предвидении решительной борьбы с Наполеоном, сформировано еще 4 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, так что к 1812 году число первых доведено до 30, вторых до 11. В действующей армии образовано 8 пехотных и 5 кавалерийских корпусов. В 1812 году из рекрут, запасных войск и ополчения сформировано еще 18 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, предназначенных для пополнения убыли и полностью израсходованных в эту кампанию. Аракчеевым в 1810 году были образованы полковые рекрутские депо. В Отечественную войну все полки Действующей армии имели по два батальона — I и III. Средние, 11-е батальоны, играли роль запасных, давая

кадры пополнениям и обучая эти пополнения для своих полков. Аракчеев понял то, чего сто лет спустя не смог уразуметь Сухомлинов, и в 1812 году система пополнений несравненно более продумана и удачна, чем в 1914 году.

В заграничный поход 1813 года сформирован Гвардейский корпус, а в 1814 году — Гренадерский. По возвращении из-за границы вооруженные силы России в 1816 году составили 33 пехотных и 17 кавалерийских дивизий. Помимо имевшихся десяти пехотных корпусов (Гвардейский, Гренадерский, I–VIII армейские), было образовано два отдельных корпуса на окраинах — Грузинский и Финляндский. Каждый корпус состоял в принципе из 3 пехотных, 1 кавалерийской и 1 артиллерийской дивизий.

Большие перемены произошли в центральном управлении. В 1802 году упразднены коллегии и учреждены министерства¹⁶¹. Военная коллегия сменилась министерством военно-сухопутных сил, ставшим именоваться с 1812 года военным министерством¹⁶². Министерство это разделялось на семь департаментов, сменивших прежние экспедиции — инспекторский (ведавший строевой частью), артиллерийский, инженерный, провиантский, комиссариатский (административная часть), медицинский и аудиторский (военно-судебный). Первым военным министром был генерал Вязьмитинов. В бытность министром графа Аракчеева (1808–1810 годы) значительно сокращена переписка и упрощено делопроизводство.

В 1810 году официально введена очередная система, выработанная эмпирически самим населением и давно применявшаяся на практике. Семьи подлежащих призыву вносились в очередь по порядку числа работников в семье. Одна семья не могла давать более одного рекрута в наборе и более трех рекрутов вообще, единственные сыновья освобождались совсем. При наборе в первую очередь брали холостых либо бездетных, старших братьев предпочтительнее младшим.

Весною 1812 года было выработано Положение об управлении большой действующей армией — самый важный из военных статуты России после Устава Воинского 1716 года. Оно стало основой для всех последующих наших Положений о полевом управлении войск. Одним из существенных его нововведений было подчинение штабов и администрации строевым начальникам, чем устранялось одно из главных неудобств нашей военной системы.

Всю первую половину царствования шло усиленное формирование новых частей. Армия Павла I состояла в 1801 году из 103 полков и 1 батальона пехоты (3 полка и 1 батальон гвардейцев, 13 полков гренадеров, 68 полков мушкетеров, 19 полков егерей); 53 полка конницы (3 гвардейских, 19 кирасирских, 18 драгунских, 9 гусарских, 2 регулярных казачьих) и 8 артиллерийских полков. В 1805 году, накануне аустерлицкой кампании, в вооруженных силах состоит: пехоты — 123 полка и 3 батальона (3 полка и 3 батальона

гвардейцев, 13 полков grenадеров, 84 полков мушкетеров, 23 полка егерей); конницы — те же 53 полка, но иначе подразделенных (увеличено число драгунских за счет кирасир); артиллерии — 11 пеших и 2 конных полка. За четыре года пехота с 207-ми батальонов доведена до 349-ти (полки в три батальона) — т. е. увеличена примерно в полтора раза.

Затем формирования идут еще более скорым темпом. За один лишь 1806 год армия получает приращение в 61000 человек (новых 23 пехотных и 9 кавалерийских полков). Особенно интенсивно, как мы уже видели, ведется формирование егерских полков. К открытию кампании 1812 года в полевой армии считается 487000 человек — 169 полков пехоты (6 гвардейских, 14 grenадерских, 96 пехотных, 50 егерских, 3 морских), 71 полк конницы (8 гвардейских, 8 кирасирских, 37 драгунских, 6 уланских, 12 гусарских, 2 регулярных казачьих) и 27 артиллерийских бригад. Пехота — 458 батальонов — увеличена за десять лет в два с лишним раза, конница — в полтора, артиллерия — не в такой степени: в строю 11 артиллерийских полков 1805 года считается 1264 орудия, а в 27-ми артиллерийских бригадах 1812 года 1576, примерно на четверть больше.

Гарнизонные войска отнюдь не увеличились в своем составе. В этот период они являлись одним из источников комплектования полевых войск (в период 1810–1811 годы, например, 52 гарнизонных батальона были обращены в полевые). В 1803 году заводятся линейные батальоны. Линейные батальоны, вначале образованные по оренбургской линии, сделались на протяжении свыше полустолетия основным типом русской пехоты на окраинах (в Финляндии, Средней Азии, Сибири и на Кавказе) 163.

В 1815 году положено начало жандармерии путем обращения Борисоглебского драгунского полка в семь полевых жандармских эскадронов.

Армия перевооружена в 1810–1811 годы новыми 7-ми линейными ружьями, длиннее и тяжелее прежних мушкетов (весом 18 фунтов без штыка), но лучших баллистических качеств. На стрельбу выдавалось по шесть патронов в год, что было очень немного. Один лишь Барклай, в бытность свою военным министром (1810–1812 годы), обратил внимание на стрелковое дело. Он требовал обучения стрельбе обязательно с примкнутым штыком и в боевом снаряжении. Впрочем, в те времена русская армия стреляла не на полигонах и стрельбищах, а на полях сражения — и стреляла, по отзывам врагов, хорошо.

Из всех сыновей Императора Павла Александр I в наиболее сильной степени унаследовал гатчинские традиции и страсть к муштре. Плац-парадная выучка войск в его царствование была доведена до неслыханного и в Потсдаме совершенства. В кампанию 1805 года весь поход — от Петербурга до Аустерлица — Гвардия прошла в ногу.

Копирование пруссачины сказывалось в области не только строевой, но и в научной (особенно яркий пример — пфулевщина). В этом отношении царствование Императора Александра I — после некоторых начальных колебаний — явилось продолжением Павловской эпохи. Сын Императора Павла оказался сильнее внука Екатерины.

* * *

Непрерывные войны с 1805 по 1815 годы — зачастую две и три войны, веденные одновременно на различных театрах, требовали от России небывалого еще со времен Великой Северной войны напряжения. В 1805 году — война с Францией и Персией, 1806 год и 1807 год — с Францией, Персией и Турцией, в 1808 году и 1811 году — с Персией и Турцией, 1812 год — со всей Европой и Персией, 1813, 1814 и 1815 годы — с Францией.

Всего за десять лет 21 год войны. Упомянем для памяти о походе 1809 года в Галицию (демонстрация против Австрии) и о войне с Англией (на море) в 1808–1811 годах. Рекрутские наборы производились ежегодно. В 1805 году в полевой армии числилось 340000 человек, не считая 100000 гарнизонных и 110000 казаков, различных войск. В 1806 году пришлось прибегнуть к призыву ополчения, мере, не принимавшейся с нашествия Карла XII (призвано было 110000 государственных крестьян). Памятником ополчения 1806 года остался Лейб-Гвардии Финляндский полк (образованный как Батальон Императорской Милиции), подобно тому, как из ополчения 1854 года, в Восточную войну, родятся Гвардейские стрелки. В 1809 году в Армии считалось 733000 человек.

За этот десятилетний период было поставлено не менее 800000 рекрут, не считая 300000 ополчения Двенадцатого Года. Можно сказать, что под ружьем постоянно, либо на время — в первую половину царствования Императора Александра I находилось не менее 1500000 человек с казаками и ополчением (что составит 4 процента 40-миллионного населения страны). Из этого числа погибло не менее 800000 человек — одна война с Наполеоном 1812–1814 годов обошлась России в 600000 жизней... Если к этому прибавить восемь разоренных французским нашествием губерний, сожженную Первопрестольную, громадные материальные убытки и денежные затраты на развитие вооруженной силы и ведение десятилетних войн, то получится ясная картина того огромного напряжения, что потребовалось в те грозные времена от России, столь блестяще эти испытания выдержавшей.

Подвиги русских войск, прославившие царствование Императора Александра Павловича, не остались без вознаграждения. Шенграбенское дело имело следствием введение георгиевских знамен и штандартов. Первыми полками, удостоившимися этого отличия, были Киевский гренадерский, Черниговский драгунский и Павлоградский гусарский. Егерским полкам, не имевшим знамен, жаловались георгиевские трубы, и первым полком, получившим таковые — тоже за Шенграбен, был 6-й (от которого трубы эти унаследовал 104-й пехотный Устюжский). С 1810 года георгиевские трубы, кроме егерских, стали жаловаться и другим полкам. В пехоте их получили первыми Московский гренадерский и Архангелогородский пехотный — оба за Базарджик, а в кавалерии — Курляндский драгунский (ныне уланский), за отличие в кампанию 1807 года. На Кавказе первые георгиевские знамена пожалованы в 1811 году Грузинскому гренадерскому полку за штурм Ахалкалак (первым боевым отличием Кавказской Армии, как мы уже знаем, явилась надпись на знамена Кабардинскому полку за Иору). Напомним, что в те времена знамена жаловались не полкам, а батальонам. В одном и том же полку могли быть батальоны с георгиевскими знаменами и батальоны, этого отличия не имевшие. Полковые знамена были введены лишь в 1883 году, при Императоре Александре III.

В 1807 году конно-артиллерийские роты Ермолова и Яшвиля (ныне 2-я и 22-я конные батареи) получили георгиевские петлицы, отличие, не выдававшееся затем до Восточной Войны, когда их получил Нижегородский драгунский полк. В том же 1807 году учрежден солдатский георгиевский крест под наименованием знака военного ордена. Этот знак отличия, имевший вначале (до 1856 года) всего одну степень, давал ряд преимуществ обладателю и сразу стал пользоваться громадным престижем в армии.

В 1814 году, по окончании борьбы с Наполеоном, отличившимся полкам даны знаки на шапки. В 1815 году шесть наиболее отличившихся в войну 1812–1814 годов егерских полков — 1-й, 3-й, 8-й, 14-й, 26-й и 29-й — наименованы гренадерскими егерскими, а несколько месяцев спустя, 1–6 карабинерными. В 1816 году прибавлен еще 7-й карабинерный полк — 17-й егерской Кавказской Армии.

Прославленный Кульневым Гродненский гусарский полк наименован Клястицким в память боя, где во главе его не стало этого русского Баярда. После Клястицкого лишь два полка получили имена за боевые отличия: за отличие при взятии Эривани 7-й карабинерный полк наименован в 1827 году Эриванским, а за отличие в Польскую войну 1831 года Лейб-Гвардии Драгунский полк назван Конно-Гренадерским.

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ I:

4-й пехотный Копорский, 18-й пехотный Вологодский, 53-й пехотный Волынский, 79-й пехотный Куринский (1802 год);

5-й пехотный Калужский, 26-й пехотный Могилевский, 206-й пехотный Сальянский (1805 год — Каспийский морской батальон, с 1891 года Сальянский);

Лейб-Гвардии Финляндский (1806 год — Батальон Императорский Милиции, с 1808 года — Лейб-Гвардии Финляндский полк), 3-й гренадерский Перновский, 6-й пехотный Либавский, 32-й пехотный Кременчугский, 42-й пехотный Якутский, 43-й пехотный Охотский, 44-й пехотный Камчатский, 49-й пехотный Брестский, 54-й пехотный Минский (1806 год);

- 50-й пехотный Белостокский (1807 год);
- 35-й пехотный Брянский, 51-й пехотный Литовский (1809 год);
- Лейб-Гвардии Литовский, 2-й пехотный Софийский, 20-й пехотный Галицкий, 24-й пехотный Симбирский, 36-й пехотный Орловский, 48-й пехотный Одесский, 52 лейб-пехотный Виленский (1811 год);
- 56-й пехотный Житомирский (1811 год — Тарнопольский пехотный, с 1815 года — Житомирский);
- 67-й пехотный Тарутинский, 68-й лейб-пехотный Бородинский (1813 год);
- Лейб-Гвардии Московский, 7-й гренадерский Самогитский (1817 год);
- Лейб-Гвардии Уланский Ее Величества (1803 год — Одесский гусарский, с 1803 года же — Уланский);
- Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский (1803 год — Лейб-Гвардии Драгунский, с 1831 года — Конно-Гренадер-ский);
- 3-й драгунский Новороссийский, 2-й уланский лейб-Курляндский (1803 год);
- 5-й уланский Литовский (1803 год — Конно-Польский; с 1810 года — Литовский);
- 7-й гусарский Белорусский (1803 год);
- 14-й гусарский Митавский (1805 год. Митавский драгунский с 1833 г.);
- 14-й уланский Ямбургский (1806 год — Ямбургский драгунский, с 1826 года Ямбургский уланский);
- 6-й гусарский Клястицкий (1806 год — Гродненский гусарский, с 1824 года Клястицкий);
- 6-й уланский Волынский, 8-й гусарский Лубенский (1807 год);
- Собственный Его Величества Конвой, 8-й драгунский Астраханский, 10-й драгунский Новгородский (1811 год);
- 7-й уланский Ольвиопольский, 8-й уланский Вознесенский, 9-й уланский Бугский, 10-й уланский Одесский (1812 год соответственно 1-й, 4-й, 3-й Украинский уланский, с 1830 года — Ольвиопольский, Вознесенский, Бугский, и Одесский. Примечание: Бугский и Одесский уланские полки образованы из 2 половин Украинского уланского полка);
- Лейб-Гвардии Драгунский (1814 год — Лейб-Гвардии Конно-Егерский, с 1831 года — Драгунский);
- Полевая жандармерия (1815 год);
- Лейб-Гвардии Уланский Его Величества (1817 год);
- Лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк (1824 год);
- 7-я, 15-я конные батареи (1803 год); 19-я, 20-я, 21-я артиллерийские бригады, 1-я, 11-я, 12-я, 16-я, 17-я, 18-я конные батареи (1806 год);
- 4-я, 5-я, 6-я, 23-я конные батареи (1807 год);
- Лейб-Гвардии 4-я конная, 3-я, 13-я, 14-я, 19-я конные батареи (1812 год);
- 1-я, 2-я, 3-я Гренадерские, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я артиллерийские бригады (1814 год);
- 16-я, 18-я артиллерийские бригады (1814 год);
- Кавказская Гренадерская артиллерийская бригада (1819 год);
- 17-я артиллерийская бригада (1820 год);
- Лейб-Гвардии 3-я артиллерийская бригада (1821 год);
- Лейб-Гвардии Саперный батальон (1812 год); 4-й, 5-й, 6-й, 8-й, 9-й саперные батальоны (1816 год);
- 1-й Кавказский саперный батальон (1818 год);
- 3-й саперный батальон (1823 год). В 1802 году инженеры отделены от артиллерии (за исключением понтонных частей). Пажский Е. В. Корпус (1802 год);
- Свита Его Величества по квартирмейстерской части, из которой впоследствии развился Генеральный Штаб (1803 год);
- Константиновское Артиллерийское Училище (1807 год — Дворянский полк, с 1857

года — Конно-артиллерийское училище);

Николаевское Инженерное Училище (1819 год — Главное Инженерное Училище, с 1855 года — Николаевское Инженерное Училище);

Михайловское Артиллерийское Училище (1820 г. — Артиллерийское Училище, с 1852 года — Михайловское Артиллерийское Училище).

Война с Персией 1804–1813 годов

Первым выстрелам в царствование Императора Александра Павловича суждено было раздаться на Кавказе.

Развитие российской великодержавности продолжалось здесь с первых лет этого царствования. В 1808 году главнокомандующим в Грузии и на Кавказе назначен князь Цицианов. В том же году изъявили покорность Мингрелия и Бакинское ханство.

Оставалось гнездо хищников — Ганжа. Покровительствуемый Персией ганжинский хан Джевад изменил России и своими набегами терроризировал Закавказье. В конце 1803 года Цицианов предпринял поход на Ганжу — и 3-го января 1804 года овладел ею штурмом. Характерен ответ Джевада Цицианову на предложение сдаться; он показывает, как высоко расценивалась на Кавказе мощь Персии, на помощь которой Джевад надеялся: Персидский шах, слава Аллаху, близко. Если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих. Если твои пушки длиною в один аршин, то мои в три и четыре аршина, а успех зависит от Аллаха. Откуда известно, что ваши войска лучше персидских? Вы только видели свои сражения, а войны с персиянами не видели... Джевад убит, а Ганжа переименована в Елизаветполь (в честь Императрицы Елизаветы Алексеевны). Взятие Ганжи встревожило Персию. Персияне усмотрели в расширении русского могущества на Кавказе непосредственную себе угрозу и решили бороться с этим могуществом, пока оно не успело еще пустить глубоких корней.

Летом 1804 года начались военные действия. Многочисленные персидские отряды производили нападения на русские посты. Цицианов двинулся в пределы вассального Персии Эриванского ханства и осадил Эривань. Но крепость эта была слишком сильна для слабых средств отряда, и Цицианов в ноябре вынужден был снять осаду¹⁶⁴, понеся большие потери.

В 1805 году последовало вторжение персидских полчищ. Шах персидский Баба-хан поклялся выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека. У Цицианова было всего 8000 человек, разбросанных по всему Закавказью. Главные силы персов — 40000 наследного принца Аббас-Мирзы двинулись на Тифлис, грозя повторить ужасы нашествия 1795 года.

Но на речке Аскерани кровожадная орда встретила неожиданный отпор. На ее пути стал слабый числом, но великий духом отряд полковника Карягина — 500 егерей 17-го полка и Тифлиских мушкетер. Четырнадцать дней — с 24-го июня по 7-е июля — эта горсть храбрецов отбивала атаки 20000 персов (к которым присоединялись еще подкрепления) — а после прорвались сквозь их кольцо, перевезя по своим телам, как по живому мосту, обе свои пушки. У Карягина было 493 человека при 2-х орудиях. Из них в строю осталось не свыше 150. Четыре дня отряд держался на татарском кладбище в урочище Карагач, страдая от жажды, отбивая атаки и в свою очередь совершая отважные вылазки. В ночь на 28-е июня внезапной вылазкой Карягин овладел замком Шах-Булах, где держался десять дней до ночи на 8-е июля, когда скрытно вышел оттуда, незамеченный персиянами. За необыкновенный свой подвиг он получил всего лишь золотое оружие и умер два года спустя все в чине полковника... Инициатива живого моста принадлежит рядовому Гавриле Сидорову, жизнью заплатившему за свое самоотвержение.

Этим своим сопротивлением Карягин спас Грузию. Порыв персов был сломен, а Цицианов успел тем временем собрать войска и принять меры к обороне страны. 28-го июля при Загаме¹⁶⁵ (в 2-х переходах от Елизаветполя) Аббас-Мирза потерпел совершенное поражение, и персидская армия в беспорядке удалась, откуда пришла.

Цицианов стал приводить в покорность окрестных ханов, отпавших было от России, но

8-го февраля 1806 года был предательски убит под стенами Баку.

На его место назначен граф Гудович, которому выпала нелегкая задача вести со слабыми силами войну на два фронта — против Персии и против Турции (с которой тем временем начата война), поддерживая в то же время порядок в только что усмирённой стране.

В течение 1806 года заняты Куба, Баку и весь Дагестан, а персияне, пытавшиеся снова наступать, разбиты у Ка-ракапета. В 1807 году Гудович воспользовался несогласованностью действий противников, заключив с персиянами перемирие и обратившись против турок. Он двинулся одновременно по трем направлениям — на Каре, Потти и Ахалкалаки, разбросав свои силы, и отовсюду был отражен. Тогда турки (Юсуф-паша с 20000) сами перешли в наступление, но Гудович, успев собрать свои войска, разбил этого втрое сильнейшего врага 18-го июня на реке Арпачае.

Кампания 1808 года была менее удачна. Обратившись против персиян, Гудович осадил Эривань, но не имел здесь успеха. Вторично в эту войну русские отступили от Эри-вани.

В 1809 году главнокомандующим назначен генерал Тормасов. В эту кампанию действия имели место главным образом на черноморском побережье. С персиянами велись безрезультатные переговоры, турки постепенно вытеснялись с Закавказья. В 1810 году маркиз Пауллуччи разбил турок под Ахалкалаками. Война принимала затяжной характер, так как вследствие недостаточности сил мы были лишены возможности предпринимать сколько-нибудь крупные операции и до конца использовать одержанные успехи.

* * *

Но вот из среды этих прожженных солнцем и прокуренных порохом войск и их бесстрашных командиров выдвинулся вождь — и по всему Кавказу прогремело имя Котляревского!

Разделив славу Карягина на Аскерани, Котляревский принял от него 17-й егерский полк. 14-го июня 1810 года с тремястами егерей он овладел неприступной по природе и сильно к тому же вооруженной крепостью Мигри¹⁶⁶ своего рода закавказскими Фермопилами — и удержал ее за собой, нанеся тут же жестокое поражение персам.

Назначенный шефом Грузинского (тогда еще Кавказского) Гренадерского полка, Котляревский решил овладеть крепостью Ахалкалаки, последним оплотом турок в Закавказье. Проведя свой полк через горы по козьим тропам и через долины по пояс в снегу, он появился внезапно в ночь на 8-е декабря под стенами крепости¹⁶⁷, приставил к ним складные, взятые на выюках, лестницы — и раньше, чем ошеломленные турки успели прийти в себя, гренадеры Котляревского уже сидели на их пушках!

Война с Турцией была закончена на Кавказе этим блестящим делом.

В 1811 году Тормасова сменил маркиз Пауллуччи, а в 1812 году его сменил в свою очередь генерал Ртищев. Не обладая выдающимися боевыми способностями, генерал Ртищев имел достаточно проницательности, чтобы увидеть какого неоценимого помощника имеет он в лице Котляревского, и достаточно гражданского мужества и бескорыстия, чтобы предоставить ему полную свободу действий.

Обстановка на Кавказе в 1812 году складывалась критически. Нашествие Наполеона отвлекло все силы России на Двину и Неман. Об Араксе не помышляли и на Кавказе оставлено заведомо недостаточное количество войск. Из Петербурга повелено торопиться переговорами с персами и признавалось необходимым даже идти на уступки. Требования персиян оказались чрезмерными. Аббас-Мирза опирался на 30-тысячную, отлично организованную и вооруженную англичанами армию. Зная слабость и затруднения русских, он не сомневался в успехе.

Император французов сидел в Кремле. Будущее России представлялось в самом мрачном свете...

И в эту тяжелую пору на далекой окраине нашелся человек, возвысившийся духом над обстановкой, взявший на себя большую ответственность, принявший героическое решение.

Этот человек был генерал Котляревский. Взяв с собой испытанных соратников —

Грузинских гренадер и егерей 17-го полка, немного более 2-х тысяч бойцов он двинулся на пятнадцать раз сильнее врага. Не победить для этой горстки героев значило умереть...

19-го октября Котляревский разбил неслыханно дерзкой атакой персидскую армию при укреплении Асландуз, отбросил ее в укрепленный лагерь и там окончательно доканал ночью сокрушительным штыковым боем. У Котляревского было 2221 человек при 6-и орудиях. При переправе через Араке одно орудие завязло и солдаты тщетно пытались его вытащить. Эх, братцы, — сказал Котляревский, если будем хорошо драться, то и пятью орудиями побьем персиян, и тогда, вернувшись, вытащим это, а если не вернемся, то оно нам и совсем не нужно. У персов было 30000 при 12-ти орудиях и полсотне фальконетов. Бежавший из персидского плена унтер-офицер предложил провести войска к той стороне лагеря, где у персов не было артиллерии. На пушки, братец, на пушки! — отвечал Котляревский. Наш урон 127 человек. На поле сражения осталось до 9000 убитых персиян (пощады не давали), но Котляревский в своем донесении пометил неприятельский урон всего в 1200 убитых (напрасно писать 9000 — не поверят, сказал он). Захвачено 5 знамен, 11 орудий, 35 фальконетов и 537 пленных. Перед боем было приказано колоть всех персиян, кроме Аббас-Мирзы. Персидские историки, описывая это печальное для них событие, объясняют витиевато, что их часовые были охвачены рукою сети беспечности, а в укрепленном лагере зрочки счастья сарбазов находились под влиянием сна. Повествуя о бегстве персов, они передают, что конь Аббаса-Мирзы споткнулся и он перенес свое величие со спины коня на землю (т. е. упал). Чтобы лучше понять все размеры решимости Котляревского, укажем, что при точно таких же обстоятельствах оказались сто лет спустя, в 1914 году, в Марокко генерал Лиотэ (впоследствии маршал) и на Кавказе генерал Юденич. Оба со славой вышли из безнадежного, казалось, положения. Идейное сходство Сарыкамыша с Асландузом полное. Персидская армия перестала существовать в первые утренние часы 20-го октября и с ней рассеялся кошмар неприятельского нашествия.

У персов оставалась последняя надежда — крепость Ленкорань, запиравшая путь в Персию. Там засело 4000 отборных персидских воинов, поклявшихся умереть, но не сдаться (и сумевших эту клятву сдержать). Если сами горы восстанут на тебя — держись! — писал Аббас-Мирза коменданту крепости. Горы не пошли на Ленкорань, ее защитникам пришлось иметь дело с более грозным противником.

18-го декабря Котляревский, перейдя Араке, двинулся безводной Муганской степью на Ленкорань. С ним было менее 2000 человек. 26-го декабря крепость обложена, а 31-го — в последний день великого Двенадцатого Года — взята жестоким штурмом. Защитники Ленкорани, не просившие пощады и не получившие ее, все легли под русскими штыками. Но победа досталась слишком дорогой ценой, выбито свыше половины русского отряда.

Котляревский потребовал сдачи, на что комендант Ленкорани Садык-хан ответил с большим достоинством: Напрасно вы думаете, генерал, что несчастье, постигшее моего государя, должно служить мне примером. Один Аллах располагает судьбою сражения и знает, кому пошлет свою помощь. Гарнизон лег до последнего. В крепости сосчитано 3737 трупов. Взято 2 знамени и 8 орудий. Наш урон 341 убитых и 609 раненых — 950 человек из общего числа 1761 штурмовавших. Приказ Котляревского перед штурмом достоин занять место рядом с Прагской диспозицией Суворова на страницах славы Русской Армии:

Истощив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию оружием Российскому, как только силою штурма. Решаясь приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или всем умереть, зачем мы сюда присланы. Я предлагал два раза неприятелю о сдаче крепости, но он упорствует; так докажем же ему, храбрые солдаты, что силе штыка Русского ничто противиться не может: не такие крепости брали Русские и не у таких неприятелей, как персияне, а сии против тех ничего не значат. Предписывается всем:

первое — послушание;

второе — помнить, что чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницу, тем меньше урон и вернее взята крепость. Опытные солдаты сие знают, а неопытные поверят;

третье — не бросаться на добычу, под опасением смертной казни, пока совершенно не кончится штурм, ибо прежде конца дела на добыче солдат напрасно убивают. По окончании же штурма приказано будет грабить и тогда все солдатское, кроме что пушки, знамена, ружья со штыками и магазинны принадлежат Государю. Диспозиция штурма будет дана особо, а теперь мне остается только сказать, что я уверен в храбрости опытных офицеров и солдат Кавказского гренадерского, 17-го егерского и Троицкого пехотного полков, а мало опытные Каспийского батальона, надеюсь, постараются показать себя в сем деле и заслужить лучшую репутацию, чем до сего между неприятелями и чужими народами имели. Впрочем, ежели бы сверх всякого ожидания кто струсил, тот будет наказан, как изменник. Здесь, вне границ, труса расстреляют или повесят, несмотря на чин.

Из под груды тел извлекли жестоко изувеченного Котляревского. Триста верст по горам и степи несли солдаты на ружьях своего любимого вождя. Его боевое поприще закончилось. Земному суждено было еще продлиться сорок лет... И эти сорок лет безропотных, по-христиански перенесенных страданий, делают его терновый венец прекраснее лаврового венка.

В 1813 году потрясенная Персия заключила в Гюлистане мир...

* * *

Война с Персией в царствование Императора Александра I является блестящей страницей нашей военной истории — и нашей истории вообще. Великие события, потрясавшие в те времена Европу, заслоняют ее и как бы подавляют своими размерами. Но в русском сердце асландузское ура! должно звучать громче лейпцигской канонады, здесь один шел на пятнадцать — и победил, а русская кровь лилась за русские интересы, за русский Кавказ. Персияне отнюдь не являлись халатниками. Это был противник гордый и храбрый — подвиг ленкоранского гарнизона и его коменданта достаточно это показывает. Вооружены они были не хуже, а то и лучше нас, английскими ружьями и английскими пушками. Тем более чести их победителям.

В лице безвременно покинувшего ее ряды Котляревско-го. Русская Армия лишилась быть может второго Суворова и, во всяком случае, наиболее яркого, наиболее даровитого из последователей Суворова. И так же безвременно уйдут от нее Скобелев и Врангель.

Но, уходя, Котляревский вдохнул в Кавказскую Армию свою огненную душу. Ее полкам он завещал свои традиции, свою славу. И Мигри дали Гуниб; Ахалкалаки Ахульго, Гимры, Ардаган. Асландуз сделал возможным Башкадыклар и Сарыкамыш. И Ленкорань повторилась под Карсом и Эрзерумом, подобно тому, как в защитниках Баязета забили сердца аскеранских егерей.

Вторая война с Францией 1805–1807 годов

Находясь с 1803 года снова в войне с Францией, Англия нуждалась в союзниках и нужда эта была тем более велика, что коварному Альбиону угрожало нашествие: уже осенью 1803 года Бонапарт собрал 150000 войск в Булонском лагере, где занялся их устройством и обучением к предстоящему походу, воспитывая их по-своему (Булонский лагерь явился колыбелью Великой Армии). Естественно, что Питт находился в большой тревоге и в поисках союзников не жалел ни средств, ни обещаний. Его старания увенчались успехом: за Швецией и Турцией ему удалось вовлечь в орбиту британской политики две главные державы континента — Россию и Австрию.

Беззаконная казнь герцога Ангьенского¹⁶⁸ восстановила Императора Александра против Первого Консула (через несколько месяцев ставшего Императором Французов) — и в августе 1804 года наш посол отозван из Парижа. Война России с Францией, до той поры лишь возможная, стараниями Питта сделалась неизбежной. Россия обязывалась выставить — 180000, Австрия — 300000. Англия ассигновывала по 1 125000 фунтов стерлингов на каждые 100000 союзных войск и принимала на себя сверх того четвертую часть расходов по

мобилизации: расходы ее по сооружению громоотвода отнюдь нельзя назвать чрезмерными.

Гроза собиралась постепенно. В приготовлениях прошла вторая половина 1804 года и первая — 1805 года. Наполеон надеялся предупредить союзников вторжением в Англию с целью обезглавить коалицию, но с уничтожением французского флота при Трафальгаре Нельсоном, его план рушился. Географическое положение Англии делало ее неуязвимой и Наполеону пришлось все внимание обратить отныне на ее континентальных союзников.

Кампания 1805 года

Еще в августе австрийцы стали стягивать войска к баварской границе, а французы покидать Булонский лагерь и выступать на Рейн. Австрийской армией в Баварии (90000) командовал номинально юный эрцгерцог Фердинанд, фактически же приданный ему в помощники генерал Макк. Австрийцы наотрез отказались становиться в подчинение русским генералам. Эрцгерцог Карл, наиболее способный к военному делу из всех Габсбургов, не захотел принимать армии, предназначенной для действий против Наполеона, и предпочел получить более безопасный пост командующего итальянской армией.

В подкрепление австрийцам шла русская армия. 56000 Кутузова в августе были уже в Моравии, тогда как главные силы Буксгевдена (60000), при которых находился и Государь, собирались у границ Галиции. Кроме того экспедиционный корпус графа Толстого (20000) назначался для совместных действий со шведами в Померании и северной Германии, а средиземноморскому флоту адмирала Сенявина с посаженной на суда дивизией генерал Анрепа (12000) надлежало овладеть побережьем Адриатики — Далмацией, Иллирией и Истрией. С архипелажской экспедиции 1798 года Россия владела Ионическими островами, устроив здесь первоклассную базу для флота.

Гофкригсрат решил начать кампанию, не дожидаясь русских. 8-го сентября австрийцы вторглись в Баварию и беспрепятственно заняли всю страну до реки Лех (левый приток Дуная). Макк укрепился на Лехе, считая свою позицию неприступной. Он полагал, что Наполеон должен непременно выйти перед фронтом его армии и, по-видимому, не подозревал о существовании обходных движений в стратегии.

Война была формально объявлена 11-го сентября. С 13-го по 15-е французские корпуса перешли Рейн, и в девять переходов достигли Дуная. План Наполеона заключался в глубоком стратегическом охвате правого фланга Макка и перехвате его операционной линии по правому берегу Дуная — маневр на сообщения противника, ставший отныне классическим маневром наполеоновской стратегии (стратегический Лейтен). Отсутствие у Макка глазомера значительно облегчило операцию. 25-го и 26-го сентября французы, заходя левым плечом вперед — уже в глубоком тылу Макка — перешли Дунай и отрезали австрийцам отступление. В последующие дни стратегическое окружение австрийской армии превратилось в тактическое и она 3-го октября была отброшена в Ульм, где 8-го числа положила оружие в количестве 66000 человек¹⁶⁹.

Ульмская капитуляция привела в трепет австрийцев и в негодование русских. Армия Кутузова попадала в критическое положение: дойдя до реки Инн в Тироле, за 500 верст от ближайших русских подкреплений, она очутилась лицом к лицу с тройными силами неприятеля (200000, из коих 33000 конницы), предводимыми самим Наполеоном.

Узнав 13-го октября о капитуляции Макка, Кутузов быстро начал отступать из Тироля через Верхнюю и Нижнюю Австрию в Моравию: от Браунау — на Линц, Мельк и Вену, правым берегом Дуная. Эта трудная операция проведена блестяще: как ни старался Наполеон зацепить нашу маленькую армию, чтобы навалиться на нее всеми своими силами, это ему не удавалось. Кутузов всякий раз успешно избегал слишком неравного боя и наши арьергарды геройским сопротивлением задерживали во много раз сильнее врага (наиболее блестящее арьергардное дело было 25-го октября под Амштеттенем, где 5000 Багратиона задержали 25000 Удино). Наполеон вел все свои силы правым берегом Дуная — на левом берегу шел один лишь сводный корпус маршала Мортье.

28-го октября Кутузов достиг Кремса (на полудороге от Амштеттена к Вене) и переправился здесь на левый берег Дуная для сближения с Буксгевденом в Моравии. 29-го

он атаковал изолированный корпус Мортье и разбил его при Дюрнштейне¹⁷⁰. При Дюрнштейне 21000 Багратиона разбили по частям 25000 Мортье. Французы потеряли 4000 убитыми и ранеными, 1500 пленными, 1 знамя и 5 орудий. Наш урон неизвестен и должен быть от 2-х до 3-х тысяч.

Кутузов уничтожил за собою мост. Следующая мостовая переправа была лишь в Вене. Наполеон напряг все усилия для овладения ею с целью перехватить русской армии дорогу в Моравию. Форсируя марш, Мюрат с авангардом (Ланн, Сульт, Удино и конница) занял 1-го ноября Вену. Мюрату удалось беспрепятственно овладеть здесь переправой: он убедил австрийского офицера, приставленного взорвать мосты, в заключении перемирия — и перевел свой авангард на левый берег.

Переправившись таким образом через Дунай, Мюрат бросился на Цнайм, во фланг и в тыл тянувшейся туда же утомленной армии Кутузова — перерезывая русским линию отступления. Торопясь овладеть Цнаймом, Мюрат не желал терять время на бой с высланным туда спешно боковым арьергардом Багратиона и прибегнул еще раз к только что удавшейся ему хитрости: сообщил русским о перемирии, одним из условий которого являлось якобы пропуск его, Мюрата, на Цнайм. Вся беда для французов была в том, что русской армией командовал Кутузов — хитрейший из полководцев.

Кутузов сделал вид, что поверил Мюрату. Русский главнокомандующий отдавал себе отчет в отчаянном положении армии, которой в этот день 2-го ноября угрожала катастрофа, подобная ульмской. Продолжая игру, Кутузов сделал Мюрату ряд предложений, столь выгодных для французов, что Мюрат, незаметно для себя попавшись на собственную удочку, немедленно послал курьера с этими предложениями Наполеону.

Телеграф на счастье русских еще изобретен не был. Пока курьеры скакали по ноябрьскому бездорожью от Мюрата под Цнаймом к Наполеону в Вену и обратно, прошли сутки — 3-го ноября русская армия напрягла свои последние силы и благополучно миновала цнаймскую западню. Наполеон был разгневан, и Мюрат, слишком поздно понявший всю свою оплошность, бросился 4-го ноября в погоню за ускользнувшим Кутузовым. С ним было 30000 (его конница и гренадеры Удино), но под Шенграбенем они были остановлены геройским арьергардом Багратиона, в шесть раз слабейшим (всего 5000). Весь день 4-го шел неравный бой. Потеряв половину своего отряда, Багратион пробился штыками сквозь массы врагов. Шенграбенское дело окончательно спасло русскую армию.

7-го ноября Кутузов соединился с Буксгевденом. Союзная армия, 90000 (три четверти русских и четверть австрийцев) заняла крепкую позицию у Ольшан. С 8-го по 17-го ноября обе стороны простояли в бездействии. Союзники рассчитывали усилиться в скором времени прусской армией (Пруссия должна была со дня на день объявить войну Франции). У Наполеона оставалось 80000, он вынужден был выделить значительные силы на правый берег (для обеспечения себя от подходившей из Италии армии эрцгерцога Карла) и в сторону Венгрии. Атаковать крепкую ольшанскую позицию Наполеон не решился, а положил выманить противника в открытое поле, где и разбить.

С этой целью и он прибегнул к хитрости. Распустив слухи о своем отступлении к Вене и о плачевном состоянии своей армии. Наполеон притворился чрезвычайно встревоженным, укреплял свой лагерь, что и показал русским парламентарам, у которых сложилось совершенно ложное представление о положении французской армии.

Хитрость удалась. Император Александр, опасаясь упустить армию Наполеона, повелел Кутузову (как тот ни противился) перейти в наступление — и начальник штаба армии генерал Вейротер составил свою знаменитую диспозицию.

20-го ноября произошло сражение при Аустерлице — блестящая победа Наполеона и жестокое поражение союзников. Союзная армия употребила целых три дня для того, чтобы пройти 40 верст от Ольшан и Вишау до Пратценских высот — и Наполеон, сразу разгадавший намерение союзников, имел время изготавиться. У союзников было 83000, у Наполеона — 75000. Вейротер разделил силы союзной армии на 5 колонн и резерв, тогда как Наполеон, верный своему обычаю сосредоточения сил на решающем направлении,

сосредоточил две трети своей армии в кулаке на левом фланге. Кутузов хотел было выждать соединения на поле предполагавшейся битвы возможно большого количества войск, но Государь не допустил этого. Отчего вы не атакуете? — спросил он Кутузова. — Мы ведь не на Царицыном лугу, где не начинают парад, пока не придут все полки!¹⁷¹ На это невероятное замечание Кутузов только и мог ответить: Государь, я потому не атакую, что мы не на Царицыном лугу! Волей-неволей Кутузову пришлось спустить войска с Пратценских высот (все громадное значение которых он понимал) на равнину. Диспозиция была составлена так плохо, что колонны перекрещивались и задерживали друг друга.

Командовавший главными силами Буксгевден проявил большую мешкотность и отсутствие инициативы, действуя согласно букве диспозиции и вопреки сложившейся обстановке. Наполеон своим кулаком бил наши колонны по очереди и с захватом Пратценских высот поймал в мешок значительную часть нашей армии, вышедшей из отчаянного положения лишь благодаря доблести войск и начальников (Дохтуров), особенно же самопожертвованию кавалерии (от Кавалергардского полка осталось всего 18 человек). Союзники лишились 15000 убитыми и ранеными, 12000 пленными, 51 знамени, 158 орудий, всего 27000 человек, из коих 21000 русских (133 орудия). У Наполеона убыло 8500 человек. Австрия пала духом, вышла из состава коалиции и подписала в Пресбурге мир, по которому уступала Наполеону свои владения в Италии (Милан, Венеция), а союзной ему Баварии — Тироль.

Россия продолжала борьбу. Два года героической борьбы Сенявина на Адриатике, защита Далмации и Иллирии принадлежат истории флота и составляют одну из славнейших ее страниц. На этом театре войны в 1805–1807 годы мы вышли победителями. Что касается до корпуса Толстого в северной Германии, то он выступил в поход, не дождавшись шведов и дошел было до Ганновера, но после Аустерлица получил повеление возвратиться.

* * *

Кампания 1805 года — одна из самых красивых в истории военного искусства. Ульмский маневр — классический образец стратегии Наполеона, тогда как Аустерлиц — классическая наполеоновская битва.

Но не все образчики высшего военного искусства в эту кампанию находятся на стороне французов. Отступление Кутузова на протяжении 600 верст проведено блестяще и во всемирной военной истории должно быть поставлено на второе место — сейчас же за Швейцарским походом Суворова.

О русской армии Наполеон вспоминал уже на острове св. Елены так: Русская армия 1805 года была лучшей из всех выставленных когда-либо против меня. Эта армия никогда не проиграла бы Бородинского сражения...

Это высокое качество русской армии объясняется, помимо природных свойств русского офицера и солдата, еще и тем, что та русская армия была еще суворовской — жила еще наследием великого века.

Одиннадцать лет прошло от штурма прагского ретраншаменты до шенграбенского дела и всего шесть лет отделяли Аустерлиц от Треббии. При сроке службы в 25 лет нет ничего удивительного, что не только старикам (помнившим Рымник и Измаил), но и молодым еще офицерам и солдатам — недавним героям Муттенской долины — был лично известен и граф Александр Васильевич и его Наука побеждать. А иной седой капитан или штаб-офицер — хранитель духа и традиций — вспоминал еще Ларгу и Кагул. И когда Дохтуров, в трагическую минуту аустерлицкого побоища, обнажив свою золотую саблю, крикнул своим мушкетерам: Ребята, вот шпага матушки Екатерины! — те его поняли...

Все старшие начальники этого похода — ближайшие сподвижники Суворова. Кутзов — правая рука под Измаилом, Багратион — герой Швейцарского похода и, наконец, Вейротер никто иной, как начальник штаба Суворова. Это последнее обстоятельство надо иметь в виду для объяснения того авторитета, которым пользовался Вейротер в союзной армии. План Вейротера был хорош, — говорил Наполеон, — если б моя армия стояла все время не двигаясь, как верстовые столбы. Атакуй я на шесть часов позже — я был бы

разбит...

Кутузов в эту кампанию держал экзамен на полководца и выдержал его блестяще. За исключением Петра I на Пруте и Суворова в Швейцарии, ни одному еще русскому главнокомандующему не приходилось действовать в более тяжелой обстановке, чем Кутузову в его отступлении от Браунау до Цнайма. Отступление его образцово. Переход на левый берег Дуная под Кремсом нарушил все расчеты Наполеона, что, совместно с разгромом Мортье под Дюрнштейном, указывает на большой стратегический его глазомер. Цнаймские же переговоры с Мюратом, где Кутузов спас русскую армию, показывают кроме того, что у нашего главнокомандующего помимо хитрости был и ум, и при том государственный ум. Никто (и даже более одаренный собственно в военном отношении полководец) не поступил бы так на его месте. Одни — подобно австрийскому офицеру — поверили бы Мюрату (не верить слову короля неаполитанского было бы просто неловко), другие — несколько более проницательные — не поверив, ввязались бы в бой, чем совершенно погубили бы дело. Додуматься же до симулирования контр-пропозиций (и притом необычайно выгодных для противника) мог лишь один Кутузов.

Присутствие Императора Александра в армии стесняло Кутузова — как всегда стесняет главнокомандующего присутствие монарха (если только монарх не является военным гением), — и вытекающая отсюда неизбежно двойственность в распоряжениях. Поэтому обвинять Кутузова в аустерлицком разгроме не приходится. Аустерлицкая авантюра была ему навязана свыше — подобно тому, как семь лет спустя ему будет навязана (одновременно и верхами, и низами) авантюра бородинская. Аустерлиц едва не погубил армии, Бородино едва не погубило России, Кутузов это понимал, но ничего не мог поделать.

Император Александр I в эту свою первую кампанию находился всецело под влиянием своего окружения — молодых (как и он сам) приближенных во главе с князем Долгоруким, ездивших во французский лагерь парламентарями и боявшихся лишь одного — как бы Наполеон не бежал раньше, чем его успеют разбить... Плац-парадная гатчинская школа отца кроме того способствовала в сильнейшей степени утрате Государем чувства военной действительности (вспомним лишь сентенцию о параде на Царицыном лугу, как вещи, очевидно, более серьезной, чем начавшееся аустерлицкое сражение). Отправляясь на борьбу с величайшим из полководцев, молодой Император захватил с собой планы гатчинских маневров и экзерциций шести отцовских батальонов, в твердой уверенности, что это — альфа и омега военного искусства!

Военные дарования Александра I бесспорны¹⁷². После Петра I он, конечно, самый одаренный в этом отношении из наших государей. Дарования эти сказались в последующих войнах, но при том в области исключительно стратегической тактический глазомер его был окончательно и бесповоротно испорчен на гатчинском плацу. Он очень многому научился у таких советников, как князь Волконский, Барклай де Толли, Толь и Дибич. Ему принадлежит идея (и блестящая идея) перехода Ботнического залива по льду в Шведскую войну 1808–1809 годов, а также план захвата линий отступления Наполеона в 1812 году. В кампанию 1813 года Трахтенбергский план был выработан при его личном участии, а в 1814 году он настоял на решившем судьбу Европы походе на Париж — до него сто лет спустя не додумалась хваленная немецкая доктрина¹⁷³.

Кампания 1806–1807 годов

Несмотря на Аустерлиц и отпадение Австрии, Император Александр оставался непреклонным в своем стремлении спасти Европу от Наполеона. Надежды возлагались на союз с Англией, Швецией и Пруссией.

Эта последняя пропустила в 1805 году исключительно удобный случай обрушиться со 100-тысячной армией в тыл Наполеона. Страна и армия требовали войны — и нерешительный король Фридрих-Вильгельм III вынужден был после долгих колебаний уступить общему желанию и объявить войну Франции, отправив Наполеону дерзкий ультиматум (очистить Германию, созвать конгресс для всеобщего примирения, признать Северо-Германский союз во главе с Пруссией, созданный в противовес Рейнскому Союзу

Наполеона).

Император французов предвидел такой оборот дел и потому не особенно торопился с выводом своей армии из немецких земель по окончании кампании 1805 года. В момент конфликта в августе 1806 года у него там было 6 корпусов.

Сосредоточив в Шварцвальде 80000, он выждал подхода двух прусских армий Гогенлоэ и герцога Брауншвейгского — общей силой 120000 (поровну) и 14-го октября нанес им сокрушительное поражение под Иеной (сам Наполеон против Гогенлоэ) и Ауэрштедтом (корпус Даву против Брауншвейгского). Остатки прусских армий, бежав за Эльбу, положили оружие — Гогенлоэ у Пренцлау (28-го октября), Блюхер, заменивший смертельно раненого герцога — в Любеке (9-го ноября). Сильнейшая крепость Германии — Магдебург с 23-тысячным гарнизоном и 450 орудиями сдалась без выстрела двум эскадронам французских гусар. Берлин поднес ключи победителю, и Наполеон в три недели покорил всю Пруссию. Пруссак охватил ужас и они не думали о продолжении борьбы: сильные крепости сдавались французским разъездам по первому их требованию. Из 186000 прусских войск около 25000 было убито и ранено, свыше 100000 сдано в плен, до 45000 дезертировало и рассеялось, осталось лишь 14000 ген. Лестока, искавших спасения в привислинских крепостях. Король бежал под защиту русских штыков. Прусская армия перестала существовать... Иена — это доведенный до конца Кунерсдорф. Самое поражение пруссаков в бою 14-го октября было, пожалуй, не так сильно, как во Франфорскую баталию — все довершило преследование, могущее считаться образцовым в военной истории.

Упоенные победой французы подошли к Висле, где их триумфальное шествие и закончилось. Тут они встретились с другой армией, с солдатами иного закала!

* * *

В начале осени 1806 года предназначенные к действию совместно с пруссаками русские войска медленно стали собираться в Польше. Во всей действующей армии положено иметь 122000 бойцов с 624-мя орудиями. Главнокомандующим назначен фельдмаршал граф Каменский — ветеран Семилетней войны и Задунайского похода. Быстрое продвижение французов нарушило все расчеты нашего командования, и в ноябре на Висле находилось лишь около половины всех войск — 60000 генерала Беннигсена, растянутых в кордонную линию от Плоцка до австрийской границы на протяжении 350 верст. Корпус Лестока, подчиненный Беннигсену, находился на нижней Висле.

Французы — 160000 — подходили к Висле двумя равными массами, одна в двух переходах от другой. 19-го ноября они овладели Варшавой и Прагой. Держаться на Висле было немыслимо, и Беннигсен отвел свой корпус на соединение с корпусом Буксгевдена к Остроленке. Нуждаясь в отдыхе, французы не преследовали, а стали устраиваться на линии Вислы. Видя это, Беннигсен повернул назад и стал стягивать войска в районе Пултуска.

7-го декабря в русскую армию прибыл Каменский, во французскую — Наполеон. Полагая главные силы русских еще отдаленными от пултусской переправы. Наполеон решил уничтожить русскую армию смелым обходным маневром наподобие ульмского.

План Императора был следующий: усилив левый свой фланг, создать на нижней Висле у Торна маневренную массу, широким и быстрым заходом левым плечом вперед поймать в мешок русскую армию на правом берегу Нарева и припереть ее к реке. В то же время корпусу Ланна надлежало, выдвинувшись на Пултуск, овладеть переправой в тылу русских, русская армия подвергалась сперва стратегическому, затем тактическому окружению подобно австрийской при Ульме — и Пултуск должен был явиться конечным звеном славной цепи Ульм-Аустерлиц-Иена-Ауэрштедт.

Этот грандиозный замысел не удался: Каменский предписал русской армии продвинуться на линию реки Вкры — и район, где Наполеон надеялся окружить русских, оказался почти что свободным от русских войск. Удар французов пришелся впустую.

Вся операция свелась к ряду жестоких арьергардных боев 14-го декабря в успешной и упорной борьбе героических русских арьергардов с силами во много раз их превосходившими.

Под Чарновым 5000 русских Остермана весь день удерживают на Вкре до 20000 французов, под Голыминым Голицын и Дохтуров держатся 10 часов, имея против 4-х пехотных дивизий французов — 4 пехотных полка, а против всей конницы Мюрата (4 кавалерийских дивизии) — 4 полка конницы...

Тем временем Беннигсен, сосредоточив быстро 45000 в Пултуске, разбил корпус Ланна (28000), двинутый Наполеоном, как мы знаем, для захвата переправ через На рев — который и не подозревал о присутствии там таких крупных сил. Наш урон под Пултуском 3500 человек, французы лишились свыше 4000. При Голымыне почти вся французская артиллерия (в частности, Мюрата) завязла в грязи и отстала, что облегчило нам борьбу и дало повод Наполеону выразиться, что в Польше грязь — пятая стихия.

Во время этих славных боев Буксгевден с 2-мя дивизиями стоял в Макове — на равном расстоянии (всего 15 верст) от Голымина и Пултуска, но не оказал содействия ни Голицыну с Дохтуровым, ни Беннигсену.

В тот же день 14-го декабря больной и дряхлый Каменский сложил с себя звание главнокомандующего и передал командование Буксгевдену. Главнокомандование Каменского длилось всего неделю, и за этот короткий промежуток он успел дезорганизовать все управление армией. Совершенно не считаясь со своими корпусными командирами, он распорядился дивизиями помимо них — и даже бригадами помимо начальников дивизий. Если прибавить к этому сбивчивость и запутанность всех, его приказаний, а также открытую вражду друг другу обоих корпусных командиров, Буксгевдена и Беннигсена, и вспомнить, что противником был сам Наполеон — и у него было полуторное превосходство в силах — то нельзя не признать, что декабрьская операция на Нареве окончилось для нас более чем благополучно.

15-го декабря наша армия спокойно отошла за Нарев, 18-го Наполеон отступил за Вислу, расположив свои войска на зимние квартиры вдоль реки. 31-го в русскую главную квартиру прибыл высочайший указ о назначении главнокомандующим генерала Беннигсена (его соперник Буксгевден отозван).

* * *

Вступив в командование армией, Беннигсен решил немедленно атаковать врасплох ставшего на зимние квартиры противника и разбить его по частям. Своим первым объектом он избрал два левофланговых корпуса Нея и Бернадотта, находившихся в южной части Восточной Пруссии как бы на отлете от главных сил Наполеона. С разгромом этих сил освобождалась бы немедленно линия Вислы. План этот показывает большие стратегические дарования и военное чутье Беннигсена и никогда не мог бы прийти в голову заурядному полководцу. Для своего выполнения он требовал лишь скрытности и быстроты. Внезапное выступление русской армии (95000) с зимних квартир произошло 4-го января 1807 года, а Наполеон узнал об этом лишь 14-го — через 10 дней. Скрытность не оставляла желать ничего лучшего, выполнение же оказалось плачевным.

За 10 дней русская армия успела пройти всего 120 верст, что не может быть всецело отнесено за счет бездорожья и морозов¹⁷⁷. Корпус Нея, беспечно стоявший у Бишофштейна¹⁷⁸, сам напрашивался на разгром (самовольно выдвинулся на 80 верст за общую линию), но Беннигсен, вместо немедленной атаки, два дня (9-го и 10-го января) бездействовал, и Ней, заметив опасность, быстро отошел на соединение с армией. 14-го января, пять дней спустя, упущен случай разбить Бернадотта — наш авангард уже отрезал ему отступление на Остероде, когда был оттянут назад Беннигсеном под влиянием ложного слуха о приближении Наполеона. Отлично задуманный план был донельзя скверно выполнен.

Узнав о зимнем походе Беннигсена, Наполеон немедленно принял меры. Продвигаясь к нижней Висле в западном направлении, русские подставляли свой левый фланг под удар главных сил французской армии у Модлина-Плоцка. Император повелел Бернадотту (12000) завлекать русских к западу, играя роль приманки. Главные же силы (74000), собранные в кулак, должны были обрушиться на левый фланг и тыл русских, прижать их к нижней Висле

и уничтожить. Схема этого маневра аналогична таковой же пултусского и типична для Наполеона — это его классический ульмский маневр на сообщения. С 15-го по 20-е января французские корпуса быстро стягивались со своих квартир в район Плоцка.

Тем временем Беннигсен, упустив Бернадотта у Остероде, отказался от дальнейшего продвижения и повернул фронт с запада на юг, откуда чувствовался противник. Наступил перелом операции, инициатива перешла к французам. Вместе с тем парировался наполеоновский маневр: французы вместо фланга выходили на фронт нашей армии.

Счастье сопутствовало Беннигсену, как сто лет спустя — и в тех же местах должно было сопутствовать Гинденбургу: ему удалось перехватить курьера с бумагами от Наполеона к Бернадотту. Весь французский план стал ему ясен — и он немедленно собрал свою армию, разбросанную на широком фронте, в кулак у Янкова¹⁷⁹. 22-го января к янковской позиции подступил Наполеон с авангардом, отложивший атаку до прибытия главных сил. Беннигсен не стал их дожидаться и отступил под покровом темноты в кенигсбергском направлении.

Четыре дня на протяжении 70-ти верст вел славный и неравный бой арьергард Багратиона, а 27-го января Беннигсен дал отпор Наполеону в кровопролитном генеральном сражении у Прейсиш-Эйлау¹⁸⁰.

26-го января 1807 года у Эйлау произошел упорный бой, и арьергард Багратиона отеснен. Наполеон предполагал двойной стратегический охват нашей армии, отрезая ее от Кенигсберга корпусом Нея и от границы корпусом Даву. Сам же начал 27-го января генеральное сражение атакой левого нашего фланга корпусом Ожро. Однако, Ожро сбил с дороги вследствие поднявшейся метели и вместо левого фланга вышел прямо на центр русских, где внезапно встречен картечью 70-ти орудий в упор и ударом в штыки. Половина корпуса Ожро легла на месте, другая обратилась в бегство. Чтобы спасти эти остатки. Наполеон бросил в атаку Мюрата (75 эскадронов, 8000 сабель). Французская конница доскакала до наших резервов, но здесь отражена огнем карре и изрублена нашей конницей.

Момент для общей контратаки был чрезвычайно благоприятен, но Беннигсен им не воспользовался. В полдень подошел корпус Даву, охвативший наш левый фланг и сбивший его после жестокого боя. Положение нашей армии сделалось катастрофическим, но наши конно-артиллерийские роты Ермолова и Яшвиля (36 орудий), вылетев перед фронтом дрогнувшей пехоты, своей картечью пригвоздили колонны Даву и тем спасли положение... Тем временем корпус Нея охватил наш правый фланг и, сбив прусский отряд Лестока, зашел нашей армии в тыл. Ней остановлен 2-мя пехотными и 2-мя конными полками. Упорный бой по всему фронту прекратился лишь с наступлением ночи. В 10 часов вечера Беннигсен приказал начать отступление ввиду больших потерь и недостатка в боевых припасах. Наполеон не преследовал: подобно Фридриху под Цорндорфом, он испытал здесь первое разочарование в своих войсках, отдававших как следует русского штыка и русской картечи. Когда он вечером объезжал войска, то от одной из самых лучших своих дивизий — дивизии Сент-Илера — вместо привычного *Vive l'Empereur* услышал *vive la paix!*... С русской стороны сражалось 65000, потерявших до 26000 (8000 убитых, 18000 раненых) — 40 процентов всей армии. У французов из 85000 убыло 25000.

План Наполеона — двойным охватом отрезать русскую армию от Кенигсберга и от границы — разбился здесь о ее стойкость. Беннигсен, пропустивший в этот день блестящую возможность разгромить Наполеона общей контратакой, отступил ночью, а Наполеон простоял 9 дней на поле сражения, пытаясь доказать этим Европе и самому себе, что он победил.

9-го февраля французы отошли на зимние квартиры за реку Пассаргу, а русские расположились в районе Гейльсберга.

* * *

К весне обе армии значительно усилились. У Наполеона было свыше 200000. Из них он оставил 32000 (корпус Массены) на Нареве в обеспечение своего правого фланга, а с остальными силами предполагал перейти 29-го мая в решительное наступление.

Но Беннигсен предупредил его. Имея до 105000 (не считая 20-тысячного корпуса Тучкова 1-го, оставленного против Массены), он решил захватить инициативу в свои руки, несмотря на более чем полуторное превосходство сил Наполеона. 24-го мая он двинулся к Гутштадту, где изолировано от прочих (как в зимний поход) стоял корпус маршала Нея. Располагая тройными силами, Беннигсен предполагал произвести двойной охват и окружение неприятельского корпуса. Однако, из 9-ти дивизий, назначенных для этой операции, лишь 4 (корпуса Багратиона и Дохтурова) сумели выполнить диспозицию в назначенное время. Ней не стал дожидаться остальных...

Гутштадтское дело побудило Наполеона поторопиться. Он выступил 27-го мая, намереваясь отрезать Беннигсена от Кенигсберга захождением левым плечом вперед. 29-го числа, не дождавшись сосредоточения всех своих сил, он атаковал русских на позиции у Гейльсберга¹⁷⁸, но был отбит. У Беннигсена на гейльсбергской позиции было до 85000. Наполеон располагал 115000. Однако, из всех этих сил с той и с другой стороны участвовало не более половины:

Беннигсен расположил большую часть своих войск на правом берегу реки Пассорги, тогда как Наполеон (не выждавший сосредоточения своих сил) атаковал на левом. Урон наш 8000, французов — до 12000¹⁷⁹. На следующий день Император двинулся в обход гейльсбергской позиции, но Беннигсен отступил к Фридланду и 31-го мая расположил там свою армию, оперев оба ее фланга в реку Алле (делающую у Фридланда излучину). 1-го июня к Фридланду подошел авангард Наполеона — корпус Ланна. Беннигсен лишний раз упустил случай разбить зарвавшегося неприятеля. 2-го же числа Наполеон с 80000 атаковал 46000 русских и после упорного боя, понеся большие потери, опрокинул их.

Беннигсен перешел на левый берег Алле (имея таким образом эту реку у себя в тылу). Он атаковал корпус Ланна, но действовал чрезвычайно вяло, дав возможность Наполеону сосредоточить всю свою армию. В 5 часов пополудни французы перешли в наступление, стремительной атакой опрокинули наше левое крыло Багратиона, отбросили его за Алле и ворвались во Фридланд. Мосты через реку пришлось взорвать, и войскам нашего правого фланга князя Горчакова, отрезанным от главных сил, не оставалось другого исхода, как переправляться под огнем вброд. Наши потери — до 10000 убитыми и ранеными, у французов убыло 12000¹⁸⁰. Нами потеряно всего 16 орудий и взят 1 французский штандарт.

В то же время Даву, Сульт и Мюрат с 55000 овладели Кенигсбергом и всеми остатками прусской территории.

6-го июня русская армия отошла за Неман, 12-го было заключено перемирие, а 27-го в Тильзите мир. Пруссия теряла половину всех своих владений и лишалась права содержать армию свыше 42000 человек. Александр и Наполеон становились друзьями.

* * *

Кампания, 1806–1807 годов, пожалуй, самая поучительная из всех веденных нами против Франции. Победив под Пултуском и Гейльсбергом, оставшись при своих — и даже с трофеями при Эйлау, потерпев, наконец, почетное поражение под Фридландом, русская армия опровергла легенду о непобедимости Наполеона. Мы потеряли в боях 26 пушек и ни одного знамени, а захватили 6 знамен и орлов и 16 пушек. Ничтожность трофеев и громадные в то же время кровавые потери 60000 с каждой стороны, в достаточной степени свидетельствуют о высоком качестве войск обоих противников.

Гениальному Наполеону противопоставлен талантливый Беннигсен. Зимняя кампания в Восточной Пруссии вполне выявила его выдающиеся военные дарования и его недостатки.

Беннигсен — отличный составитель планов и из рук вон плохой их исполнитель. У него замечательный глазомер, но совершенно отсутствуют быстрота и натиск. Это — прирожденный начальник штаба — отнюдь не главнокомандующий...

Глазомер Беннигсена исключительно стратегический. Он сразу и верно оценивает сложившуюся на театре войны обстановку и составляет план кампании, вполне отвечающий этой обстановке, более того — наиболее ей отвечающий. Тактического глазомера же, умения пожать плоды своих же трудов — у него нет. Четыре раза изолированные французские

корпуса (Ней у Бишофсбурга и Гутштадта, Бернадотт у Остероде, Ланн под Фридландом) могли стать легкой добычей русской армии, и каждый раз медлительность и колебания русского главнокомандующего выручали их из этого критического положения.

В зимнюю кампанию 1807 года Беннигсена и Наполеона сравнивают с двумя искусными фехтовальщиками. Сравнение это неплохое, но мы должны его уточнить, добавив, что Беннигсен — фехтовальщик рапирный, тогда как Наполеон эспадронный. Беннигсен отлично показывает укол, но на самый укол не решается. Зато его защита превосходна, и он хорошо дегажирует (кроме Фридланда — но здесь это объясняется его болезненным состоянием).

Вообще в Беннигсене ясно выражено несоответствие волевого элемента с умовым. Ум — на высоте, воли — недостаточно.

Эта особенность станет все более и более характерной для старших русских начальников упадочного периода XIX и начала XX веков. Обращают на себя внимание и другие обстоятельства — медлительность движений нашей армии в зимнем походе (медлительность эта не помешала бы, впрочем, разбить Нея и Бернадотта) и провал войсковыми начальниками удачно задуманной гутштадтской операции. Доказательство появившихся в русской армии после суворовского периода трений при отдаче, передаче и выполнении приказаний.

ЗА ВОЙНУ 1805–1807 ГОДОВ СОХРАНИЛИСЬ СЛЕДУЮЩИЕ НАГРАДЫ:

Лейб-Гвардии Финляндский полк (тогда батальон) получил права гвардии;

4-й гренадерский Несвижский — серебряные трубы за 1807 год;

5-й гренадерский Киевский — георгиевское знамя за Шенграбен;

11-й пехотный Псковский и 15-й пехотный Шлиссельбургский — георгиевское знамя за Фридланд;

Лейб-Гвардии Конный — георгиевский штандарт за отбитие французского знамени при Аустерлице;

1-й уланский Санкт-Петербургский — георгиевский штандарт за отбитие 3-х знамен у Гаузет и Прейсиш Эйлау;

2-й уланский лейб-Курляндский — георгиевские трубы за 1807 год;

2-й лейб-гусарский Павлоградский — георгиевский штандарт за Шенграбен;

11-й гусарский Изюмский — георгиевские трубы за 1807 год;

17-й гусарский Черниговский — георгиевский штандарт за Шенграбен;

2-й Донской (Сысоева) и 3-й Донской (Ханженкова) — георгиевское знамя за Шенграбен;

части 4-й артиллерийской бригады — золотые петлицы за 1807 год;

2-я и 22-я конные батареи — георгиевские петлицы (а 22-я и серебряные трубы) за Прейсиш-Эйлау.

За исключительную доблесть, проявленную при Фрид-анде Павловским гренадерским полком, ему поведено состоящие при нем шапки оставить в том виде, в каком он сошел с поля сражения (т. е. простреленными и изрубленными). Полку этому — единственному во всей Гвардии и Армии — дано право проходить при церемониальном марше с ружьями на руку, за Отечественную войну. Павловский полк под Фридландом одиннадцать раз ходил в штыки. Шеф полка генерал-майор Мазовский, тяжело раненый, приказал нести себя на ружьях во главе своих grenадер. Этот подвиг повторился в нашей Гвардии и в Великую войну в Лейб-Гвардии Гренадерском полку (полковник Моравский).

Война с Турцией 1806–1812 годов

Русско-турецкая дружба — и даже братство по оружию во французскую войну Императора Павла, носила мимолетный характер. Аустерлиц побудил окончательно Порту вернуться на путь традиционной для Турции франкофильской политики. Султан Селим III был втянут в орбиту Наполеона, и первенствующее значение в Константинополе получил французский посол генерал Себастиани. Угнетения христиан стали производиться с новой силой и в 1804 году бесчинства янычар побудили к восстанию всю Сербию под

предводительством Кара-Георгия.

Сербское восстание вызвало в Александре I стремление освободить балканских христиан из-под гнета турок, присоединить к России Молдавию и Валахию, а из остальных образовать союз под покровительством России.

Поводом к войне послужило закрытие Турцией (по настоянию Наполеона) проливов для русских судов и смена ею вопреки Ясскому миру преданных России господарей.

Протест России оставлен был без ответа. Тогда в октябре 1806 года Государь повелел генералу Михельсону с армией, собранной у Днестра, войти в придунайские княжества.

11-го ноября 1806 года Михельсон переправился через Днестр (у Жванца, Могилева и Дубоссар). Хотин и Бендеры сдались без боя. Спеша воспользоваться неподготовленностью турок и захватить с налета возможно больше, Михельсон двинул авангард Милорадовича сразу с Днестра на Бухарест, сам же обратился на нижнедунайские крепости и занял без боя Аккерман, Килию и Галац. Только Измаил и Рушук отвергли предложение о сдаче. В боях, имевших место зимой 1806–1807 годов, русский главнокомандующий, несмотря на свои 70 лет, ходил в атаки с саблей наголо, показав себя перед смертью тем же лихим гусаром, каким был, когда гонял Пугачева от Казани до Царицына.

Милорадович, овладев 13-го декабря Бухарестом, спас город и жителей от неминуемой гибели (турки уже начали резню населения).

Таким образом Молдавия и Валахия были заняты нами без объявления войны (последовавшего со стороны султана лишь 18-го декабря). В исходе декабря армия стала на зимние квартиры, и Михельсон завязал сношение с сербами, успевшими 18-го декабря освободить Белград.

Все усилия России в последовавшую кампанию 1807 года были направлены на борьбу с Наполеоном, и Михельсону указано действовать оборонительно. Сообразно с этим, русский главнокомандующий обратил главное свое внимание на очищение от турок левого берега Дуная — Мейендорф осадил Измаил, где засел паша Пеливан; Каменский 1-й пытался овладеть Браиловым, но неудачно.

Тем временем янычары свергли Селима III и провозгласили султаном Мустафу IV. Новый султан решил действовать энергично и приказал визирю с 40-тысячным войском двинуться на Бухарест. Визирь переправился через Дунай у Силистрии и вызвал на соединение рушукского пашу Мустафу с 13000. Однако Милорадович, занимавший Бухарест, не дал им соединиться. Имея всего 4500, он двинулся навстречу туркам и 2-го июня разбил их под Обилепгами. У Милорадовича из 4500 вышло всего — 300. У турок из 13000 перебито 3000 и взято 1 орудие. Турки ушли за Дунай.

Эта победа совпала с другими: на море адмирал Сенявин разбил турецкий флот у Афонской горы, на Кавказе Гудович нанес туркам поражение при Арпачае, а черноморский флот овладел Анапой. Потеряв надежду на Наполеона (заключившего с Россией мир в Тильзите), султан Мустафа вступил в переговоры с русскими. Михельсон умер, и вступивший во временное командование генерал Мейендорф ратифицировал договор, по которому русские в 35 дней обязывались покинуть княжества, возвратить остров Тенедос и захваченные у турок корабли. Турки же, сохранив все еще державшиеся Измаил, Браилов и Журжу, обязывались не входить в княжества и прекратить военные действия в Сербии.

Император Александр был очень недоволен этим перемирием, шедшим вразрез с целью войны (приобретением Молдавии и Валахии), и приказал остановить начавшуюся уже эвакуацию княжеств. Состав Дунайской Армии был удвоен прибытием из Польши новых 4-х дивизий и доведен до 80000 человек. Главнокомандующим назначен был елизаветинский ветеран 80-летний фельдмаршал князь Прозоровский.

Весь 1808 год прошел в бездействии и переговорах. Россия начала войну со Швецией. В Турции произведен очередной переворот, Мустафа IV низложен, а султаном провозглашен Махмуд II. В Эрфурте состоялось свидание Александра I с Наполеоном. Между Россией и Францией заключен союз, и Наполеон, желая заручиться помощью России в блокаде Англии и назревавшем конфликте с Австрией, согласился на приобретение Россией Молдавии и

Валахии. Император Александр повелел Прозоровскому вступить в переговоры непосредственно с Мустафой-пашой рушукским (ставшим великим визирем) и требовать от него уступки Молдавии и Валахии (руско-турецкая граница по Дунай) и протектората России над Сербией. Визирь уже согласился на эти чрезвычайно выгодные для России условия, но в ноябре был убит янычарами. Тем временем Англия и Австрия, (ставшие врагами России после союза Александра с Наполеоном) убедили султана отвергнуть русские требования. Война продолжалась.

* * *

К началу кампании 1809 года у русских и турок было по 80000, разбросанных по среднему и нижнему Дунаю. Прозоровский открыл кампанию осадой Браилова и неудачным штурмом Журжи. Штурм Браилова 20-го апреля тоже не удался и стоил нам 5000 человек. Прозоровский снял осаду и отступил. Он донес Государю о невозможности перехода через Дунай ввиду враждебности Австрии и жаловался на интриги подчиненных ему генералов, особенно Кутузова. Щадя самолюбие старика (просившего об отставке), Александр I перевел Кутузова губернатором в Вильну и в помощь Прозоровскому направил Багратиона. Бездействие русской армии позволило тем временем туркам двинуть главные силы в Сербию. Дела там приняли катастрофический оборот:

турки опустошили всю страну и уже угрожали Белграду, население бежало в Австрию, обвиняя во всех несчастиях Россию... Прозоровский не считал возможным оказать сколько-нибудь существенную помощь сербам, ограничившись лишь поисками на нижнем Дунае и заняв без боя Исакчу и Тульчу. 9-го августа старик-фельдмаршал умер. Армию принял Багратион.

Он, решив действовать энергично и воспользоваться слабостью турок на нижнем Дунае, приказал отряду генерала Засса овладеть Измаилом, а графу Ланжерону, командовавшему в Валахии, усилить отряд генерала Исаева, двинутый на помощь сербам. Багратион с главными силами перешел 14-го августа Дунай и овладел всей Добруджей.

Воспользовавшись удалением Багратиона, визирь решил вторгнуться в Валахию, чтобы поставить русских в критическое положение разгромом их базы. Собрав в Шумле до 40000, он перешел Дунай и двинулся к Бухаресту, но Ланжерон (у которого было всего 6000) пошел ему навстречу и 29-го августа нанес визирю полное поражение у Фрасино. Визирь отступил к Журже. Тем временем Багратион, имея в главных силах 18000, занял Констанцу, а оттуда двинулся к Силистрии, наголову разбил 4-го сентября при Расевате турецкий корпус Хозрева. У русских из 18000 выбыло всего 200. Из 12000 турок убито и ранено 4000, взято в плен 1000, с 30 знаменами и 14 орудиями. Получив известие об этом поражении, визирь переправился обратно за Дунай — в Рушук и вызвал армию из Сербии.

Осада Силистрии шла вяло. Багратион мог бы располагать 40-тысячной армией, как для осады, так и для действий против визиря в Рушук, но он разбросал свои силы, двинув половину их на черноморское побережье (из опасения англо-турецкого десанта у Варны), и не притянул к себе отряда Засса, освободившегося после сдачи Измаила 1-го сентября. Когда в начале октября визирь из Рушука двинулся к Силистрии, Багратион снял осаду и отступил вглубь Добруджи к Чернаводе. Остаток года русская армия провела в бездействии. После короткой осады Эссен овладел Браиловым, а визирь, пользуясь пассивностью русских, снова двинул главные силы в Сербию. Положение сербов стало опять отчаянным. Потеряв надежду на помощь России (выразившуюся лишь в присылке 3-тысячного отряда Исаева), Кара-Георгий созвал народное собрание, чтобы решить, что делать. Совет решил еще раз обратиться за помощью к России.

Багратион отвел тем временем свою армию за Дунай и стал на зимние квартиры в Валахии. Кампания 1809 года, блестяще начатая, заканчивалась безрезультатно. Герой Шенграбена оправдывался затруднениями материального характера болезненностью войск, трудностью доставки фуража и плохим состоянием обмундирования. Александр I не одобрял его распоряжений. Обиженный Багратион просил о смещении, и вместо него главнокомандующим был назначен 33-летний граф Каменский 2-й, отличившийся в только

что закончившейся шведской войне.

* * *

Прибыв в армию в марте 1810 года, граф Каменский 2-й застал под ружьем 78000, расположенных на просторных квартирах по среднему и нижнему Дунаю. Отряд его старшего брата графа Каменского 1-го (6000) занимал Добруджу, играя роль стратегического авангарда на правом берегу реки. Турок было не свыше 40000 — главные их силы были в Сербии.

Новый главнокомандующий поспешил воспользоваться слабостью неприятеля. В первых числах мая он стянул войска к Гирсову. 5-го мая авангард Кульнева занял Черноводу, а 14-го перешла Дунай и главная армия, снабженная провиантом на 40 дней. Дойдя до Карасу, армия разделилась: Каменский 1-й пошел с 18000 к Базарджику, а Каменский 2-й с главными силами (25000) двинулся к Силистрии.

Действия их увенчались полным успехом. Каменский 1-й разгромил 22-мая под Базарджиком корпус Пеливана, а 1-го июня овладел сильно укрепленным Разградом. При Базарджике сражалось 18 700 русских с 10000 турок. Наши потери — 1600 человек, у турок — 3000 убитыми и ранеными, 2000 пленными, 68 знамен и 17 орудий. Силистрия сдалась его брату уже 30-го мая, после семидневной осады (трофеи — 40 знамен и 190 орудий — гарнизон отпущен).

Пытаясь выиграть время для формирования армии, визирь просил о перемирии, но русский главнокомандующий потребовал от него принятия уже известных условий (граница по Дунай и т. д.). На следующий же день после сдачи Силистрии армия двинулась к Шумле и 10-го июня обложила ее. Наши силы не превышали 35000, турок успело собраться до 40000. Штурм 11-го июня не удался. Когда же в конце июня в крепость успел проскочить большой транспорт с продовольствием, Каменский, потеряв надежду на скорую сдачу и опасаясь турецкого десанта от Варны себе в тыл, снял осаду Шумлы и пошел к Рушуку, где 10-тысячный корпус Засса был бессилен справиться с 20-тысячным гарнизоном этой сильной крепости. С собой под Рушук главнокомандующий взял всего 12000, четвертую часть всех сил. Большая часть армии была оставлена с Каменским 1-м наблюдать за Шумлой и Варной.

Соединившись с Зассом, Каменский 22-го июля штурмовал Рушук, но был отбит с громадными потерями. Каменский настоял на штурме, несмотря на представления о его несвоевременности. Комендант Босняк-Ага решил атаковать русских во рву, дав передовым взобраться на вал. Штурм превратился в настоящую бойню, упорствуя на своем решении, Каменский бросал резервы, что лишь увеличивало потери; из 17000 штурмовавших выбито 360 офицеров и 8000 нижних чинов. Главнокомандующий обвинил войска и просил даже Государя об отставке.

Тем временем силы турок росли. У визиря Османа под Шумлой набралось до 60000, сераскир Кушакчи собрал на реке Янтра 30000 из северной и западной Болгарии, а из Албании под Шумлу шло 15000 Мухтара-паши. Все это давало туркам громадный перевес, чем визирь и не преминул воспользоваться. Желая сбить Каменского 1-го (28000) с его крепкой позиции у Шумлы, Осман дважды атаковал его, но не всеми силами, а по частям (8-го июля 12000, 23-го 30000) и оба раза был отбит. Каменский 1-й отошел к Силистрии лишь 3-го августа.

В двадцатых числа августа турки предприняли второе наступление. Кушакчи с Янтры и Осман от Шумлы двинулись к Рушуку, с целью заставить Каменского 2-го снять осаду. Турки шли двумя отдельными массами. Каменский 2-й воспользовался этой разобщенностью и медлительностью Османа, двинулся на Кушакчи и 26-го августа под Батыном наголову разбил сераскира. При Батыне у Каменского было 21000 при 62 орудиях, у турок — 30000. Наш урон — 1400 убитых и раненых, у турок — 5000 убитых и раненых, 4681 пленных, 78 знамен, 14 орудий.

Батынская победа оказала решающее влияние на ход кампании. Она навела панику на турок и совершенно лишила их всякой активности. 15-го сентября сдался Рушук (гарнизон отпущен, сдав 42 знамени и 247 орудий, считая с укреплениями Журжи). Желая закончить

кампанию покорением всех дунайских крепостей и провести диверсию для сербов, Каменский двинулся от Рушука правым берегом вверх по Дунаю. Никополь и Северин сдались без сопротивления, весь север Болгарии был очищен от турок, а летучий отряд графа Воронцова овладел Пленной, Ловчей и Сельви. Генерал Засс с 12000 был двинут на помощь сербам.

Обстановка складывалась благоприятно для движения за Балканы — на Адрианополь и дальше к Босфору. Однако, ввиду позднего времени года и недостатка фуража, Каменский не рискнул на то, на что семьдесят лет спустя отважился Гурко. В конце октября он вернулся к Рушуку и, оставив в дунайских тет-де-понах 3 дивизии, отвел остальные 6 на квартиры в Валахию.

Кампания 1810 года увенчалась полным успехом. Дунайские крепости взяты, живой силе турок нанесен ряд чувствительных ударов. Сербия спасена победами Засса под Береговым и КараГеоргия под Лозницей. К концу 1810 года ни одного свободного турка не оставалось на сербской земле.

Зима 1810–1811 годов протекла в приготовлениях. Каменский готовился к походу за Балканы, а Император Александр I к другой войне — куда грознее той, что велась на Дунае. В начале января Каменский получил предписание отправить в Россию 5 дивизий (из 9-ти) ввиду неизбежности борьбы с Наполеоном, а с остальными ограничиться обороной линии Дуная, склонив турок на мир на известных уже условиях. Каменский на это отвечал, что принудить турок заключить мир с 4-мя всего дивизиями, действующими к тому же оборонительно, никак нельзя. Он предложил, собрав эти оставшиеся 4 дивизии в кулак у Рушука, двинуться с ними вперед за Балканы. План этот свидетельствует о больших полководческих дарованиях Каменского.

31-января отряд графа Сен-При разбил при Ловче авангард начавшей уже собираться турецкой армии. У Сен-При 6800 человек, 26 орудий. У Омар-бея 1000 и 10 орудий. У нас выбыло 480 человек, у турок 2000 убитых и раненых (сам Омар убит) и 1400 взято в плен, с 50 знаменами и всеми 10 орудиями. Это была последняя победа Каменского; он тяжело захворал, вынужден был покинуть армию и весной скончался в Одессе.

* * *

Вместо Каменского главнокомандующим был назначен Кутузов. Когда в марте 1811 года он прибыл в армию, 3 дивизии выступили уже в Россию, 2-е другие были оттянуты к Яссам и Хотину и готовились к уходу, а 4-е с 46000 бойцов оставались на Дунае.

Осторожный и осмотрительный Кутузов поседел в войнах с турками и отлично знал их психологию. Он отказался от смелого наступательного проекта своего предшественника, не умея рисковать по самому складу своей натуры. Искусными переговорами он заручился нейтралитетом виддинского паши и, будучи лично и давно знаком с новым визирем Ахметом, вступил с ним в мирные переговоры. Однако визирь, понимая всю важность для России скорейшего заключения мира ввиду угрозы Наполеона, не соглашался на русские требования, и переговоры ни к чему не привели. Кутузов предлагал уменьшить территориальные требования и отказаться от контрибуции, но Император Александр не соглашался на это.

Визирь, имея 70000, решил овладеть Рушуком, зная незначительность русских сил. В то же время 20000 Измаил-бея, собравшись в Софии, должны были перейти Дунай у Калафата и вторгнуться в западную Валахию.

22-го июня визирь атаковал Кутузова под Рушуком, но был отбит и отступил в сильно укрепленный кадыкийский лагерь, надеясь выманить русских в атаку этого ретраншемента и в свою очередь их разбить. Но Кутузов за ним не последовал, а в конце июня совершенно очистил правый берег Дуная, разрушил укрепления Рушука и перевел всю армию в Валахию, надеясь провести турок этим своим скромным поведением. Он собрал всю свою армию — 4-е дивизии — в кулак между Журжей и Бухарестом, решив бить визиря, где бы он ни переправился. Его просьба об усилении этих сил 2-мя дивизиями, стоявшими в Яссах и Хотине, не была уважена.

Тем временем визирь, заняв без боя Рушук, считал уже кампанию выигранной.

20-го июля Измаил-бей стал переправляться от Виддина к Калафату. Однако, все его попытки дебушировать от калафатского тет-де-пона были отражены генералом Зассом, отряд которого (6000), своевременно высланный Кутузовым, преградил единственные две дороги, ведущие из Калафата через непроходимые болота. Армия Измаила была заперта в Калафате.

Это, однако, не обескуражило визиря. 28-го августа, после тщательных приготовлений, он начал переправу главных своих сил у Слободзеи (4 версты выше Рушука). К 2-му сентября перешло 36000 человек, а 30000 были оставлены в лагере на правом берегу.

У Кутузова, ослабленного высылкой корпуса Засса и подкреплений ему и сербам, в момент переправы визиря оставалось не свыше 10000 строевых. Сознавая, что наступил критический момент войны и не желая терять время на сношения с Петербургом, он собственной властью распорядился двумя дивизиями в северной Молдавии, приказав им спешить форсированным маршем к Журже.

Турки сильно укрепились в слободзейском тет-де-поне и никакой активности не проявляли, ожидая, чтобы русские их атаквали первыми. Однако Кутузов, хорошо зная упорство турок в укреплениях, предпочел не ослаблять своих сил кровопролитным штурмом. План Кутузова был:

блокируя переправившуюся часть турецкой армии, перевести внезапно сильный отряд на правый берег, разгромить оставшуюся в Рушуке часть турецкой армии и овладеть неприятельской базой. Переправившаяся часть турок бралась измором.

В ночь на 30-е сентября отряд генерала Маркова (7500 человек, 38 орудий) скрытно собрался в назначенном месте (18 верст выше Рушука), переправился 1-го числа через реку незамеченный турками — и в ночь на 2-е октября внезапной атакой наголову разбил вчетверо сильнейшего врага. Весь лагерь и артиллерия (70 орудий) достались нам, и охваченные паникой турки разбежались. Половина турецкой армии перестала существовать.

Положение другой половины на левом берегу стало катастрофическим. Подвоз жизненных припасов прекратился, а Марков с того берега обратил против турок их же батареи и стал громить их тыл.

Пока Кутузов разделялся с визирем у Слободзеи, Засс употребил тот же способ против Измаила под Калафатом. Высланный им на правый берег отряд разбил 6-го октября виддинского пашу. Боясь за свою базу, Измаил поспешно отступил за Дунай и вернулся в Софию.

Оставались турки в Слободзее. Два месяца, громимые с фронта и тыла нашей артиллерией, испытывая муки голода, отсиживались они в своих ретраншементах. Наконец, съев последнюю лошадь, они 26-го ноября запросили аман. Из 36000 в живых осталось 12000. Взято 56 орудий.

Упорство Турции было сломлено, и мирные переговоры начались. Петербургский кабинет настаивал сперва на границе по Дунаю, затем по Серету. Однако турки не соглашались, пользуясь затруднениями России, нуждавшейся в скорейшем подписании мира для отозвания своей армии с Дуная. Наконец, шестимесячный торг окончился подписанием 16-го мая 1812 года Бухарестского мира, по которому границей между Россией и Турцией должен был служить Прут. Россия получала Бессарабию¹⁸¹, а Сербии давалась автономия.

* * *

Война 1806–1812 годов является самой продолжительной из всех войн, веденных Россией против Турции¹⁸².

Происходила она на фоне великих событий, потрясавших тогда мир. Политическая обстановка менялась за это время несколько раз и сообразно с этим менялись иностранные покровители Турции и наши супостаты. В 1806–1807 годы Франция интригует против России, Англия за Россию. Это эпоха Эйлау и Фридланда. Со второй половины 1807 года по 1810 год положение резко изменяется. Александр и Наполеон — союзники в Тильзите, друзья в Эрфурте — и английские гиней текут в турецкую казну, в то время как флот Сенявина спускает флаг в Лиссабоне... С 1810 года маятник снова отходит в прежнее

положение. Все это немедленно отражается на берегах Дуная.

Положение еще более запутывалось вследствие частых дворцовых переворотов, низложения султанов с турецкой стороны и поистине калейдоскопической сменой главнокомандующих с русской. Каждую кампанию у нас открывает новый главнокомандующий. Сокрушитель Пугачева — Михельсон, дряхлый Прозоровский, пылкий Багратион, блестящий и капризный Каменский, хитроумный Кутузов. Работа первых трех главнокомандующих безрезультатна. Операции ведутся вяло, без определенного плана, на связь с сербами не обращается внимания. Для старика Прозоровского ценности времени не существует. Весь 1808 год потерян в бесцельных переговорах. Имея 80000 отличных войск, Прозоровский мог бы смело двинуться за Дунай и за Балканы — визирь Мустафа сразу стал бы уступчивее и не тянул переговоров, чтобы быть в конце концов убитым своими же янычарами: язык пушки был всегда убедительнее языка самого красноречивого дипломата. Войну можно было бы закончить в 1808 году — но, конечно, при другом главнокомандующем.

Политически война не дала того, чего могла бы дать. В пятый раз за сто лет Молдавия и Валахия ускользали от России!¹⁸³ Мы получили едва четвертую часть того, чего добивались. В первый раз сам султан предлагал в 1711 году отдать нам Молдавию и Валахию, но Петр I, желая большего, отвергнул это предложение. Во второй раз в 1739 году Молдавия обращена в русское подданство Минихом после Ставучан. В третий раз княжества присягнули России в 1769 году, но по Кайнарджийскому миру опять возвращены Турции. Наконец, в четвертый раз визирь Мустафа готов был их уступить в 1808 году.

В военном отношении интерес представляют лишь две последние кампании Каменского и Кутузова.

Молодой и честолюбивый Каменский обладал полководческими дарованиями. Он сразу же сообразил, что мира с Турцией следует искать за Дунаем и даже за Балканами. Помощь сербам он оказал посылкой сильного корпуса Засса, тогда как его предшественники ограничивались отписками и посылкой по каплям заведомо недостаточных отрядов. Кампания 1811 года в его командование обещала быть блестящей.

Кутузов — полководец совершенно иного склада и характером своим являет полную противоположность Каменскому. Прежде всего он вдвое старше Каменского. Долголетний опыт и знание врага заменяет ему интуицию его предшественника. Рисковать несвойственно натуре Кутузова, это его главное достоинство и в то же время главный недостаток. Однако он, как никто другой, умеет воспользоваться оплошностью врага, умеет заставить неприятеля работать на себя (Мюрат под Цнаймом, визирь Ахмет у Слободзеи) и в полной мере обладает способностью принимать ответственные решения (переправа Маркова в тыл визирю).

Кампания 1811 года дает нам ключ к уразумению событий, разыгравшихся — в несравненно крупнейшем масштабе — год спустя. Это прототип, эскиз, набросок Отечественной войны. Здесь визирю дается подачка — Рушук — и этим он как бы приглашается начать роковую для него авантюру на левом берегу. Там Наполеону будет поднесена Москва... Стратегия Кутузова в обе эти кампании — одного и того же порядка.

* * *

За Турецкую войну 1806–1812 годов выдано было немного наград, сохранилось еще меньше. За взятие Базарджика в 1810 году, в кампанию Каменского — 11-му гренадерскому Фанагорийскому полку пожаловано георгиевское знамя, 12-му драгунскому Стародубовскому — георгиевский штандарт. За это же дело пехотным полкам впервые дано егерское отличие — георгиевские трубы. Их получили 8-й гренадерский Московский и 17-й пехотный Архангелогородский полки. Кавказским гренадерам Котляревского (14-му гренадерскому Грузинскому) пожалованы георгиевские знамена за штурм Ахалакалак.

Война со Швецией 1808–1809 годов

Заклучив в Тильзите мир и завязав дружбу с Наполеоном, Император Александр предложил королю шведскому Густаву IV свое посредничество для примирения с Францией.

На это предложение ответа не последовало. Швеция совершенно подпала под английское влияние — и русско-шведские отношения стали быстро портиться, особенно после открытого разрыва с Великобританией осенью 1807 года. Поводом к разрыву с Англией послужил разгром столицы союзной Дании английским флотом адмирала Гайд-Паркера в сентябре 1807 года. Причины лежали глубже и заключались во вступлении России в континентальную систему Наполеона. Все это давало русскому правительству повод открыть военные действия против исконного и традиционного врага России, завоевать у него Финляндию (чем окончательно поставить в безопасность Петербург) и косвенным образом нанести удар Англии разгромом ее союзницы.

В январе 1808 года назначенный для действий против Швеции корпус генерала Буксгевдена в составе 3-х дивизий — Тучкова 1-го, Багратиона и Горчакова (всего 26000 человек при 117 орудиях) исподволь сосредоточился между Фридрихсгамом и Нейшлотом. Буксгевдену было поручено занять Финляндию.

Шведы, до конца надеявшиеся, что войны удастся избежать, имели в Финляндии около 19000 войск, не готовых к походу.

9-го февраля, без объявления войны, русские войска перешли границу и двинулись в шведские пределы тремя дивизионными колоннами. Официально война была объявлена 16 марта, свыше месяца спустя. 18-го был занят Гельсингфорс. Буксгевден с главными силами осадил Свеаборг, важнейший опорный пункт и арсенал шведов в Финляндии, тогда как отряды Багратиона и Тучкова теснили противника, отступавшего на север. Около трети всех шведских сил было заперто в Свеаборге, остальные — в числе около 12000 — собрались в северной Финляндии (дивизии Тучкова не удалось перехватить им отступления).

В марте заняты были Аландские острова и остров Готланд, однако, с наступлением весны положение ухудшилось.

Свеаборг, правда, сдался 26-го апреля 1808 — но на этом наши успехи прекратились. В Свеаборге взято 7500 пленных и 2033 орудия на верках, кораблях и складах. Шведские историки инсинуируют, что Свеаборг был взят золотым порохом. Ведение войны в гористой, лесистой, изобилующей озерами и трудными дефиле стране требовало отделения значительного количества войск на сообщения, этапы, гарнизоны и охрану тыла от восставшего почти поголовно финского населения. Партизанская война настолько ослабила войска, что в апреле до сдачи Свеаборга на фронте оставалось всего 4500 бойцов, которые, конечно, ничего не могли предпринять.

Шведский главнокомандующий генерал Клингспор, устроив свою армию, нанес нам в северной Финляндии ряд поражений (Сикайоки, Револакс), самих по себе незначительных, но имевших весьма досадное последствие — усиление в тылу русских войск партизанщины. Наши войска отступили частью в Куопио (главные силы Багратиона), частью в восточную Финляндию (Тучков). Клингспор, заняв укрепленную позицию у Сальми, не преследовал.

В начале мая нами потеряны Аландские острова, и Готланд отобран соединенным англо-шведским флотом, к которому перешло господство на море. В середине мая в Гетебург на помощь шведам прибыл английский корпус генерала Мура (14000), однако, союзники не поладили — и войска эти были отправлены в Испанию. Это обстоятельство и бездействие Клингспора выручили нашу армию из затруднительного положения. К лету русские силы были доведены до 34000, из коих 18000 действующих. Буксгевден образовал два отряда — Баркляя де Толли и Раевского (затем Каменского 2-го). Смотри по обстоятельствам, один из этих отрядов должен был действовать на шведов с фронта, другой — во фланг.

В конце лета произошел перелом в пользу русского оружия. Молодой отважный Каменский разбил Клингспора 20-го августа у Куортане, 21-го у Сальми и 2-го сентября при Оровайсе. В половине сентября король Густав, явившись с англо-шведским флотом в Финском заливе, произвел десант в южную Финляндию — в тыл действующей русской армии. Высадилось 9000 человек в трех отрядах — один из них был вскоре разбит у Гельсинги, после чего вся экспедиция вернулась на корабли. По просьбе шведов было

заключено перемирие, но Государь не утвердил его.

В октябре наши войска перешли в наступление по всему фронту и к ноябрю, дойдя до Торнео, покорили большую часть Финляндии. В декабре на место Буксгевдена главнокомандующим был назначен генерал Кнорринг.

* * *

Император Александр повелел Кноррингу открыть кампанию 1809 года переходом Балтийского моря по льду с целью перенести военные действия в самую Швецию и овладением Стокгольма, склонить Густава IV на мир.

Не веря в успех предприятия, генерал Кнорринг и старшие начальники затягивали и откладывали его выполнение. К выступлению их побудил лишь посланный Государем Аракчеев.

1-го марта 1809 года армия двинулась, наконец, тремя колоннами по льду Ботнического залива. Северная колонна Шувалова (5000) шла от Улеаборга на Торнео и Умео. Средняя — Барклая де Толли (5000) — от Вазы на Кваркен-Умео. Южная — Багратиона (20000) — от Або на Аландские острова и дальше — на Стокгольм. Шувалову и Барклаю надлежало, соединившись, идти на усиление Багратиона.

Переход по льду удался блистательно и по справедливости может считаться одной из славнейших страниц нашей военной истории. Колонна Шувалова овладела Торнео, преследуя отступавший корпус генерала Гриппенберга. Барклай, заняв Кваркен, пошел на пересечку шведам, взял Умео на шведском берегу Ботнического залива 185 и 13-го марта при Калликсте неприятельский корпус, попавший между двух огней, положил оружие в количестве 7100 человек и 30 орудий.

Багратион овладел Аландскими островами, рядом боев на льду совершенно истребил защищавший их шведский корпус, захватив свыше 3000 пленных и 30 орудий; а его авангард под начальством лихого Кульнева 7-го марта достиг шведского берега у Гриссельгама 186, наведя панику на Стокгольм.

Довести всю операцию до конца не пришлось. В Швеции под влиянием Ледяного похода русской армии произошел государственный переворот. Густав IV был низложен, и вступивший на престол под именем Карла XIII герцог Зюдерманландский 187 прислал к русскому главнокомандующему парламентаря с предложением перемирия и мира. Опасавшийся скорого вскрытия льдов генерал Кнорринг заключил перемирие, вернул со шведского берега Барклая и Кульнева и задержал Багратиона на Аландских островах, а Шувалова в Торнео. Император Александр был очень недоволен этим преждевременным перемирием. Он назначил главнокомандующим Барклая де Толли, однако, наступившая весна помешала возобновлению операции.

3-го мая Шувалов заставил положить оружие при Шелефте 188 шведский корпус генерала Фурумарка в количестве около 5000 человек при 22 орудиях. Это была операция неслыханной смелости — обошедшая шведов колонна генерала Алексева двигалась по уже вскрывавшемуся льду Ботнического залива — буквально по льдинам. Весна была в полном разгаре, на берегу давно зеленела трава. Лед на заливе трещал под ногами, местами войска шли по колено в воде. Через полыньи переправлялись по мосткам, а то и на лодках. Орудия везлись на санках в разобранном виде. У самого Шелефта лед отошел от берега на полверсты, и русскому отряду пришлось сделать крюк в 16 верст, ежеминутно рискуя быть унесенными на льдинах в открытое море. Через 48 часов море совершенно очистилось от льда.

Летом северный отряд принял Каменский. Шведы пытались было перейти против него в наступление, но попытка эта окончилась полной неудачей и высаженный

в тыл русским десант Вахтмейстера был совершенно разгромлен Каменским при Ратани, потеряв свыше 2000 человек — треть своего состава.

Это было последним боевым столкновением войны. 5-го сентября в Фридрихсгаме состоялось заключение мира, давшего России всю Финляндию.

* * *

Русско-шведская война 1808–1809 годов была в политическом отношении эпизодом титанической борьбы Наполеона с Англией. Русская политика в этот период была всецело под влиянием Наполеона. Россия враждовала с Англией, а расплачиваться пришлось Швеции. Русско-шведская война была, так сказать, конкретным выявлением англо-русской войны, длившейся с 1809 по 1812 годы, но не приведшей к непосредственному столкновению двух великих держав.

Результаты войны — присоединение Аландских островов и всей Финляндии были чрезвычайно выгодны для России. Весь Финский залив становился русским, и мы приобретали на нем ряд опорных пунктов (как Свеаборг). Петербург, бывший все XVIII столетие под ударом северного врага (вспомним войну 1788–1790 годов), окончательно был обеспечен этим. Новоприсоединенному краю была дана самая широкая автономия на правах великого княжества, и умная политика, длившаяся три четверти столетия, добила здесь выдающихся результатов.

В военном отношении примечателен наш поход по льду через Балтийское море. Подобно Петру I, Александр I сознавал, что лучший способ заставить Швецию положить оружие — это перенести войну на шведскую землю. Английский флот безраздельно владел морем, но зимою был бессилен. Нерешительность генерала Кнорринга помешала продиктовать неприятелю мир в завоеванной столице.

Из старших начальников Багратион с блеском поддержал свою шенграбенскую репутацию (мы знаем, что после Ледяного похода он был отправлен на Дунай к Прозоровскому). Выдвинулся Баклай де Толли, прославились Каменский и Кульнев. Этот последний со своими Гродненскими (ныне Клястицкими) гусарами зарекомендовал себя бесподобным начальником авангарда — бодрствуя за всех и оказал армии неоценимые услуги.

Война велась незначительными силами на громадном фронте в сильно пересеченной местности и имела характер партизанской борьбы в большом масштабе. Довольствие войск всю войну было ниже всякой критики. Злоупотребления в провиантской части были невообразимыми, и войска зачастую были вынуждены питаться ягодами, кореньями и бывшими оба лета обильными грибами. Больших сражений не было. В самых крупных боях, как Оровайс и Ратань, участвовало 6–8 тысяч бойцов с каждой стороны. В отличие от шведской войны в царствование Екатерины, флот в обе кампании не играл никакой роли, ввиду четверного превосходства в силах противника.

Единственной сохранившейся до наших дней боевой наградой за эту войну является поход за военное отличие, пожалованный 34-му пехотному графа Каменского Севскому полку. Кроме Севского пехотного полка поход за отличие имеет и 26-ой пехотный Могилевский.

Третья война с Францией

Эрфуртское свидание 1808 года явилось апогеем дружбы двух Императоров. Вскоре после него эта дружба стала идти на убыль и с 1810 года отношения между Александром и Наполеоном совершенно испортились.

Примкнув к континентальной системе. Император Александр наложил на Россию совершенно непосильные для нее и невыполнимые обязательства. Рубль обесценился на три четверти, и экономическую жизнь страны разбил бы полный паралич, если бы торговля с Англией, вопреки всем договорам с Наполеоном, не поддерживалась бы, правда, в минимальных размерах. А это обстоятельство давало Императору Французов повод жаловаться на неискренность и фальшь своего эрфуртского союзника.

В 1809 году Александр I еще помог Наполеону, правда, в очень скромных размерах, посылкой 20-тысячного обсервационного корпуса на Волынь к австрийской границе (Франция вела тогда войну с Австрией). За эту помощь, не потребовавшую пролития русской крови, Россия получила Восточную Галицию (Тарнопольскую область). Но в следующем году франко-русской дружбе наступил конец.

Организуя подвластную ему Германию по своему усмотрению, Наполеон включил в

свою систему владения зятя русского Императора герцога Ольденбургского. Александр I, уже находившийся всецело под влиянием Пруссии (Штейн, Шарнгорст, Гарденберг, Пфуль) и тенденциозно ориентированный российским послом в Париже генералом графом Толстым, посмотрел на это, как на личное оскорбление, несмотря на то, что Наполеон предложил обиженному герцогу в виде компенсации владения в другом месте.

Вся Германия со всеми ее фюрстами и курфюрстами, философами и королями, конечно, не стоили костей и одного русского гренадера. Так посмотрел бы на это Петр I и так рассудил бы Александр III. К сожалению, Александр Павлович был совершенно другого мнения... Подстрекаемый прусскими эмиссарами, отчасти и отечественными иллюминатами, умело использовавшими его слабые стороны страсть к позе и мистицизм — перспективой стать освободителем Европы и спасителем престолов, он деятельно стал готовиться к войне.

Властолюбие и бестактность Наполеона безусловно сыграли тоже свою роль. Император совершенно утратил чувство реальности и политический глазомер, столь свойственные в былые времена Первому Консулу. Его ответственность не следует, однако, переоценивать.

Темные силы толкали Россию и Францию на войну. И война началась. Она покрыла славой и русское, и французское оружие, но обескровила обе страны. Выгоду же из всего извлек третий — и этим третьим радующимся была руководимая Пруссией Германия.

Отечественная война 1812 года

Весь 1811 год протек в приготовлениях сторон, поддерживавших все же для виду дипломатические сношения. Александр I хотел было взять инициативу в свои руки и вторгнуться в германские земли, но этому воспрепятствовала неготовность армии и все продолжавшаяся война с Турцией. Лучшие государственные умы России противились этой совершенно для нее бессмысленной войне. Сперанского и канцлера Румянцева постигла опала, а одержавший блистательную победу над турками Кутузов был оставлен не у дел...

Со своей стороны Наполеон тоже не терял времени. Он принудил своего тестя — австрийского императора и своего вассала — прусского короля предоставить в его распоряжение их вооруженные силы. Пруссия играла жалкую, унижительную роль. Возлагая все свои упования на Россию (где тем временем работали, и столь успешно, ее агенты), она вынуждена была в то же время из-под палки служить своим победителям. Великая Армия была доведена до состава 106000 человек при 1700 орудиях. В ее состав вошли все подвластные Наполеону народы — то есть все нации Европы, за исключением шведов, датчан и испанцев. К началу 1812 года эти полчища расположились на территории вассальной Пруссии и Варшавского герцогства.

Вооруженные силы России составляли 480000 человек полевых войск, однако, далеко не все они могли быть употреблены в дело.

Война с Турцией (едва закончившаяся и грозившая возобновиться) и с Персией, а также неуверенность в Швеции занимали примерно третью часть всех сил на Дунае, Черноморском побережье, Кавказе и в Финляндии. В оставшихся силах по батальону от полка — третья часть всех сил — была отчислена на образование запасных войск и обучение пополнений (весьма предусмотрительное мероприятие).

Для отражения ставшего неизбежным нашествия оставалось немногим более 200000. Силы эти, постепенно с 1811 года стягивавшиеся на западную границу, к весне 1812 года составили три армии.

1-я — Барклай де Толли (122000) наблюдала линию Немана от России до Лиды;
2-я — Багратиона (45000), находилась между Неманом и Бугом, у Гродны и Бреста;
3-я — Тормасова (43000), собранная у Луцка, прикрывала Волынь. 1-я армия состояла из шести корпусов: 1-й Витгенштейна, 11-й Багговута, 111-й Тучкова 1-го, 1У-й Остермана, У-й Цесаревича, У1-й Дохтурова, кавалерия Уварова, Крейца и Дуки. Во 2-й армии два корпуса: УИ-й Раевского, УШ-й Бороздина, 27-я дивизия генерала Неверовского (присоединилась впоследствии), кавалерия Сиверса и Донские казаки Платова. В 3-й армии три сводных корпуса: Маркова, Сакена и Эссена и кавалерия Ламберта. Все русские корпуса

1-й и 2-й армии были в 2-е дивизии по 12 батальонов и каждому придано 1 легкий (гусарский или уланский) либо 2 драгунских полка в качестве войсковой конницы. Французские корпуса были в общем в 2 раза сильнее русских. Состав их колебался от 2-х (Жюно) до 5-ти (Даву) дивизий, а состав дивизий от 8 до 18 батальонов. В общем, корпусная организация Наполеона, считавшаяся с индивидуальностью каждого маршала и племенным составом войск, очень гибка.

Расположение это — чисто кордонное — подставляло наши армии порознь под удар превосходных масс противника. Автором его был некий прусский генерал Пфуль, сумевший снискать полное к себе доверие Государя. Бездарность его могла сравниться разве с самоуверенностью.

При вторжении противника предполагалось оттянуть 1-ю армию к Свенцянам, а 2-й действовать в правый фланг противника. Изобретенная в то время прусская доктрина требовала обязательно ведения войны двумя армиями, из коих одна действует во фронт, а другая во фланг противника. Блестящую характеристику Пфуля дает Ермолов. Записки этого большого русского человека прочтут с пользой для себя многие поклонники немецких военных доктрин. Цесаревич Константин Павлович предлагал перейти в решительное наступление 1-й армией и бить собирающихся французов по частям (сказалась суворовская школа!). Однако от этого плана пришлось отказаться ввиду выяснившегося почти тройного превосходства в силах два-десяти язык.

12-го июня Великая армия начала у Ковны переправу — и 16-го числа заняла Вильну. Жребий был брошен...

1-я армия отошла с Немана на Двину — от Вильны к Дриссе. По плану Пфуля там был приготовлен укрепленный лагерь, в который прусский стратег полагал упрятать русскую армию. Если бы план Пфуля был приведен в исполнение — русских на Двине ждала бы участь австрийцев при Ульме: гибель армии в этой мышеловке была бы обеспечена. Славный по слухам дрисский лагерь на деле оказался образцом невежества, а самое движение на него нашей 1-й армии удаляло ее от 2-й и грозило самыми тяжелыми последствиями. По словам Ермолова, если бы Наполеон сам направлял наши движения, то, конечно, не мог бы избрать для себя выгоднейшего...

Тогда кончили тем, с чего следовало бы начать — избавились от душегуба-пруссак и решили действовать своим умом. Но избавиться от последствий пфулевщины было труднее — и много десятков тысяч русских солдатских ног было растерто в кровь, выправляя ошибки одной прусской головы... Главной заботой русских военачальников стало соединить две разрозненные армии — Барклая и Багратиона — в один кулак. А главной задачей Наполеона — не допустить этого соединения и разбить их порознь.

* * *

4-го июня 1-я армия тронулась от Дриссы в восточном направлении — долиной Двины к Витебску. 2-я армия тем временем форсированными маршами пошла к Несвижу и дальше, от Буга к Днепру, на сближение с первой.

У Наполеона в пределах России было уже свыше 300000, составлявших главную массу — центр, не считая вспомогательных вассальных войск, действовавших на флангах (пруссаки в Курляндии, австро-саксонцы на Волыни).

Император двинул главные силы — 150000 Мюрата — на армию Барклая, решив обойти левый фланг 1-й армии и отрезать ее от Москвы и центральных областей. Своему брату — вестфальскому королю Иерониму¹⁹⁰ с 80000 — он поручил нагнать Багратиона и разделаться с ним, в то время как корпус Даву — 50000 — был двинут на пересечку отступления 2-й армии между двумя указанными массами. Армия Багратиона, таким образом, должна была попасть между молотом и наковальней, и в минских суглинках Корсиканец уготовил ей могилу. План был хорош — как и все планы Наполеона (удавшиеся и неудавшиеся), но сбыться ему было не суждено.

Сказалась старая петровская истина: не множеством побеждают. Великая Армия 1812 года уже не была армией Аустерлица, ни даже армией Ваграма. Разношерстные,

разноязычные, с бору да с сосенки собранные массы, где целые полки уже состояли из штрафованных и уклонявшихся от воинской повинности (так называемых *gelgastalge8*), являлись тяжеловесным инструментом. Наполеону пришлось встретиться с отрицательными свойствами полчищ — и в первую очередь с их неповоротливостью и тихоходностью.

Выполнение плана оказалось плачевным. Неспособный Иероним упустил Багратиона под Несвижем, за что был отставлен — и ведение всей операции против нашей 2-й армии поручено Даву. Этот последний предупредил Багратиона на путях к Минску. 2-я армия повернула на Бобруйск, где 6-го июля Багратион получил повеление идти на соединение с 1-й армией через Могилев и Оршу. Но Даву со своим корпусом уже стоял в Могилеве. Багратион попробовал пробиться силой — и корпус Раевского 11-го июля атаковал Даву на позиции под Салтановкой, но не имел успеха, хотя и причинил французам более тяжкие потери (3500, тогда как у нас убыль 2500).

Даву ожидал нападения и на следующий день и сильно укрепился на своей позиции, но Багратион и не думал тратить свои силы и время на бесполезную борьбу. Он предоставил маршалу Франции ждать боя сколько тому вздумается, а сам быстро двинулся к Новому Быхову и перешел там 12-го июля Днепр, искусно скрыв свое движение от французов завесой из конницы Платова. Когда же Даву наконец спохватился и сориентировался, было уже слишком поздно — русская армия вырвалась из белорусского мешка и быстрыми маршами пошла на Мстиславль к Смоленску. В сорокаградусную жару пятидесяти- и шестидесятиверстными переходами бесподобные полки Багратиона шли, не теряя ни обозов, ни отсталых. Участники этого памятного похода рассказывали, как от напряжения у солдат выступала кровь. Войскам разрешено было снять галстуки и расстегнуть воротники мундиров (что между прочим позволяет нам судить о дисциплине тех времен). Офицерские лошади были предоставлены под перевозку ранцев. Заботливость офицеров о подчиненных доходила до того, что многие несли по два и по три солдатских ружья.

В то время как Багратион совершал свой знаменитый марш-маневр от Несвижа к Смоленску, Барклай де Толли 11-го июля, в день боя под Салтановкой, подошел к Витебску. Тяжеловесные полчища двадцати языков¹⁸⁹ отстали от него почти на три перехода, и в то время как 1-я армия расположилась под Витебском, французские авангарды показались только у Бешенковичей в 50-ти верстах.

13-го и 14-го июля, когда Багратион переправлялся через Днепр, 1-я армия имела ряд жарких арьергардных дел при Островне и Какувячине. Здесь особенно отличился своим упорством арьергардный 1У-й корпус графа Остермана (приказавшего стоять и умирать). Урон каждой стороны по 4000. Барклай полагал, что Багратион идет к нему через Могилев, и решил выждать 2-ю армию под Витебском.

15-го июля к Витебску подошел Наполеон, и генеральное сражение сделалось неизбежным. Однако, в ночь на 16-е Барклай получил от Багратиона известие о движении 2-й армии на Смоленск. Это совершенно изменяло обстановку, и Барклай немедленно же приказал 1-й армии сняться с биваков и отступать тоже к Смоленску (французы были обмануты разложенными кострами). Отступление это вызвало всеобщее неудовольствие и ропот в войсках.

22-го июля обе русские армии соединились у Смоленска, пройдя — 1-я армия 560, 2-я — 750 верст в месяц с небольшим (38 дней) и с боями. Радость обеих армий была единственным между ними сходством, — вспоминает про этот день в своих записках Ермолов. — 1-я армия, утомленная отступлением, начинала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главнокомандующему, и нижние чины колебались в доверенности к нему. 2-я армия явилась совершенно в другом духе! Звук неумолкаемой музыки, шум не перестающих песен оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник — друг подчиненных, они — сотрудники его верные! По духу 2-й армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром она не отступая

оставила, но прошла торжествуя. Какие другие ополчения могут уподобиться вам, несравненные русские воины? Верность ваша не приобретается мерою золота, допущением беспорядков, терпением своевольств. Не страшит вас строгая подчиненность и воля Государя творит героями, когда перед рядами вашими станет подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная. План Наполеона потерпел полную неудачу.

* * *

Наполеон не преследовал Барклая от Витебска и даже не последовал за ним, а занялся устройством и приведением в порядок своих масс. Поход длился всего месяц, серьезных боев не было, а из строя уже выбыло свыше трети всего состава! Средняя величина перехода не превышала 17–18 верст, но и это оказалось чрезмерным для массовой армии. Белоруссия и Литва кишели толпами отсталых и дезертиров, занимавшихся мародерством, заболеваемость была высокой, дисциплина заметно ослабела. Правда отсеивались физически и морально худшие элементы и армия, уменьшаясь количеством, тем самым как бы выигрывала в качестве. Бедность края и отсутствие ресурсов сказывались пагубным образом на довольствии войск. Значительная часть лошадей (особенно в обозах и артиллерии) пала от бескормицы, приходилось спешивать конные части. В половине июня в главных силах при переходе через Неман числилось 301000, а в половине июля на меридиане Днепра оказалось 185000... Великая Армия, подобно всякой массовой армии, носила в себе зародыш собственной гибели, и в кампании 1812 года начало объясняет нам конец.

В то время, как центр Наполеона продвигался за двумя ускользавшими русскими армиями с Немана на Днепр, на северном и южном флангах полчища в июле месяце произошли первые бои.

Часть первой победы в эту славную войну выпала на долю Тормасова, предпринявшего удачный поиск на Кобрин, где он 15-го июля захватил врасплох и заставил положить оружие бригаду разбросавшегося саксонского корпуса Ренье. У Тормасова было 12000 и 30 орудий. Наш урон 259 человек. Саксонцев перебито до 1500 и взято в плен 2500, при 4-х знаменах и 8-ми орудиях. На выручку Ренье пошел австрийский корпус Шварценберга, и 31-го июля 40000 австро-саксонцев атаковали 18000 Тормасова при Городечне. Тормасов держался весь день и отступил к Луцку, не оставив врагу никаких трофеев. После этого на Волыни, как бы по взаимному молчаливому соглашению, установилось затишье (австрийцы, действуя из-под палки, боевого задора отнюдь не обнаруживали, Тормасов же берег войска). К половине сентября на Волынь стали прибывать войска Дунайской армии адмирала Чичагова — и Швар-ценберг благоразумно отретировался к Бресту. По соображениям дипломатического характера повелено вернуть австрийцам захваченные у них Павлоградцами 4 штандарта.

Следует отметить, что крепость Бобруйск, занятая 10000-м гарнизоном и блокированная французами, пять месяцев успешно держалась в тылу армии Наполеона, сообщения которой благодаря этому были расстроены.

Барклай оставил у Полоцка 1-й корпус Витгенштейна прикрывать петербургское направление. Наполеон отправил на Двину два корпуса: 2-й Удино и 10-й (пруско-французский) Макдональда, которым велено перерезать сообщение Витгенштейна со столицей. Удино переправился через Двину, но в упорном трехдневном сражении под Клястицами (18, 19 и 20-го июля) потерпел поражения. Под Клястицами сражалось 23000 русских против 24000 французов. Наши потери 4500, у французов убыло 5500 (1000 пленных). Кульнев преследовал по собственной инициативе до Боярщины, зарвался и был отражен, причем поплатился жизнью. При Полоцке 18000 Витгенштейна сражалось с 35000 французов. Наш урон 5000, у французов столько же и 2 орудия. Макдональд ограничился всю кампанию вялыми действиями против Риги. В подкрепление Удино двинут 6-й (баварский) корпус Сен-Сира, объединившего после ранения Удино в своих руках командование северной группой французов (35000 против 18000 русских). Витгенштейн пытался действовать наступательно, но в первом сражении под Полоцком (5 и 6-го августа) не имел успеха. С прибытием на Двину из Финляндии корпуса генерала Штейнгеля, наше положение на северном фронте значительно улучшилось (к началу октября у нас здесь было

40000 против 28000 неприятеля).

* * *

По соединении обеих русских армий в Смоленске, Барклай де Толли мог располагать 140000 сабель и штыков при 650 орудиях. Он сознавал, что при превосходстве сил Наполеона шансы на победу чрезвычайно невелики, потеря же генерального сражения угрожает армии гибелью, а всей стране неисчислимыми бедствиями. Поэтому русский главнокомандующий решил заматывать неприятеля движением вглубь страны, пока нашествие не достигнет своего стратегического предела. С каждой верстой к востоку силы французов должны были таять — силы русских крепнуть — следовательно, рано или поздно, должен настать момент, когда силы противников сравняются, а затем перевес перейдет на русскую сторону — и Великой Армии и ее вождю наступит конец...

Этого расчета не хотели понять ни армия, ни общество, ни Государь, требовавшие битвы сейчас же и во что бы то ни стало.

Их давлению пришлось уступить, и Барклай выступил 26-го июля из Смоленска к Рудне, надеясь застать силы французов еще разбросанными. Казаки Платова имели в тот день лихое конное дело при Молевом Болоте. Однако наступления своего Барклай до конца не довел и, остановившись в двух переходах от Смоленска, простоял пять дней, выясняя обстановку.

А обстановка не замедлила сложиться критически. Наполеон, приведя в порядок свою армию и узнав о наступлении русских, быстро сосредоточил свои силы — 180000 в кулак и решил глубоким стратегическим обходом левого фланга русской армии захватить у нее в тылу Смоленск и отрезать русским сообщение с Москвой.

Наш левый фланг был прикрыт при Красном одной лишь 27-й дивизией генерала Неверовского, только что прибывшей к Армии. Атакованная всей конницей Мюрата, дивизия эта в бою 2-го августа покрыла себя и русское оружие громкой славой, но вынуждена была отойти к Смоленску. У Мюрата было до 23000 (15000 одной конницы) при 60 орудиях, у Неверовского 7000 человек и всего 7 орудий. Дивизия целиком состояла из новобранцев. Неверовский построил ее одной колонной, которую и повел по дороге (екатерининский большак, обсаженный березами, что стеснило конницу). Перед боем он обратился к войскам с речью:

Ребята, помните, чему вас учили. Никакая кавалерия не победит вас, только в пальбе не торопись и стреляй метко. Никто не смей начинать без моей команды!

Полтавский полк тут же поклялся умереть, но не сдаться. Все атаки налетавшей конницы были блистательно отбиты и в промежутках между ними Неверовский производил дивизионное учение! Наш урон превышает одну тысячу человек, у французов, по их словам, убито всего 500 (Неверовский отступил как лев, пишет Сегюр). Прояви Мюрат меньше опрометчивости и используй он свою артиллерию — русская пехота была бы уничтожена. Узнав об этом деле, Барклай быстро отошел в район Смоленска, заняв город ближайшим корпусом Раевского. 3-го августа обе русские армии стянулись под Смоленск. Багратион стоял за сражение, но мнение осмотнительного Барклая взяло верх. Положено лишь задержать французов арьергардом, а главные силы отвести за Днепр — и дальше.

Три дня — 4-го, 5-го и 6-го августа — шел под Смоленском жестокий и неравный бой. 30000 русских (УН-Й корпус Раевского, затем сменивший его У1-Й корпус Дохтурова) удерживали 150000 французов, дав возможность отойти наиболее угрожаемой армии Багратиона и оторваться от противника главным силам армии Барклая. 4-го августа бой вели 15000 русских с 23000 французов, 5-го подошла вся французская армия. Оба штурма Смоленска были отражены с большим уроном для французов. В ночь на 6-е горевший город очищен, и весь день шли арьергардные бои. Наш урон свыше 7000 человек, французов — 12000 человек

Однако опасность еще не была окончательно устранена. 1-я армия находилась вечером 6-го августа еще на петербургской дороге на правом берегу Днепра. В ночь на 7-е Барклай проселочными дорогами сворачивал ее на московскую дорогу вслед за Багратионом. 1-й

армии надлежало совершить на следующий день чрезвычайно рискованный фланговый марш к Соловьевой Переправе. Линия отступления (смазывание войск с правого фланга к левому) шла параллельно фронту, и некоторые пункты, как Лубино, отстояли ближе от французов, чем от русских. С целью ее обеспечения Барклай выдвинул к Валутиной Горе боковой аррьергард Тучкова 3-го. Весь день 7-го августа до поздней ночи аррьергард этот сдерживал французов, нанеся вдвое сильнейшему врагу вдвое тяжелые потери. В отряде Тучкова вначале было всего 3200 человек. К вечеру благодаря все время подходившим подкреплениям, силы доведены до 22000. У французов (корпуса Нея и Жюно, действовавшие, однако, несогласованно) было 49000. Наш урон до 5000, французский — 8768 человек. Последняя наша атака велась при лунном свете, во время нее Тучков, израненный штыками, взят в плен.

Красный, Смоленск и Валутина Гора — три славных для нас дела первой августовской недели, окончились нашим отступлением, да и предприняты были в виду облегчения общего отхода. И это бесконечное отступление казалось чудовищным стране, сто лет не испытывавшей вражеского нашествия, армии, воспитанной Суворовым! Со времен злополучного Сент-Круа ни один главнокомандующий не был так мало популярным, как немец Барклай. Его обвиняли в нерешительности, малодушии, государственной измене... Стоически переносил оскорбления этот великий Россиянин. Спасение возненавидевшей его армии стало его единственной целью — ему он принес в жертву все то, чем может пожертвовать человек и полководец (и далеко не каждый человек, не каждый полководец) — свое самолюбие, свою репутацию... Одному Богу известно, что переживал он в те минуты объезда полков, когда его здорово, ребята оставалось без ответа... Плывая против течения, ломаясь, но не сгибаясь, Барклай тогда спасал эти полки, и две недели спустя на Бородинском поле от всех их будет греметь ему ура! Но горечь в душе останется — и вечером 26-го августа, донося о том дне Государю, он напишет: Провидению угодно было сохранить жизнь, для меня тягостную...

Уступая голосу всей армии и страны, Александр I назначил главнокомандующим Кутузова, прибытие которого к армии 17-го августа при Цареве Займище вызвало всеобщий подъем духа.

Кутузов всецело одобрял стратегию Барклая — его распоряжения по существу лишь подтверждали распоряжения его предшественников. Однако войскам отступать с Кутузовым казалось легче, нежели с Барклаем. В близости генерального сражения никто не сомневался, менее всех его желал, конечно, сам Кутузов. Недавнему победителю великого визиря пришлось все же внять гласу народа (почти никогда не являющемуся гласом Божиим), а — самое главное — монаршей воле. У него было 113000, у Наполеона 145000191.

И день 26-го августа стал днем Бородина. 24-го августа, после жаркого дела, французы овладели Шевардинским редутом — нашей передовой позицией. Бородинская позиция занимала по фронту всего 5 верст. Правый ее фланг прикрывался рекой Колочей, впадающей в Москву, центр защищали наскоро возведенные укрепления — флеши Багратиона и батарея Раевского (Курганная), слабой профили и незаконченные, левый фланг, примыкавший к Смоленской дороге, ничем не был прикрыт. В довершение всего этот левый фланг был слабее всего защищен (всего 5 егерских полков, тогда как центр защищало 4 дивизии, а без того сильный правый фланг даже 6 дивизий). Маршал Даву советовал Наполеону нанести удар в левый русский фланг, охватить его и сбросить всю русскую армию в Москву-реку, однако Наполеон не принял этот план, опасаясь, что русские его заметят и уклонятся от боя.

Весь бородинский бой — это лобовая атака французскими массами русского центра — батареи Раевского и флешей Багратиона (шесть раз переходивших из рук в руки между 9-ю и 12-ю часами). Жесточайшее побоище длилось шесть часов без всякого намека на какой-либо маневр, кроме бешеного натиска с обеих сторон. К 12-ти часам Наполеон сбил русских со всех пунктов и готовился нанести своими резервами решительный удар русской армии, когда внезапный рейд конницы Уварова навел невообразимую панику на тылы французской армии. Наполеон едва не попал в плен и распорядился отложить решительную атаку на

следующий день¹⁹².

До 5-ти часов вечера длилась адская канонада — был момент, когда на пространстве квадрата в версту стороной гремело с обеих сторон 700 орудий!

Всего с русской стороны убыло 58000¹⁹³ (1-я армия лишилась 38000 из 79000, 2-я — 20000 из 34000), обе армии сведены в одну. Французский урон не менее 40000 — 45000. Пленных взято всего по тысяче с каждой стороны (и то израненных; в пылу боя пленных не брали). Трофеи Наполеона: оба русских укрепления, гора трупов и 15 подбитых пушек. Мы взяли 13 пушек.

Вечером французы совершенно очистили поле сражения, так что побоище разыгралось вничью.

Из всех моих сражений — вспоминал потом Наполеон — самое ужасное то, что я дал под Москвой. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские — называться непобедимыми...

Армия лишилась Багратиона, братьев Тучковых, Кутайсова, многих героев-командиров и свыше половины своего состава. Продолжать бой на следующий день было бы явным безумием, и Кутузов, конечно, на это не пошел. На приснопамятном совете 1-го сентября в Филях он положил оставить Бонапарту Первопрестольную и тем спас страну и армию. Неприятель распустится в Москве, как губка в воде! — заявил он и добавил: Будут они мне жрать конину, как турки!..

Утром 2-го сентября Москва покинута войсками и последними жителями, и к вечеру в нее вступил Наполеон. Привыкнув к низкопоклонству немцев (когда после гибели прусской армии Наполеон вступал в Берлин, прусская столица украсилась флагами), он долго ждал у заставы бояр с ключами от города, но так и не дождался. Завоевателей ждала в Москве совершенно иная встреча!

Пройдя Москву, Кутузов пошел сперва по рязанской дороге, но уже 4-го сентября свернул на калужскую — к Красной Пахре и Тарутину. Этой переменой восточного направления на южное он занимал фланговое положение относительно неприятельской армии, мог действовать на ее сообщения и, во всяком случае, прикрывал от врага обильный Юг России.

20-го сентября армия заняла Тарутинский лагерь. В ее рядах считалось всего 52000, кроме ополчения. В последовавшие две недели она почти удвоилась в своем составе. Со всех концов России в Тарутино текли подкрепления:

прибыли обученные пополнения — вторые батальоны пехотных полков, отделенные для того еще весною, с Дона явилось новых 26 полков — 15000 казаков. Вся материальная часть была исправлена, и армия, готовясь к новым подвигам, впервые вкусила здесь заслуженный отдых.

Французы открыли движение Кутузова на калужскую дорогу лишь 10-го сентября. Наполеон расположился главными силами в Москве, а за Кутузовым последовал Мюрат с 26000-ми легких войск, расположившийся лагерем в 4-х верстах от русского авангарда Милорадовича.

Середина сентября является поворотным пунктом этой войны. Тут кончается компания 1812 года — единоборство русской и французской армий, и начинается Отечественная Война — война всего русского народа, от мала до велика поднявшегося на завоевателей! Через два столетия великих дел и великих потрясений Россия Минина и Пожарского — Россия 1612 года — повторилась в 1812 году.

Пожар Москвы светил на всю Россию, его уголья пламенели в каждой русской груди — под золотым шитьем мундира и под худой сермягой. И вся Россия взялась за мушкеты и самопалы, сабли и топоры, вилы и дубины!

Менее чем за два месяца было выставлено 300000 ополчения и собрано сто миллионов рублей. Но никто никогда не смог подсчитать числа партизан. Восстали целые уезды Московской, Калужской и Смоленской губерний. Каждый сарай обратился в крепость, каждая усадьба в западню, в лесу за каждым деревом пришельца сторожила смерть.

Этот период войны навеки связан с именами Платова, Растопчина, Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера, Дорохова, многих десятков и сотен других менее заметных, но столь же преданных вождей всенародного движения... Железной хваткой держали они заносчивого врага, не давали ему ни минуты отдыха, рвали его на куски. Вечная им слава!

* * *

Положение Наполеона в Москве, вернее в Кремле, Москвы уже не существовало, из странного в начале, сделалось затруднительным, из затруднительного критическим. На мирные свои предложения он не получал никакого ответа, а Император Александр сказал знаменательные слова, что скорее уйдет со своим народом вглубь азиатских степей, отрастит бороду и будет питаться картофелем, чем заключит мир, пока хоть один вооруженный неприятель останется на русской земле.

Партизанское движение, все разраставшееся, обращало фуражировки в кровопролитные бои и затрудняло сколько-нибудь сносное довольствие войск. Почти всю кавалерию пришлось спешить. Грабеж горевшей Москвы внес сильную деморализацию в войска, все более ускользавшие из подчинения. Полчища сказывались все сильнее — и армия заметно разлагалась на московском пожарище. Надо было выступить оттуда — и чем скорее, тем лучше... 6-го октября Наполеон тронулся из Москвы в ином направлении — по калужской дороге. С ним было 107000 человек при 360 орудиях и громадных обозах.

Как раз в тот же день 6-го октября решил перейти в наступление и Кутузов. На рассвете он атаковал врасплох авангард Мюрата при Тарутине и опрокинул его. Ряд промахов с нашей стороны (все при отдаче, передаче, выполнении приказаний) воспрепятствовал полному разгрому неприятеля. План разгрома Мюрата был очень сложен и состоял в ночном подходе лесными дорогами ударной группы Беннигсена (конница Орлова-Денисова, 11-й корпус Багговута, 111-й — Строганова и 1У-й Остермана). Расчет движения сделан ниже всякой критики, колонны перепутались в темноте, их маршруты перекрещивались, понадобилось 12 часов, чтобы пройти 15 верст! К рассвету на месте была лишь одна конница, пехотные корпуса диспозиции не выполнили (за исключением бригады егерей из состава II-го корпуса). Откладывать дальше атаку было немыслимо, и Орлов-Денисов с 10-ю казачьими полками помчался на французский лагерь, опрокинул 3 кавалерийских полка и захватил все обозы и 38 орудий. Опомнившиеся французы открыли сильный огонь по выходившим из лесу пехотным частям. Багговут убит, а растерявшийся Беннигсен не смог дать никаких распоряжений. Наш урон — 1200 человек, у французов — 600 убитыми и ранеными, 1700 пленными и 38 орудий. Поссорившись с Кутузовым, Беннигсен уехал из армии.

Выступление Наполеона из Москвы и его движение на калужскую дорогу было открыто Сеславиным (с дерева), немедленно осведомившим об этом как Кутузова, так и ближайший авангардный корпус Дохтурова. Не теряя времени, по собственному почину, Дохтуров бросился со своим корпусом на пересечку Наполеону и 12-го октября заступил ему путь на Калугу и Юг в упорном восемнадцатичасовом сражении при Малоярославце. При Малоярославце с каждой стороны сражалось по 24000 человек и потеряно по 5500. Горящий город до 11-ти часов вечера переходил из рук в руки и, в конце концов, остался за французами.

Поздно вечером 12-го к Малоярославцу подошли главные силы как русских, так и французов. Генеральное сражение становилось как будто неизбежным, но его не желали ни Наполеон, ни Кутузов. Император не хотел рисковать своими последними силами, Кутузов не хотел рисковать вообще. И утром 13-го октября обе армии стали поворачиваться тылом одна к другой... Дилемма пробиваться либо отступать была решена Наполеоном в смысле отступления... Дорога на Юг была преграждена, но дорога на Запад все еще была открытой. Оставался вопрос о маршруте — и Наполеон, после некоторого колебания, несмотря на советы Даву, предложившего идти кружным путем на Медынь, высказался в пользу кратчайшего направления большого смоленского тракта, по которому он уже шел в августе на Москву.

Сказалась отрицательная сторона математического ума Наполеона. Направление кратчайшее геометрически далеко не всегда является кратчайшим стратегически. Тот отрезок прямой, по которому Наполеон направлял свою армию, пролегал (был отложен) по совершенно опустошенной, разоренной, обезлюдевшей местности, где довольствоваться армией было уже невозможно. Этим Император сам обрекал на гибель свое сильно поредевшее войско.

* * *

Узнав о выступлении Наполеона из Москвы, Император Александр немедленно составил план захвата пути отступления французской армии. План этот — огромные стратегические Канны — состоял в одновременном наступлении северной группы войск Витгенштейна и южной — Чичагова — навстречу друг другу. Обе эти армии должны были в последних числах октября сойтись на Березине. Французы, преследуемые тем временем главной армией, окружались, таким образом, со всех сторон.

День 6-го октября — эвакуация французами Москвы и атака Кутузова при Тарутине, явился также началом перехода в наступление Витгенштейна и первым днем упорного второго сражения при Полоцке (6, 7 и 8-го октября). У нас было 40000, у французов, дравшихся очень упорно, — 27000. Наши потери до 8000, французов перебито 4000, в плен взято 2000 и 1 орудие. Сен-Сир был разбит и отошел за Двину. Преследуя его, Витгенштейн имел 19-го октября удачный бой у Чашников и вышел к Березине, куда направлялась тем временем и Дунайская армия.

Адмирал Чичагов оставил на Волыни наблюдательный корпус генерала Сакена (бывшая 3-я армия). Движение Дунайской армии на Березину совершалось без помехи со стороны австро-саксонцев. Шварценберг пытался было увязаться за Чичаговым, но Сакен быстрым ударом по саксонцам Ренье 260 при Волковыске 31-го октября 195 заставил Шварценберга поспешно отойти на Буг.

Кутузов направлялся параллельно Наполеону, южнее его — как бы заслоня от французов центральные губернии и принуждая их идти пустынным смоленским трактом (большая аналогия с движением русской армии осенью 1708 года, когда она проводила Карла XII на опустошенную Украину, заслоня в то же время от шведов внутренние области). Кутузов не желал давать генеральные сражения, хотя все выгоды и были на русской стороне, он предпочитал добить Наполеона, не проливая русской крови.

Подчиненные Кутузова отнюдь не одобряли слишком осторожного образа действия главнокомандующего. Их частной инициативе принадлежат бои двадцатых чисел октября — ряд коротких, жестоких ударов, побуждавших врага идти скорее, не задерживаясь.

22-го октября Милорадович и Платов, думая отрезать французский арьергард у Вязьмы, наткнулись на главные силы французов и после упорного боя опрокинули их. 28-го числа близ Черной Грязи (у Духовщины) Платов нагрянул на 4-й (итальянский) корпус вице-короля Евгения, переправлявшийся через речку Вопь, и совершенно растерзал его, взяв всю артиллерию. Полагая встретить у Вязьмы один лишь корпус Нея, русские командиры наткнулись на 3 корпуса (Нея, Даву и Жюно). Вязьма взята штурмом с потерей до 3000 человек. У французов перебито 4000, а 3000 при 10 орудиях взято в плен. В деле у Черной Грязи с Платовым было всего 3000 казаков. Он вихрем налетел на франко-итальянцев, перебил и взял в плен свыше 2000, разогнал остальных (вице-король смог собрать из всего корпуса всего 4000) и взял обозы и 87 орудий. В тот же день Сеславин, Фигнер и Денис Давыдов взяли в плен при Ляхове бригаду Ожеро.

27-го октября главные силы Наполеона достигли Смоленска, где разграбили склады. Простояв здесь четыре дня. Император 31-го числа тронулся на Оршу.

Французская армия выступила из Смоленска пошелонно и растянулась на 4 перехода: голова ее подходила к Красному, когда главные силы только трогались от Смоленска. Кутузов сблизился с растянувшимся противником и в трехдневном сражении при Красном, взяв его во фланг, совершенно разгромил (4, 5, 6-го ноября), захватив свыше 20000 пленных и 228 орудий — три четверти оставшейся у французов артиллерии. При большей энергии

со стороны Кутузова — вся французская армия стала бы его добычей, подобно ее арьергарду — корпусу Нея, не успевшему проскочить и положившему оружие. Вечером 3-го ноября французский авангард отбросил отряд генерала Ожаровского. 4-го ноября Милорадович с авангардом разгромил корпуса вице-короля и Жюно (указывая гренадерам Павловского полка на подходивших французов, он крикнул им: Дарю вам эти колонны!). 5-го ноября Кутузов, по настоянию Ермолова и Толя, решился атаковать всеми силами, дабы отрезать подходившие корпуса Даву и Нея. Остатки корпуса Даву проскочили с потерей всей артиллерии, но Ней был отрезан, из всего его корпуса (насчитывавшего к открытию кампании 45000, а к ноябрю только 7000) к войскам присоединилось лишь 700, во главе с храбрым маршалом, дравшимся в строю как рядовой гренадер. У французов убыль 6000 убитыми и ранеными, 20000 пленными. Взято 2 знамени, 116 орудий (и еще подобрано 112 брошенных). Наш урон до 3000. За Красный Кутузов получил титул князя Смоленского, а Платов — графское достоинство.

7-го ноября Наполеон перевел свою истерзанную армию по тонкому льду только что ставшего Днепра у Орши¹⁹⁶. Прибытие из Польши свежего корпуса Виктора и присоединение остатков Сен-Сира улучшило немного, хотя и ненадолго, положение армии, ставшей насчитывать до 60000, из коих лишь половина могла считаться сколько-нибудь боеспособной.

Ближайшей преградой французам являлась не успевшая еще замерзнуть Березина. Витгенштейн занимал ее левый берег, Чичагов стоял на правом, а его авангард 10-го ноября занял Борисов. Несмотря на имевшуюся в Борисове переправу, связи между двумя русскими армиями не существовало: Чичагов знал лишь морскую войну, а Витгенштейн увлекся второстепенной задачей преследованием корпуса Виктора.

Наполеон устремился на Борисов — и 12-го ноября выбил оттуда беспечный русский отряд, успевший, однако, сжечь за собой мост. Положение французской армии стало отчаянным: она попала в мешок — и ледяная Березина должна была стать для нее могилой.

Гений Наполеона (с помощью Чичагова) вышел из этого положения. Отыскав броды вверх по Березине у Студянки и вниз близ Ухолодья, он приказал наводить мосты: произвести переправу у Студянки, а демонстрацию у Ухолодья. Чичагов принял переправу за демонстрацию, а демонстрацию за переправу и все силы свои стянул ниже Борисова, опасаясь соединения Наполеона с Шварценбергом, а тем временем, благодаря самоотверженности геро-ев-понтонер д'Эбле, мост у Студянки был наведен — и 14-го ноября по нему началась переправа, продолжавшаяся 15-го и 16-го числа. В этот последний день французы, отбив все разрозненные атаки русских разобщенных армий, сожгли за собой мосты, но это последнее напряжение сил совершенно погубило их. Отступление, под непрерывными ударами русских партизан и погоне конницы Платова, утратило характер маневра и превратилось в бегство. Находившийся у Студянки слабый отряд полковника Корнилова не мог оказать 13-го ноября сопротивления французам, наводнившим мосты под прикрытием огня всей своей артиллерии. 14-го русских собралось до 8 тысяч, но они все не решались атаковать переправлявшихся французов. 15-го ноября под Студянку подоспел Витгенштейн и заставил положить оружие дивизию генерала Партуно. 16-го подошел и Чичагов. В этот день упорный бой шел по обоим берегам Березины. Неумелые атаки Чичагова были отражены переправившимися французами, тогда как Витгенштейн не мог справиться с прикрывавшим переправу корпусом Виктора (переправив свою артиллерию, французы брали войска Витгенштейна под продольный огонь). Наш урон 15-го и 16-го свыше 4000. Французов перебито, замерзло и утонуло до 15000, в плен взято 23000 и 24 орудия (прочая артиллерия потоплена в Березине). Общий урон французов при переправе через Березину 40000, она обратилась в катастрофу. При преследовании французов в Минске взято еще 3000 пленными, 2 знамени, 2 орудия. В Вильне — 14000 живых и полуживых пленных и 140 орудий (артиллерийский резерв Наполеона), в Ковне — 5000 пленных, 21 орудие и т. д. В числе спасшихся 20000 было свыше 2500 офицеров, остальные еще являлись старыми ветеранами, не пожелавшими сдаться либо отстать по дороге. Этим был сохранен

кадр для формирования новой армии. Небольшое количество захваченных в Отечественную войну знамен объясняется тем, что при выступлении из Смоленска громадное большинство полковых командиров распорядилось их сжечь.

Остатки того, что еще так недавно именовалось Великой Армией, бежали на Вильну, устилая дорогу трупами умиравших от болезней, холода и истощения. 23-го ноября Наполеон покинул эти жалкие толпы, сдав начальство над ними Мюрату. 29-го ноября русские овладели Вильной, 2-го декабря Ковной.

Ни одного вооруженного врага не оставалось на русской земле...

Из 380000 французов, вторгнувшихся в Россию к северу от Припяти, пять месяцев спустя перешло обратно границу около 20000197 (из коих не свыше 1000 при оружии). Из 1400 орудий вывезено 9... История не знает более жестокой катастрофы.

* * *

Войну 1812 года мы вели за чуждые нам интересы, — пишет автор России и Европы Н. Я. Данилевский, — война эта была величайшею дипломатическою ошибкой, превращенной русским народом в великое народное торжество. Совершив капитальную ошибку своего царствования — разрыв с Наполеоном — Император Александр в дальнейшем действовал безупречно. Он отстоял честь и достоинство России — и в тот великий Двенадцатый год оказался воистину Благословенным.

Это свое имя Благословенного Александр I мог бы сохранить и в сердцах грядущих поколений, если бы возвысился душой до награждения своего верного народа за совершенный им необыкновенный подвиг. Он этого не сделал и имя Благословенного за ним не удержалось... Реформа 1861 года опоздала на полстолетия — промежуток между ней и нашествием 1914 года, нашествием, породившим катастрофу 1917-го, оказался слишком невеликим для воспитания сыновей рабов. И если бы тот рождественский манифест, провозгласив освобождение России от двадцати языков, возвестил освобождение от рабства двадцати пяти миллионов верных сынов России, то Вифлеемская звезда засияла бы над ликующей страной. В том великом нравственном подъеме наша Родина обрела бы неисчерпаемые силы для преодоления всех грядущих невзгод и лжеучений... Но Бог судил иначе.

Война эта была войной народной. Вооруженные народы Европы столкнулись здесь с вооруженным русским народом. Главный интерес этого столкновения в том, что здесь на русской стороне оказались все выгоды, на французской же все невыгоды системы полчищ.

С русской стороны мы видим в Отечественную войну сочетание двух элементов: сравнительно небольшой постоянной армии — армии профессионалов и вооруженного народа (партизаны и ополчение), опирающегося на эту армию. Иными словами, в 1812 году русские стихийно осуществили то, до чего немецкий ум (в лице генерала фон Зекта) додумался лишь сто с лишним лет спустя. И в этом отношении — как вообще во всех решительно отраслях военного дела — мы, Русские, идем далеко впереди... Если бы мы смогли сознать всю мощь нашего военного гения!

Профессиональная армия и вооружившийся народ блестяще поделили между собой работу, как бы дополняя друг друга. Однако главное значение имела, конечно, армия. Предположим, что в Бородинском сражении Наполеону удалось уничтожить русскую армию. Государь остался бы и тогда непреклонен, Москва была бы сожжена, народное восстание вспыхнуло бы и в этом случае. Но никого не было бы в Тарутинском лагере и некому было бы заступить завоевателю дороги при Малоярославце... Наполеон смог бы расположить свою армию на зимние квартиры где-нибудь в Калужской либо Орловской губернии (терпя, разумеется, большой ущерб от партизан) — и весной 1813 года возобновить военные действия, опираясь на неисчерпаемые ресурсы подвластной ему Европы.

Армия Наполеона являет собою другой вид вооруженного народа, разнообразную массу людей, в общем служащих непродолжительное время. Это прототип массовых армий Великой войны. В боевом отношении противники равноценны, но в воинском отношении на стороне русской армии профессионалов громадное преимущество. Находись эта армия в

положении двадцати язык, она никогда не допустила бы того упадка дисциплины, что привело тех к гибели.

Русская стратегия, как только ей удалось освободиться от тлетворного влияния пфулевщины — Образцова как в добородинский период при Барклае, так и в послебородинский при Кутузове. Единственное темное пятно, единственная ошибка нашей стратегии — это Бородино. Но Кутузов так же не ответственен за Бородино, как не ответственен и за Аустерлиц. Этого сражения он не желал, понимая его бесцельность и риск — оно было ему навязано, 60000 жизней было принесено в жертву Молоху общественного мнения.

Бородинское сражение оказалось преждевременным. С ним поторопились на два месяца. Его следовало дать не в конце августа, а в конце октября, когда французская армия была в достаточной степени подточена изнутри. Имей Кутузов тогда в строю те десятки тысяч, что погибли бесцельно в бородинском бою, будь жив Багратион — генеральное сражение было бы дано где-нибудь под Вязмой — и тогда не ушел бы ни один француз, а Наполеон отдал бы свою шпагу Платову...

Кутузова обвиняют в слишком осторожном образе действий, в том, что он выпустил Наполеона. Эти упреки неосновательны. Наполеона выпустил не Кутузов, а Чи-чагов (место которому было на мостике флагманского корабля, а не во главе отдельной армии). Кутузов действовал в духе плана войны — он загонял зверя в расставленные тому сети. Сети эти оказались расставленными неискусно, командовавший армией моряк заснул на вахте... К событиям на Березине Кутузов совершенно не причастен. Он мог бы дать генеральное сражение с громадными шансами на успех при Малоярославце. Он мог бы добить разгромленную под Красным армию Наполеона так же, как мог бы взять за год до того штурмом слободзейский ретран-шамент великого визиря... К чему было проливать русскую кровь, драгоценную русскую кровь, уже и так зря растраченную в бородинском побоище когда жребий врага так ясно был начертан на снегу пустынной смоленской дороги?

Если стратегия Наполеона — стратегия Аннибала, то Кутузов — Фабий. Как никто умеет он заставить работать на себя и время, и обстоятельства и даже самого врага. И он помнит своего учителя: Последнюю кампанию, — говаривал Суворов, — неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, чуть не сто, а мы и одной тысячи не потеряли. Вот это называется вести войну, братцы! Господа офицеры, какой восторг!.. И Петр узнал бы в старом екатерининском орле птенца своего гнезда и поздравил бы его с знатною викторией, малой кровью одержанной. Кутузов был последним гуманистом великого века — и после него надолго стратегия минотавра сделалась основным типом русского полководчества.

Громадное большинство русских военачальников оказалось на высоте тех геройских задач, которые им приходилось решать. Барклай сберег армию в самый критический период войны. Багратион совершил блистательный марш от Несвижа до Смоленска, получил здесь право на звание полководца, смерть же его явилась жесточайшей утратой для армии. Витгенштейн под Клястицами и Полоцком успешно держал экзамен на самостоятельного командующего армией. Ермолов, Милорадович и Дохтуров блестяще подтвердили старую и славную репутацию. Обратили на себя внимание Раевский, Паскевич, Неверовский, Остерман. Громкую славу себе и всему казачеству стяжал вихорь-атаман Платов. Такой яркой плеяды вождей и командиров с тех пор Россия больше не имела...

Неудачно себя проявили Чичагов и Беннигсен (доказавший лишний раз при Тарутине, что он отличный составитель планов и совершенно слабый их исполнитель).

Действия французов, по большей части, очень неудачны. Иероним-вестфальский плачевен. Даву, показавший (хоть и тщетно) замечательный глазомер накануне Бородина и после Малоярославца, в начале кампании действовал очень слабо (Салтановка). Да и сам Наполеон был как будто уже не тот. Ни один его план не удался, не оправдался ни один его расчет — как политический, так и стратегический. Занятием Москвы Россию на мир он не склонил. Разбить обе русские армии порознь, как австрийцев в Италии и пруссаков под Йеной-Ауэрштедтом, ему не удалось. Не удалось и поймать их в мешок у Смоленска,

благодаря глазомеру Барклая, героизму Неверовского и упорству Дохтурова. Не удалось добить русскую армию после Бородина, благодаря мужественному решению Кутузова пожертвовать Москвой без боя. Отступление же в направлении кратчайшем геометрически привело к небывалой катастрофе. В утро Бородина светило солнце Аустерлица, но освещало оно совсем не тактику Аустерлица...

Наполеон разбросал свои силы. Он оставил в Польше корпуса Виктора и Ожеро, отправил Макдональда в бесцельный курляндский поход, держал корпус Ренье при армии Шварценберга, усилил Удино под Полоцком еще корпусом Сен-Сира. Всех этих сил ему не доставало под Бородино, где ему надлежало победить во что бы то ни стало.

А главная ошибка повелителя Европы — ошибка психологическая. Он не знал России, а еще менее Россиян. Едва ли не самым трагическим моментом его необыкновенной жизни было напрасное ожидание бояр на московской заставе. Он никогда ничего не слышал про Ослябю и Пересвета, Пожарского и Минина, Гермогена и Сусанина. И если бы ему суждено было постичь гений породившего их народа — то нога его не ступила бы на русскую землю.

Война за освобождение Германии. Кампания 1813 года

Заграничный поход русской армии от Тарутина на Париж — с Оки на Сену неоднократно осуждался многими историками и публицистами, рассматривавшими его в свете тех несчастий, что причинила России впоследствии освобожденная ею тогда Германия.

Война Александра с Наполеоном была, конечно, роковой ошибкой. Хижина на острове Святой Елены для одного, подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге для правнучатого племянника другого — явились результатом войны 1812, 1813 и 1814 годов — результатом в первом случае непосредственным, во втором — косвенным.

Но непоправимое уже свершилось в 1811 году. Весной 1812 года жребий уже был брошен. И в тот, навсегда торжественный момент, когда русские войска на льду Немана служили благодарственный молебен за избавление Родины от двадцати язык, было уже поздно идти вспять. Недорубленный лес грозил вырасти. Наполеон, шаткий престол которого, подобно престолу всякого завоевателя, держался лишь непрерывными победами, никогда не смог бы примириться с разгромом 1812 года. Через год или два он вновь собрал бы войска подвластной ему Европы и снова повторил бы нашествие — причем, конечно, постарался бы избежать прежних ошибок.

Это знал Император Александр Павлович — и это чувствовал последний рядовой его славного войска. Поход за границу был настоящей государственной необходимостью. Мистицизм Императора, видевшего себя в ореоле спасителя Европы и рода человеческого, лишь довершал эти государственные соображения.

В первых числах декабря 1812 года русская армия сосредоточилась у Вильны. Выступив из Тарутина с 97000, Кутузов привел после двухмесячного похода на границу всего 40000198. Из 620-ти орудий было довезено лишь 200. Это показывает, что преследование французов от Тарутина до Вильны обошлось нам дорогой ценой. Кровавые потери наших главных сил за это время не превышали 12000, не более пятой части общей убыли. Чичагов довел 17000 из 32000, в лучшем положении был Витгенштейн, у которого под ружьем было 34000 из 40000. Осенний и зимний поход, обошедшийся французам в 160000 человек (наполовину погибших, наполовину пленных), стоил и нам до 80000, из коих лишь четвертая часть убыла в боях. Первая половина Отечественной войны — летний поход от Немана до оставления Москвы — обошлась нам в 120000 человек (почти все в боях), французам в 200000 (в боях меньше половины). Всего 1812 год обошелся нам свыше чем в 400000 жизней, считая потери ополчения и среди населения, умиравшего от эпидемий. В армии, по соединении Кутузова с Чичаговым и Витгенштейном, не оставалось и 90000 бойцов.

Декабрь месяц войска отдыхали. На Рождество был объявлен поход — и 28-го декабря Кутузов перешел по льду Неман. Война переносилась за границу в Пруссию и Варшавское герцогство. Целью зимнего похода ставилось уничтожение фланговых французских корпусов (Макдональд в Пруссии, австро-саксонцы в Польше) и привлечение Пруссии на

нашу сторону.

Поход удался вполне. В январе вся Восточная Пруссия была очищена от французов Витгенштейном. Пруссак восторженно встречали русских избавителей. Торн и Данциг осаждены. Главные силы Кутузова (всего 18000) пошли на Плоцк. Шварценберг эвакуировал Варшаву и отступил с Понятовским в Галицию. Ренье со своими саксонцами потянулся к Калишу, где 1-го февраля был настигнут и разбит летучим корпусом генерала Винцингероде. При Калише 16000 русских разбили 10000 саксонцев. Наш урон — 670 человек, саксонцев перебито 1500 и 1500 при 2-х знаменах и 6-ти орудиях взято в плен.

Вся Пруссия восстала на французских угнетателей. Весной 1813 года она переживала тот же подъем, что пережила Россия за несколько месяцев до того. По всей стране раздавались призывы к оружию, формировались отряды партизан по примеру русских. Дерфлингер и Лютцов шли по стопам Сеславина и Дениса Давыдова, и лира Кербера звучала в стане прусских воинов, пока струн ее не оборвала французская пуля. Прусский король не сразу мог отрешиться от психологии вассала. Лишь 16-го февраля между Россией и Пруссией был заключен союз, по которому Россия обязывалась выставить не менее 150000 человек и не полагать оружия до восстановления Пруссии в границах 1806 года. Пруссия выставляла на первых порах 80000 — Тильзитский трактат разрешал ей иметь всего 42-тысячную армию, но Шарнгорст введением краткосрочной службы и всеобщей воинской повинности успел накопить до 200000 обученных резервов. Послетильзитский Ландвер явился прототипом послеверсальского Рейхсвера. Прусские войска под командой свирепого ненавистника французов Блюхера (всего 56000) подчинены русскому главнокомандующему, что было вполне естественно.

К половине февраля у нас собралось уже 140000. Для пополнения действующей армии учреждена в западных губерниях резервная армия (князя Лобанова-Ростовского) — до 180000 человек. Кутузов был противником немедленного перехода в наступление за Эльбу (воротимся с рылом в крови говорил он).

27-го февраля Витгенштейн овладел Берлином 19-го, а 15-го марта взят и Дрезден. Русские партизаны с помощью прусских партизан очистили всю среднюю Германию, произведя даже налет на Гамбург, где засел Даву. Особенно удачен был рейд Чернышева на Люнебург 13-го марта. У Чернышева было в этом деле 4100 человек. Занимавшая Люнебург французская дивизия силою 4500 человек была истреблена до последнего. Наш урон всего 300 человек, французов перебито 2200, а остальные 2300 при 3-х знаменах и 11-ти орудиях взяты в плен.

16-го апреля в Бунцлау скончался Кутузов. Главнокомандующим русско-прусскими силами был назначен Витгенштейн. Положение нового главнокомандующего было не из легких. Под его начальством оказались старшие его корпусные командиры — Барклай де Толли, Цесаревич Константин Павлович, Блюхер. Витгенштейн не имел перед ними достаточного авторитета. Вдобавок находившийся при армии Государь распоряжался помимо главнокомандующего, что еще более стесняло его деятельность.

* * *

Ценою громадных усилий Наполеону удалось собрать в течение зимы 1812 1813 годов новую армию частью из старых войск, вытребованных из Испании, частью из необученных рекрут. В апреле, имея до 200000 человек при 350-ти орудиях, он вторгнулся в Германию. Во всей этой армии было всего 8000 кавалерии. Вся знаменитая конница Мюрата погибла в России.

Союзная армия в начале апреля сосредоточилась к югу от Лейпцига, стремясь приблизиться к австрийским пределам. С Австрией все время велись переговоры с целью переманить ее в лагерь союзников.

Не зная о сосредоточении союзных сил в лейпцигском районе, Наполеон направил свой корпус к Лейпцигу по-эшелонно. Витгенштейн, занимавший со своей армией (94000 при 656 орудиях) чрезвычайно выгодное фланговое положение, решил воспользоваться этой разброской сил противника и разбить их по частям. Он атаковал Наполеона 20-го апреля при

Люцене, но был отбит и отступил за Эльбу. В Люценском сражении приняло участие 72000 союзников и 100000 французов. На тысячу бойцов союзной армии приходилось 220 всадников и 7 орудий, у французов всего 50 всадников и 2 орудия. Союзники потеряли 12000 человек, французы 15000 и 5 орудий²⁰⁰. С каждой стороны взято по тысяче пленных. Отсутствие конницы лишало Наполеона возможности использовать успех и производить стратегическую рекогносцировку. Русские отошли прямо на восток — к Дрездену, пруссаки двинулись сперва к северу, испугавшись было за Берлин, затем снова соединились с русскими. Дрезден пришлось сдать, и Наполеон вновь овладел Саксонией. Союзники отступили на укрепленную позицию при Бауцене. 7-го мая Барклай коротким ударом уничтожил у Кенигсварте одну итальянскую дивизию, а в происшедшем затем двухдневном сражении 8-го и 9-го мая у Бауцена союзная армия снова потерпела поражение и отступила в Верхнюю Силезию.

При Кенигсварте 22 тысячи Барклая совершенно уничтожили 7000 итальянцев. Наш урон 1883 человека. При Бауцене диспозиция Витгенштейна стремилась предвидеть все заранее, до последних мелочей (даже употребление резервов!). У союзников было 96000 при 610-ти орудиях, у французов 165000 при 250-ти орудиях. Пропорция конницы и артиллерии та же, что и при Люцене. Наполеон атаковал 8-го мая авангард Милорадовича и отбросил его на главную позицию. Барклай де Толли советовал не принимать боя и отступить, но Император Александр, всегда соглашавшийся с иностранцами, согласился с доводами прусских генералов, настаивавших на сражении. 9-го мая Наполеон атаковал со ста тысячами Бауценскую позицию, а Ней с шестьюдесятью тысячами получил приказание обойти правый фланг союзников и зайти им в тыл, двигаясь на гох-кирхенскую колокольню. Наполеон демонстрировал войсками Удино против левого фланга союзников, заставив притянуть туда все их резервы (Удино не знал, что это демонстрация, думал, что ему поручен главный удар и действовал очень рьяно). Витгенштейн чувствовал, что главный удар будет нанесен в правый фланг, но Государь не обратил внимания на его представления. Ней не выполнил диспозиции, увлекшись частными боями, и спас армию союзников от катастрофы. Урон союзников 12000, французов — 18000²⁰¹. Трофеев не оставлено.

23-го мая в Пойшвице заключено перемирие на 6 недель, продленное затем еще на 3 недели до 29-го июля. Одновременно, при посредничестве Австрии, завязаны были мирные переговоры. Обе стороны стремились лишь выиграть время и с лихорадочной поспешностью производили новые формирования. 30-го июля Меттерних, извещая французов о конце перемирия, присоединил к этому объявление войны Франции. Австрия вступала в коалицию.

* * *

К концу перемирия силы коалиции простирались до полумиллиона и составили три армии: главную богемскую Шварценберга у Бауцена — 237000 (77000 русских, 50000 пруссаков, 110000 австрийцев); силезскую Блюхера у Швейдница — 98000 (61000 русских, 37000 пруссаков) и северную Бернадотта — шведского престолонаследника у Бердина — 127000 (30000 русских, 73000 пруссаков, 24000 шведов). Главное командование принадлежало союзным монархам, но на деле главнокомандование перешло в руки Шварценберга. В состав коалиции вошли четыре нации: русские, пруссаки, австрийцы и шведы — армиями же командовали пруссак, австриец и швед (к тому же француз по происхождению). Русские войска, сокрушившие за год до того Наполеона во всей силе и величии, должны были играть роль пушечного мяса под командованием иностранных генералов, всегда ставивших их в самые гиблые, пусть и самые почетные места. Сказалась одна отрицательная черта Александра I: всегда отдавать предпочтение иностранцам...

В основу действий союзников был положен так называемый Трахтенбергский план (названный так по городу, где он был составлен). Согласно этому плану, та армия, против которой обратится Наполеон, должна была отступать, избегая сражения, а две другие армии действовали в то же время на сообщения противника. Первенствующее значение таким образом получил не бой, а маневр. Наполеон собрал в Германии к концу перемирия до 40000 при 1200 орудиях. До 170000 войск занимало гарнизонами разные крепости: Даву с 35000

занимал Гамбург, Сен-Сир с 40000 расположился в Дрездене, ставшем главной базой французской армии, Рапп с 30000 засел в Данциге, 35000 Дютальи вымирали от тифа в осажденном Торгау... Для действий в поле благодаря этому оставалось немногим более половины всех сил.

Три союзных армии занимали охватывающее положение относительно французской. Зато у Наполеона было преимущество действия по внутренним операционным линиям.

Этим преимуществом Император и решил воспользоваться, взяв инициативу в свои руки. Первый удар он решил нанести Пруссии, врагу опасному по своей ярости, чтобы ее разгромом удержать в подчинении всю остальную Германию. (О перемещении главных сил русской армии в Богемию он ничего еще не знал.)

Для похода на Берлин назначалась группа Удино (70000). Даву (35000) и Жирар (12000) должны были перехватить линию отступления берлинской (северной) армии союзников. Против силезской армии Блюхера оставлен корпус Нея, а против богемской (которую Наполеон полагал состоящей из одних австрийцев) — корпус Сен-Сира. Сам Наполеон с главными силами занял центральное положение в виде резерва, готового поддержать любую из этих групп — наступающую Удино, либо заслоны Нея и Сен-Сира.

Едва выяснилось наступление французов против северной армии Бернадотта, обе другие союзные армии, действуя в духе Трахтенбергского плана, перешли в наступление. Блюхер первый потеснил Нея. На выручку последнего немедленно двинулся Наполеон — и Блюхер, не приняв сражения, отступил 9-го августа.

Поход на Берлин закончился неудачей. 11-го августа Удино случайно наткнулся с частью своих сил на армию Бернадотта при Гросс Берене и был разбит. Проливной дождь препятствовал наблюдению окрестности. Саксонские войска Удино были застигнуты врасплох и разбиты раньше, чем французские контингенты успели прийти им на помощь (саксонцы жаловались на то, что французы подставили их под удар и сражение это имело крайне невыгодное влияние на мораль наполеоновских молодых войск). Урон союзников — 2000, франко-саксонцев — 2200 убитыми и ранеными, 1800 пленными и 26 орудий. Жирар²⁰² потерпел 15-го отдельное поражение при Габельс-берге, а Даву, видя это, отступил в Гамбург, где и оставался всю кампанию.

Наполеон заменил Удино Неем, снова довел свою северную группу до 70000 и повелел Нею предпринять вторично наступление на Берлин.

Тем временем из Дрездена пришли тревожные известия. Двухсоттысячная богемская армия перевалила через Богемские горы и двигалась на Дрезден, занимаемый корпусом Сен-Сира.

Надо было спешить на выручку Сен-Сиру. Оставив против Блюхера Макдональда (65000 бойцов). Наполеон форсированными маршами поспешил к Дрездену и здесь в сражении 14-го и 15-го августа наголову разбил союзников.

13-го августа под Дрезденом собралось 87000 союзников против 40000 французов, но Шварценберг медлил атакой.

14-го августа собралось 130000, однако стало известно, что на усиление Сен-Сира подошел Наполеон. Император Александр распорядился отступать, и Шварценберг отменил атаку. Однако, приказ об отмене не был доставлен своевременно Витгенштейну, который атаковал сильно укрепленные предместья Дрездена и понес большие потери. Наполеон не выпустил союзников и 15-го августа нанес им полное поражение, нанеся удар по австрийцам, в левый фланг армии. Ливень препятствовал стрельбе, и сражение велось холодным оружием. Французы потеряли до 12000. Союзники лишились 16000 убитыми и ранеными, 12000 пленными (из коих свыше 10000 австрийцев) и 50 орудий.

Армия Шварценберга после дрезденского поражения двинулась назад в Богемию (при ней находились и союзные монархи). Расстройство австрийских контингентов было полное, на 15-й день войны у них уже не было ни патронов, ни даже сапог). К счастью Наполеон преследовал слабо, ограничившись лишь высылкой в Богемию корпуса Вандаммы для захвата линии отступления союзников.

Движение Вандаммы угрожало гибелью союзной армии, столпившейся на одной дороге, пролегавшей горными дефиле Богемского леса. Армия была спасена геройским отрядом Остермана — русской Гвардией, ценой жестоких потерь сломившей натиск почти вдвое сильнейшего врага при Кульме 17-го августа. На следующий день 18-го прибыли подкрепления Барклай де Толли — и корпус Вандаммы был разгромлен и взят в плен. Решив спасти армию ценой собственной гибели, Остерман-Толстой двинулся прямо в пасть врагу. У него было 12000 против 35000 Вандаммы. В жестоком бою 17-го августа русские лишились 6000 (у Остермана оторвало ногу), но сдержали врага. В бою 18-го августа участвовало уже до 50000 союзников, лишившихся 3500 человек. У французов выбыло до 10000 убитых и раненых, 12000 (в том числе Вандаммы) с 5-ю знаменами и 84-мя орудиями — всей их артиллерией, попало в плен. Кульмская победа сияет славой на знаменах нашей Гвардии — это была любимая победа Императора Александра Павловича. Союзники смогли беспрепятственно отступить в Богемию и устроить свои войска.

Пока Наполеон сражался у Дрездена, Макдональд, оставленный против Блюхера, решил действовать наступательно. Блюхер перешел с своей стороны в наступление — и 14-го августа произошло сражение на Кацбахе — полный разгром Макдональда. Вздувшаяся от ливня река Нейссе разделила поле сражения на 2 части: на левом берегу действовал сам Блюхер с прусским корпусом Йорка, атаковавшим Макдональда в лоб, и русским корпусом Сакена, зашедшим во фланг и тыл французам, разгромившим их и загнавшим врага штыками и прикладами в разлившийся Кацбах! Здесь прославилась русская кавалерия. На левом берегу русский корпус Ланжерона, лишенный большей части артиллерии, оставленной из-за бездорожья, одолел врага с большим трудом. Сражение при Кацбахе являет собою яркий пример встречного боя. Происходило оно в бурю и ливень, сделавший стрельбу невозможной, как при Гросс Берене и Дрездене. Несмотря на непрестанные бури и проливные дожди, Блюхер преследовал до 19-го августа. Урон французов — 12000 убитыми и ранеными, 18000 пленными, 2 знамени, 105 орудий. Союзники лишились около 8000 (всего 75000 союзников с 200 орудиями против 65000 французов при 200 орудиях).

Наполеон поспешил на выручку Макдональду, но Блюхер опять не принял боя с главными силами противника и отступил. Тем временем Шварценберг демонстрировал частью сил на Дрезден. Сен-Сир снова запросил помощи. Наполеон опять обратился на Дрезден (24-го августа) — и союзники ретировались, уклонившись от боя.

24-го августа армия Нея двинулась на Берлин. Походу этому суждено было продлиться всего три дня — в сражении при Денневице Ней был разгромлен и отступил. При Денневице 55000 союзников после упорного боя, с потерей 9000, разбили 70000 французов, лишившихся 18000 (главным образом пленными), 4-х знамен и 60 орудий. Ней совсем не руководил боем, занимаясь одним лишь корпусом Бертрана и забросив остальные. Тяжесть боя легла на пруссаков, но самый блестящий эпизод выпал на долю русских: ездые и номера одной из артиллерийских рот пошли в атаку на французскую пехоту и захватили орла. Свидетель этого подвига Бернадотт снял перед ними шляпу и сказал: В первый раз я вижу, что артиллерия берет у пехоты знамя... и притом у пехоты французской! Положение французов в Германии стало критическим.

* * *

Победы богемской армии при Кульме, силезской — на Кацбахе, северной — при Гросс Берене и Денневице подняли дух союзников. Французам эти поражения обошлись в 80000 человек и 300 орудий, войска их стали деморализоваться. Первая половина сентября прошла в бездействии. Союзники усилились новыми русскими контингентами — подошедшей польской армией Беннигсена (60000), после чего положили перейти к решительным действиям.

Союзные армии двинулись двумя массами. Северная и силезская под общим начальством Блюхера перешли Эльбу, богемская и польская под руководством Шварценберга дебушировали из Богемии. В тылу Наполеона восстала Бавария. Наполеон хотел вырвать инициативу из рук союзников и пошел на Блюхера, но тот опять уклонился от

сражения. Тогда Император решил пойти на Берлин, но известие о выступлении Баварии (чем порывалась его связь с Рейном и Францией) заставило его отказаться от этого и отойти к Лейпцигу. В последних числах сентября 1813 года Лейпциг играл роль громадного магнита, притягивавшего к себе как французскую армию, так и армии союзников, гигантским полукругом охвативших город и армию Наполеона с трех сторон. Превосходство в силах союзников было более чем в полтора раза: они располагали 316000 бойцов при 1335-ти орудиях — тогда как Наполеон мог сосредоточить самое большее 190000 человек и 700 орудий.

Генерал Бонапарте, конечно, не принял бы боя при таких невыгодных условиях и отошел бы за Рейн, сохранив армию. Но Император французов не мог решиться на такой шаг, оставлявший на верную гибель 170000 французских войск, запертых в крепостях Германии.

И Битва Народов 4-го, 6-го и 7-го октября под стенами Лейпцига закончилась — несмотря на плачевное управление Шварценберга — полным разгромом Наполеона. 2-го октября Витгенштейн предпринял усиленную рекогносцировку на Любартсвольковиц (знаменитый конный бой), выяснившую, что в лейпцигский район успело прибыть всего 65000 французов. Несмотря на тройное превосходство в силах, Шварценберг не атаковал, а перешел в наступление лишь 4-го октября, когда против 193000 союзников Наполеон успел уже сосредоточить 172000. Фронт шел по дуге в 15 верст, главный удар наносился в этот день левым (южным) флангом союзников. Разрозненные атаки союзников успеха не имели, и Наполеон, сосредоточив 100 эскадронов Мюрата, прорвал расположение союзников. Император Александр едва не попал в плен, но был спасен блистательной атакой Лейб-Гвардии Казачьего полка (Орлов-Денисов) и Конвоя. На правом фланге союзники имели тактический успех, тогда как левый с трудом отбил удар. 5-го октября наступило затишье, и к союзникам подошло 110000 свежих подкреплений. Наполеон не решился отступить, и 6-го октября участь его была решена. Побоище этого дня (концентрическое наступление союзников) завершилось разгромом французской армии. Саксонские контингенты изменили французам. Шварценберг построил отступавшим французам золотой мост и не перехватил им путь отступления, несмотря на советы русских генералов. 7-го октября утром русские штурмом взяли Лейпциг и сбросили французский арьергард в реку Эльстер. Французы лишились 40000 убитыми и ранеными (убит Понятовский), 20000 пленными, 325 орудий. Союзники потеряли 45000, из коих 22000 русских, 14000 пруссаков, 9000 австрийцев²⁰³. Во II пехотном корпусе генерала Сакена оставалось 1800 человек. В Архангелогородском полку осталось 180 штыков. Смертельно ранен Неверовский.

Пропадали гарнизоны крепостей, пропало и две трети полевой армии. Наполеон смог спасти всего 60000, в двадцатых числах октября отошедших за Рейн. 18-го октября он все же мог разбить при Ганау²⁰⁴ баварскую армию, пытавшуюся преградить ему отступление.

Из более чем 400-тысячной армии уцелела едва седьмая часть. В январе 1813 года Наполеон еще повелевал Европой — в октябре у него осталась одна Франция.

* * *

Подобно Отечественной войне, кампания 1813 года имеет характер войны массовых армий, войны вооруженных народов. У французов действуют армии плохо обученных новобранцев. Прусские войска, в большинстве получившие поверхностную подготовку, дерутся с большим воодушевлением и яростью. Австрийцы располагают армией профессионалов, плохо снабженной и с плохим высшим командным составом. Русские войска, как по своим бесподобным боевым качествам, так и благодаря блестящему кадру начальников всех степеней, являлись ядром коалиции — ее авангардом в наступлении, ее арьергардом в отступлении, ударной группой в бою. Кульм, Кацбах и Лейпциг — прежде всего русские победы.

Витгенштейн, как полководец, гораздо выше Шварценберга. Но ему не повезло, как не повезет и в 1828 году в Болгарии. Против него, молодого еще (45 лет) главнокомандующего, были самые обстоятельства, был сам монарх... В то время, как Франц I покрывал все

бесчисленные промахи своего Шварценберга — Александр I открыто принимал сторону немецких союзников против русского главнокомандующего (Баупен).

Нельзя сказать, что Наполеон явил в 1813 году лучшие образцы своей стратегии. Полководчество его слабо, гений его, казалось, еще не оправился от разгрома в русском походе.

Из всей французской армии всего лишь половина принимает участие в военных действиях. Другая запирается Наполеоном в крепостях по Висле, Одере и Эльбе, где мрет от тифа и в конце концов сдается. Эта разброска сил еще более той, что была допущена в 1812 году.

Стратегически армия Наполеона находилась в Германии в том же положении, в каком находилась в свое время в Италии армия генерала Бонапарта. И теперь, как и тогда, она действовала по внутренним операционным линиям. Но какая громадная разница между выполнением в том и другом случае!

Решив нанести главный удар Северной армии союзников, Наполеон выделяет на это главное направление лишь около трети всех сил, причем сам не принимает на себя руководства, а поручает таковое сперва Удино — лихому командиру, но второстепенной величине — затем Нею — бесспорно храбрейшему солдату Великой Армии, но неспособнейшему из ее маршалов. Даву был бы здесь более уместен.

Нанеся поражение богемской армии при Дрездене, Наполеон не преследует ее, не пожинает всех плодов победы, более того — подставляет корпус Вандамма под отдельное поражение при Кульме.

Наконец, решив дать генеральное сражение при Лейпциге и имея в тылу позиции реку, Наполеон не озаботился своевременным устройством переправ. Стоило ли давать фридландское сражение, чтобы шесть лет спустя повторить ошибку Беннигсена? Катастрофа с арьергардом (Понятовский, Лористон) легко могла обратиться в катастрофу для всей французской армии, будь у союзников более способный главнокомандующий. В лейпцигском сражении Император совершает ошибку, противоположную допущенной им в бородинском сражении — там он не доводит дело до конца — здесь излишним упорством губит свою армию. 5-го октября еще можно было все спасти своевременным отступлением, но этот драгоценный день потерян даром — и 6-е октября превращает нерешительное сражение 4-го числа в непоправимый разгром.

Полководчество Кутузова в 1812 году выше полководчества Наполеона 1813 года. Отказавшись от возобновления сражения при Бородине 27-го августа и от боя под стенами Москвы 1-го сентября (совет в Филях), Кутузов проявил большую силу духа, чем Наполеон при Лейпциге.

Сокрушение Наполеона. Кампания 1814 года

В конце октября 1813 года союзные армии вышли на Рейн. Северная армия, разделившись на отдельные корпуса, овладела всей северо-западной Германией (кроме Гамбурга, где Даву продержался до самого падения Наполеона), Голландией и Бельгией. Силезская армия Блюхера и главная Шварценберга расположились на Рейне.

К зиме пали все французские крепости в Германии. Данциг, осажденный осадным корпусом во главе с герцогом Вюртембергским, сдался 10-го ноября. Гарнизон под начальством генерала Раппа (из бывших первоначально) получил было разрешение вернуться во Францию, но Император Александр настоял на его безусловной сдаче.

В крепости взято 1300 орудий. Аналогичный случай имел место в Дрездене. Корпус Сен-Сира, блокированный с конца августа, выговорил себе право свободного выхода, но, по настоянию Государя, положил оружие 6-го ноября в количестве 34000 человек при 245 орудиях. В Торгау находилось 35000 человек, из коих по капитуляции (10-го января 1814 года) сдалось 5000, а 3000 нашли в этой крепости свою могилу. Соппротивление их принесло лишь вред французской армии отвлечением гарнизонов, и участь их была решена в лейпцигском сражении.

Англия и Австрия склонялись на мир, против чего были Россия и Пруссия. Александр

стремился добить Наполеона. Для Пруссии борьба с Наполеоном являлась вопросом жизни и смерти. Мнение Александра I взяло верх — и на военном совете во Франкфурте 19-го ноября решено продолжать войну. Австрия, в расчеты которой отнюдь не входило окончательное сокрушение французской империи, настояла все же на одновременном открытии мирного конгресса в Шатильоне.

Вторжение во Францию было основано на двойном охвате Вогез — с севера армией Блюхера (на Мец — Нанси) и с юга армией Шварценберга (на Базель Лангр).

Переход Рейна занял весь декабрь месяц (с 8-го по 23-го). Осада рейнских и восточно-французских крепостей, оккупация занятых областей и преувеличенные опасения Шварценберга за свои сообщения повлекли за собой разброску сил, и для активных действий оставалось: у Шварценберга — 70000 (из 198000), а у Блюхера всего 26000 (из 75000). В русских войсках, бывших свыше чем за тысячу верст от своих баз, наблюдался огромный некомплект — полки в 400–500 штыков были обычным явлением.

Наполеон был застигнут врасплох. Он не предвидел зимнего похода союзников и не успел еще собрать армии. Имевшиеся же силы были собраны главным образом на севере Франции, в предвидении вторжения союзников через Бельгию. Император поспешил на угрожаемую восточную границу и в первых числах января сосредоточил 41000 у Витри.

Шварценберг действовал крайне вяло. Дойдя 5-го января до Лангра, он приостановил наступление (отговариваясь унтеркунфтом и получив от своего правительства, ведшего двойную игру, тайное предписание не усердствовать). Главная армия стала у Лангра на квартиры.

Блюхер двинулся стремительно из Рейнской области через Лотарингию в Шампань, обойдя Нанси. Его армия быстрыми переходами вышла в долину реки Обе и стала как бы в авангарде главной армии Шварценберга.

Наполеон устремился на Блюхера. 17-го января произошло сражение при Бриенне — Блюхер отступил на армию Шварценберга. По настоянию Императора Александра, Шварценберг перешел в наступление и поддержал Блюхера. Союзники атаковали 20-го января армию Наполеона при Ла-Ротьере и одержали полную победу, которой, однако, не воспользовались. При Бриенне 26000 союзников вначале разбили французский авангард и расположились на ночлег. Вечером явился Наполеон с главными силами и вытеснил союзников (заснувший Блюхер едва не попал в плен). Урон союзников — 3000 человек, французов — 3000 и 5 орудий. При Ла-Ротьере 72000 союзников (27000 русских) сражалось с 40000 французов. Бой длился 12 час. Наш урон 4600 человек (3000 русских), французов — 6000 человек и 43 орудия (из коих 27 взято русскими). Французы отошли на Труа. Шварценберг не решился идти туда же, а сперва двинулся на Сене.

21-го января состоялся военный совет, на котором решено опять разделить силы. Союзники должны были двигаться на Париж двумя массами — Шварценберг долиной Сены, Блюхер — долиной Марны. В последних числах января армия Шварценберга была доведена до 100000, Блюхера — до 50000. Зато и у французов успело собраться 70000.

Оставив на Сене против Шварценберга 40000, Наполеон с 30000 двинулся на ненавистного ему Блюхера. Этот последний, решив окружить и уничтожить при Шалоне корпус Макдональда, затеял сложный маневр, разбросав свои корпуса на Марне. Корпуса эти двигались без всякой связи (как это ни невероятно, но во всей армии Блюхера в этот момент было всего лишь 600 всадников — вся остальная конница либо оставлена у Шварценберга, либо еще не присоединилась).

Наполеон действовал блестяще. Перейдя через Сен-Гондские болота, он как снег на голову нагрнул на войска Блюхера в долине Марны — и рядом коротких, быстрых ударов разгромил их по частям: 29-го января корпус Олсуфьева при Шампобере, 30-го корпус Сакена при Монмирале, 31-го корпус Йорка при Шато-Тьерри. Блюхер торопливо стал стягивать свои войска, но 2-го февраля был еще разбит при Вотане и Этоже. За эти пять дней он лишился почти трети своей армии — 16000 человек и 50 орудий. Корпус Олсуфьева состоял из 3700 человек (огромный некомплект) при 24 орудиях и имел всего 12 всадников.

Он оказывал отчаянное сопротивление весь день, потеряв 2500 человек и 9 орудий. Олсуфьев был взят в плен. Михайловский-Данилевский передал разговор пленного Олсуфьева с Наполеоном. Император (полагавший корпус Олсуфьева по сопротивлению в 4 раза сильнейшим сперва поиронизировал на счет Блюхера — вот ваш пьяница Блюхер! Затем он перевел беседу на 1812 год и стал жаловаться на то, что русские сожгли Москву — такой прекрасный город. Русские не сожалеют своих деяний, но гордятся ими! — отвечив Олсуфьев. Наполеон топнул ногой и указал Олсуфьеву на дверь. При Монмирале корпус Сакена лишился 3700 человек (2800 русских, 900 пруссаков) и 8-ми орудий. Французы потеряли 2000 человек.

Разделавшись с Блюхером, Наполеон обратился на Шварценберга. Быстрыми маршами он двинулся с Марны на Сену.

Шварценберг занял тем временем Труа (26-го января). Здесь он получил секретное предписание своего кабинета Сены не переходить. На требования Императора Александра ускорить движение, он отвечал полумерами. 2-го февраля Платов с казаками совершил блестящий набег на Фонтенбло — в глубокий тыл французам, наведя панику в Париже.

Наполеон, прибыв на Сену, соединился с оставленным здесь заслоном, собрал 60000 и 5-го февраля при Нанжи разбил авангард Палена, а 6-го при Монтро нанес поражение Вюртембергскому корпусу. Авангард Палена состоял всего из 4300 человек при 14 орудиях. Он был атакован вдесятеро превосходившими силами и разгромлен с потерей свыше 2000 человек при 10 орудиях. У принца Евгения Вюртембергского было всего 10000 с 40 орудиями. Он потерял 5000 человек и 25 орудий. Урон французов за оба эти боя около 3000.

* * *

Обе армии союзников, потерпев поражение, соединились 9-го февраля у Труа, а 12-го очистили этот город. В этот день было решено опять разделить силы: Шварценбергу со 100000-ми отступать к Лангру, Блюхеру с 50000-ми наступать на Париж. Это решение, стратегически абсурдное (обе армии разводились в противоположные стороны), может быть объяснено лишь тенденциями австрийской политики.

Блюхер двинулся на Марну в тот же день 12-го — и Наполеон с 35000-ми последовал немедленно за ним, оставив на Сене корпуса Удино и Макдональда. Прусский фельдмаршал поставил себе целью разбить поодиночке стоявшие на Марне корпуса Мармона и Мортье, но оба маршала отошли за Марну в долину Урка, уничтожив за собой мосты.

Армия Блюхера усилилась до 105000 (65000 русских, 40000 пруссаков). Решив действовать на Париж с севера, он перешел на правый берег Эны, причем русский корпус Винцингероде 20-го февраля овладел Суассоном. Авангард Чернышева (4200 человек) овладел Суассоном с потерей на приступе 200 человек. В плен взято 3600 французов при 13-и орудиях.

Наполеон со своей стороны решил отрезать армию Блюхера от Бельгии и перешел за ней Эну. 23-го февраля произошло сражение при Краоне — почетное для русского оружия арьергардное дело. Блюхер отошел к Лаону. Наполеон атаковал его 25-го и 26-го на лаонской позиции, но неудачно — и отступил за Эну. Блюхер все же приостановил свое наступление. Сгаопп! и Баоп произносятся Краны и Лан, но мы сохраняем славную транскрипцию наших знамен. При Краоне 18000 русских сражалось с 30000 французов весь день. Главные силы союзников не успели изготавиться для удара. Наш урон — 5000, французский — 8000. При Лаоне 25-го февраля Наполеон имел 44000, союзники из 100000 ввели в бой около трети (главным образом пруссаков). Воспользовавшись тем, что корпус Мармона был отделен от главных сил непроходимым болотом, прусские корпуса Йорка и Клейста²⁰⁶ произвели на него в ночь на 26-е нечаянное нападение и совершенно разгромили его (для распознавания своих в темноте пруссаки использовали врожденную неспособность французов к иностранным языкам и положили окрик Гейрих! и отзыв на него Эрих! т. е. два слова, которые французскому горлу никак не произнести). 26-го все атаки Наполеона были отбиты и он стал отступать. Однако Блюхер заболел, а заместивший его начальник штаба Гнейзенау²⁰⁵ не решился на преследование, несмотря на все представления корпусных

командиров и более чем двойное превосходство в силах. Союзники лишились 2000 человек. Наполеон — 9000, из коих половина пленными, и 46 орудий.

Императору надо было поднять дух войск, упавший после лаонского сражения. Он быстро двинулся на Реймс, куда только что прибыл шедший от Рейна русский корпус Сен-При, и 1-го марта, напав на этот изолированный корпус, разбил его. Корпус Сен-При насчитывал 13 500 человек, у Наполеона было до 40000. Русские были застигнуты врасплох и потеряли свыше трети всего состава (3500 убитыми и ранеными, 1500 пленными и 10 орудий). Урон французов — всего 700 человек. Сен-При — французский эмигрант — нашел здесь смерть от французского ядра. 5-го марта Мармон и Мортье атаковали занимавший Суассон русский отряд генерала Рудзевича, очистивший город после упорного двухдневного боя и по приказанию Блюхера.

Тем временем главная армия приостановила свое отступление на Лангр, узнав, что Наполеон пошел за Блюхером. 15-го февраля Витгенштейн разбил Удино и Макдональда при Бар-сюр-Обе и 19-го союзники опять заняли Труа, а в двухдневных боях у Арси-сюр-Обе 8-го и 9-го марта французы снова потерпели поражение. При Барсюр-Обе 44 тысячи Витгенштейна разбили 28 тысяч Удино. Наш урон — 1500 человек, Витгенштейн ранен; у французов убито 3000 (Витгенштейн и Удино — два постоянных противника в 1814 году, как в 1813 и 1812 годах). При Арси 40000 союзников сражалось с 30000 французов. Потери союзников — 3000, французов — до 7000 и 7 орудий.

От Реймса Наполеон поспешил на Сену. Блюхер тоже пошел на соединение с армией Шварценберга. У Наполеона, за выделением корпусов Мармона и Мортье под Париж, оставалось еще 40000. У союзников было 180000. После сражения при Арси перед Императором встала дилемма — отступить к Парижу, либо действовать наступательно на сообщения Шварценберга. Зная чрезмерные опасения союзного главнокомандующего за унтеркунфт и коммуникации, Наполеон избрал второй способ действий — косвенную защиту Парижа. Шварценберг решил воспользоваться своим огромным численным превосходством, чтобы добить армию Наполеона, и отдал соответственные распоряжения, но Император Александр решил иначе.

12-го марта в Сомпюи у Государя состоялся военный совет (Барклай де Толли, князь Волконский, Дибич и Толь), на котором русскими начальниками было поставлено всеми силами двинуться на Париж, оставив лишь небольшой отряд занимать Наполеона. Шварценбергу пришлось согласиться.

Против Наполеона был оставлен корпус Винцингероде (10000 легких войск) все же остальные силы устремились к Парижу — армия Блюхера на Сезанн, армия Шварценберга на Фер-Шампенуаз.

13 марта русская конница обеих армий имела блистательное дело при Фер-Шампенуазе, разгромив корпуса Мармона и Мортье и совершенно уничтожив две шедшие к этим маршалам дивизии. Фер-Шампенуаз — двойная победа. Конница главной армии расправлялась с корпусами Мармона и Мортье, тогда как конница силезской армии рубила дивизии Пакто и Аме в 7-ми верстах. Оба французских корпуса (17000 человек, 68 орудий) неожиданно наткнулись на конницу Палена (8000 сабель утром, 12000 при 60 конных орудиях в полдень). Бой длился до 3 часов, маршалы были опрокинуты и окончательно разбиты тогда, когда попытались контратаковать, приняв канонаду по соседству за приближение Наполеона, тогда как это конница силезской армии громила две французские дивизии. Они потеряли свыше 5000 человек и почти всю артиллерию (59 орудий). В то же время конница силезской армии наткнулась на дивизии Пакто и Аме (6000 человек, 16 орудий). Барон Корф, имея всего 2000 сабель и 4 орудия, атаковал в 2 часа эти дивизии, дравшиеся с большим мужеством. Атака была поддержана и развита конницей Васильчикова, а Император Александр лично привел сюда часть конницы главной армии. Обе французские дивизии были изрублены (Государю, въехавшему в самую сечу, еле удалось прекратить резню), их остатки взяты в плен. Всего при Фер-Шампенуазе 12000 русской конницы при 94-х орудиях, с потерей до 2000 человек, разгромили 23000 французов

с 84-мя орудиями, лишившихся 11000 человек (свыше 9000 пленных, включая раненых и 75 орудий). А 18-го числа 170000 союзников²⁰⁷ стояло под стенами Парижа!

19 марта русские войска штурмом взяли Белльвильские высоты и Монмартр. Париж был у ног Русского Царя — и на следующий день русские и их союзники торжественно вступили в столицу Франции. В штурме Парижа приняло участие до 100000 (почти все русские). Столицу защищало 40000 французов — корпуса Мармона и Мортье, разбитые при Фер-Шампенуазе, и национальная гвардия. Потери штурмующих велики — 8400 человек. Это самое кровопролитное дело за всю кампанию 1814 года. Взято 1000 пленных и 126 орудий (из 154-х, бывших у французов). Защитники Парижа лишились, кроме того, 4000 убитыми и ранеными.

Наполеон, разбивший Винцингероде при Сен-Дизье 14-го марта, лишь тогда узнал о походе союзников на Париж. Он бросился к своей столице, но было уже поздно. В день штурма Монмартра он дошел лишь до Фонтенбло. Здесь получил он роковую весть и 30-го марта отрекся от престола, чтобы год спустя вновь попытать счастье.

Мы упомянем лишь для памяти о походе наших войск Барклая де Толли с Рейна на Сену в июне 1815 года по возвращении Наполеона с острова Эльбы. Полет орла длился всего 100 дней — и на фламандской равнине он был заклеван немецкими коршунами²⁰⁸. Император Александр прибыл вовремя, чтобы спасти Париж от дикой ярости тевтонов. Слово Императора Всероссийского в те дни являлось законом для Европы...

* * *

Зимнее солнце 1814 года озарило последние подвиги французского оружия, подвиги последней горсти храбрецов Великой Армии и необученной молодежи. Канонада Шампобера и Монмирала была последним отголоском громовых раскатов Риволи и Маренго, Аустерлица и Ваграма. Это — отчаянная борьба, отчаянный вызов Наполеона своей судьбе...

Шампобер и Монмираль, Этож и Шато-Тьерри, Краон и Лаон, Реймс и Монтро прыжки затравленного зверя, великолепные в своем трагизме, но не могущие изменить того, что было предопределено Волей Божьей и русскими штыками на полях Бородина и Малоярославца, Кацбаха и Лейпцига...

Кампания 1814 года — это медленное движение главной массы союзников армии Шварценберга — из Швейцарии на Верхнюю Сену — от Лангра до Труа и обратно. Другая меньшая масса Блюхера наоборот чрезвычайно активна — всю кампанию собственно можно резюмировать как единоборство Наполеона с Блюхером. Обе их армии гоняются одна за другой по всему северо-востоку Франции, причем перевес, в конце концов, остается за Наполеоном, трижды принуждающим Блюхера отказаться от похода на Париж (Бриенн, Монмираль, Лаон — в последнем случае Блюхер не посмел воспользоваться своей победой и, несмотря на отступление Наполеона к Реймсу, не двинулся на Париж).

Блюхер и Шварценберг — две полные противоположности. Одного все время приходится сдерживать, другого все время понукать. Свирепый рейтар, всей душой ненавидевший французского угнетателя, Блюхер был прозван подчиненными генерал Вперед. Глубоко невежественный рубака, он обладал однако сердцем героя. Когда Оксфордский университет в 1814 году поднес Блюхеру диплом доктора прав Ыоппз саиза — Блюхер полагавший по простоте душевной, что доктор лишь тот, кто лечит больных, сказал: Если уж хотите, чтобы я был доктором, то произведите Гнейзенау хотя бы в аптекари. Убежденный русофил, Блюхер всегда требовал себе в конвой русских гусар и казаков, ставя их всегда в пример пруссакам. Наполеон на словах презирал его, в то же время инстинктивно угадывал в нем своего наиболее опасного врага. И старому Блюхеру действительно суждено было в один июньский вечер нанести Наполеону последний и окончательный удар...

Совсем другой складки Шварценберг. Большой барин, в то же время образованный и светский человек — он не был, однако, полководцем, в то время как Блюхер, бесспорно, был таковым. В полководческом отношении это австрийский Потемкин (без политического гения Потемкина, но с бесспорным политическим чутьем). Его военный кругозор — кругозор

любого начальника дивизии, фельдмаршал-лейтенанта императорско-королевской службы. Как всякий посредственный полководец, да еще рутинер, да еще австрийский рутинер — он чрезвычайно боится за свои фланги и коммуникации и большой любитель всякого рода унтеркунфта и нихтбештимтзагерства. Все это австрийское полководчество, кроме того, тормозится австрийской политикой. Австрии нет никакого расчета окончательно сокрушить Наполеона — это в конце концов зять кайзера Франца (тогда как Бурбоны — вековые соперники Габсбургов). Наполеона, конечно, не мешает проучить, взять реванш за Ульм и за Ваграм, отобрать у него первенство в Германии, по праву принадлежащее Австрии, а затем он сможет еще пригодиться... хотя бы против Пруссии, чего доброго вздумающей оспаривать у Австрии ее преобладание в немецких землях. Таковы расчеты венского кабинета, сквозящие в инструкциях Меттерниха Шварценбергу.

Исключительно важную роль, как полководец, сыграл Император Александр I. Его решение (совет в Соммпио) идти на Париж в шесть дней закончило грозившую затянуться войну. Русские начальники лучше, чем какие-либо иные, знали основное требование военного искусства — разгром живой силы противника. Но гибкая и живая русская национальная военная доктрина подсказывала им, что из этого правила есть одно исключение: а именно, в случае войны с Францией, главной целью должен быть захват Парижа, ибо кто владеет Парижем, тот владеет Францией.

Насколько русское военное искусство 1814 года, жившее еще наследием великого века Екатерины, стояло выше немецкой военной доктрины 1914 года! Насколько русская национальная военная доктрина оказалась могучее хваленной Мольтке-Шлиффеновской казуистики!

* * *

Все боевые отличия, пожалованные за Отечественную войну, имеют одну общую надпись: За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году. Этим самым войска награждались за доблесть, проявленную ими с первого и до последнего дня этой славной кампании: за подвиги, оказанные в отдельных сражениях, наград не жаловалось. Исключение составляют — отличие 3-го гренадерского Перновского (за Вязьму), 11-го пехотного Псковского, 61-го пехотного Владимирского полков (оба за Городечню) и 5-й конной батареи (за Красный, где номера и ездые во главе с поручиком Никитиным пошли в конном строю в атаку и захватили французскую батарею). Смоленск, Бородино и Полоцк не упомянуты ни разу. Многие награды, пожалованные за кампанию 1814 года, имеют надпись: За отличие в минувшую кампанию, благополучно оконченную, без пояснений за какую именно минувшую кампанию — как будто после 1814 года не предполагалось больше воевать.

Лейб-Гвардии Преображенский и Лейб Гвардии Семеновский полки получили георгиевские знамена за Кульм;

Лейб-Гвардии Измайловский и Лейб-Гвардии Егерский полки — георгиевские знамена за 1812 год и георгиевские трубы за Кульм;

Лейб-Гвардии Финляндский полк — георгиевское знамя за 1812 год и георгиевские трубы за Лейпциг;

Лейб-Гвардии Литовский полк — георгиевское знамя за 1812 год;

Гренадерский и Павловский полки — права молодой Гвардии и георгиевские знамена за 1812 год;

Кексгольмский гренадерский полк (ныне Лейб-Гвардии Кексгольмский) — знаки на шапки за Арси-на-Обе 1814 год;

Санкт-Петербургский гренадерский полк (ныне Лейб-Гвардии Санкт-Петербургский) — знаки на шапки за 1812–1814 годы.

1-й лейб-гренадерский Екатеринославский полк — знаки на шапки за 1812 год;

2-й гренадерский Ростовский полк — георгиевское знамя за 1812 год и георгиевские трубы за 1812–1813 годы.

3-й гренадерский Перновский полк — знаки на шапки за Вязьму 1812 года;

- 5-й гренадерский Киевский полк — знаки на шапки за 1812–1813 годы;
- 6-й гренадерский Таврический полк — знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 8-й гренадерский Московский полк — знаки на шапки за 1812 год;
- 9-й гренадерский Сибирский полк — георгиевские трубы за 1812 год и знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 10-й гренадерский Малороссийский полк — знаки на шапки за взятие Парижа; Малороссийские гренaдеры могут таким образом похваляться двумя исключительно ценными боевыми отличиями: серебряными трубами за взятие Берлина и знаками на шапки за взятие Парижа;
- 12-й гренадерский Астраханский полк — знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 2-й пехотный Софийский полк получил поход за отличие 1813 года;
- 21-й пехотный Муромский полк — поход за отличие 1812 года;
- 3-й пехотный Нарвский полк — знаки на шапки за Лаон 1814 года;
- 4-й пехотный Копорский полк — поход за, отличие 1812 года;
- 5-й пехотный Калужский полк — знаки на шапки за Бар-на-Обе 1814 года и поход за отличие 1813 года;
- 7-й пехотный Ревельский полк — поход за отличие 1812 года;
- 8-й пехотный Эстляндский полк — поход за Лейпциг 1813 года;
- 11-й пехотный Псковский полк — георгиевские трубы за Бриенн и Ла-Ротьер 1814 года и знаки на шапки за Городечню-Бауцен 1812–1813 годов;
- 17-й пехотный Архангелогородский полк — георгиевское знамя вторично да Ла Ротьер 1814 года (уже имел за Италию 1799 года) и георгиевские трубы за 181^ год;
- 19-й пехотный Костромской полк — георгиевские трубы за 1812 год;
- 24-й пехотный Симбирский полк — знаки на шапки и поход за отличие 1812 1814 годов;
- 26-й пехотный Могилевский полк — знаки на шапки за Бар-на-Обе 1814 года;
- 29-й пехотный Черниговский полк — георгиевское знамя и поход за отличие 1812 года;
- 31-й пехотный Алексопольский полк — серебряные трубы за 1813 год;
- 34-й пехотный Севский полк — георгиевское знамя за 1812 год и знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 36-й пехотный Орловский полк — серебряные трубы за 1812 год;
- 37-й пехотный Екатеринбургский полк и 38-й пехотный Тобольский полк получили георгиевские знамена за 1812 год (в эти два полка перешли от егерей серебряные трубы за взятие Монмартра);
- 41-й пехотный Селенгинский полк — поход за отличие 1812 года;
- 43-й пехотный Охотский полк — георгиевское знамя за 1812–1814 годы;
- 44-й пехотный Камчатский полк — георгиевское знамя за 1812–1814 годы и георгиевские трубы за Ла-Ротьер 1814 года;
- 46-й пехотный Днепровский полк — серебряные трубы за Бриенн и Ла-Ротьер 1814 года;
- 48-й пехотный Одесский полк — георгиевское знамя за Бриенн и Ла-Ротьер 1814 года, знаки на шапки за 1812–1814 годы и поход за отличие 1812 года;
- 50-й пехотный Белостокский полк — серебряные трубы за Бриенн 1814 года;
- 52-й пехотный Виленский полк — поход за отличие 1812 года;
- 56-й пехотный Житомирский полк — поход за отличие 1812 года;
- 61-й пехотный Владимирский полк — серебряные трубы за Городечню 1812 года и Бриенн 1814 года;
- 63-й пехотный Углицкий полк — серебряные трубы за 1812 год;
- 65-й пехотный Московский полк — георгиевские трубы за Бриенн и Ла-Ротьер 1814 года;
- 66-й пехотный Бутырский полк — георгиевское знамя за Краон 1814 года;
- 69-й пехотный Рязанский полк — знаки на шапки за 1812 год;

- 70-й пехотный Рязский полк — георгиевское знамя за 1814 год;
- 72-й пехотный Тульский полк — серебряные трубы за освобождение Амстердама в 1813 году пожалованы принцем Оранским. Это единственное боевое отличие во всей Армии, принятое от чужестранного государя;
- 77-й пехотный Тенгинский полк — поход за отличие 1812–1814 годов, особенно за Лейпциг;
- 84-й пехотный Ширванский полк — георгиевское знамя за Краон 1814 года;
- Кавалергардский полк получил георгиевский штандарт за 1812 год и георгиевские трубы за 1812–1814 годы, особенно за Фер-Шампенуаз;
- Лейб-Гвардии Конный полк — георгиевский штандарт вторично за 1812 год (уже имел за Аустерлиц), на георгиевских трубах Лейб-Гвардии Конного полка надпись: Фер-Шампенуаз Кирасирский Его Величества полк — права молодой Гвардии и георгиевский штандарт за 1812 год и георгиевские трубы за Фер-Шампенуаз;
- Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк — георгиевский штандарт за 1812 год и георгиевские трубы за Фер-Шампенуаз;
- Кирасирский Ее Величества полк — георгиевские трубы за 1812 год;
- Лейб-Гвардии Уланский Ее Величества полк — георгиевский штандарт за 1812 год и георгиевские трубы за 1812–1814 годы, на георгиевском штандарте надпись: За взятие при Красном неприятельского знамени и за отличие при поражении;
- Лейб-Гвардии Гусарский полк — георгиевский штандарт за 1812 год;
- Собственный Его Величества Конвой и Лейб-Гвардии;
- Казачий полк — георгиевский штандарт и серебряные трубы за 1812 год и подвиг при Лейпциге (спасение Императора Александра от плена);
- Лейб-Гвардии Атаманский полк — георгиевское знамя, георгиевский штандарт и георгиевский бунчук за подвиг 1812–1814 годов;
- 3-й драгунский Новороссийский полк — георгиевский штандарт за 1814 год;
- 4-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский полк — георгиевский штандарт за 1814 год;
- 6-й драгунский Глуховский полк — георгиевский штандарт за 1812 год;
- 8-й драгунский Астраханский полк — серебряные трубы за 1812 год;
- 10-й драгунский Новгородский полк — серебряные трубы за 1812 год;
- 11-й драгунский Рижский полк — георгиевский штандарт за 1812–1814 годы, серебряные трубы за Галь-берштадт 1813 года;
- 13-й драгунский Военного ордена полк — серебряные трубы за 1812 год;
- 14-й драгунский Малороссийский полк — георгиевский штандарт за 1812 год;
- 1-й уланский Санкт-Петербургский полк — знаки на шапки за 1812 год;
- 4-й уланский Харьковский полк — георгиевский штандарт за Кацбах 1813 года;
- 6-й уланский Волынский полк — серебряные трубы за 1812–1814 годы;
- 11-й уланский Чугуевский полк — серебряные трубы за 1813 год;
- 1-й гусарский Сумской полк — георгиевский штандарт за 1814 год, георгиевские трубы за 1812 год, знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 2-й лейб-гусарский Павлоградский полк — знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 3-й гусарский Елизаветградский полк — георгиевские трубы за 1812 год, знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 4-й гусарский Мариупольский полк — серебряные трубы за 1812 год, знаки на шапки за Кацбах 1813 года;
- 5-й гусарский Александрийский полк — георгиевские трубы за 1812–1814 годы, знаки на шапки за Кацбах 1813 года;
- 6-й гусарский Клястицкий (Гродненский Кульнева) полк — серебряные трубы за 1812 год, знаки на шапки за 1812–1814 годы;
- 7-й гусарский Белорусский полк — серебряные трубы за 1812 год, знаки на шапки за Кацбах 1813 года;

8-й гусарский Лубенский полк — георгиевский штандарт за 1812–1814 годы, особенно за Лейпциг;

9-й гусарский Киевский полк — георгиевский штандарт за Кацбах 1813 года, знаки на шапки за 1812–1814 годы;

11-й гусарский Изюмский полк — георгиевский штандарт за 1812 год, знаки на шапки за 1812–1814 годы;

12-й гусарский Ахтырский полк — георгиевский штандарт за 1814 год, серебряные трубы за 1812 год, знаки на шапки за Кацбах 1813 года;

17-й гусарский Черниговский полк — серебряные трубы за Кацбах 1813 года;

4-й казачий Донской (Жирова), 5-й казачий Донской (Власова 3-го), 6-й казачий Донской (Иловайского 11-го), 7-й казачий Донской (Грекова 18-го), 8-й казачий Донской (Дьячкина) полки — георгиевские знамена за 1812 год;

9-й казачий Донской (Мельникова 4-го) и 10-й казачий Донской (Мельникова 5-го) полки — георгиевские знамена за Краон и Лаон 1814 года;

Лейб-Гвардии 1-я и 2-я артиллерийские бригады — серебряные трубы за 1812 год;

Лейб-Гвардии 1-я, 2-я, 3-я и 5-я конные батареи — серебряные трубы за 1812 год;

1-я гренадерская артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1812–1814 годы;

1-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1812–1814 годы;

3-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1812 год;

8-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1812–1814 годы;

10-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1814 год;

11-я артиллерийская бригада — золотые петлицы за Лейпциг 1813 года;

12-я артиллерийская бригада — золотые петлицы и знаки на шапки за 1812 год;

14-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1814 год;

18-я артиллерийская бригада — золотые петлицы за 1812 год; в артиллерийских бригадах награды жаловались отдельным батареям, а в полках отдельным батальонам и дивизионам;

2-я конная батарея — знаки на шапки за 1814 год;

3-я конная батарея — золотые петлицы и знаки на шапки за 1814 год;

5-я конная батарея — золотые петлицы за Красный 1812 года;

7-я конная батарея — золотые петлицы и знаки на шапки за 1812 год;

9-я конная батарея — золотые петлицы и знаки на шапки за 1812 год;

18-я конная батарея — золотые петлицы за 1812–1814 годы;

22-я конная батарея — знаки на шапки за 1812 год;

4-я конная Донская батарея — золотые петлицы за 1812–1813 годы;

8-я конная Донская батарея — золотые петлицы за 1812–1814 годы.

Бросается в глаза очень небольшое число отличий за кампанию 1813 года в пехоте. За Лейпцигскую Битву Народов, где сражалось — и как сражалось — свыше ста полков, имеется всего три награды, примерно столько же, сколько за незначительное дело при Городечне. Наоборот, за Бриенн и Ла-Ротьер — два первых сражения 1814 года — при всей их незначительности в сравнении с Лейпцигом — выдано в три раза больше наград (что отнюдь не должно умалять заслуги полков, кровью и доблестью эти награды заслуживших). Объясняется это тем, что Император Александр особенно гордился ла-ротьерским делом — первой победой 1814 года — предпринятым по его личным указаниям.

На трубах и штандартах нашей конницы сияет слава двух особенно красивых побед. Первая — это день 14-го августа — когда русская кавалерия своим сокрушительным налетом загнала армию Макдональда в бурные волны Кацбаха! Второе дело — Фер-Шампенуаз, где наша конница, действуя совершенно самостоятельно, без всякой поддержки пехоты, изрубила два французских корпуса и где Император Всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй. Калишский подвиг петровских драгун через сто лет был повторен²⁰⁹ кавалерией Императора Александра Павловича.

* * *

Взятие Парижа явилось апогеем русской славы — венцом героической работы пяти поколений. Донские маштачки пили воду Сены, а праправнуки нарвских беглецов и полтавских победителей, сыновья рымникских чудо-богатырей, разгромив Европу, стали биваком на Елисейских полях!

И этим радостным видением закончился золотой век нашей истории.

Конец 1-й части

Часть (Том) 2

Глава VII. Священный союз и военные поселения

Армия Александра Благословенного

Совершена война, для свободы народов и царей подъятая. Победа, сопровождая знамена наши, водрузила их в стенах Парижа. При самых вратах его ударил гром ваш. Победенный неприятель протягивает руку к примирению! Нет мщения!

Нет вражды! Вы даровали ему мир, залог мира во вселенной! Храбрые воины, вам, первым виновникам успеха, принадлежит слава мира!.. Вы снискали право на благодарность Отечества — именем Отечества ее объявляю.

Так гласил приказ, отданный Императором Александром Павловичем своей победоносной армии в завоеванном Париже, в Духов день 1814 года. Он возвещал окончание славного пути с Оки на Сену — пути, где веками служили Тарутино и Красный, Кацбах и Лейпциг, Ла Ротьер и Фер Шампенуаз.

Войска оставались недолго в неприятельской столице, столь восторженно их встретившей. Желая привлечь к себе сердца недавних врагов. Император Александр уже в мае повелел начать эвакуацию Парижского района: отвод войск в восточные французские провинции и на Рейн (1-я Гвардейская дивизия была перевезена из Шербурга¹ в Петербург морем). Государь всячески щадил самолюбие побежденных, но при этом, увы, слишком часто приносил в жертву ему самолюбие своих войск. Благодаря этому победители не раз себя чувствовали в Париже как бы побежденными — и пребывание их в столице Франции мало у кого из них оставило приятные воспоминания. В июне Александр I отбыл в Россию, а осенью отправился в Вену, где заседала мирная конференция — тот Венский конгресс, что на целое столетие предопределил судьбу Европы.

В характере Государя по окончании заграничного похода стала наблюдаться разительная перемена. Прежняя застенчивость и нерешительность сменились твердостью и резкостью, усилилась подозрительность и недоверие к окружающим. Ему нужны были уже не советники, а лишь слепые исполнители. Мистицизм (всегда бывший у него сильно развитым) окончательно завладел им. Он пришел к заключению, что Промысел Божий предназначал ему осуществить на земле братство народов посредством братства их монархов — некую всемирную теократическую монархию, монархический интернационал. Религиозность Государя носила в те времена характер интерконфессиональный. Он мечтал о едином народе христианском, думал реформировать христианство, переделывал Библию. Идеи эти привели к заключению Священного союза².

Работы Венского конгресса были в марте 1815 года внезапно прерваны известием о возвращении Буонапарта (как его опять стали называть) с острова Эльбы. Вооруженным силам коалиции был объявлен поход. Численность их простиралась до 650000 (из коих 167000 русских).

Решительные действия в эту Кампанию ста дней произошли в Бельгии. Вечером 6 июня при Ватерлоо³ решилась судьба Наполеона, 10-го он отрекся от престола, и 21-го армии Блюхера и Веллингтона вступили в Париж.

Русская армия Барклая де Толли (225000 человек с союзными контингентами), собранная на Среднем Рейне, в последних числах мая двинулась в Лотарингию и Шампань. Отделив осадные корпуса под Мец (где встречено упорное сопротивление) и Бельфор, главные силы, при которых находились и союзные монархи, двинулись долиною Марны. Близ Бельфора монархи и их свита были обстреляны отрядом французских партизан. Тут получили боевое крещение младшие великие князья Николай и Михаил Павловичи. Единственным сколько-нибудь крупным делом этой кампании был штурм Шалона 12 июня отрядом Чернышева, захватившим при этом 6 орудий. Узнав о капитуляции Парижа, Император Александр остановил дальнейшее наступление и расположил армию на квартиры в Шампани. Весь поход он распоряжался лично, сведя роль Барклая к передаче своих распоряжений. С каждым днем он становился все более резким, все более требовательным по службе, все менее справедливым к войскам и их начальникам.

29 июля 1815 года русской армии привелось вторично вступить в Париж. Этим мероприятием Александр спас французскую столицу от грозившей ей беды: Блюхер со своими свирепыми ордами собрался было разгромить и разграбить беззащитный город. В Париж вошла 3-я гренадерская генеральская рота и кирасиры. При вступлении войск произошел печальный случай. Александр I повелел арестовать двух командиров гренадерских полков за то, что несчастный какой-то взвод с ноги сбился вспоминает Ермолов). Хуже всего было то, что Государь повелел арестовать этих офицеров англичанам! Распоряжение это возмутило всех, начиная с великих князей. Тщетно старался Ермолов спасти честь русского мундира от этого неслыханного позора. Полковники сии — отличнейшие офицеры, — молил он Государя, — уважьте службу их, а особливо не посылайте на иностранную гауптвахту! Александр был неумолим; этим подчеркнутым унижением русских перед иностранцами он стремился приобрести лично себе популярность среди этих последних, в чем отчасти и успел. Оккупация эта длилась всего месяц, и за это время случилось одно на вид незначительное происшествие, имевшее, однако, для русской армии самые печальные последствия и определившее на сорок лет весь уклад ее жизни.

Как-то, проезжая Елисейскими полями, Император Александр увидел фельдмаршала Веллингтона, лично производившего учение двенадцати новобранцам. Это явилось как бы откровением для Государя. Веллингтон открыл мне глаза, сказал он, — в мирное время необходимо заниматься мелочами службы! Современники, как Ермолов, Муравьев и другие, а за ними и позднейшие историки находят происшествие это далеко не случайным и приписывают его хитроумному расчету Меттерниха. Зная болезненную страсть Александра к муштре, австрийский канцлер без труда уговорил Веллингтона разыграть эту сцену в надежде, что Император Всероссийский после этого с головой уйдет в дорогое ему экзерцирмейстерство и не будет больше вмешиваться в политику, благодаря чему у Австрии и Англии на конгрессе руки окажутся развязанными.

И с этого дня началось сорокалетнее увлечение мелочами службы, доведшее Россию до Севастополя... Еще в Париже начались ежедневные разводы и учения, утомительные (особенно после только что окончившегося похода) парады и еще более утомительные репетиции парадов.

В конце августа 1815 года вся русская армия во Франции, готовившаяся к обратному походу, была собрана в Шампани на равнине у Вертю. И тут 28 августа Император Александр Павлович показал ее во всем ее величии и блеске своим союзникам и недавним противникам. На смотре участвовало 150000 человек и 600 орудий. Зрелище шедших разом в ногу 132 батальонов, причем из 107000 пехотинцев ни один не сбился с ноги, вызвало изумление и восторг иностранцев.

К зиме 1815–1816 годов союзные армии были выведены из Франции, где осталось однако 150000 оккупационных войск. В состав этой оккупационной армии вошли и две русские дивизии (27000 при 84 орудиях), составившие сводный корпус графа Воронцова⁴.

* * *

Никогда еще Россия не имела лучшей армии, чем та, что, разгромив Европу, привела ее

же в восхищение и в трепет на полях Вертю. Для войск Ермолова, Дохтурова, Раевского, Дениса Давыдова и Платова не существовало невозможного. До небес вознесли эти полки славу русского оружия в Европе, и высоко стоял престиж их на Родине. Молодые тайные советники с легким сердцем меняли титул превосходительства на чин армейского майора либо подполковника, статс-секретарству предпочитали роту или эскадрон и в куске французского свинца, полученного во главе этой роты или эскадрона, видели более достойное завершение службы Царю и Отечеству, нежели в министерских портфелях и креслах Государственного Совета. Все, что было в России горячего сердцем и чистого душой, одело мундир в Великий Двенадцатый год, и большинство не собиралось с этим мундиром расставаться по окончании военной грозы.

Тактически армия, имевшая непрерывный десятилетний боевой опыт — и какой опыт — стояла на недостижимой высоте. Наполеоновские уроки заставили вспомнить суворовскую науку⁵. Весь этот ценный, так дорого доставшийся опыт надо было бережно сохранить, с благоговением разработать и передать грядущим поколениям.

К сожалению, этого сделано не было. Император Александр не чувствовал мощи священного огня, обуревавшего его славную армию, — он видел лишь плохое равнение взводов. Он не замечал тактического совершенства этой армии — он видел только недостаточно набеленный этикет замкового унтер-офицера. И с грустью констатировал, насколько походы и сражения испортили его армию, отвлеченную на десять лет от своего прямого и единственного назначения церемониального марша — такими посторонними делами, как войны, пусть и победоносные. Беседуя с приближенными в 1823 году относительно оказания помощи Греции, ведшей геройскую, но слишком неравную борьбу за свержение турецкого ига, Александр I выразился так: Войн и так было достаточно — они лишь деморализуют войска(!) Такие войска стыдно вывести на Царицын луг, их надо переучить и, главное, подтянуть. Подтягивать, к счастью, есть кому. Гатчинский дух еще не угас!..

Возвращавшиеся в Россию победоносные полки и не подозревали вначале об уготованной им участи. Население встретило их с энтузиазмом, войска разошлись по квартирам — и тут скоро все походные лишения показались райским блаженством.

Гатчина воскресла. И новая Гатчина далеко оставила за собой старую. А современники стали проклинать аракчеевщину⁶, подобно тому, как их прадеды кляли бироновщину.

Ни один человек не был ненавидим современниками и потомством в такой степени, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. Ни один деятель русской истории до 1917 года не оставил по себе более одиозной памяти, чем этот суровый и непреклонный исполнитель воли своего Государя.

Перед оклеветанной памятью этого крупного и непонятого военного деятеля русский историк вообще, а военный в частности, еще в долгу.

Одиноким в семье, которой собственно у него и не было, одиноким в обществе, где все его ненавидели предвзятой ненавистью, Аракчеев имел на этом свете три привязанности. Во-первых — Служба, бывшая для него основой и целью всего существования. Во-вторых — Артиллерия — родной его род оружия, над которым он так много и столь плодотворно потрудился. В-третьих — и эта привязанность была главной — Государь. Его благодетель. Император Павел, соединил их руки в памятный ноябрьский день 1796 года, и его Будьте друзьями! стало для Аракчеева законом всей жизни.

И Аракчеев положил свою душу за царственного своего друга. Никогда никакой монарх не имел более жертвенно преданного слуги, чем был этот преданный без лести. Жертва Сусанина была велика. Но жертва Аракчеева куда больше — он отдал за Царя не только жизнь, но самую душу, обрек свое имя на проклятие потомства, принимая на себя всю теневую сторону царствования Александра, отводя на свою голову все проклятия, которые иначе поразили бы Благословенного. Наглядный пример тому — военные поселения, идею которых обычно приписывают Аракчееву, тогда как он был совершенно противоположных взглядов на эту затею и взялся за нее, лишь проводя непреклонную волю

монарха.

Хотя мое мнение об Аракчееве, как о мракобесе, ни на чем не основано. Этот мракобес основал на свои личные средства в Новгороде кадетский корпус (переведенный затем в Нижний и названный его именем), основал полтора десятка начальных училищ, ремесленных школ и первую в России учительскую семинарию, то есть сделал для русского просвещения неизмеримо больше, чем, например, тот министр Временного правительства, что упразднил, равняясь по неграмотным, русское правописание. Бескорыстие Аракчеева сказалось в 1814 году в Париже, когда он отказался от фельдмаршальского жезла, на который имел право, как создатель сокрушившей Наполеона русской артиллерии. Тогда Александр пожаловал ему для ношения на груди свой портрет, украшенный бриллиантами. Портрет Аракчеева принял с благоговением и не расставался с ним до смерти, бриллианты же отослал обратно, в Императорский кабинет. Безгласный и преданный Аракчеев был идеальным проводником в армии идей Государя. Кроме того, он был непричастен к злодеянию 11 марта и не являлся, подобно многим (как Беннигсен), живым упреком совести Александра, всю жизнь терзавшегося своим грехом.

Аракчеева упрекают, и не без основания, в жестокости. Но он был не один, и далеко не один. Сам Государь еще в Париже неоднократно говаривал, что строгость причиною, что наша армия есть самая храбрая и прекрасная. Как можно было после этого отказываться от фухтелей? Граф был груб и даже чрезвычайно груб, был мелочен и педантичен, но все это как раз считалось в Гатчине атрибутами истинного службиста. Он обращал внимание главным образом на показную сторону, но ведь, по гатчинским воззрениям, показная сторона формализм — являлась именно основой всего военного дела. Перевоспитываться на шестом десятке лет было поздно, да и совершенно бесполезно: все эти гатчинские воззрения разделялись (и притом в гораздо сильнейшей степени) Императором Александром. Значит, не Гатчину надо было равнять по Двенадцатому году, а наоборот, Двенадцатый год подогнать под Гатчину — дух той великой эпохи вложить в гатчинские рамки, втиснуть в гатчинские неудобноносимые обряды, а что не подойдет — выбросить, как неподходящее и вовсе ненужное.

В результате — могучий и яркий патриотический подъем незабвенной эпохи Двенадцатого года был угашен Императором Александром, ставшим проявлять какую-то странную неприязнь ко всему национальному, русскому. Он как-то особенно не любил воспоминаний об Отечественной войне — самом ярком русском торжестве национальном и самой блестящей странице своего царствования. За все многочисленные свои путешествия он ни разу не посетил полей сражений 1812 года и не выносил, чтобы в его присутствии говорили об этих сражениях. Наоборот, подвиги заграничного похода, в котором сам он играл главную роль, были оценены им в полной мере (в списке боевых отличий русской армии Бrienн и Ла Ротьер значатся, например, 8 раз, тогда как Бородино, Смоленск и Красный не упомянуты ни разу).

Непостижимо для меня, — записал в свой дневник в 1814 году Михайловский-Данилевский, — как 26 августа Государь не только не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда все почти дворянские семьи в России оплакивают кого-либо из родных, павших в бессмертной битве на берегах Колочи, Государь был на бале у графини Орловой. Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года: Бородина, Тарутина, Малоярославца, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя — в Ватерлоо. В своих записках барон Толь тоже констатирует, до какой степени Государь не любит вспоминать об Отечественной войне. На репетиции парада в Верту 26 августа 1815 года Толь заметил, что сегодня годовщина Бородина. Государь с неудовольствием отвернулся от него. Прусский король соорудил памятник Кутузову в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона, и просил Царя осмотреть его на пути в Россию. Александр отказался. Он питал неприязнь к самой памяти Кутузова. Это странное обстоятельство объясняется эгоцентрической натурой Государя, требовавшего считать одного лишь себя центром всеобщего поклонения и

завистливо относившегося к чужой славе. Опала Сенявина⁸, виновного в победе над армией и флотом Наполеона, тогда как он, Александр, потерпел поражение при Аустерлице, почетная ссылка Ермолова на Кавказ, ревнивое отношение ко всем сколько-нибудь популярным в войсках начальникам — явление того же порядка, что и неприязнь к Кутузову. У Императора Александра Павловича были достоинства, были и недостатки. Мелочность являлась одной из отрицательных черт этой в высшей степени сложной и загадочной натуры.

* * *

Итак, вязкая тина мелочей службы стала с 1815 года засасывать наши бесподобные войска и их командиров. Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным на долгие, тяжелые годы. Все начальники занялись лишь фрунтовой⁹ муштрой. Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штиблетных пуговичек, ремешков, а главное — знаменитого тихого учебного шага в три темпа. В 1815–1817 годах не проходило месяца, чтобы не издавались новые правила и добавления к оным, усложнявшие и без того столь сложный гатчинский строевой устав. Замысловатые построения и перестроения сменялись еще более замысловатыми. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял — требовались плывущие стены!

У старых, выдавших всякие виды фрунтовиков в изнеможении опускались руки. Ныне завелась такая во фрунте танцевальная наука, что и толку не дашь, — писал цесаревич Константин Павлович. — Я более 20 лет служу и могу правду сказать, даже во времена покойного Государя¹⁰ был из первых офицеров во фрунте, а ныне так перемудрили, что не найдешься! — Уже так перемудрили у нас уставы частыми переменами, — писал цесаревич генералу Сипягину, — что не только затвердить оные не могут молодые офицеры, но и старые сделались рекрутами, и я признательно скажу вам, что я сам даже по себе это вижу.

Особенно тяжело пришлось гвардии, бывшей все время на глазах Государя и становившейся в первую очередь объектом всех этих жестоких нововведений. Я таких теперь мыслей о гвардии, — говорил в 1817 году цесаревич, ¹¹ — что ее столько у нас учат и даже за десять дней приготавливают приказ, как проходить колоннами, что, если приказать гвардии стать на руки ногами вверх, а головой вниз и маршировать, то промаршируют — и немудрено: как не научиться всему. Есть у нас в числе главноначальствующих танцмейстеры, фехтмейстеры, еще и Франкони найдется. Франкони — балетмейстер тогдашней итальянской оперы.

Срок службы в гвардейских частях был поэтому в 1818 году сокращен с 25 на 22 года. Сюда переводили из армии наиболее рьяных экзерцицмейстеров фрунтовиков, людей жестоких и грубых. Особенно печальную память оставил по себе некий полковник Шварц, садизм которого довел до бунта в 1820 году вверенный ему любимый полк Государя. Офицеры и нижние чины этого прекрасного полка были распределены по полкам восьми пехотных дивизий 1-й и 2-й армий. С ними приказано было особенно сурово обращаться, и возле них стали группироваться недовольные. Остается пожалеть, что эти герои Кульма не были посланы на Кавказ, где дружная их полковая семья сослужила бы большую службу. Семеновский полк был заново образован из батальонов Австрийского и Прусского гренадерских полков (как тогда официально по шефам именовали Кексгольмский и Санкт-Петербургский гренадерские полки, слывшие образцовыми фрунтовиками во всей русской пехоте). Гвардия после этого вся была сослана из столицы под Вильно и оставалась там до весны 1822 года. Находившиеся в ведении Аракчеева поселенные гренадерские полки в отношении шагистики, впрочем, ничуть не уступали гвардии.

Было поведено увольнять в чистую по выслуге 25 лет лишь тех солдат, что ни разу не были штрафованы за плохой фрунт — штрафованные должны же были тянуть свою лямку бессрочно. Штрафовали за всякий пустяк, иногда за недостаточно развернутый носок. Мера эта повлекла за собой безысходное отчаяние и имела неслыханное в благочестивой русской армии последствие — появление самоубийств, неизвестных в суворовские и даже суровые петровские времена, но ставших в тяжелый 15-летний промежуток с 1816 по 1831 год

обычным бытовым явлением. Огромные размеры приняло дезертирство, в офицерской же среде — массовый уход со службы. Солдаты дезертировали в Галицию, в Буковину, к староверам, в пустынную еще Новороссию, в Молдавию, к некрасовцам на Дунай, пробирались и дальше — к турецкому султану и в Персию. Шах персидский образовал из этих дезертиров гвардейский батальон. Император Николай Павлович даровал им амнистию — и батальон в полном составе вернулся в Россию; солдаты были частью уволены в отставку, частью дослужили срок в кавказских полках. По общему отзыву, они служили безупречно, чему способствовал, конечно, и дух Кавказской армии.

Презренный столь еще недавно фрак канцеляриста и помещичий халат вдруг обрели всю притягательную силу... Военноучебные заведения стали производить ускоренные выпуски, но покрыть ими все усиливавшийся офицерский некомплект не удавалось. Тогда пришлось прибегнуть к крайним мерам — производству из выслужившихся унтер-офицеров (что понижало качество офицерского корпуса) и просто прикреплению офицеров к службе в тех полках, где наблюдалась наибольшая утечка, а именно в поселенных войсках.

Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцицмейстерами, — писал уже в 1816 году молодой начальник 26-й пехотной дивизии генерал Паскевич¹². — У нас экзерцицмейстерство принимает в свои руки бездарность, а так как она в большинстве, то из нее станут выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск... Что сказать нам, генералам дивизии, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадера? И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора?

В год времени войну забыли, как будто ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцицмейстерской ловкостью. Эта меткая фраза дает исчерпывающую характеристику нашей военной системы до Севастополя. Фельдмаршал, о котором идет речь, — Барклай де Толли. Победителю Парижа пришлось к концу дней своих равнять носки. К сожалению, сделавшийся в скором времени всесильным фельдмаршалом, князь Варшавский уже не замечал тех язв, что так бросались в глаза генералу дивизии Паскевичу.

* * *

Это столь сокрушавшее Паскевича забвение войны и замена военных качеств плацпарадными особенно ярко сказались в уставах.

Пехотный устав 1816 года весь занят танцмейстерской наукой и ружейными приемами. Об атаке в нем не говорится ни слова!

Кавалерийский устав 1818 года отводит атаке одну главу — самую короткую. Основные положения этого устава совершенно неожиданны: считать невозможной атаку на пехотную колонну и не делать атаки на пехоту, готовую встретить конницу. После Кацбаха и Фер Шампенуаза, да еще при тогдашнем кремневом ружье, эти положения — выводы пессимистов окопного сидения мировой войны сто лет спустя — кажутся дикими и доказывают, насколько опыт только что минувшей, беспримерной в истории, войны, находился в пренебрежении у петербургских экзерцицмейстеров. При производстве атаки (если уж ее никак нельзя избежать) главное — соблюдать строгое равнение, что все время подчеркивается уставом. Горячих лошадей — сдерживать, то есть равняться не по передним, а по отстающим! Самую атаку вести рысью, переходя в карьер не дальше чем за 80 шагов (не за 100, а именно за 80). Велики должны были быть традиции первой в мире кавалерии, велик и бессмертен должен был быть ее дух, если она, несмотря на этот самоучитель робости, покрыла вновь себя славой под Шумлой и Сливной, при Кулевче и Грохове, под Германштадтом и Мюленбахом!

Артиллерийские уставы тоже сильно засорены показной мишурой — кадрилиными па номеров, отсчитываньем тактов, картинными взмахами и балансированьем банником...

Особняком среди всей этой печальной бутафории стояли изданные в 1818 году Правила рассыпного строя. Эти правила составляли не балетмейстеры, а боевые офицеры, они целиком отражали опыт минувших войн. Тактический глазомер, важность инициативы, применения к местности — все это было в полной противоположности с духом времени и

явилось поэтому гласом вопиющего в пустыне, мертвой буквой. Эти тонкие книжки в большинстве полков остались неразрезанными — рассыпной строй на смотрах не спрашивался, значит его не стоило учить. Времени и так еле хватало на самое главное: правила стойки, повороты и вытягиванье носков. Когда в 1822 году пошли слухи о неизбежности войны с Турцией и командовавший 2-й армией фельдмаршал Витгенштейн¹³ потребовал было производства полевых занятий, ему из Петербурга была прислана записка об изобретенном генералом Желтухиным (одним из великих мужей той эпохи) новом учебном шаге с повелением немедленно привести в исполнение. Этот желтухинский шаг оказался настолько трудным, что поглотил все время и все силы войск. Не поверишь, как трудно готовиться и к войне, и к мирным занятиям, писал тогда же Загряжскому начальник штаба Витгенштейна граф Киселев. Доказательство того, насколько плацпарадные требования того времени были далеки от боевых.

Каких достоинств ищут ныне в полковом командире? — спрашивает современник. — Достоинств фрунтового механика, будь он хоть настоящее дерево. Нельзя без сердечного сокрушения видеть ужасное уныние измученных ученьем и переделкой амуниции солдат. Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде другого разговора, кроме краг, ремней и учебного шага. Бывало, везде песни, везде весело. Теперь нигде их не услышишь. Везде цыц гаузы и целая армия учебных команд. Чему учат? Учебному шагу! Не совестно ли старика, ноги которого исходили 10 тысяч верст, тело которого покрыто ранами, учить наравне с рекрутом, который, конечно, в скором времени сделается его учителем.

Единственным отрядным исключением являлись кавказские полки Ермолова, жившие заветами Румянцева, Суворова и Котляревского.

* * *

По возвращении из заграничного похода русская армия состояла из 33 пехотных и 17 кавалерийских дивизий. Пехота: 1–2 гвардейские, 1–3 гренадерские, 1 — 28 пехотные дивизии. Конница: 1 гвардейская, 3 кирасирских, 4 драгунских, 4 уланских, 3 гусарских, 2 конноегерских дивизии. Пехотные дивизии были все в 6 полков, кроме гвардейских. Третьи бригады были егерские (в гренадерских дивизиях карабинерные). Кавалерийские дивизии были в 4 полка одинакового подразделения (драгунские, уланские и так далее).

Высшим соединением были корпуса — Гвардейский, гренадерский, I–VII пехотные, отдельные Финляндский и Грузинский (в 1816 году наименованный Кавказским). В состав корпусов не входили войска на Оренбургской линии и в Сибири. Каждый корпус должен был состоять из 3 пехотных, 1 кавалерийской и 1 артиллерийской дивизии. Гренадерский корпус был поселен в Новгородской губернии, I–V составили 1-ю армию (со штабом в Василькове Киевской губернии), VI–VII — 2-ю армию (со штабом в Тульчине Подольской губернии). Главная масса войск была расположена, таким образом, на запад от Днепра. Кавалерийские дивизии, не вошедшие в состав пехотных корпусов, были сведены по две в резервные кавалерийские корпуса (I–V), расположенные в центральных губерниях и Малороссии.

Общая численность армии к 1825 году достигла 924000 человек, втрое больше того, что застал Александр по вступлении на престол.

Офицерский корпус характеризовался сплоченностью и высоким товарищеским духом. Беспремерные десятилетние походы сплотили в одну семью офицерство не только одного полка, но и дивизии и даже всей армии. Этому способствовало и то, что до девяти десятых обер-офицеров были холостые (женились обычно с майорским чином).

Состав офицерского корпуса был разнородный: наряду с высококультурными людьми попадались совершенно необразованные, подчас безграмотные, особенно после усиленных производств из нижних чинов. Из инспекторского отчета по 7-му карабинерскому полку за 1825 год:

Штабс-капитан Бедуров читает изрядно, а пишет худо. Поручик Ерусалимский читает и пишет хорошо... Поручик Оников читает и пишет порядочно... Прапорщик князь Макаев за

безграмотностью обойден в чине... Пренебрежение к наукам и книгам считалось, впрочем, признаком молодчества. Великий князь Михаил Павлович¹⁴, например, закончив учение, заколотил свой книжный шкаф гвоздями. О вреде науки для армии особенно красноречиво пишет пресловутый Жозеф де Местр, иезуит, развративший тогдашнее русское общество и долгое время *persona grata* при дворе: Военные отнюдь не должны, да и не могут быть учеными... Весьма кстати было замечено во Франции, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражеский фрегат. Для армии в совокупности наука не только недостижима, но даже вредна. Наука из военного делает домоседа, лентяя, она почти всегда лишает того беззаветного мужества и удали, от которых зависит успех на войне. Пренебрежение к науке особенно сильно было до двенадцатого года (в те времена, по свидетельству современника, генерала Маевского, военная наука была у нас в диком состоянии).

Главным очагом просвещения в армии явилось Училище колонновожатых¹⁵, основанное в 1815 году в Москве Николаем Муравьевым, и Свита Его Величества по квартирмейстерской части — предмет неустанных забот Волконского¹⁶. Свита эта основана в 1803 году в составе 103 человек. Ею заведывал до 1810 года генерал Сухтелен¹⁷, а с 1810-го по 1823 год князь П. М. Волконский. В 1814 году в ней уже считалось 217 человек, а в 1825 году — 317. Звание колонновожатого отнюдь не было офицерским — это были кандидаты в офицеры Свиты.

Александр I восстановил торжественным манифестом 9 мая 1815 года Польское королевство на началах полной автономии, со своим Сеймом, законодательством, монетной системой и вооруженными силами. Введены были польские ордена Белого Орла и Святого Станислава. Государь принял титул короля польского. Наместником же в Варшаву и главнокомандующим польской армией был назначен цесаревич Константин Павлович.

Ядро этой новоучрежденной польской армии составили польские легионы наполеоновских войск. Поляки приняли эту царскую милость как нечто совершенно должное и похвалялись перед русскими, что вот возвращаются в отчизну с распущенными знаменами и барабанным боем, ничуть не побежденные москалями.

Польская армия составила 3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии в 4 полка, строевым составом в 35000 сабель и штыков¹⁸. Пехотные полки были линейные и егерские (те и другие номерные), кавалерийские-уланские и конноегерские. Командный состав, командный язык — все было польское, уставы русские, но переведенные на польский. Вообще это была иностранная армия, подчиненная русскому главнокомандующему.

В 1817 году из уроженцев Западного края был сформирован Литовский корпус в составе 2 пехотных дивизий, 1 уланской дивизии и Литовской гренадерской бригады и подчинен цесаревичу. Литовский корпус составлял как бы промежуточное звено между польскими и русскими войсками. Полки Литовского корпуса носили имена западнорусских городов и областей. Это всем нам известные славные полки 13-й и 14-й дивизий (тогда 27-й и 28-й дивизий).

Гренадерская бригада — Несвижский и Самогитский полки. Войска корпуса имели желтый с серебром прибор. Командный язык был русский, но огромное большинство офицерского состава из поляков и ополяченной, смотревшей на Варшаву шляхты. В 1830 году Литовский корпус наименован VI корпусом.

Наконец, у цесаревича в Варшаве имелся и русский отряд в составе 2 пехотных полков и сводно-гвардейской кавалерийской дивизии. Пехотные Лейб-Гвардии полки — Литовский и Волынский (Волынский развернут из Финляндского). Кавалерийская дивизия — Лейб-Гвардии полки уланский Его Величества, Гродненский гусарский, Подольский кирасирский и Польский гвардейский конноегерский.

Сын Императора Павла, но и ученик Суворова — цесаревич Константин с любовью к фрунту сочетал и любовь к войскам. Он добивался выдающихся результатов по строевой части не дрессировкой, а воспитанием, действуя на самолюбие войск, возбуждая соревнование русских и польских частей. Одновременно цесаревич обращал внимание и на

полевую подготовку своей армии. Едва не утонув в итальянский поход в неудачном деле при Бассиньяно, он обращал особенное внимание на плавание, и в этом отношении его войска достигли необычайной виртуозности — пехота, например, переплывала широкую и быструю Вислу побатальонно, стоя, с соблюдением равнения. Стараниями цесаревича польская армия за пятнадцать лет была доведена до высокой степени строевой и боевой подготовки, что и показала нам при Грохове и Дембе-Вельке... Особенным расположением цесаревича пользовался 4-й линейный полк — знаменитые чвартаки, отпетые головы, но и самые лихие строевики во всей армии. Весь в отца Константин Павлович с крайней запальчивостью сочетал редкую чуткость и рыцарский образ мыслей и поступков. Однажды, произведя развод батальону 3-го линейного полка, цесаревич, за что-то рассердившись на молодого субалтерна по фамилии Щуцкий, приказал ему взять солдатское ружье и стать в ряды. Офицеры полка оскорбились этим, и вечером на собрании, в присутствии начальника дивизии, Щуцкий заявил о своем намерении вызвать цесаревича на дуэль. Начальник дивизии засадил тогда не в меру гонорового фендрика на гауптвахту. Иначе взглянул на это дело цесаревич. Узнав о происшествии, он немедленно же явился к арестованному в сопровождении своего начальника штаба генерала Куруты. Явился сюда, чтобы исполнить ваше желание, — заявил он Щуцкому. Смотрите на меня не как на брата вашего монарха и не как на генерала, но как на товарища, который очень сожалеет, что оскорбил такого хорошего офицера. Все мои дела в порядке и генерал Курута¹⁹ получил указания на случай моей смерти. Щуцкий заявил, что удовлетворен этим. Если довольны, то обнимите меня! — сказал Константин Павлович. Щуцкого немедленно выпустили, и цесаревич на следующий день, вызвав его перед фронт полка, извинился перед ним публично. Случай этот великолепно его характеризует. Но рыцарская его натура не была оценена поляками в полной мере. Видную роль играл начальник штаба цесаревича, генерал Курута — человек гуманный, но слишком нестроевой, видный представитель масонства, сильно распространившегося в армии после заграничных походов.

Курута, сын константинопольского грека, воспитывался вместе с цесаревичем (которого Екатерина прочила в греческие императоры). Большой формалист, кабинетный деятель и феноменальный неряха, это был добрейший человек. Гневаясь на кого-либо из подчиненных, цесаревич сплошь да рядом отдавал ему приказания исключить со службы, посадить под арест такого-то. Цицас, Ваше Величество, неизменно отвечал Курута, а когда припадок гнева великого князя проходил, докладывал свое мнение о замене ареста или исключения со службы выговором без занесения одного в формуляр. Цесаревич неизменно с ним соглашался.

Александр I стремился на каждом шагу доказать полякам свое благоволение, венчавшись польской короной в 1817 году и лично открыв Сейм в 1818 году. Однако поляки, сами лишенные чувства великодушия, неспособны понимать это чувство в других. Милость эту они истолковывали как заигрывание с ними, как признак слабости России, тем более что Император Александр для привлечения сердец своих польских подданных применил уже известный нам по Парижу способ, подчеркнуто пренебрежительно относясь к русским.

Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего позволяло, — пишет Паскевич, бывший в 1818 году на варшавских торжествах, — и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорбленное национальное свое чувство. На одном из смотров подхожу я к графу Милорадовичу²⁰ и графу Остерману²¹ (они тут же были, даже их держали в Варшаве, как и нас, в черном теле, вероятно, также чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спросил их: Что из этого будет? Граф Остерман ответил: А вот что будет: что ты через десять лет со своей дивизией будешь их штурмом брать! Он ошибся на три года, — вспоминает об этом случае в своих мемуарах светлейший князь Варшавский...

ЧАСТИ, ОСНОВАННЫЕ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I:

Лейб-Гвардии Московский полк (1817 г. Старшинство полка по справедливости

должно считаться по старому Литовскому полку с 1811 г.);

Лейб-Гвардии Волынский полк (1817 г.) и 7-й гренадерский Самогитский полк (1817 г.);

Лейб-Гвардии уланский Его Величества полк (1817 г.);

Лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк (1824 г.);

Кавказская гренадерская артиллерийская бригада (1819 г.), 17-я артиллерийская бригада (1819 г.). Гвардейская 3-я артиллерийская бригада (1820 г.);

4-й, 5-й, 6-й, 8-й и 9-й саперные батальоны (1816 г.), 1-й Кавказский саперный батальон (1818 г.) и 3-й саперный батальон (1823 г.);

Николаевское инженерное училище (в 1819 г. — Главное инженерное училище, с 1855 г. — Николаевское), Михайловское артиллерийское училище и Артиллерийская академия (с 1820 г. — Артиллерийское училище, с 1852-го — Михайловское);

1-й Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1825 г.). Николаевское кавалерийское училище (1823 г. — школа Гвардейских подпрапорщиков, с 1855-го Николаевское кавалерийское училище).

Идея военных поселений и ее выполнение

Проектами военных поселений у нас стали заниматься еще в период, предшествовавший Отечественной войне. Император Александр заинтересовался примером прусского ландвера Шарнгорста, где солдат благодаря строго проведенной территориальной системе не отрывался от места родины, оставался связанный с бытом и дешево обходился казне. Эту немецкую идею решено было осуществить в русских (вдобавок гатчинских) условиях, и в 1809 году в Климовицком уезде Могилевской губернии был поселен Елецкий мушкетерский полк. Крестьяне деревень, отведенных для поселения, были высланы из насиженных мест в Новороссию (большинство их погибло в дороге). Начавшаяся в скором времени война с Францией помешала продолжению этого опыта.

По окончании войны мысль о военных поселениях всецело завладела Государем. Он видел в этом главное дело своего царствования, верное средство увеличить в несколько раз силу армии благодаря приросту осолодаченного населения при сокращении в то же время расходов на содержание вооруженной силы. Возможность для солдата оставаться хлебопашцем, заниматься привычными полевыми работами и жить с семьей должна была, по мнению Александра I, совершенно смягчить тяжесть 25-летней суровой солдатской службы, улучшить быт солдата и обеспечить его существование по окончании службы.

В 1815 году возвратившийся из заграничного похода Елецкий полк был водворен на места своих поселений, и было решено приступить к организации таковых в большом масштабе в Новгородской губернии. Против этого мероприятия энергично возражали старшие военачальники во главе с Барклаем де Толли, Дибичем и Аракчеевым, видевшие, что это повлечет за собой расстройство и ослабление боеспособности войск. Аракчеев на коленях умолял Александра не заводить поселений: Государь, Вы образуете стрельцов! Однако все представления их по этому поводу остались тщетными. Александр I был непреклонен и категорически заявил, что поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Устройство поселения решено начать с Высоцкой волости, населенной раскольниками, — осенью 1816 года туда был двинут гренадерский графа Аракчеева (Ростовский) полк. Указ о военных поселениях состоялся 9 июля 1817 года. Опыт могилевских поселений Елецкого полка был использован, и коренное население положено не выселять, а оставить на местах, влить в войска, военизировать. В черте военных поселений не было оставлено ни одного частного имения — все помещичьи усадьбы подверглись принудительному отчуждению.

Главным начальником всех военных поселений империи был назначен граф Аракчеев, взявший на себя тяжелый крест и с усердием, как всегда, принявшийся за осуществление высочайшей воли. Поместье Аракчеева — Грузино сделано центром поселений Новгородской губернии, куда был двинут Гренадерский корпус в составе 3 дивизий (18

пехотных полков и 3 артиллерийские бригады).

Одновременно с поселенным в Новгородской губернии Гренадерским корпусом было поселено в губерниях Могилевской и Витебской 6 пехотных полков, а в Малороссии 16 кавалерийских, составивших 4 поселенные кавалерийские дивизии 2 кирасирские и 2 уланские (в губерниях Слободской, ныне Харьковской, Екатеринославской и Херсонской). Начальником этого последнего — Южного округа — был назначен генерал граф Витт²².

Пехотные полки были в составе 4 батальонов: 2 действующих, 1 резервного и 1 поселенного; кавалерийские — имели 6 действующих эскадронов, 3 резервных и 3 поселенных. Под поселения полка отводилась волость.

В поселенные батальоны и эскадроны назначались местные жители. В хозяева лучшие нижние чины, прослужившие не менее 6 лет, и те из местных жителей от 18 до 45 лет, что имели собственное хозяйство. Остальные жители именовались помощниками хозяев и назначались в резервные батальоны и эскадроны, а оставшиеся за укомплектованием этих последних — в действующие, откуда соответственное число солдат переводилось в другие полки.

Поселенное население обязывалось таким образом комплектовать полк всеми способными к службе людьми. Государство брало на себя содержание и подготовку к службе детей военных поселенцев. По достижении 7-летнего возраста мальчиков отбирали в батальоны кантонистов, где они оставались до 12 лет. От 12 до 18 лет кантонисты отпускались помогать родителям по хозяйству, а с 18 становились в строй на 25 лет. Эти батальоны кантонистов скоро стали настоящей язвой военных поселений. Обращение с детьми там было бесчеловечным, и, чтобы задобрить начальство, матери и взрослые сестры кантонистов жертвовали своей женской честью.

По достижении 45 лет военные поселенцы переводились в категории инвалидов.

* * *

Жизнь поселенных войск и осолдаченного населения не замедлила сделаться невыносимой. Тяжелые земляные работы, сооружение зданий, осушка болот, постройка дорог, мостов, плотин в болотистой и нездоровой местности истощали людей, способствуя высокой заболеваемости и смертности. К середине 20-х годов смертность в ряде округов стала превышать рождаемость. День военного поселенца был расписан до последней минуты, повседневная жизнь его семьи регламентирована до мельчайших подробностей — вплоть до обязательных правил при кормлении грудью детей, мытья полов в определенные часы и приготовления одних и тех же кушаний во всех домах. Женщины, например, не смели рожать детей дома, а, чувствуя приближение родов, обязаны были являться в штаб. Читая подобные правила, не знаешь, чего здесь больше — глупости или бессердечия. За малейшее проявление частной инициативы в хозяйстве, за пустячное отступление от предписанного казенного шаблона назначались несоразмерно суровые наказания. В военных поселениях стали истребляться целые возы розог и шпицрутен.

Рота занимала 60 домов — связей, выстроенных по одному образцу и распланированных в одну линию. Нижний этаж занимало 4 семьи поселенцев (по две на каждую половину дома, имевшие общее хозяйство); верхний отводился под постой холостых солдат действующих батальонов, обязанных помогать хозяевам в работах. Перед домами проходила шоссированная улица, по которой, однако, разрешалось проезжать лишь начальству и проходить пешком. Повозки поселенцев на эту показную дорогу не пускались.

Сразу же по учреждении поселений и насильственной ломке русского крестьянского быта на казенно-прусский образец пришлось усмирять волнения осолдаченных крестьян. Особенно болезненно переживали эту ломку раскольники. Прибавь нам подати, — молили новгородские крестьяне Государя, — требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь, мы охотно согласимся, мы и там примемся работать и будем жить счастливо, но не трогай нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами. Эта челобитная, подобно всем остальным, не дошла до Александра. Волнения эти иногда переходили в открытый бунт — остались памятны так называемая Ясеновская

кампания (усмирение новгородских раскольников) и Чугуевская бойня²³ в июне 1819 года, когда было засечено шпицрутенами 70 человек.

Служба офицеров в поселениях была крайне тяжела. Постоянный надзор за частной жизнью сказывался в офицерских семьях особенно тягостным образом. Офицер нес здесь ответственность за все — и за строй своей части, и за ее полевые работы, и за скотину, и за птицу, что являлось уже совершенно не офицерским делом. Высокие сравнительно оклады жалованья привлекали к службе в поселениях беднейших офицеров, безропотно сносивших грубое обращение злоупотреблявших этим обстоятельством начальников. Офицеры пытались уходить тогда в 1824 году последовал указ — своего рода Юрьев день — запрещавший перевод офицеров из военных поселений куда-либо, кроме опять-таки военных поселений. Целая категория русских офицеров была таким образом закрепощена.

Все работы в поселениях, полевые либо домашние, производились обязательно лишь по приказанию начальства. Плохо разбираясь в тонкостях сельскохозяйственного дела, офицеры отводили душу в строевых учениях. От зари до зари затянутые в мундиры и штиблеты мужики тянули носки на плацу, а сено тем временем мокло под дождем и хлеб осыпался на корню... Хозяйства этих новгородских и могилевских крестьян, и так бедные, пришли благодаря устройству поселений в полный упадок.

Обучение касалось исключительно сомкнутого строя — шагистики и ружейных приемов. Стрельбе в цель в военных поселениях совершенно не обучали, предельным достижением был показ заряжения в те три недели в году, когда учение производилось с порохом, то есть со стрельбой холостыми зарядами. Обучаться боевой стрельбе гренадерам пришлось уже под огнем противника, когда их корпус пошел в 1831 году на Польшу.

В отношениях начальников с подчиненными господствовал полный произвол вплоть до женитьбы и выдачи замуж по жребия. Всякого рода хищения, казнокрадство и взяточничество развились до невероятных размеров. В 1842 году, например, по причине этих злоупотреблений пришлось закрыть казенные конские заводы при южных кавалерийских поселениях (тамошнее начальство сдавало в строй худших лошадей, а лучшими барышничало в свою пользу).

Вообще же в поселениях все было устроено только напоказ (Аракчеев обращал все внимание на внешнюю сторону, граф Витт просто не интересовался этим делом)²⁴. Дома содержались в образцовом, педантичном порядке, но печи на кухнях запрещали топить, дабы частым употреблением не портить оных; дороги поражали благоустройством, но по ним запрещалось ездить, мосты были сколочены на диво, но поселенцам приказывалось объезжать их вброд. Обходя дома новгородских поселений, Император Александр Павлович умилялся благополучию поселенцев, находя в каждой избе на столе жареного поросенка, и не подозревал, что этого поросенка задворками переносили из дома в дом, тогда как поселенцы которую уже неделю сидели на пустых щах. Очковитительство существовало, конечно, и в русской армии (как и во всех других армиях), но до той поры имело характер, так сказать, эндемический. С эпохи же военных поселений оно было у нас возведено в систему и наложило характерный и печальный отпечаток на всю нашу военную жизнь до севастопольского периода.

* * *

С восшествием на престол Императора Николая I Аракчеев ушел на покой, и главным начальником военных поселений был назначен граф Клейнмихель²⁵. Новгородские поселения переданы в ведение командира Гренадерского корпуса князя Шаховского²⁶, Херсонские — оставлены у Витта (обоим им присвоены права командира отдельного корпуса). Могилевские и Витебские поселения на севере, Слободские и Екатеринославские на юге образовали отдельные отряды поселенных войск. Из поселенных кавалерийских дивизий образованы III и V резервные кавалерийские корпуса.

В 1831 году Россию и всю Европу посетила доселе неизвестная повальная болезнь, характеризовавшаяся молниеносным распространением, сильными мучениями больных и очень высокой смертностью. Врачам она была знакома и раньше понаслышке под именем

азиатской холеры, но причины ее и способы лечения были им неизвестны. Старые, испытанные против чумы и различных гнилых горячек средства — устройство карантинных, оцепление зараженных местностей рогатками, окуривание проезжающих на больших дорогах — оказывались совершенно недейственными. Народ заволновался, обвиняя, как водится, в отравлении дохтуров и начальство. Беспорядки произошли по всей России — в Петербурге холерный бунт был сразу усмирён лично Государем. Стоя в коляске во весь свой богатырский рост, Император Николай Павлович скомандовал бунтовавшей на Сенной площади толпе: На колени, мерзавцы! Шапки долой! Эффект этих громовых слов был поразительный. Большое количество смутьянов Северо-Западного края и столичной черни было выслано в рабочие батальоны и направлено в военные поселения Новгородской губернии.

Расквартированные там войска Гренадерского корпуса находились в Польском походе. В поселениях оставались лишь резервные и поселенные батальоны и кантонисты, то есть как раз недовольные своей участью осолдаченные крестьяне. Азиатская гостя не миновала и тех благословенных мест, поселенцы стали умирать — и это оказалось последней каплей, переполнившей чашу...

В начале июля месяца 28 рабочие батальоны с резервными и поселенными войсками отбывали лагерный сбор в районе Старой Руссы. Разговоры питерских фабричных о том, как это они дубьем и кольями выгнали холеру, сильно подействовали на психику наряженного в мундиры серого люда — и 10 июля вспыхнул бунт рабочих батальонов, перекинувшийся затем 16-го числа и на поселенцев 1-й гренадерской дивизии. Толпы бунтовщиков разгромили Старую Руссу, зверски расправляясь с врачами и офицерами. Свыше 100 человек этих последних было замучено насмерть (среди убитых был и начальник лагерного сбора — генерал Леонтьев), сотни других избиты, арестованы и спасены от смерти лишь быстротой усмирения бунта энергичным подполковником Эйсмондом с батальоном екатеринославских гренадер.

Расправа с бунтовщиками была сурова, но вместе с тем это раскрыло Государю (лично прибывшему 25 июля на место бунта) всю действительную и неприкрашенную картину жизни и быта поселенных войск. Свыше 3000 бунтарей выслано по этапу в Кронштадт (в том числе 10-й рабочий батальон в полном составе), 2500 были прогнаны сквозь строй (150 — насмерть), все были отданы в сибирские и оренбургские батальоны.

8 ноября 1831 года состоялся высочайший указ о переименовании Новгородских военных поселений в округа пахотных солдат. Округа эти больше не считались принадлежащими полкам, поселенные батальоны и роты расформированы и наименованы волостями и селами, жители переведены на крестьянское положение, быт их изъят из ведения начальства, они опять могли вести хозяйство и строиться по своему желанию (связи отведены под постой войск). Рассолдаченное население несло рекрутскую повинность на общих основаниях (желающие могли определяться не в очередь на 15 лет вместо 25). Детей больше не отбирали в кантонисты, куда подлежали отдаче лишь дети нижних чинов действительной службы. В бывших округах 1-й гренадерской дивизии оставлены лишь поселенцы 1-го карабинерного полка, единственного, не принявшего участия в бунте, и особенно благонадежные люди других полков, а также прослужившие свыше 20 лет.

Пахотные солдаты были в общем приравнены к казенным крестьянам, но обязывались 3 дня в неделю работать на общественную пользу, заготавливая хлеб и фураж для расквартированных в их округах войск.

В 1832 году в южных поселениях эскадроны были отделены от действующих и резервных и подчинены начальникам дивизий, а в 1836 году и вовсе изъяты из ведения военного начальства. В том же 1836 году в округа пахотных солдат были обращены военные поселения Могилевской и Витебской губерний²⁷.

По посещении Кавказа Николаем I в 1837 году там решено было учредить военные поселения в областях, смежных с непокорными горскими племенами, селить там семейных солдат и дать им наделы по 15–20 десятин и различные льготы, аналогичные в общем

таковым же пахотных солдат. Сыновья их по достижении 20 лет становились в строй кавказских полков. Атмосфера Кавказской армии всегда была чужда доморощенной пруссачине, мертвящему шаблону и очковитирательству — и эти поселения, разумно и целесообразно организованные, явились надежной защитой от горцев. Постепенно они были причислены к кавказским казачьим войскам.

Когда Император Александр II вступил на престол, он упразднил батальоны кантонистов и отправил одного из своих флигель-адъютантов полковника Столыпина ревизовать округа пахотных солдат. Столыпин нашел население этих округов совершенно обнищавшим, так как для обслуживания нужд расквартированных там войск требовалось такое количество земли, что на собственное обзаведение оставалась либо неудобная земля, либо совершенно недостаточные участки. Тогда в 1857 году состоялся указ об упразднении округов пахотных солдат, чем окончательно искоренено это сорокалетнее зло.

* * *

Так закончилась прекрасная мечта Александра I облагодетельствовать русскую армию устройством ее на прусский образец. Система Шарнхорста (знаменитая Krmpersystem), безусловно, имела свои достоинства, но необходимым условием для ее осуществления был короткий срок службы, как то имело место в ландвере отнюдь не 25 лет, как то было у нас. Прусский же ландверман два месяца в году был солдатом, но солдатом настоящим, не отвлекаемым от военных занятий никакими хозяйственными нуждами, а остальные 10 месяцев был крестьянином, но опять-таки настоящим крестьянином, не обязанным маршировать под барабан за плугом, а живущим в своем отцовском доме и занимающимся хозяйством, как то сам найдет целесообразным. У нас же военный поселенец не был ни тем, ни другим поселяемый солдат переставал быть солдатом, но не становился крестьянином, а осолдаченный землепашец, переставая быть крестьянином, настоящим солдатом все же не становился. Эти люди были как бы приговорены к пожизненным арестантским ротам: с 7 лет — в кантонистах, с 18 — в строю, с 45 — в инвалидах. Они не смели отступить ни на йоту от предопределенного им на всю жизнь казенного шаблона во всех мелочах их быта, их частного обихода. Перенимая пруссачину, мы перепруссачили. Немецкая идея, пересаженная шпицрутенами в новгородские суглинки и малороссийский чернозем, дала безобразные всходы (и еще более безобразные результаты получатся затем от пересаживания на русскую почву немецкого материализма и немецкого марксизма).

Император Александр и его советники, наверное, очень удивились, если бы им сказали, что идея военных поселений, скопированная ими на Западе и прививавшаяся ими с таким насилием над природой русского человека, существует уже в России испокон веков — притом в естественном, самобытном, вполне подходящем для русских условий виде. Для этого им только стоило обратить свои взоры вместо Запада (куда они упорно смотрели) на Юго-Восток. И они увидели бы, что это их новое слово, это содружество меча с оралом было давно — и в идеальной степени — осуществлено казачеством. К чему было вводить каторжный режим для сотен тысяч русских людей, калечить их души и тела псевдозаграничными хомутами и намордниками, когда те же военные поселения были уже давно осуществлены под именем станиц тут же у нас в России? Учреждение поселений на Кавказе на казачий образец и полный их успех показали жизненность этой идеи, коль скоро она сообразуется с русскими национальными особенностями и условиями.

Как это ни покажется невероятным, но вопрос этот не пришел тогда никому в голову — так было сильно слепое и безрассудное преклонение перед иноземщиной и до того владела умами вечная наша Мекка и Медина — потсдамская кордегардия.

Политика Священного союза

Мысль о Священном союзе зародилась у Александра I, с одной стороны, под влиянием идеи стать миротворцем Европы путем создания такого союза, который исключал бы в будущем всякую возможность военных столкновений, а с другой стороны — под влиянием мистицизма, всецело им овладевшего. Последнее обстоятельство объясняет странную, совершенно невиданную в истории дипломатии редакцию этого акта, подписанного в

Париже 14 сентября 1815 года тремя императорами — во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы обязавшимися почитать себя как бы единоземцами и во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь.

Вот текст этого договора:

Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы Их Величества Император Всероссийский, Император Австрийский и Король Прусский, высочайше внутренне убежденные в том, сколь необходимо взаимные отношения подчинить высоким истинам, внутренним законам Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предметом настоящих актов есть открытая перед лицом вселенной их непоколебимая решимость руководиться заповедями сей священной веры, заповедями любви, правды и мира. На сем основываясь:

I. Соответствуя словам Священного Писания, повелевающим всем людям быть братьями, договаривающиеся монархи пребывают соединенными узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же их подданных и войск своих, как отцы семейств будут управлять ими в том же духе братства.

II. Единое преобладание правителей да будет: приносить друг другу услуги, оказывать взаимно доброту и любовь, почитать всем себя как бы главами единого народа христианского, поелику союзные государи почитают себя аки поставленными от Провидения для управления единого семейства отраслями, исповедуя таким образом, что Самодержец народов христианских не иной подлинный есть, как Тот, Кому собственно принадлежит держава, поелику в Нем Едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные.

Туманная и неясная редакция акта Священного союза допускала всевозможные толкования относительно формы этого оказания помощи, чем не замедлили воспользоваться иностранные правительства, увидевшие в русской крови удобное и вдобавок совершенно бесплатное средство для тушения своих пожаров.

Пока эти иностранные правительства не сознали той огромной выгоды, отношение их к упомянутому договору было скорее холодно сдержанным. Прусский король (сознававший, что все это его страну ни к чему не обязывает) подписал его тем охотнее, что надеялся доставить этим удовольствие царственному спасителю Пруссии. Франц I Австрийский же сперва просто заявил: Если это документ религиозный, то это дело моего духовника, если политический — то это дело Меттерниха. Сам Меттерних, вообще очень невысоко расценивавший Александра I, охарактеризовал этот акт как смесь либеральных идей с религиозными и политическими. Вскоре однако австрийский канцлер увидел всю выгоду, которую он может извлечь из Священного союза, превратив Россию в орудие для достижения своих целей, поставив русского жандарма в бессменный караул у ворот венского Гофбурга... Франция Талерана тоже увидела в присоединении к Священному союзу верное средство для получения равноправия с победителями и избавления от чужестранной оккупации (совершенно так, как сто лет спустя Германия Штреземана добьется аналогичных результатов от присоединения к пакту Лиги Наций). К союзу примкнуло и консервативное правительство Англии²⁹.

Религиозно-монархический интернационал Священного союза по форме своей идеологии имеет чрезвычайное сходство с атеистически-демократическим интернационалом Лиги Наций и утопией Соединенных Штатов Европы сто лет спустя. Эпоху конгрессов можно смело сравнить с эпохой конференций. Идеологи 1815 года и идеологи 1919 года совершили ту же коренную ошибку, применив обывательскую мораль в политической жизни. Братство монархов — такая же бессмыслица, как и единый фронт демократии. Химеры всегда останутся химерами, и прекраснодушные идеологи всегда будут обыграны дальновидными политическими деятелями, использующими их в своих целях и проповедуемый ими интернационал — в своих национальных интересах. В этом отношении Штреземан стоит Талерана³⁰ с Меттернихом, хотя, конечно, Александр I в моральном и интеллектуальном отношении неизмеримо выше Вильсона, Бриана и прочих иллюминатов и

дельцов женевской идеологии и Соединенных Штатов Европы.

Преследуемые Священным союзом строго охранительные начала выражались во внешней политике водворением всюду силой оружия порядка и тишины (принцип интервенций), во внутренней — в беспощадном подавлении всякого рода либерализма, а либерализмом Меттерних считал всякое неудобное ему движение.

Весь трагизм заключался в том, что одна лишь Россия в лице двух венценосных сыновей Императора Павла искренне уверовала в эту метафизику, сделала Священный союз целью своей политики, тогда как для всех других стран он был лишь средством для достижения их частных целей.

Мистицизм Императора Александра I был таким образом умело использован заинтересованными лицами и заинтересованными правительствами в своих собственных целях. В период с 1815 года по 1853 год, примерно в продолжение сорока лет, Россия не имела собственной политики, добровольно отказавшись во имя чуждых ей мистических тезисов и отвлеченной идеологии от своих национальных интересов, своих великодержавных традиций; более того, подчинив эти свои жизненные интересы, принеся их в жертву этой странной метафизике, самому неосуществимому и самому бессмысленному из всех интернационалов интернационалу монархическому.

* * *

В 1821 году в Греции вспыхнуло всеобщее восстание против турецкого ига. Башибузуки и египтяне творили неслыханные зверства, стремясь утопить восстание в крови и вырезав на одном лишь острове Хиосе свыше 90 тысяч христиан. Глаза всего мира были устремлены на Россию, глаза всей России — на Государя. Одно лишь слово Императора Всероссийского, посылка кораблей к греческим берегам могли бы спасти десятки, сотни тысяч жизней. Но петербургский кабинет оставался равнодушным к ужасам этой героической, неравной борьбы. Все внимание старшего внука великой Екатерины было устремлено на волнения в германских университетах. Туда слались ноты и ультиматумы, и по этому столь жизненному для России вопросу созывались конгрессы... И на Веронском конгрессе 1823 года Александр I прямо заявил: Я покидаю дело Греции, потому что усмотрел в войне греков революционные признаки времени. Иными словами, восстание греков против своего законного государя — султана — было делом предосудительным и незаконным. До посылки русского вспомогательного корпуса башибузукам дело, впрочем, не дошло.

Россия покидает свое первое место на Востоке. Англии надлежит воспользоваться этим и занять его, — заметил Каннинг³¹. Так и случилось. Уже в Лондонском договоре 1827 года (посылка Турции ультиматума о прекращении зверств) Император Всероссийский упоминается лишь в качестве союзника Его Величества Короля Британского.

Зато, когда в 1822 году вспыхнули беспорядки в итальянских владениях Габсбургов, Император Александр немедленно предложил венскому кабинету отправить в Калабрию русскую армию под начальством Ермолова. К счастью, Австрии самой удалось справиться с карбонариями, и тушить чужой пожар русской кровью не пришлось (Ермолов не скрывал своей радости от того, что этот нелепый поход не состоялся).

Вступившему на всероссийский престол Императору Николаю Павловичу удалось освободить русскую политику от унижительной опеки Меттерниха и помочь Греции. Турция была разгромлена, но добить ее помешала все та же метафизика — турецкий султан оставался законным монархом для балканских славян... В 1829 году греческий прожект мог бы осуществиться, и Балканы могли бы на полстолетия раньше избавиться от турецкого ига без дополнительного пролития русской крови в 1877 году. Но внук не унаследовал политического глазомера гениальной бабки, а Нессельроде было еще дальше до Потемкина.

Когда же в 1830 году Бельгия стала вести войну за независимость с Голландией, русской и польской армиям во имя принципов Священного союза был объявлен поход в Нидерланды. Богу было угодно предотвратить пролитие русской крови за чуждые интересы Оранского Дома и избавить русскую армию от унижительной роли палача геройской

маленькой страны. Но это достигнуто ценой польского восстания, потоков славянской крови...

События 1830 года — победа на Западе либеральных принципов, приход во Франции июльской монархии Луи Филиппа, а до того в Англии министерства вигов побудили к выходу из Священного союза обе эти державы. Тем прочнее сомкнулись узы его между тремя державами-основательницами на съезде их монархов в 1833 году в Мюнхенграце. В частности, России к Пруссии отношения, основанные на близком династическом родстве, были таковы, что в 1835 году состоялись большие совместные маневры русской и прусской армий, закончившиеся историческим калишским смотром, равно примечательным как по выявившейся там лишней раз сердечной дружбе монархов, так и по взаимной холодности и неприязни друг к другу их офицеров и солдат.

В 1833 году Россия вмешалась в турецкие дела. Против султана восстал египетский хедив Магомет Али, и война с могущественным Египтом угрожала Османской империи развалом. Узнав о прибытии в Босфор Черноморского флота с десантом (бригада 7-й пехотной дивизии), Магомет Али поспешил изъявить покорность. Турция была спасена русскими штыками, вернее одним блеском русских штыков. С ней был заключен выгодный Ункиар-Скелесийский³² договор, вовлекавший Турцию в орбиту русской политики и превращавший султана в нашего привратника на Босфоре. По Ункиар-Скелесийскому договору Порты обязалась закрыть проливы для кораблей воюющих с Россией государств. К сожалению, всех возможностей здесь нам не удалось использовать. Англия сумела доказать, что первое место на Востоке принадлежит уже ей, и с помощью Европы заставила в 1840 году на Лондонской конференции покладистую русскую дипломатию отказаться от этого ее единственного, зато крупного успеха. Ункиар-Скелесийский договор был аннулирован.

Наконец, в 1849 году был предпринят Венгерский поход, и русской кровью спасены Габсбурги.

С удивительной прозорливостью Россия спасала всех своих будущих смертельных врагов. Русская кровь проливалась за всевозможные интересы, кроме русских. Постоянные же вмешательства России во внутреннюю жизнь европейских народов сделали русское имя всюду одиозным. Россию боялись, но ее ненавидели. Европейские правительства, используя в своих интересах усердного и бескорыстного русского жандарма, отводили затем от себя на него все недовольство, всю ярость своих народов. Вот первопричина русофобства европейского общественного мнения весь XIX и XX века... Необходимо при этом упомянуть, что и Александр I, и Николай I находились в полном неведении относительно истинного положения дел и настроений в Европе, принимая за чистую монету официальную лесть европейских кабинетов и заздравные тосты прусских и иных принцев. Русофилами, и то относительно, могли считаться в различных европейских государствах лишь небольшие группы реакционеров-пиэтистов, лишенных какого-либо удельного веса в политическом отношении. В одной из своих парламентских речей в 1850 году Виктор Гюго охарактеризовал их, как людей, все время припадающих ухом к земле — не слышно ли спасительного стука колес русских пушек.

Русские дипломатические агенты на местах, само собою разумеется, были осведомлены о настоящем положении дел, но, как это ни покажется невероятным, бессменный от Венского конгресса до Восточной войны министр иностранных дел граф Нессельроде считал нужным предупредить об этом Государя лишь в 1853 году, когда все сроки были давно уже пропущены. Печальный результат привычки, создавшейся с конца царствования Александра I, — во всех решительно ведомствах и отраслях русской государственной жизни сообщать Царям одно лишь приятное.

* * *

Во внутренней русской политике результаты Священного союза сказались еще печальнее. Космополитизм Императора Александра I выразился в запрещении прусского национализма. Циркуляры губернаторам тех времен предписывали неустанно следить за лицами, уличенными в этом ужасном преступлении, и отдавать таковых под гласный надзор

полиции.

Этот официальный космополитизм, подчеркнутое на верхах пренебрежение ко всему русскому, открытое предпочтение, оказываемое иностранцам, в первую очередь растлевавшем общество иезуитам и заморозившим администрацию немцам, суровая до полного абсурда цензура и обскурантизм болезненно переживались тогдашним русским обществом, находившимся еще под влиянием патриотического подъема Двенадцатого года.

Наиболее болезненно реагировала на эти настроения самая чуткая часть этого общества — офицерство. Смутное предчувствие бедствий, надвигающихся на Россию, искреннее желание их предотвратить, неизжитая еще славная традиция XVIII века — века политически воспитанного петровского и екатерининского офицерства — все это в связи с заграничными походами (значительно расширившими кругозор мыслящей его части) и с модой на запрещенный плод — карбонарство способствовало бурному росту всякого рода тайных обществ и кружков. Группировки эти, Союз благоденствия, Общество соединенных славян и тому подобные, составили в начале 20-х годов два тайные общества — Северное (главным образом из офицеров гвардии, отчасти флота) и Южное (офицерство 2-й армии вплоть до старших начальников и III корпус 1-й армии). Такие события, как бунт Семеновского полка и Чугуевская бойня, лишь накаляли все больше атмосферу — и становилось ясным, что рано или поздно гроза должна разразиться и что для этого взрыва достаточно любого незначительного повода.

И повод этот (к тому же первостепенной важности) представился... 14 декабря 1825 года — печальная дата русской истории — явилось днем открытого разрыва российского правительства с русским обществом — первым днем их жестокой столетней войны, где дальнейшими траурными вехами служат 1 марта 1881 года, 17 октября 1905 года³³, 2 марта 1917 года, а всеобщим эпилогом — 25 октября... Война эта, ведшаяся с обеих сторон с невероятной озлобленностью и с еще более невероятным непониманием, нежеланием понять друг друга, окончилась так, как никто из них не ожидал — гибелью обоих противников, погубивших своей распрей величайшую империю и великую страну...

Мы не собираемся здесь оправдывать декабристов, ни тем более русское общество XIX и начала XX столетия, воспитанное на их культе. Вина русского общества — точнее передовой его части — перед Россией огромна и неискупима, но виновато и правительство. Пусть на стороне общества и львиная доля — три четверти всей вины, а на стороне правительства только одна четверть — без нее не было бы тех общественных трех четвертей. И те русские интеллигенты начала XX столетия, что посылали поздравительные телеграммы японским генералам, были ведь родными внуками русских националистов, которых Бенкендорф в свое время высылал из столиц.

С этой поры и пошел трагический разрыв между правительством и обществом. При Александре I и Николае I правительство — космополитично, общество национально. Затем при Александре II и особенно при Александре III и Николае II правительство решительно сворачивает на национальную дорогу, но слишком поздно: общество уже космополитично и антинационально.

* * *

Итак, результатом политики Священного союза было: во внешней политике полное подчинение России Европе, русских интересов каким-то призрачным утопиям, пролитие русской крови за цели, за которые она никогда не должна была проливаться. Во внутренней политике — полный и окончательный разрыв правительства с обществом, разрыв, приведший к катастрофе 1917 года.

Армия императора Николая Павловича

Император Николай Павлович был солдат в полном значении этого слова. До 20-летнего возраста он не предназначался к царствованию и получил чисто военное, строевое, воспитание. Военное дело было любимым его делом, его призванием. Любил он его не как дилетант, а как знаток. Армию же считал своей семьей. Здесь нет никакого фразерства, никакой лжи, которую видишь всюду, часто говорил он. — Оттого мне так хорошо между

этими людьми и оттого у меня военное звание всегда будет в почете. Особенную привязанность Государь питал к инженерным войскам³⁴. Саперы платили Государю тем же и сохранили культ его памяти. Долгое время после его смерти уже в 70-х годах офицеры инженерных войск продолжали носить короткие усы и бачки. Особенным расположением Николая I пользовался Лейб-Гвардейский саперный батальон, первый поспешивший к нему 14 декабря. Вручая этому батальону в 1828 году под стенами Варны георгиевское знамя, Государь прослезился. Любя солдата, он в бытность свою великим князем и командиром Измайловского полка стремился не выказывать этого чувства (Александр I не терпел популярных начальников), почему вначале и не был понят войсками, чем, как известно, воспользовались декабристы. Впоследствии, уже Царем, он в зимнюю стужу шел пешком за гробом простого рядового...

Все его царствование было расплатой за ошибки предыдущего. Тяжелое наследство принял молодой Император от своего брата. Гвардия была охвачена брожением, не замедлившим вылиться в открытый бунт. Поселенная армия глухо роптала. Общество резко осуждало существовавшие порядки. Крестьянство волновалось. Бумажный рубль стоил 25 копеек серебром...

При таких условиях разразилось восстание декабристов. Оно имело самые печальные для России последствия и оказало на политику Николая I то же влияние, что оказала пугачевщина на политику Екатерины и что окажет впоследствии выстрел Каракозова на политику Александра II. Трудно сказать, что произошло бы с Россией в случае удачи этого восстания. Обезглавленная, она бы погрузилась в хаос, перед которым побледнели бы и ужасы пугачевщины. Вызвав бурю, заговорщики, конечно, уже не смогли бы совладать с нею. Волна двадцати пяти миллионов взбунтовавшихся рабов крепостных и миллиона вышедших из повиновения солдат смела бы всех и все, и декабристов 1825 года очень скоро постигла бы участь, уготованная февралистам 1917 года. Картечь на Сенатской площади отдала от России эти ужасы почти на целое столетие.

Строго осуждая декабристов, игравших с огнем, мы должны, однако, все время иметь в виду те условия, что породили этот бунт. Среди декабристов попадались негодяи вроде изувера-доктринера Пестеля³⁵, запарывавшего своих солдат, чтобы научить их ненавидеть начальство; попадались подлецы, как князь Трубецкой, организовавший восстание, подставивший товарищей под картечь, а сам спрятавшийся в доме своего зятя, австрийского посла. Однако среди них были и честнейшие люди, как Рылеев — последние птенцы гнезда Петрова, последние политически воспитанные (хоть в большинстве и пошедшие по ложному пути) офицеры. Осуждены они были без суда, без соблюдения каких-либо процессуальных и юридических норм — по полному произволу членов следственной комиссии, преследовавших подчас корыстные цели (скандал с чернышевским майоратом). Заключение со связями заранее сообщали, о чем их будут спрашивать и что они должны отвечать. 32-летний генерал Лопухин³⁶ освобожден за молодостью, а судившийся по тому же разряду 16-летний мальчик-юнкер отдан в сибирские батальоны. Не в меру усердные советники молодого Императора совершили ужасную, непоправимую ошибку, создав декабристам ореол мученичества. На культе пяти повешенных и сотни сосланных в рудники было основано все политическое мирозерцание русской интеллигенции.

В результате этого события гвардия переменяла часть своего офицерского состава. Бунтовавшие войска (части полков Лейб-Гвардии Московского, Гренадерского и Гвардейского Экипажа) были отправлены на Кавказ в составе Сводного Гвардейского полка, искупить свою вину в войне с персами. В отношении Государя к москвитам и гренадерам чувствовался холодок в его царствование, как и затем при Александре II. Лишь Горный Дубняк заставил исчезнуть навсегда воспоминание о Сенатской площади. На Юге брожение было, как мы уже знаем, особенно сильно среди командного состава 2-й армии (VI и VII корпуса) и в III корпусе 1-й армии, где взбунтовался Черниговский пехотный полк. Все эти войска вместе с гвардией в скором времени были посланы на Балканы и там окончательно реабилитировали себя в глазах Государя.

* * *

Польская кампания 1831 года показала слабую боевую подготовку поселенных войск (особенно кавалерии). Сопровождавший же ее холерный бунт выявил огромное деморализующее влияние военных поселений на воинский дух и дисциплину. Поэтому, приступая к преобразованию своей армии, Император Николай I положил начать с удаления этой язвы.

К военным реформам могло быть приступлено лишь по окончании важных событий 1825–1831 годов. В конце 1831 года упразднены все польские национальные войска, а в 1832 году реорганизованы военные поселения, переименованные в округа пахотных солдат.

В 1833 году было произведено общее преобразование армии. Расформированы все 42 егерских и 5 карабинерных полков и этим упразднены 3 бригады пехотных дивизий. Упразднено также 26 пехотных полков и все 3 морские. Вместо 33 пехотных дивизий со 194 полками оставлено 30 со 110 полками (10 гвардейских, 16 гренадерских, 84 армейских пехотных), 27 дивизий — в 4 полка и отдельная Кавказская Гренадерская бригада. 3 дивизии (22-я, 23-я и 24-я) состояли из линейных батальонов. Сформирована 3-я гвардейская дивизия из 2 гвардейских (Варшавских) и 2 гренадерских (Кексгольмский и Санкт-Петербургский) полков. Взамен этих последних в Гренадерский корпус передана Литовская Гренадерская бригада. Пехотные дивизии были в 2 бригады. Они неизменно оставались затем в составе тех же полков до катастрофы 1917 года и гибели старой армии. Дивизии с 1-й по 18-ю составили по порядку номеров 6 пехотных корпусов 3-дивизионного состава. 19-я, 20-я и 21-я образовали Кавказский корпус. Окраинные дивизии 22-я в Финляндии, 23-я на Оренбургской линии и 24-я в Сибири — в состав корпусов не вошли.

Крупные соединения — полки и бригады — были сокращены на треть. Количество же батальонов, однако, не уменьшилось: батальоны расформированных полков были присоединены к оставшимся, что имело следствием приведение этих последних в 5и 6-батальонный состав. Штаты 6-батальонного полка определены в 5359 человек в мирное время и 6588 человек в военное время. Для сохранения имени и традиций упраздненных егерей поведено в гвардии четвертые полки дивизий содержать на егерском положении, а в армейских дивизиях полки вторых бригад именовать егерскими с сохранением, однако, их имен. Например, Камчатский егерский. Подольский, Житомирский, Мингрельский егерский полки и так далее. В Лейб-Гвардии полках Финляндском и Волынском егерский шаг остался навсегда.

Гвардейский и Гренадерский корпуса (оба в 3 дивизии) были подчинены одному главнокомандующему. Должность эту занимал до самой своей смерти в 1849 году великий князь Михаил Павлович, затем генерал Ридигер³⁷. I–IV корпуса были названы действующими и составили 1-ю армию генерала Паскевича (штаб в Варшаве). V и VI наименованы отдельными — они усиливали в случае надобности действовавшие на Кавказе войска и вообще играли роль общеармейского резерва. 2-я армия была упразднена.

В артиллерии роты наименованы батареями. Все — в 12 орудий. Каждой пехотной дивизии была придана артиллерийская бригада того же номера. Артиллерия составила 28 пеших бригад — 3 гвардейских, 4 гренадерских (с Кавказской), 21 полевую и 6 конных. бригад — всего 125 батарей с 1500 орудиями, не считая казачьей артиллерии, осадных парков и крепостных артиллерийских рот. Артиллерийские дивизии — по одной на корпус — были сохранены. Гвардейские артиллерийские бригады были 3-батарейного состава (2 батарейных и 1 легкая батарея), Гренадерские и полевые — 4-батарейного (2 батарейные и 2 легкие), конные — в 2 батареи. В гвардейской пехотной дивизии на 16 батальонов приходилось 36 орудий, в армейской — на 24 батальона 48 орудий, то есть 2 орудия на 1000 штыков, что было очень немного. Конноартиллерийские бригады придавались обычно по одной на корпус. Гвардейская и 2-я конноартиллерийская бригады были в двойном составе. 22-я, 23-я и 24-я пехотные дивизии артиллерийских бригад не имели.

Конница подверглась той же реформе, что и пехота. Из 75 регулярных полков оставлено 55. Эскадроны расформированных полков присоединены к оставшимся.

Совершенно упразднены конноегеря.

Из 4 уланских и 3 гусарских дивизий было образовано 7 легких кавалерийских дивизий по 2 уланских и 2 гусарских полка. Все легкие полки приведены в состав 8 действующих и 2 запасных эскадронов.

Гвардейская конница составила 2 дивизии — Кирасирскую (бывшая 1-я) и Легкую. Две другие кирасирские дивизии оставались поселенными в Малороссии. Кирасирские полки были в составе 6 действующих и 1 запасного эскадрона.

Переформирование большей части драгунских полков в легкие, начатое еще при Александре I, продолжалось в первые годы нового царствования. В 1826 году 8 драгунских полков обращены в уланские и гусарские, а из 4 драгунских дивизий оставлено только 2. Из 37 драгунских полков, бывших в 1812 году, оставлено лишь 9, считая Нижегородский на Кавказе, не входивший в состав дивизий. При преобразовании армии в 1833 году эти 2 дивизии составили 11-й резервный кавалерийский корпус, которому было дано особое устройство и назначение. Император Николай решил воспользоваться свойством драгун спешиваться для организации драгунского корпуса, способного действовать как в конном, так и в пешем строю. Все 8 полков корпуса были в составе 10 эскадронов. 2 пикинерные не спешивались, а 8 драгунских образовывали в пешем строю каждый — стрелковый взвод. Дивизион образовывал роту (в 2 взвода), а весь спешенный полк равнялся батальону. Спешенная дивизия образовывала полк, а весь корпус — бригаду. Корпус составлял в конном строю массу в 10000 пик и шашек, а в пешем — 6500 штыков при 48 орудиях. Пикинеры назначались для охраны коноводов и прикрытия флангов.

Эта организация драгун существовала все царствование Николая I, но не была испытана ни в Венгерский поход, ни в Восточную войну, где драгунский корпус не участвовал.

В 1856 году при реорганизации кавалерии ее упразднили: наличие массы в 10000 коней в непосредственной близости спешенных драгунских батальонов и линии огня было признано рискованным.

Вся регулярная конница таким образом составила 13 дивизий и 1 отдельную Гвардейскую бригаду (Варшавская), сведенных в 4 корпуса (Гвардейский и I–III кавалерийские). Всего 10 гвардейских, 8 кирасирских, 9 драгунских, 14 уланских и 14 гусарских полков. Казачьи полки были приведены в состав 6 сотен (вместо 5, причем донские, именовавшиеся до тех пор по полковникам, получили номера).

В общем, реформа 1833 года характеризуется усилением строевого состава пехотных и кавалерийских полков за счет сокращения их количества. При этом повторилась та же картина, что в 80-х годах XVIII столетия при усиленном формировании Потемкиным гренадер и егерей и в 1810 году при обращении третьих бригад в егерские, а именно: пострадал ряд старых, заслуженных полков. При расформировании конноегерей упразднен, например, Черниговский полк, основанный еще при царе Алексее, и первый георгиевский кавалер (с Павлоградским гусарским) в русской коннице. В пехоте с упразднением егерей исчез ряд старых, заслуженных полков, достойных быть ее украшением (как, например, 13-й, 14-й, 42-й полки). Не пощажены и петровские ветераны — Пермский, Вятский, Выборгский, не пощажен герой Измаила, прославленный Бурцевым на Кавказе, Херсонский гренадерский... Старыми полками у нас тогда еще дорожили так же мало, как и в царствование Екатерины. С конца 30-х годов в этом отношении наметился, правда, перелом — и с 1838 года полкам, имеющим 100 лет существования, стали жаловаться юбилейные Андреевские ленты на знамена. Знамена с Андреевскими (голубыми) лентами юбилейными жаловались только полкам гвардии. Армейские полки получили алые ленты Александра Невского. В 1842 году высочайшим указом было восстановлено старшинство Эриванского карабинерного полка с 1642 года (Выборный Бутырский полк). Однако лишь в царствование Александра II и особенно Александра III культу старых полков было отведено подобающее место.

* * *

В 30-х годах вместо егерей заводится новый тип легкой пехоты — стрелки. Еще в 1829 году сформирован Финский стрелковый батальон, а в 1837 году образовано 2 стрелковых батальона, и этим положено начало славным батальонам, затем полкам с малиновыми кантами. К середине 40-х годов при каждом корпусе уже было сформировано по батальону стрелков.

Особенное внимание обращено было на формирование линейных батальонов основного типа пехоты на окраинах. В 1829 году в линейные батальоны обращены все гарнизонные войска Кавказского корпуса, 23-я и 24-я дивизии Оренбургского и Сибирского корпусов, а в 1835 году и 22-я пехотная дивизия в Финляндии. В конце 40-х годов было 96 линейных батальонов, сведенных по 5–8 в бригады. 47 батальонов на Кавказе (18 грузинских, 16 черном морских, 13 кавказских), 22 финляндских, 16 сибирских (12 западносибирских и 4 восточносибирских) и 11 оренбургских. В Черноморском войске перед Турецкой войной был образован из безлошадных казаков пеший батальон — пластуны. К началу Восточной войны было уже 6 пластуных батальонов.

В 1827 году была учреждена Пограничная стража, вначале в составе 6 бригад (3600 чинов). К концу царствования состав ее был доведен до 11 бригад с 11000 чинов. Стража состояла в подчинении и распоряжении Министерства финансов, причем высшее командное управление долгое время было предоставлено гражданским чинам. Начальники таможенных округов пользовались правами начальников дивизий, а директор таможенных сборов имел права командира корпуса. Это неудобство было устранено лишь в 1893 году созданием корпуса Пограничной стражи.

Рекрутским уставом 1831 года Российская Империя была разделена на две полосы — Восточную и Западную. Наборы производились поочередно: через год в каждой. В обыкновенные наборы бралось менее 7 рекрутов на 1000 ревизских душ, в усиленные — от 7 до 10, в чрезвычайные — свыше 10. При человеческом резервуаре в 6,5 миллионов обязанных повинностью, это составляло в обыкновенный набор менее 45000 человек, в усиленный от 45000 до 65000 человек.

Срок службы в 1834 году был сокращен с 25 лет до 20 (в гвардии с 22 до 20), по истечении которых солдаты увольнялись на 5 лет в бессрочный отпуск, откуда могли быть вытребованы в случае необходимости (то есть перечислялись в запас). С 1839 года служили только 19 лет.

В 1842 году было поведено все пехотные полки привести в 4-батальонный состав (за исключением полков 19-й, 20-й и 21-й дивизий Кавказского корпуса, бывших в составе 5 действовавших батальонов). 5-е и 6-е батальоны были наименованы резервными и содержались в чрезвычайно слабом кадре (1 офицер, 23 нижних).

Предпринятая в 1832 году по 1840 год кодификация всех законов Российской Империи привела к изданию в 1839 году Свода военных постановлений — собрания всех законов и распоряжений, касающихся российских вооруженных сил. Этот Свод (как и последующий 1859 года) состоял из 5 частей:

I. Об образовании военных учреждений (военное министерство, управления войск, военные учебные заведения);

II. О прохождении службы и наградах;

III. Наказ войскам (уставы);

IV. О заготовлении снабжений;

V. Устав военно-уголовный.

В 1846 году составлено новое Положение о полевом управлении войск (в духе прежнего Положения 1812 года).

Император Николай Павлович был противник жестоких телесных наказаний³⁸. В 1839 году он отменил фухтели и ограничил применение шпицрутен рядом негласных распоряжений, втрое уменьшив количество ударов. Строжайше запрещено производить экзекуции без врача. Этот последний имел право запретить экзекуцию слабосильного или прекратить ее в любой момент. Прежние драконовские положения продолжали, однако,

оставаться в тексте для остротки.

Преобразования начала 30-х годов отразились и на внешнем виде армии. В 1833 году введена была новая форма обмундирования, подобно прежней преследовавшая лишь парадный эффект. Войска получили однобортные темно-зеленые мундиры, несколько длиннее прежних двубортных с цветной грудью, и сине-серые панталоны (белые оставлены летом). В кавалерии — рейтузы того же цвета. Упразднены постылые штиблеты, и в пехоте введены высокие сапоги. Тяжелые и неудобные кивера с султанами заменены остроконечными касками на прусский образец. Каски продержались в нашей армии 30 лет — в них она проделала Венгерский поход и начало Восточной войны. Они были красивы, но очень неудобны на походе, и войска, где могли, заменяли их фуражками, а на Кавказе перенятыми у горцев папахами. Переняв у пруссаков каску, мы забыли перенять их чехол на каску³⁹. Кожа от жары ссыхалась, и каска держалась на макушке головы. Чешуйчатый ремень всегда рассыпался.

Воинским чинам с 1832 года разрешено было носить усы и баки, до тех пор запрещенные в пехоте, с обязательством, однако, для нижних чинов непременно фабрить их в черный цвет (в 1855 году Александр II предписал производить это лишь при несении караулов и на парадах, а в 1859 году этот последний пережиток гатчинской косметики был отменен).

Санитарное состояние войск было очень плохим. Снаряжение, весившее 77 фунтов, было тяжелым и неудобным; одежда рассчитана лишь на парад и плохо защищала от непогоды; муштра была сурова и изнурительна, а условия расквартирования войск — антисанитарные — казармы имели немногим более трети, большинство же, особенно кавалерия, ютились постоем в грязнейших местечках и деревушках Западного края. Император Николай I стремился в начале своего царствования соорудить казармы для всей армии. Однако учрежденный им комитет нашел, что для этого необходимо миллиард рублей. Пришлось сооружение казарм рассрочить на несколько десятилетий. Работа эта завершилась лишь в 90-х годах при Александре III. Заболеваемость и смертность вдвое превосходили таковые западноевропейских армий и втрое соответственные возрасты гражданского населения. С 1841-го по 1850 год, например, средняя годовая заболеваемость доходила до 70 процентов штата состава, смертность — до 4 процентов. Новобранец, поступавший на 20 лет, имел таким образом, 80 шансов из 100 умереть на службе, даже без войны. Военные лазареты могли вместить лишь треть больных.

Регулярная армия достигала к началу Восточной войны на бумаге внушительной цифры: 2 7 745 офицеров и 1 123 583 нижних чинов. Император Николай, которому 30 лет докладывали лишь одно приятное, искренне верил в совершенство заведенной им военной системы. У меня миллион штыков, — говорил он, — прикажу моему министру — и будет два, попрошу мой народ — будет три. Увы, миллион на бумаге дал на деле еле полмиллиона бойцов... Некомплект вообще против штатов достигал 20 процентов, а в миллионную цифру входили инвалиды, кантонисты, войска внутренней стражи, пестрая мозаика местных, гарнизонных, караульных команд... В полевых войсках пятую часть составляли разного рода нестроевые. Армию нельзя было мобилизовать, ничтожные кадры резервных частей не могли справиться с обучением призванной рекрутской массы. Ополчение же ни в коем случае не могло считаться боеспособным. Огорчение Государя, всю свою жизнь стремившегося лишь к одной цели — благу России, было безмерным. Он видел, что все огромные труды оказались бесполезными, вся тридцатилетняя работа непродуктивной — и эти терзания сломили его железную натуру.

* * *

Крупнейшим организационным мероприятием этого царствования явилось преобразование Свиты Его Величества по квартирмейстерской части в Генеральный штаб. Уже в 1826 году было запрещено выпускать в Свиту молодых офицеров непосредственно из корпусов. По окончании же Турецкой войны была назначена под председательством генерала Жомини комиссия по выработке штатов Генерального штаба и учреждению

высшего военно-научного заведения. Труды этой комиссии привели к разработке в 1832 году штатов Генерального штаба (17 генералов, 80 штаб- и 200 обер-офицеров) и учреждению Императорской военной академии, первым начальником которой стал Жомини.

Швейцарский военный мыслитель пожал плоды многолетней и планомерной работы князя П. М. Волконского. Отцом российского Генерального штаба был Волконский Жомини был лишь швейцарцем-гувернером, причем нельзя сказать, чтоб гувернером особенно удачным. Он мыслил Генеральный штаб герметически замкнутой, наглухо изолированной от армии корпорацией. Армия, войска — сами по себе. Генеральный штаб — сам по себе. Колонновожатые Волконского знали и понимали войска академики Жомини обратились в каких-то военных институток, совершенно незнакомых с военными возможностями и строевой жизнью. С этого времени пошел отрыв Генерального штаба от войск — жесточайший промах российской военной организации, который так никогда и не удалось исправить... Переход из Генерального штаба в другие ведомства и в строй был невозможен — долгое время считалось неуместной даже преподавательская деятельность в военно-учебных заведениях. Иными словами — Генеральный штаб стал существовать только для Генерального штаба...

Академия была храмом отвлеченной военной науки, с уходом Жомини став храмом военной схоластики. Когда в 1834 году Жомини ушел на покой, начальником академии был назначен генерал Сухозанет 1-й, пробывший на этой должности все царствование Николая I. Плохо разбираясь в вопросах военной науки, он обращал внимание лишь на строевую часть, внешнее благоустройство. Учебной частью стал заведывать генерал Шуберт, начальник Генерального штаба, бывший в то же время директором военно-топографического депо и сведший все преподавание к одностороннему увлечению математическими дисциплинами при почти что полном пренебрежении стратегией и тактикой. Академия стала выпускать превосходных чертежников, недурных астрономов, лихих наездников, но весьма посредственных квартирмейстеров.

Служба офицера Генерального штаба была неблагоприятной. Производство было лишь на открывающиеся в самой корпорации вакансии, а таковые были очень редки. Получить генеральский чин было гораздо труднее, чем в строю, тем более что офицерам Генерального штаба полков не давали. По производстве в генерал-майоры они могли получить бригаду, но это случалось чрезвычайно редко. В 1843 году офицерам Генерального штаба было разрешено возвращаться в строй, но исключительно на вакансии в той части, где они прежде служили. Обычным завершением карьеры здесь был чин полковника. Все это имело результатом сокращение числа кандидатов в Генеральный штаб. Источник его пополнения начал быстро иссякать — и в 1851 году из всей миллионной русской армии изъявилось желание поступить в академию всего 7 офицеров!

Это обстоятельство сильно встревожило Государя, оказавшего академии ряд милостей: офицерам Генерального штаба дано усиленное содержание, обеспечено движение по службе и предоставлено право возвращаться в строй без всяких ограничений. Ряд старших начальников определился слушателями академии, и престиж ее сразу возрос: с 1852-го по 1856 год, несмотря на войну, ежегодно поступало по 35–40 человек.

* * *

Важнейшим военным деятелем царствования Императора Николая I был фельдмаршал Паскевич, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский.

Паскевич пользовался неограниченным доверием Императора. В продолжение четверти столетия — с Польской кампании до Восточной войны включительно — он являлся полным хозяином российской вооруженной силы.

Человек безусловно одаренный, умный, честолюбивый и в высшей степени властный, Паскевич имел счастье с самой молодости обратить на себя внимание всех крупных военачальников великого века и составить себе блестящую карьеру. Он покрыл себя славой под Смоленском во главе 26-й дивизии, а после войны получил 1-ю гвардейскую дивизию, где имел подчиненными великих князей Николая Павловича, командира 2-й бригады, и

Михаила Павловича, командира Петровской бригады. Император Николай всю жизнь звал его своим отцом-командиром — и мнение Ивана Федоровича в его глазах являлось непогрешимым.

При всех своих достоинствах Паскевич обладал очень большими недостатками. Его властолюбие и деспотическая манера обращения с подчиненными делали его очень неприятным начальником, тем более что, приписывая все успехи всегда только себе, он все неудачи взваливал на подчиненных (качество, повторившееся затем в другом крупном военачальнике — Брусилове). Военные дарования Паскевича бесспорны, но чрезмерно переоценены современниками, доходившими в своей лести всецельному фельдмаршалу до самого недостойного угодничества. В 1847 году, еще при жизни Николая I и в апогей могущества Паскевича, Н. Устрялов предпринял панегирическое описание царствования. Описывая вторжение в Закавказье Аббаса Мирзы в 1826 году, Устрялов не постеснялся написать: Под стенами Елисаветполя встретил его тот, кому судьба предназначила быть в наше время грозою врагов России в Азии и Европе, вождь, достойный русского воинства, — там встретил его Паскевич.

Со времен Потемкина ни один военный деятель не был осыпан щедротами монарха в такой степени: он получил чин генерал-фельдмаршала, орден святого Георгия I степени, титул графа Эриванского, затем светлейшего князя Варшавского, богатые вотчины, щедрое денежное подарки (например, миллион рублей из персидской контрибуции). Как полководец, он отлично зарекомендовал себя в Эриванскую кампанию с персами и особенно в Эрзерумскую против турок, имея оба раза бесподобные кавказские войска и лихих кавказских командиров. В Польшу он прибыл уже на готовое после Дибича. Венгерский поход проведен им очень посредственно, а в Восточную войну, на Дунае, его полководчество оказалось совершенно несостоятельным. Молодым генералом он отлично отдавал себе отчет в неурядицах нашей военной системы, став же фельдмаршалом, получив всю полноту власти, ничего не сделал для исправления этих неурядиц. Паскевич ничего не дал армии, с его именем не связано ни одного положительного организационного мероприятия. Полководческой школы он отнюдь не создал, влияние же его на подчиненных в конечном итоге было отрицательным, благодаря его системе обезличивания.

Выше Паскевича следует поставить другого кавалера святого Георгия I степени — графа Забалканского. Он много поработал над созданием Генерального штаба и занимался по преимуществу организационной и штабной работой (тогда как Паскевич — строевой командир). Дибич⁴⁰ провел целиком всего одну кампанию свой Забалканский поход, но эта кампания блестяща по синтезу замысла, простоте плана (принесению второстепенного в жертву главному) и решительности выполнения.

Следует отметить победителя Гергея — генерала Ридигера, которого современники считали лучшим боевым генералом всей армии, и героя Трансильвании генерала Лидерса⁴¹, обнаружившего яркий полководческий талант. Оба этих замечательных военачальника не приняли, однако, участия на Восточной войне (жертва самолюбию отца-командира) — и судьба армии в Крыму была вверена третьестепенным величинам — Меншикову и Горчакову.

Великий князь Михаил Павлович, главнокомандующий гвардией и гренадерами, был начальник строгий и чрезвычайно требовательный по фрунтовой службе, с особенной силой унаследовав гатчинский дух отца (Государю приходилось все время его сдерживать). Вместе с тем, отличаясь добрым и чутким сердцем, он входил в нужды каждого из своих подчиненных, постоянно обращавшихся к нему в трудную минуту. Особенную деятельность великий князь проявил по совмещаемой им должности главного начальника военно-учебных заведений. Всего в царствование Николая I было открыто 14 кадетских корпусов. Николай I очень любил кадет, со своей стороны обожавших его. При посещении им корпусов кадеты рвали себе на память перчатки, платки Государя, срывали даже пуговицы его мундира и эти реликвии хранили всю свою жизнь.

* * *

Гатчинские традиции продолжали соблюдаться во всей силе. Сам Государь и оба его брата были ярыми приверженцами фрунта и прусской муштры. В 1843 году армия была перевооружена 6-линейными пистонными ружьями⁴² (взамен прежних 7-линейных кремневых образца 1811 года) отличных для гладкоствольного ружья баллистических качеств (били на 600 шагов). Кроме того, в пехоте введены нарезные штуцера, правда, в очень ограниченном количестве. Штуцерами этими, бившими на 1200 шагов, были вооружены стрелковые батальоны и отборные стрелки в пехоте, по 6 человек на роту, составлявшие полковую штуцерную команду в 96 человек (полная аналогия с командами екатерининских застрельщиков — егерей). В общем, на 40000 гладкоствольных ружей в строю корпуса приходилось около 2000 штуцеров, и эта пропорция (один штуцер на 20 гладкоствольных) сохранилась до конца Восточной войны.

На стрельбу по-прежнему отпускалось всего 6 патронов в год на человека. В иных полках не расстреливали и этих злополучных шести патронов из похвальной экономии пороха. Смысл армии видели не в войне, а в парадах, и на ружье смотрели не как на орудие стрельбы и укола, а прежде всего как на инструмент для схватывания приемов. Идеалом истых фрунтовиков являлось довести часть до такой степени совершенства, чтобы штыки ружей, взятых на плечо, торчали, не колеблясь, а ружья звенели при выполнении приемов. Для достижения этого эффекта (сильно умилявшего начальство) многие командиры не останавливались перед порчей оружия, приказывая ослаблять винты.

Основой обучения войск являлось так называемое линейное учение, принесшее русской армии неисчислимый вред. Целью этого учения было приучить войска к стройным движениям в массе. Этого думали достигнуть путем управления войск по линиям (откуда и название всей системы) исключительно одной командой. При корпусном учении, например, командир корпуса лично подавал все команды. Линейное учение, приняв внешние формы перпендикулярной тактики, влило, однако, в эти формы душу тактики линейной фридриховской, к которой внуки кунерсдорфских победителей питали совершенно непреодолимое, странное (объяснявшееся, однако, Гатчиной) влечение, несмотря на окончательное банкротство этой тактики в 1806 году под Иеной-Ауэрштедтом.

Боевая подготовка войск на маневрах сводилась к картинному наступлению длинными развернутыми линиями из нескольких батальонов, шедших в ногу, причем все заботы командиров — от взводного до корпусного — сводились к одному, самому главному: соблюдению равнения. Эти шедшие в ногу линии обычно не были прикрыты стрелковыми цепями (рассыпной строй, как мы видели, на смотрах не спрашивался). Упражнений полевой службы терпеть не могли и войска. Обычно полк выставлял в рассыпной строй лишь полуроту штуцерных, причем в цепи стрелки стояли попарно с тем, чтобы одно ружье всегда оставалось заряженным.

Все боевые порядки представляли сочетание двух линий и резерва. Предполагалось, что развернутые батальоны 1-й линии наступают поочередно, через батальон, и останавливаются для стрельбы, огнем подготавливая успех атаки 2-й линии, следовавшей безостановочно в батальонных колоннах (12 шеренг). Перемена фронта, смена линий — все это было основано на правильном и стройном движении сменяющих и сменяемых. Эти последние предполагались нерасстроенными (хотя тогда, казалось бы, зачем их было сменять?). Всю систему характеризовала чрезвычайная жесткость форм, их шаблонность, игнорирование огня (глубокие, массивные построения) и большая приверженность к точным цифровым данным. Введение войск в бой по частям, пачками, узаконено линейным учением и прочно привито всем старшим командным инстанциям.

Так создавалась на плацах конца александровской и николаевской эпох какая-то особенная мирно-военная тактика, ничего общего не имевшая с действительными боевыми требованиями. Система эта совершенно убивала в войсках, а особенно в командирах, всякое чувство реальности. Все было построено на фикции, начиная с показных атак дивизионного и корпусного учения и кончая показом заряжения и показом выстрела одиночного обучения. Методы, приведшие прусскую армию к катастрофе 1806 года, насаждались уже много лет

спустя в русской армии с упорством, достойным лучшего применения. И лишь благодаря бесподобным качествам русского офицера и русского солдата мы вместо позора Иены получили скорбную славу Севастополя.

Один за другим сходили со сцены деятели наполеоновских войн. Скромно выходили вчистую, отслужив свое, офицеры и солдаты — ветераны Бородина и Лейпцига. Их места занимали новые люди — те же русские офицеры и солдаты, но не имевшие боевого опыта и боевой сноровки своих предшественников и вообще не думавшие о войне, как о конечной цели, не готовившиеся к ней, не считавшие войну с кем-либо вообще возможным после того, как мы разгромили всю Европу во главе с самим Наполеоном.

Настоящий воинский дух, бессмертные российские военные традиции в полном блеске сохранили только кавказские полки. Остальная же армия мало-помалу разучилась воевать...

ПОЛКИ И ЧАСТИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ I:

Рота Дворцовых гренадер (1827 г.);

Лейб-Гвардии 3-й стрелковый полк (основан в 1798 г. Императором Павлом Петровичем под названием Гвардейский гарнизонный, впоследствии называясь Лейб-Гвардии резервным и Лейб-Гвардии стрелковым полком. Полк этот принял 3-й номер в 1910 г. по упразднении в 1905 г. Финского. Георгиевские знамена были ему пожалованы в воздаяние подвигов российской гвардии в 1812 г.);

Стрелковые Туркестанские полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 12-й (1829 г. — Оренбургский и Западносибирские линейные батальоны, с 1867 г. — Туркестанский);

57-й пехотный Модлинский, 58-й Прагский, 59-й Люблинский, 60-й Замоспкий пехотные полки (все в 1831 г.);

185-й Башкадыкларский, 186-й Асландузский, 187-й Аварский пехотные полки (1834 г. — Грузинский линейный 3-й и 4-й и Черноморский линейный 6-й батальоны);

1-й Кавказский стрелковый (1837 г. — 1-й стрелковый батальон, с 1856 г. 1-й Кавказский стрелковый);

4-й стрелковый батальон (1839 г. — 2-й стрелковый батальон, с 1856 г. 4-й стрелковый батальон);

5-й стрелковый батальон (1839 г. — 3-й стрелковый батальон, с 1856 г. 5-й стрелковый батальон);

11-й стрелковый батальон (1841 г. — 5-й стрелковый батальон, с 1856 г. 11-й стрелковый батальон);

18-й стрелковый батальон (1841 г. — 4-й стрелковый батальон, с 1856 г. 18-й стрелковый батальон);

13-й стрелковый батальон (1843 г. — новый 4-й стрелковый батальон, с 1856 г. — 13-й стрелковый батальон);

74-й пехотный Ставропольский, 76-й Кубанский, 82-й Дагестанский и 83-й Самурский (1845 г.);

16-й стрелковый батальон (1845 г. — 6-й стрелковый батальон, с 1856 г. 16-й стрелковый батальон);

5-й Сибирский стрелковый батальон (1849 г.);

Лейб-Гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии (1854 г.);

12-й стрелковый батальон (1854 г. — 7-й стрелковый батальон, с 1856 г. 12-й стрелковый батальон);

Лейб-Гвардии Терские сотни Собственного Его Величества Конвоя (1832 г.);

Лейб-Гвардии 6-я (Донская) конная батарея (1830 г.);

15-я артиллерийская бригада (1833 г.);

11-й саперный батальон (1846 г. — 2-й Кавказский саперный батальон, с 1864 г. — 11-й саперный батальон);

Николаевская академия Генерального штаба (1832 г.). Кадетские корпуса:

Сибирский (1826 г.). Нижегородский графа Аракчеева (1834 г.). Полоцкий (1835 г.).

Петровский Полтавский (1840 г.). Орловский Бахтина (1843 г.), 2-й Московский (1849 г.) и Владимирский Киевский (1851 г.).

Война с Турцией 1828–1829 годов

В первый год своего царствования Император Николай I совместно с Англией (Веллингтон) пытался примирить турок с греками, но безуспешно. С Портой, правда, была заключена в 1826 году Аккерманская конвенция, подтверждавшая условия Бухарестского мира 1812 года, до тех пор постоянно нарушавшиеся турками.

В 1827 году, после шести лет геройской неравной борьбы, Греция не могла уже более сопротивляться. Турки овладели Афинами и предавались неслыханным жестокостям, затопляя кровью всю страну. В конце июня правительства России, Англии и Франции, выработавшие совместную линию поведения в греческом вопросе, отправили Порте ультимативное требование: прекратить эти зверства и предоставить Греции автономию. Однако это требование, подобно многим предыдущим, было оставлено без ответа.

Соединенный турецко-египетский флот с азиатскими и африканскими войсками вошел в Наваринскую бухту и готовился нанести последний удар изнемогшей Греции. Адмиралы союзного флота (русская балтийская эскадра графа Гейдена⁴³ совместно с английской эскадрой адмирала Кодрингтона и французской — адмирала де Риньи) потребовали от турок немедленного прекращения военных действий. Однако ультиматум этот не был выполнен зазнавшимися варварами. Тогда союзные адмиралы атаковали неприятельский флот и совершенно его истребили в Наваринской битве⁴⁴ 8 октября 1827 года. Русская эскадра — 4 корабля и 4 фрегата — составляла ядро союзного флота, в общем насчитывавшего 11 кораблей и 9 фрегатов. Турецкий флот состоял из 7 кораблей, 7 фрегатов и 26 корветов; из всего уцелел лишь один корабль. Большая часть турецких судов уничтожена русскими. Турок потоплено и взорвано свыше 7000. Русский урон: убито 2 офицера, 58 нижних чинов и ранено 18 офицеров и 121 нижний чин.

Наварин имел следствием взрыв русофобских чувств в Турции. Порта расторгнула Аккерманскую конвенцию, и султан Махмуд IV провозгласил священную войну против ненавистой России.

Император Николай предложил совместное участие в этой войне Англии и Франции. Не видя для себя материальных выгод от защиты турецких христиан, Англия предпочла остаться в стороне. Франция послала в Морею экспедиционный корпус маршала Мармона⁴⁵.

Для похода на Дунай было назначено три пехотных корпуса — III (генерал Рудзевич)⁴⁶, VI (генерал Рот)⁴⁷, VII (генерал Воинов)⁴⁸ и IV кавалерийский (генерал Бороздин)⁴⁹: 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии 100000 строевых с 396 орудиями. По примеру 1812 года для пополнения войск было отделено по батальону на полк, а в Малороссии образована резервная армия.

Главкомандующим был назначен фельдмаршал князь Витгенштейн, его начальником штаба — генерал Киселев. Ввиду опустошения турками Молдавии и Валахии положено базироваться на Бессарабию, а военные действия перенести в Добруджу с тем, чтобы по овладении Варной двинуться за Балканы на Адрианополь и оттуда угрожать Царьграду. Окончательное сокрушение Турции отнюдь не входило в расчеты нашего правительства, все еще находившегося под дурманом идей Священного союза, поэтому решено было не поднимать балканских христиан против их законного монарха.

Этот последний, избалованный снисходительной к нему политикой европейских кабинетов и уверенный в заступничестве Австрии и посредничестве Англии, до конца думал, что Белый Падишах ограничится одними лишь угрозами и до войны дело не доведет. Военное положение Турции было очень слабым. Уничтожение преторианцев — янычар упрочило султанский престол, но вместе с тем ослабило армию, лишившуюся наиболее боеспособного своего элемента⁵⁰. К весне 1828 года вооруженные силы Турции едва доходили до 190000 вместо предположенных 300000. Из этого количества едва треть могла считаться регулярной.

* * *

В апреле месяце действующая русская армия собралась в Бессарабии, за исключением IV кавалерийского корпуса, следовавшего из Курской губернии и ожидавшегося в конце мая. Для усиления ее в марте был объявлен поход Гвардейскому корпусу, но ранее августа он на Дунай поспеть не мог. Находившийся при армии Государь повелел действовать безотлагательно: VI корпусу занять княжества, VII — овладеть Браиловым, сильнейшей из турецких крепостей, а III (самому сильному из всех и при котором находилась Главная Квартира) — перейти Нижний Дунай. План этот приводил к разброске сил и без того не особенно многочисленной армии.

26 апреля VI корпус генерала Рота, перейдя Прут у Скулян, молниеносным маршем (60-верстные переходы) двинулся на Бухарест, который занял 30-го числа. В пять дней оккупированы Молдавия и Валахия — и 9 мая наш авангард взял Крайову.

VII корпус осадил Браилов в середине мая. Руководство осадой принял на себя великий князь Михаил Павлович. Торопясь покончить с крепостью для скорейшего присоединения к главным силам (III корпусу на Нижнем Дунае), он 3 июня предпринял штурм, который, однако, был отбит. Крепость все же 7 июня сдалась. Наш урон на штурме 3-го числа — 92 офицера, 2655 нижних чинов, но турок перебито больше: из гарнизона в 12000 сдалось 8000 при 273 орудиях.

Тем временем III корпус переправился через Дунай на глазах Государя 27 мая у Сатунова (между Рени и Измаилом), овладел Исакчей и занял всю Северную Добруджу до Карасу и Констанцы. За выделением гарнизонов в наших главных силах осталось всего 20000 сабель и штыков.

Впереди была сильно укрепленная Варна, а на фланге — Шумла, где собиралась турецкая армия. Двигаться дальше — значило прямо идти в пасть врагу. Поэтому дальнейшее продвижение решено было приостановить до присоединения VII корпуса из-под Браилова. Кроме того, для усиления армии был двинут из Малороссии II корпус князя Щербатова⁵¹ в составе 2 пехотных и 2 гусарских дивизий — 30000 сабель и штыков.

С присоединением VII корпуса армия (III и VII пехотный, IV кавалерийский корпуса) 24 июня выступила на Базарджик и по занятии его выслала 28-го числа авангарды на Козлуджу и Варну. Эти авангарды наткнулись на крупные силы турок и имели с ними тяжелые бои.

Решено было на время отказаться от осады Варны — слишком сильной крепости — и обратиться против Шумлы, являвшейся большой угрозой нашему правому флангу. Одновременно переведена на Дунай большая часть VI корпуса с генералом Ротом, которому было предписано осадить Силистрию. Оставшиеся в Валахии части VI корпуса (слабая дивизия) составили отряд генерала Гейсмара⁵².

Черноморский флот адмирала Грейга⁵³ с десантом князя Меншикова⁵⁴ овладел 28 июня Анапой. У Меншикова было 6200 человек с 20 орудиями (не считая морской артиллерии), высадившихся 20 мая. В крепости взято около 4000 пленных и 70 орудий.

Шумла была обложена, но атаку решено было отложить до прибытия подкреплений. Между тем турецкая конница и партизаны производили непрерывные нападения на наши транспорты и тылы, добившись их полного расстройств. В конце июля наша армия, блокировавшая Шумлу (35000 строевых против 40-тысячного гарнизона), сама была блокирована. Бескормица вызвала массовый падеж лошадей, и две трети нашей кавалерии пришлось спешить. В армии развились лихорадка и жестокий тиф. Осмелевшие турки дважды (14 и 25 августа) пытались атаковать, но оба раза были отбиты. Витгенштейн хотел было снять осаду, но Николай I не разрешил отступить.

Под Силистрией дела обстояли столь же неблагоприятно. Отряд генерала Рота (9000 человек при 28 полевых орудиях) не был в состоянии произвести полного обложения крепости, гарнизон которой (20000 человек) непрерывно усиливался подкреплениями из Рушука.

Энергичное наступление всей массы турок от Шумлы к Силистрии могло бы поставить нашу армию в критическое положение, но это значило бы слишком многого требовать от

турецких начальников.

В конце июля к Варне подошел Черноморский флот, высадивший десант. Турецкий гарнизон все же втрое превосходил осадный корпус.

В половине августа на Нижний Дунай прибыл Гвардейский корпус, а за ним и II пехотный. Гвардия двинута под Варну, II корпус под Силистрию, а отряду Рота велено идти от Силистрии к Шумле, где главные силы Витгенштейна находились в критическом положении. Сам Государь находился под Варкой при Гвардейском корпусе.

Для деблокады Варны визирь двинул 30-тысячный корпус Омера-Врионе, но попытки его не имели успеха, и 29 сентября Варна сдалась. Осада Варны была поручена Меншикову⁵⁵ с десантными войсками из-под Анапы. 1-я параллель была заложена 7 августа, а 8-го при отражении вылазки Меншиков ранен. Осада была поручена Воронцову. У нас было 10000 при 47 орудиях, с прибытием гвардии 32000 и 170 орудий. 10 сентября произошла неудачная, но славная рекогносцировка лейб-егерей генерала Гартунга на Омера-Врионе. 16 сентября этот последний атаковал, но был отбит. 18 сентября принц Евгений Бюртембергский⁵⁶ с 8500 атаковал при Курт-Тепе Омера с 25000 турок. В этом довольно упорном, хотя и нерешительном деле у нас убыло 1500 человек. 26 сентября предпринят был штурм, не доведенный до конца. В Варне взято 6900 пленных и 140 орудий.

Взятием Варны решено было закончить неблагоприятно сложившуюся кампанию. Гвардия отправлена назад в Россию. Главные силы начали 3 октября отступление от Шумлы. Отход этот едва не превратился в катастрофу благодаря неотступному преследованию турецкой конницы, с которой наша безлошадная кавалерия совершенно не могла совладать. Наш III корпус после тяжелого боя был вынужден бросить все свои обозы.

Не лучше было под Силистрией. С прибытием туда II корпуса выяснилось, что без осадной артиллерии овладеть этой крепостью невозможно (что, по правде сказать, можно было бы выяснить и раньше). Когда же в конце октября прибыла осадная артиллерия, то оказалось, что у нее не хватает снарядов... Осаду Силистрии 27 октября пришлось снять.

Утешительнее сложилась обстановка на левом берегу Дуная — в Валахии, где генерал Гейсмар 14 сентября разбил в шесть с лишним раз сильнее врага под Боелештами. У Гейсмара было 4000 при 14 орудиях против 26000 турок. Наш урон 600 человек, турок перебито 2000 и 1000 с 24 знаменами и 7 орудиями взято в плен.

Кампания 1828 года была проведена в высшей степени неудовлетворительно. Начата она была заведомо недостаточными силами и по переходе Дуная свелась к одновременной осаде трех крепостей, непроизводительной трате времени и разброске сил. Из этих трех осад лишь одна была доведена до конца, две другие закончились чуть ли не катастрофой. Присутствие и распоряжения Государя сильно стесняли Витгенштейна, совершенно лишённого власти и низведенного лишь на положение лица, официально ответственного за все неудачи.

* * *

18 февраля 1829 года на место Витгенштейна главнокомандующим был назначен Дибич, начальником штаба — Толь. Приняв армию, Дибич деятельно стал приводить ее в порядок и устраивать ее тыл. Прежде всего он вошел в соглашение с флотом, посредством которого должно было вестись довольствие армии. Высаженный десант занял на болгарском побережье Сизополь, где и была устроена главная база. Попытки турок отобрать Сизополь были отражены.

В армии по прибытии укомплектований числилось 95000 сабель и штыков при 364 полевых и 88 осадных орудиях. Приблизительно четвертая часть всех сил 23000 — была расположена на правом берегу Дуная, остальные в Валахии. Санитарное состояние армии было самым плохим: необычайно суровая зима и плохое довольствие вызвали высокую заболеваемость, а появившаяся в Добрудже чума уносила тысячи жизней.

Поздняя весна замедлила открытие кампании. Дибич решил прежде всего покончить с Силистрией и обеспечить этим себе тыл. Затем, опираясь на Варну и Черноморский флот, перейти Балканы и пойти на Константинополь.

Турки начали военные действия уже в конце апреля. Визирь двинулся от Шумлы к Варне с 25000 регулярных войск. Занимавший Добруджу генерал Рот мог ему противопоставить, за вычетом гарнизона, всего 14000. Не без труда турки были отражены в боях 5 мая у Эски-Арнаутлара и у Правод. 7 мая наши главные силы, перейдя Дунай, осадили Силистрию.

В середине мая визирь, усилившись подкреплениями и доведя свою армию до 40000, снова перешел в наступление. Однако русская армия была вся уже переправлена на правый берег Дуная. Оставив 30000 под Силистрией, Дибич с остальными 30000 быстро двинулся от Силистрии на юг — в тыл визирю, шедшему на Варну, и 30 мая при Кулевче нанес турецкой армии полное поражение. В сражении при Кулевче участвовало 29000 пехоты и сабель при 152 орудиях. У турок — 40000 и 56 орудий. Упорный бой длился пять часов (причем вначале турки отразили наши авангарды). У нас убито 2 генерала, 60 офицеров, 2248 нижних чинов. Турок перебито 5000, взято в плен 2000 с 6 знаменами и 50 орудиями.

Визирь отступил в Шумлу, Дибич последовал за ним. Расстройство турецкой армии позволяло овладеть крепостью штурмом, но Дибич, твердо помня, что главная цель — поход за Балканы, решил не тратить понапрасну сил и средств на взятие Шумлы, а ограничиться лишь ее наблюдением, пока не падет Силистрия. Со взятием же Силистрии, поручив блокаду Шумлы освободившемуся III корпусу, двинуться с остальными силами в решительный забалканский поход. Пока что Дибич сделал вид, что деятельно готовится к осаде Шумлы. Великий визирь, введенный в заблуждение относительно истинных намерений русского главнокомандующего, спешно стал стягивать к себе под Шумлу все войска из северной и восточной Болгарии, в том числе и те, что защищали Балканские проходы, на что как раз и рассчитывал Дибич.

19 июня сдалась Силистрия. Наши трофеи в Силистрии 9300 пленных, 253 орудия на верках и 31 на судах, 3 бунчука и 100 знамен. Немедленно притянув III корпус из-под Силистрии к Шумле, Дибич быстрыми и скрытными маршами отвел из-под Шумлы прочие войска, не возбуждая в турках подозрения.

* * *

В последних числах июня 1829 года предназначенная к походу за Балканы армия — II, VI и VII корпуса — всего за вычетом гарнизонов 35000 строевых при 96 орудиях — сосредоточилась у Правод (немногим более трети всей пехоты, менее трети всей конницы и четверть всей артиллерии, числившихся на театре войны). Оставленный у Шумлы III корпус наблюдал за турецкой армией. Армия разделилась на две колонны — правую генерала Ридигера (VII корпус), левую генерала Рота (VI корпус) и резерв графа Палена (II корпус), при котором находился сам главнокомандующий.

Забалканский поход начался 2 июля. Преодолев невероятные затруднения, обе колонны подошли к реке Камчик и в боях 6-го и 7 июля форсировали эту преграду. 10 июля наша армия перевалила через главный Балканский хребет в восточной его оконечности. VI корпус генерала Рота, опрокинув турецкие отряды в ряде столкновений, овладел 12-го числа Бургасом — важнейшей гаванью западного Черноморского побережья. В 11 дней русские войска прошли с боем 150 верст по считавшимся едва проходимыми горным кручам и тропинкам, перевалив за Балканы, овладев рядом важных стратегических пунктов и захватив в ряде боев 3000 пленных и 50 орудий. Однако палящий зной и плохая вода вызвали невероятно высокую заболеваемость. Состав нашей армии с каждым днем уменьшался, и она стала таять, как снег.

Встревоженный этим неожиданным походом русских за Балканы, визирь спешно двинул туда из-под Шумлы большую часть своей армии — 12000 Ибрагима-паши к Айдосу и 20000 Халила к Сливне, оставшись сам в Шумле с 15000.

13 июля VII корпус генерала Ридигера опрокинул Ибрагима и занял Айдос, а 14-го числа тут собралась вся русская армия. Здесь войска стали на отдых. Авангард 21-го занял Ямболь, но, раньше чем продолжать движение на Адрианополь, Дибич решил разделаться с турками из Сливны.

Оставив у Айдоса большую часть II корпуса, Дибич с VI и VII корпусами пошел 28 июля к Сливне и 31-го совершенно разгромил и рассеял полчище Халила, не понеся сам потерь. Вся наша потеря при Сливне — 1 офицер, 12 улан (Курляндского полка). Участвовала одна лишь конница, пехота успела дать всего несколько выстрелов. Трофеи — 500 пленных, 6 знамен и 9 орудий. Вообще кавалерия весь этот поход была на высоте. Вспомним лихое дело гусар под Шумлой, атаковавших и взявших 5 сильных редутов (особенно отличились александрийцы князя Мадатова). В продолжение июльского похода 35-тысячная русская армия, таким образом, по частям разбила 50 тысяч турок.

Немедленно после сливненской победы Дибич вернул армию в Айдос и 2 августа выступил оттуда на Адрианополь. У него оставалось под ружьем всего 25000, но малочисленность не колебала энергичного русского полководца. Деморализация остатков турецкой армии и дружественное расположение всего населения, даже не христианского (Дибич избавил мусульманские дома от постоя войск), вполне оправдывали эту решимость.

В шесть переходов русская армия прошла 120 верст в страшный зной, потеряв за эти шесть дней 5000 человек (пятую часть всего войска) от солнечных ударов и различных лихорадок. 7 августа русские стали под стенами Адрианополя, со времен Святослава не выдавших русских дружин. На следующий день, 8-го, потрясенный Адрианополь сдался. Одновременно с Забалканским походом Паскевич истребил кавказскую турецкую армию.

Константинополь был у ног русского Царя. Войск у турок больше не было. Султан умолял о мире. Еще два-три перехода — и щит Олега вновь был бы поднят на вратах Царьграда, а на Святой Софии засиял бы крест...

Но этому не суждено было стать. Метафизика Священного союза совершенно заслоняла насущные интересы России, тяжелым заклатьем сковывала все движения русского богатыря.

Русское правительство больше всего страшилось крушения Оттоманской империи. Император Николай I задержал Дибича в Адрианополе и отправил к султану с мирными предложениями прусского генерала фон Мюффлинга (без немцев и тут не захотели обойтись)... Переговоры привели к подписанию в Адрианополе 2 сентября 1829 года мирного договора. Россия получила кавказское побережье с Анапой и Поти, а также Ахалцыхский вилайет в возмещение военных убытков и возвратила Турции всю завоеванную территорию. Порта признавала независимость Греции и давала автономию Сербии, Валахии и Молдавии (где господа должны были назначаться пожизненно). Уже по заключении мира генерал Гейсмар разбил отряд Мустафы-паши skutарийского (решившего было продолжать войну на свой риск и страх) у перевала Орхание, и 17 сентября занял Софию.

В общем Россия проявила чрезвычайную умеренность и добровольно не использовала своего исключительно выгодного положения (гораздо более выгодного, чем впоследствии при Сан-Стефано) — и это несмотря на то, что война 1828–1829 годов (обошедшаяся казне в 102 миллиона рублей серебром) стоила ей 80000 человеческих жизней. Из войск, перешедших Прут весной 1828 года, вернулось в Россию менее четвертой части. Армия Дибича в Адрианополе насчитывала в момент подписания мира всего 700059 человек. Месячная стоянка изнуренных войск в Адрианополе обошлась дорого, в Константинополе были бы гораздо лучшие квартиры. Михайловский-Данилевский, переживший критические дни наполеоновских войн, писал, что никогда он не видал большего уныния, чем в эти дни (полстолетия спустя, в Турецкую войну Александра II стоянка у ворот Царьграда была тоже самым тягостным периодом войны).

* * *

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ОБЕ БАЛКАНСКИЕ КАМПАНИИ ПОЛУЧИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ЧАСТИ:

1-й пехотный Невский, 2-й пехотный Софийский и 4-й пехотный Копорский георгиевские знамена за Кулевчу;

15-й пехотный Шлиссельбургский, 16-й пехотный Ладожский и 17-й пехотный

Архангелогородский полки — знаки на шапки за отличие 1828–1829 гг.;

21-й пехотный Муромский полк — поход за отличие; 60

24-й пехотный Симбирский полк — серебряные трубы;

25-й пехотный Смоленский полк — серебряные трубы за Варну;

26-й пехотный Могилевский — серебряные трубы,

28-й пехотный Полоцкий — георгиевские знаки за оборону Правод;

29-й пехотный Черниговский полк — знаки на шапки за отличие (и наименован Забалканским в честь шефа — Дибича);

35-й пехотный Брянский полк — знаки на шапки;

38-й пехотный Тобольский — поход за отличие;

39-й пехотный Томский полк и 40-й пехотный Колыванский полк — знаки на шапки;

41-й пехотный Селенгинский полк, 42-й пехотный Якутский полк и 43-й пехотный Охотский полк — знаки на шапки;

45-й пехотный Азовский полк, 46-й пехотный Днепровский полк и 47-й пехотный Украинский полк — поход за отличие;

48-й пехотный Одесский полк — серебряные трубы;

64-й пехотный Казанский полк — поход за штурм Браилова;

4-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский полк — знаки на шапки;

5-й драгунский Каргопольский полк — знаки на шапки;

1-й уланский Санкт-Петербургский полк — георгиевские трубы, 2-й Лейб-Курляндский — знаки на шапки;

7-й уланский Ольвиопольский полк — надпись на штандарт за взятие Эносы;

5-й гусарский Александрийский полк — георгиевский штандарт, 12-й гусарский Ахтырский полк — георгиевские трубы;

Донские казачьи полки: 17-й (Рыковского), 18-й (Ильина), 19-й (Чернушкина), 21-й (Борисова), 23-й (Бакланова) и 24-й (Бегидова) — надписи на знамена, а 26-й — георгиевский штандарт;

1-й Полтавский полк (Кубанские войска) — георгиевский штандарт за разбитие турецкой флотилии под Браиловом;

6-я артиллерийская бригада — золотые петлицы;

8-я артиллерийская бригада — серебряные трубы и золотые петлицы;

9-я артиллерийская бригада — серебряные трубы, 11-я и 12-я артиллерийские бригады — георгиевские трубы;

1-я конная батарея — знаки на шапки и золотые петлицы;

3-я конная батарея — серебряные трубы, 14-я конная батарея — знаки на шапки, 19-я конная батарея — серебряные трубы;

2-я Донская артиллерийская батарея — знаки на шапки;

4-я Донская артиллерийская батарея — серебряные трубы и 8-я Донская артиллерийская батарея — знаки на шапки;

Лейб-Гвардии саперный батальон — георгиевское знамя за Варну;

Гренадерский саперный батальон — георгиевское знамя за Браилов и Силистрию;

4-й саперный батальон — серебряные трубы за Силистрию;

5-й саперный батальон — георгиевское знамя за переход Балкан;

6-й саперный батальон — георгиевское знамя за Варну и 11-й саперный батальон — георгиевское знамя за переход Балкан.

Бросается в глаза то, что гвардия в эту войну не получила наград (за исключением сапер).

Польская война 1830–1831 годов

Присоединенное к России на Венском конгрессе Варшавское герцогство составило с литовскими областями так называемое Царство Польское, имевшее свое автономное устройство, свою армию, администрацию, денежную систему и конституцию. Однако всего этого польским патриотам казалось мало, и они чаяли полного отделения от России.

Конспиративные общества стали возникать особенно с половины 20-х годов.

Русское правительство, как мы знаем, относилось к полякам с чрезвычайным благодушием и снисходительностью — вплоть до того, что скомпрометированные в деле декабристов офицеры польских войск и члены нелегальных польских обществ были выпущены из-под стражи. В 1828 году Император Николай короновался в Варшаве польским королем, причем вопреки пессимистам, опасавшимся покушения на жизнь Государя, торжества эти прошли вполне благополучно. Однако огонь под пеплом тлел — общий революционный порыв Европы 1830 года увлек и Польшу.

Поводом к восстанию послужило повеление Императора Николая Павловича польской армии готовиться к походу на Бельгию совместно с русскими войсками. 17 ноября 1830 года руководимая офицерами и воспитанниками военно-учебных заведений толпа ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить цесаревича Константина Павловича, которому удалось, однако, спастись. Сейм объявил династию Романовых низложенной и провозгласил главой правительства Чарторыйского⁶¹, а главнокомандующим с диктаторскими полномочиями генерала Хлопицкого⁶². Однако Хлопицкий отклонил от себя эту честь и настоял на назначении князя Радзивилла⁶³, оставшись при нем советником — фактически же главнокомандующим.

Полагая, что всякая пролитая капля крови только испортит дело, великий князь Константин отпустил остававшиеся ему верными польские войска — и эти превосходные полки усилили армию мятежников. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, и цесаревич с гвардейским отрядом отошел в русские пределы.

* * *

Силы, которыми располагала Россия для усмирения Польши, могли быть доведены до 183000 человек (гвардия из Петербурга, Гренадерский корпус из Новгородских поселений, I и II корпуса из состава 1-й армии, VI корпус бывший Литовский, III и V резервные кавалерийские корпуса). Однако для сбора всех этих войск требовалось свыше 4 месяцев. Корпуса Гвардейский великого князя Михаила Павловича и II графа Палена 2-го могли прибыть лишь к весне.

К декабрю 1830 года на месте — у Бреста и Белостока — находился один лишь VI корпус барона Розена⁶⁴ в количестве около 45000 сабель и штыков. На марше находились Гренадерский корпус князя Шаховского и I графа Палена 1-го с резервной кавалерией южных поселений.

Главнокомандующим был назначен фельдмаршал граф Дибич Забалканский, начальником штаба — Толь.

Польская армия, доведенная с 35 до 130000, была эшелонирована на дорогах из Ковны и Бреста к Варшаве. Сколько-нибудь регулярными и способными к полевой войне могло считаться не свыше 60000. Качество этих войск, одушевленных патриотизмом, было весьма высоким, все старшие начальники прошли школу наполеоновской армии.

К 20 января русские силы у польских пределов составили 114000 бойцов. Надеясь окончить войну сразу нанесением врагу решительного удара, Дибич не обратил внимания на устройство продовольственной части и решил не утяжелять армии обозами и артиллерийскими парками. Провианта было взято на 15 дней, фуража — на 12. В артиллерии были оставлены третьи дивизионы батарей, выступивших таким образом в составе 8 орудий вместо 12. Пехотные полки выступили в составе 2 батальонов.

24 и 25 января русские войска перешли границу Царства Польского одиннадцатью колоннами — с расчетом, однако, быть в состоянии сосредоточить в главных силах 80000 бойцов в 20-часовой срок.

Главные свои силы — I, VI пехотный и III резервный кавалерийский корпуса Дибич двинул в район между Бугом и Царевом, поручив V резервному кавалерийскому корпусу барона Крейца демонстрацию на Люблин. Гренадерскому корпусу, шедшему на правом фланге общего расположения уступом назад и на значительном удалении от главных сил, была предоставлена свобода действий.

Дожди и оттепель, сделавшие непроходимыми лесистый и болотистый Буго-Наревский район, побудили Дибича сосредоточить войска у Венгрова, а затем свернуть на Брестское шоссе. Фельдмаршал положил нанести удар в правый фланг расположения поляков, отрезав их от Варшавы. Этот фланговый марш был совершен 31 января.

В первых числах февраля быстро продвигавшиеся русские колонны вошли в соприкосновение с польской армией, отступавшей к Висле в Варшавский район. 2 февраля произошло неудачное для нас кавалерийское дело у Сточека, где конноегерская дивизия генерала Гейсмара была опрокинута Дворницким⁶⁵. Гейсмар раздробил свои силы, в результате чего 2 наших полка были опрокинуты по очереди, не приняв удара в сабли. Наш урон — 280 человек и 8 орудий, поляки лишились 87 человек. Гейсмар обвинил войска в подлой трусости и распущенности. Это первое дело подняло дух поляков. 5-го наш VI корпус барона Розена имел бой с дивизией Скржинецкого⁶⁶ у Добре, а 7-го числа произошло случайное сражение при Вавре, после которого польская армия отступила на Гроховскую позицию, непосредственно прикрывавшую Варшаву. Поляки атаковали I корпус, введя мало-помалу большую часть своих войск, но были остановлены и сбиты VI корпусом, взявшим их во фланг. У нас участвовало 27000 человек, у поляков 40000. Наши конноегеря лихо атаковали польские каре, взяв реванш за Сточек и показав необоснованность упреков своего начальника. Наш урон — 3600, польский — 3700.

8 февраля наша 25-я дивизия VI корпуса по собственному почину атаковала Гроховскую позицию, но была отбита. У нас в этом деле убыло 1620 человек. Дибич решил дать 14-го числа генеральное сражение, направив удар в левый фланг неприятельской позиции. Однако уже 12-го польский главнокомандующий атаковал при Белоленке шедший от Остроленки к главным силам Гренадерский корпус. Тогда Дибич, не успевший сосредоточить силы в намеченном направлении, атаковал 13 февраля Гроховскую позицию в лоб. Так произошло Гроховское сражение — самое кровопролитное дело за все войны русских с поляками.

При Белоленке урон каждой стороны был по 650 человек, у нас пропало 1 орудие. Гроховская позиция была очень сильна. Многочисленные речки, канавы с водой, ямы и болота еще более затрудняли ее атаку. Тактическим ключом являлась Ольховая роща, у которой и разыгрались решительные действия. Три наших атаки, веденные длинными линиями до 20 батальонов, были отражены, и Хлопицкий лично водил войска в яростные контратаки. Дело решила подоспевшая 3-я гренадерская дивизия, поведенная в атаку самим Дибичем. Выбив поляков из Ольховой рощи, фельдмаршал решил нанести им окончательный удар кавалерией. Однако кавалерийские начальники атаковали порознь вместо общей атаки и, несмотря на беспримерный героизм этих блестящих атак, они дали очень скромные результаты (тем более, что местность совершенно не благоприятствовала коннице). У нас убыло 9400 человек, поляки лишились 12000 человек и 3 орудий.

Это сражение, несмотря на весь наш тактический успех, поставило русскую армию в затруднительное положение. Отступившие поляки прикрылись линией Вислы и сильными укреплениями Праги, тогда как русские войска (подошедшие было на версту к Праге) не имели осадной артиллерии, расстреляли все свои немногочисленные боевые припасы в Гроховской битве и, выступив в поход налегке, стали испытывать всевозможные лишения. Дибич не рискнул поэтому на штурм польской столицы и отвел войска на сближение с транспортами.

Тем временем на левом фланге общего расположения — в люблинском направлении — мы стали терпеть неудачи. Новый польский главнокомандующий генерал Скржинецкий, назначенный после Грохова на место Радзивилла, предписал действовавшему там против Крейца Дворницкому произвести диверсию на Волынь. Диверсия эта была выполнена удачно — переоценив силы Дворницкого, русская Главная Квартира двинула на Холмщину на усиление V кавалерийского корпуса еще III кавалерийский корпус и Литовскую гренадерскую бригаду. Все действовавшие здесь войска были подчинены генералу Толю. Дворницкий потеснил вначале Крейца, но затем, видя неравенство сил, укрылся в Замостье с

отрядом в 6500 человек при 12 орудиях.

* * *

Пополнив запасы боевого снаряжения, Дибич решил овладеть Варшавой и в первых числах марта стал сосредоточивать армию у Тырчина, где намечена была переправа через Вислу. Прикрывать всю операцию, а вместе с тем и тыл армии был оставлен VI корпус барона Розена на брестском шоссе.

Скржинецкий, которому удалось поднять дух своей армии, упавший было после Грохова, сознавал всю опасность форсирования русскими Вислы и решил во что бы то ни стало воспрепятствовать этой операции, отвлечь Дибича от переправы. Сосредоточив скрытно у Праги до 40000, он нанес 20 марта VI корпусу жестокое поражение при Дембе-Вельке. При Дембе-Вельке у Скржинецкого было двойное превосходство (33000 поляков против 18000 русских). Наш урон: 2500 убитых и раненых, 3000 пленных, 5 знамен и 10 орудий. У поляков убыло 2000.

Увидя свой тыл под ударом, Дибич приостановил наступление к Висле, отложил переправу и, двинувшись на выручку Розена, соединился с ним 31 марта у Седлеца.

В результате этих неудач заволновалась Литва (где вначале была оставлена одна слабая дивизия в 3200 штыков). Дворницкий, в свою очередь, выступил из Замостья на Волынь, имел жаркое дело с отрядом генерала Ридигера⁶⁷ 7 апреля при Боремле и был им разбит 15-го у Люлинской корчмы, после чего отступил в Галицию, где и разоружился. У Ридигера при Боремле было 9000 и 36 орудий, у Дворницкого — 6000 с 12 орудиями. Мы лишились 700 человек и 5 орудий, но преградили полякам путь в Подолию. У Дворницкого убыло 1000 человек (250 пленных). Его отряд отступил к деревне Люлинцы, прислонив тыл к границе, и после дела 15-го разоружился в количестве 4000 человек.

Дибич рассчитывал перейти в наступление от Седлеца 12 апреля, но был остановлен распоряжением Государя, повелевавшего выждать прибытия гвардии. Один лишь Крейц разбил 27 апреля отряд Хршановского у Любартова. Во время стоянки у Седлеца в армии развилась холера — в марте было всего 200 заболеваний, но к концу апреля их число дошло уже до 5000.

Узнав от лазутчиков, что Скржинецкий намерен атаковать 1 мая, Дибич решил упредить его и оттеснил польские авангарды от Янова. Однако Скржинецкий, сосредоточив 1 мая у Сероцка 45000, двинулся в ломжинском направлении против Гвардейского корпуса, в котором с отрядом Сакена⁶⁸ считалось около 27000. После ряда упорных арьергардных дел великий князь Михаил Павлович отвел свой корпус к Снядову. Скржинецкий, несмотря на все свое превосходство в силах, не отважился атаковать русскую гвардию, а обратился сначала на отряд Сакена, занимавший Остроленку. Однако Сакен своевременно отступил в Ломжу. Во время этой операции 2 польские дивизии — Хлаповского и Гелгуда — вышли в тыл Гвардейскому корпусу, отошедшему за Нарев в район Белостока. Попытки поляков перейти Нарев успехом не увенчались. Дибич долго не верил наступлению поляков против гвардии и поверил лишь тогда, когда польская кавалерия Лубенского показалась у Нура-на-Нареве. Быстро двинувшись в северном направлении с гренадерами, I пехотным и III конным корпусами, фельдмаршал 10 мая отбросил Лубенского и пошел на неприятельскую армию. Скржинецкий начал отступать, но Дибич суворовским переходом настиг его и разгромил 14 мая при Остроленке. В сражении при Остроленке с нашей стороны приняли участие всего 3-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии — 15000 человек, прошедших с небольшим в сутки 70 верст по сыпучему песку. Поляков было 24000. Честь победы в первую очередь принадлежит суворовцам-фанагорийцам и астраханцам, форсировавшим Нарев и долгое время дравшимся со всей польской армией. Тщетно Скржинецкий носился перед фронтом своих войск, посылая их вперед. Напшуд Малаховски! Рыбиньски напшуд! Вшистки напшуд!⁶⁹ Все усилия сбить гренадер оказались тщетными. С польской стороны отличилась конная батарея полковника Бема, лихо прикрывая отступление картечью. Мы лишились трети войск, польская армия совершенно расстроена, потеряв 7100 убитыми и ранеными, 2100 пленными и 3 орудия. III конный корпус генерала де Витта проявил необыкновенную вялость при

преследовании, ухитрившись за 5 суток пройти всего 56 верст.

Отведя разбитые войска к Варшаве, Скржинецкий решил спасти положение диверсией на Литву — и двинул туда дивизию Гелгуда⁷⁰ — 12000 бойцов. Эти силы менее чем в две недели возросли вдвое, и в первых числах июня и русские и поляки имели в Литве по 24000. 7 июня Гелгуд атаковал Вильну, но был разбит Сакеном, отступил в Пруссию и положил оружие. Боем при Вильне руководил Сакен. Старший чином генерал Курута присутствовал безучастным зрителем и вспомнил о своих правах, лишь когда все трудное было сделано и оставалось только пожать плоды победы: А преследовать вы не будете! Поляки тоже перессорились между собою, и Гелгуд застрелен на границе своим адъютантом. Из всех польских начальников в Литве одному лишь Дембинскому с отрядом в 3800 удалось проскочить из Литвы в Варшаву через русское расположение блестящим маршем-маневром через Беловежскую пушу.

На Волыни восстание прекратилось сразу. Русское население здесь было решительно против поляков. Повстанцы Колышко в количестве 5500 косиньер⁷¹ были здесь разбиты генералом Рогом у Дашева.

После сражения при Остроленке главные русские силы сосредоточились у Пултуска и Голымина, куда Дибич вызвал на соединение Крейца от Седлеца и Ридигера с Волыни. Холера косила людей тысячами, поразив самого главнокомандующего, и 30 мая Забалканского не стало. 17 июня от холеры же скончался в Витебске цесаревич Константин Павлович. В командование армией временно вступил Толь.

Приведя свои войска в порядок, Скржинецкий пытался оперировать против левого фланга русского расположения — одновременно против Ридигера и против Крейца. Однако Толь немедленно демонстрировал главными силами на Зегрж, и польский главнокомандующий отозвал свои отряды обратно.

* * *

13 июня в армию прибыл фельдмаршал граф Паскевич Эриванский. В главных русских силах с подходом свежих войск II корпуса стало считаться 64000 сабель и штыков. Паскевич положил переправиться через Вислу у Осека, близ прусской границы и оттуда двинуться на Лович — Варшаву, обеспечив себе тыл границей, а левый фланг Вислой. 1 июля были наведены мосты, а с 4-го по 7-е состоялась переправа.

Скржинецкий пытался было отвлечь Паскевича от переправы, двинувшись на стоявший в Калушине слабый отряд генерала Головина⁷². Но Головин сам перешел в наступление на неприятельскую армию и этим отважным движением сковал ее, обеспечив развертывание переправившейся армии на левом берегу.

У Головина было 5500 человек и 14 орудий, у Скржинецкого — 22000 при 42 орудиях.

Действия русского отряда следует считать образцовыми. Головин развернул его в нескольких колоннах на очень широком фронте, вводя таким образом поляков в заблуждение относительно своей численности. Наши потери: 250 убитых, 165 раненых и 700 пленных (все переранены) и 1 орудие. Урон поляков неизвестен: убыло около 1000 человек, нами взято 160 пленных. Не успев в своем предприятии, Скржинецкий возвратился в Варшаву и под давлением общественного мнения решил дать сражение у Сохачева.

Однако предпринятая 22 июля рекогносцировка показала, что русские уже у Ловича. Опасаясь, что Паскевич двинется оттуда прямо на Варшаву, Скржинецкий занял было позицию у Болимова, но уже 25-го числа вынужден был отступить за Равку.

Варшава была охвачена паникой, и Скржинецкий был заменен Дембинским. 3 августа произошел переворот, президентом погибавшей Речи Посполитой был назначен Круковецкий, и Сейм подчинил главнокомандующего правительству. Не желая этого подчинения, Дембинский подал в отставку и был замещен Малаховским.

Тем временем генерал Ридигер переправился через Верхнюю Вислу 25 и 26 июля с отрядом в 11000 человек, взял Радом и двинул большую часть своего отряда на усиление главной армии под Варшавой.

Малаховский, сосредоточив свыше трети своих сил — 20000 генерала Ромарино — в

Праге, решил повторить мартовский маневр Скржинецкого на Дембе-Вельке и разбить VI корпус на брестском шоссе. Этим он думал отвлечь главные силы Паскевича на правый берег Вислы. Ромарино потеснил было Розена, но получил приказание не зарываться ввиду критического положения Варшавы и не удаляться от столицы. Демонстрация конницы Лубенского на русские переправы у Осека успеха не имела.

6 августа армия Паскевича, доведенная до 85000 человек, обложила Варшаву, которую занимало 35000 поляков, не считая корпуса Ромарино, действовавшего самостоятельно. Император Николай Павлович повелел Паскевичу предложить восставшим амнистию, но Круковецкий отвергнул эти унижительные условия. Переговоры тогда были прерваны, и 26 августа, в годовщину Бородина, Варшава взята кровопролитным штурмом. На приступе участвовало 71000 человек с 390 орудиями. У поляков, отчаянно защищавшихся, было 39000 и 224 орудия. Наш урон — 539 офицеров, 10 005 нижних чинов. Сам Паскевич контужен ядром. Поляки потеряли 7800 убитых и раненых, 3000 пленных и 132 орудия. Приступ, начавшись утром 25 августа, длился 36 часов.

По капитуляции польская армия сохранила оружие и должна была отойти в Плоцк и там ожидать высочайших повелений. Однако поляки, как только почувствовали себя в безопасности, поспешили расторгнуть эти условия и возобновить военные действия. Главнокомандующим вместо Малаховского сделан Рыбинский, а корпусу Ромарино, окончательно отрезанному от главных сил после падения Варшавы, было указано действовать самостоятельно в радомском направлении. Вероломство это окончательно погубило поляков в глазах Государя, но, несмотря на все, Паскевич отправил в Главную Польскую Квартуру для переговоров генерала Берга⁷³, которому приказал затягивать эти переговоры, пока Ридигер и Розен не управятся с Ромарино. Этого долго ожидать не пришлось — в половине сентября отряды Ромарино были оттеснены за Верхнюю Вислу и сдались австрийцам. Тогда Паскевич Высочайшим именем потребовал безусловной сдачи мятежников. Круковецкому и Рыбинскому не осталось ничего иного, как перейти 20 сентября с остатками своей армии прусскую границу и разоружиться. 25 сентября сдался Модлин (переименованный в Новогеоргиевск), а 9 октября Замостье.

Польша была усмирена. Ее конституция была уничтожена и заменена органическим статутом. Царство Польское обращено в русское генерал-губернаторство, получив то же административное устройство, что и прочие области Российской Империи, с небольшими изменениями. Сейм и национальные войска были распущены. Генерал-губернатором был назначен Паскевич, получивший за взятие Варшавы титул светлейшего князя Варшавского.

* * *

Разбирая Польскую кампанию, мы прежде всего должны отметить недооценку противника Дибичем — крупный и досадный промах Забалканского. Недооценка эта имела следствием выступление в поход налегке — в результате чего после Гроховского сражения во всей русской артиллерии осталось всего 5000 зарядов, с чем нельзя было приступить к штурму сильно укрепленной Варшавы. Выступи Дибич в поход на месяц позже, кампания закончилась бы на полгода раньше: имея под рукой достаточные силы и средства, можно было бы сразу нанести решительный удар. Всю кампанию армии пришлось расплачиваться за эту первоначальную ошибку. Тактическая подготовка войск была слаба в результате 15 лет плацпарадных излишеств. Начальник штаба армии генерал Толь составил перед выступлением в поход Правила для наблюдения во время марша на биваках, на тесных квартирах и в самом бою. Однако эти правила большинством войсковых начальников не соблюдались.

Император Николай Павлович не находился на этот раз при армии, занятый в тот тяжелый 1831 год внутренними делами страны. Поздравляя Паскевича князем Варшавским, Государь писал ему: Зачем я не летал за тобой по-прежнему в рядах тех, кои мстили за честь России;

больно носить мундир и в таковые дни быть приковану к столу подобно мне, несчастному...

Переходя к разбору действий поляков, мы должны прежде всего отметить полное отсутствие какого-либо политического глазомера у вождей восстания. После взятия Варшавы, когда уже все было потеряно, с ними все-таки еще разговаривали, их еще признавали воюющей стороной. Казалось, надо было ценить это обстоятельство и стараться лояльным выполнением условий перемирия сохранить последние остатки польских вольностей, тем более что с 20–30 тысячами разбитых к тому же войск никак нельзя было победить Россию и ее армию. Польша сделалась жертвой безрассудного шовинизма Круковецкого и его окружения, вероломство которых не могло не восстановить против себя Государя. В действиях Речи Посполитой мы напрасно будем искать и намека на какой-либо государственный расчет — ею владеет лишь слепая ярость и какое-то истерическое упрямство.

Польская армия 1831 года, одушевленная пламенным патриотизмом, имевшая крепкие регулярные кадры, солидную подготовку и воспитанных в наполеоновской школе командиров, являлась противником, безусловно, равноценным. Войска весь поход дрались превосходно и свой долг перед ойчизной выполнили в полной мере, во всяком случае лучше заправлявших ими политиканов.

Радзивилл был смещен после Грохова. По правде сказать, он оказал делу восстания огромную услугу, атаковав утром 13 февраля Шаховского под Белоленкой, чем спас польскую армию от готовившегося ей 14-го числа сокрушительного удара во фланг, и заставил Дибича произвести фронтальную атаку гроховской позиции. Скржинецкого все обвиняют в вялости и нерешительности — и обвиняют, как нам кажется, напрасно. В его положении трудно было действовать лучше. Вся польская стратегия в эту войну сводилась к оттяжке рокового, но бывшего фатально неизбежным удара. Скржинецкому удалось оттянуть этот удар на целых пять месяцев, что нельзя не признать выдающимся результатом; отдельные его операции (диверсия главными силами на Дембе-Вельке, отряда Дворницкого в Холмщину, дивизии Гелгуда на Литву) искусно проведены. Заслуживает внимательного изучения и марш-маневр Дембинского через Беловежскую пушу — один из самых замечательных образцов партизанской войны в большом масштабе.

С русскими войсками в эту войну происходили подчас заминки, с большим злорадством отмечаемые иностранными, особенно немецкими, авторами. Этим последним мы можем указать на поражение пруссаков в 1866 году при Траутенау и баварцев в 1870 году при Кульме. Частичные неудачи могут быть в любой победоносной армии — здесь они в значительной степени объясняются тем, что наш VI корпус (бывший Литовский), которому как раз не повезло, комплектовался уроженцами Западного края, где были сильны симпатии к восстанию. Подвиги же нашей кавалерии в гроховской битве (уланы Его Величества, малороссийские кирасиры) предадут забвению мимолетную неудачу конноегерей при Сточке.

ЗА ОТЛИЧИЕ ПОЖАЛОВАНЫ НАГРАДЫ:

Лейб-Гвардии Гренадерскому и Лейб-Гвардии Павловскому полкам — права Старой Гвардии;

Финскому стрелковому батальону (ныне Лейб-Гвардии

3-му стрелковому батальону) — права Молодой Гвардии;

Лейб-Гвардии Финляндскому полку — георгиевские трубы за Варшаву (уже имел за Лейпциг в 1813 г.);

4-му гренадерскому Несвижскому и 7-му гренадерскому Самогитскому полкам георгиевские знамена за Варшаву;

11-му гренадерскому Фанагорийскому полку — георгиевское знамя за Остроленку (уже имел за Базарджик в 1810 г.);

12-му гренадерскому Астраханскому полку — георгиевское знамя за Остроленку;

6-му пехотному Либавскому полку — знаки на шапки за Варшаву;

7-му пехотному Ревельскому полку — знаки на шапки;

9-му пехотному Староингерманладскому и 10-му Ново-ингерманландскому полкам —

знаки на шапки за Варшаву;

11-му пехотному Псковскому полку — поход за отличие;

12-му пехотному Великолуцкому полку — знаки на шапки за Варшаву;

13-му пехотному Белозерскому и 14-му пехотному Олонецкому полкам георгиевские знамена за Варшаву;

15-му пехотному Шлиссельбургскому полку — серебряные трубы за Варшаву;

18-му пехотному Вологодскому полку — георгиевское знамя за Варшаву;

21-му пехотному Муромскому, 22-му Нижегородскому и 23-му Низовскому пехотным полкам — знаки на шапки;

31-му пехотному Алексопольскому и 32-му пехотному Кременчугскому полкам георгиевские знамена за Варшаву;

33-му пехотному Елецкому полку — знаки на шапки за Варшаву;

34-му пехотному Севскому полку — георгиевские трубы за Варшаву;

Лейб-Гвардии конногренадерскому полку — наименование за боевое отличие;

Лейб-Гвардии драгунскому полку — георгиевский штандарт;

Лейб-Гвардии гусарскому полку — георгиевские трубы за Варшаву;

14-му драгунскому Малороссийскому полку, 8-му уланскому Вознесенскому полку и 10-му уланскому Одесскому полку — знаки на шапки;

Лейб-Гвардии 3-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы за Варшаву;

1-й гренадерской артиллерийской бригаде — золотые петлицы и знаки на шапки за Варшаву;

2-й гренадерской артиллерийской бригаде и 3-й гренадерской артиллерийской бригаде — знаки на шапки за Варшаву;

1-й артиллерийской бригаде — золотые петлицы;

3-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы и знаки на шапки за Варшаву;

4-й и 5-й артиллерийским бригадам — знаки на шапки за Варшаву;

6-й артиллерийской бригаде — георгиевские трубы и знаки на шапки за Варшаву;

8-й артиллерийской бригаде — золотые петлицы;

9-й артиллерийской бригаде — знаки на шапки за Варшаву;

Лейб-Гвардии 2-й и Лейб-Гвардии 4-й конным батареям — георгиевские и серебряные трубы за Варшаву;

4-й конной батарее, 6-й конной батарее, 12-й конной батарее и 15-й конной батарее — знаки на шапки за Варшаву;

Лейб-Гвардии саперному батальону — георгиевские трубы за Варшаву.

Таким образом из общего числа боевых наград две трети (36 — из 55) пожалованы за штурм Варшавы 26 августа.

Венгерский поход 1849 года

Революционный взрыв, потрясший Европу в 1848 году, с особенной силой сказался в габсбургских владениях. Вся Венгрия, как во времена Ракочи⁷⁴, поднялась на Габсбургов, провозгласив свою независимость. В славянских областях, особенно в Богемии, и даже в самой Вене, происходили мятежи. Одни лишь хорваты под предводительством бана Елачича⁷⁵ остались лояльными (традиционная неприязнь югославян к мадьярам играла, впрочем, здесь гораздо большую роль, чем преданность их династии).

Положение Австрии, вынужденной к тому же вести войну в Италии с сардинским королем, к зиме 1848–1849 годов стало критическим, а весной 1849 года отчаянным. Юный император Франц Иосиф, вступивший только что на престол после отречения дяди своего Фердинанда, обратился в апреле с мольбой о помощи к Императору Всероссийскому.

* * *

Русская армия была переведена еще во второй половине 1848 года на военное положение в предвидении борьбы с революционным движением в Европе. Основное положение Священного союза, гласившее, что все монархи обязаны друг другу братской помощью, совершенно позабытое на Западе, продолжало вдохновлять российскую политику,

не бывшую, увы, политикой русской...

Первое вмешательство русских войск в австро-венгерские дела состоялось еще в январе 1849 года. Воинственное племя секлеров (трансильванских венгров), воодушевленное Бемом, поголовно взялось за оружие. Австрийцы были бессильны справиться с движением, угрожавшим лояльному немецкому и румынскому населению Трансильвании. Они обратились за помощью к генералу Лидерсу, занимавшему со своим V корпусом придунайские княжества. Русские войска были введены в княжества еще в 1831 году. Командовавший ими граф Киселев составил Органический статут, послуживший базой румынской государственности. Граф Киселев стал истинным благодетелем Валахии и Молдавии, и благодарную память о нем Румыния хранит и поныне.

Снесшись с Петербургом, Лидере двинул 20 января в Трансильванию отряды полковников Энгельгардта и Скарятин (всего 5 батальонов). Однако австрийцы не оказали им ни малейшей помощи — и через месяц, в последних числах февраля, наши отряды вынуждены были отступить обратно в Валахию, будучи атакованными у Германштадта во много раз превосходящими скопищами секлеров.

Главные силы, предназначенные для усмирения Венгрии — II, III и IV корпуса — 9 пехотных и 4 кавалерийские дивизии, всего 120000 сабель и штыков при 450 орудиях — под начальством фельдмаршала князя Варшавского сосредоточились в апреле месяце в южной части Царства Польского.

23 апреля была получена телеграфическая депеша от австрийского канцлера князя Шварценберга, просившего отправить как можно скорее (по варшавско-венской железной дороге) русский отряд хотя бы в 25 тысяч в Вену. Паскевич послал тогда австрийцам сводную дивизию генерала Панютин⁷⁶ (11000 штыков с 48 орудиями), уже находившуюся в Кракове. Дивизия эта всю кампанию пробыла в составе австрийской армии — ее перевозка от Кракова до Вены явилась первым опытом перевозки русских войск по железной дороге.

План кампании состоял в движении главными силами из Польши, через Галицию и Карпаты, в Венгрию — на Будапешт. Русская армия выходила, таким образом, в тыл главным силам восставших мадьяр, действовавших против австрийцев в западной Венгрии (в венском направлении — у Рааба и Коморна). Одновременно с этим наступлением главных сил из Польши и Галиции генерал Лидерс с V корпусом (2,5 пехотных, 1 кавалерийская дивизии — 35000 человек, 80 орудий) должен был очистить Трансильванию от армии Бема, воспрепятствовав ее переброске в главное операционное направление.

К моменту русской интервенции положение дел на театре войны представлялось следующим образом. В западной Венгрии — на Верхнем Дунае — 70-тысячная австрийская армия барона Гайнау⁷⁷ была бессильна что-либо предпринять против главной венгерской армии (58000) энергичного и талантливого Гергея⁷⁸. В южной Венгрии — в Банате и Воеводине — 40000 бана Елачича (главным образом югославян) вели бои с 30-тысячной армией уже известного нам по Польской кампании Дембиньского⁷⁹. В Трансильвании Бем со своим ополчением (32000) являлся полным хозяином края — о каком-либо противодействии ему со стороны слабого австрийского корпуса графа Клам-Галасса (всего 12000) не могло быть и речи. Наконец, в северной Венгрии, в пределах Словакии и Карпатской Руси, находилось до 17000 повстанцев, в большинстве партизан, невысокой боеспособности, разбросанных на громадном фронте и, конечно, не бывших в состоянии воспротивиться продвижению русской армии, которое совершалось таким образом безо всякой помехи.

* * *

3 июня авангард — III корпус генерала Ридигера — перешел через перевал Дуклу, и 5-го числа главные силы спустились в венгерскую равнину. 11-го числа вся армия сосредоточилась у Эпериаша — в ней считалось 100000 бойцов, а 14000 барона Остен-Сакена⁸⁰ были оставлены в Галиции (наш всегдашний обычай всюду ставить заслоны, вопреки Суворову, требовавшему снимать коммуникацию). 12 июня был занят Кошице — и в этот день в армии объявилась нежеланная спутница холера. За две с половиной недели

(вторую половину июня) она вырвала из строя армии 14 500 человек — седьмую часть.

Паскевич предписал главным своим силам — II и III корпусам — идти на Будапешт, а IV корпусу генерала Чеодаева⁸¹ (левофланговый отряд) двинуться в долину Тиссы на Дебречин, где полагали главный очаг всей крамолы. 18 июня главные силы заняли Мишкольц; холера, а также обнаружившийся недостаток продовольствия в этой скудной местности побудили Паскевича остаться здесь до прибытия сильно запоздавших транспортов. Фельдмаршал решил выступить не иначе как с запасом провианта на 25 дней.

Тем временем IV корпус выполнил предписание, форсировав под огнем Тиссу у Токая 16 июня и заняв Дебречин. 27 июня главные силы — II и III корпуса тронулись от Мишкольца на Будапешт. В это же время главная венгерская армия, до тех пор действовавшая против австрийцев, двинулась от Коморна вниз по Дунаю — в пештском направлении. Гергей сознавал всю опасность выдвижения русских себе в тыл и спешил прикрыть столицу.

Узнав, об этом движении армии Гергея, Паскевич предписал IV корпусу идти от Дебречина к Мишкольцу — в арьергард и прикрытие главных сил с севера на случай, если Гергей, двинувшись в северном направлении, станет угрожать сообщениям армии. Русский главнокомандующий решил атаковать неприятеля своими главными силами, полагая, что австрийцы со своей стороны его преследуют. Расчет этот, логически правильный, на самом деле не оправдался — австрийская армия Гайнау не двинулась с места ни на шаг. Австрийцы поспешили все ведение войны взвалить на русских наемников, как про себя они называли своих столь бескорыстных спасителей. Традиции Дауна⁸² не были забыты.

Венгерская армия сосредоточилась у Вайцена в сильно холмистой и лесистой местности. Паскевич решил выманить ее на равнину и здесь разбить, пользуясь своим качественным и количественным превосходством. С этой целью в виде приманки он выдвинул отряд генерала Засса⁸³ (12000), который 3 июля и атаковал венгерскую армию под Вайценом. Бой разыгрался вничью, но в конце концов русские вынуждены были отступить ввиду слишком большого неравенства сил. Наш урон при Вайцене составил 30 офицеров, 369 нижних чинов, у венгров примерно столько же. Упорство, с которым вел бой русский отряд, что в данном случае следует поставить в упрек Зассу, не понявшему своей задачи, сразу разъяснило обстановку талантливому Гергею. Он понял, что русская армия совсем близко и что ему угрожает генеральное сражение при самых невыгодных для него условиях (с юга отступление венграм отрезывалось Дунаем, через который от Коморна до самого Будапешта не было мостовых переправ; с востока и северо-востока грозили русские; на западе были австрийцы).

Венгерский полководец тут же привял смелое решение: немедленно отойти в единственном еще свободном направлении — северном, быстрыми фланговыми маршами через Мишкольц на Токай выйти на Тиссу. Он предполагал там усилиться войсками Бема из Трансильвании, а затем соединиться в Банате с южной армией Дембинского и создать таким образом маневренную массу в 120000 человек, посредством которой можно было бы справиться с русским нашествием (силы Паскевича он считал всего в 60000). Венгерская армия таким образом устремлялась по 400-верстной дуге Вайцен — Мишкольц — Дебречин — Арад и обходила русскую армию кругом.

4 июля, пока Паскевич стоял у Вайцена, выясняя обстановку и теряя время, венгерская армия начала этот

свой марш-маневр, и 5-го числа русская армия, подойдя к Вайцену для генерального сражения, противника уже не нашла. Узнав об этом маневре Гергея, Паскевич чрезвычайно встревожился за свои сообщения (силы венгров он, кроме того, очень переоценивал). Предписав IV корпусу ускорить свой марш от Дебречина на Мишкольц, фельдмаршал двинул свою армию параллельно венгерской с целью предупредить противника на Верхней Тиссе.

Геометрически русская армия находилась в лучшем положении, описывая дугу меньшего радиуса. Однако она была обременена громадным вагенбургом — обозами и

госпиталями (необходимость возить запасы при войсках ввиду скудности местных средств; большое количество больных). Предупредить венгров нам не удалось, IV корпус не поспел к Мишкольцу — и Гергей, взяв 10 июля Мишколец, вышел на Тиссу. У него было 27000 при 86 орудиях, у Паскевича — 85000 — тройное превосходство.

Паскевич решил тогда форсировать Тиссу главными своими силами (II и III корпуса) ниже — у Тисса-Фюрета — с тем, чтобы перехватить Гергею пути в Банат и Трансильванию, а IV корпусу приказал как можно дольше задерживать Гергею на правом берегу. 13 июля IV корпус вступил в бой с армией Гергея к северу от Токая. Генерал Чеодаев действовал вяло, введя в бой очень небольшое количество войск; обходные движения были предприняты совершенно недостаточными силами и успехом не увенчались. Зацепить армию Гергея здесь нам не удалось, и 17 июля вся она перешла на левый берег Тиссы. Гергей пошел на Дебречин, уничтожив за собой мост и затруднив этим преследование IV корпусу.

Тем временем авангард главных наших сил (князь Горчаков) 84 совершил 14 июля трудную переправу у Тисса-Фюрета — и 15-го числа наши II и III корпуса перешли здесь на левый берег. Гергей не успел тогда еще переправиться, но Паскевич не имел никаких сведений о противнике (несмотря на наличие в армии четырех легких кавалерийских дивизий). Русская армия потеряла четыре дня. Лишь 19 июля Паскевич получил известие о движении Гергея в дебречинском направлении и решил еще раз попытаться пересечь ему путь.

21 июля при Дебречине произошел бой русской армии с боковым венгерским авангардом — корпусом Надь Шандора, потерпевшим полное поражение и избежавшим гибели благодаря плохому управлению боем Паскевича. Против 8000 венгров с 41 орудием Паскевич развернул 62000 и 298 орудий, зря утомив войска долгим походом (25 верст) к полю сражения в боевом порядке. Наш урон — 337 убитых и раненых, у венгров убыло до 4000. Наши трофеи — 1 знамя и 4 орудия.

Главные же силы Гергея ускользнули еще раз. Венгерский главнокомандующий быстрыми маршами направился в Банат, усилившись по дороге частью войск Бема из Трансильвании. Преследование неприятельской армии было возложено на энергичного генерала Ридигера (войска III корпуса и кавалерия). Гергей рассчитывал усилиться еще армией Дембинского. Однако Дембинский — удалой партизан, но бездарный военачальник — отступил эксцентрически⁸⁵, на север, вместо того, чтобы идти на соединение с главной армией.

На место Дембинского срочно вызвали из Трансильвании Бема, в южную Венгрию спешно стали стягивать ополчение. В последних числах июля Бему удалось собрать до 45000 у Темешвара, но здесь он был после непродолжительного боя разбит 28 июля войсками Гайнау и Панютина, и необученное его войско рассеялось. 28 июля и в последующие дни было обезоружено до 15000 инсургентов⁸⁶. Дивизия Панютина и до того считалась лучшей частью армии Гайнау, отличившись 29 июня при Коморне, где своим вмешательством изменила судьбу сражения. Все австрийские источники хвалят русские войска и (что весьма примечательно) высоко расценивают их тактическую подготовку. А тем временем бан Елачич заступил войскам Гергея путь на Темешвар.

Все эти обстоятельства — дебречинское поражение, отступление Дембинского, разгром Бема, выяснившееся огромное превосходство русских — подействовали разлагающим образом на дух войск главной армии Гергея. Они стали расходиться по домам. Гергей сознал, что все погибло, и решил сдаться на милость наиболее великодушных победителей, вернее единственных своих победителей — русских (к австрийцам венгры питали презрение, кроме того, они знали, что те на них посмотрят, как на изменников).

И 1 августа 1849 года при Вилагоше венгерская армия еще в количестве 31000 человек при 60 знаменах и штандартах и 144 орудиях во главе с Гергеем сдалась генералу Ридигеру.

Усмирение Трансильвании

Семиградье занимала армия генерала Бема — 32000 человек, главным образом ополчения секлеров, при 110 орудиях. Повстанцы были хозяевами всей страны, за

исключением крепости Карлсбург, защищавшейся слабым австрийским гарнизоном. Немногочисленный австрийский корпус графа Галаса вынужден был отступить за линию границы в Западную Валахию.

Для истребления армии Бема и усмирения Трансильвании командир нашего V корпуса генерал Лидере имел около 35000 сабель и штыков. Силы эти составляли две отдельные группы, отстоявшие одна от другой свыше чем на 300 верст. Северная группа генерала Гротенгельма — 10 500 строевых, 24 орудия (части 10-й и 13-й пехотных дивизий) — сосредоточилась в Буковине у Дорна-Ватры и должна была двигаться в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Южная группа самого Лидерса — 25000 человек, 56 орудий (части 14-й и 15-й пехотных дивизий) — сосредоточилась в Валахии у Предяла и должна была нанести удар с фронта в направлении с юга на север, форсировав главный хребет Трансильванских Карпат. Подчиненный генералу Лидерсу корпус Клам-Галаса (к июню — около 10000 бойцов) составлял в Западной Валахии крайний левый фланг нашего расположения. Войдя в Трансильванию, обе русские группы — отряды Гротенгельма и Лидерса — должны были пойти друг другу навстречу и соединиться, действуя по обстоятельствам.

6 июня войска генерала Лидерса сосредоточились на границе Трансильвании у Предяла. Главный удар решено было направить через Темешское ущелье на Кронштадт. Большинство городов Трансильвании имеет три названия: немецкое, венгерское и румынское. Так, Кронштадт — Брассо, Брашов, Германштадт — Надь Себен, Сибиу, Клаузенбург — Колошвар, Клуж, Гроссвардейн — Надь Варад, Оредеа Маре и так далее. Мы придерживаемся немецкой номенклатуры, как наиболее известной. 7 июня Лидере лично повел свой отряд на Предял, сбил венгерский авангард, 8-го с боем форсировал Темешское ущелье и овладел Кронштадтом. Чрезвычайно сильная венгерская позиция была взята двойным охватом. Венгров перебито 400 человек, захвачено 150 пленных (в том числе начальник венгерского отряда Киш), 1 знамя и 5 орудий. Наш урон 1 генерал, 10 офицеров, 115 нижних чинов. Отряд полковника Энгельгардта, двинувшись Терценским ущельем, вышел вперед главными силами, служа им как бы авангардом.

Отброшенные по всему фронту неприятельские войска — корпуса Галь Шандора и Георги — сосредоточились у Кедзы Вашаргели и Чик Середы. Бем с главными силами находился в буковинском направлении против Гротенгельма. Генерал Лидере решил передать управление занятыми областями и охрану тыла и этапов австрийцам, а русские войска, как более высококачественные, сохранить для активных операций. Но для этого надо было еще открыть австрийцам дорогу в Трансильванию — корпус Клам-Галаса не был в состоянии форсировать Краснобашенного ущелья⁸⁷, запирающего доступ из Валахии к Германштадту.

Выяснив обстановку и дав отдохнуть войскам. Лидере двинулся на Чик Середу и 23 июня разбил здесь Галь Шандора и Георги. Авангард его 1 июля занял Фогараш. В этих делах взято до 800 пленных и 4 орудия. Наш урон незначителен. Разделавшись с неприятельскими войсками. Лидере двинулся 6 июля на Германштадт, перешел 7-го через Верхнюю Ольту и отрезал от Германштадта отряд се клеров, занимавший Краснобашенный перевал (отряду этому пришлось сдаться туркам в Западной Валахии). 9 июля русские взяли Германштадт, приобретя широкий плацдарм (Кронштадт — Германштадт) для дальнейших операций и сообщения со своей базой в Валахии.

Тем временем отряд Гротенгельма медленно двинулся 7 июня от Дорна Ватры. 15-го числа он был атакован Бемом (до 7000 человек) у Русе-Борго, но отразил нападение. Гротенгельм не преследовал. 19 июня Бем придвинулся к русской позиции, но не рискнул ее атаковать. 27-го числа Гротенгельм скрытно снялся с позиции, чтобы атаковать противника, но Бем не дал застать себя врасплох, ловко уклонился от боя и, не надеясь на свои силы, отступил. 4 июля Гротенгельм разбил венгерский заслон Дамаскина, 5-го перешел Быстрицу и 11-го занял Сас Реген. Несмотря на все успехи, оба русских отряда — Лидерса и Гротенгельма — не имели сведений друг о друге.

Энергичный Бем сосредоточил тем временем к 7 июля до 12000 бойцов и 50 орудий у Чик Середы. Оставив заслоны против русских отрядов (наступавшего на Германштадт Лидерса и шедшего на Сас Реген Гротенгельма), он выслал корпус Галь Шандора на австрийцев, а сам с 4000 секлеров устремился между Гротенгельмом и Лидерсом на Ойтузский перевал в Молдавию с тем, чтобы поднять страну в тылу русских. Ойтузское направление прикрывал всего один батальон Литовского пехотного полка, оказавший (у Хиржи) геройское сопротивление, но не бывший в силах остановить неприятеля. Однако расчеты Бема не оправдались молдаване и не подумали восставать, и венгерский вождь, разочаровавшись, уже 15 июля возвратился в Трансильванию, где обстановка тем временем не замедлила для него сложиться угрожающе.

* * *

Заняв Германштадт, Лидерс привел в порядок войска и дал им отдохнуть. Он хотел было идти на деблокаду Карлсбурга, но сведения из восточной Трансильвании (о набеге Бема на Молдавию) заставили его выступить 14 июля на Сегешвар, куда его отряд (7000 бойцов и 32 орудия) прибыл 17-го числа. В Германштадте был оставлен генерал Гасфорд с отрядом в 4000 человек при 12 орудиях. Узнав об уходе Лидерса с большей частью войск, венгры (корпус Штейна — 3500 человек) пытались было овладеть Германштадтом, но 20 июля были разбиты Гасфордом⁸⁸ при Кельнеке. Наш урон при Кельнеке всего 64 человека. Венгров убило 1200 (треть их отряда), главным образом пленными. Нами взято 2 знамени и 2 орудия.

19 июля Бем с отрядом в 8000 атаковал генерала Лидерса при Сегешваре, но потерпел полное поражение. Под Сегешваром наш урон составил: 1 генерал, 7 офицеров, 250 нижних чинов. У венгров перебито 1200, взято в плен 500 с 8 орудиями. Однако Бем не пал духом. Бросив разбитые под Сегешваром войска, Бем ускакал в Марош Вашаргели, где имел еще 8000 при 17 орудиях, и ринулся с ними на Германштадт, чтобы разбить Гасфорда.

После сегешварской победы Лидере двинулся на Ма-рош Вашаргели и 22-го наладил, наконец, связь с Гротенгельмом. На следующий день, 23-го он узнал о движении Бема на Германштадт, угрожавшем гибелью слабому отряду Гасфорда. Благодаря нечеловеческому усилию славного своего отряда, прошедшего форсированным маршем 24 июля в палящий зной 85 верст, Лидерсу удалось предупредить Бема и выручить Гасфорда. 25 июля в бою под Германштадтом венгерская армия была разбита. У Гасфорда было 4000 человек при 12 орудиях, стесненных обозами всего V корпуса. Гасфорд держался весь день, прикрывая отход этих обозов и потеряв 14 офицеров и 337 нижних чинов. 25 июля утром подошел Лидере (прошедший в 3 дня 150 верст по горным тропам), и венграм пришлось принять бой на той же невыгодной позиции, откуда они накануне оттеснили Гасфорда. Нами взято 14 орудий и более 1000 пленных. Преследуя, Лидере нанес поражение последнему еще не расстроенному венгерскому отряду корпуса Штейна 30 июля при Мюленбахе. При Мюленбахе у Лидеров было 10000 с 46 орудиями, у Штейна — 8000. Бой был кратковременным, венгерский корпус сразу опрокинут. Венгров перебито свыше 500, 1772 взято в плен с 13 орудиями. Наши потери: всего 5 нижних чинов убито, 5 офицеров и 29 нижних чинов ранено. 3 августа отряд генерала Гротенгельма занял Клаузенбург.

Трансильванская венгерская армия Бема перестала существовать, ее остатки в количестве 7000 человек при 74 орудиях сдались 6 августа — через пять дней по капитуляции главной армии Гергея при Вилагоше.

13 августа положил оружие последний венгерский отряд в Трансильвании. Лидере отвел свои войска в Германштадт, а затем вывел их назад в Валахию, оставив в усмирённом крае 15-ю пехотную дивизию.

* * *

В Венгерском походе приняло участие до 170000 русских войск. Кровавые потери немногим превысили 3000 человек (708 убитых, 2447 раненых), зато заболеваемость составила как раз половину всей армии (заболело 85 387, из них умерло — главным образом холерой — 10 885). Потери от болезней превысили боевые в 28 раз. Материальные расходы

составили 47 500 000 рублей, принесенных в жертву (с 12 000 русских жизней) бескорыстной метафизике Священного союза.

Кампания длилась всего два месяца. Июнь — медленное, прерываемое всякого рода препятствиями (холера, недостаток продовольствия) движение армии Паскевича от Карпат к Будапешту — с северо-востока на юго-запад. Июль — погоня за армией Гергея, движение левым плечом вперед (по часовой стрелке) вокруг Восточной Венгрии. Трансильванский поход, ведущийся как бы на обособленном театре войны, представляет самостоятельный блестящий эпизод этой кампании.

Венгры — храбрые солдаты. Со всем этим их ополчения 1848–1849 годов типичные импровизированные войска — нам не приходится считать противником вполне равноценным. Таковым они могли быть разве для растерявшихся австрийцев либо для импровизированных же войск Елачича.

Занимая центральное положение относительно своих многочисленных противников, армия Гергея могла бы применить маневр по внутренним операционным линиям. Этому препятствовало, однако, как отсутствие связи между северным и южным театрами военных действий (на Дунае переправ, как мы знаем, не было), так и неспособность главного руководителя восстания Кошута⁸⁹, все время ссорившегося с Гергеем. Кадры высшего командования венгерской армии носили тот же импровизационный характер, что и войска. Видные места занимали бывшие генералы польской службы, вожди восстания 1831 года. Инсургенты сделали ценное приобретение в лице Бема, но прогадали на Дембинском.

Гергей, как полководец, оказался вполне на высоте своей трагической задачи. Его фланговый марш от Вайцена на Мишкольц — Токай — Дебречин блестящий выход из критического положения (по идее своего рода стратегический Цорндорф) следует считать образцовым как по замыслу, так и по выполнению. Бем уступает ему в стратегическом отношении (разбросал свои силы отдельными отрядами по Трансильвании), но зато в совершенстве владеет своей оператикой, являя нам пример энергичного, никогда не падающего духом вождя. В его лице доблестный Лидере встретил достойного противника.

В этот поход князь Варшавский дал одни лишь отрицательные образцы полководчества. Находясь во главе стотысячной армии, он не сумел разбить втрое слабейшего противника. У него нет глазомера — он вдвое переоценивает силы неприятеля; его решения, к тому же излишне робкие, всегда запаздывают. Против него 30 000, он считает их в 60 000, а действует так, как будто против него 200 000. Весь поход Паскевич командовал армией, как ротой. Один лишь пример дебечинского боя, когда он подводил свою армию к полю сражения (против слабого неприятельского отряда) на протяжении целых 25 верст в развернутом боевом порядке, дает красноречивую оценку его полководчеству.

Огромное большинство частных начальников, воспитанных в обезличивавшей школе Паскевича, проявили нераспорядительность и мешкотность.

За всю кампанию главной русской армией не было дано ни одного генерального сражения. Два сколько-нибудь крупных дела — Вайцен и Дебречин.

Под Вайценом Засс преждевременно раскрыл намерение главного командования, благодаря чему венгерской армии удалось избежать губительного для нее генерального сражения. Вообще же посылка отряда Засса явилась ошибкой, аналогичной той, что будет сделана пять лет спустя, когда двинут на Балаклаву отряд Липранди и укажут союзникам их слабое место. Разрозненное, путаное ведение боя под Дебречином возмущало Инкерман и Черную (кавалерийская дивизия, потерявшаяся в кукурузе, может даже служить прообразом блуждавших в гаоляне орловских рысаков).

Обращает на себя внимание неиспользование конницы. Князь Варшавский имеет при себе 120 эскадронов и сотен, а его армия продвигается все время ощупью, совершенно не осведомленная о противнике, не зная, что творится в одном-двух переходах. Лидере в Трансильвании применяет свою конницу гораздо удачнее, как на разведке, так и в бою. Под Германштадтом все дело решила блестящая атака одесских улан, под Мюленбахом — наскок донцов Суворовского полка.

В эту войну, как уже в Польскую, выявились недочеты нашей военной системы, сошедшей со времен Императора Павла со своего исторического национального пути. И с каждой последующей войной — в Крыму, на Балканах, в Маньчжурии недостатки эти станут сказываться все более катастрофическим образом...

С момента вмешательства России борьба венгров за независимость была делом конченным. Этим объясняется ненависть венгров к России, ненависть, искусно поддерживавшаяся все время австрийским правительством и давшая такие бурные всходы шестьдесят пять лет спустя. Вот чем объясняется бешеный порыв мадьярских полков под Красником и Томашовом в августовские дни 1914 года! Внуки мстили за дедов — мстили под знаменами тех Габсбургов, на которых как раз восставали эти деды... Мудрой политикой можно действительно добиться всего!

Император Николай Павлович успел еще при жизни испытать то, что у нас наивно стали называть австрийской неблагодарностью. Неблагодарность эта отравила последние дни Государя, но имела то положительное значение, что исцелила нашу политику от тлетворного влияния Священного союза. Впрочем, вполне избавиться от донкихотства — применения обывательской морали к государственной жизни — нашей политике так никогда и не удалось...

* * *

ЗА ЭТОТ ПОХОД ПОЖАЛОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ НАГРАДЫ:

- 28-му пехотному Полоцкому полку — серебряные трубы;
- 32-му пехотному Кременчугскому полку — поход за отличие;
- 35-му пехотному Брянскому полку — серебряные трубы;
- 36-му пехотному Орловскому полку — серебряные трубы (уже имел за 1812 г.);
- 39-му пехотному Томскому и 40-му пехотному Колыванскому полкам георгиевское знамя за усмирение Трансильвании;
- 56-му пехотному Житомирскому полку — георгиевские трубы;
- 58-му пехотному Прагскому полку — георгиевское знамя за Темеш (уже имел за Андию в 1845 г.);
- 59-му пехотному Люблинскому полку — поход за отличие;
- 60-му пехотному Замосцкому полку — георгиевское знамя за Трансильванию (уже имел за Андию в 1845 г.);
- 13-му стрелковому (тогда 4-му стрелковому батальону) — серебряные трубы за усмирение Трансильвании;
- 5-му уланскому Литовскому полку — серебряные трубы;
- 6-му уланскому Волынскому полку — серебряные трубы (уже имел за 1812 г.); 10-му уланскому Одесскому полку — георгиевский штандарт за усмирение Трансильвании;
- 3-му гусарскому Елисаветградскому полку — георгиевские трубы (уже имел за 1812 г.);
- 1-му казачьему Донскому полку — георгиевское знамя за усмирение Трансильвании;
- Кубанскому дивизиону — георгиевское знамя за Дебречин;
- 2-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы;
- 5-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы;
- 7-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы;
- 9-й артиллерийской бригаде — серебряные трубы (имела уже за 1828–1829 гг.);
- 14-й артиллерийской бригаде — георгиевские трубы за усмирение Трансильвании;
- 4-й конной батарее — серебряные трубы;
- 9-й конной батарее — серебряные трубы;
- 16-й конной батарее — георгиевские трубы;
- 19-й конной батарее — серебряные трубы (уже имела за 1828–1829 гг.);
- 6-й казачьей Донской батарее — серебряные трубы;
- 10-й казачьей Донской батарее — серебряные трубы;
- 4-му саперному батальону — георгиевское знамя за переправу через Тиссу.

Глава VIII. Покорение Кавказа

Длившаяся полстолетия, стоившая громадных жертв и принесящая столько славы русскому оружию Кавказская война может быть разделена на три периода.

Первый период — с 1816 года по 1830 год — может быть назван по имени главного героя Ермоловским. Кратковременное командование Паскевича, целиком занятое защитой Кавказа от покушения внешних врагов — Персии и Турции, составляет одно целое с ермоловской эпохой и является как бы ее логическим продолжением.

Второй период — 30-е и 40-е годы — это кровавая и грозная пора мюридизма. Огненная проповедь Кази-муллы и Шамиля владеет сердцами и шашками Чечни и Дагестана.

Перелом в пользу русского оружия при Воронцове открывает собой третий период Кавказской войны. Штурм Гуниба и пленение Шамиля наносит мюридизму окончательный удар, и с 1859 года по 1865 год происходит замирение края.

Времена Ермолова

По заключению Гюлистанского мира с Персией можно было заняться устройством новоприсоединенного Кавказского края. Задача эта, вначале казавшаяся просто трудной, оказалась, однако, поистине исполинской.

Кавказ бурлил. Волнения горских племен по-настоящему не прекращались со вступления туда русских войск при Лазареве⁹³. Волновались Кахетия, Хевсурия и особенно осиное гнездо всего Кавказа — Чечня. Генерал Ртищев⁹⁰, уже лишившийся незаменимого помощника — Котляревского⁹¹, предпринимал набеги на Чечню, обуздывая хищников, но Император Александр I не одобрял этих слишком решительных мер, требуя проявления к горцам дружелюбия и снисходительности. Петербург проявлял полное незнание с обстановкой, а горцы считали снисходительный образ действий за признак слабости русских и все более смелели.

В 1816 году расположенные на Кавказе войска были сведены в отдельный Кавказский корпус. Главнокомандующим же вместо генерала Ртищева был назначен Ермолов⁹². С прибытием героя Эйлау и Бородина в истории Кавказа началась ермоловская эпоха — бесспорно, самая блестящая ее страница.

Ознакомившись с обстановкой, Ермолов сразу же наметил план действий, которого затем придерживался неуклонно. Учитывая фанатизм горских племен, их необузданное своеволие и враждебное отношение к русским, а также особенности их психологии, новый главнокомандующий решил, что установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно. Надо было заставить горцев уважать русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой. Ермолов составил последовательный и систематический план наступательных действий. Не спуская горцам ни одного грабежа, не оставляя безнаказанным ни одного набега, он в то же время положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, — не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плацдармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование прослоек между враждебными нам племенами путем переселения туда преданных нам племен. Кавказ, — говорил Ермолов, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведем же осаду!

Ознакомившись с планом Ермолова, Император Александр отдал повеление, в котором как бы резюмировал его сущность: Покорять горские народы постепенно, но настоятельно; занимать лишь то, что удержать за собою можно, не распространяясь иначе, как став

твердую ногою и обеспечив занятое пространство от покушений неприятных.

Осенью 1817 года кавказские войска были усилены прибывшим из Франции оккупационным корпусом графа Воронцова. Корпус Воронцова с 1814-го по 1817 год оставался во Франции и, по свидетельству современников, более других проникся новыми идеями, так что войска эти (в которых телесные наказания были совершенно выведены из обихода) были не столько посланы на Кавказ, сколько сосланы. В состав этого корпуса входили полки, которым суждено было обессмертить себя подвигами в надвигавшейся почти полувекковой военной грозе, апшеронцы и ширванцы, тенгинцы и курицы, гренадеры — херсонцы и егеря мингрельцы. С прибытием этих сил у Ермолова оказалось в общей сложности около 4 дивизий, и он мог перейти к решительным действиям.

Положение представлялось в следующем виде: Закавказье оставалось спокойным, но на Кавказской линии обстановка складывалась угрожающе. Правому флангу линии угрожали закубанские черкесы⁹⁴, центру — кабардинцы, а против левого фланга за рекой Сунжей гнездились чеченцы — самые отчаянные хищники, пользовавшиеся высокой репутацией и авторитетом среди горских племен. Черкесы ослаблялись внутренними раздорами, кабардинцев косила чума — опасность угрожала в первую очередь от чеченцев.

* * *

Весной 1818 года Ермолов обратился на Чечню. Рядом коротких ударов он привел в повиновение всю местность между Тереком и Сунжей, построил крепость Грозную и поселил по Сунже враждебные чеченцам племена, следуя принципу разделять и властвовать. Обезопасив левый фланг со стороны Дагестана, Ермолов пошел в Аварию, на Джэнгутай, где совершенно разгромил скопища аварцев. На зимние квартиры войска стали по Тереку.

В 1819 году построена в Дагестане крепость Внезапная. Аварский хан пытался было предпринять поход с целью изгнать русских из своих владений, но предприятие это закончилось полной неудачей, и он вынужден был покориться. От Наурской станицы горцы были отражены женщинами-казачками (мужское казачье население было в походе).

В следующем, 1820 году предпринимались экспедиции, расширившие зону нашего влияния. В этом году Черноморское войско (кубанские казаки) было причислено к Кавказскому корпусу.

Постройкой в 1821 году крепости Бурной был закончен на левом фланге треугольник опорных пунктов. Проученные рядом жестоких уроков, чеченцы не отваживались больше нападать на линию, но подговорили ставропольских туркменцев напасть на кубанские поселения. Однако туркменцы были разгромлены генералом Власовым⁹⁵ 3-м. Обеспечив левый фланг, Ермолов обратился в 1822 году на центр линии — и постройкой там новых линий и укреплений совершенно умирил Кабарду.

Оставалось Закубанье, где волновались черкесы. В 1823-м и 1824 годах была усмирена смута в Абхазии. В Дагестане по внешности все обстояло благополучно, но в недрах его тлел огонь — в толщу воинственного его населения стала проникать фанатическая проповедь мюридизма. Слово мюрид значит послушник. Мюридизм, с точки зрения догматической, является проповедью неизвестной народу части Корана — деяний Пророка, так называемая Тариката. Практически мюриды послушники давали обет посвятить все свои силы и жизнь газавату — священной войне, борьбе с неверными. Движение возглавил мулла Магомет, стяжавший себе громкую известность под именем Казимуллы.

В 1825 году обострение отношений с Персией потребовало присутствия Ермолова в Тифлисе. Его отъезд послужил сигналом к общему восстанию Чечни. Восстание это было усмирено генералом Лисаневичем⁹⁶ (начальник 22-й пехотной дивизии и Кавказской области), но этот генерал — сподвижник Котляревского и один из первых пионеров русского Кавказа — был предательски убит, как до него были убиты Лазарев и Цицианов⁹⁷. На его место был назначен генерал Вельяминов⁹⁸, и все наши усилия снова обратились на левый фланг линии. В конце января 1826 года был предпринят зимний поход на Гехи, в Гойтинский лес.

Но дни Ермолова на Кавказе были уже сочтены. Против него давно велись интриги в

Петербурге. Ермолов был опальным генералом. Этот большой русский человек своим саркастическим умом и независимым суждением нажил много врагов и врагов сильных и влиятельных. Не выносивший новых священносоюзных порядков и немецкого засилья, этот последний продолжатель традиций екатерининских орлов пришелся не ко двору в России 20-х годов XIX века... Лица, запарывавшие шпицрутенами сотни людей у себя в военных поселениях, смели упрекать Ермолова в жестокости с туземным населением. Инсинуировали о его злоупотреблениях (не приводя сколько-нибудь существенных доказательств) и о его проконсульских замашках. Приводили, например, его приказ в 1819 году, которым Ермолов самовольно переименовал полки Кавказского корпуса и который он не отменил, несмотря на категорические приказания Военного министерства. Ермолов приказал полкам меняться наименованиями друг с другом. Апшеронский полк поменялся с Троицким, Тенгинский — с Суздальским, Грузинский — с Белевским, Навагинский с Вологодским и так далее.

Император Николай Павлович, настроенный против Ермолова, послал летом 1826 года на Кавказ своего отца-командира — Паскевича — официально в помощь Ермолову, на самом же деле для замены его. Однако важные внешнеполитические события замедлили смену главнокомандующих.

Паскевич Эриванский. Война с Персией 1826–1827 годов и с Турцией 1828–1829 годов

Гюлистанский мир 1813 года не способствовал установлению добрососедских отношений между Россией и Персией. Персияне не примирились с потерей вассальных закавказских ханств, и пограничные инциденты происходили весьма часто.

Весной 1826 года в Персии взяла верх воинственная партия престолонаследника Аббаса-мирзы. Российский посланник в Тегеране князь Меншиков был арестован, и 16 июля персидские полчища перешли Араке, причем главные силы — 40000 Аббаса-мирзы — вторглись в Карабахское ханство. Русские силы в Грузии и Закавказье доходили до 30 батальонов, но из них могли быть выделены для встречи нашествия едва 30 рот.

Русские отступили к Гумрам (ныне Александрополь) и оставили Елисаветполь. Однако персидское нашествие было задержано стойким сопротивлением Шуши, где полковник Реут с маленьким гарнизоном геройски отражал во много раз превосходного врага. У Реута было всего около 2000 егерей его 42-го полка и ширванцев. Ермолов решил первоначально придерживаться оборонительного образа действий, но Государь повелел ему сосредоточить войска в эриванском направлении и действовать наступательно. Уже 3 сентября авангард Действовавшего корпуса под начальством князя Мадатова⁹⁹ (3000 бойцов) разбил при Шамхоре 15000 персов и 5-го занял Елисаветполь.

Ермолов предписал Паскевичу, вступившему с началом военных действий в командование Действовавшим корпусом, спешить с главными силами на соединение с авангардом Мадатова. 9 сентября 11000 русских сосредоточилось под стенами бывшей Ганжи. Только что прибывший из Петербурга на Кавказ Паскевич, привыкший к картинным парадом, безупречной выправке и единообразию Марсова поля, в первый раз видел кавказские полки, у которых дух всегда господствовал над формой. Вид их вначале очень смутил будущего графа Эриванского, встретившего по платью эти бесподобные войска и усомнившегося было в их боеспособности. Однако уже через несколько дней он совершенно изменил это первоначальное свое о них мнение.

Персидская армия подошла к Елисаветполю, и 13 сентября Паскевич атаковал и наголову разбил ее. Против 35000 персов, из коих 15000 регулярной пехоты с 24 орудиями, у нас было 10319 бойцов, тоже при 24 орудиях. Персидская армия надвинулась в виде громадного полумесяца, охватывая неподвижно стоявший русский корпус с трех сторон. Персы остановились на расстоянии ружейного выстрела. Паскевич тоже медлил с атакой, пока командиры, которым не терпелось, не убедили его атаковать, уверив, что кавказские войска неспособны к обороне. Если эта золотая сволочь опомнится, то шапками нас закидает, — сказал ему князь Мадатов. Персов перебито до 2000, а 1019 с 4 знаменами и 4 орудиями взято в плен. Остальные бежали. Мы лишились 295 человек. Сражение под Елисаветполем решило участь кампании. Шуша была деблокирована после геройской 47-

дневной защиты, а в октябре вся русская территория была очищена от персов. Зимой князь Мадатов произвел в свою очередь два набега в персидские пределы.

* * *

К открытию кампании 1827 года Ермолова уже не было, и Паскевич стал полновластным хозяином на Кавказе. Всю свою долгую жизнь Ермолов прожил в Москве. Он был главнокомандующим ополчением в Восточную войну и умер 91-го года от роду, в 1861 году, пережив всех героев Двенадцатого года.

В мае месяце Паскевич стянул войска к Эчмиадзину и в июне выступил оттуда на Аббас-Абад, выслав 20-ю дивизию генерала Красовского¹⁰⁰ блокировать Эривань — неприступный оплот Персии, о который уже дважды — при Цицианове и при Гудовиче¹⁰¹ — разбивались русские усилия

Аббас-Абад был взят 7 июля, но под Эриванью дела приняли неблагоприятный оборот. Лихорадки и дизентерия настолько ослабили 20-ю дивизию, что в ней осталось едва 4000 штыков. Красовский снял осаду и отвел свои войска на Аштаракские высоты. Аббас-мирза с 30000 двинулся на него, но, не смея атаковать сильную русскую позицию в лоб, обошел ее и стал между Красовским и Эчмиадзином, угрожая разгромом почти беззащитной, переполненной больными, русской базе. Тогда Красовский двинулся 16 августа на персидскую армию, пробился сквозь нее с большими потерями и прикрыл Эчмиадзин. Мы лишились 24 офицеров и 1130 нижних чинов. Это самый большой урон за все войны с Персией. После этого поражения персы отказались от дальнейших попыток к наступлению.

Устроив продовольственную часть, Паскевич приступил к решительным действиям. 19 сентября он взял сильно укрепленный Сердар Аббас, 23-го подступил к Эривани — и 1 октября овладел ею штурмом. Сердар Аббас нельзя было обложить со всех сторон по условиям местности. Паскевич подверг крепость жестокой бомбардировке, после которой остатки гарнизона бежали. В крепости взято 14 орудий. Из гарнизона в 1500 человек

до 650 перебито и 100 взято в плен. В Эривани взято 48 орудий, 4 знамени и 3000 пленных, в том числе комендант Гассан-хан. Наш урон за всю осаду не свыше 100 человек. За отличие на приступе 7-й карабинерный полк наименован Эриванским карабинерным, а Паскевич возведен в графское достоинство и награжден орденом святого Георгия II степени.

Взятие Эривани нанесло окончательный удар Персии. В октябре 1827 года русскому оружию покорилась вся северо-западная ее часть. 14 октября был взят Тавриз, и 21-го числа Персия запросила мира. Мирные переговоры продолжались около четырех месяцев, и мир был подписан в Туркманчае 13 февраля 1828 года ровно в полночь, в момент, признанный персидским астрологом самым благоприятным для его прочности. Астролог не ошибся — с тех пор Россия и Персия больше не воевали. По Туркманчайскому миру Персия уступила нам ханства Нахичеванское и Эриванское и уплатила 20 миллионов рублей серебром контрибуции.

Паскевич настаивал на использовании персидской неурядицы — борьбы за шахский престол различных претендентов — и расчленения Персии. Он полагал включить часть персидских земель в число российских владений, а из остальных образовать по принципу *aglycle e11trepla* ряд вассальных и полувассальных государств. Однако Император Николай Павлович — блюститель порядка и хранитель заветов Священного союза во всех частях света — отказался от подобной неблагородной идеи воспользоваться затруднительным положением законного шаха Персии. Великая Екатерина поступила бы иначе.

* * *

Кавказ недолго наслаждался спокойствием. В феврале 1828 года был заключен мир с Персией, а в апреле объявлена война Турции.

Кавказскому корпусу надлежало отвлечь силы турок от главного. Балканского театра и покорить Карский и Ахалцыхский пашалыки. Из 40000 войск свыше половины пришлось отделить для поддержания порядка в Закавказье и только что присоединенных ханствах — и против турок Паскевич смог сосредоточить у Гумр всего 18000 бойцов при 70 орудиях. Турок в Эрзерумском районе было до 60000, под начальством Киос-Магомета-паши. 14 июня

Паскевич двинулся от Гумр к Карсу — и 23-го взял его штурмом, предупредив турецкую армию.

Гарнизон Карса состоял из 8000 человек (из коих 2000 регулярной пехоты, а остальные конница и ополчение). Во время штурма перебито до 1500. В крепости взято 33 знамени и 151 орудие. Наш урон 400 человек. Первый поднявшийся на стену солдат, эриванский карабинер, был смертельно ранен. Братцы, умираю, успел он крикнуть товарищам, — только крепость возьмите! Появление чумы побудило прекратить на месяц дальнейшие действия и отвести войска в здоровую местность, в горы. По миновании заразы Паскевич овладел 23 июля Ахалкалаками и, перевалив с осадной артиллерией через Цудахарский хребет, подступил 4 августа к Ахалцыху и разбил здесь 9-го числа неприятельскую армию.

9 августа под Ахалцыхом у Паскевича против 30000 турок было всего 9000 человек и 42 орудия. Сражение велось в сильнейшую грозу. Турок перебито до 2000 и 500 человек с 10 орудиями и 10 знаменами взято в плен. Наши потери — 81 убитый, 339 раненых. Штурм Ахалцыха 16 августа велся с большим ожесточением, из 9-тысячного гарнизона легло 5000. Трофеями были 57 знамен и значков и 62 орудия. Ахалцых 16-го числа взят штурмом. В августе и сентябре взяты Ацхур, Ардаган, Потти, Баязет и покорен весь Баязетский пашалык. Кавказский корпус блистательно выполнил свою задачу, и Паскевич, оставив во всех занятых крепостях гарнизоны, отвел свои войска на зимние квартиры.

* * *

Зима с 1828 года на 1829 год протекла тревожно. В феврале турки в количестве 10000 осадили Ахалцых, но были отражены генералом Муравьевым, а трапезундский паша пытался проникнуть в Гурию, но безуспешно. В занятых областях жители волновались, ежеминутно готовясь восстать поголовно. Персы в свою очередь стали стягивать свои войска к Араксу, и лишь угроза Паскевича Аббасу-мирзе истребить всю его династию заставила их отказаться от попытки реванша (в Тегеране только что назначенный посланником Грибоедов был растерзан чернью). Кампания 1829 года открывалась при крайне неблагоприятных обстоятельствах.

Четвертую весну выступали кавказские полки со своих квартир на границу. Из 45000 опять, как и в прошлую кампанию, лишь 18000 человек и 70 орудий смогли быть назначены для активных операций (12000 двинуты на персидскую границу, 15000 оставлены внутри страны). Силы турок же возросли тем временем до 120000. Главнокомандующим вместо Киос-Магомета назначен эрзерумский сераскир Хаджи Салех.

В половине мая турецкий главнокомандующий с 70000 двинулся от Эрзерума к Карсу, трапезундский паша с 30000 — к Ахалцыху, а ванский паша с 20000 и курдами — к Баязету. Паскевич, своевременно осведомленный, решил предупредить турок и двинулся сам через Соганлугский хребет к Эрзеруму. Хаджи Салех вел свою армию двумя группами: справа — Хаки-паша с 20000, слева — сам сераскир с главными силами — 30000 человек, имея в резерве остальные 20000.

19 июня Паскевич разгромил сераскира под Каинлами, а на следующий день, 20-го, нанес полное поражение Хаки-паше под Милле Дюзе. В двойном бою, при Каинлах и Милле Дюзе, мы лишились 1000 убитыми и ранеными. Турок перебито до 5000, а 12000 с 19 знаменами и 28 орудиями взято в плен. Конница под личным начальством Паскевича преследовала 20 верст. Разгромленная турецкая армия бежала в Эрзерум, который сдался почти без боя 27 июня — в сто двадцатую годовщину Полтавской победы, причем в плен был взят сам сераскир, 4 паши, до 15000 человек и 150 орудий.

Покорением Эрзерума и победоносным отражением от Баязета войск ванского паши война с Турцией на Кавказе, собственно, закончилась. В кампанию 1828 года были взяты турецкие крепости Закавказья, а в короткую июньскую кампанию 1829 года разгромлена живая сила турок и взят их оплот. Паскевич, имевший за персидскую кампанию титул графа Эриванского, был произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден орденом святого Георгия I степени.

В июле, августе и сентябре происходили небольшие бои (в одном из них мы лишились

храброго генерала Бурцева)¹⁰². 27 сентября в деле при Байбурте, последнем за всю войну, русский отряд в 7000 человек при 34 орудиях разгромил 12000 турок и курдов. Неприятелей перебито 700 и 1236 взято в плен, с 12 значками и всеми 6 бывшими в деле орудиями. Наш урон — всего 100 человек. В конце сентября войска отведены на свои стоянки. Ахалцыхский пашалык присоединен к России.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ВОЙНЫ С ПЕРСИЕЙ И ТУРЦИЕЙ ПОЛУЧИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛКИ:

13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк — серебряные трубы за отличие в 1826–1827 гг. и 1828–1829 гг.;

14-й гренадерский Грузинский полк — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1826–1827 гг. и 1828–1829 гг.;

15-й гренадерский Тифлисский полк — георгиевское знамя за защиту Шуши в 1826 г.;

77-й пехотный Тенгинский полк — георгиевское знамя за оборону Баязета в 1829 г.;

80-й пехотный Кабардинский полк — знаки на шапки за отличие в 1826–1827 и 1828–1829 гг.;

84-й пехотный Ширванский полк (особенно отличившийся) — георгиевское знамя за оборону Шуши, георгиевские трубы за отличие в 1827 г., знаки на шапки за отличие в 1826 г. и поход за отличие в 1828–1829 гг.;

17-й драгунский Нижегородский полк — георгиевский штандарт за отличие в кампании 1826, 1827–1828 гг.;

3-й уланский Смоленский и 4-й уланский Харьковский полки — знаки на шапки за отличие в 1826–1827 и 1828–1829 гг.;

13-й Донской (Басова), 14-й Донской (Леонова), 15-й Донской (Карпова) и 16-й Донской (Сергеева) казачьи полки — надписи на знамена за отличие в 1826 1827 и 1828–1829 гг.;

1-й Хоперский (Кубанские войска) казачий полк — георгиевское знамя за 1828–1829 гг.;

1-й Кубанский казачий полк — георгиевское знамя за 1828–1829 гг.;

1-й Таманский полк — георгиевский штандарт за 1826–1827 и 1829 гг.;

1-й Кавказский полк — георгиевский штандарт за 1828–1829 гг.;

3-й Кавказский полк — надпись на знамя за 1828–1829 гг.;

3-й Кизляро-Гребенской (Терские войска) — надпись на знамя за 1828–1829 гг.;

3-й Горско-Моздокский полк — надпись на знамя за 1828–1829 гг.;

2-й Волгский полк — георгиевское знамя за 1828–1829 гг.;

3-й Волгский полк — надпись на знамя за 1828–1829 гг.;

20-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1828–1829 гг.;

21-я артиллерийская бригада — золотые петлицы за 1828–1829 гг.;

5-я Донская батарея — знаки на шапки за 1826–1827 и 1828–1829 гг.;

9-я Донская батарея — знаки на шапки и золотые петлицы за 1826–1827 и 1828–1829 гг.;

1-я Терская батарея — знаки на шапки за 1826–1827 и 1828–1829 гг.;

1-й Кавказский саперный батальон — георгиевское знамя за Ахалцых в 1828 г. и знаки на шапки за 1826–1827 и 1828–1829 гг.

Волна мюридизма

Занятый защитой Кавказа от внешнего врага, Паскевич не придавал особенного значения брожению среди горских племен. А проповедь мюридизма все больше охватывала Чечню и Дагестан, найдя в воинственных народах Восточного Кавказа исключительно благоприятную для себя почву. Кази-мулла сплотил воедино все горские племена. Неудачу он потерпел лишь в Аварии, где мюриды были отражены от Хунзаха. Император Николай I пожаловал за это аварскому народу георгиевское знамя.

На Восточном Кавказе русских было всего 4000 штыков при 26 орудиях. Начальствовавший там генерал барон Розен 2-й отогнал скопища Кази-муллы к Белоканам, и

порядок там внешне соблюдался до осени 1830 года, когда 15 октября грянул первый гром при Старых Закаталах. Два батальона эриванцев были застигнуты врасплох скопищами лезгин во время рубки просек. Мы потеряли 400 человек и 2 орудия.

Закатальское дело сильно встревожило русское командование, вызвав в то же время большой подъем духа среди горских племен. Паскевич принял срочные меры, и 14 ноября снес с лица земли Старые Закалаты, приказав самое это имя предать забвению. Однако предать забвению проповеди Кази-муллы оказалось не так уж легко...

В мае 1831 года Паскевич был срочно вызван в Польшу и покинул Кавказ. Его в общем кратковременная деятельность свелась лишь к двум войнам, зато блестяще проведенным, с внешним врагом. Внутри края его администрация не успела пустить корни. На его место главнокомандующим был назначен генерал барон Розен 1-й.

Утвердившись в урочище Чумкесент у Темир-Хан-Шуры, Кази-мулла стал скликать горцев на священную войну с гяурами. Полчища мюридов разгромили Кизляр и обрушились на Бурную и Внезапную, но были отбиты. Генералы Панкратьев и Вельяминов устроили большую часть мятежников и 1 декабря 1831 года овладели Чумкесентом. Кази-мулла бежал в Гимры — совершенно неприступное горное гнездо, где снова стал собирать ополчение. Русские смогут сойти в Гимры только дождем, — говорил он.

И русские сошли в Гимры дождем! Чтоб положить конец восстанию, барон Розен собрал летом 1832 года до 10000 при 16 орудиях, двинулся на Гимры и 17 октября овладел ими жестоким штурмом. Скопища горцев были рассеяны, а сам Кази-мулла был убит. В походе на Гимры принимали участие Эриванский карабинерный полк и батальоны полков Херсонского гренадерского, Тифлисского, Московского, Бутырского пехотных и 41-го егерского (Мингрельского). Мы лишились 41 убитыми и 339 ранеными. Кази-мулла с 15 самыми отчаянными мюридами (среди которых был Шамиль) засел в одной из башен. Если мы здесь останемся, — сказал он своим товарищам, — то как собаки околеем с голода. Аллах не простит нам такой позорной смерти. Попробуем же лучше пробиться сквозь ряды гяуров! Надвинув папахи на глаза, горцы ринулись в шашки и все до одного легли после отчаянной сечи. Шамиль, проколотый штыком насквозь, был оставлен замертво. Пронзенное русскими штыками тело Кази-муллы сделалось предметом поклонения.

Движению, казалось, был нанесен окончательный удар. По крайней мере, так полагало и в этом смысле отписало в Петербург русское начальство. Наши силы на Кавказе были поэтому сокращены и, по проведении военной реформы 1833 года, находившиеся там войска новообразованного VI корпуса отозваны в Россию. В Кавказском корпусе остались 19-я, 20-я, 21-я пехотные дивизии. Гренадерская бригада, нижегородские драгуны (10-й эскадрон), 37 линейных батальонов и казачьи войска.

Преемником Кази-муллы объявил себя Гамзат-бек. Он вновь собрал мюридов и решил пока не трогать русских, а предварительно овладеть Аварией. Это удалось ему в 1834 году, после чего Гамзат решил покорить Дагестан. Однако он был убит одним фанатиком аварцем. Движение возглавил другой сподвижник Кази-муллы Шамиль.

Подчинение аварского ханства мюридами встревожило наше правительство, и Розену поведено было ввести войска в Аварию, что и было им исполнено. Все 1835 и 1836 годы прошли в бесполезных переговорах с горцами. Шамиль, принявший титул имама, упрочивал тем временем свою власть над дагестанскими племенами. Главный свой оплот он устроил на почти отвесной скале близ слияния Андийского и Аварского Койсу, названной им Ахульго, что по-арабски значит прибежище. Влияние его возрастало с каждым днем.

* * *

1837 год ознаменовался двумя событиями. В мае месяце барон Розен предписал генералу Фези¹⁰³ предпринять экспедицию на Ахульго. Фези овладел аулами Тилитль, Ашильдой и всем ахульгинским районом. Однако недостаток продовольствия и угроза сообщениям побудили его очистить занятый район. Вся эта экспедиция принесла нам в общем больше вреда, чем пользы, ибо Шамиль (хоть и выразивший на словах покорность) стал теперь убеждать горцев, что Аллах ему сопутствует и русские не в состоянии с ним что-

либо поделатъ. Будь в то время на Кавказе сколько-нибудь проницательные военачальники, опыт этой экспедиции пошел бы им впрок и армия была бы набавлена в дальнейшем от многих безрезультатных, а то и прямо неудачных походов.

В сентябре Кавказ посетил Император Николай Павлович. Государь остался недоволен общим состоянием края, брожением умов в Дагестане, разбоем в татарских ханствах и отсутствием связи между укреплениями на Сунже. Розен был смещен, и на его место назначен генерал Головин. Новый главнокомандующий обратил свое внимание сперва на правый фланг Кавказской линии — Черноморское побережье и Закубанье, где основаны укрепления Новотроицкое и Михайловское. В 1838 году основан Новороссийск, проведена Военно-Грузинская дорога из Тифлиса через Кавказский хребет на Владикавказ, и этот последний соединен с Моздоком линией кордонов.

В следующем, 1839 году была предпринята широкая операция по всему фронту. На правом фланге десантный отряд генерала Раевского возвел ряд укреплений на Черноморском побережье. На левом фланге действовали Дагестанский отряд самого Головина и Чеченский — графа Граббе¹⁰⁴. 20 апреля отряд генерала Головина после упорного боя занял Аргуань (наши потери — 650 человек, горцев перебито до 2000). Затем оба отряда, соединившись, осадили 12 июня Ахульго — и 22 августа, пятым по счету кровопролитным штурмом, оплот Шамиля перешел в наши руки. У нас было 7000 бойцов при 17 орудиях. Горцев засело в Ахульго свыше 5000. Наиболее доступный склон горы, на который и была поведена атака, имел 50 сажень высоты при крутизне свыше 50 градусов. Штурмы 29 июня, 4-го и 16 июля не удалось (на этом последнем у нас убыло 875 человек, в том числе 52 офицера). Штурм 17 августа почти удался, но резервов не было, и наша потеря в этой четвертой безрезультатной попытке составила 557 человек. Наконец решительным приступом 22-го числа мы овладели этим орлиным гнездом. Горцев в этот день было убито свыше тысячи, в плен взято 900. Наш урон — 544 человека, а за всю осаду до 2500 человек. С горстью преданных мюридов Шамиль бежал в горы.

Дагестан казался усмирненным. Наружно все обстояло как будто хорошо, и ничто не предвещало той бури, что должна была разразиться с невероятной силой через несколько месяцев.

* * *

На 1840 год генерал Головин предполагал продвинуть правый фланг Кавказской линии на реку Лабу, а пространство между этой рекой и Верхней Кубанью заселить казаками. Но горцы предупредили этот маневр. В последних числах февраля вспыхнуло поголовное восстание всех лезгинских и черкесских племен. Скопища горцев овладели после отчаянной защиты фортом Лазаревым и укреплениями Николаевским, Вельяминовским и Михайловским. Михайловское укрепление занимало 400 тенгинцев и линейцев 5-го батальона под начальством штабс-капитана Лико. Горсть героев три дня отбивала 11000 черкесов. Когда неизбежное совершилось, и лавина горцев ворвалась в укрепление — рядовой Тенгинского полка Архип Осипов взорвал его на воздух с остатками гарнизона и победителями. Имя героя навсегда осталось в списках полка и вызывалось с тех пор на перекличке.

Шамиль поднял Чечню, где население было озлоблено сбором податей. 11 июля произошел жестокий бой у Валерика (воспет Лермонтовым). Шамиль, разбитый при Валерике генералом Фрейтагом, засел в горах — и туда к нему бежала вся Малая Чечня. Оттуда имам пытался пробраться в северный Дагестан, но был отражен храбрым полковником Клюки фон Клюгенау¹⁰⁵ с апшеронцами. Тогда Шамиль обратился на Аварию и осенью разгромил ее. Дерзкие набеги горцев до самого Терека продолжались до поздней зимы.

В Петербурге встревожились таким оборотом дел — и на Кавказ была двинута 14-я пехотная дивизия (из состава V корпуса). Весь 1841 год продолжались волнения в Аварии, правитель которой Хаджи-Мурат предался Шамилю. Операции в Чечне велись с переменным успехом. В 1842 году 20 февраля нами взят был аул Гергебиль. Шамиль

пытался проникнуть в южный Дагестан, но при Рычи путь ему преградил Ширванский полк. Князь Аргутинский-Долгорукий окончательно восстановил здесь порядок.

Однако пятидневный (с 30 мая по 4 июня) поход отряда Граббе — 10000 человек при 24 орудиях и огромных обозах — на Дарго, резиденцию Шамиля в Чечне, закончился полной неудачей с потерей 60 офицеров, 1700 нижних чинов и 1 орудия. Горная местность совершенно не благоприятствовала действиям крупных масс войск и их обозов. Дела пошли совсем скверно, и в августе месяце заволновались и те племена, что до сих пор оставались в стороне от движения. Зимой с 1842 года на 1843 год горцы предпринимали набеги до Кизляра и даже до Ставрополя. В результате всех этих неудач генерал Головин был заменен генералом Нейдгардтом. Дух в Петербурге сильно упал, и военный министр князь Чернышев 10-бисходатайствовал Высочайшее повеление в 1843 году экспедиций не производить. Однако горцы стали настолько дерзки, что генерал Нейдгардт¹⁰⁷ вынужден был уже весной предпринять ряд экспедиций.

В конце августа Шамиль нанес ряд поражений нашим отрядам в Чечне и овладел несколькими укреплениями (с 27 августа по 21 сентября мы лишились 55 офицеров, 1562 нижних чинов из общего числа 6000 и потеряли 12 орудий). Поздней осенью этого тяжелого 1843 года нас ждал второй удар. 3 ноября Шамиль овладел Гергебилем, где горсть храбрецов повторила подвиг Архипа Осипова в Михайловском укреплении. Гергебель занимало 3 роты (350 человек Тифлисского полка, державшихся десять дней против 10000 неприятелей). Укрепление взорвали юнкер Чаевский, унтер-офицер Неверов и рядовой Семенов. Связь между северным и южным Дагестаном была нарушена. Весь Восточный Кавказ вспыхнул как порох.

Авария была потеряна. Занимавший ее отряд полковника Пассека успел выступить из Хунзаха, но был блокирован в Зирянах, где геройски отбивался целый месяц — с 18 ноября по 17 декабря. Отряд генерала Гурко¹⁰⁸ был 8 ноября заперт в Темир-Хан-Шуре. На выручку Темир-Хан-Шуры пошел Ключи фон Ключенау. 14 декабря он деблокировал Гурко — и оба русские отряда, соединившись, выручили Пассека.

В начале 1844 года на Кавказ прибыли 13-я и 15-я пехотные дивизии и маршевые батальоны 16-й, 17-й и 18-й. Здесь собрался таким образом весь V корпус генерала Лидерса и часть VI. Вместе с линейными батальонами и казаками численность наших войск была доведена до 150000. Весной 1844 года предложено было укрепиться на Аварском Койсу и, обратившись на Чечню, разгромить Дарго, а на Дагестан произвести диверсию. Эта последняя была возложена на Пассека, разгромившего 3 июля у Гилли Кибит Магому — одного из виднейших наибов Дагестана.

Измена елисуйского хана Даниель-бека несколько задержала наши главные силы, заставив их предварительно разгромить Елису 21 июня. При Елису у нас было около 3000 человек (эриванцы, тифлисцы, нижегородские драгуны). Батальон Тифлисского полка замялся было на штурме под сильным огнем. Командовавший батальоном капитан Карягин крикнул: Егеря, стыдно! Ко мне! В ответ ему загремело ура, и завал, казавшийся неприступным, мгновенно был взят. Наш урон в этом деле 13 офицеров, 341 нижний чин. После этого дела главные силы двинулись в Андию двумя большими отрядами: генерал Гурко — на Чечню, генерал Лидере — на Дагестан. Шамиль избегал боя и изматывал русские войска, завлекая их в горы и нарушая их сообщения. Довести всю экспедицию до конца не удалось вследствие представившихся затруднений. Нейдгардт понял причину. Чем больше войск, тем больше затруднений и медленности, — доносил он Государю. Жаль, что пример несчастного движения графа Граббе в Ичкерии в 1842 году с непомерным отрядом остался напрасным и даже на Акушу двигали целый корпус. Император Николай остался недоволен безрезультатностью операций на Кавказе. Он решил проникнуть в Андию и одним ударом покончить с Шамилем. Исполнение этой своей воли он возложил на своего любимого генерал-адъютанта графа Воронцова, назначенного главнокомандующим на место генерала Нейдгардта.

Прибыв на Кавказ весной 1845 года, Воронцов — герой Бородина и сподвижник

Ермолова в' начале Кавказской войны — принялся за подготовку экспедиции в Андию. Старшие начальники Кавказской армии не ждали от нее ничего хорошего по опыту прошлых походов, но Воронцов решил исполнить Высочайшую волю. Экспедиция на Дарго, с 6-го по 20 июля, завершилась катастрофой. Аул Дарго был, правда, взят и разорен, но на обратном пути

наши войска, двигаясь по труднопроходимой местности и терпя большую нужду в продовольствии, попали под удары скопищ горцев, неуловимых в привычной им обстановке, и понесли тяжкие потери (свыше трети всего состава). Мы лишились 3 генералов, 141 офицера, 2831 нижнего чина и потеряли 3 пушки. Был убит храбрый, молодой и так много обещавший Пассек. В летописях Кавказской армии поход этот известен под названием сухарной экспедиции.

Тогда вернулись к плану Ермолова — плану систематических действий — ружьем и топором и постепенной атаки гор.

Сокрушение Шамиля

С 1846 года в операциях на Кавказе наступил решительный перелом. Отличаясь от своих предшественников выдающимися административными способностями, Воронцов в совершенстве применил ермоловскую систему. Сплошная рубка непроходимых чащ, постройка дорог и укреплений, учреждение все новых казачьих станиц — все это с каждым годом все больше и больше затрудняло борьбу горцам, ставя их все в более тяжелые условия. Воронцов не видел надобности в содержании на Кавказе непомерных сил — и в 1846 году войска V и VI корпусов выступили обратно в Россию. Из отдельных батальонов 13-й, 14-й и 15-й пехотной дивизий сформировано 4 новых полка: Ставропольский, Кубанский, Дагестанский и Самурский, оставшиеся на Кавказе. В июле этого года князь Бебутов разбил Шамиля при Кутиши.

В 1847 году Воронцов решил овладеть Гергебилем, но не имел успеха, и появление холеры заставило снять осаду. Воронцов обратился на Салты, превращенный мюридами в сильную крепость. После шестинедельной осады и неоднократных попыток он овладел Салтами 14 сентября, нанеся огромные потери скопищам горцев (за один лишь штурм 14 сентября их легло до 3000), но и наш урон составил 1186 человек, а за весь салтинский поход у нас выбыло 150 офицеров и 2500 нижних чинов — до самого конца Кавказской войны мы больше таких потерь не несли. Остаток 1847 года был употреблен на постройку укреплений, обеспечивавших связь северного Дагестана с южным. Наиболее значительными происшествиями в 1848 году явилось взятие Гергебиля 7 июля отрядом князя Аргутинского-Долгорукого¹⁰⁹ и поражение, нанесенное им Шамилю у Ахты. В 1849 году, после неудачной осады аула Чох, Дагестан было решено до поры до времени оставить, а все внимание обратить на Чечню.

В 1850-м, 1851-м и 1852 годах замирение Кавказа шло быстрыми шагами. Одно за другим изъявляли покорность мятежные племена, все крепче смыкалось железное кольцо вокруг непокорных областей. Дух мюридов начал падать, силы их — быстро таять. Важнейшими событиями этих кампаний являются блестящий двухдневный поход князя Барятинского¹¹⁰ на Гельдыг и Автуры и упорный бой у Шеляга в Дагестане, где мы нанесли полное поражение Шамилю (лишившись 24 офицеров и 550 нижних чинов), а до того — бой на Гехинских завалах 8 декабря 1850 года, где Кавказская армия лишилась своего кумира — храбрейшего из храбрых генерала Слепцова¹¹¹.

Вот как описывает смерть Слепцова история Эриванского полка: Сраженного героя вынесли из сечи на бурке. Слепцов был еще в памяти и спрашивал, взято ли неприятельское орудие. Ему отвечали, что еще нет известий, но что завалы взяты... Ну и за то слава Богу! — сказал он, крестясь. Еще минута — и все было кончено: Слепцов умер тихо и с твердою верою. Ни единого стога не вырвалось из его груди... Горе было всеобщим... Среди казаков эта потеря произвела ошеломляющее впечатление. Чтобы понять, как любили Слепцова на Сунже, достаточно было видеть, что там происходило, когда везли его тело. Все население высыпало навстречу, и все, от мала до велика, рыдали... Слепых подводили к гробу, матери

клали на его крышку грудных детей... До самой всероссийской катастрофы культ памяти Слепцова свято соблюдался в Сунженско-Гребенском полку, прославленном героем, и в Терском войске вообще.

С началом Восточной войны, в 1853 году, Шамиль воспрянул было духом. Он поручил одному из своих наибов — Магомет-Эмину — прервать сообщение Владикавказа со Ставрополем, а сам сделал попытку проникнуть в Грузию. Однако мюриды были уже не те... Дух их сильно пал — и, за исключением нескольких сот фанатиков, остальные следовали за имамом лишь из страха. Аргутинский-Долгорукий быстро ликвидировал попытку Шамиля, а Магомет-Эмин был разбит полковником Козловским. Весной 1854 года горцы предприняли небольшой набег на Цинандалы — этим и ограничились их действия за все продолжение Восточной войны, если не считать мелкой партизанщины. Инициатива на Кавказе окончательно перешла к русским.

* * *

Вместо заболевшего Воронцова должность наместника в 1854 году исправлял генерал Ред. В 1855 году на Кавказ был назначен Муравьев¹¹², но его кратковременное главнокомандование было всецело посвящено войне с Турцией.

В 1856 году главнокомандующим был назначен князь Барятинский, блестящий, молодой еще военачальник и талантливый администратор, командовавший до того левым флангом Кавказской линии. Начальником штаба его был назначен Милютин. На Кавказе, помимо коренных кавказских войск, находились еще 13-я и 18-я пехотные дивизии, воевавшие до того с турками.

Князь Барятинский предписал продвинуть правый фланг Кавказской линии к Майкопу и все занятое пространство заселить казаками. Трудная же задача покорения Чечни была возложена на генерала Евдокимова¹¹³, которому были даны главные силы 20-й и 21-й пехотных дивизий и Гренадерской бригады (развернутой в этом году в Кавказскую гренадерскую дивизию). Еще летом 1856 года ряд наибов изъявил покорность, среди них был строитель всех кавказских крепостей Хаджи Юсуф.

Генерал Евдокимов энергично принялся за усмирение осиног гнезда Кавказа и колыбели мюридизма. В декабре 1856 года, невзирая на непогоду, в двухнедельный срок был уничтожен знаменитый Маюртупский орешник, самое дикое и непроходимое место Чечни. В следующем, 1857 году велась расчистка старых просек, энергично проводились новые. Евдокимовым истреблено 20 наиболее диких аулов и покорена вся Малая Чечня.

В 1858 году предпринято покорение Большой Чечни. Евдокимову поручена демонстрация, сам же Барятинский предпринял поход в Аргунское ущелье, блестяще удавшийся. В эту кампанию имел место ряд жарких дел, в одном из них, на штурме аула Китури, был убит начальник Кавказской гренадерской дивизии генерал барон Вревский. Выжитый Евдокимовым из Малой Чечни, разбитый Барятинским в Аргунском ущелье, Шамиль бежал в аул Ведень, в глубину лесов Большой Чечни. В январе 1859 года Евдокимов предпринял зимний поход на Ведень. Чеченская твердыня, осажденная 17 марта, пала 1 апреля. С последними мюридами Шамиль бежал в Нагорный Дагестан.

Летом этого знаменательного 1859 года Барятинский пошел на Дагестан с целью нанести Шамилю решительный удар. Шамиль выжидал русские войска, заняв совершенно неприступные позиции на реке Андийское Койсу. Однако легендарная переправа через Койсу дагестанцев полковника Радецкого¹¹⁴ 1 июля при Сагрытло до того подействовала ошеломляюще на горцев, что все ополчение их рассеялось и у Шамиля осталось лишь 600 самых отчаянных сорвиголов и 4 пушки. С этой горстью имам засел в последний свой оплот — на гору Гуниб. Под огнем горцев охотники Дагестанского пехотного полка переплыли бурный горный поток, имеющий у Сагрытло 15 сажень ширины. Им перекинули бечеву на камне и посредством ее закрепили канат. На канат подвесили доску, и, лежа навзничь на этой доске, люди отряда поодиночке перебрались над бездной Сагрытло — это Чертов мост Кавказской армии.

10 августа Гуниб был окружен войсками. Барятинский вступил с Шамилем в

переговоры, которые, однако, ни к чему не привели. Тогда 25 августа на рассвете в победный венок Кавказской армии был вплетен славный лавр — Гуниб. На штурме Гуниба мы лишились 9 офицеров, 171 нижнего чина апшеронцев, ширванцев и сапер, вскарабкавшихся, как кошки, на отвесную в 30 сажень скалу. Имам Шамиль сдался на милость победителя, и весь Восточный Кавказ от Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги покорился русскому Царю. На следующий день князем Барятинским был отдан приказ из пяти слов: Шамиль взят, поздравляю Кавказскую армию. 'За сокрушение Шамиля Барятинский был пожалован генерал-фельдмаршалом.

Остался Западный Кавказ, где волновались черкесские племена. В 1860 году на усиление действовавшей здесь 19-й пехотной дивизии был направлен Евдокимов с 3 драгунскими полками и 16 сводными батальонами. Мелкая война шла здесь более трех лет, и наши силы постепенно были доведены до 60000 шашек и штыков при 108 орудиях. В 1861-м и 1862 годах большая часть черкесских племен выселилась в Турцию, изъявившие покорность выселены из гор на равнины, и местность заселена казаками.

В феврале 1863 года на Кавказ прибыл новый главнокомандующий — великий князь Михаил Николаевич¹¹⁵. Назначая своего брата наместником еще не успевшего окончательно замириться края. Император Александр II проявил акт большой политической мудрости, показав народам Кавказа свое к ним доверие и расположение.

В этом году смирились шапсуги. Оставались абадзехи и другие воинственные племена по северному склону Кавказского хребта. Решив застигнуть их врасплох и не дать им изготавиться, великий князь открыл кампанию уже в январе 1864 года. В продолжение весны мятежники были ликвидированы порознь, на всем Кавказе не осталось ни одного непокорного племени — и 21 мая 1864 года все действовавшие на Западном Кавказе отряды соединились в горах у Сигнаха, где перед фронтом войск был отслужен молебен, ознаменовавший окончание полувековой борьбы.

* * *

Пятидесятилетняя Кавказская война — школа, подобная петровской Северной войне и суворовским походам — была благодеянием для русской армии. Благодаря этой войне ей удалось сохранить¹¹⁶ свои бессмертные суворовские традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник.

Маленькая часть большой русской армии, заброшенная на далекую дику окраину, свершила здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспантоны, ее не осквернили шпицрутены военных поселений, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией линейного учения. Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Суворовское Мы Русские, с нами — Бог! огненным лучом пронизывает всю эпопею — от Поры и Аскерани до Веденя и Гуниба.

В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек крепла воля, закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Из одних рождались Котляревские, из других — Архипы Осидовы. И эту свою русскую боевую сноровку, эти боевые традиции, эту Науку Побеждать кавказские полки передавали из поколения в поколение, показывали ее во всех своих дальнейших встречах с врагом — при Башкадыкларе и Кюрюк-Дара, в хивинских и текинских походах, на Аладже и при Деве-Бойну и после, много лет спустя, при Сарыкамыше и Эрзеруме, под Ивангородом и Козеницами, на Бзуре и на Сане... Вот почему нам должна быть бесконечно дорога каждая капля русской крови, пролитая здесь, между тремя морями, должен быть дорог каждый выпущенный здесь патрон. И должна быть священной память всех вождей, командиров и рядовых бойцов, не давших угаснуть русскому духу.

Вечной благодарностью вспомним мы имена Карягина, Котляревского и Ермолова.

Они явились творцами и основоположниками Кавказской армии. Воздадим должное Паскевичу, прославившему русское оружие под Эриванью и Эрзерумом. Преклонимся перед памятью Слепцова и Пассека, запоем навсегда имена капитана Лико и Архипа Осипова, Гаврилы Сидорова и трех гергебильских героев. И оценим Воронцова и Барятинского, Клюки и Муравьева, Фрейтага, Лисаневича и Евдокимова... Чтоб постичь высоты духа, творившего из них героев, приведем здесь один приказ.

Товарищи, пора собираться в поход. Осмотрите замки, отточите штыки, поучитесь колоть наповал. Наблюдайте всегда и везде тишину, наблюдайте порядок и строй. В дело дружно идти, в деле меньше стрелять — пусть стреляют стрелки, а колонны идут и молчат. По стрельбе отличу — кто сробел, а кто нет, робким стыд, храбрым — слава и честь. Без стрельбы грозен строй, пусть стреляют враги. Подойдите в упор, а тогда уж ура. А с ура — на штыки и колите, губите врагов. Что возьмете штыком, то вам Царь на разживу дает. Грозны будете вы, страшны будете вы татарве, нечестивым врагам. Осенитесь крестом, помолитесь Христу — и готовьтесь на славу, на бой!

Чтоб отдать такой приказ, надо было иметь сердце солдата и душу поэта. По чеканности слога, мужественности и мощи размера, скрытой в этих строках торжествующей (хоть и не всякому доступной) победной музыке во всей русской словесности с ним могут сравниться лишь Заветы Викинга Жуковского — Как у Фрея, лишь в локоть будь меч у тебя. Мал у Тора громающего млат. Есть отвага в труди, ко врагу подойди — и не будет короток булат... Это последний приказ генерала Пассека, отданный им своим апшеронцам перед выступлением в Даргинский поход, откуда ему не суждено было вернуться... Войска имели достойных командиров. Но и командиры имели достойные войска!

* * *

Ряд старых полков поддержал свою репутацию, созданную еще победами великого века. Полтавский ветеран — Эриванский полк — сошел дождем в Гимры. Герои франфорской баталии, туртукайские чудо-богатыри и измаильские застрельщики — апшеронцы — привыкли в чужбине далекой врагов никогда не считать. Шуша и Гуниб стоили для ширванцев Лейпцига и Краона. А мушкетеры Чертова моста — мингрельцы — взяли здесь не один чертов мост.

Для других полков Кавказ явился колыбелью их славы. Нижегородские драгуны сделали свой полк заслуженнейшим полком всей русской конницы. Выдвинулись грузинцы — сподвижники Котляревского, тифлисцы, тенгинцы. Кабардинцы, получившие первое на Кавказе боевое отличие. Прославился ряд младших их братьев, и создалась репутация Кубанским и Терским Гребенским полкам.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ДЕЛА С ГОРЦАМИ ПОЛУЧИЛИ ПОЛКИ:

13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк — георгиевские сигнальные рожки за Восточный Кавказ 1857–1859 гг., знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

14-й гренадерский Грузинский полк — георгиевское знамя за Кавказскую войну (уже имел за Ахалкалаки в 1811), георгиевские рожки за Западный Кавказ 1864 г.;

15-й гренадерский Тифлисский полк — георгиевские рожки за Западный Кавказ 1864 г.;

16-й гренадерский Мингрельский полк — георгиевское знамя и георгиевские трубы за Кавказскую войну, георгиевские рожки за Западный Кавказ 1864 г.;

51-й пехотный Литовский полк — георгиевское знамя за поход в Андию и Дарго 1845–1846 гг.;

56-й пехотный Житомирский полк — георгиевское знамя за Андию 1845 г.;

58-й пехотный Прагский полк — георгиевское знамя за Андию 1845 г.;

59-й пехотный Люблинский полк — георгиевское знамя за Андию и Дарго 1845–1846 гг.;

60-й пехотный Замосцкий полк — георгиевское знамя за Андию 1845 г.;

70-й пехотный Ряжский полк — знаки на шапки за Чечню 1857–1859 гг.;

73-й пехотный Крымский полк — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

74-й пехотный Ставропольский и 76-й пехотный Кубанский полки — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

77-й пехотный Тенгинский полк — георгиевское знамя за Андию (Ведень) 1859 г. (уже имел за Баязет 1829 г.), знаки на шапки за Чечню 1857–1859 гг.;

78-й пехотный Навагинский полк — георгиевское знамя за Андию 1845 г., знаки на шапки за Чечню 1857–1859 гг.;

79-й пехотный Куринский полк — георгиевское знамя за Ахульго 1839 г., Андию и Дарго 1845–1846 гг., знаки на шапки за Чечню и Дагестан;

80-й пехотный Кабардинский полк — георгиевское знамя за Ахульго 1839 г., Дарго 1845 г. и Ведень, серебряные трубы за Западный Кавказ 1864 г., поход за Кавказскую войну;

81-й пехотный Апшеронский полк — георгиевское знамя за Ахульго 1839 г., Андию и Дарго 1845 г., Гуниб 1859 г., георгиевские трубы за Восточный Кавказ 1859 г., знаки на шапки за Чечню 1857 г.;

82-й пехотный Дагестанский полк — георгиевское знамя за Салты 1847 г. и переход у Сагрытло 1859 г., знаки на шапки за отличие с 1846 г. по 1859 г.;

83-й пехотный Самурский полк — георгиевское знамя за Салты 1847 г., георгиевские рожки за Западный Кавказ 1864 г., знаки на шапки за Чечню 1857–1859 гг.;

84-й пехотный Ширванский полк — георгиевское знамя за Гуниб 1859 г. (уже имел за Краон 1814 г. и Шушу 1826 г.), георгиевские рожки за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й стрелковый Кавказский полк — георгиевское знамя за Андию и Дарго 1845 г., знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

2-й стрелковый Кавказский полк — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

3-й стрелковый Кавказский полк — знаки на шапки за Кавказскую войну;

4-й стрелковый Кавказский полк — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й и 2-й пластунские батальоны — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

15-й драгунский Переяславский и 16-й драгунский Тверской полки — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г., 17-й драгунский Нижегородский полк георгиевский штандарт за Чечню 1841 г. (уже имел за 1826–1827 г. и 1828 г.) и петлицы за Кавказскую войну;

18-й драгунский Северский полк — петлицы за Кавказскую войну;

38-й казачий Донской полк — георгиевское знамя за дело у Гилли 3 июля 1844 г.;

1-й казачий Хоперский (Кубанское войско) полк — георгиевское знамя за Западный Кавказ 1864 г. (уже имел за 1828–1829 г.);

2-й казачий Хоперский (Кубанское войско) полк — георгиевское знамя за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й казачий Кубанский полк — георгиевское знамя за войну с горцами, особенно за 1 ноября 1848 г. у Сангилея и за Западный Кавказ 1864 г. (уже имел за 1828–1829 г.);

2-й казачий Кубанский полк — георгиевские знаки на шапки за войну с горцами;

1-й кавалерийский Полтавский и 1-й кавалерийский Ейский полки — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й кавалерийский Уманский полк — георгиевское знамя и знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й кавалерийский Екатеринодарский полк — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й кавалерийский Кавказский полк — георгиевский штандарт за Кавказскую войну, особенно за Западный Кавказ 1864 г. (уже имел за 1828–1829 г.), знаки на шапки за Западный Кавказ;

3-й кавалерийский Кавказский полк — надпись на знамя за Кавказскую войну (уже имел за 1828–1829 г.);

1-й кавалерийский и 2-й кавалерийский Лабинские полки — георгиевское знамя за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й кавалерийский Урупский полк — георгиевское знамя за Западный Кавказ 1864 г.;

1-й казачий и 2-й казачий Кизляро-Гребенские полки (Терское войско) георгиевское

знамя за Кавказскую войну;

3-й казачий Кизляро-Гребенский полк — надпись на знамя за Андию и Дарго за 1845 г. (уже имел за 1828–1829 г.);

1-й и 2-й Горско-Моздокские полки — георгиевское знамя за Кавказскую войну;

3-й Горско-Моздокский полк — надпись на знамя за Кавказскую войну (уже имел за 1828–1829 г.);

1-й Волгский полк — георгиевское знамя за усмирение Восточного и Западного Кавказа;

2-й Волгский полк — георгиевское знамя за Кавказскую войну и усмирение Восточного и Западного Кавказа (уже имел за 1828–1829 г.);

3-й Волгский полк — надпись на знамя за Кавказскую войну (уже имел за 1828–1829 г.);

1-й и 3-й Сунженско-Владикавказские полки — георгиевское знамя за Кавказскую войну;

Кавказская Гренадерская артиллерийская бригада — георгиевские трубы за отличие в 1840 г. и за Салты в 1847 г.;

19-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Западный Кавказ 1864 г.;

20-я артиллерийская бригада — серебряные трубы за Кавказскую войну, знаки на шапки за Кавказскую войну (уже имела за 1828–1829 гг.);

21-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Восточный Кавказ 1859 г., знаки на шапки за отличие в 1853 г. и 1859 г.;

1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Кубанские батареи и 2-я Терская батарея — знаки на шапки за Западный Кавказ в 1864 г.;

1-й Кавказский саперный батальон — петлицы за Кавказскую войну;

5-й саперный батальон — георгиевское знамя за Андию и Дарго в 1845 г. (имел уже за Балканы в 1829 г.);

2-й саперный батальон — георгиевское знамя за Андию и Дарго в 1845 г.

Мы можем видеть, что свыше трети всех отличий пожаловано за усмирение Западного Кавказа в 1864 г. — за последнюю кампанию, проведенную братом Государя. За дела с горцами отличий не жаловалось до взятия Ахульго, когда были пожалованы георгиевские знамена Куринскому, Кабардинскому и Апшеронскому полкам.

Глава IX. Восточная война

Политика Священного союза, столь неудачно и с таким упорством проводившаяся петербургским кабинетом, привела к тому, что европейского жандарма возненавидел весь мир — и притом не только либеральные государства, как Франция и

Англия, но и реакционные Пруссия и Австрия. Пруссия тяготилась постоянными вмешательствами непрошеного русского ментора в ее внутренние дела. Правительство же спасенной Паскевичем и Ридигером Австрии искусно отвело на казаков все раздражение разноплеменных своих народных масс.

В такой, чрезвычайно неблагоприятно сложившейся для России, обстановке открылся весной 1853 года конфликт с Турцией по поводу чинимых турками в Святой Земле обид и притеснений православному духовенству. Конфликт этот принял сразу чрезвычайно острые формы. Чувствуя за собой поддержку Европы, оказавшейся, как всегда, на стороне башибузуков против ненавистных казаков. Порты сразу же заговорила таким тоном, к которому Россия тех времен совершенно не привыкла. Требования российского посла в Турции князя Меншикова были отвергнуты Диваном, занявшим совершенно непримиримую позицию.

Злая воля Турции была очевидна. Император Николай Павлович решил сломить эту злую волю внезапным занятием Константинополя десантом с кораблей. В десант этот

предположено было назначить 16000 пехоты, 2 сотни казаков и 32 орудия. Блестящее состояние Черноморского флота, воспитанного Лазаревым¹¹⁷ и предводимого Нахимовым¹¹⁸, безусловно, допускало эту смелую операцию, однако против нее восстали дипломаты школы Нессельроде, робкие натуры, которых пугал ее размах и решительность (подобно тому, как шестьдесят лет спустя — в 1914 году — отважное предложение адмирала Эбергардта испугает Сазонова). Рутинеры военного дела, скептически относившиеся к десантным операциям, поддержали дипломатию и настояли на отмене этого десанта. Мерам предпочли полумеры...

Решено было оккупировать дунайские княжества, взяв их как бы в залог наших требований, войны же пока не объявлять. Иными словами, зверя положено не убивать, а только подразнить. При этом не учитывалась ни враждебность Австрии (относительно которой питались странные иллюзии сентиментального характера), ни то обстоятельство, что Молдавия и Валахия — окраины Оттоманской империи уязвимыми местами Турции отнюдь не являлись. В случае если упорство Турции этим мероприятием не удалось бы сломить, Государь предполагал повторить кампанию 1829 года — овладеть десантом Варной и Бургасом, а сухопутные силы (три корпуса) переправить через Дунай ниже Силистрии, оставить один корпус в прикрытии со стороны Шумлы, а остальными двумя двинуться за Балканы, повторив маневр Дибича.

Дунайская кампания 1853–1854 годов

Для похода на Дунай в первую очередь были назначены IV корпус генерала Даненберга¹¹⁹ и V корпус генерала Лидерса под общим начальством князя Горчакова (всего 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии — 80000 строевых при 196 орудиях). Это были те же полки, что за четыре года до того умирляли Венгрию. 21 июня авангард генерала Анрепа перешел Прут у Скулян. В продолжение последовавших трех недель были оккупированы Молдавия и вся Валахия. 14 сентября Турция прервала дипломатические сношения и объявила нам войну.

Горчаков разбросал свои силы по всей линии Дуная — от Калафата до Галаца, применив систему отрядов и не имея в общем нигде больше бригады. Наиболее даровитый из военачальников — Лидерс — был обречен на бездействие: его войскам был отведен район Нижнего Дуная, где сколько-нибудь решительных военных действий не предполагалось.

Военные действия — перестрелки и поиски — начались в первых числах октября, а в конце этого месяца произошли первые серьезные операции. Турецкий главнокомандующий Омер-паша¹²¹ с 14000 переправился 21 октября от Туртукая, заняв Ольтеницу на валахском берегу. Генерал Даненберг с частями своего IV корпуса атаковал его тут 23-го числа, но не довел дело до конца и отступил. Это первое дело — и первая неудача — произвело тяжелое впечатление на дух войск. В деле участвовало с нашей стороны всего 6000 человек генерала Соймонова¹²⁰. Наш урон: 44 офицера и 926 нижних чинов. Турки были уже опрокинуты, когда генерал Даненберг, руководивший боем из глубокого тыла и не знавший о переломе боя в нашу пользу, приказал отступать. Турки не преследовали и отступили обратно за Дунай.

Неблагоприятный оборот дел на Дунае побудил Государя направить Горчакову еще III корпус. На Дунае собралось таким образом 7,5 дивизии (V корпус имел одну из своих дивизий — 13-ю — на Кавказе, а бригаду 14-й — в Крыму).

Ноябрь и почти весь декабрь прошли в бездействии. Войска стали на зимние квартиры, разбросавшись, как только что было упомянуто, на широком фронте. Это кордонное расположение едва не оказалось роковым для одного из полков Тобольского пехотного. Полк этот был внезапно атакован 23 декабря при Четати в шесть раз сильнеешим противником. Героизм тобольцев и своевременное прибытие одесских егерей привели к отражению и поражению неприятеля после жестокого боя, однако вялость генерала Анрепа (командовавшего отрядом, в состав которого входили упомянутые полки) не довела дело до полного уничтожения неприятеля. В деле при Четати у нас действовало сперва 2500, затем 5000 человек при 12 орудиях. У турок было¹²² 18000 при 24 орудиях. Наш урон: до 2000

убитых и раненых — 40 процентов всего отряда. Неприятельские потери — свыше 3000 человек, нами взято 6 орудий и 2 знамени.

Остальная зима прошла спокойно. Удачными поисками были уничтожены речные флотилии турок в Рушук, Никополе и Силистрии.

* * *

К открытию кампании 1854 года вся пограничная полоса Российской Империи была разделена на участки, отведенные отдельным армиям. Балтийское побережье охраняла армия цесаревича Александра Николаевича — 125000 человек, 384 орудия. В Царстве Польском находилась армия генерала Ридигера — 105000 при 308 орудиях. Армии эти предназначались на случай выступления западных держав. Дунайская армия Горчакова была доведена до 140000 при 612 орудиях. На Кавказе находилось до 120000 при 289 орудиях. Черноморское и Азовское побережья и Крым охраняло в общей сложности 45000 человек со 102 орудиями.

Из армии почти в миллион смогла быть мобилизована лишь половина. Из этой мобилизованной половины непосредственно к ведению операций предназначалось немногим более трети. Все остальное шло на заслоны...

Дунайская и польская армии были объединены под общим начальством фельдмаршала Паскевича (хотя и преследовали совершенно разные задачи). Император Николай хотел сосредоточить главные силы в Западной Валахии, чтобы оттуда двинуться на Виддин и побудить к восстанию Сербию (абсурдная метафизика Священного союза была, наконец, брошена — к сожалению, слишком поздно). Но Паскевич предложил переправиться на Нижнем Дунае и сперва овладеть крепостями болгарского берега, а затем идти к Виддину. Румянцев, открывая бессмертную ларго-кагульскую кампанию, поставил себе, в первую очередь, разгром живой силы врага и лишь во вторую взятие городов, однако заветы графа Задунайского игнорировались светлейшим князем Варшавским. Государь согласился на доводы отца-командира — и переправа была назначена в Браилове, Галаце и Измаиле. Паскевич руководил операциями из Фокшан.

Переправа состоялась 14 марта и прошла блестяще. Были заняты Исакча, Тульча и Мачин, однако Паскевич запретил дальнейшее продвижение вперед. Физические и моральные силы почти 80-летнего князя Варшавского были явно на ущербе, но Горчаков не смел ослушаться Паскевича, несмотря на то, что имел Высочайшее повеление идти вперед — на Силистрию. 22 года на посту начальника штаба деспотически обращавшегося с подчиненными фельдмаршала совершенно обезличили командовавшего Дунайской армией. Целый месяц был потерян даром. Паскевич колебался, преувеличивая неприятельские силы, опасаясь выступления Австрии в тылу. Горчаков без его приказаний не шел вперед.

Наконец, в середине апреля армия тронулась вперед и заняла 18-го числа Черноводу. 4 мая главные силы подступили к Силистрии. Попытка взять крепость штурмом успехом не увенчалась, и было приступлено к осадным работам. 28 мая Паскевич был контужен ядром и уехал в Яссы. 9 июня на рассвете был назначен штурм. Все было готово для атаки, средства крепости были парализованы, но за два часа до штурма фельдъегерь привез из Ясс приказание Паскевича снять осаду и отступить за Дунай. Горчаков — слишком уж хорошо дисциплинированный подчиненный — немедленно повиновался. Под крепость, защищаемую 12-тысячным гарнизоном, Паскевич стянул 5 дивизий, но распоряжался так неудачно, что гарнизон беспрепятственно мог усиливаться подкреплениями и транспортом. Штурм 17 мая был предпринят всего 3 батальонами, по инициативе частных начальников и стоил нам 900 человек (убит начальник 8-й пехотной дивизии генерал Сельван). К июню гарнизон усилился до 20000. Штурм 9 июня предполагалось произвести 6 полками, взрывы фугасов и горнов произведены были замечательно успешно, и атака не могла не удалась. Отступление произведено скрытно от турок. Наш урон за всю осаду: 6 генералов, 79 офицеров и 2122 нижних чина.

Ободренные таким оборотом дел, турки, собрав в районе Рушук до 30000, переправились 26 июня у Журжи, намереваясь идти на Бухарест. Однако после жестокого

боя они были отбиты вчетверо слабейшим русским отрядом и отошли на болгарский берег. Против 30000 турок дралось 9000 русских с 24 орудиями (генерал Соймонов). Наши потери — 1015 убитых и раненых. Турок положено до 5000. Сосредоточив на позиции у Фратешт 30000 и 180 орудий, Горчаков надежно прикрыл бухарестское направление.

Политические события приняли тем временем угрожающий характер. Англия и Франция открыто стали на сторону Турции, их войска уже прибывали на Балканы. Поведение же Австрии у нас в тылу становилось все более угрожающим, и Дунайская армия рисковала попасть между молотом и наковальней.

Оставалось два выхода из этого положения: решительное и быстрое наступление за Дунай, с целью скорейшего вывода из строя войск Омера-паши до его соединения с англо-французами, или эвакуация княжеств и отступление в Россию.

Петербургский кабинет избрал второе — малодушное — решение. В течение июля и августа войска расформированной Дунайской армии были выведены из Молдавии и Валахии, а княжества переданы в австрийскую оккупацию.

Дунайская кампания нашей армии закончилась, таким образом, полной неудачей.

Крымская кампания 1854–1856 годов

Отношения с Францией и Англией, бывшие все время чрезвычайно натянутыми, окончательно испортились после уничтожения нашим Черноморским флотом турецкой эскадры при Синопе 18 ноября 1853 года, когда соединенный англо-французский флот вошел в Черное море. В Синопском сражении у нас участвовало 6 кораблей и 2 фрегата с 808 орудиями под начальством адмирала Нахимова. У турок (Осман-паша) было 7 сильных фрегатов и 2 корвета с 430 орудиями, поддержанных 4 сильными береговыми батареями с 26 большими пушками. Все турецкие суда были уничтожены, командовавший эскадрой взят в плен, а береговые батареи срыты. Английские историки, желая умалить заслуги русского флота, инсинуируют, что победа была одержана над неравноценным противником (корабли против фрегатов). Им можно возразить, что соотношение сил при Синопе как раз то же самое, что в Ютландском сражении¹²³, только здесь русские добились настоящей, сокрушительной победы, которую, конечно, имели бы в Ютландском бою и англичане, умей они стрелять и командуй ими Нахимов. Кроме того, срыв береговые батареи, русский флот одержал победу над крепостью, тогда как англичане потерпели полную неудачу в менее трудных условиях при Александрии в 1881 году и в Дарданеллах в 1915 году¹²⁴.

15 февраля 1854 года последовал резкий английский ультиматум, после чего дипломатические сношения были прерваны, и 11 апреля состоялся Высочайший манифест о войне с Англией и Францией.

В апреле же началась высадка союзных войск в Галлиполи. Особенное усердие выказала Франция, где Наполеон III рассчитывал отвлечь внимание страны внешней войной и победой упрочить свою популярность на только что захваченном троне¹²⁵. В июне месяце собранная на Галлиполи армия была перевезена в Восточную Болгарию, в район Варны, частью морем, частью (зуавская¹²⁶ дивизия Боске¹²⁷) походным порядком. В середине июля под Варной сосредоточилось 40000 французов маршала Сент-Арно¹²⁸ и 15000 англичан лорда Раглана. Союзные командующие предполагали усилить турецкие войска Омера-паши, действовавшие против Дунайской армии Горчакова. Эвакуация княжеств русскими и вступление туда австрийских войск делало, однако, их дальнейшее пребывание на Балканах бесцельным.

Развивавшаяся в войсках союзников холера косила людей тысячами. За шесть недель ею заболело свыше 8000 французов — более пятой части всего их экспедиционного корпуса, из коих свыше 5000 умерло. Войска терпели сильные лишения, и это, в конце концов, стало отражаться на духе их. В половине июля французский генерал Юсуф с 3000 алжирских спагов и башибузуков¹²⁹ двинулся к Бабадагу, чтобы начать действия против 7-й русской пехотной дивизии, стоявшей в Южной Бессарабии и на Нижнем Дунае. Предприятие это закончилось совершенной неудачей, и отряд Юсуфа растаял как дым:

В один день 18 июля из его состава было поражено холерой 500 человек, из коих 150

человек умерло в ту же ночь. Чтоб выйти из тупика, лорд Раглан, корпус которого получил тем временем подкрепления, предложил десантную операцию для овладения Крымом. Ему удалось убедить союзные правительства и склонить на это своего французского коллегу Сент-Арно. Союзники рассчитывали поднять мусульманское население Крыма.

22 августа началась посадка на суда союзной армии. Весь флот, 33 военных и транспортных судна, отошли 28-го числа, и 4 сентября близ Евпатории состоялась высадка. У французов было 28000 бойцов при 68 орудиях, англичане располагали 27000 с 54 полевыми орудиями и осадным парком из 73 орудий. Турецкий контингент Омера-паши состоял из 7000 человек при 12 орудиях и должен был поднять на русских татарское население. Всего в десант пошло таким образом 62000 человек и 207 орудий.

Это была крупнейшая из всех десантных операций истории, блестяще проведенная благодаря свойствам парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны.

* * *

Командовавший в Крыму князь Меншиков имел всего около 30000 штыков VI корпуса: бригада 14-й, 16-я и 17-я пехотные дивизии, 18-я была отряжена на Кавказ, не считая главных сил Черноморского флота¹³⁰, базировавшихся на Севастополь и дававших около 18000 моряков. Учитывая возможность высадки небольших партий противника в различных пунктах побережья, князь Меншиков, по обычаю посредственных полководцев, разбросал свои войска.

В Севастополе, как и в Петербурге, не верили в возможность неприятельского десанта сколько-нибудь серьезными силами. Возможности парового флота недооценивались. Подготавливаясь к встрече неприятельских отрядов, совершенно не подготовились встретить всю неприятельскую армию. Союзная армада — гигантский плавучий город с его дымовыми трубами — могла беспрепятственно разгрузиться. Единственное сопротивление высадившиеся англичане встретили со стороны горсти греческих милиционеров полковника Манто. Узнав о высадке крупных сил неприятеля у Евпатории, князь Меншиков приказал разбросанным войскам VI корпуса сосредоточиться на речке Альма (Московскому пехотному полку пришлось совершить форсированный марш в 150 верст за 65 часов).

8 сентября на Альме VI корпус был атакован и опрокинут союзной армией. Меншиков не придавал никакого значения укреплению левого фланга альминской позиции, несмотря на все представления войсковых начальников. Он полагал его неуязвимым от природы и не занял его войсками. Против 62000 союзников со 134 орудиями у нас действовало 33000 при 96 орудиях. Удар французов генерала Боске пришелся как раз в обход нашего левого фланга. Превосходство неприятеля, лучше к тому же вооруженного, было слишком значительно. Мы лишились 4 генералов, 193 офицеров (47 выбыло в одном геройском Владимирском полку) и 5511 нижних чинов. Урон союзников составил 171 офицер, 3163 нижних чина. Никаких трофеев врагу не оставлено. Впервые за сорок лет русским войскам пришлось иметь дело с равноценным противником и осознать весь упадок нашей военной силы за этот промежуток времени. Их тактика отстала на полстолетия, — выразился о наших войсках вечером этого дня крестин Второй империи маршал Сент-Арно.

Войска отступили с поля сражения в полном порядке, но неумелое, хаотическое и суетливое управление растерявшегося Меншикова в последующие дни совершенно их дезорганизовало. Отступление было проведено ниже всякой критики, и только вялость союзников и полное отсутствие у них конницы помешало ряду незначительных арьергардных столкновений превратиться в катастрофу. Вместо того чтоб отступать к Севастополю — главной военной базе полуострова, Меншиков отвел войска на Бахчисарай.

Севастополь, совершенно незащищенный с суши¹³¹, этим оставлялся врагу. В нем оставалось около 4000 гарнизона, не считая судовых команд. Начальник гарнизона генерал Моллер и командовавший Черноморским флотом адмирал Нахимов решили защищаться до последнего. Оба они имели достаточно благородства, чтоб уступить главное начальствование младшему в чине вице-адмиралу Корнилову¹³², угадав в нем душу всей обороны (Моллер сохранил начальство над войсками внутри города, а Нахимов — над

флотом).

Корнилов отдал короткий, но огненный приказ, дошедший до сердца каждого солдата, моряка и обывателя, с этой минуты ставшего севастопольцем. Братцы, Царь рассчитывает на нас. Мы защищаем Севастополь. О сдаче не может быть и речи. Отступления не будет. Кто прикажет отступать, того колите. Я прикажу отступать — заколите и меня! Немедленно же по получении известия об Альминском сражении, с утра 10 сентября, закипела работа по приведению Севастополя в состояние обороны, вдохновляемая Корниловым и инженер-подполковником Тотлебенем¹³³. На работы стало все население, включая женщин и детей, и в несколько дней буквально из-под земли вырос весь южный фронт крепости — те легендарные бастионы, о которые одиннадцать месяцев разбивались все усилия врага.

10 сентября по приказанию Меншикова началось затопление кораблей для преграждения неприятелю доступа на рейд. Флот жертвовал собой для крепости. Один за другим опускались на дно синопские победители, их экипажи и орудия образовали гарнизон и артиллерию воздвигаемых укреплений и батарей.

Уже к 14 сентября наши силы учетверились, составив 16000 штыков. В этот день англичане заняли Балаклаву, а французы пошли на Федюхины высоты — всего в трех верстах от Севастополя. Союзники не отважились на штурм Севастополя, как на том ни настаивал Раглан, им пришлось начать осадные работы — и 28 сентября они заложили первую параллель. Сент-Арно скончался от холеры, в командование французской армией вступил генерал Канробер¹³⁴.

* * *

Сообщения Севастополя с остальной Россией отнюдь не были прерваны. Русские силы в Крыму под общим начальством князя Меншикова составили гарнизон Севастополя — из войск, находившихся в черте крепости, и наблюдательный корпус — собственно действующую армию. К 5 октября все предположенные оборонительные работы были закончены. Вооружение сухопутного фронта крепости составило 341 орудие, в гарнизоне находилось 32000 человек (наполовину моряков) — в каких-нибудь три, четыре недели из ничего была создана грозная твердыня. Укрепления сухопутного (южного) фронта составили слева направо (с востока на запад): I, II бастионы, Малахов курган (Корниловский бастион), III, IV, V, VI, VII бастионы. Это была главная оборонительная линия. За время осады сооружен ряд укреплений (передовых и промежуточных), усиливших эту главную линию и носивших имена кораблей эскадры, флотских командиров либо полков. Важнейшие из них: впереди II бастиона — Селенгинский и Волынский редуты, впереди Малахова кургана — Камчатский люнет, между Малаховым курганом и III бастионом — батарея Жерве, а между III и IV бастионами — редут Шварца. Против V бастиона впоследствии были укреплены Кладбищенские высоты. Наблюдательный корпус насчитывал к этому времени 26000 бойцов.

5 октября союзники произвели первое бомбардирование Севастополя, длившееся три дня. Первый день этого бомбардирования омрачился тяжелой утратой Корнилова. Последними словами героя были: Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот... Союзники и после этого не решились на приступ, хотя уничтожение III бастиона очень тому благоприятствовало.

В первых числах октября в Крым стали прибывать войска Дунайской армии — IV корпус в составе 10-й, 11-й и 12-й пехотной дивизий и бригада 14-й пехотной дивизии V корпуса. Меншиков решил отвлечь внимание союзников от все еще находившегося в критическом положении Севастополя и с этой целью перейти в наступление частью полевой армии. Он приказал генералу Липранди¹³⁵ (части 12-й и 16-й пехотных дивизий и конница — всего 16000) атаковать опорный пункт англичан — Балаклаву. 13 октября Липранди имел при Балаклаве славное для нашего оружия дело, но на следующий день отошел к Севастополю ввиду слишком большого неравенства сил. Полки 12-й дивизии быстро сбили турок, занимавших передовую позицию, но ингерманландские гусары, атаковавшие

укрепления, отражены с жестоким уроном. Тогда азовцы, днепровцы и украинцы овладели всеми пятью английскими редутами, взяв 11 пушек и знамя шотландских стрелков. Потеря орудий произвела на англичан удручающее впечатление, и Раглан приказал своей кавалерии немедленно контратаковать. Начальник конницы генерал Лукан, указав на редут командиру гвардии легкой бригады лорду Кардигану¹³⁶, сказал лишь: Милорд, вот неприятель, и там наши орудия! Доблестный Кардиган ринулся со своей бригадой вперед. Наскок 700 гвардейцев на огромных гунтерах был настолько стремителен, что наш Уральский казачий полк, не успевший к тому же развернуться, был буквально сметен. Ворвавшись на 3-ю Донскую и 2-ю батареи 12-й бригады, бывшие картечью до последней минуты и не успевшие взять на передки, англичане изрубили их и, не задерживаясь, понеслись дальше, увлекая за собой запряжки, передки и ошалелых уральцев. Вся эта масса обрушилась на Киевский и Ингерманландский полки и опрокинула их. Предел этой бешеной скачке положил полковник Еропкин, вовремя подоспевший с 3 эскадронами Сводно-уланского полка. Уланы, взяв английскую бригаду во фланг, совершенно уничтожили ее, изрубив до 400 английских гвардейцев. Пошли генерал Лукан в атаку всю свою кавалерию, а не одну лишь бригаду Кардигана, результаты могли бы быть для нас печальными. Французы пустили было в атаку один конноегерский полк, но он обращен в бегство двумя батальонами владимирцев, бросившихся на кавалерию в штыки и повторивших подвиг литовцев и перновских гренадер в Бородинском бою! Наши потери — около 1000 человек. Союзники лишились, по их словам, тоже 1000, одного знамени и 11 орудий. Вся Европа изумлялась отваге легкой бригады Кардигана, но ведь и наши уланы — бугцы и одесцы — изрубившие эту знаменитую бригаду, как будто тоже не плохи! Балаклавский бой, несмотря на наш мимолетный тактический успех, имел самые досадные стратегические последствия: союзники увидели, где их уязвимое место.

К 20 октября наши силы, несмотря на убыль от болезней и бомбардировок, составили 87000 человек, что давало нам довольно ощутительное численное превосходство над союзниками, терпевшими огромный урон от холеры и насчитывавшими, несмотря на прибытие подкреплений, всего 63000 человек (36000 французов, 16000 англичан, 11000 турок). Это, а также известия через перебежчиков о решении неприятеля предпринять в ближайшие дни штурм Севастополя, побудили Меншикова приступить безотлагательно к решительной операции. Русский главнокомандующий решил отвлечь французов демонстрацией, а главный удар нанести по английскому корпусу на Инкерманских высотах, разрезать союзную армию пополам, введя в дело крупные конные массы, отеснить англичан к Балаклаве, французов к Стрелецкой бухте и сбросить тех и других в море.

В жестоком Инкерманском сражении 24 октября план этот, хорошо задуманный и плохо выполненный, потерпел полную неудачу. Диспозиция Инкерманского сражения была составлена без карт. В крепости не оказалось карты окрестностей, а руководивший операцией командир IV корпуса генерал Даненберг оставил карты в Херсоне, заявив, что они ему не нужны, ибо он знает всю эту местность как свой карман. Карман оказался однако с прорехой: вся местность оказалась пересеченной глубокими и крутыми оврагами, которые не были приняты во внимание составителями диспозиции. В ударную группу назначено 37000 человек и 134 орудия (левый фланг).

В центре Горчаков (Петр) должен был отвлечь на себя французов (у него было 20000 и 88 орудий). Против французов же демонстрировал и наш правый фланг Тимофеева (10000 и 40 орудий). Лишь этот последний и выполнил диспозицию, приковав 1-й французский корпус генерала Форе¹³⁷. Горчаков бездействовал, позволив 2-му французскому корпусу Боске прийти на выручку англичан. Наша ударная группа атаковала стремительно, понеся огромные потери от нарезного оружия англичан и лишившись всех старших начальников (убит начальник 10-й дивизии генерал Соймонов). Англичане были разгромлены, но наши войска пришли в расстройство и не смогли выдержать бешеного натиска корпуса Боске, охватившего их левый фланг. Мы потеряли 262 офицера и 10 480 нижних чинов. Французы свой урон показали в 1811, а англичане — в 2002 человека. Союзники боялись своего

общественного мнения и до чрезвычайности уменьшали свой урон. Между тем лорд Раглан в письме к герцогу Манчестерскому, описывая ужасы Инкермана, замечает: Ваша светлость, должно быть, удивитесь, если узнаете, что наш урон все-таки не превышает 8000 человек. Потеря союзников при Инкермане, конечно, превосходит нашу. При Инкермане получили боевое крещение великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Отправляя их в Крым, Государь сказал: Если есть опасность, то не моим детям избегать ее! Однако и союзники, отразившие русское наступление с большим трудом, бросили и помышлять о штурме и даже первые дни после этого сражения думали вовсе снять осаду. Инкерманское поражение, в конечном счете, оказалось для нас стратегически выгодным. Все внимание неприятеля обратилось на нашу полевую армию, против которой он, в свою очередь, стал воздвигать укрепления.

Ненастные ноябрь и декабрь тяжело переживались как русскими, так и союзниками (транспорты которых с запасами были уничтожены бурей на Черном море 2 ноября). В войсках обеих сторон, особенно у французов, болезни вывели из строя массу людей. Гарнизон воспользовался ослаблением огня осаждающих для усовершенствования оборонительной линии, постройки передовых укреплений, закладки камнеметных фугасов, устройства завалов (для одиночных стрелков) и стрелковых ложементов (в 2 линии, обычно в шахматном порядке). Малахов курган, II, III, IV и V бастионы были обращены в самостоятельные опорные пункты. С половины декабря под руководством неумолимого Тотлебена закипела минная борьба, в которой наши саперы имели постоянное преимущество. Непрестанные вылазки партий бесстрашных охотников заставляли осаждающих держать в траншеях все время много войск (особенно это утомляло англичан, численностью значительно уступавших французам). За ноябрь и декабрь вооружение сухопутного фронта возросло вдвое — в последних числах декабря у нас там было поставлено 700 орудий, а гарнизон усилился подошедшей с Дуная 8-й пехотной дивизией.

* * *

В январе 1855 года русские силы в Крыму составили 100000 человек (7 пехотных, 3 кавалерийские дивизии и личный состав флота). Войска были укомплектованы маршевыми батальонами, и Император Николай повелел Меншикову перейти к наступательным действиям. Чтоб что-нибудь предпринять, Меншиков предписал генералу Хрулеву с заведомо слабым отрядом овладеть Евпаторией. Поиск этот успехом не увенчался — и 5 февраля наш отряд был отражен от Евпатории с потерей 750 человек.

Государь тогда сместил Меншикова и вместо него 15 февраля назначил главнокомандующим князя М. Д. Горчакова (это было последним его распоряжением). Обиженный Меншиков не захотел обождать прибытия своего преемника и уехал из армии, в командование которой временно вступил командир IV корпуса и начальник севастопольского гарнизона граф Остен-Сакен.

19 февраля не стало Императора Николая Павловича, и на Всероссийский престол вступил Александр II. Смена главнокомандующих совпала таким образом со сменой монархов. Превозмогая железной своей волей жестокий грипп¹³⁸. Государь до конца оставался в строю, в стужу и ненастье посещая отправлявшиеся на театр войны маршевые батальоны. Если бы я был простым солдатом, обратили ли бы вы внимание на это нездоровье? — заметил он на протест своих лейб-медиков. Во всей армии Вашего Величества не найдется врача, который позволил бы солдату в таком положении выписаться из госпиталя, — ответил доктор Каррель. Ты свой долг выполнил, — сказал ему на это Император Николай Павлович, — позволь же и мне выполнить мой долг...

Армия союзников тем временем возросла до 120000 человек (80000 французов, всего 15000 англичан и 25000 турок). Руководство осадными работами принял на себя присланный Наполеоном III инженер генерал Ниель¹³⁹. Он предложил направить главную атаку на Малахов курган, правильно оценив его значение (овладев Малаховым курганом, союзники могли уничтожить русский флот, город и арсеналы).

7 марта союзники бомбардировали город (причем у нас убит адмирал Истомин)¹⁴⁰. 8-

го числа в Севастополь прибыл Горчаков. Осажденные усилились 9-й и 15-й пехотными дивизиями. 28 марта союзники произвели второе (после октябрьского) усиленное бомбардирование, имевшее целью ослабить артиллерийскую оборону крепости. Бомбардирование это длилось 10 дней, до 6 апреля, но цели своей не достигло — союзники так и не решились на приступ. К этому времени у нас на сухопутном фронте было уже установлено 1000 орудий.

8 апреле деятельность обоих противников еще более оживилась. Наиболее жаркое дело произошло в ночь на 20-е, когда французы овладели передовой позицией при редуте Шварца. Это был первый сколько-нибудь ощутительный успех неприятеля за семь месяцев осады. Наша контратака не имела успеха, будучи предпринята уже днем и всего двумя батальонами Владимирского полка. Всего мы лишились в этом деле 972 человек, у французов убыло 683.

В последних числах апреля и начале мая неприятельская армия получила значительное приращение. Помимо подкреплений, к союзникам присоединился сардинский корпус генерала Ла-Марморе (у Сардинии не могло быть никакого повода к войне с Россией — дальновидный Кавур¹⁴¹ желал поддержать Наполеона III в восточном вопросе, с тем чтоб заручиться его поддержкой в борьбе против Австрии за объединение Италии). Силы союзников простирались до 170000 человек (100000 французов, 25000 англичан, 28000 турок, 15000 сардинцев). У нас в Крыму было 110000 сабель и штыков при 442 полевых орудиях. Из этого количества собственно гарнизон Севастополя составляли 46000 человек и 70 полевых орудий.

Наполеон III настаивал на штурме. Осторожный Канробер не согласился с этим и просил о смещении. На его место командующим французской армией был назначен генерал Пелисье¹⁴² — лихой командир, но отличавшийся варварской жестокостью, не щадивший войск и не имевший обыкновения считать свои потери. Канробер по собственному желанию получил одну из дивизий. В ночь на 10 мая французы атаковали наши передовые позиции у Кладбищенских высот против V и VI бастионов, но после упорного ночного боя были отражены. Тем не менее Горчаков был поражен уроном и приказал в ночь на 11-е очистить эти позиции. Наш урон составлял около 2500 человек — четвертая часть защищавшего эту позицию отряда генерала Хрулева¹⁴³ (убиты генерал Адлерберг, 18 офицеров, 746 нижних чинов, ранено 59 офицеров, 1692 нижних чина).

Пользуясь господством на море, союзники 12 мая заняли Керчь и предприняли ряд десантных операций на Черноморском и Азовском побережьях. Были разорены Анапа, Геническ, Бердянск, Мариуполь. Войска просвещенных европейцев вели себя в этих разбойничьих экспедициях хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей.

22 мая Пелисье овладел Федюхиными и Балаклавскими высотами и долиной реки Черной (приобретя тем самым водопой). После этого он решил предпринять штурм наших передовых позиций у Малахова кургана. 25 мая начато третье бомбардирование, еще более жестокое, чем два предыдущих. Весь огонь был направлен против Камчатского люнета и Килен — балочных редутов — этих трех отроков в пещи, как их называли в Севастополе. 26 мая вечером 40000 союзных войск ринулось на эти укрепления, занятые всего 8 русскими ротами. Камчатский люнет успел дать всего 2 картечных выстрела по атакующим. Занимавший его слабый батальон Полтавского полка, всего 350 штыков, мужественно отбил от всей французской дивизии генерала Мейрана и отошел на Малахов курган. Хрулев с 7 батальонами бросился на французские дивизии и овладел вновь Камчатским люнетом, но, атакованный двумя свежими дивизиями, не смог там удержаться. Наши потери — около 5500 (убит генерал Тимофеев, 38 офицеров, 1147 нижних чинов, ранено 100 офицеров, 4120 нижних чинов). У союзников убыло 5600 человек. Мы потеряли 43 орудия, успев, однако, их заклепать. Англичане отбиты от III бастиона. После жестокого боя и понеся большие потери, союзникам удалось ими овладеть, причем французы оказались в 200 саженях от Малахова кургана (заложив 4-ю и 5-ю параллели), а англичане — в 160 саженях от III бастиона. Бомбардирование продолжалось до 30-го числа. Горчаков стал терять

надежду сохранить Севастополь.

* * *

Наполеон III повелел произвести общий штурм Севастополя 6 июня — в годовщину Ватерлоо (чем подчеркивалось англо-французское братство по оружию). 4 июня началось четвертое бомбардирование (у союзников действовало 548 орудий, у нас 549, но неприятель располагал по 400–500 зарядов в боевом комплекте, тогда как у нас — 140 на пушку и всего по 60 на мортиру). Граф Остен-Сакен, осведомленный о штурме, принял все меры к его отражению. За два дня — 4-го и 5-го — союзники выпустили 72000 снарядов (мы смогли ответить лишь 19 тысячами).

На рассвете 6 июня 41000 союзников пошли на приступ Севастополя, направив удар на I, II бастионы и Малахов курган (французы) и III бастион (англичане). У нас здесь было 19000 штыков Хрулева, отдавшего короткий, всего в два слова, приказ: Отступления нет! Штурм был блистательно отбит по всему фронту. До рассвета, в 2 часа 45 минут ночи, французская дивизия генерала Мейрана, не выждав условного сигнала, бросилась на I и II бастионы. Однако менее чем в десять минут она была расстреляна и сам Мейран убит. Главные силы французов, атаковавшие в 3 часа, трижды были отражены от Малахова кургана. Однако атака на промежуток между Малаховым и III бастионом увенчалась успехом — батарея Жерве была взята французами, ставшими обходить Малахов курган. В эту критическую минуту появился Хрулев. Схватив возвращавшуюся с окопных работ 7-ю (5-ю мушкетерскую) роту Севского полка, он бросился с ней в атаку со словами:

Благодетели мои, за мной, в штыки. Сейчас придет дивизия!

Внезапная атака этой горсточки героев спасла положение (они были поддержаны, конечно, не дивизией, а 6 всего батальонами Полтавского, Елецкого и Якутского полков), батарея Жерве отобрана, но храбрый командир Севской роты штабс-капитан Островский за успех заплатил жизнью. Двукратная атака англичан на III бастион отбита, и к 7 часам утра все было кончено. Наши потери — 132 офицера, 4792 нижних чина, у союзников убыло 7000 человек.

Положение крепости все же становилось с каждым днем все более критическим. На каждый наш выстрел союзники отвечали тремя. Силы защитников таяли. Дивизии по численности равнялись полкам, полки сводились в батальоны. Лишь ценою нечеловеческих усилий удавалось по ночам исправлять повреждения от непрерывных бомбардировок. Уже 8 июня был ранен Тотлебен (продолжавший из госпиталя распоряжаться работами), а 28 числа от Севастополя отлетела его душа — на Малаховом кургане убит Нахимов... Со смертью его все защитники Севастополя, от генерала до солдата, почувствовали, что не стало человека, при котором падение Севастополя было почти невысказано. Обстоятельства смерти Нахимова поистине трагичны. Офицеры упрасивали его сойти с кургана, особенно сильно в тот день обстреливавшегося. Не всякая пуля в лоб-с, — ответил им Нахимов, и это были его последние слова: в следующую секунду он был убит... как раз пулей в лоб. Горчаков сознавал, что дни Севастополя сочтены и дальнейшее отстаивание полуразрушенной твердыни влечет лишь бесполезные потери. Но он не обладал моральным авторитетом Кутузова, пожертвовавшего Москвой, и не смог сохранить для армии те 42000 севастопольцев, что обагрили своей кровью развалины своих бастионов в июле и августе 1855 года.

В продолжение июля под Севастополь прибыл II корпус в составе 4-й, 5-й и 6-й пехотных дивизий, последняя дивизия III корпуса — 7-я пехотная — и дружины Курского ополчения. Император Александр II настаивал на необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне. Прибывшие из Петербурга свитские генералы Бутурлин и барон Вревский убедили Горчакова дать полевое сражение (в случае неудачи они лично ничем не рисковали). Склонившись на их доводы, Горчаков решил атаковать франко-сардинцев в долине Черной речки, назначив для удара меньше половины своих сил. Однако в происшедшем здесь 4 августа сражении мы были отбиты с большим уроном.

Из общего числа 67000 полевых войск при 312 орудиях Горчаков назначил в дело всего 31000 и 132 орудия в двух отрядах одинаковой силы: правый генерала Реада, левый — генерала Липранди. Союзников было 40000 франко-сардинцев при 120 орудиях. Атака Липранди (16-я и 17-я дивизии) имела вначале успех. Рead открыл артиллерийскую подготовку, но за дальностью расстояния прекратил огонь. Горчаков прислал ему с ординарцем лаконическую записку: Можно начинать. Горчаков подразумевал начинать огонь, но Ре-ад понял так, как понял бы всякий на его месте: Начинать атаку. Храбро бросившаяся 12-я дивизия, не поддержанная 7-й, захлебнулась, понесла потери. Горчаков остановил тогда Липранди и перевел к Реаду 5-ю дивизию. Командир этой последней генерал Вранкен предложил ударить всеми силами, но Рead стал посылать полки в дело по очереди, и они врозь были разбиты. Растрепав зря дивизию, Рead лично повел Вологодский полк и был поднят зуавами на штыки. Растревшийся Горчаков перенес опять усилия на левый фланг к Липранди, но союзники успели уже сосредоточить там превосходные силы, и наступление не удалось. Наш урон: 8 генералов, 260 офицеров, 8010 нижних чинов, у союзников убито всего 1818 человек. Бестолковость наша в этом деле поразительна.

На следующее же утро, 5 августа, загрела канонада пятого усиленного бомбардирования, длившаяся четыре дня, стоявшего нам 4000 человек и причинившего большой ущерб крепости. Горчаков и Остен-Сакен стали принимать меры к эвакуации, распорядившись о сооружении плавучего моста через бухту на Северную сторону.

Учащенный артиллерийский обстрел длился затем 15 дней, с 9-го по 24 августа. Мы теряли ежедневно по 500–700 человек, союзники в среднем по 250. Обескровленный гарнизон не был в состоянии исправлять повреждения, силы его быстро падали: батальоны в 200–300 штыков, полки в 500–800 строевых стали обычным явлением. К 20 августа французы придвинули свои апроши на 60 шагов от Малахова кургана, англичане подошли на 200 шагов к III бастиону — всегдашнему объекту тщетных своих усилий. Пылкий Пелисье решил нанести изнемогавшей крепости последний удар.

* * *

На рассвете 24 августа открылся трехдневный огненный ад шестого усиленного бомбардирования. 24-го, 25-го и 26 августа неприятелем было выпущено 150000 снарядов (мы смогли ответить едва 50 тысячами — одним выстрелом на три). Мы лишились в эти три дня 8000 человек, батареи Малахова кургана и II бастиона вынуждены были замолчать. Держаться дальше в этих развалинах было немыслимо и без штурма. 27 августа ровно в полдень (по часам Пелисье) 58000 англо-французов внезапно ринулись в атаку. У нас на всем сухопутном фронте крепости было 49000 штыков. После жестокого боя союзники были отовсюду отбиты, однако дивизии Мак-Магона удалось взять Малахов курган и сохранить его за собой, несмотря на отчаянные наши усилия вырвать его обратно. Не помогло самоотвержение командиров (тут легли все старшие начальники 9-й, 12-й и 15-й дивизий), ни героизм горсточек модлинцев, державшихся, несмотря ни на что, против всей неприятельской дивизии в развалинах Малаховой башни.

На Малаховом кургане находилась 15-я дивизия (всего 2000 штыков и Орловский полк — 500 штыков). В резерве — остальные три полка 9-й дивизии (2400 штыков). Штурм в этот обеденный час никто не ожидал, и оставшиеся на Малаховом 8 неподбитых пушек были заряжены не картечью, а ядрами. Выпрыгнувшая в сорока шагах из траншей французская бригада венчала вал в несколько секунд, не испытав ни одного картечного выстрела и раньше, чем защитники успели стать на банкеты. Здесь завязалась отчаянная рукопашная свалка. От генерала до рядового дрались чем попало. На выручку остатков 15-й дивизии и части 9-й подоспели Ладожский, Азовский и Одесский полки, но все усилия вырвать Малахов из рук врага остались тщетными. Был ранен Хрулев, командовавший войсками на Корабельной, ранены начальники дивизий: 9-й — генерал Лысенко и 12-й — генерал Мартинау, а начальник 15-й дивизии генерал Юферов заколот штыком. Потеряв своих начальников, остатки наших полков продолжали отчаянно биться, не сходя с места. Засевшие в развалинах башни несколько десятков модлинцев держались здесь до последнего

патрона, несмотря на то, что французы пытались выкуривать их оттуда дымом (по примеру Пелисье, задушившего в Африке дымом целое племя кабилов). Французы ворвались было на II бастион, но выбиты оттуда белозерцами, а три последующих штурма были отражены подоспевшей туда 8-й дивизией генерала Сабашинского. Из промежуточной куртины между II бастионом и Малаховым французы выбиты севцами, а за батареей Жерве (между Малаховым и III бастионом), которую им с налета удалось взять, остановлены Костромским полком. Англичане остановлены на III бастионе Камчатским полком и опрокинуты оттуда селенгинцами. Союзники не отважились атаковать грозный IV бастион, опасаясь фугасов и контрмин, и штурмовали V, но были отражены оттуда подольцами и житомирцами. Видя, что приступ отбит по всей линии, Пелисье отчаялся в успехе и послал Мак-Магону приказание очистить Малахов курган и отойти в исходное положение. Мак-Магон ответил на это исторической фразой: *Tu zisj'у гез е!*¹⁴⁵ Его упорство решило участь Севастополя... Начальство над арьергардом принял генерал Шепелев, заместивший раненого Хрулева. Стрельба с укреплений, занятых охотниками, производилась всю ночь. Мы лишились 27 августа без малого 13000 человек (5 генералов, 419 офицеров, 12488 нижних чинов) — 26,5 процента всего гарнизона. На арсеналах, складах и укреплениях оставлено, потоплено и заклепано 3839 пушек. У союзников, по их словам, выбыло 10000 человек (7576 французов, 2451 англичанин). Их урон должен превосходить наш — из 18 пошедших на приступ французских генералов 5 убито, 11 ранено, уцелело лишь двое¹⁴⁶.

Лично убедившись в невозможности продолжать борьбу, Горчаков решил воспользоваться утомлением союзников и отбитием штурма на всех прочих пунктах и приказал начать отступление с южной стороны. Отступление под прикрытием надежных арьергардов началось в 7 часов вечера и продолжалось всю ночь. При свете пожаров и непрестанно следовавших взрывов войска переходили бухту по двум плавучим мостам. Арьергарды парализовали все попытки неприятеля дебушировать из Малахова кургана и начать преследование. Последним сошел с укреплений Тобольский полк.

В эту ночь на 28 августа были затоплены последние остатки Черноморского флота. В дни 28-го и 29-го взорваны укрепления приморского фронта, и 30 августа неприятель допущен к занятию груды обгорелых развалин, которой являлся Севастополь на двенадцатом месяце своей героической защиты.

* * *

Триста сорок девять севастопольских дней обошлись русской армии в 128000 человек, из коих 102000 пало на укреплениях и 26000 в полевом бою. Союзники лишились 70000 человек, не считая огромного количества больных (болезненность и смертность у них значительно превосходили наши). Союзниками было выпущено 1 350000 снарядов, нами за все время обороны — 1 027000. Цифры эти будут превзойдены лишь шестьдесят лет спустя (и при совершенно иной технике) под Верденом¹⁴⁷. Они дают приблизительное понятие о том аде, что одиннадцать месяцев царил на этом клочке земли, имевшем по фронту всего шесть с половиной верст и где вечной славой покрыли себя и русское оружие полки бессмертной русской пехоты — севцы и забалканцы, тобольцы и колывайцы, селенгинцы и камчатцы, житомирцы и минцы, азовцы и модлинцы, пластуны и саперы, стрелки и моряки-черноморцы. От первого дня и до последнего все они были героями и ни на минуту не переставали быть героями.

Падение Севастополя решило участь Крымской кампании. Русская армия, насчитывавшая в своих рядах с ополчением 115000 человек, заняла позиции у Бахчисарая. Союзная армия насчитывала 150000, несмотря на уход турецких контингентов на Кавказ. Обе стороны оставались в бездействии, отдыхая от одиннадцатимесячного напряжения и как бы сознавая, что войне наступает конец и что участь ее уже была решена на куртине Малахова кургана в день 27 августа.

17 сентября у Евпатории 4 французских конноегерских¹⁴⁸ полка генерала д'Аллонвиля изрубили полк наших улан, давший заставить себя врасплох. Беспечно стоявший на привале Елисаветградский уланский полк (который не следует смешивать с гусарским того же

имени) был атакован столь внезапно, что в большинстве эскадронов люди не успели сесть на коней и французы захватили коновязи. Мы лишились 220 человек и 6 конных орудий. У французов убито 41 человек. 3 октября французская эскадра с посаженным на суда десантом генерала Базена¹⁴⁹ (8000) начала действия против Кинбурнской крепости, которая сдалась на третий день бомбардирования. В составе французской эскадры находились броненосцы (железные плавучие батареи), выстроенные по чертежам самого Наполеона III. Это первый случай применения броненосных кораблей. В Кинбурнской крепости сдалось 1465 человек во главе с комендантом кавалерийским генералом Кохановичем (у нас всегда любили назначать комендантами крепостей кавалеристов) и потеряли 70 орудий.

Это были последние военные действия в Крыму. 1 января 1856 года Горчаков (назначенный в Польшу взамен ушедшего на покой Паскевича) сдал армию Лидерсу, однако герой Трансильвании ничего уже поделать не мог. В Париже открылись мирные переговоры.

Заканчивая описание военных действий России с Англией и Францией, мы не можем не упомянуть о героической защите Петропавловска-на-Камчатке — блестящем отражении и поражении вчетверо сильнейшего врага и боевом крещении России на Тихом океане. Русскими силами командовал контр-адмирал Завойко, имевший лишь 1 фрегат (Диана) и 2 шхуны с 60 орудиями. У союзников было 6 кораблей и фрегатов с 250 орудиями. Высаженный союзниками десант у Петропавловска был наголову разбит нашими матросами, линейцами и охотниками-камчадалами и бежал на суда с потерей свыше 350 человек. У нас убито 37 нижних чинов, ранено 3 офицера, 75 нижних чинов. Завойко провел затем свою флотилию из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре, и в заливе Кастри нанес полное поражение вчетверо сильнейшей британской эскадре, командовавший которой адмирал Принс с отчаяния застрелился. Всех вод Тихого океана недостаточно, чтобы смыть позор британского флага! — с горечью восклицает историк английского флота.

Кавказская кампания 1853, 1854 и 1855 годов

Конфликт с Турцией разразился неожиданно для князя Воронцова, которого Петербург оставил почти в полном неведении до последней минуты. Летом 1853 года в Закавказье находилось всего 19 батальонов. В последних числах сентября на усиление прибыла морем 13-я пехотная дивизия, направленная в Мингрелию, и командующим Действующим корпусом был назначен князь Бебутов¹⁵⁰ (72-летний Воронцов болел), а начальником его штаба — князь Барятинский. Военные действия были открыты турками, нападшими в ночь на 16 октября на пост святого Николая на берегу Черного моря и овладевшими им, несмотря на героическое сопротивление слабого русского отряда (400 человек), легшего целиком.

Главные силы турок, их Анатолийский корпус — 40000 Абды-паши сосредоточившись у Карса, двинулись на Александрополь. Другой корпус, Али-паши — 18000, пошел на Ахалцых. Сорокатысячному Анатолийскому корпусу мы могли противопоставить всего 11000 бойцов Александропольского отряда под личным руководством князя Бебутова. Ахалцыхский отряд князя Андронникова¹⁵¹ — 7000 человек — готовился к встрече в два с половиной раза сильнейшего корпуса Али. Превосходство турок на Кавказском фронте было тройным, а с курдскими ордами делалось еще ощутительнее.

2 ноября при Баяндуре, в 14 верстах от Александрополя, произошел встречный бой анатолийских войск Абды-паши с авангардом Александропольского отряда опрометчивого князя Орбелиани. Авангард держался стойко, но от гибели был спасен лишь быстрым прибытием главных сил Бебутова. Манифеста о войне на Кавказе еще не получили, и регулярных турецких сил князь Орбелиани не предполагал. Против 7000 русских с 28 орудиями действовало до 30000 турок и 40 орудий. Мы лишились под Баяндуром до 800 человек. Турки не приняли генерального сражения, которое Бебутов собирался им дать на следующий день, и отступили за Арпачай. Обе стороны простояли на Арпачае десять дней (манифест о войне с Турцией был получен лишь 6 ноября).

Тем временем отряд князя Андронникова нанес 12 ноября полное поражение Али-паше при Ахалцыхе. У турок было 18000 человек и 13 орудий. Наш урон составил всего 361 человек, у турок перебито и взято в плен до 3500. Захвачено 28 знамени и значка и 11 пушек.

13 ноября вечером Анатолийский корпус начал отступление к Карсу. Бебутов двинулся 14-го числа правым берегом Арпачая, чтобы отрезать анатолийцев от Карса. Известие о победе Андронникова при Ахалцыхе возбудило в войсках Александропольского отряда всеобщее ликование.

Осторожный Бебутов предварительно устроил свои войска, в которых считалось с милицией 11000 бойцов при 33 орудиях (главное ядро составляла Кавказская гренадерская бригада). Турки под начальством Ахмета-паши (сменившего Абды-пашу) заняли крепкую позицию при урочище Башкадыклар. В их армии считалось 36000 человек при 46 орудиях.

Утром 19 ноября Бебутов атаковал Башкадыкларскую позицию. Русские с ума сошли либо упились своей поганой водкой, — заявил Ахмет, увидев русские батальоны построенными к атаке. В славном Башкадыкларском сражении анатолийская армия турок была наголову разбита втрое слабейшими русскими силами. Вся тяжесть боя при Башкадыкларе легла на Гренадерскую бригаду, атаковавшую большую турецкую батарею. У нас выбыло из строя 1294 человека, у турок до 6000. Трофеями были 1 знамя, много значков и 24 орудия. По всему Кавказу пронеслась весть: Осман пропал! — что имело огромное отрезвляющее влияние на горцев и курдские племена.

Победы при Ахалцыхе и Башкадыкларе, совпавшие с уничтожением 18 ноября турецкой эскадры при Синопе, обрадовали Россию, совершенно заглотив дурное впечатление от ольтеницкой неудачи и напомнив былые победы Паскевича и Дибича. Кавказские войска после блестящей этой трехнедельной кампании стали на зимние квартиры, по обыкновению, победителями.

* * *

К началу кампании 1854 года Действовавший корпус был усилен подошедшей из России 18-й пехотной дивизией. Его главную массу, таким образом, составляли резервные войска из внутренней России. Коренные кавказские войска по большей части были заняты борьбой с горцами и поддержанием порядка в крае. В действовавших силах, помимо 13-й и 18-й пехотных дивизий, была Кавказская гренадерская бригада и отдельные полки и батальоны 19-й, 20-й и 21-й пехотных дивизий.

Было составлено три отряда. Александропольский — Бебутова насчитывал 22000 бойцов и 74 орудия, Ахалцыхский — Андронникова доведен до 14000 при 24 орудиях и вновь сформированный Эриванский — барона Врангеля¹⁵² — 5000 человек с 12 орудиями. Всего 41000 при 110 орудиях — третья часть всех числившихся по росписи на Кавказе сил. Турецкая армия, превышавшая 100000, в главных своих силах — у Карса — насчитывала 60000 человек при 84 орудиях.

В двадцатых числах мая турки открыли кампанию. Гассан-бей с сильным отрядом вторгся в Абхазию, намереваясь напиться кофе в Марани и плотно поужинать в Кутаисе. Этим гастрономическим мечтаниям не суждено было осуществиться. При Нигоети отряд Гассана был атакован авангардом Ахалцыхского отряда генерала князя Эристова и совершенно разгромлен. У князя Эристового было 3000 человек с 4 орудиями против 12000 Гассана. Турок перебито до 2000 и взято 2 орудия. Гассан убит. Наш урон — 600 человек. Остатки бежали к Озургетам, где турки успели тем временем сосредоточить корпус Селима-паши (34000 человек и 13 орудий). Князь Андронников, имея всего 10000 и

18 орудий, пошел на Озургеты и 4 июня в сражении у Чолока наголову разбил Селима, рассеяв весь его корпус. При Чолоке перебито 4000 турок, взято 36 знамен и значков и все 13 неприятельских орудий. Милиция, составлявшая примерно половину неприятельского корпуса, разбежалась. Мы потеряли до 1500 человек.

После Ахалцыхского отряда настал черед отличиться войскам левого фланга Эриванскому отряду барона Врангеля. В первых числах июля 16000 турок вышло из Баязета, чтобы его атаковать, но Врангель сам поспешил им навстречу, форсируя марш в палящий зной, и 17 июля на Чингильских высотах, имея под рукою немногим более половины своего отряда, атаковал, уничтожил противника, гнал его по пятам и на третий день преследования,

19 июля, овладел их базой — Баязетом. После стремительного марша у Врангеля

оказалось всего 2900 человек, с которыми он и атаковал Баязетский корпус (9000 пехоты и 7000 конницы, главным образом курдов). Наш урон — 405 человек. Турок перебито 2000, взято в плен 370, 23 значка и 4 орудия. Остатки турецкого корпуса, всего 2000, бежали к Вану.

Тем временем главные силы обеих сторон, Александропольский отряд князя Бебутова и Анатолийский корпус Куршид-паши (французский офицер Гюйон) оставались в бездействии друг против друга. Бебутов стремился выманить турок из их неприступной позиции у Хаджи-Вали на поле, разбить их и на плечах их ворваться в Каре.

Бездействие русских и затруднения с фуражом побудили Куршида решиться на атаку русского отряда, и 24 июля произошло самое упорное и жестокое сражение всей войны — сражение при Кюрюк-Дара. При Кюрюк-Дара турок было 57000 (из коих 30000 отличной пехоты — низама и арабистанцев с 78 орудиями. У нас не свыше 18000 человек (18-я дивизия была ослаблена лихорадками) и 74 орудия. Против каждого русского батальона был полк. Жестокое побоище шло с 4 часов утра до полудня. Турок легло 8000, в плен взято 2018 человек с 26 знаменами и значками и 15 орудиями. Наши потери — 3054 человека (599 убитых, 2455 раненых и контуженых). Разбитая турецкая армия отступила на Каре, но Бебутов, начальник, у которого решительность не переходила в запальчивость, не рискнул на штурм закавказской твердыни. Неравенство сил, несмотря на кюрюк-даранскую победу, было слишком значительно — турки превосходили нас еще втрое, осадной же артиллерии не было.

Остаток лета прошел в партизанских стычках. Потерпев полное поражение по всему фронту, турецкая армия никакой активности больше не проявляла. Чолок, Чингильские высоты и Кюрюк-Дара отчасти скрасили год Альмы и Инкермана.

* * *

В конце зимы на Кавказ прибыл новый главнокомандующий, генерал-адъютант Муравьев, ветеран Эриванского и Эрзерумского походов, человек еще не старый (62 года), энергичный, умевший привлекать любовь подчиненных и пользовавшийся славной боевой репутацией. Одновременно с ним фельдъегерь привез известие о кончине Императора Николая Павловича.

Муравьев не мог рассчитывать на усиление Кавказской армии войсками из России — все усилия страны были направлены на защиту Севастополя. Он решил поэтому сосредоточить силы, до того разбросанные по различным отрядам, в один кулак. План Муравьева заключался (по соединении Александропольского отряда с Ахалцыхским) в перерыве сообщений между Карсом и Эрзерумом, уничтожении передового турецкого отряда — обсервационного корпуса Вели-паши — и осаде Карса.

По соединении обоих отрядов в начале июня в Действующем корпусе стало считаться 27000 бойцов при 88 орудиях. В июле Муравьев выступил на обсервационный турецкий корпус, но Вели-паша не принял боя и отступил сперва на Кепри-Кей, затем на Деве-Бойну. Муравьев не преследовал его дальше в эрзерумском направлении, имея в тылу сильную крепость Каре, занятую 30-тысячным гарнизоном и опасаясь за свои сообщения. С 1 августа Каре был обложен. Недостаток сил и средств препятствовал установлению полной блокады, и над крепостью было установлено лишь строгое наблюдение, причем наша конница перехватывала все дороги к Карсу. Особенно лихое дело имели 30 августа при Пеняке терцы, захватившие транспорт с продовольствием для Карса, отрядного начальника Али-пашу и 4 орудия. В сентябре положение нашей Кавказской армии осложнилось высадкой в Батуме Крымской турецкой армии Омера-паши. Этот генерал, недовольный унижительной, по его мнению, ролью, которую его заставляли играть англо-французские начальники (совершенно не считавшиеся с его мнением), настоял на переводе его армии из Крыма на Кавказ. С ним было до 20000 хороших войск и 37 орудий. Одновременно с батумской армией Омера на деблокаду Карса должен был выступить из Эрзерума и Вели-паша.

Русские войска рисковали попасть в критическое положение. Торопясь покончить с Карсом, Муравьев решил овладеть им приступом, однако кровопролитный штурм утром 17

сентября успехом не увенчался, несмотря на весь героизм войск. На штурм было назначено 13000 человек при поддержке 40 орудий. В резерве осталось 5000 и 22 орудия. Войска стояли в ружье всю ночь. Штурм длился с 5 до 11 утра. Мы потеряли 6500 человек — половину пошедших на приступ. Турки лишились 1400 человек и 4 орудий, свезенных русскими с захваченных было укреплений.

Непреклонная решимость Муравьева продолжать осаду Карса спутала все расчеты турок, надеявшихся, что русские снимут осаду с наступлением осенних холодов. Сборы турецких военачальников, пытавшихся выручить Каре, были мешкотны. Омер, двинувшийся в первых числах октября в Мингрелию, потратил много времени на борьбу с отправленным против него отрядом князя Багратиона Мухранского — 19000 человек, главным образом милиции, с 28 орудиями. После ряда боев с переменным успехом (в неудачном для нас деле при Ингуре 25 октября мы лишились 434 человек) он приостановил операции и целый месяц бездействовал. В последних числах октября начался снегопад, снег завалил все проходы через Соган-луг, так что опасность движения турецких войск от Эрзерума отпадала.

Предоставленный собственной участи гарнизон Карса терпел большие лишения, и 12 ноября, когда исчезла надежда на выручку, крепость капитулировала на почетных условиях. Осада Карса длилась 108 дней. Из 30-тысячного гарнизона Вассиф-паши к моменту сдачи осталась половина (за время осады 8500 турок было убито и умерло, 2000 взято в плен и до 3000 бежало). Из сдавшихся 6500 иррегулярных было отпущено по домам, а 8000 регулярных войск объявлены военнопленными. Трофеями были 12 знамен, 50 значков и 136 орудий. Муравьеву был пожалован титул графа Карского.

Узнав о падении Карса, Омер отступил в Батум. Сдачей Карса и отступлением Крымской турецкой армии и закончилась кампания 1855 года, а вместе с ней и Восточная война.

Боевая работа русских войск в Восточную войну (1853–1855 годы)

16 марта 1856 года был заключен Парижский мир — расплата за политику Священного союза. Россия лишалась права иметь флот на Черном море, уступала Южную Бессарабию Молдавии¹⁵³ и возвращала Турции все свои завоевания на Кавказе. Русский протекторат над турецкими христианами был заменен общеевропейским, каковое обстоятельство открывало башибузукам широкое поле деятельности. В первый раз и, увы, не в последний, русский флаг спускался там, где был поднят...

Политически война была потеряна в 1853 году, когда, боясь предпринять решительные меры, наш кабинет лишь дразнил Турцию и давал время изготавиться всем нашим западным противникам и недоброжелателям. Приведи Император Николай Павлович в исполнение свой план внезапной оккупации Царьграда весною — ему не пришлось бы испытывать на смертном одре горечь Альмы и Инкермана. Кабинет боялся восстановить против себя Европу своей смелостью и добился того, что восстановил Европу своею робостью. Страх — плохой советник в жизни, тем более в политике. Внезапная оккупация турецкой столицы, сломив злую волю Турции, поставила бы Европу перед совершившимся фактом, а история дипломатии учит нас, что политика совершившихся фактов является — и всегда являлась — наиболее действительной.

Плачевные руководители нашей внешней политики совершенно не использовали в русских интересах острый и затяжной австро-пруссский конфликт. После ольмюцкого позора (капитуляция в 1851 году Пруссии перед австрийскими требованиями по северогерманскому вопросу) возбуждение во всех кругах прусского общества против Австрии было чрезвычайным. Дружеские отношения между Николаем I и принцем-регентом легко могли преодолеть холодок берлинского кабинета к России. Угроза Богемии со стороны пруссаков совместно с угрозой Галиции со стороны собранной в Польше армии Ридигера сразу свели бы на нет угрозу тылу Паскевича со стороны австрийцев в Трансильвании. Но русский кабинет, отравленный дурманом Священного союза и отождествлявший обывательскую мораль с моралью политической, и не думал прибегать к интригам, как тогда у нас полагали всякую политику, направленную к защите русских интересов, во вред интересам чужим.

Последний шанс на быстрый выигрыш войны нам был дан в Дунайскую кампанию 1854 года. И тут в стратегическом отношении школа Паскевича оказалась тем же, чем была в политическом отношении школа Нессельроде. Сам престарелый князь Варшавский был уже далеко не тот Паскевич, что громил Аббаса-мирзу и пленил эрзерумского сераскира. Немощный телом, он был еще в большей степени немощен духом. Переоценивая противника, трагически воспринимая создавшуюся затруднительную политическую обстановку, он, казалось, потерял веру в себя и в войска, потерял веру в победу — вернее, вовсе не имел ее.

Обезличенные школой Паскевича, старшие начальники Дунайской армии до того закоснели, что без нагоняя не могут и пальцем пошевелить, — как жаловался на них князь Горчаков. Упрек этот Горчаков мог в первую очередь отнести к самому себе. Человек храбрый и благородный (солдаты его называли честный князь), он был лишь исполнительным начальником штаба, отнюдь не волевым военачальником. Имея Высочайшее повеление идти на Силистрию, он повеления этого не выполнил, боясь Паскевича, запретившего идти вперед (так молодой солдат больше боится фельдфебеля, нежели ротного), и потерял таким образом целый месяц. Приказав отступить от Силистрии за два часа до штурма и более чем вероятной победы, он лишил русское оружие одной славной страницы и деморализовал войска. Слепо выполняя приказание далекого начальника, Горчаков забыл суворовское местный лучше судит: я — вправо, ты видишь, надо влево, — меня не слушать. Впрочем, суворовские заветы совершенно были позабыты командирами русских войск середины XIX века, прошедшими школу мертвящей формалистики и линейного учения...

К Паскевичу армия относится как-то с формальной стороны, — записывает в свой дневник Алабин, один из участников Дунайского похода, — видит в нем начальника, поставленного властью Государя выше всех, приказы которого она должна исполнять и распоряжениям которого она должна подчиниться — и только; но не видит в нем близкого к себе излюбленного вождя, одно слово которого зажигало бы кровь каждого и заставляло устремляться хоть в пропасть...

Затем князь М. Д. Горчаков. Его нерешительность, какая-то порывчатость, непоследовательность всем известны. Его чрезвычайная рассеянность сделалась притчей во языцех. Его маршей и контрмаршей боятся как мучительного огня.

Коцебу 154 терпеть не могут. В главном штабе не видят ни одного выдающегося лица... Чего же, говорят, ждать от них, когда начнутся боевые дела, если при расквартировании войск они забыли указать квартиры целому стрелковому батальону!

Из армейских генералов знают одного только Хрулева, про него только и говорят...

Странную фигуру представляет собою князь Меншиков (правнук светлейшего князя Ижорского). Кавалерист, моряк и дипломат, он обладал большим умом, обширными способностями. Но этот ум и эти способности пропали даром, их заглушило черствое себялюбие, ледяной скептицизм, какая-то бездушность, отсутствие какой бы то ни было привязанности к кому-либо и чему-либо. На примере Меншикова мы лишний раз видим бесплодность ума, даже блестящего, при отсутствии души — бессилие знания, не согретого верой.

Командиры корпусов были ниже посредственного. Меншиков писал Горчакову: Очень жалею, любезный князь, что у Вас под командой ученик Куруты Даненберг и генералы V корпуса, в котором еще не угас дух Литовского корпуса... Прибыв с корпусом под Севастополь, генерал Даненберг до Инкерманской битвы так и не удосужился ознакомиться с местностью, где надлежало действовать его войскам. Встретив Нахимова, он стал перед ним извиняться, что до сих пор не имел возможности нанести ему визит. Помилуйте, ваше высокопревосходительство, ответил Нахимов, — никак я этого не ожидал. Вы лучше сделали бы визит Сапун-горе-с. Даненберга никогда не видели на позициях, зато бездарный, но храбрый Редь был заколот в рукопашном бою. Большинство начальников дивизий и командиров бригад, проявив себя безусловно с хорошей стороны на бастионах и

укреплениях, оказались совершенно несостоятельными в полевом бою.

У Паскевича на Дунае было до 140000 войск. С половиной этих сил (принимая во внимание трудности довольствовать армию в Болгарии и необходимость обеспечить тыл от Австрии) можно было нанести ряд поражений Омеру, весной нигде не имевшему более 40000 и, двинувшись за Балканы, заставить отступить не успевшую еще сосредоточиться союзную армию. В июне отнюдь не было поздно: пойдя Горчаков по взятии Силистрии к Варне, союзная армия (подточенная изнутри холерой) попала бы в критическое положение. Ее разгром вдвое сильнее противником был бы более чем вероятен — и Россия не знала бы тяжелой Крымской кампании и унижительного Парижского мира. Но для этого нужна была дипломатия, нужен был полководец. А ни дипломатов, ни полководцев у Императора Николая Павловича не было...

* * *

Исследуя боевую работу русских войск в эту тяжелую войну, мы не можем не поразиться разницей между героическим неумением воевать на Дунае и в Крыму и блестящими победами Кавказской армии.

Тут — генералы, заколотые в штыковом бою, но своевременно не сумевшие распорядиться... Сбивчивые приказания и путанные контрмарши... Застывший под ядрами строй, смыкающий ряды и подравнивающий носки в ожидании приказа, который будет отдан лишь тогда, когда окажется невыполнимым... Батальный огонь, не причиняющий особенного вреда противнику; колонны, атакующие в ногу, с соблюдением равнения на середину, с потерей половины состава — и без всякого результата... Эти войска учились воевать — и платили за уроки кровавой ценой, хоть и брали за то полную дань восхищения с врага. Эти войска отстаивали свои ложементы до последней капли крови, но были бессильны вырвать победу из рук врага. Они умели (и как умели!) умирать, но не умели побеждать, не имели 4 сноровки к победе.

Этой сноровкой к победе как раз в избытке наделены кавказские полки. Те же русские офицеры, те же русские солдаты, но воспитанные и закаленные совершенно в другой школе!

Одни воспитаны в школе Паскевича, на шагистике линейного учения и очковтирательстве военных поселений. У других в недавнем прошлом — Гимры и Ахульго. Свои заветы они получили от Ермолова и Котляревского, как те — от Суворова. На Кавказе дерется и побеждает армия Петра Великого — в севастопольских траншеях агонизирует армия Императора Павла.

На Кавказе никому и в голову не пришло бы ослаблять ружейные болты, чтобы ружья звенели на приемах. Тут винтовка 155 всегда в порядке и всегда бьет метко. Парады, может быть, не столь картинны, штыки, быть может, кое-где и колеблются, зато в бою уходят в грудь врага по самую шейку. Традиции Котляревского, традиции Асландуза — на пушки, братец, на пушки! — соблюдаются свято, да и немудрено: башкадыкларские карабинеры — родные сыновья асландузских егерей. Утверждать, что на Кавказе и на Дунае противники были разные, не приходится: при Ольтенице были такие же турки, что и при Башкадыкларе — разные лишь русские командиры и разно обучены их войска.

Равным образом следует опровергнуть ходячее мнение, что основная причина наших неудач заключается якобы в лучшем вооружении союзных войск. Французская пехота вся проделала Крымскую кампанию с кремневым ружьем образца 1777 года, утвержденным еще Людовиком XVI. Нарезное оружие имели только зуавы (3 полка) и пешие егеря (5 батальонов) — пропорция примерно та же, что и у нас (1 батальон на корпус и, кроме того, полурота штуцерных на полк). Англичане были все вооружены нарезными рифлями, но англичан-то как раз мы и били.

Наша армия в Крыму была побеждена французской Кавказской армией. Все дравшиеся в Крыму французские полки прошли суровую боевую школу африканских походов, во всех отношениях сходную с кавказской. Абд-эль-Кадер — африканский Шамиль. Французы имели своего Ермолова — Бюжо, своего Пассека — Шангарнье, Слепцова — Ламорисьера. У них была своя сухарная экспедиция — поход под Константинополь, свое Михайловское

укрепление — марабу Сиди-Брагим, давший бессмертную традицию их синим дьяволам — пешим егерям. Африканская эпопея хронологически совершенно совпала с Кавказской. У их начальников был боевой глазомер — у наших был лишь плацпарадный, для войск Воске, Канробера и Мак-Магона война была привычным делом — совершенно, как для войск Пассека, Бебутова и Врангеля. Четыре года спустя — в 1859 году в Италии — французские командиры и войска пожнут новые лавры, разгромив закосневшую в рутине Австрию, и победитель Малахова кургана станет герцогом Маджентским, не подозревая, какой конец готовит судьба его боевой карьеры...

Французская армия не имела чего-либо подобного нашей Военной академии — и наши старшие начальники были, конечно, образованнее французских (не говоря уж о традиционных военных невеждах-англичанах). Однако приобретенные ими в школе Жомини познания имели исключительно отвлеченный, канцелярский характер, и наши военные столоначальники, блиставшие в канцеляриях и на полигонах, оказались беспомощными применить свои теоретические познания на практике в чужой им органически боевой обстановке — на войне, к которой они не готовились и о которой они серьезно никогда не помышляли. Уступая им в академизме, в отвлеченном знании, французские командиры превосходили их в искусстве, в умении — и это обстоятельство оказалось решающим.

Обращает на себя внимание то, что к активному участию на Восточной войне не были привлечены такие крупные деятели, как победитель Гергея генерал Ридигер, которого современники считали единодушно лучшим боевым генералом царствования Николая I, и генерал Лидере, столь блестяще зарекомендовавший себя в Трансильвании. Оба они обречены на бездействие, тогда как действующие войска были вверены Меншикову и Горчакову. Совершенно так же, отправляясь на войну 1877 года, не подумают о Тотлебене и Леере, а Скобелеву не дадут сперва и роты.

Показателем высокой доблести русских войск в эту войну служит отсутствие трофеев у неприятеля. Альма, Инкерман, Черная — жестокие поражения, но врагу здесь не отдано ни одного знамени, ни одной пушки. За всю кампанию в полевых боях нами потеряно лишь 6 орудий — в неудачном деле у Евпатории, захвачено же одно знамя и 11 орудий (при Балаклаве). В плен русские не сдаются — количество пленных составляет не свыше 4 процентов потерь за всю кампанию, и все это раненые, оставшиеся на поле сражения.

Злоупотребления в интендантской части превзошли все наблюдавшееся до сих пор. Начиная от Симферополя, — пишет один из севастопольцев, — далеко внутрь России, за Харьков и за Киев, города наши представляли одну больницу, в которой домирало то, что не было перебито да севастопольских укреплений. Все запасы хлеба, сена, овса, рабочего скота, лошадей, телег — все было направлено к услугам армии. Но армия терпела постоянный недостаток в продовольствии; кавалерия, парки не могли двигаться. Зато командиры эскадронов, батарей и парков потирали руки... А в Николаеве, Херсоне, Кременчуге и других городах в тылу армии день и ночь кипела азартная игра, шел непрерывный кутеж, и груды золотых переходили из рук в руки по зеленому полю. Кипы бумажек, как материал удобоносимый, прятались подальше. Даже солома, назначенная для подстилки под раненых и больных воинов, послужила источником для утолщения многих карманов... Разгул глубокого тыла, где шампанское лилось рекой, был умопомрачителен. В этом отношении, как в очень многих других. Восточная война явилась как бы прототипом войн, веденных Россией впоследствии.

В общем же русская армия, воевавшая у себя дома, потерпела поражение от неприятельского десанта, подвезенного за три тысячи верст! Жестокая расплата за сорок лет застоя. На язвы, раскрывшиеся решительно во всех отраслях нашей военной системы, и обратилось все внимание начинавшегося царствования.

* * *

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ВОСТОЧНУЮ ВОЙНУ:

13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк — георгиевское знамя за Башкадыклар и Кюрюк-Дара;

- 16-й гренадерский Мингрельский полк — георгиевское знамя за Чингильские высоты;
13-й пехотный Белозерский и 14-й пехотный Олонецкий полки — георгиевское знамя за Севастополь;
15-й пехотный Шлиссельбургский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Фридланд);
16-й пехотный Ладожский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
17-й пехотный Архангелогородский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Альпийский поход 1799 г.);
18-й пехотный Вологодский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Варшаву);
19-й пехотный Костромской и 20-й пехотный Галицкий полки — поход за отличие 1855–1856 гг.;
21-й пехотный Муромский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
25-й пехотный Смоленский полк — георгиевское знамя за переправу через Дунай (уже имел за Альпийский поход 1799 г.);
26-й пехотный Могилевский полк — знаки на шапки за 1854 г.;
27-й пехотный Витебский полк — георгиевские трубы за Севастополь, поход за отличие 1853–1856 гг.;
28-й пехотный Полоцкий полк — знаки на шапки за Севастополь;
29-й пехотный Черниговский полк — георгиевское знамя за Севастополь (уже имел за 1812 г.);
30-й пехотный Полтавский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
31-й пехотный Алексопольский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Варшаву 1831 г.);
32-й пехотный Кременчугский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Варшаву 1831 г.) и знаки на шапки за то же;
33-й пехотный Елецкий полк — георгиевское знамя за Севастополь;
34-й пехотный Севский полк — георгиевское знамя за Севастополь (уже имел за 1812 г.) и знаки на шапки 7-й роты (бывшая 5-я мушкетерская — благодетели Хрулева);
35-й пехотный Брянский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел уже за 1828 г.);
36-й пехотный Орловский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
37-й пехотный Екатеринбургский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за 1814 г.);
38-й пехотный Тобольский полк — георгиевское знамя за Четатю 1853 г. и Севастополь, знаки на шапки за Четатю;
39-й пехотный Томский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Трансильванию);
40-й пехотный Колыванский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Трансильванию);
41-й пехотный Селенгинский и 42-й пехотный Якутский полки — георгиевское знамя за Севастополь;
43-й пехотный Охотский и 44-й пехотный Камчатский полки — георгиевские знамена за Севастополь (оба имели за 1812–1814 гг.);
45-й пехотный Азовский полк — георгиевское знамя за Кадыкой 1854 г. и Севастополь;
46-й пехотный Днепровский и 47-й пехотный Украинский полки — георгиевские знамена за Севастополь;
48-й пехотный Одесский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Бриен и Ла-Ротьер 1814 г.);
49-й пехотный Брестский полк — георгиевское знамя за Ахалцых 1853 г. и Чолок 1854 г.;

- 50-й пехотный Белостокский полк — георгиевское знамя за Ахалцых и Чолок (имел за 1828–1829 гг.);
- 51-й пехотный Литовский полк — георгиевское знамя за Чолок (имел за Анди и Дарго 1845 г.) и Севастополь, поход за отличие 1854–1855 гг.;
- 52-й пехотный Виленский полк — георгиевское знамя за Ахалцых и знаки на шапки за 1854–1855;
- 53-й пехотный Волынский, 54-й пехотный Минский и
- 55-й пехотный Подольский полки — георгиевские знамена за Севастополь;
- 56-й пехотный Житомирский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Анди);
- 57-й пехотный Модлинский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
- 58-й пехотный Прагский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Анди 1845 г. и Темеш 1849 г.);
- 59-й пехотный Люблинский полк — георгиевское знамя за переход Дуная и за Севастополь (имел за Анди и Дарго);
- 60-й пехотный Замосцкий полк — георгиевское знамя за переход Дуная и за Севастополь (имел за Анди и Трансильванию), знаки на шапки за отличие за 1854 г.;
- 61-й пехотный Владимирский, 62-й пехотный Суздальский, 63-й пехотный Углицкий и 64-й пехотный Казанский полки — георгиевские знамена за Севастополь;
- 65-й пехотный Московский полк — георгиевское знамя за Севастополь;
- 66-й пехотный Бутырский полк — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Краон 1814 г.);
- 67-й пехотный Тарутинский и 68-й пехотный Бородинский полки — знаки на шапки за Севастополь;
- 69-й пехотный Рязанский полк — георгиевское знамя за Каре 1855 г.;
- 70-й пехотный Ряжский полк — знаки на шапки за 1854–1855 гг.;
- 71-й пехотный Белевский полк — знаки на шапки за 1854 г.;
- 72-й пехотный Тульский полк — знаки на шапки за Кюрюк-Дара;
- 79-й пехотный Куринский полк — георгиевское знамя за Нигоети и Чолок 1854–1855 гг. (имел за Ахульго, Анди и Дарго);
- 4-й стрелковый полк — знаки на шапки за Черную 1855 г.;
- 9-й стрелковый полк — знаки на шапки за осаду Силистрии;
- 11-й стрелковый полк — георгиевское знамя за Севастополь;
- 13-й стрелковый полк — знаки на шапки за отличие за 1854 г.;
- 16-й стрелковый полк — знаки на шапки за 1854–1855 гг.;
- 1-й Кавказский стрелковый полк — георгиевское знамя за Кюрюк-Дара (имел за Анди и Дарго);
- 1-й пластунский батальон — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Анапу);
- 2-й пластунский батальон — георгиевское знамя за Севастополь;
- 3-й драгунский Новороссийский полк — георгиевские трубы за Кюрюк-Дара;
- 16-й драгунский Тверской полк — георгиевский штандарт за Кюрюк-Дара;
- 17-й драгунский Нижегородский полк — георгиевский штандарт за Кюрюк-Дара (имел за 1826–1827 гг., 1828 г. и за Чечню за 1841 г.), георгиевские трубы за Башкадыклар;
- 11-й казачий Донской полк — георгиевское знамя за Чолок;
- 20-й казачий Донской полк — георгиевское знамя за Кюрюк-Дара;
- 23-й казачий Донской полк — георгиевское знамя за Чингильские высоты;
- 1-й казачий Кубанский Уманский полк — знаки на шапки за 1854 г.;
- 1-й казачий Кубанский Кавказский полк — знаки на шапки за 1854 г.;
- 1-й казачий Терский Кизляр-Гребенской полк — знаки на шапки за Кюрюк-Дара и Пеняк 30 августа 1855 г.;
- 1-й казачий Терский Горско-Моздокский полк — знаки на шапки за 1854 г.;
- 1-й казачий Терский Волгский полк — знаки на шапки за Пеняк;

- 1-й казачий Терский Сунженско-Владикавказский полк — знаки на шапки за 1855 г.;
Кавказская гренадерская артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Баяндур, Чингильские высоты, Башкадыклар и Кюрюк-Дара (имела за Салты);
5-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Черную (имела за Венгрию за 1849 г.);
7-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1854 г.;
8-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Черную, знаки на шапки за 1855 г.;
10-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Четатю и Севастополь, знаки на шапки за Севастополь;
11-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1853–1855 гг.;
12-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Кадыкой за 1853 г., знаки на шапки за Севастополь;
13-я артиллерийская бригада — серебряные трубы за Ахалцых, золотые петлицы за Чолок, знаки на шапки за Нигоети и Каре;
14-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за 1854–1855 гг. (имела за Венгрию);
15-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за переход Дуная;
16-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за Севастополь;
17-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Севастополь;
18-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Кюрюк-Дара, знаки на шапки за 1854 г.;
21-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1853 г.;
11-я конная батарея — знаки на шапки за 1855 г.;
14-я конная батарея — георгиевские трубы за Калараш 11 февраля 1854 г.;
6-я Донская батарея — знаки на шапки за 1854–1855 гг.;
7-я Донская батарея — серебряные трубы и золотые петлицы за Башкадыклар и Кюрюк-Дара, знаки на шапки за 1854 г.;
12-я и 14-я батареи — знаки на шапки за 1854–1855 гг.;
3-й саперный батальон — георгиевское знамя за переправу через Дунай и Севастополь;
4-й саперный батальон — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Венгрию) и знаки на шапки за Севастополь;
5-й саперный батальон — знаки на шапки за Севастополь;
6-й саперный батальон — георгиевское знамя за Севастополь (имел за Варну за 1828 г.) и знаки на шапки за Севастополь;
1-й саперный Кавказский батальон — георгиевские трубы за Башкадыклар и Каре.

Глава X. Эпоха преобразований

Русское общество эпохи реформ

Военные преобразования Александра II, совершенно изменившие облик армии, явились лишь одной из составных частей всех реформ Царя-Освободителя. Раньше чем приступить к их изложению, нам необходимо напомнить в общих чертах сущность этих реформ, дав краткую характеристику и русскому обществу в том виде, в каком оно сложилось в середине XIX века.

Великие политические события первой четверти столетия, расцвет русской словесности во вторую вызвали могучее движение умов в тогдашнем обществе и вообще читавшей и мыслившей России. Этому способствовало и развитие среднего и высшего образования, понемногу становившихся общедоступными. Результатом такого обширного интеллектуального процесса явилось создание нового, как бы внесловного класса — интеллигенции. Явление это было в высшей степени характерным и ярко подчеркивало

огромную разницу между русским обществом и западноевропейским. Там главным мерилom, определяющим критерием был кошелек общество создавалось по признаку материального благополучия. У нас в России в XVIII веке мерилom явилась сословность, а в XIX веке общество создавалось по признаку интеллектуальности. Русская интеллигенция не имела ничего общего с западноевропейской буржуазией. В Европе интеллектуальность, универсальная культура — удел очень небольших замкнутых кружков, у нас же она затронула самые широкие круги. 156

С самого начала — еще в сороковых годах — в интеллигенции наметилось два основных течения. Одно из них искало света на Западе, наивно преклоняясь перед всем тем, что носило европейский штамп, и хуля все русское — ненавистные русские порядки в первую очередь. Другое течение, наоборот, отстаивало русскую самобытность, считало раблепство перед духовно нищей Европой унизительным и вообще бессмысленным, указывало на все глубокое различие основ русской культуры от западной и вообще считало Запад прогнившим.

Представители первого течения — сторонники благоговейного равнения по загранице — получили название западников, представители второго течения патриархально-националистического — славянофилов. Западники отстаивали начала рационалистические — славянофилы ратовали за начала спиритуалистические. Борьба этих двух течений закончилась полной победой западников, к которым примкнула огромная часть интеллигенции, замороженной модными рационалистическими теориями западной философии, преимущественно немецкой. От Вольтера через Гегеля к Марксу — таков был путь передовых (какими они себя искренне считали) мыслящих русских людей.

Значение славянофилов постепенно сошло на нет. В этом виноваты главным образом они сами, не сумев создать прочной базы своему учению, не разработав его научно. Им не хватало диалектики их противников, а самое главное, не хватало государственного образа мысли (которым так или иначе были наделены петербургские столоначальники — объект добродушного брюзжания московских славянофильских кружков). Государственные идеи славянофилов поражают своей наивной, чисто детской трактовкой. Сознвая все капитальное значение православной церкви в истории русского государства, они не сумели сделать вывода, который сам напрашивался: необходимости освобождения церкви от гнета светской власти, гнета, парализовавшего всю церковную жизнь страны. Отдавая себе отчет в огромных преимуществах самодержавно-монархического строя¹⁵⁷ как единственно возможного для России, они в то же время смотрели не вперед — на охватившую два континента империю, а назад — на прогнившее царство дьячков-крючкотворцев XVII века, упадочной эпохи Царя Алексея. У славянофилов не было меха для их прекрасного по качеству вина. Их движение запоздало на полстолетия, а то и на больше — русское общество середины XIX века считало уже себя слишком ученым для того, чтоб им удовлетвориться. По той же причине правительство Александра II (а затем Александра III) не придавало советам славянофилов никакого значения — неумелая и негосударственная трактовка обесценивала в глазах столоначальников самую сущность идеи.

Пятидесятые, и особенно шестидесятые, годы характеризовались стихийным левением русского общества, превращением его из оппозиционного в революционное. Стоило лишь объявиться в Европе какому-нибудь радикальному материалистическому учению, как неизменно русская общественность оказывалась на левом его крыле. Антигосударственные теории охватывали это духовно неокрепшее общество с быстротой пожара, охватывающего сухой валежник.

Разрушительные микробы не встречали никакого противодействия в общественном организме. Интеллигенция вырывала из себя, втапывала в грязь все, что было в ней как раз самого ценного и сильного — свое национальное лицо, свою национальную совесть, свое русское естество. Вырвав, вытравив из себя все свое, природное, русское, более того — прокляв его, русская интеллигенция сама себя обезоружила, сама лишила свой организм сопротивляемости. И семена убогого, псевдонаучного материализма дали бурные всходы на

этой морально опустошенной ниве. Русский радикальный интеллигент уподобился сибирскому инородцу — остяку либо тунгусу, падкому до огненной воды и гибнущему от нее на третьем поколении по той причине, что его организм лишен сопротивляемости ее разрушительному эффекту. Огненная вода Бакунина и Маркса и привела к гибели этих образованных (подчас даже ученых) дикарей на четвертом их поколении. Противоядие совершенно отсутствовало: у русской радикальной интеллигенции не было в прошлом пятнадцати веков рационалистической римской культуры, позволившей Западу преодолеть марксизм. Духовную же сокровищницу православия она проглядела¹⁵⁸...

В более умеренных, то есть не столь радикально-революционных кругах, господствовало преклонение пред европейским либерализмом. Материализм и марксизм тут осуждать боялись из страха прослыть отсталыми (смертный грех, которого русское общество больше всего боялось и никогда не прощало). Однако главной идеей этих кругов была мистика Прогресса (с большой буквы), мистика, проникшая и в правительственные и даже в высшие военные сферы. Преклонение перед Европой и здесь составляло основу мышления, с той только разницей, что если радикальные, революционные круги вбирали в себя отбросы европейской мысли с надеждой превзойти учителей, сказать миру новое слово и засадить человечество в свинной хлев усовершенствованного в России марксизма, то возжелания кругов либеральных были более скромными. Они не тщились сказать миру новое слово, все помыслы их были направлены к тому, чтобы идти вровень с веком, подняться до уровня Европы. Своего русского естества здесь стеснялись, национализм считали зоологическим понятием. Все русское огульно осуждалось, объявлялось отсталым. Создался культ некоего гуманного, просвещенного, мудрого сверхчеловека — европейца, типа, на Западе в действительности никогда не существовавшего.

Памятником этого культа является уцелевший до наших дней нелепый термин европейско-образованный, когда хотят показать высшую степень культуры, ее универсальность. На Западе имело и имеет место как раз обратное. Европейец говорил лишь на своем языке, учен лишь в своей специальности. Универсальная образованность являлась общим достоянием лишь России, так что справедливее было бы говорить о немногочисленных действительно культурных европейцах, что они русско-образованны. Русский интеллигент, как правило, отлично знал иностранную литературу, музыку, живопись (не говоря уж о своих, которые иногда недооценивал, но знал всегда). Европейский буржуа, как правило же, не знал и своей литературы и искусств (не говоря уж о чужих), а европейский интеллигент (если только он не русски-образован, что, впрочем, случается редко) знает лишь свои, причем лишь одну какую-нибудь отрасль (например, только литературу, только музыку). Если европеизм считать синонимом культурности, то единственными подлинными европейцами были русские интеллигенты, в своем самоунижении этого как раз и не сознававшие.

Реформы Царя-Освободителя совпали с этим стихийным процессом полевения общества. Они не только не остановили его, но косвенно даже способствовали ему.

Главной реформой было уничтожение рабства. Эта капитальная реформа носила, однако, половинчатый характер. Крестьяне освобождались без земли, точнее — без своей земли. Заветная их мечта не получила осуществления — земля осталась за миром — общиной. Известную отрицательную роль сыграли здесь славянофилы, доказывавшие вопреки самой природе, что аграрный коммунизм свойствен русскому крестьянству. В первые же недели по объявлении воли сказались последствия этого рокового заблуждения. Повсеместно происходили бунты крестьян, утверждавших, что господа настоящую золотую грамоту о воле утаили, а пустили подложную — без царской печати и без земли. Более чем в двухстах случаях пришлось прибегнуть к вызову воинских команд и применению оружия. Убитые и раненые в ту весну 1861 года считались сотнями во всех концах России. Разорив дворянство, реформа не удовлетворила чаяний крестьянских масс, не утолила их земельной жажды. Ненависть крестьянина к помещику с тех пор лишь усилилась.

Судебная реформа 1864 года даровала суд скорый, правый и милостивый, равный для

всех сословий. Характерной чертой русского суда являлась его неподкупность и редкая независимость¹⁵⁹, столь отличавшие его от продажной западноевропейской магистратуры, целиком находящейся в руках политических партий, финансовых кружков и политической полиции.

Наконец, земская реформа вводила широкую и либеральную децентрализацию страны. Императорское правительство добровольно уступило русскому обществу, русской общественности все те отрасли, где, по его мнению, общественная деятельность могла оказаться полезнее правительственной деятельности (в силу того, что местный лучше судит). Такой широкий либерализм на много десятилетий опередил передовую Европу (где о подобной децентрализации и частной инициативе не смели и мечтать). Но им сразу же злоупотребила русская либеральная и радикальная общественность. В ее руках земский аппарат оказался мощным антиправительственным орудием.

Все эти реформы явились слишком поздно. Освобождение крестьян запоздало на полстолетия. Манифест Осени себя крестом, православный народ должен был быть прочтен Александром Благословенным в тот рождественский сочельник, когда на льду Немана его верная армия служила благодарственный молебен об избавлении Отечества от двадцати язык. 19-го же февраля 1861 года надлежало провести столыпинскую реформу отрубков 1911 года, тоже запоздавшую, по меньшей мере, на полстолетия.

Одновременно с этими правительственными мероприятиями и общественными сдвигами огромными шагами развивалась экономическая жизнь страны. За одно какое-нибудь десятилетие 1861–1870 годов Россия стала неузнаваемой. Была сооружена внушительная железнодорожная сеть (железнодорожная горячка конца 60-х и начала 70-х годов). В 1857 году открытых для движения железных дорог считалось лишь 979 верст. В 1863 году — уже 3071 верста, в 1867 году — 4243 версты, в 1870 году — 7654 версты, в 1876 году — уже 17658 верст, а к концу царствования, в 1881 году — 21 900 верст. В 60-х годах ежегодно открывалось по 500 верст, в 70-х — по 1400 верст. Постройка велась почти исключительно частными концессионерами, выкуп в казну начался при Императоре Александре III, когда обращено серьезное внимание на сооружение стратегических линий. Создалась промышленность — возник Петербургский фабрично-заводской район. Создался и совершенно новый класс населения — городской пролетариат. Бывшие дворовые и крепостные крестьяне массами потянулись за заработком на фабрику в города. Утратив мало-помалу связь с землей, приобретя городские привычки, класс этот не мог их удовлетворить по скудости средств. Отсюда родилась зависть и ненависть к богатым, жизнь которых протекала на виду этих деклассированных крестьян — вчерашних рабов помещика, сегодняшних рабов машины, мало-помалу ставших понимать обреченность и беспросветность своего существования. Так возникло классовое самосознание, обострившееся к тому же невыносимыми условиями жизни и работы этого пролетариата (отметим хотя бы эксплуатацию детского труда, ужасную и бесконтрольную).

Шестидесятые годы, знаменовавшие собой наступление века пара и электричества и торжество прогресса, можно сравнить лишь с концом девятых годов XVII века и началом семисотых... Рушились вековые устои Святой Руси, исчезли крепкие патриархальные нравы и обычаи, сохранявшиеся в народе еще в николаевские времена. Происходила всеобщая ломка и всеобщая нивелировка. Но эта ломка и эта нивелировка ничуть не заполнили той пропасти, что создавалась при Петре I между обществом и народом, когда-то составлявшими единую русскую нацию. Наоборот, пропасть эта стала еще шире и глубже. Социальные противоречия еще более обострились. Капитальным же событием, определившим жизнь России на три четверти столетия, следует считать одновременный процесс кристаллизации двух новых классов: на верху — интеллигенции, на низах — пролетариата. Нарождался социал, вначале не замеченный правительством, впоследствии им недооцененный.

Внешняя политика Александра II и развитие российской великодержавности

Севастополь исцелил русскую внешнюю политику от мистицизма. Священный союз канул в вечность. Идеализм, однако, остался, и политика наша носила за все это

царствование характер сентиментальный и переменчивый в зависимости от случайных настроений. Руководящая идея в русской внешней политике совершенно отсутствовала, и канцлера Горчакова нельзя даже издали сравнить с его замечательными современниками: Бисмарком, Кавуром, Андраши и Дизраэли, мастерски заправлявшими европейской политикой за счет России.

Основным впечатлением, вынесенным руководителями нашей внешней политики от столь печально для нас развившегося конфликта с Европой в 1853–1856 годах, было чрезвычайное раздражение против неблагодарной Австрии. Разгром Австрии в 1859 году нашими недавними противниками — французами — вызвал поэтому всеобщее ликование и злорадство. Маджента и Сольферино имели последствием введение в русской армии французских кепи и шако. Русское общество было всегда галлофильским — храбрость и лояльность французов под Севастополем могли это дружелюбие лишь усилить.

Однако сохранить сколько-нибудь продолжительное время этот курс нашей политике не удалось. Польское восстание 1863 года вызвало попытку вмешательства Западной Европы в русские дела. Франция руководилась при этом лишь сентиментальными соображениями, Англию же встревожило наше продвижение в Среднюю Азию. 1863 год знаменовал собой охлаждение ко Франции и начало 44-летнего острого конфликта с Британской империей — упорной дипломатической борьбы, в которой Англии не удалось воспрепятствовать образованию русского Туркестана, но косвенно удалось взять реванш за Кушку под Мукденом.

С Австрией отношения раз и навсегда испортились, с Францией они стали натянутыми, с Англией все время можно было ожидать разрыва. Все дружеские излияния петербургского кабинета обратились в Берлин — столицу нашего традиционного друга. Традиционный друг этот не замедлил использовать в своих целях такой выгодный для него оборот дел.

Пруссакomanия еще с гатчинских времен являлась незыблемой традицией наших руководящих кругов. Александр II неуклонно следовал этому отцовскому и дедовскому обычаю. В 1864 году он предложил своему дяде Вильгельму I объявить в союзе с Россией войну Австрии, Англии и Франции. Посоветовавшись с Бисмарком, король, однако, отклонил это предложение. Бисмарк заявил, что в случае победы Россия станет вершить судьбами всего мира и сядет на длинный конец рычага. Прямодушный король так и отписал в Петербург.

Период с 1863-го по 1875 год явился расцветом тесной русско-прусской дружбы, далеко выходившей за рамки простого дипломатического союза. С русской стороны дружба эта носила прямо душевный характер, с прусской — Вильгельм I лично платил своему царственному племяннику тем же. Вильгельм I получил орден святого Георгия IV степени за Барсюр-Об в 1814 году, и когда орден 26 ноября 1869 года праздновал свое столетие, оказался старейшим из георгиевских кавалеров. На орденский праздник он командировал в Петербург своего брата принца Альбрехта и своего флигель-адъютанта полковника Вердера (награжденного за проезд в салон-вагоне от Вержболова до Петербурга Георгием IV степени наградой, которой не удостоились сотни доблестных, проливших свою кровь русских офицеров, кавказцев и севастопольцев). Александр II, возложивший тогда на себя ленту I степени, пожаловал это высшее русское военное отличие и прусскому королю при трогательной телеграмме. Вильгельм I немедленно ответил: Глубоко тронутый, со слезами на глазах, обнимаю Вас, благодаря за честь, на которую не смел рассчитывать... Осмелюсь просить Вас принять мой орден Роиг 1е МегНе. Армия моя будет гордиться, видя Вас носящим этот орден. Да хранит Вас Бог! Старик король был совершенно искренен: Нет, какова оказанная мне честь! восклицал он в письме к брату Альбрехту. — Я счастлив в высшей степени, но совершенно потрясен. От избытка чувств я едва не уронил листа, и слезы показались у меня при воспоминаниях... А под надежным прикрытием союза с Россией Бисмарк приступил тем временем к осуществлению своего грандиозного замысла.

Победа Пруссии над Австрией в 1866 году приветствовалась у нас и правительством, и обществом. В сферах радовались победам дяди Государя и августейших шефов российских

полков (вдобавок верных и неизменных друзей России и доблестных братьев по оружию при Лейпциге). В обществе приветствовали победу прусского школьного учителя — победу демократической и просвещенной армии прусских солдат-граждан над реакционной и клерикальной аристократией Габсбургов.

Столь же радостно встретил придворный и официальный Петербург триумфальные победы пруссаков в 1870 году. Эти победы воспринимались как реванш за Альму и Инкерман. За Седан¹⁶⁰ Мольтке была пожалована георгиевская звезда. Белые крестики засияли в петлицах лихих командиров Гравелота и Сен-Прива, а то и на воротниках — у тех, кто уже получил эту высокую русскую боевую награду за Кениггрец и за Наход. Один лишь человек предвидел уже в те дни все ужасное зло, которое Германии суждено было причинить человечеству, и особенно России. Стоя в дрезденской толпе, провожавшей выступавшие в поход войска, Достоевский был одним из первых свидетелей зарождавшегося свирепого германского шовинизма. Это место Дневника писателя напоминает пророческую интуицию Бесов. Дипломатическая помощь, оказанная Россией Пруссии, была такова, что, извещая из Версаля официальной телеграммой Александра II об образовании Германской империи, Вильгельм I мог заявить: После Бога Германия всем обязана Вашему Величеству...

Нарушение Франкфуртским договором европейского равновесия почувствовалось, однако, в Петербурге. При всей посредственности своих руководителей наш Певческий мост¹⁶¹ обладал весьма чувствительным сейсмографом (правда, всегда действовавшим с опозданием). Нежелание еще больше нарушить это уже поколебленное равновесие побудило петербургский кабинет энергично воспротивиться проекту Бисмарка добить Францию в 1875 году. Дипломатические представления были подкреплены внушительным сосредоточением 7 дивизий Виленского округа на прусской границе. Тевтонский меч был после этого вложен в ножны. Бисмарк и Мольтке поняли, что рассчитывать на свои восточные корпуса, как в 1866-м и 1870 годах, они больше не могут. К войне на два фронта Германия была не подготовлена как политически, так и стратегически. Бисмарк считал войну с Россией самой большой и непростительной ошибкой, которую может совершить Германия, — свою политику он строил на мирном использовании России. Возможность отомстить представилась Бисмарку три года спустя — на Берлинском конгрессе, где честный маклер лишил Россию всех плодов ее победы.

Такова была в общих чертах — от Парижского разгрома 1856 года до Берлинской капитуляции 1878 года — нетвердая и переменчивая политика петербургского кабинета.

* * *

Несмотря на эту слабую внешнюю политику, царствование Императора Александра Николаевича составило знаменательную эпоху в развитии нашей великодержавности.

В 1858 году по Айгунскому договору с Китаем Муравьев-Амурский присоединил к России Приамурскую область, и в 1862 году в заливе Посыета заложен пост и порт Владивосток. Туда были перенесены из Николаевска-на-Амуре все военно-морские управления, и Владивосток сделан главным нашим оплотом на Тихом океане.

К сожалению, тихоокеанской политики у нас в те времена еще не существовало. Петербург не сознавал огромного значения Камчатки и Аляски, вдвоем командующих всей северной частью Тихого океана. Камчатка с ее неисчислимыми естественными богатствами и незамерзающим Петропавловским рейдом оставлена втуне. Аляска же за ненужностью уступлена в 1867 году за 5 миллионов долларов американцам (и те открыли в бывшей русской Америке богатейшие золотые россыпи). Приобретение Приморья стратегически не возмещало утраты Аляски, а сооружение Владивостока не оправдывало пренебрежения Петропавловском.

В 1864 году завершено дело двух предыдущих царствований — закончена Кавказская война, в российскую корону окончательно вставлена прекраснейшая из ее жемчужин.

Главным великодержавным делом Александра II явилось завоевание Средней Азии — исполнение мечты Петра. Сухой путь в Индию не только был найден, но Россия стала на нем твердою ногою. 1862 год — овладение Семиречьем, 1865 год завоевание Сыр-Дарьинской

области, 1868 год — подчинение Бухары, 1873 год смирение Хивы, 1876 год — присоединение Ферганы, 1881 год — покорение Ахал-Текинского оазиса — являются блестящими этапами развития нашей государственности.

В 1870 году постылому Парижскому трактату нанесен первый удар. Воспользовавшись франко-германской войной, Горчаков аннулировал ту его унижительную статью, что воспрещала России содержать на Черном море флот. Однако мы и не подумали извлечь пользу из этого выгодного оборота дел. Семь лет было потеряно даром, и к 1877 году мы оказались по-прежнему без флота, что самым невыгодным образом повлияло на ход войны с Турцией. Флот является безошибочным критерием великодержавности данной страны, выразителем ее удельного веса в ряду мировых держав. Беглый обзор судостроительной программы дает всегда больше, чем кропотливый анализ дипломатических архивов. В 1878 году территориальные определения Парижского договора были отменены Берлинским конгрессом. Россия приобрела Каре и Батум и вернула Южную Бессарабию, правда, ценою жестокого дипломатического унижения, унижения тем большего, что она была победительницей.

В общем следует признать, что российская великодержавность в это царствование развивалась успешно, хоть и беспорядочно.

* * *

Военные преобразования Александра II мы можем разделить на два периода переходный домилютинский и основной милютинский. Первый период — частичные реформы в рамках старой николаевской армии, второй — создание армии нового типа.

Домилютинский период

Первые мероприятия нового царствования имели целью раньше всего облегчить ставшее непосильным для страны бремя военных расходов. Решено было произвести сокращение непомерно разросшейся вооруженной силы, увеличив в то же время ее боеспособность — пожертвовав в количестве, выиграть в качестве

Еще осенью 1855 года, после падения Севастополя, была учреждена Комиссия для улучшений по воинской части под председательством главнокомандующего гвардией и гренадерами генерала графа Ридигера. Старик Ридигер, лучший боевой генерал Императора Николая Павловича, сразу вошел в суть дела, усмотрев главное зло в чрезмерной централизации нашей военной системы, умерщвлявшей всякую инициативу. Ридигер наметил ряд мероприятий по децентрализации — в первую очередь, увеличение прав и ответственности командиров корпусов и дивизий, предоставление им возможно большей самостоятельности. Осуществить все эти мероприятия победителю Гергея не пришлось — он умер уже в 1856 году.

К 1 января 1856 года сухопутные силы России составили круглым числом 37000 офицеров и 2266000 нижних чинов, из коих 32 500 офицеров и 1 742000 нижних чинов регулярной армии. Во время войны, с 1853-го по 1855 год, было поставлено 866000 рекрут, призвано 215000 бессрочно отпускных, образовано наряду с 31 полевой пехотной дивизией еще 11 резервных пехотных дивизий и два корпуса Гвардейский резервный и Балтийский. (В регулярных войсках 32 530 офицеров, 1 742 342 нижних чина; в иррегулярных — 3640 офицеров, 168691 нижний чин; в ополчении — 647 офицеров, 364421 нижний чин. Рекрут поставлено 865762, отпускных призвано 215 197. Балтийский корпус состоял из 2-й пехотной и 2-й резервной дивизий).

Коронационным манифестом 1856 года Император Александр II отменил рекрутские наборы на три года. Одновременно срок действительной службы был с 19 лет сокращен на 15. В этом году уволено вчистую 69000 человек и в бессрочный отпуск 421000 (главным образом севастопольцев, которым месяц считался за год). Расформированы 4 резервные дивизии, а остальные 7 приведены в кадровый состав. Кроме того, распущено ополчение, не принесшее России в эту войну никакой пользы, и большая часть казачьих войск. Ополчение 1855 года стоило России дорого, оторвало от плуга 300000 человек, которые не только не принесли на войне решительно никакой пользы, но были бременем для армии и государства.

В августе и ноябре 1855 года прибыли в Крым дружины ополчения Курской, Орловской, Калужской и Тульской губерний, а к началу марта следующего года половина их уже лежала в госпиталях, одержимая лихорадками и тифозными горячками, и между ними открылась страшная смертность...

Ополчение представляло беспорядочную толпу мужиков, которых нельзя было употребить в дело против образованных европейских войск (Затлер). С 2 300000 вооруженные силы сведены на 1 300000.

В последующие годы приступлено было к дальнейшему сокращению этой бюджетной цифры. Новых наборов не производилось, выслужившие срок увольнялись. В 1859 году снова отменены наборы на три года. В этом году, однако, призвана часть бессрочных для приведения в боевое положение 4 корпусов на австрийской границе (Австрия вела тяжелую войну с Францией в Италии, и мы брали реванш за неудачную Дунайскую кампанию 1854 года). Срок службы в том же 1859 году вновь сокращен с 15 лет на 12.

В результате к 1862 году армия мирного времени составила 800000 человек в три раза меньше росписи 1856 года и в полтора раза меньше штатов мирного времени предыдущего царствования. Средний возраст солдата был около 35 лет моложе 27 лет людей вообще не было, так как наборов не производилось шесть лет. В 1856 году рекрутам определено иметь не свыше 30 лет (вместо прежнего предельного возраста — 35 лет).

Из штатов армии исключены упраздненные кантонисты и пахотные солдаты последние остатки поселений. Упразднено значительное количество местных команд.

В пехоте уменьшено число линейных батальонов (из 96 оставлено к 1862 году 62, но к концу царствования осталось лишь 34). В 1856 году пехотные полки приведены в 3-батальонный состав, 4-е, 5-е и 6-е батальоны названы резервными и сведены в упомянутые 7 резервных дивизий (кадрового состава). Кавказские полки оставлены по-прежнему в 5 батальонов.

Регулярная кавалерия сокращена вдвое. В 1856 году все полки сведены из 8-эскадронного в 4-эскадронный состав. Эскадроны были слабые — 12 рядов во взводе.

В артиллерии батареи с 12 орудий перешли на 8-орудийный состав, причем в мирное время запряжено было только 4 орудия. Все артиллерийские бригады были 4-батарейного состава (2-батарейные и 2 легкие батареи), а с 1863 года — всего в 3 батареи (2-батарейные и 1 легкая).

Для приведения всей армии на военное положение требовалось 6 месяцев.

Братья Государя получили высокие назначения. Великий князь Константин Николаевич¹⁶² был назначен генерал-адмиралом, великий князь Николай Николаевич — генерал-инспектором конницы, великий князь Михаил Николаевич генерал-фельдцейхмейстером, а после смерти генерала Ростовцева¹⁶³ (в 1861 году) и главным начальником военно-учебных заведений.

* * *

Наиболее ярким тактическим впечатлением только что минувшей войны было сознание превосходства неприятельского — английского — нарезного оружия. Поэтому в первую очередь решено было перевооружить войска.

В 1856 году при каждом пехотном батальоне была сформирована стрелковая рота сверх четырех линейных рот. Упразднено старое разделение на гренадерские и мушкетерские. Стрелковые роты имели свою отдельную нумерацию. При каждой дивизии, кроме того, был сформирован свой стрелковый батальон. Стрелковые батальоны дивизий и стрелковые роты батальонов имели нарезные винтовки. В 1856 году стрелков было уже 40 батальонов (вместо прежних 8), а в каждом пехотном полку было 3 стрелковые роты вместо прежней полуроты штуцерных. В 1860 году был введен новый строевой Устав, вводивший двухшереножный развернутый строй (названный стрелковым), вместо трехшереножного павловского Устава 1797 года. В 1862 году в пехоте считалось 38 дивизий силой от 9 до 21 батальона. 1 — 3-я гвардейские и 1 — 3-я гренадерские по 8 пехотных и 1 стрелковому батальону. 1 — 18-я пехотные по 1 стрелковому. Кавказская гренадерская, 19 — 21-я пехотные по 20 пехотных и

1 стрелковой, 22-я — из 9 стрелковых и 10 линейных батальонов, 23-я — из 11 линейных, 24-я — из 16 линейных батальонов. 1 — 7-я резервные дивизии были кадрового состава. Окончательно исчезли егеря, имена и традиции которых с 1833 года сохранялись в полках вторых бригад пехотных дивизий. Теперь эти полки были наименованы пехотными, как и в первых бригадах. Лейб-Гвардии Егерский полк — и тот был переименован в Лейб-Гвардии Гатчинский и носил это имя до 1870 года.

В кавалерии образовано 10 дивизий в 3 бригады по 2 полка одинакового подразделения и 4-эскадронного состава. В 1860 году кирасирские полки наименованы драгунскими, и кирасиры оставлены лишь в составе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (Кирасирский Ее Величества полк получил права Молодой гвардии). Когда в 1864 году полки получили нумерацию, бывшим кирасирским даны были четные драгунские номера 164.

В 1857–1859 годах вся пехота и вся конница были перевооружены нарезными винтовками, переделанными из прежних 6-линейных пистонных ружей образца 1843 года.

Артиллерия уже в 1860 году получила на вооружение легких батарей 4-фунтовую нарезную пушку. В том же году были упразднены артиллерийские дивизии — первый шаг к децентрализации войскового управления.

Центр тяжести всех намечавшихся преобразований заключался в этой общей децентрализации. Проведение ее оказалось делом многотрудным. Назначенный министром по уходе на покой в 1856 году фельдмаршала князя Чернышева генерал князь Долгорукий 1-й уже через несколько месяцев был заменен генералом Сухожанетом 165 2-м (брат известного начальника академии). Сухожанет 2-й пробыл военным министром с 1856 года по конец 1861 года. При всех своих хороших качествах строевого командира он не обладал, однако, достаточно широким кругозором и был несомненным рутинером, усвоив формы, но не будучи в состоянии проникнуться основной идеей намеченной Ридигером децентрализации. В конце 1861 года Сухожанет получил назначение в Польшу, а 9 ноября на его место был назначен генерал Милютин.

Милютинская эпоха

Человек в высшей степени просвещенный, гуманный и образованный, генерал Д. А. Милютин обладал выдающимися административными способностями. Его противники видели в нем кабинетного человека. Упрек по форме не совсем обоснованный Милютин обладал боевым опытом Кавказской войны, где был ранен и где в конце концов занимал должность начальника штаба Кавказской армии при князе Барятинском. По существу он был, безусловно, человеком кабинетного образа мыслей и бюрократической складки. Воспитанник частного гражданского пансиона и Московского университета, он, имея военный ум, не имел военной души, военного сердца, строевой жилки. Благодаря этому ему не удалось стать вторым Румянцевым, а сообщенный им русской армии нестроевой уклад не принес ей счастья.

Милютин посмотрел на дело преобразования армии очень широко, расширив и углубив идеи Ридигера.

В ноябре состоялось его назначение, а через два месяца, 15 января 1862 года, он представил Государю свой знаменитый доклад, имевший последствием коренное преобразование всей военной системы России.

Отметив весь вред, принесенный войскам чрезвычайной централизацией их управления, Милютин предложил упразднить все высшие строевые инстанции — штаб 1-й армии и корпуса. Мотивировал он эту реформу тем, что, как показал опыт последних войн, корпуса в силу своей громоздкости (3 дивизии по 16 батальонов) все равно никогда не применялись в полном составе на театре войны и из войск всегда приходилось составлять отряды, сила которых соответствовала поставленной им цели. Таким образом язву нашей военной системы — отрядоманию Милютин делал нормальным порядком вещей! Вот текст милютинской записки:

Прежнее устройство отличалось крайней централизацией, которая уничтожала всякую инициативу административных органов, стесняла их мелочной опекой высших властей...

Такая же централизация со всеми ее вредными последствиями была развита и в строевых управлениях войск, где недостаток инициативы в частных начальниках, в особенности в военное время, проявлялся уже не раз и приводил к самым печальным результатам. Войска и в мирное время оставались соединенными в дивизии, корпуса и армии и, таким образом, содержались все штабы — от дивизионных до главного штаба армии включительно. Хотя такой системе и приписывалась та выгода, что в случае приведения на военное положение армия имела уже готовые штабы и войска выступали в поход под начальством знавших их и знакомых им начальников, однако эти выгоды не вполне осуществлялись. На практике весьма редко случалось, чтобы не только армии, но даже и корпуса действовали на театре войны совокупно в нормальном своем составе мирного времени. Гораздо чаще, по разным стратегическим соображениям, на самом театре войны формировались отряды из войск разных корпусов, для которых учреждались отрядные штабы. Так в войну 1853–1855 годов ни один корпус действовавшей армии не остался в полном своем составе. Вообще же опыт нескольких последних войн указал, что наши корпуса представляют слишком громоздкие тактические единицы для постоянного употребления на театре войны в целом их сосредоточении.

Высшим административным соединением мирного времени Милютин полагал иметь дивизию.

Децентрализацию он решил начать с Военного министерства, сохранив за ним лишь общее направление и контроль и возложив всю исполнительную часть на особые местные органы — военные округа. Военный округ должен был явиться связующим звеном между центром и войсками. Начальник его — командующий войсками — имел права командира отдельного корпуса (командующего армией) и сочетал в себе также обязанности военного генерал-губернатора и начальника внутренней стражи. Это существенная часть записки и существенная часть произведенной на ее основании реформы.

Переходя к устройству войск, Милютин подчеркнул ту аномалию, что Россия, содержа в мирное время вдвое, а то и втрое больше войск, чем первоклассные европейские державы — Пруссия, Австрия и Франция, в военное время еле выставляет столько же войск, сколько каждая из этих держав. В мирное время у нас 766000 человек, по штатам военного времени определено иметь — 1 377000. Разница между штатами мирного и военного времени составляет 611000 человек, но ее нечем заполнить. Обученного запаса (бессрочных) имеется всего 242000, после того как значительное количество было вновь поставлено под знамена в 1859 году. Остальные 369000 будут, таким образом, необученные рекруты. В действительности мобилизованная армия сможет составить только 769000 бойцов то есть столько, сколько выставляют Пруссия и Австрия — государства, уступающие России своими ресурсами во много раз.

Для искоренения этих опасных недочетов Милютин решил обратить особенное внимание на организацию запаса армии, накопление резервов и сокращение числа нестроевых. В этой последней области он наметил упразднение корпуса Внутренней стражи и сокращение местных войск.

* * *

В том же 1862 году приступлено к постепенному расформированию всех существовавших корпусов (Гвардейского, Гренадерского, I–IV пехотных, Кавказского, I–II кавалерийских). И осенью образовано четыре военных округа — Виленский, Варшавский, Киевский и Одесский. Польский мятеж 1863 года временно приостановил военно-административную реформу, но уже в следующем, 1864 году учреждены округа Финляндский, Санкт-Петербургский, Рижский, Московский, Казанский и Харьковский — и вся Европейская Россия включена в военно-окружную систему. В 1865 году образованы Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский округа, а в 1867 году в только что завоеванной Средней Азии — Туркестанский (создание округов шло, таким образом, с запада на восток, и в первую очередь были устроены пограничные).

Одновременно с упразднением корпусов в пехоте упразднены бригады. Командир

дивизии (переименованный в начальника дивизии) имел лишь одного помощника начальника дивизии, в гвардии — состоящего при начальнике дивизии). Количество пехотных генералов было этим сокращено на треть.

Объявленный в январе 1863 года первый за семь лет рекрутский набор послужил сигналом к польскому мятежу. Этот последний вызвал резкий конфликт с Англией, Францией и Австрией — и в предвидении войны армия была приведена на военное положение.

Было образовано 19 новых дивизий — с 22-й по 40-ю. Запасные батальоны пехотных полков составили резервные полки соответствующих пехотных полков, уже осенью получили собственные наименования. В 22-й дивизии полки образованы из финляндских линейных батальонов. Прежние 23-я и 24-я дивизии (на Оренбургской линии и в Сибири) упразднены, и новые дивизии этого номера образованы в Санкт-Петербургском округе. Большинству из новообразованных полков (65 из 76) пожалованы по наследству георгиевские знамена, и всем даны знаки отличия и старшинство полков, из коих они были развернуты, либо упраздненных в 1833 году егерских. К 1 января 1864 года в армии считалось 1 137 000 человек. Гвардейские и гренадерские полки были тоже приведены в 3-батальонный состав, и сформированы крепостные войска:

8 полков крепостной пехоты. Крепостная артиллерия сведена в 5 батальонов и 19 отдельных рот. Все пехотные и кавалерийские полки получили нумерацию.

В 1864 году была произведена частичная демобилизация, но все новосформированные пехотные дивизии оставлены, и вооруженные силы России составили 31 700 офицеров и 905 000 нижних чинов. Численность их затем еще более сократилась благодаря сравнительно слабым наборам, интенсивным увольнениям в запас и сокращению в 1868 году срока службы с 12 на 10 лет. В 1870 году уже было всего 24 800 офицеров и 683 000 нижних чина. С 1871 года стали производиться сильные (по 130–150 тысяч) наборы — и уже в 1871 году в армии было 734 000 нижних чинов.

Шестидесятые годы ознаменовались еще другой реформой — военно-учебной.

Воспитанный в частном пансионе, не имевший солдатского сердца, Милютин видел в военно-учебном деле лишь одну сторону — образовательную. Но он прошел мимо другой, главной, стороны — воспитательной, совершенно ее не заметив. Он думал, что штатский гувернер вполне заменит офицера-воспитателя, и не понимал всей важности быть смолоду и всей душой в строю.

В 1863 году последовал полный разгром кадетских корпусов. Из 17 оставлено 2 — Пажеский и Финляндский. Остальные преобразованы: 12 — в военные гимназии, а 3 — в пехотные военные училища — Павловское, Константиновское в Петербурге и Александровское в Москве. В эти военные училища были соединены специальные классы упраздненных корпусов. Военные гимназии были заведениями с чисто гражданским укладом жизни: в них отменены строевые занятия, роты названы возрастами, упразднены звания фельдфебелей и вице-унтер-офицеров. Офицеры-воспитатели в значительной степени заменены штатскими.

Милютин показал себя в этой неудачной реформе плохим психологом. В прекрасных николаевских корпусах (где один воспитатель приходился на трех кадет) учили не многим хуже, а воспитывали гораздо лучше, чем в гражданских учебных заведениях. Из них выходили цельные натуры, твердые характеры, горячие сердца с ясным, твердым и трезвым взглядом на жизнь и службу. В эпоху разложения общества, какой явились 60-е и 70-е годы, ими, старыми корпусами с их славными традициями, надо было особенно дорожить. В корпусах воинский дух развивался смолоду. В военных гимназиях же штатские воспитатели стали развивать в питомцах тягу в университет. Те же, кто попадал в училища, представляли совершенно сырой, необученный материал. От всего этого армия только проигрывала.

Военные училища покрывали своими выпусками немногим более трети ежегодной потребности армии в офицерах. Большую часть офицерского состава давали производства из юнкеров, наименованных Милютиным вольноопределяющимися. Звание юнкера с 1864 года

было присвоено исключительно воспитанникам военных и юнкерских училищ. В гвардейских и кавказских полках, хранителях духа и традиций, еще в 80-х годах вольноопределяющихся продолжали называть юнкерами. Юнкера эти, по определению просвещенного нашего военного министра, коснели в невежестве, не получив никакого воспитания. Поэтому с 1864 года для их подготовки стали учреждаться окружные юнкерские училища при штабах округов с годичным курсом, выпускавшие в армию прапорщиков, тогда как военные училища с двухлетним курсом выпускали подпоручиков. Питомцы этих юнкерских училищ главная масса строевого армейского офицерства — по службе, как правило, далеко не шли. Юнкерские училища комплектовались как вольноопределяющимися, так и воспитанниками военных прогимназий с 4-классным курсом. Всего было учреждено 16 юнкерских училищ (11 пехотных, 2 кавалерийских, 2 смешанных и 1 казачье). Артиллерия и инженерные войска пополнялись исключительно из училищ.

В артиллерийских и инженерных училищах курс был трехлетний. Офицеры-артиллеристы инженерных войск имели за ученость оклады на чин выше сравнительно с офицерами пехоты и конницы. Ученый кант в специальных войсках (а не только в училищах) был алым и носился на воротниках. Оклады были лишь в 1900 году сравнены.

Военная академия, наименованная в 1856 году в память своего основателя Николаевской академией Генерального штаба, получила ряд преимуществ. В этом направлении особенно многое сделали генерал-адъютант Ростовцев — один из главных деятелей реформ Царя-Освободителя — и дежурный генерал штаба армии Герштенцвейг. В академию разрешено принимать неограниченное количество слушателей, должности адъютантов в войсковых и окружных штабах и управлениях были предоставлены исключительно офицерам Генерального штаба.

Сам Главный штаб, однако, был поставлен Милютиным в полнейшую подчиненность Военному министерству, превращен в один из министерских канцелярских столов. Мы можем видеть огромную разницу между германским Большим Генеральным штабом и нашим Генеральным штабом. Германский реформатор Мольтке проводил реформу с точки зрения начальника Генерального штаба. Русский реформатор Милютин — с точки зрения военного министра. Отсюда независимое и с уклоном в сторону войск положение Генерального штаба в Германии, зависимое и с уклоном в сторону канцелярии положение такового в России.

В 1868 году Милютиным было составлено новое Положение о полевом управлении войск, заменившее старое, централизаторское Положение 1846 года. Оно поражает своим бюрократическим духом, преобладанием канцелярского элемента над собственно штабным и штабного над строевым. За все время существования русской армии здесь в первый раз ни словом не упомянуто о монархе. Зато с избытком упомянуто о министре: весь полевой штаб Действующей армии есть не что иное, как исполнительный орган Военного министерства — и все Положение клонится к тому, чтобы главнокомандующим был назначен военный министр. Те же идеи будет проводить впоследствии и генерал Сухомлинов¹⁶⁶.

Самая война ведется, согласно Положению, импровизированными каждый раз для данной цели отрядами. Если все наши Положения характеризовать лапидарными определениями, то к милютинскому подойдет определение канцелярско-отрядного. Бюрократическое управление войсками, импровизационное вождение войск. Все это дало Эски-Загру и три Плевны...

* * *

Венцом всех реформ явилось введение 1 января 1874 года всеобщей воинской повинности. Почва для этой реформы была подготовлена уже давно — с 19 февраля 1861 года ничто ей не препятствовало, но наше военное ведомство не торопилось с ее введением. Война 1870–1871 годов — победы вооруженного и организованного германского народа над полупрофессиональной армией ветеранов Второй империи и необученным ополчением юнЪй Третьей республики — заставили серьезно взяться за проведение этого насущного мероприятия. Слово повинность, к сожалению, сохранилось и в новом Уставе, согласно

которому военнообязанным являлся каждый русскоподданный, достигавший 21 года. Повинность вообще означает обязанность и притом неприятную (вексельное: повинен я заплатить). Оно не могло годиться в эпоху, когда понятие солдат стало именем общим и знаменитым. Общий срок службы определен в 15 лет: 6 — в строю, 9 — в запасе (на 36-м году жизни запасной увольнялся, таким образом, вчистую).

Устав о всеобщей воинской повинности предусматривал самые широкие льготы по семейному положению. Половина военнообязанных, подходивших под эти льготы, вообще сбрасывалась со счетов. Явке в воинские присутствия подлежала лишь другая половина, из коей в войска назначалось опять-таки менее половины, причем благодаря системе жеребьевки, под знамена далеко не всегда попадал физически лучший элемент. При этой системе обширные человеческие ресурсы России за сорок лет — с 1874-го по 1914 год — были использованы ниже посредственного. Военное ведомство оказалось не в состоянии их утилизировать, произвести их надлежащий отбор.

Исследователя этого Устава не может не поразить огромный размер льгот по образованию. Введя эти льготы, Милютин преследовал цель содействовать народному образованию — цель, конечно, благую. Однако при этой системе наиболее ценный в интеллектуальном отношении элемент хуже всего был использован (вольноопределяющиеся I разряда служили всего 6 месяцев — ясно, что из них могли получиться лишь посредственные прапорщики запаса).

Заимствовав от пруссаков форму идеи, Милютин не заимствовал ее духа. В Германии (а затем и во Франции) никто не имел права занимать казенной должности, и даже выборной, не имея чина или звания офицера или унтер-офицера запаса. Через ряды армии там пропускалось все наиболее ценное, что было в стране, и связь общества с армией была действительной и действенной. У нас поступили наоборот — никакого законодательства на этот счет не существовало, на связь армии с обществом не было обращено никакого внимания, ценные категории интеллектуального отбора нации были освобождены от призыва в войска либо служили заведомо недостаточный срок.

В общем же реформа 1874 года, при всей ее посредственности, представляет собою положительное явление исключительной важности. К сожалению, ее результаты не успели сказаться к моменту начала войны с Турцией. 1 ноября 1876 года при объявлении мобилизации в армии считалось 722000 нижних чинов, в запасе — всего 752000. Некомплект до штатов военного времени достигал 480000 (30 процентов), и его полностью не удалось заполнить призывом 1877 года и льготными казаками.

* * *

Значительная часть офицерского корпуса — из прежних юнкеров и новооткрытых юнкерских училищ, при всей своей доблести и верности долгу не могла за недостатком подготовки быть на высоте новой тактики, характеризовавшейся действием стрелковых цепей на широких фронтах, огнем скорострельного ружья и требовавшей быстрого использования обстановки и постоянного проявления частного почина. Невыгодные условия расквартирования войск препятствовали подготовке офицерского состава. Половина пехоты и свыше трех четвертей конницы еще стояли постоем у обывателей. Негде было устроить офицерские собрания и полковые библиотеки, нельзя было производить офицерских занятий.

Сила рутины линейного учения была велика. Рутинная эта владела еще очень многими старшими начальниками, и ее не могли искоренить половинчатые пехотные уставы 1860-го и 1874 годов. Линейные традиции игнорировали огонь. Новые уставы его недооценивали, считая огневой бой уделом лишь небольшой части пехоты — стрелков. Достаточно указать на то, что стрельбу стали спрашивать на смотрах лишь с 1871 года (собственного опыта при Инкермане и на Черной было недостаточно — потребовался расстрел прусской гвардии при Сен-Прива для убеждения в важности стрельбы). При наступлении в цепь разворачивались лишь стрелковые роты пехотных батальонов. Главная масса пехоты — линейные роты следовали в сомкнутом строю. Беглый огонь вела одна жидкая стрелковая цепь, сомкнутый

строй массы знал только один вид огня — залп. О производстве атаки в первый раз упоминается лишь в Уставе 1874 года.

В кавалерии сила рутины была еще сильнее. Генерал-инспектор великий князь Николай Николаевич-старший боролся с нею как мог, но не был в состоянии перевоспитать огромную часть старших начальников и штаб-офицеров. Его деятельность сказалась в улучшениях по строевой части. Боевая подготовка конницы оставляла желать лучшего. Ее руководители сделали ряд ложных выводов из опыта Восточной войны. Считалось, что роль кавалерии уменьшилась и что она должна отказаться от удара. Кабинетные кавалеристы приходили к таким выводам неукоснительно после каждой войны. Блестящая работа наших драгун при Башкадыкларе и Кюрюк-Дара и улан при Балаклаве доказывает скорее обратное. Впрочем, после Кацбаха и Фер-Шампенуаза мы имели Устав 1818 года.

Большое внимание обращено на казачьи войска. Роль казаков в армии после сокращения вдвое регулярной кавалерии вообще сильно повысилась. Приняты меры к подготовке офицерского состава и повышению тактического уровня казачьих частей. Этого думали достигнуть путем соединения регулярных и казачьих полков в одной дивизии. Казаки были недовольны этой реформой, считая, что их поместили на задворках русской конницы (их полки были четвертыми в дивизии). В 1875 году шестиполковые дивизии расформированы, и образовано 14 армейских кавалерийских дивизий в 4 полка (1-й драгунский, 2-й уланский, 3-й гусарский, 4-й казачий). В новой кавалерийской дивизии было, таким образом, 12 эскадронов и 6 сотен при 2 конных (или казачьих) батареях. Кроме того, образована 1-я Донская дивизия — тоже в 4 полка. В 1860 году Черноморское и Кавказское войска слиты в одно Кубанское войско. В том же году учреждено Амурское войско, а в 1867 году — Семиреченское.

В 1870 году стрелковые батальоны были отделены от пехотных дивизий и сведены по 4 в отдельные стрелковые бригады, непосредственно подчиненные военным округам. Было образовано 8 стрелковых бригад (Гвардейская, 1 — 6-я Кавказские и Туркестанская). В 1880 году образовано еще 2 (Закаспийская и Восточно-Сибирская), а в 1881 году — еще 2-я Восточно-Сибирская. Линейных батальонов оставлено 34: 7 кавказских батальонов, 17 туркестанских (4 бригады на стрелковом положении), 2 оренбургские, 4 западносибирских и 4 восточносибирских.

В 1874 году из пятых батальонов кавказских полков и линейцев сформирована новая, 41-я пехотная дивизия.

Артиллерия была усилена вдвое: в 1870 году сформированы 4 батареи, а в 1872 году все артиллерийские бригады были приведены из 4-батарейного в 6-батарейный состав, по-прежнему по 8 орудий в батарее.

В гвардейской артиллерии все пешие батареи были 9-фунтовые батарейные. В полевых бригадах — 3 батареи батарейные и 3 легкие 4-фунтовые. На Кавказе шестые батареи были 3-фунтовые горные. С 1872-го по 1876 год шестые батареи полевых бригад были вооружены картечницами Гатлинга (прототип пулемета), сданными потом в крепости. Картечницы эти были 6-ствольные, стрелявшие 6-линейными ружейными патронами, и могли давать до 360 выстрелов в минуту. Вес их на колесном лафете был около 18 пудов. Система — револьверная (питатель в виде барабана). Конные батареи имели 4-фунтовые пушки и были 6-орудийного состава.

Дальность выстрела орудий образца 1867 года (бывших на вооружении в 1877 1878 годах) была для 9-фунтовых батарейных 1500 сажень гранатой, 900 сажень шрапнелью; легких 4-фунтовых соответственно 1200 и 800 сажень; горных 3-фунтовых — 700 и 500 сажень. Название 9-фунтовые, 4-фунтовые и так далее, удержавшееся по старинке до самого введения скорострельной артиллерии, показывает, что сферические чугунные ядра для данного образца пушки весили, вернее, весили бы, так как ими давно уже не стреляли, 9 фунтов, 4 фунта и так далее. В действительности разрывной снаряд 9-фунтовой (42-линейной) пушки весил 27 фунтов, снаряд 4-фунтовой (34,2-линейной) легкой — 14 фунтов и 3-фунтовой (3-дюймовой) горной — 10 фунтов. Характерным является исчезновение из

полевой артиллерии орудий с крутой траекторией, сохранившихся лишь в крепостях.

Деятельность великого князя Михаила Николаевича как генерал-фельдцейхмейстера сказалась в полном объеме лишь при Александре III. В 60-х и 70-х годах все его время отнимала деятельность по должности наместника и главнокомандующего Кавказской армией. Артиллерия наша по-прежнему стреляла отлично как на полигонах, так и на полях Болгарии и в горах Закавказья.

Саперы еще в 1857 году были сведены в 3 бригады. В конце царствования их считалось 15,5 батальона (5 рот в батальоне). В 1864 году образовано 6 понтонных полубатальонов, развернутых в 1877–1878 годах в 8 батальонов. Мобилизация в 1876–1877 годах привела к образованию 4, затем 5 железнодорожных батальонов.

Австро-прусская война 1866 года показала всю важность скорозаряжающегося с казенной части ружья. В 1867 году на смену переделанным пистонным ружьям были введены игольчатые винтовки Карле того же 6-линейного калибра со скользящим затвором и бумажным патроном. Однако в скором времени выяснилось преимущество металлической гильзы — и уже в 1869 году значительная часть армии была перевооружена винтовкой Крнка с откидным затвором и никуда негодным экстрактором¹⁶⁷. Оба этих образца — Карле и Крнка — били на 2000 шагов, но дальность эта совершенно не была использована, прицелы были нарезаны лишь на 600 шагов в линейных ротах и на 1200 у унтер-офицеров и в стрелковых ротах. Радецкому на Шипке пришлось приказывать целить в верхушки деревьев! Эта враждебность к огню на дальние расстояния чрезвычайно характерна для нашей армии. В 1914 году наша полевая артиллерия вышла на мировую войну с предельным прицелом 130 (6,5 версты), тогда как орудия могли бить на 8,5 версты.

Правда, еще с 1876 года началось перевооружение армии превосходными 4-линейными винтовками Бердана: № 1 — с прицелом на 2100 и № 2 — на 2400 шагов. Однако к началу войны их получила едва треть войск — как раз те дивизии, что не были назначены в Действующую армию. Дальность полезного огня нашей пехоты в кампанию 1877 года была той же, что под Севастополем! Из 48 пехотных дивизий ружья Бердана имели 16, Крнка — 26, Карле — 6. Бердана имели гвардия, гренадеры, стрелковые бригады и 9 пехотных дивизий, Карле — пехотные дивизии Кавказского военного округа и все линейные батальоны. Остальные войска имели Крнку. В кавалерии обе шеренги драгун имели карабины Крнки, у гусар и улан — только вторая шеренга (первая имела пики). В период 1878–1879 годов все войска получили винтовку Бердана № 2.

Обмундирование войск в царствование Александра II подвергалось неоднократным изменениям. Государь любил мундир и умел его носить, как никто. Формы приближались то к прусским, то к французским образцам. Упразднены каски — их заменили шако¹⁶⁸ с плюмажем или султаном и кепи с широким цветным околышем (в гвардии и стрелковых частях — фуражки). Мундиры с лацканами были двубортные (а однобортные носились без лацканов). Только при Императоре Николае II в 1913 году появились однобортные мундиры с настежными лацканами; белые брюки оставлены летом. Внешний вид армии Царя-Освободителя в парадном обмундировании был прекрасен, и всех прекраснее был, конечно, сам Государь, с царственным величием соединявший чарующую непринужденность и обворожительную элегантность. Это был последний монарх-кавалер, умевший сообщать красоту всему, что его окружало.

Милютинская децентрализация скоро стала сказываться отрицательным образом. Штабы округов, которым приходилось вести зачастую 8 и 10 дивизиями пехоты и 2–4 — кавалерии, оказались перегруженными работой. Должность бригадного тоже оказалась далеко не такой лишней, как то думали вначале, в 1873 году ее пришлось восстановить, а в 1874 году восстановлен Гвардейский корпус. Рижский военный округ еще в 1870 году был присоединен к Санкт-Петербургскому.

В ноябре 1876 года при частичной мобилизации армии сформировано 7 корпусов (VII–XII) и Кавказский по 2 пехотных и 1 кавалерийской дивизии в каждом. Кавказский корпус — в двойном составе: 4 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Корпуса названы не пехотными,

как прежде, а армейскими. В феврале 1877 года, накануне войны, образовано еще 9 (Гренадерские, I–VI, XIII и XIV). Во время войны было сформировано еще 18 резервных пехотных дивизий (4 — в 1877 году и 14 — в 1878 году — в предвидении войны с Австро-Венгрией) и 2 крепостные. 3,5 резервных дивизий прибыли весной 1878 года в Болгарию. Всего в эту войну было мобилизовано 39 300 офицеров, 13 800 чиновников и 1 626 000 нижних чинов.

В 1878 году сформирован II Кавказский корпус, а в 1879 году образован XV армейский корпус, а все резервные дивизии упразднены. В том же 1879 году все пехотные полки приведены в 4-батальонный состав путем упразднения стрелковых рот. 1-я и 3-я стрелковые роты переименовывались в 13-ю — 15-ю роты, вновь формировалась 16-я, и все вместе образовывали 4-й батальон. В гвардии это было произведено уже в 1874 году.

По росписи 1880 года, в последний год царствования, в армии считалось 32 000 офицеров и 894 000 нижних чинов. Из высших тактических соединений имелось 19 корпусов (в 2 и 3 дивизии), 48 пехотных и 20 кавалерийских дивизий. Пехота: 1–3 гвардейские, 1–3 и Кавказская гренадерские дивизии, 1 — 41 пехотные дивизии. Конница: 1–2 гвардейские, 1 — 14 армейские кавалерийские дивизии, 1-я Донская, Кавказская драгунская и 1–2 Кавказские драгунские и 1–2 Кавказские казачьи дивизии.

* * *

Русская военная мысль продолжала находиться под гипнозом рационалистических прусско-германских доктрин. Поклонение пруссачине изменило только свои формы, идеал потсдамской кордегардии сменился научной методологией Большого Генерального штаба. Преклонение перед фухтелями Старого Фрица сменилось преклонением перед методами Великого Молчалика.

Эти методы Мольтке¹⁶⁹, крупнейшей военно-научной величины второй половины XIX века, стали всецело владеть умами. Величайший рационалист военного дела, действовавший в подходящей для себя обстановке прусской армии-машины, Мольтке добился замечательных результатов в 1866-м и 1870 годах. У нас его безоговорочно признали мировым авторитетом. В то время, как французы, оправившись от разгрома, стали изучать Наполеона (прилежным, хоть и не всегда понятливым, учеником которого был и Мольтке), у нас вместо того, чтоб изучать Румянцева и Суворова, стали изучать Мольтке. Была допущена роковая ошибка — русская военная мысль окончательно оставлена в иностранном плену. Методы русской стратегии стали несамостоятельными и, как неизбежное следствие несамостоятельности, посредственными, трафаретными. Последствия чудовищной недооценки национального естества военного искусства и преобладающего значения национального элемента в военной науке сказались затем на полях Болгарии, Маньчжурии, Пруссии и Галиции...

Со всем этим заслуги Милютина как военного ученого весьма велики. Он явился родоначальником современной русской военно-научной литературы и пробил первую брешь в рутине. До Милютина была военная схоластика, после Милютина стала военная наука, правда, со схоластическим уклоном.

В деятельности этого преобразователя необходимо все время различать две стороны; военно-научную и военно-административную. В первой из указанных областей творчество Милютина было благотворно — он сдвинул военную науку с мертвой точки, создал благоприятные условия для ее развития. В области же административной его деятельность следует признать отрицательной — Милютину так же не хватало Румянцева, как впоследствии Куропаткину¹⁷⁰ не хватало Скобелева.

Положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно (и создали ему ореол благодетельного гения русской армии). Отрицательные же результаты выявились лишь постепенно, десятилетия спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходе Милютина. Военно-окружная система внесла разноречивую в подготовку войск (каждый командующий учил войска по-своему). Положение 1868 года вносило в долевое управление войск хаос импровизации, узаконило отрядную систему. Однако все эти недочеты бледнеют

перед главным и основным пороком деятельности Милютин — у гашением воинского духа.

Милютин бюрократизировал всю русскую армию сверху донизу. Во всех уставах и положениях он провел преобладание штабного (с канцелярским уклоном) элемента над строевым, подчинение строевых начальников штабам и управлениям. В армии Мольтке начальник штаба дивизии был обычно в чине майора, корпуса подполковник, самое большое полковник. У нас — на 2 чина выше. Германский начальник штаба дивизии считал за честь получить батальон, у нас он считал себя обойденным, получая полк. Борьба со строевым духом сказывается и в мелочах. Командиры дивизий переименованы в начальников, отменено распоряжение носить орден святого Георгия выше всех прочих орденов. Военному организму был привит невоенный дух... Это катастрофическое снижение духа, моральное оскудение бюрократизированной армии не успело сказаться в ощутительной степени в 1877–1878 годах, но приняло грозные размеры в 1904–1905 годах, катастрофические — в 1914–1917 годах.

Но уже в ту эпоху ломки старых традиций, канцелярской нивелировки и просвещенного рационализма номерных полков раздался предостерегающий голос. Из рядов армии, из первого ее ряда, выступил защитник погрязших духовных ценностей. Это был первый кавалер георгиевской звезды нового царствования, сокрушитель Шамиля, фельдмаршал князь Барятинский. Суровый воин, солдат Божией милостью, он своим внутренним оком (как сказал бы Румянцев) угадывал беды, которые несет родной армии новый, нестроевой, уклад жизни, чувствовал всю опасность угашения духа, осуществляемого его бывшим начальником штаба.

Боевой дух армии, — писал он Государю, — необходимо исчезнет, если административное начало, только содействующее, начнет преобладать над началом, составляющим честь и славу воинской службы. Фельдмаршал подверг обстоятельной критике милютинское Положение о полевом управлении войсками, указывая на его бюрократический характер.

Приведем существенную часть этой пророческой записки. Зачем учреждения военного времени истекают у нас из учреждений мирных? — спрашивает Барятинский. — Так как армия существует для войны, то и выводы должны быть обратными. Между тем новое военное Положение вышло из нынешнего мирного, послужив ему основанием, рамой. На военный Устав 46 года никто не жаловался, напротив, военными людьми всего света он признан за совершенство. Фельдмаршал находил в новом Положении унижение воинского начала перед административным, основанном у нас теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительном чувстве взаимного недоверия, не свойственном военному духу...

От военного министра не требуется боевых качеств; он должен быть хорошим администратором. Оттого у нас он чаще назначается из людей, не известных армии, в военном деле мало или вовсе опыта не имеющих, а иногда не только в военное, но и в мирное время никогда солдатами не командовавших. Впрочем, неудобств от этого быть не может, если военный министр строго ограничивается установленным для него кругом действий. Вождь армии избирается по другому началу. Он должен быть известен войску и Отечеству своей доблестью и опытом... Новое Положение умаляет власть и должность главнокомандующего, поставленного в полную зависимость от центрального военного управления, получившего значение гофкригсрата... Управление армией понижено в значении, начальник штаба поставлен в зависимость вредную и небывалую от военного министра...

Армия на войне подобна кораблю на океане, снаряженному сообразно указанной ему цели; он заключает в самом себе все средства существования и успешности. Как корабль, армия составляет независимое целое, доверенное главнокомандующему на тех же основаниях самостоятельной отдельности, как корабль отдается капитану, посылаемому вокруг света. В этом уподоблении заключается та непогрешимая и священная истина, которая до сих пор служила основой нашего устройства на войне. При составлении нового

Положения военному министерству следовало прежде всего оградить эту основу от всяких посягательств. Вместо того в задачу составителям Положения поставлено было сохранить прежде всего неприкосновенность отношений, установленных для мирного времени между министром и армиею. Значит, с самого же начала нарушено было должное отношение между главными сторонами дела. Нельзя применять во что бы ни стало незыблемое к условному.

К несчастью, вера в научный авторитет Милютин взял верх у Государя над привязанностью к другу детства, медаль академии наук перевесила георгиевскую звезду. И. милютинское Положение 1868 года было оставлено, пока не захлебнулось в крови Третьей Плевны... Румянцевская школа дала нам в административном отношении Потемкина, в полководческом — Суворова. Милютинская школа смогла дать лишь Сухомлинова и Куропаткина.

Семена просвещенного, но бездушного рационализма — Зубы Дракона, посеянные в шестидесятых годах, дали всходы маньчжурского гаоляна и безотрадных полей Мировой войны. Исследуя бюрократию Сухомлинова, полководчество Куропаткина и Жилинского¹⁷¹, сдачу Ключева¹⁷² и Бобыря¹⁷³, дезертирство Благовещенского и Мышлаевского¹⁷⁴, мы всегда наткнемся на первоисточник зла — на то оскудение духа, что явилось результатом уклада, сообщенного армии графом Димитрием Алексеевичем Милютиным.

Польское восстание 1863 года

Либеральные устремления правительства Императора Александра II сказались в отношении Царства Польского широкой амнистией всем ссыльным и эмигрантам 1831 года. Взамен ушедшего на покой престарелого князя Варшавского генерал-губернатором был назначен князь М. Д. Горчаков. Должности губернаторов замещались людьми мягкими, либеральной складки.

Поляки проявили всегдашнюю свою психологическую ошибку. Снисходительность русских Властей они приписали просто слабости России. Гражданский генерал-губернатор маркиз Велепольский вырывал у одряхлевшего Горчакова уступку за уступкой, тогда как профессор законовения Николаевской академии Генерального штаба Спасович утверждал, что огромное государственное тело России не может существовать и должно быть расчленено... Вернувшиеся на ойчизну революционеры вновь принялись за конспирацию, образуя кадры будущих повстанцев и создавая всеобщую уверенность в том, что восстание будет немедленно поддержано вооруженным вмешательством Франции, Англии и Австрии.

Был открыт сильный низовой террор. Убивали русских солдат, чиновников, еще более гибли при этом случайных жертв — мирных поляков. За 1859–1863 годы совершено свыше 5000 убийств. Назначенный после смерти Горчакова наместником в Варшаву великий князь Константин Николаевич избегал крутых мер, и положение русских в крае с каждым месяцем становилось все более тяжелым. Во время католического праздника Тела Господня в Варшаве, Вильне, Гродно и иных городах вызывались для отдания процессии воинских почестей русские караулы. Фанатизированные участники, особенно женщины, проходя мимо караула, норовили плюнуть в щеклентых москалей. И оплеванные солдаты продолжали безмолвно держать на караул своим оскорбителям. Эти случаи и множество им сходственных показывают как условия службы в польских городах, так и изумительную выдержку наших войск, ни разу не позволивших себе насилий над жителями. К началу восстания в Варшавском округе было 6 пехотных дивизий (3-я гвардейская, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я) и 3 кавалерийских (2-я, 3-я и 7-я). В 1862 году в Варшаву переведена из-под Петербурга 3-я гвардейская дивизия.

В декабре 1862 года состоялся съезд Ржонда Народева, на котором решено было перейти к решительным действиям. Назначенный на январь 1863 года рекрутский набор должен был послужить сигналом к восстанию. На левом берегу Вислы восстанием должен был руководить Лангевич¹⁷⁵, на правом Левандовский, в Литве — Сераковский¹⁷⁶ (все офицеры русской службы). Главное руководство принял на правах диктатора Мерославский, направлявший действия из Парижа.

Восстание вспыхнуло повсеместно 10 января. Великий князь, располагавший в Варшавском округе до 90000 войск, не сумел распорядиться ими, приказав очистить целый ряд важных населенных пунктов и стянув все свои силы в несколько больших отрядов. Вся тяжесть борьбы легла сперва на пограничную стражу (всего 3000 чинов), в начале совершенно неподдержанную войсками. Южная и западная границы Варшавского округа были благодаря этому открыты для ввоза оружия (льежских штуцеров) повстанцам. Эти последние, организовав большое количество отрядов в лесах (по ясу), повели оживленную партизанскую борьбу.

Диктатор Мерославский, прибыв в конце января из Парижа, был через несколько дней разбит у Троячинцев отрядом полковника Шильдер-Шульднера¹⁷⁷ и должен был бежать обратно за границу. Движение возглавил Ланге-вич, собравший под Сандомиром отряд до 4000 и пытавшийся перенести действия под Кельцы. Однако 12 февраля он был разгромлен под Малочинцами, потеряв 2600 человек (большей частью разбежавшимися). Остатки этого отряда были ликвидированы в конце февраля полковником Ченгеры, и сам Лангевич 9 марта перешел австрийскую границу.

Из оставшихся на левом берегу Вислы отрядов самым значительным был отряд старика Чаховского (бывшего адъютанта Дембинского), свирепого ненавистника москалей, замучившего башибузукскими пытками попадавших в его руки русских раненых. Собрав до 2000 партизан, Чаховский держался еще 3 месяца, и остатки его разбитого отряда перешли в Австрию лишь 30 мая.

Объявленная повстанцам 31 марта всеобщая амнистия успеха не имела. Левобережная Польша продолжала волноваться — и туда в марте двинуты 10-я пехотная дивизия и отряд 1-й гвардейской дивизии; 2-я гвардейская пехотная дивизия подавляла мятеж в правобережной Польше. На правом берегу, в областях с преобладающим русским населением, восстание успеха не имело. В Литве разбиты отряды Рогинского (5000) и самого возглавителя повстанцев — Сераковского (3000), причем Сераковский 28 апреля был захвачен. Новый виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев¹⁷⁸ в мае окончательно усмирив Северо-Западный край — его быстрые и решительные мероприятия были поддержаны всем русско-литовским населением. Польские эмигранты и русские революционеры кричали на всю Европу о зверствах Муравьева. Муравьев казнил лишь террористов, захваченных на месте преступления, либо повстанцев, уличенных в зверстве над русскими ранеными (об этих зверствах поляки и герценовский Колокол тщательно умалчивали, хотя для Европы русская кровь никогда никакой ценности не представляла). Муравьевым в Вильне было казнено 40 человек, убивших вдесятеро больше людей, по большей части мирных жителей. Когда через 60 лет Вильна отошла к Польше, Виленский окружной суд в период с 1926 года по 1933 год, в мирное время, приговорил к смертной казни 100 человек, частью за шпионаж, частью за уголовные преступления, за которые по русскому законодательству смертной казни не полагалось. Никто о варварстве не кричал. Политика Муравьева сводилась к ограждению человеческих прав русского населения Северо-Западного края от насильственной полонизации, жертвами которой в XVII веке стали тысячи русских людей, сожженных на кострах святой инквизиции либо зарытых живьем в виленских катакомбах. По усмирении Северо-Западного края из Виленского округа было двинуто в Варшавский еще 2 дивизии (2-я и 8-я пехотные).

К лету в Царстве Польском находилось 163000 сабель и штыков — 14 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, приведенных на военное положение ввиду враждебного отношения Западной Европы и Австрии. В апреле-мае происходили дела с перешедшими границу познанскими отрядами, получившими военную подготовку в прусской армии (через галицийскую границу повстанцы получали гораздо меньше помощи — Верхняя Висла строго наблюдалась). Познанские повстанцы были разбиты генералом Костанда. Летом особенное оживление наблюдалось в районе Ивангородском, где оперировал атаман Крук, разбивший 27 июля русский отряд в Жиржинском лесу, но сам разбитый генералом Емановым 12 августа при Фойславицах.

Осенью на место великого князя генерал-губернатором был назначен энергичный граф Берг. Повстанце быстро пошло на убыль. Изверившись в интервенции, вожди пробирались за границу, их партизаны расходились по домам. Зимой 1863-го на 1864 год стычки происходили все реже и реже. 29 марта 1864 года удалось захватить весь Ржонд Народовы, что ознаменовало собой конец повстания.

* * *

Повстанце 1863 года своим масштабом уступает инсурекции 1794 года, не говоря уж о кровопролитной русско-польской войне при Николае I. Его скорее всего можно сравнить с конфедерацией 1768–1772 годов. Польской армии давно уже не существовало, партизанские отряды состояли из людей, не получивших никакой военной подготовки, вооруженных чем попало (главным образом косами и охотничьими ружьями) и возглавленных несведущими в тактике начальниками. Артиллерии у них не было никакой, и при встречах с русскими войсками повстанцы несли урон, как правило, в десять раз сильнееший. Так, например, у местечка Венгров 22 января 1863 года образовалось скопище около 4000 поляков, которое было разогнано нашим отрядом в 3 роты, 3 эскадрона и 6 орудий. Потери поляков — около 200 человек, в войсках 4 ранено. У местечка Семятичи 25–26 января поляков до 5000, наш отряд — 7 рот, сотня казаков и 4 орудия. Поляки разогнаны с большими потерями, наш урон — 3 убитых и 13 раненых; у Малогощ 12 февраля поляков до 7000, наших войск 9 рот, около 2 эскадронов кавалерии и 4 орудия, урон поляков до 800 человек, войска потеряли 6 раненых и так далее.

За 1863 год отмечено 547 дел (боев, стычек, перестрелок), за 1864 год — 84 дела. Повстанцев перебито свыше 30000. Русские потери — свыше 3000, примерно 2 процента всех действовавших сил (826 убитых, 2169 раненых, 348 пропавших без вести) и могут сравниться с таковыми же в Венгерскую кампанию. Боевых отличий воинским частям за усмирение этого мятежа не жаловалось. Царство Польское было наименовано Привислинским краем, последние остатки местной автономии упразднены, и польский элемент выведен из администрации.

Исследователь не может не отметить с чувством безгловости первое проявление в 1863 году русского пораженчества. Колокол, издававшийся в Лондоне Герценом и проводивший русофобскую политику Foreign office 'a179, призывал Европу к походу на ненавистную Россию. Всю Россию охватил сифилис патриотизма! — сокрушался Герцен, констатируя подъем духа, охвативший разные слои русского общества при наметившейся угрозе Запада. Следует оговориться, что сифилисом Герцен считал только русский патриотизм. Всякий другой — английский, французский, польский — он приветствовал, упрашивая иностранцев обратить гром и молнии на страну, бывшую ведь его родиной. Он подбодрял польских повстанцев истреблять проклятых русских офицеров, гнусных русских солдат и писал про русские войска те же небылицы, что и фридриховские газетирьы. Все это отвечало видам Foreign office 'a, и заветы Герцена потом были в разные эпохи продолжены Струве и Лениным. Все эти действовавшие на иностранные деньги светлые личности считались в глазах наивных и ничего не подозревавших интеллигентов борцами за высшие идеалы...

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ II:

В 1856 г. — Лейб-Гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк и 2-й стрелковый Царскосельский полк; 73-й пехотный Крымский и 76-й Кубанский полки; стрелковые полки: 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 10-й, 14-й, 15-й и 17-й; 2-й, 3-й и 4-й Кавказские стрелковые полки.

В 1863 г. — пехотные полки:

86-й Вильманстрандский, 87-й Нейшлотский, 88-й Петровский, 89-й Беломорский, 90-й Онежский, 91-й Двинский, 92-й Печорский, 93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 95-й Красноярский, 96-й Омский, 97-й Лифляндский, 98-й Юрьевский, 99-й Ивангородский, 100-й Островский, 101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский, 105-й Оренбургский, 106-й Уфимский, 107-й Троицкий, 108-й Саратовский, 109-й Волгский, 110-

й Камский, 111-й Донской, 112-й Уральский, 113-й Старорусский, 114-й Новоторжский, 115-й Вяземский, 116-й Малоярославский, 117-й Ярославский, 118-й Шуйский, 119-й Коломенский, 120-й Серпуховский, 121-й Пензенский, 122-й Тамбовский, 123-й Козловский, 124-й Воронежский, 125-й Курский, 126-й Рыльский, 127-й Старооскольский, 128-й Путивльский, 129-й Бессарабский, 130-й Херсонский, 131-й Тираспольский. 132-й Бендерский, 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керчь-Еникальский, 136-й Таганрогский, 137-й Нежинский, 138-й Волховский, 139-й Моршанский, 140-й Зарайский, 141-й Можайский, 142-й Звенигородский, 143-й Дорогобужский, 144-й Каширский, 145-й Новочеркасский, 146-й Царицынский, 147-й Самарский, 148-й Каспийский, 149-й Черноморский, 150-й Таманский, 151-й Пятигорский, 152-й Владикавказский, 153-й Бакинский, 154-й Дербентский, 155-й Кубинский, 156-й Елисаветпольский, 157-й Имеретинский, 158-й Кутаисский, 159-й Гурийский, 160-й Абхазский, 191-й Ларго-Кагульский (в 1863 г. Брест-Литовский крепостной полк, в 1878 г. — 50-й, 60-й и 76-й резервные батальоны, с 1891 г. Ларго-Кагульский полк), 199-й Кронштадтский и 200-й Кроншлотский (1863 г. Кронштадтский крепостной полк, с 1910 г. Кронштадтский и Кроншлотский полки). В 1864 г. — 19-й и 20-й стрелковые полки. В 1869 г. — 10-й и 13-й Туркестанские полки. В 1873 г. 17-й Туркестанский полк. В 1874 г. — пехотные полки: 161-й Александропольский, 162-й Ахалцыхский. 163-й Ленкоранско-Нашебургский, 164-й Закатальский, 11-й Туркестанский.

В 1875 г.

— 14-й и 15-й Туркестанские полки. В 1877–1878 гг. — сформированы резервные батальоны, развернутые затем (в 1891, 1898 и 1910 гг.) в полки: 165-й Луцкий (в 1878 г. — 16-й резервный батальон), 166-й Ровненский (в 1878 г. — 82-й резервный батальон), 167-й Острожский (41-й резервный батальон), 168-й Миргородский (в 1877 г. — Киевский местный батальон), 169-й Ново-Трокский (17-й резервный батальон), 170-й Молодечненский (61-й резервный батальон), 171-й Кобринский (20-й резервный батальон), 172-й Лидский (89-й резервный батальон), 173-й Каменецкий (27-й резервный батальон), 174-й Роменский (резервный батальон), 175-й Батуринский (35-й резервный батальон), 176-й Переволоченский (64-й резервный батальон), 177-й Изборский (13-й резервный батальон), 178-й Венденский (14-й резервный батальон), 179-й Усть-Двинский (резервный батальон), 180-й Виндавский (16-й резервный батальон), 181-й Варшавский (28-й резервный батальон), 182-й Гроховский (42-й резервный батальон), 183-й Пултусский (78-й резервный батальон), 184-й Остроленский (83-й резервный батальон), 188-й Карсский (Тифлисский местный батальон), 189-й Измаилский (60-й резервный батальон), 190-й Очаковский (50-й, 53-й резервные батальоны и Уфимский местный), 192-й Рымникский (76-й резервный батальон), 194-й Троицко-Сергиевский (Московский местный батальон), 195-й Оровайский (21-й и 22-й резервные батальоны), 197-й Лесной (23-й резервный батальон), 198-й Александро-Невский (1-й резервный батальон).

В 1880 г. — 4-й Сибирский стрелковый полк.

В 1856 г. — 15-й драгунский Переяславский и 18-й драгунский Северский полки.

Артиллерийские бригады: 23-я, 24-я, 28-я (в 1856 г.); 1-я Сибирская артиллерийская бригада (в 1858 г.); 41-я артиллерийская бригада (в 1861 г.); 22-я, 25-я, 26-я, 27-я, 29-я, 30-я, 31-я, 32-я, 33-я, 34-я, 35-я, 36-я, 37-я (в 1863 г.); 38-я, 39-я, 40-я (в 1864 г.), 1-я, 2-я, 3-я Туркестанские артиллерийские бригады (в 1865 г.).

Саперные батальоны: 1-й (в 1856 г.); 2-й, 7-й, 10-й (в 1864 г.); 2-й Кавказский (в 1865 г.); 1-й Туркестанский (в 1865 г.); 1-й Сибирский (в 1880 г.).

Понтонные батальоны: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й (в 1864 г. полубатальоны с 1878 г. батальоны); 1-й, 8-й батальоны (в 1878 г.).

Железнодорожные батальоны: 3-й (в 1876 г.); 2-й, 4-й (в 1877 г.); 1-й (в 1878 г.).

Военные училища: Александровское (в 1863 г.); Владимирское Санкт-Петербургское, Александровское Московское, Константиновское, Киевское, Михайловское Тифлисское, Виленское, Одесское, Чугуевское, Казанское, Иркутское — пехотные и Тверское и

Елисаветградское — кавалерийские (в 1864 г.). Кадетские корпуса: в 1858 г. — 3-й Московский, 2-й Оренбургский (прогимназия), Вольский (прогимназия), Ярославский (прогимназия) и Псковский, Тифлисский (в 1862 г.); Николаевский (в 1864 г.); Александровский и Сибирский (в 1873 г.). Военно-юридическая академия (в 1873 г.).

Война с Турцией 1877–1878 годов

Положение балканских христиан, лишенных Парижским миром покровительства России, ухудшалось с каждым годом. Рабство болгар сделалось особенно тяжким: в середине 60-х годов в Болгарии турецким правительством было поселено до 100000 свирепых черкесов, вымещавших на безоружной болгарской рае180 свою ненависть к изгнавшим их с Кавказа гяурам.

В 1875 году вспыхнуло восстание сербского населения Боснии и Герцеговины. Турки пытались подавить его страшными зверствами. Неоднократные представления России (Европа оставалась равнодушной) оставлялись без ответа Турцией, заручившейся моральной и материальной поддержкой европейских стран, в частности Англии. 20 июня 1876 года Сербия и Черногория, не будучи в силах созерцать гибель единоплеменников, объявили Турции войну. Эта война за правое дело вызвала большой подъем духа в русском обществе, нашла живейший отклик в благороднейших сердцах мира — русских сердцах. Семь тысяч русских добровольцев стало в сербские ряды (большой их части не суждено было возвратиться на родину). Во главе сербской армии стал туркестанский герой — генерал Черняев181.

Однако борьба была слишком неравной. Превосходство турок было подавляющим. Разгром сербской армии под Дьюнишем 17 октября открыл туркам дорогу на Белград, и Черняев телеграфировал князю Милану о безнадежности дальнейшего сопротивления. Русское правительство предприняло экстренные шаги, и уже 19 октября наш посол в Царьграде генерал-адъютант Игнатьев182 предъявил Порте ультиматум прекратить военные действия в 48-часовой срок, угрожая разрывом дипломатических сношений. Пораженная этой решительностью Турция подчинилась беспрекословно. Чтоб доказать непреклонность России и серьезность ее намерений. Император Александр II, которому суждено было вторично стать Царем-Освободителем, 1 ноября повелел произвести частичную мобилизацию русской армии.

В дело вмешались державы. Чувствуя за собой их поддержку, Турция мало-помалу стала повышать тон. На бумаге объявлялись скороспелые реформы, на деле зверства черкесов и башибузуков лишь усиливались. Злая воля Порты уже не подлежала сомнению. Конференция послов, собравшаяся в Константинополе 8 января 1877 года, окончилась безрезультатно. Тогда представители великих держав, собравшись в Лондоне, подписали 19 марта протокол, обязывавший Турцию заключить мир с Черногорией (Сербия уже вынуждена была заключить мир на условиях 81а1ц8 цию), распустить иррегулярные ополчения, ввести реформы. Но Турция отказалась принять Лондонский протокол, высокомерно потребовав демобилизации русской армии и невмешательства России во внутренние дела Османской империи. Черногория возобновила военные действия. Разрыв России с Турцией стал неизбежен. В предвидении его Турция потребовала от вассального ей Румынского княжества совместного участия в войне с Россией; однако Румыния предпочла стать на сторону сильнейшего из двух вероятных противников.

4 апреля между представителями русского и румынского командования была заключена конвенция о пропуске русских войск на территорию княжества, пользовании румынскими железными дорогами и устройстве в районе Бухареста главной базы действующей русской армии. Румынская армия (начавшая мобилизацию 6-го числа) должна была сосредоточиться у Калафата, защищая Малую Валахию и прикрывая правый фланг русского стратегического развертывания на Дунае. 12 апреля 1877 года последовал Высочайший манифест о войне с Турцией.

* * *

Частичная мобилизация 1 ноября 1876 года затронула 20 пехотных, 8 кавалерийских

дивизий, 3 стрелковые, 2 саперные бригады и льготные казачьи части. Для доведения этих войск до штатного состава военного времени было призвано 225000 запасных, 33000 льготных казаков, а по конской мобилизации поставлено 70000 лошадей. Из мобилизованных войск поведено составить 6 армейских корпусов и особый Кавказский. Корпуса эти были: VII князя Баркляя де Толли-Веймарна (15-я и 36-я пехотные, 7-я кавалерийская дивизии), VIII генерала Радецкого (9-я и 14-я пехотные, 8-я кавалерийская дивизии), которому была придана 4-я стрелковая бригада, IX барона Криднера¹⁸³ (5-я и 31-я пехотные, 9-я кавалерийская дивизии), X князя Воронцова¹⁸⁴ (13-я и 34-я пехотные, 10-я кавалерийская дивизии), XI князя Шаховского¹⁸⁵ (11-я и 32-я пехотные, 11-я кавалерийская дивизии), XII генерала Ванновского¹⁸⁶ (12-я и 33-я кавалерийская дивизии) — все в 2 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Кавказский корпус генерала Лорис-Меликова¹⁸⁷ был в двойном против прочих составе (Кавказская гренадерская, 19-я, 38-я и 39-я пехотные. Кавказская кавалерийская и казачья дивизии).

VIII, IX, XI и XII корпуса образовывали Действующую армию, VII и X назначались для охраны Черноморского побережья (результат гнетущего воспоминания о высадке союзников в Крыму). Общая численность мобилизованных войск простиралась до 390000 строевых, из них 130000 назначено в Действующую армию, 60000 — на Черноморское побережье, 40000 — на Кавказ. Внутри страны оставалось на мирном положении еще 730000. Иными словами, мобилизована лишь третья часть вооруженной силы, и из этой трети опять-таки третья часть назначена в главные силы — Действующую армию.

Ввиду слабости турецкой армии Милютин, а с ним и Главный штаб полагали возможным достигнуть решительных результатов без напряжения вооруженных сил России и находили достаточным для этого иметь на главном, Балканском театре войны всего 4 корпуса. Черпая всю свою информацию о противнике из случайных, непроверенных источников (главным образом иностранных газет), петербургские стратеги считали силы турок на Балканах около 200000, из коих против России могло быть использованным не свыше 80000. Донесения агентов представляли турецкую армию совершенно дезорганизованной.

В основу плана войны легли следующие соображения.

Превосходство турецкого флота на Черном море было подавляющим. Операционную линию надлежало поэтому удалить сколь можно от побережья, направив главный удар в Западную Болгарию. Первой целью кампании следовало поставить скорейшее занятие Румынии, дабы лишить турок возможности активной обороны первой естественной преграды — линии Дуная. Перейдя Дунай, оставить 1–2 корпуса (примерно треть всех сил) для наблюдения за сильными крепостями, а остальными 2–3 двинуться на Балканы и, преодолев эту вторую естественную преграду, идти на Константинополь — объект всего похода. Кавказскому корпусу надлежало отвлечь неприятельские силы от главного театра и овладеть Эрзерумом. Кампания 1829 года — забалканский маневр Дибича — в общих своих чертах продолжала служить русской стратегии трафаретом в 1877 году, как и в Восточную войну.

Между объявлением мобилизации и объявлением войны прошло свыше пяти месяцев. Корпуса Действующей армии были перевезены по железным дорогам в долину Днестра и расположились постоем у обывателей, частью в Бессарабии, частью в смежных уездах Подольской и Херсонской губерний (последствием скученности и антисанитарных условий этого постоя в войсках развился тиф). Главнокомандующим был назначен брат Государя великий князь Николай Николаевич-Старший, начальником штаба — генерал Непокойчицкий¹⁸⁸. Главная Квартира находилась в Кишиневе.

В феврале 1877 года у нас было образовано помимо уже имевшегося Гвардейского корпуса еще 9 армейских корпусов (Гренадерский, 1 — У1, XIII и XIV). Из них в марте и апреле мобилизовано и двинуто к Днепру три — IV генерала Зотова¹⁸⁹ (16-я и 30-я пехотные, 4-я кавалерийская дивизии), XIII генерала Гана¹⁹⁰ (1-я и 35-я пехотные, 13-я кавалерийская дивизии) и XIV генерала Циммермана¹⁹¹ (17-я и 18-я пехотные дивизии).

Сверх того 3 дивизии (20-я, 21-я и 41-я) мобилизованы на Кавказе. Таким образом к моменту объявления войны для действий против Турции было мобилизовано 530000 человек около половины вооруженных сил России: 25 пехотных и 9 кавалерийских дивизий.

Остальные 23 пехотных и 8 кавалерийских дивизий пока оставлены на мирном положении. В казачьих войсках было мобилизовано свыше двух третей всех частей и выставлено (помимо четвертых полков кавалерийских дивизий) еще 4 казачьи дивизии и 4 отдельные бригады.

Тем временем Турция тоже успела изготавиться, доведя свою армию до 450000 регулярных и 100000 иррегулярных войск. Вся пехота была снабжена превосходными винтовками Пибоди-Мартини, далеко превосходившими своими баллистическими качествами наши ружья Крнки, конница получила магазинные карабины Винчестера, а артиллерия — дальнбойные стальные крупновские орудия, правда, в небольшой сравнительно с пехотой пропорции. Из всех этих сил к моменту объявления войны на Балканах находилось 300000, из коих до 200000 могло быть привлечено к действиям против русских. Сердарь-экремом был назначен победитель при Дьюнише Абдул-Керим¹⁹². Ему указано придерживаться активно-оборонительного образа действий, сосредоточить главные силы в знаменитом четырехугольнике крепостей Рушук — Шумла — Базарджик — Силистрия, завлекать переправившихся русских к Балканам, в глубь Болгарии, и затем разгромить их, обрушившись на их левый фланг и сообщения. Одновременно с этим довольно значительные силы Османа-паши¹⁹³ были сосредоточены в Западной Болгарии, у Софии и Виддина, имея задачей наблюдение за Сербией и Румынией и воспрепятствование соединению русской армии с сербами. Кроме того, небольшие отряды занимали балканские проходы и укрепления по Среднему Дунаю.

* * *

Во исполнение плана кампании в русской Главной Квартире решено было по быстрому занятии Румынии переправиться через Дунай на участке Никополь Систов, а затем быстро наступать к главному из балканских проходов — Шипке, где перевалить через Балканы. Сознавая недостаточность наших сил, великий князь просил усилить Действующую армию двинутыми на Днестр IV, XIII и XIV корпусами, но в этом ему было отказано. Кабинетные стратеги полагали 8 дивизий вполне достаточным для сокрушения Турции, а все остальные силы хотели иметь в различных заслонах, презервах и наблюдательных отрядах.

12 апреля, в день объявления войны, наша армия перешла Прут четырьмя отрядными колоннами, соответствовавшими в общем четырем ее корпусам. По железной дороге (от Унген на Бухарест) перевозились лишь главные силы I корпуса, все остальные войска шли походным порядком: VIII и XII корпуса к Бухаресту, XI — к Браилову. Командир этого последнего, князь Шаховской, опасаясь выдвижения турок на Серег, выслал вперед лихого Стекова с 29-м Донским полком, который, пройдя 80 верст в 9 часов, к вечеру овладел Барбошским мостом — переправой через Серег. 13 апреля занят Галац, 14-го Браилов, и в устьях Серета устроены минные заграждения. Развертывание армии было обеспечено, и к 10 мая оно закончилось. Авангард — вся конница, 32-я пехотная дивизия и 4-я стрелковая бригада — стал по Дунаю от устья Ольты до Калараша, главные силы сосредоточились к югу от Бухареста (VIII, IX, XII корпуса) с целью подать туркам повод думать, что переправа намечена у Журжи. Главная Квартира находилась в Плоештах.

Ближайшей преградой явился Дунай, сильно в ту весну разлившийся. Турки имели на нем до 20 броненосцев, на которые сильно надеялись. Однако вместо того, чтобы сосредоточить их для действий в решительном пункте, они разбросали свои корабли по всему течению от Виддина до моря (по 1 или по 2), поставив их в подчинение комендантам крепостей. Обе стороны сооружали по Дунаю батареи. В перестрелках этих батарей друг с другом и с кораблями и лихих поисках наших минных катеров на турецкие броненосцы прошел весь апрель и весь май. 29 апреля нашей тяжелой артиллерией взорван у Браилова флагманский турецкий корвет Лютфи-Джелиль, погибший со всей командой. 14 мая минными катерами лейтенантов Шестакова и Дубасова потоплен монитор Хивзи Рахман.

Турецкая речная флотилия была расстроена, и значение ее сведено на нет нашими моряками, устроившими ряд заграждений и ставшими полными хозяевами на Нижнем Дунае.

В последних числах апреля по настоянию великого князя в состав Действующей армии были включены стоявшие на Днестре три корпуса: IV стал перевозиться по железной дороге к главным силам (но не смог сосредоточиться раньше конца июня), XIII и XIV, стоявшие ближе, двинуты походным порядком на Нижний Дунай сменить XI корпус (их сосредоточение на Дунае закончилось в последних числах мая).

Подход этих крупных русских сил на Нижний Дунай встревожил турок, ставших полагать, что русские собираются вторгнуться в Добруджу. Сераскириат предписал Абдул-Кериму передвинуть в Добруджу главные силы из четырехугольника. Турецкому главнокомандующему стоило большого труда добиться отмены этого предписания — он полагал, что русские переправятся на Среднем Дунае, между Рушуком и Виддином (как оно и случилось). Турки стали укреплять Никополь, Систов и Туртукай. Непрерывно меняя свои предположения, они все более подчинялись русской инициативе, разбросали свои усилия и перешли к чисто пассивной обороне линии Дуная. В середине июня у них было собрано для борьбы с Россией около 200000 человек при 450 орудиях (16000 — в Добрудже, 107000 — в четырехугольнике, 13000 — по Дунаю, 39000 Османа — у Виддина, 23000 — на Балканах и в остальной Болгарии). У нас собралось в Румынии до 185000 сабель и штыков при 846 орудиях. Румынская армия в свою очередь насчитывала 45000 бойцов и 150 орудий.

С конца мая Действующая армия стала усиленно готовиться к переходу Дуная. Выбор главнокомандующего пал на Фламунду — в 4 верстах ниже Никополя и в 10 верстах от устья Ольты, где исподволь были собраны все понтонные парки. Дунай здесь узок, и, кроме того, от Никополя исходила кратчайшая и наиболее удаленная от четырехугольника операционная линия. Сильный разлив Дуная задерживал переправу, последним сроком которой было назначено для XIV корпуса на Нижнем Дунае — 10-го, а главных сил у Фламунды — 13 июня.

На рассвете 10 июня части 18-й пехотной дивизии XIV корпуса с боем переправились от Галаца на Буджакские высоты. Высадилось 10 рот (Рязанского и Рязского полков) с 4 орудиями, с боем прошедших 12 верст. Турок было около 3000 с 2 орудиями. Наш урон составил 5 офицеров, 139 нижних чинов. Турецкие потери гораздо больше. 11-го был занят Мачин, 14-го — Тульча и 16-го Бабадаг. Турки очистили неверную Добруджу без боя, и в 20-х числах июня XIV корпус дошел до линии Черноводы — Констанца, где остановился и простоял без всякой пользы всю войну. Операция эта была совершенно бессмысленна: наша армия ослаблялась на целый корпус, запертый в северной Добрудже и попавший, кроме того, в рискованное положение, подвергаясь опасности разгрома со стороны главных сил неприятельской армии.

Тем временем великий князь Николай Николаевич, лично обрекогносцировав местность у Фламунды, пришел к заключению, что форсирование здесь Дуная повлечет к большим потерям, ибо турки догадались о нашем намерении и возвели на своем берегу сильные батареи. Главнокомандующий решил переправиться не у Фламунды, а от Зимницы на Снегов, и вечером 9 июня он секретно сообщил об этом командиру VIII корпуса генералу Радецкому, войска которого и должны были в ночь на 15-е начать переправу. Чтобы скрыть это намерение от противника, ведено начать бомбардирование Рушука и Никополя. Для сохранения же полной тайны частям VIII, XII и XIII корпусов было подтверждено приказание выступить к Фламунде, а уже находившемуся там барону Криденеру объявлено, что на войска IX корпуса выпадает честь переправиться во главе армии.

В действительности честь эта выпала на долю 14-й пехотной дивизии генерал-майора Драгомирова¹⁹⁴, получившего секретное предписание идти на Зимницу, где тем временем незаметно для турок и прибрежных жителей были сосредоточены понтоны. 14-го числа дивизия Драгомирова прибыла в Зимницу, и в ночь на 15 июня волынцы и минцы нашли свои георгиевские трубы на Систовских высотах. Приказ Драгомирова своей дивизии перед переправой можно считать образцовым. Войска были в зимних черных мундирах, чтоб

оставаться незамеченными в темноте (белый китель был у одного лишь Скобелева, пошедшего охотником). Первый эшелон высадился благополучно (первой перешла Дунай 3-я Волынская стрелковая рота капитана Фока), но начиная со второго эшелона, переправа происходила под жестоким огнем. Систовские кручи были свидетелями героической отваги командиров и порыва их войск. От полковника до рядового все проявили изумительную инициативу, организуя в кромешной тьме и под огнем боевые артели, по меткому выражению генерала Драгомирова, столь хорошо подготовившего свою дивизию. Наш урон:

320 офицеров, 780 нижних чинов убитых, раненых и утонувших. В Дунае погибло 2 орудия.

Немедленно вслед за 14-й дивизией на Зимницу — Систов был двинут весь VIII корпус, а за ним и XIII. Переправа совершалась на понтонах, паромах и пароходах. Бесстрашные саперы 5-го и 6-го батальонов провели по частям огромный плавающий мост из устья Ольты к Зимнице под огнем Никопольской крепости и броненосцев, и 21 июня мостовая переправа была готова.

* * *

Положение переправившихся войск на Систовском плацдарме было рискованное. Войска эти находились между двух огней, имея на левом фланге главную турецкую армию Абдул-Керима в четырехугольнике, а на правом — армию Османа в Виддине. Решено было, не дожидаясь переправы всей армии (на что требовалось не менее двух недель), поспешить расширением базы. За два месяца, что уже продолжалась кампания, не удалось собрать сколько-нибудь точных сведений о турках знали только, что главная их масса находится в четырехугольнике. Поэтому все внимание Главной Квартиры было обращено на левый фланг — восточную половину театра военных действий. Армии Османа особенного значения не придавали и полагали, что с ней управятся румыны (хотя и знали, что раньше начала августа румынская армия переправиться не сможет), а еще более надеялись на всесильное авось.

Действовать против главных турецких сил можно было двояким способом: 1) атаковать четырехугольник крепостей, 2) двинуться в обход его и овладеть балканскими проходами. Первое из этих решений в случае уклонения турок от боя могло привести к одновременному действию (осаде либо выделению сильных заслонов) против сильнейших крепостей Рушук, Силистрии и Шумлы. Второе отвечало плану войны, но требовало опять-таки выделения очень сильных заслонов против двух неприятельских армий. Сил же, особенно после бессмысленного выделения из армии XIV корпуса, было недостаточно, а великий князь не был Дибичем.

Тогда же было принято компромиссное, половинчатое решение: овладеть на правом фланге Никополем, на левом — Рушуком, расширить этим базу, выслать стратегический авангард для захвата важнейшего из балканских проходов — Шипки (подняв заодно на борьбу болгар), а затем действовать по обстоятельствам. В соответствии с этим группировка наших сил в 20-х числах июня стала следующей: на правом фланге IX корпусу барона Криденера надлежало овладеть Никополем; в центре VIII корпусу Радецкого идти на Балканы, а стратегическому авангарду Передовому отряду генерала Гурко — овладеть балканскими проходами и выслать конницу за Балканы (VIII корпус составлял как бы резерв Передового отряда); на левом фланге Рушукскому отряду цесаревича Александра Александровича¹⁹⁶ (XII и XII корпуса) овладеть Рушуком.

Считая невозможным движение русских в обход четырехугольника, турецкий главнокомандующий решил оставаться в нем. Осман-паша предложил очистить Никополь (значение которого после отмены переправы у Фламунды отпадало), присоединить его гарнизон к своему корпусу и атаковать переправившиеся русские войска в их правый фланг, в то время как главная армия обрушится на них слева. Однако Абдул-Керим отвергнул это предложение, опасаясь, что с уходом Османа румыны возьмут Виддин (сохранение крепости он считал важнее разгрома неприятельской армии). Турки продолжали оставаться в бездействии.

22 июня Передовой отряд начал свое наступление, и 25-го Гурко¹⁹⁵ вступил в Тырнов,

древнюю столицу Болгарии. Туда 30-го числа прибыл великий князь главнокомандующий и авангард VIII корпуса (9-я пехотная дивизия). На левом фланге нашего расположения Рушукский отряд сосредоточился на реке Янтра, а на правом — IX корпус 30 июня подошел к Никополю.

Продвижение русских и занятие ими Тырнова очень встревожило султана Абдул-Гамида, который, вопреки мнению Сераскириата, повелел Осману выступить от Виддина и сосредоточить свой корпус против правого фланга русских у города Плевны. Одновременно было поведено перебросить в Болгарию действовавшую в Черногории армию Сулеймана-паши в составе 33000 бойцов при 88 орудиях. Армия эта, погруженная на суда в Антивари 4 июля и высаженная три дня спустя в Деде-Агаче, 10 июля стала сосредотачиваться у Адрианополя. Главнокомандующим вместо Абдул-Керима был назначен софийский паша Мехмед-Али.

Заняв Тырнов, генерал Гурко собрал сведения о неприятеле и 28 июня двинулся на Казанлык, в обход Шипкин-ского перевала. В сильную жару и по горным тропинкам Передовой отряд прошел 120 верст в 6 дней. Двойная атака Шипки с севера (5 июля) и юга (6-го) успехом не увенчалась. Тем не менее известие о переходе Гурко за Балканы до того подействовало на турок, что занимавший Шипку их отряд покинул свою прекрасную позицию, бросил на перевале всю свою артиллерию и отступил к Филиппополю.

7 июля Шипка была взята без боя. Мы лишились около 400 человек и захватили на перевале 6 орудий и до 400 пленных.

В то время, как на левом фланге переправившейся армии Рушукский отряд собирался на Янтре, а в центре Передовой отряд перешел Балканы, на правом фланге общего расположения IX корпус генерала Криденера подошел к Никополю, 3 июля штурмом овладел его передовыми укреплениями, а 4-го и самой крепостью. В Никополе взято 2 паши и 7000 пленных с 7 знаменами и 113 орудиями. Урон IX корпуса: 1 генерал, 32 офицера, 1258 нижних чинов.

В день взятия Никополя русская Главная Квартира узнала из венских газет (наш главный осведомительный источник) о выступлении войск Османа из Виддина, а 5 июля разъезды 9-й кавалерийской дивизии донесли о подходе к Плевне сильной неприятельской колонны. Хотя это и решено было считать лишь рекогносцировкой, но тем не менее генералу Криденеру в тот же день было предписано занять Плевну, и командир IX корпуса назначил для этого 5-ю пехотную дивизию генерала Шильдер-Шульднера. 8 июля Шильдер-Шульднер атаковал войска Османа на Плевненской позиции и потерпел полную неудачу. В 3 полках 5-й дивизии было 8000 штыков при 48 орудиях. Турок в Плевне было уже 17000 с 30 орудиями. Шильдер-Шульднер очень неумело руководил боем. Наш урон: 1 генерал, 74 офицера, 2771 нижний чин — треть всего отряда.

Известие об этой неудаче — Первой Плевне — не особенно встревожило Главную Квартиру, но заставило ее изменить распоряжения. Рушукскому отряду приказано оставаться на месте, а шедший на его усиление IV корпус генерала Зотова направлен на правый фланг, к Плевне. XI корпус раздроблен и дезорганизован: он был направлен частью к Плевне (штаб корпуса и бригада 32-й дивизии), частью составил Осман-Базарский отряд (11-я пехотная дивизия) для связи войск Радецкого с Рушукским отрядом, частью, наконец, оставался в Румынии (2 бригады 32-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий продолжали оставаться на квартирах на левом берегу — заслоны выставлялись даже в пустопорожнее пространство, тогда как на фронте дорога была каждая рота!). Восстановление положения под Плевной возложено на Криденера, который расположил свой IX корпус в 15 вёрстах от Плевны, выжидая подкреплений и давая возможность Осману усиливаться с каждым днем.

К половине июля против трех русских отрядов в Болгарии находились три турецких армии. На нашем правом фланге Криденеру (32000) противостоял Осман (уже 26000). В центре войскам Радецкого и Гурко (42000, разбросанных в трех группах на фронте в 150 верст) — армия Сулеймана (усилившаяся до 45000). На левом фланге против Рушукского отряда (45000 на фронте в 50 верст) находился Мехмед-Али с главной армией (100000). К

этим силам надо прибавить с нашей стороны добровольно запертый в Добрудже XIV корпус, с турецкой — наблюдавший за ним отряд (по 25000 у нас и у турок). Турецкие генералы не могли столкнуться между собой. Вялый и нерешительный Мехмед-Али все откладывал наступление главных сил. Осторожный Осман считал рискованным вести свой корпус фланговым маршем на соединение с главной армией и решил оставаться пока в Плевне. Один лишь пылкий Сулейман жаждал скорейших побед. Превосходство сил у турок было на всем театре войны полуторным, на главном операционном направлении (у Мехмеда-Али) даже двойным, но они этим не сумели воспользоваться.

Получив 16 июля свободу действий, генерал Гурко положил двинуться всеми своими силами, 3 отряда, на Ени-Загру и разбить стоящую здесь отдельно от главных сил Сулеймана дивизию Реуфа (13000 человек, 24 орудия). В свою очередь Сулейман решил атаковать Эски-Загру (где полагал, главные силы нашего Передового отряда), куда и приказал двинуться Реуфу. Таким образом, 17 июля оба противника произвели одновременно фланговые марши: русские — на юго-восток, турки — на северо-запад.

К вечеру 17-го отряды Гурко вошли в соприкосновение с противником. 18-го и 19-го произошел ряд боев, для нас в общем удачных. 4-я стрелковая бригада прошла за сутки 17–18 июля по горам 75 верст. 18 июля у Ени-Загры стрелки сбили турецкий отряд, захватив 2 орудия и потеряв 7 офицеров, 102 нижних чинов. 19 июля произошел упорный бой у Джуранлы, где мы лишились 20 офицеров, 498 нижних чинов, но перебили до 2000 турок. При Эски-Загре болгарское ополчение лишилось 34 офицеров и 1000 нижних чинов, здесь лег весь цвет офицерства туркестанских стрелков. Однако мы потерпели неудачу у Эски-Загры, где было разгромлено болгарское ополчение. 19 июля войска Гурко отошли к Шипке и Ханикию. Они рисковали оказаться в безвыходном положении, но Сулейман не преследовал, увлекшись избиением болгарского населения, и мы могли сохранить Шипку. Это было единственным, зато крупным положительным результатом летнего перехода Балкан: удержав Шипку, мы разъединили действия всех трех турецких армий. Слабый числом отряд Гурко сделал все, что мог сделать, и с честью вышел из своего затруднительного положения.

18 июля генерал Криденер атаковал Османа. Эта Вторая Плевна едва не обратилась в катастрофу для всей армии. Разгром IX корпуса был полным, весь тыл армии охватила паника, под влиянием которой едва не уничтожили единственную мостовую переправу у Систова. Мы имели под Плевиой 32000 бойцов при 176 орудиях. Турок было 26000 и 50 орудий. Криденер атаковал разрозненно, импровизированными отрядами. Наши потери: 1 генерал, 168 офицеров, 7167 нижних чинов. Единственные трофеи — 2 пушки. У турок выбыло из строя 1200 человек. В Систове приняли подходивших казаков за черкес плевненской армии. Паника была усмирена энергичным генералом Рихтером (командиром 3-й саперной бригады). Великий князь главнокомандующий совершенно потерял голову и обратился за помощью к румынскому королю Карлу в выражениях, не соответствовавших ни достоинству России, ни чести русской армии.

19 июля 1877 года. Вторая Плевна и Эски-Загра, было критическим днем войны. Перейди турки после всех этих своих успехов в наступление, используя они эту в высшей степени благоприятно для них сложившуюся обстановку, русская армия попала бы в мешок в Северной Болгарии и могла быть сброшена в Дунай. Однако Осман не пошел на Систов и не использовал своего успеха, ограничившись лишь прочным занятием Ловчи и рассчитывая в дальнейшем действовать на сближение с Сулейманом. Русские войска были разбросаны полудугой на огромном фронте в 330 верст. В этом фронте имелись промежутки, заполнить которые было нечем за отсутствием общего резерва (последствия пренебрежительного отношения к противнику в начале кампании). Желая всюду иметь заслоны и прикрытия, наша Главная Квартира лишь разбросала войска. В то же время турки оказались сосредоточенными в трех массах. Однако ссоры их старших начальников (Мехмед-Али и Сулейман были личными врагами еще с Черногорского похода) и неумение Сераскириата согласовать их действия, заставив всех подчиниться главнокомандующему и побудив самого

главнокомандующего к энергичным действиям, привели к полному разному. Русская армия смогла поэтому выйти из своего критического положения.

19-го же июля последовало Высочайшее повеление о мобилизации Гвардейского, Гренадерского корпусов, 24-й, 26-й пехотных и 1-й кавалерийской дивизий, всего 110000 человек и 440 орудий, которые, однако, не могли прибыть ранее сентября-октября. Кроме того, поведено двинуть на театр войны уже мобилизованные 2-ю, 3-ю пехотные дивизии и 3-ю стрелковую бригаду, но и эти части не могли прибыть ранее половины августа.

До прибытия подкреплений решено было ограничиться обороной на всем театре войны. Генералу Гурко было приказано отступить за Балканы (энергичный Гурко предложил было укрепиться в Хаинбогазе, где выждать прибытия главных сил для решительного движения за Балканы). Оборона Балкан была возложена на войска Радецкого, в состав которых включены части расформированного Передового отряда. Рушукскому отряду было приказано укрепиться по реке Лому. Инициатива операций была предоставлена туркам, но они не сумели ею воспользоваться. Каждый из трех их главнокомандующих преувеличивал находившиеся против него силы русских. Недаром одерживали свои победы Румянцев и Суворов, от них осталось кое-что и через сто лет, и турецкие командиры 1877 года смутно чувствовали незримое присутствие страшного Топал-паши и его чудо-богатырей!

Вся вторая половина июля протекла в бесплодном обмене телеграммами турецких главнокомандующих с Константинополем, где не сумели объединить их действий. Мехмед-Али стянул все свои войска к Рушуку и Разграду, опасаясь вдвое слабейшего отряда цесаревича и требуя от Сулеймана перейти Балканы и двинуться на Тырново, на сближение с его армией, обещая тогда перейти в наступление. Сулейман, со своей стороны, настаивал на занятии Шипки и соединении с Османом (помимо стратегических, здесь играли роль и личные соображения: по соединении с Мехмедом-Али Сулейман должен был бы подчиниться ему, как сердарь-экрему, тогда как по соединении с Османом он сам становился главнокомандующим, будучи старше чином Османа). Чтоб положить этим препирательствам конец, султан созвал военный совет, на котором было решено двинуть армию Сулеймана на Шипку.

Потеряв 19 дней после дела под Эски-Загрой (когда он мог почти беспрепятственно овладеть Шипкой), Сулейман 7 августа с 40000 при 54 орудиях подошел к Шипкинскому перевалу. Войска Радецкого, защищавшие Балканы, а кроме того имевшие задачей прикрывать левый фланг Плевненской группы и правый Рушукского отряда, были разбросаны на фронте 130 верст от Сельви до Кесарева. На самой Шипке находилось 4000 человек (Орловский полк и остатки болгарского ополчения) при 28 орудиях. Потратив еще один день, Сулейман штурмовал 9 августа в лоб сильнейшую часть русских позиций на перевале.

Так началось знаменитое шестидневное шипкинское сражение. Атаки следовали за атаками, табор198 шел за табором. Расстрелявшие свои патроны, томимые жестокой жаждой, защитники Орлиного гнезда — орловцы и брянцы — отбивались камнями и прикладами. 11 августа Сулейман уже торжествовал победу, но тут в решительную минуту, как гром с ясного неба, грянуло ура! 4-й стрелковой бригады, молниеносным маршем прошедшей 60 верст в сорокаградусный зной. Шипка была спасена — и на этих раскаленных утесах 4-я стрелковая бригада заслужила свое бессмертное наименование Железной бригады.

Сюда прибыла 14-я дивизия генерала Драгомирова, сам Радецкий лично стал управлять боем, и 13 августа горнисты сулеймановских таборов заиграли отбой. 9 августа мы имели к вечеру 6000 человек, у штурмовавших турок было 28000 и 36 орудий. 10 августа Радецкий двинул на Шипку резервы; турки, отраженные накануне, весь день вели артиллерийский бой. 11 августа было критическим днем. Русская позиция была охвачена с трех сторон. 16-й стрелковый батальон подоспел в критический момент на крупах казачьих лошадей, с места ринувшись в штыки. 12 августа подошла 2-я бригада 14-й дивизии, а 13 августа и Волынский полк. Радецкий перешел в контратаку (лично повел в штыки роту житомирцев). 13 и 14 августа велись бои с переменным успехом. Был ранен Драгомиров, а командир 2-й бригады

9-й дивизии генерал Дерожинский убит. Наш урон: 2 генерала, 108 офицеров, 3338 нижних чинов. Турки показали свой в 233 офицера и 6527 нижних чинов, но на самом деле он вдвое больше — в письме Сераскириату Сулейман требовал срочно 12000 — 15000 человек на пополнение убыли. Чтобы иметь понятие об условиях защиты Шипки, достаточно заметить, что воду для наших раненых приходилось доставлять за 17 верст!

Пока Сулейман сражался с Радецким у Шипки, Мехмед-Али, сосредоточив 92000 бойцов с 200 орудиями (не считая 15000 в резерве), решил атаковать стоявший на Ломе Руцукский отряд.

Наш XII корпус составлял левый фланг в руцукском направлении, XIII — на правом фланге — далеко выдвинулся вперед. Осман-Базарский отряд (11-я пехотная дивизия) находился уступом позади XIII корпуса, в 40 верстах от него, и этот промежуток ничем не был заполнен. Турецкий главнокомандующий мог атаковать по трем направлениям:

- 1) от Руцука на Систов — сбив XII корпус, отрезать русских от систовской переправы,
- 2) на Белу — сбив зарвавшийся XIII корпус, прорвать фронт Руцукского отряда,
- 3) на Тырново — используя упомянутый промежуток между Руцукским и Осман-Базарским отрядами, обойти XIII корпус, зайдя Радецкому в тыл, подать руку армии Сулеймана.

Нерешительный Мехмед-Али избрал наиболее безопасное второе — центральное направление, причем положил лишь потеснить русских, отнюдь не преследуя стратегических целей.

10 и 11 августа он и потеснил передовые части XIII корпуса на Кириченских высотах, но действовал крайне вяло, дав возможность цесаревичу принять необходимые меры для парирования наметившегося удара. 18-го произошел бой у Карахасан-киоя — для нас бесцельный, для турок — удар по воздуху. При Карахасан-киое у нас из 4000 с 16 орудиями убыло 514, у турок из 15000 с 42 орудиями — 500. Бой этот длился 12 часов. Мехмед-Али решил после этого обратиться против нашего XII корпуса. 23 августа турки атаковали нашу левофланговую 12-ю дивизию у Кады-киоя, но были отбиты, а 24-го их главные силы имели упорный бой с 33-й дивизией у Аблавы. Турок удалось остановить, но нами потеряна выгодная позиция у Кацелева, и положение Руцукского отряда стало критическим. У нас было 12000 бойцов с 58 орудиями, у турок — 30000 и 72 орудия. Начальник 33-й дивизии генерал Тимофеев с саблей наголо повел войска в атаку, ликвидировав охват. У нас убыло 58 офицеров, 1248 нижних чинов; у турок примерно столько же. Цесаревич распорядился отступить к Беле с тем, чтобы произвести перегруппировку, занять более сосредоточенное расположение. Отступательный этот маневр произведен весьма искусно 25 и 26 августа, а 27-го Руцукский отряд сосредоточился у Белы на фронте всего 25 верст (вместо прежних 60), имея 3 дивизии в кулаке и одну в резерве. Задача Руцукского отряда (охрана сообщений Плевненской и Балканской групп) выполнялась этим в полной мере.

19 августа Осман-паша демонстрировал частью своих сил на Пелишат, но был отражен частями IV корпуса. В недовершенном до конца бою под Пелишатам мы лишились 43 офицеров и 954 нижних чинов, турки — 1350 человек. 27 августа части отряда князя Имеретинского (2-я пехотная дивизия) имели жаркое дело на Зеленых горах. Запальчиво атаковавший турок Калужский полк овладел с налета всеми тремя гребнями Зеленых гор, но, неподдержанный, вынужден был отступить. Наш урон — 900 человек.

В половине августа Действующая армия усилилась 2-й, 3-й, 26-й пехотными дивизиями и 3-й стрелковой бригадой, а также II румынским корпусом в составе 3 дивизий (I румынский корпус оставлен против Виддина). 2-я пехотная дивизия князя Имеретинского, стрелки и румыны двинуты под Плевну, на усиление IV и IX корпусов, вместе с которыми составили Западный отряд князя Карла¹⁹⁹ (5,5 пехотных и 3 конные дивизии русских — 61000, 3 румынские дивизии — 35000). 3-я пехотная дивизия генерала Карцева²⁰⁰ должна была связать Западный отряд с Радецким, а 26-я пехотная дивизия генерала Малахова, сперва тоже двинутая под Плевну, направлена в Руцукский отряд ввиду его затруднительного положения.

Решено было поскорее покончить с Плевной, не ожидая гвардии и гренадер — и этим развязать себе руки на всем театре войны. Операцию начать со взятия Ловчи, чтоб обеспечить тыл Западному отряду, и ее выполнение возложить на отряд князя Имеретинского, в состав которого был включен и небольшой отряд Скобелева²⁰². 22 августа Ловча была взята. Отряд князя Имеретинского насчитывал 22000 человек при 98 орудиях. Ловчу занимали 4000 турок с 6 орудиями. Почти все они были перебиты (нами похоронено 2200 турецких трупов, взято 2 знамени и 1 орудие.). Наш урон — 46 офицеров, 1637 нижних чинов. Упущена возможность разгромить Османа, вышедшего было из Плевны на выручку Ловчи с 15000 человек. После этого все силы стянулись под Плевну. 25-го числа в Горном Студне состоялся военный совет; большинство старших начальников стояло за немедленный штурм, признавая осаду невозможной, как грозившую затянуться до зимы. Сам князь Карл был против штурма, но великий князь Николай Николаевич стал на сторону большинства и назначил днем штурма 30 августа день тезоименитства Государя.

И штурм 30 августа стал для России Третьей Плевной! Это было самое кровопролитное дело за все войны, что когда-либо русские вели с турками. Не помогли героизм и самопожертвование войск, не помогла отчаянная энергия Скобелева, лично водившего их в атаку... Ключи Плевны — редуты Абдул-бея и Реджи-бея — были взяты, но генерал Зотов, распорядившись всеми войсками, отказался поддержать Скобелева, предпочтя скорее отказаться от победы, чем ослабить заслоны и резервы. Последним своим усилием Осман (решивший было бросить Плевну) вырвал победу у горсти героев Горталова, истекавших кровью на виду зотовских резервов, стоявших с ружьем у ноги.

Артиллерийская подготовка штурма длилась 4 дня и оказалась малодейственной. На штурм 30 августа генерал Зотов двинул всего 39 батальонов, оставив 68 в резерве! Штурм почти удался, несмотря на разрозненность, бессвязность, отчасти преждевременность атак. На правом фланге архангелогородцы и вологодцы взяли Гривицкий редут, захватив знамя и 3 орудия, в центре (где атаковало 12 батальонов, а 24 стояло в резерве) штурм отбит, а на левом фланге Скобелев, поведший войска верхом на белом коне, взял Ключи Плевны — 2 редута. Еще одно усилие, и Плевна была бы наша. Весь день 31 августа шел здесь неравный бой — 22 русских батальона бились с турецкой армией на глазах 84 батальонов, стоявших и смотревших! Оставив на редуте Абдул-бея батальон Владимирского полка, Скобелев взял с его командира майора Горталова слово с редута не сойти. Геройский батальон держался против всей турецкой армии. Получив от Зотова отказ в подкреплениях, Скобелев с болью в сердце послал Горталову приказание отступить, сказав, что освобождает его от слова. Скажите генералу Скобелеву, что русского офицера освободить от данного слова может только смерть! — ответил майор Горталов. Отпустив остатки своего батальона, он вернулся на редут и был поднят турками на штыки. Наш урон составил: 2 генерала, 295 офицеров, 12471 нижний чин. Румыны лишились 3000, а у турок, по их собственным показаниям, убыло 3000. Скобелев был возмущен: Наполеон радовался, если кто-либо из маршалов выигрывал ему полчаса времени. Я выиграл им целые сутки — и этим не воспользовались.

Имя Белого Генерала (как его прозвали и русские, и турки) прогремело на всю Россию. После Ловчи и Третьей Плевны завистники и рутинеры должны были смолкнуть, и Скобелеву, наконец-то, согласились дать штатную должность — он получил 16-ю пехотную дивизию. На верхах его стали считать если еще и не вполне равноценным корпусным командирам Зотову и Криденеру, то, во всяком случае, мало чем уступающим (а то и вполне равноценным) Шильдер-Шульднеру.

* * *

Третья Плевна произвела ошеломляющее впечатление на армию и на всю страну. 1 сентября Император Александр II созвал в Порадике военный совет, столь мало походивший на таковой же, имевший место в Горном Студне всего неделю назад! Почти все старшие начальники во главе с великим князем Николаем Николаевичем и Зотовым пали духом и высказались за отступление от Плевны (иные — за Дунай) и за прекращение кампании до будущего года. Но Государь — и в этом огромная заслуга Царя-Освободителя — согласился

с меньшинством, считавшим, что после всех этих неудач отступление совершенно немислимо как в политическом, так и собственно в военном отношении: такой бесславный конец кампании явился бы слишком жестоким ударом по престижу России и русской армии.

Было положено отказаться от каких-либо наступательных действий и по всему фронту перейти к обороне. Под самой Плевной действовать осмотрительно: стянуть туда как можно больше войск, сильно укрепиться и отрезать Осману сообщения. Таким образом, к началу сентября стратегическое положение нашей армии было то же, что 19 июля — после Эски-Загры и Второй Плевны. Мы снова отказались от какого-либо проявления активности до прибытия новых подкреплений. 17 дивизий (не считая румын) оказалось недостаточным, и время, когда полагали, что на Балканах четырех корпусов девать некуда, безвозвратно прошло.

Инициатива вновь была предоставлена туркам — и они опять не сумели ею воспользоваться. Осман, которому за Третью Плевну был пожалован титул Гази (непобедимого), сознавал свое рискованное положение в импровизированном плевненском лагере и просил разрешения отступить, пока его там не блокировали. Ему, однако, было предписано оставаться в Плевне. Из гарнизонов Западной Болгарии формировалась в Софийском районе армия Шефкета-паши, которую предполагалось направить к Осману. 8 сентября Шефкет двинул в Плевну дивизию Ахмета-Хивзи (10000 штыков, 12 орудий) с громадным продовольственным транспортом. Сбор этого транспорта прошел незамеченным, а когда вереницы этих обозов потянулись мимо массы нашей конницы (6000 сабель, 40 орудий), бездарный и робкий ее начальник генерал Крылов²⁰³ не решился их атаковать. Ободренный этим, Шефкет 23 сентября двинул еще один транспорт, с которым отправился и сам, причем от Телиша всю охрану составлял всего один кавалерийский полк! Крылов пропустил транспорт и самого Шефкета, проехавшего со слабым конвоем обратно из Плевны в Софию. Попустительством Крылова армия Османа была снабжена продовольствием на два месяца!

5 сентября Сулейман вторично штурмовал Шипку, но был отбит. Сулейман желал оказать этим помощь Осману. У нас убыло 1017 человек, у турок — 2000.

Сераскириат предписал Мехмеду-Али перейти в решительное наступление против Рушукского отряда. 1 сентября Мехмед тронулся с 60000 и 2-го подошел вплотную к позициям Рушукского отряда на Баницком Ломе — местами на пушечный выстрел. Турецкие генералы целую неделю простояли здесь в бездействии, ссорясь между собою и посылая друг на друга жалобы в Константинополь. 9 сентября Мехмед-Али атаковал на позиции у Чаиркиоя Невский и Вятский полки, введя всего около 5000. Наступление главной турецкой армии свелось лишь к этой жалкой попытке в ночь на 11-е Мехмед приказал ей отступать, что она и выполнила в большом беспорядке, отойдя далеко за исходное положение до дела при Аблаве. Рушукский отряд все время держался совершенно пассивно (в духе инструкций Главной Квартиры), самое отступление турок было открыто лишь на четвертый день — 14-го числа! В результате этой неудачи Мехмед-Али был смещен, главнокомандующим назначен Сулейман, а Южную армию принял Реуф.

15 сентября под Плевну прибыл Тотлебен (вызванный Государем по телеграфу после Третьей Плевны), и 16-го в Горном Студне состоялся военный совет, на котором было решено направить подходивший Гвардейский корпус Плевне, гренадер — в Рушукский отряд (положение которого по назначении энергичного Сулеймана признано было опасным), а 24-ю пехотную дивизию — Радецкому. Гвардейский корпус и вся конница Западного отряда под общим начальством генерала Гурко должны были перейти реку Вид выше Плевны и отрезать Осману отступление в Софийский район.

С первых чисел октября блокада Плевны установлена по-настоящему. 10 октября гвардия сосредоточилась на правом берегу Вида²⁰⁴, в 20 верстах к юго-западу от Плевны. В этом районе турки имели сильно укрепленные редуты Телиш, Горный и Дольный Дубняки²⁰⁵, занятые дивизией Ахмета-Хивзи. Редуты эти должны были послужить Осману опорными пунктами в случае его выхода из Плевны. 12 октября Гурко штурмовал Горный

Дубняк, занятый после упорного боя (это было боевым крещением гвардии в ту войну). Атака на Телиш была, однако, отражена, и Телиш сдался лишь 16 октября. Огонь гвардейской артиллерии по Горному Дубняку был настолько сокрушителен, что отложи Гурко атаку на полчаса, крепость сдалась бы без боя (комендант Ахмет-Хивзи уже созвал совет). Измайловцы, 2-я гвардейская дивизия и стрелки атаковали с блистательным мужеством и понесли жестокий урон:

3 генерала, 126 офицеров, 3410 нижних чинов. В плен сдалось 2300 турок со знаменем и 4 орудиями и 1500 перебито. Телиш атаковали лейб-егеря, но атака их была отбита, и храбрый полк лишился 27 офицеров и 1300 нижних чинов. Телиш был вынужден сдаться артиллерийским огнем. В нем взято 4700 пленных и 3 орудия. 20-го числа гвардией занят и третий опорный пункт — Дольный Дубняк, гарнизон которого отошел заблаговременно к Плевне.

Тем временем на восточном театре войны Сулейман, вопреки общим ожиданиям, оставался в бездействии, жалуясь на непогоду, требуя подкреплений и получая из Константинополя душеспасительные советы избегать потерь. Положение Рушукского отряда все крепло, и в половине октября по настоянию Тотлебена (находившего тройное превосходство в силах против Османа недостаточным) оттуда был переведен к Плевне Гренадерский корпус в составе 2-й и 3-й гренадерских дивизий. Против 47000 Османа было таким образом сосредоточено 170000 человек. Главные силы этих войск были в подчинении Тотлебена, гвардия же и конные части под начальством генерала Гурко были выделены за Вид и составили особый отряд (который штабные остряки называли Завидным).

Гурко и Тотлебен расходились во взглядах относительно дальнейшего образа действий. Гурко смотрел на войну с точки зрения полководца, Тотлебен — только с точки зрения сапера, гениального в своей специальности. Опасаясь затяжки военных действий, Гурко настаивал на нанесении неприятельской армии решительного удара до наступления зимней стужи и на скорейшем для этого переходе к наступательным действиям. Тотлебен, всецело поглощенный организацией крепостной войны под Плевной и переоценивавший к тому же силы Османа примерно вдвое (считал у него 80000), настаивал на сосредоточении у Плевны возможно большей массы войск.

26 октября Гурко представил на рассмотрение Государя план: выделив из-под Плевны гвардию, двинуть ее по Софийскому шоссе, разбить по частям формировавшуюся для выручки Османа Софийскую турецкую армию, перейти Балканы, усилиться отрядом Карпова и двинуться в тыл Южной турецкой армии у Шипки на соединение с Радецким. Этот план был одобрен Государем, возложившим его выполнение на самого составителя. Войска Тотлебена, оставшиеся под Плевной, переименованы в Отряд обложения, а вверенный генералу Гурко назван Западным и доведен до 35000 строевых при 174 орудиях.

Командующим Софийской турецкой армией был назначен Мехмед-Али, только что смещенный с поста главнокомандующего (Шефкет был предан суду за неоказание помощи Горному Дубняку). У него было тоже около 35000, не закончивших, однако, своего сосредоточения. Главнокомандующий Сулейман, пожалованный званием сердарь-экрема, проектировал операцию по всему фронту для оказания помощи Осману. Восточной армии надлежало наступать от Осман-Базара на Елену и Тырново, Южной — тоже на Тырново, Софийской — на Ловчу. Мешкотность Мехмеда-Али спутала все эти расчеты: он затянул выступление, а тем временем Гурко разбил его передовые части в ряде жарких дел 10 и 11 ноября у Новачина, Правца и Этрополя. Мехмеду было уже не до наступления. Рассчитывая на деморализацию неприятеля, Гурко решил безотлагательно развить наступление и окончательно добить Мехмеда-Али, однако наша Главная Квартира остановила его по причине ожидания скорой развязки под Плевной. Благодаря этому странному распоряжению Главной Квартиры, прервавшей блестяще начатую операцию под совершенно несостоятельным предлогом, целый месяц был потерян даром.

В горах тем временем установилась суровая зима с двадцатиградусными морозами. С половины ноября снег завалил балканские проходы, и войска Радецкого жестоко страдали в

своих орлиных гнездах. Двинутая на Шипку без теплых сапог и полушубков 24-я пехотная дивизия была буквально заморожена, с небольшим в две недели лишившись двух третей своего состава, и к половине декабря ее сняли с перевала. Нужна была вся твердость Радецкого и героизм его VIII корпуса, чтобы отсиживаться почти три месяца в таких условиях и удержать в своих оковевших руках важнейший стратегический пункт театра войны. В трех полках 24-й дивизии обморожено 6213 человек — свыше двух третей штатного состава. Во всем отряде Радецкого с 5 сентября по 24 декабря боевая убыль составила 700 человек, заболело и обморожено 9500.

У турок Реуф был назначен военным министром, и Южную армию принял Вессель-паша. Желая чем-нибудь ознаменовать свое вступление в командование, он 9 ноября ночью атаковал гору святого Николая на Шипке, но был отбит.

Между тем Сулейман приступил к организации наступления главной турецкой армии — Восточной. Он мог бы сосредоточить 70000 — 80000 штыков для решительного удара в любой пункт расположения Рушукского отряда, но вместо этого предпочел раздробить свои силы по двум направлениям: 35000 с 96 орудиями двинуто было против левого фланга Рушукского отряда — XII корпуса великого князя Владимира Александровича²⁰⁶ (Банковский был назначен еще в конце июля начальником штаба цесаревича), а другие 35000 при 42 орудиях изготовились для решительного удара на Елену — в разрез Рушукского отряда и войск Радецкого.

Турки потеряли 10 дней на рекогносцировки и демонстрации. Наконец, 13 ноября Сулейман с первой из своих групп перешел речку Кара-Лом и 14-го атаковал авангард XII корпуса, но был отражен в делах у Трестеника и Косабины. У Трестеника 5 батальонов 12-й дивизии (3500 штыков), поддержанные 44 орудиями, сдержали натиск 40 таборов (28000 турок). Наш урон у Трестеника — 32 офицера, 761 нижний чин, у турок выбыло 1300 человек. При Косабине у нас из 2500 человек с 12 орудиями убыло 367 человек, у турок из 4500 — 800 человек. Потерпев эту неудачу, Сулейман отправился к главной ударной группе, чтоб лично руководить наступлением на Елену против растянутого в ниточку фронта новообразованного XI корпуса барона Деллинсгаузена. 22 ноября турки обрушились на наш Еленинский отряд — 5000 при 26 орудиях — и совершенно растерзали его. Вся тяжесть боя легла на севцев, поддержанных затем 4-й стрелковой бригадой. Турок было 25000 при 40 орудиях. Наши потери — 55 офицеров, 1807 нижних чинов и 11 орудий.

Весь Восточный фронт русского расположения в Болгарии был прорван, на следующий же день турки могли быть в Тырнове, захватив огромные обозы, склады и парки VIII и XI корпусов. Тыл Радецкого очутился под ударом, и дальнейшее продвижение Сулеймана могло повлечь за собой крушение всего Балканского фронта. Однако турки не развили свой успех и весь день 23 ноября бездействовали и окапывались. 24-го же числа спешно двинутая цесаревичем 26-я пехотная дивизия восстановила положение, сбив турок под Златарицей. Сулейман после этого распорядился прекратить наступление и уехал опять в Рушук для действий против левого фланга войска цесаревича. У генерала Деллинсгаузена²⁰⁷ оказалось сосредоточенными на еленинском направлении около трех дивизий — 22000 бойцов при 137 орудиях, и он просил главнокомандующего разрешить ему переход в наступление, чтобы окончательно разбить турок. Однако великий князь не разрешил этого по той же причине, по которой задержал победоносный отряд Гурко. Запертый в Плевне Осман незримо верховодил всеми русскими операциями. Главная Квартира, ожегшись на молоке, дула на воду — она упускала одну победу за другой.

Сулейман, сосредоточив кулак против нашего фланга, перешел Лом и 30 ноября атаковал у Мечки цесаревича. Турки были отбиты, сброшены в Лом и в беспорядке отступили. У Сулеймана при Мечке было 40000 человек со 114 орудиями. Цесаревич успел, однако, сосредоточить здесь 28000 при 138 орудиях (части 1-й, 12-й и 35-й дивизий). Наш урон составил 22 офицера, 813 нижних чинов. Турок перебито до 3000. За Мечку цесаревичу пожалована георгиевская звезда. В конце этого сражения в штаб Сулеймана пришла горестная для Турции весть: лучшей ее армии не стало, Гази Осман был в плену.

С половины ноября армия Османа, стиснутая в Плевне в четыре раза превосходившим ее железным кольцом русских войск, стала задыхаться в этих тисках. Припасы подошли к концу, и на военном совете решено было пробиться сквозь линию обложения. 28 ноября, в утреннем тумане, турецкая армия обрушилась на Гренадерский корпус, но после упорного боя была отражена по всей линии и отошла в Плевну, где и положила оружие. Раненый Осман вручил свою саблю командиру гренадер — генералу Ганецкому²⁰⁸.

Первый удар приняли сибирские гренадеры. Турки отражены Гренадерским корпусом и 5-й пехотной дивизией. Наши потери: 1 генерал, 57 офицеров и 1639 нижних чинов (почти исключительно в 3-й гренадерской дивизии). Турок, атаковавших густыми массами, перебито до 6000. Сдалось 10 пашей, 128 штаб- и 2000 обер-офицеров, 41 200 нижних чинов, больные и раненые составили четвертую часть. Трофеи — 7 знамен и 88 орудий. Осману оказаны фельдмаршальские почести за доблестную защиту. Двое младших пашей уступлены румынам; они пришли в негодование и заплакали от позора попасть в плен к валахам. Осман все время подчеркивал, что сдался в плен исключительно русским. В сражении 28 ноября румынские войска, занимавшие вообще совершенно другой участок, никакого участия не принимали. Великий князь Николай Николаевич был награжден орденом святого Георгия I степени, генерал Непокойчицкий (бывший тут решительно ни при чем) и собственно победитель Османа Тотлебен получили георгиевскую звезду.

* * *

Узнав о падении Плевны, фельдмаршал Мольтке сложил карту, по которой он следил за операциями на Балканах, и спрятал ее, сказав: До будущего года! Холодный ум величайшего рационалиста военного дела не мог постичь силы духа, которая смогла бы заставить какие-либо войска в мире устремиться в лютую зиму на обледенелые, непроходимые местами и летом, кручи Балканского хребта. Творцу Большого Генерального штаба было дано видеть на своей карте Шипку и Троян, но ему не было дано чувствовать за ними Чертов мост и Рингенкопф!

Падение Плевны — праздник для всей России — развязало руки русской стратегии. К началу декабря на театре войны считалось уже 310000 русских (23 пехотные дивизии, 3 стрелковые бригады, 9 дивизий и 4 бригады конницы) и 40000 румын, которым турки не могли противопоставить и 200000 с гарнизонами крепостей. Кроме того, узнав о капитуляции Османа, выступила и Сербия, армия которой — 82000 — двинулась на Ниш и Пирог.

Освободившиеся под Плевной 130000 русских позволяли нанести Турции решительный удар. При одушевлении, охватившем всю армию, не могло быть и речи о приостановке кампании до весны. Кроме того, оставлять в горах всю зиму войска Гурко (у Этрополя) и Радецкого (у Шипки), значило бы погубить большую их часть от стужи и болезней. Сойти с гор назад было нельзя: весною пришлось бы их снова брать. Оставалось, таким образом, сойти с них вперед. Осторожный Радецкий выразил было сомнение в возможности форсирования Балкан теперь же, зимою, но Гурко настоял на скорейшем окончании стоянки в горах. Наконец, нельзя было оставить сербов и подвергнуть их риску отдельного поражения. Все эти соображения и побудили великого князя Николая Николаевича отдать немедленно после падения Плевны распоряжение о безотлагательном переходе через Балканы.

Западному отряду генерала Гурко надлежало перевалить через Этропольские Балканы, разбить Софийскую турецкую армию и выйти в тыл туркам у Шипки, облегчив тем самым переход отряду Радецкого, которому приходилось оперировать в более трудных местных условиях. Отряд генерала Карпова должен был перейти Балканы у Траяна уже по переходе Этропольских Балкан войсками Гурко. Отряду Деллинсгаузена предписано перейти Балканы у Твардицкого перевала (притом лишь частью сил), а Рушукскому — пока оставаться на месте.

Отряд генерала Гурко был доведен до 60000 строевых при 318 орудиях (вся гвардия в составе 3 пехотных дивизий и 1 стрелковой бригады, подошедший из-под Плевны IX корпус,

бригада 3-й пехотной дивизии, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия и 3-я конная бригада). Отряд Карцова (бригада 3-й пехотной дивизии) насчитывал всего 5000 и 30 орудий. Отряд Радецкого был усилен до 40000 при 162 орудиях (VIII корпус и двинутые из-под Плевны 16-я дивизия Скобелева и 3-я стрелковая бригада). У Деллингауэна было 22000 и 156 орудий (XI корпус):

11-я, 24-я, 26-я пехотные дивизии, 13-я кавалерийская дивизия), а в Рушукском отряде — 60000 и 280 орудий (XII, XIII корпуса, 32-я пехотная дивизия, 8-я, 11-я, 12-я кавалерийские дивизии). Кроме того, составлен общий резерв — 40000 при 162 орудиях: Гренадерский корпус, 2-я, 30-я пехотные дивизии, 1-я и 9-я кавалерийские дивизии у Плевны и у Габрова, а частям 4-й кавалерийской дивизии предписано поддерживать связь с румынской армией в виддинском направлении.

13 декабря, в жестокую бурю и метель полки генерала Гурко двинулись в поход за Балканы. Люди имели на себе довольствие на 6 дней, батареи были в 4-орудийном составе. Местные жители с ужасом смотрели на выступление русских войск, считая их обреченными на верную гибель... Переход длился целых 8 дней вместо предполагаемых двух. Позиция турок на Орханийском перевале была взята двойным охватом. 19 декабря гвардия, атакуя выше колен в снегу, сбила турок у Ташкисена, а 20-го у Горного Бугарова авангард IX корпуса отбил контратаку значительно сильнеешего турецкого отряда. В этот день большая часть Западного отряда расположилась в Комарцийской долине, по ту сторону Балкан. Воля генерала Гурко, энергия его офицеров и выносливость их солдат победили природу.

Перевалив Балканы, Гурко решил в первую очередь овладеть Софией для избежания повторения здесь Плевны и обеспечения своего тыла при дальнейшем наступлении на Филиппополь. 21 декабря он двинулся к сильно укрепленной Софии, 22-го рекогносцировал ее и 23-го занял ее без боя. В сочельник установлена связь с сербами, а в первый день Рождества турки атаковали Петрич, но были отбиты (в этой стычке у нас убито два генерала). Готовясь к дальнейшему наступлению, Гурко назначил своим войскам дневку в ожидании спуска с гор обозов.

Бой при Ташкисене велся по колена в снегу, в трудной горной местности и в сумерки короткого зимнего дня. Турки (4000 при 8 орудиях) были сбиты с очень сильной позиции, потеряв 800 человек. Наш урон — 562 человека (развернуто 15000 человек с 22 орудиями). У Горного Бугарова 4000 русских с 6 орудиями отразили 9000 турок с 8 орудиями. Наш урон — 8 офицеров, 261 нижний чин. В метель с 16 на 17 декабря в Западном отряде обморожено 813 человек, из них 70 насмерть. При Петриче убиты начальник 3-й гвардейской дивизии генерал-лейтенант Каталей и командир ее 1-й бригады генерал-майор Философов.

Переход Балкан отрядом Гурко послужил сигналом к общему наступлению. 20 декабря отряд генерала Карпова сосредоточился у Княжевацких Колиб — поднржия Траянова Балкана, самой дикой, суровой и неприступной части Балканских гор. Утром 23-го начался подъем гуськом по единственной имевшейся пастушьей тропе в 27-градусный мороз, причем пушки и лошадей втаскивали на кручи на руках. Трое суток длилось это восхождение. Преодолев все эти трудности, староингерманландцы, новоингерманландцы и стрелки 10-го батальона добились своего: сбили занимавший вершину турецкий отряд, и в рождественскую ночь на оледенелых вершинах победно зазвучал тропарь Рождество Твое Христе Боже наш.... Отряд Карцева находился 26 декабря в крайне рискованном положении. между двух огней — сильных турецких укреплений Калофера и Клисур, но смелость города берет, и весть о переходе русских через Траян навела на турок такую панику, что гарнизоны их бежали, а за ними устремилось и все мусульманское население южного склона Балкан. Спустившись с Траяна, Карпов 31 декабря снова наладил связь между Гурко и Радецким.

Тем временем генерал Радецкий просил главнокомандующего отложить операцию перехода, считая свои силы, несмотря на прибытие дивизии Скобелева, недостаточными для решительных действий. Однако великий князь не согласился на его доводы и направил к Шипке еще 30-ю пехотную дивизию и 1-ю кавалерийскую дивизию. Против войск Радецкого

находилась армия Весселя-паши — 40000 (но которую в Главной Квартире расценивали всего в 15000). Генерал Радецкий принял смелое решение — двойной охват армии Весселя колоннами Скобелева и князя Святополк-Мирского²⁰⁹. 24 декабря началось обходное движение — переход Балкан выше пояса в снегу. 27-го князь Мирский завязал бой с турецкой армией, а 28 декабря сокрушительный удар Скобелева при Шейнове решил это генеральное сражение всей войны. Армия Весселя положила оружие в количестве 31000 человек при 104 орудиях.

Левая колонна Святополк-Мирского состояла из 9-й, 30-й пехотных дивизий и 4-й стрелковой бригады (18000 человек, 24 орудия). Правая — Скобелева — из 16-й пехотной дивизии, 3-й стрелковой бригады и 1-й кавалерийской дивизии (16000 человек, 16 орудий). У Радецкого на Шипке — 14-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская дивизия (11000 человек, 53 орудия). Турецкая армия Весселя-паши (32000 человек, 100 орудий) занимала крепкую позицию с 14 сильными редутами. Снег был выше человеческого роста, трудности движения невероятные. 25 декабря колонна Скобелева, идя 17 часов форсированным маршем, прошла всего 6 верст. Связи между обеими обходящими колоннами не было никакой, с Радецким — почти никакой. 27 декабря Мирский овладел после тяжелого боя 1-й линией турецких редутов, но не смог взять 2-й. 28 декабря Скобелев атаковал, не закончив сосредоточения (упреки рутинеров о неподдержке им Мирского необоснованы). Эта атака была решительной. Было взято 30000 пленных с 7 знаменами и 93 орудиями. Не получая известий о колоннах, Радецкий 28 декабря атаковал 14-й дивизией турецкие позиции на Шипке в лоб, но самоотверженная эта атака не удалась, хотя часть турецких сил была скована. Наши потери в Шейновском сражении — 5679 убитых и раненых. Скобелев награжден шпагой с бриллиантами, Радецкому великий князь главнокомандующий вручил свою георгиевскую звезду. Пала не только линия Балкан — живой силе турок был нанесен непоправимый удар.

* * *

Желая использовать полностью шейновскую победу, великий князь главнокомандующий решил безотлагательно овладеть Адрианополем, развив таким образом шейновский прорыв в глубину и предупредив сосредоточение у Адрианополя турецких сил. Одновременно решено было использовать запертый в Добрудже XIV корпус для удержания турок в четырехугольнике.

Этим положениям и отвечала директива от 1 января 1878 года.

Правой колонне Действующей армии — войскам генерала Гурко (гвардия и IX корпус) — надлежало двинуться в долину реки Марицы, овладеть Филиппополем и, двинувшись на Демотику, перехватить туркам отступление от Адрианополя к Царьграду.

Средней колонне идти на Адрианополь двумя эшелонами — в голове Скобелев (IV корпус, стрелки, 1-я кавалерийская дивизия), в затылок ему Ганецкий (с Гренадерским корпусом).

Левой колонне Радецкого (VIII корпус с 8-й кавалерийской дивизией) следовать на Ямбол и далее — долиной Тунджи — к Адрианополю.

Одновременно Деллинсгаузену, Руцукскому отряду и войскам в Добрудже были отданы распоряжения, имевшие целью действия против Восточной турецкой армии.

Переход русскими Балкан произвел на турок ошеломляющее впечатление. Сулейман предложил оттянуть от Шипки к Адрианополю войска Весселя, пока не поздно, но его не послушали — погубив уже армию Османа, Сераскириат губил армию Весселя. Султан назначил главнокомандующим военного министра Реуфа, а Сулейману повелел вступить в непосредственное командование Западной турецкой армией. Сулейман успел сосредоточить между Софией и Филиппополем до 50000 со 122 орудиями, а у Ени-Загры находилось еще 25000 Мехмеда-Али. Однако, получив 29 декабря известие о капитуляции у Шипки армии Весселя, Реуф окончательно пал духом, испугавшись за самый Константинополь. Сулейману и Мехмеду-Али было предписано немедленно отступить к Адрианополю, а командовавшему вместо Сулеймана Восточной армией Неджибу приказано оставить в Добрудже и четырехугольнике лишь войска, необходимые для удержания крепостей, погрузив остальные

в Варне на корабли для отправки в Константинополь. Порта рассчитывала успеть сосредоточить до 120000 у сильной Адрианопольской крепости (чем надеялась задержать русское наступление). Одновременно она просила Англию о мирном посредничестве, но Россия отвергла представление Лондонского кабинета, предложив Порте, буде того пожелает, самой обратиться за аманом.

Отойти к Адрианополю удалось лишь одному Мехмеду-Али. Сулейман спешно отступил 30-го и 31-го на Татар-Базарджик. Гурко намеревался здесь его окружить, но в ночь на 2 января турецкая армия ускользнула от охвата, перешла реку Марицу, уничтожив за собой мост, и вечером 2-го сосредоточилась у Филиппополя. Гурко промедлил с атакой, собирая отставшие и растянувшиеся войска, шедшие форсированным маршем по сплошной гололедице. Наши трофеи ограничились лишь частью обозов и 1000 пленных. Преследование поручено одной кавказской казачьей бригаде, нагнавшей турок, но по слабости (5 сотен без артиллерии) ничего не смогла предпринять. Сулейман положил отступить из долины реки Марицы на побережье Эгейского моря, так как дорога на Адрианополь была уже перехвачена русской конницей (у станции Семенли). Однако русским удалось его зацепить — в трехдневных боях 3-го, 4-го и 5 января у Филиппополя турецкая армия была совершенно разгромлена, потеряв 20000 человек и 114 орудий — всю свою артиллерию.

Сулейман решил дать отдохнуть своим войскам у Филиппополя, а в случае, если русские его атакуют, принять бой. Это последнее решение привело в ужас подчиненных паши, просивших его не рисковать последней турецкой армией, но переубедить сердарь-экрема им не удалось. 2 января вечером авангард Гурко (граф Шувалов с павловцами и гвардейскими стрелками) перешел в темноту, по грудь в воде и в 8-градусный мороз широкую и быструю Марицу, по которой уже шел лед. 3 января тем же путем перешла остальная часть 2-й гвардейской дивизии. Переправившиеся войска весь день вели бой, в общем нерешительный, ожидая развертывания главных сил. Сулейман, заметив опасность, приказал безотлагательно отступить, но было уже слишком поздно. 4 января утром русские овладели Филиппополем, форсируя ледяную Марицу всюду, где имелись броды, а вечером Лейб-Гвардии Литовский полк, ворвавшись в самую середину отступающей турецкой армии у Карагача, внезапной ночной атакой уничтожил пехотную бригаду и захватил 23 орудия. 5 января турецкая армия свернула прямо на юг, причем 2 дивизии, потерявшие связь с главными силами, были совершенно уничтожены. Главным силам удалось оторваться от русских. Наша конница под начальством генерала Скобелева 1-го (отца) выясняла весь день 6 января направление отступления неприятеля, и утром 7-го турки были настигнуты у Караджалара лихим 30-м Донским полком Грекова, атаковавшим полторы турецкие дивизии и захватившим всю оставшуюся у турок артиллерию — 53 орудия. Этим блистательным делом и закончилось преследование разбитой под Филиппополем армии Сулеймана, лишившейся 20000 человек (две пятых состава) и всей артиллерии (114 орудий). В Константинополе долго не знали, где находятся ее остатки. К 15 января они собрались у Карагача и оттуда морем перевезены частью на Константинополь, частью на Галлиполи. Наш урон у Филиппополя был 41 офицер и 1209 нижних чинов.

Таким образом, Гурко вывел из строя последний оплот Оттоманской империи армию Сулеймана. Остатки ее бежали к морю, но добить их не пришлось — генерал Гурко получил предписание главнокомандующего дать изнуренным войскам 3–4 дня отдыха, а затем двинуться на Адрианополь. Овладению географическим объектом наша Главная Квартира придавала большее значение, чем истреблению живой силы неприятеля.

Пока Гурко громил турок у Филиппополя, центр нашей армии, не теряя времени, пожинал плоды шейновской победы. В авангарде Скобелева шли 1-я кавалерийская дивизия и герои Шипки — орловцы и Железные стрелки. Сразу оценив обстановку, сложившуюся на театре войны, Скобелев, немедленно по занятии 1 января Эски-Загры, двинул в глубокий рейд на Адрианополь имевшуюся у него конницу — 3 полка 1-й кавалерийской дивизии под командой генерала Струкова.

Этот блистательный рейд решил кампанию. 2 января московские драгуны заняли важнейший железнодорожный узел театра войны — Семенли, отрезав армию Сулеймана от Адрианополя и предрешив ее разгром. Девять русских эскадронов нарушили все стратегические расчеты Турции. Неутомимый Струков громил тылы противника, захватывал обозы, огромные склады продовольствия и снаряжения и 6 января стоял уже в Мустафа-Паше, в кавалерийском полупереходе от Адрианополя.

Взятие Семенли побудило турецкое правительство обратиться, наконец, к великодушию победителя. 5 января турецкие парламентарии прибыли на русские аванпосты. Разгром Сулеймана делал защиту Адрианополя безнадежной. 7-го он был эвакуирован, 8-го туда вступил Струков, а 10-го и авангард Скобелева. Развивая успех, Скобелев в тот же день двинул 1-ю кавалерийскую дивизию Струкова на Константинополь, а подошедшую от Гурко 2-ю Гвардейскую кавалерийскую дивизию на Радосто. 14 января к Адрианополю стали подходить войска Гурко, а 16-го подошел и Радецкий. На верках Адрианополя найдено 70 исправных орудий. Все движения к Адрианополю совершались при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах — в 10-градусный мороз, а затем в оттепель и гололедицу. Неся все запасы на себе, войска переходили вброд разлившиеся реки и ручьи. Край являл картину полного разорения. Особенно тяжело было положение мусульман, массами погибавших от болгарских ножей. Двинувшись от Адрианополя, Струков занял 13 января Люле-Бургас, обгоняя и обезоруживая бегущих турок и выслал летучие отряды к Чаталдже.

Во время этих решительных событий находившиеся на восточной части театра военных действий наши войска во исполнение директивы от 1 января приступили тоже к решительным действиям, результатом которых было занятие Сливны Деллинсгаузен, Разграда и Осман-Базара — цесаревичем. Базарджика Циммерманом, сдвинувшимся, наконец, после полугодовой стоянки на одном месте. Деллинсгаузен перевалил Балканы у Твардицы и занял Сливну 4 января. Цесаревич, которому было предписано перейти в наступление по всему фронту Осман-Базар Рушук, начал продвижение 13-го, а 14 января 1-я пехотная дивизия заняла Разград, 11-я пехотная дивизия — Осман-Базар без боя. Циммерман взял Базарджик 14 января двойным охватом после незначительного дела 17-й дивизии, а части 7-й кавалерийской дивизии совершили рейд на Праводы (75 верст), разрушив железную дорогу.

Изверившись в помощь англичан и в свои деморализованные войска, уstraшенное рейдом конницы Струкова, турецкое правительство предписало своим уполномоченным безусловно подчиниться русским требованиям — и 19 января в Адрианополе было подписано перемирие. Турецкие войска были доведены к самому Константинополю. Русские авангарды, пройдя Чаталджу, стали в 10–15 верстах от Царьграда. Гвардия и IV корпус — в первой линии, имея VIII корпус в своем резерве на Чаталдже, 3-ю пехотную дивизию — на правом фланге у Радосто, Гренадерский корпус — от Чаталджи до Адрианополя, IX корпус — в Адрианополе. Главная Квартира прибыла в Сан-Стефано, где 19 февраля 1878 года был заключен мир на выгодных для России условиях.

* * *

Но тут вмешалась Европа.

Европейские правительства руководились двоякими соображениями: 1) ненавистью к России — чувством, врожденным каждому европейцу²¹⁰, тем более политическому деятелю; 2) желанием получить свою долю в дележе наследства больного человека.

Австро-Венгрия и Англия заняли открыто враждебную позицию. Британская эскадра адмирала Горнби (3, затем 6 броненосцев) вошла в Мраморное море. Свирепый ненавистник России Дизраэли заявил, что русские в Константинополь не войдут. И смелый англо-австрийский блеф удался. Успех этой бравады превзошел все ожидания наших супостатов. Дымки трех броненосцев подействовали сокрушительно на нашу талантливую дипломатию, столь высоко державшую русское знамя... Мы капитулировали по всему фронту, победоносные полки были остановлены в полупереходе от заветной цели. Победители были поставлены в унижительное положение каких-то полупобедителей, которым из-за границы

скомандовали: Смирно! Равнение на Лондон!..

Заняв Константинополь и став твердой ногой на Босфоре, мы бы сразу и окончательно вывели бы из строя Турцию, поставив ее в физическую невозможность возобновить военные действия. Воинственный пыл венских и лондонских политиков сразу охладел бы. Русские канониры у пушек босфорских фортов подействовали бы отрезвляюще на адмирала Горнби и — что самое главное — на премьера Дизраэли. Случилось то же, что и в Восточную войну. Наша дипломатия, боясь восстановить Европу на Россию своей смелостью, восстановила ее на Россию своей робостью. Мы даже не догадались задержать у себя 145000 турецких пленных до выяснения международной обстановки! Возвратив их в конце весны, мы собственными руками воссоздали турецкую армию, с таким трудом сокрушенную у Плевны, Шипки и Филиппополя.

Турецкая армия у Константинополя крепла с каждым днем, наша — таяла от болезней. Осман-паша вновь стал во главе своих восстановленных таборов, и в конце мая 120000 винтовок Пибоди готовы были в любую минуту засыпать свинцом наши позиции. Заменивший великого князя Николая Николаевича генерал Тотлебен стал готовиться к оборонительной кампании...

Весенние месяцы ознаменовались резким конфликтом с Румынией. Россия присоединила Южную Бессарабию, отторгнутую у нее в 1856 году, и этим упразднила унижительное для ее достоинства условие Парижского мира. Румынии вместо этого дана Добруджа, вдвое превосходявшая территорию Измаильского уезда, и этим дан доступ к морю. На резкий протест Румынии наше правительство пригрозило разоружить румынскую армию. В Валахию двинут XI корпус, 1-я и 11-я кавалерийские дивизии и 2 резервные пехотные дивизии из сформированных в конце зимы в России. Всю весну русские и румыны простояли в готовности кинуться друг на друга.

Бисмарк вызвался быть посредником между Россией, Турцией и Европой. Честный маклер преследовал заднюю мысль: угодить Австро-Венгрии (подготовив этим почву для союза с ней) и мимоходом свести кое-какие счета с Россией, отомстив за русскую интервенцию в пользу Франции в 1875 году.

И Россия пошла в Берлин извиняться за свою победу. Берлинский трактат свел на нет Сан-Стефанский договор. Приобретения России сводились к Карсу, Ардагану и Батуму. Баязетский округ и Армения до Саганлуга возвращались Турции. Территория Болгарского княжества урезывалась вдвое (Болгарии не дали выхода к Эгейскому морю). Сербия, получившая незначительное приращение, разочаровалась в России и вошла в орбиту австрийской политики²¹¹. Зато Австро-Венгрия получила в управление Боснию и Герцеговину²¹², и почва для ее союза с Германией против России была подготовлена. Англия за демонстрацию своих броненосцев получила остров Кипр (ценный опорный пункт в восточной части Средиземного моря), а Дизраэли за свою победу над Россией получил титул лорда Биконсфильда.

Русским войскам предоставлено право оккупировать Болгарию и Восточную Румелию (автономная провинция — буфер между Болгарией и Турцией) в продолжение 9 месяцев со дня подписания мира (с 1 июля 1878 года). Гвардия, гренадеры, VIII корпус, 3-я пехотная дивизия и стрелки были перевезены из Фракии в Россию морем, XI корпус из Румынии — по железной дороге. Прочие же войска (IV, IX, XII, XIII, XIV корпуса, 2-я пехотная дивизия, 1-я, 2-я, 4-я резервные пехотные дивизии, 4-я, 8-я, 9-я, 12-я, 13-я кавалерийские дивизии, 7 казачьих полков) остались в распоряжении императорского комиссара генерала князя Дондукова-Корсакова²¹³ на Балканах. Лето 1878 года прошло в борьбе с партизанами в Балканских горах, в организации болгарской армии, получившей русских инструкторов и командиров, русское оружие и русское обмундирование. Весною и летом 1879 года эти войска вернулись в Россию.

Операции на Кавказе

Для борьбы на Азиатском театре войны предназначались только войска Кавказского военного округа — а именно 4 дивизии (затем 5) из находившихся там 7. Остальные 3

дивизии должны были поддерживать порядок в пределах края, охваченного сильным брожением мусульманских племен.

Отсутствие флота, делавшее турок полными хозяевами на Черном море, побуждало выделить значительные силы в Приморский район — в долину Риона и в батумском направлении. К началу войны в отделе находилось примерно половина наших сил (38 батальонов из общего числа 81) — 32000 человек с 68 орудиями генерала Оклобжио²¹⁴, получивших наименование Кобулетского отряда и имевших против себя у Батума 25000 турок Дервиша-паши. Операции этого отряда развились совершенно отдельно от таковых же Действующего корпуса.

Этот последний — 50000 пашек и штыков, 152 орудия — был вверен генералу Лорис-Меликову. Ему предстояло оперировать на огромном, 300-верстном, фронте в гористой, бедной сообщениями, дикой местности. Соответственно с этим войска Действующего корпуса образовали три группы:

- 1) главные силы самого Лориса (до 30000 строевых при 96 орудиях),
- 2) Ахалцыхский отряд генерала Девеля²¹⁵ (9000 и 24 орудия),
- 3) Эриванский отряд генерала Тергукасова (11000 при 32 орудиях).

Дивизии и даже большинство бригад Кавказской армии фактически были упразднены, пойдя на формирование отрядов. В Кобулетском отряде — войска 38-й и 41-й дивизий, полк 19-й и линейные батальоны, в главных силах — Гренадерская дивизия и части 39-й дивизии, в Ахалцыхском отряде — части 38-й и 39-й дивизий, в Эриванском — 19-я дивизия.

Противостоявшие нашему Действующему корпусу войска турецкого главнокомандующего Мухтара-паши насчитывали около 17000 в гарнизонах Карса, Ардагана и Баязета и 12000 с 21 орудием в окрестностях Карса и Алашкертской долине. Однако сведения наши о турках были чрезвычайно преувеличены — их считали в два раза сильнейшими наших главных сил (тогда как в действительности наши главные силы превосходили их вдвое). Поэтому было решено по переходе границы занять в 1–2 переходах позиции для прикрытия территории, проверить сведения о неприятеле и затем действовать по обстоятельствам:

главным силам в общем направлении на Каре, Ахалцыхскому отряду — на Ардаган и Эриванскому — на Баязет.

* * *

12 апреля 1877 года, в день объявления войны, войска трех отрядов Действующего корпуса перешли границу. Турки, недооценивавшие русские силы и считавшие их слишком малочисленными для наступательной кампании, были застигнуты врасплох. Оставив в Карее 10-тысячный гарнизон, Мухтар поспешил с оставшимися у него слабыми отрядами прикрыть Эрзерум. Отойдя за Соганлугский хребет, он собрал на позиции у Зевина всего 4500 штыков и 6 орудий. Другой отряд в 7000 штыков и 21 орудие прикрывал Эрзерум в Алашкертской долине.

Положение турок было критическим. Русские легко могли овладеть их главной базой — Эрзерумом и уничтожить слабый зародыш турецкой армии на Зевинской позиции. Однако Лорис-Меликов и не подумал воспользоваться своим огромным численным превосходством. Его 60 эскадронов и сотен так и не сумели выяснить ни сил Мухтара, ни их расположения. Остановившись в 20 верстах от Карса, Лорис-Меликов обратил все свое внимание на эту крепость и свел всю деятельность главных сил к рекогносцировкам в ее сторону. Он подарил турецкому главнокомандующему целый месяц.

Пока наши главные силы бездействовали у Карса, Ахалцыхский отряд генерала Девеля, перейдя пограничную речку Арпачай, двинулся к Ардагану. Дойдя 16 апреля до этой крепости, генерал Девель не отважился на ее штурм и просил подкреплений. На усиление его из главных сил был двинут отряд генерала Геймана²¹⁶, и 5 мая Ардаган был взят штурмом. Трофеями было 400 пленных и все 92 бывшие в крепости орудия. Перебито 1750 турок (главным образом жестоким артиллерийским огнем). Остатки — 4000 гарнизона — бежали. Наш урон — 9 офицеров, 335 нижних чинов.

По взятии Ардагана состоялся военный совет для выяснения дальнейшего образа действий. Силы наши были признаны недостаточными для одновременного действия против Карса и против войск Мухтара. Надо было выбирать между взятием крепости и разгромом живой силы противника. Лорис-Меликов пренебрег знаменитым румянцевским правилом и выбрал первое. Он предписал Эриванскому отряду генерала Тергукасова²¹⁷ отвлечь на себя все внимание неприятельской армии, а сам сосредоточил все свои силы (с присоединением Ахалцыхского отряда — до 37000 шашек и штыков) у Карса. Одна часть этих сил — генерала Девеля назначена для осадных работ, другой части — генерала Геймана — надлежало обеспечить ее от войск полевой неприятельской армии. А тем временем к туркам успели подойти подкрепления, и в половине мая 5-тысячный отряд Мухтара разросся в 30-тысячную армию.

Мухтар предполагал, собрав курдское ополчение Мусы Кундухова, двинуть всю эту конницу в глубокий тыл русских — на Ахалцых — Тифлис и далее, с тем, чтобы поднять на русских Чечню. Однако грандиозному этому плану сбыться не привелось — в ночь с 17 на 18 мая шедшие в авангарде Геймана нижегородские драгуны разнесли это полчище блистательной атакой при Бегли-Ах-мете. Трофеями этого знаменитого ночного дела было 2 пушки. Муса Кундухов был раньше на русской службе.

3 июня гарнизон Карса предпринял вылазку, отраженную в славном для нас деле при Аравартане. Все дело при Аравартане решила беспримерная атака северских драгун. Полк пошел в карьер на знаменитую нерасстроенную арабистанскую пехоту, прикрытую огнем 50 орудий, прошел пять неприятельских линий насквозь, изрубил арабистанцев без счета, понеся лишь небольшие потери. Северцы гнали турок до самых стен крепости.

8 тот же день 3-го генерал Лорис-Меликов созвал военный совет. Появившаяся за Соганлугом турецкая армия наконец-то привлекла на себя внимание нашего командования. Генералу Гейману было поручено двинуться за Соганлуг, воспрепятствовать Мухтару идти на выручку Карса и оказать содействие Эриванскому отряду.

9 июня отряд генерала Геймана (19000 человек при 64 орудиях) выступил на Милли-Дюзе и Сарыкамыш, где выяснилось, что Мухтар с главными своими силами обратился на Тергукасова, а на Зевинской позиции стоит дивизия Измаила Хаки-паши. Возникал вопрос, идти ли к Хоросану и, став между отрядами Мухтара и Измаила, бить их по очереди, не допустив их соединения и облегчив Тергукасова, или просто атаковать Зевин. Гейман не был Котляревским и принял второе, посредственное и казавшееся более легким решение.

13 июня он атаковал Зевинскую позицию, но был отбит. Против 10000 турок с 16 орудиями Гейман имел двойное, а в артиллерии даже и четверное превосходство — 19000 бойцов с 64 орудиями. В бой, однако, он ввел лишь около 5000 (2 полка Кавказской Гренадерской дивизии). Наш урон — 844 человека, у турок убито 540. Главная доля вины падает на присутствовавшего здесь и не сумевшего распорядиться Лорис-Меликова. Это, само по себе совершенно незначительное, дело имело роковые последствия. Гейман пал духом и отступил. Лорис-Меликов, растерявшись, снял осаду Карса и 28 июня отвел войска на границу. Почти вся занятая территория, за исключением Ардагана, была потеряна, и Эриванский отряд, оставленный один против всей армии Мухтара, был поставлен в критическое положение. Малодушие нашего командования превратило ничтожную тактическую неудачу в жестокую стратегическую катастрофу.

* * *

Эриванскому отряду генерала Тергукасова надлежало удерживать в спокойствии мусульманское население Эриванской губернии и обеспечить левый фланг всего нашего расположения. 12 апреля он перешел границу и 17-го занял без боя Баязет, где оставлен гарнизон. Ход событий под Ардаганом и Карсом (приостановка наступления главных сил) вынудили его оставаться в бездействии. Турки уклонились от боя и отступили в Вану. Ванский паша Фаик собрал в течение мая до 11000 человек регулярных и курдов.

19 мая Лорис-Меликов предписал Тергукасову отвлечь на себя внимание Мухтара. 22-го Эриванский отряд двинулся Алашкертской долиной в пасть врагу. Он прошел 200 верст

по дикой местности, ведя партизанскую войну с курдами, и был вынужден отделить на сообщения около трети всех своих сил. Положение Тергукасова было в высшей степени рискованным — перед ним чувствовалась вся армия Мухтара, а с тыла нависла угроза со стороны корпуса Фаик-паши. В то же время Лорис-Меликов, сам с главными силами ничего не предпринимавший, требовал от слабого Эриванского отряда все более решительных действий.

4 июня, сбив турок в бою у Драм-Дага, Тергукасов открыл себе доступ в Пассинскую долину, однако последствия этой победы были парализованы тем, что Мухтар, пользуясь вялостью Лорис-Меликова, смог сосредоточить против 7000 русских главные силы своей армии — 18000. В то же время корпус Фаика в тылу Эриванского отряда осадил Баязет, защищавшийся в семь раз слабейшим гарнизоном.

9 июня Мухтар атаковал Тергукасова у Даяра, но был отбит и отступил к Дели-Бабе. Тергукасов отвел затем свой отряд к Драм-Дагу, где решил выждать развертывания операций отряда Геймана. При Даяре наш урон составил 454 человека. У турок (18000 и 18 орудий) убыло 2000. По соотношению сил — это турецкий Зевин, но потери Мухтара при Даяре вдвое сильнее, чем урон Геймана в деле 13 июня. Тут и застало его 15-го числа известие о зевинской неудаче. Положение Эриванского отряда из рискованного сделалось прямо критическим. Обремененный ранеными, израсходовав свои боевые припасы, он попал между двух огней: корпусом Измаила — из войск Мухтара (8000 ружей и 24 орудия) и корпусом Фаика. Тергукасов с честью вышел из этого положения. Его несокрушимой энергии и нравственному подъему войск после Драм-Дага и Даяра Эриванский отряд обязан своим благополучным отступлением на русскую границу (Эриванская губерния вер это время охранялась всего 2 ротами — к счастью, Фаик не воспользовался этим обстоятельством). Отступление длилось десять дней на протяжении 180 верст, и 25 июня батальоны Тергукасова были уже в русских пределах.

Положение осажденного и героически защищавшегося Баязета с каждым днем становилось все отчаяннее. 27-го Тергукасов, едва лишь дав отдохнуть своим войскам, двинулся снова через границу, опрокинул 28 июня в ряде столкновений войска Фаика и выручил этим майора Штоквича и геройский его отряд. Гарнизон Баязета состоял из 30 офицеров и 1300 нижних чинов (батальон Ставропольского полка, взвод 19-й артиллерийской бригады и нескольких команд). Комендантом был подполковник Пацевич. 5 июня турецкое полчище обложило цитадель. Стойко отражавший атаки гарнизон стал испытывать мучения от жажды. В цитадели не было воды, и много смельчаков платилось жизнью при доставке по несколько ведер из источника, по которому турки били почти без промаха. Пацевич пал духом и на совете предложил сдачу. Но господа офицеры его застрелили, и комендантом стал старший после него майор Штоквич, решивший сопротивляться до конца. Раненым стали выдавать по кружке, здоровым — по полкружки воды через день (в палящий июньский зной). На 24-й день гарнизон был спасен, лишившись за время осады 7 офицеров и 310 нижних чинов.

* * *

Неблагоприятный оборот дел встревожил наместника Кавказа — великого князя Михаила Николаевича, лично прибывшего на фронт со своим начальником штаба генералом Обручевым²¹⁵ и взявшего на себя руководство операциями. Русские войска были расположены на местах, уже прославивших наше оружие, — авангард Геймана стал у Башкадыклара, главные силы Лориса — у Кюрюк-Дара. Всего у нас в ружье было 30000 человек при 120 орудиях, не считая Кобулетского и Эриванского отрядов. Инициатива перешла к противнику. Заставив русских отступить по всему фронту и получив подкрепления, Мухтар-паша решил перенести военные действия в русское Закавказье, имея конечным объектом Тифлис.

От Карса на Тифлис можно было двинуться либо через Ахалкалаки, либо через Александрополь. Первое направление было для турок самым выгодным (кратчайший путь, богатая страна), так что великий князь начал спешно стягивать туда войска. Однако Мухтар,

не желавший сейчас генерального сражения, предпочел александропольское направление и медленно тронулся туда 2 июля. С ним было до 35000 при 56 орудиях. С 3 по 7 июля турецкая армия заняла позицию на Аладжинских высотах, где сильно укрепилась на фронте в 22 версты. Мухтар решил выждать здесь корпус Измаила с эриванского направления и затем уже перейти в дальнейшее наступление. Из России на Кавказ были двинуты 1-я гренадерская и 40-я пехотные дивизии. До прибытия этих подкреплений великий князь не находил возможным штурмовать сильную Аладжинскую позицию, ограничиваясь рекогносцировкой ее и полицейскими мероприятиями в большом масштабе против волновавшегося населения. Положение на Кавказе, таким образом, сделалось чрезвычайно похожим на создавшееся как раз в то же время на Балканах в результате Второй Плевны. Весь июль прошел в бездействии — с нашей стороны вынужденном, с турецкой — добровольном. Мухтар не сходил с Аладжи, Измаил действовал (в общем очень вяло) против Тергукасова.

В последних числах июля к Арпаचाю подошла 40-я пехотная дивизия, а в первых числах августа и 1-я гренадерская. Первые усилия решено было обратить против Измаила (и с этой целью отряд Тергукасова значительно усилен), а затем обратиться на Мухтара. Однако в ночь на 13 августа Мухтар неожиданно перешел в наступление и нанес нам довольно чувствительный удар. В деле 13 августа 20000 турок, с потерей 1359 человек, потеснили 8000 русских. Мы лишились 992 человек. До того 6 августа мы предприняли усиленную рекогносцировку Аладжи с потерей 9 офицеров, 353 нижних чинов. В результате этого дела операция против Измаила была отложена, и все внимание великого князя сосредоточилось на Аладже.

К половине сентября здесь против 40000 ружей и 96 орудий Мухтара у нас сосредоточилось до 60000 шашек и штыков при 218 орудиях, и с этими силами положено приступить к решительным операциям. Трехдневное наступательное сражение 20-го, 21-го и 22 сентября закончилось безрезультатно, однако последствия его сказались скоро — уже 27-го числа турки отошли в исходное свое до 13 августа положение. Наступление с 20 по 22 сентября закончилось неудачей, несмотря на частичный успех при Хаджи-Вали. Методы его напоминают Плевну. Наш урон составил 93 офицера и 3290 нижних чинов — наиболее кровопролитное дело за кампанию. Турки лишились 5000. Бездействие Измаила и приближение зимы побуждали Мухтара отступить к Карсу. Он отложил эту операцию до подвоза в Каре необходимых запасов и этой заминкой погубил свою армию.

Едва лишь был замечен отход турок на главную их позицию, как в тот же день, 27 сентября, великий князь Михаил Николаевич стал готовиться к нанесению им сокрушительного удара. В решительном сражении 2-го и 3 октября на Аладжинских высотах (иначе при Авлиаре) турецкая армия была совершенно уничтожена. Остатки ее бежали частью в Каре, частью с самим Мухтаром к Зевину. Вся бывшая у турок артиллерия досталась русским. Мухтар уже отправил в Каре большую часть своей артиллерии. У него осталось на армию в 36000 всего 39 орудий. Мы ввели в дело 55000 с 200 орудиями. Разгром турок был полным: они лишились 22000 человек — 15000 убитых, раненых и разбежавшихся и 7000 пленных, в том числе 7 пашей, с 35 орудиями. Мы применили глубокий охват обоих флангов неприятеля, лишившись в этом славном деле 56 офицеров и 1385 нижних чинов. Великий князь Михаил Николаевич награжден орденом святого Георгия I степени.

Эти остатки неприятельской армии могли быть совершенно истреблены энергичным, безостановочным преследованием. К сожалению, организация преследования всегда являлась нашей слабой стороной. Русская армия умела побеждать, но не умела пользоваться плодами своих побед. Распоряжения о преследовании были отданы лишь в диспозиции на 5-е число. Главные силы были разделены на два отряда — генерала Лазарева 216 (32000 человек при 146 орудиях), двинутый под Каре, и генерала Геймана (18000 человек при 98 орудиях), которому поручено совместно с Эриванским отрядом генерала Тергукасова преследование остатков Мухтара и корпуса Измаила и движение к Эрзеруму.

* * *

12 октября Гейман подошел к Зевинской позиции, где находился слабейший вчетверо отряд Мухтара без артиллерии. Однако вместо того, чтобы атаковать неприятельскую позицию, Гейман остановился против нее в бездействии. Мало того — он не распорядился занятием Хоросана и Кепри-Кея — единственных пунктов, где могло состояться соединение неприятельских отрядов Мухтара и Измаила.

Тем временем корпусу Измаила удалось скрытно отойти от Тергукасова. Он двинулся форсированными маршами по горам, бросив обозы и тяжести. Мухтар 14 октября очистил Зевинскую позицию и, совершив опасный фланговый марш в 10 верст от все бездействовавшего Геймана, двинулся на Кепри-Кей, где русский генерал не сумел его предупредить. 15-го числа в Кепри-Кее состоялось соединение Мухтара и Измаила, и турецкий главнокомандующий вновь располагал силами — 20000 ружей при 40 орудиях — с которыми мог надежно прикрыть Эрзерум. 17-го турки отступили от Кепри-Кея на сильную позицию при Деве-Бойну.

21 октября у Гассан-Калы войска Геймана соединились с отрядом Тергукасова. Гейман, как старший производством, вступил в командование соединенными силами (25000 при 90 орудиях). Он решил атаковать турок на Деве-Бойну с тем, чтоб по разгроме их попытаться овладеть Эрзерумом. Это должно было обеспечить войскам удобные зимние квартиры, не говоря уже о громадном моральном значении взятия анатолийской твердыни.

23 октября последовал штурм Деве-Бойну и полный разгром турок. При Деве-Бойну у нас убыло 29 офицеров, 590 нижних чинов. Турки лишились 3000 убитыми и ранеными, 3000 пленными и всех 43 бывших у них орудий. Гейман демонстрировал войсками нашего левого фланга против правого фланга турок на Палантекене, куда Мухтар и стянул все резервы. В сумерки же Тергукасов с частями 19-й и 39-й пехотных дивизий нанес решительный удар левому флангу турок на высоте Узун-Ахмет. Толпы деморализованных, побросавших оружие аскеров устремились в Эрзерум, их командиры потеряли голову. Никто не думал о сопротивлении. Объятое ужасом население Эрзерума собралось у карских ворот просить аман у русских. Но русские не явились...

Гейман не воспользовался этой блестящей победой. Три дня он простоял в полном бездействии в 15–20 верстах от Эрзерума и лишь 27-го подступил к крепости. Турки тем временем успели прийти в себя, собрать разбежавшиеся таборы и занять ими форты и укрепления для упорной обороны. В ночь на 28 октября Гейман штурмовал Эрзерум, но был отбит. Диспозиция составлена неумело, колонны сбились с направления, проблуждав всю ночь. Один лишь Бакинский полк взял форт Азизие. Наш урон — 600 человек, нами взято 500 пленных. В результате этой неудачи, в которой был сам виноват, Гейман должен был отступить от Эрзерума — оставаться здесь на зиму значило бы погубить войска от лютых морозов на пустынном и диком плоскогорье. Русские войска расположились на зиму в редких деревушках Пассинской долины в невозможнейших санитарных условиях.

Пока Гейман добивал Мухтара на Деве-Бойну, отряд генерала Лазарева 9 октября подступил к Карсу и 13-го начал осадные работы. Осадный корпус поступил под командование Лорис-Меликова. Великий князь отбыл в Тифлис к исполнению своих обязанностей наместника (генерал Обручев остался). Блистательный штурм в ночь на 6 ноября дал нам Каре и завершил фактически войну на Кавказе. Каре взят ночным штурмом 1-й гренадерской, 40-й пехотной дивизиями и Кавказской стрелковой бригадой. В крепости взято 303 орудия. Из гарнизона в 25000 человек 3000 перебито на штурме, 5000 больных и раненых, 17000 с 5 пашами и 800 офицерами сдалось в плен. Наш урон при этом — 2 генерала, 75 офицеров, 2196 нижних чинов.

По взятии Карса часть войск была двинута в Эрзерумский район на усиление Геймана. Мероприятие это имело печальные последствия, усилив и без того большую скученность, лишенных медикаментов, ютившихся в грязных туземных хижинах и землянках войск, и в ту зиму русские стоянки в Пассинской долине и за Соганлугом обратились в тифозные кладбища. В числе жертв тифа был и генерал Гейман. Согласно условиям перемирия Эрзерум был 11 февраля на полгода передан русским (с 20 декабря крепость была

блокирована, причем на позициях войска стояли в снегу выше человеческого роста).

Батумская операция

Операции Кобулетского отряда генерала Оклобжио против Батумского турецкого корпуса Дервиш-паши развивались независимо от общей обстановки на театре войны. 12 апреля 1877 года генерал Оклобжио перешел границу и 14-го занял высоты Муха-Эстате, где прочно укрепился. Действовать ему пришлось в труднопроходимой местности и в тяжелых условиях (враждебное население, трудность подвоза, недостаток горной артиллерии). По выделении Ардаганского отряда у генерала Оклобжио осталось всего 14000 человек при 48 орудиях против двойного превосходства сил Дервиш-паши. Действия Кобулетского отряда отличались медлительностью и вялостью. Турецкая армия имела время изготавиться и занять крепкую позицию у Цихидзири. Генерал Оклобжио, пойдя на сближение с неприятелем, занял 29 апреля позицию у Хуцубани, где бездействовал полтора месяца. 12 — июня он атаковал Дервиша при Цихидзири, но был отражен (что совпало с зе-винской неудачей), эвакуировал Хуцубани и отошел на апрельские позиции при Муха-Эстате, где занял чисто оборонительное положение. Дервиш-паша дважды атаковал Муха-Эстате — 1-го и 12 августа, но оба раза был отбит. Кобулетский отряд (поступивший под команду генерала Комарова) простоял здесь 5 месяцев. 15 ноября турки внезапно отступили на Цихидзирскую позицию: после падения Карса Дервиш боялся быть разбитым превосходными русскими силами.

В первых числах января 1878 года великий князь Михаил Николаевич предписал генералу Комарову²¹⁷ возобновить наступление на Батум. 18 января — за сутки до перемирия — генерал Комаров снова атаковал Цихидзири и был отбит, напрасно понеся большие потери. На следующий день была получена депеша о перемирии, отдавшем Батум и Эрзерум России.

Разбор войны 1877–1878 годов

Политически война 1877–1878 годов далеко не дала того, что смогла бы дать. Берлинская капитуляция Горчакова была менее почетной, нежели Плевненская капитуляция Османа-паши. Европа присвоила себе плоды русских побед Россия была жестоко унижена.

Задержанная робкой дипломатией по первому боцманскому свистку с английского броненосца у самых стен Царьграда, победоносная русская армия болезненно переживала это национальное унижение. На родине же настроения мало чем отличались от послесевастопольских²¹⁸. Ответственность за все ложится целиком на неспособных руководителей российской великодержавной политики, поражавших чрезмерной впечатлительностью и полнейшим отсутствием выдержки.

Стратегически война эта — за исключением последнего месяца кампании — дала сплошь отрицательные образцы. О турецкой стратегии мы и говорить не будем — ее просто не существовало.

Человек обаятельный, любивший войска и любимый ими, великий князь Николай Николаевич не был полководцем. Мы можем лишь догадываться о затруднениях Государя при выборе главнокомандующего. Существовавшее Положение о полевом управлении войск было составлено генералом Милютиным (как впоследствии генералом Сухомлиновым) определенно в пользу военного министра. Назначить же Милютина, никогда ничем не командовавшего, Государь при всем своем доверии к нему как к администратору не мог. Все называли Барятинского, но это было бы афронтом Милютину. Единственным выходом для Государя явилось назначить своего брата, но задним числом можно лишь пожалеть, что главнокомандующим не был назначен победитель Шамиля. Ответственной должностью главнокомандующего явно превышала силы и способности великого князя Николая Николаевича. У него отсутствовало первое и основное качество полководца — сила духа. Он терял голову при неудачах: его отчаянная телеграмма князю Карлу после Второй Плевны, упадок духа после Третьей — когда он находил дальнейшую кампанию безнадежной достаточно это показывает. Он мог бы еще занимать эту должность без ущерба делу при непременно, однако, условии наличия хорошего и знающего свое дело начальника штаба.

Таковым, конечно, не мог считаться генерал Непокойчицкий, роль которого (подобно роли Янушкевича²¹⁹ при Николае Николаевиче — Младшем 37 лет спустя) была ничтожной. Юрий же Данилов²²⁰ ставки 1877 года именовался генералом Левицким и пользовался дружной ненавистью всей армии. Его считали главным виновником всех неудач, что следует, однако считать преувеличенным. Современники рисуют генерала Левицкого²²¹ в чрезвычайно отрицательном свете как человека и как офицера. Не следует, однако, забывать его заслуги после Третьей Плевны, когда он вместе с Милютиным отстоял перед Государем, вопреки большинству, продолжение кампании.

Основным пороком нашей стратегии в эту войну является беспримерная, неслыханная в военной истории разброска сил. Желая решительно всюду иметь заслоны, наша Главная Квартира буквально распыляет армию: два корпуса — под Рушук, один — в Добруджу, один — на Балканы, один — под Никополь, один оставлен на Дунае... Ни один из фасов этого трехстороннего каре не оказывается способным на сколько-нибудь решительные действия. Для главной задачи перехода Балкан — операции, в которой и заключался весь смысл войны, назначено всего десять батальонов генерала Гурко! Корпус Радецкого удерживают на линии Балкан — и в пасть врагу шлют слабый отряд, пусть и с выдающимся начальником. Результат — Эски-Загра. Прагматическое изучение военной истории — обобщение, синтез — у нас отсутствовало (заучивали механически факты и цифры). Результатом этого и явилось то упорное применение нелепой идеи стратегического авангарда, которой у нас характеризуется всякое начало кампании. В 1853 году уже едва не случилось катастрофы при Баяндуре, но опыт с Орбелиани пропал даром, и в 1877 году посылают Гурко. И этот опыт тоже пропадает даром — Старая Загора в мельчайших подробностях повторится под Тюренченом. Более того, Тюренчен в свою очередь будет воспроизведен в 1914 году под Опатовом!

К началу июля 1877 года у нас получилось, таким образом, следующее положение:

- 1) ведут войну — 10 батальонов (на главном стратегическом направлении);
- 2) смотрят, как ведут войну, — 120 батальонов (на второстепенных направлениях, в различных резервах и наблюдательных отрядах);
- 3) вовсе не ведут войны — 60 батальонов (VII и X корпуса, созерцающие закат солнца в новороссийских степях и на Черном море).

Это момент наших первых неудач. Чрезвычайно характерно употребление, которое наша Главная Квартира делает тогда из своего единственного резерва XI корпуса, оставленного на Дунае. Она его разменивает на мелочи, распыляет на три отряда, двинутых в три направления и не принеших, вследствие этой распыленности, ни малейшего облегчения на фронте. Одна его дивизия (11-я пехотная дивизия) двинута не на почти что обнаженную Шипку и не под Плевну, где только что случилась неустойка, а куда-то в пустопорожнее пространство под Осман-Базар для более чем проблематичной связи Радецкого с цесаревичем. Суворов, между тем, учил: Идешь в бой, снимай коммуникацию! Однако суворовские заветы игнорировались милютинской армией, как до того игнорировались армией гатчинской. Другая дивизия (32-я) раздроблена. Одна бригада двинута под Плевну (для большего беспорядка — со штабом корпуса), другая оставлена в Румынии, и это несмотря на то, что на фронте важна была каждая рота!

Будь следом за Гурко двинут за Балканы весь VIII корпус Радецкого (а не только 2 полка), мы никогда не имели бы Эски-Загры. Сулейман запросил бы помощи — он никогда не мог бы надеяться одолеть равные силы русских в полевом бою. Ему на помощь, бросив Плевну, поспешил бы Осман, и у русской стратегии сразу развязались бы руки. Если же на усиление VIII корпуса был бы сразу двинут целиком с Дуная и XI, то Шейновская битва произошла бы уже в июле, а не в декабре; Филиппопольская победа — в начале августа, а не в январе. Робость, половинчатость и рутинность нашей Главной Квартиры, бесцельно разбросавшей свои силы, затянули войну на полгода. Это имело следствием лишнюю жертву ста тысяч жизней, не говоря уже о жестоких страданиях войск в зимний холод, о громадных материальных затратах и о моральном ущербе, причиненном России тремя Плевнами (что

сейчас же сказалось на отношении к нам Европы).

Если главная наша ошибка заключалась в том, что мы не двинули сразу же по переправе VIII и XI корпусов за Балканы, то следующая заключалась в бесцельной экспедиции в Добруджу XIV корпуса — добровольном ослаблении нашей и без того недостаточной армии на целый, даром там пропавший для войны корпус.

Исследователя этой войны не может не поразить то обстоятельство, что в то время, как на фронте требовали за две тысячи верст из Петербурга гвардию и 24-ю дивизию, а из Москвы — гренадер и в ожидании их приостановили на два месяца всякие активные операции, все необходимые для армии войска были тут же — не за 2000 верст, а за 100–200 от театра военных действий. Это были VII и X корпуса, уже мобилизованные и уже сосредоточенные в Херсонской губернии и в Крыму. Если в апреле могли еще быть кое-какие, пусть и неосновательные, сомнения относительно возможности турецкого десанта, то в половине июня — по переходе нами Дуная — Турции было уже не до десантов. Ведь и высадка союзников в Крыму могла состояться лишь потому, что русские войска эвакуировали княжества. Оставаясь Паскевич на Дунае — в Крыму не высадилось бы ни одной неприятельской роты.

Перевезенные в июле-августе под Плевну, наши VII и X корпуса не только надежно защитили бы Новороссию, но и решили бы участь войны, приблизив развязку до наступления зимы. Тогда еще, в начале октября, можно было бы двинуть подошедшие из России подкрепления прямо за Балканы, собрав для этого гвардию, гренадер, VIII корпус, 3-ю, 24-ю, 26-ю дивизии, то есть 10 дивизий со стрелками и конницей, чего было бы более чем достаточно. На примере неиспользования VII и X корпусов мы можем видеть, какую ужасную роль сыграло в 1877 году отсутствие флота на Черном море, приковавшее эти силы к охране побережья. Ответственность за неиспользование этих корпусов лежит на военном министре графе Милютине, составившем неудовлетворительный план кампании и не сумевшем организовать подкрепления Действующей армии.

Итак, главным упреком руководителям русской стратегии в эту войну является неумение распорядиться своими силами на театре войны. Их умения хватало лишь на организацию отрядов трех родов оружия. До организации маневренной массы — решающего кулака в решительном направлении — наша Главная Квартира 1877 года не доросла.

От стратегии к тактике

Нас поражает какой-то импровизационный ее характер. Корпуса и дивизии существуют лишь на бумаге, их управления дезорганизованы, из них нарезаны всевозможные отряды, на которые и возложено ведение боя.

Эти импровизированные отряды ведутся, как правило, импровизированными же начальниками, не знающими командиров и войск, случайно и только что поступивших под их мимолетное командование. Какая разница с прусско-германской армией 1870 года! Там корпуса и дивизии дерутся все время в постоянном составе, никому и в голову не приходит их дезорганизовать, образуя отряды сообразно обстоятельствам. Наоборот, французская армия построена на столь любезном милютинскому Положению 1868 года принципе импровизации (проведенном гораздо шире, чем в России). Высшим соединением мирного времени там был полк. Бригады и дивизии формировались при мобилизации и носили фамилии командиров²²³, являя все характерные признаки наших отрядов. Удивительно, что это обстоятельство ускользнуло от Милютина и не отразилось на его Положении после 1870 года. Результат — Вторая и Третья Плевны. Живые организмы полков, дивизий и корпусов мстили за произведенные над ними вивисекции и ампутации — и мстили жестоко.

Причина этой отрядомании, этих ампутаций и всей путаницы — милютинское канцелярско-отрядное Положение о полевом управлении войск от 1868 года, вводившее импровизацию отрядов в систему²²⁴. Милютин смотрел на ведение боя бюрократически — он совершенно пренебрегал духовной спайкой начальников и подчиненных, взаимным их доверием, рождающимся в живом военном организме за долгие годы совместной службы в

мирное время. Смотря на армию, как на объект для математических выкладок, Милютин игнорировал тот дух, что создается в результате многолетней совместной жизни и совместной работы полков и батарей в рамках одной дивизии и одного корпуса. Составляя свое Положение, он считал, что отряд в 12–16 батальонов и 6 батарей, набранных с бору по сосенке, может дать эквивалент дивизии — и этого рода софизмы привели к известным печальным результатам. В частности, к корпусам, созданным — вернее, воссозданным — перед самой войной, не успели еще привыкнуть.

Бессмертная русская пехота вновь показала себя той, какой ее выковали два века славы. Боевые артели волынцев и минцев на систовских кручах, орловцы и брянцы в Орлином Гнезде, Железные стрелки на утесах Шипки, горсть владимирцев на плевненских редутах, гвардия, по грудь в воде переходящая Марицу в ледоход, и те неизвестные шипкинские часовые, последним разводящим которых был Святой Георгий, — все это сыновья севастопольских благодетелей, внуки бородинских гренадер, правнуки измаильских чудо-богатырей.

Хотя бы мнение о том, что в эту войну нашей пехоте удавалась лишь оборона, а в наступлении она терпела неудачу, совершенно не выдерживает никакой критики. В Третью Плевну скобелевскому отряду — полкам 2 — 16-й дивизий и стрелкам 3-й бригады — удалось то, что не удалось хваленой прусской гвардии при Сен-Прива. А именно — взятие сильной позиции, несмотря на убийственный огонь. Плевненские редуты находились в наших руках целые сутки, тогда как при Сен-Прива 3 бригады прусской гвардии беспомощно залегли перед позицией 94-го французского полка, выбитого лишь обходным движением Саксонского корпуса. Шейново, Аладжа, Деве-Бойну — типичные наступательные операции, не говоря уже о блестяще проведенном ночном приступе Карса — первоклассной крепости. Но самой блистательной, самой грандиозной из наступательных операций явился, конечно, беспримерный штурм Балкан — подвиг, бывший не по плечу ни одной армии в мире, за исключением той, что вела за собой Гурко, Радецкий и Скобелев!

Из общего количества 260 эскадронов и сотен конницы стратегическую роль суждено было сыграть лишь 14. Но рейд их на Адрианополь поставил Турцию на колена. Никогда еще за всю новую историю на долю конной части не выпадало столь решительного жребия, что достался московским драгунам, петербургским уланам, донцам 1-го полка и их лихому начальнику генералу Струкову.

Главная масса нашей конницы всю войну действовала бесцветно, в чем виной исключительно рутинерство старших начальников (достаточно вспомнить Крылова под Плевной). С разведывательной службой она не справилась — по переходе Дуная армия двигалась в потемках, несмотря на наличие при ней 150 эскадронов. Глаза не видели, уши не слышали. Но всякий раз, когда во главе этих эскадронов и сотен становились достойные их командиры, слава венчала их штандарты. Бегли-Ахмет и Аравартан общеизвестны, но не менее достойно славы дело при Караджаларе, где храбрый Греков повторил Картальское дело Баура после Кагула, захватив всю артиллерию армии Сулеймана. Налет же лейб-драгунского эскадрона капитана Бураго на Филиппополь явился исключительным по силе подтверждением того, что смелость города берет.

Артиллерия оказалась на своей всегдашней высоте. В начале войны образована корпусная артиллерия: артиллерийские бригады оставлены в составе 4 батарей, а по 2 батареи от каждой переданы корпусному начальнику артиллерии. При корпусе образовалась, таким образом, как бы артиллерийская бригада в 4 батареи (поровну батарейных и легких). Тактическое ее применение со стороны войсковых начальников часто было посредственно (вроде пятидневной бессмысленной долбежки плевненских укреплений 4-фунтовыми батареями). И так же отлично зарекомендовали себя инженерные войска — зимницкие понтонеры, саперы балканских перевалов.

Остается упомянуть про довольствие армии. Милютин передал его еврейскому товариществу Коган, Грегор, Горвиц и К. Обворованные войска терпели недостаток во всем — товарищество загребало золотые горы. Контракт с этим товариществом являет собой верх

легкомыслия — в частности, 3-й параграф лишь чудом не имел роковых последствий. Согласно этому параграфу Главная Квартира обязана была сообщать агентам товарищества за неделю вперед местонахождение воинских частей и соединений на театре войны и все их маршруты. Святая святых военной тайны выносилась на улицу, доверялась сотням посторонних частных лиц, в большинстве факторов Западного края, знавших за неделю то, о чем старшие начальники армии обычно ставились в известность за день или за два. К чести всех этих сотен агентов, почти поголовно евреев, предателей среди них не нашлось. Но это исключительно счастливая случайность.

* * *

Русское полководчество шесть месяцев — плачевное, седьмой — блистательно. С июня по конец ноября армия вверена слабому и неумелому руководству Главной Квартиры. Нарезанные ею отряды двигаются наудачу, ощупью, без связи друг с другом и всюду натываются на превосходные силы. Тогда пробуют действовать по Мольтке, воспроизвести Гравелот под Плевной. Это не удается, и каждая неудача сопровождается приступом малодушия: после Второй Плевны — челобитная румынам, после Третьей — предложение отступить за Дунай. Воля Государя спасает положение. Однако Плевна парализует всю армию — и Главная Квартира целиком подчиняется воле Османа-паши.

Но тут в первый ряд выдвигаются три вождя: Гурко, Радецкий, Скобелев. Все трое — люди железной воли. Каждый, однако, по-своему: Гурко — могуч и решителен; Радецкий — спокоен и непреклонен; Скобелев — блестящий, сверкающий. В свои энергичные руки принимают они ведение войны, сообщают ему свой неизгладимый отпечаток. И последний, седьмой, месяц дает нам переход Балкан, Шейново, Филиппополь и сокрушение двух турецких армий. Русское военное искусство пробуждается. Грозно и прекрасно оно в этом своем пробуждении!

На первое место следует поставить Гурко. Это — победитель войны 1877 1878 годов, победитель Балкан, вдохнувший свою несокрушимую энергию как в войска, так и в Главную Квартиру. Скобелев еще не успел вполне сформироваться как полководец (Шейново — Рымник, Прагой будет Геок-Тепе). Но он уже стал Белым Генералом, героем легенд — при одном его виде гремит ура!. Радецкий уступает им в полководческом отношении — он не столь монументален, как Гурко, не столь картинен, как Скобелев. Но он из того же гранита — этот на вид скромный, бесстрастный — и бесстрашный — военачальник, шесть месяцев простоявший бессменным часовым на славнейшем и ответственнейшем посту всей войны. Федор Федорович Радецкий еще с кадетской скамьи отличался исключительным прямодушием. Скромностью и застенчивостью он напоминает Нахимова. Когда после Шейнова великий князь Николай Николаевич вручил ему свою георгиевскую звезду, Радецкий в замешательстве сунул ее в карман.

На Балканах война тянется до конца января, на Кавказе с турками покончено уже в октябре. Это — разница между двумя братьями-главнокомандующими. В лице великого князя фельдцейхмейстера Кавказская армия имела авторитетного и волевого полководца, сумевшего объединить действия различных отрядов, направить их к определенной цели — сокрушению неприятельской армии. Старшие начальники Кавказской армии в эту войну — ниже посредственного. Лорис-Меликов слаб и нерешителен, Гейман храбр, но бездарен. Счастливое исключение представляет лишь Радецкий Закавказья — Тергукасов.

Всего в военных действиях принимало участие: 31 пехотная дивизия, 4 стрелковые бригады, 15 кавалерийских дивизий, 3 отдельные кавалерийские бригады и отдельные казачьи части — круглым счетом 600000 человек. Боевые потери составили 32000 убитых, умерших от ран и без вести пропавших, 75000 раненых. Четыре пятых этих потерь приходится на Балканский театр. Потери от болезней во много раз значительнее — только на театре войны случилось 450000 заболеваний, и сыпной тиф унес в могилу свыше 80000 человек.

Трофеями были на Балканах — 16 пашей, 113000 пленных, 605 орудий. На Кавказе — 12 пашей, 32000 пленных, 475 орудий. Итого: 28 пашей, 145000 пленных и 1080 орудий (из

них 9 пашей, 71000 пленных и 311 орудий взято в полевом бою).

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ВОЙНУ 1877–1878 годов были чрезвычайно многочисленны. Их получили все полки, бывшие на театре военных действий, даже не принимавшие участия в активных операциях:

- Лейб-Гвардии Преображенский полк — знаки на шапки за Ташкисен;
- Лейб-Гвардии Семеновский полк — знаки на шапки за Правец;
- Лейб-Гвардии Измайловский полк — знаки на шапки за Горный Дубняк;
- Лейб-Гвардии егерский полк — знаки на шапки за Телиш;
- Лейб-Гвардии Московский полк — знаки на шапки за Араб-Конак;
- Лейб-Гвардии Гренадерский и Лейб-Гвардии Павловский полки — знаки на шапки за Горный Дубняк;
- Лейб-Гвардии Финляндский полк — знаки на шапки за Филиппополь;
- Лейб-Гвардии Литовский полк — знаки на шапки за Филиппополь;
- Лейб-Гвардии Кексгольмский и Лейб-Гвардии Петербургский полки георгиевские знамена за отличия в 1877–1878 гг.;
- Лейб-Гвардии Волынский полк — знаки на шапки за Ташкисен;
- Лейб-Гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк — знаки на шапки за Правец — Филиппополь;
- Лейб-Гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк — знаки на шапки за Араб-Конак;
- Лейб-Гвардии 3-й стрелковый и 4-й стрелковый Императорской Фамилии полки георгиевские знамена за 1877–1878 гг.;
- 1-й Лейб-Гренадерский Екатеринославский полк — георгиевское знамя за Аладжу;
- 2-й гренадерский Ростовский полк — георгиевское знамя за Хаджи-Вали (уже имел за 1812 г.), георгиевские трубы за Аладжу;
- 3-й гренадерский Перновский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг. (уже имел за 1807 г.), георгиевские трубы за Каре;
- 4-й гренадерский Несвижский полк — георгиевское знамя за Каре (уже имел за Варшаву в 1831 г.), георгиевские трубы за 1877–1878 гг. (уже имел за 1807 г.);
- 7-й гренадерский Самогитский полк — георгиевское знамя за Плевну (уже имел за Варшаву в 1831 г.), знаки на шапки за Плевну;
- 9-й гренадерский Сибирский и 10-й гренадерский Малороссийский полки георгиевские знамена за Плевну;
- 11-й гренадерский Фанагорийский полк — георгиевское знамя за Плевну (имел за Базарджик в 1810 г. и Остроленку в 1831 г.), георгиевские трубы за Плевну;
- 12-й гренадерский Астраханский полк — георгиевское знамя за Плевну (имел за Остроленку в 1831 г.), георгиевские трубы за Плевну;
- 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк — георгиевское знамя за Ардаган (имел за Башкадыклар и Кюрюк-Дара), георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 14-й гренадерский Грузинский полк — георгиевское знамя за Аладжу (имел за Ахалкалаки в 1811 г. и Кавказскую войну), георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 15-й гренадерский Тифлисский полк — георгиевское знамя за Ардаган (имел за Шушу в 1826 г.), георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 16-й гренадерский Мингрельский полк — георгиевское знамя за Хаджи-Вали (имел за Чингильские высоты в 1854 г. и за Кавказскую войну), георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 1-й пехотный Невский и 2-й пехотный Софийский полки — георгиевские знамена за 1877–1878 гг. (имели за Кулевчу в 1829 г.), знаки на шапки;
- 3-й пехотный Нарвский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг.;
- 4-й пехотный Копорский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг. (имел за Кулевчу в 1829 г.), знаки на шапки;
- 5-й пехотный Калужский и 6-й пехотный Либавский полки — георгиевские знамена за Ловчу;

- 7-й пехотный Ревельский и 8-й пехотный Эстляндский полки — георгиевское знамя за 1877–1878 гг.;
- 9-й пехотный Староингерманландский, 10-й пехотный Новоингерманландский и 11-й пехотный Псковский полки — георгиевские знамена за переход Балкан;
- 12-й пехотный Великолупкий полк — георгиевское знамя за дело у Греаты;
- 17-й пехотный Архангелогородский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг. (имел уже за Альпы в 1799 г. и за Ла-Ротьер);
- 18-й пехотный Вологодский полк — георгиевские трубы за Плевну и Филиппополь;
- 19-й пехотный Костромской полк — георгиевское знамя за переход Балкан и Ташкисен;
- 20-й пехотный Галицкий полк — георгиевское знамя за Никополь;
- 33-й пехотный Елецкий полк — георгиевские трубы за взятие редута у Шипки;
- 34-й пехотный Севский полк — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 35-й пехотный Брянский полк — георгиевское знамя за Шипку (имел за переход Дуная в 1828 г. и за Севастополь);
- 36-й пехотный Орловский полк — георгиевское знамя за Шипку (имел за Севастополь);
- 41-й пехотный Селенгинский, 42-й пехотный Якутский, 43-й пехотный Охотский и 44-й пехотный Камчатский полки — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 45-й пехотный Азовский полк — георгиевские трубы за Трестеник и Мечку;
- 46-й пехотный Днепровский и 47-й пехотный Украинский полки — георгиевские трубы за Трестеник и Мечку;
- 48-й пехотный Одесский полк — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 53-й пехотный Волынский, 54-й пехотный Минский и 55-й пехотный Подольский полки — георгиевские трубы за Зимницу и Шипку;
- 86-й пехотный Житомирский полк — знаки на шапки за Зимницу и Шипку;
- 61-й пехотный Владимирский полк — знаки на шапки за взятие редута под Плевной;
- 62-й пехотный Суздальский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 63-й пехотный Углицкий и 64-й пехотный Казанский полки — знаки на шапки за Шейнов;
- 67-й пехотный Тарутинский и 68-й пехотный Бородинский полки — георгиевские знамена за Базарджик;
- 69-й пехотный Рязанский и 70-й пехотный Рижский полки — георгиевские трубы за переход Дуная у Галаца;
- 73-й пехотный Крымский полк — георгиевское знамя за Драм-Дат, Даяр и освобождение Баязета, георгиевский рожок за геройскую защиту Баязета, поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 74-й пехотный Ставропольский полк — георгиевское знамя за геройскую защиту и освобождение Баязета, поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 75-й пехотный Севастопольский полк — георгиевское знамя и поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 76-й пехотный Кубанский полк — георгиевское знамя за изгнание турок из Абхазии, поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 77-й пехотный Теигинский, 78-й пехотный Навагинский и 79-й пехотный Куринский полки — георгиевские трубы за усмирение Дагестана;
- 80-й пехотный Кабардинский полк — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 81-й пехотный Апшеронский полк — георгиевское знамя за усмирение Чечни и Дагестана (имел за Ахульго, Дарго, Гуниб и Хиву);
- 82-й пехотный Дагестанский полк — георгиевское знамя за дело у Цудахара (имел за Салты и Сагрытло), георгиевские трубы за усмирение Дагестана;
- 83-й пехотный Самурский полк — георгиевское знамя за усмирение Дагестана (имел за Салты) и георгиевские трубы за то же;
- 84-й пехотный Ширванский полк — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;

- 93-й пехотный Иркутский, 94-й пехотный Енисейский, 95-й пехотный Красноярский и 96-й пехотный Омский полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 101-й пехотный Пермский полк — георгиевское знамя за Церковну;
- 102-й пехотный Вятский полк — георгиевские трубы за Церковну;
- 103-й пехотный Петрозаводский и 104-й пехотный Устюжский полки георгиевское знамя за 1877–1878 гг.;
- 117-й пехотный Ярославский, 118-й пехотный Шуйский, 119-й пехотный Коломенский и 120-й пехотный Серпуховский полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 121-й пехотный Пензенский и 122-й пехотный Тамбовский полки — георгиевские знамена и георгиевские трубы за Горный Бугаров;
- 123-й пехотный Козловский полк — знаки на шапки за Ташкисен;
- 124-й пехотный Воронежский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 125-й пехотный Курский полк — георгиевские рожки и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 126-й пехотный Рыльский полк — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 127-й пехотный Старооскольский и 128-й пехотный Путивльский полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 129-й пехотный Бессарабский и 130-й пехотный Херсонский полки георгиевские трубы за Аблаву;
- 131-й пехотный Тираспольский полк — георгиевское знамя за Аблаву;
- 132-й пехотный Бендерский полк — георгиевские трубы за Аблаву;
- 137-й пехотный Нежинский и 138-й пехотный Болконский полки — георгиевские знамена и георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 139-й пехотный Моршанский полк — георгиевское знамя, георгиевские рожки и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 140-й пехотный Зарайский полк — георгиевское знамя и георгиевские рожки за 1877–1878 гг.;
- 149-й пехотный Черноморский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 150-й пехотный Таманский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг. и знаки на шапки за Деве-Бойну;
- 151-й пехотный Пятигорский полк — георгиевское знамя и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 152-й пехотный Владикавказский полк — георгиевское знамя за Каре, знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имел за Западный Кавказ 1864 г.);
- 153-й пехотный Бакинский полк — георгиевское знамя за Ардаган и штурм Эрзерума (Азие), поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 154-й пехотный Дербентский полк — георгиевское знамя за Аладжу (Орлоксские высоты);
- 155-й пехотный Кубинский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг., георгиевские трубы за Деве-Войну;
- 156-й пехотный Елисаветпольский полк — георгиевское знамя за Ардаган и Аладжу, поход за отличие 1877–1878 гг.;
- 157-й пехотный Имеретинский, 158-й пехотный Кутаисский, 159-й пехотный Гурийский и 160-й пехотный Абхазский полки — георгиевские знамена за Каре и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 161-й пехотный Александропольский полк — георгиевское знамя за 1877–1878 гг.;
- 162-й пехотный Ахалцыхский полк — георгиевское знамя и георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский и 164-й пехотный Закатальский полки — георгиевские знамена за 1877–1878 гг.;
- 9-й стрелковый батальон — георгиевское знамя за Шейново;
- 10-й стрелковый — георгиевское знамя за переход Балкан у Траяна;

- 11-й стрелковый — знаки на шапки за Шейново;
- 12-й стрелковый — георгиевское знамя за Шейново;
- 13-й стрелковый — георгиевское знамя за Джуранлы и двукратный переход Балкан;
- 14-й стрелковый и 15-й стрелковый — георгиевские знамена за двукратный переход Балкан;
- 16-й стрелковый — георгиевское знамя за Шипку и двукратный переход через Балканы;
- 1-й Кавказский стрелковый — георгиевские трубы за Каре; георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 2-й Кавказский стрелковый — георгиевское знамя за 1877–1878 гг.;
- 3-й Кавказский стрелковый — георгиевское знамя за 1877–1878 гг., георгиевские трубы за Деве-Бойну;
- 4-й Кавказский стрелковый — георгиевское знамя за 1877–1878 гг., георгиевские трубы за Каре;
- 1-й пластунский — георгиевские рожки за 1877–1878 гг.;
- 2-й пластунский и 6-й пластунский — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- Лейб-Гвардии драгунский полк — георгиевский штандарт (имел за 1831 г.);
- Лейб-Гвардии конногренадерский полк — знаки на шапки за Врацу;
- Лейб-Гвардии гусарский полк — знаки на шапки за Ташкисен;
- Лейб-Гвардии уланский Ее Величества полк — знаки на шапки за Телиш и Балканы;
- Лейб-Гвардии уланский Его Величества полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- Лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк — георгиевский штандарт за 1877 1878 гг.;
- Конвой Его Величества — знаки на шапки за 1877–1878 гг., георгиевские трубы за Ловчу;
- Лейб-Гвардии казачий полк — знаки на шапки за Ловчу;
- 1-й драгунский Московский полк — георгиевский штандарт за взятие Адрианополя;
- 1-й уланский Санкт-Петербургский полк — георгиевские петлицы за 1877 1878 гг.;
- 1-й гусарский Сумской полк — гвардейские шнуры за отличие 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Донской полк — знаки на шапки за Шейново;
- 4-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский полк — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 4-й уланский Харьковский полк — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 4-й гусарский Мариупольский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 7-й драгунский Кинбурнский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 7-й гусарский Белорусский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 11-й казачий Донской полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 8-й драгунский Астраханский полк — георгиевский штандарт за двукратный переход Балкан;
- 8-й гусарский Лубенский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 8-й казачий Донской полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 9-й драгунский Казанский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 9-й гусарский Киевский полк — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Уральский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 11-й уланский Чугуевский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 12-й драгунский Старо дубовский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 12-й уланский Белгородский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 12-й гусарский Ахтырский полк — гвардейские шнуры за 1877–1878 гг.;
- 12-й казачий Донской полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 13-й драгунский Военного Ордена полк — георгиевский штандарт за 1877 1878 гг.;
- 13-й уланский Владимирский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 13-й гусарский Нарвский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 15-й драгунский Переяславский полк — георгиевский штандарт за Даяр;

- 16-й драгунский Тверской полк — георгиевские трубы за Каре;
- 17-й драгунский Нижегородский полк — широкие георгиевские ленты на штандарт за Бегли-Ахмет;
- 18-й драгунский Северский полк — широкие георгиевские ленты на штандарт за Аравартан и штурм Карса, георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 9-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й и 18-й казачьи Донские полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 23-й казачий Донской полк — знаки на шапки за Шипку;
- 26-й казачий Донской полк — георгиевский штандарт за двукратный переход через Балканы (имел за 1828–1829 гг.);
- 29-й казачий Донской полк — георгиевский штандарт за быстрое наступление и взятие Браилова;
- 30-й казачий Донской полк — георгиевский штандарт за Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50 орудий при Караджаларе;
- 31-й, 36-й, 37-й и 39-й казачьи Донские полки — георгиевские штандарты за 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Кубанский Хоперский полк — георгиевские трубы за переход Кавказского хребта и усмирение Дагестана;
- 2-й казачий Кубанский Хоперский полк — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Кубанский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имел за 1854 г.);
- 2-й казачий Кубанский полк — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Кубанский Полтавский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг. (имел за Браилов в 1828 г.);
- 1-й казачий Кубанский Ейский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг. (имел за Анапу в 1828 г.), георгиевские трубы за Каре;
- 2-й казачий Кубанский Ейский полк — георгиевский штандарт за 1877–1878 гг.;
- 1-й казачий Кубанский Умаиский полк — георгиевские трубы за Зорский перевал и геройскую защиту Баязета;
- 1-й казачий Кубанский Кавказский полк — георгиевский штандарт за Деве-Бойну (имел за 1828–1829 г., Кавказскую войну и Западный Кавказ в 1864 г.);
- 2-й казачий Кубанский Кавказский полк — знаки на шапки за усмирение Дагестана;
- 1-й казачий Терский Кизляро-Гребенской полк — знаки на шапки за Дагестан (имел за Кюрюк-Дара и Пеняк);
- 2-й казачий Терский Кизляро-Гребенской полк — георгиевские трубы за Каре и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 3-й казачий Терский Кизляро-Гребенской полк — знаки на шапки за Дагестан;
- 1-й казачий Терский Горско-Моздокский полк — георгиевские трубы за 1877 г.;
- 2-й казачий Терский Горско-Моздокский полк — георгиевские трубы за Деве-Бойну, знаки на шапки за 1877 г.;
- 3-й казачий Терский Горско-Моздокский полк — знаки на шапки за усмирение горцев Терской области;
- 1-й казачий Терский Волгский полк — георгиевские трубы за Деве-Бойну и знаки на шапки за 1877 г. (имел за Пеняк);
- 2-й казачий Терский Волгский полк — георгиевское знамя за Деве-Бойну и Каре (имел за 1828–1829 гг., Кавказскую войну. Восточный и Западный Кавказ);
- 1-й казачий Терский Сунженско-Владикавказский полк — георгиевские трубы за Каре (имел за Хиву), знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 2-й казачий Терский Сунженско-Владикавказский полк — георгиевский штандарт за дело 6 июля 1877 г., георгиевские трубы за Даяр и Каре, знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 3-й казачий Терский Сунженско-Владикавказский полк — знаки на шапки за усмирение горцев Терской области и за Деве-Бойну;
- 2-й и 3-й казачьи Астраханские полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;

- 6-й и 7-й казачьи Оренбургские полки — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- Лейб-Гвардейская 1-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Ташкисен, Шандорник, Филиппополь и Араб-Конак;
- Лейб-Гвардейская 2-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Телиш, Филиппополь и Араб-Конак;
- Лейб-Гвардейская 3-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Телиш, Филиппополь и Плевну;
- 1-я гренадерская артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Аладжу;
- 2-я и 3-я гренадерские артиллерийские бригады — георгиевские трубы и знаки на шапки за Плевну;
- Кавказская гренадерская артиллерийская бригада — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 1-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 2-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 3-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Плевну, Правец, Горный Этрополь (имела за 1831 г.). знаки на шапки за Плевну, Ловчу и Балканы (имела за Варшаву);
- 5-я артиллерийская бригада — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг., знаки на шапки за Плевну и Никополь;
- 9-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Шипку;
- 11-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имела за 1853–1855 гг.);
- 12-я артиллерийская бригада — георгиевские петлицы за 1877–1878 гг., георгиевские трубы за Трестеник и Мечку;
- 14-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Шипку (имела за 1849 г. и 1854–1855 гг.), знаки на шапки за Шипку (имела за 1814 г.);
- 16-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Плевну (имела за Севастополь), золотые петлицы за 1877–1878 гг., знаки на шапки за Ловчу и Плевну (имела за Севастополь);
- 17-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Базарджик;
- 18-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за переправу у Галаца;
- 19-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и золотые петлицы за 1877–1878 гг., знаки на шапки за геройскую защиту Баязета;
- 20-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за усмирение горцев Терской области (имела за Кавказскую войну), знаки на шапки за 1877 г. (имела за 1828–1829 гг. и Кавказскую войну);
- 21-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за 1877–1878 гг., Деве-Бойну и Дагестан (имела за Восточный Кавказ 1859 г.), георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
- 24-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 26-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 30-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Плевну;
- 31-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за Никополь и Плевну;
- 32-я артиллерийская бригада — золотые петлицы и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 33-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Аблаву;
- 35-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
- 38-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Деве-Бойну и Каре, знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 39-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Деве-Бойну и Каре, знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
- 40-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Каре и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;

41-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
Лейб-Гвардейская 2-я конная батарея — знаки на шапки за Горный Бугаров;
Лейб-Гвардейская 3-я конная батарея — знаки на шапки за Филиппополь;
Лейб-Гвардейская 5-я конная батарея — знаки на шапки за Телиш;
8-я конная батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
13-я конная батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
15-я конная батарея — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
16-я конная батарея — георгиевские трубы за Джуран-лы, Эски-Загру и двукратный переход через Балканы;
18-я и 19-я конная батареи — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
20-я конная батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг.; с
1-я Донская батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
2-я Донская батарея — знаки на шапки за Никополь (имела за 1828–1829 гг.);
4-я Донская батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
5-я Донская батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имела за 1826 1827 и 1828–1829 гг.);
6-я Донская батарея — знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имела за 1854 1855 гг.);
8-я и 9-я Донские батареи — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
10-я Донская батарея — знаки на шапки за дело при Уфлани;
11-я и 13-я Донские батареи — знаки на шапки за 1877–1878 гг. (имела за 1854–1855 гг.);
14-я Донская батарея — знаки на шапки за 1877 — 1878-гг. (имела за 1854 1855 гг.);
21-я Донская батарея — знаки на шапки за Мечку;
1-я, 2-я и 5-я Кубанские батареи — георгиевские трубы и петлицы за 1877 1878 гг.;
4-я Кубанская батарея — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
1-я Терская батарея — георгиевские трубы за Каре, георгиевские петлицы за 1877–1878 гг.;
2-я Терская батарея — знаки на шапки за Дагестан (имела за Кавказскую войну);
Лейб-Гвардейский саперный батальон — знаки на шапки за переход Балкан;
2-й саперный батальон — георгиевское знамя за оборону позиции на реке Лом, за Шипку и переход Балкан;
3-й саперный батальон — георгиевские трубы за Плевну;
4-й саперный батальон — георгиевские трубы за Плевну и Балканы (имел за Силистрию);
5-й саперный батальон — георгиевские трубы за проводку моста по Дунаю под огнем Никопольской крепости;
7-й саперный батальон — георгиевское знамя за переправу у Зимницы;
11-й саперный батальон — георгиевские трубы за 1877–1878 гг.;
1-й саперный Кавказский батальон — георгиевское знамя за Деве-Бойну (имел за Ахалцых);
2-й саперный Кавказский батальон — георгиевское знамя за Каре, знаки на шапки за 1877–1878 гг.;
2-й, 4-й и 5-й понтонные батальоны — знаки на шапки за переправу у Зимницы (имели за 1828–1829 г.);
3-й понтонный батальон — знаки на шапки за переправу у Зимницы.
Щедрее всех — и по понятной причине — были награждены войска Руцукского отряда, как раз не имевшие сколько-нибудь выдающихся дел. В 35-й пехотной дивизии, например, все полки получили и георгиевские знамена, и георгиевские трубы за несколько перестрелок. 33-я пехотная дивизия за неудачное в общем дело у Аблавы получила больше наград, чем скобелевская 16-я за блестящую шейновскую победу. Впрочем, щедрость сказалась и в ряде других случаев — за незначительное дело у Горного Бугарова два полка 31-й дивизии получают и георгиевские знамена, и георгиевские трубы. Наоборот,

горталовский батальон, сутки державшийся против всей турецкой армии, особого отличия не удостоился. Тарутинцы и бородинцы, с таким героизмом отстаивавшие севастопольские бастионы, потерявшие там свыше трех четвертей своего состава и получившие только знаки на шапки, теперь за базарджикскую перестрелку награждаются георгиевскими знаменами. За стычку у Ташкисена выдано столько же наград, сколько за Битву народов при Лейпциге, тогда как самое лихое гвардейское дело (литовцы под Карагачем) осталось в тени. Из 28 пехотных полков, принявших непосредственное участие в военных действиях на Кавказе, георгиевские знамена пожалованы 27.

В коннице высоких наград удостоены полки, пропускавшие продовольственные транспорты Осману в Плевну, а одному полку георгиевский штандарт был пожалован за чисто спортивный пробег вне всякой неприятельской досягаемости по союзной территории на правом берегу Дуная. Есть чему удивляться, если вспомним, с каким разбором жаловались коннице награды за беспримерные подвиги Аустерлица, Эйлау и Бородина!

То же мы видим и в награждении орденами. Рекогносцировка офицера Генерального штаба, как правило, награждалась Владимиром с бантом (а при художественно составленной реляции — георгиевским оружием). На анненское — и даже георгиевское — оружие прочно установился взгляд как на очередную награду. Уже в 1880 г., например, заведывавший хозяйством одного из пехотных гвардейских полков 2-й дивизии не на шутку обиделся, получив очередной наградой Анну 2-й степени, когда, по его мнению, он должен был бы получить георгиевское оружие. Вообще же Александр II щедрой, но непродуманной раздачей наград и боевых отличий сильно их обесценил.

Глава XI.

Туркестанские походы

Завоевание Средней Азии резко отличается по своему характеру от покорения Сибири. Семь тысяч — верст от Камня до Тихого океана были пройдены с небольшим в сто лет. Внуки казаков Ермака Тимофеевича стали первыми русскими тихоокеанскими мореплавателями, заплыв на челнах с Семеном Дежневым в чукотскую землю и даже в Америку. Их сыновья с Хабаровым и Поярковым стали уже рубить городки по Амур-реке, придя к самой границе китайского государства. Удалые ватаги, зачастую лишь в несколько десятков отважных молодцов, без карт, без компаса, без средств, с одним крестом на шее и пищалью в руке, покоряли огромные пространства с редким диким населением, переваливая через горы, о которых раньше никогда не слыхали, прорубаясь через дремучие леса, держа путь все на восход, устрашая и подчиняя дикарей огненным боем. Доходя до берега большой реки, они останавливались, рубили городок и посылали ходоков в Москву к Царю, а чаще в Тобольск к воеводе — бить челом новой землицей.

Совсем иначе сложились обстоятельства на южном пути русского богатыря. Против русских здесь была сама природа. Сибирь являлась как бы естественным продолжением северо-восточной России, и русские пионеры работали там в климатических условиях, конечно, хоть и более суровых, но в общем привычных. Здесь же — вверх по Иртышу и на юг и юго-восток от Яика — простирались безбрежные знойные степи, переходившие затем в солончаки и пустыни. Степи эти населяли не разрозненные тунгусские племена, а многочисленные орды киргизов²²⁵, при случае умевших постоять за себя и которым огневой снаряд был не в диковинку. Эти орды находились в зависимости, частью номинальной, от трех среднеазиатских ханств — Хивы на западе, Бухары в средней части и Коканда на севере и востоке.

При продвижении от Яика русские должны были рано или поздно столкнуться с хивинцами, а при движении от Иртыша — с кокандцами. Эти воинственные народы и подвластные им киргизские орды вместе с природой ставили здесь русскому продвижению преграды, для частного почина оказавшиеся непреодолимыми. Весь XVII и XVIII век наш образ действий на этой окраине был поэтому не бурно наступательным, как в Сибири, а строго оборонительным.

Гнездо свирепых хищников — Хива — находилось как бы в оазисе, огражденном со

всех сторон на многие сотни верст, как неприступным гласисом, раскаленными пустынями. Хивинцы и киргизы устраивали постоянные набеги на русские поселения по Яику, разоряя их, грабили купеческие караваны и угоняли русских людей в неволю. Попытки яицких казаков, людей, столь же отважных и предприимчивых, как их сибирские собратья, обуздать хищников, успехом не увенчались. Задача значительно превысила их силы. Из ходивших на Хиву удальцов ни одному не привелось вернуться на родину — их кости в пустыне засыпал песок, уцелевшие до конца дней своих томились в азиатских клоповниках. В 1600 году на Хиву ходил атаман Нечай с 1000 казаков, а в 1605 году атаман Шамай — с 500 казаков. Им обоим удалось взять и разорить город, но оба эти отряда погибли на обратном пути. Устройством плотин на Аму-Дарье хивинцы отвели эту реку от Каспийского моря в Аральское²²⁶ и превратили весь Закаспийский край в пустыню, думая обеспечить этим себя от Запада. Покорение Сибири было делом частного почина отважных и предприимчивых русских людей. Завоевание Средней Азии стало делом Российского государства — делом Российской Империи.

Начало русского проникновения в Среднюю Азию. От Бековича до Перовского

Попытка первого из русских императоров проникнуть в Среднюю Азию закончилась трагически. Отряд Бековича²²⁸, отправленный для отыскания сухого пути в Индию, весь стал жертвой хивинского вероломства. Одной из задач Петр поставил ему: Плотины разобрать и воды Аму-Дарьи реки паки в Каспийское море обратить, понеже зело нужно. Дойдя до Хивы, Бекович пал жертвой вероломства хивинского хана и собственного легкомыслия. Хан изъявил на словах покорность, предложил ему разделить свой отряд на несколько мелких партий для удобства размещения в стране. После этого хивинцы внезапным нападением вырезали их порознь. Пропал, как Бекович под Хивой, — стали говорить с тех пор, и на целых полтора столетия мечта проникнуть в Среднюю Азию со стороны Каспия была оставлена, а распространение русской государственности на юго-восток вообще приостановилось на весь XVIII век²²⁹.

Одновременно с Бековичем, как мы уже знаем, был двинут из Сибири вверх по Иртышу отряд Бухгольца²³⁰. Экспедиция эта имела результатом создание Сибирской линии — кордона постов и укреплений по Иртышу от Омска на Семипалатинск и Усть-Каменогорск для защиты русских владений от набегов степных кочевников. В последующие десятилетия Сибирская линия была продлена до китайской границы и на ней выстроено в общей сложности 141 укрепление — кордон на расстоянии одного перехода друг от друга.

Прикрыв, таким образом, Сибирь, русское правительство стало энергично укреплять свою власть в Приуралье. Заволжские степи заселены, границы с Волги и Камы продвинулись на Яик, и земли яицких казаков были включены в государственную систему. В 1735 году основан административный центр степных владений — Оренбург, а в 1758 году устройством Оренбургского казачьего войска положено начало Оренбургской линии, сперва учрежденной вдоль по Яику, но уже в 1754 году вынесенной вперед — на Илецк.

Так наметилось два наступательных плацдарма России — Сибирский и Оренбургский.

Вторая половина XVIII века и начало XIX протекли в устройстве края, всколыхнувшегося лишь раз, по получении лаконического указа Императора Павла: Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную! Экспедиция эта, совершенно непродуманная и чреватая гибельными последствиями, была отменена Александром I. С назначением сибирским генерал-губернатором Сперанского²³¹ пробудилась в этих краях российская великодержавность. В 20-х и 30-х годах русские посты постепенно продвинулись на 600–700 верст от Сибирской линии и стали достигать Голодной степи. Киргизские орды стали переходить в русское подданство. На Сибирской линии этот процесс проходил гладко, но на Оренбургской в Малой орде вспыхнули волнения, поддержанные Хивой. К концу 30-х годов положение здесь сделалось совершенно несносным.

Чтоб обуздать хищников. Император Николай Павлович повелел оренбургскому генерал-губернатору генералу графу Перовскому²³² предпринять поход на Хиву. В декабре

1839 года Перовский с отрядом в 3000 человек при 16 орудиях выступил в поход тургайскими степями. Лютые морозы, бураны, цинга и тиф остановили отряд, дошедший было до Аральского моря. Энергией Перовского удалось спасти остатки отряда, лишившегося почти половины своего состава. После первого похода Бековича второй русский поход в Среднюю Азию кончился неудачей, что вселило в хивинцев уверенность в своей неуязвимости и непобедимости.

Все наше внимание обратилось на замирение киргизов. В 1845 году Оренбургская линия была вынесена вперед, на реки Иргиз и Тургай, где построены укрепления этого имени. Малую орду можно было считать окончательно замиренной. В 1847 году мы достигли Аральского моря, где учредили флотилию. С 1850 года зашевелилась и Сибирская линия, где стали учреждаться в Семиречье казачьи станицы, закреплявшие за нами киргизскую степь.

Вновь назначенный оренбургским генерал-губернатором граф Перовский решил предпринять операцию первостепенной важности: овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть²³³, запиравшей у Аральского моря все пути в Среднюю Азию и считавшейся среднеазиатскими народами неприступною.

В конце мая 1853 года он выступил с Оренбургской линии с 5000 человек и 36 орудиями и 20 июня стоял перед сильно укрепленной крепостью, пройдя 900 верст в 24 дня. 27 июня Перовский штурмовал Ак-Мечеть и овладел кокандским оплотом к вечеру 1 июля, на пятый день боя. Наш урон на приступе — 11 офицеров, 164 нижних чина. Кокандцев пощажено лишь 74 человека.

Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, ставший краеугольным камнем новоучрежденной Сыр-Дарьинской линии. Линия эта явилась как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим киргизскую степь от туркмен пустыни Усть-Урт).

В неравном бою 18 декабря того же 1853 года гарнизон Перовска героически отразил в двенадцать раз превосходившие силы кокандцев, пытавшихся вырвать Ак-Мечеть из русских рук. Гарнизон под начальством подполковника Огарева состоял из 1055 человек при 19 орудиях. Кокандцев было 12000. Блестящей вылазкой Огарев и капитан Шкупь опрокинули всю орду, положив до 2000 и взяв 11 знамен и все 17 орудий неприятеля. Наш урон — 62 человека.

Колпаковский и Черняев

К началу нового царствования головными пунктами русского продвижения в Среднюю Азию являлись со стороны Оренбурга — Перовск, а со стороны Сибири только что заложенный Верный. Между этими двумя пунктами находился прорыв, своего рода ворота шириною в 900 верст и открытые для набегов кокандских скопищ в русские пределы. Эти кокандские скопища опирались на линию крепостей Азрек — Чимкент — Аулие-Ата — Пишпек — Токмак. Необходимо было как можно скорее замкнуть эти ворота и оградить наших киргизов от кокандского влияния. Поэтому с 1856 года основной задачей России стало соединение линий Сыр-Дарьинской и Сибирской. На одном из этих направлений мы имели 11 оренбургских линейных батальонов, уральских и оренбургских казаков, а на другом — 12 западносибирских линейных батальонов и казаков Сибирского войска. Эти горсти людей были разбросаны на двух громадных фронтах, общим протяжением свыше 3500 верст.

Операция соединения линий была задержана сперва (до 1859 года) устройством киргизов, а затем ликвидацией нашествия кокандских полчищ на Сибирскую линию.

Начальником угрожаемого района — Заилийского края — был подполковник Колпаковский²³⁴. В конце лета 1860 года кокандский хан собрал 22000 воинов для того, чтоб уничтожить Верный, поднять на русских киргизскую степь и разгромить все русские поселки Семиречья. Положение для русского дела на этой окраине сложилось угрожающе. Колпаковский мог собрать в Верном около 2000 казаков и линейцев. Поставив все на карту, этот Котляревский Туркестана двинулся на врага и в трехдневном бою на реке Кара-Костек

(Узун-Агач) наголову разбил кокандцев. При Кара-Костеке русских было всего 1000 человек при 8 орудиях. В последний день наши линейцы прошли с боем 44 версты. Этим блестящим делом Сибирская линия была обеспечена от неприятельских покушений. Одновременно отряд полковника Циммермана разорил крепости Токмак и Пишпек. В 1862 году генерал Колпаковский взял крепость Мерке и утвердился в Пишпек. Россия стала твердой ногой в Семиречье, и ее влияние распространилось на китайские пределы.

К этому времени относится изменение нашего взгляда на значение среднеазиатских завоеваний. Прежде мы считали продвижение на юг делом внутренней политики и задачу видели в обеспечении степных границ. Теперь же наша среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер. Раньше в глубь материка нас тянул лишь тяжелый рок. Теперь же обращенным на юг взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана... Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров!

Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, приближавших нас к Индии. Враждебное к нам отношение Англии со времени Восточной войны и особенно с 1863 года определило всю русскую политику в Средней Азии. Наше продвижение с киргизских степей к афганским ущельям являлось замечательным орудием политического давления — орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II.

* * *

Решено было не откладывать соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий²³⁵ и объединить возможно скорее наши владения. Весною 1864 года навстречу друг другу выступило два отряда — от Верного полковник Черняев с 1500 бойцами и 4 орудиями — и от Перовска полковник Вережкин²³⁶ с 1200 человеками и 10 орудиями.

Пройдя Пишпек, Черняев взял штурмом 4 июня крепость Аулие-Ата и в июле подошел к Чимкенту, где 22-го числа выдержал бой с 25000 кокандцев. Вережкин тем временем взял 12 июля крепость Туркестан и выслал летучий отряд для связи с Черняевым. Этот последний, считая свои силы (7 рот, 6 сотен и 4 пушки) недостаточными для овладения сильно укрепленным Чимкентом, отступил в Туркестан на соединение с полковником Вережкиным. Оба русских отряда, соединившись, поступили под общее командование только что произведенного в генералы Черняева и, отдохнув, направились в половине сентября под Чимкент. 22 сентября Черняев штурмовал Чимкент, овладел им и обратил в бегство кокандскую армию. У Черняева было 1000 человек и 9 орудий. Чимкент защищало 10000. Черняев овладел крепостью, переведя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. Наши трофеи: 4 знамени, 31 орудие, много другого оружия и разных военных принадлежностей. У нас выбыло из строя 47 человек.

Кокандцы бежали в Ташкент. Черняев решил немедленно использовать моральное впечатление чимкентской победы и двинуться на Ташкент, дав лишь время распространиться молве. 27 сентября он подступил под сильно укрепленный Ташкент и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь.

Воспрянувшие духом кокандцы решили заставить русских врасплох и в декабре 1864 года собрали до 12000 головорезов для внезапного нападения на Туркестан. Но эта орда была остановлена в трехдневном отчаянном бою у Икан с 4 по 6 декабря геройской сотней 2-го Уральского полка есаула Серова, повторившего здесь аскеранский подвиг Карягина. Из 110 казаков при 1 единороге уцелело 11, 52 убито, 47 ранено. Все получили георгиевские кресты. О сопротивление этой горсти героев сломился порыв кокандцев, и они, не приняв боя с высланным на выручку русским отрядом, возвратились восвояси.

Весною 1865 года учреждена Туркестанская область, и Черняев назначен был ее военным губернатором. С отрядом в 1800 человек и 12 орудий он выступил под Ташкент и 9 мая разбил под его стенами кокандские силы. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего туда свои войска. Решив упредить бухарцев, Черняев поспешил штурмом и на рассвете 15 июня овладел Ташкентом стремительной атакой. В

Ташкенте, имевшем до 30000 защитников, взято 16 знамен и 63 орудия. Наш урон — 123 человека. Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии.

Подчинение Бухары

Успехи Черняева и распространение русского могущества на Коканд сильно встревожило Бухару. Это ханство было до сих пор ограждено от русских кокандскими землями, ставшими сейчас русскими областями. Эмир претендовал на Ташкент, ссылаясь на волю его жителей, но домогательства его были отвергнуты. Положив овладеть Ташкентом силой, эмир весной 1866 года собрал у русских пределов до 43000 войск. Генерал Черняев в свою очередь решил не дожидаться удара, а бить самому — и в мае двинул на Бухару отряд генерала Романовского²³⁷ в 3000 бойцов при 20 орудиях.

Кампания 1866 года генерала Романовского была сокрушительной. 8 мая он разбил бухарские войска при Ирджаре, 24-го овладел Ходжеятом, 20 июля приступом взял Ура-Тюбе, а 18 октября внезапным и жестоким штурмом покорил Джизак. В трех этих беспощадных штурмах русские войска, лишившись 500 человек, положили на месте 12000 азиатов. Под Ирджаром перебито 1000 бухарцев и взято 6 орудий. При штурме Ходжента перебито 3500. Наш урон — 137 человек. При Ура-Тюбе перебито 2000, взято 4 знамени, 32 орудия, наши потери — 227 человек. Наконец, в самом кровавом деле, при Джизаке, из 11000 бухарцев легло 6000, из 2000 русских убыло только 98. Взято 11 знамен и 43 орудия.

Потеряв Джизак, бухарцы бежали к своей столице — Самарканду и поспешили вступить в переговоры о мире. В безрезультатных переговорах прошел весь 1867 год. Бухарцы их намеренно затягивали, стремясь выиграть время и набрать новую армию, Россия же провела капитальную административную реформу. В этом, 1867 году Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, составившее в административном отношении две области Семиреченскую (город Верный) с военным губернатором генералом Колпаковским и Сыр-Дарьинскую (город Ташкент) с генералом Романовским. Образован Туркестанский военный округ, и войска на его территории — 7-й Оренбургский и 3-й Сибирский линейные батальоны — развернуты в 1-ю стрелковую дивизию и 12 линейных туркестанских батальонов. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал фон Кауфман²³⁸, Черняев был отозван.

Человек ответственных решений и волевой военачальник, генерал фон Кауфман сразу оценил обстановку. Примирительная политика не удалась, злая воля Бухары стала очевидной — эту злую волю надлежало сломить. В конце апреля 1868 года Кауфман с отрядом в 4000 штыков и шашек при 10 орудиях двинулся от Ташкента к Самарканду, на подступах к которому эмир собрал до 60000 человек.

2 мая 1868 года пехота генерала Головачева²³⁹ по грудь в воде перешла Зеравшан на глазах неприятельских полчищ, ударила на них в штыки, овладела высотами Чапан-Ата и обратила бухарцев в бегство. Самарканд закрыл ворота бегущим и сдался русским. В бой пришлось идти сразу же по переходе реки. Солдаты набрали полные голенища воды, разуваться же и вытряхивать воду не было времени. Наши линейцы становились на руки, и товарищи трясли их за ноги. После этого сразу пошли в штыки на бухарцев. Халатники решили, что постигли секрет русской тактики, и месяц спустя при Зарабулаке, подойдя на ружейный выстрел, их первые ряды стали головой вниз, тогда как задние добросовестно стали трясти их за ноги. По совершении этого обряда в победе никто из них не сомневался.

Оставив здесь гарнизон, Кауфман двинулся дальше на юг с войсками Головачева и Романовского. 18 мая он опрокинул бухарцев при Катта-Кургане, а 2 июня доконал армию эмира в жесточайшем степном побоище на Зарабулакских высотах. Зарабулак — первая проба игольчатых винтовок Карле, жестокая бойня, в которой перебито до 10000 бухарцев, густые массы которых наш огонь косил, как траву. Наши потери всего 63 человека. Всего в этом деле против 2000 русских действовало 35000 войск эмира. Потрясенный эмир запросил аман. Бухара признала над собой протекторат России, уступила России Самарканд и все земли до Зарабулака.

В самый день решительной Зарабулакской битвы — 2 июня — в нашем тылу

предательски восстал Самарканд. К восставшим присоединились полчища воинственных горцев-шахрисябцев, и 50000 хищников атаковали цитадель, где засел геройский русский гарнизон (700 человек) майора Штемпеля. Шесть дней защиты Самарканда навсегда останутся блистательной страницей в летописях и традициях туркестанских войск. 7 июня вернувшийся из-под Зарабулака Кауфман выручил этих храбрецов и поступил с Самаркандом с примерной строгостью. Геройская стойкость гарнизона, отбившего яростные приступы 2 и 3 июня, повела к тому, что шахрисябцы, отчаявшись в успехе, уже 4-го числа ушли к себе в горы. Мы лишились 150 человек. Дальнейшие атаки самаркандцев отбивать стало легче. Кауфман в наказание (самаркандцы присягнули на подданство России и присягу эту нарушили) приказал сжечь город.

Одновременно с подчинением России Бухарского ханства вспыхнуло восстание дунган в китайском Туркестане. Анархия эта вызвала брожение в смежной части русского Семиречья, и дунганский султан стал вести себя вызывающе. В 1869 году генерал Колпаковский предпринял экспедицию в китайский Туркестан, а в 1871 году оккупировал Кульджу. Большую часть этой провинции Россия возвратила в 1874 году Китаю, после того как китайцы управились с восстанием.

В 1869 году произошло важное событие — Россия утвердилась на восточном берегу Каспийского моря. В Красноводском заливе высадился генерал Столетов²⁴⁰ с отрядом в 1000 человек войск Кавказской армии. Таким образом, через полтора столетия возобновлена была попытка Бековича проникнуть в Среднюю Азию от Каспия. Тут мы столкнулись с новым храбрым и жестоким врагом туркменами, населявшими закаспийские степи и пустыни. Возведение нами в 1870 году Красноводска послужило для них поводом к неприязненным действиям. В 1871 году состоялась знаменитая рекогносцировка капитана Скобелева от Красноводска до Хивинского Сарыкамыша через пустыню Усть-Урт. Скобелев произвел маршрутную съемку Усть-Урта, пройдя 760 верст в 6 дней с охраной всего из шести джигитов. В 1874 году занятые нами на восточном берегу Каспия земли составили Закаспийский отдел, подчиненный Кавказскому военному округу.

Хивинский поход и покорение Коканда 1873–1876 годов

Одна лишь Хива до сих пор не извела силы русского оружия. Считая себя защищенными пустыней, помня двукратную неудачу русских походов на их оазис, хивинцы не желали прекращать разбоев, грабежей и прибыльной работоторговли. На все представления генерала Кауфмана хивинский хан либо не отвечал, либо отвечал дерзостями, считая, что белые рубахи до Хивы не дойдут.

Тогда в конце зимы 1873 года было решено предпринять на Хиву поход четырьмя отрядами с трех сторон: со стороны Туркестана — Кауфман с 6000 человек при 18 орудиях, со стороны Оренбурга — генерал Веревкин с 3500 человек при 8 орудиях и со стороны Каспийского моря два отряда — Мангышлакский полковника Ломакина с 3000 человек и 8 орудиями и Красноводский полковника Маркозова²⁴¹ с 2000 человек и 10 орудиями — оба из войск Кавказского округа. По соединении всех отрядов у Хивы все эти силы, до сих пор в Туркестане неслыханные (до 15000 бойцов при 44 орудиях), должны были поступить под команду Кауфмана.

Веревкин, которому надлежало идти по наиболее длинному маршруту, уже в половине февраля тронулся небольшими переходами с Эмбы на Аму-Дарью северокаспийскими степями. Туркестанский отряд (колонны Кауфмана и Головачева) выступил 13 марта. Закаспийский и Красноводский — в половине марта, а Мангышлакский — в половине апреля.

Туркестанскому отряду, выступившему из Джизака, пришлось вынести всю тяжесть континентального климата — сперва резкий холод, затем в апреле ужасный зной. С половины апреля пришлось идти по безводной пустыне, запасы воды вышли, люди стали умирать, и, когда отряд 21 апреля пришел в урочище Адам-Крылган (что значит погибель человека), гибель его казалась неизбежной. Случайно открытые колодцы спасли войска, и Кауфман непреклонно шел вперед. 12 мая он вышел на Аму-Дарью, дал войскам отдых и

направился к Хиве.

Двум закаспийским отрядам приходилось преодолеть 700-верстную пустыню Усть-Урт с ее песчаными сыпучими барханами. Красноводскому отряду это оказалось не по силам, и он вынужден был вернуться, сослужив, однако, ту службу, что удержал своим движением наиболее воинственное из туркменских племен — текинцев.

Мангышлакский отряд (где начальником штаба был подполковник Скобелев) перешел Усть-Урт в пятидесятиградусный зной, имея частые стычки с хивинцами и туркменами, и 18 мая близ Мангыта соединился с Оренбургским отрядом генерала Веревкина. 20-го числа Веревкин и Ломакин²⁴² имели здесь упорный бой с хивинцами, положив их до 3000, а 26-го подошли к Хиве, куда затем прибыл и Туркестанский отряд Кауфмана.

28 мая начался штурм города, и 29-го решительная атака Скобелева завершила дело. Вслед за Кокандом и Бухарой покорилась и Хива. Хивинский хан признал себя покорным слугой русского Царя, освободил всех невольников в пределах своей страны и уступил России все земли на правом берегу Аму-Дарьи, где к вассальному отныне ханству был приставлен русский часовой — форт Петроалександровск.

Раньше, чем вернуться в Туркестан, Кауфман предпринял карательную экспедицию на туркмен-йомудов и покорил их, положив в делах 14 и 15 июня свыше 2000 человек. В этом деле было уничтожено как раз то племя, что вырезало отряд Бековича²⁴³.

Этот Хивинский поход был самым трудным из всех многотрудных туркестанских походов. Безмерных лишений, которым подверглись здесь роты линейных батальонов и кавказских полков, не выдержала бы никакая армия в мире. Усть-Урт и Адам-Крылган — такая же победа над самой природой, как Муттенская долина и Траянов перевал. Военные и политические дарования генерала Кауфмана выявились еще раз в полном своем размере. А по рядам линейцев и казаков передавалось имя героя этой экспедиции — молодого, безупречно щеголеватого 30-летнего полковника Генерального штаба, отчаянной отваге и невозмутимой решительности которого изумлялись все. Через четыре года имя это знала вся Россия.

* * *

Подчиняя своему влиянию среднеазиатские государства, Россия оставляла этим ханствам полную внутреннюю самостоятельность, требуя лишь признания своего протектората, уступки некоторых важных в стратегическом отношении областей и пунктов и прекращения работ торговли.

От этой умеренной линии поведения пришлось, однако, вскоре сделать отступление и показать зазнавшимся было азиатам, что великодушие — не слабость. В 1875 году в одном из трех наших протекторатов, Коканде, вспыхнули беспорядки. Худояр — хан кокандский бежал в Ташкент, а власть узурпировал бек Пулат, свирепый ненавистник России. В конце июля и начале августа 1875 года шайки кокандцев совершили ряд нападений на русские посты между Ходжентом и Ура-Тюбе, а 8 августа 15-тысячное скопище напало на Ходжент, но было отражено.

Энергичный Кауфман реагировал немедленно. Уже 11 августа генерал Головачев разбил 6000 кокандцев у Зюльфагара, а 12-го выступили из Ташкента и главные силы Кауфмана (4000 при 20 орудиях). Вся конница, 1000 шашек, была поручена полковнику Скобелеву.

Русские двинулись в ходжентском направлении. Пулат-хан с огромной армией (до 60000) поджидал русских у Махрама на Сыр-Дарье. 22 августа русские на походе отбили атаки скопищ кокандцев, а 24-го в генеральном сражении при Махrame нанесли сокрушительное поражение ко-кандской армии. Махрам — удар стрелков в лоб врагу, конницы Скобелева — в тыл. 3000 кокандцев положено на месте и взято 46 орудий. Наши потери всего 5 убитых и 8 раненых. Дорога на Коканд, столицу ханства, была открыта. 26-го, после дневки у Махрама, Кауфман выступил туда и 29 августа овладел Кокандом без боя.

Остатки разбитых кокандских войск собрались на востоке ханства — у Маргелана и Оша. Их возглавил Абдуррахман Автобачи. Кауфман двинулся на Маргелан, открывший ему

ворота. Абдурахман бежал, бросив свой лагерь, а его войско было рассеяно нагнавшим его Скобелевым. Коканд уступил России земли по правому берегу Нарыма, составившие Наманганский округ. Нарым — не что иное, как среднее течение реки Сыр-Дарьи (в верхнем своем течении именуемой также Тарагаем). Не смешивать с Нарымским краем в Сибири.

Лишь только русские покинули пределы ханства, как в сентябре все оно опять было охвачено восстанием. Пулат-хан и Абдурахман провозгласили в Андижане газават — священную войну и в несколько дней собрали до 70000 приверженцев. Генерал Кауфман двинул под Андижан отряд генерала Троцкого²⁴⁴. Подойдя к Андижану, генерал Троцкий 1 октября предпринял штурм, отличавшийся невероятным ожесточением. Пощады здесь никому не было дано, фанатики ее и не просили. Андижан был разгромлен артиллерией, пехота и казаки добились врага. Наши потери всего 5 офицеров и 58 нижних чинов. Повстанцев перебито до 4000.

В результате андижанского штурма Коканд казался замиренным. Русские его эвакуировали, и в декабре вспыхнул новый мятеж. Ликвидировать этот взрыв третий за полгода — было поручено начальнику Намангайского округа, только что произведенному в генералы Скобелеву. Скобелев устремился на Пулат-хана, засевшего в Маргелане, во вынужден был возвратиться: в тылу у него восстал Намангаи. Этот город был сожжен, и мятеж пресечен в зародыше. Затем Скобелев возобновил свою экспедицию. 31 декабря он разгромил 20000 кокандцев при Балыкчанских завалах, а 4 января 1876 года георгиевские рожки линейных батальонов вторично протрубили приступ Андижана.

На этот раз ханство было усмирено окончательно, Ош и Маргелан изъявили покорность. 28 января сдался Абдурахман. Пулат-хан пойман и за зверства над русскими пленниками повешен. 12 февраля Коканд взят, и последний хан кокандский Наср-Эддин выслан в Россию. Коканд-ское ханство перестало существовать и присоединено Скобелевым к России под наименованием Ферганской области.

Ахал-Текинские походы 1877–1881 годов

Туркменские степи огромным клином вдавались в наши среднеазиатские владения, разделяя Закаспийский край и Туркестан и пересекая все наши караванные пути, так что сообщения между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург. Из всех туркменских племен особенной свирепостью и воинственностью отличались текинцы, обитавшие в оазисах Ахал-Текинском и Мервском. Престиж этих чеченцев Средней Азии стоял высоко от Кабула до Тегерана.

Сразу же после нашей высадки и закладки Красноводска острые шашки текинцев воспротивились русскому продвижению в Закаспийский край. Владения их были трудно досягаемы — от моря Ахал-Текинский оазис отделяли 500 верст безводной и пустынной степи. Покорение этого осинового гнезда было настоятельно необходимо и стало на очередь сейчас же по учреждении в 1874 году Закаспийской области. Однако трепетавшая перед Англией русская дипломатия, опасаясь того, что могут подумать в Лондоне, настояла на полумере. Решено было лишь утвердиться на краю оазиса в урочище Кизил-Арват — иными словами, осиное гнездо не уничтожить, а только потревожить.

Неудачная идея была еще неудачнее выполнена. Ходивший в 1877 году на Кизил-Арват генерал Ломакин не рассчитал средств снабжения и, заняв указанный район, должен был спешно ретироваться ввиду недостатка продовольствия. В 1878 году штаб Кавказского округа предписал генералу Ломакину предпринять усиленную рекогносцировку Ахал-Текинского оазиса. Это был большой психологический промах: движение крупного русского отряда туда и назад было истолковано как неудавшийся поход, и во всех окрестных землях стали говорить, что текинцев никто не может победить — даже русские.

Тогда в 1879 году в Тифлисе решили предпринять серьезную операцию. Для покорения Ахал-Текинского оазиса был назначен сборный отряд, куда вошли батальоны славных полков Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й дивизий. Отряд этот — силою до 10000 человек — был вверен герою Карса генералу Лазареву.

Генерал Лазарев повторил ошибку Ломакина в 1877 году — он пренебрег устройством

продовольственной части и смог поэтому двинуть в поход в августе 1879 года лишь половину своего отряда. На пути к текинскому оплоту Геок-Тепе Лазарев скончался, и в командование вступил старший генерал Ломакин. При погребении Лазарева колеса пушки, производившей салют, рассыпались, что было всеми истолковано как дурное предзнаменование (вследствие чрезмерной сухости воздуха подобного рода аварии деревянных лафетов и повозок случались в этих местах часто). Этот последний (Ломакин) к хаосу нерасчетливо еще добавил еще торопливость. 28 августа он подступил к стенам Геок-Тепе с 3000 усталых людей, с замороженными верблюдами и 12 орудиями, не пожелал выслушать депутации, хотевшей изъявить было покорность, штурмовал текинскую крепость, был отбит с уроном и поспешно отступил, едва не погубив всего отряда. Наш урон в этом упорном деле — 27 офицеров и 418 нижних чинов, самый значительный за все туркестанские войны.

Эта неудача сильно поколебала престиж России на Востоке. Белые рубахи были побеждены! Хивинцы и персияне злорадствовали (им, впрочем, самим солоно приходилось от дерзких набегов текинцев). Еще более ликовали англичане, только что потерпевшие сами поражение от афганских войск. Мы стали получать множество обидных советов и наставлений о том, как следует воевать с текинцами — от бухарского эмира, от хивинского хана, от пограничных персидских губернаторов. Эмир бухарский советовал идти на Геок-Тепе не менее как со сотысячной армией. Хивинский хан предлагал вообще отказаться от дальнейших предприятий против Геок-Тепе. Персияне заклинали не сходиться с текинцами врукопашную, так как храбрее и сильнее текинцев нет никого на свете.

Командующим Закаспийским отрядом был назначен генерал Тергукасов. Он привел войска в порядок, подбодрил их, но вскоре сдал свою должность по болезни. Зимой 1879 года в Петербург поступали различные планы и проекты. План Тергукасова предусматривал, например, покорение Ахал-Текинского оазиса в 4,5 года при затрате 40 миллионов рублей. Штаб Кавказского округа тоже представил свой план, настаивая на назначении кого-нибудь из своих генералов. Намечались всевозможные кандидатуры.

Но Государь не согласился ни с одним из этих проектов. Он уже наметил своего кандидата — и вызвал к себе из Минска 37-летнего командира IV армейского корпуса генерал-лейтенанта Скобелева. Из Зимнего Дворца герой Плевны и Шейнова вышел полномочным начальником экспедиции и, садясь в вагон, послал из Петербурга в Закаспийский край по телеграфу свой первый лаконичный приказ: Подтянуться!

* * *

С чувством глубокой грусти начинаем мы описание блестящего текинского похода Скобелева в 1880–1881 годах — последней кампании Белого Генерала. В первый и, увы, в последний раз он выступил здесь самостоятельным военачальником. Ловча была его Кинбурном, Шейново — Рымпиком, Геок-Тепе стало его Прагой, а Требии ему не было дано...

Глазомером полководца, как и инстинктом государственного человека знатока Средней Азии, Скобелев сознавал необходимость и неизбежность занятия как Ахал-Текинского, так и Мервского оазисов. Но Министерство иностранных дел, страшась дурного впечатления в Англии, настояло на ограничении экспедиции одним лишь Ахал-Текинским оазисом

7 мая 1880 года Скобелев высадился у Чикишляра. За 4 версты от берега он спустил в море своего белого боевого коня, благополучно доплывшего. Рекогносцировав со своими ближайшими сотрудниками — начальником штаба полковником Гродековым²⁴⁵ и капитаном 2-го ранга Макаровым²⁴⁶ — побережье Михайловского залива, он выбрал место закладки и указал направление Закаспийской железной дороги, приказав немедленно же приступить к работам.

Силы текинцев исчислялись до 50000 (за оружие взялись от мала до велика), из коих до 10000 отличных конников. Огнестрельное оружие имелось у половины воинов (английские винтовки, захваченные русские и свои, старые самопалы огромного калибра, бывшие с сошника на 2000 шагов). Острые шашки и кинжалы были у всех. На все войско имелась

лишь одна пушка, что, впрочем, не беспокоило отважного и умного Тыкма-сердаря — текинского главнокомандующего. Он положил полевых сражений не давать, а отсиживаться в крепости Геок-Тепе огромном квадрате в версту стороной, стены которой, толщиной в 3 сажени, не боялись огня русской артиллерии. При вылазках же и в рукопашных схватках бешеная отвага текинцев (надвигавших папахи на глаза и бросавшихся очертя голову в сечу) и их мастерское умение владеть оружием должно было вместе с огромным численным превосходством дать им победу, как в прошлом, 1879 году. Кроме того, текинцы были уверены, что русские, как и в предыдущие кампании, в конце концов должны будут отступить по недостатку продовольствия.

Организуя свой отряд, Скобелев принял известную туркестанскую пропорцию русская рота равна 1000 неприятелей. У него было 46 рот, а главное кавказских войск (полков 19-й и 21-й дивизий) и 11 эскадронов и сотен — всего 8000 штыков и шашек. В продолжение всей кампании счет велся Скобелевым исключительно на роты, а не на батальоны, как то имело место обычно. На этот отряд Скобелев потребовал 84 орудия — по 8 орудий на тысячу бойцов, что вдвое превышало обычную норму и показывало значение, которое Белый Генерал уделял огню.

Сюда, в Закаспийский край, Скобелев вытребовал все новинки военной техники — пулеметы²⁴⁷, оптическую и электрическую сигнализацию, узкоколейки Дековилля, аэростаты, холодильники, опреснители. Он не пренебрегал никаким средством, которое могло бы хоть сколько-нибудь сберечь силы солдата на походе и кровь его в бою (мы можем видеть всю разницу между открытым умом Скобелева и узким доктринерством Драгомирова — разницу между полководцем Божьей милостью и рутинером военного дела).

Организация продовольственной части — этой вечной до сих пор нашей ахиллесовой пяты — всецело резюмируется лаконической директивой Скобелева: Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится. Довольствие войск сразу же стало великолепным и оставалось таким весь поход. Лихой рубака Хивинского похода, порывистый начальник конной партии Кокандской войны преобразился здесь в расчетливого, проникнутого сознанием ответственности полководца, сочетающего с огненной душой холодный ум, никогда не делающего второго шага, не закрепив первого, подчиняющего быстроту и натиск первой воинской добродетели — глазомеру.

* * *

В первую очередь Скобелев положил овладеть Кизил-Арватским районом и там создать базу для действий против Геок-Тепе. 23 мая Скобелев выступил из Чикишляра и 31-го занял Вами (в Кизил-Арватском оазисе). Оперативная база была таким образом одним — но великолепно рассчитанным — скачком вынесена на 400 верст вперед, и всего 100 верст отделяло русских от Геок-Тепе. Русские стали в Бами твердой ногой. Как раз в оазисе поспела посеянная текинцами пшеница, и обильная жатва обеспечила войска хлебом тут же, на месте. Скобелев знал, что делал, и приказал развести здесь огороды. Задача снабжения этим до чрезвычайности упрощалась, и Скобелев заставил пустыню кормить экспедицию.

Разрешив продовольственный вопрос, заложив надежный фундамент под здание экспедиции, Скобелев перешел к следующему этапу — разведке противника, чтобы не быть в потемках (с текинцами до сих пор ему не приходилось воевать). С этой целью он решил предпринять разведывательный набег на Геок-Тепе, нарочно взяв крошечный отряд, чтобы не повторить психологической ошибки, допущенной Ломакиным в 1878 году. 1 июля отряд выступил и 8-го благополучно возвратился в Вами. Разведка удалась блестяще. Скобелев взял с собой 700 человек с 8 орудиями и 2 пулеметами. Дойдя до Геок-Тепе, он обошел крепость с музыкой со всех сторон и отразил с самым незначительным для нас уроном натиск текинцев.

Осенью Скобелев оборудовал вспомогательную базу на персидской территории (отклонив в то же время предложение персов нам помочь как не соответствовавшее достоинству России). Он все еще надеялся по занятии Геок-Тепе пойти на Мерв и покорить России весь край до афганской границы.

24 ноября, когда войска были всем обеспечены для зимней кампании, был объявлен поход под Геок-Тепе. С 24-го по 28-е русские трогались из Вами поэшелонно, и к половине декабря у Егян-Батыр-Калы в 10 верстах от текинской твердыни собралось уже 5000 бойцов при 47 орудиях. 11 декабря сюда прибыл из Туркестанского округа отряд полковника Куропаткина в составе 700 человек и 2 орудий. Посылка отряда Куропаткина имела большое моральное значение для племен Средней Азии, показав, что текинцы уже не в силах препятствовать сообщениям Туркестана с Закаспийским краем. Текинский поход еще более сблизил Скобелева с Куропаткиным:

С ним судьба породнила меня боевым братством со второго штурма Андижана, в траншеях Плевны и на высотах Балканских, — писал Скобелев.

23 декабря началась осада Геок-Тепе, длившаяся 18 дней, энергично поведенная и сопровождавшаяся отчаянными вылазками текинцев и рядом жарких дел. 23 декабря у нас убит генерал Петрусович²⁴⁸. 28 декабря ночью текинцы внезапно ударили в шашки, ворвались в траншеи, изрубили 5 офицеров и 120 нижних чинов (почти все убиты, раненых лишь 30), захватили знамя Апшеронского батальона и 1 горную пушку. 29 декабря, при взятии контрапрошей, мы лишились 61 человека, а во время вылазки 30 декабря потеряли 152 человека и еще 1 пушку. Текинцы увели с собой бомбардира Агафона Никитина (21-й артиллерийской бригады) и потребовали, чтобы он научил их обращаться с орудиями. Несмотря на нечеловеческие мучения и пытки, этот герой отказался и погиб. Но никогда не погибнет его имя! Текинцы так и не справились с трубкой, и стрельба их из захваченных орудий нам вреда не причиняла, так как снаряды не разрывались.

29-го по занятии Куропаткиным Великокняжеской калы (контрапрошей противника) были поведены минные работы, которым текинцы по незнанию не препятствовали. При отбитии вылазки 4 января мы лишились опять 78 человек. Текинцы не имели понятия о минном деле и даже радовались, слыша шум работы. Русские настолько глупы, что роют подземный ход, — говорили они, — когда они станут оттуда вылезать один за другим, мы их поодиночке и изрубим!

Утром 12. января 1881 года по сигналу Скобелева была взорвана мина. Взрыв невероятной силы засыпал всю крепость и ошеломил текинцев. Войска ринулись на штурм и овладели текинским оплотом после жестокой схватки. Конница по пятам преследовала бегущие толпы, довершив их разгром. Наш урон на приступе — 398 человек, текинцев погибло при взрыве, заколото на штурме и побито в преследовании до 8000 — третья часть защитников Геок-Тепе. Апшеронцы отбили свое знамя.

Ахал-Текинский оазис смирился. Тыкма-сердарь и уцелевшие старшины присягнули на подданство России и были отправлены депутацией к Государю, милостиво их принявшему. С ними обошлись ласково. Текинцы такие молодцы, говорил про них Скобелев, — что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену — не последнее дело. Занятием в феврале Асхабадского округа кампания закончилась. Скобелев получил георгиевскую звезду. Недолго ему довелось ее носить...

* * *

В 1882–1884 годах под руководством генерала Анненкова²⁴⁹ была сооружена Закаспийская железная дорога от Красноводска на Мерв. 1 января 1884 года жители Мерва сами присягнули на русское подданство. Но наша дипломатия, опять сробев, затянула дело с переходом в русское подданство окраин Мервского оазиса на границе с Афганистаном, дабы не вызывать осложнений с Англией (окраинные эти ханства сами между тем просились к России!). Робость эта, как всегда, принесла обратные результаты. Видя колебание России, афганский эмир, подстрекаемый Англией, наложил на эти земли свою руку. Это имело следствием острый и затяжной двухлетний конфликт с Афганистаном и Англией.

Чувствуя за собой могучую поддержку, афганцы стали вести себя с каждым месяцем все более вызывающе и дерзко. Заносчивость эта сделалась в конце концов нестерпимой, и 18 марта 1885 года начальник Закаспийской области генерал Комаров нанес афганцам на реке Кушка при Таш-Кепри сокрушительное поражение и прогнал их за их границу. У

Комарова было 1800 человек и 4 орудия. Афганцев было 4700 отборных воинов (афганцы дважды побеждали англичан — в 1841 и 1879 годах). Мы лишились 9 убитых и 45 раненых и контуженых, афганцев перебито свыше 1000 и взяты все бывшие у них 8 орудий и 2 знамени. Это было единственное военное действие в правление Царя-Миротворца.

Англия стала угрожать нам войной и потребовала третейского разбирательства. Но горчаковские времена прошли, и Александр III, умевший разговаривать с Европой, круто отвергнул английские домогательства, показав этим, что войны не страшится. В Лондоне немедленно же сбавили тон, и дело закончилось так, как того захотел Русский Царь!

От Индии Россию отныне стало отделять 150 верст афганских гор... В 90-х годах нами был предпринят ряд рекогносцировок и небольших походов в Памир (наиболее значительный — полковника Ионова). В этих экспедициях впервые проявили себя капитаны Корнилов²⁵⁰ и Юденич²⁵¹.

* * *

Так совершилось покорение Средней Азии. То, что оказалось не по плечу гоплитам македонских фаланг Александра, было осуществлено степняками-линейцами оренбургских и западносибирских батальонов!

Ганжой здесь была Ак-Мечеть, Гунибом — Геок-Тепе. Цицианов здесь именуется Перовским, Котляревский — Колпаковским, Ермолов — Черняевым, Воронцов Кауфманом, Барятинский — Скобелевым.

Кавказская война — дело трех поколений и четвертой части русской вооруженной силы. Противник на Кавказе был более могуществен и имел поддержку извне. Туркестанские походы — дело одного поколения и гораздо меньших сил. Идейное же их сходство полное: суровая, непривычная природа — там горы, здесь степи и пустыни, дикий, фанатизированный противник, лихие командиры, постоянное неравенство сил — отсюда славная привычка не считать врагов.

Тактика в основе та же — превосходство духа над материей. Методы несколько разнятся — на них влияет природа, влияет и техника. Горная местность и гладкоствольные ружья делают главным оружием кавказской пехоты штык. Равнины с отличным обстрелом и скорострельные винтовки выдвигают в Туркестане на почетное место залповый огонь. Боевой порядок кавказской пехоты — колонна в атаке, туркестанской — ротное каре, неуязвимые, во все стороны ошестинившиеся кучки белых рубах. Русские прямо жгут людей издалека! Русский солдат плюет огнем! — в отчаянии говорят кокандцы и бухарцы, хивинцы и текинцы. Но дело здесь, как и на Кавказе, решает и завершает граненый символ воинского духа, которым туркестанская пехота владеет не хуже кавказской. В хивинском и текинском походах скреплено было боевое братство туркестанских и кавказских полков. От Хивы и Геок-Тепе оно с честью было пронесено сквозь огненные бури Лодзи и Варшавы, со славою вновь запечатлелось под Сарыкамышем и Эрзерумом.

За какие-нибудь тридцать лет из скромных, как бы забытых степных гарнизонных войск создались войска, в которых служить стало завидной честью. Войска, закаленные в тридцатилетней боевой школе, где каждая рота, каждый взвод решали российскую великодержавную задачу. Их было немного — двадцать линейных батальонов, высоко державших свои знамена в покоренном ими для России краю, привыкших всегда встречать эти знамена громовым Ура!. И это их Ура! несло за горы и моря, за многие тысячи верст заставляло трепетать мировую державу — Британскую империю, заставляло ее все время держать в полной боевой готовности двухсоттысячную англо-индийскую армию из страха перед теми двадцатью батальонами, доказавшими, что для них нет ничего невозможного.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА ПОКОРЕНИЕ ТУРКЕСТАНА ИМЕЮТ ПОЛКИ:

73-й пехотный Крымский полк — знаки на шапки за Геок-Тепе (уже имел за Западный Кавказ в 1864 г.);

74-й пехотный Ставропольский полк — георгиевские трубы за Геок-Тепе;

81-й пехотный Апшеронский полк — георгиевское знамя за Хиву в 1873 г. и Геок-Тепе (имел за Ахульго, Дарго, Гуниб), знаки на шапки за Хиву и Геок-Тепе (имел за Чечню);

82-й пехотный Дагестанский полк — знаки на шапки за Геок-Тепе;
83-й пехотный Самурский полк — георгиевские трубы за Геок-Тепе (имел за Дагестан),
знаки на шапки за Хиву и Геок-Тепе (имел за Чечню в 1857–1859 гг.);
Туркестанские стрелковые (по линейным батальонам) полки:
1-й — знаки на шапки за Бухару в 1868 г. и георгиевские рожки за штурм Андижана в 1875 г.;
2-й — георгиевское знамя за Аулие-Ата в 1864 г. и знаки на шапки за Каракастек в 1860 г.;
4-й — георгиевское знамя за штурм Ташкента, знаки на шапки за 1853 г. (Ак-Мечеть) и 1864 г., георгиевские рожки за штурм Андижана;
5-й — знаки на шапки за Бухару 1868 г. и Геок-Тепе;
6-й — георгиевское знамя за оборону Самарканда в 1868 г.;
8-й — знаки на шапки за Хиву в 1873 г.; 9-й — знаки на шапки за Бухару в 1868 г.;
13-й — знаки на шапки за Хиву и Геок-Тепе;
16-й драгунский Тверской полк — знаки на шапки за Геок-Тепе (имел за Западный Кавказ в 1864 г.). Кубанские казачьи полки:
1-й Таманский — георгиевский штандарт за Геок-Тепе (имел за 1826–1829 гг.);
1-й Полтавский — знаки на шапки за Геок-Тепе (имел за Западный Кавказ в 1864 г.);
1-й Лабинский — знаки на шапки за Геок-Тепе. Терские казачьи полки:
1-й Кизляро-Гребенской и 1-й Сунженско-Владикавказский — георгиевские трубы за Хиву в 1873 г. Уральские казачьи полки:
2-й — знаки на шапки за Иканы в 1854 г., Хиву в 1876 г... Махрам в 1875 г.
Конец 2-й части

Часть (Том) 3

Глава XII. Застой

Закат Петровской империи

Царствование Императора Александра III именуется эпохой реакции. Если слово реакция понимать в его обывательском и упрощенном смысле как противовес либеральным реформам, усиление полицейских строгостей, стеснение печати и т. п., то этот термин здесь, конечно, уместен. Но если под реакцией понимать ее первоначальное (и единственно правильное) значение, то характеризовать этим клиническим термином внутреннюю политику Российской Империи 80-х и 90-х годов не приходится. Реакцией называется активное противодействие разрушительным возбудителям человеческого организма (а перенеся этот термин в плоскость политики — организма государственного). Противодействие это вращается в выработке организмом противоядий этим разрушительным началам (в государственной жизни эти противоядия именуются национальной доктриной твердой народной политикой).

Никакого противоядия разрушительным началам, все быстрее расшатывавшим здание построенной Петром империи, в русском государственном организме выработано не было. Болезнь все ширилась и въедалась в этот организм, нисколько ей не сопротивлявшийся и не хотевший ей сопротивляться. Общество радостно приветствовало раковую опухоль на своем теле, ожидая от этой опухоли своего чудодейственного перерождения. Правительство, предоставленное своим силам, действовало неумело, а зачастую и неумно. Вся его работа в этот период сводилась к борьбе с наружными проявлениями этой болезни, к стремлению загнать ее вовнутрь организма. На корень зла не было обращено никакого внимания — его не замечали и не хотели замечать.

Этот корень зла заключался в изношенности и усталости государственного организма. Здание Российской Империи было выстроено на европейский образец конца XVII — начала XVIII столетия. Выстроенный на сваях в северных болотах блистательный Санкт-Петербург являлся живым воплощением великой, но чуждой народу империи. Эти петровские сваи за два столетия подгнили. Вместо того чтоб их заменить более прочными устоями, к ним лишь приставили подпорки в надежде на спасительное авось.

Государственная машина изнашивалась. Петр I лишил ее могучего духовного регулятора, сообщив ей взамен свою мощную инерцию. Но инерция эта к половине XIX века иссякла, и машина стала давать перебои. Необходим был капитальный ремонт, а ограничились лишь заменой (в 60-х годах) нескольких особенно сносившихся ее частей.

При таких условиях три устоя русской государственной жизни, правильно сформулированные Победоносцевым¹, теряли свою силу и вообще оказывались неприменимыми. Православие выражалось в вавилонском пленении церкви у светской власти, что неизбежно атрофировало церковное влияние на страну и приводило к духовному оскудению общества, а затем (не в такой, правда, степени, но все же значительному) к духовному оскудению народа.

Самодержавие сводилось к пассивному следованию по раз навсегда проторенной бюрократической — шталмейстерско-столначальной — дорожке, в пользовании уже износившейся и обветшалой государственной машиной и в отказе от какой бы то ни было созидательной, творческой инициативы. Народность постепенно сузилась, перейдя с имперской установки на узкоэтническую, отказавшись от широкого кругозора имперской традиции и пытаясь создать одно великорусское царство от Улеборга до Эривани и от Калиша до Владивостока. Александр III сказал: Россия — для Русских, не совсем удачно выразив прекрасную по существу мысль. Екатерина сказала бы: Россия — для Россиян.

Весь трагизм положения заключался в том, что правительство видело одну лишь дилемму: либо сохранить существовавший строй в его полной неприкосновенности, либо пуститься в различные демократически-либеральные реформы, которые неминуемо должны были бы повлечь за собой крушение государственности и гибель страны. Но оно не замечало третьего выхода из положения: обновления государственного организма не в демократически-катастрофическом духе влево (как то в конце концов случилось в 1905 году), а в обновлении его вправо — в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям³, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой российской нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно чувствовался славянофилами, но они не сумели его сформулировать, не владея государственной диалектикой.

Правительство же Царя-Миротворца этого пути не замечало. Обширному и холодному государственному уму Победоносцева² не хватало динамизма, действенности. Он правильно поставил диагноз болезни, формулировал даже троичное лекарство против нее, составить же правильно эти лекарства и правильно применить их не сумел. Быть может, потому, что больной ему уже казался неизлечимым. Этому ледяному скептику не хватало пламенной веры в свою страну, ее гений, ее великую судьбу. Россия — ледяная пустыня, — говорил он, и по ней бродит лихой человек. Люби он Родину-мать любовью горячей и действенной — он этих слов, конечно, никогда не сказал бы.

В 80-х годах можно было бы совершить многое, не спеша перестроить государственную машину, влив старое вино в новые прочные мехи. Но ничего не было сделано — и двадцать лет спустя вступивший в полосу бурь русский государственный корабль взял курс на оказавшийся тогда единственно возможным, но фатально гибельный путь — на путь смертоносных реформ влево.

* * *

Твердо, властно и спокойно вел Император Александр Александрович Россию по великодержавному ее пути. В царствование его не случилось войн, как не случилось

больших сражений в командование его Рушукским отрядом. Все решения по внешней политике принимались Государем лично. Должность государственного канцлера была упразднена, министр же иностранных дел Гирс⁴ был низведен фактически до положения письмоводителя при Государе.

Александр III следовал мудрому правилу: показать вовремя свою силу, чтобы отбить охоту у других ее испытывать. Англия увидела это в 1885 году. Кушка знаменовала собой конец наглой политики Пальмерстона⁵ — Дизраэли и с той поры — до русофобского взрыва 1904 года — антирусская политика Англии велась в подполье. Что касается Германии, заключившей с Австро-Венгрией военный союз против России⁶, то она убедилась в дальнейшей невозможности загребать жар русскими руками. Попытка Бисмарка создать в пользу Германии союз трех императоров успехом не увенчалась. Хитроумной его системе перестраховок наступил конец. Александр III проникал насквозь германскую игру, и Скерневицкий смотр 1888 года, где Государь любезно чествовал двух немецких императоров — шефов варшавских гренадер, означал в то же время окончание химеры монархического интернационала, успевшей в три предыдущие царствования принести России столько вреда.

Сближением с Францией Царь-Миротворец восстановил европейское равновесие, нарушенное в Версале январским событием 1871 года и агрессивным Тройственным союзом Центральных держав в 1879 году. Посещение французской эскадрой Кронштадта в 1891 году, подписание оборонительной франко-русской конвенции (Обручев — де Буадефр) в 1892 году, ответный визит русского флота в Тулон в 1893 году положили основу франко-русскому союзу.

Сближение это, полагавшее предел наступательным намерениям вдохновляемого Германией Тройственного союза, чрезвычайно встревожило Вильгельма II. Молодой кайзер решил во что бы то ни стало сорвать его в зародыше. Воспользовавшись панамским скандалом, он предпринял смелую, неслыханную по своей бестактности в истории дипломатии выходку, но выходка эта успехом не увенчалась. В списке панамистов значился загадочный инициал М.

Часть французского общественного мнения, не без участия русских нигилистов, заподозрила российского посла в Париже барона Моренгейма. Немедленно же Вильгельм II отправил в Париж громовую ноту протеста от имени всех монархий мира (кайзер питал болезненную страсть к эффектным позам, театральным жестам и трескучим фразам). Попытка Вильгельма создать франко-русский инцидент и раздуть его в конфликт закончилась полной неудачей. Александр III дал сразу ему понять, что российские послы в защите посторонних не нуждаются.

Другим большим делом Александра III было воссоздание морского могущества России. В предыдущее царствование морское дело было в пренебрежении. Отсутствие сильного флота лишило Россию значительной части ее великодержавного веса и пагубно сказалось на ходе войны 1877–1878 годов. Александр III положил начало броненосным эскадрам вместо легких флотилий корветов и клиперов и воссоздал в 1886–1889 годах Черноморский флот. Корабли было поведено строить русским инженерам, на русских заводах, из русских материалов. Принятый в то же время закон о цензах весьма понизил качество старшего командного состава флота.

Финансовое состояние страны было отличным. Бунге⁷ и Вышеградский⁸ превратили золотой рубль в самую устойчивую и солидную денежную единицу в мире. Наконец в 1891 году положено начало Великому Сибирскому пути — сделан огромный шаг вперед к познанию России. Закладку его произвел цесаревич Николай Александрович во время своей поездки на Дальний Восток.

Другие отрасли государственной жизни получили менее удовлетворительное развитие. Аграрная политика основывалась на сохранении земельного коммунизма любезной славянофильским теоретикам общины. Крестьянин так и не получил клочка своей собственной земли, о которой мечтал. Народное просвещение было в загоне. Грамотность распространялась туго, средняя же школа была задумана злосчастной системой классицизма.

Система эта, существовавшая с 1876 по 1903 год, характеризовалась исключительным увлечением древними языками при полном пренебрежении к остальным предметам. На латынь и древнегреческий языки полагалось 2600 часов гимназического курса, тогда как на отечествоведение русскую историю, географию и словесность — 600.

Искусственно создавался тип лишних людей, многому ученых и ничему не обученных, — тип чеховского интеллигента, тип мечтателя чужой старины, ревнителя чужеземной культуры, презирающего свое русское по неведению. Насадитель классицизма граф Д. А. Толстой⁹ скопировал германскую классическую программу (во многом ее утрировав), забыв, что германская культура имеет своим фундаментом римскую, тогда как русская культура (первоисточником которой явилось православие) имеет совершенно другие корни. Немецкая классическая система, пересаженная на русскую почву, оказалась ложноклассической, лишенной корней. Классические гимназии Толстого-Делянова были таким же насилием над природой русских людей, как военные поселения первой трети столетия. Уклад их, превращавший учителей в тюремных надзирателей, а учеников — в поднадзорных, действовал растлевающе. Они сыграли большую и печальную роль в угашении духа русского общества, дав поколение Керенского и Ленина. От классической системы пострадала и армия, офицерский корпус которой стал пополняться убоявшимися премудрости гимназистами.

Император Александр II был убит в тот день, когда хотел подписать конституцию, составленную Лорис-Меликовым — посредственным военачальником и слабым политическим деятелем. Не будь злодеяния на Екатерининском канале, день 1 марта 1881 года все равно не принес бы счастья России. Конечно, меликовская конституция была куда осторожнее и приемлемее той, портсмутской, что была навязана впоследствии 17 октября, но тут важно начало. В этого рода машину достаточно вложить палец для того, чтобы рука оказалась отхваченной по самое плечо. Существой в России конституция с 1881 года, страна не смогла бы пережить смуты 1905 года, и крушение бы произошло на 12 лет раньше. Александру III, отвергнувшему по совету Победоносцева меликовский проект, Россия обязана четвертью столетия блестящей великодержавности. Перед Российской Империей заискивал, ее боялся весь мир. Никогда она не казалась внешне столь могущественной, как в те дни уже начинавшегося заката. Никто не слышал зловещего потрескивания внутри величественного здания, а кто и слышал — не придавал тому особенного значения. Могущество России казалось безграничным, подобно тому, как казались безграничными сила и здоровье ее исполина Царя. Он сгорел в несколько недель, в расцвете сил — всего 49 лет от роду.

Русская армия конца XIX и Начала XX века. Ванновский, Драгомиров, Куропаткин

Николай I и Александр II были военными по призванию. Александр III был военным по чувству долга перед страной. Он не питал страсти к военному делу, но видел и чувствовал, что судьбы вверенного ему Отечества зависят от состояния его вооруженной силы. У России есть лишь два верных союзника — ее армия и ее флот, — говорил он и, сознавая это, неуклонно стремился к всестороннему развитию русской военной мощи. Вместе с тем Государь отошел от армии. Александра II можно было всегда видеть на разводах, частых смотрах, полковых праздниках, на лагерях и в собраниях, беседующего с офицерами, интересующегося всеми их новостями, близко принимающего к сердцу события в полковой семье. Александр III ограничил свое общение с армией строго необходимым, замкнулся в тесном семейном кругу в своем уютном гатчинском дворце. Главной причиной была, конечно, перегруженность его работой, оставлявшая ему мало свободного времени.

Известную роль играла здесь и природная застенчивость Государя, не любившего многочисленное общество, и наконец, тот горький осадок, что оставило на его душе 1 марта 1881 года. Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думавшего о возможности вторичного покушения, не покидал нас, — вспоминает о тех днях великий князь Александр Михайлович. — Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое.

Идиллическая Россия с Царем-батюшкой и его верным народом перестала существовать 1 марта 1881 года. Мы поняли, что никогда более Русский Царь не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Царские смотры стали устраиваться реже, разводы были вовсе отменены, флигель-адъютантские и свитские вензеля, щедро раздававшиеся Александром II в армейские полки, стали теперь редкими и в гвардии, сделавшись привилегией очень небольшого круга лиц.

Начало этого царствования ознаменовалось совершенным изменением внешнего вида войск. Изящные мундиры красивой армии Царя-Освободителя не шли к массивной фигуре нового Государя. Александр III не считался с эстетикой, требуя национального покроя и практичности.

Новая форма была введена уже летом 1882 года. Армия стала неузнаваемой. Исчезли гвардейские каски с плюмажем, кепи и шако с султанами, эффектные мундиры с цветными лацканами, уланки и ментики, сабли и палаши. Весь этот блеск был заменен долгополыми кафтанами на крючках, широкими шароварами и низкими шапочками поддельного барашка. Офицеры стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки — на околоточных надзирателей, фельдфебеля — на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своем сермяжном обличьи стали похожи на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены вещевые мешки — точная копия нищенской котомки — носившиеся через плечо. Кавалерия уныло донашивала уланки, кивера и ментики со снятыми шнурами и споротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны. Офицеры стремились смягчить уродство новой формы, каждый на свой вкус. Одни укорачивали мундир на прежний образец, другие, наоборот, удлиняли, приближая его к сюртуку, третьи по примеру стрелков утрировали напуск шаровар, доводя их до носков сапог. В результате иностранные корреспонденты, видевшие русскую армию в Маньчжурии, поразились, что нельзя было встретить двух офицеров, одинаковым образом одетых.

Этим обезображением армии была совершена психологическая ошибка. Внешний вид значит очень многое для воинского вида, поддерживающего и воинский дух. Александр III посмотрел на блестящие мундиры как на дорогую стоящую мишуру. Но в глазах офицеров и солдат это была далеко не мишура. Они сохраняли преемственность с прошедшими героическими эпохами. Уже с кепи связывались славные воспоминания Шипки и Шейнова, а с лацканами и ментиками уходили предания Фридланда и Бородина. Утилитарный материализм этой реформы (бывший, впрочем, вполне в духе века) сказался самым отрицательным образом в духовно-воспитательной области — самой важной области военного дела. В пехотных полках, как гвардейских, так и армейских, солдаты, уходя в запас, отказывались брать мундиры нового мужицкого покроя, а на свой счет перешивали их по старой форме — обязательно с лацканами. Увольнявшиеся в отпуск щеголяли в деревне с лацканом, который снимали, возвращаясь с побывки обратно в полк. Единственной положительной стороной этой переобмундировки было введение в жаркое время года белых рубах, до той поры носившихся лишь на Кавказе и в Туркестане.

* * *

Новому царствованию нужны были новые деятели. Первым мероприятием Императора Александра III в военной области было назначение военным министром на место графа Милютина генерал-адъютанта Ванновского — ближайшего своего советника в 1877–1878 годах на должности начальника штаба Рущукского отряда.

Ванновский был полной противоположностью просвещенному и либеральному Милютину. В сравнении с Милютиным он был обскурантом — своего рода военным Победоносцевым, а по характеру — вторым Паскевичем. Человек в высшей степени грубый и придиричивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил это сколько-нибудь продолжительное время.

Ведь я собака, — любил говорить Ванновский своим подчиненным, — я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет; когда вы будете начальниками, советую вам тоже быть собаками.

Заслугой Ванновского явилась отмена пагубной военно-учебной реформы Милютина. Строгий начальник Павловского военного училища видел слабую строевую подготовку милютинских гимназий с их штатскими воспитателями, не сообщавшими своим питомцам воинского духа, результатом чего был все увеличивавшийся уход их по окончании курса на сторону. В 1882 году военные гимназии были снова преобразованы в кадетские корпуса и надлежаще подтянуты. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, введены строевые занятия, и наши средние военно-учебные заведения вновь обрели бодрый воинский дух николаевских корпусов. В то же время признано необходимым сохранить военные училища для подготовки однородного — одинаково воспитанного и одинаково обученного офицерского состава. Вопрос о восстановлении специальных классов отпадал. Следует отметить, что в воспитатели кадетских корпусов в большинстве шел далеко не лучший элемент нашего офицерства (приманкой здесь служила спокойная жизнь, высокий оклад и быстрое производство).

Строевая служба стала вестись более отчетливо. В первую очередь была подтянута гвардия. Генералы Васмунд в Лейб-Гвардии Измайловском полку, Меве в Лейб-Гвардии Павловском довели, каждый по-своему, свои части до высокой степени совершенства. По ним равнялись другие, и характерное для милютинской эпохи Фельдфебель, где мое место? окончательно отошло в область преданий. Вместе с тем строевой устав был упрощен отменой ряда сложных перестроений, что характеризовало утилитарный и будничныи характер наступавшей эпохи.

Военные реформы предыдущего царствования подверглись пересмотру особой комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Коцебу. Этой комиссии надлежало высказаться по вопросам об устройстве Военного министерства, сохранении военно-окружной системы и выработке Положения о полевом управлении войск. Комиссия графа Коцебу отвергла проект организации независимого от военного министра Генерального штаба на прусско-германский образец. Главный штаб продолжал оставаться, как и при Милютине, одним из канцелярских столов Военного министерства. Властолюбие Ванновского играло, конечно, свою роль в принятии этого решения.

Военно-окружную систему положено было сохранить, подвергнув ее лишь некоторым частичным преобразованиям. Однако милютинское Положение о полевом управлении войск 1868 года, доказавшее свою негодность в Турецкую войну, решено было заменить, и выработка нового Положения поручена комиссии генерала Лобко.

В 1881 году был упразднен Оренбургский военный округ (присоединен к Казанскому). В 1882 году Западно-Сибирский военный округ переименован в Омский. В 1884 году Восточно-Сибирский военный округ ввиду своей обширности разделен на два — Иркутский и Приамурский. В 1889 году упразднен Харьковский военный округ (присоединен частью к Киевскому, частью к Московскому). Три западных пограничных округа — Виленский, Варшавский и Киевский — получили в 1886 году систему управления, сходную с таковой же армией военного времени. Войска этих округов должны были составить главные силы трех армий на случай войны с Центральными державами.

В 1890 году утверждено выработанное комиссией генерала Лобко Положение о полевом управлении войск. В сравнении с предыдущим оно значительно увеличивало права главнокомандующего и освобождало его от опеки Военного министерства. Положение это в первый раз определяло правила формирования при мобилизации армейских управлений из военно-окружных (что упустил из виду творец военно-окружной системы граф Милютин). Вместе с тем основная язва милютинского Положения — организация отрядов сообразно обстоятельствам — была сохранена, и мы увидим, к каким печальным результатам эта отрядомания привела в Маньчжурии.

Главной заботой Военного ведомства в царствование Александра III стало увеличение обученного запаса армии путем пропуска большого количества людей через ее ряды. Ежегодный контингент новобранцев составлял при Александре II 150000 человек, в 1881 же году было уже призвано 235000 человек.

Срок службы сперва оставлен тот же: 6 лет в строю, 9 — в запасе. Одним из последних распоряжений Милютина весной 1881 года было сокращение срока службы до 4 лет в пехоте и пешей артиллерии и 5 лет в прочих родах оружия. Ванновский немедленно же отменил это распоряжение, опасаясь за качество и прочность обучения. Действительно, во всей миллионной армии имелось всего 5500 сверхсрочнослужащих унтер-офицеров из намеченного в 1874 году при введении всеобщей воинской повинности числа 32000 (то есть 17 процентов). В 1886 году срок службы вольноопределяющихся по 1-му разряду увеличен до одного года шестимесячные милютинские вольноопределяющиеся давали слишком несведущих офицеров запаса.

В 1888 году количество сверхсрочных удвоилось (все еще составляя около трети намеченного числа), и в этом году было произведено сокращение сроков службы до 4 лет в пеших и до 5 в конных и инженерных войсках. Одновременно была удвоена продолжительность пребывания в запасе — с 9 лет на 18, и запасные стали считаться военнообязанными до 43-летнего возраста включительно. Никакого деления запаса на разряды Ванновский, однако, не установил — мобилизованные войска должны были комплектоваться без разбора и 25-летними запасными, только что покинувшими службу, и 43-летними бородачами.

В 1891 году контингент обученного запаса нижних чинов был закончен — в запасе считалось 2,5 миллиона обученных людей, и в мобилизованной армии (с казачьими войсками) должно было считаться до 4 миллионов бойцов. С 1887 года всеобщая воинская повинность была распространена и на туземное население Кавказа (за исключением горцев). В конце царствования ежегодно призывалось по 270000 человек — примерно вдвое более, чем при Александре II. Ежегодно записывалось 6000–7000 вольноопределяющихся. Была увеличена емкость училищ: в 1881 году произведено 1750 офицеров, в 1895 году — 2370. В 1882 году открыты офицерские школы — стрелковая, артиллерийская (для практического совершенствования кандидатов в ротные и батареинные командиры) и электротехническая.

Обилие кандидатов в Генеральный штаб побудило с 1885 года принимать в академию по конкурсу (трехлетний строевой ценз для кандидатов был установлен еще в 1878 году). К Генеральному штабу причислялась половина оканчивающих остальные возвращались окончившими по 2-му разряду в строй. По разряду кончили академию Скобелев, Юденич и Лечицкий¹⁰. Эта категория офицеров, имея возможность все время применять на практике в войсках полученные ими в академии познания, принесла армии, пожалуй, больше пользы, чем окончившие по 1-му разряду, пропадавшие даром в различного рода управлениях и канцеляриях. Сильные, независимые характеры, как правило, отчислялись во 2-й разряд, а в 1-м оставались слишком часто карьеристы, во всем согласные с мнением начальства.

В 1883 году был упразднен чин майора (окончательно) и прапорщика (оставленный лишь в военное время для офицеров запаса из вольноопределяющихся). Преимущество Старой гвардии над армейцами стало лишь одним чином, а не двумя, как прежде. Молодая гвардия была упразднена, ее полки (Кирасирский Ее Величества, стрелковые 3-й Финский и 4-й Императорской Фамилии) были переведены в Старую. Фактически же армейские полки стали с этого времени пользоваться преимуществами Молодой гвардии. Из юнкерских училищ (с годичным курсом) стали выпускать подпрапорщиков на правах младших офицеров. Подпрапорщики эти через год-другой производились непосредственно в подпоручики.

Генерал Ванновский стремился к повышению строевого состава войск, и за период 1881–1894 годов количество строевых было доведено с 84 до 95 процентов, но только на бумаге. В то же время ничего не предпринималось для улучшения офицерской службы в строю. Условия эти были тяжелые и неприглядные, строевые офицеры по справедливости могли считать себя пасынками армии. Стоило им покинуть строй, и на нестроевых должностях они имели и высокие оклады, и быстрое движение по службе, и комфортабельный образ жизни — все то, чего не давали строевым труженикам, ковавшим мощь российской армии.

Это создавало пагубный соблазн и имело следствием утечку из строя значительного количества способных офицеров к большому вреду службы. Последствия милютинского пренебрежения к строевому знанию — тому началу, которое, по словам победителя Шамиля, составляет честь и славу воинской службы...

* * *

С приведением в 1879 году пехотных полков в 4-батальонный состав — 16 однородных рот, где все люди были вооружены малокалиберной скорострельной винтовкой, организация русской пехоты в главных своих чертах оставалась неизменной до мировой войны. Строевая часть, как мы видели, была значительно упрощена. Плевна имела следствием снабжение легким шанцевым инструментом всех строевых чинов, Шейново ввело перебежки. В 1886 году во всех пехотных и кавалерийских полках были заведены охотничьи команды из людей, особенно способных к разведывательной службе и выполнению ответственных поручений (по 4 человека на роту и эскадрон). В том же 1891 году преобразованы резервные войска. Номерные резервные батальоны получили наименования, а часть их — в пограничных округах была развернута в 2-батальонные резервные полки, сведенные по 4 в резервные пехотные бригады и разворачивавшиеся при мобилизации в пехотные дивизии нормального состава.

1882 год ознаменовался разгромом русской кавалерии так называемой драгунской реформой. Вдохновителем ее был генерал Сухотин¹¹ — фактический генерал-инспектор конницы (номинально генерал-инспектором числился великий князь Николай Николаевич-Старший, по смерти которого в 1891 году должность эта вообще была упразднена). Исследуя кавалерийские рейды Северо-Американской войны, Сухотин пришел к заключению о необходимости преобразовать всю русскую регулярную конницу на драгунский лад. Против этой, в сущности здравой, мысли ничего нельзя было возразить — драгунская выучка еще Потемкиным признавалась самонужнейшей и полезнейшей. Однако Сухотин, человек примитивного мышления, материалист и плохой психолог, начал с того, что исковеркал славные наименования полков русской кавалерии, отобрал у них мундиры, которыми они так гордились (в глазах канцелярских утилитаристов эти побрякушки ничего не значили), посягнул на самую душу конницы — ее традиции. Увлекаясь американской едущей пехотой, он прошел мимо всех сокровищ богатого и славного опыта русской кавалерии.

Станция Бренди заслонила и Шенграбен, и Фер Шампенуаз, и даже знаменитый налет Струкова — налет, перед которым бледнеют все операции Стюарта и Шеридана. Этот психоз рейдов на американский образец, пересаженных на русскую почву, печально сказался затем при Инкоу. Мода на американских ковбоев привела к упразднению пики, оставленной лишь в казачьих частях. Сухотин не сознавал всего значения этого оружия, грозного в руках сильной духом конницы. Он утверждал, что при кратком — всего шесть лет — сроке службы невозможно научить кавалериста владеть этим тяжелым и неудобным оружием — пережитком старины, неуместным в век прогресса техники. Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, что выполнялось в порядке отбывания номера, но все-таки заметно снижало кавалерийский дух. На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения. Отсутствие истинно кавалерийского руководства привело к рутине, отлично ужившейся с поверхностным новаторством на американский образец. Жирные тела становились главной заботой кавалерийских начальников — следствием явились черепахи аллюры на ровной местности и хороших дорожках.

Условия службы в кавалерии стали неприглядными. Новые дикие наименования Бугские драгуны, Павлоградские драгуны, Ахтырские драгуны — резали ухо кавалеристам и щемили их сердце. Многие офицеры покинули ряды конницы, особенно когда подрагуненные полки были одеты в кафтаны и армяки нового псевдорусского покроя и двинуты в захолустные стоянки на западную границу, откуда стала чувствоваться угроза. В Киевском гусарском полку, например, все офицеры подали в отставку, когда их полк, существовавший двести с лишним лет, был переименован в драгунский 27-й. Только что

назначенный тогда командиром Павлоградского полка — шенграбенских гусар — Сухомлинов с горечью вспоминает об этом вандализме: Рационализм у нас в течение долгих лет только разрушал и, не пользуясь содействием современной техники, не давал взамен ничего нового, лучшего. Так, вверенная мне часть из блестящего гусарского полка стала армейским драгунским номера 6-го полком, с традициями которого можно было познакомиться только в архивах, а не по форме одежды и гордому виду людей, ее носящих.

Численный состав регулярной кавалерии был значительно увеличен. Она была усилена более чем в полтора раза. Полки из 4-эскадронного состава приведены в 6-эскадронный, а из новоформированных полков образована в Варшавском округе 15-я кавалерийская дивизия. Зато казачья конница несколько сократилась, ряд полков был спущен на льготу, 3-я Кавказская казачья дивизия упразднена, но сформирована новая — 2-я сводно-казачья — в Киевском округе. В общем, качество русской конницы в 80-х и 90-х годах заметно снизилось, и она приблизилась скорее к типу едущей пехоты. Реформа генерала Сухотина останется в ее истории печальным памятником бездушного материализма и рационализма, владевших умами руководящих русских военных кругов — все равно, гатчинского, милютинского или послемилютинского периодов — весь XIX век.

Утешительнее обстояло дело в артиллерии, стараниями своего генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича оставшейся на своей всегдашней высоте. Она была вся перевооружена клиновыми орудиями образца 1877 года хороших баллистических качеств, бившими на 4,5 версты. В период 1889–1894 годов сформировано 5 мортирных полков по 4–5 батарей в шесть 6-дюймовых мортир. В 1891 году сформирован горноартиллерийский полк, в котором испытывались горные орудия различных образцов. Как это ни кажется странным, горная артиллерия находилась у нас все время в каком-то пренебрежении руководящих кругов, несмотря на то, что русская армия почти всегда воевала в горах и войска очень ценили эти маленькие, подвижные, тактически неприхотливые пушки с их моментальной готовностью к стрельбе с любой позиции.

С увеличением офицерского состава артиллерии одного Михайловского училища оказывалось недостаточно, и в 1894 году в артиллерийское было преобразовано и Константиновское. Великий князь обращал особенное внимание на стрельбу и всячески поощрял ее учреждением состязаний (знаменитый кубок генерал-фельдцейхмейстера, фельдцейхмейстерский значок и т. д.).

В связи с усиленным строительством крепостей на западной границе значительно увеличен состав инженерных войск. В конце царствования Александра III их считалось 26 батальонов (21 саперный, 5 железнодорожных).

Изменение политической обстановки сказалось и на дислокации войск. В 1882–1884 годах вся кавалерия (за исключением 1-й и 10-й дивизий) сосредоточилась в Западных пограничных округах. Туда же двинута треть кавказских войск. В 1883 году простилась с Кавказом 41-я пехотная дивизия, в 1888 году за ней последовала на Запад 19-я и ряд конных полков. Тогда был расформирован II Кавказский корпус и образованы управления новых корпусов — XVI в Виленском и XVII в Московском округах. Из Казанского округа двинуты в пограничные все полевые войска (40-я, а затем и 2-я пехотные дивизии) и там оставлены только резервные бригады. В Московском округе резервные войска составляли треть общего числа пехотных батальонов. В 1894 году в Санкт-Петербургском округе образован XVIII армейский корпус.

* * *

В 1883 году Россия лишилась Белого Генерала. Не только армия, но и вся страна понесли жестокую, невознаградимую потерю. Смерть Скобелева вызвала взрыв отвратительного ликования в Австро-Венгрии, и особенно в Германии, где поняли, что не стало человека, способного напоить своего белого коня в волнах Шпрее.

Ну, и этот теперь не опасен! — восклицал берлинский Биржевой курьер, торопясь поделиться с читателями этой радостной новостью. — Пусть панслависты и русские слависты (злс) плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том

сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления мы не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слова к делу.

Англичане — враги более благородные — имели приличие не выставлять охватившего их чувства глубокого облегчения.

Все же в царствование Императора Александра III не было недостатка в крупных военных деятелях. Войсками Варшавского округа командовал суровый победитель Балкан Гурко, наложивший на них неизгладимый, отчетливый и воинственный гуркинский отпечаток. Виленский округ возглавлял Тотлебен (умерший в 1884 году), Киевский — с 1889 года — яркий, хоть и парадоксальный Драгомиров. Начальником Генерального штаба все царствование пробыл генерал Обручев, а начальником академии после Драгомирова стал Леер¹².

Наиболее своеобразную фигуру представлял М. И. Драгомиров. Зимница и Шипка показали блестящую подготовку его 14-й дивизии и создали ему заслуженную боевую репутацию. Человек больших достоинств, он имел и большие недостатки, сделавшие его влияние на армию в конечном счете отрицательным. Большой ум уживался у него с отсутствием интуиции — разительная аналогия со Львом Толстым, великим писателем и ничтожным мыслителем. Толстой, пытаясь создать философскую систему, стал только анархистом русской мысли. Драгомирова, вполне разделявшего толстовский софизм о ненужности вообще несуществующей военной науки, можно назвать анархистом русского военного дела. То же отсутствие интуиции, что помешало Толстому понять Евангелие, воспрепятствовало Драгомирову постигнуть Науку Побеждать. Он воспринял ее односторонне, по-доктринерски. Взяв в основание вечную и непреложную истину о первенстве морального, духовного элемента, он свел ее к отрицанию военной науки вообще, и стратегии в частности, своего рода военному нигилизму. Все военное дело низводилось им к тактике, а тактика — к тому, чтобы брать нутром.

Драгомиров противопоставлял дух технике, не сознавая, что техника отнюдь не враг духа, а его ценный союзник и помощник, позволяющий сберечь силы и кровь бойца. Все свои тактические расчеты драгомировская школа строила на горах человеческого мяса, потоках человеческой крови — и эти взгляды, преподанные с кафедры заслуженным профессором, а затем и начальником академии, имели самое пагубное влияние на формацию целого поколения офицеров Генерального штаба — будущих минотавров Мировой войны. Считая, что всякого рода техника ведет непременно к угашению духа, Драгомиров всей силой своего авторитета противился введению магазинного ружья и скорострельной пушки, которыми уже были перевооружены армии наших вероятных противников. Когда же, несмотря на все его противодействие, скорострельные орудия были введены, Драгомиров все-таки добился, чтобы они были без щитов, способствующих робости.

Результат — растерзанные трупы тюренченских и ляоянских артиллеристов, зря пролитая драгоценная русская кровь. Принятую Драгомировым систему воспитания войск нельзя считать удачной. В бытность его начальником дивизии он развил инициативу частных начальников — батальонных и ротных командиров — до высокой степени совершенства. Став же командующим войсками, всячески подавлял инициативу подчиненных ему корпусных командиров и начальников дивизий. Обратив все свое внимание

на индивидуальное воспитание солдата (святой серой скотинки), Драгомиров совершенно проглядел офицера, более того, сознательно игнорировал офицера (его всегдашнее иронически-презрительное гас-па-дин офицер!). Нарочитым умалением, унижением офицерского авторитета Драгомиров думал создать себе популярность как в солдатской среде, так и в обществе. Памятным остался его пресловутый приказ: В войсках дерутся! — незаслуженное оскорбление строевого офицерства... Впоследствии, болезненно переживая первую русскую смуту, он рекомендовал офицерам корректность, выдержку и остро отточенную шашку. Заботясь Драгомиров в свое время о поднятии офицерского авторитета, ему, пожалуй, не пришлось бы на склоне своих лет давать подобные советы...

Влияние Драгомирова было очень велико (и выходило даже за пределы русской армии). Во французской армии ревностным проповедником драгомировских идей явился генерал Кардо, составивший себе имя в военной литературе под псевдонимом IозерГ Саг1от1сБ, Созадие 1е КоиЪап 13. Служба в штабе Киевского округа послужила трамплином для карьеры многих деятелей, из коих далеко не все принесли счастье русской армии. Отсюда вышли Сухомлинов, Рузский, Юрий Данилов, Бонч-Бруевич¹⁴. Преемником М. И. Драгомирова на посту начальника академии был генерал Генрих Антонович Леер — крупнейшая военно-научная величина русской армии. Это был могучий ум, мыслитель, смотревший на дело в целом, по-румянцевски. Леер явился защитником стратегии, столь недооцененной его предшественником. Его можно считать у нас в России отцом стратегии как науки. В этой области им разработано учение о главной операционной линии, строго осуждено понятие стратегического резерва (в стратегии резерв — явление преступное).

К сожалению. Леер был совершенно не понят и не оценен в должной мере своими современниками. Он не покорила ни одной неприятельской крепости, и его поэтому считали кабинетным теоретиком. Между тем именно он всячески подчеркивал подчиненность теории, видел смысл науки в регулировании творчества. По его настоянию были введены полевые поездки офицеров Генерального штаба, чрезвычайно расширившие их кругозор именно в практическую сторону. Стратегический глазомер Леера и его военное чутье рельефно выступают из его записки, представленной в конце 1876 года, где он предостерегал от посылки на войну с Турцией слишком незначительных сил и по частям и настаивал на введении сразу большого количества войск — ибо лучше иметь слишком много войск, чем слишком мало.

Эта записка генерала Леера по четкости стратегической мысли и синтезу изложения оставила далеко за собой все остальные и не была поэтому понята нашими военными бюрократами: граф Милютин счел ее недостаточно разработанной, ибо Леер, излагая самую суть дела, пренебрег мелочами, на которые в канцеляриях как раз и обращали главное внимание. Времена Леера можно считать блестящей эпохой академии и русской военной науки вообще. Нельзя не упомянуть о редактировании Леером Военной энциклопедии в 8 томах, обычно именуемой Лееровской. Она заменила устаревший Лексикон Зедделера (издание 1859 года) и явилась важным проводником военных знаний в толщу строевого офицерства.

Значительной фигурой был и начальник Генерального штаба генерал Обручев, с именем которого следует связать все сколько-нибудь положительные мероприятия по военной части в этот период: сооружение стратегических дорог, крепостей на западной границе и, наконец, военная конвенция с Францией. Согласно этой конвенции, в случае войны с державами Тройственного союза Франция обязывалась выставить против Германии 1 300000 человек, Россия — 700–800 тысяч, сохраняя за собой как выбор главного операционного направления, так и свободу действий в отношении остальной вооруженной своей силы. Существенным недостатком этой конвенции было то обстоятельство, что она, обязывая Россию неперемнной помощью Франции на случай германского нападения, совершенно умалчивала об аналогичных обязанностях Франции на случай нападения Германии на Россию. Это едва не оказалось роковым для обеих союзниц в 1914 году.

Александр III питал большую симпатию и доверие к Обручеву, несмотря на то, что Обручев имел репутацию отчаянного либерала. В 1863 году, состоя в чине капитана старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, Обручев потребовал отчисления от должности, когда дивизию двинули в Виленский округ, не желая участвовать в братоубийственной войне. Аргументация более чем сомнительного свойства (братоубийственной войной беспорядки 1863 года назвать нельзя), но показывающая огромную смелость характера и независимость суждений — логически он должен был бы поплатиться за это карьерой. В 1877 году великий князь Николай Николаевич-Старший наотрез отказался допустить Обручева в Дунайскую армию, и он был послан на Кавказ, где оказал ценную поддержку великому князю-фельдцейхмейстеру. После падения Плевны

цесаревич Александр Александрович должен был принять Западный отряд и вести его за Балканы. Цесаревич заявил, что он согласен на это лишь при условии назначения начальником его штаба Обручева. Великий князь Николай Николаевич не хотел и слышать про Обручева. Тогда цесаревич отказался от Западного отряда и предоставил Гурко пожать лавры забалканского похода — сам же остался до конца войны во главе Руцукского отряда, утратившего свое значение.

Неудачное возглавление Военного ведомства генералом Ванновским парализовало, однако, творческую работу отдельных деятелей. Его тяжелый и властный обскурантизм превратил эпоху, последовавшую за Турецкой войной, в эпоху застоя — и в этом отношении Ванновского можно смело сравнить с Паскевичем. Опыт войны 1877–1878 годов совершенно не был использован и пропал даром. Он отразился лишь на мелочах.

Стратегически войну вообще нельзя было изучать. Главнокомандовавшим был августейший брат покойного Государя и дядя благополучно царствовавшего Императора. Разбирать объективно с кафедры его плачевное руководство, бесчисленные промахи Главной Квартиры было совершенно немыслимо, так как могло бы привести к подрыву престижа династии. Абсурдный же план войны, посылка войск по частям, неиспользование уже мобилизованных резервов — все это было делом рук графа Милютина, а Милютин раз навсегда условлено было считать благодетельным гением русской армии. Профессору стратегии ставилась таким образом неразрешимая задача — на каждом шагу он наталкивался на табу, касаться которых не смел.

Не меньшие трудности встречал и профессор общей тактики. Криденер, Зотов, Крылов, Лорис-Меликов — все это были заслуженные генерал-адъютанты, ошибки их выставить не приличествовало.

Поэтому в исследованиях той войны критический метод — единственно продуктивный — был заменен методом эпическим, описательным — механическим нанизыванием фактов и цифр, изложением событий не мудрствуя лукаво. Фолианты официальных исследований пестрели неудобочитаемыми текстами бесконечных диспозиций по бесчисленным отрядам, кропотливыми подсчетами стреляных гильз в каждой полуроте, но мы напрасно стали бы в них искать руководящей стратегической нити, отчетливой формулировки тактических выводов. Слушатели академии 80-х и 90-х годов — будущие начальники войсковых штабов в Маньчжурии — ничего или почти ничего не смогли почерпнуть из столь дефективно разработанного материала, и русская армия начала тяжелую войну на Дальнем Востоке, как бы не имея за собой опыта войны после Севастополя. До чего не торопились с разработкой этой войны видно из того, что официальное описание кампаний 1877–1878 годов не было закончено в 1914 году.

Лишенная ариадниной нити русская военная мысль пыталась проложить себе дорогу в этом темном и запутанном лабиринте и в большинстве случаев выходила на ложный путь. Ярок был еще ореол бронзовых защитников Малахова кургана, и к этой славе прибавилась свежая слава стойких шипкинских героев. Смысл войны стали видеть в том, чтобы отбиваться, отсиживаться, не столько наносить самим удары, сколько отражать удары неприятеля, предоставив тому инициативу. Смысл же боя полагали в непременно занятии позиции, на которой и отбиваться до последнего патрона, предоставляя неприятелю разбить себе лоб об эту позицию. Пассивная стратегия влекла за собой пассивную тактику. Эти пассивные воззрения внешне не сказались особенно сильно на уставах, где чувствовалось драгомировское влияние, но они крепко вкоренились в подсознание большинства военачальников и командиров — в частности новой формации — во главе с Куропаткиным.

В неудаче наступательных наших действий под Плевной и турок Сулеймана у Шипки они видели убедительный довод к предпочтению оборонительно-выжидательного образа действий. Они не сознавали однако того, что в обоих этих случаях решающей была не столько сила обороны, пусть и геройской, сколько бездарная организация атаки (в частности у нас — слабость ударной части при гипертрофии резервов и заслонов и путаница отрядной системы). При хорошем управлении 60 таборов Сулеймана обтекли бы и потопили 6 наших

шипкинских батальонов, а командуй под Плевной не Зотов, а Скобелев, Осман распрощался бы со своей саблей еще 31 августа. Всякий раз, когда русская пехота имела впереди достойных ее командиров, а позади своевременную поддержку, она не знала неудавшихся атак. Все это, однако, не сознавалось. Религия — вернее ересь — резервов и заслонов, вопреки стараниям Леера, вкоренилась прочно. Отрядная система вошла в плоть и в кровь, и мистика позиций, защищаемых на месте до последней капли крови, завладела умами и сердцами большинства.

Другие пошли за Драгомировым, мужественные призывы которого звучали подобно трубе. Однако односторонняя и предвзятая эта доктрина вела при первой же (и неизбежной) осечке к потере веры в свои силы.

* * *

Военно-окружная система вносила разноречивую в подготовку войск. В различных округах войска были обучены по-разному, в зависимости от взглядов командующих войсками. В одном и том же округе система обучения менялась с каждым новым командующим. Если этот последний был артиллерист, то интересовался лишь своими бригадами, предоставляя пехотным и кавалерийским начальникам обучать войска как то им заблагорассудится. Назначали сапера — и начиналось увлечение гробокопательством: сооружение полевых укреплений, самоокапывание без конца при полном пренебрежении ко всему остальному на свете. Сапера сменял малиновый кант — фортификация немедленно же упразднялась, и все обучение сводилось к выбиванию сверхотличного процента попаданий на стрельбищах. Наконец появлялся представитель драгомировской школы, провозглашал, что пуля дура, штык молодец!. И стройно идущие под барабан густые цепи начинали одерживать блистательные и сокрушительные победы над обозначенным противником.

Излюбленным видом огня была стрельба залпами — повзводно и всей ротой (впрочем, и команда батальон, пли! далеко не была редкостью). Залповый огонь широко применялся в кавказские и туркестанские походы, да сплошь и рядом и в минувшую Турецкую войну. Он производил неизменный эффект на храброго, но неорганизованного и сильно впечатлительного врага, и его культивировали тем охотнее, что дружный залп показывал выдержку и хорошее обучение части. Меткость подобного декоративного огня была, конечно, ничтожной.

По настоянию генерала Обручева стали производиться периодически (примерно через каждые два года) большие двусторонние маневры, в которых принимали участие крупные массы войск различных округов. В 1886 году у Гродны маневрировали войска Варшавского и Виленского военных округов, в 1888 году под Елисаветградом — войска Одесского и упраздняемого Харьковского, в 1890 году на Волыни — Варшавский округ против Киевского (на этих последних принимало участие до 120000 человек и 450 орудий).

В начале 90-х годов было приступлено к перевооружению войск магазинными винтовками. Из трех представленных в 1891 году образцов была утверждена 3-линейная винтовка системы полковника Мосина¹⁵. Рутинеры военного дела во главе с Драгомировым яростно восставали против технических новшеств, усматривая в технике гибель духа. Ванновский отчасти разделял эту прискорбную софистику, но лишь в отношении артиллерии — его все-таки хватило на сознание настоятельной необходимости введения магазинок. Это важное мероприятие было осуществлено в 1893–1895 годах — сперва в пехоте, начиная с пограничных округов, затем и в коннице (получившей облегченную и укороченную винтовку драгунского образца). 3-линейная винтовка Мосина зарекомендовала себя блестяще. Имея прицел на 3200 шагов, она значительно превосходила простотой конструкции и баллистическими качествами ружья всех остальных европейских армий.

Вопрос же о введении скорострельной артиллерии остался открытым.

Генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу не удалось побороть оппозицию рутинеров. Вместе с тем клиновую пушку надо было заменить: мы начали сильно отставать от армий наших западных соседей и вероятных противников. Пришлось идти на компромисс и перевооружить артиллерию нескорострельной поршневой

пушкой образца 1895 года улучшенных данных в сравнении с предыдущим легким образцом (дальность выстрела — 3 версты шрапнелью и 6 верст гранатой при весе снаряда соответственно 19,5 и 17 фунтов и практической скорости стрельбы 2 выстрела в минуту). Калибр был принят однообразный — 3,42 дюйма — и упразднено деление батарей на батарейные и легкие. Таким образом, вместо коренного преобразования была предпринята частичная и притом очень дорого обошедшаяся поправка, имевшая чисто временный характер. Рано или поздно (и чем раньше, тем лучше) все равно приходилось завести скорострельную пушку — только теперь вместо одного перевооружения сразу приходилось предпринять два — с двойными расходами.

Император Николай Александрович

20 октября 1894 года не стало Царя-Миротворца. Его наследнику — молодому Императору Николаю II — было 26 лет. Он только что откомандовал батальоном в Преображенском полку, должен был вскоре получить генеральский чин и полк, но Волей Божией вместо полка получил всю необъятную Российскую Империю.

Император Александр III не допускал разговоров о политике в семейном кругу и совершенно не посвящал в государственные дела наследника, считая его пока слишком молодым и полагая, что для этого всегда найдется время. Николаю II пришлось одновременно управлять страной и учиться ее управлению, совершать ошибки — всегда неизбежные — и самому же их выправлять. Обращаться же за советом было не к кому. Александр III нес все на своих богатырских плечах: министры были лишь послушными исполнителями его предначертаний, неспособными к самостоятельному творчеству и неспособными иметь свое мнение. В мужи совета они негодились. Опоры же в среде своих близких родственников Государь не имел.

Великие князья были с рождения предназначены к одному лишь роду деятельности — военному делу. Многие из них чувствовали склонность к наукам, искусству, дипломатическим делам — фамильная (плохо понятая) традиция запрещала это, требуя обязательно одной военной службы. При отсутствии военного призвания у большинства великих князей служба эта обращалась в синекуру, очень часто шедшую во вред делу. Отдельные великие князья — коль скоро они имели серьезное военное призвание — принесли много пользы. Велика заслуга перед русской артиллерией ее последнего генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича. Из его сыновей много и плодотворно потрудились над артиллерией его преемник великий князь Сергей Михайлович¹⁶, брат которого великий князь Александр Михайлович¹⁷ — вопреки всеобщему противодействию — создал русский воздушный флот. Великий князь Николай Николаевич-Младший¹⁸ переродил конницу, а главный начальник военно-учебных заведений — великий князь Константин Константинович¹⁹ — оставил по себе светлую память в десятках тысяч юных сердец. В общем же великокняжеская среда не выдвинула ни одного государственного ума, дав нескольких видных специалистов по отдельным отраслям военного дела и еще большее количество дилетантов, обладателей синекур.

Высшие сановники и та среда, из которой они стали вербоваться в последнюю четверть XIX века, были невысокого морального уровня, особенно проведенные Победоносцевым. В высшем петербургском свете ставленников Победоносцева, и особенно Витте²⁰, называли не иначе как на французском диалекте: Без ргоЪпуоз^уз. В лучшем случае это были честные рутинеры, люди 20-го числа, в худшем — были преисполнены самого беззастенчивого карьеризма. Этот последний тип, начиная с 900-х годов, сделался преобладающим.

Современники упрекали Императора Николая II в безволии, двоедушии и недоверчивости. Его горячую и жертвенную любовь к России, на алтарь которой он не поколебался принести себя, свою жену и своих детей, не смеет оспаривать никто. Та твердость духа, что выказал Царь-Мученик в Екатеринбурге, отказавшись признать брестский договор (знал, что подпись под этим актом спасет жизнь ему и семье), опровергает легенду о безволии. Столь же неоснователен и упрек в двоедушии. Он исходил от тех сановников, что оставляли Государя вполне разделяющего их точку зрения, а по приходе

домой находили на столе высочайший указ об отставке. Причиной здесь являлась застенчивость Государя (унаследованная от отца) и необыкновенная его деликатность. Он не был в состоянии резко оборвать докладчика, терпеливо выжидал конца его доклада, вежливо благодарил и, оставшись наедине, принимал свое решение, иногда резко расходившееся с тем, которое ему желали навязать. Наконец последний упрек в недоверчивости столь же мало обоснован. Недоверчивость — вообще ценное качество в правителе, и кто посмеет упрекнуть в ней монарха, записавшего в свой дневник в тяжелый для России день: Кругом измена, трусость, обман... Можно лишь пожалеть, что недоверчивости этой не хватило в роковой мартовский день, когда Царь внял предательскому коленопреклоненному совету и принял гибельное решение отречься. Слабой стороной начинавшегося царствования была неопытность Государя, явившаяся причиной ряда промахов, тяжело отразившихся на внешней и внутренней политике.

* * *

Вначале все оставалось, как при предыдущем царствовании, начиная с министров и кончая покроем мундиров. Государственный механизм казался налаженным на многие столетия — везде еще чувствовалась могучая рука Александра III. Международное положение России было блестящим, и московские коронационные торжества 1896 года, когда вся Европа стояла в свите молодой императорской четы, явились апофеозом российской великодержавности. Победоносце остался, и молодой Император с уважением относился к крупнейшему деятелю царствования своего отца. Но что мог посоветовать Государю этот ледяной скептик, пусть и большой государственный ум?

Министерством иностранных дел заправляли заурядные дипломаты: князь Лобанов²¹, Муравьев²², Ламздорф²³, люди, из которых при хорошем министре иностранных дел могли бы выйти сносные посланники и резиденты на второстепенных постах, требующих большой представительности и не столь большой проницательности. Самые большие промахи были совершены именно в этой области, где Александр III не имел себе равного, но где сын его был лишен возможности ориентироваться.

Другим слабым местом были внутренние дела. 90-е и 900-е годы характеризовались ростом промышленности. Последствием этого роста промышленности явился рост фабрично-заводского пролетариата, а последствием усиления пролетариата было нарастание революционных идей. Глухое, скрытое недовольство крестьянских масс, открытое брожение рабочих, быстрое, поистине исступленное левение общества, из оппозиционного превращавшегося в революционное, создавали угрожающую обстановку. Неудачные мероприятия правительства, совершенно недооценивавшего серьезность положения и насущную необходимость социальных мероприятий, лишь подливали масло в огонь. Работа эмигрантских революционных центров облегчалась правительствами и общественным мнением ненавидевших Россию стран Старого и Нового Света.

Исключительное влияние получил министр финансов Витте. Это был политик авантюристической складки, чрезвычайно способный, безмерно честолобивый и совершенно беспринципный. Витте занял этот пост еще при Александре III, весьма ценившем его финансовые способности. Управление его финансами страны следует признать блестящим — государственные доходы без особенной тяготы для населения были увеличены на целую треть. Особенной заслугой Витте следует считать введение в 1897 году винной монополии, ставшей главной доходной статьей бюджета и давшей народу доброкачественное, дешевое и полезное (если им не злоупотреблять) питье. Лицемеры стали яростно клеймить пьяный бюджет, однако отмена монополии в 1914 году имела самые печальные последствия, вызвав массовое тайное винокурение и, как следствие, — катастрофическое падение нравственности по всей стране и небывалый рост пьянства. Столь же плачевные результаты получились в Северо-Американских Соединенных Штатах по введении закона о принудительной трезвости. Сухой режим там совершенно развратил страну, создав целое сословие гангстеров и увеличив во много раз преступность. Эти два примера показывают всю абсурдность законодательства, идущего вразрез с природой

человека и вдохновляемого только отвлеченными утопиями, зачастую к тому же фарисейского характера. К сожалению, влияние Витте скоро стало сказываться не только в области финансов, но и во внешней политике.

* * *

Русская внешняя политика, лишенная твердого руководства со смертью Александра III, сразу же попала под влияние Вильгельма II. Под этим тлетворным влиянием она уклонилась от прямого, реалистического пути, начертанного ей Александром III, и вступила на зыбкий и химерический путь непродуманных авантюр.

Вильгельм II решил обратить на пользу Германии и русскую дальневосточную политику, и самый франко-русский союз (разрушить который ему не удалось в 1893 году). План кайзера был смел и реалистичен. Всячески поощрять, более того провоцировать русскую экспансию на Дальнем Востоке, стремиться придать ей империалистический характер, втянуть Россию в войны с Китаем, с Японией, лучше всего, конечно, с Англией. Россия будет занята этими войнами, ослаблена ими и у Германии будут развязаны руки в Европе и на Ближнем Востоке. Германская промышленность делает сказочные успехи, германский флот — военный, коммерческий — растет не по дням, а по часам... С помощью России (Петербург должен произвести давление на Париж) Германия входит в франко-русский союз и превращает его в лигу континентальных держав под своим главенством, лигу, направленную против Англии — главной препоны германской великодержавности во всех частях света. Иными словами, Германия — Рим, хранительница мужественных добродетелей в союзе с вассальной Галлией и вассальной Скифией, сокрушает презренный Карфаген торгашей и на его развалинах строит свою мировую империю.

В Европе же — германский мир, рах Нерманиса, железный бронированный кулак, царящий с берегов нового Тибра — Шпрее над вассалами от Урала до Пиренеев... Грандиозный этот план, увы, удавшийся в первой своей части относительно России, был сорван во второй двумя великими дипломатами — Эдуардом VII и Теофилом Делькассе²⁴.

1895 год принес успех Германии по всей линии и две крупные победы Симоносеки и Киль.

По инициативе Германии Россия вмешалась в японо-китайскую войну. Россия заставила Японию возратить Китаю плоды всех ее побед, то есть сыграла в отношении Японии совершенно ту же роль, которую Германия Бисмарка сыграла в отношении России на Берлинском конгрессе. Германия участвовала в этой дипломатической интервенции — и не без прибыли для себя, — но подвела Россию под первый огонь, отведя на Россию весь взрыв негодования и ярости сорокамиллионной японской нации.

Вторая германская победа — участие французской эскадры на торжествах открытия Кильского канала — имела огромное значение: стараниями петербургского кабинета, слепо действовавшего по указке из Берлина, идея реванша во Франции был нанесен первый удар. Откуда разочарование в России французских националистов, считавших, что союз с Россией действует разлагающе на французскую нацию и ставит ее в подчинение Германии, послушным инструментом которой является Россия (Моррас). Круги эти стояли за сближение с Англией, тогда как союз с Россией был популярен в умеренно республиканских сферах. Министр иностранных дел Бертело (известный ученый) подал в отставку, не желая ввергать Францию в немецкое рабство. Он жаловался и негодовал на то, что в каждой ноте, получаемой им из Петербурга, содержатся требования идти навстречу всем германским пожеланиям. В 1897 году Государь предпринял поездку во Францию и присутствовал на больших маневрах в Лотарингии (знаменитый смотр в Бетени). Витте настоял на посещении Государем на обратном пути Германии — и за смотром в Бетени последовал бреславский парад.

Симоносекская интервенция была первым жестоким промахом внешней политики нового царствования. Вторым промахом явилась в 1897 году Гагская конференция, вызвавшая рост пацифистских настроений в русском обществе, и без того морально расслабленном. Был создан прецедент Лиге Наций и абсурдной эпидемии пактов,

разразившейся четверть столетия спустя. Александр III заслужил наименование Царя-Миротворца не учреждением международных говорилен — всегда бесполезных и часто опасных, а твердым и решительным соблюдением достоинства России. Мистицизм Священного союза воскресал в форме усыпительного пацифизма. Убаюканная речами сладкопевцев — нобелевских лауреатов мира, Россия полагала себя за гаагскими бумажками, как за каменной горой. Русская политика перестала считаться с реальностями. И одиноко звучал вещий голос Макарова: Помни войну!

Россия о войне не помнила. Тогда война ей о себе напомнила. Мистика Священного союза дала кровь Севастополя, мистика гаагского пацифизма дала кровь Порт-Артура. Одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия за те же ошибки следует то же возмездие.

С 1895 года политика России на Дальнем Востоке резко меняет свой характер. Вместо разработки своих богатств, как то полагал Император Александр III, учреждая Сибирский путь, мы позарились на чужие, нам ненужные земли. Реализм сменился авантюризмом. В 1897 году Россия приобрела у Китая в аренду Порт-Артур, объект японских мечтаний, результатом чего явился взрыв ненависти к нам в Японии. Война с Россией там стала делом решенным — и сорок миллионов японцев стали к ней готовиться, как один человек. Каменистый и мелководный порт-артурский рейд решено было сделать нашей главной базой на Тихом океане, и там намечена была сооружением крепость.

Став полновластным вершителем судеб России, Витте пошел еще дальше. Вместо того чтобы продолжать Сибирский путь вдоль Амура, как то повелел в свое время Александр III, он повел его по китайской территории через Маньчжурию. Так возникла в 1898–1900 годах Восточно-Китайская железная дорога — грандиозное культурное русское дело на Дальнем Востоке, пробудившее к жизни огромный и богатый край. На протяжении жизни одного поколения население Маньчжурии с 3 миллионов увеличилось на 30. Из ничтожной рыбацкой деревушки Харбина в несколько месяцев возник большой город, в несколько лет — главный промышленный и населенный центр края. Русское золото полилось рекой, обогащая чужую страну. Русское население Приамурского края осталось без железной дороги; дорогу зато получили китайцы, а затем, увы, японцы. Столь необходимая для русского Дальнего Востока Амурская дорога была сооружена в 1908–1911 годах.

Все это строительство стоило огромных денег. Витте поступил просто. Располагая финансами по своему усмотрению, он добывал нужные средства путем урезывания кредитов Военному и Морскому ведомствам. Стоимость всей авантюры возлагалась с легким сердцем на армию и флот, которым еще пришлось платить за все своей кровью...

На арендованном Ляодуне Витте решил устроить коммерческий порт — в явный ущерб Владивостоку. Искусственно был создан город Дальний, который наши офицеры не без основания стали называть Лишний. Витте смотрел на это, как на вопрос своего личного престижа и не жалел затрат. Деньги на сооружение этого удивительного города Витте достал из кредитов, отпущенных на укрепление Порт-Артура. Строитель Порт-Артурской крепости инженер-полковник Величко представил смету на сооружение верков, рассчитанных на 11-дюймовый калибр. Витте приказал сократить эту смету вдвое и ограничиться укреплениями, рассчитанными на 6-дюймовые снаряды. Освободившиеся таким образом миллионы он употребил на украшение Дальнего. Артурские форты стояли недостроенными, но в Дальнем сооружалась монументальная лютеранская кирха на случай, если в открываемый порт станут заходить немецкие либо скандинавские корабли и их команда захочет помолиться. Артурская крепость осталась недостроенной, зато Дальний был оборудован по последнему слову техники и, только что законченный, преподнесен японцам, которые и мечтать не могли о лучшей базе для действий против России, в частности против Артура. Дальний убил Порт-Артур.

Вся эта авантюра стоила России десятков тысяч жизней, целого флота, 3 миллиардов бесцельных затрат, великодержавного престижа и тяжких внутренних потрясений. Главный ее виновник сумел извлечь выгоду для себя из самого банкротства своей политики, став

графом Портсмутским и сумев придать законную форму внутреннему врагу учреждением Государственной думы... Убежденный германофил, Витте пользовался полной поддержкой Германии в дальневосточной своей политике, как нельзя больше отвечавшей германским интересам. Вильгельм II не жалел поощрений — памятен остался сигнал, поднятый на грот-стенге Гогенцоллерна при расставании монархов в Бьоркских шхерах: Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана. Это было в 1902 году. Два года спустя кайзер пожал плоды искусной своей политики. Воспользовавшись русско-японской войной и безвыходным положением России, Германия продала свой нейтралитет чрезвычайно выгодной ценою, навязав России торговый договор, отдавший Россию в полную экономическую кабалу ее неизменно дружественной западной соседке.

* * *

В бытность свою наследником престола молодой Государь получил основательную строевую подготовку, причем не только в гвардии, но и в армейской пехоте. По желанию своего державного отца он служил младшим офицером в 65-м пехотном Московском полку (первый случай постановки члена Царствующего Дома в строй армейской пехоты). Наблюдательный и чуткий цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став Императором Всероссийским, обратил все свое внимание на улучшение этого быта. Первыми его распоряжениями же упорядочено производство в обер-офицерских чинах, повышены оклады и пенсии, улучшено довольствие солдат. Он отменил прохождение церемониальным маршем, бегом, по опыту зная, как оно тяжело дается войскам.

Эту свою любовь и привязанность к войскам Император Николай Александрович сохранил до самой своей мученической кончины. Характерным для любви Императора Николая II к войскам является избегание им официального термина нижний чин. Государь считал его слишком сухим, казенным и всегда употреблял слова: казак, гусар, стрелок и т. д. Без глубокого волнения нельзя читать строки тобольского дневника темных дней проклятого года:

27 ноября. Праздник нижегородцев. Где они и что с ними?...

6 декабря. Мои именины... В 12 часов был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка, бывшие в саду, бывшие в карауле, все поздравляли меня, а я их с полковым праздником...

24 декабря. Во время чая пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами...

Эти последние месяцы земной своей жизни Царь-Мученик был душою с погибавшей без него армией.

В военном отношении начало царствования Императора Николая II явилось продолжением эпохи Александра III.

Совершенствовались отдельные мелочи на фоне общего застоя и рутины. В конце 1897 года Ванновского и Обручева сменили: генерал Куропаткин на посту военного министра и генерал Сахаров²⁵ на посту начальника Генерального штаба.

Алексей Николаевич Куропаткин был человек большого ума и всесторонней образованности. Он пользовался отличной боевой репутацией и обладал выдающимися административными способностями. Это был подходящий кандидат на высшую административную должность. Новый начальник Генерального штаба генерал Сахаров был заурядным деятелем бюрократической складки.

Вступив в отправление своих обязанностей в первый день 1898 года, генерал Куропаткин натолкнулся прежде всего на чрезвычайные затруднения, чинимые Военному ведомству министром финансов, совершенно не считавшимся с нуждами армии. По принятой тогда системе, кредиты испрашивались на пять лет вперед. Из 455 миллионов рублей чрезвычайных кредитов на пятилетие 1899–1903 годов (последняя смета, составленная генералом Ванновским) министром финансов было отпущено всего 160 миллионов — третья часть.

Деятельность генерала Куропаткина направлялась прежде всего к улучшению условий быта и службы строевого офицерства: устройству собраний, библиотек, заемных капиталов,

открытию кадетских корпусов в крупных военных центрах. Мероприятия эти поглотили свыше половины отпущенных средств. Установлен предельный возраст 50 лет для капитанов, 58 — для подполковников, 60 — для полковников.

В течение 1898 года из резервных бригад сформированы 42-я — 45-я пехотные дивизии, а на Дальнем Востоке с приобретением Порт-Артура образована 3-я Сибирская стрелковая бригада. Восстановлен II Кавказский корпус, и образованы армейские — XX в Виленском и XXI в Киевском округе. Финляндский военный округ упразднен и присоединен к Санкт-Петербургскому. Все финские национальные войска намечены к расформированию. К имевшейся Финляндской (русской) стрелковой бригаде были добавлены 2-я и 3-я, и все вместе составили XXII армейский корпус. На Кавказе образована 2-я Кавказская стрелковая бригада. Из Иркутского военного округа образованы Сибирский и Омский.

Китайская война 1900 года вызвала усиленное формирование войск в Приамурском округе. Там были развернуты 4-я, 5-я и 6-я Сибирские стрелковые бригады и образованы I и II Сибирские армейские корпуса. В том же 1900 году Туркестанские линейные батальоны развернуты в 2-батальонные стрелковые полки. Было образовано 5 Туркестанских стрелковых бригад, составивших I и II Туркестанские армейские корпуса.

В 1901 году окружные юнкерские училища с годичным курсом были преобразованы в военные училища с двухлетним курсом, выпускавшие уже не подпрапорщиков, а подпоручиков. Этой важной реформой Куропаткин способствовал поднятию общего уровня офицерского корпуса, его большей однородности и пытался устранить разницу между белой костью и черной.

Система больших маневров не оставлялась. В 1897 году они происходили под Нарвой в присутствии Вильгельма II, в 1898 году в районе Белостока, между войсками Варшавского и Виленского округов. Главнокомандовавший гвардией и Санкт-Петербургским округом великий князь Владимир Александрович принял темой Нарвских маневров нанесение поражения наступающей на Петербург с запада неприятельской армии. Однако придворные круги из угождения Вильгельму II настояли на отмене этой темы, рисковавшей не понравиться августейшему посетителю — и все свелось к банальщине. Любитель театральных жестов, кайзер захотел лично командовать своим Выборгским полком, причем командовал донельзя неудачно. Наконец в 1902 году произошли в Высочайшем присутствии знаменитые Курские маневры между Киевским и Московским. Эти последние маневры создали Куропаткину репутацию полководца. Все действия Куропаткина — командующего Киевской армией — не выходили из обычного трафарета. Волей-неволей ему пришлось победить Московскую армию, командующий которой великий князь Сергей Александрович 26совершенно не справился со своей задачей. По плану войны генерал Куропаткин должен был командовать Юго-Западным (австрийским) фронтом, а великий князь Сергей Александрович — Люблинской (тогда 3-й) армией этого фронта.

Опыт всех этих маневров ценности не представлял и не шел на пользу ни военачальникам, ни войскам. Начальникам прививались рутинерские взгляды и отрядные навыки, войска расходовали силы по большей части зря. Обе стороны всегда бывали одинаковой силы, составлялись по одинаковому шаблону и в той же пропорции родов оружия. При среднем уровне начальников это вело к отсутствию оригинальности — стратегическим и тактическим общим местам, трафаретной постановке задач, шаблонному их выполнению. Посредники вели тщательный и кропотливый подсчет батальонам — и та сторона, что успевала сосредоточить в данный момент и в данном пункте на один или два батальона больше, неизменно объявлялась победившей. Начальники проникались убеждением, что на войне все решает количество, управление войсками сводится к арифметике, а вывод этой арифметики неизменен: с превосходными силами в бой отнюдь не вступать.

Войска действовали так, как будто в недавнем еще прошлом у них не было тяжелого опыта трех Плевен. Начальники, казалось, соревновались в том, кто из них в кратчайший срок дезорганизует свою дивизию или корпус, нарезав сколь можно большее число отрядов

трех родов оружия. Резервы подводились к самой линии огня зачастую на 200 шагов в батальонных колоннах. Последние дни маневров (как раз самые поучительные) обычно комкались, особенно когда на них присутствовал Государь. Все помыслы участников, от генерала до рядового, сводились к одному — как бы не осрамиться на царском смотре, и силы войск сберегались не для нанесения заключительного решающего удара, а для отчетливого прохождения церемониальным маршем.

* * *

Огромный вред войскам в период от Турецкой до Японской войны принесла так называемая хозяйственность. Скучные отпуска кредитов Военному ведомству, которому приходилось торговаться с министром финансов из-за каждого рубля, привели к тому, что у Российской Империи не находилось средств на содержание своей армии. Войска были вынуждены сами себя содержать. Перевооружение войск магазинными ружьями в 90-х годах, двукратное перевооружение артиллерией в 90-х и начале 900-х требовали больших расходов. Приходилось строить помещения, амуницию, одевать и довольствовать войска хозяйственным способом, без расходов от казны.

Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов — некому было посещать тактические занятия. Вся служба — в частности ротных командиров стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, поверках разных отчетностей, отписке бесчисленных бумаг и бумажек... На милютинском канцелярском бумагопроизводстве привилась куропаткинская хозяйственность. Система без расходов от казны была заведена еще при Ванновском. Куропаткин — сам ревностный и убежденный хозяйственник развил ее, доведя до геркулесовых столпов.

В русской армии конца XIX века хозяйственность заняла то место, которое в первую половину столетия занимал фронт — шагистика. Она проникала всю армию сверху донизу. Во времена Аракчеева и Паскевича начальство умилялось малиновым звоном ружейных приемов, во времена Ванновского и Куропаткина доброкачеством сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, командир полка, у которого кашу варили пятнадцатью различными способами, аттестовывался выдающимся. Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть.

Для проверки строевой части существовали инспекторские смотры. Взгляды и вкусы начальства бывали известны, равно как и дата приезда, в крайнем случае, отличное состояние нестроевой части должно было загладить впечатление от возможных строевых недочетов. Наконец испытанием тактической подготовки войск должны были служить большие маневры. Они же всегда Слава Богу, благополучно сходили.

Из всего этого отнюдь не следует бросать упрек в очковитирательстве строевому русскому офицерству того времени. Все это были люди чести, преданные своему долгу. В тех ненормальных условиях просто нельзя было иначе служить. Нельзя было требовать от войсковой части самоокупаемости, заставлять ее работать на самое себя, отвлекать людей на работы, ничего общего с военным делом не имеющие, и требовать в то же время совершенства в этом последнем.

В нормальных условиях молодой солдат находился лишь первые четыре месяца своей службы, когда обучался собственно военному делу. По истечении этого, установленного законом, времени всевидящее фельдфебельское око намечало в строю молодых солдат будущих сапожников, портных, слесарей. Не попавшие в эти ремесленные цехи проходили главным образом караульную службу.

На всю Российскую Империю было всего 10000 жандармов. В республиканской Франции, уступавшей России населением в четыре раза, было 36000 жандармов (не считая колоний). Они были облечены такой властью, которая никогда и не снилась нашей полиции. Передовая интеллигенция ненавидела синие мундиры и мечтала о великих достижениях

западных демократий, которые она себе представляла без полиции. Министерство финансов всячески урезывало кредиты Департаменту полиции — из той же похвальной экономии, что и Военному ведомству. При совершенно недостаточном количестве городских и стражников войскам приходилось нести тяжелую полицейскую службу. Например, во Владивостоке до 1910 года обязанности городских (на заведение которых не давалось средств) исполняли чины Сибирских стрелковых полков гарнизона. От воинских частей требовались все в большем количестве дозоры, конвои, караулы. При малейших беспорядках сил полиции всегда оказывалось недостаточно и приходилось вызывать воинские части. Принимая во внимание слабую их численность (роты в 48 рядов²⁷), нередко создавалось положение, при котором треть всего состава несла караульную службу, треть отдыхала, а треть была занята хозяйственными работами. В результате — полезный срок службы солдата вместо 4 лет, как правило, был 4 месяца.

* * *

Еще в самом начале царствования — в 1895 году — была восстановлена должность генерал-инспектора конницы и на нее назначен великий князь Николай Николаевич-Младший.

В результате неудачных реформ 1882 года и абсурдного увлечения американской едзящей пехотой наша конница чрезвычайно понизилась качеством. Славным ее традициям был нанесен жестокий удар, ей прививались чужие и чуждые ей взгляды, и потомки богатырей Шенграбена и Фер Шампенуаза, недавние герои Бегли Ахмета, Аравартана и Адрианополя были низведены до уровня каких-то рейдеров американской междоусобицы.

Великий князь Николай Николаевич — кавалерист Божией милостью — принялся за перевоспитание конницы с замечательной энергией. Перевоспитание это он начал с того, что научил ее езде, поборол робость перед широкими аллюрами и пересеченной местностью.

Была введена новая школа верховой езды (метода Филлиса), а в Поставах (Виленский военный округ) открыта Офицерская кавалерийская школа для подготовки кандидатов в эскадронные командиры. Конница была научена пользованию конем, ее офицерству привит спортивный дух устройством состязаний и парфферсных охот. За десять лет — с 1895–1905 годы — русская конница была вновь поставлена на то свое старое и славное место, откуда была сведена рутинерами эпохи военных поселений и неудачным новаторством доморощенных американцев. Ее генерал-инспектор мог оглянуться на это свое дело с чувством полного удовлетворения и справедливой гордости. Впоследствии, однако, великий князь не был в состоянии действовать мечом, который он сам выковал. Став Верховным главнокомандующим и получив в свое распоряжение 30 дивизий лучшей в мире кавалерии, он совершенно не сумел дать им стратегическое применение.

Нелюбимый сын великого князя Николая Николаевича-Старшего, он держался особняком в Императорской Фамилии, где пользовался общей неприязнью. Великий князь не привлек к себе сердец своих подчиненных. Человек необыкновенно грубый и чуждый благородства, он совершенно не считался с воинской этикой и позволял себе самые дикие выходки в отношении подчиненных ему офицеров.

В конце 90-х годов было сформировано 3 отдельных кавалерийских бригады и 2 отдельных драгунских полка в Финляндии и на Дальнем Востоке.

В конце 1894 года права гвардии были пожалованы Кексгольмскому и Санкт-Петербургскому гренадерским полкам. В 1903 году упразднены финские стрелковые батальоны, а в 1905 году и Лейб-Гвардии 3-й Финский батальон. Взамен этого последнего в состав Гвардейской стрелковой бригады был включен Лейб-Гвардии резервный полк, наименованный стрелковым (а с 1910 года Лейб-Гвардии стрелковый Его Величества).

Артиллерии, которой продолжал еще заведовать ее последний генерал-фельдцейхмейстер, удалось преодолеть сопротивление рутинеров и начать перевооружение 3-дюймовой скорострельной пушкой образца 1900 года, причем был принят единственный вид патрона — шрапнель. Граната оставлена лишь для 6-дюймовых мортир. Перевооружение было спешно начато в том же 1900 году, когда Путиловским заводом было выпущено 1500

орудий, но затем приостановлено вследствие некоторых выяснившихся дефектов. Изъяны эти удалось устранить в пушке образца 1902 года (слегка видоизмененный образец предыдущей), которой и было произведено в 1903–1904 годах окончательное перевооружение, начиная с пограничных округов. Пушка образца 1900 года с буферным накатником оказалась впоследствии превосходным зенитным орудием. Еще с 1897 года при стрелковых бригадах, до той поры лишенных артиллерии, были образованы стрелковые артиллерийские дивизионы.

В 1902–1903 годах, в предвидении осложнений на Дальнем Востоке, численный состав Заамурского округа пограничной стражи был с 16000 человек доведен до 24000. Тогда же сформированы 7-я и 8-я Сибирские стрелковые бригады и в конце 1903 года в Порт-Артуре образован III Сибирский армейский корпус.

Генерал Куропаткин, предпринявший в 1903 году поездку на Дальний Восток и присутствовавший на маневрах японской армии, был убежден в невозможности серьезных осложнений, тем более войны с Японией (Министерство иностранных дел поддерживало его в этом убеждении). Поэтому в чрезвычайных кредитах, испрошенных им на пятилетие 1904–1909 годов, из общей суммы 160 миллионов рублей Дальнему Востоку уделялось всего 7 миллионов.

ЧАСТИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ III:

18-й, 19-й и 20-й Туркестанские стрелковые полки (1882 г.);
203-й пехотный Потийский полк и 205-й пехотный Шемахииский полк (1889 г.);
202-й пехотный Горийский, 204-й пехотный Ардагано-Михайловский полки (1890 г.);
207-й пехотный Новобаязетский, 208-й пехотный Лорийский полки (1890 г.);
201-й пехотный Сухумский полк (1892 г.);
5-й, 6-й, 7-й и 8-й Кавказские стрелковые (с 1887 г. стрелковые туземные дружины, с 1893 г. — Кавказские стрелковые);
6-й, 7-й и 8-й Сибирские стрелковые полки (с 1893 г.);
15-й уланский Татарский полк (с 1891 г. — 46-й драгунский);
15-й гусарский Украинский полк (с 1891 г. — 47-й драгунский);
саперные батальоны — 12-й и 13-й (1883 г.), 14-й, 15-й,
16-й и 17-й (1889 г.);
18-й саперный батальон (1894 г.);
Донской кадетский корпус (1883 г.).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II (ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ):

196-й пехотный Инсарский полк (1896 г.);
Финляндские стрелковые: 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й (1898 г.);
Сибирские стрелковые: 9-й, 10-й, 11-й и 12-й (1898 г.);
Сибирские стрелковые: 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й и 24-й (1900 г.);
Сибирские стрелковые: 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й и 32-й (1903 г.);
Сибирские стрелковые: 33-й, 34-й, 35-й и 36-й (1904 г.);
Сибирские стрелковые: 37-й, 38-й, 39-й и 40-й (1905 г.);
Туркестанские стрелковые: 21-й и 22-й (1906 г.);
Заамурские пехотные пограничные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й (1909 г.);
Сибирские стрелковые: 41-й, 42-й, 43-й и 44-й (1910 г.);
Финляндские стрелковые: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й (1914 г.);
19-й драгунский Архангелогородский и 16-й Иркутский гусарский (1895 г. соответственно 49-й и 50-й драгунские полки);
17-й гусарский Черниговский и 18-й гусарский Нежинский полки (1896 г. соответственно 51-й и 52-й драгунские);
Приморский драгунский полк (1896 г. — драгунский дивизион, с 1898 г. полк);
16-й уланский Новоархангельский и 17-й уланский Новомиргородский полки

(1897 г. — соответственно 53-й и 54-й драгунские);
20-й драгунский Финляндский полк (1901 г. — 55-й драгунский);
Крымский конный полк (1903 г. — Крымский конный дивизион, с 1909 г. полк);
Заамурские конные пограничные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й (1909 г.);
Лейб-Гвардии стрелковая артиллерийская бригада, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я стрелковые артиллерийские бригады (1897 г.);
1-я Финляндская, 1-я и 2-я Кавказские стрелковые артиллерийские бригады (1897 г.);
42-я, 43-я, 44-я, 45-я артиллерийские бригады, 2-я и 3-я Финляндские артиллерийские бригады (1898 г.);
3-я Сибирская артиллерийская бригада (1898 г. — Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион, с 1904 г. — бригада);
4-я, 5-я, 6-я Сибирские артиллерийские бригады, 4-я и 5-я Туркестанские стрелковые артиллерийские бригады (1900 г.);
7-я, 8-я и 9-я Сибирские артиллерийские бригады (1904 г.);
10-я Сибирская артиллерийская бригада (1905 г.) и 6-я Туркестанская артиллерийская бригада (1906 г.);
46-я, 47-я, 48-я, 49-я, 50-я, 51-я, 52-я артиллерийские бригады и 11-я Сибирская артиллерийская бригада (1910 г.);
Лейб-Гвардии мортирный дивизион. Гренадерский мортирный дивизион (1910 г.);
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й и 25-й мортирные дивизионы (1910 г.);
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й Сибирские, 1-й, 2-й, 3-й Кавказские и 1-й Туркестанский мортирные дивизионы (1910 г.);
1-я и 2-я конногорные батареи (1911 г.);
21-й саперный батальон (1898 г.), 2-й Сибирский саперный батальон (1900 г.), 22-й саперный батальон (1901 г.);
3-й, 4-й и 5-й Сибирские саперные батальоны (1904 г.);
1-й, 2-й, 3-й, 4-й Заамурские железнодорожные батальоны (1909 г.);
23-й, 24-й, 25-й саперные батальоны и Кавказский саперный батальон (1910 г.);
Кадетские корпуса: Варшавский, Суворовский, Одесский, Сумской, Владикавказский, Хабаровский (1900 г.). Ташкентский (1904 г.). Иркутский (1913 г.) и Сергиевское артиллерийское училище (1913 г.).

Китайская война

Неудачные войны с Францией (1882–1885 годов) и Японией, сопровождавшиеся потерей территорий и повлекшие за собой глубокое проникновение в Китай иностранных интересов, пробудили в правящих китайских слоях ненависть к иноземным дьяволам. Душою этого движения явились спортивные организации Больших кулаков, то есть боксеров, откуда и его имя Боксерское.

Особенную ненависть китайцы питали к России, занявшей (и, по-видимому, навсегда) Порт-Артур и соорудавшей в Маньчжурии железные дороги.

Брожение нарастало весь 1899 год, и в мае 1900 года вспыхнуло восстание, охватившее весь Северный Китай и Маньчжурию. К восставшим примкнули войска — и разъяренное полчище осадило иностранный квартал Пекина, где здания посольств и миссий превратились в импровизированные форты.

* * *

Получив известие о критическом положении посольств, командовавший международной эскадрой в Печилийском заливе британский адмирал Сеймур двинулся во главе сборного отряда в 2000 человек из Таку²⁹ через Тяньцзин на Пекин. Однако он переоценил свои силы, и отряд его, пройдя Тяньцзин, был окружен 30-тысячной отлично вооруженной армией. Из этого критического положения десант Сеймура был выручен 28 мая 12-м Восточно-Сибирским стрелковым полком полковника Анисимова, высаженным в Печилийский район из Порт-Артура по распоряжению адмирала Алексеева. Сеймур и

Анисимов отступили в Тяньцзинь, были здесь снова блокированы и освобождены уже 14 июня подошедшим 9-м Восточно-Сибирским полком с командиром 3-й Сибирской стрелковой бригады генералом Стесселем³⁰. Анисимов и Стессель атаковали китайцев с двух сторон (с фронта и в тыл). Взято 6 орудий.

Тем временем заместивший Сеймура русский адмирал Гильтебрант решил овладеть сильной китайской крепостью Таку, запиравшей устье реки Пейхо. Совместными усилиями сухопутных войск и флота это блестяще было выполнено, и 3 июня Таку был взят. Таку был занят гарнизоном в 3500 человек при 177 орудиях. Главную роль при его взятии играли на суше и на море русские — канонерские лодки Гиляк и Бобр и сводная рота 12-го Сибирского полка поручика Станкевича, первая ворвавшаяся в форт.

24 июня в командование войсками у Тяньцзина (8000 человек, главным образом русских, и 18 орудий) вступил адмирал Алексеев. Он сразу предпринял операцию широкого масштаба и в сражении 1 июля наголову разбил 30-тысячную китайскую армию. Район Тяньцзина представлял целую систему арсеналов и укреплений. У китайцев убыло свыше 3000, у союзников около 600. Все 46 неприятельских орудий взяты русскими, причем наша потеря — всего 7 офицеров и 161 нижний чин.

В первой половине июля в Китай прибыли большие подкрепления из Европы, Америки и Японии. Международная армия возросла до 35000 человек при 106 орудиях, ее ядро составили русские — 7000 сибирских стрелков (2-я и 3-я бригады) с 22 орудиями. Начальствование над всей армией 19 июля принял генерал Линевич³¹. В ночь на 23 июля Линевич двинулся на Пекин во главе 15-тысячного корпуса. 23-го числа он с боем форсировал реку Пейхо у Бей-Цзяна, разбил вновь было собравшуюся китайскую армию и открыл себе дорогу к Пекину. 31 июля войска Линевича стояли под стенами китайской столицы, и на рассвете 1 августа на этих стенах уже победно развевались знамена сибирских стрелков. При Бей-Цзяне сибиряками взято 13 орудий. На штурме Пекина мы лишились 1 генерала, 5 офицеров, 122 нижних чинов.

Восстанию был нанесен решительный удар. Дальнейшая работа свелась к искоренению партизанщины; 6 сентября генерал Штакельберг³² занял Бейтан, 9-го конный отряд полковника Флуга с налета взял Лутай, а 18 сентября генерал Церпидкий овладел Шанхай-Гуаном на границе с Маньчжурией.

12 сентября в Тяньцзинь прибыл прусский фельдмаршал граф Вальдерзее, назначенный по настоянию Вильгельма II главнокомандующим международной армией. Но это немецкое светило запоздало — новоявленный Готфрид Бульонский не поспел на штурм Иерусалима. Все лавры были уже без остатка пожаты русскими! 1 января 1901 года русские войска покинули усмиренный ими Печилийский край. К сентябрю в Печилийской области находилось до 66 тысяч международных войск (13 200 русских, 21000 японцев, 8400 англичан, 8200 германцев, 6800 французов, 5600 американцев, 2500 итальянцев и 500 австрийцев). Германские отряды своими зверствами над мирным населением далеко превзошли боксеров. К чести всех остальных войск следует добавить, что никто из них в этих разбойничьих экспедициях не участвовал.

Операции в Маньчжурии.

Здесь восстание сказалось с особенной силой. Скопища китайских войск (татарские — восьми знамен и территориальные — зеленого знамени) совместно с Большими кулаками и хунхузами обрушились на русские посты и поселки по строившейся Восточно-Китайской железной дороге, и к середине июня вся дорога была в их руках, а переполненный беженцами Харбин был осажден.

До 9000 китайцев, собравшихся в Сахалыне, на правом берегу Амура, бомбардировали почти что беззащитный Благовещенск.

У нас в Приамурском округе (от Байкала до Тихого океана) и на Квантуне было 56000 войск со 164 орудиями. Часть их была отправлена в Печилийский край, остальные надо было еще мобилизовать, а то и вообще сформировать. Высочайше было повелено двинуть в Маньчжурию все 5 армейских стрелковых бригад Европейской России. Прибыли в

Маньчжурию лишь 3-я, 4-я и 5-я. Одновременно в Приамурском округе сформировались 4-я, 5-я и 6-я сибирские стрелковые бригады. К активным операциям — наступлению в бурлящую Маньчжурию со всех четырех сторон — мы смогли приступить лишь в июле. Был организован ряд отрядов.

На севере Маньчжурии выручать Благовещенск двинуты отряды полковника Сервианова и полковника Ренненкампа³³ из Сретенска. Одновременно из Хабаровска на выручку Харбина отправлен генерал Сахаров с 4000 человек и 26 орудиями. Все упомянутые отряды шли на судах по Амуру — нашей главной артерии сообщения.

Отряд генерала Сахарова, пойдя по Сунгари, деблокировал Харбин 21 июля, пройдя с боем 663 версты в 18 дней. 11 июля при Баян-Туне взято с боя 10 орудий. 15 июля было разгромлено 4000 китайцев у Сянь Синя. Стрелки атаковали эту крепость по грудь в воде, захватив 22 орудия.

Сервианов и Ренненкампф, соединившись и переправившись через Амур, разгромили 22 июля при Айгуне угрожавшее Благовещенску полчище. Ренненкампф с отрядом в 600 шашек бросился его преследовать на Мергень, приказав своему отряду гнать противника так, чтобы весть об Айгунском побоище дошла к Мергеню вместе с казаками. Однако 24-го слабый его отряд был остановлен у Малого Хингана, сильно укрепленного и прочно занятого китайцами горного хребта. Отряд Ренненкампа был доведен до 5000 человек при 20 орудиях и назван по своему объекту Цицикарским. 28 июля он атаковал Малый Хинган, но не имел успеха, но 2 августа Ренненкампф одержал здесь полную победу, 4-го взял Мергень и уже 15-го был в Цицикаре, пройдя 400 верст в 3 недели.

Усмирение Западной Маньчжурии было возложено на сформированный в Забайкалье отряд полковника Орлова (5000 человек, главным образом казаков, и 6 орудий). Отряд этот перешел границу 13 июля, занял 21-го Хайлар, овладел 10 августа двойным охватом позицией Большого Хингана и соединился в Цицикаре с Ренненкампом.

На востоке, со стороны Приморья, было образовано два отряда. Один генерала Чичагова (1500 человек, 6 орудий) — предназначался для движения от Никольска на Нингуту, другой — генерала Айгустова (5000 и 12 орудий) собирался в Новокиевске. Никольский отряд, оказавшийся слишком слабым, был присоединен к Новокиевскому, и этот последний 15 июля овладел китайской крепостью Хунчун. 15 августа генерал Айгустов выступил на Нингуту и 16-го взял ее неожиданным налетом.

К 20 августа Восточно-Китайская железная дорога была в наших руках, и адмирал Алексеев²⁸ предписал всем действовавшим здесь отрядам (15000 шашек и штыков и 64 орудия) двинуться на Гири (где он предполагал значительные силы противника) и составить там II Сибирский корпус генерала Каульбарса³⁴.

Однако отважный Ренненкампф выполнил всю эту операцию сам с отрядом всего в 1000 шашек и 6 орудий. 24 августа он выступил из Цицикара, 29-го занял Бодунэ, а 10 сентября овладел Гирином, пройдя за сутки 120 верст, разогнав китайцев и взяв в плен 2000 последних мятежников. Предположенная операция после этого блестящего рейда становилась бесцельной.

В Южной Маньчжурии отошедшие к Дашичао пограничники полковника Хорунженкова заняли 12 июля Сан Ю Чен, а 18-го — Гайчжоу, соединившись здесь с отрядом полковника Домбровского. Принявший здесь командование генерал Флейшер взял 31 июля Хайчен, но дальнейшее наше продвижение на север было остановлено распоряжением из Петербурга. В Гайчжоу нами захвачено 12 орудий.

В половине августа Южно-Маньчжурский отряд, доведенный до 9000 бойцов при 40 орудиях, принял генерал Субботич. 11 сентября он двинулся тремя колоннами слева генерал Флейшер, в центре генерал Артамонов³⁵, справа полковник Мищенко. Китайские силы расположились в двух группах: 6000 у Нью Чжуанга и 16000 у Айсяндзая. 11-го же энергичный генерал Флейшер разбил первый отряд и овладел Нью Чжуангом. На следующий день, 12-го китайцы бежали с Айсяндзанской позиции. 15 сентября генерал Субботич разгромил и рассеял одной лишь артиллерией китайские скопища у Ляояна и 17-го без боя

занял Мукден. Вся Маньчжурия была усмирена к 20-м числам сентября, и этим закончилась Китайская кампания.

* * *

Экспедиция 1900 года никаких политических выгод нам не доставила. Мы получили назад нашу железную дорогу в совершенно разгромленном виде и не воспользовались слабостью китайского государства, проявив совершенно исключительную умеренность.

Военные действия носили характер партизанских операций в большом масштабе. В Печилийском районе они имели более упорный характер, чем в Маньчжурии, где зачастую походили на действия с обозначенным противником. Качество китайских войск было чрезвычайно низкое, несмотря на их хорошее вооружение. Сколько-нибудь ценных тактических выводов эта кампания не дала. Значение ее было чисто моральным.

Печилийскую операцию, закончившуюся занятием Пекина, провели русские начальники и русские войска. На почетном месте во главе войск восьми держав шли русские флотские роты и батальоны сибирских стрелков. Это они разгромили китайскую армию у Тяньцзина, выручили Сеймура, штурмовали Таку, взяли Пекин. Участие остальных иностранных войск — за исключением разве японцев — было чисто декоративным. Роль же германца генералиссимуса Вальдерзее, прибывшего уже по усмирении Китая Алексеевым и Линевицем, была просто смешной.

Цицикарский поход и набег на Гири́н создали громкую репутацию генералу Ренненкампу — репутацию, оказавшуюся впоследствии, к сожалению, сильно преувеличенной. Выдвинулся Стессель и старый кавказец, герой Карса Линеви́ч. Особенный же авторитет в Петербурге приобрел адмирал Алексеев.

Китайские походы 1900 года явились боевым крещением Амурских, Забайкальских и новоучрежденных Восточно-Сибирских стрелковых полков. Личный состав их оказался превосходным, получив закалку в долголетней многотрудной пограничной службе на этой беспокойной окраине. Служба эта выработала в наших дальневосточных войсках качества, аналогичные создавшимся в кавказских и туркестанских, природные свойства русского воина, не стесненного чужеземными лжеучениями: способность принимать быстро решения, частный почин, боевую сноровку. И молодым сибирским полкам пришлось применить эти свои качества в другой, гораздо более серьезной, тяжелой войне.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА КИТАЙСКУЮ ВОЙНУ ПОЛУЧИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ЧАСТИ:

- 14-й и 15-й стрелковые полки — знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- 16-й стрелковый полк — георгиевский рожок за отличие в 1900 г.;
- Сибирские стрелковые полки:
 - 1-й Его Величества — знаки на шапки за Старый Нью Чжуанг;
 - 2-й — георгиевские рожки за взятие Пекина,
 - 3-й, 4-й и 5-й — знаки на шапки за отличие в 1900 г., 6-й — знаки на шапки за Бейтан,
 - 7-й — знаки на шапки за Бейтан,
 - 9-й — георгиевское знамя за взятие восточного арсенала у Тяньцзина,
 - 10-й — георгиевское знамя за взятие Пекина,
 - 11-й — знаки на шапки за Дашичао в 1900 г.,
 - 12-й — георгиевское знамя за Тяньцзин,
 - 13-й и 14-й — знаки на шапки за отличие в 1900 г., 15-й и 16-й — знаки на шапки за взятие Хунчуна, 17-й и 18-й — знаки на шапки за Сунгарийский поход,
 - 20-й — знаки на шапки за отличие в 1900 г.,
 - 21-й — знаки на шапки за оборону Благовещенска,
 - 22-й — знаки на шапки за Сунгарийский поход;
- 4-й и 6-й Забайкальские казачьи батальоны — знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- Приморский драгунский полк — знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- Амурский казачий полк — георгиевские трубы за Хинган;
- Забайкальские казачьи полки:

- 1-й Верхнеудинский — георгиевские трубы за Тяньцзин и Пекин, знаки на шапки за отличие в 1900 г.,
- 3-й Верхнеудинский — знаки на шапки за отличие в Северной Маньчжурии,
- 1-й Читинский — знаки на шапки за Бейтан и Пекин,
- 1-й Нерчинский — георгиевские трубы за Хинган и Цицикар,
- 1-й Аргунский — георгиевские трубы и знаки на шапки за отличие в Северной Маньчжурии;
- Лейб-Гвардии стрелковый артиллерийский дивизион — знаки на шапки за отличие в 1900–1901 гг.;
- 1-я Сибирская артиллерийская бригада — знаки на шапки за взятие Хунчуна и отличие в 1900–1901 гг.;
- 2-я Сибирская артиллерийская бригада — знаки на шапки за оборону Благовещенска и отличие в 1900–1901 гг.;
- 3-я Сибирская артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Тяньцзин и Пекин и за отличие в 1900 г.;
- 4-я Сибирская артиллерийская бригада — знаки на шапки за Хинган и отличие в 1900 г.;
- 2-я Забайкальская казачья батарея — знаки на шапки за отличие в 1900 г.

Глава XIII. Война с Японией 1904-905 годов и первая смута

Вмешательство России в японо-китайскую войну, когда мы в 1895 году одним росчерком пера лишили Японию всех плодов ее победы, пробудило ненависть к России в сердце каждого японца. Когда же три года спустя — в 1898 году Россия приобрела Ляодун с Порт-Артуром, скрытая эта ненависть превратилась в открытую ярость. Сознание, что Россия не только лишила Японию ее завоеваний, но еще и присвоила их себе, было нестерпимо для национального самолюбия. Государственные расчеты, требовавшие обоснования преобразованной империи на Азиатском материке, шли об руку с уязвленным самолюбием всей нации. От Императора Мутсухито³⁶ до последнего рикши все поняли, что вопрос этот может быть решен лишь силой оружия. И вся страна без лишних слов принялась за лихорадочную работу. Руководители ее внешней политики во главе с японским Бисмарком маркизом Ито не задавались целью, подобно русским, облагодетельствовать вселенную пацифистскими утопиями. Они соблюдали интересы только своей родной страны и соблюдали их замечательно, используя к своей наибольшей выгоде международную обстановку, заключив союз с Англией (в 1902 году) и заручившись моральной и экономической поддержкой Соединенных Штатов. Во враждебном отношении Америки большую роль играли еврейские плутократические круги (вспомним только знаменитый банк Кун, Леб и К^о, финансировавший русское революционное движение). Американское общественное мнение было особенно восстановлено так называемым кишиневским погромом³⁷ 1903 года, в действительности никогда не имевшем места и целиком вымышленным враждебными России телеграфными агентствами.

В период 1898–1903 годов был создан однородный и высококачественный броненосный флот, армия перевооружена отличной винтовкой образца 30-го года Мейдзи³⁸ (1898 год), организованы и обучены значительные резервы, совершенно ускользнувшие от внимания русских наблюдателей. Полевая армия была доведена до 190000 штыков и сабель при 484 орудиях (13 сильных пехотных дивизий и 3 кавалерийские бригады). При мобилизации выставлялось еще 13 сильных резервных бригад и многочисленные маршевые формирования. Мобилизованная армия должна была насчитывать 520000 бойцов — молодых, отлично обученных, одушевленных фанатическим патриотизмом. Артиллерию

составило 1032 скорострельных орудия (свыше трети горных). Значительная часть как офицеров, так и нижних чинов запаса имели недавний боевой опыт. Войска отлично знали театр предстоящих военных действий — Корею, Маньчжурию и Ляодун, где сражались в 1894 году и который тщательно изучили. Японский Генеральный штаб был создан по образцу большого германского и усвоил германские доктрины и германские навыки, как положительные, так и отрицательные. Изучив Восточную войну и Турецкую кампанию 1877 года, японцы пришли к заключению, что в лице русской армии они отнюдь не будут иметь выдающегося противника. Возможности Сибирского пути ими также недооценивались — японский Генеральный штаб считал невозможным сосредоточение в 6-месячный срок в Маньчжурии русской армии свыше 150000 человек. Японцы полагали возможным пропуск одной пехотной дивизии в месяц и 3 пары воинских поездов (с войсками и довольствием) в сутки. Они ошиблись вдвое.

Совершенно иначе в смысле готовности к войне обстояли дела у нас. Со времени злополучной Гаагской конференции как правительство, так и общество были проникнуты усыпляющим и расслабляющим пацифизмом. О войне серьезно не думали. В частности, не допускали и мысли о том, что она может вспыхнуть на Дальнем Востоке; все внимание Военного ведомства при генерале Куропаткине сосредоточилось на западной границе.

Наш план войны подвергался с 1895 по 1903 годы значительным изменениям. Сперва считали, что с Японией справятся одни войска Приамурского округа. Затем войска эти решили усилить 6 резервными корпусами Сибирского и Казанского округов. И, наконец, было положено повысить качество подкреплений и направить на Дальний Восток два самых восточных полевых корпуса — X Киевского и XVII Московского военных округов.

Между политикой и стратегией у нас наблюдался совершенный разрыв. В 1902 году мы ослабили нашу Тихоокеанскую эскадру из чисто меркантильных соображений. К концу 1903 года состав эскадры был вновь усилен, но всемогущий министр финансов Витте, которому нужны были деньги для оборудования своего Дальнего, настоял на переводе кораблей в состояние вооруженного резерва, что чрезвычайно ослабляло готовность флота. Морские силы были к тому же разбросаны: крейсера базировались на Владивосток, а главные силы — броненосцы и минная флотилия — были переведены в мелководный, каменистый и совершенно необорудованный Порт-Артур. В Артуре же отсутствовали доки и мастерские, и малейшие повреждения грозили оказаться смертельными для кораблей.

Первый план войны с Японией был составлен нами еще в 1895 году, ко времени нашей интервенции в японо-китайские дела. Превосходство франко-русско-германского флота над японским было подавляющим. Японская армия на материке предполагалась отрезанной от своих баз, и наши силы в Приамурском округе (30 500 человек, 74 орудия) признавались достаточными для нанесения ей поражения. За последовавшие 4 года наши силы на Дальнем Востоке удвоились, составив в 1898 году, в эпоху приобретения Порт-Артура, 60000 человек при 126 орудиях. Однако мы уже не могли рассчитывать на сотрудничество иностранных флотов. Допускалась высадка японской армии в 110000 — 130000 человек. Наши силы должны были придерживаться строго оборонительного образа действий до прибытия 6 резервных корпусов, развернутых в Казанском и Сибирском округах и ожидавшихся к концу 4-го месяца.

Китайская война 1900 года имела следствием преобразование наших войск на дальневосточной окраине, увеличившее, как мы видели, их численность и повысившее их качество. Принятый в 1901 году план был проникнут оптимизмом. Положено было защитить Владивосток и Порт-Артур сильными гарнизонами, а остальные войска, около 30000, развернуть в районе Мукден — Ляоян — Хайчен, где они должны были выжидать подкреплений, повышенных, как мы видели, в качественном отношении: вместо 6 резервных корпусов 4 резервных и 2 полевых. То, что у японцев, в свою очередь, могут оказаться резервы, составителями нашего плана не принималось во внимание. Из этого не следует, однако, делать вывод, что русские стратегические расчеты вообще хуже иностранных. Вспомним, что и французский план стратегического развертывания 1914 года (Жоффр39,

Кастельно) совершенно не считался с германскими резервными корпусами.

Летом 1903 года на Дальнем Востоке было учреждено наместничество. На этот высокий и ответственный пост был назначен адмирал Алексеев.

Присутствовавший в этом году на маневрах японской армии генерал Куропаткин вынес впечатление, что войны с Японией не будет. Министерства иностранных дел и финансов всецело разделяли эту точку зрения, и наместнику Алексееву было отказано в кредитах на оборону.

Между тем как раз с лета 1903 года политическая обстановка на Дальнем Востоке стала резко ухудшаться. Кучка беспринципных петербургских дельцов во главе со статс-секретарем Безобразовым решила организовать консорциум для разработки лесных богатств на реке Ялу, вдоль корейско-маньчжурской границы. Заручившись содействием придворных сфер, они стали устраивать на Ялу ряд факторий, формировать с помощью военных и гражданских властей вооруженные отряды и распускать слухи о том, что они намерены присоединить эту область к России. Слухи эти чрезвычайно беспокоили японское правительство и до крайности раздражали японское общественное мнение.

Токио сделало представление в Петербург о выводе русских войск из Маньчжурии (соглашение это было заключено еще в марте 1902 года, но вывод войск задерживался отчасти деятельностью хунхузов, но главным образом происками Безобразова и К°, которым было необходимо присутствие вооруженной силы для обеспечения своего предприятия).

Петербургский кабинет затягивал переговоры. Недооценка противника играла роль в пренебрежительном отношении нашего Министерства иностранных дел, не подозревавшего, что экзотическая страна мимоз может оказаться страной шимоз. Главная же причина заключалась в той нашей наивной уверенности, что раз в Гааге были подписаны державами, и Японией в том числе, бумажки об арбитражах и третейских разбирательствах, то всякая возможность войны тем самым устраняется. Считать Японию великой державой никто не желал.

Военное ведомство все же решилось на ряд предосторожностей. Поздней осенью 1903 года на Дальний Восток было 1 отправлено по бригаде из состава X и XVII корпусов. Бригады эти были, впрочем, отправлены немобилизованными, без артиллерии и обозов. Этим испытывалась и провозоспособность Сибирского пути, законченного на всем своем протяжении, за исключением Кругобайкальского участка. Из войск на Ляодуне образован новый III Сибирский армейский корпус, а к началу января 1904 года все 8 Сибирских стрелковых бригад развернуты в дивизии 12-батальонного состава (3-батарейные стрелковые артиллерийские дивизионы — в 4-батарейные стрелковые артиллерийские бригады) и вновь сформирована 9-я стрелковая дивизия.

Еще в ноябре Россия предложила нейтрализацию Кореи. Япония отвергла это предложение, добиваясь включения Кореи и Маньчжурии в свою сферу влияния, на что России ни в коем случае нельзя было согласиться. 31 декабря Япония резкой нотой потребовала увода русских войск из Маньчжурии. Петербург не счел нужным ответить — и 24 января 1904 года токийское правительство известило нас о разрыве дипломатических сношений.

Получив известие о разрыве с Японией, наместник адмирал Алексеев телеграфировал в Петербург о разрешении мобилизации и введении военного положения. На это ему было поведено насколько возможно, продолжать обмен мнениями с токийским кабинетом (штаб наместника служил передаточной инстанцией). На следующий же день, 25-го, министр иностранных дел граф Ламздорф телеграфировал наместнику, что разрыв дипломатических сношений с Японией отнюдь не означает войны....

Но маркиз Ито смотрел на это иначе. Он прервал сношения с ясной и определенной целью — и в ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали нашу эскадру на артурском рейде.

Этим блестящим ходом Япония сразу поставила себя в наивыгодное политическое и стратегическое положение. Наоборот, пробуждение России от гаагского угара было

печальным. Перенеся обывательские взгляды в политику (наша вечная и неизлечимая язва), мы негодовали на вероломство и предательство японцев. В действительности вероломства тут не было ни следа. Прервав весьма недвусмысленной нотой дипломатические сношения, Япония дала нам два драгоценных дня для принятия элементарнейших мер. Если мы, несмотря на все это, оказались застигнутыми врасплох, то лишь потому, что сами напрашивались на это. Упрекать японцев в несоблюдении протокольных формальностей мы не имели оснований, сами начав войну с Турцией в 1806 году и со Швецией в 1808 году без всякого объявления. Очнувшись от пацифистских утопий, мы растерянно оглядывались на враждебный нам мир. Немногочисленные наши друзья смущенно молчали. А многочисленные враги не скрывали больше своей ненависти и злорадства.

Начало войны

Русские силы на Дальнем Востоке составляли в январе 1904 года 90000 человек при 184 орудиях, не успевших еще закончить своего переформирования. Артиллерия еще не освоилась с материальной частью — скорострельной пушкой. Мобилизация Приамурского округа была объявлена 28 января. Сибирского — 2 февраля. Главнокомандующим сухопутными и морскими силами был назначен наместник адмирал Алексеев, начальником его штаба — генерал Жилинский, генерал-квартирмейстером — генерал Флуг40. Наместнику были подчинены: на суше — командующий Маньчжурской армией, на море — командующий Тихоокеанской эскадрой. Командующим Маньчжурской армией был назначен генерал Куропаткин, начальником его штаба — генерал Сахаров, генерал-квартирмейстером — генерал Харкевич; командующим Тихоокеанской эскадрой — адмирал Макаров. Оба командовавших находились еще в Петербурге. Во временное командование Маньчжурской армией вступил командующий войсками Приамурского округа генерал Линевич.

27 января в Чемульпо после геройского неравного боя погибли крейсер Варяг и канонерская лодка Кореец. Наша артурская эскадра была приведена минной атакой японцев в расстройство, потеряв подорванными 2 своих лучших броненосца и один крейсер. С первого же дня и часа войны японцы добились господства на море, залога господства на суше — великое политическое и стратегическое преимущество нападающего — из первых числах февраля в Корею (Цинампо) стали высаживаться войска их I армии барона Куроки41. В состав армии Куроки входили дивизии: Гвардейская, 2-я и 12-я и 2 резервные бригады. Подготовка высадки может считаться образцовой. Она началась еще осенью 1903 года, когда японцы стали исподволь посылать в Корею партии запасных под видом рабочих, торговцев, земледельцев, ремесленников. Запасные эти знакомились с местностью, исправляли пути сообщения, производили разведку ресурсов. Японское правительство благодаря этому до последней минуты не производило общей мобилизации (что могло бы встревожить Россию раньше времени). Оно знало, что высадившиеся войска (2-я дивизия) найдут запасных уже на месте. В Японии было приступлено к формированию еще двух армий. Главнокомандующим был назначен маршал Ойяма, его начальником штаба — генерал Кодама. Флот вверен был адмиралу Того42.

Распределение наших сил в феврале было следующим:

Ляодун занимал III Сибирский корпус генерала Стесселя (4-я и 7-я Сибирские стрелковые дивизии).

В районе Ляояна сосредоточились главные силы — I Сибирский корпус барона Штакельберга (1-я и 9-я Сибирские стрелковые дивизии) и 5-я Сибирская стрелковая дивизия II Сибирского корпуса.

На границу с Кореей, на Ялу, был выдвинут Восточный отряд: 3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии и забайкальцы (дивизия Ренненкампа и бригада Мищенко43) под начальством командира II Сибирского корпуса генерала Засулича44.

Наконец, в районе Владивостока оставались 2-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии.

В Сибирском военном округе резервные бригады развернулись в 3 Сибирские пехотные дивизии.

1-я могла быть готова раньше других, 2-я и 3-я составили IV Сибирский корпус

генерала Зарубаева⁴⁵.

Мобилизованы и отправлены на Дальний Восток Сибирская и Оренбургская казачьи дивизии.

Одновременно была произведена частичная мобилизация Киевского и Московского военных округов, где объявлен поход X и XVII корпусам. Поведено было торопиться скорейшей отправкой этих двух корпусов — и эта торопливость отразилась на их укомплектовании: в строй попали запасные преимущественно старших сроков, 39–43 лет, что не должно было способствовать повышению их боевых качеств. Военским начальникам было предписано отправлять в части первых явившихся. Таковыми оказались исполнительные и степенные бородачи, являвшиеся в присутствия сразу по получении повестки. Молодые запасные, как правило, загуливали и являлись через несколько дней, когда штатные нормы оказывались заполненными. Бородачи — все отцы семейств и люди, отвыкшие от строя, — видели в этом несправедливость, и это печально отражалось на их духе. Шедший первым X корпус только что укомплектовал за счет своих кадров 7-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии и еще не оправился от операции переливания крови.

Еле достроенный Сибирский путь блестяще справлялся со своей труднейшей и ответственной задачей. Войска и грузы шли походным порядком по льду замерзшего Байкала, а с весны переправлялись через это сибирское море на огромном ледоколе Байкал, куда вкатывались составы поездов.

* * *

В начале февраля наместник предписал конному отряду генерала Мищенко (2000 шашек, 6 орудий) произвести рекогносцировку Северной Кореи. Рекогносцировка эта совершенно не дала результатов — артиллеристу Мищенко не хватало кавалерийского глаза и кавалерийского сердца, его войскам (забайкальцы и пограничники) не хватало кавалерийской выучки. Разъезды продвинулись на каких-нибудь 100 верст, не обнаружив неприятеля и не выяснив районов его сосредоточения. Генерал Линевиц распорядился отвести отряд Мищенко назад, за Ялу. 25 февраля в Телин прибыл Куропаткин, вступивший в командование Маньчжурской армией. Генерал Линевиц вернулся в Хабаровск.

Организация русского верховного командования, совершенно не предусмотренная

Положением о полевом управлении войск, явилась ненормальной и глубоко дефективной. Наместник мог считаться главнокомандующим лишь номинально. Командующий Маньчжурской армией — самостоятельный помощник, в действительности же фактический главнокомандующий, — сносился непосредственно с Петербургом.

Куропаткин с самого начала проявил тенденцию не считаться с указаниями Алексеева, полагая его, как моряка, малокомпетентным в вопросах сухопутной стратегии.

Расхождение во взглядах обоих штабов наметилось сразу. Адмирал Алексеев требовал решительного образа действий для недопущения японцев в глубь материка и находил наши силы достаточными для того, чтоб сбросить в море не успевшую еще усилиться японскую армию (к марту у нас было 6 дивизий против 3 японских). Генерал Куропаткин, наоборот, утверждал, что чем дальше заберутся японцы, тем лучше!. Командующий Маньчжурской армией был под очевидным влиянием своего генерал-квартирмейстера, весьма посредственного исследователя Отечественной войны.

Весь февраль и март Маньчжурская армия держалась совершенно пассивно. В главных силах по прибытии IV Сибирского корпуса считалось 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизия — 80000 строевых и 210 орудий, расположенных вдоль железной дороги от Ляояна до Мукдена. Восточный отряд генерала Засулича — 2 пехотные и 1,5 кавалерийские дивизии, 25000 бойцов и 78 орудий — составлял стратегический авангард на реке Ялу, в дикой, горной и лесистой местности на отлете свыше 200 верст от главных сил.

По настоянию наместника передовой отряд генерала Мищенко двинулся в Корею и 15 марта имел небольшое столкновение с японским авангардом у Чжен-Чжю. Мищенко отвел свою конницу за Ялу, в исходное положение, опасаясь, что ледоход отрежет его от главных сил Восточного отряда. Никаких результатов этот второй поиск в Корею не дал.

Военные действия сосредоточились на море у Порт-Артура. Прибывший туда Макаров буквально переродил всех и все, сообщив всем артурцам несокрушимую свою энергию и пламенную веру в русское дело. На суше вырастали форты, как за полстолетия до того воздвигались севастопольские бастионы. На море произошел ряд лихих дел. Наши моряки сцеплялись на бордаж с отчаянно храбрыми японскими брандерами, все нападения которых с целью закупорить рейд были отбиты. Наш маленький крейсер Новик (капитан 2-го ранга фон Эссен⁴⁶) атаковал один весь японский флот. С прибытием Макарова эскадру нельзя было узнать.

И тем ужаснее, тем непоправимее была катастрофа 31 марта. Не стало Нахимова Тихого океана! Россия лишилась своего лучшего моряка, эскадра потеряла свое сердце... В числе немногих спасшихся с Петропавловска был великий князь Кирилл Владимирович.

Адмирал Алексеев поставил задачей Маньчжурской армии притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур и задержать ее наступление через Ялу и далее.

Для этой последней задачи, как мы видели, на Ялу был выдвинут Восточный отряд. Задержка японцев на Ялу не входила, впрочем, в расчеты командовавшего Маньчжурской армией, и генералу Засуличу было приказано не вступать в бой с превосходными силами.

Генерал Засулич занял чисто пассивное, кордонное расположение по высотам правого берега. Не помышляя об активной обороне, он не оборудовал тет-де-понов⁴⁷ и за два месяца стоянки на Ялу не укрепил своих позиций и не производил разведок.

К концу марта армия Куроки заканчивала свое сосредоточение, и маршал Ойяма поставил ей задачей овладеть линией Ялу, сбить Восточный отряд и открыть этим путь в Маньчжурию. 22 марта к Ялу подошел слабый японский авангард (всего 2000 человек), но генерал Засулич упустил возможность его уничтожить. Когда приказывается не вступать в бой с превосходными силами, то дело всегда кончается тем, что бояться тронуть и неприятельский дозор...

В конце марта Куроки подошел к Ялу, без труда овладел многочисленными островами, навел мост, совершенно нами не замеченный, и 18 апреля нанес Восточному отряду полное поражение под Тюренченом⁴⁸. До чего плохо велась у нас разведка, видно из того, что о переправе японцев наши войска узнали только по грохоту колес по настилке моста. Японцы атаковали 22-й стрелковый полк, поспешно отступивший и обнаживший фланг бригады 3-й стрелковой дивизии генерала Кашталинского. Дальнейший бой свелся к единоборству 11-го и 12-го Восточно-Сибирских полков против 3 дивизий армии Куроки (35000 штыков, 128 орудий). Наши стрелки бились геройски, особенно 11-й полк, пробившийся штыками сквозь кольцо врагов, потерявший командира и ходивший в атаки с музыкой. Полковой священник шел впереди с крестом. Яростное сопротивление наших 6 батальонов 32 японским ввело Куроки в заблуждение относительно нашей численности: каждый наш полк он считал за дивизию. После боя ему были представлены раненые и попавшие в плен русские офицеры.

Узнав от них, что против его армии дрались всего два полка, Куроки поклонился им: В таком случае, господа, поздравляю вас — вы герои! Под Тюренченом 6000 русских с 30 орудиями дрались с 36000 японцев при 128 орудиях.

Мы лишились 63 офицеров, 2718 нижних чинов, 22 орудий и 8 пулеметов — 46 процентов всех участвовавших войск. У японцев убыло 30 офицеров и 1000 нижних чинов. Засулич спешно стал отходить на Фынхуанчен — важный узел путей из Кореи в Маньчжурию и дальше. Следом за ним двинулся и Куроки.

Тюренченский бой, как некогда Альма, показал нашу страшную тактическую отсталость и явился как бы синтезом всех наших недочетов в этой области. Куроки, подобно Сент-Арно, мог бы сказать: Они отстали на полстолетия! Потеря орудий (22 пушки) действовала особенно удручающе — за сто лет от Аустерлица до Тюренчена во всех многочисленных войнах и бесчисленных сражениях русская армия взяла с боя 3 с лишним тысячи орудий, но сама лишь один раз потеряла 16 — в кровавый день Фридланда.

Цена фридландским этим пушкам — один взятый нами штандарт. При Эйлау мы

потеряли 14 орудий, но взяли 12, при Бородине потеряли 15, но взяли 13. В неудачных делах 1814 года мы лишились при Нанжи 10 орудий, при Шампобере — 9 и Монмирале — 8. В польскую кампанию потеряли при Сточке — 8 и при Дембе Вельке — 10 пушек. В Восточную войну в неудачных сражениях при Альме, при Инкермане и на Черной нами не потеряно ни одного орудия; в Турецкую войну 1877 года в неудачном деле при Елене потеряно 11. Большая скорбь, но и большое протрезвление: японец перестал быть макакой, и вся энергия войсковых штабов и строевого офицерства пехоты и артиллерии обратилась на скорейшее исправление всех этих недочетов, поскольку это было вообще возможно в тяжелых военных условиях. Переучиваться приходилось буквально под огнем, но от генерала до рядового железных восточносибирских полков и батарей никто не пал духом.

Дело 18 апреля явилось как бы сигналом к развертыванию на материке всей японской вооруженной силы.

23-го числа у Бицзыво, в 30 верстах на северо-восток от Ляодуна, стала высаживаться II армия генерала Оку⁴⁹ в составе 3 дивизий, и 28 апреля сообщения Порт-Артура с Маньчжурской армией и с Россией были прерваны. Армии Оку надлежало действовать фронтально против нашей Маньчжурской армии, в то время как армия Куроки должна была угрожать ее левому флангу и сообщениям. Для связи между армиями Оку и Куроки в первых числах мая в Дагушане высадилась IV армия генерала Нодзу — вначале всего 1 дивизия.

Выйдя на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, Оку завернул правым плечом и двинулся на Ляодун в порт-артурском направлении, повернувшись тылом к нашей Маньчжурской армии. Отдаленность наших главных сил и полная пассивность Куропаткина позволили ему выполнить этот чрезвычайно рискованный маневр. II японская армия находилась между двумя русскими, каждая одинаковой с ней силы: с юга — Стессель, с севера — Куропаткин. Перейди они в наступление, Оку попал бы между молотом и наковальней.

13 мая после жестокого сражения и понеся большие потери, Оку форсировал Цзинь-Чжоуский перешеек — ворота в Ляодун. Против 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, схватившегося со всей II японской армией на Цзинь-Чжоуской позиции, генерал Оку развернул 32 батальона и 210 орудий. У нас имелось 56 пушек, главным образом поршневых (трофеи 1900 года), стоявших открыто и сразу же сбитых и приведенных к молчанию. На каждую русскую роту японцы двинули полк, по каждому батальону били из 12 батарей... Все атаки II японской армии 5-м стрелковым полком были отражены, и мы покинули позицию, лишь будучи взяты в оба фланга огнем неприятельского флота. Генерал Стессель ничем не помог защитникам Цзинь-Чжоу. Наши потери — 28 офицеров, 1215 нижних чинов, японцы потеряли 133 офицера, 4071 нижний чин.

Введи Стессель в дело весь свой корпус, а не один лишь полк, разгром японской армии был бы полный, и ход войны решительно изменился бы в нашу пользу. Но русские военачальники конца XIX и начала XX века весь смысл войны полагали в том, чтобы отбиваться, а не самим наносить удары. Стессель отступил в глубь Ляодуна. Оку его не преследовал: оставив на Цзинь-Чжоу заслон, он с главными силами сделал налево кругом и двинулся вдоль линии железной дороги в ляоянском направлении, на сближение с главными силами Маньчжурской армии.

Операции против Порт-Артура были поручены III армии генерала Ноги⁵⁰, высадившейся в Талиенванском заливе в середине мая. Овладев без боя Дальним, Ноги нашел там идеально оборудованную базу для действий против Порт-Артура. Так, совершенно без всяких препятствий с русской стороны состоялась высадка на материке четырех японских армий.

В 20-х числах мая положение представлялось в следующем виде. Три японских армии занимали широкий фронт в 200 верст в юго-восточной Маньчжурии. Справа налево (с востока на запад) это были: I армия генерала Куроки (3 дивизии, 45000 человек, 128 орудий), IV армия генерала Нодзу (1 дивизия, 15000 человек, 36 орудий) и II армия генерала Оку (3 дивизии, 40000 человек, 216 орудий). Всего 100000 бойцов при 380 орудиях — 7 пехотных

дивизий сильного состава. Наша Маньчжурская армия была расположена своими главными силами (I, II, IV Сибирские корпуса) против Оку и Нодзу, поддерживая с ними контакт выдвинутыми далеко вперед конными отрядами. 17 мая части Сибирской казачьей дивизии генерала Самсонова и пограничники имели лихое конное дело при Вафангоу. Против армии Куроки, нависавшей в горах, подобно лавине над нашим левым флангом, продолжал находиться Восточный отряд, где на место генерала Засулича, вернувшегося во II Сибирский корпус, командующим был назначен только что прибывший из России генерал граф Келлер⁵².

* * *

24 мая главнокомандующий адмирал Алексеев предписал генералу Куропаткину перейти безотлагательно в наступление на выручку Порт-Артура силами не менее 48 батальонов (то есть 4 стрелковые дивизии). Наместник требовал активных действий. Командующий Маньчжурской армией являлся, однако, сторонником пассивно-выжидательной тактики, желая дать бой на сильно укрепленных ляоянских позициях и ни в коем случае не наступать самому. На приказ о наступлении генерал Куропаткин посмотрел поэтому как на отбывание номера и отправил, в порядке канцелярской отписки, I Сибирский армейский корпус барона Штакельберга — не 48 батальонов, как то приказывал Алексеев, а вдвое меньше. Предписав Штакельбергу с превосходными силами в бой отнюдь не вступать, Куропаткин счел свой долг исполненным. Выдвинувшийся на юг I Сибирский корпус занял позицию у станции Вафангоу и здесь в двухдневном бою с армией Оку (1 и 2 июня) потерпел поражение и отошел к Дашичао. Превосходство армии Оку над корпусом Штакельберга было более чем полуторным в пехоте и более чем двойным в артиллерии. Штакельберг намеревался сдержать японцев с фронта 9-й Сибирской стрелковой дивизией, а 1-й нанести им удар в правый фланг.

Однако он не сумел согласовать действия своих отрядов, терявших время и атаковавших разрозненно, и плохо распорядился своей артиллерией, дав ее разгромить на открытых позициях (в центре против 40 наших орудий, стоявших открыто, действовало свыше 100 японских). Отступление всего корпуса прикрыли всего 6 рот 36-го Сибирского стрелкового полка полковника Бачинского, задержавших 6 японских полков. Наш урон — 131 офицер, 3577 нижних чинов убитыми и ранеными и 21 орудие. Японцы лишились 35 офицеров и 1137 нижних чинов. Так закончилась первая попытка активных действий Маньчжурской армии. После сражения при Вафангоу Оку занял без боя Сенючен (8 июня) и Гайчжоу (26-го).

Конец мая и весь июнь прошли в Восточном отряде в усиленных рекогносцировках, не дававших никаких положительных результатов и зря утомлявших войска. В июне прибыл в Маньчжурию и был двинут в Восточный отряд X армейский корпус генерала Случевского (шипкинская 9-я и плевненская 31-я пехотные дивизии). Силы графа Келлера сравнялись с таковыми же Куроки, и он мог перейти к более активным действиям.

Следом за X корпусом стал прибывать и XVII барона Бильдерлинга⁵³ (3-я и 35-я пехотные дивизии). В свою очередь и японские армии стали усиливаться резервными бригадами.

В половине июня Куроки стал проявлять активность и рядом частичных наступлений отеснил авангарды Восточного отряда с перевалов Феншуйлинского (12 июня), Далинского (14-го) и Модулинского (16-го). Мы сумели ответить лишь очередной усиленной рекогносцировкой 26 июня, по обыкновению безрезультатной.

Все это бесполезное изматывание войск, топтание на месте различных отрядов, чередовавшееся с постоянными отступлениями, действовало удручающе на страну и войска. Между тем с подходом X корпуса мы приобретали перевес. Весь июнь адмирал Алексеев требовал от генерала Куропаткина решительных действий и получал уклончивые ответы.

Чтобы что-нибудь предпринять, командовавший Маньчжурской армией предписал Восточному отряду наступать на Модулинский перевал, но при этом не задаваясь целью непременно овладеть перевалом, действовать в зависимости от обстановки и

обнаружившихся японских сил. Вот что приказывал сподвижник Скобелева! Подобного рода проза могла лишь деморализовать подчиненных, безвозвратно убивая в них желание победить, угашая дух, подрывая энергию. И бой 4–6 июля на Модулинском перевале закончился безрезультатно, подобно всем предшествовавшим попыткам. В этом бою мы потеряли 46 офицеров, 1507 нижних чинов.

7 июля на совещании адмирала Алексеева с генералом Куропаткиным было решено ограничиться обороной на южном фронте против Оку и Нодзу и предпринять решительную наступательную операцию на восточном — против наиболее опасной армии Куроки. Сообразно с этим войска Маньчжурской армии получили новую организацию. На правом фланге, по обеим сторонам железной дороги, I и IV Сибирские корпуса составили Южный отряд генерала Зарубаева против армии Оку. В центре слабый II Сибирский корпус генерала Засулича, против армии Нодзу, связывал Южный отряд с сильной ударной группой Восточного отряда (X и часть XVII армейского корпуса, 3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии), которую должен был повести против Куроки сам Куропаткин. Всего против 112000 японцев у нас в боевой линии было 137000 штыков и шашек, не считая подходившего XVII корпуса.

Наступательная операция наша так и не состоялась. 10 июля обнаружилось наступление армии Оку против нашего Южного отряда в общем направлении на Дашичао. В происшедшем здесь 11 июля бою японцы были отражены по всей линии. Генерал Зарубаев предложил либо отступить заблаговременно без боя, сберегая войска, либо уж драться серьезно, до последнего, и разбить японцев. Но Куропаткин, половинчатая натура которого не выносила определенных решений, настоял на компромиссе — арьергардном бое. Против всей армии Оку мы ввели только 18 батальонов, несмотря на то, что могли бы ввести равные силы (по 40000). Но и эти силы отразили японцев, причем особенно лихо действовал Барнаульский полк. Наша артиллерия работала блестяще — и 122 орудия вырвали господство над полем сражения у 256 японских. Наши потери — 37 офицеров, 782 нижних чина, у японцев выбыло 60 офицеров и свыше 1100 нижних чинов. Тем болезненнее поразил войска, уже было почувствовавшие свое превосходство над неприятелем, приказ Куропаткина отступать... С оставлением Дашичао оставлялся врагу и порт Инкоу (соединенный с Дашичао железнодорожной веткой) и терялась морская связь с Порт-Артуром.

18 июля прибывший в Маньчжурию маршал Ойяма перешел в наступление армиями Нодзу и Куроки. При Кангуалине армия Нодзу потеснила отряд Засулича, а в бою на Янзелинском перевале с армией Куроки потерпел поражение наш Восточный отряд и был убит храбрый граф Келлер. Вся тяжесть боя при Кангуалине пала на Козловский и Воронежский полки. Из 24 батальонов введено лишь 7, из 10 батарей — лишь 2, за неимением позиций для остальных. Мы лишились 60 офицеров, 1611 нижних чинов и 6 орудий. Японские потери — 35 офицеров, 822 нижних чина. Характерна инструкция Куропаткина Засуличу: Задерживаться на каждом шагу, но все же без упорства. На Янзелинском перевале наш урон был до 1800 убитыми и ранеными, 150 пленных и 2 орудия. Японцы потеряли 40 офицеров, 906 нижних чинов. Граф Келлер, бывший начальник штаба Скобелева под Шейновом, был 12 лет до войны на нестроевых должностях директора Пажеского корпуса и екатеринославского губернатора. Последней его командной должностью был стрелковый батальон. Чувствуя свою тактическую неподготовленность, граф старался возместить ее личной храбростью, благородным образом заплатив за честь командовать корпусом.

Зарубаев и Засулич отступили на Хайченские позиции, но 24 июля Хайчен было предписано оставить без боя. Сибирские дивизии Восточного отряда соединены были в III Сибирский корпус генерала Иванова (Николая Иудовича), а находившийся в Квантунской области III Сибирский корпус генерала Стесселя переименован в войска Квантунского укрепленного района.

Бои при Дашичао, Кангуалине и Янзелине знаменовали собой оставление Южной

Маньчжурии и отход войск из гор в местность более равнинную. Наши войска отводились в сильно укрепленный район Ляояна, где Куропаткин стремился с самого начала войны дать генеральное сражение. В неизбежности этого генерального сражения и победы в войсках никто теперь не сомневался.

* * *

Ляоянская позиция, сооружавшаяся три месяца, состояла из двух поясов укреплений: передовой позиции (Лянданьсань — Айсяндзянь) и главной (собственно Ляоянской). Оба фланга ее были прикрыты рекою Тай-цыхэ, и она могла считаться очень сильной, если бы ее строители не упустили из вида двух обстоятельств:

наличия на реке Тайцыхэ, помимо левого берега, еще и правого, и существования в стратегии, помимо лобовых атак, еще и обходных движений. Все их внимание было обращено на левый берег, где в предвидении фронтального удара сооружена сильная позиция из 11 фортов и 8 редутов. Правый берег Тайцыхэ находился в первобытном состоянии, и фланги позиции — особенно левый — сами напрашивались на обход.

В первых числах августа Маньчжурская армия расположилась на передовой позиции в 30–35 верстах от Ляояна, имея справа налево: I, III Сибирские и X армейский корпуса в боевой линии, IV, II Сибирские и XVII армейский корпуса в резерве. К Ляояну стал прибывать из Казанского округа V Сибирский корпус генерала Дембовского (54-я и 71-я пехотные дивизии). Весь корпус развернут из 54-й резервной пехотной бригады и целиком состоял из запасных Казанского округа. Сибирским он и его брат-близнец VI корпус названы были только потому, что предназначались для Дальнего Востока.

Японские армии группировались в 10–15 верстах: армия Куроки против X и III Сибирских корпусов, армия Нодзу против стыка III и I корпусов, армия Оку против I Сибирского корпуса. Расположение японских сил нельзя было признать особенно удачным. Осторожный Ойяма держал главную массу своих войск в армиях Оку и Нодзу — в районе железной дороги, чрезвычайно опасаясь за эту свою главную линию сообщения (базы в Дальнем и Инкоу). Армии эти могли действовать преимущественно фронтальным нажимом. Фланговая же армия Куроки, перед которой открывались наибольшие возможности, была поэтому недостаточно сильна.

10 августа, получив известие об окончательной неудаче штурма Порт-Артура, японский главнокомандующий решил энергично нажать на русскую Маньчжурскую армию. 11 августа Куроки атаковал растянувшийся в ниточку X корпус, и ожесточенный бой сделался общим. В четырехдневном сражении 11–14 августа японцы были отражены по всему фронту. Особенно блестящий эпизод — бой при Лянданьсане, где Зарайский полк гнал штыками 4 версты японскую гвардию. Можно было принять одно из двух решений: оставаться на позициях, либо, введя в дело резервы, перейти в наступление и разбить врага. Но генерал Куропаткин принял третье решение: он приказал отступать... В ночь на 15 августа начался отход на ляоянские позиции, которые и были заняты 16-го числа для упорной обороны. Справа налево опять стали I, III Сибирские и X армейский корпуса, а еще левее, на правом берегу Тайцыхэ, собирался XVII корпус.

17 августа завязалось решительное сражение. Главная масса японцев — армия Оку — обрушилась на I Сибирский корпус, тогда как армия Нодзу атаковала III. В то же время Куроки стал готовиться к переходу Тайцыхэ и охвату нашего левого фланга. Все атаки Оку и Нодзу были отбиты. 18 августа Оку был снова отражен I Сибирским корпусом, но армия Куроки начала переправу через Тайцыхэ. Движение это сильно обеспокоило генерала Куропаткина, и командовавший Маньчжурской армией решил его парировать сосредоточением главных сил на правом берегу. Оборона Ляоянской позиции поручена резерву генерала Зарубаева (IV и II Сибирские корпуса), а все остальные войска двинуты ночью на 19-е через Тайцыхэ. Хаотически и разрозненно произведенное наступление на Куроки успехом не увенчалось (54-я дивизия генерала Орлова⁵⁴ заблудилась в гаоляновых зарослях). Зато и мечты честолюбивого Куроки устроить русским Седан 19 августа разлетелись прахом. 20 августа на правом берегу Тайцыхэ шли бои с переменным успехом,

тогда как на левом Зарубаев продолжал отбивать все атаки Оку и Нодзу.

Против Куроки, имевшего на правом берегу Тайцзыхэ 24000 человек и 60 орудий, Куропаткин сосредоточил 62000 и 352 орудия. Характерны для рационалистической методики Куропаткина его слова 19 августа: Сегодня собираться, завтра сближаться, послезавтра атаковать! Куроки тем временем не стал дожидаться ни завтра, ни послезавтра, но атаковал немедленно — и победил своей решимостью слабодушного русского главнокомандующего. Штаб I японской армии мечтал устроить русским Седан, взяв в тылу нашей армии Ляоян как раз в годовщину Седана (1 сентября нового стиля), но силы их были слишком недостаточны, и 20 августа войска Куроки замерли перед Сыквантунской позицией. Наступление армий графа Ойямы было отражено по всему фронту нашей Маньчжурской армией. По словам состоявшего при Куроки сэра Яна Гамильтона, когда русские отступили, все были от души рады отделаться от них.

Пользуясь громадным численным превосходством, генерал Куропаткин мог бы развить свою наступательную операцию и сбросить Куроки в Тайцзыхэ. Но дух командующего Маньчжурской армией уже был надломлен, воля к победе покинула его, и он отказался от дальнейшей борьбы. В ночь на 21 августа Куропаткин предписал всей армии отступление на север. Так закончилась ляоянская неделя первое генеральное сражение между русской и японской армиями. Наш урон в Ляоянском сражении 18300 человек (7 генералов, 531 офицер), пленными лишь сотня-другая. 15 августа при отходе I Сибирского корпуса на Ляоянские позиции оставлено 8 орудий завязнувшими в болоте. Японские потери 23 714 человек.

* * *

Маньчжурская армия отступила к Мукдену на позиции по реке Хуньхэ в 70 верстах к северу от Ляояна. Утомленные японцы не преследовали, дойдя главными силами лишь до реки Шахэ и выслав к северу авангарды.

В 20-х числах августа в Мукдене высадился прибывший из Санкт-Петербургского военного округа I армейский корпус генерала барона Мейендорфа (22-я и 37-я пехотные дивизии), а в первой половине сентября из Казанского округа прибыл и VI Сибирский корпус генерала Соболева (55-я и 72-я пехотные дивизии). В нашей армии стало считаться 210000 строевых при 758 орудиях, что давало нам ощутительный перевес над японцами (150000 и 648 орудий). Кругобайкальская дорога 12 сентября была закончена сооружением, снабжение Маньчжурской армии и приток свежих сил могли производиться ускоренным темпом. Дух войск был высок по-прежнему.

Политическая и стратегическая обстановка настоятельно требовали перехода в наступление. Генерал Куропаткин сознавал это. Целью предстоящего наступления он назначил оттеснить противника за реку Тайцзыхэ, поставив армии задачей не разгром живой силы неприятеля, а всего лишь достижение известного географического рубежа. Подготовка наступления отнюдь не держалась в тайне. Печать всего мира была оповещена о нем за неделю. Производились смотры, служили напутственные молебны. Приказ Куропаткина по войскам 19 сентября начинался знаменательно: Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне стали достаточными...

Маньчжурская армия была разделена на два отряда. Западный отряд генерала Бильдерлинга — отряд генерала Дембовского, XVII и X корпуса — действовал в равнинной местности вдоль железной дороги и должен был сковать армии Оку и Нодзу. Восточный отряд генерала Штакельберга — I, II, III Сибирские корпуса и отряд Ренненкампа — должен был нанести поражение армии Куроки и охватить в горах правый фланг неприятельского расположения. V Сибирский корпус был распылен, составив отряды генерала Дембовского и генерала Ренненкампа на двух флангах армии, а I армейский, IV и VI Сибирские корпуса составили резерв.

Главная роль была поручена Восточному отряду. Вместе с тем отряд этот был поставлен в чрезвычайно трудные условия. Он должен был наступать вслепую, в совершенно неисследованной и не занесенной на карту местности, в диких горах Верхней Шахэ. Генерал

Штакельберг констатировал, что весь район, где ему надлежало действовать, был отмечен на карте белыми пятнами. Это горное направление сулило мало выгод — Куропаткин сделал его главным случайно: просто потому, что здесь расположились великолепные восточносибирские стрелковые полки. Равнинный район железной дороги, где действовал Западный отряд, сулил гораздо больше выгод: здесь находилась ахиллесова пята японских армий, чего Куропаткин, однако, не замечал. Страх перед Куроки, увы, слишком давал себя знать в штабе Маньчжурской армии, где все помыслы были направлены на борьбу именно с этим опасным противником.

23 сентября наша армия тронулась в наступление по всему фронту. Японцы быстро отходили на соединение с главными силами, избегая боя. 24 сентября наступление продолжалось: в Восточном отряде — ошупью, в Западном — очень медленно, с опаской и оглядкой. Мы овладели все же долиною Шахэ. Между обеими группами образовался разрыв, куда для заполнения был двинут IV Сибирский корпус. 25-го Восточный отряд завязал тяжелые и кровопролитные бои с армией Куроки, отсиживавшейся в укрепленном горном лабиринте, как в огромной крепости. Памятными остались кровавые бои у Проклятой сопки, ночная атака Лаутхалазы (29 сентября) и дела у Бенсиху.

В этих боях перебито было свыше 15 тысяч сибирских стрелков. Операции эти, веденные без карт (белые места), в гористой местности, при почти полном отсутствии горных орудий и мортир, могут считаться самыми тяжелыми за всю войну для сибирских полков. 26-го бои эти продолжались, а Западный отряд отеснил японцев за реку Шилихэ, где получил приказание Куропаткина в серьезный бой не ввязываться и перешел к обороне. 27 сентября началось контрнаступление японцев. Успокоившись за Куроки, граф Ойяма усилил за счет своей I армии IV и II (Нодзу и Оку) и перешел ими в наступление против Западного отряда. 28-го наш Западный отряд был уже отброшен за Шилихэ — Нодзу атаковал IV Сибирский корпус, Оку главный удар направил на XVII корпус. 29 сентября XVII корпус был сбит, и отход его повлек отступление как Западного отряда, так и Зарубаева. Отчаявшись в успехе, Куропаткин предписал отступить и Штакельбергу, Восточный отряд которого зря понес громадные потери. 30-го числа в бой были введены — по частям — все резервы, как VI Сибирский, так и I армейский корпуса. На рассвете 1 октября Оку нанес сильное поражение X корпусу, и вечером этого дня вся наша армия отошла в долину Шахэ. 2-го числа нами были потеряны командовавшие здесь высоты, в том числе знаменитая сопка с деревом, но в ночь с 3 на 4 октября генерал-майор Путилов с отрядом из 7 полков блистательной штыковой атакой овладел как сопкой с деревом (с тех пор наименованной Путиловской сопкой), так и остальными высотами. Была уничтожена японская бригада и взято 14 орудий — первые трофеи этой безотрадной войны. Этим славным делом и закончилось кровавое 12-дневное сражение на Шахэ.

Соседняя с Путиловской сопка названа была Новгородской в честь далекой родины большинства победителей (22-я пехотная дивизия пополнялась новгородцами). Всего в сражении на Шахэ у нас убыло: 1021 офицер, 43000 нижних чинов убитыми и ранеными, 500 пленными и потеряно 45 орудий. Японцы лишились 26000 убитыми и ранеными, 500 взято в плен и 14 орудий.

* * *

Осенью и в начале зимы 1904 года внимание всего мира было устремлено на героическую атаку и героическую защиту Порт-Артура. В Маньчжурии октябрь, ноябрь и декабрь прошли в накапливании сил обеих враждовавших армий, готовившихся к зимней кампании. Время проходило в позиционной войне на Шахэ и поисках конных отрядов и разведчиков.

12 октября адмирал Алексеев просил Государя освободить его от неблагоприятной роли номинального главнокомандующего. Отныне главнокомандующим становился генерал Куропаткин. Маньчжурская армия в конце октября была разделена на две: 1-ю — самого Куропаткина и 2-ю, которую принял командующий войсками Виленского округа генерал Гриппенберг⁵⁵.

В октябре из Одесского округа подошел VIII армейский корпус генерала Мылова (14-я

и 15-я пехотные дивизии), а с Дона — 4-я казачья дивизия 2-й очереди. Взамен ушедших на Дальний Восток войск в Киевском и Одесском округах развернуты из резервных бригад 51-я, 56-я, 68-я, 73-я и 78-я пехотные дивизии. Из Московского округа на Дальний Восток двинута 61-я пехотная дивизия. Наконец ценой убийственного торгового договора с Германией получена возможность отправлять войска из западных пограничных округов. В ноябре и декабре на Дальний Восток прибыли: 1-я, 2-я и 5-я стрелковые бригады, сведенные в Сводно-стрелковый корпус генерала Чурина⁵⁶, а из Виленского округа — XVI армейский корпус генерала Топорнина (25-я и 41-я пехотные дивизии). В конце ноября 1-ю армию принял генерал Линевич и была образована 3-я армия генерала Каульбарса (командующий войсками Одесского военного округа). Куропаткин сохранил за собою главное руководство.

Конец декабря ознаменовался попыткой конного рейда генерала Мищенко на Инкоу (с 26 декабря 1904 года по 6 января 1905 года). Сборный отряд в 8000 шашек при 22 орудиях, обремененный огромным выучным обозом с пешими проводниками, выполнил эту пародию на кавалерийский набег в высшей степени неудачно. Ни малейших результатов этот наезд на Инкоу не имел. В операции участвовало 78 эскадронов, сотен и охотничьих команд. Колоссальный обоз (взятый, несмотря на обильную продовольствием местность) доходил до полторы тысячи выюков. Средняя величина перехода была около 23 верст — хорошая пехота ходит быстрее. Генерал Мищенко распорядился всячески избегать атак в конном строю. Приказание это ему, как артиллеристу, простительно, но выполнение его подчиненными Мищенко, настоящими кавалеристами, как генерал Самсонов⁵¹ и герой Караджалара генерал Греков, непростительно. Подойдя к Инкоу 30 декабря, Мищенко не сумел даже воспрепятствовать уходу оттуда поездов, спешил свой отряд, атаковал станцию, введя в дело всего около трети своих сил, был отбит двумя японскими ротами и ретировался. Трофеи всего этого набега — 15 пленных. Наш урон — 39 офицеров, 321 нижний чин.

В первых числах января 1905 года положение наших армий было следующим. На правом фланге располагалась 2-я армия генерала Гриппенберга (начальник штаба генерал Рузский) в составе: I Сибирского, Сводно-стрелкового, VIII и X армейских корпусов. В центре, по обеим сторонам железнодорожной линии, 3-я армия генерала Каульбарса (начальник штаба генерал Мартос) — V и VI Сибирские, XVI и XVII армейские корпуса. На левом фланге, в горах, 1-я армия генерала Линевича (начальник штаба генерал Харкевич) — I армейский, II, III и IV Сибирские корпуса. Три армии — каждая по одному шаблону в четыре корпуса.

Узнав о падении Порт-Артура, генерал Куропаткин решил перейти в наступление до прибытия к японцам освободившейся армии Ноги. Целью наступления он поставил отеснить японцев за Тайцзыхэ, с нанесением им возможного (I) поражения — то же, что в сентябре. Операцию начинала 2-я армия, которой надлежало охватить левый фланг японского расположения (армия Оку). По взятии неприятельских укрепленных позиций она должна была действовать в зависимости от действий противника и успехов 3-й армии. Эта последняя должна была наступать в зависимости от действий противника и успехов 2-й армии. Что касается 1-й армии, то ее участь решалась в зависимости от действий противника и успехов 2-й и 3-й армий. Наконец, все три армии всегда должны считаться с возможностью неприятельских контратак, т. е. при первом же неприятельском активном противодействии перейти к пассивной обороне. Таким образом русские армии беспрекословно должны были подчиняться воле противника!

Эта позорная диспозиция, в довершение всего старавшаяся предусмотреть все мелочи и не допускавшая ни малейшей инициативы командующих армиями, была отдана 6 января. Наступление было назначено сперва на 10 января, затем перенесено на 12-е. Генерал Куропаткин запретил генералу Гриппенбергу атаковать всеми силами, 2-й армии разрешалось атаковать лишь тремя дивизиями: I Сибирский корпус — в обход Оку на Хейгоутай, 14-я дивизия — с фронта на Сандепу. Остальные войска могли лишь помогать огнем. В зависимости от успехов этих трех дивизий решалось, наступать ли или нет остальным двадцати двум...

12 января в жестокий мороз доблестный I Сибирский корпус генерала Штакельберга стремительным ударом без выстрела взял Хейгоутай — главный опорный пункт армии Оку. 13-го здесь завязался упорный бой — падение Хейгоутая чрезвычайно встревожило и Оку, и Ойяму, двинувших туда спешно резервы (сражение при Сандепу японцы называли сражением при Хейгоутае). Павший духом от неудачи 14-й дивизии генерал Куропаткин предписал I Сибирскому корпусу остановить наступление, но генерал Штакельберг принял мужественное решение продолжать удачно развивавшуюся операцию. Его корпус один схватился со всей армией Оку — упорный бой за Сумапу и Хейгоутай шел весь день 14-го, всю ночь и весь день 15-го числа. 15-го же новый командир X корпуса, энергичный генерал Церпицкий, с согласия генерала Гриппенберга, произвел блестящую скобелевскую атаку на Сяотайцзы. 16 января генерал Гриппенберг намеревался штурмовать Сандепу — армия Оку, охваченная с двух сторон Штакельбергом и Церпицким, долго бы не продержалась. Но генерал Куропаткин отвел Церпицкого за Хуньхэ, отрешил Штакельберга от корпуса и предписал генералу Гриппенбергу отступить в исходное положение. Возмущенный Гриппенберг сложил с себя должность командующего 2-й армией и телеграфно просил Государя разрешить приехать в Петербург для доклада. Так было загублено сражение при Сандепу. Мы лишились 3 генералов, 371 офицера, до 12000 нижних чинов, в том числе многих обмороженными. Пленными потеряно всего 343 человека. Японцы свой урон показали в 7000 человек.

* * *

Январь и начало февраля прошли с обеих сторон в приготовлениях к наступлению. Генерал Куропаткин намеревался повторить наступление на Сандепу. Полное отсутствие интуиции препятствовало ему видеть истинную причину январской неудачи — он полагал, что всему виною небольшие технические недочеты. В командование 2-й армией по уходе Гриппенберга вступил генерал Каульбарс, а 3-ю армию принял генерал Бильдерлинг, сдавший XVII корпус генералу Селиванову.

В свою очередь, к японцам подходила армия Ноги. Граф Ойяма распустил через шпионов слух, что армия Ноги будет двинута под Владивосток. Генерал Куропаткин, встревожившись, двинул во владивостокский район (где и так зря пропадали войска) подкрепления, сформировал там новую 10-ю Сибирскую стрелковую дивизию и только ослабил маньчжурские армии, чего как раз и добивался японский главнокомандующий.

В первых числах февраля один японский эскадрон, поддержанный шайкой хунхузов, произвел налет на наши сообщения к северу от Телина. Это само по себе ничтожное

происшествие имело самые печальные последствия. Начальнику охраны железной дороги генералу Чичагову померещились неисчислимые полчища, грозящие из Монголии. Своих 25000 казаков и пограничников ему показалось мало, к он стал слать панические донесения главнокомандующему. Генерал Куропаткин, поддавшись этому паническому настроению, снял с фронта около корпуса и спешно отправил эти сильные подкрепления в глубокий тыл (где тем временем все неприятельское нашествие было ликвидировано одним нерастерявшимся фельдфебелем с командой пограничников). Так полтораста японских всадников вывели из строя русских армий до 30000 человек накануне генерального сражения...

К 10 февраля положение в Маньчжурии было следующим; на правом нашем фланге, по обе стороны реки Хунь-хэ, располагалась 2-я армия генерала Каульбарса (7,5 пехотных дивизий). В центре, по обе стороны железной дороги, занимала позиции по Шахэ 3-я армия генерала Бильдерлинга (6 пехотных дивизий). На левом фланге — по Шахэ и дальше в горах — 1-я армия генерала Линевица (8 пехотных дивизий). В резерве главнокомандовавшего было 3 пехотные дивизии. Всего — 330000 бойцов при 1329 орудиях и 56 пулеметах. Самой сильной армией была 1-я, хотя главную роль в предполагавшемся наступлении надлежало играть 2-й. Причиной этому страх перед Куроки, наиболее предприимчивым и больше всех нам досадившим из японских военачальников. Страх этот красной нитью проходят через полководчество Куропаткина в продолжение всей войны, в чем легко убедиться из его

диспозиций. Расположение наших войск (справа налево) было следующим: 2-я армия — Сводно-стрелковый корпус, VIII, X армейский, I Сибирский корпуса (102000 шашек и штыков); 3-я армия — V Сибирский, XVII армейский, VI Сибирский корпуса (68000); 1-я армия — I армейский, IV, II, III Сибирские корпуса (115000). В перечислениях японских сил 2 резервные бригады принимаются за одну дивизию. В армиях Кавамуры и Нодзу резервные части составляли половину, у Куроки — четверть, у Ноги и Оку — лишь седьмую часть.

Японцы заметно уступали нам в силе. Нашим 25 пехотным дивизиям они могли противопоставить лишь 13,5, а с подходом Ноги — 17, правда, очень сильного состава. Сперва налево — против нашей 1-й армии генерала Линевича стали новообразованная V армия генерала Кавамуры (2 дивизии) и I армия генерала Куроки (4 дивизии). В центре Бильдерлингу противостоял Нодзу со своей IV армией (3,5 дивизии). На их левом фланге, против Каульбарса, находилась II армия генерала Оку (3,5 дивизии) и сюда же граф Ойяма скрытно подводил III армию генерала Ноги (3,5 дивизии), имея в резерве 2,5 дивизии. Всего — 270000 человек. 1062 орудия и 200 пулеметов.

План японского главнокомандующего заключался в энергичной демонстрации армиями Кавамуры и Куроки на Линевича с целью обратить сюда все внимание и все резервы русского командования (Нодзу должен был следить за Бильдерлингом). Когда русские будут окончательно связаны на своем левом фланге и оголят остальные участки, армиям Оку и Ноги надлежало наброситься на Каульбарса и разгромить его: Оку — с фронта, Ноги — широким обходным движением долиною Ляохэ, во фланг и в тыл. В случае особенной удачи, если Кавамуре и Куроки удалось бы сбить Линевича, могли получиться Канны — двусторонний охват русских маньчжурских армий. Расчет следует признать отличным, распределение сил посредственным: на демонстрацию назначалось 6 дивизий, на решительный удар только 7.

12 февраля V и I японские армии яростно атаковали Линевича, начав двухнедельное Мукдеаское сражение. 13, 14, 15 и 16 февраля по всему фронту нашей 1-й армии шел жестокий бой. Ренненкампф отразил Кавамуру, Иванов и Зарубаев сразу же остановили Куроки. Обе японские армии истекали кровью, а I армейский корпус генерала Мейендорфа легко отбил пытавшегося им помочь Нодзу.

Генерал Куропаткин направил в 1-ю армию 72-ю дивизию и снял с фронта 2-й армии I Сибирский корпус. Подчинившись неприятельской инициативе, русский главнокомандующий уже не помышлял о наступлении 2-й армии (а между тем это был бы самый лучший способ оказать помощь атакованной 1-й). Забросив свой первоначальный план, генерал Куропаткин предполагал перейти в наступление уже не правифланговой своей армией, а левифланговой — на Куроки. Но тут 16 февраля обнаружилось движение армии Ноги долиной Ляохэ на Синминтин. Одновременно Оку атаковал Каульбарс. В бой вышла ударная группа японских армий...

Сознав опасность, генерал Куропаткин приказал Линевичу вернуть во 2-ю армию I Сибирский корпус и стал поспешно вводить в бой пачками свой последний резерв — XVI корпус. О наступлении русский главнокомандующий больше не помышлял: все его внимание устремилось на пассивное парирование наносившихся ударов. Растерявшись, колеблясь, меняя решение, генерал Куропаткин выдергивал тут батальон, там два, здесь целый полк, составлял из этих надерганных с бору по сосенке частей отряды и спешно бросал их в бой под командой случайных начальников, не давая им определенной задачи и даже не ориентируя как следует. В дни 17–22 февраля бесследно исчезли, растворившись в отрядах, все корпуса и даже все дивизии 2-й армии. Образовались отряды: генералов Мылова, Церпицкого, Гернгросса⁵⁷, Топорнина, фон дер Лауница, целая мозаика более мелких, зачастую штаб-офицерских... 2-я армия генерала Каульбарса перевела свои силы на правый берег Хуньхэ, отбиваясь от наседавшего Оку, парируя охват Ноги, преграждая этому последнему пути к Мукдену. 22 февраля в бешеной схватке под Юхуантуном сломлен наступательный порыв Оку, а 23-го при Тхенитуне ударом Церпицкого и Гернгросса остановлена III японская армия генерала Ноги. При Юхуантуне японская бригада генерала

Намбу была совершенно уничтожена нашей 25-й пехотной дивизией. Из 4800 японцев уцелело лишь 550.

Однако жертва их не пропала даром: растерявшийся Каульбарс оставил здесь 36 батальонов; Намбу со своими 6 батальонами отвлек таким образом на себя силы в шесть раз превосходившие. В бою при Тхенитуне нами взято 2 орудия и 6 пулеметов, но сильная песчаная буря помешала развитию успеха. Японское наступление захлебнулось.

Тогда 24 февраля атаковал Куроки, прорвавший фронт нашей 1-й армии под Киузаном (в промежутке между I армейским и IV Сибирским корпусами). В образовавшийся прорыв хлынула их гвардия и 12-я дивизия, направив удар на тылы 3-й армии. Киузанский прорыв оказался роковым. У генерала Линевича было двойное превосходство (80 батальонов против подставивших свой фланг 40 японских), но он и не подумал контратаковать. Все помыслы командующего 1-й армией были направлены на то, чтоб отступить в полном порядке. Линевич до того разбросал свои силы, что, несмотря на двойное превосходство, мы повсюду оказались в меньшинстве. Удар целой японской дивизии принял слабый отряд генерала Левестама в 9 рот. Песчаный ураган, дувший нам в лицо, скрыл подход неприятеля, подгонявшегося бурей. Вообще под Киузаном у нас было три отряда, действовавших без всякой связи друг с другом.

Вечером 24-го генерал Куропаткин предписал общее отступление.

Положение 3-й армии по обе стороны железной дороги стало критическим: атакованная армией Нодзу и обойденная армией Куроки, она рисковала попасть в мешок. Трудными арьергардными боями 25 и 26 февраля 2-я и 3-я армии обеспечили себе отход, совершавшийся в невероятно тяжелых условиях при полном столпотворении тылов. Но и силы японцев были подорваны: Куроки и Нодзу, правда, нажимали, но армии Оку и Ноги присутствовали бессильными зрительницами, не будучи в состоянии перехватить отступления. Стойкость войск, бестолково управляемых, но храбро дравшихся, воспрепятствовала превращению мукденского поражения в катастрофу. Наши потери под Мукденом: 12 генералов, 2410 офицеров, 87677 нижних чинов, из коих 10 генералов, 2100 офицеров, 58052 нижних чинов убиты и ранены, 2 генерала, 310 офицеров и около 29 625 нижних чинов пропали без вести (главным образом оставленными на поле сражения) и пленные. Мы потеряли 58 орудий, из коих около половины осадных либо поршневых, не имевших запряжек, и 4 пулемета. Наши кровавые потери составляют около 70000 человек. Японцам их победа досталась дорогой ценою: они лишились 2353 офицеров, 67 706 нижних чинов, 2 орудий и 10 пулеметов.

* * *

Маньчжурские армии отступили на 120 верст к северу. 1 марта был оставлен Телин, и лишь 9-го числа армии собрались на Сыпингайских позициях. Японцы преследовали накоротке и слабо.

7 марта главнокомандующим был назначен генерал Линевич, а генерал Куропаткин получил 1-ю армию. Начальником штаба главнокомандующего назначен генерал Харкевич, а генерал Сахаров отозван в Россию. Всю весну и лето 1905 года маньчжурские армии непрерывно усиливались и количественно и качественно.

Мукденские потери были уже пополнены в конце марта, когда в Маньчжурию прибыл IV армейский корпус (16-я и 30-я пехотные дивизии) Виленского округа, 3-я и 4-я стрелковые бригады. Эти силы были двинуты в 3-ю армию, командующим которой был назначен генерал Ботьянов. В апреле прибыло свыше 40000 запасных и выздоровевших, а в первой половине мая 40000 охотников со всех полков русской армии. Все стрелковые бригады были развернуты в дивизии и образован II стрелковый корпус. В конце мая прибыла 53-я пехотная дивизия из Одесского округа, в июне — IX армейский корпус (5-я и 42-я пехотные дивизии) из Киевского, в июле — XIX армейский корпус (17-я и 38-я пехотные дивизии) из Варшавского, и в августе стал прибывать XIII корпус (1-я и 36-я пехотные дивизии) Московского округа.

Наше превосходство в силах, бывшее всю весну ощутительным, к лету сделалось

подавляющим. У нас стало 38 дивизий, сполна укомплектованных, против 20 японских. Против каждой японской дивизии мы имели корпус. Качество наших войск повышалось с каждым днем благодаря непрерывному прибытию превосходных полевых дивизий и отличных пополнений. В то же время качество японских войск сильно понизилось: их офицерский и унтер-офицерский состав был истреблен, пополнения прибывали необученными, люди охотно стали сдаваться в плен, чего прежде совсем не наблюдалось... Сыпингайское сражение должно было дать России победу, но это сражение не было дано...

Весна и лето прошли в небольших стычках, из коих наиболее значительными были удачные дела Ренненкампа против Кавамуры и набег генерала Мищенко в тыл армии Ноги 4 — 11 мая. Этот второй (после Инкоу) набег был предпринят силами в 40 сотен (около 4000 шашек) при 6 орудиях и 8 пулеметах. Была разгромлена большая часть тыловых учреждений III японской армии, взято 250 пленных и 5 пулеметов. Японцев перебито свыше 800 человек. Наши потери — до 200 убитых и раненых.

В конце июня в Портсмуте открылись мирные переговоры (честным маклером на этот раз был Теодор Рузвельт), но военные действия продолжались.

Если когда-нибудь России для дальнейшего ее великодержавного существования нужна была победа, то это, конечно, было летом 1905 года. Перейди Линевиц всеми своими силами в наступление, он задавил бы японцев своей многочисленностью и качеством своих войск. Победа сразу же подняла бы в стране престиж династии, заметно и опасно ослабевший, беспорядки 1905 года не перешли бы в смуту, и Россия избавилась бы от гангрены Таврического дворца. С другой стороны, победа при Сыпингае раскрыла бы всему миру глаза на мощь России и силу ее армии, сумевшей так скоро оправиться от тяжелого поражения. Престиж России, как великой державы, поднялся бы высоко, и в июле 1914 года германский император не посмел бы послать ей заносчивый ультиматум. Перейди Линевиц в наступление от Сыпингая — Россия не знала бы бедствий 1905 года, взрыва 1914-го и катастрофы 1917-го.

К несчастью, генерал Линевиц совершенно не чувствовал огромной исторической задачи, что была возложена на маньчжурские армии в то лето 1905 года. Он весь ушел в хозяйственность, смотрел войска, слал в Петербург телеграммы о том, что войска эти горят желанием сразиться и победить врага, но сам желания этого, увы, не обнаруживал...

Не чувствуя себя в силах для наступательных операций против усилившихся русских армий, японцы держались в Маньчжурии совершенно пассивно. Образованная в северо-восточной Корее — во владивостокском направлении — их VI армия генерала Хасегавы (2 дивизии) имела несколько мелких дел с Южно-Уссурийским отрядом генерала Андреева (около 4 дивизий) на границе Приморской области, а высаженный в конце июня десант овладел Сахалином. Губернатор Сахалина генерал Ляпунов имел около 5000 человек (отчасти вооруженных ссыльных) и 12 поршневых пушек. Японцы, высадившись 29 июня, разбили в первых числах июля наши импровизированные войска, взяв до 700 пленных и 6 орудий. 18 июля генерал Ляпунов положил оружие с отрядом в 70 офицеров и 3200 нижних чинов.

Все сроки были пропущены, все возможности упущены... Цусимская катастрофа производила гнетущее впечатление, но значение ее могло быть сведено на нет победой при Сыпингае. Мирные же переговоры вместо того, чтобы стимулировать энергию перспективной позорного мира, лишь угашали слабую, дряблую волю русских военных деятелей упадочного периода. Деятели эти не сознавали, что от них зависит заменить позорный мир этот миром почетным, спасти Россию от надвигавшихся потрясений.

23 августа на борту Майфлюэра, президентской яхты, в Портсмуте Витте и Такахира подписали мирный договор. Россия передала Японии Квантунскую область с Порт-Артуром и Дальним, уступила южную часть Сахалина до 50 параллели, отдала Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Артура до станции Куанчендзы (свыше двух третей) и признала преобладание японских интересов в Корее и Южной Маньчжурии. Не будучи в состоянии произносить букву л, японцы вместо Дальний выговаривают и пишут Дайрен.

Домогательства японцев о контрибуции и возмещении издержек (требовали 3 миллиарда рублей) были отвергнуты, и Япония на них не настаивала, торопясь заключением мира и опасаясь возобновления военных действий в невыгодных для себя условиях.

Можно только сожалеть, что Витте не вспомнил о русских кораблях, полузатоПЛенных в Артуре, либо попавших в плен по вине презренного Небогатова. Корабли эти можно было бы вернуть и избавить Россию и ее флот от ужасного и невыносимого зрелища видеть эти 7 броненосцев и 3 крейсера под японским флагом с 1905-го по 1921 год, когда они были исключены из списков (в 1915 году, во время Мировой войны, Япония продала нам Пересвета, Полтаву и Варяга),

Защита Порт-Артура

Порт-Артур расположен на южной оконечности Ляодунского полуострова. Ляодун соединяется с материком узким (всего 3 версты) перешейком у Цзиньчжоу, в 50 верстах от Артура. Если сравнить Ляодун с Крымом, а Порт-Артур с Севастополем, то Цзиньчжоу — Перекоп.

Цзиньчжоуская позиция была укреплена заблаговременно, еще до войны. Сама по себе она была очень крепкой: оба ее фланга упирались в море и ее приходилось атаковать непременно в лоб. Однако успешная ее оборона была возможна лишь при условии господства на море — с моря она простреливалась насквозь. Сейчас же за Цзиньчжоуским перешейком лежали Тафашинские высоты (подобно Юшунской позиции в тылу Перекопского вала) — позиция гораздо более сильная, но на которую не было обращено никакого внимания.

На путях от Цзиньчжоу к Порт-Артуру — верстах в 20 от этого последнего проходит гребень Зеленых гор, за которым верстах в 4 тянутся Волчьи горы. Строители артурской крепости назвали эти гребни позицией на перевалах. К началу войны ни Зеленые, ни Волчьи горы укреплены не были.

Самая крепость была готова менее чем на треть. Ее сухопутный фронт вооружало всего 8 орудий, большая часть укреплений была лишь обозначена. В укрепленном районе Квантунской области находился III Сибирский корпус генерала Стесселя (4-я Сибирская стрелковая дивизия генерала Фокс⁵⁸ и 7-я — генерала Кондратенко⁵⁹) сильного состава. Войска были укомплектованы сверх нормы запасными. Кроме того, 4-й стрелковой дивизии был придан 5-й Сибирский стрелковый полк из состава 2-й дивизии. Численность всего гарнизона достигла 43000 человек, артиллерийское вооружение составило 542 орудия на складах, верках и в строю полевых батарей — всевозможных образцов, калибром от 37-миллиметровых до 10-дюймовых морских (на приморских укреплениях). Единства власти не было. Морское и сухопутное начальства были совершенно самостоятельны — более того, в среде сухопутного начальства царила полная анархия.

Начальником укрепленного района был известный нам по Китайской войне генерал Стессель, одновременно исполнявший и обязанности коменданта крепости. В марте 1904 года в Порт-Артур прибыл назначенный комендантом генерал Смирнов⁶⁰, а Стессель получил предписание отбыть в Маньчжурскую армию и принять там Восточный отряд. Однако генерал Стессель отказался подчиниться этому распоряжению, заявив, что он в Артуре незаменим, ибо лучше всех знает местность и крепость. Стессель и Смирнов — начальник укрепленного района и комендант крепости — стали игнорировать друг друга. В Артуре образовались две партии — стесселевская и смирновская, начались дразги, сплетни, взаимные обиды. Обиженный Смирнов не имел благородства генерала Моллера в Севастополе, и его деятельность можно охарактеризовать каким-то протестующим отбыванием номера. Атмосфера на верхах сильно различалась от той, в которой Корнилов, Нахимов, Моллер и Тотлебен из ничего создавали свои бессмертные бастионы. В этом ненормальном положении виноват был главным образом, если не исключительно, генерал Куропаткин, не сумевший справиться со своими подчиненными и не прекративший этого двоевластия, имея полную на это возможность.

Один лишь человек стоял в стороне от этих интриг и высоко над ними. Этот человек

был генерал Роман Исидорович Кондратенко. Он явился в эту трудную пору единственным связующим звеном между сухопутными и моряками, стесселевцами и смирновцами, одинаково ценившими и уважавшими его прямоту, непреклонную, заражавшую всех энергию и редкое благородство духа. От генерала до рядового все угадали в нем душу Порт-Артура.

* * *

Февраль и март ознаменовались рядом славных для наших моряков дел и кипучей благотворной деятельностью адмирала Макарова, в несколько дней возродившего нашу эскадру, возвратившего ей веру в свои силы и конечную победу и поднявшего дух Артура на севастопольскую высоту. Гибель его была смертельным ударом для эскадры, горестной утратой для крепости, большим несчастьем для России.

В половине апреля японцы приступили к крупной десантной операции — высадке на материк своей II армии генерала Оку, которой, как мы видели, надлежало прервать сообщения Порт-Артура с армией Куропаткина и овладеть ключом Ляодуна — Цзиньчжоуской позицией. 22 апреля войска генерала Оку стали высаживаться в довольно трудных условиях у города Бицзыво — в 30 верстах на север от Цзиньчжоу, и с 28-го числа Порт-Артур оказался отрезанным от России. Ни Куропаткин, ни Стессель не сделали попытки воспрепятствовать японской высадке и восстановить сообщение. Генерал Куропаткин не думал воспрепятствовать высадке, считая, что чем глубже проникнут японцы в Маньчжурию, тем лучше. Генерал Стессель двинул на усиленную рекогносцировку слабый отряд генерала Фока от Цзиньчжоу на Бицзыво. Отряд этот 3 мая имел бой у Шисалитезы и отступил с потерей 200 человек.

12 мая генерал Оку подошел к Цзиньчжоуской позиции, где три бесстрашных русских батальона приготовились встретить три японские дивизии. 13 мая произошло сражение при Цзиньчжоу — геройское единоборство 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка со II японской армией. И русский полк остановил было японскую армию, но этих героев не поддержали, у японцев же, кроме армии, действовал и флот, взявший с обоих флангов русскую позицию под продольный огонь. Сокрушить же вместе с армией и флот врага пехотному полку даже российской императорской пехоты — было не по силам.

Цзиньчжоуская позиция пала, но ни один офицер, ни один стрелок не сдались японцам.

Заняв Цзиньчжоу, генерал Оку передал дальнейшее ведение операций против Порт-Артура высадившейся в половине мая в Талиенванском заливе III армии генерала Ноги. Оставив 1-ю пехотную дивизию заслоном от Стесселя. Оку с 3-й и 4-й дивизиями пошел на Куропаткина. В армию Ноги вошли 1-я и 2-я пехотные дивизии и 1-я резервная бригада, а с начала июля еще 9-я пехотная дивизия и 4-я резервная бригада.

Генерал Стессель эвакуировал большую часть Ляодунского полуострова, не позаботившись за эти 4 месяца собрать запасы продовольствия. Пришлось оставить стоивший таких бешеных денег город и порт Дальний — ценный подарок министра Витте генералу Ноги, нашедшему там готовую и прекрасно оборудованную базу для действий против Порт-Артура. Русские войска отошли на Зеленые горы и заняли позицию на перевалах — сильную от природы и посильно укрепленную — протяжением около 20 верст и преграждавшую доступ к Артуру. Почти месяц прошел здесь в бездействии с обеих сторон, прерванном внезапной атакой японцев 13 июня на передовые позиции Зеленых гор — Хуинсан и Юпилазу, которыми им удалось завладеть. Наша контратака на Юпилазу 21 июня была отражена.

Шедший к японцам осадный парк с 11-дюймовыми мортирами был тем временем потоплен нашими владивостокскими крейсерами. Это несколько замедлило темп японских операций, и ровно месяц — с 13 июня по 13 июля — армия Ноги бездействовала. Силы русских и японцев весь июнь были равны, но Стессель не помышлял о наступательных действиях, предоставив инициативу противнику, В начале июля III японская армия получила подкрепления, дававшие ей двойной перевес (4 пехотные дивизии против 2), и Ноги положил перейти к решительным действиям.

13 и 14 июля японцы повели яростное наступление на Зеленые горы. Все их атаки были отражены, но в ночь на 15-е им удалось внезапным нападением овладеть командовавшими высотами на нашем правом фланге. Стессель отступил на Волчьи горы, но японцы не дали нам там утвердиться, и в ночь на 17-е прорвали наше расположение на Волчьих горах. Артурские Зеленые горы получили свое название в честь плевненских. У японцев было превосходство в артиллерии ровно в четыре раза: 208 орудий против 52 с нашей стороны. Против 17 батальонов Стесселя Ноги развернул 48 батальонов. Наши потери за оба дня — 47 офицеров, 2066 нижних чинов. Урон японцев превышал 6000. В деле на Волчьих горах — в ночь на 17-е — мы лишились 650 человек.

Так пала позиция на перевалах. Русские войска отступили в район крепости и день 17 июля стал первым днем осады Порт-Артура.

* * *

За пять месяцев, протекших с объявления войны, гарнизон сделал все от него зависевшее для повышения обороноспособности крепости. Однако сделать в пять месяцев, притом в порядке импровизации, то, что было рассчитано на пять лет, было вне пределов человеческой возможности.

Порт-Артурская крепость имела три фронта: Восточный на правом фланге. Северный в центре и Западный на левом фланге оборонительной линии. Оборона Восточного фронта была возложена на генерала Горбатовского⁶¹, Северный поручен полковнику Семенову, а Западный — вверен полковнику Ирману⁶². Всей обороной сухопутного фронта заведывал генерал Кондратенко, а резервами генерал Фок. Дивизии и бригады были фактически упразднены.

Восточный фронт был самым сильным местом оборонительной линии — он единственный мог считаться сколько-нибудь законченным. Северный фронт, несколько выдвинутый вперед, был закончен лишь наполовину. Западный же фронт был еле обозначен, а между тем здесь находился тактический и стратегический ключ крепости — Высокая гора (203 метра) — Малахов курган Порт-Артура, с занятием которой японцами обрекалась на гибель наша Тихоокеанская эскадра, так как она являлась наблюдательным пунктом исключительной важности.

Восточный фронт составили форты: I, II, III и ряд долговременных укреплений, связанных между собою валом — так называемой Китайской стенкой. Передовую позицию здесь составляли редуты: Дагушань (первоклассный наблюдательный пункт) и Сяогушань. Северный фронт состоял из передовой позиции — редуты Водопроводного и Кумирненского и редута из форта IV. На Западном фронте — наскоро укрепленные передовые позиции на горах Угловой, Длинной и Высокой и главная позиция (форты V и VI) в зачаточном состоянии. Создатель плана Порт-Артурской крепости полковник Величко недооценил все огромное значение Высокой, но защитники крепости — генерал Кондратенко, полковник Ирман и инженер-капитан Шварц — осознали это значение и по мере сил исправили эту оплошность.

Долговременные укрепления были рассчитаны на сопротивление 6-дюймовым снарядам. Крепость была обеспечена мукой на 6 месяцев, мясом — лишь на месяц. Со второй половины июля пришлось перейти на конину. Овощами своевременно не запаслись — и этим создавались благоприятные условия для цинги.

* * *

Решив взять крепость открытой силой, генерал Ноги обратил все свое внимание на ее Восточный фронт (более доступный по условиям местности). Его III армия насчитывала 45000 штыков при очень сильной артиллерии — до 400 тяжелых и легких орудий.

25 июля японцы открыли ожесточенный огонь по передовой позиции Восточного фронта — редутам Дагушань и Сяогушань, и к вечеру их атаквали. Весь день 26-го там шел упорный бой — и в ночь на 27-е оба редута были нами очищены. Установив на Дагушане наблюдательный пункт, японцы открыли из своих дальнобойных орудий огонь по эскадре. Слабый и нерешительный адмирал Витгефт⁶³, не рискнувший вступить в бой со слабейшим

противником 10 июня и упустивший тогда исключительно благоприятный случай прорваться во Владивосток, теперь, видя опасность, грозившую кораблям, решил выйти из бездействия и попытаться прорвать блокаду.

Однако в бою 28 июля наша эскадра, веденная вялыми, потерявшими дух (вернее, вовсе его не имевшими) начальниками — Витгефтом, а после его гибели князем Ухтомским — не смогла пробиться ко Владивостоку и вернулась на артурский рейд, ставший впоследствии ее могилой. На последовавшем затем совете старших морских начальников решено было отказаться от дальнейших попыток выхода в море и предоставить все силы флота на оборону крепости по примеру Севастополя. С кораблей были ссажены покрывшие себя громкой славой десантные роты с сотней скорострельных пушек и пулеметов. Об этом своем решении морские начальники не довели, однако, до сведения сухопутных, и генерал Стессель до самой капитуляции так и не узнал, что может располагать всеми средствами флота. Характерный пример царившего в крепости разнобоя. Успехи второй половины июля — взятие Зеленых и Волчьих гор и Дагушаня — в связи с успехами на море чрезвычайно подняли и без того высокий дух японской армии.

Для генерала Ноги падение Артура было вопросом немногих дней. Вы прибыли как раз вовремя, — заявил он приехавшим к нему иностранным корреспондентам. Еще немного, и вы опоздали бы ко взятию крепости. Японский генерал счел излишним дожидаться прибытия 11-дюймовых гаубиц (обещанных ему взамен погибшего в море парка). Он решил овладеть сперва передовыми позициями Северного фронта, сковать здесь русские резервы, а затем обрушиться на Восточный фронт и этой атакой покончить с Порт-Артуром.

6 августа была открыта бомбардировка Восточного и Северного фронтов и этот последний был атакован. 6, 7 и 8-го японцы атаковали с большой энергией Водопроводный и Кумирненский редуты и Длинную гору, но отовсюду были отражены, успев занять лишь Угловую и укрепление Панлуншань.

8 и 9 августа Ноги штурмовал Восточный фронт, овладел ценою жестоких потерь передовыми редутами и 10-го подошел к линии фортов. В ночь на 11-е он думал нанести крепости решительный удар, в промежутке между фортами II и III, но удар этот был отражен. Форты и Китайская стенка остались в наших руках.

В этом четырехдневном сражении легла почти половина японской армии — 20000 человек (из них 15000 перед Восточным фронтом). Наш урон составил около 3000 убитых и раненых. Наступательный порыв японцев выдохся, они увидели, что взять Артур с налета, как в 1894 году у китайцев, им не удастся — 11 августа заложили против Восточного фронта 1-ю параллель.

* * *

Вторая половина августа прошла спокойно. Японцы набирались сил и открыли 2-ю параллель. Гарнизон исправлял укрепления и готовил своими средствами ручные гранаты, ставшие грозным оружием в руках моряков и сибирских стрелков. В первый числа сентября III японская армия пополнила свои ряды, и энергичный ее командующий решил повторить штурм. На этот раз генерал Ноги атаковал Северный и Западный фронты.

Штурм начался 6 сентября, и к утру 7-го японцы овладели нашими передовыми позициями — Водопроводным и Кумирненским редутами и Длинной горой. 8-го и 9-го шел упорный бой за Высокую гору, в которой неприятель угадал ключ Артура. Этот главный объект штурма ускользнул от японцев. Высокая чуть было не пала — ее сохранением в результате героического дела 9 сентября мы обязаны глазомеру и находчивости полковника Ирмана, решительности лейтенанта Подгурского и героизму стрелков 5-го полка. Подгурский с тремя охотниками выбил пироксилиновыми шашками три роты японцев, занявших было наши люнеты. В эти дни у нас убыло 1500 человек, у японцев — 6000.

18 сентября над укреплениями Высокой и над фортами II и III стали взвиваться огромные столбы бурого дыма, земли и щебня. Артур получил крещение 11-дюймовыми гаубицами — эти пятнадцатипудовые адской силы шимозы⁶⁴ сделались отныне его насущным хлебом. Рассчитанные лишь на 6-дюймовый калибр, форты и укрепления

обратились в груды развалин. Но и эти грозные развалины оказались несокрушимыми и заставили весь мир изумиться перед славою их защитников!

На Восточный фронт были поведены минные атаки. Все усилия японцев были направлены на капониры форта II (противоштурмовые окопы, оборонявшие подступы к форту). Десятки тысяч тяжелых снарядов, выпущенных по этому клочку земли, превратили местность в какой-то лунный пейзаж. Убийственный, неслыханный еще в истории огонь чередовался отчаянными атаками свирепых, как тигры, японцев — и все атаки отбивались! Это длилось непрерывно шестнадцать суток. Тот, кто писал, что мир знает образцы высшего мужества, чем мужество солдата, не мог иметь понятия о том образце мужества, который показала горсть русских воинов, защищавших капониры перед лицом всесокрушающего огня японской артиллерии, записал свидетель этой борьбы (с японской стороны) англичанин Джеме.

К половине октября японцы вывели 6-ю штурмовую параллель перед фортами II и III. Их всесокрушающий огонь привел к молчанию русскую крепостную артиллерию. На этот раз успех Ноги казался обеспеченным. 17 октября он предпринял третий по счету штурм Артура — и в третий раз был отбит. В результате двухдневного боя 17-го и 18-го числа японцам удалось зацепиться на гласисах фортов, и теперь они стали добиваться овладения рвами. Так началась упорная жестокая двухмесячная борьба штыком, лопатой и гранатой — борьба, прерванная лишь одним событием — четвертым штурмом Порт-Артура.

* * *

В первых числах ноября армия Ноги усилилась новой (7-й) пехотной дивизией. 13 ноября генерал Ноги предпринял четвертый — общий — штурм Артура. Удар был направлен с двух сторон — на Восточный фронт, где свелся к отчаянному, бешеному натиску, и на Высокую, где разыгралось девятидневное генеральное сражение всей осады.

Штурм 13-го был отбит и на Восточном фронте и на Высокой. Тогда Ноги, решивший нанести окончательный удар Артуру ночной внезапной атакой в разрез между Восточным и Северным фронтами, вызвал на это дело всех храбрецов своей армии. Собралось 3100 охотников — достойных потомков ронинов и самураев назвавших себя отрядом белых помочей.

В ночь на 14 ноября отряд белых помочей, собравшись у Кумирненского редута, без выстрела ринулся в штыки, овладел Курганной батареей и вышел в тыл Восточного фронта, Порт-Артур повис на волоске... Но тут перед японским отрядом, словно из-под земли, выросла полурота русских моряков — 80 человек, ринувшихся на них с горы в приклады в кромешной темноте. Натиск этой горсти героев был настолько неожидан, стремителен и неистов, что ошеломленный отряд дал тыл. Крепость была спасена этими внуками благодетелей Хрулева. Белые помочи служили японцам для распознавания друг друга в темноте. Героической морской полуротой командовал лейтенант Мисников, японским отрядом — генерал Накамура.

С 14 ноября вся ярость японской артиллерии, весь неистовый порыв японской пехоты обратился на Высокую. Штурм 14-го был отбит. Ноги сосредоточил тогда 15-го огонь всей своей тяжелой артиллерии по этой горе, превратившейся в вулкан. Отчаянная атака сменялась атакой еще более отчаянной — все были отражены. 16-го введены свежие силы, но тоже безуспешно. 17-го японцы создали там огневой ад, выпустив до 4000 одних 11-дюймовых снарядов. Массы пыли от разрывов засорили затворы винтовок — японцев сбросили с горы штыками. 18-го японцы атаковали уже вяло — порыв их выдохся. 19, 20 и 21-го они переводили дух и 22-го полезли вновь десятками цепей... Высокая была взята...

Теперь началась агония Артура! — сказал вечером этого дня Кондратенко. Овладев Высокой, японцы с 25 по 28 ноября расстреляли и окончательно добились нашу эскадру. Командиры кораблей не приняли никаких мер к уничтожению своих судов. Один лишь Эссен вывел свой Севастополь за Ляотешан и пять дней держался против всего японского флота, отразив 44 минных атаки, а затем затопил свой броненосец на большой глубине. Ноябрьские штурмы обошлись японцам в 20000 человек, зато они добились решительного

результата. Дни Порт-Артура отныне были сочтены.

На штурмах одной лишь Высокой горы японцы лишились 288 офицеров и 7730 нижних чинов. Наш урон на Высокой доходил до 4500 человек, а на всем фронте превысил 6000. Борьба за Высокую гору была битвой гигантов; ни одна страна в самую славную эпоху своей истории никогда не выставляла в поле солдат, которые дрались бы с таким упорством, храбростью и презрением к смерти, как русская и японская пехоты в те дни, — писал французский генерал Гранпре.

К началу декабря гарнизон насчитывал еще 14000 обессиленных недоеданием, но все еще твердых духом бойцов. Рацион составляло по полфунта конины четыре раза в неделю — люди стали теньями. В лазаретах находилось свыше 10000 раненых и цинготных. Положение фортов было отчаянным: японцы подвели под них мины, и взрыва их надо было ждать с часу на час. 2-я оборонительная линия (Орлиные гнезда) и 3-я (у самого города) были гораздо слабее, и долго на них удерживаться не было возможно.

2 декабря не стало Кондратенко, убитого на II форте разрывом 11-дюймового снаряда. Отныне Артур был коченеющим телом, от которого отлетела душа...

5 декабря форт II взорван, и после отчаянной, геройской обороны баянцами очищен — из 350 защитников лишь 30 осталось в живых (японцев положено 800). 15 декабря взлетел на воздух форт III... Линия фортов пала. Интервалы между ними — Китайская стенка оставалась еще в наших руках. Созванный Стесселем военный совет постановил удерживаться на стенке до последней возможности ввиду слабой пригодности 2-й и 3-й линий.

Однако уже 18 декабря японцы, взорвав промежуточное укрепление № 3, утвердились на его развалинах и открыли продольный огонь по Китайской стенке, которую пришлось оставить. Остатки наших войск отошли на 2-ю линию, которую японцы немедленно и атаковали. Весь день 19-го шел отчаянный бой за 2-ю линию и на Западном фронте, тоже в этот день атакованном. С падением к вечеру Большого Орлиного гнезда и открытием оттуда японцами фланкирующего огня пала и 2-я линия... Войска отступили на 3-ю и последнюю линию.

Старшие начальники пали духом, найдя дальнейшее сопротивление невозможным, и когда 20 декабря генерал Стессель заявил о своем намерении вступить в переговоры о сдаче, то на совете не раздалось ни одного протестующего голоса. 23-го заключена была капитуляция, согласно которой гарнизон в составе 23000 человек (считая с больными) сдавался военнопленными со всеми запасами боевого снаряжения. Офицеры могли вернуться на Родину, дав честное слово, что не будут участвовать в военных действиях. Некоторые воспользовались этим условием, идущим, однако, вразрез с воинской этикой. За время осады сухопутный гарнизон лишился 6634 убитыми, 24146 ранеными и без вести пропавшими. 4000 умерло от ран и болезней, и вместе с моряками убыль героического гарнизона достигла 110 процентов наличного состава.

* * *

Блокада Порт-Артура длилась 239 дней, осада в тесном смысле этого понятия — 159. Крепость девять месяцев (до февраля) задерживала III японскую армию и отвлекла на себя в общей сложности 170000 неприятелей — около трети всех сухопутных сил Японии. Урон армии Ноги за всю осаду составил 110000 человек, из коих 85000 в боях и на штурмах. Таким образом, гарнизон отвлек на себя силы, вчетверо большие, и причинил им кровавые потери, вдвое превышавшие его численность. Иными словами, каждый порт-артурец сразился с четырьмя японцами и двух из них убил. Результаты в военной истории доселе неслыханные. Гази Осман притянул к Плевне только тройные силы на четыре месяца и причинил им потери, значительно уступающие численности гарнизона. В Плевне турецкий гарнизон насчитывал в общей сложности около 60000 (9000 погибло в Горном Дубняке и Телише, до 7000 убито за осаду, 44000 сдалось). Он притянул на себя 170000 русско-румынских войск и вывел у них из строя около 36000 человек. Защитники Артура свою задачу выполнили с честью — и нет награды более заслуженной, чем девять георгиевских

знамен, пожалованных за доблестную оборону Порт-Артура.

Общественное мнение и соратники сурово отнеслись к генералу Стесселю. Его обвиняли в преждевременной сдаче до истощения средств крепости, что позволило армии Ноги поспеть к Мукденскому сражению. Генерал Стессель был отдан под суд, приговоривший его к расстрелу, но со смягчающими вину обстоятельствами. Смертная казнь была ему заменена 10 годами заключения в крепости. Все остальные старшие начальники были оправданы.

Упреки эти, исходившие от современников, не могут показаться убедительными. Прежде всего генерал Стессель командовал не автоматами, а живыми людьми. Физические и моральные силы этих живых людей достигли в декабре предела, поставленного им природой.

Крепости к этому времени больше не существовало: то, что носило название 3-й оборонительной линии, не могло бы продержаться и несколько дней, даже будучи занято свежими войсками — эти стрелковые окопчики и китайские импани были бы разбиты одной полевой артиллерией.

Если даже исходить от очевидного абсурда, а именно что сданная преждевременно крепость могла бы своим сопротивлением задержать еще на месяц армию Ноги, то стратегического положения в Маньчжурии это все равно не изменило бы при тех условиях, в которых вынуждены были сражаться наши маньчжурские армии. Не подоспей генерал Ноги к Мукдену в феврале, он подошел бы в марте — дата генерального сражения была бы графом Ойямой отодвинута на месяц и только. Правда, генерал Куропаткин проектировал сам перейти в наступление в середине февраля, однако операция эта, воспроизводившая все ошибки январского наступления на Сандепу, ничем хорошим не могла завершиться. В лучшем случае почин войсковых начальников и доблесть войск дали бы тактический успех масштаба Путиловской сопки, помимо и даже вопреки порочному главнокомандованию. Стратегическая обстановка осталась бы той же, что и до наступления.

Генерал Стессель, конечно, несет большую ответственность, но не за преждевременную сдачу, а за преждевременное отступление в крепостной район. Он должен был ввести в дело при Цзиньчжоу весь свой корпус, а не один только полк, армия Оку была бы разбита — и это отразилось бы на всем ходе войны в Маньчжурии. Упустив эту возможность в мае, он мог бы ее наверстать в июне июле на Зеленых горах атакой и поражением слабой еще армии Ноги, что тоже имело бы громадные стратегические последствия. Но он предпочел отсиживаться и дожидаться ударов, а не бить самому. Эта пассивная психология господствовала, впрочем, во всей русской армии конца XIX столетия. Другим промахом генерала Стесселя было, что он не воспользовался ресурсами Ляодуна и не накопил путем реквизиции либо подрядов продовольственных запасов в крепости, чему весною представлялась полная возможность.

Наконец, не следовало заключать капитуляции. Почетных капитуляций никогда не существовало и существовать не может. Первым условием победителя всегда бывает передача вооружения, верков и запасов в полной неприкосновенности. Поэтому единственным выходом из положения, за исключением героического средства капитана Лико — могий вместити, да вместит, является уничтожение всего, что можно уничтожить, взрыв верков и безусловная сдача. Так поступили Осман-паша в Плевне и генерал Кусманек в Перемышле. Вопрос о воинских почестях никакой роли здесь играть не должен: благородный противник всегда воздаст должное, от бесчестного же врага и почестей принимать не должно.

По этой причине в Мировую войну отказались от почестей защитники Лонгви и форта Во. Германская армия показала себя в ту войну настолько бесчестным противником, что французские офицеры побрезговали принять свои сабли обратно из столь запятнанных рук.

Порт-Артур дал русским армии и флоту выдающихся начальников. Не говоря о главном русском герое всей войны — генерале Кондратенко — мы назовем лишь имена Горбатовского, Ирмана, Шварца, Григоровича, Эссена, Колчака⁶⁵. Но перечень артурских

героев будет неполный, если русский историк не упомянет про победителя — славного генерала Ноги, потерявшего на Высокой обоих своих сыновей и впоследствии, восемь лет спустя, не пожелавший пережить своего императора. Он стал у себя на родине народным героем.

Разбор войны

Русская армия расплачивалась своей благородной кровью за неудачную политику своей страны.

Политически мы сделали второй шаг, не сделав первого. Не было смысла захватывать чужие земли, когда собственные оставались втуне. Мы набросились на каменистый Ляодун, пренебрегая богатейшей Камчаткой. Мы затратили огромные деньги на оборудование китайской территории и оставили в запустении искони русский край непочатых сил от Урала до Берингова моря. Имея богатейший в мире Кузнецкий угольный бассейн, мы не тронули его и стали разрабатывать за тридцать земель в чужой стране Янтайские копи. Имея лучшую стоянку на Тихом океане — Петропавловск, мы зачем-то пошли в порт-артурскую мышеловку... И даже в нашей непоследовательной политике мы не сумели быть последовательными: взяв китайские земли, мы не подумали прежде всего их укрепить, принесли Порт-Артур в жертву Дальнему. Сделав второй шаг без первого, мы поспешили сделать четвертый без третьего.

Когда плоха политика, то плоха и та ее ветвь, что именуется стратегией. На плохом фундаменте нельзя построить прочное здание.

Основным пороком нашей стратегии явилось странное, ничем не оправдываемое решение командующего Маньчжурской армией и его генерал-квартирмейстера повторить 1812 год.

Куропаткин и Харкевич с самого начала решили отступить в глубь страны. Они не чувствовали разницы между 1812 и 1904 годом, между Россией и Маньчжурией и серьезно намеревались провести Отечественную войну на китайской земле. Взяв внешние формы кампании 1812 года — отступление, они не потрудились вникнуть в их смысл. Отступление 1812 года велось к сердцу России, на родной земле, среди восставшего на чужеземного равователя русского народа. Русские армии в июле 1812 года были вдвое слабее Наполеона.

Отступательный маневр Барклая был единственно возможным средством измотать неприятеля, занять более сосредоточенное расположение и, главное, соединиться с Багратионом. Совершенно иначе обстояло дело в апреле 1904 года. Против трех высадившихся в Корею японских дивизий Куропаткин мог двинуть семь отличных дивизий сибирских стрелков. Положение не имело ничего общего с таковым же 1812 года — двойное превосходство в силах оказалось как раз у нас.

Куропаткин и Харкевич полагали, что достаточно применять внешний шаблон кампании 1812 года, чтоб получить победу, подобно одержанной в Отечественную войну, при любой политической и стратегической обстановке. Они последовали примеру тех бухарских батырей, которые, увидев издали, как русские солдаты после переправы вытряхивают воду из голенищ, и не поняв, в чем дело, становились на руки и трясли ногами, думая, что постигли весь секрет русской тактики.

Шаблон Отечественной войны в обстановке 1904 года был по меньшей мере столь же бессмыслен.

Положение адмирала Алексеева — номинального главнокомандующего и генерала Куропаткина — самостоятельного помощника было глубоко ненормальным. Оно совершенно не предусматривалось существовавшими правилами о полевом управлении войск и являлось совершенно излишней и вредной импровизацией, сразу же положившей начало разнобою между штабами наместника и командующего Маньчжурской армией. Если в самом начале войны, когда речь шла о карательной экспедиции на дерзкую азиатскую страну, подобную аномалию и можно было с трудом допустить, то весной, после Тюренчена и Вафангоу, когда выяснилось, что вместо охоты на макак предстоит война с перворазрядной военной державой, власть главнокомандующего надо было усилить и точно определить его

права. Ответственность ложится на Петербург, где немощь политики передалась и стратегии.

Еще большее смешение языков наблюдалось в Порт-Артуре, где начальник Квантунского укрепленного района, комендант крепости и командующий эскадрой игнорировали друг друга. Все это можно было бы легко и своевременно устранить. Итак, первым недочетом явилась совершенно неудовлетворительная организация верховного командования, приведшая в Маньчжурии к разному, в Ляодуне — к полной анархии.

Первой операцией войны должен был быть разгром армии Куроки в апреле месяце. Помешать ей высадиться мы не могли: войска собирались медленно, флот был расстроен. Уничтожить же ее по высадке были обязаны. Подкрепив Засулича главными силами, подтянув из-под Владивостока простоявшие там всю войну без дела 2-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии, Куропаткин задавил бы Куроки своей многочисленностью.

Неиспользование 2-й и 8-й Сибирских стрелковых дивизий в эту кампанию представляет полную аналогию с неиспользованием VII и X армейских корпусов в 1877 году.

Второй операцией должно было быть уничтожение армии Оку в середине мая. Маньчжурская армия, наступающая по линии железной дороги, должна была явиться молотом, III Сибирский корпус Стесселя на Цзиньчжоу — наковальней. Восточный отряд был достаточно силен для удержания Куроки, если даже с армией этого последнего не удалось бы покончить в апреле.

Высаживая свои армии по очереди, по частям, японцы давали нам огромное преимущество, которым мы, однако, и не думали воспользоваться. Предвзятая ребяческая мысль повторения Двенадцатого года сковала все наши действия, сведя их к какой-то игре в поддавки, тогда как противник играл в крепкие. Посылка Штакельберга под Вафангоу с заведомо недостаточными силами — лишь бы отписаться Алексею, отступление после удачного боя при Дашичао и сдача Инкоу были печальными показателями этого удивительного полководчества.

Ляоянское сражение открыло второй и решительный период кампании — период больших операций. Куропаткин готовился к этому сражению с самого начала войны, подчеркивая, что здесь именно надлежит победить или умереть (Ляоян — моя могила!). Сражение разыгралось для нас в общем очень удачно — все атаки японцев были отражены, они понесли вдвое тяжкие сравнительно с нами потери и выдохлись. У нас было полуторное превосходство в силах, и наши войска горели желанием нанести врагу решительный удар.

Но вместо того чтобы атаковать 18 августа прямо перед собой и добить уже полуразбитых Оку и Нодзу, Куропаткин затеял сложный и путанный маневр на правом берегу Тай-цзыхэ: одной японской дивизии оказалось там достаточно, чтобы слабая его воля безоговорочно подчинилась воле более мужественного Куроки. И несмотря на тройное здесь превосходство в силах (и пятерное в артиллерии), несмотря на отражение Куроки, Куропаткин падает духом, подчиняется впечатлению случайных, мимолетных неудач, отказывается от продолжения борьбы, предписывает отступление. Случай патологический — болезненное отсутствие воли.

За Ляояном — Шаха. Торжественно заявив, что пришло время заставить японцев подчиниться нашей воле, русский главнокомандующий на деле подчиняется воле первого же контратакующего японского ротного командира.

Затем — критический момент всей кампании — потерянное сражение при Сандепу, сражение, в котором главнокомандующий лишил свою армию победы и которое отомстит за себя под Мукденом. Мукденский разгром — завершение всего куропаткинского полководчества, печальный его синтез.

Огромная доля ответственности лежит на Петербурге, оставившем Куропаткина шесть лишних месяцев на посту, явно превышавшем его моральные силы и военные способности. Куропаткин подлежал отчислению уже после Ляояна. На Шахэ он не выдержал переэкзаменовки, а после Сандепу сохранение Куропаткина на посту главнокомандующего было чревато более гибельными последствиями, чем подход к японцам новой армии Ноги.

По складу духа Куропаткин — яркий представитель материалистической школы,

убежденный и последовательный материалист. Он совершенно лишен интуиции полководца, лишен чуткости, органически лишен способности чувствовать пульс боя. Святая святых военного дела закрыта для него — не могущий вместить не вмещает.

Со всем этим он заботливый начальник. Всю войну, в каких бы трудных условиях войска ни находились, они были одеты, обуты и накормлены. Но не единым хлебом жив человек. Заботясь о желудках своих подчиненных, Куропаткин не обращал никакого внимания на их дух. Его неизменные приказы атаковать, но без решимости, с превосходными силами в бой не вступать действовали удручающим образом, убивали в командирах желание схватиться с врагом и победить во что бы то ни стало. Волевой паралич Куропаткина сообщался войскам, и в первую очередь войсковым начальникам.

Куропаткин, как и Мольтке, поклонялся расчету и материи, — характеризует это злосчастное полководчество Б. В. Геруа, — но в то время, как Мольтке понимал место того и другого и не мешал армии работать, Куропаткин походил на механика, боявшегося шума машины, им же самим пущенной в ход. Он косился на рычаги с надписями стоп и задний ход с занесенной над ними готовой рукой. Много зная, но плохо чувствуя пульс операций и боя, Куропаткин никогда не умел отличить важное от неважного, решающее от вспомогательного.

Генерал Куропаткин обладал лишь низшей из воинских добродетелей — личной храбростью. Храбрость может считаться достоинством лишь применительно к нижнему чину. От офицера, тем более от старшего начальника, требуется уже нечто гораздо большее. Офицер так же не смеет не быть храбрым, как не может не быть грамотным: это качество в нем подразумевается. Суворов формулировал это ясно, кратко и исчерпывающе: Рядовому — храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество. И он с Наукой Побеждать вдохнул это мужество в сердца Багратиона, Кутузова, Каменского 2-го — возвращенной им орлиной стае. Но армия Милютин не знала Науки Побеждать, и громадному большинству ее старших начальников, Куропаткину в том числе (и больше, чем другим) не хватало мужества в суворовском понятии этого слова. Отличный администратор, генерал Куропаткин совершенно не был полководцем и сознавал это. Отсюда его неуверенность в себе. Только бедность в людях заставила Ваше Величество остановить свой выбор на мне, — заявил он Государю, отправляясь в Маньчжурию. Узнав о назначении Куропаткина, М. И. Драгомиров заметил:

А кто же при нем будет Скобелевым? Эти крылатые слова как нельзя лучше характеризуют положение бывшего начальника штаба Белого Генерала.

Отсутствие интуиции имело следствием то, что Куропаткин принял в ведении стратегических операций в Маньчжурии тактический масштаб туркестанских походов. Он забывал о корпусах, интересуясь батальонами, упускал общее, увлекаясь частным, не умел отличить главного от второстепенного. Постоянно вмешиваясь по всяким пустякам в распоряжения своих подчиненных, Куропаткин распоряжался отдельными батальонами через головы войсковых начальников, передвигал охотничьи команды, орудия, разменивался на мелочи и ничего не замечал за этими мелочами. То же отсутствие интуиции и объясняет его поистине болезненную страсть к отрядной импровизации. Отрядами можно было воевать со среднеазиатскими ханами, отнюдь не с могущественной державой. В Мукденском сражении, например, отряд генерала фон дер Лауница состоял из 53 батальонов, надерганных Куропаткиным из состава 43 различных полков 16 дивизий 11 корпусов всех трех маньчжурских армий! Дальше идти было некуда, и этот один невероятный пример характеризует всю систему куропаткинского управления войсками.

Куропаткин имел благородство сознаться в своих ошибках. Покидая Маньчжурию в феврале 1906 года, он отдал правдивый и честный приказ, отлично ставивший диагноз нашему недугу.

Был разноречивой в обучении войск, недостаточная подготовленность их, ввод в бой по частям... и главное — недостаток инициативы, недостаток самостоятельности у частных начальников, недостаток боевого воодушевления у офицеров и нижних чинов, малое

стремление к подвигу, недостаток взаимной выручки у соседей, недостаточное напряжение воли от нижних чинов до старших начальников, дабы довести начатое до конца, несмотря ни на какие жертвы, слишком быстрый отказ после неудачи иногда только передовых войск от стремления к победе и вместо повторения атаки и подачи личного примера отход назад. Этот отход назад во многих случаях вместо того, чтобы вызвать у соседей увеличение усилий к восстановлению боя, служил сигналом к отступлению и соседних частей, даже не атакованных. В общем, среди младших и старших чинов не находилось достаточного числа лиц с крупным военным характером, с железными, несмотря ни на какие обстоятельства, нервами. Мы бедны выдающимися самостоятельностью, энергией, инициативой людьми. Ищите их, поощряйте, продвигайте вперед. Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, но преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и так и аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем согласиться с мнением своих начальников, выдвигались вперед...

Причины наших успехов Куропаткин суммировал следующими, делающими ему честь словами: Прежде всего виноват в этом я — ваш старший начальник.

Мы остановились столь подробно на характеристике генерала Куропаткина по двум причинам. Во-первых, она объясняет ведение Русско-Японской войны. Во-вторых, те же волевые дефекты мы встретим у главных русских деятелей Мировой войны. Полководчество Куропаткина было расплатой за бюрократию Милютина и властный обскурантизм Ванновского. Дух был угашен — и его ничто не могло возместить.

Большинство старших начальников маньчжурских армий были, подобно Куропаткину, представителями упадочной эпохи русской армии.

Генерал Линевиц — храбрый офицер кавказских войн и усмиритель Пекина — не оказался на высоте, ни командуя армией, когда не сумел ликвидировать Киузанский прорыв, ни тем более в роли главнокомандующего, упустив возможность изменить ход войны. Линевиц жаловался на преждевременность заключения мира, но не имел на это ни малейшего права. В его распоряжении, с апреля по август 1905 года, было пять месяцев, за которые он ничего не сумел предпринять — ясно, что будь ему предоставлены вторые пять месяцев, армия по-прежнему продолжала бы бездействовать на Сыпингайских позициях. Это, конечно, не был полководец, с которым русская армия могла бы выйти на победную дорогу.

Отрицательной величиной явился маньчжурский Пфуль — Харкевич посредственный историк и еще более посредственный стратег, автор удивительного плана войны под Баркляя. Генерал Каульбарс имеет право на признательность энергичным подавлением смуты. Командующим армией он был посредственным, и то же можно сказать о Бильдерлинге. Большинство командиров корпусов и начальников дивизий были бесцветны и ничем себя не проявили. Совсем слабы Случевский, Засулич, Соболев, Фок;

совершенно немыслим генерал Чичагов.

Из немногих отличившихся на первое место надо поставить генерала Гриппенберга. Он показал характер, достойный полководца. Человек с безупречной боевой репутацией, любивший свою армию и свое военное дело, он не смог вынести профанации победы. И характерным признаком упадочности той эпохи является осуждение, которое встретил поступок Гриппенберга в слишком многих военных кругах. Решительно стал на точку зрения Гриппенберга М. И. Драгомиров.

Хорошо себя зарекомендовал генерал Штакельберг. В первом своем деле при Вафангоу он был плох, но затем очень быстро выправился и при Сандепу действовал блестяще, выказав незаурядную силу воли. Яркую фигуру представлял и другой герой Сандепу — генерал Церпицкий. Следует отметить генерала Зарубаева, хорошего арьергардного начальника. Выдвинулся благодаря своему отличному начальнику штаба генералу

Мартынову командир III Сибирского корпуса Н. И. Иванов⁶⁶, человек весьма ограниченного кругозора, не имевший данных стать полководцем. В штабах трех маньчжурских армий мы встречаем генерала Эверта⁶⁷, Рузского, Флуга и М. В. Алексеева⁶⁸, а в штабе наместника генерала Жилинского, с которым нам, к сожалению, еще придется иметь дело.

Блестящую репутацию создали себе командиры полков — 18-го стрелкового полковник Юденич, 1-го Сибирского — полковник Леш⁶⁹ и 24-го Сибирского полковник Лечицкий.

* * *

Всего было мобилизовано и отправлено на Дальний Восток, считая с гарнизоном Порт-Артура, 23000 офицеров и 1 250000 нижних чинов, из коих свыше трех четвертей приняло участие в военных действиях.

Из 870000 человек, находившихся в строю маньчжурских армий, убыль составила 6593 офицера и 222 591 нижний чин. Чисто бюрократическая и ненаучная система статистики (где умершие от ран и болезней показаны в одной графе, очевидно, просто как списанные с довольствия, а раненые и больные значатся в общей графе эвакуированных) позволяет нам распределить потери по категориям лишь в круглых цифрах. Убито и умерло от ран: 1100 офицеров, 29000 нижних чинов, ранено: 4000 офицеров и 95000 нижних чинов. С гарнизоном Порт-Артура кровавые потери составят убитыми и умершими от ран:

1300 офицеров, 36000 нижних чинов; ранеными: 4000 офицеров и 119000 нижних чинов.

Бросается в глаза огромное количество исключенных за физической негодностью — 52 340 человек — четвертая часть всей убыли. Это личный состав трех дивизий или убыль от большого сражения. Людей отрывали от семьи и занятий, одевали, снаряжали, довольствовали, везли на край света и там убеждались, что они не годны к службе! Их лечили, свидетельствовали, браковали, отправляли назад. И это тогда, когда на одноколейной Сибирской дороге приходилось дорожить каждым местом. Одно довольствие этой инвалидной армии поглотило несметные деньги. Виновны воинские присутствия, небрежно относившиеся к ответственной задаче пополнения; еще более виновны центральные органы Военного ведомства, требовавшие от местных органов излишнюю спешность. Корень же зла — милютинский Устав 1874 года с его антигосударственными льготами по семейному положению и абсурдной системой жеребьевки, благодаря которым армия засорялась физически негодным элементом. Мы видели причины, по которым в строй действовавших войск были поставлены бородачи — запасные старших сроков. Продолжив срок пребывания в запасе, генерал Банковский в свое время не озаботился ввести различные категории, разряды запаса, а спешка, с которой велась мобилизация первых четырех европейских корпусов, затрудняла отбор.

При всей своей тяжеловесности и отсутствии боевого задора эти запасные долг свой перед Родиной выполнили честно. В наскоро импровизированных псевдосибирских корпусах Казанского округа, сплошь состоявших из запасных, вначале случались неустойки, но качество их по мере обстрелянности повышалось с каждым сражением. 54-я дивизия — орловские рысаки Ляояна — геройски прикрывает отступление своей армии под Мукденом.

Высокое качество личного состава русской армии в эту тяжелую годину ярко сказывается в том, что весной 1905 года из полков, оставшихся в России, отправилось на войну добровольцами 40000 солдат. Они знали, на что шли; слухи о кровавых потерях и жестоких поражениях не поколебали их сердец. Будь вместо Линевича Гурко, вместо Куропаткина — Скобелев, чего бы они не сделали с такими войсками!

Еще рельефнее сказывается доблесть войск ничтожным количеством пленных. Почти все 27000 пленных маньчжурских армий — жертвы мукденского хаоса, за который войска совершенно не ответственны (наоборот, можно лишь удивляться сравнительно незначительному числу пленных в сравнении с огромным кровавым уроном этого жестокого поражения). В десятидневном сражении на Шахэ мы потеряли 44000 убитыми и ранеными, но японцы взяли всего 500 пленных (1 процент всех потерь). В сражении при Ляояне все трофеи армии генерала Оку, лишившейся 7500 человек убитыми и ранеными, составили 13

пленных русских рядовых — какое еще нужно свидетельство героическим полкам 1-й и 9-й Сибирских дивизий?

Остальные пленные: 23000 защитников Порт-Артура — остатки сухопутного гарнизона, 5000 сахалинских вояк, 11000 моряков трех наших тихоокеанских эскадр, несколько тысяч замертво подобранных на полях сражений.

Нами потеряно в боях 158 орудий, а взято 16 (14 на Путиловской сопке, а 2 — дань, взятая с японцев за Мукденскую победу Елецким полком). Японцами взято два знаменных древка, но лент и полотнищ они не получили. Ни одного знамени нами потеряно не было.

Многочисленны и прекрасны подвиги русской пехоты. Вспомним, как заслужил свое георгиевское знамя 11-й Сибирский стрелковый полк под Тюренченом, вспомним 5-й полк, схватившийся со всей армией Оку на Цзиньчжоу, в бою, где три русских батальона пригвоздили к месту три японские дивизии на весь день. Геройский полк, помимо всей неприятельской армии, боролся еще с неприятельским флотом. О стойкость Барнаульского полка разбился порыв неприятеля при Дашичао, зарайцы под Ляояном гнали штыками японскую гвардию четыре версты без передышки... Иностранные агенты, видевшие нашу пехоту (и сами японцы), отзываются о ней с величайшим уважением.

Нашей пехоте пришлось переучиваться под огнем. Сибирские полки уже к началу ляоянских боев усвоили новую тактику, прибывающим из Европы приходилось расплачиваться за рутину в первых своих боях. Чрезвычайно вредила привычка старших начальников командовать ротами и батальонами, забывая про полки и дивизии.

Конница действовала в общем очень слабо. Она была многочисленна, но невысокого качества. Полноценными можно считать лишь три драгунских полка. Главную массу составляли казачьи полки 2-й и 3-й очереди. В зауральских казачьих войсках даже и первоочередные полки были плохо подготовлены и могли считаться, самое большее, отлично едущей пехотой. Их офицерский состав был плох, за исключением прикомандированных из регулярной кавалерии, на которых и лежала вся работа. Стратегической разведки не производилось всю войну. Иррегулярной коннице и ее начальникам не хватало порыва и готовности пожертвовать собой. При столкновении с неприятелем казаки зауральских войск всегда хватались не за шашку, а за винтовку (сказывались охотничьи инстинкты), и в результате — полное отсутствие конных дел. На это жаловался и Куропаткин: Хотя наши разведывательные отряды достигают силы в одну или несколько сотен, их зачастую останавливает десяток японских пехотинцев. Будь у казаков более воинственный дух, они атаковали бы противника в шашки. Со всем этим дух этих людей был неплох — им не хватало лишь надлежащего воспитания и хороших начальников.

То и другое они получили после войны. Деятельность забайкальцев на Западном фронте в 1914–1916 годах, подвиги сибиряков в Кавказской армии достаточно известны.

Японская конница была слаба количеством и качеством, но этим наши кавалерийские начальники совершенно не воспользовались. Среди этих последних генерал Самсонов и Ренненкампф удачно справлялись с задачей прикрытия флангов армии, хоть и не проявили себя ни одним кавалерийским делом. Что же касается артиллериста Мищенко, то деятельность его во главе конного отряда можно считать только недоразумением.

Артиллерия показала замечательную гибкость и сноровку. Вступила на войну она с новой пушкой, но с древней тактикой, характеризовавшейся прямой наводкой с открытых позиций. Кровавый опыт Тюренчена и Вафангоу был немедленно же использован нашими артиллеристами, не ждавших указаний сверху, и в третьем бою — при Даши-чао — наша артиллерия наводила по углу меру с закрытых позиций и действовала этим новым для себя способом столь блестяще, что 76 орудий нашего I Сибирского корпуса справились со 186 японскими. Блестящие действия дивизиона полковника Слюсаренко под Ляояном также достаточно известны. Эта новая тактика артиллерии вначале встретила противодействие многих старших войсковых начальников, находившихся во власти рутины и не понимавших требований новой боевой обстановки. Прибывшие из России I, VIII армейские, V и VI

Сибирские корпуса имели артиллерийские бригады Варшавского и Виленского

округов, чем приведены были в расстройство наши западные пограничные корпуса. Невольно возникает вопрос: не лучше ли было послать на Дальний Восток эти наши пограничные корпуса, хорошо обученные и содержавшиеся в усиленном составе? От них была отобрана артиллерия, и они в таком виде все равно не могли принести пользы на германской границе.

В упрек артиллеристам следует поставить их слабое знакомство с общей тактикой и требованиями пехоты, слишком часто жаловавшейся на недостаточную поддержку, а то и неподдержку ее усилий артиллерией. Этим дефектам способствовала как архаическая организация (командиры артиллерийских бригад подчинялись не начальникам дивизий, а начальникам артиллерии корпуса), так и упомянутые тактические пробелы. В строю артиллерии не было офицеров Генерального штаба. Окончившие Николаевскую академию Генерального штаба пешие артиллеристы зачислялись по пехоте, конные — по кавалерии. Очень немногие из них получали затем артиллерийские бригады, в батареях же и в дивизионах не было таким образом офицеров с высшим тактическим образованием. Прибавим к этому старую неприязнь, которую артиллеристы питали к Генеральному штабу, неприязнь, еще усилившуюся после упразднения преимуществ ученого канта.

Роль инженерных войск в общем была незначительной. Полевой устав 1901 года, составленный при ближайшем участии М. И. Драгомирова и отводивший подобающую роль наступлению и частному почину, не успел привиться войскам. Многочисленные временные уставы и наставления 80-х и 90-х годов не давали командирам никакой руководящей идеи. При таком недостатке тактического обучения особенно важным являлся вопрос тактического воспитания. Офицерский же наш состав — до старших начальников включительно — был со школьной скамьи воспитан на примерах пассивной доблести защитников Севастополя и Шипки. В напряженной боевой обстановке эти вошедшие в плоть и кровь подсознательные рефлексy пересиливали поверхностно усвоенный устав. Откуда — всегдашний отказ от инициативы в критический момент боя, упущение золотых возможностей, безнадежное стоять до конца, обороняться до последнего патрона в тех случаях, когда надлежало схватить уже поколебленного врага за горло, смести все перед собою неистовым движением вперед.

* * *

Японцы были противником высокодоблестным. Традиция, воспитание, весь уклад жизни их народа были направлены к развитию пламенной любви к родине, готовности, не задумываясь, отдать свою жизнь для ее величия. Высокий уровень народного образования делал патриотизм осмысленным, а военное обучение легким. Система воинского воспитания была направлена к закаливанию воли, развитию энергии, культивированию широкой инициативы. Тут сказалось прусско-германское влияние.

Подобно России за два столетия до того, Япония заимствовала западную цивилизацию. Однако Мутсухито не повторил роковой ошибки Петра I. Он бережно отнесся к духовному лику своего народа, его самобытности, его древним обычаям и не насиловал его души слепым и варварским поклонением всему иностранному. Взяв от Европы цивилизацию, японцы сохранили свою культуру. Они ревниво отстаивали свое японское естество, свою духовную цельность и не уродовали их на голландский, французский или немецкий образец. В этом отношении преобразователя Японии следует поставить выше полтавского победителя.

Японская армия, как мы видели, была воспитана на германских образцах, восприняв как хорошие стороны мужественных германских доктрин, так и отрицательные, в том числе — предвзятость. Японцы исходили из двух софизмов: невысокого качества русских войск (изучая предыдущие войны России через германские очки) и малочисленности их (нелепая предпосылка: Русская армия в семь раз сильнее, но на театре войны силы будут равны). За первый из них они поплатились кровавыми потерями — 225000 убитыми и ранеными, за второй едва не поплатились проигрышем войны. Все их выкладки оказались никуда негодными — в исчислении сил противника японский Генеральный штаб просчитался в начале войны вдвое, а затем и втрое. Вместо одной дивизии в месяц русские могли подвозить

три. Превосходство в силах с первого дня войны и до последнего было на русской стороне и в конце войны стало двойным. Японцы не избежали бы разгрома, находишься во главе русской армии вместо папаши Линевиича полководец, достойный ее.

Японскую стратегию нельзя признать выдающейся. Она излишне осторожна и обнаруживает склонность уступать тактическим расчетам. Маршал Ойяма не сумел ни разу сосредоточить главные силы на главном направлении. В результате слабая армия Куроки вынуждена оставаться пассивной зрительницей отступления русских от Ляояна, не будучи в силах перехватить его. Совершенно так же полгода спустя замрет на подступах к Мукдену недостаточно сильная ударная армия генерала Ноги.

Из всех японских военачальников на первое место надо поставить Куроки, самое имя которого стало угнетать несчастного Куропаткина. Куроки порадовал Японию первой победой при Тюренчене, сыграл главную роль при Ляояне, а Киузанским своим прорывом решил генеральное сражение всей войны. Он обнаружил отличный стратегический глазомер.

Войска были превосходны, и от них можно было требовать сверхчеловеческих усилий. При Ляояне бригада Окасаки ринулась на два наших корпуса, зная, что подкреплений ждать неоткуда. О бригаде Намбу под Мукденом мы уже упоминали. В огневом аду Порт-Артура полки генерала Ноги сводились в роты, роты — в отделения, и уцелевшие кучки все с тем же энтузиазмом шли на верную смерть. Японские командиры считали вопросом чести справиться с врагом без помощи подкреплений, являя разительный контраст с иначе воспитанными русскими военачальниками, которые зывали о подкреплениях, не успев еще завязать боя.

Отношение японцев к русскому противнику часто можно назвать рыцарским. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры неизменно встречаются фразы: тела убитых русских воинов погребены со всеми почестями, русские офицеры преданы земле с отдаванием особых почестей. Вспоминаются германцы, выставившие на поругание трупы раздетых догола преображенцев в Виленских боях 1915 года. Гамильтон был свидетелем искреннего восторга офицеров штаба Куроки при виде удачной хитрости одной из русских батарей (в ляоянских боях). Европейцы или американцы рассердились бы, — замечает он. Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне, — говорили японцы порт-артурцам. — Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!

Благодаря плохому управлению победа не увенчала знамен маньчжурских армий. Но безграничная доброта Императора Николая Александровича вознаградила героизм и самоотвержение войск многочисленными боевыми наградами.

БЫЛИ ПОЖАЛОВАНЫ ОТЛИЧИЯ В СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛКИ:

9-й пехотный Староингерманландский полк — знаки на шапки за отличие 1904 1905 гг.;

33-й пехотный Елецкий полк — поход за отличие;

34-й пехотный Севский полк — георгиевские петлицы (имел за 1877–1878 гг.);

35-й пехотный Брянский полк — поход за отличие;

36-й пехотный Орловский полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.;

53-й пехотный Волынский и 54-й пехотный Минский полки — георгиевские трубы за Мукден (имели за Зимницу и Шипку);

56-й пехотный Житомирский полк — георгиевские трубы за Мукден;

57-й пехотный Модлинский, 58-й пехотный Прагский и 59-й пехотный Люблинский полки — знаки на шапки за Мукден;

60-й пехотный Замосцкий полк — георгиевские трубы за Мукден;

85-й пехотный Выборгский полк — георгиевское знамя за Туилинский перевал (Мукден);

86-й пехотный Вильманстрайдский полк — знаки на шапки за отличие 1904 1905 гг.;

87-й пехотный Нейшлотский полк — знаки на шапки за взятие Сопки с деревом;

88-й пехотный Петровский полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.;

97-й пехотный Лифляндский полк — георгиевские трубы за Юхуантун;

- 98-й пехотный Юрьевский полк — георгиевские петлицы за отличие 1904–1905 гг.;
- 99-й пехотный Ивангородский и 100-й пехотный Островский полки — поход за отличие 1904–1905 гг.;
- 121-й пехотный Пензенский и 122-й пехотный Тамбовский полки — поход за отличие 1904–1905 гг.;
- 124-й пехотный Воронежский полк — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
- 138-й пехотный Болховской полк — георгиевские трубы за отличие 1904–1905 гг. (имел за 1877–1878 гг.);
- 139-й пехотный Моршанский полк — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имел за 1877–1878 гг.);
- 140-й пехотный Зарайский полк — георгиевские трубы за отличие 1904–1905 гг.;
- 145-й пехотный Новочеркасский полк — знаки на шапки за Шахэ;
- 146-й пехотный Царицынский полк — знаки на шапки за Гаудулинский перевал;
- 147-й пехотный Самарский полк — знаки на шапки за Цуанвайче (Мукден);
- 148-й пехотный Каспийский полк — знаки на шапки за Шахэ;
- 161-й пехотный Александропольский полк — георгиевский рожок за отличие 1904–1905 гг.;
- 162-й пехотный Ахалцыхский полк — поход за отличие 1904–1905 гг.;
- 195-й пехотный Оровайский и 196-й пехотный Инсарский полки — знаки на шапки за 1904–1905 гг. Многочисленные резервные части, получившие отличия за 1904–1905 гг. и расформированные в 1910 г., передали их образованным из их состава либо укомплектованным ими полками 47-й, 48-й пехотной и 11-й Сибирской стрелковой дивизий.
- Стрелковые:
- 1-й стрелковый полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.;
- 4-й стрелковый полк — знаки на шапки за Мукден и отличие 1904–1905 гг. (имел за 1855 г.);
- 6-й стрелковый полк — георгиевское знамя за отличие 1904–1905 гг. — о награждении этого доблестного полка особенно ходатайствовал маршал Куроки;
- 7-й стрелковый полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.;
- 17-й и 20-6 стрелковые полки — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.;
- 18-й стрелковый полк — знаки на шапки за Янсытунь (Мукден).
- Сибирские стрелковые полки:
- 1-й Его Величества Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Мукден, георгиевский рожок за Ляоян;
- 2-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Ляоян, Хейгоутай, Мукден;
- 3-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Ляоян и Сандепу;
- 4-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Ляоян, Шахэ и Сандепу;
- 5-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Цзикьчжоу и Порт-Артур, георгиевские трубы за Высокую гору, георгиевские рожки за Порт-Артур;
- 7-й Сибирский стрелковый полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имел за Бейтан 1900 г.);
- 9-й Сибирский стрелковый полк — знаки на шапки за Бенсиху (Шахэ), Мукден и отличие 1904–1905 гг.;
- 10-й Сибирский стрелковый полк — знаки на шапки за Ляоян, Бенсиху, Мукден и отличие 1904–1905 гг.;
- 11-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Тюренчен, Ляоян и Мукден, знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имел за Дашичао в 1900 г.);
- 12-й Сибирский стрелковый полк — знаки на шапки за Тюренчен и Ляоян;
- 13-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Угловую гору в августе и отбитие штурмов в декабре при доблестной защите Порт-Артура, георгиевские трубы за отбитие штурмов на Китайскую стенку в августе;
- 14-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Юпилазу. Зеленые горы и

отбитие ноябрьских штурмов Порт-Артура, георгиевские трубы за отбитие штурмов на Восточном фронте в августе;

15-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за отбитие штурмов в октябре и ноябре при доблестной защите Порт-Артура, георгиевские трубы за отбитие штурмов в августе;

16-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Зеленые горы и отбитие ноябрьских штурмов, георгиевские трубы за отбитие штурмов Порт-Артура в августе;

17-й Сибирский стрелковый и 18-й Сибирский стрелковый полки — георгиевское знамя за отличие 1904–1905 гг.;

19-й Сибирский стрелковый и 20-й Сибирский стрелковый полки — георгиевское знамя за отличие на Шахэ;

21-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Янзелин, Ляоян, Бенсиху, январские и февральские бои в 1905 г.;

22-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Бенсиху;

23-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Ляоян и Мукден;

24-й Сибирский стрелковый полк — георгиевское знамя за Модулинский перевал, Ляоян и Мукден;

25-й Сибирский стрелковый, 26-й Сибирский стрелковый, 27-й Сибирский стрелковый и 28-й Сибирский стрелковый полки — георгиевские знамена и знаки на шапки за доблестную защиту Порт-Артура;

33-й Сибирский стрелковый, 34-й Сибирский стрелковый, 35-й Сибирский стрелковый и 36-й Сибирский стрелковый полки — георгиевские знамена за Ляоян, Шахэ и Мукден.

Пластунские батальоны: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й — знаки на шапки за отличие в 1905 г.;

Приморский драгунский полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имел за 1900 г.);

17-й гусарский Черниговский и 18-й гусарский Нежинский полки георгиевские трубы за отличие 1904–1905 гг.;

Донские казачьи полки — 24-й, 25-й, 26-й и 27-й — знаки на шапки за отличие в 1904–1905 гг. Забайкальские казачьи полки:

1-й казачий Верхнеудинский полк — георгиевское знамя за 1904–1905 гг., георгиевские трубы за Порт-Артур (имел за Тянь Цзинь и Пекин);

2-й казачий Верхнеудинский полк — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;

1-й и 2-й казачий Читинские полки — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;

1-й казачий Нерчинский полк — знаки на шапки за поход в Корею в марте 1904 г.;

2-й казачий Нерчинский полк — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;

1-й и 2-й казачий Аргунские полки — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;

Амурский казачий полк — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;

Амурский казачий дивизион — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имел за 1900 г.);

1-й конный Заамурский полк — георгиевский штандарт за Вафангоу 17 мая 1904 г. Оренбургские казачьи полки:

1-й — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имел за Хиву и Геок-Тепе);

11-й и 12-й полки — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг.

Кубанские казачьи полки:

1-й казачий Уманский полк — знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имел за 1854 г. и Западный Кавказ 1864 г.);

1-й казачий Екатерине дарский полк — знаки на шапки за отличие в Маньчжурии 1905 г. (имел за Западный Кавказ 1864 г.). Артиллерийские бригады:

3-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за 1812 г., Варшаву в 1831 г. и за Плевну, Ловчу и Балканы в 1877–1878 гг.);

6-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за Варшаву в 1831 г.);

- 7-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за 1854 г.);
 - 9-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Ляоян и Сихэян (имела за Шипку);
 - 25-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Мукден;
 - 26-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за 1877–1878 гг.);
 - 28-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Мукден и отличие 1904 1905 гг.;
 - 29-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за Мукден;
 - 31-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за Плевну и Никополь);
 - 35-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 40-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за 1877–1878 гг.);
 - 41-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Мукден (имела за 1877–1878 гг.);
 - 43-я и 45-я артиллерийские бригады — знаки на шапки за 1904–1905 гг.
- Сибирские артиллерийские бригады:
- 1-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за отличие 1904–1905 гг. (имела за отличие в 1900–1901 гг. и за взятие Хунчуна);
 - 2-я артиллерийская бригада — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за Благовещенск и отличие в 1900–1901 гг.);
 - 3-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за 1904–1905 гг. (имела за Тянь Цзинь и Пекин и отличие 1900 г.), знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 4-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за доблестную защиту Порт-Артура, знаки на шапки за 'то же (имела за Хинган и отличие 1900 г.);
 - 5-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1904 1905 гг.;
 - 6-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы за Тюренчен, Ляоян, Гаудулинский перевал, Кандалисан (Мукден) и знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 7-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за доблестную защиту Порт-Артура;
 - 9-я артиллерийская бригада — георгиевские трубы и знаки на шапки за 1904 1905 гг., знаки на шапки за Дашичао;
- 1-й стрелковый артиллерийский дивизион — знаки на шапки за 1904–1905 гг.
- Забайкальские казачьи батареи:
- 1-я батарея — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 2-я батарея — георгиевские трубы за Бейдалинский перевал (Мукден);
 - 3-я и 4-я батареи — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 1-я Кубанская казачья батарея — знаки на шапки за 1904–1905 гг. (имела за Западный Кавказ 1864 г.).
- Саперные батальоны:
- 1-й саперный батальон — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 6-й саперный батальон — поход за отличие 1904–1905 гг.;
 - 12-й саперный батальон — знаки на шапки за Мукден;
 - 16-й саперный батальон — знаки на шапки за 1905 г.;
 - 17-й саперный батальон — георгиевские рожки за 1904–1905 гг.
- Сибирские саперные батальоны:
- 1-й и 5-й саперные батальоны — знаки на шапки за 1904–1905 гг.;
 - 6-й саперный батальон — георгиевские рожки за 1904–1905 гг.;
- Сибирские понтонные батальоны:
- 1-й, 2-й и 3-й понтонные батальоны — знаки на шапки за 1904–1905 гг.
- Генерал Куропаткин злоупотреблял предоставленными ему правами расточительной раздачей знаков отличия. Владимир с бантом стал как бы принадлежностью мундира у штабных чинов. Анненское оружие служило лишь распознаванием офицеров, бывавших под

огнем, от офицеров, в огне не бывавших (его стали презрительно именовать клюквой).

Золотое оружие, наименованное Георгиевским, жаловалось лишь с немного большей разборчивостью.

Напомним, что золотое оружие стало жаловаться еще Екатериной, статут же свой получило только с 1807 года. Первым кавалером — за Задунайский поход был в 1774 году князь Прозоровский, впоследствии фельдмаршал. Всего при Екатерине было 117 кавалеров. При Павле золотое оружие не жаловалось, а при Александре I оно сделалось весьма распространенной наградой. В 1806 году оно пожаловано 59 лицам, в 1807 — 31. По введении статута было награждено в 1808 году — 240, в 1809 — 47, в 1810 (кампания Каменского) — 92, в 1811 (кампания нелюбимого Государем Кутузова) — 19. В 1812 году оно пожаловано 241 офицеру, в 1813 — 436, в 1814 — 249, в 1815 — 108. Ермолов поставил значение золотого оружия очень высоко. За все его славное главнокомандование на Кавказе было всего 20 золотых сабель. С Паскевичем начался золотой дождь: за Персидскую и Турецкую войны (с балканскими походами) 1826–1829 годов — 349 кавалеров, за 1830–1831 годы (Польская кампания и добавочные за предыдущие) — 341, в полтора раза больше, чем за Отечественную войну! На Кавказе жаловали с большим разбором — в среднем около 15 за кампанию, причем в кампании 1831, 1832 (несмотря на Гимры) и 1849 годов вообще золотого оружия не было дано. Всего с 1831 по 1854 годы выдано 229 сабель, а с 1856 по 1864 годы (Барятинский, великий князь Михаил Николаевич) — уже 273. За Венгерский поход пожалована 121 награда (!), за Восточную войну — 456, за туркестанские походы — 61, текинские — 50, за Кушку — 3. За Турецкую войну 1877–1878 годов пожаловано 500 сабель (22 с алмазами), за Китайскую войну 1900–1901 годов — 48 и, наконец, за Японскую — 610 (7 с алмазами).

Подавление смуты

1905 и 1906 годы — годы первой русской смуты — составили тяжелую эпоху для русской армии. Ей пришлось выдержать напряженную борьбу на внутреннем фронте и спасти свою Родину, обратив на себя всю ярость и ненависть ослепленной интеллектуальной черни.

Особенно тяжелой была служба гвардии в кипевшем котлом Петербурге, где в январе 1905 года удалось при минимальном кровопролитии подавить чрезвычайно опасный бунт.

Памятным осталось и усмирение Кронштадта зимой с 1905 на 1906 год. Беспорядки 9 января 1905 года были спровоцированы расстригой Гапоном⁷⁰. Было убито и ранено около 30 человек⁷¹. Русская революционная общественность подняла невероятную агитацию во всех странах мира против кровавого царизма. Отметим, что в 1920 году в демократическо-парламентской Англии при подавлении (пулеметами и танками) рабочих беспорядков в Манчестере было перебито свыше 200 человек, и никто не кричал о зверствах. В феврале 1934 года при расстреле манифестаций бывших участников войны в Париже было убито и ранено около 800 человек, но ни один француз не унизился до агитации против своей страны за границей.

Но самое выдающееся участие в преодолении смуты принял Лейб-Гвардии Семеновский полк энергичного генерала Мина, подавивший грозное московское восстание — знаменитый Пресненский бунт в декабре 1905 года. Чтобы иметь понятие об угрожавшей России опасности, надо знать, что московское восстание было организовано Всероссийским советом рабочих депутатов (Хрусталева-Носарь и Бронштейн-Троцкий), партией большевиков. Отсюда начинается история Красной Армии, основанием которой явились разгромленные Мином и ушедшие в подполье дружины боевиков.

По всем городам России прокатилась волна фабричных и железнодорожных забастовок, повсюду в деревнях начались аграрные беспорядки. Осенние ночи 1905 года озарились факелами горевших помещичьих усадеб и экономии на всем протяжении от Балтийского моря до Волги. И всюду дорогу анархии и начинавшемуся развалу заступали верные своему долгу императорские войска. Бунты латышей Прибалтийского края, лодзинские беспорядки, восстание Свеаборга, черноморские бесчинства были жестокими

ударами по ослабевшему организму России, но этот организм был еще, к счастью, прикрыт стальной кольчугой. Генерал Каульбарс усмирив юг России, адмирал Чухнин удержал Черноморский флот, заплатив за это жизнью. В Сибири анархия (бунты запасных, железнодорожные стачки, проявление сепаратизма) была прекращена энергичными действиями шедших друг другу навстречу генерала Меллер-Закомельского⁷² и Ренненкампа.

Осиным гнездом всей России в эти смутные годы явился Кавказ. Несколько недель (декабрь 1905 года, январь 1906 года) там шла настоящая война. Пяти дивизий округа оказалось недостаточно, и из Киева спешно была туда переброшена 33-я пехотная дивизия. Пограничный Киевский округ остался почти совсем без войск. Большевицкая пропаганда имела огромный успех среди грузинского и армянского населения. Тут же разгорались и сепаратистские стремления, а целые уезды и губернии терроризировались шайками экспроприаторов. Среди особенно предприимчивых экспроприаторов отметим Джугашвили-Сталина⁷³ и Валлаха-Литвинова⁷⁴. Положение здесь оставалось напряженным до конца 1907 года.

В эти тяжелые годы сотни русских офицеров и солдат, тысячи стражников, жандармов и полицейских запечатлели своей кровью и страданиями верность Царю и преданность Родине, которую уже зацепил было крылом красный дракон. Воспитанные в великой школе Русской Армии, они ясным своим взором видели то, чего не дано было видеть ослепленной русской общественности. Одинокие на геройском своем посту, эти люди спасали свою страну, свой народ, спасали тем самым и озлобленную общественность — спасали ее физически и за это не получали иной благодарности, как эпитеты палачей народа, кровопийц и нагаечников. Громкими и негодующими протестами встречала русская общественность смертные приговоры, выносившиеся военно-полевыми судами террористам, экспроприаторам и захваченным с оружием в руках боевикам. Не могу молчать! Льва Толстого прогремело на всю Россию. Великий яснополянский лицемер тем не менее отлично примирялся с нарядом стражников при боевых патронах, охранявших его поместья от экспроприаторов.

Считая своим отечеством вселенную, русская передовая общественность не дорожила своей государственностью, более того — ненавидела ее и всю свою страстную ненависть переносила на защитников этой государственности — на палачей народа, ставивших интересы своей страны выше своих личных. Этого последнего чувства русская радикальная интеллигенция, воспитанная на эгоизме и партийности, оказалась органически неспособной воспринять. Чрезвычайно высоко расценивая себя, она с презрением и ненавистью относилась ко всем, не разделявшим ее партийной окраски, — в отношении этих все было дозволено, их кровь можно было проливать в любом количестве. Десяток казненных террористов были светлыми личностями. Тысяча же мужчин, женщин и детей, разорванных их бомбами, никакой человеческой ценности в ее просвещенных глазах не представляла. В лучшем случае, это была только чернь, как передовая интеллигенция неукоснительно называла русский народ всякий раз, когда он не разделял ее взглядов. 9 января 1905 года было убито и ранено тридцать манифестантов — и этот день был наименован кровавым воскресением. В февральские и мартовские дни 1917 года было растерзано пять тысяч⁷⁵ — и революция была наименована бескровной. Ни арифметика, ни логика не помогут нам разобраться в этих эпитетах, но мы прекрасно их поймем, когда увидим, что кровь в этих случаях была разная: эта кровь была священна, ту можно было проливать, как воду...

В годы, предшествовавшие взрыву 1905 года, а особенно в смутный период 1905–1907 годов, революционерами было затрачено много усилий на пропаганду в армии и флоте:

подбрасывались прокламации, организовывались ячейки. Усилия эти лишь в немногих случаях увенчались успехом. Так, например, в одном гвардейском полку взбунтовался батальон. В одной из самых лучших дивизий российской пехоты, стоявшей на Кавказе, обнаружилось ячейки террористов — тут были убиты командиры двух полков и восемь офицеров в одном из них. Следует отметить случайный, чисто наносной характер этих

инцидентов. Дивизия славилась своей доблестью в минувшие войны и блестяще действовала затем в Мировую войну. Все остальные сколько-нибудь кровавые беспорядки происходили в частях, возвращавшихся с Дальнего Востока, — зачинщиками их были запасные. Авторитет офицера был еще слишком высок, чтобы его могла поколебать агитация проходимцев со стороны. Бунтовали, главным образом, запасные, отвыкшие от строя. Брожение сказывалось сильнее во флотских экипажах, отчасти благодаря особенностям тяжелой морской службы, а также благодаря отсутствию лучшей части офицерского состава, бывшей на Дальнем Востоке.

При комплектовании армии не обращалось никакого внимания на политическую благонадежность призываемых. В казармы сплошь да рядом попадал таким образом вредный элемент, правда, в очень небольших количествах. Триединный лозунг за Веру, Царя и Отечество по-прежнему вдохновлял как офицерский корпус, так и огромное большинство солдатской массы. Его, однако, надо было развить в стройную систему государственного учения — в противовес столь разработанным антигосударственным теориям.

В войсках существовала солдатская словесность, но не было заведено словесности офицерской. Между тем роль офицера в стране чрезвычайно возросла с введением всеобщей воинской повинности — и чем дальше, тем росла все больше. Офицер был главной опорой русской государственности, живым воплощением русской совести. Его надо было ориентировать политически, не оставлять его в потемках. Офицерская работа — это работа в первую очередь миссионерская. Духовенство учреждало миссионерские курсы для подготовки борцов с неверием и сектантством. Такие же курсы, но политического характера, надлежало учредить для офицеров. Этого сделано не было — и в 1917 году русское офицерство, политически не ориентированное и вследствие этого растерявшееся, не сумело овладеть положением. Сплочение воедино и политическая ориентировка офицерского корпуса стала насущнейшей из всех задач. Однако правительство эту задачу проглядело и не сумело сделать ни одного вывода из грозного предупреждения, данного ему в 1905 году.

Глава XIV. От Портсмута до Сараева

Внутренняя политика России во вторую половину царствования императора Николая II. Подробное исследование явлений внутренней и внешней политики Российской Империи и их причин завело бы нас слишком далеко за рамки настоящей работы. Мы вынуждены ограничиться поэтому только кратким их синтезом за период от Портсмутского мира до Сараевского взрыва. За отправную точку этого периода между двух войн следует принять манифест 17 октября 1905 года о народном представительстве, исторгнутый у Императора Николая II новопожалованным (за Портсмут) графом Витте и великим князем Николаем Николаевичем. Это народное представительство воплотилось весной следующего, 1906 года в Государственной думе, избранной не по профессионально-деловому признаку, а по партийно-политическому, подобно существовавшим в то время в Европе парламентам, где несколько десятков идеологов — большей частью профессоров и адвокатов — имели претензию представлять десятки миллионов земледельцев и ремесленников.

Эта первая Дума собралась в апреле 1906 года, но оказалась настолько анархической, антигосударственно настроенной, что ее пришлось в спешном порядке распустить. Члены распущенной Думы собрались в Выборге и оттуда обратились к русскому народу с воззванием не давать рекрутов, не платить налогов и не выполнять правительственных распоряжений, то есть призывом к гражданской войне. Позорного выборгского воззвания постыдился бы всякий европейский парламентарий. Столь же русофобской и антигосударственной оказалась и вторая Дума 1907 года. Лишь в 1908 году⁷⁶, когда революционный угар начал идти на убыль, удалось избрать сколько-нибудь государственно мыслящую третью Думу, уступившую в 1912 году место четвертой. На этом опыт русского парламентаризма и закончился — пятой Думы так и не было.

Дума выдвинула много хороших ораторов, но ни одного государственного человека. Участие ее в управлении государством было очень ограниченным. Правительство продолжало комплектоваться представителями сановного мира и не было ответственно перед Думой. Эта последняя превратилась, таким образом, как бы в огромный клуб всероссийской оппозиции, по камертону которого шло почти что целиком все русское общество.

О настроениях русского общества мы уже упоминали. Жестокая его война с правительством, которая, собственно, и составляла все содержание внутренней политики России, чрезвычайно обострилась на рубеже 90-х и 900-х годов. Очагами и цитаделями борьбы общества, борьбы антиправительственной по форме, антигосударственной по существу, стали университеты и земства. Установка их в период, предшествовавший вспышке 1905 года, была радикально-демократической чем дальше, тем все более с революционным оттенком. К этим двум очагам прибавился третий — фабрично-заводской. Требования рабочих, добивавшихся элементарной социальной справедливости, носили вначале чисто профессиональный характер, чуждый всякой политики. Но Императорское правительство, испытывавшее какой-то слепой страх перед социалом, усмотрело в этом только крамолу. Оно отбросило русский рабочий класс в стан проповедников марксизма, и он вступил на путь революционно-социалистический. Это было едва ли не самой большой ошибкой правительства Императора Николая II. Русские рабочие составили самую активную, сплоченную и озлобленную из оппозиционных групп.

Основоположником русского марксизма был социолог Петр Струве⁷⁷. Он перевел на русский язык (в 1898 году) Коммунистический манифест и положил начало Всероссийской коммунистической партии, мечтая выварить русского мужичка в фабричном котле и превратить Россию в одну большую коллективистическую фабрику. Упомянутая ВКП вначале именовалась Российской социал-демократической рабочей партией, но на партийном съезде в Лондоне в 1903 году произошло ее разделение на меньшевиков и большевиков. Меньшевики — сторонники малой программы⁷⁸ (минимальной) и эволюционного метода. Большевики — сторонники большой программы (максимальной — откуда их название также максималисты), интегрального марксизма и насильственного революционного метода. Меньшевиков возглавил Плеханов⁷⁹, большевиков — ученик Струве Владимир Ульянов-Ленин⁸⁰.

Струве сперва лавировал между этими двумя течениями, затем в 1904–1905 годах издавал в Германии пораженческую газету Освобождение, где писал гнуснейшие небылицы про русскую армию (соблюдая традиции). В то время, как рабочий класс подвергался обработке марксистов, умеренных или интегральных, крестьянская масса обрабатывалась социал-революционерами, преемниками народовольцев 60-х и 70-х годов. Аграрная программа социал-революционеров была построена на использовании исконной ненависти крестьянина к помещику. Политическая программа их проповедовала индивидуальный террор как способ воздействия на власть, причем, в отличие от интернационалистов социал-демократов, они не чуждались известной национальной установки. В земствах влияние социал-революционеров было довольно ощутительным. Но основной тон там давали умеренно-либеральные течения, воплотившиеся в партию народной свободы, или конституционно-демократическую. Партии социал-революционеров и социал-демократов, как антигосударственные, были запрещены. Их представители попали в Думу под защитным цветом трудовиков⁸¹.

Серьезных политических группировок справа в государственно мыслящих и национально настроенных кругах не существовало. Единственной попыткой динамизма справа было создание Союза русского народа. Основателям его, к сожалению, не хватало научной разработки и государственной диалектики. Движение поэтому не получило политического значения и сошло на нет, выродившись в хулиганство. Подводя итог русской либерально-революционной общественности, мы можем ее политические методы характеризовать партийностью и доктринерством.

Партия и партийная программа представляла для нее святую святых. Русский общественник — все равно конституционно-демократ, социал-революционер, социал-демократ или большевик — твердо верил в непогрешимость своих партийных догматов. Вне партии для него ничего не существовало. Не партия служила интересам страны, а страна должна была служить интересам партии. Если программа расходилась со здравым смыслом и требованиями жизни, то виноват был здравый смысл и требования жизни. Партийная же программа при всех обстоятельствах оставалась непогрешимой. Доктринерство общественности вытекало из ее неопытности в государственном строительстве. Все свои познания в этой области она черпала из иностранной парламентской практики, наивно считая западноевропейский парламентаризм верхом совершенства и мечтая подогнать под те же образцы и Россию. И лишь много лет спустя, уже оказавшись во всероссийской эмиграции, один из этих мечтателей, Керенский, имел мужество признать, что той волшебной, передовой, добродетельной Европы, которую создала в своих восторженных мечтаниях русская передовая общественность, на самом деле никогда не существовало. Мираж рассеялся, однако, слишком поздно.

Во всеоружии своих теоретических познаний передовая русская общественность сгорала властолюбием. Она рвалась к власти на смену отживающему самодержавию, дабы применить эти теории на деле. Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в возможности и даже легкости управления громадной страной по самоучителю, к тому же заграничному.

Урок 1905 года прошел бесследно для правительства. Паническая его растерянность сменилась излишней самоуверенностью. Победив благодаря армии революцию, правительство было убеждено, что революция никогда не повторится. Все его помыслы были поэтому направлены не на плодотворные преобразования, а на мелочную борьбу с общественностью. Отсюда десятилетняя война правительства с Думой, война, закончившаяся трагической гибелью обеих сторон и погубившая вместе с ними прекрасную, пусть и несовершенную. Петровскую Империю.

В глазах страны правительство само представляло общественности как бы монополию на прогресс. Полное его бездействие в социальной области истолковывалось как бессилие и неспособность. Правительству надо было не дрожать перед социалом и не считать его крамолой, а смело овладеть им, провести широкую в государственном масштабе реформу как в области рабоче-профессионального, так и аграрно-крестьянского законодательства.

Ничего в этом смысле сделано не было. В области рабоче-профессиональной деятельность правительства выразилась нулем. В области аграрной политики дело ограничилось выделением желающих на отруба — половинчатой реформой, предпринятой кабинетом Столыпина⁸² (отчасти против воли самого Столыпина). Эту столыпинскую реформу следует считать скорее отрицательным явлением: она чрезвычайно обострила социальную рознь русской деревни. Со всем этим отруба и вообще забота о крестьянстве были значительным шагом вперед в сравнении с чисто меркантильными воззрениями предшественника Столыпина Витте, смотревшего на русское крестьянство лишь как на материал для образования фабрично-заводского пролетариата.

Вместе с тем реформа подчеркнула антагонизм элементов кулацкого и бедняцкого. На использовании этого антагонизма была построена затем вся советская аграрная политика в период, предшествовавший сплошной коллективизации. Раскрепощение крестьянства от ига общины должно было быть не частичным, а всеобщим. Ему же должно было предшествовать моральное оздоровление деревни. Для этого морального оздоровления необходимо было прежде всего повысить роль сельского духовенства и народного учительства (прозябавших первое — на доброхотные подаяния, второе — на копеечное жалование). То и другое должно было занять подобающие места в строительстве государства. Вместо этого духовенство низведено было правительством на степень приживальщиков государства, а учительство сознательно оттолкнуто в стан врагов государства. Отрубная реформа была проведена не с того конца.

Столыпин был убит в 1911 году. Человек весьма умный и очень волевой, он все же не являлся таким государственным гением, как многие желали его потом представить. Со всем этим в его лице Император Николай Александрович лишился единственного способного к творчеству государственного деятеля. Убитого Столыпина заменил Коковцев⁸³, управлявший до того финансами страны, посредственный политик. Всю свою политику Коковцев строил на двух китах бросовом экспорте и внешних займах. Дампинг вел за собой обнищание, внешние займы отдавали Россию в политическую и военную кабалу. Вместе с тем это была линия наименьшего сопротивления, которая вела к блестящему, пусть и чисто внешнему, показному благополучию.

Это показное благополучие — в частности, гигантский рост добывающей промышленности и экспорта — должно было чрезвычайно импонировать французским держателям русских ценностей, совершенно не замечавших обратной (и главной, потому что политической) стороны этой позолоченной экономики. Русским сахаром — по 2 копейки за фунт — откармливали в Англии свиней (и сбывали потом в Россию, но уже на вес золота, йоркширскую ветчину). В то же время в России сахар стоил 10–15 копеек фунт. Для огромного большинства русских детей он был недоступной роскошью, и дети эти росли рахитиками. Из русского зерна, скупаемого за бесценок, варилось в Мюнхене превосходное пиво, но Поволжье пухло с голоду (например, в 1911–1912 годах). Эти два примера позволяют оценить по достоинству все небывалое экономическое благополучие Витте и Коковцова.

Историк очень скептически отнесется к эпохе небывалого экономического расцвета России. Этот небывалый расцвет был построен на песке и ни на чем реальном не основан. Он не отвечал ни экономическому благосостоянию населения, ни — самое главное — политическому положению страны. Экономика — дочь Политики, Политике принадлежит главная роль. Хорошая экономика при плохой политике — лишь опасный мираж. И лишним доказательством этого основного государственного закона — подчинение экономических явлений явлениям политическим — служит упомянутый небывалый экономический расцвет. Он исчез бесследно, рассеялся, как мираж (каковым и был), при первом выстреле на прусской границе. На песке можно выстроить красивое здание, но от этого здания нельзя требовать ни прочности, ни долговечности.

Последние годы перед великой катастрофой были красивыми годами. Россия внешне как бы оправилась от недавних потрясений. Возрождались блеск и обаяние эпохи Александра III. В 1912 году торжественно было отпраздновано столетие Отечественной войны, а в 1913 году с еще большим блеском прошли Романовские торжества. Первый из этих юбилеев — столетие изгнания двенадцати язык надлежало бы почтить открытием тайны Федора Кузьмича⁸⁴: престиж династии поднялся бы в стране на огромную высоту. А ко второму юбилею — трехсотлетию Дома Романовых и подвигу святителя Гермогена⁸⁵ — должно было раскрепостить церковь и восстановлением патриаршества положить предел духовному оскудению России. Но ни того, ни другого сделано не было.

Оглядываясь на государственных деятелей той эпохи, мы видим в них те же качества и недостатки, что и в маньчжурских военачальниках, и немудрено: те и другие были членами того же общества, сынами того же народа, деятелями той же эпохи — эпохи великого духовного оскудения. Те и другие разменивались на мелочи — пассивно отсиживались, отбивались вместо того, чтобы самим захватить инициативу событий. Кругозору ротного командира на верхах армии соответствовал кругозор столоначальника на верхах правительственной иерархии. Одинаковые причины влекут за собой и одинаковые последствия.

Внешняя политика

Внутренняя слабость отразилась и на внешней политике. В период непосредственно за Японской войной наше военное бессилие было полным, и Россия могла еле считаться великой державой.

План Вильгельма II — ослабить Россию дальневосточной войной — удался. Кайзер

решил увенчать свой успех расторжением франко-русского союза, с тем, чтобы вовлечь Россию и Францию, каждую в отдельности, в свою орбиту, использовать их против Англии, а когда придет время, то отдельно же и разгромить. Летом 1905 года, пользуясь ослаблением России, Вильгельм II в чрезвычайно грубой ультимативной форме потребовал отставки французского министра иностранных дел Теофиля Делькассе, проводившего политику сближения с Англией. Правительство Рувье беспрекословно подчинилось этому неслыханному унижению. Однако бьеркское свидание монархов (лето 1906 года) успехом не увенчалось — и кайзер вынужден был отказаться от своего грандиозного плана. Затаив в душе смертельную ненависть к тому, кого он продолжал называть своим дорогим братом, германский император взял реванш в екатеринбургском застенке⁸⁶. История Каина и Авеля повторилась летом 1918 года...

Характер франко-русского союза изменился. До войны с Японией это был сговор равных (более того, Россия оказывала влияние на Францию, толкая ее на сближение с Германией). Теперь же положение изменилось — и в сторону для России отнюдь не лучшую. Франция энергично прибрала к рукам свою ослабевшую союзницу, скованную золотыми цепями парижских займов. И начальники французского Генерального штаба стали отдавать своим русским коллегам приказания, лишь из вежливости называя их пожеланиями.

Коренным образом изменились отношения с Англией. В 1904 году дело едва не дошло до войны (гулльский инцидент), и русофобство английского общества превзошло таковое же японского. А в 1907 году по мановению дирижерской палочки Эдуарда VII — искуснейшего из венценосных дипломатов — обстановка совершенно переменялась, и если говорить об англо-русском союзе было еще преждевременно, то англо-русское соглашение было уже налицо: оно разрешало полюбовным образом ряд щекотливых вопросов, в частности о сферах влияния в Персии. О причинах этого внезапного русофильства нетрудно было догадаться. Судостроительные верфи Бремена и Киля работали полным ходом. Походило на то, что там серьезно решили вырвать из рук Британии скипетр вселенной — трезубец Нептуна. Заручиться на всякий случай русским пушечным мясом было неплохо.

Так состоялось зачатие англо-франко-русского Тройственного согласия: *entente cordiale* — между Парижем и Лондоном, брак по расчету — между Лондоном и Петербургом.

Воинственные выходки Вильгельма II, в частности знаменитый агадирский инцидент 1911 года, способствовали сплочению этих уз. В Берлине увидели в этом политику окружения Германии. Мало-помалу там стали считать единственным выходом из создавшегося положения предупредительную войну, пока Россия еще не окрепла от потрясений и пока можно было положиться на австрийского союзника...

В 1908 году европейский мир повис на волоске. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что явилось прямым нарушением Берлинского трактата. Два миллиона сербов⁸⁷ попали под мадяро-немецкое иго, и на Балканах завязался узел, чреватый грозными политическими последствиями. Наш министр иностранных дел Извольский⁸⁸ был предупрежден летом о готовившейся аннексии и предупрежден не кем иным, как своим австрийским коллегой графом Эренталем⁸⁹ при посещении Австрии летом 1908 года. За светскими развлечениями (охоты в Моравии) удивительный глава русской дипломатии совершенно забыл об этом вопросе капитальной важности, и Россия была застигнута врасплох.

Заносчивый тон Центральных держав и призрак войны, вставший на западной границе, весьма способствовали отрезвлению русского общества. Застигнутая врасплох Россия должна была примириться с совершившимся фактом: военный министр генерал Редигер⁹⁰ имел мужество заявить, что воевать мы еще совершенно не в состоянии. В результате этого кризиса произошли значительные перемены в правительстве. Ничтожного Извольского заменил Сазонов⁹¹, до того посол в Лондоне, человек способный, но легкомысленный, страстный англоман, ставший покорным инструментом в руках лондонского кабинета. Вся русская политика направлялась Сазоновым обязательно так, чтобы в Лондоне остались нами

довольны. Это преклонение перед Англией носило прямо нелепый характер, тем более, что оно имело тенденцию обесценивать все русское.

Узнав в день объявления войны 1914 года о том, что петербургская толпа сожгла здание германского посольства, Сазонов пришел в отчаяние. Он вообразил, что, узнав о таком варварском поступке отсталой и дикой русской нации, просвещенное британское общественное мнение с негодованием отвернется от нас, и Россия погибнет. В такой тревоге он пробыл четыре дня, пока не было восстановлено сообщение с Лондоном. Англия успела тем временем объявить войну Германии — и первая телеграмма нашего посла графа Бенкендорфа сообщила Сазонову, что здание германского посольства разгромлено лондонской толпой.

Не без влияния Англии был взят курс на сближение с Японией. Токийский кабинет был, впрочем, больше нас заинтересован в установлении этих дружественных отношений, подготавливая аннексию Кореи. В результате состоявшегося в 1910 году русско-японского соглашения мы могли быть спокойны за наши дальневосточные владения и располагать сибирскими корпусами на западной границе как нам заблагорассудится. Русско-японское соглашение было заключено ездившим в Петербург японским Бисмарком маркизом Ито. На обратном пути из России на вокзале в Харбине Ито был застрелен фанатиком корейцем.

Подлинно блестящим успехом нашей дипломатии при Сазонове следует считать заключенный в Петербурге летом 1912 года союз балканских государств Сербии, Болгарии, Греции и Черногории под верховным покровительством Императора Всероссийского. Целью союза было освобождение от турецкого ига балканских христиан Старой Сербии, Македонии, Фракии и Эпира. Разгром Турции (вовлеченной с 1908 года Энвером⁹² в орбиту германской политики) и усиление балканских славянских держав должны были положить предел австро-германским проискам на Балканах.

В октябре 1912 года Балканы вспыхнули как порох. Предводительствуемые престолонаследником Александром, сербы разгромили главную турецкую армию у Куманова и доконали ее окончательно у Битоля, закончив всю кампанию в две недели этим громовым ударом и отомстив за Косово Поле. Однако болгары, несмотря на победы генерала Радко-Дмитриева⁹³ под Лозенградом и Люле Бургасом, были остановлены под стенами Адрианополя, где их затем выручили сербы. Тем временем греки взяли Салоники, черногорцы осадили Скутари — и Турция запросила аман.

Такой оборот дела чрезвычайно встревожил Германию и Австро-Венгрию, решивших немедленно же перессорить между собой победителей и разрушить торжество ненавистного им панславизма. В Софии происки их увенчались полным успехом, и подстрекаемая Германией и Австро-Венгрией Болгария предъявила совершенно непомерные требования, на которые никак не могли согласиться Сербия и Греция. Император Всероссийский предложил тогда свое посредничество, предусмотренное Петербургским протоколом, но оно было в дерзкой форме отвергнуто Болгарией, окончательно пошедшей по германской указке. Тогда во Второй Балканской войне (июнь 1913 года) Сербия и Греция силою оружия заставили болгар считаться с собой. К ним присоединилась и Румыния, отхватившая себе кусок северо-западной Болгарии с Силистрией. Воспользовавшись этой усобицей, Турция отобрала назад Фракию с Адрианополем. Вчерашние союзники стали заклятыми врагами. Вся работа русской дипломатии пошла прахом.

Балканские войны 1912–1913 годов имели огромное значение для мировой политики. С лета 1913 года Болгарию можно было рассматривать политически как двадцать седьмое государство Германской империи. Ненависть к Сербии определила всю болгарскую политику.

Сербия была с этого времени окружена врагами. С востока точила нож Болгария, с севера и запада грозовой тучей повисла двуединая монархия. Застрельщиком тут явилась Венгрия, вдохновлявшаяся свирепым славянофобом Тиссой⁹⁴. К вековой племенной вражде примешивались, усиливая ее, экономические соображения (успешная конкуренция сербского сельского хозяйства тяжело отражалась на мадьярской экономике). Наличие независимой

Сербии смущало и Германию, являясь единственной препоной к осуществлению грандиозного проекта Пгап^ пасЬ Ов1еп Берлин — Багдад. Этот камень преткновения должен был быть убран с пути колесницы закованного в железо прусского Джагернаута или должен был быть ею раздавлен. Интересы Будапешта совпадали с интересами Берлина — и с каждым месяцем на берегах Савы все больше стало пахнуть порохом.

Период между двух войн (1905–1914 годы).

Великий князь Николай Николаевич и генерал Сухомлинов

Девять лет, прошедшие от Портсмутского мира до сараевского убийства, составляют важную эпоху в жизни русской армии, проделавшей большую работу за этот краткий промежуток времени.

Жестокий урок Японской войны сказался двояким образом в душе армии — ее офицерском составе. Главная его масса — средние и младшие начальники с рвением принялись за возрождение подорванной русской военной мощи, быстро и плодотворно проработав весь горький опыт потерянной кампании. Старший же командный состав был глубоко потрясен и подавлен военной катастрофой: устои, казавшиеся незыблемыми, разрушились, переучиваться было поздно... Таким образом, в то время, как в толще армии — на ее низах — шла стихийная творческая работа и здоровая кровь военного организма удивительно быстро затягивала раны, бывшие столь ужасными, на верхах российской вооруженной силы наблюдались упадок духа, уныние, шатания и колебания.

Период с 1905 по 1914 год составил две совершенно отдельных эпохи: великокняжескую (1905–1908 годы) и сухомлиновскую (1908–1914 годы) — по главным деятелям, анархическую и бюрократическую — по методам этих главных деятелей.

Великокняжеская эпоха

По мере того как на маньчжурском небосклоне закатывалась звезда Куропаткина, в Петербурге все более крепло влияние великого князя Николая Николаевича, занимавшего в то время пост генерального инспектора конницы.

Порывистый и чрезвычайно резкий, великий князь производил впечатление человека волевого. Но впечатление это было чисто внешнее: ему как раз не доставало именно силы воли, и он всецело находился во все времена во власти своего окружения. Интересы же этого окружения далеко не всегда совпадали с интересами России и Царствовавшего Дома (достаточно сказать, что им был выдвинут Распутин, нанесший столь жестокий удар престижу династии). Лояльность престолу самого великого князя в тот период сомнению еще не подлежала.

Великий князь был знатоком конницы, дилетантом в стратегии и совершенным профаном в политике. Под его настоянием (в первый раз — угроза самоубийством, во второй раз — коленопреклонение) Император Николай Александрович предпринял два роковых шага своего царствования — учреждение Государственной думы и отречение от престола.

В июне 1905 года, еще во время войны с Японией, по мысли великого князя и под его председательством был учрежден Совет Государственной обороны — центр, предназначавшийся для объединения управления армией и флотом, равно как и согласования всех ведомств, сопряженных с работой по государственной обороне. В Совет Государственной обороны вошли министры всех этих ведомств: начальник созданного только что Главного управления Генерального штаба, инспектора всех родов оружия и много других лиц — членов Государственного Совета, сенаторов и т. д. Военное ведомство было разделено на собственно Военное министерство, которому оставлена административная часть, и Главное управление Генерального штаба, образованное из Ученого комитета Главного штаба, пополненное чинами различных окружных штабов и получившее полную автономию на образец германского большого Генерального штаба. В Главное управление Генерального штаба была передана вся генерал-квартирмейстерская часть.

Автономия Генерального штаба разгружала военного министра и выправляла один из многочисленных дефектов милютинской организации. Однако, копируя германскую систему, наши реформаторы проглядели существенную ее часть: наличие военного кабинета

кайзера, где было сосредоточено заведование личным составом. У нас же личный состав был оставлен в ведении министра.

На пост начальника Генерального штаба был назначен генерал Палицын, бывший до того долголетним сотрудником великого князя Николая Николаевича в должности начальника штаба генерального инспектора конницы, человек широкой военной культуры (хоть и позитивистско-рационалистического толка). Должность военного министра, по назначению генерала Куропаткина на Дальний Восток, занимал безличный генерал В. Сахаров, а в 1906 году на этот пост был назначен отличный администратор генерал Редигер.

* * *

Расстроенная неудачной дальневосточной войной русская вооруженная сила едва не была дезорганизована окончательно хаотическим многоголовым управлением. Начальник Генерального штаба и военный министр, генерал-инспекторы и командовавшие войсками округов, игнорируя друг друга, слали противоречивые распоряжения, превращали уже существовавший разнобой в какое-то столпотворение. Например, весной 1908 года штаб

Киевского округа получил одновременно два распоряжения;

от начальника Генерального штаба — о перестройке форта Дубно в Дубненскую крепость и от военного министра — об упразднении форта Дубно. Это — один пример из сотни. В частности, генерал-инспекторы родов оружия совершенно не считались с командовавшими войсками, давая указания, сплошь и рядом шедшие вразрез с системами и порядками, принятыми в данном округе.

Совет Государственной обороны — многоголовый анархический организм оказался совершенно не в состоянии справиться со своей сложной и ответственной задачей. Заседания этого разношерстного Ноева ковчега носили характер совершенно сумбурный. Заседания Совета Государственной обороны Столыпин характеризовал бедламом, великий князь Сергей Михайлович — кошачьим концертом, а генерал Палицын — один из инициаторов этого учреждения — просто кабаком.

Ясно сказались вся абсурдность одновременного существования двух взаимно друг друга исключавших систем: старой — военно-окружной и новой — автономной на псевдогерманский образец. При таких обстоятельствах не только нельзя было воссоздать заново русскую военную мощь, но нельзя было и сохранить остатки прежней.

Единственными положительными мероприятиями этого периода были разделение людей запаса на два разряда (в 1906 году) и восстановление в декабре 1907 года исторических наименований и форм кавалерийских полков. Наконец-то была ликвидирована тлетворная и нелепая сухотинская реформа 1882 года. Срок службы в пехоте был в 1906 году с 4 лет сокращен до 3.

Положение армии было очень тяжелым. Она вынуждена была растрачивать накопившиеся силы на борьбу с беспорядками. Утомительная караульная служба изматывала войска, препятствовала их обучению. В Русско-Японской войне принимала участие треть русской армии. Эта треть воевала за счет оставшихся в России двух третей, поглотив все их запасы, в частности артиллерийские парки. Восстановить их к моменту конфликта с Австро-Венгрией — зиме 1908 1909 годов — не сумели. В пограничном Киевском округе, по свидетельству генерала Сухомлинова, пехотные полки были сведены в 2-батальонный состав. Офицеров сплошь да рядом насчитывалось по 12–15 в строю полка. Совет Государственной обороны не смог дать ни одного конкретного указания в области, которой должен был ведать. В результате учреждение это в конце 1908 года было распущено, а начальник Главного управления Генерального штаба генерал Палицын заменен генералом Сухомлиновым, командовавшим до того войсками Киевского округа. За три с половиной года самостоятельного существования Главного управления Генерального штаба не было составлено даже плана работ. Сдача дел выразилась в том, что генерал Палицын передал генералу Сухомлинову ключ от пустого ящика своего стола. Когда же я попросил программу по обороне, вспоминает Сухомлинов, — он трагически указал пальцем на свой лоб. Государь был очень разочарован деятельностью Совета Государственной обороны.

Вышло так, что все перепуталось, надо нам распутаться, — сказал он Сухомлинову.

Сухомлиновская эпоха

Человек, не лишенный способностей, генерал Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему.

Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета Государственной обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой ненависти и борьбы двух течений — поверхностно-новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского — и прошли для русской армии последние пять лет перед Мировой войной.

В марте 1909 года после драматического совещания министров в Царском Селе военный министр генерал Редигер должен был подать в отставку и на место его был назначен генерал Сухомлинов. Окончательный удар генералу Редигеру нанесла демагогическая речь члена Думы Гучкова, обрушившегося на бездарность высшего командного состава. Редигер неосмотрительно поддакнул Гучкову. Став во главе Военного ведомства, генерал Сухомлинов сделался полным хозяином российской вооруженной силы, так как еще за несколько месяцев до того по его предусмотрительному ходатайству Главное управление Генерального штаба было подчинено военному министру, и положение сделалось опять тем же, что от Милютина до 1905 года.

В период 1909–1910 годов Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Как бы к ним ни относиться, следует признать, что новый военный министр оказал русской армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала. До прихода Сухомлинова было дезорганизованное вооруженное бессилие, с приходом Сухомлинова стала организованная вооруженная сила (пусть и далекая от совершенства). Основными предпосылками сухомлиновских преобразований были следующие положения: упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны.

Упадок духа, ставший характеризовать наши военные верхи после Японской войны, побудил еще предшественников генерала Сухомлинова отодвинуть в глубь Западной России наше стратегическое развертывание. Эти идеи воплотились генералом Сухомлиновым в так называемом 19-м расписании 1910 года, по которому Передовой театр (Варшавский военный округ) отдавался врагу без боя. Благодаря этому становилась ненужной продуманная Милютиным, Тотлебенем и Обручевым система крепостей. Лишенное своей души — наступательного духа — русское стратегическое развертывание лишалось и своего бетонного костяка. Еще в конце зимы 1909 года генерал Сухомлинов предложил полное упразднение крепостей. Проект этот встретил сильное противодействие и в последующие годы привел к компромиссу: одни крепости упразднялись, другие оставлялись. Это половинчатое решение приводило к дезорганизации нашу стройную крепостную систему.

1910 год ознаменовался важными мероприятиями. В этом году упразднены были все резервные войска и крепостная пехота. Существовавшие 27 резервных бригад (4 — 8-батальонного состава) и 9 крепостных пехотных полков (в 2–4 батальона) были сведены в 7 полевых пехотных дивизий, с 46-й по 52-ю, нормального состава. Три сибирские резервные бригады составили 11-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Одновременно все Сибирские стрелковые полки были приведены из 3- в 4-батальонный состав. Таким образом вся русская пехота была приведена к основным типам 16-батальонной пехотной дивизии и 8-батальонной стрелковой бригады. Учреждены были новые армейские корпуса:

XXIII — в Варшавском военном округе, XXIV — в Казанском, XXV — в Московском, III Кавказский и V Сибирский (в Приамурье). В 1906 году при демобилизации резервных войск управлениям IV и V Сибирских корпусов были даны Сибирские стрелковые дивизии,

управление же VI Сибирского корпуса было расформировано. Этим покончено с прежней пестротой — и вся армия составила однородные корпуса, в две одинаковые пехотные дивизии каждый, что значительно облегчало стратегические расчеты. В 90-х и 900-х годах штаты войсковых соединений были весьма хаотичны. В пехоте роты содержались в одиннадцати различных составах! В горной артиллерии высшим соединением была отдельная батарея. В артиллерийских бригадах было от 4 до 9 батарей, то есть от 32 до 72 орудий (большой беспорядок внесло спешное формирование в 1904 году Сибирских артиллерийских бригад из отдельно выхваченных батарей). Количество рот в батальонах — полевых, резервных, крепостных — колебалось от 4 до 10. Полки были в 4, 3 и 2 батальона. В армейских корпусах количество пехоты колебалось от 2 бригад до 4,5 дивизий, то есть от 16 до 68 батальонов, конницы — от нуля до 2,5 дивизий, артиллерии — от 7 до 21 батареи, то есть от 56 до 168 орудий. Один корпус мог таким образом быть вдвое и втрое сильнее другого. Расчет мог таким образом вестись не на дивизии, а исключительно на подсчитывание батальонов.

Все округа, за исключением польско-литовских — Варшавского и Виленского, мусульманского Средне-Азиатского и малолюдного Приморья, включены были в территориальную систему, по которой каждый полк имел свой определенный округ комплектования. Старая и слишком сложная милютинская система комплектования была отменена, однако новая территориальная система не успела полностью осуществиться до Мировой войны, а во время войны была вовсе заброшена. Отметим, что графом Милютиным все уезды Российской Империи были разделены на три группы: великорусскую, малорусскую и инородческую. Каждая часть получала пополнения из всех трех групп, причем одна из двух русских считалась основной. Как правило, люди не служили на территории своего жительства. Варшавский округ, например, целиком пополнялся уроженцами русских округов (99,5 процента). Санкт-Петербургский округ был самым территориальным, но и в его частях было 58 процентов чужих. Вообще же лишь 12,5 процентов (восьмая часть) призванных служила в своих округах.

Наконец, в том же 1910 году было предпринято изменение дислокации войск, и 5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии (5-я) отправлены с западной границы во внутренние округа (V корпус и новая 46-я пехотная дивизия из Варшавского — в Московский округ, XVI корпус из Виленского — в Казанский). Этим мероприятием генерал Сухомлинов порывал с установившейся за полстолетия системой, по которой главная масса наших войск содержалась в двух северо-западных округах для наступательных операций против Германии. Уже Милютин сосредоточил там две пятых всей армии. Его преемники еще более усилили эти округа, еще совсем недавно, при Сахарове, с Закавказья в Брест была направлена 38-я дивизия.

Профанам, русским и заграничным, было объяснено, что переброска войск с Вислы и Немана на Волгу предпринята для того, чтобы приблизить войска к районам их комплектования. Очевидная несообразность этого объяснения не могла не броситься в глаза. Отвод двух корпусов в глубь России замедлял боевую готовность армии: собственно мобилизация (постановка в строй запасных), правда, ускорялась, но сосредоточение чрезвычайно усложнялось — из Казани и Пензы под Люблин легче и скорее было подвести запасных корпуса — 20 эшелонов, чем везти весь корпус — 120 поездов. В действительности здесь решающими были два соображения. Во-первых, создать в Казанском округе резерв в 5 дивизий XVI и XXIV корпусов на случай войны с Японией либо с Турцией. Во-вторых, стремление Столыпина иметь под рукой войска на случай беспорядков в Центральной промышленной области и Поволжье. Во Франции это мероприятие, бывшее чисто русским внутренним делом, вызвало бурю негодования и даже дипломатические шаги (ослабление германского фронта) — доказательство того, что уже в 1910 году Российская Империя вполне суверенным государством больше не являлась.

* * *

Переходя к устройству родов оружия, укажем, что реформа 1910 года упразднила

резервных и крепостных войск — имела следствием усиление кадров полевых полков на 20 офицеров и 380 нижних чинов. Благодаря этому роты нормального штата перешли из состава 48 рядов на 60, а увеличение офицерского состава повысило качество обучения. В пограничных округах войска оставались в прежнем усиленном штате 84 рядов.

К концу войны с Японией при каждой дивизии — пехотной и конной — была сформирована пулеметная команда из 8 пулеметов Максима на колесном лафете. В 1907 году такую пулеметную команду получил каждый пехотный либо стрелковый полк. Дивизионные пулеметные команды оставлены только в коннице. Вместе с тем принята система салазочного станка (люлька), способствовавшего подвижности пулемета и неуязвимости стрелков. Охотничьи команды наименованы командами разведчиков.

Перед войной вся наша пехота составила 70 дивизий, 18 стрелковых, 1 пластунскую и 3 Заамурские пограничные бригады — всего 357 полков (13 гвардейских, считая и Сводный, 16 гренадерских, 208 армейских пехотных, 6 Заамурских пехотных, 44 Сибирских стрелковых — все в 4 батальона; 4 гвардейских стрелковых, 20 армейских стрелковых, 16 Финляндских, 8 Кавказских, 22 Туркестанских стрелковых — все в 2 батальона) и 6 пластунских батальонов. Пехотные дивизии: 1–3 гвардейские, 1–3 и Кавказская гренадерские, 1 — 52 пехотные, 1 — 11 Сибирские стрелковые; бригады: Гвардейская стрелковая, 1–5 армейские, 1–4 Финляндские, 1–2 Кавказские, 1–6 Туркменские, 1 пластунская, 1–3 Заамурские. Всего 1294 батальона (в 1898 году — 1138 батальонов, а в 1881 году — 1034 батальона) и качество ее повышено. Пропорция пулеметов у нас была та же, что и в европейских армиях: 2 на батальон, а в стрелковых полках двойная — 4 на батальон.

Устройство кавалерийских полков осталось без изменений. В 1910 году упразднены учрежденные было при генерале Палицыне в 1906 году четыре кавалерийских корпуса. Меру эту следует признать неудачной: в Мировую войну конные корпуса пришлось импровизировать. Сформированы новые дивизии: 3-я Кавказская казачья, Закаспийская, Забайкальская и Уссурийская конная бригада 4-полкового состава. Перед войной наша конница насчитывала 129 полков: 10 регулярных гвардейских, 21 драгунский, 17 уланских, 18 гусарских, 3 гвардейских казачьих и 52 армейских казачьих (17 Донских, 11 Кубанских, 4 Терских, 6 Оренбургских, 3 Уральских, 3 Сибирских, 4 Забайкальских, 1 Амурский, 1 Уссурийский и 1 Астраханский), 2 туземных конных, 6 Заамурских конных, 2 туземных и 2 казачьих дивизиона и 16 отдельных казачьих сотен. Силы эти составили 24 конные дивизии (1-я — 2-я гвардейские, 1-я — 15-я Кавказские кавалерийские, 1-я Донская, 2-я Сводно-казачья, 1-я — 3-я Кавказские казачьи и Туркестанская казачья), 8 отдельных бригад (Гвардейская, 1-я — 3-я, Уссурийская, Сибирская, Забайкальская, Закаспийская), 12 отдельных полков, 2 отдельных казачьих дивизиона и 16 отдельных казачьих сотен.

Жестоким промахом всей организации было полное отсутствие войсковой конницы, делавшее наши пехотные дивизии и корпуса слепыми. Этот промах не подумали исправить придачей корпусам распыленной по отдельным бригадам и полкам конницы.

В артиллерии больного генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича заменил его сын — великий князь Сергей Михайлович, ставший с 1905 года генерал-инспектором всей артиллерии. Великого князя Сергея Михайловича можно назвать творцом скорострельной русской артиллерии, как Аракчеева творцом гладкоствольной. Знаток своего дела, чрезвычайно требовательный и часто неприятный начальник, он знал достоинства и недостатки каждого из сотен дивизионных и батарейных командиров, а зачастую и старших офицеров. От всех их он сумел добиться подлинной виртуозности в стрельбе — и наши виленские бригады своим огнем на полях Гумбиннена изменили ход Мировой войны⁹⁵.

В 1910 году на вооружение полевой артиллерии были введены 48-линейные мортиры. Каждый корпус получил по мортирному дивизиону в 2 батареи по 6 орудий. Обращено, наконец, внимание и на горную артиллерию. Отличной 3-дюймовой горной пушкой были снабжены стрелковые финляндские дивизионы XXII армейского корпуса; ее получили в довольно сильной пропорции кавказские корпуса (в I — половина батарей, во II и III —

треть); наконец в I, IV и V Сибирских корпусах Приамурского округа были образованы третьи дивизионы артиллерийских бригад из 2 батарей по 8 горных пушек. Со всем этим мортир и горной артиллерии было еще слишком недостаточно. Печальный опыт маньчжурской кампании заставил отказаться от применения шрапнели, поставленной на удар, и ввести наряду со шрапнелью превосходную тротильную гранату.

Артиллерию в дальнейшем предполагалось значительно усилить, введя мортирные дивизионы в состав полевых артиллерийских бригад, а тяжелую артиллерию — в состав армейских корпусов. В связи с этим в Одессе было открыто в 1913 году третье артиллерийское училище, по шефу наименованное Сергиевским, специально для подготовки офицеров тяжелой артиллерии.

Необходимо отметить, что после Японской войны артиллерийские бригады были подчинены начальникам дивизий, к великому негодованию правоверных артиллеристов, но на большое благо армии. Артиллерия приобщилась к общей тактике, перестав быть только пушкарским цехом. Начальники артиллерии корпусов были вследствие этого наименованы только инспекторами. Состав батареи был по-прежнему 8 орудий, что обеспечивало массивность огня, быстроту и отчетливость пристрелки. Подражатели иностранного ратовали за 6- и даже 4-орудийный состав как за границей. Утверждали, что это увеличит количество очагов огня, но забывали про главное: ухудшение в таком случае качества этого огня. Мирному времени свойственно, кроме того, увлечение поворотливостью батареи (о чем затем на войне и не вспоминают). В конце концов, при высокой квалификации наших артиллеристов введение 6-орудийной батареи (подобно уже существовавшей в конной артиллерии) опасности еще не представляло. На этом и остановились перед самой войной.

В военно-инженерном деле важнейшими событиями было введение искрового телеграфа (станции которого были приданы войскам) и формирование автомобильных частей. Пионером военно-автомобильного дела в России был полковник Секретов. Совет Государственной обороны противился введению автомобиля, считая его слишком хрупким для русских условий. Совершенно так же в 40-х годах XIX века высокие умы пытались забраковать пистонное ружье, считая его тоже слишком хрупким для грубых солдатских рук.

Наконец великому князю Александру Михайловичу русская армия была обязана зарождением военной авиации, вначале совершенно недооцененной генералом Сухомлиновым, считавшим аэропланы игрушками. Были открыты школы для подготовки военных летчиков-офицеров в Гатчине и на реке Каче в Крыму. За два-три года мирного развития русской авиацией были сделаны громадные успехи — упомянем только, что русский конструктор Сикорский первый в мире, еще в 1913 году, начал строить воздушные корабли. Предположено было создать при каждом корпусе по авиационному отряду в 4–6 самолетов. В момент начала войны у нас было 39 отрядов, 216 разнообразных, допотопных машин⁹⁶ и 221 летчик (из коих 170 офицеров).

* * *

Срок службы был еще в 1906 году сокращен до 3 лет в пехоте и 4 лет в конных и специальных войсках. Вместе с тем увеличен контингент новобранцев, с 1908 года составивший ежегодно 450000 человек вместо 300000 — 320000 до Японской войны. Так как абсурдные льготы Устава 1874 года пересмотрены не были и продолжали оставаться в силе, то это увеличение призывного контингента естественно понижало качество новобранцев: приходилось принимать заморышей. В самом Уставе, правда, сделаны небольшие изменения в 1912 году, а именно срок службы вольноопределяющихся определен в два года, основные же его пороки, к сожалению, не были искоренены. Пороками этими, помимо указанных льгот, была отчужденность армии от общества; чин офицера или звание унтер-офицера запаса не требовался, как повсюду за границей, от кандидатов на казенные и выборные должности; все русское учительство — воспитатели нашего народа — было преступно освобождено от воинского долга графом Милютиным!

В осенний призыв 1913 года ввиду тревожных обстоятельств было взято 580000 человек — жеребьевка в большинстве случаев оказалась излишней. Одновременно срок 1910

года, подлежащий увольнению в запас, был задержан на 6 месяцев, так что зимой 1913–1914 годов у нас оказалось под ружьем 2 230 000 человек. К весне 1914 года положение прояснилось: в Женеве готовились к торжественному открытию Дворца мира, германский император был особенно благожелателен. Стало ясно и очевидно, что войны не будет. Срок 1910 года был уволен в запас, где ему, впрочем, не было суждено долго оставаться.

В результате упразднения в 1910 году резервных войск у нас была принята система скрытых кадров на германский образец: выделение при мобилизации из полевого пехотного полка второочередного полка. Было намечено формирование 35 дивизий 2-й очереди, что с имевшимися первоочередными давало 105 пехотных дивизий и 18 стрелковых бригад.

Резервные войска составляли, таким образом, 50 процентов полевых против 35 процентов при прежней организации, но качество их не могло быть более высоким вследствие слабости кадров (19 офицеров и 280 нижних чинов на полк — остальное добавлялось запасными). Система скрытых кадров была хороша в Германии, где имелось 5–6 офицеров и 12–15 чинов сверхсрочных на роту. Выделение резервного полка там не ослабляло полевого. У нас же в ротах еле набиралось по 2–3 офицера и 1–2 сверхсрочных — и картина была совершенно иная. Второочередные дивизии почти все формировались во внутренних округах (по причинам демографического характера), где части 1-й очереди и так содержались в слабом составе. Варшавский, Виленский и Кавказский округа выставляли всего по одной дивизии 2-й очереди (соответственно на 10, 8 и 8 пехотных дивизий), Санкт-Петербургский формировал 3 (на 7), Киевский — 7 (на 10), Одесский же, Московский и Казанский формировали по дивизии 2-й очереди на каждую имевшуюся полевую. Иркутский с Омским округами образовывали 3 дивизии (на 5), в Приамурском же и Туркестанских округах образование второочередных частей не предусматривалось. Второочередные войска по сравнению с прежними резервными носили более импровизационный характер, качество запаса в сравнении с маньчжурскими бородачами было, правда, более высоким.

Легкомысленное упразднение крепостной пехоты жестоко отомстило за себя четыре года спустя, когда стали запирать в крепости пехотные дивизии. Сухомлинов совершенно не отдавал себе отчета в том, что позиции защищают лучше те войска, что их знают.

Вообще же преобразованиями 1910 года мы копировали внешние формы германской организации, не постигнув в то же время ее смысла, не уразумев тех предпосылок, что заставляли Германию принять определенный тип армии. Вся германская организация была рассчитана на нанесение молниеносного удара (как к тому побуждали Германию политические, географические и вытекавшие отсюда стратегические обстоятельства). Немцы сознательно готовились поэтому к кратковременной войне: затяжная война была для них губительной. Мы ничего этого не поняли и принялись вслед за немцами повторять, что будущая война будет скоротечной. Между тем только что закончившаяся война наша с Японией, затянувшаяся на полтора года и характеризовавшаяся многомесячными периодами позиционной борьбы, давала нам богатый материал для размышлений. Вся беда была лишь в том, что мы так и не решались думать собственным умом и предпочитали по столетней привычке — затверживать механически чужие слова.

* * *

Русская военная мысль этого короткого, но знаменательного периода характеризовалась тремя мировоззрениями.

Первое — официальное и господствовавшее — было продолжением умственного застоя после милютинского периода, обскурантизма Ванновского и материализма Куропаткина. К нему примыкали как большинство старших начальников, оказавшихся неспособными воспринять свежий опыт войны, так и значительное число карьеристов, вполне разделявших мнения начальства и быстро восходивших за это по служебной лестнице. Это рутинерское мировоззрение поощрялось и насаждалось Сухомлиновым. Как передают, Сухомлинов похвалялся, что двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу. Имена генералов Жилинского, Рузского, Н. И. Иванова характеризуют его корифеев, имена же полковников Ю. Данилова и Бонч-Бруевича — его восходящие светила.

Игнорирование военной науки рутинерами вызвало резкую, хоть в общем и поверхностную, реакцию. Возглавляли ее генерал Щербачев⁹⁷ (начальник академии), полковники Головин⁹⁸, Свечин⁹⁹ и ряд других способных и даже талантливых представителей нашей военной профессуры. Их прозвали младотурками за напористость их новаторских стремлений. Движению сочувствовал великий князь Николай Николаевич, влияние которого было в этот период на ущербе. Младотурки стремились наверстать нашу отсталость равнением по современным иностранным образцам. Их учение состояло, в общем, из смеси французских и германских доктрин (с преобладанием последних). Иными словами, они светили не своим светом, а отраженным чужим. Мольтке и Шлихтинга разбавляли Ланглуа и Фошем¹⁰⁰, полученную смесь сдабривали прикладным методом и получали таким образом русскую военную доктрину.

Млад огурецкое движение встретило яростный отпор господствовавших обскурантов. Борьба закончилась полным разгромом академии Сухомлиновым в 1913 году, смещением крамольных профессоров и запрещением думать иначе, чем по раз навсегда установленному казенному шаблону. Младотурки были загнаны в подполье, но идеи их постепенно стали захватывать все более широкие круги. Сами по себе эти идеи особенной ценности не представляли, будучи лишь компиляциями иностранных рационалистических доктрин. Однако в сравнении с царившей официальной косностью и они были огромным шагом вперед. А главное, они давали известный научный метод, существенно расширяли кругозор. Профессора-младотурки сильно способствовали поднятию уровня офицеров Генерального штаба выпусков 1908–1914 годов, выпусков, исключительно ценных по своему качеству и столь ожививших войсковые штабы Мировой войны.

Более ценной в идейном и научном отношении явилась третья группа классиков — сторонников возрождения русского национального военного искусства. Первыми указали на эту основную особенность национальности военного искусства генерал Мышлаевский и полковник Баиов¹⁰¹. Реакция классиков была глубже и осмысленнее реакции младотурок — это были основоположники определенной военной философии, а не только талантливые пересказчики иностранных доктрин. Классики чувствовали необходимость возродить русское военное искусство на русских же основаниях. Путь их был более трудным, нежели младотурок, бравших хлесткими и модными лозунгами.

К началу Мировой войны официальное рутинерство еще крепилось, но если не дни, то, во всяком случае, годы его были сочтены. На смену мертвой воде должна была явиться вода живая: ближайшее будущее было за младотурками, дальнейшее за классиками.

* * *

Памятником отжившего, но не желавшего уходить рутинерства остался Полевой устав 1912 года, составленный генералом Рузским и полковником Бонч-Бруевичем (причем главную роль играл этот последний). Устав этот не заслуживал бы упоминания, если бы ему, вернее, идеям, которые он выражал, русская армия не была обязана кровавыми неустойками во встречных боях августа 1914 года, позором Брезин и горлицким разгромом.

Характерной особенностью Устава 1912 года (заменившего драгомировский Устав 1901 года) было прежде всего нарочитое игнорирование встречного боя. Все операции классифицировались на наступательные либо оборонительные. При ведении наступательного боя уделялось излишнее внимание тщательному выяснению обстановки (вообще в маневренном бою невозможному) и сказывалось стремление руководиться действиями противника. Первое влекло к потере времени, ослаблению энергии, проволочкам и трениям при отдаче, передаче и выполнении приказаний. Второе грозило подчинить наши действия воле неприятеля. В оборонительном бою главная роль отводилась передовой линии, которая и насыщалась войсками. О маневрах из глубины и в глубину, о маневренном резерве не давалось и понятия: ничего не делалось для сообщения эластичности боевым порядкам крупных соединений. Вместо того чтоб быть гибкими и упругими, как сталь, они были тверды, но хрупки, как чугун. Поражение передовой, насыщенной войсками линии принимало размеры катастрофы. Ясной идеи сосредоточения главных сил решающего

кулака — на главном направлении отнюдь не проводилось, как не проводилось идеи сосредоточения массивного огня — огневого кулака. Наконец, Уставом не была изжита куропаткинская страсть к отрядной организации: он допускал отряды при условии, однако, быть им силою не выше корпуса.

Главным пороком русской стратегической мысли было какое-то болезненное стремление действовать по обращению неприятельскому. Задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, как, полагали, вероятнее всего будет действовать противник. Отказ от самостоятельного мышления вел к отказу от инициативы, подчинению воле неприятеля, переоценке врага, недооценке в то же время наших сил. Все вместе приводило к упадку духа, необоснованным страхам, шатанию мысли — словом, ко всему тому, чем действительно характеризовалась деятельность наших тогдашних военных верхов (особенно в планах стратегического развертывания). Объяснением всех этих человеческих слабостей могло служить одно лишь слово: Мукден. Недавний разгром наложил свой печальный отпечаток на души старших начальников — они так никогда и не смогли вполне отрешиться от психологии побежденных. Принимая во внимание ригоризм производства по старшинству (столь губительный при подборе старших начальников), можно было допустить, что освежение и моральное оздоровление нашего высшего командного состава смогло бы наступить не ранее 1920–1925 годов, когда наша армия смогла быть возглавленной деятелями, ее достойными.

Должность начальника Главного управления Генерального штаба при генерале Сухомлинове замещалась людьми незначительными, не способными стать соперниками властолюбивому министру. Способный и культурный генерал Мышлаевский был сразу сослан на Кавказ. Его заменил трудолюбивый Гернгросс (командир XXIV армейского корпуса), а Гернгросса — человек в футляре, мелочный столоначальник генерал Жилинский (бывший начальник штаба заместителя адмирала Алексеева, а затем командир X армейского корпуса). Генерал Жилинский пробыл во главе Генерального штаба с 1911 по 1914 год, принял в этой должности ряд легкомысленных и непродуманных обязательств в отношении союзницы Франции и по своему желанию был назначен на ответственный пост командующего войсками Варшавского округа (то есть главнокомандующего германским, Северо-Западным фронтом). На место генерала Жилинского был назначен сухомлиновский начальник академии генерал Янушкевич — скромный профессор военной администрации, никогда ничем, даже батальоном, не командовавший и получивший этот новый пост столь же неожиданно, как и свой предыдущий.

Сухомлинов отзывался о Янушкевиче пренебрежительно: наш новый начальник Генерального штаба — малое дитя. Это усиливает ответственность военного министра, доверившего исключительно важный пост малому дитяти. Сурово следует осудить и генерала Янушкевича, принявшего должность, заведомо ему не подходящую. О необычайном легкомыслии и ветрености генерала Сухомлинова дает представление передаваемый графом Коковцевым случай: осенью 1912 года, когда вспыхнула Балканская война и положение в Европе сразу же стало напряженным чрезвычайно, этот легкомысленнейший в мире человек представил на подпись Государя указ о мобилизации (тут же признаваясь, что он сможет вызвать войну) и одновременно ходатайствовал о разрешении ему отпуска для увеселительной поездки на Ривьеру!

Должность генерал-квартирмейстера все это время занимал полковник, затем генерал Ю. Данилов (черный в отличие от другого — рыжего — Данилова). Он явился главным автором нашего стратегического развертывания.

Великий князь Николай Николаевич сохранил за собой пост главнокомандующего гвардией и Санкт-Петербургским военным округом (в военное время главнокомандующий 6-й отдельной армией). Он довел боевую подготовку своих войск до большого совершенства, пригласив сюда многих отличившихся в Маньчжурии начальников (как генералы Лечицкий и Леш) и стал вверять гвардейские полки выдвинувшимся на войне командирам — армейцам. Ежегодный Красносельский лагерный сбор давал определяющую ноту

тактической подготовке всей русской армии: здесь испытывались все технические новинки, составлялись и исправлялись на местности всевозможные наставления и уставы, тут, наконец, формировался тактический глазомер и командный навык многочисленных гвардии полковников, что ежегодно ехали во все концы России принимать армейские полки.

Если обучение войск и тактика их шли по камертону Петербургского округа, то руководство русской стратегией стало достоянием Киевского округа, который выдвинул всех главных деятелей Мировой войны, а до того имел огромное влияние в составлении плана войны. Из штаба Киевского округа формировались управления австрийского, Юго-Западного фронта и 3-й армии. Должности эти поручались: первая — известному нам уже по Маньчжурии генералу Н. И. Иванову, вторая — его помощнику генералу Рузскому. Двигающей пружиной округа и вместе с тем мозгом и душой всей русской стратегии был начальник штаба генерал М. В. Алексеев человек выдающейся военной культуры и огромной трудоспособности. В 1913 году генерал Алексеев был назначен командиром XIII армейского корпуса в Смоленске, а начальником штаба Киевского военного округа был назначен генерал В. М. Драгомиров¹⁰². Виленским округом (1-я армия) командовал генерал Ренненкампф, показавший себя перед этим с самой лучшей стороны на посту командира III армейского корпуса. По свидетельству подчиненных, генерал Ренненкампф был замечательным командиром корпуса. Действительно, тактическую подготовку доблестных 25-й и 27-й дивизий можно считать образцовой. Всегда и во всякую погоду на коне, он был любим войсками, побаивавшимися, впрочем, его внезапных наездов и прозванными его желтой опасностью (по желтым лампасам пожалованного ему мундира Забайкальского казачьего войска).

Во главе других округов стояли: Одесского (7-я армия) — генерал Никитин¹⁰³, Московского (5-я армия) — генерал Плевел¹⁰⁴ — выдающийся кавалерист и волевой начальник, Казанским (4-я армия) командовал 70-летний барон Зальца¹⁰⁵, Кавказским — столь же престарелый наместник граф Воронцов при помощнике генерале Мышлаевском, Туркестанским округом командовал генерал Самсонов, с началом мобилизации неожиданно поставленный во главе 2-й армии. Сибирские командующие — Омского округа — генерал Эверт, Иркутского — генерал Флуг и Приамурского — генерал Лечицкий — назначались в распоряжение Верховного главнокомандующего для замещения оказавшихся несостоятельными либо принятия новых армий. Самая должность Верховного оставалась вакантной. Пост этот рассчитывал получить генерал Сухомлинов.

* * *

Работа по воссозданию боевой мощи русской армии ограничивалась областью мелких соединений и элементарной тактики. Роты, эскадроны и батареи были доведены до высокой степени совершенства, далеко превосходя таковые же любой европейской армии в искусстве применения к местности, самоокапывании и стрельбе. На стрельбу было обращено особенное внимание, переходившее в увлечение: отмеченная иностранцами неудовлетворительность нашего ружейного огня была основным тактическим впечатлением, вынесенным нами из Маньчжурии. В 1909 году были введены ежегодные Императорские призы первому по стрельбе полку каждого округа. Особенно налегал на стрельбу главнокомандующий гвардией и округом великий князь Николай Николаевич: у него командир полка, не получавшего оценки отлично (а только хорошо), отрешался от должности.

На подготовку высших тактических соединений — дивизий, корпусов и армий с их управлениями — не было обращено никакого внимания. На больших маневрах штабы сторон и посредников имели совершенно случайный отрядный состав. Ни разу не было сделано опыта составления настоящих штабов армий из военно-окружных. Эта важнейшая из всех отраслей служба Генерального штаба была оставлена без всякой разработки. Составление нового Положения о полевом управлении войск (на смену Положению 1890 года) затянулось: оно было издано только в июле 1914 года — в разгар мобилизации, и окружные штабы (переключавшиеся в армейские), не говоря уже о войсковых штабах, совершенно не

имели возможности с ним ознакомиться заблаговременно.

Для проверки высшего командного состава — кандидатов в командующие армиями — было решено в декабре 1910 года устроить в Зимнем дворце под верховным руководством Государя военную игру, подобно широко практиковавшимся в германской армии. Идея эта встретила резкое противодействие наших военных верхов, опасавшихся (и, к сожалению, не без основания) публичного экзамена. По категорическому требованию великого князя Николая Николаевича игра была отменена за час до начала. Вторая и последняя попытка в этом направлении была сделана на съезде командовавших войсками в Киеве в апреле 1914 года — игра состоялась, но не дала никаких результатов. Подводя итог состоянию русской армии к лету 1914 года, мы можем увидеть два ее слабых места: во-первых, слабую технику, во-вторых, неудовлетворительный высший командный состав. Исправление первого недостатка было вопросом двух-трех лет. Гораздо серьезнее был второй — наследие предшествовавшей эпохи застоя и оскудения духа. Моральный уровень большинства старших начальников остался тот же, что в доманьчжурский период, и это фатально понижало качество работы самих по себе прекрасных войск. В результате наши отлично применявшиеся к местности взводы, великолепно стрелявшие роты и проявлявшие частный почин батальоны оказывались заключенными в вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии. Это слабое место не укрылось от зоркого, холодного и беспощадного взора врага. Характеризуя армии будущих своих противников, германский Генеральный штаб подметил невысокое качество наших крупных единиц. В борьбе с русскими войсками, — заключал в 1913 году его ежегодный рапорт, — мы сможем себе позволить действия, на которые не дерзнули бы с равноценным противником... Так стали писать о русской армии потомки кунерсдорфских беглецов...

Офицерский корпус насчитывал 1500 генералов и 44000 офицеров, врачей и чиновников. На строевых должностях и в войсковых штабах состояло 1200 генералов и 36000 офицеров.

Качество его было превосходно. Третья часть строевого офицерства имела свежий боевой опыт, и этот опыт был отлично использован и проработан. Поражение в Маньчжурии тут не только не подавляло дух (как то было у большинства старших начальников), но, наоборот, стимулировало энергию — и этой самоотверженной работе русского офицера армия была обязана своим перерождением в изумительно короткий срок. Оживлена была программа военных училищ, где решено было в 1913 году ввести трехлетний курс (а именно в бывших юнкерских училищах). Сильно повысился и уровень кандидатов в офицеры.

Еще совсем недавно — в куропаткинские времена и в 1905 году — отношение русского общества к армии и к офицеру было резко отрицательным и пренебрежительным. Генерал Ванновский, на склоне дней своих ставший министром народного просвещения, не находил ничего более умного, как отдавать в солдаты излишне шумных студентов. Нелепая эта мера сильно вредила армии, превращая ее в какое-то место ссылки, тюрьму, вредила и престижу военной службы в глазах страны, обращая почетный долг в отбывание наказания. К мундиру относились с презрением — Поединок Куприна служит памятником позорного отношения русского общества к своей армии. Военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям, в офицеришки могли идти лишь фаты, тупицы либо неудачники, культурный же человек не мог приобщаться к дикой военщине — пережитку отсталых времен. В 1901 году, — вспоминает полковник Сергеевский, — я кончал гимназию в Петербурге, кончал хорошо, с медалью. Заявил о желании поступить в военное училище. Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждений отказаться от моего некультурного желания. Это позор для гимназии, — говорил мне директор. Ведь кто идет в офицеры? Только идиоты или неудачники, говорили другие...

Милютинский Устав 1874 года, фактически освободивший от военной службы людей образованных и даже полуобразованных, лег всей своей тяжестью на неграмотных. Не отбывавшая воинской повинности интеллигенция, совершенно незнакомая с военным бытом,

полагала в начале XX века казарму тюрьмой, а военную службу состоящей из одной лишь прогонки сквозь строй. Из более чем двухвековой и славной военной истории она удержала лишь одно — шпицрутены. В этом отношении характерна психология Керенского, считавшего, что при царе солдат в бой гнали кнутами и пулеметами.

Конец 900-х годов принес резкий перелом. Кризис 1908 года показал опасность, нависшую над Россией с Запада. Германский бронированный кулак заставил всех серьезно призадуматься. Стал пробуждаться от столетнего почти сна патриотизм, и появилась тяга учащейся молодежи в военные училища. Туда шли уже окончившие или кончавшие университет, шли золотые и серебряные медали, пренебрегая традиционными естественными науками. С каждым годом эта тяга становилась все заметнее, все ощутительнее. В 1905 году гимназии и университеты были очагами революции, в 1917 году стали очагами контрреволюции. За этот промежуток они дали армии много тысяч доблестных офицеров. Отрезвление, таким образом, стало наблюдаться в младшем поколении русского общества (родившиеся в 90-х годах), как не успевшем окончательно заостенеть в партийных клетках, подобно отцам и старшим братьям. Это молодые офицеры выпусков начала 10-х годов и прапорщики первого года Мировой войны — та категория русского офицерства, что имела наибольшее количество убитых...

Поднятию престижа военной службы способствовала и введенная весной 1908 года красивая форма обмундирования. Форма эта с ее цветными лацканами и киверами с султаном (этот головной убор — в гвардии) приближалась к образцам александровской эпохи. Офицеры (но только в армейской пехоте) могли носить вместо некрасивых шашек — сабли, как до Александра III. Конница засверкала великолепием касок, киверов, колетов, доломанов и ментиков. Психологически это имело огромное значение — роль одежды была значительна во все времена и у всех народов. Материалисты этого не понимали и ворчали на эти непроизводительные затраты. Их, к счастью, не слушали. Был поднят вопрос об удлинении мундиров и шинелей с пригонкой их в талии и введении остроконечного матерчатого шлема-шишака. Это было осуществлено уже в Красной Армии. В 1910 году введено походное защитное обмундирование: гимнастерка хаки и офицерский китель превосходной (с красноватой искрой) материи.

* * *

Русское офицерство не образовало сплоченной касты — государства в государстве, каким был прусско-германский офицерский корпус. Не замечалось в нем и товарищеского духа австрийцев, бывших с времен Тридцатилетней войны от фельдмаршала до прапорщика на ты. Чрезвычайно разнообразный по происхождению и воспитанию, русский офицерский корпус (по составу — самый демократический в мире) объединялся лишь чувством преданности Царю и жертвенной любовью к Родине. Офицер был привязан к своему полку. Чем глуше была стоянка, тем сплоченнее была там полковая семья, тем выше был дух полка. Гвардия находилась в особых условиях комплектования и службы. Спайка заметно ослабевала в так называемых хороших стоянках, больших гарнизонах, где появлялись посторонние, внеполковые интересы.

Если можно было считать обычным бытовым явлением наличие более или менее сплоченной полковой семьи, то единой общеофицерской семьи не было. Между родами оружия, да и между отдельными подразделениями одного и того же рода оружия наблюдалась рознь и отчужденность. Гвардеец относился к армейцу с холодным высокомерием. Обиженный армеец завидовал гвардии и не питал к ней братских чувств. Кавалерист смотрел на пехотинца с высоты своего коня, да и в самой коннице наблюдался холодок между регулярными и казаками. Артиллеристы жили своим строго обособленным мирком, и то же можно сказать о саперах. Конная артиллерия при случае стремилась подчеркнуть, что она составляет совершенно особый род оружия (известное отрицательное влияние имело предпочтение, оказываемое великим князем Сергеем Михайловичем конноартиллеристам).

Все строевые, наконец, дружно ненавидели Генеральный штаб, который обвиняли

решительно во всех грехах Израиля. Если в каком-нибудь провинциальном гарнизоне стояли — даже в небольшом количестве — части трех главных родов оружия, то обязательно имелось три отдельных собрания — пехотное, кавалерийское и артиллерийское. Великий князь Владимир Александрович, в бытность свою главнокомандовавшим гвардией и Санкт-Петербургским округом, боролся с этим взаимным отчуждением, и по его инициативе в 1898 году открылось Собрание армии и флота. Подобные собрания были потом заведены во многих гарнизонах.

Своеобразным и красивым обычаем было кавказское куначество — боевое братство различных полков, свято соблюдавшееся и в мирные времена. Вековой этот обычай сплотил воедино всю Кавказскую армию, жившую одной общей товарищеской семьей. Когда в 1911 году при Кавказской кавалерийской дивизии был образован конногорный артиллерийский дивизион, вновь прибывшие конноартиллеристы пытались было третировать пехоту, но сразу же — и навсегда — были одернuty драгунскими офицерами.

Преимущества, дававшиеся офицерам гвардии и Генерального штаба, очень болезненно воспринимались армейцами, считавшими, что у них перебивают дорогу. Справедливость требует отметить, что эти сетования в общем основательны. Гвардейские преимущества — в частности старшинство чинов — были бы понятны, сохрани гвардия ту важную политическую роль, для которой она была создана. Этого, к сожалению — и очень большому сожалению, уже не было, и целесообразность преимуществ отпадала. Что касается офицеров Генерального штаба, то, получив высшее военное образование, они уже тем самым ставились в исключительно выгодные условия даже без нарочитых привилегий, делавших службу строевого офицерства до чрезвычайности неблагоприятной. Армейские штаб-офицеры косились на гвардейских полковников, принимавших армейские полки вне очереди. Необходимо, однако, заметить, что эти гвардии полковники были, как правило, превосходными командирами.

Главной причиной разнородности состава нашего офицерского корпуса была разнородная его подготовка. Кадетские корпуса, а вслед за ними и военные училища, делились на привилегированные и непривилегированные, в училища этой последней категории принимались и не окончившие курса в гражданских заведениях. Уклад жизни, самые программы были различны. При разборке вакансий большинство юнкеров смотрели не на полки, а на стоянки. Кончавшие первыми разбирали лучшие стоянки, кончавшим последними доставались медвежьи углы. Таким образом, одни полки комплектовались портупей-юнкерами, другие последними в списке. Но тут решающий корректив вносила сама жизнь. Последние в школе оказывались часто первыми в строю и в бою, тогда как карьеристы, выбиравшие не полк, а комфортабельную стоянку, обычно мало что давали полку.

Создание единого и сплоченного офицерского корпуса было государственной необходимостью. Для этого требовалось вернуть гвардии ее первоначальное назначение. Гвардия Петра I была государственным учреждением исключительной важности — мыслящим и действующим отбором страны. Павел Петрович совершенно исказил ее характер, передал ее на отбор исключительно физический по королевско-прусскому образцу. Все милютинские пехотные училища надлежало закрыть, а кандидатов в офицеры (юнкеров) и офицеры запаса (вольноопределяющихся) писать в гвардию. Трехлетняя гвардейская шлифовка дала бы однородную, тесно сплоченную, проникнутую одинаковыми воззрениями офицерскую среду, и на этом несравненном фундаменте можно было возвести безбоязненно грандиозное здание обновленной Российской Империи. Каждый гвардейский полк имел бы в своем составе два школьных батальона (юнкерский для подготовки кадровых офицеров и вольноопределяющихся — для подготовки офицеров запаса) и два строевых (солдатских). Портупей-юнкера в звании гвардии сержантов и капралов должны были бы иметь вход ко Двору. По истечении трехлетней научной и строевой подготовки юнкера и вольноопределяющиеся производились бы в гвардии прапорщики с переименованием затем в армейские подпоручики. Строевые батальоны могли бы нести гарнизонную службу в

столице и участвовать в походах, что вернуло бы нас к положению, существовавшему во времена Миниха и Кейта.

Императорское правительство совершило жестокий промах, недооценив великой политической роли в стране организованного, сплоченного в монолит офицерского корпуса. Оно не сумело ни его подготовить, ни его ориентировать. Император Николай Александрович смотрел на военных как на членов семьи, инстинктивно угадывая в офицерах вернейшую опору государству. Чувствуя фальшь и интриги придворной среды, Государь в последние годы перед Мировой войной искал общества офицеров, запросто посещая собрания. К сожалению, практически эти чаяния не вылились в законодательстве.

Эволюция нашего плана войны

Когда в результате франко-германской войны на нашей границе создалась — не без нашего просвещеннейшего содействия — могущественная Германская Империя, правительство Императора Александра II увидело, что в своем германофильстве зашло слишком далеко. Начиная с 1873 года, под руководством сперва графа Милютина, затем генерала Обручева началась работа по составлению плана войны с западными нашими соседями. В 1879 году был заключен Тройственный союз, направленный определенно против России, а в 1880 году генералом Обручевым был составлен первый план войны с обеими немецкими державами. План этот подвергся изменениям в 1883 и 1887 годах, но основная его идея оставалась неизменной: используя выгодное географическое положение вдававшегося в глубь вражеских земель Царства Польского (Передовой театр) и опираясь на продуманную систему крепостей, бить по сообщениям противника. Удар по германцам наносился из бугонарецкого района в тыл Восточной Пруссии, удар по австрийцам — вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции.

Главные силы направлялись против Австро-Венгрии. Несмотря на то что с Францией не имелось никакого соглашения, генерал Обручев полагал, что она не останется безучастной зрительницей и поспешит воспользоваться случаем для реванша, связав немцам руки. Особенно четко была выражена идея удара по австрийцам в плане 1887 года. Обручев направлял против Австро-Венгрии 405 батальонов, 378 эскадронов и 1318 орудий, тогда как против Германии противника более высококачественного — 461 батальон, 276 эскадронов, 1254 орудий. Стратегические резервы направлялись на австрийский фронт.

В последующие годы активная в общем идея плана войны понемногу стала утрачивать свою четкость. По плану 1890 года силы австрийского фронта оставлены в общем без изменений (396 батальонов, 405 эскадронов, 1324 орудия), тогда как германский фронт был доведен до 531 батальона, 322 эскадронов и 1304 орудий. В дальнейшем этот последний был еще усилен: согласно заключенной 17 августа 1892 года франко-русской военной конвенции, Россия обязалась выставить против Германии 800000 бойцов.

В 1900 году военный министр генерал Куропаткин составил новое — 18-е расписание, согласно которому против Австро-Венгрии развертывалось 540 батальонов, 459 эскадронов и 2064 орудия, а против Германии — 618 батальонов, 450 эскадронов и 1944 орудия (мы знаем, что в 1898 году вооруженные силы России увеличились). Всего развертывалось шесть армий: три против Германии 1-я на Немане, 2-я на Нареве, 6-я в резерве у Вильно, три против Австро-Венгрии — 3-я у Люблина, 4-я у Холма, 5-я у Ровно. Расписание корпусов по армиям в общих чертах осталось неизменным с 1900 по 1914 год: 1-я армия из корпусов Виленского округа, 2-я — Варшавского, 3-я — Московского, 4-я Киевского, 5-я — Одесского, 6-я — Санкт-Петербургского.

Генерал Куропаткин считал, что Германия двинет свои главные силы против России. Основная идея осталась прежней — главный удар по австрийцам (и эту выдержку следует поставить Куропаткину в заслугу, как редкий у него случай проявления воли). Генерал Куропаткин просил высказаться по существу плана М. И. Драгомирова. Герой Зимницы был категоричен: главный удар надлежало нанести Германии как наиболее опасному врагу; удар повести из Передового театра прямо на Берлин; для этого решительного удара сосредоточить подавляющие силы, жертвуя второстепенными направлениями в пользу главного. Цельность

и решительность этого взгляда испугали робкую и половинчатую натуру генерала Куропаткина. Записка М. И. Драгомирова, указывавшая на большой стратегический глазомер автора, на плане так и не отразилась. Характерно, что к ноябрю 1914 года обстоятельства на левом берегу Вислы совершенно стихийно сложились в духе предложения М. И. Драгомирова: там столпилась большая часть наших корпусов, но ослабленных уже и действовавших на совершенно необорудованном театре. Поход на Берлин, задуманный Ставкой, мог быть — и стал — при таких обстоятельствах лишь покушением с негодными средствами.

В 1902 году было санкционировано деление вооруженной силы на фронты, названные сперва — по противникам — Германским и Австрийским, затем географически — Северо-Западным и Юго-Западным. Во главе первого был поставлен великий князь Николай Николаевич при начальнике штаба генерале Палицыне, во главе второго — генерал Куропаткин с начальником штаба генералом Сухомлиновым. Превосходный кавалерист, великий князь объехал со своим начальником штаба верхом весь свой фронт от Вислы до Курляндского побережья. Главнокомандующим должен был быть Государь.

Августейший главнокомандующий Северо-Западным фронтом был сторонником оттягивания нашего стратегического развертывания назад, в глубь Белоруссии. Великий князь считал Передовой театр слишком рискованным плацдармом и полагал встретить неприятеля у Борисова и Минска. Эти соображения разделялись и кругами, заинтересованными в дальневосточной авантюре. Осенью 1903 года Куропаткину с большим трудом удалось уговорить Государя оставить в силе милютинские соображения и развертывание войск на Передовом театре.

* * *

Японская война, нанеся такой ущерб морали наших военных кругов, немедленно же отразилась на плане войны с Центральными державами. Идеи Милютина и Обручева единогласно были признаны слишком рискованными. В Передовом театре был усмотрен только опасный польский мешок, где наши армии могли быть взяты в тиски двойным ударом австрийцев на Люблин и немцев на Ломжу.

Уныние, пессимизм, переоценка противника, стремление предугадать заранее все мелочи и предвидеть только худшее были в этот печальный период всеобщими и разделялись даже лучшими представителями русской стратегической мысли. Записка генерала Алексеева от начала 1908 года об инженерной подготовке театра военных действий считает Передовой театр самым слабым местом и вся проникнута идеей пассивной обороны. Чувства эти всецело разделил тогдашний начальник Генерального штаба генерал Палицын¹⁰⁷.

К этому же времени относится знаменитая записка полковника Ю. Данилова тогда 1-го квартирмейстера Главного управления Генерального штаба — легшая затем в основу всех последовавших наших планов. Чудовищный этот документ был основан на предположении, что Франция останется нейтральной, а Россия будет атакована Швецией, Германией, Австро-Венгрией, Румынией, Турцией, Китаем и Японией одновременно. Не предусмотрено было лишь нашествие марсиан. Абсурдная политическая предпосылка повлекла за собой и абсурднейший план стратегического развертывания. Не имея к тому никаких данных, Юрий Данилов принялся тем не менее гадать за противника — из каких портов и на каких пароходах поплывут шведы отбирать у нас Петербург и тому подобное. Германия, направив все свои армии на Россию, выберет для этого район к северу от Полесья и притянет туда же и австрийцев. Под этот воображаемый им самим план неприятеля Данилов подогнал и весь русский план войны.

Управления обоих фронтов упразднились. Почти что всю Действующую армию Данилов втиснул в район Свенцяны — Барановичи, сосредоточив здесь — буквально на пяточке — 50 дивизий: за 1-й и 2-й армиями в затылок им стояли 4-я и 5-я. Вся Польша — 10 губерний — отдавалась врагу без выстрела, только в Новогеоргиевске зачем-то запирались 4 дивизии, обреченные на верную гибель.

Никакой задачи армиям не ставилось, никакого маневра не указывалось. Им предписывалось действовать по обстоятельствам, то есть их отдавали в подчинение неприятельскому главнокомандующему...

На отлете от всей этой столпившейся неподвижно, наподобие римлян под Каннами, массы к югу от Полесья действовала 3-я армия, подставлявшаяся под отдельное поражение. Все же это удивительное развертывание прикрывалось одним XIV армейским корпусом, которому указан был фронт Люблин — Ко ведь — 150 верст по воздушной линии. Эта паутина должна была сдерживать две австрийские армии!

Таков был план, вошедший в силу в сентябре 1910 года. В штабах округов он вызвал единодушные протесты: будущие исполнители не желали расхлебывать столь круто заваренную кашу. На съезде начальников штабов округов в феврале 1912 года он был признан невозможным. С особенной силой и авторитетностью восстал против плана 1910 г. тогдашний начальник штаба Киевского военного округа генерал Алексеев. Он считал, что в 1912 году русская армия достаточно усилилась для того, чтобы действовать наступательно. Против Германии надлежало оставить не свыше 6 корпусов, а все остальные силы двинуть на Австро-Венгрию. Развивая мысль генерала Алексеева, начальник штаба Варшавского округа генерал Ключев указал на бесполезность наступления 2-й армией в Восточную Пруссию (словно предчувствуя ее и свою судьбу) и советовал направить эту армию, в составе трех корпусов, на Юго-Западный фронт. Главному управлению Генерального штаба скрепя сердце пришлось уступить — и выработка новых основ плана развертывания была поручена комиссии генерал-квартирмейстеров окружных штабов во главе с генералом Постовским¹⁰⁸.

Комиссия генерала Постовского пришла к необходимости нанести главный удар Австро-Венгрии (как на том настоял на Московском совещании генерал Алексеев). Признавалось необходимым восстановить управление фронтов и иметь на всякий случай вариант для парирования германского наступления.

Работа комиссии генерала Постовского совпала с получением Главным управлением Генерального штаба ценных самих по себе сведений о стратегическом развертывании австро-венгерских армий. Главное управление Генерального штаба подкупило одного австрийского полковника (начальника штаба 8-го армейского корпуса), выдавшего план развертывания.

Метод этот характерен для руководителей нашей стратегии. Строя все свои планы по обращению неприятельскому, они придавали чрезвычайное значение подобного рода документам, полезным разве лишь в качестве справки. Наш Генеральный штаб совершенно подчинил главную работу — оперативную второстепенной — разведывательной. Требуя от своих официальных представителей за границей шпионской работы (что совершенно не должно входить в круг обязанностей военного агента). Главное управление Генерального штаба ставило наших военных агентов в Велев положение невозможное, а часто — унижительное. Генерал Данилов воспользовался этим и подогнал наш план развертывания под австрийский, дав армиям Юго-Западного фронта указания в зависимости от обнаруженных намерений противника. Прием, допустимый для школьника, подгоняющего решение задачи под ответ, но преступный для составителя плана войны. Русским армиям было указано действовать не так, как того требовали интересы русской стратегии, русской государственности, а так, как то предначертал Его Величество Противник.

По добытым сведениям, Австро-Венгрия, оставив небольшой заслон против Сербии, все свои силы — в четырех армиях — развернула в Восточной Галиции для удара по Киевскому округу. Сообразно с этим, составители русского плана нацелили все армии Юго-Западного фронта на Восточную Галицию, сосредоточив ударную группу (сильная 3-я армия) на левом фланге в львовском направлении и оставив правый фланг на люблинском направлении слабо защищенным. Раз Его Величество Противник соизволил решить двинуться в южном направлении, то и нам надлежало заниматься только Ровно и Проскуровом, пренебрегая Люблином Холмом. Генерал Постовский обращал внимание на

огромную важность для нас района 4-й — 5-й армий у Люблина — Холма, но соображения его были оставлены без внимания Жилинским и Даниловым. А между тем, будь у нас вместо нерадивых школяров самостоятельно мыслящие стратеги, они там-то и сосредоточили бы ударную группу, чтоб сокрушительным ударом вверх по Висле поймать в мешок всю австро-венгерскую вооруженную силу.

По плану, принятому в мае 1912 года (видоизмененное 19-е расписание), задачи фронтов при варианте А (на Австрию) были: Северо-Западного — поражение германских войск и овладение Восточной Пруссией. Маневр этот выполнить двумя армиями: 1-й (Гвардейский, I, III и IV армейские корпуса) обойти Мазурские озера с севера, 2-й (II, VI, XIII, XV и XXIII армейские корпуса) обойти те же озера с юга. Здесь мы встречаем кое-какую географию, но не встретим никакого намека на стратегию. Юго-Западному фронту ставилось задачей нанести поражение австро-венграм, воспрепятствовав им отойти за Днестр и на Краков. Для этого 4-я армия (Гренадерский, XIV, XVI и XX армейские корпуса) от Люблина нацеливались на Перемышль, 5-я армия (V, XVII, XIX и XXV армейские корпуса) от Холма шла в тыл Львову, а 3-я армия ломилась на Львов с фронта двумя группами; от Ровно (IX, X, XI, XXI и III Кавказский корпуса) и от Проскурова (VII, XII и XXIV корпуса).

Наконец, оставлялись заслоны. От шведов — 6-я армия в Санкт-Петербурге (XVIII и XXII армейские корпуса) и от румын — 7-я армия в Одессе (VIII корпус и приданные ему части). Получив свободу действий, Жилинский и Данилов немедленно решили начать работу по возвращению к плану 1910 года — отходу в глубь России и нагромождению армий друг дружке в затылок. Выработанное ими в 1913 году 20-е расписание уже отражало эту тлетворную тенденцию. В нем чувствуется стремление оттянуть назад наиболее выдвинутые 2-ю и 4-ю армии. Из состава этих армий — как раз главных в стратегическом отношении (ибо выводили на пути сообщения противника) Жилинский и Данилов выдернули по корпусу. Заручившись австрийской шпаргалкой и составив по ней свой план. Главное управление Генерального штаба решило впредь избавиться от опеки окружных штабов и в 1913 году выхлопотало себе самостоятельность в этом отношении.

Существовал еще вариант Г (на Германию). В случае, если германские армии сами переходили в наступление, Северо-Западный фронт усиливался 4-й армией, приводившейся в составе XVI и XX армейских корпусов в районе Риги на правый фланг развертывания, 1-я армия оставлялась в том же составе, а во 2-ю прибывали Гренадерский и XVII корпуса. Северо-Западный фронт усиливался, таким образом, на 4 корпуса, и задача (поражение германцев и овладение Восточной Пруссией) ему оставлялась прежней. Юго-Западному фронту указывалось лишь не допускать австрийцев зайти в тыл Северо-Западного фронта. Непосредственное выполнение возлагалось на 5-ю армию в составе V, XIV, XIX и

XXV армейских корпусов, которой указывалось во что бы то ни стало сохранить Брест. Задача 3-й армии оставалась прежней.

Тем временем произошла Балканская война. Куманово и Битоль всполошили Австро-Венгрию. Сербия оказалась врагом более опасным, чем то полагали. Начальник имперского Генерального штаба генерал Конрад фон Гетцендорф¹⁰⁹ коренным образом переработал весной 1914 года свои планы, сняв одну армию с русского фронта на сербский. Фронт развертывания против России пришлось сократить и ориентировать уже не к востоку — на Киев, а к северу — на Люблин во фланг и в тыл Варшавскому округу.

Таким образом, австрийская шпаргалка 1912 года утратила два года спустя всякую ценность, а построенный на ее основании план постигла участь плана Вейротера. Одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия. Русский удар по Львову наносился в пустопорожнее пространство. Наоборот, австрийский удар по Люблину попадал в самое уязвимое место нашего развертывания и ставил русскую армию в положение, близкое катастрофическому.

Совещания начальников русского Генерального штаба с их французскими коллегами происходили ежегодно. Требования французов заключались в возможно более срочном наступлении Северо-Западного фронта с целью отвлечь на себя 5-6 германских корпусов. Из

протоколов этих совещаний видно, что французы все время подчеркивали, что благодаря обеспеченному нейтралитету Италии они выставят против Германии число бойцов, превышающее условленное конвенцией 1892 года. Нам предлагалось тоже усилить армии Северо-Западного фронта. Австро-Венгрию французы недооценивали — выбор нашего главного удара по австрийцам им, видимо, чрезвычайно не нравился.

Готовность наших войск к наступлению определялась сроком 20 дней. В 1911 году генерал Жилинский заверил генерала Дюбайля¹¹⁰, что войска эти якобы способны к наступлению уже на 15-й день мобилизации. Следствием этого легкомысленного и преступного обещания должен был быть поход в Восточную Пруссию совершенно неготовых войск. Об организации операционной базы и устройстве продовольственной части генерал Жилинский, оказывается, забыл. Бессознательность эта доходила у него до того, что на военной игре в Киеве (апрель 1914 года) он доказывал возможность перейти в наступление 1-й армией уже на 12-й день! Всемогуший Сухомлинов вопросами стратегического характера совершенно не интересовался и к разработке плана развертывания никакого отношения не имел. Сухомлинов навряд ли и был способен иметь свое суждение по этому вопросу, в котором он совершенно не разбирался. Его пометки согласен, совершенно верно, разумеется и т. п., поставленные на докладах диаметрально противоположного характера, достаточно ясно на это указывают. Делом этим ведали очередной начальник Генерального штаба и бессменный генерал-квартирмейстер Ю. Данилов. Этот последний и несет на себе всю ответственность.

Рассматривая стратегическую подготовку России к войне, мы должны констатировать полный разрыв между стратегией и политикой. Русская стратегия творилась в безвоздушном пространстве, без всякого учета сложившейся политической обстановки. Главное управление Генерального штаба считалось с нападением Швеции, игнорируя фактический наш союз с Англией, тогда как каждый консульский секретарь знал, что Швеция — такой же британский доминион, как и Португалия, и против воли Англии никогда не пойдет. Мы могли быть спокойны за Петербург и сразу же двинуть XVIII и XXII корпуса на фронт, где нужен был каждый батальон. Столь же неосновательны были и опасения за Румынию: после событий 1913 года ей не было никакого интереса сразу объявлять войну Сербии. Ясно было, что Румыния выждет событий, чтобы потом поспешить на помощь победителю. Ни на чем не были основаны страхи перед Японией: мукденские победители нуждались в мире еще больше, чем мы, переваривая Корею и Южную Маньчжурию (на Японию, кроме того, давила и Англия). Наконец, совершенно необъяснимо было упорное желание считать Италию в числе наших врагов, когда нейтралитет ее был обеспечен еще с 1910 года (свидание в Ракониджи). И столь же изумительны были расчеты на Болгарию...

События мировой политики проходили мимо руководителей русской стратегии, не оставляя никакого следа на их решениях. Можно было подумать, что Дворцовая площадь и Певческий мост находились на двух совершенно различных планетах. Политическая неграмотность влекла за собой неграмотность стратегическую.

Большая программа. Реформа 1910 года привела всю пехоту в однородный состав полевых войск и ввела орудия навесного огня в состав корпусной артиллерии. Это был лишь первый шаг к задуманной коренной реорганизации русской армии, значительно усилившей ее состав и техническую мощь. Эта коренная реорганизация тормозилась отсутствием чрезвычайных кредитов, которых испрашивалось на сумму 500 миллионов рублей. Такой же кредит потребовало и Морское ведомство для восстановления совершенно уничтоженного флота.

Император Николай Александрович решил сперва удовлетворить чаяния моряков. Петр I поступил бы совершенно так же. Моря для России составляют легкие, которыми она дышит. Флот нужен ей совершенно в той же степени, что и армия, воссоздание же его всегда является делом гораздо более длительным и трудным. Ассигнование кредитов в первую очередь Морскому ведомству государственно оправдывалось. До сознания этой государственной необходимости не доросло ни общество (Дума отказывалась отпустить

кредиты: Гучков¹¹¹ доказывал, что России флот не нужен), ни даже правительство в лице генерала Сухомлинова: одна рука потентата игнорировала другую. Своим возрождением после Цусимы флот был обязан целиком Государю.

К сожалению, морской министр адмирал Григорович¹¹² главное внимание обратил на менее важное Балтийское море и недооценил всей срочности усиления Черноморского флота, дабы держать Турцию в повиновении, а проливы открытыми. Решено было устроить судостроительные заводы в Николаеве. Для этого все верфи и эллинги надо было создать в голой до того степи. Титаническая эта работа была сделана в изумительно короткий срок. Как бы то ни было, первый дредноут мог вступить в строй не ранее лета 1915 года. В то же время турецкий флот должен был осенью 1914 года усилиться двумя строившимися в Англии дредноутами. Настоятельной необходимостью был бы перевод в Черное море из Балтийского (где она все равно была бы бессильна против Германии) дивизии 4 старых линейных кораблей. Этим путем Черноморский флот, доведенный до состава 9 броненосцев, сохранил бы господство на море. Посылка балтийских броненосцев в Севастополь в конце 1913 года была бы шагом, более достойным для российской великодержавности, чем слезливые протесты нашей дипломатии против назначения Лимана фон Сандерса.

Лишь в 1913 году Военному ведомству удалось получить кредиты для выполнения в пятилетний срок Большой программы. По этой программе, русская армия к концу 1917 года сравнивалась техникой с германской. По Большой программе наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1 230 000 человек до 1 710 000 человек в мирное время. Усиленный призыв 1913 года и оставление на всю зиму срока 1910 года превысили, как мы видели, эту норму.

Пехота получала приращение в 274 000 человек. Вновь должно было формироваться 32 пехотных полка и 6 стрелковых (главным образом, третьи бригады в пехотных дивизиях пограничных округов, 3 новых пехотных дивизий, 1 стрелковая бригада и новый XXVI армейский корпус в Варшавском военном округе). Особенное внимание было обращено на увеличение штатов. В пограничных округах определен таковой в 100 рядов (полный). Часть внутренних корпусов должна была с нормального штата 60 рядов перейти на усиленный — 84 ряда.

По Большой программе 1917 годы сформировать кавалерийских дивизиях 6 полков: 4 собственно в

По Большой программе предположено было на 1914–1917 годы сформировать 26 кавалерийских полков.

В кавалерийских дивизиях должно было считаться 5–6 полков: 4 собственно в дивизии, а 1–2 (по очереди) в качестве войсковой конницы. Кавалерия должна была увеличиться на 38 000 всадников. Усиливались штаты и должна была составиться войсковая конница, отсутствие которой, наконец-то, стало тревожить наши военные верхи.

Особенно усиливалась артиллерия. Все полевые батареи приводились в 6-орудийный состав. В артиллерийскую бригаду включалось 9 пушечных и 2 мортирные батареи — всего 66 орудий, а каждому армейскому корпусу придавался тяжелый дивизион в 4 батареи (42-линейные пушки и 6-дюймовые гаубицы). В корпусе, таким образом, к 1917 году должно было состоять 200 орудий (в Германии — 160), а в дивизии пропорция артиллерии с 3 орудий на батальон повышалась до 5,5.

Все это осталось на бумаге. Весной 1914 года была сформирована 4-я стрелковая Финляндская бригада — все, что успели осуществить из всего грандиозного плана. Германия не стала дожидаться проведения Большой программы русской армии.

* * *

Вопрос о предупредительной войне с каждым месяцем ставился для Германии все более остро. Надо было торопиться и не пропустить все сроки. В 1913 году имперский военный министр генерал Фалькенгайн¹¹³ закончил проведение своей программы, сформировав по корпусу (20-й и 21-й) на русской и французской границах и создав тяжелую артиллерию неслыханных доселе калибров. Два обстоятельства заставляли Германию торопиться и метнуть молот Тора в собиравшуюся над Валгаллой тучу.

Первым обстоятельством была русская Большая программа. Время работало на Россию, русская армия крепла с каждым годом. В 1917 году она грозила стать слишком сильной.

Второе обстоятельство было еще важнее. Надо было использовать австро-венгерского союзника, пока тот еще существовал: одной Германии нечего было и думать справиться с Россией и Францией.

Престарелому императору Францу Иосифу пошел 85-й год. Долго он еще прожить не мог. С его же смертью Австро-Венгрия должна была вступить в период внутренних потрясений и отойти от Германии. Престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд¹¹⁴, женатый на чешке, был ненавидим в Будапеште и не скрывал как неприязни к мадьярам и симпатий к славянским народностям габсбургской короны, так и холодности к Германии. Следующий по порядку престолонаследия юный эрцгерцог Карл Франц Иосиф, женившийся только что на бурбонской принцессе, просто ненавидел Германию и считал отход от нее главным условием политики своей страны.

С другой стороны, автономная Венгрия открыто требовала уничтожения Сербии, мешавшей ей дышать. Эта тенденция была для Германии чрезвычайно выгодной, так как совпадала с ее видами на Ближнем Востоке: с уничтожением Сербии открывался путь Берлин — Багдад.

Эти два желания (Будапешта — уничтожить сербского конкурента и Берлина уничтожить еще неокрепших противников на Востоке и Западе) совпали одно с другим во времени.

Первое могло служить предлогом для второго: при натянутости австро-сербских отношений там можно было легко вызвать инцидент и раздуть его. Но пожар на Балканах отнюдь не был необходим для начала предупредительной войны: провоцировать Россию и Францию можно было различными другими путями; австро-сербский конфликт, конечно, значительно мог бы облегчить работу Германии.

В мае 1914 года состоялось в замке Конопишты свидание германского императора с австро-венгерским престолонаследником. Совещание осталось секретным. Судя по тому, как развернулись события, а также принимая во внимание нравственный облик Вильгельма II, можно со значительной долей вероятности предположить, что эрцгерцог Франц Фердинанд воспротивился германо-мадьярскому плану, и его участь в глазах венценосного Каина, как и участь многих других, отныне была решена.

Глава XV. Мировая война

Первая половина 1914 года ознаменовалась двумя событиями.

В мае в Гааге при исключительно торжественной обстановке, в присутствии делегатов всех стран света, был открыт Дворец мира. Отныне война бесповоротно изгонялась из обихода культурного человечества, в истории которого начинался золотой век — эпоха мирного сотрудничества народов...

15 (28) июня в Сараево, в Боснии, были застрелены эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга. Убийца был гимназист — боснийский серб, австрийско-подданный. Убийство вызвало взрыв ликования в ведущих мадьярских кругах. Во-первых, исчез наиболее одиозный для Венгрии политический деятель. Во-вторых, убийство это давало, наконец, возможность раз навсегда покончить с ненавистной Сербией. Завлечь боснийских сербов в искусно расставленную сараевскую западню оказалось делом нетрудным.

Для политиков опытных и беспринципных — а Тисса в его окружение вполне отвечали этим двум требованиям — казалось детской игрой скомпрометировать белградское правительство, обвинить его во вдохновительстве и подстрекательстве и юридически обосновать карательную экспедицию фельдцейхмейстера Потиорека. Возникал, правда, вопрос, что скажет и, главное, что сделает Россия. Но Россию после капитуляции 1909 года

великой державой не считали — полагаясь, впрочем, и на устрашающую мощь германского союзника.

В продолжение последних июньских и первых июльских дней политическая жизнь Европы внешне вошла в нормальную колею. В монархических странах был объявлен придворный траур. Сербия, расстрелявшая свои боевые запасы в двух балканских войнах и не успевшая еще их возобновить, налаживала администрацию отвоеванной Македонии; воевода Путник, ничего не подозревая, лечился в Австрии на водах. В России положение было чрезвычайно напряженное. Загнанная внутрь Столыпиным болезнь вновь начинала сказываться. Забастовки и рабочие волнения принимали стихийный характер — и Петербург пришлось в конце концов объявить на военном положении. Внимание правительства и общества сосредоточилось частью на этих настроениях, грозивших повторением 1905 года, частью отвлекалось визитами иностранных гостей. Только что чествовали прибывшую в Кронштадт британскую эскадру адмирала Битти, и сейчас весь Петербург и войска Красносельского лагерного сбора готовились к встрече президента Пуанкаре.

А тем временем в Центральной Европе произошли решающие сдвиги. Подбодряемый Берлином Будапешт склонил Вену на роковой шаг. И 12 июля Европа содрогнулась от первого грома — Австро-Венгрия послала ультиматум Сербии.

* * *

Все свои надежды Сербия возложила на Россию. Выдержать удар начавших уже мобилизацию 11 австро-венгерских корпусов она не могла. Престолонаследник Александр телеграфировал Императору Николаю Александровичу о трагическом положении своей страны. Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии, — ответил Император Всероссийский. Получив этот ответ, старик Пашич перекрестился: Есть Бог на небе, а Царь в России! — воскликнул он.

Сербия приняла все условия драконовского ультиматума, за исключением одного второстепенного, рассчитанного на то, чтобы затронуть национальную честь. А именно, подчинения сербских судебных властей австрийским. Любое великодержавное правительство удовлетворилось бы этим. Но имперский министр иностранных дел граф Берхтольд всецело шел по камertonу Тиссы — и 15 июля на улицах Белграда стали рваться снаряды земунских батарей.

От Германии зависело остановить австро-сербскую войну либо дать ей разгореться в общеевропейскую. В Берлине не колебались: лучшего повода для предупредительной войны и мыслить было трудно. Еще 8 июля, за четыре дня до австро-венгерского ультиматума, находившиеся в отпуску военнослужащие были вызваны в свои части, а с 11-го числа исподволь начались военные перевозки. Вильгельм II слал в Петербург успокоительные телеграммы, заверяя того, кого он еще называл своим братом, о своих примирительных шагах в Вене, а в то же время категорическими телеграммами своему там послу повелевал ни в коем случае не создавать у австрийцев впечатление, что мы противимся их решительным шагам. Начальник же Большого Генерального штаба граф Мольтке-Младший потребовал 16 июля от генерала Конрада общей мобилизации австро-венгерской армии против России.

Получив известие об австрийском ультиматуме и о начале мобилизации австро-венгерской армии. Император Николай II повелел 13 июля ввести предмобилизационное положение. Находившиеся в отпуску были вытребованы в свои части, а войска из лагерей вернулись на свои стоянки. В германской армии меры эти были приняты за пять дней до того.

15 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, и 16-го генерал Янушкевич представил Государю на выбор и на подпись два указа: об общей мобилизации и о частичной мобилизации четырех округов, войска которых предназначались к действию против Австро-Венгрии: Киевского, Одесского, Московского и Казанского. Этот последний вариант был элементарной мерой предосторожности против уже вооружившегося соседа.

Чтобы понять весь драматизм ставшей перед Государем дилеммы — сразу общая мобилизация или сперва частичная, надо иметь в виду, что, произведя частичную

мобилизацию, Россия уже не могла произвести общей мобилизации. Четыре юго-восточных округа мобилизовывались ценою бесповоротного расстройств трех наиболее важных стратегических северо-западных округов. Мобилизационное расписание не предусматривало частичной мобилизации отдельных округов. Частичные мобилизации должны были быть разработанными лишь по 20-му мобилизационному расписанию, еще не утвержденному. Имелись планы мобилизации отдельных корпусов для усиления сибирских округов в случае войны с Японией и Кавказской армии в случае войны с Турцией.

Мобилизовав только против Австро-Венгрии, мы рисковали бы впоследствии быть беззащитными против Германии. Не следует забывать, что Казанский округ комплектовал Варшавский, а отчасти и Виленский. Гвардия почти целиком пополнялась Киевским округом. В случае частичной мобилизации все эти запасные получали другое назначение. Отметим еще одну катастрофическую особенность частичной мобилизации: она оставляла неприкрытой южную часть Варшавского округа, на которую как раз и обрушивался главный удар австро-венгров.

Надежда на миролюбие Вильгельма II была столь велика, что Император Николай II после мучительных колебаний подписал указ о частичной мобилизации, назначив первым ее днем 17 июля.

Германии надо было найти предлог к объявлению войны. Частичная русская мобилизация таковым не могла считаться, ибо затрагивала только Австро-Венгрию. А эта последняя ничуть не собиралась объявлять войны России. Тогда в Берлине был предпринят мастерский ход. У фридриховских газетиров оказались достойные правнуки. 17 же июля экстренное издание официальной Локаль Анцейгер сообщило о мобилизации германской армии.

Русское посольство немедленно же сообщило об этом исключительном событии в Петербург. Известие это коренным образом изменило обстановку — и в 7 часов вечера последовал Высочайший указ о всеобщей мобилизации сухопутных и морских вооруженных сил. Первым днем этой общей мобилизации было назначено 18 июля. Германское правительство достигло своей цели. Оно смогло поэтому опровергнуть сообщение о мобилизации и в то же время распорядилось задержать на почте телеграмму нашего посла, сообщавшую об этом опровержении. В Петербурге ничего не узнали — и Высочайший указ о всеобщей мобилизации был разослан в штабы округов. Тогда 18 июля Германия в ультимативной форме потребовала от России отмены мобилизации в 24-часовой срок, а сама объявила у себя мобилизацию. В случае непринятия этого ультиматума Германия угрожала войной. Это чудовищное в случае его выполнения требование выдавало Россию головой на милость и немилость вооруженных до зубов соседей. Русская мобилизация никакой решительно опасности для Германии не представляла. Германия все равно заканчивала свою мобилизацию в два раза скорейший срок.

Император Николай II предложил Вильгельму II передать конфликт на рассмотрение третейского суда в Гааге. Ответом было объявление Германией войны России

19 июля в 7 часов вечера.

* * *

Политическому Вгапд nach Osten соответствовал стратегический Вгапе nach УУез^еп. Главный удар Германия наносила Франции, направив на Запад 45 полевых пехотных дивизий из 51 и 25 резервных дивизий из 30. Многочисленные бригады Ландвера и эрзаца доводили силы Германии до 123 пехотных дивизий, из коих 97 могли быть использованы на Западе и 26 на Востоке.

Во Франции апрельские выборы 1914 года дали самый левый парламент за всю историю Третьей республики. Выборы проведены были под знаком протеста против вооружений и трехлетнего срока службы. Антимилитаристическое правительство Вивиани¹¹⁵ ни в коем случае не желало ввязываться а войну Германии с царизмом. 18 июля, в день германского ультиматума России, по приказу военного министра французские войска были отведены на 10 километров от границы в доказательство миролюбия Франции (этот

неудачный пацифизм открыл немцам вогезские проходы и имел следствием потерю важнейшего военно-промышленного района Бризэй). 19 июля на требование Берлина выяснить свою позицию Париж ответил уклончиво, видимо, желая сохранить нейтралитет в русско-германской войне. Вивиани ответил, что Франция поступит, как то требуют ее интересы. 20 июля, на второй день русско-германской войны, когда военные перевозки германцев через Рейн на Запад приняли угрожающий оборот, французское правительство было вынуждено объявить мобилизацию, прибавив, что она еще не означает войны.

Но Германии необходимо было провоцировать войну. Ее план предусматривал удар на Западе при всяких политических обстоятельствах. Франция сама не желала объявлять войны — значит ей надо было навязать войну.

21 июля Германия потребовала от Франции уступки Туля и Вердена и, не выждав ответа на это неслыханное требование, объявила ей войну, заявив, что французские летчики бомбардировали Нюрнберг. Нюрнберг — город, ничтожный в стратегическом отношении (только фабрики игрушек). Если французские летчики хотели бомбардировать немецкие города, то они, конечно, выбрали бы своим объектом какой-нибудь иной пункт.

Две германские армии собрались в Эльзас-Лотарингии, пять развернулись на бельгийской границе. По праву сильного Германия потребовала от Бельгии (чей нейтралитет в свое время гарантировала) свободного пропуска. Но маленькая страна имела великого короля — и немцы получили ответ, какой заслуживали. В тот же день 21-го германцы перешли бельгийскую границу и ринулись на льежские форты.

Завоевание Бельгии немцами грозило смертельной опасностью Англии. Антверпен — заряженный пистолет, направленный в сердце Англии, — говорил император французов, и Англия не за тем воевала полтора столетия с Людовиками, Конвенцией и Наполеоном, отстаивая независимость Фландрии, чтоб видеть этот пистолет направленным в свое сердце мощной германской рукой.

22 июля великобританское правительство объявило Германии войну (поводом послужило нарушение бельгийского нейтралитета, гарантированного в числе прочих держав и Англией). Выступление Великобритании не очень беспокоило немцев: сухопутную британскую армию они презирали и рассчитывали кончить войну одним ударом до того, как начнет чувствоваться блокада страны британским флотом.

Объявив войну России, ввязавшись в войну со всей Европой, Германия увидела, что венский кабинет колеблется последовать ее примеру. В Вену было послано энергичное требование. Не находя никаких предлогов, Австро-Венгрия в конце концов объявила 24 июля войну России, мотивировав это тем, что Россия объявила войну ее союзнице Германии! В своих мемуарах Сазонов рассказывает, как к нему в кабинет явился австро-венгерский посол граф Сапари с текстом объявления войны. Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице Германии... — начал он читать по бумажке. Позвольте, — перебил его Сазонов, не Россия объявила войну Германии, а, наоборот, Германия объявила войну России. Сапари посмотрел умоляюще и снова начал: Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице Германии... — Позвольте, позвольте, — перебил его опять Сазонов, — это совершенно неверно! — Ах, господин министр! — в отчаянии воскликнул посол. — Войдите же в мое положение: мне так приказали!..

* * *

Тот подъем, что охватил в июльские дни 1914 года все слои русского народа, далеко превзошел своими размерами воодушевление 1877 года. Что-то великое, напоминавшее Двенадцатый год, чувствовалось во всем, начиная с торжественного обещания Императора Николая Александровича не заключать мира, пока хоть один вооруженный неприятель останется на русской земле.

Страна дружно откликнулась на призыв Царя. Во всех концах России запасные прибыли в свои части в количестве, превысившем на 15 процентов норму, предвиденную Главным управлением Генерального штаба. Главное управление Генерального штаба, принимая во внимание все более напряженную внутреннеполитическую обстановку,

осторожности ради считало, что на призыв явится только 80 процентов запасных. Явилось много охотников.

Нападение внешнего врага как бы разрядило напряженную политическую атмосферу.

Мобилизация протекла блестяще. Настроение общества было в общем весьма приподнятым. Заступничество за Сербию нашло здесь широкий отклик. Вчерашние космополиты оказались вдруг ярыми националистами. Господствующей нотой был здесь, впрочем, безрассудный шовинизм, истерическая ярость против всего немецкого. Люди, казалось бы, рассудительные вполне, вдруг потребовали переделки своих фамилий немецкого происхождения на русский лад. Венцом глупости было, конечно, требование переименовать Санкт-Петербург в Петроград град Святого Петра в город Петра I. Невежество наших образованных кругов, от которых исходила инициатива, было поразительно. Петр I назвал основанный им город в честь своего святого — Санкт-Питербурх — на голландский, отнюдь не на немецкий образец и, конечно, не подумал назвать его в честь себя. Санкт-Петербург по-русски можно было бы перевести Святопетровск. Петроград явился первым шагом к Ленинграду. Одни варвары переняли у других. Одновременно с этим по всей стране началась охота на немецких шпионов — дикая травля ни в чем неповинных людей. С помощью услужливой печати, которой вдруг всюду померещились переодетые прусские ротмистры, серьезное и всенародное дело защиты России превращалось в уголовный роман.

Иступленно-шовинистическая форма патриотической вспышки летом года 1914-го заставляла опасаться, что она будет кратковременной. Правительство должно было бы немедленно овладеть этой стихией, направить и организовать общественное мнение, собрать энергию в аккумулятор, не дать ей уйти в землю. Но столоначальники до этого не доросли.

Обществу надлежало доказать свой патриотизм и жертвенность не на словах, а на деле — возглавить свой народ в окопах и на заводах. Однако жертвенной готовности служить своей Родине в подавляющем большинстве русской интеллигенции не было. Наше законодательство, начиная с милютинского Устава 1874 года, фактически избавляло образованные классы от долга защищать Отечество, чем классы эти и пользовались. В военные училища пошла вначале очень лишь небольшая часть молодежи — подлинная соль земли. Пределом жертвенности всей массы русской интеллигенции была посылка в Действующую армию кисетов с табаком, исполнение гимна в кабинетах загородных ресторанов и патриотические речи на бесчисленных собраниях (через 2,5 года ставших именоваться митингами).

Стране так и не удалось на деле слиться с армией.

Сосредоточение армий и первые действия

Пехотные дивизии заканчивали свою мобилизацию на 8-й день, после чего немедленно приступали к погрузке. Второочередные дивизии заканчивали свое развертывание между 15-м и 18-м днями. Второочередные дивизии развертывались следующим образом. В Санкт-Петербургском округе — 67-я (из 22-й), 68-я (из 24-й) и 74-я (из 37-й); в Виленском военном округе — 76-я (из 40-й); в Варшавском военном округе — 75-я (из 38-й); в Киевском военном округе — 58-я (из 5-й), 60-я (из 9-й), 65-я (из 19-й), 69-я (из 31-й), 70-я (из 33-й), 78-я (из 42-й) и 79-я (из 44-й); в Одесском военном округе — 62-я (из 13-й), 63-я (из 14-й), 64-я (из 15-й) и 71-я (из 34-й); на Кавказе — 66-я (из 21-й); в Московском военном округе — 53-я, 54-я, 55-я (соответственно из 1-й, 2-й, 3-й гренадерских), 56-я (из 1-й), 57-я (из 3-й), 59-я (из 7-й), 61-я (из 10-й), 72-я (из 35-й), 73-я (из 36-й) и 81-я (из 46-й); в Казанском военном округе 77-я (из 41-й), 80-я (из 45-й), 82-я (из 47-й), 83-я (из 48-й) и 84-я (из 49-й); в Иркутском военном округе — 12-я и 13-я Сибирские (из 7-й и 8-й Сибирских); в Омском военном округе — 14-я Сибирская стрелковая (из 11-й). В пограничных округах срок боевой готовности конницы измерялся 6 часами, во внутренних — двумя сутками. В мобилизованной армии считалось 1830 батальонов, 1243 эскадрона и сотен, 908 батарей при 6720 орудиях.

С первых же дней мобилизации на местах, выполняя ответственную и почетную задачу

прикрытия, находились: в 1-й армии — части III армейского корпуса, 2-я и 3-я кавалерийские дивизии; во 2-й армии — VI армейский корпус, 4-я, 6-я и 15-я кавалерийские дивизии; в 4-й армии — XIV армейский корпус, 13-я, 14-я кавалерийские дивизии и отдельная Гвардейская кавалерийская бригада; в 5-й армии — XIX армейский корпус, 7-я казачья и 1-я Донская дивизии; в 3-й армии XI армейский корпус, 11-я кавалерийская дивизия; в новообразованной (из Проскуровской группы) 8-й армии — части XII армейского корпуса, 12-я кавалерийская и 2-я Сводно-казачья дивизии.

На долю этих войск прикрытия и пограничников и выпала честь первых выстрелов и первой крови. Первыми убитыми русской армии в Мировую войну были 6-й Таурогенской пограничной бригады штаб-ротмистр Рамбиди и вахмистр Пристыжнюк.

С 3-го дня в прикрытие были двинуты из внутренних округов 7 конных дивизий и 3 отдельных кавалерийских бригады, а затем — с 8-го дня — начались массивные и решительные перевозки пехоты и артиллерии армейских корпусов и стали прибывать льготные казачьи дивизии — 3-я, 4-я и 5-я Донские, 1-я и 2-я Кубанские, Терская и Оренбургская, составленные из полков 2-й очереди (льготных). Раньше еще были подвезены для усиления прикрытия: 1-я и 2-я Гвардейские кавалерийские дивизии, 1-я кавалерийская дивизия и 1-я отдельная кавалерийская бригада — в 1-ю армию; Кавказская кавалерийская дивизия и 5-я кавалерийская дивизия — в 4-ю армию (на левый берег); 2-я и 3-я кавалерийские бригады — в 5-ю армию; 3-я Кавказская казачья, 9-я и 10-я кавалерийские дивизии — в 3-ю армию.

Первые выстрелы раздались 19 июля вечером в самый день объявления войны, когда германский 5-й корпус¹¹⁶ захватил Калиш (где предался неслыханным зверствам). 20 июля 6-й германский корпус занял Ченстохов. Оба эти корпуса в последующие дни отбыли во Францию, передав занятый ими район ландверному корпусу генерала Войерша.

Расположенная здесь наша 14-я кавалерийская дивизия генерала Новикова произвела у Гербы налет на германскую территорию с целью отвлечь силы неприятеля, но безуспешно. Кроме 14-й кавалерийской дивизии у нас на всем протяжении левого берега Вислы вначале не было никаких сил.

Прикрытию 4-й, 5-й, 3-й и 8-й армий высочайше было поведено избегать каких-либо неприязненных действий в отношении австрийцев, пока они сами не объявят нам войны. Этого долго ждать не пришлось. 24 июля затрещали выстрелы и на галицийской границе.

В последних числах июля и первых числах августа наша конница имела ряд славных дел по всему фронту нашего развертывания. О неприятеле были собраны многочисленные сведения, тогда как наши силы остались совершенно неизвестными как для германцев, так и для австро-венгров. В 1-й армии 2-я, 3-я и прибывшая 1-я кавалерийская дивизии имели удачные дела у Эйдкунена и Маркграбова. Во 2-й армии 4-я кавалерийская дивизия была сильно потрепана 28 июля в бою с частями 20-го германского корпуса у Бялы. Мы потеряли 7 конных орудий, расстрелянных на открытой позиции, и до 500 человек убитыми и ранеными. На левом берегу Вислы 14-я кавалерийская дивизия не была в состоянии удерживать весь огромный район, и отошла к Кельцам, собрав ценные сведения о противнике: сюда наступали германский корпус Войерша, австрийский Куммера и сформированный в Галиции польский легион Пилсудского, не встретивший, однако, никакого сочувствия в населении Царства Польского.

Австро-венгры, имея превосходную конницу, решили предпринять усиленную стратегическую разведку. 1 августа их 2-я кавалерийская дивизия атаковала Владимир Волинский, но была расстреляна в единоборстве с Бородинским полком. У австро-венгров жестокие потери понесли 8 полка, атаковавшие в конном строю. Урон бородинцев, действовавших как на стрельбище, был всего 40 человек. 4 августа две другие дивизии перешли Збруч. Одна из них (5-я) была разбита нашей 2-й Сводно-казачьей под Городком и ночью совершенно разгромлена у Сатанова. Другая (1-я) захватила было Каменец-Подольск, но уже 7-го спешно отошла, ничего не успев выяснить в проскуровском направлении, где австро-венгерское главнокомандование и не подозревало о присутствии нашей 8-й армии.

* * *

Пока происходили эти первые стычки. Ставка, прибыв в Барановичи, приняла ряд ответственных решений.

Великий князь Николай Николаевич не принимал участия в составлении плана войны и не разделял идей навязанного ему в соотрудники Данилова. Он был сторонником наступательных действий на левом берегу Вислы в сердце Германии. Получив 20 июля назначение Верховным главнокомандующим, великий князь просил Государя назначить начальником штаба своего всегдашнего сотрудника генерала Палицына, а генерал-квартирмейстером — генерала Алексеева. Государь отказал, о чем приходится пожалеть.

Верховному главнокомандующему сразу же пришлось испытать невероятное давление со стороны растерявшегося французского союзника. Французский военный министр сенатор Мессими потребовал наступления русских армий от Варшавы через Познань на Берлин. Это ясно указывало на утрату нашими союзниками душевного равновесия — наступление в Восточную Пруссию уже стало казаться им недостаточно сильно действующим средством. Французский посол Палеолог со своей стороны умолял Государя повелеть наступление, так как иначе Франция будет неминуемо раздавлена.

В результате французских требований великий князь приказал 26 июля свернуть на Варшаву шедшие из Петербурга в 1-ю армию Гвардейский и I армейский корпуса. Туда же он предписал направить и XVIII армейский корпус из 6-й армии. В возмещение взятых у Ренненкампа двух корпусов Ставка включила в 1-ю армию XX армейский корпус, предназначавшийся на самый ответственный участок Юго-Западного фронта — в 4-ю армию. Таким образом, великий князь задумал сосредоточить у Варшавы маневренную группу для похода на Познань — Берлин, а в то же время вести операции на Восточно-Прусском и Галицийском театрах. Решение это представляет стратегическую бессмыслицу — оно повлекло за собой распыление сил в трех расходящихся направлениях.

Ахиллесовой пятой всех наших планов развертывания была разброска сил в двух направлениях. Разброска эта была неизбежным злом. Если обстановка Русского театра

войны повелительно требовала наступления на Австро-Венгрию, то обстановка всей Мировой войны еще повелительнее требовала наступления на Германию. Жестоким промахом Верховного главнокомандующего было добавление к этим двум основным направлениям еще третьего. Организовать удар от Варшавы на Берлин имело смысл лишь при условии отказа от похода в Восточную Пруссию и сосредоточении назначавшихся туда войск на левом берегу Вислы. Решив действовать сразу по трем направлениям, великий князь рисковал разгромом. Результатом перетасовки 26 июля было ослабление 1-й и 4-й армий на один корпус. Первое повлекло за собой тактически нерешительный исход Гумбинненского сражения, второе едва не привело под Красником к катастрофе всего Юго-Западного фронта.

28 июля Ставка образовала из Проскуровской группы 8-ю армию, вверенную командиру XII армейского корпуса генералу Брусилову¹¹⁷ и направила туда из Одессы VIII армейский корпус ввиду выяснившегося нейтралитета Румынии. Наше развертывание представилось окончательно в следующем виде:

Северо-Западный фронт генерала Жилинского при начальнике штаба генерале Орановском. 1-я армия — генерал Ренненкампа, начальник штаба генерал Милеант¹¹⁸. Корпуса — XX генерала Смирнова (28-я и 29-я пехотные дивизии), III генерала Епанчина¹¹⁹ (25-я и 27-я пехотные дивизии), IV генерала Бек-Алиева¹²⁰ (30-я, 40-я пехотные дивизии и 5-я стрелковая бригада); конница — 1-я и 2-я Гвардейские, 1-я, 2-я, 3-я кавалерийские дивизии, 1-я отдельная бригада. 2-я армия — генерал Самсонов, начальник штаба генерал Постовский. Корпуса — II генерала Шейдемана¹²¹ (26-я и 43-я пехотные дивизии), VI генерала Благовещенского (4-я и 16-я пехотные дивизии), XIII генерала Ключева (1-я и 36-я пехотные дивизии), XV генерала Мартоса¹²² (6-я и 8-я пехотные дивизии), XXIII генерала Кондратовича¹²³ (3-я Гвардейская и 2-я пехотные дивизии); конница — 4-я, 6-я и 15-я кавалерийские дивизии. Юго-Западный фронт генерала Иванова при начальнике штаба

генерале Алексееве. 4-я армия — генерал барон Зальца, начальник штаба генерал Гуторп¹²⁴.

Корпуса — XIV генерала Войшин-Мурдас-Жилинского¹²⁵ (18-я пехотная дивизия, 2-я стрелковая бригада), XVI генерала Гейсмана (41-я, 45-я и 47-я пехотные дивизии), Гренадерский корпус генерала Мрозовского¹²⁶ (1-я и 2-я гренадерские дивизии); конница — 5-я, 13-я и 14-я кавалерийские дивизии. Уральская казачья и Отдельная Гвардейская бригады. 5-я армия — генерал Плеве, начальник штаба генерал Миллер¹²⁷. Корпуса — XXV генерала Зуева¹²⁸ (3-я гренадерская, 46-я и 70-я пехотные дивизии), XIX генерала Горбатовского (17-я и 38-я пехотные дивизии), V генерала Литвинова¹²⁹ (7-я и 10-я пехотные дивизии), XVII генерала Яковлева¹³⁰ (3-я, 35-я и 61-я пехотные дивизии); конница — 7-я кавалерийская и 1-я Донская казачья дивизия, 2-я и 3-я отдельные кавалерийские бригады, составившие Сводную кавалерийскую дивизию), затем 3-я, 4-я и 5-я Донские. 3-я армия — генерал Рузский, начальник штаба генерал В. Драгомиров.

Корпуса — XXI генерала Шкинского¹³¹ (33-я, 44-я и 69-я пехотные дивизии), XI генерала Сахарова (11-я, 32-я и 78-я пехотные дивизии), IX генерала Щербачева (5-я, 42-я и 58-я пехотные дивизии), X генерала Сиверса¹³² (9-я, 31-я и 60-я пехотные дивизии); конница — 9-я, 10-я, 11-я кавалерийские дивизии, 3-я Кавказская казачья дивизия. 8-я армия — генерал Брусилов, начальник штаба генерал Ломновский¹³³. Корпуса — VII генерала Экка (13-я и 34-я пехотные дивизии), XII генерала Леша (12-я, 19-я, 65-я пехотные дивизии, 3-я стрелковая бригада), VIII генерала Радко-Дмитриева (14-я и 15-я пехотные дивизии, 4-я стрелковая бригада), XXIV генерала Цурикова¹³⁴ (48-я и 49-я пехотные дивизии);

конница — 12-я кавалерийская, 2-я сводно-казачья дивизии, затем 1-я, 2-я Кубанские и Терская казачьи.

В распоряжении Ставки, в Варшаве, корпуса — Гвардейский генерала Безобразова¹³⁵ (1-я, 2-я Гвардейские дивизии и Гвардейская стрелковая бригада), I генерала Артамонова (22-я и 24-я пехотные дивизии), XVIII генерала Крузенштерна¹³⁶ (23-я и 37-я пехотные дивизии), 1-я стрелковая бригада и Кавказская казачья дивизия.

Отдельные армии: 6-я генерала Фан дер Флита¹³⁷ — в Санкт-Петербургском округе — XXII армейский корпус генерала барона Бринкена¹³⁸ (50-я пехотная дивизия, 1-я — 4-я Финляндские стрелковые бригады), 4 второочередных дивизии и Оренбургская казачья; 7-я генерала Никитина — в Одесском округе (4 второочередных дивизии). По окончании мобилизации в 6-й армии — 55-я, 67-я, 68-я и 74-я пехотные дивизии, а в 7-й армии — 62-я, 63-я, 64-я и 71-я пехотные дивизии. На Юго-Западный фронт подвозились назначенный в 3-ю армию III Кавказский корпус генерала Ирмана (21-я и 52-я пехотные дивизии) и 8-я кавалерийская дивизия. Герой Порт-Артура с началом войны ходатайствовал об изменении своей якобы немецкой фамилии на Римапов.

Мы будем называть его настоящей его фамилией. Эпизод очень характерен для эпохи.

Мы видим, что лишь в 3-й армии второочередные дивизии сразу вошли в боевую линию, составив третьи дивизии корпусов. В 8-й армии была лишь одна (остальные составили 7-ю армию), в 4-й они еще не прибыли из Кавказского округа, 5-я армия получила только две. Все второочередные дивизии Московского округа (кроме 61-й) получили назначение на Северо-Западный фронт, где составили никому ненужные гарнизоны крепостей и городов, которым никто не угрожал. Рассматривая картину нашего развертывания, мы видим, что на Северо-Западном фронте сосредоточено 16,5 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий; на Юго-Западном фронте — 38,5 пехотных и 20,5 кавалерийских дивизий. Совершенно оставались неиспользованными (не считая второочередных дивизий 6-й и 7-й армий) 16 пехотных и 2 кавалерийские дивизии у Варшавы и в Финляндии. Суворов учил: Идешь в бой — снимай коммуникацию! Но Суворова в Барановичах не было.

28 июля Ставка, подсчитав силы Северо-Западного фронта, констатировала двойной перевес над германской армией (забыв, что у немцев есть резервные и ландверные дивизии). Находясь под влиянием просьб Франции, великий князь предписал генералу Жилинскому перейти границу Восточной Пруссии на 14-й день мобилизации.

Поход в Восточную Пруссию

1 августа, на 14-й день мобилизации, наша 1-я армия генерала Ренненкампа тронулась из районов своего сосредоточения на границу. Справа шел не успевший закончить сосредоточения XX армейский корпус генерала Смирнова, в центре — III генерала Епанчина, на левом фланге, уступом позади, IV корпус генерала Век-Алиева. Вся конница была собрана на флангах: Хан Нахичеванский¹³⁹ — на правом, генерал Гурко — на левом, три же корпуса шли вперед вслепую. Тыл армии был еще совершенно неустроен.

Совершив три усиленных перехода без дорог, 1-я армия с утра 4 августа стала переходить границу. III армейский корпус вступил в упорный бой у Сталлупенена с 1-м германским армейским корпусом генерала Франсуа¹⁴⁰, причем благодаря оплошности своего командира едва не потерпел поражения. Дело решила 29-я пехотная дивизия (XX корпуса) энергичного генерала Розеншильд-Паулина, взявшая немцев во фланг и заставившая их поспешно отступить. Между III корпусом и запоздавшим IV образовался разрыв в 20 верст. Генерал Епанчин не счел нужным предупредить об этом 27-ю пехотную дивизию, шедшую в обстановке полной безопасности слева. Дивизия подверглась внезапному огневому нападению и короткому удару, причем застигнутый врасплох 105-й пехотный Оренбургский полк был совершенно разгромлен. Начальник дивизии генерал Адарики парировал, однако, удар. Тем временем 25-я пехотная дивизия генерала Булгакова¹⁴¹ взяла Сталлупенен, а 29-я дивизия генерала Розеншильд-Паулина, поспешив на выручку, ударом во фланг решила дело. Всего под Сталлупененом наши 42 батальона и 19 батарей сражались с 18 батальонами и 20 батареями противника. Трофеями были 8 орудий и 2 пулемета (взяты 115-м Вяземским полком). Наш урон был 63 офицера, 6664 нижних чинов (половина в Оренбургском полку) и потеряно 12 пулеметов. Немцев перебито 1500 и 500 взято в плен¹⁴². Конница Нахичеванского действовала крайне вяло.

5 августа генерал Ренненкампа, выполняя директиву штаба фронта (отрезать немцев от Кенигсберга и охватить их левый фланг), двинулся главными силами на север от Роминтенского леса, выслав конницу Хана Нахичеванского на Инстербург. Однако стратегическая разведка оказалась Хану и подчиненным ему кавалерийским начальникам совершенно не по плечу — и 70 эскадронов лучшей в мире конницы решительно ничего не дали своей армии. Генерал Ренненкампа оставался после Сталлупенена в полном неведении относительно противника.

6-го числа у Каушена конный корпус Хана Нахичеванского ввязался в бой с бригадой прусского ландвера, не сумев ее уничтожить и повторить Фер Шампенуаз (как раз теми же полками). Против 6 батальонов и 2 батарей немцев мы имели 70 эскадронов и 8 батарей. Однако Хан Нахичеванский не подумал воспользоваться маневренным превосходством конницы и четверным огневым перевесом. Обе гвардейские кавалерийские дивизии спешили и начали фронтальный бой с минимальными шансами на успех и зря понесли потери. Гвардейская конная артиллерия стреляла плохо, а начальник 3-й кавалерийской дивизии генерал Бельгард, посланный в обход германской бригады, не отважился на атаку.

Бой решил Лейб-Гвардии конного полка ротмистр барон Врангель¹⁴³, лихо атаковавший со своим эскадроном неприятельскую артиллерию и взявший 2 орудия. Наши потери — 46 офицеров и 329 нижних чинов. У немцев убыло 1200 человек¹⁴⁴. Хан так и не преследовал.

После этого бесполезного и бездарного боя Хан отвел свою конницу в глубокий тыл, не позаботившись предупредить о том пехоту и штаб армии. Последствием этого поистине преступного отхода было обнажение правого фланга 1-й армии, в частности выдвинувшейся вперед 28-й пехотной дивизии.

На следующий день генерал Ренненкампа полагал дать дневку истомленным войскам, но его противник — командовавший VIII германской армией генерал фон Приттвиц¹⁴⁵ — решил атаковать русских всеми своими силами, парируя намечавшийся охват.

И 7 августа разыгралось сражение под Гумбинненом. Наш правый фланг, застигнутый врасплох, был смят и отброшен — положение в XX корпусе, атакованном 1-м германским армейским корпусом и кенигсбергским ландвером, весь день было критическое. Зато в

центре 17-й германский корпус генерала Макензена¹⁴⁶ был расстрелян нашим III корпусом и в панике бежал с поля сражения. На левом фланге огневой бой нашего IV корпуса с 1-м резервным германским фон Белова имел нерешительный характер. Весь удар 1-го корпуса приняла 28-я пехотная дивизия, понесшая огромные потери (104 офицера, 6945 нижних чинов, 8 орудий и 23 пулемета). Положение восстановлено было 29-й дивизией, а германская кавалерийская дивизия, захватившая у нас в тылу Пилькаллен, разбита 116-м Малоярославским полком. Решительный успех был одержан нами в центре — в 25-й пехотной дивизии генерала Булгакова, и особенно в 27-й пехотной дивизии генерала Адарида. Эта последняя действовала как на полигоне, расстреляв корпус Макензена, обратив его в бегство и захватив (уфимцы и саратовцы) 15 орудий, 13 пулеметов и до 1500 пленных. 17-й германский корпус бежал 15 верст. К сожалению, конница Нахичеванского бездействовала в глубоком тылу, а генерал Адарида смог преследовать лишь накоротке, остановленный Епанчиным. Бой нашей 40-й пехотной дивизии был безрезультатным. Всего под Гумбинненом 5 германских пехотных и 1 кавалерийская дивизии (62 батальона и 370 орудий) были отражены 5 русскими (70 батальонов и 264 орудия). Потери немцев — 14 800 человек (в 17-м корпусе — 200 офицеров и 8500 нижних чинов). У нас убыло 16 500 человек (главным образом в 28-й пехотной дивизии).

Успех наш был полный¹⁴⁷, и лишь робость командира III корпуса генерала Епанчина, удержавшего равновесие вперед войска, не превратила его в решительную победу. Штаб же 1-й армии сразу не отдал себе отчета в размерах этого успеха, не сообразил, на что были способны им же подготовленные превосходные полки с сотыми и стодесятыми номерами. Весь день 8 августа утомленные войска отдыхали и продвижение свое вперед — по обыкновению ощупью — возобновили только 9-го пополудни. За эти два дня в неприятельской армии произошли решительные события. Генерал фон Приттвиц, ошеломленный разгромом Макензена, пал духом. Силу русских он переоценил в четыре раза, между Ренненкампом и Самсоновым ему мерещилась еще одна русская армия, наступающая от Гродно. Он донес в Главную Квартиру о своем решении очистить Восточную Пруссию и отступить за Вислу. Для обеспечения отхода от надвигавшейся на его сообщения Наревской армии (то есть нашей 2-й армии генерала Самсонова) он предписал перебросить на усиление 20-го еще 1-й армейский корпус.

Решение очистить Восточную Пруссию — колыбель Гоген цоллернов и всей прусско-германской монархии — произвело ошеломляющее впечатление на кайзера и его окружение. Германское командование немедленно распорядилось (8 августа) перебросить с французского фронта на русский шесть корпусов¹⁴⁸, из коих три, взятые с самого ответственного участка — знаменитого шлиффеновского правого крыла, и были немедленно двинуты для посадки. Это были 11-й армейский и Гвардейский резервный корпуса, переброшенные из Бельгии. Одновременно с ними из армии кронпринца был отправлен 5-й армейский корпус, возвращенный затем и опоздавший к началу битвы на Марне. Мольтке распорядился перебросить еще 18-й резервный корпус из центра, а также 21-й армейский и 14-й резервный корпуса с левого крыла в Лотарингии, но войска эти были уже введены в бой. Этим роковым распоряжением кайзер и Мольтке-Младший ослабили свою армию в решительную минуту войны и на решающем направлении. Гумбиннен родил Марну¹⁴⁹ — геройские полки и батареи 25-й и 27-й дивизий своей блестящей работой на гумбинненском поле решили участь всей Мировой войны!

VIII германская армия быстро отступила на запад, заслонившись от Ренненкампа своей конницей. Генерал фон Приттвиц и его начальник штаба граф Вальдерзее были заменены, первый — призванным из запаса генералом фон Гинденбургом¹⁵⁰, второй — героем Льежа генералом Людендорфом¹⁵¹. Прибыв в штаб VIII армии, они подтвердили последние распоряжения Приттвица о переброске 1-го армейского корпуса на помощь 20-му и все свое внимание устремили на южную свою группу, отбивавшуюся от 2-й русской армии. Подсчет времени и расстояний убедил Гинденбурга с Людендорфом в возможности применить маневр по внутренним операционным линиям, сосредоточив главные силы VIII

армии для действия в левый фланг армии Самсонова.

Наша 1-я армия отдыхала и приводила себя в порядок 8 августа и стала продвигаться лишь 9-го пополудни, утратив соприкосновение с быстро отходившим противником. В этот день в ее состав был включен из 2-й армии II армейский корпус. Продвижение 1-й армии было медленным. Хан Нахичеванский оказался совершенно неспособным выполнить задачи кавалерийского начальника. Стратегической разведки в 1-й армии не велось (исключение составляет лишь левый ее фланг, где действовала 1-я кавалерийская дивизия энергичного генерала Гурко).

К 13 августа армия прошла ощупью 50 верст, имея небольшие стычки. Генерал Ренненкампф считал, что неприятель отошел в район кенигсбергского укрепленного лагеря и сжимал свои силы к правому флангу. В этот день 13-го была получена директива штаба Северо-Западного фронта, ставившая 1-й армии дальнейшей целью обложение Кенигсберга примерно двумя корпусами, а остальными преследовать ту часть противника, что не отступила к Кенигсбергу. Этот кенигсбергский мираж Северо-Западного фронта, совпавший со львовским миражом Юго-Западного фронта, обошелся русской армии дорого!

Итак, 1-я армия генерала Ренненкампфа была обращена генералом Жилинским на никому ненужный географический объект — Кенигсберг. Германская армия получила полную свободу действий для широкого наступательного маневра против нашей Наревской армии.

* * *

Назначенная для движения в обход Мазурских озер с запада, наша 2-я армия больше всех потерпела от спешки и тыловой неурядицы. XXIII армейский корпус не имел обозов, и его было приказано довольствоваться за счет XV. VI армейский корпус имел лишь 24 батальона из 32. Некомплект имелся и в XV корпусе. XIII корпус выступил в поход без командира: генерал Алексеев был назначен на Юго-Западный фронт, и генерал Ключев, вызванный с турецкой границы, где он командовал I Кавказским корпусом, нагнал незнакомые ему войска уже в Белостоке. По своему составу XIII корпус, на две трети состоявший из запасных, должен был считаться второочередным. Прибыв в свой корпус уже на походе, генерал Ключев мог

сравнить эти шедшие без воодушевления войска с великолепными полками 20-й и 39-й дивизий, только что им оставленными. У солдат он нашел славные русские лица, но не встретил воинского облика (переодетые мужики). Походное движение напоминало шествие богомольцев. Во всем этом виноваты предшественники генерала Ключева (последний из них — генерал Алексеев). XIII корпус не пользовался хорошей репутацией и считался, подобно Московскому гарнизону, распущенным.

Назначенный вместо генерала Рауш фон Траубенберга генерал Самсонов кавалерийский начальник блистательной личной храбрости — занимал ответственные штабные (в Варшавском военном округе) и административные (донской атаман) должности, но не командовал ни корпусом, ни даже пехотной дивизией. Ближайшие его сотрудники — чины штаба армии — были случайного состава и неопытные в своем деле, в чем виноват генерал Жилинский, отобравший все лучшие элементы штаба Варшавского военного округа к себе в штаб фронта. Связь совершенно отсутствовала. Единственным ее видом стал радиотелеграф. Депеши, однако, слались незашифрованными и в таком виде перехватывались противником. XIII корпус не имел при себе шифра. Настояния французов с каждым днем становились все более нервными. Ставка и штаб фронта торопились и теряли голову.

На 14-й день армия тронулась к границе. Корпуса наступали безостановочно по сыпучим пескам, без обозов, не получая хлеба по несколько дней. Генерал Самсонов пытался двинуться в северо-западном направлении, вдоль железной дороги — единственной питательной артерии, и это вызвало большое раздражение у генерала Жилинского, канцелярского деятеля, совершенно не знакомого с войсками, не понимавшего, что войскам нужно есть. Его понукания каждый день становились все более резкими:

легкомысленно наобещав союзникам наступление на 15-й день, он отыгрывался на подчиненных.

9 августа корпуса 2-й армии подошли к границе. В этот день генерал Жилинский передал II армейский корпус в 1-ю армию, а XXIII дезорганизовал, направив еще 3-ю Гвардейскую дивизию в район Гродно — Белосток, которому ничего не угрожало. Взамен этих войск генерал Жилинский намеревался было передать Самсонову только что прибывшие в Варшаву Гвардейский и 1-й армейский корпуса¹⁵². Этому воспротивилась Ставка, носившаяся в те дни с идеей наступления сразу по трем направлениям. Гвардию запрещено было трогать, а I армейский корпус придан был 2-й армии лишь условно: ему запрещено было идти за район Сольдау.

10 августа XV армейский корпус завязал бой с 20-м германским у Орлау Франкенау и на следующий день отбросил его. В боях у Орлау — Франкенау мы имели свыше 3000 убитыми и ранеными. XIII корпус оказал содействие XV. Немцы лишились 1700 человек¹⁵³. Симбирцы взяли 2 орудия — это были первые трофеи 2-й армии. Упорство, с которым вели этот бой немцы, встревожило Самсонова, Мартоса и Ключева. По службе своей в Варшавском округе они знали о германских военных играх: проекте сдержать русскую Наревскую армию с фронта и парировать ее наступление сокрушительным ударом с запада (из района Сольдау) во фланг и в тыл. Озабоченные взоры русских военачальников обратились налево — на запад, где происходило что-то неладное, откуда стихийно чувствовался противник.

Но генерал Жилинский не внял этим опасениям. Для него положение было ясно. После Гумбиннена немцы отступили, разумеется, в Кенигсберг (он и на карте обозначен звездочкой!). Другие бегут к Висле, и надо поскорее перехватить им отступление. Самсонов непозволительно медлит и мешкает, и этого он, Жилинский, более не потерпит. И на представления командовавшего 2-й армией об усилении противника перед его фронтом главнокомандовавший Северо-Западным фронтом ответил ужасным, неслыханным, немислимым для офицера оскорблением: Видеть неприятеля там, где его нет, — трусость, а генералу Самсонову быть трусом я не позволю! Фраза эта была сказана офицером, слышавшим лишь на маневрах стрельбу, про другого, получавшего еще кадетом солдатского Георгия и заслужившего 4-ю и 3-ю степень в Маньчжурии. У генерала Жилинского было весьма своеобразное представление о воинской этике. Душевное равновесие генерала Самсонова было потеряно, и он предписал своей армии безотлагательно двинуться на север. Центральные корпуса — XIII, XV и часть XXIII (5 дивизий) — выводились на Алленштейн — Остероде, VI корпус на отлете прикрывал этот маневр справа, а I корпус в районе Сольдау обеспечивал уступом позади всю эту операцию слева.

Тем временем на правом фланге 20-го германского корпуса бешеным темпом высаживался 1-й армейский корпус для удара в левый фланг Наревской армии, а с востока шли 1-й резервный и 17-й корпуса для удара по правому флангу. Гинденбург и Людендорф нашли директивы Северо-Западного фронта в сумке убитого русского офицера, перехватили незашифрованные русские депеши. Германские военачальники действовали наверняка: положив заслониться от Ренненкампа конницей и ландвером, они все свои силы — 13 дивизий — двинули концентрически на разбросавшуюся русскую армию. Решив сбить два фланговых русских корпуса, они захватывали затем в клещи центральную группу (5 дивизий) и воспроизводили Канны, как учил их граф Шлиффен. С русской стороны мы не видим никакого стратегического замысла. Штаб Северо-Западного фронта, а за ним и штаб 2-й армии, превратившийся в его послушное эхо, механически ставили войскам задачей овладение отвлеченными географическими объектами — рубежами от сих включительно до сих исключительно. Разбросанные веером на фронте 120 верст корпуса генерала Самсонова шли навстречу своей судьбе, ничего не зная друг о друге и о противнике.

13 августа VIII германская армия перешла в наступление и наша 2-я армия получила удар в оба фланга. На левом фланге, при Сольдау, I армейский корпус генерала Артамонова был атакован 1-м, частью 20-го германских корпусов и ландвером и осадил назад. На правом же фланге, при Гросс Бессау, наша 4-я пехотная дивизия VI армейского корпуса была

атакована 1-м резервным и 17-м армейскими германскими корпусами и разбита. Растерявшийся командир корпуса генерал Благовещенский бросил вверенные ему войска и бежал. Корпус последовал за своим командиром и отошел прямо на юг, за границу, не предупредив ни штаб армии, ни соседа — XIII корпус, фланг и тыл которого подставлялись под удар. 4-я дивизия в бою у Гросс Бессау и Ортельсбурга лишилась 73 офицеров, 5283 нижних чинов, 16 орудий и 18 пулеметов. 16-я дивизия потеряла не свыше 1500 человек¹⁵⁴. Генерал Благовещенский заявил, что он не привык быть с войсками. Мы видим, таким образом, что в русской армии могли быть начальники, не привыкшие быть с войсками, что подобного рода начальникам вверяли корпуса и что у них не хватало честности сознаться в своей непривычке в мирное время и уступить заблаговременно свое место более достойным.

Центральные корпуса наступали: XV — с боем, XIII — беспрепятственно. Командиры их были обеспокоены. Опытный Мартос и умный Ключев чувствовали, что дела идут совсем не так, как должны были бы идти. Им приказывали идти на север, они же видели, что надо повернуть фронт на запад, откуда и грозил удар. XV корпус и 2-я пехотная дивизия так постепенно и делали, XIII же корпус, не встречая сопротивления, шел на указанный ему Алленштейн. Генерал Ключев признавал всю пагубность этого маневра, но не имел силы воли послушаться (а ведь местный лучше судит). Он продолжал вести свой корпус в петлю.

14 августа наш I армейский корпус после жестокого боя отошел от Сольдау, а шедшая с XV армейским корпусом 2-я пехотная дивизия разгромлена у Гросс Гардинена. Дорога 1-му германскому корпусу генерала Франсуа в тыл нашим XV и XIII корпусам была открыта. I корпус был всю эту операцию в составе 3 бригад.

В противоположность Благовещенскому генерал Артамонов (известный своим популярничанием под Драгомирова) впал в другую крайность. Он взял винтовку, отправился в огонь, держал солдатам речи, воодушевлял роты, но совершенно упустил и дезорганизовал управление корпусом. Первый армейский стоит, как скала! — донес он генералу Самсонову и час спустя приказал отступать. Артамонов был отрешен и заменен генералом Душкевичем¹⁵⁵ — это было последним распоряжением генерала Самсонова. XV корпус второй день стоял в жарком бою с 20-м германским у Мюлена, тогда как XIII занял злополучный Алленштейн (оба центральных наших корпуса разведены были в противоположные направления). VI корпус самотеком шел к границе. Немцы его не преследовали: оба их корпуса 1-й резервный и 17-й армейский — повернули в охват нашей центральной группы. Положение 2-й армии стало критическим.

На 15 августа генерал Самсонов отдал своим войскам директиву, запоздавшую, по крайней мере, на двое суток и оказавшуюся вне времени и вне пространства. Командовавший армией совершенно потерял голову. Ему надлежало немедленно же приказать VI корпусу сделать налево кругом, схватить I корпус с подошедшими к нему 3-й Гвардейской пехотной дивизией и 1-й стрелковой бригадой и бросить их на Сольдау — во фланг обходящему нашу армию 1-му германскому корпусу. Ничтожный Самсонов ничего этого не видел, он не сумел отдать ни одного распоряжения и сделал худшее, что только мог сделать: отправился к войскам, сняв связь со штабом фронта и корпусами и совершенно дезорганизовав управление армией. 2-я армия с этой минуты перестала существовать как цельный военный организм: Самсонов ее сокрушил, и Гинденбургу оставалось теперь ее добить...

В этот день 15 августа I корпус отходил на Млаву. Остатки 2-й пехотной дивизии и кексгольмцы героически бились с тремя германскими дивизиями у Ваплица и Лапа, но спасти левый фланг от глубокого охвата уже не могли. У Ваплица калужцами и либавцами взято 9 орудий и 1000 пленных, и войска 20-го германского корпуса были охвачены паникой. Кексгольмский полк у Лапа схватился со всем 1-м германским корпусом. Пал Нейденбург, и отступление XV корпусу было отрезано. Этот последний сбил у Мюлена 20-й германский и поджидал XIII корпус. Генерал Ключев пошел от Алленштейна на сближение с генералом Мартосом, но на марше был внезапно атакован в голову и в хвост. В бою у Мюлена Муромский и Нижегородский пехотные полки взяли 1000 пленных¹⁵⁶.

Генерал Мартос дает драматическое описание этого боя. Пленные в колонне, имея впереди офицеров, стройно, как на параде, подходили к холму, где я был со штабом, распоряжаясь и наблюдая за боем. К этому же времени, неожиданно для меня, к этому же холму, но с другой стороны, приближался со штабом верхом генерал Самсонов, приехавший из Нейденбурга. Когда я докладывал командующему боевую обстановку, он прервал меня и, указав на немецкую колонну, сказал: А это что? Я ответил: Пленные, взятые при отражении утреннего прорыва. Тогда он подъехал вплотную к моей лошади, обнял меня и печально сказал: Только вы один нас спасете...

Летчик XIII корпуса обнаружил движение на Алленштейн с востока 2 дивизий пехоты. Генерал Ключев и его сотрудники решили, что это наш VI корпус (им и в голову не пришло, что Благовещенский отступит куда-то в сторону от главных сил, не предупредив соседа). Но эти подходившие колонны были 1-м резервным германским корпусом. В отчаянном бою на улицах Алленштейна погиб наш 143-й пехотный Дорогобужский полк, схватившийся со всем германским корпусом, но гибелью отдаливший общую катастрофу. Сказались последствия предательского отхода VI корпуса: XIII корпус к вечеру сидел в мешке...

16 августа наступила агония. Сокрушительный удар генерала Франсуа по тылам привел к неслыханному разгрому. Генерал Мартос попал в плен, генерал Самсонов в отчаянии застрелился. Генерал Ключев кое-как наладил отход тремя колоннами, но в трагических боях 17-го и 18-го — у Кальтенборна, Валендорфа, в Напиводском лесу — колонны эти погибли. У генерала Ключева не хватило воли и энергии пробиться, и он сдался со своей колонной перед последним остававшимся препятствием. Штаб XV корпуса был расстрелян из пулеметов, и генерал Мартос взят в плен с оружием в руках. Отход остатков армии под руководством штаба XIII корпуса совершался в невероятно трудных условиях полного окружения. Правая колонна частью пробилась (21-й пехотный Муромский полк в полном составе). Средняя — 20000 человек и 160 орудий, при которой находился сам Ключев, сдалась, почти что выйдя из окружения. У генерала Ключева не хватило твердости духа на последние минуты!

Левая колонна погибла геройски: увлекаемая командиром Невского пехотного полка Первушиным, она ринулась в штыки на заступивший ей дорогу 17-й корпус Макензена, захватила 20 пушек и погибла переколотой на неприятельских орудиях, повторив подвиг Ипатия Коловрата¹⁵⁷ и его дружины. Остается добавить еще, что 141-го пехотного Можайского полка штабс-капитан Семячкин с горстью людей шестидневными боями пробился через расположение 17-го германского корпуса и принес замки захваченных 2 германских пушек!

Катастрофа была бы предотвращена, исполни свой долг фланговые корпуса. Но VI корпус позорно бездействовал, а I корпус действовал с преступной вялостью. Двинутый штабом фронта сборный отряд генерала Сирелиуса занял было 17 августа Нейденбург, но не развил удара, к тому же сильно запоздавшего, и на следующий день отступил.

Совершилось величайшее несчастье нашей военной истории (после Нарвы 1700 года). Наши потери доходят до 100000 человек. Немцы в рекламных целях показали 93000 пленных и 350 орудий, включив сюда погонщиков — крестьян и собственных своих пленных, захваченных было нами и освобожденных. Почти все пленные и трофеи взяты 1-м армейским корпусом генерала Франсуа, которому по справедливости и принадлежит львиная доля в победе.

Следует отметить, что 15 августа испуганный ударами под Ваплицем и Мюленом штаб VIII армии предписал фланговым корпусам, 1-му и 17-му, стянуться к центру, но ни Франсуа, ни Макензен не выполнили этого распоряжения. Инициативе этих двух корпусных командиров обязаны немцы своим триумфом, а мы — разгромом. Можно считать, что в плен попало 70000 человек, наполовину раненых. У нас убито 10 генералов, 13 взято в плен. Орудий потеряно 330, но не оставлено врагу ни одного знамени¹⁵⁸. Немцы свой урон показывают в 13000. Стратегически для немцев выгода свелась к нулю: они лишены были возможности пожать плоды этой победы. Зато моральные последствия катастрофы при

Сольдау были неисчислимы: она окрылила германских командиров и германские войска, а на русское полководчество всей войны наложила отпечаток подавленности, растерянности, уныния заранее побежденных...

* * *

Пока 2-я армия генерала Самсонова вступала по частям в роковое для нее сражение, 1-я армия генерала Ренненкампа готовилась к блокаде Кенигсберга (по настоянию штаба фронта) и ко встрече подходивших из Франции германских корпусов, которые в любой момент могли вырасти перед ее фронтом. Штаб Северо-Западного фронта нумеровал входящие и исходящие, а Ставка грезилась о походе на Берлин 1-й армией, переброшенной на левый берег Вислы совместно со вновь образованными 9-й и 10-й армиями.

Реальность разбила мечты. 14 августа генерал Жилинский предписал генералу Ренненкампу оказать содействие 2-й армии, находившейся в 100 верстах от ее левого фланга, и 15-го утром Ренненкампа двинул IV и II армейские корпуса на выручку Самсонову (XX и III были прикреплены к Кенигсбергу, да и отстояли слишком далеко). Однако уже 16-го генерал Ренненкампа получил известие из штаба фронта о том, что 2-я армия отошла и в содействии больше не нуждается. Командовавший 1-й армией отозвал свои корпуса назад. С легкой руки пресловутого генерала Гофмана¹⁵⁹ заграничную печать обошли нелепые басни о какой-то личной вражде, существовавшей якобы еще с Японской войны между Ренненкампом и Самсоновым, и что, мол, по этой причине первый не подал помощи второму. Нелепость этих утверждений настолько очевидна, что их нечего и опровергать. В данном случае II и IV корпуса, к счастью, не дошли до поля самсоновского, они могли бы подойти к 19 августа, когда XIII и XV корпусов уже не существовало и наши 4 дивизии были бы зря уничтожены 13 германскими. 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко 18-го заняла Алленштейн, побывав, таким образом, на самом поле сражения, теперь уже безмолвном.

Перед Ставкой и фронтом встал вопрос: что сделать с 1-й армией? Цель похода в Пруссию, казалось, была достигнута: с французского фронта оттянуты значительные силы врага.

Все указывало на необходимость срочного отступательного маневра на государственную границу — на сближение с базами и навстречу подкреплениям. Однако великий князь рассудил иначе. Весь смысл войны Ставка видела во владении территорией и захвате географических объектов. Эта ересь была характерной для всей русской стратегии Мировой войны и вела к тому, что войска крепко пришивались к занимаемому им району. Это ни шагу назад исключало всякий маневр, делало невозможным заблаговременное парированье, приводило в конце концов к разгрому живой силы и, как неизбежное последствие, утрате той территории, для сохранения которой и приказывалось стоять и умирать. Ставка, да и сам Ренненкампа, не желали отступать. 1-я армия расположилась по рекам Дейме и Алле, имея уплотнение на правом фланге, и генерал Жилинский, придя в себя после разгрома Самсонова, указал ей продолжать подготовку блокады Кенигсберга — как будто бы германской армии (вдобавок и победоносной) никогда и не существовало! В 1-ю армию был двинут новосформированный XXVI корпус генерала Гернгросса (53-я и 56-я пехотные дивизии), направленный на правый ее фланг — к Кенигсбергу. В районе Гродно и Августова образована новая 10-я армия генерала Флуга пока в составе одного лишь XXII армейского корпуса. Остатки 2-й армии возглавил генерал Шейдеман, передавший свой II корпус герою Ляояна генералу Слюсаренко¹⁶⁰.

Тем временем в VIII германскую армию прибыли с запада Гвардейский резервный и 11-й армейский корпуса. Перед Гинденбургом встал вопрос: добить ли остатки 2-й армии ударом на Нижний Нарев и дальше, продвигаясь на юг, выйти в тыл нашим 4-й и 5-й армиям, или обратиться на русскую Неманскую армию и освободить Восточную Пруссию? Германский полководец избрал второе решение более осторожное.

Оставив против 2-й армии ландвер фон дер Гольца (4 дивизии), Гинденбург развернул против 1-й русской армии (имевшей 11,5 пехотных дивизий) 16 пехотных дивизий при двойном перевесе в артиллерии. Людендорф называет это операцией неслыханной смелости

— штаб VIII армии считал силы Ренненкампа равными 24 дивизиям! Сковывая 10 дивизиями русских с фронта, Гинденбург решил нанести удар 6 другими (1-й и 17-й армейские корпуса) в левый фланг Ренненкампа, удерживавший перешейки Мазурских озер. 25 августа VIII германская армия развернулась для атаки, и в этот день у Бялы правый фланг ее ударной группы опрокинул отряд XXII армейского корпуса, а главные силы навалились на II армейский корпус генерала Слюсаренко.

Бой под Бялой — неудачное боевое крещение финляндских стрелков. Наша сводная бригада была разбита германской дивизией фон Моргена¹⁶¹ с потерей около 2500 человек и 8 орудий. Штаб 1-й армии, сразу увидя опасность левому флангу, быстрым рокадным движением направил туда с правого фланга XX армейский корпус. 26-го числа сражение разгорелось по всему фронту, на левом фланге достигнув чрезвычайного напряжения. 27 августа 1-я армия, доведенная до 13,5 дивизий, отбивала атаки по всему фронту, но положение на левом фланге, где XX армейский корпус по частям вступал в бой, выручая II корпус, было настолько серьезным, что генерал Ренненкампа решил отступить по всему фронту. Отход удался вполне в XXVI, III и IV корпусах, благополучно оторвавшихся от противника. На левом же фланге XX и II корпуса изнемогали в жестоком бою, своим сопротивлением обеспечивая отход всей армии. Были потеряны Гольдап и Лык.

Удар 6 германских дивизий и 90 батарей приняли наши 3 дивизии (II корпус был усилен 76-й пехотной дивизией) с 20 батареями в бою 26 августа. Наш 169-й пехотный Ново-Трокский полк героически принял удар всего 1-го германского армейского корпуса. 27 августа Ренненкампа усилил генерала Слюсаренко 72-й пехотной дивизией. В то же время IV армейский корпус, усиленный 57-й пехотной дивизией, успешно контратаковал 11-й германский. 28 августа было самым тяжелым днем. Левый фланг, несмотря на прибытие частей XX армейского корпуса и 54-й пехотной дивизии, понес огромные потери (60 орудий).

29 августа остатки героических полков генерала Слюсаренко сами перешли в контратаки, и генерал Век-Алиев поддержал их коротким ударом своего IV корпуса, нагнавшим панику на 11-й и 20-й германские корпуса. XX корпус снова захватил Гольдап. 30 августа бились все те же полки — и армия отходила благополучно под их прикрытием. 31-го генерал Ренненкампа получил приказание Жилинского отойти за Неман (2-я армия отводилась за Нарев). Авангард фон Моргена захватил Сувалки. II и XX корпуса отбили неприятельский охват, и 1 сентября вся 1-я армия отошла назад за линию границы, которую ровно за месяц до того перешла с победой...

31 августа у Тильзита погиб 270-й пехотный Гатчинский полк 68-й дивизии с 24 орудиями, который не предупредили об отступлении армии. Строевой рапорт 10 сентября показывает в 13,5 пехотных дивизиях 107000 штыков из штатных 200000, а в артиллерии всей армии 622 орудия из штатного числа 804. Принимая во внимание, что армия с перехода своего в наступление не получала пополнений, мы видим, что потери 1-й армии в пехоте составили 93000, а с личным составом артиллерии и конницы — до 100000 человек и 182 орудия. Вычтя из этого числа потери за Сталлупенен, Гумбиннен и другие бои (25000 человек и 8 орудий), мы получим убыль в сражении с 25 по 31 августа в Мазурских озерах — 75000 человек и 174 орудия¹⁶². Немцы взяли 29000 пленных и свой урон показали в 14000 человек.

Так закончился наш первый поход в Восточную Пруссию. Он стоил нам до 250000 человек, 500 орудий и, что самое главное, бросил тень на репутацию, которой свыше двух столетий пользовались русские войска. Наглая пропаганда бесчестного врага не встретила с нашей стороны надлежащего отпора. Наши же союзники, для выручки которых и была предпринята вся эта операция, проявили изумительное легкоеверие. Удельный вес России сильно понизился во всем мире и, в частности, в коалиции.

Идея удара по Германии была правильна. Для общего хода войны важно было облегчить французов как можно скорее, а этой срочности можно было добиться лишь непосредственным ударом войсками Северо-Западного фронта.

Допустим, что Россия поставила бы своей целью исключительно разгром Австро-Венгрии и все свои силы двинула бы на Юго-Западный фронт в надежде, что разгром австрийского союзника заставит Германию перебросить войска с французского фронта. Достигнуть решительной и сокрушительной победы над вполне равноценными в начале войны австро-венгерскими армиями мы не могли раньше, чем на 30 — 35-й день мобилизации. А за это время Германия могла нанести смертельный удар Франции и затем обратить все свои силы на нас. Значение нашей победы над Австро-Венгрией свелось бы к нулю. VIII германская армия все равно существовала бы. Она могла ударить в тыл Юго-Западного фронта и сорвать всю операцию либо, перевезенная под Краков, затянула бы на долгие недели решение на Юго-Западном театре. Наконец — и это для нас был бы худший случай — она, видя, что русские заняты Австро-Венгрией, села бы на поезда и отправилась на запад. Что произошло бы, если корпуса фон Приттвица вдруг вынырнули на знаменитом правом крыле фон Клука¹⁶³, под Монсом либо под Парижем?

Историческое оправдание поспешного восточнопрусского похода именно в том, что он заставил Германию ослабить армии¹⁶⁴ Бюлова¹⁶⁵ и фон Гаузена¹⁶⁶ уже на 21-й день мобилизации. Действия Северо-Западного фронта должны были быть энергичными и должны были создать у немцев впечатление о колоссальном перевесе наших сил. Это и было достигнуто Ренненкампом. После гумбинненской встряски каждый полк великолепной нашей 1-й армии показался немцам в дивизию (24 дивизии — тогда как было 24 полка!). Энергичное наступление шестью корпусами вместо трех с немедленной придачей им раньше готовых второочередных дивизий позволило бы нанести VIII германской армии еще более сильный удар при условии, что все эти силы (15 пехотных дивизий приблизительно) держать в одном кулаке, а не распылять в двух армиях. В Восточной Пруссии в 1914 году одно армейское управление из двух и три корпуса из девяти были лишними — они пошли не на усиление, а на ослабление Северо-Западного фронта, разбросавшегося на две слабых группы.

Первыми виновниками крушения были, таким образом, составители плана войны, не сумевшие распорядиться силами Северо-Западного фронта и давшие этим силам схоластические задачи — географические объекты (обход Мазурских озер, блокада Кенигсберга). Жилинский и Данилов двигали армии, как Вейротер свои колонны *о!е егз^е Агтее тагзсп!ег1, с!1е гмуеНе Агтее тагзсЫег!* (Ие агИ;1е... — не считаясь с данной военной обстановкой).

Главкомандовавший фронтом генерал Жилинский не сумел объединить действий двух вверенных ему армий. Его порочные распоряжения имели следствием необычайную разброску сил. Он задержал в тылу наступавших армий 10 второочередных дивизий (2 — у Самсонова, 8 — у Ренненкампа) в качестве никому ненужных гарнизонов, и это в то время, как немцы вывели в поле все гарнизоны своих крепостей! Дивизии эти были на местах уже с 18 — 20-го дня мобилизации. Будь они сразу направлены на фронт, не пришлось бы ампутировать 2-ю армию посылкой II армейского корпуса Ренненкампу. Сохранив II корпус, 3-ю Гвардейскую пехотную дивизию (запрятанную Жилинским¹⁶⁷ куда-то в Гродненский район) и подтянув 2 второочередные дивизии и 1-ю стрелковую бригаду, 2-я армия насчитывала бы 14,5 пехотных дивизий, а не 9, и Гинденбург с Людендорфом, прекрасно знавшие силы Наревской армии, при таких обстоятельствах никогда не рискнули бы на глубокий ее охват. Вся операция 2-й армии все равно не обещала многого: схоластически поставленная ей планом войны задача не сулила особенного успеха и при хорошем управлении.

Генерал Самсонов был главным виновником позора русского оружия. Современники пытались изобразить его жертвой. Исследователь позднейшей эпохи не сможет с этим согласиться. Генерал Самсонов не только жертва схоластики Данилова, бюрократии Жилинского и негодности своих корпусных командиров. Он, кроме того, и сам преступник перед русской армией. Никогда еще русские войска не велись так плохо, как несчастная 2-я армия в августе 1914 года! Она была брошена на произвол судьбы в самую трагическую минуту своей борьбы. Командование армией оказалось не по плечу гусарскому корнету.

Отрешив 14 августа вечером генерала Артамонова, гарцевавшего в передовых линиях и дезорганизовавшего управление корпусом, Самсонов на следующее же утро сам повторил ту же оплошность — непростительную уже для корпусного командира и преступную для командующего армией. И затем, видя, что все пропало — и притом по его вине, — он не сумел найти единственный почетный выход из этого положения, не сумел пасть смертью храбрых во главе первого же встретившегося батальона, а предпочел умереть жалкой смертью малодушных...

Как бы то ни было, восточнопрусская похороны знаменовал потерю войны для Германии¹⁶⁸. Никакие эфемерные Танненберги не могли искупить рокового промаха германской стратегии. Но этот наш крупнейший политический и стратегический успех мог быть и должен был быть куплен не столь дорогою ценою.

Галицийская битва

Галицийской битвой называют совокупность операций, разыгравшихся в августе 1914 года на 500-верстном фронте, от Вислы до румынской границы, между русскими армиями Юго-Западного фронта и австро-венгерскими армиями. Это трехнедельное единоборство во времени характеризуется двумя периодами. Первый период — австрийский удар на севере — на Люблин, русский удар на юге — на Львов. Сражения под Красником — между 4-й русской и I австро-венгерской армиями, под Томашовом — между 5-й русской и IV австро-венгерской, под Злочувом (Золотая Липа) и Перемышлянами (Гнилая Липа) между 3-й и 8-й русскими, III и II австро-венгерскими. Тяжелый период, когда лишь доблесть войск и энергия войсковых начальников предотвратили катастрофу, на которую обрекали наши армии неудачное развертывание и неудачная стратегия. День 18 (31) августа является переломом: русская стратегия оправилась, и враг подчинился нашей воле. Это австрийский удар на юге, отчаянный вызов судьбе сражение под Равой Русской — Городком. И в то же время мощный русский удар на севере — от Люблина, решающий трехнедельное единоборство.

* * *

2 августа 1914 года штаб Юго-Западного фронта отдал, как мы видели, своим армиям директиву о переходе 10-го в решительное наступление. 4-я армия от Люблина нацеливалась на Перемышль, имея задачей отрезать от Кракова австро-венгерские армии (сосредоточение которых полагалось по шпаргалке в Восточной Галиции); 5-я армия, способствуя в этом 4-й, выводилась из южной Холмщины на линию Мосциска — Львов. Главные же силы фронта — 3-я и 8-я армии бросались на Львов (3-я — по фронту Куликов — Миколаев; 8-я — по фронту Ходоров — Галич, препятствуя противнику отойти за Днестр).

Наиболее ответственная задача поручалась наиболее слабой 4-й армии, вдобавок с первых же дней сосредоточения еще более ослабленной.

Последняя июльская и первая августовская недели видели блестящую и самоотверженную работу нашей несравненной конницы, непроницаемой завесой скрывшей развертывание русских армий от глаз австро-венгерского главнокомандования: силы их оказались невыясненными, сосредоточение всей 8-й армии прошло вообще необнаруженным. Наоборот, о неприятеле были собраны ценные сведения.

4 августа конница 4-й армии имела удачное дело в Таневских лесах к югу от Красника. Взятые пленные позволили обнаружить развертывание I австрийской армии гораздо западнее, чем то предполагал наш план войны. Угроза нашему слабому правому флангу в люблинском направлении стала очевидной. Фланг этот надо было немедленно усилить, но этого сделано не было. Констатируя угрозу. Ставка и штаб Юго-Западного фронта не сочли нужным на нее реагировать и принять меры к ее парированию. Ставка была ослеплена берлинским миражом организацией авантюры похода в сердце Германии. Штаб же Юго-Западного фронта еще не очнулся от гипноза львовского миража. Было потеряно восемь драгоценных дней.

6 августа наша 3-я армия перешла границу. Генерал Рузский сразу же сжал свой фронт со 120 верст на 75, решив действовать одними лобовыми ударами, не прибегая к фланговым

маневрам. Примитивная эта стратегия еще более удаляла 3-ю армию от 5-й. 8 августа перешли Збруч и корпуса 8-й армии. Генерал Брусилов выделил из состава своего XII корпуса Заднестровский отряд, пошедший из Бессарабии на Буковину, в составе Терской казачьей дивизии и 2-й бригады 12-й пехотной дивизии, смененной затем 71-й пехотной дивизией.

8 августа наша 10-я кавалерийская дивизия графа Келлера¹⁶⁹ разгромила 4-ю австро-венгерскую кавалерийскую дивизию в знаменитом конном бою у Ярославце. Пока 1-й Оренбургский казачий полк рубил австрийскую пехоту, 7 эскадрон новгородских драгун и одесских улан схватились фронтально с 8 австрийскими эскадронами. Участь боя повисла было на волоске, и граф Келлер бросил уже в атаку свой штаб и конвой, но подоспевшие 2 эскадрона ингерманландских гусар с ротмистром Барбовичем решили дело в нашу пользу ударом во фланг австрийским белым драгунам и захватом всей их артиллерии. В преследовании приняло участие еще 6 подоспевших эскадронов и сотен. Собственно в конном бою наш урон был 5 офицеров и 110 нижних чинов (большой частью легко раненных), у австрийцев убито до 350 убитыми и тяжело ранеными и 400 пленными и 8 орудий. Это самое большое кавалерийское столкновение Мировой войны. К сожалению, штаб 3-й армии не сумел воспользоваться этим блестящим успехом. Победа у Ярославце после успеха нашей 2-й сводно-казачьей дивизии у Городка окрылила нашу конницу, но все ее возможности, увы, не были использованы.

Пока армии Рузского и Брусилова сближались с III австро-венгерской и группой Кевеша¹⁷⁰, на севере произошли события исключительной важности, сразу переместившие туда центр тяжести стратегии.

* * *

10 августа наша 4-я армия генерала барона Зальца, силою всего в 6,5 дивизий¹⁷¹, двинулась в общем направлении на Перемышль, как то было ей указано. Отсутствие XX корпуса давало себя знать. Базы армии совершенно не были оборудованы для столь дальней операции. Впрочем, и наступать ей долго не пришлось. Навстречу 4-й армии шла из Таневских лесов вдвое сильнейшая I австро-венгерская армия генерала Данкля силою в 12 дивизий. 10-го же августа генерал Данкль¹⁷² атаковал тройными силами под Красником наш XIV армейский корпус и нанес ему полное поражение. 11 августа разбиты были XVI и Гренадерский корпуса, и 12-го числа 4-я армия стала откатываться к Люблину. В этот день генерал Зальца был заменен генералом Эвертом, командующим войсками Омского военного округа. Отчислению подлежал и командир XIV корпуса генерал Войшин-Мурдас-Жилинский, но вместо него сменен был командир XVI корпуса генерал Гейсман и назначен генерал Клембовский¹⁷³. Всего под Красником с нашей стороны сражалось 109000 человек и 352 орудия против 228000 австро-венгров с 520 орудиями. Наш урон — до 20000 человек (в том числе до 6000 пленных) и 28 орудий.

Поражение под Красником открыло глаза Ставке и штабу Юго-Западного фронта. Ставка вынуждена была двинуть в 4-ю армию один из корпусов, предназначавшихся для похода на Берлин, XVIII армейский и второочередные 80-ю, 82-ю и 83-ю пехотные дивизии.

Назначенный было в 3-ю армию III Кавказский корпус был тоже направлен под Люблин. Генерал Алексеев, со своей стороны, правильно оценил обстановку и решил парировать неприятельский удар по 4-й армии наступлением 5-й и 3-й армий левым плечом вперед — во фланг и в тыл ударной группы (I к IV австро-венгерские армии) неприятеля. Однако это коренное изменение плана операции требовало отчетливой и уточненной формулировки. Этого-то как раз и не было сделано. Найдя решение, генерал Алексеев не сумел его провести и прежде всего не отменил первоначальной директивы от 2 августа, уже не отвечавшей создававшемуся положению, но продолжавшей оставаться в силе.

Тем временем 4-я армия продолжала стойко отбиваться, и ее сопротивление 13 и 14 августа (у Белжице — Туробина) поразило австрийцев, увидевших, что победить русских не так легко, как это им казалось. 15 августа генерал Данкль притянул к себе с левого берега Вислы группу Куммера¹⁷⁴ (2 дивизии). Положение 4-й армии на подступах к Люблину было

очень тяжелым, но у генерала Эверта хватило выдержки выждать сосредоточения всего XVIII корпуса, не вводя его пачками. 16 августа 4-я армия была охвачена с обоих флангов: справа, на реке Ходель, группой Куммера, слева, у Суходола, 10-м австро-венгерским корпусом, стремившимся прервать линию Люблин — Холм (у станции Травники) и вклинившимся между 4-й и 5-й армиями. Однако генерал Данкль не сумел сохранить свой маневренный кулак, давший ему победу под Красником, и разбросал свои усилия.

17 августа авангард XVIII корпуса сбил группу Куммера на реке Ходель. В деле 17 августа нами взят 1 генерал, 1000 пленных, 3 орудия, 10 пулеметов. Отличился Двинский полк. Положение под Люблином изменилось к лучшему, но под Суходолом продолжало оставаться напряженным.

Одновременно с 4-й армией генерала Зальца 10 августа перешла в наступление и 5-я армия генерала Плеве. Сближение с противником происходило здесь медленнее по причине большого расстояния. Получив известие 12 августа о поражении 4-й армии, генерал Плеве двинул на поддержку соседа XXV корпус. Однако корпус этот наткнулся 13-го у Замостья на подавляющие силы противника: это была IV австро-венгерская армия генерала Ауффенберга¹⁷⁵. В боях 13 и 14 августа у Замостья XXV корпус был разбит и отступил на Краснотав.

3-я гренадерская дивизия была совершенно расстроена и потеряла 16 орудий. Ее 1-я бригада насчитывала сейчас же после боя всего 850 штыков. 1-я же бригада 46-й пехотной дивизии была накануне отправлена под Люблин, в 4-ю армию. В то же время 13 августа в бой вступил XIX корпус, а 14-го и V (корпуса генерала Плеве шли уступами справа). Бои этих двух корпусов были удачны. 15 августа Томашовское сражение было в разгаре. Ауффенберг обрушился всеми силами на XIX корпус генерала Горбатовского, но наши 17-я и 38-я дивизии стойко отбились от шести неприятельских (2-го, 9-го и 6-го австро-венгерских корпусов). В то же время наш V корпус блестящим ударом разбил у Лащова 6-й австрийский корпус. Но на левом фланге 5-й армии подходивший XVII корпус был на подходе разбит подоспевшей к Ауффенбергу из III армии группой эрцгерцога Иосифа Фердинанда (14-й корпус).

В боях XIX корпуса под Тарнаваткой 13 августа тарутинцы взяли знамя 11-го венгерского полка и 6 орудий. Бородинцы взяли 2 орудия. 14 августа 27-й пехотный Витебский полк нагрянул на рассвете на 10-ю австро-венгерскую кавалерийскую дивизию и всю ее разгромил совершенно, выведя ее из строя и захватив коновязи. В славном деле V корпуса у Лащова отличились полочане, томцы и колыванцы: 15-я венгерская пехотная дивизия была разгромлена, и нами взято 4000 пленных, 2 знамени и 22 орудия. При поражении XVII корпуса наша 35-я дивизия была атакована на привале, потеряв 18 орудий, а второочередная 61-я приведена в расстройство и потеряла на следующий день свою артиллерию 40 орудий и 1 знамя.

Положение нашей 5-й армии под Томашовом стало тяжелым. Оба ее фланга оказались сбиты, и центр был охвачен превосходными силами врага. Ауффенберг решил устроить Канны. Группа эрцгерцога Петра Фердинанда должна была обойти наш правый фланг, тогда как эрцгерцог Иосиф Фердинанд наваливался на левый. Все это явило разительное сходство с драмой, разыгравшейся как раз в эти дни при Сольдау, но Плеве не был Самсоновым, Горбатовский не был Клюевым, австрийским же эрцгерцогам было далеко до железных прусских командиров. Против 6,5 русских дивизий Ауффенберг развернул 13, но все его усилия их сломить в боях 16 и 17 августа оказались тщетными. 18 августа генерал Горбатовский, корпус которого у Комарова был уже охвачен с трех сторон, решительным ударом отбросил эрцгерцога Петра — мечты Ауффенберга о Каннах разлетелись прахом. Тем не менее генерал Плеве принял решение 18-го прервать затянувшееся сражение и отвести свою армию на Краснотав и Владимир Волынский.

В те дни в лице генерала Горбатовского мы обрели второго Дохтурова. XIX корпус, загнув фланг и простреливаемый насквозь, стоял как гранитная глыба. Герой Порт-Артура генерал Горбатовский, сняв фуражку, поклялся своими седыми волосами, что скорее умрет,

чем уступит врагу! В контратаке 18 августа блестящую роль сыграли 1-я и 5-я Донские казачьи дивизии, ударившие в тыл 2-го австро-венгерского корпуса и взявшие 10 орудий. Эрцгерцог Петр приказал отступать, чем привел в отчаяние Ауффенберга. Этот последний изливает свою горечь в дневнике: Ужасное разочарование! Беспомощная ярость! Пропали лучшие плоды победы! Не нахожу слов! При встрече с эрцгерцогом Ауффенберг не скрыл своего негодования, показав себя плохим царедворцем, — и это сыграло свою роль в его опале. Ауффенберг отправил донесение о своей блестящей победе, о совершенном разгроме 5-й русской армии и о захвате 160 русских пушек. В австрийской Главной Квартире стали поэтому считать нашу 5-ю армию выведенной из строя. В числе побежденных им войск Ауффенберг пометил и XIII армейский корпус, как раз погибший в тот день в Восточной Пруссии. Стойкость войск 5-й армии ввела его в заблуждение относительно ее численности. Всего под Томашовом сражалось 160000 русских с 588 орудиями против 205000 австро-венгров с 600 орудиями. Наш урон — до 30000 убитых и раненых, 10000 пленных и 74 орудия. Австрийцы лишились до 40000 убитыми и ранеными, до 12000 пленных, 3 знамени и 39 орудий. Их потери (не говоря о знаменах) превосходили наши. Взяты знамена 11-го гонведного 176, 5-го и 65-го пехотных полков.

* * *

Ударной группе Юго-Западного фронта — 3-й армии генерала Рузского и 8-й генерала Брусилова — было предписано вести энергичное наступление во львовском направлении, где предполагались главные силы неприятеля. Наше превосходство в силах в этом, оказавшемся второстепенном, направлении было полуторным: здесь мы развернули 22 пехотных и 9 кавалерийских дивизий против защищавших Галицию 16 пехотных и 6 кавалерийских дивизий III австро-венгерской армии генерала Брудермана¹⁷⁷ и отряда Кевеша (авангарда перебрасывавшейся из Сербии II австро-венгерской армии).

Австрийское командование ничего не знало о существовании русской 8-й армии (развертывание которой было скрыто блестящей работой нашей конницы). Генерал Конрад предполагал иметь дело с одной лишь 3-й армией. Считая свои силы в этом направлении достаточными, он снял 11 августа с фронта III армии группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда¹⁷⁸ и направил ее на север — в армию Ауффенберга. В свою очередь, штаб III армии жаждал скорейших побед над русскими войсками, к которым относился презрительно. Генерал Конрад имел слабость согласиться с доводами своих подчиненных и 12 августа разрешил им перейти в наступление. Таким образом, австро-венгерская армия в Галиции повела наступление по двум направлениям: Данкль и Ауффенберг — на север, Брудерман и Кевеш — на восток.

С русской стороны день 12 августа ознаменовался началом затяжного конфликта между штабом Юго-Западного фронта, требовавшим движения 3-й армии в северо-западном направлении — на Мосты Вельке и Каменку Струмилову — для участия в решительном сражении с обнаружившимися главными силами неприятеля, и штабом 3-й армии, упорно не желавшим считаться с создавшейся на театре войны обстановкой. Генерал Рузский был всецело под влиянием своего начальника штаба генерала В. М. Драгомирова, а этот последний твердо решил искать лавров на штурме первоклассной крепости Львова. С 13 по 20 августа расплывчатые директивы штаба фронта (полупросьбы, полуприказания) указывали на всю важность и решительность событий на люблинском и томашовском направлениях и на всю срочность помощи 5-й армии. Рузский и Драгомиров оставались глухими к этим доводам, преследуя лишь свои узкоэгоистические цели. Отписываясь на уговоры фронта двигаться главными силами на север от Львова и направить XXI корпус и конницу в тыл Ауффенбергу, штаб 3-й армии все продолжал ломить фронтально на никому ненужный Львов... Эта тяжелая штабная драма безволия наверху и злой воли внизу явилась печальным фоном, на котором происходили отрядные сами по себе события.

13 августа у Золочева (иначе на Золотой Липе), в десятую годовщину Ляояна, разыгралось в виде встречного боя сражение между 3-й русской и III австро-венгерской армиями, и наступательный порыв австрийцев был сразу сломен. На 14-е штаб 3-й армии

предписал было XXI корпусу двинуться на Мосты Вельке, чтоб оказать помощь 5-й армии, но все дело испортил сам генерал Алексеев неуместной телеграммой, в которой рекомендовал осторожность, ибо противник может собрать вокруг Львова еще не обнаруженные корпуса.

Само собою разумеется, штабу 3-й армии нечего было повторять это дважды, и он с радостью поспешил отменить движение XXI корпуса. Корпус этот совершенно не был использован: он двигался в пустоту, и штабу 3-й армии не пришлось в голову использовать его для охвата противника, с которым вели фронтальный бой остальные три корпуса. 14 августа было решительным днем Золочевского сражения: в этот день III австро-венгерская армия была разбита и отброшена по всему фронту, и 15 августа наша 3-я армия с подравнявшейся 8-й повела преследование.

День 13 августа завершился лихой атакой 165-го пехотного Луцкого полка (IX армейского корпуса), разгромившего три неприятельских полка и взявшего 2000 пленных и 16 орудий. 14 августа отличился XI армейский корпус, взявший 3500 пленных и 32 орудия, тогда как X корпус тоже взял 6 пушек. Ночью 3-я кавалерийская казачья дивизия очутилась среди колонн разгромленного 11-го австро-венгерского корпуса, поспешно отступавших, но робкий ее начальник генерал Хелмицкий не отважился атаковать и упустил второй Бегли-Ахмет! Завтра преследуем противника, — доносил штаб 3-й армии. — Войска готовы на всякие жертвы, рвутся на противника, не выдерживающего даже фронтального натиска. Этот противник тем более не выдержал бы фронтального натиска, используя генерал Рузский выгодное положение своего XXI армейского корпуса. Всего в Золочевском сражении нами взято до 10000 пленных и до 60 орудий.

Что касается нашей 8-й армии генерала Брусилова, то она продвигалась эти дни, почти не встречая сопротивления. 10-го был занят Тарнополь, в тот же день произошел лихой конный бой 2-й сводно-казачьей дивизии генерала Павлова у Дзюрина и неудачное для нашего заднестровского отряда дело у Раранчи, отвлекшее, однако, на этот второстепенный участок (бессарабско-буковинская граница) силы противника из Галиции. 13 августа было славное для ахтырцев дело у Демни. У Дзюрина взято 4 орудия волгами. Наш Заднестрровский отряд (2-я бригада 12-й пехотной дивизии) потерял при Раранче 1000 человек, но привлек на себя новую неприятельскую дивизию. В деле у Демни 2-й эскадрон ахтырских гусар внезапной и неистовой атакой обратил в бегство целую бригаду австрийских драгун, потеряв своего героя — командира, старшего из трех братьев Панаевых Бориса.

14-го, когда 3-я армия сражалась у Золочева, 8-я отдыхала на дневке, и в ночь на 15-е Брусилов, снявшись с биваков, повел свою армию форсированным маршем на северо-запад — на сближение с армией генерала Рузского. 15 августа части VIII и XII корпусов, выйдя на группу Кевеша, нанесли ей поражение у Подгайцев. У Подгайцев дрались 14-я и 19-я пехотные дивизии. Севастопольцы взяли 4 орудия. В 14-й дивизии большие потери понес Подольский полк, командир которого просил разрешение идти полку в голове дивизии по случаю бывшего в тот день полкового праздника. Разбитая III австро-венгерская армия зацепилась за следующий от Золотой Липы рубеж — долину Гнилой Липы, где генерал Брудерман решил возобновить сражение.

Следует добавить, что 14 августа в XI корпусе 3-й армии 7 орудий взял 44-й пехотный Камчатский полк полковника Май-Маевского, а 25 — взяла 78-я пехотная дивизия.

План генерала Конрада был: III армией генерала Брудермана на Гнилой Липе сковать нашу 3-ю армию, а собравшейся II армии генерала Бем Ермоли нанести группой генерала Карга удар во фланг и в тыл русской 8-й армии — от Рогатина и Галича. И 16 августа разгорелось сражение под Перемышлянами. 3-я армия отбила атаки надломленной армии Брудермана, а 8-я армия генерала Брусилова завязала у Рогатина бой со II австро-венгерской армией генерала Бем Ермоли. 17 августа наш X корпус прорвал фронт 12-го австрийского под Перемышлянами, и армия Брудермана покатила назад, преследуемая 10-й кавалерийской дивизией графа Келлера, к сожалению, никем не поддержанной. В 8-й армии

12-я кавалерийская дивизия генерала Каледина ликвидировала наметившийся было прорыв у Руды. В то же время генерал Брусилов круто разделался с Бем Ермоли блестящими ударами VII корпуса генерала Экка под Янчином, XII корпуса генерала Леша у Рогатина и Фирлеюва, а VIII корпус генерала Радко Дмитриева растерзал обходившую наш левый фланг группу генерала Карга в лихом ночном бою у Желибор.

Под Перемышлянами 10-я кавалерийская дивизия захватила 4 орудия и обозы 12-го австро-венгерского корпуса, командир которого генерал Кевеш едва не попал в плен. X армейский корпус захватил 16 орудий. Елецкий полк взял знамя 50-го австро-венгерского полка. Блестящее дело VII корпуса у Янчина названо было боем генералов, так как впереди атаковавших батальонов 34-й пехотной дивизии встали все старшие начальники этой дивизии. 34-й пехотной дивизией взято 20 орудий. У Рогатина частями 65-й пехотной дивизии взято знамя 2-го Тирольского стрелкового полка. VIII корпус днем отразил натиск Карга, а ночью сам перешел в стремительное наступление, причем особенно отличились прагцы. Здесь взято свыше 4000 пленных, знамя и 32 орудия. Всего же 8-й армией в этом сражении захвачено свыше 20000 пленных, 3 знамени и 70 орудий. 18 августа сопротивление III и II австро-венгерских армий было сломлено по всему фронту. Подбодряемый триумфальными донесениями Ауффенберга, генерал Конрад еще надеялся удержать Львов, но 2 дивизии, предназначавшиеся им к обороне Львова, были разгромлены 19-го числа у Куликова нашим XXI корпусом генерала Шкинського и, охваченные паникой, бежали.

Волевой полководец, генерал Конрад решил отчаянным усилием вырвать победу у русских. Он считал нашу 4-ю армию разбитой, а 5-ю и вовсе разгромленной (поверив донесениям Ауффенберга). Зацепившись I армией генерала Данкля против 4-й нашей армии и оставив группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда против нашей 5-й армии, австро-венгерское главнокомандование решило быстро сделать налево кругом IV армией Ауффенберга, бросив ее в южном направлении — на Раву Русскую, в правый фланг нашей 3-й армии и всей львовской группы. В то же время III армия генерала Бороевича (заменившего Брудермана) должна была отбить натиск 3-й армии на сильно укрепленной Городокской позиции за Львовом, а II армия генерала Бем Ермоли, к которой подошел свежий 4-й мадьярский корпус, должна была от Николаева нанести удар левому флангу 8-й армии. Таким образом Конрад задумал осуществить Канны.

* * *

Пока на полях Перемышлян, Рогатина и Желибор происходили эти славные для русского оружия дела, а штаб Юго-Западного фронта ожидал благоприятного разрешения Суходольского кризиса в 4-й армии, в Ставке стали получаться сперва отрывочные, а затем и более подробные известия о катастрофе при Сольдау.

Удар германской армии, усиленной подходившими с запада корпусами на Нижний Нарев — в тыл нашего стратегического развертывания, ожидался в ближайшие же дни и грозил катастрофическими последствиями. Ставка приняла решение напрячь все усилия на Юго-Западном фронте, чтобы развязать здесь себе руки, разделавшись с австрийцами в ближайшие дни. Если числа до 23-го решительной победы здесь не последовало бы, великий князь решил эвакуировать все Царство Польское и осадить армии Юго-Западного фронта на Брест — Ковель — линию Збруча.

18 августа Русский продолжал ломиться на Львов. 19-го штаб Юго-Западного фронта опять приказал ему выделить сильную группу на томашовское направление и снова приказание это осталось невыполненным. 20 августа 3-я армия подошла вплотную ко Львову, а в 8-й армии XXIV армейский корпус взял Галич. Взявшая Галич 49-я пехотная дивизия захватила 50 орудий. 21 августа штаб 3-й армии наконец-то получил свой заветный фетиш:

IX корпус занял оставленный австрийцами за полной ненадобностью Львов. Русский и В. Драгомиров с этого момента стали вменяемыми, а 3-я армия маневренноспособной. При занятии Львова захвачено IX корпусом 20 орудий. Первыми вступили во Львов разъезды стародубовских драгун (12-й кавалерийской дивизии 8-й армии).

Этот день 21 августа принес перелом грандиозного сражения от Вислы до Днестра. Обстоятельства заставили Ставку проявить свою волю. Генерал Янушкевич передал генералу Алексееву, что ввиду большой заминки во 2-й армии и необходимости покончить во что бы то ни стало с австрийцами до подхода с запада германских подкреплений, Верховный главнокомандующий повелел юго-западным армиям перейти к самым решительным действиям, выказав свою непереносимую волю, чтобы все войска Эверта и Лечицкого наступали где-то возможно самым решительным образом, чтобы раздавить противника.... Генерал Алексеев со своей стороны сообщил генералу Рузскому, что участь кампании зависит не от операций наших против Львова и Днестра, а от исхода сражения Люблинско-Холмско-Грубешовского фронта. Даже взятие Львова не вознаградит нас за потерю сражения на севере...

Во исполнение указанного повеления штаб Юго-Западного фронта предписал новообразованной 9-й и 4-й армиям решительно нажать на северную группу австрийцев, левым флангом отбрасывая ее к Висле, а 5-й и 3-й армиям — обойти с севера южную группу неприятеля на Городокских позициях и прижать ее обходным движением к Сану, в то время как 8-я армия скует ее фронтальным ударом. Таким образом, штаб Юго-Западного фронта задумал два совершенно отдельных сражения, в самой слабой связи — а вернее, без всякой связи — друг с другом: сражение у Люблина и сражение под Равой Русской — Городком.

* * *

Мы видели, что положение нашей правогофланговой 4-й армии генерала Эверта к 18 августа значительно окрепло. В результате широкого железнодорожного маневра Ставки армия эта вдвое усилилась за третью неделю августа. На правый ее фланг был приведен XVIII корпус, за левым спешно высаживались знаменитые полки гвардии и III Кавказского корпуса. 10-й австро-венгерский корпус, прорвавший наш фронт у Травников, охватывался этими свежими войсками и бывшими здесь гренадерами полукольцом. Генерал Эверт составил из этих войск отряд генерала Мрозовского.

20 августа отряд генерала Мрозовского атаковал 10-й корпус, и к вечеру у Суходола герои апшеронцы первые прорвали фронт не знавшей доселе неудач армии генерала Данкля. Суходольское дело, к сожалению, не развитое преследованием, возвестило нам победу. Трофеями под Суходолом были 5000 пленных и 8 пулеметов. Наш урон в этом деле был около 2300 человек (половина в Апшеронском полку, пошедшем в бой в своих исторических кунерсдорфских сапогах). Апшеронцами командовал генерал-майор Веселовский. Генерал Эверт отложил общее наступление на 22-е. В то же время генерал Данкль подтянул к себе прусский ландверный корпус генерала Войерша.

В это время 5-я армия генерала Плеве, отошедшая было после Томашовского сражения к Холму, сделала налево кругом. Не будучи ориентирован штабом фронта, генерал Плеве направил свои правогофланговые корпуса — XXV и XIX — на сближение с 4-й армией, к юго-западу (что выводило их во фланг и в тыл армии Данкля), а левогофланговым — V и XVII — предписал идти на юг, в томашовском направлении на сближение с 3-й армией. 5-я армия составила, таким образом, две группы. 22 августа XXV корпус имел удачный бой у Машева и вошел в связь с 4-й армией. У Машева было взято в плен 20 офицеров, 1600 нижних чинов, 1 орудие и 1 пулемет. 24 августа XXV армейским корпусом (частями его) было взято еще 300 пленных и 2 орудия.

В ночь на 23 августа правогофланговые корпуса 4-й армии — XIV и XVIII — с приданной Гвардейской стрелковой бригадой образовали 9-ю армию генерала Лечицкого (начальник штаба — генерал Гулевич¹⁸¹). Генерал Эверт решил действовать своим правогофланговым корпусом (XVI) фронтально, а из гренадер, гвардии и кавказцев образовать на левом фланге — в духе инструкции фронта маневренную группу.

23 и 24 августа на фронте 9-й и 4-й армий шли упорные бои. Храбрая армия Данкля, на стойкости которой был построен весь план австро-венгерского командования, оказывала отчаянное сопротивление. Вся тяжесть боев легла на 4-ю армию, мало поддержанную соседними 9-й и 5-й.

25-го наступление развивалось туго. Лишь два левофланговых корпуса 5-й армии, совместно с выходившим в томашовском направлении XXI корпусом 3-й армии разбили у Посадова группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда. В боях у Посадова 25 августа нами взято 2400 пленных и 18 орудий (175-м пехотным Батуринским полком). Генерал Плеве обратил сюда главные свои усилия: при дальнейшем развитии успеха он заходил в тыл маневренной группе австрийцев у Равы Русской и Городка.

26 августа армии Лечицкого и Эверта, поддержанные сокрушительным огнем 850 орудий, рванули упорного врага. В 9-й армии гвардейские стрелки имели славное дело под Камнем, но главный удар врагу был нанесен вечером в 4-й армии гвардией при поддержке кавказцев у Тарнавки, где был разгромлен корпус Войерша¹⁸⁰. У Камня захвачено 22 орудия, причем особенно отличились царскосельские стрелки, взявшие 16 пушек. Под Тарнавкой был разбит корпус Войерша и добит 10-й австро-венгерский корпус. Главный удар нанесла бригада генерала Киселевского (московцы и лейб-гренадеры), поддержанная Дагестанским пехотным полком. Было взято 5000 пленных и 42 орудия.

27 августа за Тарнавкой апшеронцами взято еще 9 германских гаубиц. В этот вечер корпус Войерша потерял 8000 человек, не считая 5000–6000 австрийцев. Но потери наших двух гвардейских полков были громадны. В Лейб-Гвардии Московском полку, взявшем все 42 пушки, убыло 63 офицера и 3200 нижних чинов, в Гренадерском — 50 офицеров и 2500 нижних чинов. Всего 4-й армией в боях с 25 по 28 августа захвачено было 15000 пленных и 55 орудий. Прорыв у Тарнавки решил все Люблинское сражение — армия Данкля дрогнула, отошла 27-го к юго-западу и, не имея силы зацепиться, покатила назад.

Наступил момент развить успех в победу и вывести из строя Австро-Венгрию. Сложившаяся благодаря доблести войск и войсковых начальников обстановка требовала решения полководца. Но полководца в России не оказалось.

* * *

На другой день по взятии Львова генерал Рузский приступил к выполнению поставленной ему двойной задачи: войти в связь с 5-й армией и охватить Городокскую позицию. Следствием этой двойной задачи была разброска корпусов 3-й армии веером на фронте до 85 верст.

Двинувшись на северо-запад от Львова главными силами в район Равы Русской, управление 3-й армии, ошибочно ориентированное штабом фронта, полагало неприятеля отступающим к западу. В действительности же прямо на нашу 3-ю армию надвигалась с севера — с томашовского поля сражения — IV австро-венгерская армия генерала Ауффенберга, северное крыло задуманных Конрадом Канн. 24 августа главные силы 3-й армии — XI и IX корпуса — столкнулись у Равы Русской с тремя корпусами (6-й, 9-й, 17-й) Ауффенберга, завязав здесь кровопролитное шестидневное сражение.

Тем временем 8-я армия, передав в 3-ю свой XII корпус, получила пассивную задачу прикрывать обходной маневр генерала Рузского. Генерал Брусилов решил обеспечить свой левый фланг на Днестре — и 24 августа VIII и XXIV армейские корпуса заняли почти без боя сильно укрепленный Миколаев. В Миколаеве взято 40 орудий. Преследуя австрийцев, 14-я пехотная дивизия захватила на следующий день еще 17 орудий. 25 августа сражение под Равой Русской — Городком закипело по всей линии наших 3-й и 8-й армий. Наша 3-я армия схватилась с IV австро-венгерской; на стык 3-й и 8-й ломилась III неприятельская; на левый фланг 8-й армии в долине Днестра нацеливалась II, несколько запоздавшая.

26 августа — в день поражения Данкля под Тарнавкой — наша 3-я армия переживала серьезный кризис. Ее правый фланг — XXI корпус — зашел слишком далеко на север и не смог оказать помощи центру — XI и IX корпусам — в тяжелых боях у Равы Русской. В ночном бою селенгинцами и было взято знамя тирольских егерей 2-го полка. В то же время на левом фланге X корпус был сбит с реки Верещицы и фронт его был прорван у Вальдорфа. 8-я армия завязала тяжелые бои, перейдя к обороне по всему фронту.

27-го положение ухудшилось. Рассчитывая еще на стойкость Данкля и группы Иосифа Фердинанда, австрийцы развили предельное напряжение. Ауффенберг яростно

сопротивлялся 3-й армии под Равой Русской. Бороевич тщетно пытался развить прорыв у Вальдорфа. Бем Ермоли, подтянув свежий мадьярский 4-й корпус, нанес сильный удар у Комарно во фланг 8-й армии, отбросив наш XXIV корпус за речку Щержец. Удар всего австро-венгерского корпуса приняла 48-я пехотная дивизия генерала Корнилова. Мы понесли значительный урон и лишились 18 орудий.

28 августа жаркий бой продолжался. В 3-й армии X корпусу удалось ликвидировать вальдорфский прорыв. В 8-й нашим VIII и XXIV корпусам удалось сдержать армию Бем Ермоли и даже отразить ее в ночном бою близ Миколаева при помощи подоспевшего и взявшего противника во фланг и в тыл сводного конного корпуса генерала Павлова. Генерал Рузский расценивал положение весьма пессимистически, не подозревая, что австро-венгерское главнокомандование уже составляет приказ об общем отступлении всех армий за Сан... Действительно, утром этого дня эрцгерцог Фридрих и генерал Конрад получили известие об отступлении Данкля и оставлении Томашова группой эрцгерцога Иосифа Фердинанда, благодаря чему русским войскам — в первую очередь 5-й армии — становилось возможным выйти в тыл всему австрийскому расположению. Томашов был взят V армейским корпусом и частями 35-й пехотной дивизии XVII корпуса 26 августа. Наши трофеи при этом — 1800 пленных и 16 орудий. И 29 августа пополудни австрийские IV, III и II армии, прервав сражение, искусно вышли из боя, озадачив русское командование, сразу не заметившее своей победы...

* * *

Так закончилась трехнедельная Галицийская битва, по прежним понятиям целая кампания. 45 пехотных и 11 кавалерийских дивизий австро-германцев потерпели поражение при столкновении с 47 пехотными и 24,5 конными русскими дивизиями. Урон австрийцев составил 326000 человек без корпуса Войерша. Корпус Войерша лишился до 10000 человек, так что урон неприятеля даже по его, сильно приуменьшенным, сведениям, доходит до 336000 человек. В наших армиях Юго-Западного фронта убыло 233000 человек. В том числе до 44000 пленных, одно знамя и 94 орудия. Особенно тяжелые потери понесла 4-я армия. В Гренадерском корпусе урон доходил до 75 процентов всего состава, в XVI — превысил половину, в гвардии — до 40 процентов, а во всей 4-й армии — 35 процентов. Нами было взято до 120000 пленных, 8 знамен, 640 орудий 182 и 220 пулеметов.

Принимая во внимание стратегическую несостоятельность обоих главнокомандовавших (Н. И. Иванова и эрцгерцога Фридриха), мы можем видеть, что все грандиозное сражение было стратегическим единоборством их способных начальников штаба и фактических вдохновителей дела — генерала Алексеева и генерала Конрада. Генерал Алексеев — глазомер без быстроты и натиска. Генерал Конрад — быстрота и натиск без глазомера. Поскольку глазомер является первым качеством военачальника, мы должны отдать предпочтение водительству генерала Алексеева.

Задача Алексеева была огромной и тяжелой. Он начал операцию с руками, связанными абсурдным стратегическим развертыванием. Трагичность его положения усугублялась еще тем, что старшие его сослуживцы и начальники по Киевскому военному округу генералы Иванов и Рузский, в руках которых как раз и сосредоточился весь командный аппарат Юго-Западного фронта, проявили полное отсутствие стратегического кругозора и стратегического чутья. По своему положению начальника штаба генерал Алексеев мог только советовать и уговаривать, но он не мог самостоятельно приказывать. Впрочем, обладая он более твердым характером, ему удалось бы склонить на свою сторону инертного Иванова и заставить 3-ю армию двинуться в тыл Ауффенбергу вместо абсурдного наступления на никому ненужный Львов, таким образом, генералу Алексееву приходилось одновременно выправлять промахи Ю. Данилова, преодолевать инерцию Иванова, злую волю Рузского и В. Драгомирова и в то же время бороться с искусным, энергичным и предприимчивым Конрадом. Препятствия были бы трудноодолимыми и для Наполеона.

Главной ошибкой генерала Алексеева — главным пороком стратегической мысли Юго-Западного фронта — было то, что он считал Люблин и Городок двумя отдельными

сражениями, а не одной общей операцией. Благодаря этому заблуждению важнейшая стратегическая роль 5-й армии не была им замечена и осталась неиспользованной. А роль эта была — связать Люблинское и Городокское сражения в единую Галицийскую битву решительным ударом от Томашова на Раву Русскую и дальше — в тыл IV и III австро-венгерских армий. Удар этот мог вывести из строя Австро-Венгрию.

5-я армия была на важнейшем направлении Галицийской битвы, но этого не замечали генералы Иванов и Алексеев, для которых не существовало Галицийской битвы, а было два отдельных сражения. 5-я армия находилась для них между полями этих сражений (тогда как она находилась как раз в середине поля сражения единой Галицийской битвы). Штаб Юго-Западного фронта и разменял 5-ю армию на мелочи, направив два ее корпуса на Люблинское поле сражения и согласившись на движение двух других на поле Городокского сражения. Движение XXV и XIX корпусов никакой роли в поражении Данкля не сыграло: корпуса эти были остановлены самим генералом Алексеевым и способствовали лишь образованию столпотворения частей, обозов и парков в районе Горай — Фрамполь.

Движение V и XVII корпусов на сообщения Ауффенберга сыграло решительную роль в Городокском сражении, заставив неприятеля прервать бой и отступить. Но насколько решительнее была бы победа в случае цельного удара всей 5-й армии в тыл врага!

Штаб Юго-Западного фронта не дал образцов выше хорошей посредственности. Галицийская победа при всем громадном своем стратегическом значении получилась тусклой и вымученной — в противоположность ослепительному и оглушительному (хоть и не имевшему стратегического значения) нашему разгрому в Восточной Пруссии.

Столь же посредственна работа командовавших армиями, за исключением волевого и энергичного Плеве. Командовавший же 3-й армией генерал Рузский дал одни лишь отрицательные образцы вождения войск. За взятие Львова — дело тактически ничтожное, а стратегически вредное (упущена возможность уничтожить живую силу врага) — он был сразу награжден двумя Георгиями. Это доказывает чисто обывательский взгляд Ставки Верховного главнокомандующего, расценивавшей успехи лишь с точки зрения занятия пунктов, отмеченных на карте жирным шрифтом. И когда через несколько дней ход войны повелительно потребовал перемены руководства искалеченными армиями Северо-Западного фронта, то на этот ответственный пост был назначен наименее достойный из пяти командовавших армиями против Австро-Венгрии.

Варшава и Ивангород

Русская армия умела побеждать, но она не умела пользоваться своими победами — не умела преследовать. Штаб Юго-Западного фронта не пожал плодов Галицийской битвы, обратив ее в ординарную победу. Австрийские корпуса, форсируя марши по размытым дорогам, выходили из-под наших ударов, бросая обозы, артиллерию, отсталых. Расстройство их увеличивалось с каждым днем, а в распоряжении Юго-Западного фронта имелось 24 дивизии превосходной конницы.

Но штаб Юго-Западного фронта и не подумал использовать свою конницу, как и не догадался организовать энергичного параллельного преследования по левому берегу Вислы частями 9-й армии. На левом берегу находились конный корпус генерала Новикова (5-я, 8-я и 14-я кавалерийские дивизии), Кавказская кавалерийская дивизия, 75-я пехотная дивизия (гарнизон Ивангорода), части 18-й и 23-й пехотных дивизий. Нагромождение войск на Люблинском поле сражения имело следствием заторы на немногочисленных и вдобавок размытых дождями дорогах. Один затор в районе Горай — Фрамполь, где правифланговая группа 5-й армии вышла перед фронт 4-й армии, и другой — в районе Равы Русской, где левофланговая группа 5-й армии вышла перед фронт 3-й армии.

Преследование запоздало на два дня. Оно было организовано фронтально и велось так вяло, что обратилось в простое следование за врагом. Иванов и Алексеев построили австрийцам золотой мост. Один лишь энергичный граф Келлер преследовал отступавшего неприятеля, и его 10-я кавалерийская дивизия взяла 31 августа у Яворова 500 пленных и 6 орудий. Еще 29 августа, начав отступление, австрийское командование обратилось с

призывом о помощи к германскому и 31-го получило известие о переброске целой германской армии на Верхнюю Вислу. Конрад отводил растерзанные I, IV и III армии на Дунаец, сжав их фронт до 80 верст, а II армии предписал оборонять карпатские перевалы.

Следуя за австрийцами, русские армии выходили на линию Сана. 9-я армия с боем форсировала реку у Чекаев (1-го) и Развадова (2 сентября). Левобережная ее группа взяла Сандомир — у Развадова XIV корпус взял 1500 пленных, у Сандомира 75-я пехотная дивизия захватила 1500 пленных и 10 орудий, и 4 и 5 сентября на Сан вышла и 4-я армия, причем III Кавказский корпус овладел Сенявой. У Сенявы 52-я пехотная дивизия III Кавказского корпуса взяла 27 орудий. 5-я, 3-я и 8-я армии имели в эти дни успешные бои с неприятельскими арьергардами.

8 сентября на Сан вышла и 5-я армия — и V армейский корпус захватил Ярослав. При взятии Ярослава захвачено 22 орудия. Войсками 3-й и 8-й армий при преследовании с 1 по 3 сентября захвачено 15000 пленных и 57 орудий. Штаб Юго-Западного фронта решил остановить преследование на Сане. Русская стратегия требовала очередного географического объекта — пункта, обозначенного на карте жирным шрифтом или звездочкой. Таковой оказался налицо и был крепостью Перемышлем.

Перемышль, подобно магниту, притянул к себе все русские армии. Начиная с 6 сентября штаб Юго-Западного фронта был всецело поглощен организацией осады этой крепости. Операция возлагалась на 3-ю армию, которой с 3 сентября вместо генерала Рузского командовал генерал Радко Дмитриев. 4-й и 5-й армиям надлежало обеспечить эту операцию с севера, 8-й — с юга. Вслед за отступающими армиями врага на реку Вислоку была двинута одна 9-я армия и завеса конницы. Так три австрийские дивизии в Перемышле связали руки 38 русским! Ставка отнеслась к этой досадной авантюре несочувственно, но не сумела настоять на ее отмене (и даже полусогласилась на штурм)...

В дальнейшем генерал Иванов предполагал передать осаду особой Осадной армии, а остальными возобновить наступление, перебросив часть сил на левый берег Вислы. 9 сентября в Холме состоялось совещание его с прибывшим из Барановичей великим князем Николаем Николаевичем и было решено снять с фронта 4-ю армию генерала Эверта (III Кавказский, Гренадерский и XVI армейский корпуса) и двинуть ее походным порядком на Ивангород, где она должна была перейти на левый берег.

Тем временем сотни поездов выгружали в Верхней Силезии и Краковском районе новообразованную IX германскую армию генерала Гинденбурга с неизбежным Людендорфом. В состав этой армии вошли 10-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии. В Восточной Пруссии было оставлено 7 пехотных и 1 кавалерийская дивизии VIII армии, перешедшей к генералу Шуберту. IX армия должна была перейти в решительное наступление по левому берегу Вислы и увлечь за собою австро-венгерские армии. В то же время слабой VIII армии предписано было действовать как можно решительнее, притянув на себя весь русский Северо-Западный фронт.

* * *

С 3 сентября армии Северо-Западного фронта возглавил генерал Рузский. С собою он захватил в качестве генерал-квартирмейстера Бонч-Бруевича, сразу ставшего играть главную (и вредную) роль. Первые распоряжения львовского победителя были проникнуты безнадежным пессимизмом. Несмотря на то что немцы приостановили преследование

Ренненкампа и приступали к переброске двух третей своих сил в Силезию, Рузский распорядился отвести 1-ю армию за Неман, 10-ю — за Бобр и 2-ю — на Нарев. Три русские армии отходили, таким образом, перед тремя германскими корпусами.

Пассивность генерала Рузского волновала штаб Юго-Западного фронта, где генерал Алексеев замечательно верно угадал намерение противника. Генерал Иванов просил Ставку подействовать на штаб Северо-Западного фронта для сосредоточения крупных сил в Варшавском районе с целью обеспечить наступательные действия на левом берегу. Со своей стороны, генерал Рузский решил к половине сентября предпринять наступательную операцию для овладения Восточной Пруссией — этого злосчастного фетиша русской

стратегии. Операция эта больше не имела никакого смысла, но Ставка имела дряблость на нее согласиться и предписала Юго-Западному фронту оставаться на месте.

Генерал Иванов, получив эту директиву, просил разрешение отступить (оставаться на месте, имея в тылу неприятельскую крепость, разлившийся Сан и лесисто-болотистый Таневский район, он считал рискованным). Испугавшись отступления и оставления врагу территории, Ставка еще раз изменила решение. 13 сентября произошло второе совещание в Холме, на котором был принят план перебросить на Ивангород вслед за шедшей уже туда 4-й армией еще и 9-ю. Генерал Рузский должен был уступить Юго-Западному фронту 2-ю армию — и этим трем армиям (2-й, 4-й и 9-й) надлежало двинуться с фронта Варшава — Ивангород в сердце Германии.

Пока неустойчивая мысль русского Верховного колебалась подобно флюгеру в стороны противоположных решений, IX германская армия закончила свое сосредоточение, а австрийцы произвели перегруппировку и набрались новых сил.

15 сентября началось наступление австро-германских армий. IX армия Гинденбурга развернулась на левом берегу Вислы, I армия Данкля атаковала по обоим берегам, IV — эрцгерцога Иосифа Фердинанда (заменившего впавшего в немилость Ауфенберга), III — Бороевича и II — Бем Ермоли наступали на правом берегу — последняя от Карпат была нацелена на левый фланг нашего расположения в Галиции. Наша конная завеса стала отходить. После Галицийской битвы конница нашей 8-й армии дошла до Карпат. 2-я сводная кавалерийская дивизия генерала Павлова овладела было 12 сентября Ужокским перевалом, захватив пленных и 5 орудий. Наступлению пяти неприятельских армий мы смогли противопоставить на левом берегу конный корпус генерала Новикова¹⁸³, на правом — конницу генерала А. Драгомирова¹⁸⁴, графа Келлера, Каледина¹⁸⁵ и Павлова.

Ставка решила парировать австро-германское наступление фланговым ударом 2-й армии от Варшавы, в то время как 4-я и 9-я армии должны были атаковать от Ивангорода с фронта, а остальные удерживаться на Сане. Однако план этот был сорван генералом Рузским. Штаб Северо-Западного фронта не счел нужным исполнить директивы Ставки и не подготовил в районе Варшавы сил для организации маневренного кулака. Имея 20 пехотных и 9 кавалерийских дивизий против 7 пехотных и 1 кавалерийской германских дивизий (действовавших, однако, искусно и наступательно). Рузский переоценивал силы неприятеля и боялся ослабить свой фронт. Лишь 16 сентября он назначил в Варшаву подходивший II Сибирский корпус генерала Сычевского¹⁸⁶ (4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии). Последовал торг — унижительный для Ставки, не посмевшей прямо приказать нерадивой подчиненной инстанции. В конце концов Рузский согласился выделить 2-ю армию в составе I и XXIII армейских корпусов.

18 сентября произошло третье совещание в Холме, в результате которого была снята с фронта для переброски в Варшавский район 5-я армия. Штаб Юго-Западного фронта принял руководство операциями сосредотачивающихся на левом берегу 2-й, 5-й, 4-й и 9-й армий. Оборона Галиции — вдоль по Сану — возлагалась на правобережную группу 9-й армии (отряд генерала Крузенштерна) и на 3-ю и 8-ю армии, объединенные под начальством генерала Брусилова. Осадная армия генерала Щербачева (6,5 дивизий) обложила Перемышль.

Конный корпус Новикова старался, как мог, задерживать шесть неприятельских корпусов. Задача была ему явно не по силам. Истинный кавалерист предпринял бы этими 5 конными дивизиями (15000 шашек) широкую операцию по тылам врага, однако генерала Новикова хватило лишь на командование отрядом едущей пехоты. Для поддержки Новикова штаб 9-й армии переправил у Опатова в качестве стратегического авангарда отряд генерала Дельсаля¹⁸⁷, устроив на Висле Тюренчен. 21 сентября опрометчиво выдвинутый отряд Дельсаля (две бригады) был атакован тремя неприятельскими корпусами, едва не погиб и, зря понеся потери, отошел вслед за Новиковым за Вислу.

В отряд генерала Дельсаля, кроме его Гвардейской стрелковой бригады, вошла еще 2-я стрелковая бригада. Штаб Юго-Западного фронта не видел надобности в задерживании

неприятеля, убедившись, что мы все равно не можем его предупредить на левом берегу Вислы (4-я армия была еще далеко). Штаб 9-й армии переслал это генералу Дельсалью, ничего от себя не прибавив. Самонадеянный Дельсаль все же решил принять бой на Опатовской позиции (несмотря на советы командира 2-й бригады генерала Яблочкина). Русский отряд, силой в общем в дивизию, был атакован 7 дивизиями неприятеля и потоплен в его артиллерийском огне. Конница генерала Морица¹⁸⁸ (5-я кавалерийская дивизия) отказалась прикрыть его правый фланг, который был обойден. Стрелкам пришлось отступить 10 верст под убийственным огнем. Они дрались героически — и немецкие историки, значительно переоценивая русские силы, отмечают этот бой, как для них тяжелый. Наши потери: 79 офицеров, 7120 нижних чинов, 18 орудий, 17 пулеметов.

В то время как правобережные армии противника, дойдя до Сана, завязали фронтальные и затяжные (продлившиеся три недели) огневые бои, левобережная группа — IX армия — дойдя до Вислы у Опатова и Сандомира и не встретив русских войск, попала в стратегический тупик.

Терять время не было в обычае у германских военачальников. Гинденбург решил выйти из этого тупика немедленным ударом своего левого фланга на Варшаву и захватом этого крупного политического центра нанести России чувствительный удар. Для похода на Варшаву был назначен Макензен с двумя корпусами — своим 17-м и Сводным — генерала Фроммеля¹⁸⁹. Маневр обеспечивался сильным (даже слишком сильным) заслоном в ивангородском направлении, где оставлены Гвардейский резервный и 11-й армейский корпуса. 20-й корпус поддерживал связь между варшавской и ивангородской группами.

24 сентября Макензен начал свое наступление, 25-го занял Лодзь и 26-го уже подошел к Гройцам, непосредственно угрожая Варшаве. 27-го Макензен атаковал под Гройцами II Сибирский корпус и потеснил его, но положение здесь спасли полки 1-й Сибирской стрелковой дивизии (I Сибирского корпуса), высадившиеся у Пясечна и бросившиеся в бой с поездов без единой пушки. 28-го шел жестокий бой на подступах к Варшаве — и генерал Шейдеман отвел сибиряков за варшавские форты, выжидая сосредоточения двинутых в Варшаву I и IV армейских корпусов и окончания выгрузки I Сибирского корпуса генерала Плешкова¹⁹⁰ (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии). Все эти дни находившиеся вверх по Висле (к югу от Варшавы) у Гура Кальварии II и XXIII армейские корпуса не могли помочь 2-й армии за неготовностью переправ. В то же время заслон германцев — Гвардейский резервный и 11-й армейский корпуса — подошли к Ивангороду и начали его бомбардировку. Однако победителям Намюра не удалось победить Ивангорода. 26 сентября у Ивангорода и Ново-Александрии начала переправу наша 4-я армия генерала Эверта. Разрозненные атаки III Кавказского, Гренадерского и XVI армейского корпусов вначале не имели успеха, и 28-го Иванов отвел их на правый берег, за исключением 21-й пехотной дивизии в тет-де-поне.

Штаб Юго-Западного фронта остался недоволен пассивностью 2-й армии. Генералу Шейдеману было указано, что она не должна прятаться за укрепления, а лишь опираться на них. В то же время II корпус генерала Чурина и XXIII корпус генерала Н. Данилова¹⁹¹, стоявшие у Гура Кальварии, получили приказание идти через Варшавский район и выйти на правый фланг 2-й армии.

29 сентября произошло четвертое по счету совещание в Холме. Ставка и фронт решили немедленно же перейти в наступление 4-й армией от Ивангорода для облегчения 2-й армии, положение которой у Варшавы признавалось критическим. 4-ю армию в этот день усилили головным XVI корпусом подвозившейся на Среднюю Вислу 5-й армии.

III Кавказский корпус генерала Ирмана завязал в этот день упорнейшее 15-дневное Козеницкое сражение. С 30-го боевую страду его разделил XVII корпус. Бои эти были самыми тяжелыми из всех бывших до сих пор. Комендант Ивангорода генерал Шварц¹⁹² оказал 4-й армии самое активное содействие всеми силами и средствами крепости.

30 сентября Ставка передала варшавское направление — 2-ю армию и подходившую 5-ю — генералу Рузскому. Ивангородское направление — 4-я и подходившая 9-я армия — оставлялись за Юго-Западным фронтом. В управление операциями на Висле вносилось

раздвоение, но это было единственным способом заинтересовать в общем деле узкоэгоистический штаб Северо-Западного фронта.

Вступив в командование 2-й и 5-й армиями, генерал Рузский предоставил им действовать под Варшавой по своему усмотрению, а сам занялся операцией, к делу совершенно не относившейся — организацией Принаревской группы для прикрытия Варшавы от несуществовавшей угрозы со стороны Восточной Пруссии. Здесь он сосредоточил новосформированный XXVII армейский корпус генерала Баланина (77-я и 79-я пехотные дивизии), VI армейский и I Туркестанский корпуса. Таким образом, в то время, когда Макензен железным кулаком стучал в ворота Варшавы с юго-запада, тусклый взор генерала Рузского устремлялся куда-то в сторону — на север. Здесь он без нужды нагромождал корпус на корпус, тогда как под Гройцами и у Пясечна прибывавшие сибирские стрелки расхватывались побатальонно...

1 октября генерал Шейдеман, развернув справа налево II Сибирский, IV, I армейский и I Сибирский корпуса, нанес Макензену сильный встречный удар у Пруткова;

2-го, 3-го и 4-го он продолжал теснить группу Макензена, заняв Блоне, а конница Новикова (прибывшая на правый фланг 2-й армии) захватила Сохачев. Против 5,5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий германцев здесь дралось 12,5 пехотных и 5 кавалерийских русских дивизий. Но генерал Шейдеман действовал чрезвычайно нерешительно. Ему мерещились какие-то неприятельские силы (12-й и 19-й саксонские корпуса) у Торна, и он все время опасался удара себе во фланг. Катастрофа при Сольдау тяжелым гнетом висела над Северо-Западным фронтом вообще, и над 2-й армией в частности. Страх за фланги сковывал все движения.

В эти дни в 4-й армии, наступавшей шаг за шагом от Ивангорода, XVII армейский и III Кавказский корпуса дрались на Козеницком плацдарме. В то время, как 2-я армия отталкивала немцев от Варшавы, а 4-я истекала кровью под Козеницами, между ними на Вислу вышла 5-я армия в составе XIX и V армейских корпусов. Переход ее на левый берег затянулся на долгие дни за полнейшим необорудованием переправ. Ставка требовала немедленного наступления 2-й и 5-й армиями на Лович — Скерневицы и энергичного фронтального нажима 4-й и 9-й армий. Но она не учитывала ни отсутствия переправ, ни размытых дорог, ни усталости войск — и все эти требования остались мертвой буквой.

Тем временем Гинденбург признал свое наступление неудавшимся, а положение в варшавском направлении — опасным. Он решил передать ивангородское направление генералу Данклю, сосредоточить всю разбросавшуюся IX армию и отходить к силезской границе, разрушая все пути сообщения и затрудняя русским преследование. Одновременно и австро-венгерское командование убедилось в бесплодности трехнедельных попыток форсировать Сан и решило отступить в целях перегруппировки в краковском направлении, лишь только будет закончено снабжение Перемышля, куда оно решило запереть армию в 140000 человек. Армия Данкля под Ивангородом — своего рода стратегический арьергард — прикрывала как отход IX германской армии в Польшу, так и отход австро-венгерских армий из Галиции.

8 октября были взяты Козеницы. Ивангородский плацдарм расширился. 9-го числа армия генерала Данкля, усиленная корпусом Войерша, потеснила шедшие вразброд III Кавказский и XVII армейский корпуса, но в это время к Ивангороду стала подходить наша 9-я армия. Гвардия начала переправу в Ивангороде, а XXV корпус — в Ново-Александрии. Генерал Иванов указал 4-й армии наступать на Радом, а 9-й содействовать ей. Штаб Юго-Западного фронта не задавался широким маневром, а рассчитывал лишь помочь 2-й и 5-й армиям Северо-Западного фронта в Варшавском сражении. 10, 11 и 12 октября в лесах за Козеницами шло чрезвычайно упорное сражение: 10, затем 15 русских дивизий 4-й и 9-й армий дрались против 8, затем 11,5 австро-германских. 13 октября 9-я армия генерала Лечицкого сбила неприятеля и вышла во фланг Данклю.

4-я армия развернула Гренадерский, XVII, XVI и III Кавказский корпуса. Наиболее тяжелым был день 12 октября, когда подошедший Гвардейский резервный корпус генерала

Гальвица¹⁹³ взял во фланг наших гренадер, лишившихся 5000 человек (2000 пленных). В 9-й армии дралась гвардия, XXV и XIV армейские корпуса. В этих упорных лесных боях мы взяли 60 офицеров, 3300 нижних чинов пленными, 13 орудий и 120 зарядных ящиков.

В эти же дни 2-я армия, сбивая противника, продвигалась вперед, и 11 октября IX германская армия была отброшена за Равку. Войска рвались в бой, но Шейдеман их сдерживал, косясь на Торн. 12-го и 13-го у Ежова завязались упорные бои с германскими арьергардами. В то же время 5-я армия, которой, наконец, удалось переправиться, завязала бои у Равы, выйдя на правый фланг противника. 11 октября при форсировании Равки у Казимержа 93-й пехотный Иркутский полк взял 7 орудий и 5 пулеметов, а 94-й пехотный Енисейский полк (I армейского корпуса) — 5 орудий и 3 пулемета.

14 октября Гинденбург предписал прервать сражение. IX армия быстро стала отступать на границу, разрушая дороги и мосты. Генерал Рузский, развернув против неприятеля более чем двойные силы (16,5 пехотных дивизий против 7), не сумел охватить его, ограничившись примитивным лобовым ударом наподобие своего наступления на Львов. Генерал Шейдеман топтался на месте и утратил всякое соприкосновение с противником. Никто не знал, куда отступила германская армия, несмотря на наличие 7,5 кавалерийских дивизий. Штаб Северо-Западного фронта вообще все свое внимание обратил на прикрытие Варшавы с севера. Сюда — на млавское направление — он перевел генерала Ренненкампа с его штабом, и новую 1-ю армию составили: V Сибирский корпус на левом берегу, VI Сибирский, VI армейский и I Туркестанский корпуса — на правом. Устроить же переправы через Вислу штаб Северо-Западного фронта не удосужился.

17 октября 2-я армия заняла Лодзь. Тем временем I австро-венгерская армия отходила от Ивангорода в район Келец. Здесь генерал Данкль заранее оборудовал чрезвычайно сильные позиции по лесистым кряжам. 9-я армия преследовала австрийцев фронтально, 4-я взяла 15 октября Радом и продвигалась, не встречая сопротивления. 18 октября 9-я армия встретила на реке Опатовке упорное сопротивление, и генерал Лечицкий увидел, что тут вся армия неприятеля. 19-го числа рядом лихих ударов 9-я армия прорвала фронт неприятеля. 20-го двинутый генералом Эвертом в обход левого фланга армии Данкля III Кавказский корпус занял Кельцы, и I австро-венгерская армия стала быстро отходить в краковском направлении. Сражение под Кольцами было нами выиграно. В Келецком сражении нами взято пленными 200 офицеров, 15000 нижних чинов при 28 орудиях, особенно отличились 18-я и 75-я пехотные дивизии XIV корпуса. За всю Варшавско-Ивангородскую операцию захвачено 23000 пленных при 63 орудиях¹⁹⁴.

Германская армия и четыре австрийских — все те силы, что месяц тому назад шли отвоевывать Галицию и думали одним залпом смести ивангородский курятник, находились в полном отступлении. Настал момент напрячь все наши силы и энергичным преследованием добить врага. Но Ставка не была в состоянии принять решение, достойное полководца. С 15 по 18 октября она решила преследовать, отказалась от преследования, опять решилась на преследование и снова отказалась. Достойным удивления является не то, что русская армия не могла победить Германию и Австро-Венгрию, а то, что она вообще могла воевать при наличии подобного руководства!

Вторая Галицийская битва

Переведя главные свои силы — 5-ю, 4-ю и 9-ю армии — на левый берег Вислы, под Варшаву и Ивангород, штаб Юго-Западного фронта указал остававшимся в Галиции 3-й и 8-й армиям строго оборонительную задачу — удерживаться на рубеже Сана. В расчетах Ставки и фронта Галицийский театр стал играть второстепенную роль, несмотря на то, что сюда были направлены главные усилия врага: левым берегом Вислы — на Варшаву — Ивангород — атаковало 17 неприятельских дивизий, правым — на Перемышль — Львов — 36. За всю Варшавско-Ивангородскую операцию мы развернули в Польше против 17 неприятельских дивизий 30 наших (считая со 2-й армией), а в Галиции против 38 неприятельских (считая с деблокированным перемышльским гарнизоном) — 24 наших.

С 18 сентября наша конница, поддерживаемая пехотными авангардами, отходила на

главные силы. Конница поддерживала соприкосновение с неприятелем все дни, предшествовавшие его наступлению. 3-я армия с группой генерала Крузенштерна (арьергард 9-й армии — XVIII армейский корпус, оставленный в Галиции) располагалась по левому берегу Сана. В тылу ее Осадная армия генерала Щербачева заканчивала обложение Перемышля. 8-я армия генерала Брусилова располагалась в карпатских предгорьях от Верхнего Сана до Верхнего Днестра. Заднестровье охраняли незначительные силы.

С неприятельской стороны правобережная группа I армии Данкля наступала на Нижний Сан, IV — эрцгерцога Иосифа Фердинанда — на Ярослав, против Радко Дмитриева, III — Бороевича — должна была деблокировать Перемышль, а II — Бем Ермоли — навалиться на левый фланг Брусилова у Самбора. Нанеся русским армиям поражение, австрийцы намеревались вернуть потерянную Галицию. Наши силы в Галиции были объединены под общим руководством генерала Брусилова, решившего для сохранения Львовского района принять оборонительное сражение.

24 сентября на рассвете генерал Щербачев штурмовал Перемышль, надеясь овладеть им до подхода австрийских армий. Штурм был, однако, отбит, и в тот же день блокада Перемышля снята. Вся тяжесть штурма легла на 19-ю пехотную дивизию у Седлиски. Крымцы и кубанцы взяли было несколько верков. Наш урон до 10000 человек. Генерал Брусилов предписал 3-й армии не ввязываться в сражение на левом берегу (как того хотел было Радко Дмитриев) и отойти на правый берег Сана. Блокадная армия временно расформировывалась.

26 сентября в упорном бою у Пржеворска наш XI армейский корпус был сильно потрепан IV австро-венгерской армией. Генерал Брусилов двинул в 3-ю армию обе дивизии VII корпуса, но в ближайшие дни положение стало критическим и у него. В 8-й армии началось упорнейшее 25-дневное Хыровское сражение.

III и II австро-венгерские армии обрушились на наши XII, VIII и XXIV армейские корпуса. С 28 сентября по всему фронту от Хырова до Стрыя завязались кровавые бои. Каждый день Бороевич и Бем Ермоли переходили в наступление, и каждый день их яростные атаки

отбивались. С нашей стороны здесь особенно отличились всюду поспевавшие и везде спасавшие положение Железные стрелки генерала Деникина¹⁹⁵. 11 октября было критическим днем, но обходивший Бем Ермоли был сам обойден и разбит XXIV армейским корпусом (Цуриков, Корнилов, Деникин) у Стрыя. Австро-венгры начали отход по всему фронту — и 22 октября Хыровское сражение закончилось. Наши трофеи в Хыровском сражении — 150 офицеров, 15000 нижних чинов, 22 орудия и 40 пулеметов. По словам генерала Брусилова, это была последняя операция, которую он вел, имея регулярно обученные войска; в Хыровском сражении особенно отличился 134-й пехотный Феодосийский полк с полковником Кусонским, блестящей атакой 9 октября захватив Стрый. Феодосийцами взято до 3000 пленных, 2 орудия и 8 пулеметов.

Пока Брусилов отражал главные силы австро-венгров у Хырова, 3-я армия генерала Радко Дмитриева вела упорный и затяжной бой с IV австро-венгерской армией за переправы на Сане. Успешное развитие Ивангородской операции чрезвычайно облегчило здесь наше положение. Правобережная группа Данкля была переведена за Вислу, армия же эрцгерцога не была достаточно сильна для поставленной ей задачи — форсировать Сан. В первых числах октября генерал Радко Дмитриев сам стал переходить в частичные наступления на левый берег, действуя по преимуществу короткими ударами и ночными атаками. Особенно успешно действовали части 9-й пехотной дивизии X армейского корпуса. Переход севцев через Сан у Грабовца в ночь на 7 октября под убийственным огнем и по канату смело может занять место наравне с переходом Чертова моста и Сагрытлинской переправой. Все сражение на Сане стоило 3-й армии до 50000 человек и очень ослабило ее. Трофеев взято немного: около 6000 пленных.

Поражение Макензена под Варшавой, Данкля под Кольцами, неудача эрцгерцога на Сане и Бем Ермоли под Хыровом побудили генерала Конрада начать 22 октября отступление

по всему фронту. Перемышль был снабжен запасами, его гарнизон доведен до 150000 человек. II армия была погружена в поезда и отправлена в Польшу на выручку Макензена и Данкля. IV армия отводилась на Краков, III и новообразованная группа генерала Пфланцер-Балтина — к Бескидским Карпатам.

В то же время штаб Юго-Западного фронта, получив указания Ставки о наступлении в сердце Германии, возложил производство этой операции на 4-ю и 9-ю армии на левом берегу Вислы. 3-й армии надлежало прикрыть этот маневр выдвижением на Дунаец, а 8-й — обеспечить фронт со стороны Карпат.

В последних числах октября армии Радко Дмитриева и Брусилова перешли в наступление. 3-я достигла Дунайца без особенных усилий, 8-я имела в предгорьях Карпат несколько авангардных дел. 31 октября наш XXIV армейский корпус занял Балигород, где взял 1000 пленных, 3 ноября у Воли Петражицкой VIII корпус взял 4 орудия. В то же время вновь образованная Блокадная армия генерала Селиванова приступила к обложению Перемышля. Ее составили новообразованные XXVIII и XXIX армейские корпуса.

Так во Второй Галицийской битве 3-я армия генерала Радко Дмитриева и 8-я генерала Брусилова отстояли Червонную Русь от четырех неприятельских армий.

Августовская операция

За весь период грандиозных сражений, проведенных армиями Юго-Западного фронта в Польше и Галиции, роль Северо-Западного фронта оставалась совершенно второстепенной. Генерал Иванов объединил в своих руках (вернее, в руках своего начальника штаба генерала Алексеева) семь армий из девяти. У генерала Рузского во второй половине сентября остались только 1-я армия, приводившаяся в порядок на Среднем Немане, и 10-я, собиравшаяся на Верхнем Немане, в Гродненском районе и по Бобру. В 1-й армии было 11 пехотных и 14,5 кавалерийских дивизий, в 10-й — 9 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизии. VIII германская армия генерала Шуберта насчитывала всего 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию и два корпусных управления — 1-й резервный корпус противостоял нашей 1-й армии, 1-й армейский корпус — 10-й. У нас было тройное численное превосходство, но штаб Северо-Западного фронта, ошеломленный и деморализованный восточнопрусской катастрофой, этим не воспользовался. Армиям были даны пассивные задачи удерживать и прикрывать.

Направив свою новообразованную IX армию фельдмаршала Гинденбурга на выручку Австро-Венгрии, германское верховное командование предписало генералу Шуберту энергичными демонстрациями удержать как можно больше сил на русском Северо-Западном фронте. Результатом был ряд коротких ударов ландвера на Осовец с 14 по 17 сентября и частей 1-го армейского корпуса на Друскеники 12 — 13-го числа. Ландверная дивизия фон дер Гольца едва не захватила Осовца. Маленькая крепость была спасена VI армейским корпусом генерала Балуева, двинувшимся для ее деблокады по собственному почину. Генерал Рузский направил под Осовец со своей стороны 11-ю Сибирскую дивизию I Туркестанского корпуса. Наши трофеи — 2 орудия. Демонстрации эти, отраженные нашими войсками, чрезвычайно тревожили Рузского и Бонч-Бруевича, замедлив перевод 2-й армии под Варшаву.

15 сентября началось наступление 1-й и 10-й армий. Вялое продвижение 1-й армии (III, IV, XX, II и XXVI армейские корпуса) не встречало особенного противодействия все эти дни. 18-го числа IV и II корпуса были выведены генералом Ренненкампфом в резерв и переброшены под Варшаву. 10-я же армия генерала Флуга завязала в тот же день чрезвычайно упорные бои с главными силами VIII германской армии, начав этим сражение в Августовских лесах.

План генерала Флуга был: сковать противника фронтальным ударом II Кавказского и XXII армейского корпусов, атаковавших с юга на север вдоль Немана — на Сопоткин — Копциово, и перехватить им отступление III Сибирским и I Туркестанским корпусами, атаковавшими на Августов — Лык.

Вялость генерала Мищенко, не сумевшего распорядиться своей фронтальной группой и даже развернуться, привела к тому, что немцы ускользнули. В предшествовавшие

наступлению дни генерал Мищенко совершенно измотал свой II Кавказский корпус бесцельными маршами и контрмаршами. Командир XXII армейского корпуса генерал барон Бринкен, в мирное время считавшийся образцовым, совершенно потерял голову еще после неудачи авангарда 25 июля у Бялы. Оба эти командира корпусов не выдержали боевого испытания и оказались много ниже своей репутации. Зато III Сибирский корпус генерала Радкевича занял Августов и вышел немцам на сообщения. 16 и 17 сентября 10-я армия меняла фронт налево, заходя правым плечом, Радкевич вел упорные бои под Августовом, а туркестанцы отвлеклись Осовецкой операцией. Штаб Северо-Западного фронта отдал 16-го директиву, предписывавшую 1-й и 10-й армиям выйти к 22 сентября на фронт Сталлупенен — Сувалки — Граево. 10-й армии был придан VI армейский корпус, деблокировавший Осовец (остальные корпуса 2-й армии были уже под Варшавой в составе Юго-Западного фронта).

Генерал Шуберт притянул на выручку 1-го армейского корпуса 1-й резервный и ландвер. 18 и 19 сентября в Августовских лесах разыгралось жестокое побоище. В этих лесных боях германцы утратили свои преимущества в управлении и тяжелой артиллерии, и тут наши кавказцы, финляндцы и сибиряки показали восточнопрусским полкам свои волчьи зубы. В молниеносной артиллерийской пристрелке и стремительных рукопашных боях превосходство осталось за нами.

Известный уже нам полковник Сергеевский в своих воспоминаниях (Пережитое) описывает эти славные дела. Вот один эпизод. 10-й Финляндский стрелковый полк, идя колонной, внезапно наткнулся на германцев. Командир полка скомандовал: В цепь! Но командир бригады генерал Стельницкий бросился вперед: Какая там цепь — за мной! Блистательным штыковым ударом 600 оторопевших немцев положено на месте, остальные бежали. Наш урон всего 16 человек. Геройский полк бросился в штыки прямо колонной. Так состоялось боевое крещение молодых финляндских полков, и здесь кавказские гренадеры получили от потрясенных танненбергских победителей почетное имя желтых дьяволов. В этих проклятых лесах русские показали свои волчьи зубы, — писал (впоследствии убитый) восточнопрусский гренадер, — мы думали сначала, что это — японцы, потом оказалось, что это были кавказские черкесы. Никаких черкес в 10-й армии не было, а были стальные полки II Кавказского корпуса.

20 сентября II Кавказский корпус занял Сувалки. Августовские леса были очищены от неприятеля. Трофеями 10-й армии было около 3000 пленных и 20 орудий. Взяв Сувалки 20 сентября, генерал Флуг навлек на себя величайший гнев генерала Рузского за недостаток методики. Гофкригсрат Северо-Западного фронта заранее (16 сентября) назначил взятие Сувалок на 22-е число.

* * *

22-го числа VIII германская армия, получив подкрепления, перешла в энергичное наступление на Сувалки. В сражении под Сувалками с 22 по 27 сентября германцам удалось нанести огнем огромные потери II Кавказскому и XXII армейскому корпусам, но не удалось добиться какого-либо успеха. Генерала Шуберта заменил генерал Франсуа. Видя тщетность попыток сбить 10-ю армию и опасаясь охвата своего левого фланга нашей 1-й армией, он отвел потрепанные свои корпуса на прусскую границу. Туркестанцы заняли Лык и Бялу.

В 1-й армии довольно упорные бои шли на ее левом фланге, где XXVI армейский корпус потерпел 30 сентября весьма чувствительную неудачу у Вержболова. 53-я и 56-я пехотные дивизии были опрокинуты с потерей 22 орудий и 12 пулеметов.

В общем наша 10-я армия нанесла поражение VIII германской. Несмотря на одержанную победу, командовавший ею генерал Флуг был отрешен от должности: его неизменно наступательные директивы пугали малодушного главнокомандовавшего фронтом и его штаб. В его действиях Рузский и Бонч-Бруевич усмотрели опасную активность. Штаб фронта запретил 10-й армии использовать августовскую победу фланговым ударом VI армейского корпуса от Граева в тыл германцам и предписал корпусам действовать исключительно кордонным расположением — плечом к плечу. Это повторение бездарной

лобовой атаки Львова, где Рузского и Бонч-Бруевича не хватило на использование XXI армейского корпуса во фланг и в тыл австрийцам.

При просвещенном содействии генерала Рузского Гинденбургу удалось приковать 7 дивизиями 24 русских на второстепенном участке фронта, когда под Варшавой и Ивангородом на счету был каждый батальон. Надо было либо довести дело до полного уничтожения VIII германской армии, либо вообще воздержаться от наступательных попыток, ограничиться удержанием Немана, а все, что можно, дивизий 10–11 — направить под Варшаву. Но нечего было требовать полководческих решений от слабых, а то просто ничтожных людей, в чьи неумелые руки в недобрый час была отдана судьба России и ее армии...

10-ю армию принял командир X армейского корпуса генерал Сивере, близкий сотрудник генерала Рузского по Киевскому округу и 3-й армии. Генерал Рузский ставил ему в особенную заслугу его методичность. Результаты этой методичности мы увидим через четыре месяца.

В первых числах октября в VIII германскую армию прибыл 25-й резервный корпус, потеснивший туркестанцев под Лыком. 1-я Туркестанская бригада понесла значительные потери и лишилась 2 орудий. 10-я армия заняла Сталлупенен и Гольдап (что было названо Вторым походом в Восточную Пруссию). По сформировании на млавском направлении новой 1-й армии туда отошли VI армейский и I Туркестанский корпуса, а взамен их в 10-ю поступили III, XX и XXVI прежней 1-й армии.

Весь октябрь и начало ноября 10-я армия вела частичные бои местного значения и без связи с операциями на главных театрах. Из этих боев нам следует отметить бой XX армейского корпуса в Роминтенском лесу 19 октября и удачное дело сибиряков III корпуса 6 ноября у Бакаларжева. В Роминтенском лесу взято 2 орудия. При Бакаларжеве портартурцами 7-й Сибирской дивизии захвачено 600 пленных и 19 орудий. Генерал Сивере пытался действовать обходами, но генерал Рузский, не признававший вообще никаких обходных движений, требовал исключительно фронтальных атак. Вообще, против 9 неприятельских дивизий VIII армии у нас в 10-й армии было 15 дивизий.

Лодзь

28 октября после долгих колебаний и переговоров Ставка дала директиву для глубокого вторжения в Германию. Для этой операции предназначались 2-я, 5-я, 4-я и 9-я армии — 16 корпусов, растянутых в ниточку на фронте около 250 верст. О том, что существует живая сила врага и что сперва надо разбить эту живую силу, ни Ставка, ни штабы фронтов не догадывались, и дух Вейротера, незримого нашего главнокомандующего весь 1914 год, назначил армиям объектом географическую линию: Ярочин — Кемпен — Каттовиц — Освечин. Наступление было приказано начать 30-го.

Одновременно приняло свое решение и германское командование. В противоположность нашей Ставке оно отнюдь не задавалось указанием географических рубежей и не мечтало о линии Троицк — Челябинск — Екатеринбург, а преследовало цели стратегические. Цепочка кордонно растянутых русских корпусов — без уплотнений, без резервов, без идеи маневра и с открытым правым флангом — напрашивалась на удар в этот открытый фланг и на разгром.

Фельдмаршал Гинденбург был назначен главнокомандующим на Востоке, и IX армию принял генерал-полковник Макензен. В двадцатых числах октября IX армия, отраженная от Варшавы и Ивангорода, была с замечательной быстротой и скрытностью переброшена в район Торна, откуда нацелилась во фланг и в тыл нашей 2-й армии и всего нашего расположения. 29 октября Макензен, не выждав сосредоточения всех сил, бросился вперед.

Удар главных сил германской армии (20-й армейский, 25-й и 1-й резервный корпуса) пришелся по левобережной группе 1-й армии — V Сибирскому корпусу генерала Сидорина¹⁹⁷ (50-я и 79-я пехотные дивизии), прикрывавшему с севера все наше расположение. Неравный бой 30-го и 31-го кончился отходом. Командовавший 1-й армией генерал Ренненкампф немедленно распорядился двинуть с правого берега VI Сибирский

корпус генерала Васильева (13-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии), но тут оказалось, что штаб Северо-Западного фронта упустил навести на Висле мосты. Трем корпусам Ренненкампа пришлось смотреть, как бьют четвертый, не будучи в состоянии ему помочь. К моменту начала Лодзинского сражения 1-я армия вела довольно успешные операции на южной границе Восточной Пруссии; 30 октября туркестанские стрелки взяли 6 пушек при Шарнау.

Русское бездорожье замедлило темп германских операций. 1, 2 и 3 ноября части VI Сибирского корпуса, переправлявшиеся через Вислу на лодках и бросаемые в дело пачками, кое-как подкрепили V Сибирский корпус, упорядочив его отход.

Тем временем штаб Северо-Западного фронта не придавал никакого значения удару на стык между 1-й и 2-й армиями. Рузский и Бонч-Бруевич полагали, что немцы заняли позиции на силезской границе и собираются оборонять от нас свои географические рубежи. До понятия о стратегическом маневре они не доросли. Армиям было подтверждено маршировать прямо перед собой для овладения пунктами и линиями — и это, когда Макензен уже заходил им всем в тыл! Командовавший наиболее угрожаемой 2-й армией генерал Шейдеман видел опасность, сознавал, что всякое промедление в перемене фронта направо губительно, но не смел послушаться директив фронта, принимал полумеры, терял время и лишь ухудшал свое положение.

1 ноября удар Макензена зацепил 2-ю армию. 1-й резервный корпус генерала фон Моргена продолжал теснить сибиряков. 25-й резервный и 20-й армейский корпуса обрушились на II армейский корпус (правофланговый 2-й армии), откатившийся на Кутно — в сторону от своей армии. 11-й и 17-й армейские корпуса и Фроммель навалились на XXIII армейский корпус. Лейб-Гвардии Волынский полк сдерживал у Константинова наступление 17-го и 11-го германских корпусов, давая возможность устроиться XXIII корпусу. Командир полка генерал Ал. Геруа собрал после этого дела всего 500 человек, но по-львиному настроенных. 2 ноября положение еще ухудшилось. II корпус был разгромлен у Кутно, и связь 1-й армии со 2-й утрачена. На выручку XXIII корпусу, отходившему на Лодзь, генерал Шейдеман двинул II Сибирский. Он сжимал фронт своих корпусов к северу, но так и не решился переменить фронт армии. Вслед за 2-й армией стала сдвигаться на север и 5-я. В то же время 4-я и 9-я армии продолжали готовиться к походу в Силезию и уже начинали атаки в ченстоховском направлении.

Только 3 ноября генерал Рузский отдал себе отчет в критическом положении левобережных армий Северо-Западного фронта. Он предписал 1-й армии (усиленной II армейским корпусом) контратаковать, 2-й — принять полоборота направо, 5-й выделить резервы. Директивы Рузского, отданные с запозданием на три дня, были уже неисполнимы. Утром Макензен взял Кутно и стал рвать дальше на Лович важнейший узел сообщений в тылу 2-й и 5-й армий. В этот день кончилось сражение у Кутно — удар IX германской армии во фланг русского расположения и прорыв его. Немцы показывают свои трофеи в Кутненском сражении в 25000 пленных, 20 орудий и 75 пулеметов. Данные эти, в общем верные для материальной части, в отношении пленных преувеличены примерно втрое. Началось сражение у Лодзи — попытка взять в мешок 2-ю и 5-ю армии.

Опасаясь за Лович, Рузский и Бонч-Бруевич стали бросать туда все, что было у них под рукой: выхваченные из различных дивизий бригады и полки, даже отдельные батальоны, бросаемые в дело без своих управлений, без штабов, без всякой связи и без какой бы ни было ориентировки. Так возникли гарнизон Ловича и Ловичский отряд. Этот последний, подчиненный 1-й армии, представлял совершенную мозаику частей (вобрав остатки войск II корпуса) и должен был восстановить сообщение со 2-й армией. В состав Ловичского отряда вошли сперва 9-й и 12-й Туркестанские стрелковые полки и полк Офицерской стрелковой школы. Начальником отряда был полковник Максимович. Затем присоединились остатки 43-й пехотной дивизии, бригада 63-й пехотной дивизии, части 26-й пехотной дивизии, и в командование вступил генерал Слюсаренко. Наконец туда направили 6-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Каждый день менялся начальник отряда: с 4 ноября по 11-е —

Максимович, Слюсаренко, Шувалов, Чурин, Васильев¹⁹⁹.

4 и 5 ноября прошли в боях, в общем для нас неудачных, и в непосильных маршах войск, перестраивавших фронт. Чтоб наверстать потерянное по его вине время, генерал Рузский назначал пехоте кавалерийские переходы. I армейский корпус, перебрасывавшийся с левого фланга 2-й армии на правый, должен был пройти 3-го 75 верст и 4-го еще 35 — всего 110 верст за 36 часов по ноябрьской грязи и дорогам, забитым обозами. Когда в армиях плоха голова, то от этого прежде всего страдают ноги.

Инициатива всецело принадлежала германцам. Ставка потеряла дух и устранилась от управления. Юрий Данилов, еще накануне пренебрежительно отзывавшийся о всяком сброде, именуемом 25-м резервным корпусом, сейчас лишь растерянно спрашивал, как это могло случиться, что германцы, имея всего 3,5 корпуса, причинили такую разруху. Рузский слал в пространство директивы, одну невыполнимее другой. Не получая указаний, либо получая заведомо невыполнимые, войсковые штабы принимали каждый свои решения, а войска своей кровью искупали растерянность Ставки и бездарность штаба фронта.

6 ноября распыленная левобережная группа 1-й армии с Ловичским отрядом топталась на месте либо отходила перед 1-м резервным германским корпусом.

Ренненкампф совершенно не сумел организовать наступление во фланг прорвавшемуся противнику. Этот последний — группа Шеффера²⁰⁰ (25-й резервный корпус, доведенный до 4 дивизий) — глубоко охватил правый фланг 2-й армии и зашел ей в тыл. Макензен охватил 2-ю армию полукольцом, а конница группы Шеффера, захватив Брезины и Колюшки, прервала сообщение штаба Северо-Западного фронта со 2-й и 5-й армиями. 2-я армия загнула фронт дугой к востоку, северу и западу от Лодзи, имея справа налево I армейский, II Сибирский, IV и XXII армейские корпуса. 5-я армия, выделив из своего состава 2 дивизии (I Сибирского и V армейского корпусов), осталась с 4 дивизиями, отбившими в этот день 11-й германский корпус у Есионны. У Есионны взято 500 пленных, 3 орудия и 7 пулеметов.

7 ноября генерал Рузский просил 4-ю армию Юго-Западного фронта разыскать 5-ю армию и поручить генералу Плеве все войска под Лодзью. 8 ноября было критическим днем у Лодзи. Выйдя от Рзгова на южную окраину города, немцы Шеффера могли видеть тыл русских войск, отбивавшихся в других направлениях. Наш I армейский корпус, простреливаемый насквозь, все-таки удержался. Геройским усилием подошедшей из 5-й армии 1-й Сибирской дивизии Лодзь была спасена. Непосредственно спас Лодзь и штабы 2-й и 5-й армий от захвата Генерального штаба капитан Караулов, собравший около 1200 человек приблудившихся команд и управлений, воодушевивший их и отбивший германцев. Дело полковника Букретова при защите Сарыкамыша имеет много общего с этим подвигом. Было взято 1000 пленных и 8 орудий.

9 ноября было днем перелома. Энергичный Плеве уже не сомневался в победе. Оторвавшаяся от своей армии группа Шеффера оказалась в мешке. Ей на сообщения хаотически надвинулся Ловичский отряд и конница Шарпантье²⁰¹ и Новикова. Однако штаб Северо-Западного фронта спас немцев своим малодушием. Совершенно не отдавая себе отчета о положении на фронте, генерал Рузский предписал общее отступление 1-й, 2-й и 5-й армиям. К энергичным протестам Ренненкампфа и Плеве присоединилась и Ставка, узнавшая раньше штаба фронта о блестящей атаке нижегородских драгун, знаменовавшей собой переход боевого счастья к нам. Нижегородцами захвачено 4 германских тяжелых орудия.

Эта атака, повлияв на Ставку и Северо-Западный фронт, имела громадное стратегическое значение, изменив ход операции, складывавшейся для нас катастрофически. Император Николай Александрович назвал своих нижегородских драгун бесподобными. Рузский отменил свое распоряжение, но все это внесло совершенную путаницу в войска. В частности, Ловичский отряд, не имевший ни связи, ни штабов, каждый день менявший начальника и надерганный с бору по сосенке, пришел в совершенное расстройство. Одни части наступали, другие отступали, третьи оставались на месте. Части 6-й Сибирской дивизии захватили Брезины, не зная, что этим поймали немцев в мешок. В удачном бою у

Галкува и Брезин сибиряками взято 600 пленных и 7 орудий.

Окруженная группа Шеффера — остатки 4 дивизий — смогла благополучно пробиться к своей армии. 10 ноября она отступала на виду наших конных масс: Шарпантье и Новиков беспрепятственно пропустили неприятельские обозы и артиллерию и не подумали отбить многочисленных наших пленных. 11 ноября немцы подошли к Брезицам, в ночном бою рассеяли два наших полка 6-й Сибирской стрелковой дивизии, Ловичского отряда, беспечно стоявших и ни о чем не осведомленных, и вышли из окружения. Наши кавалерийские начальники дали немцам беспрепятственно вывести всю свою артиллерию, обозы, раненых и, что обиднее всего, трофеи — 16000 наших пленных и 64 пушки. Преследование немцев велось весьма неуклюже. Предпринятые 12 ноября штабом фронта и генералом Плеве меры уже запоздали, и наше наступление на Брезины стало ударом по воздуху.

13, 14 и 15 ноября на фронте наших 1-й и 2-й армий, наконец-то восстановленном, шли частичные бои. Общий урон германской IX армии в Лодзинском сражении — 50000 человек и 23 орудия. У нас убыло до 110000 человек и 120 орудий. Положение было более серьезно на юге — на стыке между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами. Во время лодзинских боев 5-я армия сжимала свой фронт к северу, и между ней и соседней 4-й армией образовался в районе Петрокова, на стыке Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, разрыв, который нечем было заполнить. В этот район австро-венгерское командование перебросило II армию Бем Ермоли, которую лишь с трудом удалось сдержать.

16 ноября состоялось в Седлеце совещание Верховного с обоими фронтовыми главнокомандовавшими. Ставка увидела невозможность вторжения в Германию, и было решено осадить весь Северо-Западный фронт назад — на линию Бзуры и Равки.

Краковский поход

Пока к северу от Пилицы, в 1-й, 2-й и 5-й армиях Северо-Западного фронта разыгрывалось Лодзинское сражение, армии Юго-Западного фронта приступили к Ченстоховско-Краковской операции, с тем, чтобы по преодолении этих важнейших узлов сопротивления вторгнуться в Силезию совместно с армиями Северо-Западного фронта, как то указывала директива Ставки от 28 октября.

Штаб Юго-Западного фронта указал 4-й армии овладеть районом Ченстохова, а 9-й — обеспечить эту операцию на левом берегу Вислы в краковском направлении. Для действий против Кракова на правом берегу назначалась 3-я армия. 8-я армия занимала Карпатский фронт и обеспечивала Осадную армию под Перемышлем.

2 ноября началось наступление 4-й армии (Гренадерский, XVI, XVII, III Кавказские корпуса), сразу наткнувшейся на упорное сопротивление 5 германских дивизий Войерша и главных сил I австро-венгерской армии Данкля. Одновременно тронулась от Дунайца и 3-я армия (XXI, XI, IX и X корпуса), тесня слабые заслоны IV австро-венгерской армии эрцгерцога Иосифа Фердинанда.

3-го числа в наступление перешла 9-я армия (XIV, Гвардейский, XXV и XVIII корпуса), нанеся удар по главным силам IV австро-венгерской армии, бывшим на левом берегу. Гвардия имела упорный бой у Янгрота.

Фельдмаршал Гинденбург и генерал Конрад решили не только не отступать, но и самим перейти в наступление. Лодзинское сражение должно было в ближайшие же дни закончиться разгромом русского Северо-Западного фронта, а прибывшая на левый берег Вислы из Карпат II армия генерала Бем Ермоли должна была дать союзникам внушительное численное превосходство. Ее решено было двинуть на Петроков, в разрыв между 5-й и 4-й армиями, в охват правого крыла этой последней. Одновременно усиленная I армия генерала Данкля должна была рвануть фронтально. В группу Войерша входили 35-я резервная пехотная, Гвардейская резервная дивизии и Сводный ландверный корпус, во II армию — 4-й и 12-й австро-венгерские корпуса, в I армию — 1-й, 5-й, 10-й, Сводный и 2-й корпуса, в IV армию — 6-й и 14-й корпуса на левом и 17-й на правом берегу Вислы.

4 и 5 ноября бои на ченстоховском направлении приняли тяжелый характер. 9-я армия и левый фланг 4-й должны были отойти. 6 ноября II армия генерала Бем Ермоли бросилась в

охват правого фланга 4-й армии, но конница князя Туманова²⁰² и гренадеры задержали ее порыв. Одновременно сильным ударом армии Данкля удалось сбить XIV корпус и прорваться на стыке 4-й и 9-й армий.

Но стойкость наших войск сорвала неприятельский расчет. Магьярские полки замерли на петроковском направлении. Под Петроков прибыла гвардейская конница генерала Гилленшмидта²⁰³, и наше положение быстро окрепло. 7 ноября все атаки неприятеля были отбиты, и генерал Эверт решил покончить с охватом. В 9-й армии положение продолжало оставаться серьезным, и штаб Юго-Западного фронта предписал 3-й армии срочно переправить часть сил на левый берег Вислы на выручку генерала Лечицкого.

8 ноября гренадеры и конница князя Туманова нанесли 4-му австро-венгерскому корпусу поражение у Едльни. Трофеями в этом деле было 60 офицеров, 3500 пленных и 17 пулеметов. В 9-й армии гвардия ликвидировала прорыв Данкля в XIV корпусе, а головные части XXI армейского корпуса 3-й армии начали переправу через Вислу. Генерал Радко Дмитриев, выведя в резерв X армейский корпус, направил его от Тарнова на левый берег вслед за частями XXI.

9 ноября правый фланг 4-й армии — Гренадерский и XVI корпуса — успешно наносили удары. В 9-й армии случилась небольшая неустойка, выправленная, однако, фланговым ударом перешедших Вислу авангардных частей XXI корпуса и 7-й кавалерийской дивизией. В делах 9 ноября у Цекаржева гренадерами захвачено еще 3000 пленных и 9 пулеметов. 4-му австро-венгерскому корпусу нанесено серьезное поражение. В 9-й армии гвардией взято 1600 пленных.

В то время как армии Эверта, Лечицкого и Радко Дмитриева справлялись с Войершем, Бем Ермоли, Данклем и эрцгерцогом, 8-я армия генерала Брусилова завязала в Карпатах Бескидское сражение с III австро-венгерской армией генерала Борева ича и группой Пфланцер-Балтина.

Пока Юго-Западный фронт успешно решал свою задачу, на Северо-Западном фронте наступил кризис Лодзинского сражения, и генерал Рузский принял плачевное решение отступать. Генерал Иванов энергично протестовал против этого малодушного решения своего коллеги.

10 ноября 4-я и 9-я армии отразили неприятеля по всему фронту, а 3-я готовилась к энергичному удару по обоим берегам Вислы. 11 ноября особенно успешно действовал левый фланг 9-й армии — XVIII армейский корпус. У Циборовице XVIII корпусом взято было свыше 3000 пленных.

12 ноября началось наступление Радко Дмитриева на Краков. На левом берегу Вислы X и XXI корпуса победоносно шли вперед, громя 14-й и 6-й австро-венгерские корпуса. На правом — XI и IX корпуса форсировали Рабу, отбросив 17-й и 11-й корпуса на краковские форты. 13-го победа была полной: X и XXI корпуса имели крупный успех у Кошице, XI громил врага в Неполомицком лесу, а IX блестящим ударом овладел сильно укрепленной Бохнией — преддверием Кракова. У Кошице войсками переправившихся на левый берег Вислы 9-й, 31-й и 33-й пехотных дивизий было взято 13 ноября свыше 7000 пленных, 28 орудий и 20 пулеметов. 129-й пехотный

Бессарабский полк взял знамя 31-го венгерского полка. Бохнию брала 5-я пехотная дивизия — герои Гривицкого редута — вологодцы, поддержанные костромцами. Могучий форт был взят с налета, причем захвачено 3000 пленных и 25 орудий. Разбитая IV австрийская армия была отброшена в Краков, и Радко Дмитриев решил доконать ее могучим ударом — с налета овладеть потрясенной уже неприятельской твердыней. Весь день 14-го шло преследование, а 15-го крылья нашей победы были подсечены.

Ставка согласилась с позорным решением генерала Рузского отступать. Она задержала победоносные полки 3-й армии под стенами Кракова. Не имея мужества лично принять полководческое решение. Верховный главнокомандующий созвал на 16-е совещание главнокомандующих в Седлеце (штаб Северо-Западного фронта).

Седлецкое совещание было печальной иллюстрацией положения сколько голов,

столько умов. Генерал Рузский, в моральном отношении человек уже конченный, стоял за немедленное отступление. Генерал Иванов категорически возражал, требуя продолжать наступление. Великий князь так и не сумел принять какое-либо решение и положил Северо-Западному фронту отступать, Юго-Западному наступать. Этим соломоновым решением Действующая армия разводилась в противоположные направления. Порыв не терпит перерыва. Потеря времени смерти безвозвратной подобна. Приостановленное наступление Юго-Западного фронта уже не смогло возобновиться, и с 20 ноября ему самому пришлось отбиваться от перешедшего в наступление противника в тяжелом и вначале весьма неудачном сражении у Лимановы — Папанова...

Бескидское сражение 8-й армии было вспомогательным относительно главной Ченстоховско-Краковской — операции Юго-Западного фронта. Генерал Иванов указал генералу Брусилову атаковать на Змигород — Дуклу и приковать к своему фронту возможно больше сил врага. Генерал Брусилов избрал объектом наиболее оборудованный и важный из карпатских перевалов — Лупковский. В операции приняли участие XII, VIII и XXIV армейские корпуса против главных сил III австро-венгерской армии — 3-го и 7-го корпусов.

6 ноября XII корпус взял Дуклу. В следующие дни сражение развивалось благоприятно, несмотря на упорное сопротивление, плохую погоду и трудную горную местность. Охватывая неприятеля с флангов XII и XXIV корпусами, нажимая с фронта VIII, Брусилов вытеснил армию Бороевича с Бескид. 10 ноября XXIV корпус овладел Лупковским перевалом. 8-я армия стала спускаться в Венгерскую равнину. VIII корпус занял Мезо Лаборч, XXIV — Гуменное, но дальнейшее развитие успеха было остановлено штабом фронта по распоряжению Ставки. Трофеями Бескидского сражения было до 12000 пленных и 10 орудий.

Наиболее яркий эпизод — лихое дело 189-го пехотного Измаильского полка при Такошанах у Лупковского перевала, когда горсть смельчаков охотников во главе с начальником 48-й пехотной дивизии генералом Корниловым в ночь на 10 ноября опрокинула 2 полка и взяла 1200 пленных с генералом. Этот последний, увидя малочисленность русского отряда и пораженный яростью атаки, заплакал в отчаянии и воскликнул: Корнилов — не человек, а стихия! Дивизия Корнилова спустилась в Венгрию по собственной инициативе и захватила Гуменное (что не было предусмотрено генералом Брусиловым), но, неподдержанная, должна была отойти от Гуменного назад в Карпаты с потерей 2000 человек и 6 орудий.

* * *

Так было сорвано наше наступление в сердце Германии. Генерал Рузский, на немощные плечи которого была возложена эта грандиозная задача, с нею не справился. Не сумев ничего организовать, не желая ничего предвидеть, ни даже видеть совершившееся, он сделал все от него зависившее для осуществления неслыханной катастрофы. Катастрофы этой не произошло благодаря стойкости войск и энергии штаба 5-й армии, возглавлявшейся мужественным Плеве. Тактический позор Лодзи — позор Брезин — выправлялся крупным стратегическим успехом. Германская армия ретировалась из-под Лодзи растерзанной. С рылом в крови, сказал бы Кутузов. Армиям Северо-Западного фронта оставалось преследовать ее и даже просто следовать за ней, дав тем временем возможность Юго-Западному фронту нанести решительный удар австро-венгерским армиям у Кракова. Но генерал Рузский не желал видеть этих выгод²⁰⁴. Растерявшийся, деморализованный, он все свои помыслы обратил на отступление — отступление сейчас же и во что бы то ни стало. Рузскому удалось навязать свои взгляды стратегически пустопорожнему месту, именовавшемуся Ставкой Верховного главнокомандующего, — и Ставка целиком пошла по плачевному камертону штаба Северо-Западного фронта. Всю свою вину генерал Рузский свалил на подчиненных. По его настоянию, в 1-й армии генерал Ренненкампф был заменен командиром V армейского корпуса генералом Литвиновым, а во 2-й армии генерала Шейдемана заменил командир XX армейского корпуса генерал Смирнов (генерал Шейдеман впоследствии принял I Туркестанский корпус, карьера же генерала Ренненкампфа, столь

много обещавшего в Китае, закончилась навсегда).

Встревоженное поражениями австро-венгров и своими собственными неудачами у Варшавы и Ивангорода, германское командование перебросило в период лодзинских боев с Западного фронта на Восточный четыре корпуса — 2-й и 13-й армейские, 3-й и 24-й резервные и почти всю свою конницу — корпуса фон дер Марвица²⁰⁵, Рихтгофена²⁰⁶ и фон Голлена²⁰⁷ — 7 дивизий. Все эти войска первоначально были направлены на левый берег Вислы, в IX армию за исключением 24-го резервного корпуса, брошенного под Краков на выручку австрийцев. С прибытием этих сил открылась зимняя кампания. Мы не пожелали воспользоваться преимуществами инициативы — ими воспользовался противник.

Первая зимняя кампания. Бзура и Равка

С 18 ноября армии Северо-Западного фронта — 2-я и 5-я — стали осаживать назад. 1-я пока оставалась на месте, обеспечивая правый фланг всего нашего развертывания на Передовом театре.

Немцы — IX армия и группа Войерша, получив 6 свежих пехотных дивизий из Франции, — перешли в контрнаступление, атаковав и потеснив в боях 19-го и 20-го нашу 5-ю армию. У Мержанки 20 ноября немцам удалось прорвать фронт нашего V армейского корпуса и захватить 8 орудий. Генерал Рузский стал настойчиво требовать помощи Юго-Западного фронта. Однако удар по 5-й армии носил лишь демонстративный характер. Главный кулак Гинденбург и Макензен сосредоточили против фронта 1-й армии, в направлении Илов — Сохачев.

21 ноября под Иловом IX германская армия прорвала фронт нашей 1-й армии, но успеха своего Макензен развить не смог. Его удар пришелся по лучшему из наших корпусов — II Кавказскому генерала Мищенко. Второго Кутненского сражения IX германская армия не имела: Макензен наскочил на желтых дьяволов. Старые полки кавказских гренадер и молодые 51-й дивизии отбили десятки атак свежих померанских и вюртембергских дивизий. II Кавказский корпус весь истек кровью, его дивизии были сведены каждая в батальон, но ни пленных, ни единого орудия врагу не досталось. Побоище 21–29 ноября было самым ожесточенным из всех бывших до сих пор. Кавказская гренадерская дивизия была сведена в 5 рот, 51-я — в 4 роты, и эти сводные роты продолжали драться.

30 ноября генерал Литвинов перешел всеми войсками 1-й армии в наступление, но 1 декабря немцы разгромили VI Сибирский корпус, 2-го числа положения восстановить не удалось, и в ночь на 3-е наша 1-я армия отошла за Бзуру. В то же время 2-я и 5-я армии с арьергардными боями и покинув 23 ноября Лодзь, отходили за Равку. Генерал Рузский настойчиво добивался разрешения отойти на варшавские крепостные позиции, но Ставка имела достаточно характера, чтобы воспротивиться этому. Отход этот поставил бы в невозможные условия наш Юго-Западный фронт.

* * *

Решив развить успех Макензена на Бзуре, фельдмаршал Гинденбург предписал австро-германским армиям левого берега Вислы перейти в наступление, и 5 декабря начались ожесточенные бои на Бзуре, Равке, Пилице и Ниде — так называемое сражение на четырех реках. Главный удар наносила IX армия на Нижней Равке — в правый фланг нашей 2-й армии, где немцам удалось смять и отбросить II армейский корпус. Подоспевший VI армейский корпус генерала Гурко восстановил, однако, положение — и 9 декабря австро-германское наступление было отражено по всему 200-верстному фронту. Мы сохранили свои позиции, а в 9-й армии перешли даже в наступление.

Выбив 9 декабря австро-германцев со Скавронского массива, 9-я армия нанесла I австро-венгерской армии чувствительное поражение в боях под Новым Корчином 10–15 декабря и отбросила ее за Ниду. В делах на Скавронском массиве нами взято свыше 3000 пленных. В боях у Нового Корчина частями XVIII и переброшенного в 9-ю армию из 4-й XVII армейского корпуса захвачено 1 генерал, 147 офицеров, 11 500 пленных, 5 орудий и 20 пулеметов.

Германский главнокомандовавший решил выручить армию Данкля и, доведя IX армию

Макензена до 25 дивизий, 16 декабря перешел в энергичное наступление на Равке, поставив корпусам Макензена определенные задания и ограниченные цели, которых они, однако, должны были добиваться любой ценой. Особенным ожесточением отличались бои в направлении на Болимов, Боржимов и Волю Шидловскую. Сюда — на фронт наших II Сибирского и VI армейского корпусов 2-й армии — ломили 17-й армейский, 1-й резервный, 2-й армейский, 25-й резервный, 20-й и 11-й армейские корпуса. Все атаки на Болимов были отбиты, но Боржимов 20 декабря был потерян, и наши контратаки не дали иных результатов, кроме громадных потерь.

В этих декабрьских боях 1914 года примечательно необычайное их упорство, совершенно не соответствовавшее незначительности тех объектов, за которые они велись. Урон IX германской армии превысил 100000 человек. Участники этих боев в 17-м германском армейском корпусе вспоминают о них, как о самых тяжелых за все четыре года войны на Восточном и Западном фронтах. Наши потери убитыми и ранеными в 1-й и 2-й армиях превысили 200000. Следует отметить косность управления 1-й армии, не пожелавшего использовать предложенную ему многочисленную тяжелую артиллерию Новогеоргиевска. Германские тяжелые батареи продолжали громить наши позиции безнаказанно.

Пока 1-я и 2-я армии отбивались на Бзуре и Равке, 5-я армия вела затяжные бои со II австро-венгерской армией у Иновлодзи (с 5 по 20 декабря) и сохранила свои позиции.

В общем, 25 германских дивизий ценою серьезных потерь отвлекли 33 русских дивизии, причинив им потери более тяжкие. Все резервы Северо-Западного фронта ушли на заслоны и подпорки в 1-й и 2-й армиях. Будь у нас в Ставке настоящие стратеги, размеры бесполезной этой бойни были бы сокращены. 1-я, 2-я и 5-я армии, маневрируя в глубину (хотя бы и до Варшавских позиций), выигрывали бы время, а все резервы были бы двинуты в 4-ю и 9-ю армии для мощного встречного удара и использования Ново-Корчинской победы. Но ответственным руководителям русской стратегии хватало кругозора лишь на заслоны и подпорки — из-за деревьев они не замечали леса. В бесполезной бойне на оледенелых берегах Бзуры и Равки была подорвана мощь русской армии, что и сказалось в последовавшую кампанию.

На Восточно-Прусском фронте 10-я армия возобновила в первых числах декабря наступательные попытки, но все ее усилия прорвать с мизерными техническими средствами мощно укрепленный фронт VIII германской армии на реке Ангерапп окончились безрезультатно и стоили ей — особенно III и XX армейским корпусам громадных потерь. Немцы сняли с этого направления в Польшу все, что могли, оставив один ландвер. Будь в России полководец — корпуса 10-й армии сказали бы свое слово на берегах Ниды и Дунайца, вместо того чтобы лить свою кровь без всякой пользы в мазурские торфяники. Командовавший 10-й армией генерал Сивере, видя бесплодность попыток прорыва при отсутствии техники, отобрал в этом смысле подписки от своих начальников дивизий. Мы должны осудить этот поступок, с обывательской точки зрения, быть может, и оправдываемый, но воинской этике не отвечающий.

Успешнее обстояли дела к северу от Варшавского района — на млавском направлении. Здесь действовала наша Принаревская группа генерала Бобыря (I Туркестанский корпус и гарнизон Новогеоргиевска), которой противостоял сводный ландверный корпус генерала Цастрова. 20 ноября туркестанцы перешли в наступление — и в результате семидневного Первого Праснышского сражения прусский ландвер был отброшен за линию границы. В этих делах нашими туркестанцами взято 4 орудия и 1000 пленных. История отметит героическую атаку приморских драгун в ночь на 27 ноября у деревни Журоминск, где 3 наших эскадрона, пожертвовав собой, ринулись на германскую проволоку, отвлекли на себя 2 пехотных и 3 кавалерийских полка неприятеля, изрубили немцев без счета и почти целиком погибли. Это дело подобно Бегли Ахметскому.

На левом берегу Вислы, как мы видели, разыгралось сражение на четырех реках, в результате которого наши 1-я, 2-я, 5-я и 4-я армии сохранили свои позиции, а 9-я (усиленная

XVII корпусом, но передавшая гвардию в резерв Ставки) одержала победу над армией Данкля при Новом Корчине.

В то же время на Карпатско-Галицийском театре разыгрывалось упорное Лимановское сражение. IV австро-венгерская армия, сосредоточив все силы на правом берегу Вислы и усилившись 24-м германским корпусом, яростно атаковала нашу 3-ю армию. Генерал Иванов предписал 8-й армии оказать помощь Радко Дмитриеву, и генерал Брусилов направил на запад — под Горлицу и на Дунаец VIII и XXIV армейские корпуса, оставив на Бескидах XII корпус оборонять перевалы. Брусилов ожидал сюда удара — и не ошибся. Угадав ахиллесову пяту нашего расположения на Карпатах, III австро-венгерская армия и группа Пфланцера²⁰⁸ навалились на XII корпус, сбили его с Бескид и в тяжелых боях у Кросно и Риманува едва не прорвали фронта 8-й армии и не зашли в тыл нашего расположения. Штаб 8-й армии, оставшийся без прикрытия, едва не был захвачен неприятелем. Положение восстановили не без труда XXIV армейский корпус и 10-я кавалерийская дивизия графа Келлера, тогда как VIII корпус, ввязавшийся в операции 3-й армии, понес большие потери у Лимановы.

Сражение развернулось по всему Карпатскому фронту от Тымбарка до Ужжа. Сюда обратилось все внимание штаба фронта. С левого берега Вислы были сняты X и XXI корпуса и двинуты в карпатские предгорья. Туда же направлен и XI армейский корпус. В краковском направлении была оставлена группа генерала Щербачева — усиленный IX корпус — с задачей удерживать линию Дунайца. Генерал Иванов поставил задачей 3-й армии сковать неприятеля, а 8-й, усиленной XXIX армейским корпусом Блокадной армии, оттеснить врага за Карпаты. В 3-й армии развернулись: IX корпус — фронтом на запад, на Дунайце, XI, XXI и X — фронтом на юго-запад, в карпатских предгорьях. В 8-й армии — на фронте главного хребта Карпат — XXIV, XII, VIII и XXIX, а далее от Ужжа — VII и новообразованный XXX. Этот последний, развернутый на громадном фронте от Турции до румынской границы, составил несколько групп и отрядов.

19 ноября Терская казачья дивизия генерала Арутюнова заняла Мармарош Сигет, захватив 1500 пленных и 3 орудия. 27 ноября началось наступление 3-й армии. 27 ноября войсками XI корпуса взято 4000 пленных, 4 орудия и 7 пулеметов. Хоперцы, атакуя в конном строю по глубокому снегу, захватили у Хукливы еще 4 пушки.

В 8-й армии положение оставалось серьезным, особенно в XII корпусе. В последующие дни доблестным ее войскам удалось сломить сопротивление австро-германцев. С 4 декабря в энергичное наступление перешли на левом фланге 8-й армии XXIX корпус генерала Зуева и VII генерала Экка. 8-го разбитые IV, III австро-венгерские армии и группа Пфланцера начали отступление, и к 13 декабря наши 3-я и 8-я армии полностью восстановили положение. С 8 по 13 декабря войсками 3-й армии взято 15000 пленных, а 8-й армией — 10000. Число захваченных орудий невелико: тому препятствовала местность. На 25000 пленных в общей сложности взято 20 орудий и 60 пулеметов.

Лимановское сражение закончилось победой. Преследование, однако, могло вестись лишь на короткое время ввиду недостатка снарядов и чрезвычайного истощения войск. 18 декабря X армейский корпус имел удачное дело у той самой Горлицы, где ему было суждено истечь кровью четыре месяца спустя. 6 декабря, в день своего праздника, 124-й пехотный Воронежский полк полковника Энвальда взял Крулувку, захватив 18 офицеров, 1300 нижних чинов, 3 орудия и 14 пулеметов. 8 декабря у Бржостека отличился 35-й пехотный Брянский полк полковника Волховского, пошедший в бой с музыкой и взявший свыше 1000 пленных. 12 декабря воронежцы внезапной атакой вновь наголову разбили австрийцев, отобрав от них рождественские припасы и свыше 1000 пленных. 17 декабря брянцы снова отличились в лихом штыковом бою, взяв 1000 пленных у Горлицы, а 19 декабря у Люжно пензенцы взяли 1800 пленных и 11 пулеметов, потеряв своего командира полка полковника Евсюкова. При Горлице полками 31-й пехотной дивизии захвачено 68 офицеров, 3000 пленных, 4 орудия и 6 пулеметов. Вообще же за декабрь месяц всеми армиями Юго-Западного фронта (4-й, 9-й, 3-й и 8-й) захвачено свыше 50000 пленных и 36 орудий. В двадцатых числах декабря Карпатский

фронт замер в глубоком снегу. Оживление наблюдалось лишь на левом его фланге, где отряды XXX армейского корпуса овладели большей частью Буковины, до Кымполунга.

Планы сторон на 1915 год

Январь 1915 года застал следующее положение на Восточном театре Мировой войны: в Восточной Пруссии нашей 10-й армии — 15 пехотных дивизий противостояла VIII германская — 8 дивизий. На млавском направлении Варшаву прикрывала Принаревская группа — 4 дивизии, имевшая против себя германский заслон — 2 дивизии. На левом берегу Вислы, по Бзуре и Равке, 1-я, 2-я и 5-я армии — 33,5 дивизий — имели против себя сильную IX германскую армию в 25 дивизий. Всего от Балтийского побережья до Пилицы 52,5 дивизиям нашего Северо-Западного фронта противостояло 35 германских.

Левобережная группа Юго-Западного фронта, 4-я и 9-я армии, 17,5 дивизий имели против себя равные силы группы Войерша и IV австро-венгерской армии — 17 дивизий. На Галицийском фронте, от Вислы до Румынии, 29 нашим дивизиям 3-й, 8-й и Блокадной армии противостояли 31 неприятельская I, III, вновь переброшенной в Карпаты II армий и группы Пфланцера. Всего на Юго-Западном фронте 46,5 нашим дивизиям приходилось иметь дело с 48 неприятельскими, а на всем театре войны нашим 99 пехотным дивизиям противостояло 83 австро-германских: 41 германская и 42 австро-венгерских дивизий. Мы не считаем нашего ополчения и неприятельский ландштурм. В стратегическом резерве Ставки имелось 4,5 дивизии: Гвардейский и IV Сибирский корпуса. В пехоте силы были равны (у нас было больше батальонов, но батальоны были слабее). В коннице у нас был двойной перевес, в артиллерии полуторный перевес был у неприятеля.

Критическое положение наблюдалось в снабжении армии боевыми припасами. Артиллерийский запас, из нормы в 1000 выстрелов на орудие, составил к началу войны 6,5 миллиона выстрелов. За пять месяцев 1914 года было расстреляно 2,5 миллиона.

Теоретически оставалось еще 4 миллиона снарядов, то есть Действующая армия могла считаться вполне обеспеченной до самого лета, когда наши заводы могли закончить свое переоборудование. На деле, однако, наше положение было гораздо худшим. Дело в том, что все оставшиеся запасы хранились в разобранном виде в местных парках, и мобилизация их требовала, смотря по категориям, от 8 до 12 месяцев. В полном размере подача снарядов из местных парков могла осуществиться не ранее июля. Ответственность лежит на Военном ведомстве, своевременно не оборудовавшем как следует местные парки. Некоторым оправданием Военному ведомству, Главному штабу и Главному артиллерийскому управлению служит то, что масштаба войны заранее нельзя было предвидеть.

Ко всему этому следует прибавить разнобой ведомств и управлений, тяжкую болезнь великого князя Сергея, помешавшую ему сразу взять в руки управление этим делом и, наконец, большую нераспорядительность распределительных органов фронтов, приводившую к тому, что немногочисленные мобилизованные парки просачивались туго в войска. Уже к зиме 1914–1915 годов у нас установился настоящий снарядный голод, и к весне положение должно было еще ухудшиться.

Не столь катастрофически, но все же достаточно остро обстоит вопрос с пехотным оружием. Примерно третья часть людей не имела оружия. Инженерные войска и ополченцы еще в ноябре получали ружья Бердана, сдав 3-линейные винтовки в пехоту. Во многих частях по почину войсковых начальников началось перевооружение захваченными неприятельскими винтовками. Трофеи в начале войны, когда как раз их было больше всего, не берегли. В сентябре 1914 года в Галиции солдаты жгли гигантские костры из австрийских винтовок. Пополнения приходили без ружей и совершенно необученными. Формирование новых частей (намечено было развертывание стрелковых бригад в дивизии и формирование новых 25 дивизий) приходилось отложить.

А стратегия тем временем властно требовала принятия ответственных решений. На войне тот, кто не проявляет своей воли, обречен подчиниться воле врага. Генерал Данилов в своем докладе 3 января характеризовал положение как достаточно прочное, хоть и не позволяющее рассчитывать на решительный успех. Сделав эту удивительную предпосылку,

наш генерал-квартирмейстер развил свою мысль. Главной нашей целью должен явиться поход на Берлин, первым объектом Восточная Пруссия, а наступление туда повести от Остроленки и Пултуска на Ортельсбург — Сольдау!

Русский исследователь войны не может читать этой записки без скорби и негодования. Данилов задумал точное воспроизведение зловещего самсоновского маневра. Это было все, что Ставка сумела почерпнуть из опыта кампании 1914 года... Злосчастный фетиш Восточной Пруссии всецело владел скудными умами ответственных руководителей русской армии. Корпуса Ключева и Мартоса погибли для того, чтобы четыре месяца спустя столоначальник из Барановичей, как ни в чем не бывало, мог мечтать о завидном преимуществе фронта Ортельсбург Сольдау!

Великий князь, не имевший своего мнения, одобрил план, и уже на следующий день генерал Данилов имел в Седлеце совещание с генералом Рузским о выполнении его. Решено было перевести на млавское направление 1-ю армию генерала Литвинова и сформировать в Ломжинском районе новую 12-ю армию генерала Плеве, которой и поручить главную роль в операции.

Тем временем германское командование решило нанести русской армии грандиозный удар, охватив оба фланга нашего развертывания.

Тяжелое положение австро-венгерских армий побудило Фалькенгайна направить крупные силы на Карпатский фронт. Это был Бескидский корпус генерала фон дер Марвица (4 дивизии), подперший III австро-венгерскую армию, а в районе Мункача сформирована германская Южная армия генерала Линзингена²⁰⁹ (5 дивизий), подпершая II австро-венгерскую армию слева и новообразованную VII генерала Пфланцера справа. В 20-х числах января нового стиля всему Карпатскому фронту надлежало перейти в наступление для разгрома 8-й русской армии.

Но главный удар Гинденбург решил нанести на севере по правому флангу нашего расположения. С этой целью на Нижнем Немане скрытно была сосредоточена новая X армия генерала Эйхгорна²¹⁰ в составе 21 армейского корпуса из Франции и новых 38-го, 39-го и 40-го резервного — всего 8 пехотных и 1 кавалерийской дивизий. Этой армии надлежало ударить в правый фланг и зайти в тыл нашей 10-й армии. Одновременно VIII армии генерала Отто фон Белова²¹¹ надлежало охватить у Лыка левый фланг 10-й армии и разыграть таким образом Канны — двухсторонний охват 10-й армии в Августовских лесах. Этому решительному удару Эйхгорна и фон Белова должна была предшествовать демонстрация Макензена на Равке, которой поручалось сковать силы нашего Северо-Западного фронта.

7 января началось упорное сражение в Карпатах. 8-я армия, в общем, отбила удар армий Бем Ермоли, Линзингена и Пфланцера, но положение продолжало оставаться напряженным, и Ставка направила в Карпаты XXII армейский корпус, покинувший 10-ю армию как раз накануне решительных событий.

23 января генерал Иванов прибыл в Ставку, где доложил Верховному главнокомандующему свой план вторжения в Венгрию 3-й и 8-й армиями, которым надлежало форсировать Карпаты. Ставка, как мы видели, уже имела план, заключающийся в наступательной операции Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии. Необходимо отметить, что пресловутое наступление на фронт Ортельсбург — Сольдау держалось Ставкой в строгом секрете от штаба Юго-Западного фронта, который не был осведомлен о седлецком совещании Данилова с Рузским. Однако великий князь согласился и с широкой наступательной операцией на Юго-Западном фронте. Ставка хотела наступать одновременно и в Карпатах, и в Буковине, и в Восточной Пруссии, а в общем, сама не знала, чего хотела.

Согласившись на одновременное ведение двух операций по расходящимся направлениям. Ставка профанировала стратегию. А это никогда и никому безнаказанно не сходило. Итак, Северо-Западный фронт наносил удар по задворкам Германии, в то время как Юго-Западный фронт нацеливался на задворки Австро-Венгрии. Полководец искал бы решения на левом берегу Вислы. Но полководца Россия не имела.

Гродно и Прасныш

21 января начались германские демонстрации. IX армия генерала Макензена внезапным ударом овладела фольварком Воля Шидловская.

Падение Воли Шидловской чрезвычайно встревожило как Ставку, так и штаб Северо-Западного фронта, испугавшихся за Варшаву и приостановивших подготовку наступления сформировавшейся 12-й армии. Для отобрания злосчастного этого фольварка, не представлявшего никакой тактической ценности, генерал Рузский устроил 22 и 23 января во 2-й армии ужасную бойню, зря растрепав 11 дивизий, несмотря на протесты командира VI армейского корпуса генерала Гурко, которому была навязана эта абсурдная операция.

VI корпус был доведен до состава 8 дивизий. Наши потери в делах 21–23 января составили 353 офицера и 39 720 нижних чинов. Особенно пострадали 4-я, 25-я и 59-я пехотные дивизии. Рузский требовал все новых гекатомб. Надо только побольше упорства! — поучал он нового начальника штаба 2-й армии генерала Кондратовича²¹² (бывшего командира XXIII корпуса). Конфликт между волевым и умным Гурко²¹³, не желавшим дальнейшего самоистребления, и безвольным, но упрямым Рузским, требовавшим новые груды человеческого мяса, не делает чести штабу Северо-Западного фронта и является характерным для системы минотавра драгомировской школы, убежденными сторонниками которой были выдвинутые Киевским округом Рузский и Бонч-Бруевич.

Германская демонстрация удалась вполне, и Гинденбург приступил к решительной части своего плана — уничтожению 10-й русской армии.

Наша 10-я армия генерала Сиверса — 11,5 пехотной и 1,5 кавалерийской дивизии на фронте 160 верст — заканчивала бессмысленную Ласдененскую операцию, предпринятую генералом Рузским вопреки мнения Сиверса для обеспечения правого фланга. Выделение Ласдененской группы поглотило все резервы, удлинит фронт, но правого фланга так и не обеспечило, что и было трагически доказано в ближайшие дни.

23 января части VIII германской армии потеснили к Ломже нашу 57-ю пехотную дивизию. Генерал Рузский встревожился, дал себя обмануть и этой демонстрацией и направил к Ломже все свои резервы: Гвардейский корпус генерала Безобразова, II армейский корпус генерала Флуга и XXVII корпус генерала Баланина²¹⁴. Этим он связал себе руки, лишив фронт резервов.

28 января в метель и вьюгу разразилось наступление X германской армии во фланг и в тыл нашей 10-й армии. Начальник штаба 10-й армии генерал барон Будберг²¹⁵, разгадав намерения противника, с достаточной определенностью к тому времени обнаружившиеся, настаивал на заблаговременном отводе армии из Пруссии и перегруппировке ее.

Но генерал Сиверс был глух к этим доводам. Он писал приказы о резке порций, устройстве нар, утилизации хозяйственных отходов, устройстве сапожных мастерских. Удар трех германских корпусов пришелся по правофланговому III армейскому корпусу генерала Епанчина (56-я и 73-я пехотные дивизии; 54-я пехотная дивизия была расформирована еще в сентябре, после Мазурского сражения), уже лишенному своих превосходных полевых дивизий. Невысокого качества эти войска пришли в совершенное расстройство. Корпус потерял артиллерию, командир корпуса потерял голову — и все бежало в Ковно. Дорога в тыл армии немцам была открыта, и фланг соседнего XX корпуса генерала Булгакова обнажен.

Генерал Рузский недооценил серьезность положения, подобно тому, как в Лодзинскую операцию не придавал значения удару Макензена на Кутно. Он считал атакующих немцев около корпуса и в последующие дни предписывал 10-й армии: сначала — 29-го — перейти в общее наступление совместно с 12-й, затем — 30-го — удерживаться на линии Сувалки — Августов и только 31-го, на четвертый день тяжелого боя, сообразил, что в 10-й армии происходит нечто серьезное, и предписал генералу Сиверсу удерживать во что бы то ни стало Гродненский район. Под Гродно спешно был двинут II армейский корпус от Ломжи и только что восстановленный после самсоновской катастрофы XV из Гомеля. Из другого злополучного корпуса — XIII — к весне удалось восстановить бригаду, а целиком он был восстановлен только к осени 1915 года. С Юго-Западного фронта спешно был вытребован III

Кавказский корпус.

Тем временем положение 10-й армии становилось отчаянным. Огромный фронт, лесная местность и полное отсутствие связи свели управление армией на нет и разбили сражение на ряд отдельных боев. III корпус был сметен и выбыл из строя. XX, не получая никаких указаний, стоял еще на прусской земле, и в тыл ему надвигалась вся X германская армия. XXVI армейский корпус генерала Гернгросса отходил под натиском немцев и обнажил левый фланг XX корпуса. И только на левом фланге армии у Лыка III Сибирский корпус генерала Радкевича, схватившись с тройными силами VIII и части X германских армий, держал врага мертвой хваткой, не давая ему продвинуться ни на шаг. Стойкость полков 7-й порт-артурской и 8-й дивизий сибирских стрелков спасла 10-ю армию от участи самсоновской 2-й армии. Если Епанчин сыграл роль Благовещенского, то Радкевич не был Артамоновым. Сопротивление III Сибирского корпуса трем германским Людендорф назвал восхитительным.

Охватывая у Лыка левый фланг нашей 10-й армии, X германская армия подставила свой фланг и тыл группы Лицмана²¹⁶ под удар нашей 12-й армии. Но Рузскому и Бонч-Бруевичу и в голову не пришло воспользоваться этим выгодным положением. III Сибирским корпусом в этих боях временно командовал генерал Трофимов. Генерал Сивере задержал отход 10-й армии на целые сутки по требованию Гучкова, желавшего эвакуировать имущество лазаретов Красного Креста.

Только 1 февраля XX корпус получил приказание об отходе. Путь его от Гольдапа на Сувалки и Гродно пролегал через дремучие Августовские леса и был уже перехвачен всей X германской армией. Корпус — 40000 бойцов при 170 орудиях 27-й, 28-й, 29-й и 53-й пехотных дивизий — был окружен тройными силами. Генерал Булгаков взялся командовать своим корпусом, как ротой, поведя его одной огромной колонной.

Вековым литовским чащам, свидетелям гибели меченосцев и великой армии императора французов, довелось увидеть и скрыть от мира в своих недрах агонию гумбиненских победителей. Восемь дней шел смертный бой. 21-й германский корпус был растерзан, его орудия и знамена лотарингских полков перешли в наши руки²¹⁷, увы, на короткое время. 106-й пехотный Уфимский полк взял, например, командира и знамя 173-го германского пехотного полка, 16 офицеров и 1000 нижних чинов пленными, 12 орудий и 4 пулемета в делах у Срезского Ляса 3 и 4 февраля; 116-й пехотный Малоярославский полк захватил 5 февраля у Махарце 500 пленных и 5 орудий. Аналогичные трофеи были в остальных полках 27-й и 29-й пехотных дивизий, взявших в общем 4000 пленных при генерале, орудия и знамена.

У Эйхгорна были еще 38-й и 39-й корпуса. Дивизия за дивизией бросалась на изможденные войска Лашкевича, Джонсона и Розеншильда, отчаянно отбивавшиеся во все стороны. Из 14 полков лишь двум удалось пробиться в Гродно. Это был генерал-майор Российский с полками 113-м Старорусским и 114-м Новоторжским, пошедший на Бартинки, как то указывал начальник 29-й пехотной дивизии генерал Розеншильд-Паулин, а не на Курьянки, как на том настаивал, вопреки мнению всех старших начальников, генерал Булгаков. До чего неумело было налажено движение XX корпуса, видно из того, что пробившаяся на Гродно бригада генерала Российского не догадалась оставить маяков. Шедшие за ней главные силы сбились с пути. Остальные, в количестве около 8000 человек, 8 февраля положили оружие у Липска и фольварка Млынек, где в последней бешеной атаке погибла вся 27-я дивизия. От Малоярославского полка осталось лишь 40 человек с командиром полковником Вицнудой. Окруженные со всех сторон, они отказались сдаться и все до последнего были переколоты. Как передавали затем немцы, раненые этого полка, оставшиеся лежать в количестве нескольких сот человек на позиции, где полк пожертвовал собой, видя, что никого больше не осталось, открыли в упор огонь по подходившим немцам и все были перебиты.

Что же делал генерал Сиверс и его армия в Гродно, когда у самых ворот крепости погибал брошенный на произвол судьбы XX корпус? Отведя на Гродненские позиции XXVI

корпус, а затем и III Сибирский, усилившись II и XV корпусами, он ничего решительно не предпринимал в эти трагические дни. 8 февраля, развернув XV, IV и XXVI корпуса, он перешел с ними в коротенькое наступление (аналогия с покушением Сирелиуса в Нейденбурге). Заминки в одном полку XV корпуса оказались для этого не в меру методичного военачальника достаточными для задержки остальных 23 полков. XX корпус мог быть спасен, но не с таким командиром, как генерал Булгаков, и не с таким командующим армией, как генерал Сиверс.

На примере генерала Булгакова мы констатируем одну из язв нашей военной системы: назначения — даже в военное время — не по заслугам, а по мертвой линии старшинства. Булгаков был назначен взамен принявшего 2-ю армию генерала Смирнова по представлению генерала Ренненкампа, как старейший начальник дивизии (25-й) 1-й армии. Никаких других заслуг у генерала Булгакова не было, а в 1-й армии имелись между тем блестяще уже себя проявившие генералы Адарида и Розеншильд-Паулин.

В своем документальном труде генерал Хольмсен приводит данные о численном составе 10-й армии. Из 126000 человек при 516 орудиях она вывела 70000 человек и 331 орудие. Потери составили, таким образом, 56000 человек и 185 орудий. Лживые утверждения Людендорфа о якобы захваченных им 110000 пленных следует отнести к тем же рекламным сказкам, как 24 дивизии армии Ренненкампа.

* * *

Пока наша 10-я армия вела тяжелые бои у Гродно с X германской, на нашем Наревском фронте началось трехнедельное Второе Праснышское сражение между VIII германской армией генерала фон Белова и 12-й армией генерала Плеве.

Направив I армейский корпус и переданный ему 40-й резервный корпус на Лык, в обход левого фланга нашей 10-й армии, генерал фон Белов энергично демонстрировал в южном направлении остальными своими силами — Гвардейским резервом (группа Гальвица), ландвером, 1-м резервным и 20-м армейскими корпусами. Главные удары было решено нанести группой Гальвица на Осовец и группой Моргена (усиленный 1-й резервный корпус) на Прасныш. Наша 12-я армия только собиралась. Нарев удерживали гвардия у Остроленки и IV Сибирский корпус у Пултуска. XXVII армейский корпус был раздерган в осовецком (57-я пехотная дивизия) и праснышском (63-я пехотная дивизия) направлениях.

С 25 января начались бои в осовецком направлении. Маленькая крепость Осовец, энергично защищаемая комендантом полковником Бржозовским, выдержала 400000 снарядов, вплоть до 305- и 420-миллиметрового калибра. Атаки германцев отражались частями из состава 26-й и 57-й пехотных дивизий, вписавшими славную страницу в историю этой тяжелой войны.

Бесчестный враг отправил коменданту неслыханное предложение продать крепость. Полковник Бржозовский тут же приказал повесить парламентаря (Гинденбург и фон Белов были, к сожалению, вне досягаемости веревки).

1 февраля весь 1-й резервный германский корпус обрушился на Прасныш, защищавшийся сборным отрядом полковника Барыбина (4 батальона и 16 орудий 63-й пехотной дивизии).

Так началась 11-дневная геройская оборона Прасныша — бой одного сводного полка против целого корпуса, его окружившего. Батальоны дунайцев и балтинцев, громимые артиллерией, одиннадцать суток отражали восточнопруссские и померанские полки. Остатки их, расстреляв патроны, были уничтожены в рукопашном бою. Защита Прасныша делает честь как молодым 249-му Дунайскому и 250-му Балтийскому полкам, так и старым Волынскому и Минскому, сообщившим им дух драгомировской 14-й дивизии. Когда немцы ворвались в Прасныш, полковник Барыбин и офицеры его штаба атаковали их в штыки и все были перебиты или ранены. Полковник Барыбин оказал высокую честь германской армии, согласившись принять от генерала Моргена свою шашку.

Их жертва оказалась не напрасной: наступление VIII германской армии было сорвано, а наша 12-я армия генерала Плеве смогла сосредоточиться и 19 февраля перешла в

наступление, развернув справа налево Гвардейский, IV, II и I Сибирский корпуса и двинув под Осовец III Кавказский. 11 февраля на подступах к Праснышу I Сибирский корпус генерала Плешкова схватился с 1-м резервным германским генерала фон Моргена, в двухдневном бою совершенно разгромил его и 13-го отобрал Прасныш. В этом деле 3-й Сибирский стрелковый полк взял знамя 34-го Померанского фузилерного и остатки этого полка в количестве 17 офицеров и 1000 нижних чинов. 1-й Сибирский взял 4 орудия, а украинские гусары в конном строю захватили батарею. Всего 11 и 12 февраля сибиряками взято 3700 пленных и 7 орудий. В то же время на правом фланге армии гвардия завязала упорные бои в районе Едвабно.

Фронт 12-й армии быстро насыщался корпусами, перебрасывавшимися с левого берега Вислы. Во второй половине февраля здесь развернулись: гвардия, III Кавказский, XXIII армейский, IV Сибирский, I армейский, II Сибирский, I Сибирский, II Кавказский, I Туркестанский, XXVII и XIX армейские корпуса, и с левого берега Вислы было переведено управление 1-й армии, к которой отошли I Туркестанский, XXVII и XIX корпуса, а затем и II Кавказский.

Потеряв дух после катастрофы с XX корпусом, Ставка уже не помышляла больше о походе на Берлин виа Ортельсбург — Сольдау и задачей Северо-Западному фронту ставила лишь отеснить немцев за линию государственной границы. Штаб Северо-Западного фронта был чрезвычайно изумлен этим шатанием мысли. И было от чего прийти в изумление. В январе генерал Данилов считал 4 корпуса достаточными для Ортельсбурга — Сольдау, а в феврале, развернув по Нареву не 4, а 14 корпусов, боялся ввести их в дело. 17 февраля генерал Рузский отдал своим армиям директиву отеснить противника к Мазурским озерам. Директива эта смогла быть выполнена лишь наполовину.

10-я армия очистила от немцев Августовские леса, понесла в тяжелых боях у Гродно большие потери. В гродненских боях 10-й армией взято до 2000 пленных и 5 орудий. X германская армия отошла к Сувалкам, переведя часть сил в VIII армию, которой пришлось отбиваться от наседавшего Плеве.

Всю вторую половину февраля в 12-й армии шли успешные бои. Рядом коротких ударов VIII германская армия была отброшена за линию границы. Особенно удачным было дело XXIII армейского корпуса 1 марта у Еднорожца. При Еднорожце 62-я пехотная дивизия генерала Евреинова захватила 500 пленных, 17 орудий и 12 пулеметов. В первых числах марта бои на Северо-Западном фронте стали замедляться. План Гинденбурга уничтожить нашу 10-ю армию по Шлиффену не удался. Мы восстановили наш фронт и под Праснышем нанесли врагу поражение, тактическими размерами превышавшее Варшавское.

Всего во Втором Праснышском сражении взято в плен 14000 германцев, 42 орудия и 96 пулеметов²¹⁸. До сентябрьского наступления французов в Шампани это число оставалось непревзойденным. Предыдущий рекорд — 12000 пленных и 38 орудий — был установлен на Марне. Один I Сибирский корпус генерала Плешкова взял 10000 пленных. Общий урон германцев составил в VIII армии до 50000 человек и в X — до 30000 — всего 80000 человек. Наши потери были гораздо значительнее благодаря разгрому 10-й армии и доходят до 200000 человек, из коих до 70000 пленными (цифра 110000 приводится Людендорфом в целях рекламы) и 280 орудий — артиллерия XX корпуса и большая часть артиллерии III армейского корпуса. Нами потеряно два знамени и взято два²¹⁹.

13 марта генерал Рузский заболел и на его место главнокомандующим Северо-Западным фронтом был назначен генерал Алексеев.

* * *

Катастрофе в Августовских лесах суждено было иметь знаменательный и печальный эпилог. Ее не удалось скрыть от страны или замаять, подобно самсоновской катастрофе, когда общественному мнению столь кстати был преподнесен Львов. По всей России поползли слухи, один тревожнее и нелепее другого. Невежественная толпа, не знавшая о ходе событий (что составляло государственную тайну), стала, как водится, видеть всюду германских шпионов и темные силы.

Великий князь Николай Николаевич решил воспользоваться этим настроением для переложения ответственности на козла отпущения. Растопчин в 1812 году натравил Москву на купеческого сына Верещагина. Великий князь решил натравить общественное мнение России на полковника Мясоедова. В несуществовавшем преступлении можно было обвинить с таким же успехом любого офицера, любого прохожего, но в данном случае важен был именно Мясоедов. Он слыл за ставленника Сухомлинова — и великий князь рассчитывал свести личные счеты со своим злейшим врагом, пристегнув его имя к скандальной истории. Обвинять прямо Сухомлинова в государственной измене он не мог — это должна была сделать стоустая молва.

Так была инсценирована печальная и позорная мясоедовская история. В первый раз внимание страны отвлекалось от войны с внешним врагом на внутренний фронт. Был сделан ужасный почин, первый шаг к разложению тыла. Начальник Вержболовского жандармского управления подполковник Мясоедов был за служебные проступки отставлен от службы в дисциплинарном порядке еще в 1913 году. Он обратился к военному министру и по заступничеству генерала Сухомлинова был вновь принят на службу. Негодяи встречаются в каждой армии, и в феврале 1915 года Мясоедов был арестован за мародерство. Ставка предъявила ему обвинение в государственной измене, мотивируя это тем, что Мясоедов расспрашивал офицеров о местонахождении их частей. Но сведения эти и так сообщались сотням посторонних лиц, земским и городским деятелям, ехавшим на фронт с подарками, женам военнослужащих, ехавшим проведать мужей. Военно-полевой суд отказался рассматривать дело об измене за недоказанностью и голословностью обвинения. Ставка сменила состав суда, но и новый суд не признал измены. Тогда великий князь сменил состав суда еще раз и после того, когда суд отказался в третий раз, взял дело в свои руки и повел его келейно. Мясоедова судили в Варшаве, в цитадели, без суда. Не было ни председателя, ни правозаступника, а обвинительный акт был составлен депутатом Гучковым, лицом, близким к великому князю, заклятым личным врагом Сухомлинова, но не имевшим никакого отношения к военно-судебному ведомству. Мясоедов был казнен.

Расчеты великого князя оправдались полностью. Сухомлинову был дан шах и мат, и с мясоедовского процесса (если только простое убийство можно назвать процессом) дни его были сочтены.

Штурм Карпат

Мысль о вторжении в Венгрию через Карпаты зародилась в штабе Юго-Западного фронта еще в декабре 1914 года. Идея принадлежала генералу Иванову, находившему, что раз наши армии ввязались в Карпаты, то лучше спустить их с гор вперед, чем назад. Генерал Алексеев, человек более широкого ума, вначале противился этой авантюре, предпочитая решение стратегическое: удар по левому берегу Вислы в ченстоховско-краковском направлении. По полному своему безволию он, однако, не сумел настоять на этом и мало-помалу целиком усвоил закарпатскую точку зрения.

В начале января противник значительно усилил свой Карпатский фронт переброской группы Марвица, II австро-венгерской армии и образованием Южной армии Линзингена, и нашей 8-й армии генерала Брусилова пришлось выдержать чрезвычайно упорное оборонительное сражение, которое мы можем назвать Первой Карпатской битвой.

7 января II австро-венгерская, Южная германская и VII австро-венгерская армии атаковали нашу 8-ю армию. Яростные атаки Бем Ермоли были отражены нашими XII и VIII армейскими корпусами, к которым присоединился и XXIV. Прорыв Линзингена на Стрый был остановлен 78-й пехотной дивизией генерала Альфтана и VII армейским корпусом генерала Экка. Однако на нашем левом фланге Пфланцер-Балтин стал нажимать на XXX корпус, постепенно вытесняя его из Буковины.

12 января неприятельское наступление было остановлено, и наши XXIV, XII и VIII корпуса перешли в контрнаступление по пояс в снегу. Упорнейшие бои в направлении на Бартфельд и Мезо Лаборч шли весь январь, и 23-го Мезо Лаборч был взят VIII армейским корпусом. В боях 15 и 16. января 48-я пехотная дивизия генерала Корнилова овладела

перевалом Черемша, взяв 3000 пленных и 6 пулеметов. 23 и 24 января у Мезо Лаборча VIII корпус захватил 108 офицеров, 6000 нижних чинов, 2 орудия и 16 пулеметов. 26 января XII корпус вновь овладел Лупковским перевалом, взяв 69 офицеров, 5200 нижних чинов и 18 пулеметов.

Прибывший с Северо-Западного фронта XXII армейский корпус был двинут на стрыйское направление и занял для упорной обороны ключ Лесистых Карпат Козювку (высота 992), ставшую его Голгофой. И в продолжение десяти недель вся ярость Южной германской армии Линзингена разбивалась о железную грудь финляндских стрелков. Неудовлетворительно обстояли дела только на крайнем левом фланге карпатского расположения, где XXX корпус должен был оставить 31 января Черновицы, эвакуировать Буковину и отойти левым своим крылом к бессарабской границе.

23 января, как мы видели, генерал Иванов ездил в Ставку, представил там свой проект похода в Венгрию и получил согласие Верховного и обещание подкреплений. Начавшееся германское наступление на Гродно и Прасныш отвлекло все внимание Ставки и поглотило все ее резервы, так что Юго-Западному фронту пришлось рассчитывать только на себя. Генерал Иванов усилил свою ударную 8-ю армию, переведя под Стрый XVII корпус из 9-й армии и дальше на Турку — XI корпус из 3-й армии. Наступление 8-й армии развивалось медленно, но неизменно успешно до первых чисел февраля. Трофеями Первого Карпатского сражения с 7 января по 7 февраля были 691 офицер, 47640 нижних чинов, 17 орудий и 119 пулеметов. Вообще же 8-й армией с начала военных действий по февраль было взято 2600 офицеров, 186000 нижних чинов при 250 орудиях.

* * *

10 февраля, когда кризис у Гродно миновал, Ставка предписала перебросить на крайний левый фланг Юго-Западного фронта управление 9-й армии с XVIII армейским корпусом и сформировать на Днестре и Заднестровье новую 9-ю армию из XI, XVIII и XXX армейских корпусов. Дело в том, что Вуковинский театр, стратегически второстепенный, играл важнейшую политическую роль, примыкая к нейтральной Румынии. Успехи наши либо неудачи здесь повышали или понижали престиж России на Балканах. Все это надо иметь в виду, если и не для оправдания, то, во всяком случае, для уразумения психологии Ставки и Юго-Западного фронта, из-за Залещиков проглядевших Горлицу.

Большая часть февраля прошла в подготовке наступления на Венгрию и в упорных боях местного значения, не прекращавшихся у Козювки ни на один день. XXIV и XII корпуса были переданы в 3-ю армию, которой наступать надлежало на Кошицы — Эпериеш. В 8-й армии остались VIII, VII и XXII армейские корпуса, к которым затем присоединился XVII армейский корпус.

Тем временем генерал Конрад решил двинуться на выручку армии генерала Кусманека²²⁰, погибавшей в Перемышле. Неприятельские силы против наших 3-й, 8-й и 9-й армий (33 дивизии) были доведены до 56 дивизий.

20 февраля 9 австро-германских дивизий обрушились на наш VIII корпус генерала Вл. Драгомирова. После Лимановского сражения генерал Брусилов отрешил командира VIII корпуса генерала Орлова, дезорганизовавшего управление корпусом. Это тот самый Орлов, что заблудился в гаоляне, человек способный, но на редкость неудачливый и нелюбимый войсками. 5 других дивизий яростно атаковали VII корпус и еще 5 набросились на XXII. Так началось сражение у Балигорода — Лиски, или Вторая Карпатская битва II австро-венгерской армии генерала Бем Ермоли и Южной германской армии генерала Линзингена с 8-й армией генерала Брусилова.

Тяжелые и славные дни, где 8 русских дивизий, брошенные на произвол судьбы штабом фронта (Брусилов выкрутится!), отразили и поразили 19 отборных австро-германских, нанеся им громадный урон и прикрыв своей грудью Перемышль и Галицию. Наступление Конрада было сорвано, и армия Кусманека предоставлена собственной судьбе. Потери австро-германцев превысили 100000 убитыми и ранеными, 4-й австро-венгерский корпус лег буквально до последнего человека. Трофеями 8-й армии, кроме того, было 450

офицеров, 30000 человек пленных, 10 орудий и 100 пулеметов. Наш урон — свыше 50000 человек.

1 марта генерал Иванов отдал директиву 3-й армии наступать на Гуменное, 8-й — на Ужок, 9-й — на Мармарош — Сигет и Хуст. Наступление было назначено на 7 марта, но смогло быть выполнено лишь 3-й и 8-й армиями, 9-я армия еще не закончила своего сосредоточения.

С 6 марта на фронте армий Радко Дмитриева и Брусилова начались упорные бои. Шаг за шагом, день за днем теснили они армии фон дер Марвица, Бороевича и Линзингена, захватывали высоту за высотой, перевал за перевалом, опрокидывали врага неистовыми ночными атаками, втаскивали руками на кручи превосходные финляндские и сибирские горные батареи, отбивали яростные контратаки. Такова была Третья Карпатская битва. 11 марта ночной атакой XXIV армейский корпус прорвал фронт III австро-венгерской армии и овладел главным хребтом Бескид. Особенно памятные дела 48-й пехотной дивизии у высоты 650, прозванной австрийцами малым Перемышлем.

Пока 3-я и 8-я армии решительно штурмовали Карпаты, в тылу их Блокадная армия отразила 5 марта яростную вылазку перемышльского гарнизона. Стало ясно, что это последние судороги крепости. Истощив все средства обороны, генерал Кусманек взорвал свои верки, уничтожил боевые припасы и утром 9 марта сдался со своей армией в 125000 человек при 1050 орудиях генералу Селиванову²¹⁸. В бою 5 марта нанесено полное поражение полевым войскам перемышльской армии и взято 107 офицеров, до 4000 нижних чинов и 16 пулеметов. По капитуляции сдались 9 генералов, 2300 офицеров и 122 800 нижних чинов. Офицерам оставлено оружие, отобранное, однако, впоследствии, когда летом стали известны зверства врага над нашими ранеными. Русским комендантом был на первых порах назначен уже известный нам генерал Артамонов, которого заменил затем генерал Дельвиг.

Падение Перемышля обрадовало всю Россию и позволило усилить Карпатский фронт, направив XXVIII корпус в 8-ю и XXIX — в 3-ю армии. Блокадная армия была расформирована.

На левом нашем фланге — в новообразованной 9-й армии — положение стало напряженным. XI корпус ввязался в карпатские бои, XVIII собирался на Днестре, XXX был расстроен и отброшен за Днестр. А Пфланцер между тем напирал, введя в дело 8 дивизий. Вытеснив XXX корпус из Буковины, он бросил две дивизии венгерского гонведа на Хотин, в Бессарабию — в охват левого фланга 9-й армии и всего Юго-Западного фронта.

Положение здесь было спасено славной русской конницей. Кавалерия Юго-Западного фронта, которой нечего было делать в горах, сосредоточилась в двух массах; на Дунайце — на правом фланге 3-й армии и на Днестре — на левом фланге 9-й. В этом последнем районе было в первых числах марта образовано два конных корпуса: II — генерала Каледина у Залещиков и III — графа Келлера у Хотина. I конный корпус генерала Орановского²¹⁹ был сформирован на Северо-Западном фронте.

II конный корпус состоял из 12-й кавалерийской дивизии и Кавказской туземной (именовавшейся в просторечии Дикой), Эта последняя в составе 6 полков 4-го эскадронного состава была образована при объявлении войны, вобрав в себя самые воинственные элементы горских племен. Кавказ был этим избавлен от горючего материала, и восстание, наподобие случившегося в 1877 году, не могло повториться. Назначение начальником дивизии великого князя Михаила Александровича, брата Белого Падишаха, льстило самолюбию кавказских народов. Во II конный корпус впоследствии поступила и 9-я кавалерийская дивизия, входившая в состав Блокадной армии. III конный корпус состоял из 10-й кавалерийской дивизии, 1-й Донской и Терской, к которым присоединилась Варшавская гвардейская кавалерийская бригада.

Обходившая левый фланг Юго-Западного фронта неприятельская группа была в ночь на 17 марта стремительно атакована графом Келлером и разгромлена под стенами Хотина. Под Хотинском особенно блестяще действовала 10-я кавалерийская дивизия, в частности

ингерманландские гусары. Было взято 33 офицера и 2100 нижних чинов. Наголову разбита 42-я венгерская пехотная дивизия. Неприятель отброшен в Буковину. В деле 18 марта II конного корпуса 12-я кавалерийская дивизия взяла 21 офицера, 1000 нижних чинов и 8 пулеметов. В то же время — 18 марта — перешел в наступление и III конный корпус у Замуши. 120 эскадронов и сотен, развернувшись на левом фланге 9-й армии, геройской работой как в пешем, так, главным образом, в конном строю, парировали обход войск Пфланцера и вывели свою армию из очень тяжелого положения.

Штаб Юго-Западного фронта еще 12 марта предписал 8-й армии прорвать центр неприятельского расположения от Ужжа до Турки и выйти в тыл австро-германцам, оперировавшим против 9-й армии. Операция обеспечивалась левофланговыми корпусами 3-й армии — XXIV, XII и XXIX, прочно укрепившимися в Бескидах.

Наступление 8-й армии началось в ночь на 16 марта. Генерал Брусилов нанес удар правым флангом — VIII, XXVIII и XVII корпусами, наголову разбившими в четырехдневных боях с 16 по 19 марта на Лубненских высотах II австро-венгерскую армию, в то время, как VII и XXII корпуса отражали Южную германскую армию. В боях на Лубненских высотах 16–19 марта взято 12 500 пленных и 5 орудий. 20 марта в контрнаступление перешла III австро-венгерская армия и Бескидский корпус фон дер Марвица, но это контрнаступление было в последующие дни сломлено ударной группой 8-й армии и левофланговой группой 3-й армии.

30 марта Карпаты были форсированы. Их постигла участь Альп, Кавказа и Балкан. Блистательный подвиг был совершен — и наши георгиевские рожки победно перекликались с горными орлами в снежных облаках.

Пройдя за четырнадцать дней 20 верст непрерывным штурмом, геройские корпуса 3-й и 8-й армий спускались победно с Карпат. Они стояли уже на территории Венгрии, но на искони русской земле — на земле Карпатской Руси. Здесь их застал приказ остановиться и перейти к обороне. Трофеями Третьей Карпатской битвы было 900 офицеров, 70000 нижних чинов, 30 орудий и 200 пулеметов с 6 по 30 марта.

Третья Галицийская битва. Потеря Червонной Руси

Отдавая 28 марта директиву 3-й и 8-й армиям приостановить наступление и прочно укрепиться на западных склонах Карпат, штаб Юго-Западного фронта отдавал себе отчет в недостаточности их сил. Потери неприятеля, правда, были огромны и доходили до 400000 человек. Одними пленными за Карпатскую операцию было захвачено с января по конец марта свыше 2000 офицеров и 148000 нижних чинов. Однако и наш урон превысил 200000 человек. Дивизии равнялись по силе полкам, а их артиллерийские бригады, расстрелявшие все свои запасы, по огневой мощи равнялись взводам, в лучшем случае — батареям. Преодоление Карпат поглотило столько сил и средств, что для самого похода в Венгрию собственно ничего не оставалось. Январские расчеты Юго-Западного фронта, затеявшего эту славную авантюру, не отвечали реальным возможностям.

Генерал Иванов требовал подкреплений и снарядов. Ставка, хоть и признавала поход в Венгрию неотложной необходимостью и даже торопила с ним Юго-Западный фронт, но от прямого ответа уклонялась и подкреплений не давала, желая, очевидно, наступления без затраты войск и стрельбы без расхода патронов. Генерал Иванов мог добиться лишь возвращения III Кавказского корпуса. Известное влияние на Ставку оказывал и новый главнокомандующий Северо-Западным фронтом, генерал Алексеев, с переменой климата переменявший и свои взгляды на целесообразность похода на Венгрию.

На место генерала Алексеева начальником штаба Юго-Западного фронта был назначен генерал Вл. Драгомиров, сдавший VIII армейский корпус генералу Кашталинскому. Начальником штаба Северо-Западного фронта вместо генерала Орановского был назначен генерал Гулевич.

26 марта — в светлый праздник — германцы Линзингена вероломным образом овладели Козювкой. Бесчестный враг знал, как мы чтим праздник Пасхи, и решил этим воспользоваться. К этому времени финляндские стрелки, бессменно 2 месяца защищавшие

Козювку, были отведены на отдых и сменены частями 60-й пехотной дивизии. Один из полков этой последней — 237-й пехотный Грайворонский — и занял высоту 992. Германские парламентарии пожелали хороших праздников и обещали все праздники не стрелять. Мягкотелые россияне, разумеется, раскисли от умиления, не подозревая, что германское племя рождено во лжи.

Внезапным ударом вюртембергские полки разметали безмятежно разговлявшихся грайворонцев и захватили Козювку, от которой неизменно два месяца подряд отбивались финляндскими стрелками. Эти последние плакали от бешенства, бросаясь в неистовые контратаки. Но, несмотря на все усилия, вернуть Козювку им не удалось — неравенство сил было слишком велико. Все попытки XXII корпуса и 60-й пехотной дивизии вернуть ее оказались безуспешны. Эта досадная утрата значительно ухудшила положение Карпатского фронта, создав угрозу в стрыйском направлении.

Все внимание Юго-Западного фронта обратилось на левый фланг 8-й армии, а все внимание Верховного — на действия 9-й армии. К апрелю месяцу из 16 корпусов Юго-Западного фронта 13 завязли в Карпатах, отчасти (в 3-й и 8-й армиях) уже перевалив их; 2 корпуса 3-й армии были развернуты фронтом на запад — у Горлицы и по Дунайцу и 1 был в резерве фронта. Западное направление Горлица и Дунаец — совершенно не интересовало руководителей русской стратегии. Направление это, по словам последней подписанной генералом Алексеевым директивы Юго-Западного фронта, ныне еще более уменьшило свое значение, ибо противник не имеет здесь важной реальной цели. Русские стратеги Мировой войны разгром живой силы врага отнюдь не считали реальной целью, полагая таковую лишь в занятии географических объектов.

Март — апрель 1915 года были решительными месяцами в судьбе Российской Империи. Нашей Родине надлежало разорвать все теснее сжимавшееся роковое кольцо неприятельской блокады. С выступлением Турции на стороне Центральных держав политическое и экономическое положение России стало катастрофическим. Она была изолирована от остальных союзников, и ее экономическую жизнь постепенно стал разбивать паралич. По картинному определению генерала Головина, Россию можно было уподобить дому с заколоченными дверьми и окнами, в который можно было проникать только через трубу. Самым важным фронтом для России становился турецкий. Без предварительного разгрома Турции нечего было и надеяться на сокрушение Германии и Австро-Венгрии.

Заправлявшие судьбами страны столоничальники, как в Ставке, так и в Министерстве иностранных дел, до сознания этой задачи не доросли. Они видели дым, но не замечали огня, констатировали следствия, но оказывались бессильны постигнуть причину. Кругозор их был слишком невелик для уразумения взаимодействия политики и стратегии.

Политически обстоятельства складывались как нельзя лучше. Имея в виду свои личные выгоды (гегемония на Ближнем Востоке, моосульская нефть), Британская империя собиралась нанести Турции весной 1915 года решительный удар форсированием проливов. Лорд Китченер обратился к союзникам с предложением участвовать в этой операции. Поглощенная заботой о своем фронте, Франция отнеслась к этому весьма сдержанно, ее участие в замышлявшейся Дарданелльской экспедиции могло быть лишь декоративным. Экспедиция эта всецело ложилась на англичан.

России надлежало форсировать почти что беззащитный Босфор и овладеть Константинополем. Для осуществления двухвековой мечты, ставшей в Мировую войну и государственной необходимостью, надо было только посадить войска на корабли. Превосходство наше на Черном море к весне 1915 года стало подавляющим. У нас 5 линейных кораблей с залпом в 28 — 12-дюймовых орудий, у германо-турок один Гебен с залпом в 10 — 11-дюймовых пушек. В бою 5 мая у входа в Босфор Гебен вторично за войну (в первый раз 5 декабря 1914 года) был жестоко подбит Евстафием и после этого в бой с нашими старыми, но умевшими постоять за себя броненосцами больше не ввязывался.

Императорское правительство относилось к этому жизненному для России делу с преступным равнодушием и недомыслием. Ставка вообще не доросла до претворения

политики в стратегию. Характерным пороком русской военной мысли конца XIX и начала XX веков была какая-то необъяснимая недооценка десантных операций — и это несмотря на уроки Крымской кампании и Маньчжурской войны, где мы потерпели поражение именно от неприятельских десантов. Кустарные маневры 1903 года на озере Березани, когда хотели, чтобы десант не удался, имели в этом отношении чрезвычайно вредное влияние. Один лишь Император Николай Александрович чувствовал глубокую необходимость для России этой спасительной операции. По настоянию Государя в конце марта и в начале апреля в портах Черного моря сосредоточился V Кавказский корпус (стрелки и пластуны) и сюда ожидался и II армейский корпус. Руководить операцией должен был командующий 7-й армией генерал Никитин.

Никогда еще российским войскам не предстояло совершить более великое и более важное дело, чем то, что вставало в те апрельские дни 1915 года перед черноморскими моряками, пластунами и молодыми полками кавказских стрелков.

* * *

Пока Ставка и штаб Юго-Западного фронта замыслили поход в Венгрию, а Государь — увы, одинокий — настаивал на константинопольской экспедиции, в стане наших врагов было принято решение чрезвычайной важности.

Стабилизация фронта на Западе исключала возможность быстрого решения войны. От моря до Альп силы были в равновесии и состояние к тому времени техники давало преимущество обороняющемуся. На Востоке же небольшие сравнительно силы сторон на огромном фронте позволяли широкое маневренное творчество.

Стратегическое решение германского командования перенести центр тяжести на Восток диктовалось политической обстановкой. Положение Австро-Венгрии было критическим, ее армия, разгромленная в Карпатах, не смогла бы выдержать нового генерального сражения. Надо было спасти коалицию Центральных держав и расстроить коалицию Согласия выводом из строя России. Этого можно было достигнуть снятием с французского фронта целой армии для решительного удара по русской вооруженной силе.

Удар этот было решено нанести у Горлицы и на Дунайце; прорвав растянутый в ниточку правый фланг 3-й армии, зайти в тыл всем русским армиям Юго-Западного фронта, увязшим в Карпатах, и уничтожить их. Карпаты должны были стать могилой русской армии, а Россия, лишившись вооруженной силы, должна была заключить мир любой ценою.

С французского фронта было снято 14 дивизий, составивших XI армию генерала Макензена. В строжайшей тайне от всех, вначале даже от союзников-австрийцев, войска эти были переброшены в Краковский район. Здесь XI армия вдвинулась между IV и III австро-венгерскими армиями, которые тоже должны были принять участие в наступлении против нашей 3-й армии: IV армия вдоль Вислы, развивая главный удар XI, а III армия, фиксируя нашу 3-ю с фронта в Карпатах.

Горлицкому громовому удару должны были предшествовать демонстрации. На крайнем левом фланге неприятельского расположения вновь образованной Неманской армии генерала фон Белова надлежало вторгнуться в Курляндию и отвлечь все внимание и все резервы русского Северо-Западного фронта. Одновременно в Карпатах должны были энергично демонстрировать II австро-венгерская, Южная германская и VII австро-венгерская армии, отвлекая внимание и резервы Юго-Западного фронта от горлицкого направления.

* * *

14 апреля началась демонстрация в Курляндии. Группа генерала фон Лауэнштейна²²¹, поддержанная затем всей Неманской армией, овладела к 25-му южной Курляндией с Либавой, но затем была задержана направленным сюда XIX армейским корпусом генерала Горбатовского. Алексеев не был Рузским, и провести его было не так легко. Штаб Северо-Западного фронта угадал в германском наступлении демонстрацию и не разбросал сил, отправив в Курляндию лишь строго необходимое. В первых числах мая сюда было переведено управление 12-й армией с энергичным Плеве, названное 5-й армией. 12-ю армию принял командовавший прежней 5-й армией генерал Чурин, а прежняя 5-я армия на

левом берегу Вислы была соединена со 2-й. Положение на Северо-Западном фронте все время оставалось твердым.

Иначе, к сожалению, обстояли дела на Юго-Западе. Недалекий Иванов и еще более недалекая Ставка чрезвычайно встревожились австро-германскими демонстрациями в Карпатах, носившими особенно упорный характер на стрыйском направлении. Штаб Юго-Западного фронта ослабил и без того слабую 3-ю армию и все внимание обратил на 8-ю. Ставка же, как мы видели, особенное значение придавала 9-й армии и все время торопила с ее наступлением. Генерал Иванов собирался отбиваться в Карпатах, великий князь требовал наступления в Буковине. Ни тот, ни другой не замечали собиравшейся на Дунайце грозы.

А гроза все приближалась, и те, на кого она в первую очередь должна была обрушиться, уже стали чувствовать ее дыхание. Без глубочайшего волнения нельзя читать сводки обреченных полков IX и X армейских корпусов за 10–18 апреля. Час за часом, день за днем бесстрастно отмечали они накопление неслыханных сил врага перед своим фронтом. Донесения Радко Дмитриева с каждым днем становились все тревожнее. Главные силы его армии были втянуты в Карпаты, откуда враг не грозил. В то же время растянутым в ниточку IX и X корпусам с их замолкшей артиллерией предстояло отразить наступление необычайной силы. Генерал Радко Дмитриев чувствовал катастрофу, нависшую над его войсками. Он предлагал единственный спасительный выход: заблаговременный отход и перегруппировку сил. Неприятельский удар пришелся бы впустую, и мы имели бы время, место и силы для организации решительного контрудара. Временно, конечно, пришлось бы пожертвовать Бескидами и Западной Галицией, но силы были бы сохранены.

Ставка не желала этого понять. Ее лозунгом в эти дни было ни шагу назад!. Она предпочитала скорее истребить все свои армии, чем уступить неприятелю хоть одну гуцульскую деревушку... Генерал Иванов считал долгом разделять эту безумную точку зрения, несмотря на представления своего начальника штаба генерала В. М. Драгомирова, уже видевшего опасность. Донесения генерала Радко Дмитриева подтверждали полученную ранее в Ставке телеграмму лорда Китченера о готовящемся германском ударе у Горлицы — Тарнова, но Ставка этими предостережениями пренебрегла. Телеграмма Китченера была от 28 марта. Достойна изумления необычайная осведомленность британского *Intelligent service*, знавшего за четыре недели место, где было предположено прорвать русский фронт, — и это в то время, когда в тайну еще не было посвящено союзное Германии австро-венгерское командование. Великий князь упорно желал быть слепым. И при таких обстоятельствах генерал Иванов считал, что сам не смеет быть зрячим...

* * *

В середине апреля положение от Вислы до Прута представлялось в следующем виде.

3-я армия генерала Радко Дмитриева растянула свой правый фланг — IX и X корпуса — по Дунайцу и карпатским предгорьям, от Вислы до Бескид фронтом на запад. Главные силы — XXIV, XII, XXI и XXIX корпуса — группировались на Бескидах и были нацелены на юго-запад, в Венгрию, от Мезо Лаборча на Эпереш.

8-я армия генерала Брусилова владела главным хребтом Карпат, развернув VIII, XVII, XXVIII и VII армейские корпуса.

Между 8-й и 9-й армиями 18 апреля была образована 11 армия, которую принял генерал Щербачев (сдавший IX корпус генералу А. М. Драгомирову). В 11-ю армию вошли XXII и XVIII армейские корпуса, она владела долиной Верхнего Днестра и обеспечивала стрыйское направление. В командующие 11-й армией предназначали победителя Перемышля генерала Селиванова, но он заболел.

В 9-ю армию генерала Лечицкого в Заднепровье входили новообразованный XXXIII (заамурцы), XI и XXX армейские, II и III конные корпуса.

Сосредоточение неприятельского кулака происходило с большой энергией. Против нашего IX корпуса на Дунайце сосредоточилась вся IV австро-венгерская армия (9-й, 14-й австро-венгерские корпуса, 22-й резервный германский корпус), а против X корпуса у Горлицы — вся XI германская армия (Гвардейский, 10-й армейский, 41-й резервный,

Сводный германский и 6-й австро-венгерский корпуса). Бескидский германский корпус и III австро-венгерская армия были сосредоточены против карпатской группы 3-й армии, тогда как II австро-венгерская армия противостояла 8-й армии. Южная германская — 11-й, а VII австро-венгерская — 9-й.

Никогда еще за всю войну русская армия не подвергалась большей опасности, чем в эти апрельские дни 1915 года. Против 6 ослабленных наших дивизий IX и X корпусов неприятель сосредоточил 16 свежих. У нас здесь было всего 4 тяжелых пушки против 160 неприятельских. У Горлицы 130 орудиям X армейского корпуса противостояло 572 орудия всей XI германской армии, но в то время, как наши батареи могли расходовать только по 10 снарядов в день, боевой комплект германцев был неограничен.

Превосходство врага было тройным в пехоте и пятерным в количестве артиллерии²²². Фактически, принимая во внимание наш снарядный голод, огневое превосходство Макензена над Радко Дмитриевым было в 50 раз. Принимать бой в такой обстановке было безумием и преступлением. Но Ставка совершила это безумие и это преступление, категорически предписав IX и X корпусам оставаться на месте. Все представления генерала Радко Дмитриева (поддержанного и генералом В. Драгомировым) были ею отвергнуты.

Стратегический примитив, великий князь Николай Николаевич расценивал явления войны по-обывательски. Победу он видел в продвижении вперед и в занятии географических пунктов: чем крупнее был занятый город, тем, очевидно, крупнее была победа. Эта обывательская точка зрения великого князя особенно ярко сказалась в его ликующей телеграмме Государю по поводу взятия Львова, где он ходатайствовал о награждении генерала Рузского сразу двумя Георгиями. А между тем вся львовская авантюра генерала Рузского была стратегическим преступлением, за которое виновника надлежало предать суду и, во всяком случае, отрешить от должности. Вся тлетворная карьера генерала Рузского была создана этой обывательской расценкой Верховного. Поражение же он усматривал в отходе назад. Средство избежать поражения было очень простое: стоило только не отходить, а держаться во что бы то ни стало.

* * *

На рассвете 19 апреля IV австро-венгерская и XI германская армии обрушились на IX и X корпуса на Дунайце и у Горлицы. Тысяча орудий — до 12-дюймового калибра включительно — затопили огнем неглубокие наши окопы на фронте 35 верст, после чего пехотные массы Макензена и эрцгерцога Иосифа Фердинанда ринулись на штурм. Против каждого нашего корпуса было по армии, против каждой нашей бригады — по корпусу, против каждого нашего полка по дивизии. Ободренный молчанием нашей артиллерии, враг считал все наши силы стертыми с лица земли.

Но из разгромленных окопов поднялись кучки полусасыпанных землею людей остатки обескровленных, но не сокрушенных полков 42-й, 31-й, 61-й и 9-й дивизий. Казалось, встали из своих могил цорндорфские фузилеры. Своей железной грудью они спружинили удар и предотвратили катастрофу всей российской вооруженной силы. IV австро-венгерская армия была вообще отражена IX армейским корпусом генерала А. Драгомирова, XI германская армия могла продвигаться лишь шаг за шагом. 20 апреля продолжалось жестокое побоище. 21-го брошенный в бой по частям резерв фронта — III Кавказский корпус — понес жестокие потери у Змигорода, но сдержал XI германскую армию. Он принял на себя удар чудовищного тарана — фаланги 10-го, Сводного и 41-го германского корпусов, которую Макензен вгонял в разрыв X и XXIV армейских корпусов.

Радко Дмитриев отвел 22 апреля X и III Кавказский корпуса на Вислоку. На правом фланге 3-й армии IX корпус продолжал стойко держаться на Дунайце против IV австро-венгерской армии. Положение карпатской группы корпусов становилось с каждым днем рискованнее: Макензен уже выходил на сообщения XXIV армейского корпуса. Нельзя было больше терять ни минуты — и командовавший 3-й армией предписал: XXIV и XII корпусам выходить из Карпат, XXI — выйти в резерв для выручки X и III Кавказского, а XXIX корпусу оставаться пока на месте, держа связь с 8-й армией.

XXIV корпусу пришлось круто. 49-я дивизия успела, правда, отойти, но 48-я генерала Корнилова была уже окружена. В жестоких боях 23 и 24 апреля у Дуклы геройская дивизия прорвалась сквозь 5 неприятельских, но тяжело раненный Корнилов попал в плен. 48-я пехотная дивизия лишилась 5000 человек из 7000 и 34 орудий. Полки ее вынесли свои знамена. На XXIV и XII корпуса навалилась вся III австро-венгерская армия, но натиск неприятеля был сдержан — и к 25 апреля карпатская группа нашей 3-й армии вышла из гор в полном порядке.

В Западной Галиции дела приняли трагический оборот. 23 апреля Макензен сбил X и III Кавказские корпуса и форсировал Вислоку. Пришлось оттянуть с Дунайца IX армейский корпус и конницу генерала Володченко. В сводный конный корпус 3-й армии (впоследствии IV конный корпус) входили 7-я, 16-я кавалерийские дивизии и 2-й сводный казачий. 24 апреля Радко Дмитриев предписал обескровленной 3-й армии отходить на Сан. Западная Галиция была потеряна. Потери под Горлицей были огромны. X армейский корпус за один день 19 апреля лишился 17000 человек и 10 орудий. Всего в боях с 19 по 28 апреля 3-я армия потеряла 140000 человек, до 100 орудий и до 300 пулеметов²²³. В строю ее оставалось по приходе на Сан в 16 дивизиях 65000 человек.

Отбрасывая 3-ю армию на Сан, Макензен выходил в тыл всему нашему Карпатскому фронту, и в первую очередь 8-й армии. Необходимо было немедленно начать эвакуацию Карпат, оторвав в то же время 3-ю армию от наседавшего противника.

К несчастью. Ставка совершенно не отдавала себе отчета в положении. Она просто игнорировала горлицкую катастрофу, более серьезную между тем, нежели самсоновская либо гродненская. Незрячие глаза Верховного главнокомандующего были устремлены куда-то на Буковину, где он подготавливал несколько не отвечающее обстановке наступление 9-й армии. Вызвав в Холм главнокомандовавших фронтами, великий князь повелел генералу Иванову ни в коем случае не отступать за Сан. Генерал Данилов, подсчитав номера дивизий, пришел к успокоительному выводу, что решительно не видно никаких данных для отказа от операций в Карпатах. Ему просто в голову не пришло, что в этих дивизиях осталось по 800 штыков, что в артиллерийских бригадах осталось по два стреляющих орудия, что люди валяются с ног от истощения. Столоначальники в Барановичах заготавливали бумаги, проставляли на них исходящие номера и отправляли в штаб Юго-Западного фронта к руководству либо к исполнению.

В штабе Юго-Западного фронта отдавали себе отчет в катастрофическом положении 3-й армии и риске, которому подвергалась в Карпатах 8-я армия. Генерал В. Драгомиров настаивал на необходимости спасения того, что можно было еще спасти, и на отводе этих армий за Сан. Но генерал Иванов не нашел в себе мужества последовать этому совету, шедшему вразрез с абсурдными требованиями Ставки, и предпочел скорее не согласиться с действительностью, чем позволить себе не согласиться со старшей инстанцией. Он умыл руки, отказался от какого-либо руководства операциями и ограничился автоматической передачей бумажек Ставки в штаб 3-й армии.

Радко Дмитриев, схватившийся с тремя неприятельскими армиями — эрцгерцога, Макензена и Бороевича, был брошен на произвол судьбы, не получая никаких указаний. Вместо Верховного главнокомандующего был фонограф с раз навсегда напетой пластинкой Ни шагу назад! а вместо главнокомандующего фронтом почтовый ящик. Никогда еще ни один командующий армией не был в более критическом положении. Великий князь прижимал истерзанное тело 3-й армии к раскаленному железу врага, не давая ей оторваться от этого железа.

26 и 27 апреля к востоку от Вислоки шло отчаянное побоище. Брошенный в бой XXI армейский корпус и вновь образованный на правом фланге XXIX спасли 3-ю армию от окончательного истребления. В XXIX армейский корпус в Карпатах входили сперва 58-я и 81-я пехотные дивизии, отданные затем в 8-ю армию. На Вислоке в его состав вошли 62-я пехотная и 13-я Сибирская дивизии, прибывшие с Северо-Западного фронта, а затем, на Сана, корпус состоял из 12-й Сибирской и 45-й пехотной дивизий. Держаться против

пятерного превосходства врага с обескровленной пехотой, молчащей артиллерией и не имея в тылу ни единой укрепленной позиции было все же невыносимо ни человечески, ни сверхчеловечески. Комендант Ивангорода генерал Шварц еще задолго до горлицкого прорыва предложил генералу Иванову укрепить средствами вверенной ему крепости позиции в тылу IX и X корпусов, однако случившийся при этом генерал В. М. Драгомиров отверг это предложение.

Генерал Иванов пытался сразу же после горлицкого разгрома оказать 3-й армии помощь переброской туда XXXIII армейского корпуса из Заднепровья. Но Ставка запретила трогать этот корпус: он был ей нужен для задуманного ею наступления 9-й армии — покорения гуцульских поселков. Великий князь распорядился отправить вместо XXXIII корпуса V Кавказский, предназначавшийся для овладения Константинополем.

Совершена была величайшая стратегическая ошибка — величайшее государственное преступление. Отказавшись от форсирования Босфора и овладения Константинополем, великий князь Николай Николаевич обрекал Россию на удушье. Отныне война затянулась на долгие годы. В апреле 1915 года Россия была поставлена перед дилеммой:

Царьград или Дрыщув. И Ставка выбрала Дрыщув...

* * *

30 апреля Радко Дмитриев отвел на Сан свою перебитую, но не разбитую армию, заняв по реке фронт Разводов — Перемышль. В 4 дивизиях X армейского корпуса было 10000 бойцов, в 2 дивизиях XII — 4000, в 3 дивизиях XXIV — всего 5000, в 4 дивизиях III Кавказского корпуса — 10000 человек. В X армейском корпусе 9-я пехотная дивизия считала 900 штыков (в 35-м пехотном Брянском полку осталось 150 человек), а 61-я пехотная дивизия — 800 штыков. Правофланговые корпуса — XXIX, IX, X и III Кавказский — отошли за реку, а левофланговые остались для активной обороны на левом берегу: XXIV — в Ярославле, XXI — в Радымно и XII — в Перемышле.

2 мая Макензен обрушил свою фалангу на Ярослав, но остатки XXIV корпуса в героическом бою отразили три корпуса германцев. 3 мая XXI и XII корпуса были переданы в 8-ю армию, а в 3-ю передан XV армейский корпус с Северо-Западного фронта. 4 мая на рассвете XI германская армия овладела Ярославом и форсировала здесь Сан.

Но развить успех ей не удалось: Радко Дмитриев ликвидировал прорыв XXIX и подошедшим V Кавказским корпусами. Макензен приостановил свое наступление. 3-я армия сама перешла в наступление, хоть и безуспешно. 7 мая на место генерала Радко Дмитриева был назначен генерал Леш (сдавший свой XII армейский корпус генералу Каледину), а на место генерала В. Драгомирова начальником штаба Юго-Западного фронта был назначен командир IV Сибирского корпуса генерал Саввич. Опале подверглись как раз те военачальники, что с самого начала предложили единственно разумное решение, позволившее бы избежать катастрофы.

Общее положение армий Юго-Западного фронта стало следующим:

На левом берегу Вислы 4-я армия генерала Эверта (XIV, XVI, Гренадерский, XXV и XXXI корпуса) осадила своим левым флангом с зимних позиций назад и перевела на правый берег новообразованный XXXI армейский корпус, ввязавшийся в бои 3-й армии на Нижнем Сане. 4-я армия перешла 3 мая в короткое наступление у Опатова, причем наш XXV армейский корпус нанес сильное поражение 2-му австро-венгерскому корпусу группы Войерша.

Обескровленная 3-я армия развернула XV, IX, X, III Кавказский, XXIV, XXIX и V Кавказский корпуса по правому берегу Сана для упорной обороны.

8-я армия генерала Брусилова в конце апреля благополучно вышла из Карпат и в начале мая расположилась частью по Сану — XXI и XII корпуса, частью между Саном и Днестром — VIII, XVII, XXVIII и VII армейские корпуса. II австро-венгерская армия генерала Бем Ермоли следовала за ней, но не преследовала ее.

11-я армия генерала Щербачева — XXII и XVIII армейские корпуса — 1 мая отошла от Стрыя и в последующие дни завязала в долине Днестра упорные бои с наседавшей Южной

германской армией генерала Линзингена.

9-я армия генерала Лечицкого — XXXIII, XI, XXXII, XXX армейские, II и III конные корпуса — 26 апреля перешла в энергичное наступление вдоль Днестра. Честь этого Заднестровского сражения в первую очередь принадлежит III конному корпусу графа Келлера, разметававшему венгерский гонвед и легионы Пилсудского на полях Баламутовки, Онута и Ржавенцев. Были взяты Залешики и Надворна, и VII австро-венгерская армия генерала Пфланцер-Балтина отброшена за Прут. 27 апреля в знаменитой атаке III конного корпуса у Баламутовки и Ржавенцев участвовало 90 эскадронов и сотен в конном строю. Трофеями этого славного дела было 4000 пленных и 10 орудий. Всего же 9-й армией в Заднестровском сражении взято 20000 пленных и 20 орудий.

При всей значительности тактического успеха XXX армейского и III конного корпусов победа 26–28 апреля не улучшила стратегического положения Юго-Западного фронта: Буковинский театр был слишком удален от важнейших операционных путей, и армия Пфланцера особенно важной роли в расчетах неприятеля не играла.

Верховный главнокомандующий поставил задачей армиям Юго-Западного фронта сохранить Галицию, опять придав главное значение географическому элементу. Особенное значение придавалось Перемышлю, стратегическая ценность которого равнялась нулю, но имя которого импонировало обывателю. С Северо-Западного фронта в Галицию были вытребованы VI и XXIII армейские корпуса.

Остановившись на Сане, Макензен подарил нам целых две недели — срок, достаточный для отрыва от врага, организации планомерного отхода и сохранения живой силы. Но о сохранении живой силы Ставка как раз помышляла меньше всего.

* * *

11 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии. На новый фронт было переведено управление III австро-венгерской армии генерала Бороевича и 4-й дивизии. Отбывшие на Изонцо австрийские дивизии были немедленно заменены германскими из Франции — и на русском фронте выступление Италии совершенно не отразилось.

9 мая генерал Жоффр предписал командовавшему Северным французским фронтом генералу Фошу перейти в энергичное наступление для облегчения русского фронта. Начавшееся Лореттское сражение стоило французам до 200000 человек убитыми и ранеными, но не дало никаких результатов: на Западе техника еще не успела подняться до уровня требований новой тактики. Видя безуспешность атак в Артуа и Пикардии, генерал Жоффр приостановил дальнейшие наступательные попытки. Кровавые жертвы французской армии остались неизвестными, и в России общественное мнение негодовало на бездействие союзников, которых мы в прошлом году выручили в Восточной Пруссии и которые сейчас не желали нам помочь. Как бы то ни было, России впредь приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. А силы эти были весьма ограничены.

К весне 1915 года был израсходован весь обученный запас армии. Были призваны сроки 1915-го и 1916 годов, давшие до 1 500000 человек, но которых некому было обучать и нечем было вооружить. Пополнения войск весной и летом 1915 года состояли исключительно из ратников 2-го разряда — людей, за различными льготами, физической слабостью (так называемые белые билеты) и сверхкомплектном в войсках прежде не служивших. Люди эти направлялись в непомерно разросшиеся запасные батальоны, слабые кадры которых совершенно не могли справиться с их обучением. После 3, в лучшем случае 6 недель присутствия в этих батальонах они попадали в маршевые роты и везлись на фронт безоружными и совершенно необученными. Эти безоружные толпы являлись большой обузой в войсковых частях, ослабевший кадр которых не мог усвоить и переработать этой сырой и тяжелой пищи. Они раздували численный состав частей, умножая количество едоков, но не увеличивая количества бойцов. Зачастую прибывшие на фронт ратники ни разу не держали в руке винтовки и, во всяком случае, не умели заряжать обоймами. Не получив ни воинского воспитания, ни даже военного обучения, эти ратники 2-го разряда сразу попали в ад летних боев 1915 года самых тяжелых боев, которые знает военная история. Следует ли

после этого удивляться бесчисленным отсталым (халупникам), палечникам, самострелам? Упрекать надо не этих несчастных людей, а тех, кто в таком виде отправлял их на фронт.

В этом вина Военного ведомства — Главного штаба и подвластных ему мобилизационных и распределительных органов, совершенно не справившихся с основным условием организации вооруженной силы — ее комплектованием. Оправившиеся от ран унтер-офицеры и солдаты не возвращались в строй своего полка и роты, а направлялись в первые попавшиеся части.

Это преступное отношение к делу наших военных столоначальников, чудовищное по своей черствой жестокости, донельзя болезненно сказывалось на живом военном организме. Офицеры безвозвратно теряли своих ценных и незаменимых нашивочных помощников и старослуживших солдат. Взамен они получали других — совершенно незнакомых. Эти незнакомые солдаты, попадая в чужие полки к незнакомым начальникам, не могли, конечно, дать то, что дали бы в строю коренной своей роты, родного полка со знакомыми командирами и товарищами. Если наши кровавые потери объясняются отсутствием боевого снаряжения, то причину огромного количества пленных в это лето 1915 года (до 400000 раненых) следует прежде всего искать в исключительно плохой организации пополнения войск, понижавшей их качества.

Для Милютина и его преемников войска состояли не из живых организмов частей, а из отвлеченных математических единиц. Единица должна была всегда быть равной единице. Двести человек всегда должны были дать роту, даже когда они не знали своих начальников и не имели винтовок... Исстрадавшемуся организму армии пришлось жестоко расплачиваться за мертвое и бездушное отношение военной администрации к ответственнейшему и живому делу комплектования.

Весною 1915 года началось формирование новых 25 пехотных дивизий (100-я по 124-ю) из ополченских дружин и новобранцев (дивизий серии 85-я по 99-ю не существовало). Прибыть на фронт они, однако, смогли не ранее июля за отсутствием вооружения. Большинство имело лишь по дивизиону артиллерии (18 орудий на 16 батальонов). Были образованы новые корпусные управления: с XXXI по XXXVIII. Бригады Пограничной стражи образовали конные полки. Решено было развернуть все имевшиеся стрелковые бригады в дивизии, а для получения новых артиллерийских единиц привести батареи с 8-орудийного состава на 6-орудийные, а мортирные — с 6-орудийного на 4-орудийные. Эти последние мероприятия не могли быть целиком осуществлены до осени.

Ставка, как мы видели, предписала армиям Юго-Западного фронта сохранить Галицию и удерживаться на Сане. Не только не надлежало отступать, но, наоборот, 3-я армия сама должна была перейти к активным действиям, тогда как 8-я должна была удерживать во что бы то ни стало район Перемышля. Этот последний совершенно никакой ценности уже не представлял, и генерал Брусилов хотел было его эвакуировать, но Ставка категорически тому воспротивилась.

Против нашей 3-й армии была развернута IV австро-венгерская армия, XI германская нацелилась на стык между 3-й и 8-й, а II австро-венгерская — на 8-ю. Все эти армии были подчинены новопожалованному фельдмаршалу Макензену.

11 мая Макензен нанес сильный удар в стык 3-й и 8-й армий — по V Кавказскому и XXI армейскому корпусам у Радымно, но успеха здесь не развил. Главное внимание он обратил на 8-ю армию, против которой сосредоточил двойные силы (17 дивизий против 8) в Перемышльском районе. 14 мая завязалось сражение на Сане. 3-я армия атаковала IV австро-венгерскую армию, тогда как 8-я сама была атакована XI германской и II австро-венгерской армиями.

В 3-й армии блестящий успех имел III Кавказский корпус, разгромивший при Сеняве 14-й австро-венгерский. Австро-германцы считали III Кавказский корпус совершенно разгромленным и неспособным к наступательным действиям. Несмотря на уроки Суходола и Ивангорода, они еще не отдавали себе отчета в том, что за войска были в полках 21-й и 52-й дивизий. Тирольский 14-й корпус беспечно праздновал предстоящую отправку на

итальянский фронт. Он был захвачен врасплох кавказцами на заре 14 мая и оставил в их руках 7000 пленных и 15 орудий. XXIV и XXIX корпуса тоже наступали.

В 8-й армии операция вылилась в семидневное побоище у Радымно, где лег XXI корпус, и у Перемышля, неудобные позиции которого геройски защищали полки XII корпуса. Потери наши у Радымно были громадны. В XXI корпусе погибла целиком 33-я артиллерийская бригада, изрубленная австрийской конницей. По этим двум корпусам пришелся главный удар Макензена, в то время как VIII, XVII и VII корпуса отразили II австро-венгерскую армию генерала Бем Ермоли. XXVIII корпус поддержал XXI и XII на правом фланге.

Ставка и штаб фронта решили использовать Сеньевскую победу. В 3-ю армию были направлены XIV армейский корпус (из 4-й армии) и подошедший с Северо-Западного фронта II Кавказский. На рассвете 19 мая генерал Леш развернул XV, IX, XIV, II Кавказский и X армейский корпуса у Любачева, нанося удар правым флангом в тыл и центром во фронт IV австро-венгерской армии. Левый фланг — III Кавказский, XXIV и XXIX армейские корпуса — оставались на своих позициях. Кровавое наступательное сражение при Любачеве с 19 по 21 мая закончилось безрезультатно и стоило 3-й армии тяжелых и напрасных потерь. Трофеями этой операции было до 7000 пленных, 6 орудий и 30 пулеметов, взятых преимущественно IX армейским корпусом.

Фельдмаршал Макензен, мирясь с тактическими неудачами в IV армии, упорно ломил XI и II армиями на Перемышль — Львов. 22 мая наша 8-я армия должна была покинуть Перемышль. Макензен пытался перехватить отступление XII корпуса, вклинив свою фалангу на Седлиску, но положение спасли Железные стрелки генерала Деникина, не в первый раз и не в последний выручая армию генерала Брусилова. Положение здесь оставалось напряженным до 28 мая. Вслед за 8-й армией отошла и 3-я — линия Сана была потеряна. В боях на Нижнем Сане войсками 3-й армии было еще взято 4000 пленных и 4 орудия.

В 11-й армии все время шли упорные бои. Южная германская армия генерала Линзингена навалилась на левофланговый XVIII армейский корпус, вырученный контратаками XXII корпуса. В боях 14 мая на Днестре финляндскими стрелками XXII корпуса было захвачено 3000 пленных. Трофеи 11-й армии с 15 по 17 мая составили 238 офицеров и 10 422 нижних чина. Расстрелявшая все патроны, истекшая кровью 4-я Финляндская стрелковая бригада однажды не выдержала бешеного напора врага и отошла, спутав расчеты штаба армии. Генерал Щербачев приказал начальнику бригады генералу Селивачеву найти и примерно наказать виновных. На это генерал Селивачев ответил: Побеждают полки, мне вверенные, а если терпят поражения, то в этом виноват я один! XVIII корпус осадил на Журавно и Калуц, а XXII — на Миколаев. На левый фланг армии в 20-х числах мая прибыл VI армейский корпус генерала Гурко.

Успешные наступательные операции 9-й армии в первой половине мая заглохли. Стало ясным, что решительные события наступили не в Буковине, а на Сане.

* * *

1 июня штаб Юго-Западного фронта образовал на стыке 3-й и 8-й армий группу генерала Олохова в составе XXIX, II Кавказского, V Кавказского, новоприбывшего XXIII армейского и IV конного корпусов, которой надлежало заполнить наметившийся разрыв между 3-й и 8-й армиями и прикрывать сообщения на Холм и Владимир-Волынский. Генерал Брусилов отводил 8-ю армию на Городокские позиции, в львовском направлении.

11-я армия генерала Щербачева решительно огрызнулась XVIII и VI армейскими корпусами у Журавно, нанеся в семидневных боях с 27 мая по 2 июня сильное поражение Южной германской. XVIII корпус нажал на армию Линзингена с фронта, VI — по собственному почину генерала Гурко атаковал ее во фланг. Особенно досталось 3-й германской гвардейской дивизии. Трофеями войск генерала Щербачева в Журавненском сражении было 410 офицеров и 18 200 нижних чинов пленных, 23 орудия, 77 пулеметов²²⁴.

9-я армия генерала Лечицкого вела с VII австро-венгерской армией бои местного значения. Следует отметить лихие действия 78-й пехотной дивизии генерала Альфтана на

Большом Днестровском болоте. Ею взято в делах 14 и 15 мая 89 офицеров и 3800 нижних чинов, причем 310-й пехотный Шацкий полк полковника Васильева (развернут из 166-го пехотного Ровненского) взял знамя 71-го венгерского.

7 июня 8-я армия и группа Олохова были сбиты с Городокских позиций. Часы Львова были сочтены. Безнадежная его оборона была возложена на группу генерала Кашталинского (XXVIII и VIII армейские корпуса). 9 июня Кашталинский был сбит и вечером Львов оставлен.

Ставка начала прозревать, но, к сожалению, только на один глаз. На совещании 4 июня в Холме Верховный главнокомандующий, убедившись в бесполезности частичных контрнаступлений, предписал Юго-Западному фронту перейти к обороне. Однако Северо-Западному фронту категорически приказывалось оставаться на месте на случай последующего нашего наступления в глубь Германии. Франко-русская конвенция с ее категорическим требованием все время и при всех обстоятельствах атаковать Германию продолжала висеть тяжелым проклятием над обескровленной русской вооруженной силой. Вместе с тем мы можем видеть, что Ставка, констатируя неудачу Юго-Западного фронта, еще не отдавала себе отчета в катастрофических размерах ее. Иначе, вместо мечтаний о берегах Шпрее, она своевременно отвела бы армии Северо-Западного фронта на берега Немана и Буга.

Директива Верховного главнокомандующего, отданная накануне падения Львова, предвидела отход Юго-Западного фронта на линию Люблин — Холм Владимир-Волынский — Ковель — река Збруч. 3-й армии и группе Олохова надлежало прикрыть Люблин и Владимир, 8-й и 11-й — задерживать врага шаг за шагом, 9-й отвлекать на себя силы переходами в наступление.

Армии Юго-Западного фронта отступали в двух направлениях. 3-я и Олохов на южную границу Варшавского округа; 8-я, 11-я и 9-я — к восточной границе Киевского. 12 июня 3-я армия и группа генерала Олохова, как с каждым днем все более тяготевшие к Северо-Западному фронту, были включены в состав этого последнего (4-я армия была передана генералу Алексееву еще в середине мая). Отныне центр тяжести событий переместился на Северо-Западный фронт, и руководство русской стратегией из дряблых рук генерала Иванова переходило в более искусные руки генерала Алексеева.

Оставлением Львова и передачей войск Леша и Олохова Северо-Западному фронту кончается тяжелая Третья Галицийская битва. Не пожелав своевременно отойти по своей воле и сохранить живую силу армии, наша Ставка должна была отступить по воле врага — с разгромом и громадными потерями (500000 человек и 344 орудия), грозившими самому существованию нашей вооруженной силы.

Большое отступление 1915 года

Апрель и май на Северо-Западном фронте прошли спокойно. Оживление наблюдалось лишь в Курляндии и северной Литве — на фронте германской Неманской и нашей 5-й армий, где все время шли бои местного значения. На широких фронтах здесь действовали сравнительно небольшие силы — отряды смешанного состава с большим количеством кавалерии. Германская конница действовала карабином — наша шла в шашки. Александрийские гусары взяли батарею, павлоградцы захватили штаб 76-й германской дивизии. Количество конных дел против пехоты и конницы измеряется десятками. Ядро 5-й армии составлял XIX армейский корпус генерала Горбатовского. В делах под Шавлями 28 апреля нами захвачено 600 пленных и 5 орудий. 29 апреля еще 1000 пленных, а 2 и 3 мая — 1500 пленных и 8 орудий.

Берега Дубиссы и Венты были свидетелями геройских дел нашей конницы. Особенно искусно действовала Уссурийская бригада генерала Крымова, а в этой последней — Приморский драгунский полк. 1 июня под Попелянами приморцы, форсировав Венту, атаковали 8 верст полевым галопом, последовательно изрубив пять германских кавалерийских полков (9-й и 13-й драгунские, 1-й, 2-й и 12-й гусарские). Затем они перемахнули через проволочные заграждения и уничтожили прятавшийся за ними батальон

егерей. Потери приморцев — 5 офицеров, 160 драгун и 117 коней. Немцев изрублено без счета.

На всем остальном фронте — по Неману, Нареву и левому берегу Вислы царило затишье, прерывавшееся лишь выпуском немецких ядовитых газов. Первая газовая атака была у Боржимова 10 мая на фронте V Сибирского корпуса 2-й армии (на западе немцы применили газы уже в конце апреля под Ипром). Газы выпустил 3-й германский резервный корпус генерала фон Безелера. У нас было отравлено смертельно 10000 человек²²⁵, 14-я Сибирская дивизия погибла почти целиком.

Тем временем общее стратегическое положение ухудшалось с каждым днем. Разгром Юго-Западного фронта подставлял под удар Макензена тыл Варшавского округа, куда отбрасывались расстроенные корпуса 3-й армии и группы Олохова. Армии Северо-Западного фронта, продолжая оставаться на своих местах, как то им приказывала Ставка, рисковали бы погибнуть в польском мешке.

Вопрос об оставлении левого берега Вислы встал в половине июня с полной отчетливостью перед генералом Алексеевым, в ведение которого было передано 8 армий из 11.

Положение представлялось в следующем виде.

На крайнем правом фланге — в Митавско-Шавельском районе — 5-я армия генерала Плеве (9 пехотных и 7,5 кавалерийских дивизий) сдерживала Неманскую армию Белова (8 пехотных и 4,5 кавалерийских дивизий), а 10-я армия генерала Радкевича, сменившего Сиверса после гродненской катастрофы (8 пехотных и 1 кавалерийская дивизии), имела перед собой X германскую армию генерала Эйхгорна (9,5 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии) и прикрывала Ковенский район.

В 5-й армии — XIX, III и XXXVII армейский корпуса; в 10-й армии — III Сибирский, XXXIV, II, XXVI и XX. Всего в Курляндии и Литве 17 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий против 17,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий германцев.

По Бобру располагалась 12-я армия генерала Чурина (9,5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии), а по Нареву — 1-я армия генерала Литвинова (8 пехотных и 3 кавалерийских дивизии). Обе эти армии прикрывали с севера Царство Польское и имели перед собой соответственно VIII германскую армию генерала Шольца²²⁶ (9 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии) и XII — генерала Галльвица (8 пехотных и 1 кавалерийская дивизии). В 12-й армии — I, V армейские и IV Сибирский корпуса; в 1-й — I Сибирский, I Туркестанский и XXVII армейский корпуса. Всего на наревском фронте 17,5 пехотных и 4 кавалерийских дивизии против германских 17 пехотных и 2 кавалерийских дивизий.

Левый берег Вислы занимала 2-я армия генерала Смирнова (8 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизии) — до Пилицы, базируясь на Варшаву, и 4-я армия генерала Эверта (8 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) — до Вислы, опираясь на Ивангород. Им противостояли IX германская армия принца Леопольда Баварского²²⁷ (8 пехотных и 1 кавалерийская дивизии), группа Войерша (5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) и I австро-венгерская армия генерала Пухалло (2 пехотных и 1 кавалерийская дивизии). Во 2-й армии — V Сибирский, IV и XXXV армейские корпуса; в 4-й армии — XXXVI, XV, Гренадерский и XXV корпуса. Всего на левом берегу 16 пехотных и 2,5 кавалерийских дивизий против 15 пехотных и 3 кавалерийских дивизий австро-германцев.

Между Вислой и Бугом, куда был направлен вражеский удар, у нас были остатки 3-й армии (11 пехотных и 2 кавалерийских дивизии) и группы Олохова (8 пехотных и 3 кавалерийских дивизии). На них ломили IV австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда (14 пехотных дивизий) и XI германская армия Макензена (17 пехотных и 1 кавалерийская дивизии). В 3-й армии — X, XV, IX, XIV, III Кавказский, XXIV армейский корпуса (XV еще не в полном составе); у генерала Олохова — XXIX, II Кавказский, V Кавказский и XXIII армейский корпуса. Всего 19 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, совершенно обескровленных, против 31 пехотной и 1 кавалерийской дивизий Макензена.

Всего 69,5 пехотным и 21 кавалерийским дивизиям Северо-Западного фронта

противостояло 80,5 пехотных и 11,5 кавалерийских дивизий неприятеля — почти сплошь германских, с сильнейшей вдвое артиллерией и неограниченным запасом снарядов.

Три армии Юго-Западного фронта стали выходить из-под главного удара врага, и кризис в них после падения Львова стал идти на убыль.

8-я армия генерала Брусилова (11 пехотных и 3 кавалерийских дивизии) отходила на Волынь, имея дело со II австро-венгерской армией произведенного за взятие Львова в фельдмаршалы Бем Ермоли (12 пехотных и 2 кавалерийских дивизии). 11-я армия генерала Щербачева медленно отступала в Восточной Галиции, задерживаясь на рубежах левобережных притоков Днестра. Ее 7 дивизиям противостояло 9 дивизий Южной германской армии Линзингена. 9-я армия генерала Лечиц-кого сообразовала свой отход с соседом — отступление генерала Щербачева в ночь на 21 июня с Золотой Липы побудило ее оставить Галич и превосходную Галицкую позицию. 11 пехотным и 6 кавалерийским дивизиям здесь противостояло 10 пехотных и 5 кавалерийских дивизий неприятеля. На всем же Юго-Западном фронте против наших 29 пехотных и 9 кавалерийских дивизий действовало 31 пехотная и 7 кавалерийских дивизий австро-германцев.

В 8-й армии — XII, VIII, XVII, VII армейские корпуса (XXVIII отправлен на Северо-Западный фронт). В 11-й армии — XVIII, VI и XXII (четные бригады которого отправлены на Северо-Западный фронт). В 9-й армии — XXXIII, XI, XXXII и XXX корпуса.

Если считать с резервами армейских групп, то нашим 108 пехотным дивизиям, 16 стрелковым бригадам и 35 конным дивизиям противостояло 123 пехотных и 21 кавалерийская дивизии противника. Превосходство неприятеля в пехоте следует считать примерно на треть (у нас больше батальонов, у врага батальоны гораздо сильнее), а в артиллерии — совершенно подавляющим.

Предвидя критический период, генерал Алексеев озаботился созданием сильных резервов и вывел заблаговременно в свой резерв из 12-й армии гвардию, из 2-й II Сибирский и VI Сибирский корпуса и из 4-й — XXXI армейский корпус. Кроме того, как только 3-я армия поступила в его ведение, он снял с ее фронта XXI корпус и укомплектовал его. Всего в резерве Северо-Западного фронта и Ставки находилось к середине июля 17,5 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

План верховного германского командования был уничтожить русскую вооруженную силу двусторонним — по Шлиффену — охватом Царства Польского. Макензен с IV австро-венгерской и XI германской армиями должен был нанести сокрушительный удар между Вислой и Бугом с юга на север, а Галльвиц со своей XII — не менее мощный удар на Нарев с севера на юг. Двигаясь навстречу друг другу в район Седлеца, они должны были окружить нашу 2-ю и 4-ю армии (а также остатки 1-й и 3-й), захватить их в мешок и этим громовым ударом вывести Россию из строя воюющих.

Соглашаясь с основной этой идеей двустороннего охвата — Канн, Гинденбург и Людендорф настаивали, однако, на выполнении его не XII армией Галльвица, а X Эйхгорна — в обход Ковно на Вильно и Минск. Танненбергские победители мечтали захватить таким образом в свои сети еще 10-ю и 12-ю наши армии, явно теряя чувство меры.

На наше счастье, у Фалькенгайна не хватило авторитета заставить Гинденбурга принять свой план. Кайзер колебался, щадя самолюбие как своего начальника штаба, так и спасителя Восточной Пруссии. Решено было вести на севере одновременно два главных удара — X армией на Ковно — Вильно — Минск и XII армией на Пултуск — Седлец, навстречу Макензену. Таким образом, неприятель разбросал свои усилия, мы получили два сильных удара, но это было лучше, чем получить один смертельный.

Ведение удара с юга на север группой армий Макензена было возложено на австро-венгерское верховное командование, которому был подчинен Макензен. Однако фельдмаршал Конрад посмотрел на эту операцию с чисто австрийской — и узкоавстрийской — точки зрения. Заботясь прежде всего об освобождении Галиции, он смотрел не столько на север, сколько на восток, не столько на Вислу и Буг, сколько на Збруч. В замышлявшейся операции он видел прежде всего средство оттолкнуть подальше русских от императорско-

королевских земель, и он не решился ослабить свое восточное направление ради северного. Из 69 подчиненных ему от Пилицы до Прута дивизий он направил для решительного удара от Вислы до Буга только 35 — едва половину.

Вопросом жизни и смерти для русской армии был заблаговременный вывод 2-й и 4-й армий из польского мешка и отвод всего Северо-Западного фронта на линию примерно Ломжа — Ковель. Генерал Алексеев так именно и полагал, но он был связан категорическим Ни шагу назад! Ставки.

* * *

Перестроив по взятии Львова фронт более на север, фельдмаршал Макензен перешел в наступление 12 июня. Свою фалангу он направил на стык 3-й армии и группы Олохова. В то время, как IV австро-венгерская армия вела довольно вялые бои с нашей 3-й, XI германская армия в результате ожесточенного Томашовского сражения с 13 по 17 июня отбросила группу Олохова на Грубешов. Удар фаланги с особенной силою пришелся по XXIV армейскому корпусу (левофланговому 3-й армии), четыре дня сдерживавшему главные силы XI германской армии. Памятной осталась атака корниловской 48-й дивизии через реку Танев по горло в воде. В 10 наших атакованных дивизиях не было и 40000 человек, в 8 атаковавших германских было 60000 с совершенно подавляющей артиллерией.

Макензен не развил этого чрезвычайно опасного для нас удара. Он задержал XI армию и обратил свое внимание на развитие операций IV. А тем временем генерал Алексеев принял срочные меры для парирования удара.

Генералу Олохову был дан из резерва фронта XXXI армейский корпус и приказано удерживать Холм во что бы то ни стало. А на правый берег Вислы, на пути к Люблину, был переведен левый фланг 4-й армии генерала Эверта — часть Гренадерского и весь XXV армейский корпус, что позволило сжать влево, в угрожаемом направлении, весь фронт 3-й армии.

21 июня Макензен атаковал IV австро-венгерской армией правый фланг нашей 3-й армии, но в четырехдневном Таневском сражении (с 21 по 24 июня) был отражен, причем наши гренадеры, XXV и XV корпуса (этот последний перешел из 3-й армии в 4-ю), нанесли войскам эрцгерцога крупное поражение при Уржендове. В боях при Вильколазе и Уржендове с нашей стороны особенно отличился XXV армейский корпус генерала Рагозы, а в его составе сибирские гренадеры полковника Токарева, отказавшиеся от поддержки; отличилась и 3-я гренадерская дивизия генерала Киселевского. Нами взято в плен 297 офицеров, 22 463 нижних чина и 60 пулеметов.

В последних числах июня в 3-ю армию подошли II Сибирский, Гвардейский и VI Сибирский корпуса, влившие свежие силы в ее обескровленное тело. Группа Олохова была преобразована в 13-ю армию, и во главе ее поставлен герой Томашова генерал Горбатовский.

В свою очередь усилился и противник. XI германская армия, ставшая слишком громоздкой (20 дивизий), выделила из своего состава Бугскую армию, которую принял генерал Линзинген, замещенный во главе Южной армии генералом графом Ботмером²²⁸. Одновременно с левого берега Вислы на Буг была переведена и I австро-венгерская армия генерала Пухалло²²⁹, доведенная до 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Всего в районе между Вислой и Бугом неприятель сосредоточил 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий против наших 31 и 7,5 кавалерийских дивизий. За исключением 11 подошедших из резерва и с левого берега Вислы, наши дивизии равнялись полкам. Против нашего Юго-Западного фронта в Восточной Галиции было оставлено 26 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Наконец, против левобережной группы 4-й армии (5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий) оставлена равносильная ей группа Войерша.

3 июля группа армий Макензена перешла в наступление. IV австро-венгерская и XI германская армии атаковали нашу 3-ю армию, начав Красновостокское сражение. Бугская и I австро-венгерская армии нажали на 13-ю, где завязалось сражение под Грубешовом.

Под Красновостком 5 июля прусская гвардия разбилась о русскую. Однако Макензену удалось прорвать II Сибирский корпус на стыке 3-й и 13-й армий, и генерал Леш осадил 3-ю

армию назад, несмотря на протесты командира Гвардейского корпуса генерала Безобразова, которому хотелось развить свой успех. IV австро-венгерская армия была отражена по всему фронту. Генерал Леш ликвидировал прорыв во II Сибирском корпусе весьма неумело, вводя резервы пачками.

В Грубешовском сражении с 2 по 8 июля Линзинген не добился каких-либо успехов, разбросав свои силы, и Горбатовский держался семь дней против Бугской и I австро-венгерской армий. За 7 дней армии Макензена продвинулись только на 12 верст, что дает некоторое понятие о поразительной стойкости наших войск.

Генерал Алексеев разгадал план неприятеля. Он сознавал, что одновременно с ударом Макензена между Вислой и Бугом разразится удар Гинденбурга по Наревскому фронту. В предвидении этого он на совещании в Седлеце 24 июня потребовал для своего фронта свободы маневра и снятия непрременной задачи удерживать Варшаву. Ему удалось добиться относительной свободы действий.

24-го же июня 2-я армия получила приказание отступить на Варшавские позиции. 4-й армии надлежало согласовать свой отход со 2-й — наступление Войерша 6 июля ускорило ее отступательный маневр. 1-й армии предписывалось прикрыть всю операцию от более чем вероятного удара с севера. Осовец, Варшава и Ивангород получили приказ считаться только укрепленными позициями. Дни нашего владычества в Польше были сочтены.

30 июня XII германская армия генерала Галльвица под гром ураганного огня 1400 орудий обрушилась на позиции нашей 1-й армии генерала Литвинова, прикрывавшей линию Нарева. Весь удар фон Галльвиц направил на стык между I Сибирским и I Туркестанским корпусами (генералы Плешков и Шейдеман).

По окопам 2-й и 11-й Сибирских дивизий в этот день было выпущено 2000000 снарядов, что достаточно было для испепеления нескольких армий (наша артиллерия смогла ответить 50000 выстрелов). Но 2-я Сибирская дивизия отразила вюртембергский 13-й корпус, а 11-я дивизия в беспримерном бою отбила 6 дивизий 17-го и 11-го корпусов. В боях 30 июня 2 русские дивизии в необычайно трудных условиях сдержали 8,5 германских. Во 2-й Сибирской дивизии от 5-го стрелкового полка, героев Цзинь-Чжоу и Высокой, к концу боя осталось только 150 человек. В 11-й Сибирской дивизии отряд из 7 батальонов и 22 орудий в окопах полевого профиля отразил 33 германских батальона с 256 орудиями. Соверши такие дела не русские войска, а иностранные, о них бы твердил весь мир!

Героическая стойкость этих двух дивизий разбила в прах все расчеты Гинденбурга. Третье Праснышское сражение с 30 июня по 4 июля вместо разгрома всего русского Северо-Западного фронта закончилось лишь отступлением нашей 1-й армии. Был момент — 3 июля, когда немцам уже удалось прорвать фронт под Нерадовой и все казалось потерянным, но 1-я армия была спасена исключительной по героизму и самопожертвованию атакой митавских гусар, поддержанных донцами 14-го полка. Митавцы, заработавшие здесь георгиевский штандарт, лишились своего героя командира полка полковника Вестфалена и 400 гусар.

Несмотря на более чем посредственное, безнадежно пассивное управление штаба 1-й армии, войска вышли из этого исключительно трудного положения с честью и без чрезмерных потерь. Всего в Третьем Праснышском сражении приняло участие 10 германских дивизий (177000 человек) с 1382 орудиями против наших 5,5 пехотных и 3 кавалерийских дивизий (107000 человек) при 377 орудиях. Потери германцев — 199 офицеров, 8872 нижних чина. У нас убыло 391 офицер и 39464 нижних чина (в том числе 16000 нижних чинов при 40 только офицерах, главным образом, раненые, попали в плен). Нами потеряно 12 орудий и 48 пулеметов, что маловато, когда имеют претензию взять в плен сразу шесть армий да еще по рецепту самого Шлиффена. Германская кавалерия 3 июля, по примеру митавских гусар, тоже хотела было атаковать в конном строю, но была принята в штыки, опрокинута и переколота 21-м Туркестанским стрелковым полком, повторившим у Завад подвиг бутырцев и ширванцев под Красном. Мы сохранили за собой всю линию Нарева.

Одновременно с главным ударом XII армии на Прасныш перешла в частичное

наступление в ломжинском направлении и VIII германская армия, которой удалось несколько потеснить наш V армейский корпус 12-й армии.

12-я и 1-я армии (эта последняя, усиленная IV и XXI корпусами) осадили на линию Нарева. 6 июля Ставка, наконец, разрешила генералу Алексееву отвод 2-й и 4-й армий за Вислу. В этот же день группа Войерша сильным ударом прорвала Гренадерский корпус у Илжанки, что побудило генерала Эверта отвести в ускоренном порядке 4-ю армию на правый берег, сохранив, однако, Ивангородский тет-де-пон.

Смертельная опасность, уже более месяца нависшая над 2-й и 4-й армиями, сейчас уже надвинулась вплотную. Участь всей российской вооруженной силы зависела теперь от стойкости 12-й и 1-й армий на севере по Нареву, 3-й и 13-й — на юге у Люблина и Холма. Четирем этим армиям предстояло отразить чудовищный двусторонний охват семи неприятельских армий, в сравнении с которым маневр Аннибала был игрушкой.

Эта решительная операция завязалась 9 июля на юге ударом Макензена на Люблин — Холм и на севере ударом Гинденбурга по Наревскому фронту на Рожаны и Пултуск. Два этих одновременных генеральных сражения и решили кампанию 1915 года.

Направив IV австро-венгерскую армию на стык 4-й и 3-й армий, Макензен обрушился XI германской армией на нашу 3-ю, тогда как Линзинген с Бугской и I австро-венгерской атаковал 13-ю после неудачной попытки выиграть ее левый фланг. В боях с 3 по 5 июля I австро-венгерская армия прорвалась было на Владимир-Волынский, но встречным ударом нашей 13-й армии была отброшена за Буг. По существу, это было скорее усиленной рекогносцировкой. Макензен не назначил сюда, в опаснейшее для нас направление, достаточных сил.

Сражение завязалось 9 июля, и уже на следующий день, 10-го Макензен получил отпор. 3-я и 13-я армии огрызнулись по всему фронту — и весьма чувствительным для германцев образом. У Пясков 19-й пехотный Костромской полк IX армейского корпуса неистовым порывом захватил 17 германских орудий. У Борка, в VI Сибирском корпусе, стрелки 14-го Сибирского полка взяли 9 гаубиц. У Реиовца взято 500 пленных и 6 орудий и на реке Ож — 1000 пленных и 4 орудия. Германская артиллерия платилась за свою дерзость. Все эти дни, пользуясь почти полным молчанием нашей артиллерии, она выезжала сплошь да рядом на 2000 шагов и громила наши линии прямой наводкой. Вслед за тем им пришлось тринадцать дней сдерживать натиск неслыханной силы. Памятны остались Реиовец, Сенница

Королевская, Кулик Верещин, Крупы, Лысая Гора — места, где целые дивизии бросались в штыки и сметались без остатка. Войска Леша и Горбатовского истекали кровью, все время наскакивая на врага, но не оставили в руках его трофеев. Германские сообщения гласят о взятии группой армий Макензена во всех боях у Люблина — Холма 21000 пленных и одного орудия 230. Мы взяли 36 пушек и до 5000 пленных.

17 июля был покинут Люблин, 19-го пал Холм. Генерал Алексеев не считал нужным истощать и без того обескровленные войска в попытках отобрать их обратно. Он отвел 3-ю армию за Вепрж, а 13-ю — за Буг.

Тем временем 4-я армия успешно сдерживала своими левофланговыми корпусами IV австро-венгерскую. Все внимание генерала Эверта было устремлено на содействие 3-й армии под Люблином. Этим воспользовался Войерш и, коротким ударом форсировав 16 июля у Сенно Вислу, утвердился на правом ее берегу. Все попытки правофланговых корпусов Эверта отогнать его за Вислу не увенчались успехом. Не доверяя австрийцам, Войерш поменял местами свои два корпуса ландверный прусский и 12-й австро-венгерский. Удар на Сенно пришелся по стыку XXXVI и XVI корпусов, и безуспешные контратаки стоили этому последнему больших потерь.

Пока в 4-й, 3-й и 13-й армиях разыгрывались эти бои, Наревский фронт тоже переживал критические дни. В ночь на 10 июля VIII германская армия яростно атаковала Рожанский тет-де-пон — и эта атака послужила сигналом для общего сражения на фронте 140 верст от Осовца до Новогеоргиевска.

Оба наших фланга (правый — 12-я и левый — 1-я) упирались в означенные крепости, и

немцам оставалось штурмовать линию Нарева в лоб. Задача эта оказалась непосильной для войск Шольца и Галльвица, несмотря на двойное их превосходство в числе пехотных дивизий и пятерное в артиллерии.

Пользуясь мелководьем Нарева, VIII германская армия форсировала его в нескольких местах. 12 июля армии Галльвица удалось овладеть Пултуском, но XXI армейский корпус контратаками воспрепятствовал распространению ее на левом берегу.

Чтение германских источников вызывает у нас справедливую гордость. Немецкие авторы подчеркивают беспредельную самоотверженность и непревзойденную храбрость всех здесь участвовавших русских войск, руководимых к тому же с большим искусством. 9 июля под Пултуском дрогнул 117-й пехотный Ярославский полк. Тогда временно командовавший 40-й пехотной дивизией генерал Ельшин верхом подъехал к заколебавшимся ярославцам, собрал полк в резервную колонну и под ураганным огнем немецкой артиллерии произвел полку скобелевское учение. Характерна поэтому и переоценка наших сил.

Контрнаступление 13 июля, веденное XXI армейским корпусом генерала Шкинского совместно с частями IV армейского корпуса и остатками сибиряков, расценивается солидным трудом генерала Шварте, как произведенное по меньшей мере восемью корпусами, когда у нас там не было и 5 дивизий! Другие немецкие авторы говорят даже о 20 русских дивизиях. В июльских боях по Нареву наши 12-я и 1-я армии лишились до 150000 человек. По немецким сведениям, трофеи VIII и XII армий составили 270 офицеров и 75000 нижних чинов пленными, главным образом, раненых 231. Мы потеряли 60 орудий и 130 пулеметов.

В то же время жестокое побоище шло на стыке 12-й и 1-й армий у Рожан, где IV Сибирский корпус отражал яростные атаки армии Шольца. 18 июля VIII германской армии удалось потеснить нашу 12-ю и захватить Рожаны, но все ее атаки от Ломжи до Остроленки были отражены I и V армейскими корпусами. 18 июля фронт IV Сибирского корпуса был прорван у Тсиска, но положение восстановлено конной атакой 1-й отдельной кавалерийской бригады — архангелогородских драгун и иркутских гусар.

Положение 12-й нашей армии, несмотря на потерю Рожан и огромный урон в IV Сибирском корпусе, было вполне устойчивым. Хуже обстояли дела под Пултуском в 1-й армии, где генерал Литвинов был настроен весьма пессимистически. Генерал Алексеев предписывал 1-й армии проявить предельное упорство для того, чтобы дать возможность 2-й отойти за Вислу. На наше счастье, XII германская армия не наседала: фельдмаршал Гинденбург, не сочувствовавший, как мы знаем, Наревской операции, держал фон Галльвица накоротке и не дал ему средств развить успех. Обе германские армии, форсировав в нескольких местах Нарева, оказались не в состоянии продолжать операцию за Наревом на сообщения Северо-Западного фронта. Германский план по Шлиффену потерпел полное крушение. Вывод русских армий из польского мешка был обеспечен, хоть и куплен дорогой ценою.

Эвакуация Передового театра шла весь июль месяц. Возникал вопрос: что эвакуировать в первую очередь — Варшаву или Новогеоргиевск? Ставка высказалась за разгрузку в первую очередь Варшавы, не представлявшей между тем никакого стратегического значения. Ценнейшие военные материалы и запасы Новогеоргиевска оставлялись на произвол судьбы. Железнодорожные пути были забиты, подвижного состава не хватало. Из варшавских дворцов и музеев стали вывозить картины, статуэтки, гобелены, шляхетские архивы Речи Посполитой. А рядом, в Новогеоргиевске, оставлялось 1100 орудий, огромные запасы — свыше миллиона снарядов, и это в то время, когда на фронте каждый патрон был на счету.

21 июля войска 2-й армии тронулись с Варшавских позиций. 22-го был оставлен Ивангород — на левом берегу Вислы не осталось ни одного русского солдата. А 23 июля при звуках гимна Еще Польша не сгинела полки IX германской армии Леопольда Баварского вступили в покинутую русскими Варшаву.

* * *

В первой половине июля весь Северо-Западный фронт содрогался от бешеных ударов неприятельских армий — содрогался, но держался.

Одновременно с ударом VIII и XII армий на Нарев фельдмаршал Гинденбург повел вспомогательную операцию в Курляндии. Результатом явилось сражение под Шавлями между Неманской армией генерала фон Белова и нашей 5-й армией генерала Плеве.

Шавельское сражение началось 1 июля. Первоначальный германский удар по нашему правому крылу — на Митаву — был отражен, но 7 июля перешла в наступление южная группа неприятеля, форсировав Дубиссу и овладев Шавлями. В последовавших боях левое крыло 5-й армии было обойдено, и неприятель вклинился между 5-й и 10-й армиями в поневежском направлении. Заняв 14 июля Поневеж, фон Белов смог бы идти на Вильно, в тыл 10-й армии и всему Северо-Западному фронту — войск у нас здесь почти не было. Но германский генерал предпочел менее рискованное митавское направление. 2 августа Неманская армия заняла Митаву и оккупировала почти всю Курляндию.

В Шавельском сражении участвовало с немецкой стороны 7,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий — 115000 человек и 600 орудий (1-й резервный, 39-й резервный, 1-й кавалерийский корпуса и несколько групп). У нас в 5-й армии 7,5 пехотных и 7,5 кавалерийских дивизий слабого состава — 107000 человек и 365 орудий (VII Сибирский корпус генерала Сулимова, только что образованный, XIX — генерала Долгова, III — генерала Зегелова и XXXVII — генерала Лисовского).

Обе армии — и русская и германская — составили по две группы в 50 верстах одна от другой — у Митавы и Шавлей. Прикрывавший Митаву VII Сибирский корпус, наспех сколоченный из необученных и плохо вооруженных людей, понес огромные потери. Положение здесь спасли кавказские стрелки 1-й бригады лихой ночной (на 5 июля) атакой, во время которой взято было 500 пленных, 2 орудия и 7 пулеметов. В боях вокруг Шавлей фон Белов пытался окружить III корпус, но безуспешно — он действовал медленно и чрезвычайно осмотрительно. В поневежских боях был приведен в расстройство XXXVII армейский корпус.

Наши потери во всю эту операцию — до 50000 человек, из коих 24000, включая сюда и раненых, взято в плен. Немцы взяли 23 орудия и 40 пулеметов. Их потери невелики и не должны превышать 8000 — 10000 человек. Обращает на себя внимание быстрота, с которой энергичный Плеве схватывал обстановку и принимал решения. Для принятия всех мер по парированию удара на Митаву потребовалось всего три часа. У Рузского на это ушло бы не менее пяти дней (вспомним Лодзь).

Генерала Алексеева эти неудачи вначале не беспокоили. Поневежское направление лежало в стороне от главного и опаснейшего германского удара, а волевой Плеве выходил с честью и не из таких положений. Дальнейший оборот дел встревожил, однако, русского военачальника, показав слабость и необеспеченность армий правого крыла.

С благополучной эвакуацией Передового театра и минованием кризиса на Нареве и Буге помыслы генерала Алексеева обратились на север. В двадцатых числах июля он отправил в Виленский район 3 дивизии и в дальнейшем проектировал перебросить туда 2-ю армию, с тем, чтобы, сосредоточив у Ковно Вильно сильный маневренный кулак, повести встречный удар во фланг наступающим германским армиям.

* * *

Отходя с Вислы, штабу Северо-Западного фронта пришлось решить вопрос: как поступить с сильнейшей крепостью России — Новогеоргиевском? Армиям предстоял далекий отход, о выручке крепости в дальнейшем не могло быть и речи — ее гарнизон был обречен на гибель.

Полководец не колебался бы: уничтожив верки и запасы, он вывел бы из ставшей бесполезной крепости гарнизон, сохранил бы живую силу. К сожалению, у генерала Алексеева не хватило силы духа на это полководческое решение. Положив защищать потерявшую, с отходом 1-й и 2-й армий, всякое значение крепость, штаб Северо-Западного фронта запер в ней на верную и бессмысленную гибель без малого 100000 войск. Опыт

Перемышля, где на глазах того же Алексеева погибла зря запертая армия Кусманека, совершенно не пошел впрок бывшему начальнику штаба юго-западных армий.

Решив в последнюю минуту защищать Новогеоргиевск, генерал Алексеев в последнюю же минуту целиком переменял состав гарнизона, нисколько не заботясь о том, что позиции (да еще крепостные) лучше защищают те войска, которые их знают. Ему стало жалко оставлять на гибель XXVII корпус, в совершенстве успевший изучить за 11 месяцев — с самого начала войны — местность и крепость, и он заменил эти отличные войска только что сформированными ополченскими пехотными дивизиями — 118-й пехотной дивизии в Новогеоргиевске не было, а была 114-я, там же и погибшая; 118-я пехотная дивизия в продолжение войны охраняла Балтийское побережье и была разгромлена у Моона в октябре 1917 года; была еще 119-я пехотная дивизия (обе дивизии, полки которых не успели еще даже получить имен, а люди имели берданки) — и прибывшими с Юго-Западного фронта 58-й и 63-й дивизиями (где пополнения не были еще распределены по полкам).

Заперев всю эту огромную толпу в обреченную крепость, штаб Северо-Западного фронта дарил Гинденбургу целую армию и преподносил немцам ключи крепости на золотом блюде.

Германское командование направило под Новогеоргиевск группу генерала Безелера²³², победителя Антверпена (17-й резервный корпус и ландвер — всего 4 дивизии при 400 тяжелых орудиях калибра от 15 сантиметров до 42). Сбив войска гарнизона с передовых позиций у Дембе и Зегра, генерал фон Безелер 27 июля обложил крепость и 31-го отбросил защитников на линию фортов. 1 августа по всему северо-восточному фронту крепости был открыт адский огонь и поведена ускоренная атака. 3 августа начались атаки на северо-восточный фронт крепости — форты XV и XVI.

Гарнизон, не знавший крепости, которую ему вдруг пришлось защищать, оказывал вялое сопротивление, ополченцы не выказали никакой стойкости. Все же захват немцами нескольких укреплений не мог оказать особенного влияния на оборону всей крепости: она была построена по системе групп фортов, и каждая группа в оборонительном отношении представляла самостоятельное целое, как бы крепость в крепости. Однако на войне все дело решает дух, а его-то в Новогеоргиевске как раз и не было.

6 августа потерявший голову комендант крепости — презренный генерал Бобырь — перебежал к неприятелю и, уже сидя в германском плену, приказал сдаться державшейся еще крепости. В огромном гарнизоне не нашлось ни генерала Кондратенки, ни майора Штоквича, ни капитана Лико... И утром 7 августа прусский ландвер погнал человеческое стадо в бесславный плен. Численность гарнизона Новогеоргиевска равнялась 86000 человек. Около 3000 было убито, а 83000 (из них 7000 раненых) сдалось, в том числе 23 генерала и 2100 офицеров. Знамена гарнизона благополучно доставлены в Действующую армию летчиками. В крепости потеряно 1096 крепостных и 108 полевых орудий, всего 1204. Торопясь капитулировать, забыли привести в негодность большую часть орудий. Германцы экипировали этими пушками свой Эльзасско-Лотарингский фронт, а французы, выиграв войну, выставили эти русские орудия в Париже, на Эспланаде инвалидов, на поругание своих бывших братьев по оружию.

Огромная крепость держалась только 10 дней и не принесла пользы нашим армиям. История отнесется с презрением к ее коменданту и всем начальствовавшим лицам и строго осудит главного виновника этой позорной страницы нашей истории — главнокомандовавшего Северо-Западным фронтом. Трудно сказать, чем руководствовался генерал Алексеев, предпринимая эту бессмысленную операцию. Вероятнее всего, он желал отвлечь под крепость возможно большее количество неприятельских войск. В таком случае, он плохо знал врага.

Если штаб нашего Юго-Западного фронта (Иванов и Алексеев) предпочел в сентябре 1914 года отказаться от победы над Австро-Венгрией ради обложения географического объекта — Перемышля, то германская военная доктрина от подобного рода жалких предрассудков была свободна. Защита Новогеоргиевска по малой стойкости войск гарнизона

напоминает оборону Мобежа, с той только разницей, что поведение коменданта генерала Фурнье — плохого тактика, но честного офицера — было куда более достойным, а крепость своей кратковременной защитой отвлекла на себя целый германский корпус в критические дни на Марне.

* * *

24 июля, на другой день по оставлении Варшавы, в Ровно происходило совещание главнокомандующих. Ставка была чрезвычайно подавлена и расстроена. Деморализован был и генерал Иванов, фронту которого между тем серьезной опасности не угрожало. Было решено начать укрепление линии Днепра. Генерал Алексеев рассчитывал, как мы видели, собрать в ковенском направлении маневренный кулак, но плану этому не суждено было осуществиться. 26 июля перешла в наступление X германская армия генерала Эйхгорна, нанеся удар 40-м резервным и 21-м армейским корпусами по XXXIV армейскому корпусу нашей 10-й армии, прикрывавшему Ковно.

Эйхгорн штурмовал 28-го Ковенские позиции, но был отбит. 1 августа он повторил атаку и 3-го прорвал линию фортов. Позорное поведение коменданта, генерала Григорьева, бросившего вверенную ему крепость на произвол судьбы, привело к безначалию и разрозненности контратак, без труда отраженных немцами. 5 августа — одновременно с падением Новогеоргиевска — было оставлено Ковно. Линия Нижнего Немана пала — и задуманный генералом Алексеевым маневр был сорван.

Атакой Ковно руководил герой Брезин генерал фон Лицманн, командир 40-го резервного корпуса. Она напоминает атаку Льежа — прорыв линии фортов и захват города и цитадели в тылу. Ковно защищали Пограничная пехотная и 124-я пехотная дивизии и 102-я ополченская бригада. Гарнизон этот был лишь отчасти поддержан XXXIV армейским корпусом генерала Вебеля (бригада 104-й пехотной дивизии). Мы потеряли 20000 пленными и 450 орудий на верках крепости. Генерал Григорьев бежал (как он сам пытался оправдаться, за подкреплениями). Он был судим и по преступному мягкосердечию суда приговорен только к 15 годам крепости.

Одновременно с фланговым ударом X германской армии на Ковно IX армия и группа Вейерша нажали с фронта. 8 августа Гренадерский и XVI корпуса были сбиты, и 4-я армия отошла от Седлеца на Грабовец. В то же время был потеснен и наш XXI армейский корпус 1-й армии. 9 августа была оставлена линия реки Бобра и покинут Осовец, о стойкость коего трижды разбивались германские армии. В этот день русские армии благополучно вышли из польского мешка. Угроза с Нарева исчезла, фронтальный же удар армий Шольца и Галльвица не представлял большой опасности.

13 августа генерал Алексеев предписал общий отход на линию Средний Неман Гродно — Кобрин. 3-я армия, имевшая в первых числах августа упорнейшие бои у Влодавы, эвакуировала Брест-Литовск. Все Царство Польское было уже отдано врагу, и сейчас мы начинали уже терять Литву.

У Влодавы особенно жаркие бои шли 3 августа во II Кавказском корпусе. В последовавших затем боях Кавказская Гренадерская дивизия прорвалась из окружения в гродненских лесах. Крепость Брест-Литовск являла картину полного запустения с кирпичными верками, заросшими травой и кустами. Она, по свидетельству генерала Б. В. Геруа (тогда командовавшего Лейб-Гвардии Измайловским полком), производила впечатление заброшенной помещичьей усадьбы.

Было приступлено к перегруппировке всех наших армий. 13-я армия упразднялась. Ее корпуса переходили в 3-ю, а управление во главе с генералом Горбатовским перебрасывалось на крайний правый фланг фронта в Курляндию и образовывало новую 12-ю армию из части сил 5-й армии и резервов. Прежняя 12-я армия генерала Чурина вливалась в 1-ю, а эта последняя большую часть своих войск передавала во 2-ю армию.

Наконец, на 17 августа было назначено создание нового фронта — Западного из 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армий под общим начальством генерала Алексеева. Три северные армии — 12-я, 5-я и 10-я — должны были остаться в составе Северо-Западного фронта. В ожидании

выздоровления все еще болевшего генерала Рузского они были объединены под общим руководством генерала Плеве, передавшего 5-ю армию генералу Гурко.

16 августа XI германская и Бугская армии обрушились на нашу 3-ю армию. Ковель и Владимир-Волынский были потеряны. 3-я армия была отброшена в Полесье, и ее отход повлек за собой отступление остальных армий Западного фронта. 1-я армия эвакуировала Белосток, а 2-я — Гродно после жестоких боев I армейского корпуса с 20 по 21 августа с VIII германской армией. Линия Немана — Буга пала.

В результате всех этих неудач Ставка потеряла дух. Растерявшись, она стала принимать решения, явно несообразные. Одно из них — непродуманная эвакуация населения западных областей в глубь России — стоило стране сотен тысяч жизней и превратило военную неудачу в сильнейшее народное бедствие.

Ставка надеялась этим мероприятием создать атмосферу 1812 года, но добилась как раз противоположных результатов. По дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния людей. Они загромаждали и забивали редкие здесь дороги, смешивались с войсками, деморализуя их и внося беспорядок. Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и о их пропитании.

Организации Красного Креста и земско-городские союзы спасли от верной голодной смерти сотни тысяч этих несчастных. Множество, особенно детей, погибло от холеры и тифа. Уцелевших, превращенных в деклассированный пролетариат, везли в глубь России. Один из источников пополнения будущей красной гвардии был готов.

Прежнее упорство — Ни шагу назад! — сменилось как-то сразу другой крайностью — отступать куда глаза глядят. Великий князь не надеялся больше остановить врага западнее Днепра. Ставка предписывала сооружать позиции за Тулой и Курском.

Аппарат Ставки начал давать перебои. В конце июля стало замечаться, а в середине августа и окончательно выяснилось, что она не в силах больше управлять событиями. В грандиозном отступлении чувствовалось отсутствие общей руководящей идеи. Войска были предоставлены самим себе. Они все время несли огромные потери — особенно 3-я армия — и в значительной мере утратили стойкость. Разгромленные корпуса Западного фронта брели прямо перед собой. Врагу были оставлены важнейшие рокадные линии театра войны, первостепенные железнодорожные узлы: Ковель, Барановичи, Лида, Лунинец.

Предел моральной упругости войск был достигнут и далеко перейден. Удару по одной дивизии стало достаточно, чтобы вызвать отступление всей армии, а по откатившейся армии сейчас же равнялись остальные. Истощенные физически и морально бойцы, утратив веру в свои силы, начинали сдаваться десятками тысяч. Если июнь месяц был месяцем кровавых потерь, то август 1915 года можно назвать месяцем массовых сдач.

На Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил ее Царь.

Император Николай Александрович принял решение стать во главе армии. Это было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь.

История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения победы. Но она никогда еще не встречала венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только тернии.

Государь не строил никаких иллюзий. Он отдавал себе отчет в своей неподготовленности военной и ближайшим своим сотрудником и фактическим главнокомандующим пригласил наиболее выдающегося деятеля этой войны генерала Алексеева, только что благополучно выведшего восемь армий из угрожавшего им окружения.

23 августа произошла смена Верховных. Великий князь был назначен наместником-главнокомандующим на Кавказ и увез с собой генерала Янушкевича. Главномкомандующим Западным фронтом вместо генерала Алексеева сделан командующий 4-й армией генерал Эверт. 4-ю армию принял командир XXV армейского корпуса генерал Рагоза²³³, а освободившийся этот корпус дали генералу Ю. Данилову. На место этого последнего генерал-квартирмейстером Ставки был назначен генерал Пустовойтенко²³⁴ (генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта) — деятель совершенно бесцветный. Можно без преувеличения сказать, что генерал Алексеев — человек необыкновенной трудоспособности — совместил в себе сразу три должности: Верховного главнокомандующего, начальника штаба и генерал-квартирмейстера Ставки.

Уход великого князя и вступление Государя в верховное командование вызвали чрезвычайное возбуждение в политических кругах, не отдававших себе отчета в причинах. Событие это хотели оценивать исключительно с точки зрения политических интриг. В нем желали видеть только победу ненавистной Императрицы и влияние Распутина, имя которого в ореоле гнуснейших и нелепейших легенд успело уже стать всероссийским жупелом. Общество и общественность отнеслись к перемене несочувственно. После кратковременного патриотического подъема начала войны верх снова стали брать упадочные настроения, и внимание общественности все больше стало переключаться с внешнего фронта на фронт внутренний.

Всецело поглощенная своим великим делом, армия отнеслась к смене Верховных скорее безучастно — без сожаления, но и без энтузиазма. Ставка была из Барановичей перенесена в Могилев.

* * *

26 августа была отправлена первая директива новой Ставки, требовавшая прекращения отхода и запрещающая спешку. Директива эта оказала самое благотворное влияние на войска, почувствовавшие, что ими, наконец, управляют.

Все внимание генерала Алексеева было устремлено на Северо-Западный фронт, где в 20-х числах августа обстановка стала складываться чрезвычайно угрожающе.

Наши 12-я и 5-я армии прикрывали пути к Риге и Двинску. Вильно прикрывала 10-я армия, непосредственно подчиненная Ставке; отличный командир корпуса, генерал Радкевич чувствовал себя неуверенно во главе армии и нуждался в менторе. Армия эта еще в середине августа была усилена II Кавказским корпусом и имела ряд арьергардных дел у Мейшаголы и Новых Трок. 17 августа близ Мейшаголы финляндские стрелки взяли 5 орудий.

В Виленском районе стали обнаруживаться признаки скорого наступления противника: фельдмаршал Гинденбург намеревался в последний раз попытаться уничтожить все время ускользавшие русские армии. Генерал Алексеев немедленно принял решительные меры к парированию этого удара. Сняв шесть корпусов (XIV, XXVI, XXVII, V, XXIX и IV Сибирский) из состава различных армий, он направил их под Вильно с целью образовать маневренный кулак — новую 2-ю армию генерала Смирнова в районе Молодечно. Войска прежней 2-й армии распределились между 1-й и 4-й армиями. Одновременно 10-я армия была усилена гвардией и XXIII армейским корпусом.

30 августа началось Виленское сражение. X германская армия генерала Эйхгорна ударом на стык между 5-й и 10-й армиями прорвала наш фронт у Новосвенцяна. На левом фланге 5-й армии был сбит III армейский корпус, тогда как правое крыло 10-й армии — гвардия, III Сибирский и XXIII армейский корпуса — в последующие дни шаг за шагом было оттеснено за реку Вилию и глубоко охвачено. 3 сентября пало Вильно, а собранная на ударном левом фланге X германской армии конная группа генерала фон Гарнье²³⁵ (5 кавалерийских дивизий) бросилась от Свенцяна нам в тыл. Этот свенцянский прорыв побудил левое крыло 5-й армии к поспешному отходу на Двину. Разгромив тылы III корпуса, фон Гарнье устремился в тыл 10-й армии и произвел здесь большой переполох.

В 5 германских кавалерийских дивизиях было не свыше 7000 сабель (полки в 2 эскадрона, эскадроны в 50–80 сабель). Фон Гарнье (один из лучших германских

кавалерийских начальников, опрокинувший со своей дивизией на Урке весь французский конный корпус генерала Сордэ — 3 дивизии) захватил с собой батарею 8-дюймовых мортир, стрельба из которых и огромные разрывы снарядов на глинистой почве производили панику в наших обозах и среди обслуживавших их ополченцев. 8-й конноегерский вестфальский полк прервал железнодорожную линию Минск — Смоленск и дошел до города Борисова.

Охватившая нашу 10-ю армию X германская армия наткнулась за Вилией на сильные русские резервы. Это были корпуса не успевшей еще собраться нашей 2-й армии, которой генерал Алексеев предписал заполнить разрыв между 5-й и 10-й армиями, атакуя на Сморгонь. В районе Свенцяна образовалось смешение войск наподобие лодзинского. Наша 10-я армия, переменившая фронт на север, играла роль армии Шейдемана. Хаотически наступавшая 2-я армия — роль Ловичского отряда. I же конный корпус генерала Орановского оказался хранителем бездарных заветов Новикова и Шарпантье. Неприятельская конница, разгромив наши тылы и проникнув отдельными частями безнаказанно на 200 верст в глубь нашего расположения, смогла благополучно отойти к своей армии. Одна лишь 1-я кавалерийская дивизия не успела проскочить вовремя и была сильно потрепана в Свенцянах нашей пехотой.

Германское командование напрягло все усилия, чтоб нанести у Вильно решительный удар, не удавшийся в июле на Нареве и в августе у Ковно. Фельдмаршал Гинденбург предписал Неманской армии фон Белова сковать энергичной демонстрацией на Двинск нашу 5-ю армию Северо-Западного фронта, а X армии развить свой прорыв и уничтожить русскую 10-ю армию.

Демонстрация Неманской армии удалась вполне. Вступивший уже в командование Северо-Западным фронтом малодушнейший из военачальников, генерал Рузский, охваченный паникой, заставил Алексеева ослабить Виленский фронт в критическую минуту отправкой на Двинский фронт двух корпусов — XXIX и XXI. Наша 6-я армия, приведенная в порядок энергичным генералом Гурко на левобережном плацдарме Двинского фронта, с успехом отразила все атаки фон Белова и вынудила его отступить по всему фронту. Но генерал Рузский, уже видя отступление неприятеля, не посмел его преследовать. Он задержал 5-ю армию и продолжал взывать о подкреплениях. Все это побудило генерала Алексеева сформировать в районе Полоцка новую 1-ю армию генерала Литвинова из XX, I Сибирского, II Сибирского и XXI армейского корпусов и включить ее в состав Северо-Западного фронта. Корпуса прежней 1-й армии распределились между 10-й и 4-й.

С 10 по 18 сентября на Вилейке и у Нарочи разыгралось последнее действие Виленского сражения. X германская армия была отражена по всему фронту нашей 2-й армией и правым крылом 10-й и начала отход, местами беспорядочный. С нашей стороны удачно действовал на Вилейке XIV армейский корпус, взявший в боях 10 сентября 20 орудий (11 — 18-й и 9 — 45-й пехотными дивизиями). В ночь на 18 сентября в V армейском корпусе блестящее дело имел 26-й Могилевский пехотный полк подполковника Петрова. Перейдя вброд реку Нарочь, полк этот (в составе всего 8 офицеров и 359 штыков) пробрался германцам в тыл и внезапной атакой захватил 16 орудий. Всего в Виленском сражении наши трофеи составили 2000 пленных, 39 орудий и 45 пулеметов²³⁶. Отсутствие полководца воспрепятствовало преследованию и полному поражению неприятеля.

Виленским сражением закончился маневренный период на Восточном театре Мировой войны. Истощив свои силы, обе стороны стали зарываться в землю. В начале октября бои местного значения шли в 1-й армии, особенно упорные в XXI корпусе при озере Свентен. У озера Свентен нами взято свыше 1000 пленных. 2-я армия окопалась в озерно-болотистом районе Нарочи, 10-я — у Крево и Сморгони, 4-я — к востоку от Барановичей и 3-я — в Полесье, по Шаре и Огинскому каналу. Здесь у Логишина (на Огинском канале) 10 сентября и у Миничей в ночь на 8 октября X армейский и III Кавказский корпуса имели удачные дела, потрепав бывшую Бугскую армию — группу генерала Гронау²³⁸. У Миничей и Нагорни в ночь на 8 октября захвачено 85 офицеров, 3552 нижних чина, 1 орудие и 10 пулеметов.

В первых числах октября Северо-Западный и Западный фронты затихли.

Пока к северу от Припяти разыгрывалась тяжелая драма русского оружия великий отход с Вислы и Немана на Западную Двину, к югу от Полесья все лето положение оставалось прочным. Гроза, в апреле поразившая Юго-Западный фронт, в конце июня промчалась на север. Три армии генерала Иванова, выйдя из-под главного удара, укрепили свое положение.

8-я армия — XII, VIII, XVII и VII армейские корпуса — успешно держалась против части I и всей II австро-венгерской армий в районе Сокаля. 11-я армия VI, XVIII и XXII корпуса — медленно отходила с Золотой Липы на Стрыпу перед Южной германской. 9-я армия — XI, XXXIII, XXXII и XXX армейские корпуса удерживали фронт от Днестра до румынской границы.

Ставка могла бы содействовать Северо-Западному фронту энергичными операциями юго-западных армий, восстановивших силы и средства. Однако она до этого не додумалась и предпочла пользоваться войсками генерала Иванова, как резервуаром, перебросив оттуда с начала июля и по середину августа 13,5 пехотных дивизий. Кроме того, Ставка 18 июля распорядилась перебросить с Юго-Западного фронта 120 наиболее сохранившихся рот, то есть эквивалент 2 дивизиям, на пополнение убыли в 5-й армии после Шавельского сражения. Этим, типично кабинетным распоряжением, не считающимся совершенно с жизнью военного организма, был расстроен ряд полков. Северо-Западному фронту эти бросаемые пачками подкрепления особенной помощи не принесли, а наступательная способность Юго-Западного фронта была сильно скомпрометирована. Причину этого недомыслия, чрезвычайно характерного для русских военных деятелей начала XX века (драгомировсколееровской формации), следует искать в пренебрежении синтетическим мышлением, откуда полное неумение смотреть на дело в целом, как учил Румянцев.

Июль месяц прошел в Галиции в боях местного значения, зачастую весьма жарких, особенно в 8-й армии у Сокаля. В начале августа наступило затишье, оказавшееся, однако, кратковременным.

Организуя удар армиями принца Леопольда по нашей 4-й армии и армиями Макензена по нашей 3-й армии от Бреста к Барановичам, австро-германское командование решило сковать наш Юго-Западный фронт наступлением своих галицийских армий. 14 августа I австро-венгерская армия повела наступление от Луцка в обход правого фланга 8-й армии, тогда как II армия нажала по ее фронту от Зборова, направив удар на наш VIII армейский корпус. Одновременно Южная германская армия повела наступление на нашу 11-ю армию.

Положение на угрожаемом правом фланге 8-й армии спасли Железные стрелки и новосформированный XXXIX армейский корпус генерала Стельницкого. XXXIX корпус — 100-я и 105-я пехотные дивизии, — только что сформированный, сосредотачивался буквально побатальонно, и для прочности генерал Брусилов включил в его состав 4-ю стрелковую дивизию, незадолго до того развернутую из бригады. Бем Ермоли был остановлен, а Пухалло отражен.

В то же время 11-я армия коротким, но могучим ударом 17 августа у Збаража пригвоздила к месту армию Ботмера. Тем не менее генерал Щербачев отвел свои войска на Стрыпу, где получил распоряжение генерала Иванова отступать на Серет. Трофеями 11-й армии за дела 17 августа было 3000 пленных, 30 орудий и 24 пулемета. Следует отметить конную атаку барона Рекке с 5-м Заамурским полком, захватившего у Мшанца 6 орудий.

Произведя перегруппировку, фельдмаршал Конрад сосредоточил против 12 дивизий нашей 8-й армии 22 дивизии своих I и II армий. В результате упорного сражения на реке Горыни с 23 по 26 августа генерал Брусилов отвел свое правое крыло и центр — XXXIX, XII и VIII корпуса — за эту реку.

Штаб Юго-Западного фронта направил в 8-ю армию из 9-й армии XXX армейский корпус генерала Заиончковского и предписал 11-й и 9-й армиям перейти в энергичное наступление для выручки 8-й.

25 августа 11-я армия перешла в наступление от Серета на Стрыпу. Операция закончилась полным поражением Южной германской армии. С 25 по 30 августа войсками

11-й армии было взято 609 офицеров, 35435 нижних чинов, 34 орудия и 126 пулеметов. Особенно успешно действовал XXII армейский корпус (1-я и 3-я Финляндские стрелковые дивизии), где 3-й Финляндский стрелковый полк блестящей атакой захватил 30 орудий (в том числе батарею 12-дюймовых гаубиц), из коих 12 вывез, а остальные привел в негодность. В XVIII армейском корпусе 147-й пехотный Самарский полк перешел Стрыпу по горло в воде под ураганным огнем неприятеля и захватил 4-орудийную батарею.

29-го числа атаковала 9-я армия, имея ряд тактических успехов над армией Пфланцера. 30 августа у Дзвиняче заамурцами XXXIII армейского корпуса взято 35 офицеров, 2700 нижних чинов и 4 пулемета.

Одновременно огрызнулась и 8-я армия, нанеся поражение Пухалло при Дубне и Бем Ермоли при Вишневце. При Вишневце 31 августа и 1 сентября войсками VIII корпуса (14-я пехотная дивизия) взято 160 офицеров, 9200 нижних чинов, 7 орудий и 26 пулеметов. 1 сентября в Дубненских садах XVII корпус захватил 57 офицеров, 2593 нижних чина, 1 орудие и 7 пулеметов. 2 сентября у Деражно в XII корпусе подошедшая из XXX корпуса 71-я пехотная дивизия взяла 5200 пленными, причем 282-й пехотный Александрийский полк (развернут из 134-го Феодосийского) с боя взял знамя 8-го пехотного австро-венгерского полка.

Так, в результате десятидневного сражения с 25 августа по 3 сентября положение было полностью восстановлено на всем 400-верстном фронте. Трофеями было 71000 пленных и 43 орудия. Преследование неприятеля велось в 11-й и 9-й армиях накоротке, и войска в первых числах сентября были отведены в исходное положение.

В 8-й армии генерал Брусилов решил развить успех занятием Луцка. Он направил XXX корпус на правое крыло для обхода Луцка с севера, а XXXIX назначил для фронтального удара. 10 сентября Луцк был взят. Генерал Брусилов подействовал на самолюбие Железных стрелков, заявив, что, если они не смогут взять Луцка, его возьмет XXX корпус. Неистовым порывом 4-я стрелковая дивизия ворвалась в Луцк, причем генерал Деникин въехал в город на автомобиле с передовой цепью. Наши трофеи: 128 офицеров, 6000 нижних чинов, 3 орудия и 30 пулеметов. Фельдмаршал Линзинген двинул тогда от Ковеля группу генерала Герока (24-й германский корпус — 5 дивизий) во фланг и в тыл. Неудачные директивы генерала Иванова, вздумавшего было распоряжаться корпусами через голову генерала Брусилова, привели 12 сентября к ряду неуспешных столкновений, в результате которых Луцк был снова потерян.

Генерал Иванов распорядился отвести XXXIX корпус за одну ночь на 50 верст назад, XXX корпус спрятать в лесу (как будто речь шла о какой-нибудь роте) и оттуда ударить неприятелю во фланг. В это совершенно бессмысленное, но категорическое распоряжение штаб 8-й армии пытался ввести коррективы, но конечной неудачи предотвратить не смог. 13-й стрелковый полк Железной дивизии был отрезан, два дня находился в окружении и прорвался 15 сентября сквозь неприятельскую дивизию, выведя 2000 пленных и пушку. Полком командовал полковник Марков, впоследствии известный герой Добровольческой армии.

Луцкая операция имела большое психологическое значение: она заставила генерала Брусилова чрезвычайно переоценить важность ковельского направления. Весь сентябрь и октябрь в Полесье, на Волыни и в Галиции шли крупные бои местного характера.

В 8-й армии, на правом ее фланге, спешенная конница IV конного корпуса генерала Гилленшмидта имела необычайно упорное дело с германцами 13 сентября при Железнице. Железницу брали казаки 2-й Сводной дивизии генерала Краснова. Деревня сгорела, и с ней сгорел заживо не пожелавший сдаться германский батальон, повторив подвиг наших азовцев под Яновом в Галицийской битве. Взято 4 пулемета и только 2 пленных. В центре VIII армейский корпус имел удачные бои 11 сентября на реке Хорупани и 24-го у Клевани. На Хорупани 14-я пехотная дивизия захватила 62 офицера, 2878 нижних чинов и 9 пулеметов. В делах при Клевани взято еще 3300 пленных.

7 октября в IX корпусе генерал Елыпин с 42-й пехотной дивизией внезапным ударом,

отказавшись от долговременной подготовкой, разгромил 12-й австро-венгерский корпус, защищавший подступы к Барановичам.

5 октября на Средней Стрыпе образованный из стрелков XI армейский корпус коротким ударом взял Чарторыйск.

Чарторыйском овладели Железные стрелки генерала Деникина, причем особенно отличился 16-й стрелковый полк. Был взят целиком восточнопруссский 1-й гренадерский кронпринца полк. Трофеями дел 5 и 6 октября были 138 офицеров, 6100 нижних чинов, 9 орудий и 40 пулеметов. Под Чарторыйском была совершенно истреблена восточнопрусская 1-я пехотная дивизия. Все штабы, тылы и артиллерия противника могли стать нашей легкой добычей. догадайся Брусилов бросить в прорыв хоть бригаду конницы. Бои здесь шли весь октябрь, то затихая, то разгораясь снова. Одновременно на стыке 8-й армии с 11-й наши VII и VI армейские корпуса имели с 8 по 10 октября ряд удачных дел к северу от Тарнополя, у Ново-Алексинца.

20 — 22 октября 11-я армия, усиленная XVII и VII корпусами, вела успешные бои на Нижней Стрыпе и у Борканувского леса. В боях при Ново-Алексинце наши трофеи составили 148 офицеров, 7500 нижних чинов, 2 орудия и 35 пулеметов. На Нижней Стрыпе 18 и 19 октября взято 80 офицеров, 3500 нижних чинов. В делах с 20 по 22 октября наш VII армейский корпус генерала Экка захватил 285 офицеров, 14 590 нижних чинов, 2 орудия, 8 минометов и 48 пулеметов.

В 8-й армии части XXX армейского корпуса и IV конного корпуса имели удачное дело у Костюхновки, а 27-го в XI корпусе Железные стрелки расширили у Будки Чарторыйский плацдарм. У Костюхновки взято 22 офицера, 712 нижних чинов, 2 орудия и 7 пулеметов. У Будки стрелки XI корпуса (2-я и 4-я стрелковые дивизии) взяли 71 офицера, 3500 нижних чинов и 31 пулемет. На правом фланге 9-й армии XI армейский корпус и 12-я кавалерийская дивизия имели 27 сентября блестящее дело у Гайворонки на Днестре. Трофеями у Гайворонки были 60 офицеров и свыше 2000 нижних чинов при 4 орудиях и 10 пулеметах. Белгородские уланы полковника Чековтоского в ночной атаке изрубили майкеферов — прусских гвардейских фузилер.

В этих осенних боях 237 войска Юго-Западного фронта вновь обрели в полной степени дух первых месяцев войны, позволивший им и впоследствии свершать великие дела.

* * *

План германского командования вывести Россию из строя уничтожением ее живой силы не удался. Германские армии захлебнулись в русских пространствах. Русские расстояния и русское бездорожье истощили их силы, а отчаянное сопротивление русских войск, плохо управляемых, плохо вооруженных и снабженных, но самоотверженно бившихся, обескровило их.

Осенью 1914 года для Германии выяснилась невозможность скорого решения войны на западе — осенью 1915 года то же пришлось констатировать и на востоке. Германия обратилась тогда на юг, где положение ее стало явно выигрышным не столько благодаря искусству ее дипломатии, сколько благодаря изумительным оплошностям держав Согласия.

Роковая ошибка стратегии — отказ от овладения Царьградом — повлекла неудачу Дарданелльской экспедиции англичан, проведенной нашими союзниками с исключительной бездарностью. Галлиполи и Горлица имели последствием падение престижа Согласия на Балканах. Румыния и Греция отвернулись от нас, а Болгария, с лета 1915 года вовлеченная в орбиту Германии, нашла момент удобным для сведения счетов с Сербией и 28 сентября набросилась на нее. Одновременно на Сербию обрушилась переброшенная с русского фронта XI германская армия, подкреплённая VI австро-венгерской армией. Фельдмаршал Макензен возглавил все австро-германо-болгарские силы на Балканах.

Положение Сербии стало отчаянным. Державы Согласия, воспрепятствовавшие ей летом обезвредить Болгарию до подхода немецких полчищ, сейчас растерялись. Россия, совершенно обескровленная, не могла в ближайшие недели оказать никакой помощи. Западные союзники с выручкой не торопились. Голгофу войск короля Петра разделила лишь

горсть русских моряков и артиллеристов. Это был артиллерийский отряд капитана Миклашевского — 7 морских 75-миллиметровых батарей, из коих две поголовно легли при героической обороне Белграда 7 и 8 октября. Русской помощью Сербии — перевозкой оружия, боевого снаряжения и продовольствия по Дунаю заведовала Экспедиция особого назначения энергичного адмирала Веселкина. Император Николай Александрович особенно близко принимал к сердцу это дело.

С уходом на Балканы Макензена южную группу неприятельских армий принял фельдмаршал Линзинген. Его Бугская армия была обращена в группу.

Северную группу Гинденбурга составили VIII армия (бывшая Неманская) генерала фон Белова, X — пожалованного за Ковно в фельдмаршалы Эйхгорна, группа Шольца (бывшая VIII армия), XII армия Галльвица, IX — Леопольда Баварского, группа Войерша и группа Гронау (бывшая Бугская армия). В южную группу Линзингена вошли армии: IV австро-венгерская эрцгерцога Иосифа Фердинанда, I австро-венгерская генерала Пухалло, II австро-венгерская фельдмаршала Бем Ермоли, Южная германская графа Ботмера и VII австро-венгерская генерала Пфланцер-Балтина.

* * *

В обескровленных рядах русской армии²³⁹ в середине сентября считалось только 870000 бойцов — в полтора раза меньше мирного состава. Весна и лето 1915 года обошлись нам в 2 500000 человек. Было потеряно и 2600 орудий: 900 в полевых боях, 1700 — в крепостях Новогеоргиевске и Ковно. Утрачены были Польша, Литва и Курляндия, потеряна вся стратегическая железнодорожная сеть. Ответственность за катастрофу ложится прежде всего на Ставку. Упорство стратегия Ни шагу назад! — имело результатом отступление не на шаг, а на целых 500 верст и с разгромом всей вооруженной силы.

В конце марта и начале апреля выяснилось, что о наступательных — в стратегическом масштабе — действиях не могло быть речи. Этому препятствовала как чрезвычайная растянутость фронта (при очень невыгодном начертании), так и отсутствие резервов.

Карпатская операция поглотила все силы и средства Юго-Западного фронта. До конца июля, когда должны были появиться резервы и исчезнуть снарядный голод, положение должно было оставаться в высшей степени критическим. Задачей Ставки должно было сделать эти четыре критических месяца сколь можно менее пагубными для армии и страны. Надо было выиграть время и сохранить живую силу армии, а для этого выход был один: жертвовать пространством.

Выводу Юго-Западного фронта из карпатской мышеловки должен был сопутствовать и вывод Северо-Западного фронта из польского мешка (Передовой театр мог иметь ценность лишь в качестве наступательного плацдарма). Предпринимая отход по нашей собственной воле, мы все время оставались бы господами положения, сохраняли бы за собой инициативу, выбор времени и места.

Разработке плана согласованного отхода фронтов и армий должно было соответствовать заблаговременное укрепление ряда рубежей, на которых эти отходящие армии могли бы показывать волчьи зубы в наиболее выгодной для себя обстановке. Наш катастрофический отход как раз характеризовался совершенным неиспользованием фортификационных возможностей. Истощенные непрерывными боями войска должны были сами рыть своими же средствами мелкие окопчики, превращавшиеся затем в братские могилы ураганным огнем германской артиллерии. Заранее же заготовленные инженерами (в большинстве тактически малограмотными) и мобилизованным населением окопы обычно оказывались сооруженными вопреки требованиям тактики, а то и просто здравого смысла, и войска не могли ими пользоваться.

Ряд сражений, предпринятых по нашей воле на заранее подготовленных позициях, причинил бы гораздо большие потери врагу и гораздо меньшие нам, чем те бессистемные и бессвязные тридцати- и сорокадневные отступательные побоища, где зря гибли сотни тысяч людей, непродуманно уничтожались ценные и незаменимые кадры, без пользы расходовались без того скудные боевые запасы. Неприятельское нашествие достигло бы

гораздо раньше своего стратегического предела. Мы смогли бы сохранить ценнейшие рокадные линии и железнодорожные узлы Ковеля, Вильно, Барановичей, а быть может, и Бреста. По самой своей природе обремененные техникой начала XX века армии были куда тяжеловеснее первых массовых армий начала XIX столетия. Наполеон дошел до Москвы Гинденбург не смог продвинуться дальше Пинска.

Сравнив упадочное полководчество нашей Ставки с таковым же Отечественной войны, мы сможем видеть, насколько стратегия суворовской армии 1812 года была выше стратегии милютинской армии 1915-го. Там, временно жертвуя пространством, Барклай и Кутузов спасли Россию. Здесь, упорно цепляясь за сохранение пространства, губили живую силу, губили страну.

Кампания 1915 года — это Отечественная война наизнанку. Начало их совершенно тождественно — ожидание удара превосходных сил при кордонном нашем расположении (там — у Вильно, здесь — при Горлице). Развитие — диаметрально противоположно, и оттого противоположны результаты — там торжество, здесь разгром. Неудачной стратегии Ставки соответствовало убожество главнокомандовавшего Юго-Западным фронтом генерала Иванова. Поведение его в горлицкой трагедии недостойно офицера. Этому военачальнику совершенно не хватало мужества — той добродетели генерала, о которой учил великий Суворов.

Значительно выше следует поставить генерала Алексеева. Он, конечно, не был полководцем, но был бы превосходным начальником штаба у настоящего полководца, которого, увы, в России не оказалось. На долю генерала Алексеева выпала исполинская задача вывести из гибельного мешка восемь армий — и это когда все сроки по вине Ставки были уже давно пропущены. Ему пришлось пожертвовать кровью 3-й и 13-й армий в ужасном июльском побоище под Люблином — Холмом (Красный и Валутин Гора этой кампании) и этой дорогой ценой спасти весь фронт. Единственный, зато крупный, промах Алексеева — это Новогеоргиевск. Подлинный мастер военного дела никогда бы не совершил этой ошибки.

Фельдмаршал Гинденбург значительно облегчил генералу Алексееву выполнение этой ответственной задачи. Будь принят план Фалькенгайна и ударь немцы всеми силами по 1-й армии на Нареве, трудно представить себе, в какую катастрофу вылился бы отход Северо-Западного фронта. Поведя удар армией Эйхгорна на Ковно с целью захватить в мешок как можно больше русских армий, Гинденбург и Людендорф утратили чувство меры и в конечном итоге просчитались. Они забыли мудрую свою осторожность при Сольдау, когда отказались от окружения Артамонова, дабы уметь ограничивать свои желания. Жилинский и Рузский избаловали германских генералов своей игрой в поддавки — в лице Алексеева здесь оказался совершенно не тот противник.

Главным германским героем этого похода следует признать Макензена человека фаланги, черного гусара, в котором жил неукротимый дух старого Блюхера и Штейнмеца.

В кампанию 1915 года были уничтожены кадры регулярной русской армии добито все то ценное, что не было перебито на берегах Бзуры и Равки. Отныне армия превратилась в ополчение. Потери этой злополучной кампании можно было пополнить, но их нельзя было заменить.

Конец 3-й части

Часть (Том) 4

Глава XV. Мировая война (продолжение)

Начало второй зимней кампании

Обескровленная, изможденная пятнадцатью месяцами необычайно тяжелой и неудачно сложившейся войны, русская армия заняла в октябре 1915 года линию сплошного фронта от Балтийского моря до румынской границы.

Начертание этого фронта было чисто случайное — войска зарылись в землю там, где остановились. А остановились они не там, где это было нам выгодно, для этого Ставке еще весной не хватило стратегического чутья, — а где того пожелал неприятель.

Северный фронт пошел от моря по Двине, образуя на ее левом берегу плацдармы в Рижском районе у Икскюля, затем у Якобштадта и против Двинска. Затем он под прямым углом сворачивал к югу, в озерный район Восточной Литвы, где по широте Свенцянь сливался с Западным фронтом. Рижский район занимала 12-я армия, Якобштадтский — 1-я и Двинский — 5-я. 10 октября неприятель неожиданным наступлением захватил Иллукуст. Наш XIX армейский корпус понес в этом деле жестокие потери (до 10 000 человек, но ни одного орудия). 1-я стрелковая дивизия задержала дальнейшее распространение неприятеля.

Западный фронт пролегал по Минскому Полесью от Нарочи до Припяти. На свенцяньском направлении находилась 2-я армия, на сморгонском — 4-я, на кревском — 10-я и на барановичском — 3-я армия.

От Припяти до Румынии тянулся Юго-Западный фронт. 8-я армия занимала Волынское Полесье, 11-я — Восточную Галицию, 9-я — Днестровско-Прутский район.

Наши важнейшие рокадные линии были перерезаны неприятелем, захватившим в конце августа и начале сентября главные железнодорожные узлы театра военных действий и оттолкнувшим многострадавшие армии Западного фронта в совершенно бездорожный район. Утрачена была вся наша созданная с таким трудом стратегическая сеть железных дорог. Для стратегических перебросок приходилось пользоваться значительно более слабой и непригодной экономической сетью внутренней России и Московским железнодорожным узлом. Это печальное обстоятельство подсекало крылья стратегическому маневру, делало наши армии малоподвижными, а все их развертывание на новом и непредвиденном фронте — до крайности негибким.

* * *

В 137 пехотных и 35 конных дивизиях тысячеверстного фронта насчитывалось после отступления, как мы видели, всего 870 000 бойцов¹ — еле третья часть штатного состава.

Неприятель имел 113 пехотных и 21 кавалерийскую дивизии, тоже понесших большие потери. Во Франции оставалось 93 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. На Итальянском фронте действовало 22 дивизии, и, наконец, на Сербию навалились 24 пехотные и 1 кавалерийская дивизии. Россия приняла одна на себя удар половины сил коалиции Центральных держав, дав возможность Франции устроить артиллерию неслыханной мощи, а Англии — создать вообще свою сухопутную вооруженную силу.

В течение зимних месяцев в армию были влиты пополнения, и состав ее, несмотря на ежедневные потери позиционной войны, был к февралю 1916 года доведен до 1 800 000 строевых. Зимой влился срок 1916 года, а к весне и срок 1917 года, оживившие войска и повысившие их качество. Считая с нестроевыми, этапами и прочими в Действующей армии на 1 февраля 1916 года считалось 80633 офицера, 12104 врача, 22487 чиновников и 4 587145 нижних чинов. В запасных частях состояло 1 545 000 человек. Сведений об офицерском составе запасных частей нет. Судя по всему, он показан в общем числе офицеров. В течение года должно было призвать примерно 1 600 000 человек (срок 1918 года, старшие сроки ополчения, переосвидетельствованные белобилетчики), после чего людской запас империи от 19 до 43 лет надлежало считать исчерпанным до призыва 800 000 новобранцев срока 1919 года в возрасте 18 лет.

Всю эту массу призванных нечем было вооружить, а главное — некому было обучить. Прибывшие пополнения оказывались совершенно непригодными к постановке в окопы после шестинедельного обучения, вернее пребывания на довольствии в запасных полках и батальонах. Позиционная война давала возможность обучать их в ближайшем тылу средствами самих же частей в сверхштатных учебных батальонах и командах.

За 20 месяцев войны Ставка, сосредоточившая в себе всю инспекторскую часть, не выпустила ни одного наставления, не проработала и частицы богатейшего опыта двух кампаний. При мобилизации в Барановичи, а оттуда в Могилев, попали чины Главного управления Генерального штаба — центральной нашей военной канцелярии, целыми десятилетиями не соприкасавшиеся с войсками, люди, собственно, даже не имевшие права считаться военными (например, Янушкевич). В вопросах боевой подготовки войск они были такими же невеждами и беспомощными младенцами, как и в стратегии. В марте месяце 1916 года — на двадцатом месяце войны — генерал-квартирмейстер Ставки Пустовойтенко был чрезвычайно удивлен открытием, что авиационные снимки могут передаваться в виде планов.

Предоставленные самим себе, войска выработали собственные приемы обучения, подобно тому, как ценою крови и страданий выработали собственные навыки ведения боя. В разных дивизиях обучали по-разному, но, в общем, зимнюю выучку наших войск 1915–1916 годов следует считать отличной.

В строй вошли все дивизии 3-й очереди: 100-я по 113-ю, 115-я по 117-ю, 120-я, 121-я, 123-я по 125-ю пехотные и 4-я Кавказская стрелковая. Начаты формированием 126-я и 127-я пехотные дивизии.

Еще в конце лета на Западном фронте из пеших пограничных частей была сформирована Пограничная пехотная дивизия. Сформирована 7-я Туркестанская стрелковая дивизия на Западном фронте, и приступлено к формированию 8-й и 9-й Туркестанских стрелковых бригад для Кавказской армии. В то же время 6-я Туркестанская стрелковая бригада была расформирована, влившись частью (2 полка) в 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию, частью (1 полк) во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию. К концу зимы на Юго-Западном фронте была сформирована 3-я Заамурская пехотная дивизия, составившая с 74-й пехотной дивизией новый XVI армейский корпус в 9-й армии. На Северном фронте сформированы отдельный XVI армейский корпус в Финляндии (106-я и 107-я пехотные дивизии) и XVII корпус в 12-й армии (109-я и 110-я пехотные дивизии), а на Западном — XVIII корпус (1-я и 5-я стрелковые дивизии) в 10-й армии. Наконец в январе 1916 года был полностью воссоздан XIII армейский корпус, направленный в 1-ю армию под Фридрихштадт. XIII армейский корпус был развернут в значительной степени за счет XXXVII, при котором все время состояла 1-я бригада 1-й пехотной дивизии, восстановленная уже в январе 1915 года.

В коннице образованы были новые дивизии — 3-я Гвардейская (из Варшавской и казачьей бригад). Сводная кавалерийская (1-я бывшая Отдельная кавалерийская бригада и 1-я Заамурская кавалерийская бригада), Заамурская (3-й по 6-й Заамурские конные полки) и 6-я Донская казачья, а на Кавказском фронте — 4-я, 5-я Кавказские казачьи и 2-я Сводно-Кубанская. Сводная кавалерийская дивизия была образована еще в апреле 1915 года при III конном корпусе, Заамурская летом 1915 года. Отметим, что 2-й Донской казачьей дивизии не существовало, а была 2-я Сводно-казачья.

На Кавказском фронте сформированы отдельные бригады: 3-я и 4-я Кубанские пластунские. Донская пешая, 1-я и 2-я Закавказские стрелковые бригады, 2-я и 3-я Забайкальские казачьи бригады.

Отдельный корпус Пограничной стражи почти что целиком включился в Действовавшую армию. Помимо Пограничной пехотной дивизии, на Юго-Западном фронте было сформировано 2 пограничных пехотных полка, а на Северном и Западном, при отходе из Царства Польского, 8 пограничных конных полков (носивших номера и наименования соответствовавших пограничных бригад и служивших корпусной конницей). На Кавказе было сформировано 4 пехотных и 4 (затем 7) конных Кавказских пограничных полков.

1-я Петроградская Императора Александра III бригада сформировала 4 конных Петроградских дивизиона, 2-я Ревельская и 4-я Рижская — по 6 отдельных конных сотен, 5-я Горджинская, 6-я Таурогенская, 7-я Вержболовская, 9-я Ломжинская, 10-я Рыпинская — по одноименному конному полку, 12-я, 13-я и 14-я — образовали Калишский конный полк, 15-я

и 16-я — Сандомирский, 17-я, 18-я, 19-я и 20-я Томашовский конный, Проскуровский и Хотинский пешие, 26-я Карская, 27-я Эриванская, 28-я Елисаветпольская и 29-я Бакинская — по пешему и конному каждая. Остальные бригады формирований не производили.

Весной 1916 года на Северном фронте сформировано 6 Прибалтийских конных полков, на Кавказе — 4 конных Черноморских, а в крепостях — Свеаборге, Ревеле и Карее — по два крепостных пехотных полка.

К марту месяцу в Действовавшей армии считалось 1 732 000 бойцов: 466 000 на Северном фронте, 754 000 — на Западном и 512 000 — на Юго-Западном фронте. Распределение корпусов по армиям в зимнюю кампанию 1915–1916 годов (до мартовского наступления) было следующее:

Северный фронт генерала Рузского, Плеве и Куропаткина — XIII отдельный корпус генерала Гулевича, 12-я армия генерала Горбатовского — ХЫП армия, VI Сибирский, XXXVII армейский корпуса и VII Сибирский в резерве; 1-я армия генерала Литвинова — XIII, XXVIII армейский, VI конный и II Сибирский в резерве; 5-я армия генерала Гурко — XIX, XXIX, III, XXI, IV, XIV армейские, I конный корпуса, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии; резерв фронта — V Сибирский корпус.

Западный фронт генерала Эверта — 2-я армия генерала Смирнова² — XXVII, XXXIV, XV армейские, I Сибирский, XXXVI армейские корпуса и в резерве V армейский и VII конный; 4-я армия генерала Рагозы — XX, XXVI армейские, III Сибирский, II Кавказский, XXXV армейский корпуса; 10-я армия генерала Радкевича³ — XXIV армейский, III Кавказский, I Туркестанский, XXXVIII, I армейские корпуса и в резерве ХЫУ; 3-я армия генерала Леша — XXV, Гренадерский, IX, X, XXXI армейские корпуса;

резерв фронта — IV Сибирский корпус и резерв Ставки — I Гвардейский, II Гвардейский и Гвардейский конный корпуса — держались на стыке Северного и Западного фронтов, за правым флангом 2-й армии.

Юго-Западный фронт генерала Иванова — 8-я армия генерала Брусилова — IV и V конные корпуса, XXX, XXXIX, ХБ и XXXII армейские корпуса и VIII корпус в резерве; 11-я армия генерала Сахарова — XVII, VII, VI, XVIII армейские корпуса; 7-я армия генерала Щербачева — XXII, XVI, II армейские корпуса, V Кавказский и II конный в резерве; 9-я армия генерала Лечицкого — XXXIII, ХЫ, XI армейский, III конный корпуса и XII армейский корпус в резерве. В резерве Юго-Западного фронта — ничего.

Силы неприятеля Ставка оценивала в 1 061 000 человек. Это корпение над проблематичным подсчитыванием неприятельских сил с точностью до десяти штыков и сабель представляет очевидный абсурд и чрезвычайно характерно для творчества могилевской Ставки и мелочно-кропотливой натуры генерала Алексева. В военное время подобный подсчет штыков и сабель противника просто немыслим: грубые ошибки неизбежны. Алексеев на основании каких-то ему одному известных теоретических выкладок определял австро-германские силы против нашего Юго-Западного фронта в марте месяце в 556 810 штыков и сабель.

Из описания австрийского Генерального штаба мы видим, что их было до 750 000 (ошибка в 200 000, или 40 процентов) и только после массивной отправки в Италию — в мае — численность их понизилась до 650 000 (на 100 000 больше алексеевского расписания). До генерала Алексева Янушкевич и Ю. Данилов вели подсчет на корпуса, что было хоть и примитивно, но все же более разумно. Единственно целесообразный способ — это вести подсчет на дивизии. А еще лучше — не считать врага, а бить его.

* * *

Артиллерия насчитывала примерно то же количество орудий, что в августе 1914 года — около 6600 легких и горных пушек и легких гаубиц. Тяжелая артиллерия учетверилась, будучи доведена с 240 до 960 орудий, но значительная часть ее (до двух третей к январю 1916 года, по данным Ставки) находилась в неисправном состоянии. Количество легкой полевой артиллерии не возросло, несмотря на формирование новых бригад и отдельных дивизионов при дивизиях 3-й очереди. Оно скорее даже несколько убавилось благодаря

потерям, отдаче в ремонт и переходу на 6-орудийный состав батарей. Количество полевых 48-линейных гаубиц оставалось примерно прежним.

Мортирные дивизионы корпусов вместо двух 6-орудийных батарей с октября 1915 года насчитывали три 4-орудийные. Формирование мортирных дивизионов XXXI по XYU армейских корпусов шло чрезвычайно туго и было закончено лишь весной 1916 года.

3-дюймовые пушки образца 1900 года нашли себе применение в качестве противосамолетной артиллерии (специальной зенитной артиллерии у нас не было до самого конца войны) либо, укороченные, послужили противотанковыми — обычно 1–2 батареи на участок дивизии.

С ноября — декабря 1915 года у нас появилась траншейная артиллерия, и в течение зимы в каждом пехотном полку была сформирована бомбометная команда в 4, а затем в 6–8 легких бомбометов. Одновременно стали формироваться и минометные команды, существовавшие вначале не во всех дивизиях. К 1916 году у нас имелось в Действовавшей армии до 2000 бомбометов и 1200 минометов — втрое меньше австро-германских и впятеро меньше англо-французских норм.

На вооружении артиллерии Действовавшей армии состояло 59 различных образцов.

Снарядный голод миновал уже в августе 1915 года — с окончанием мобилизации местных парков. Переоборудование казенных заводов и увеличение их числа с 20 до 40 утроили к весне 1916 года нормы производства снарядов. За пять месяцев войны 1914 года ежемесячно выпускалось 123 000 снарядов к 3-дюймовым орудиям и 33 000 к 48-линейным гаубицам. За первое полугодие 1915 года ежемесячно по 548 000 3-дюймовых и 83 000 гаубичных снарядов, за второе полугодие — по 1 013 000 — 3-дюймовых и 134 000 гаубичных, и в 1916 году месячное производство составило по 1 602 000 легких и 317 000 гаубичных снарядов⁴.

Руководимые академиками-артиллеристами — лучшими знатоками артиллерийского дела в мире — наши казенные заводы быстро и сноровисто делали огромное дело, удовлетворив на 70 процентов потребности действовавшей армии в боевом снаряжении.

Полной противоположностью этой плодотворной деятельности казенных заводов была бестолковая шумиха и крикливая самореклама самозванных помощников Военного ведомства — Военно-промышленного комитета и Земско-городского союза, навязанных оппозиционной общественностью растерявшемуся правительству. Эти организации поставляли всего 18 процентов общего количества снаряжения, но, располагая в России всей печатью и всеми ораторскими трибунами, убедили страну в том, что только они и работают на оборону, помимо правительства, а то и вопреки правительству. Этим создавалось в стране революционное настроение, что было главной целью этих военно-промышленников и зем-гусар.

Другой целью была нажива: ставки Военно-промышленного комитета в полтора, а то и в два раза превышали таковые же казенных заводов. 3-дюймовая шрапнель казенного производства обходилась в 10 рублей, а Военно-промышленного комитета — 15 рублей 32 копейки. 3-дюймовая граната соответственно — 9 рублей и 12 рублей 13 копеек. 48-линейная гаубичная шрапнель — 15 рублей и 35 рублей (133 процента наживы общественности!). 48-линейная граната — 30 рублей и 45 рублей. 6-дюймовая шрапнель — 36 рублей и 60 рублей. 6-дюймовая бомба — 42 рубля и 70 рублей. Общественная поддержка обошлась России дорого. Попутно достигалась и третья цель — уклонение от долга защиты Родины: свыше 150000 молодых, здоровых, интеллигентных людей надежно и крепко окопалось в глубоком тылу.

Наконец, 12 процентов всей потребности Действовавшей армии удовлетворялось заказами из-за границы. Эти заграничные заказы поглотили несчетные миллиарды русских денег. Результаты совершенно не оправдали неосновательных надежд: союзники обслуживали в первую очередь свои армии, а промышленность нейтральных стран требовала продолжительных сроков приспособления. В условиях же почти герметической блокады России доставка снаряжения могла производиться через Полярный круг, Белое море

(замерзающее на пять-шесть месяцев в году) и дальше от Архангельска по однопутной линии. Оставался еще Владивосток, но пробег одного лишь поезда от Владивостока до Двинска требовал обслуживания 120 парами паровозов!

На русские деньги Англия и Америка смогли произвести без помех и заблаговременно всю мобилизацию своей гигантской промышленности. Русская армия никогда не увидела тех тысяч орудий и десятков тысяч пулеметов, за которые деньги были полностью внесены вперед — вместе с жертвенной русской кровью за общесоюзное дело... Эти тысячи орудий, оплаченных русским золотом и русской кровью, гремели затем в строю англо-франко-американских армий в кампанию 1918 года...

* * *

Как бы то ни было, с артиллерийским снабжением дело обстояло сравнительно благополучно. Значительно хуже было с пехотным оружием.

Расход винтовок во много раз превзошел все предположения. Оружие убитых и раненых оставлялось на поле сражения, где и пропадало, оружие пленных доставалось неприятелю. Можно сказать, что пропадало столько винтовок, сколько убывало из строя солдат. В частях войск уход за оружием был небрежен, что влекло за собой частую порчу и поломки. Испорченное оружие в первые месяцы войны бросалось с легким сердцем: полагали, что раз винтовка — вещь казенная, то взамен сломанной должны прислать новую.

Изготовление винтовок подвигалось вперед медленно и не могло возместить и третьей части всего расхода⁵. В мобилизованной армии 1914 года каждый из 4 600 000 призванных (кадровых и запасных) имел по винтовке, но склады и цехи были опустошены без остатка. В дальнейшем можно было рассчитывать только на 30 000 винтовок в месяц вплоть до переоборудования заводов, когда эта норма должна была сперва удвоиться, а затем утроиться, и на закупки за границей — главным образом в Японии — партии старых ружей.

С августа 1914 года по декабрь 1915 года было призвано 6 290 000 человек. На них оказалось 1 547 000 винтовок — по одной винтовке на четыре человека. Брошенные в 1915 году на фронт массы безоружных пополнений лишь снизили боеспособность армии, безмерно увеличив кровавые ее потери и неприятельские трофеи.

Осенью 1915 года в тыловых частях одна винтовка приходилась на десять солдат, а на фронте — на двоих. Особенно плохо обстояло дело на Северном и Западном фронтах, как понесших наиболее тяжелые потери при отступлении. В IX армейском корпусе 3-й армии, например, винтовки имели только первые батальоны полков. В январе 1916 года, по сведениям Ставки, в армиях Западного фронта из 754 000 строевых 268 000 — свыше трети всех бойцов — были безоружны. Можно смело считать, что из общего числа 1 732 000 бойцов лишь около 1 200 000 были вооружены. А так как каждый из сосчитанных генералом Алексеевым 1 061 000 австро-германцев имел винтовку либо карабин, то следует допустить, что количество штыков в пехоте у нас и у противника было одинаково, при двойном перевесе неприятелей в легкой и четверном — в тяжелой артиллерии.

Было положено иметь по 16 пулеметов на полк (сформировав добавочные пулеметные команды Кольта) взамен 8, с которыми выступили на войну. Однако вследствие потерь, понесенных при отступлении, в армиях Северного и Западного фронтов наблюдался чрезвычайный некомплект этого главного вида пехотного оружия⁶. В конце октября генерал Рузский донес в Ставку, что на 105 пехотных полков Северного фронта приходится только 503 пулемета. Полки 3-й очереди по формированию имели только по 4 пулемета или не имели их вовсе. Выручали австрийские Шварцлозе, переделанные под русский патрон, и, не в такой, правда, степени, германские Максимы (немцы были далеко не столь исправными поставщиками, как их союзники). В каждом нашем полку, помимо штатной пулеметной команды, имелась еще и сверхштатная, а то и две. На Юго-Западном фронте к весне 1916 года имелось в среднем около 30 пулеметов на полк. К северу от Полесья эту норму следует считать уменьшенной в два раза.

Зимой 1915/16 годов были сформированы в коннице полковые пулеметные команды — вначале по 4 пулемета вместо прежних дивизионных пулеметных команд по 8 пулеметов.

Всего в русской армии на второй год войны насчитывалось 35 различных систем ружей и карабинов. Были полки и даже роты, где на вооружении состояло два, три, а то и четыре различных образца.

С сентября месяца началось перевооружение пехоты Северного фронта японскими винтовками, затянувшееся до весны 1916 года (освобождавшиеся трехлинейные передавались Западному фронту). Наспех изданное наставление для стрельбы из японских винтовок⁷ допустило грубейшие погрешности, с исправлением которых Ставка ничуть не торопилась. Прицелы этих винтовок были нарезаны в японских мерах и японскими цифрами. Поправки к небрежному наставлению, своевременно составленные, были в Ставке положены под сукно. Всю зиму 1915/16 годов наш Северный фронт стрелял в воздух, поверх голов неприятеля...

Очень плохо обстояли дела с материальной частью авиации, где Россия целиком зависела от заграницы. Союзники присылали нам свои отбросы — хлам, на котором больше не желали летать их летчики⁸. Их у нас называли не аппараты, а препараты. Нужны были героизм, сноровка и высокая квалификация русских летчиков, чтобы оказать и на этих препаратах услуги родной армии.

При мобилизации 18 июля 1914 года были развернуты полки 2-й очереди:

53-я пехотная дивизия — 209-й Богородский, 210-й Бронницкий, 211-й Никольский, 212-й Романовский;

54-я — 213-й Устюжский, 214-й Кремлевский, 215-й Сухаревский, 216-й Осташковский;

55-я — 217-й Ковровский, 218-й Горбатовский, 219-й Котельничский, 220-й Скопинский;

56-я — 221-й Рославльский, 222-й Красненский, 223-й Одоевский, 224-й Юхновский;

57-я — 225-й Ливенский, 226-й Землянский, 227-й Епифанский, 228-й Задонский;

58-я — 229-й Сквирский, 230-й Новоград-Волынский, 231-й Дрогичинский, 232-й Радомысльский;

59-я — 233-й Старобельский, 234-й Богучарский, 235-й Белебеевский, 236-й Борисоглебский;

60-я — 237-й Грайворонский, 238-й Ветлужский, 239-й Константиноградский, 240-й Ваврский;

61-я — 241-й Седлецкий, 242-й Луковский, 243-й Холмский, 244-й Красноставский;

62-я — 245-й Бердянский, 246-й Бахчисарайский, 247-й Мариупольский, 248-й Славяносербский;

63-я — 249-й Дунайский, 250-й Балтийский, 251-й Ставучанский, 252-й Хотинский;

64-я — 253-й Перекопский, 254-й Николаевский, 255-й Аккерманский, 256-й Елисаветградский;

65-я — 257-й Евпаторийский, 258-й Кишиневский, 259-й Ольгопольский, 260-й Брацлавский;

66-я — 261-й Ахульгинский, 262-й Грозненский, 263-й Гунибский, 264-й Георгиевский;

67-я — 265-й Вышневолоцкий, 266-й Пореченский, 267-й Духовщинский, 268-й Пошехонский;

68-я — 269-й Новоржевский, 270-й Гатчинский, 271-й Красносельский, 272-й Гдовский;

69-я — 273-й Богодуховский, 274-й Изюмский, 275-й Лебединский, 276-й Купянский;

70-я — 277-й Переяславский, 278-й Кромский, 279-й Лохвицкий, 280-й Сурский;

71-я — 281-й Новомосковский, 282-й Александрийский, 283-й Павлоградский, 284-й Вентровский;

72-я — 285-й Мценский, 286-й Кирсановский, 287-й Тарусский, 288-й Куликовский;

73-я — 289-й Коротоякский, 290-й Валуйский, 291-й Трубчевский, 292-й Малоархангельский;

74-я — 293-й Ижорский, 294-й Березинский, 295-й Свирский, 296-й Грязовецкий;

75-я — 297-й Ковельский, 298-й Мстиславский, 299-й Дубненский, 300-й Заславский;

76-я — 301-й Бобруйский, 302-й Суражский, 303-й Сенненский, 304-й Новгород-

Северский;

77-я — 305-й Ланшевский, 306-й Мокшанский, 307-й Спасский, 308-й Чебоксарский;

78-я — 309-й Овручский, 310-й Шацкий, 311-й Кременецкий, 312-й Васильковский;

79-я — 313-й Балашовский, 314-й Новооскольский, 315-й Глуховский, 316-й

Хвалынский;

80-я — 317-й Дрисский, 318-й Черноярский, 319-й Бугульминский, 320-й Чембарский;

81-я — 321-й Окский, 322-й Солигалипский, 323-й Юрье-вецкий, 324-й Клязьминский;

82-я — 325-й Царевский, 326-й Белгорайский, 327-й Корсунский, 328-й Новоузенский;

83-я — 329-й Бузулукский, 330-й Златоустовский, 331-й Орский, 332-й Обоянский;

84-я — 333-й Глазовский, 334-й Ирбитский, 335-й Челябинский, 336-й Анапский.

Полк Офицерской стрелковой школы (2-батальонного состава).

Сибирские стрелковые полки:

12-я Сибирская стрелковая дивизия — 45-й, 46-й, 47-й, 48-й;

13-я Сибирская стрелковая дивизия — 49-й, 50-й, 51-й, 52-й;

14-я Сибирская стрелковая дивизия — 53-й, 54-й, 55-й, 56-й.

Полк Офицерской кавалерийской школы.

Кавказские туземные конные полки:

2-й Дагестанский, Кабардинский, Татарский, Чеченский, Черкесский, Ингушский (в 4 эскадрона). Текинский конный полк (из Туркменского дивизиона на 4 эскадрона). Донские казачьи полки (2-й очереди):

18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й.

3-й очереди: 39-й, 40-й, 41-й, 42-й, 43-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й, 48-й, 49-й, 50-й, 51-й, 52-й, 53-й, 54-й, 55-й, 56-й, 57-й и 58-й.

Кубанские казачьи полки:

2-й и 3-й Кубанские, 2-й и 3-й Таманские, 2-й и 3-й Вкаторинодарские, 2-й и 3-й Полтавские, 2-й и 3-й Хоперские, 2-й и 3-й Запорожские, 2-й и 3-й Лабинские,

2-й и 3-й Уманские, 2-й и 3-й Кавказские, 2-й и 3-й Линейные.

Терские казачьи полки:

2-й и 3-й Кизляро-Гребенские, 2-й и 3-й Горско-Моздокские, 2-й и 3-й Сунженско-Владикавказские, 2-й и 3-й Волгские.

Астраханские казачьи полки: 2-й и 3-й. Уральские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й. Оренбургские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й.

Сибирские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й. Забайкальские казачьи полки: 2-й и 3-й Верхнеудинские, 2-й и 3-й Читинские, 2-й и 3-й Нерчинские, 2-й и 3-й Аргунские.

Уссурийский казачий полк (из дивизиона). Кубанские пластунские батальоны: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й.

Терские пластунские батальоны: 1-й и 2-й.

Артиллерийские бригады:

53-я, 54-я, 55-я, 56-я, 57-я, 58-я, 59-я, 60-я, 61-я, 62-я, 63-я, 64-я, 65-я, 66-я, 67-я, 68-я, 69-я, 70-я, 71-я, 72-я, 73-я, 74-я, 75-я, 76-я, 77-я, 78-я, 79-я, 80-я, 81-я, 82-я, 83-я, 84-я;

Сибирские артиллерийские бригады: 12-я, 13-я, 14-я;

Заамурские артиллерийские бригады: 1-я и 2-я;

Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион (из дивизиона 50-й артиллерийской бригады);

Отдельные тяжелые дивизионы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й;

Донские казачьи батареи: 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я;

Кубанские казачьи батареи: 3-я, 4-я, 5-я, 6-я;

Терские казачьи батареи: 3-я, 4-я;

Оренбургские казачьи батареи: 3-я, 4-я, 6-я, 6-я;

Забайкальские казачьи батареи: 3-я и 4-я. 6-й Сибирский саперный батальон;

Железнодорожные батальоны: 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й;

Сибирские железнодорожные батальоны: 4-й и 5-й. В конце 1914 года были сформированы: 3-я Кавказская стрелковая дивизия — 9-й, 10-й, 11-й и 12-й Кавказские стрелковые полки, 23-й Туркменский стрелковый полк, 3-й Кавказский стрелковый артиллерийский дивизион, 6-й Сибирский мортирный дивизион. Кубанские пластуны батальоны — 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й.

Весной 1915 года начато было формирование дивизий 3-й очереди, длившееся очень долго. 114-я, 118-я и 119-я, раньше всех готовые, погибли уже в августе 1915 года в Новогеоргиевске, так и не закончив своего формирования. А 122-я была развернута только осенью 1916 года — уже после выступления Румынии значительно позже всех.

Пехота (полки):

100-я пехотная дивизия — 397-й Запорожский, 398-й Нижне-Днепровский, 399-й Никопольский, 400-й Хортицкий;

101-я — 401-й Карачевский, 402-й Усть-Медведицкий, 403-й Вольский, 404-й Камышинский;

102-я — 405-й Львовский, 406-й Щигровский, 407-й Сарайский, 408-й Кузнецкий;

103-я — 409-й Новохоперский, 410-й Усманский, 411-й Сумской, 412-й Славянский;

104-я — 413-й Порховский, 414-й Торопецкий, 415-й Вахмутский, 416-й Верхне-Днепровский;

105-я — 417-й Луганский, 418-й Александровский, 419-й Аткарский, 420-й Сердобский;

106-я — 421-й Царскосельский, 422-й Колпинский, 423-й Лужский, 424-й Чудской;

107-я — 425-й Каргопольский, 426-й Понежежский, 427-й Пудожский, 428-й Лодейнопольский;

108-я — 429-й Рижский, 430-й Валкский, 431-й Тихвинский, 432-й Валдайский;

109-я — 433-й Новгородский, 434-й Череповецкий, 435-й Ямбургский, 436-й Новолодожский;

110-я — 437-й Сестрорецкий, 438-й Охтенский, 439-й Илецкий, 440-й Бугурусланский;

111-я — 441-й Тверской, 442-й Кашинский, 443-й Соснинский, 444-й Дмитровский;

112-я — 445-й Темниковский, 446-й Цнинский, 447-й Белгородский, 448-й Фатежский;

113-я — 449-й Харьковский, 450-й Змиевский, 451-й Пирятинский, 452-й Кровелецкий;

114-я — 453-й, 454-й, 455-й и 456-й пехотные полки, не успев получить наименований, погибли в Новогеоргиевске.

115-я — 457-й Корочанский, 458-й Суджанский, 459-й Миропольский, 460-й Тимский;

116-я — 461-й Зубцовский, 462-й Старицкий, 463-й Краснохолмский, 464-й Селигерский;

117-я — 465-й Уржумский, 466-й Малмыжский, 467-й Кинбурнский, 468-й Нарымский;

118-я — 469-й Арзамасский, 470-й Данковский, 471-й Козельский, 472-й Масальский;

119-я — полки получили свои наименования Высочайшим приказом от 21 августа 1915 года — через 15 дней после своей гибели: 473-й Бирючский, 474-й Иртышский, 475-й Касимовский, 476-й Змеиногорский;

120-я — 477-й Калязинский, 478-й Торжокский, 479-й Кадниковский, 480-й Даниловский;

121-я — 481-й Мещовский, 482-й Жиздринский, 483-й Обдорский, 484-й Бирский;

122-я — 485-й Еланский, 486-й Верхнемедведицкий, 487-й Дубровский, 488-й Острогжский;

123-я — 489-й Рыбинский, 490-й Ржевский, 491-й Варнавинский, 492-й Барнаульский;

124-я — 493-й Клинский, 494-й Верецкий, 495-й Ковенский, 496-й Вилькомирский;

125-я — 497-й Белецкий, 498-й Оргеевский, 499-й Ольвиопольский, 500-й Ингульский (и при нем чехословацкая дружина).

126-я — 501-й Сарапульский, 502-й Чистопольский, 503-й Чигиринский, 504-й Верхне-Уральский;

127-я — 505-й Староконстантиновский, 506-й Почаевский, 507-й Режицкий, 508-й

Черкасский. На формирование одной дивизии 3-й очереди шло обычно две бригады государственного ополчения. Кроме того, сформированы: пограничные пехотные полки: 1-й Рыпинский, 2-й Калишский, 3-й Рижский, 4-й Неманский и без номера Проскуровский и Хотинский. Заамурские пехотные полки: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й (3-я Заамурская пехотная дивизия). Туркестанские стрелковые полки:

7-я Туркестанская стрелковая дивизия — 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й;

8-я Туркестанская стрелковая бригада — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й (полки в 2 батальона);

9-я Туркестанская стрелковая бригада — 33-й, 34-й, 35-й, 36-й (полки в 2 батальона).

Кубанского казачьего войска Сводной Кубанской дивизии пехотные полки: Екатеринославский, Ставропольский и Адагумо-Азовский (четвертому полку было присвоено имя Урупского либо Ейского). Кавказские стрелковые полки:

4-я Кавказская стрелковая дивизия — 13-й, 14-й, 15-й, 16-й;

5-я Кавказская стрелковая дивизия — 17-й, 18-й, 19-й, 20-й;

6-я Кавказская стрелковая дивизия — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й.

Закавказские стрелковые полки: — 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.

Кавказские пограничные пехотные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.

Крепостные пехотные полки: 1-й и 2-й Свеаборгские,

1-й и 2-й Ревельские, 1-й и 2-й Карские.

Конница:

Пограничные конные полки — 5-й Горджинский, 6-й Таутогенский, 7-й Вержболовский, 9-й Ломжинский, 10-й Рыпинский и без номера — Калишский, Сандомирский, Томашевский.

Кавказские пограничные конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й.

Маньчжурский конный дивизион (бывший на Кавказском фронте).

Пограничные конные Петроградские Императора Александра III дивизионы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Прибалтийские конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й.

Черноморские конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Артиллерийские бригады: 100-я, 101-я, 102-я, 104-я, 105-я, 108-я, 109-я, 110-я, 111-я, 113-я, 115-я, 124-я, 125-я, 126-я, 127-я.

Пограничные: 3-я Заамурская, 4-я и 5-я Кавказские, 7-я Туркменская.

Отдельные артиллерийские дивизионы: 103-й, 106-й, 107-й, 112-й, 114-й, 116-й, 117-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й, 122-й, 123-й;

Кавказский конно-горный пограничный дивизион;

Конно-горные артиллерийские дивизионы: 1-й и 2-й;

Конные батареи: 24-я и 25-я;

Тяжелые артиллерийские бригады: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я;

Отдельные мортирные дивизионы: Лейб-Гвардии 2-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й, 39-й и 40-й. Саперные батальоны: 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й и 35-й.

Стрыпа и Нарочь

В октябре, когда выяснилось катастрофическое положение Сербии, в районе Одессы была собрана 7-я армия в составе II, XVI и V Кавказских корпусов. Ее командующим (вместо генерала Никитина) был назначен генерал Щербачев, передавший 11-ю армию командиру XI армейского корпуса генералу Сахарову и пригласивший к себе начальником штаба генерала Головина — свою правую руку по академии.

7-ю армию полагали двинуть в Сербию походом. Был проект послать 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию из Архангельска в Салоники морем. Однако нейтральная Румыния воспрепятствовала ее проходу через свою территорию.

Тогда у Ставки возник план высадки на болгарском побережье. Но Щербачев не верил в десантные операции и отговорил Ставку от этого проекта. Государь пожелал тогда направить 7-ю армию для овладения Константинополем, бывшим почти что без защиты⁹. Но и этот проект встретил упорное противодействие генерала Щербачева.

Войска 7-й армии простояли в Бессарабии и на Херсонщине два месяца без всякой пользы. А между тем они могли решить участь всей войны и спасти не только Сербию от завоевания, но и саму Россию от наметившегося удушения. Вторично Царьград и проливы ускользали от России — на этот раз по вине командования 7-й армии-Войска Щербачева решено было использовать в Галиции и наступлением Юго-Западного фронта облегчить положение сербов.

В Галиции со второй половины октября установилось затишье, царившее и на остальных театрах войны за исключением Балканского. Поздней осенью в армиях, расположенных в Полесье — 3-й и 8-й, — было приступлено к формированию партизанских отрядов из охотников кавалерии, артиллерии и казаков. Отсутствие сплошного фронта в этих лесистых и болотистых дебрях, тысячелетняя преданность России волынского населения сделали возможной партизанскую работу, чрезвычайно досадившую совершенно неопытным в этом деле немцам. Особенную славу стяжал здесь капитан Леонтьев — офицер той же 14-й артиллерийской бригады, что и Фигнер — воскресивший в волынских лесах подвиги Двенадцатого года. К сожалению, за свой самый блестящий успех — при Невеле — он заплатил жизнью.

31 октября капитан Леонтьев с тремя отрядами Оренбургской казачьей и 11-й кавалерийской дивизий общей силой в 450 человек, нагрянул на деревню Кухоцкую Волю, где стояли на ночлеге 271-й резервный пехотный и 8-й резервный драгунский германские полки. Не успевший стать в ружье неприятель был вырезан без всякой пощады — в плен никого не брали. Нами взято и испорчено 2 орудия. Немцы похоронили до 2000 своих трупов, тогда как у нас было только 10 раненых. В ночь на 15 ноября с летучим отрядом в 800 шашек — казаков оренбуржцев, кубанцев, замурцев 1-го и 2-го конных полков и всадников 11-й кавалерийской дивизии — Леонтьев нагрянул на Невель, где расположился штаб 82-й германской дивизии. Один германский генерал был зарублен, два (в том числе начальник 82-й дивизии) взяты в плен. Взято и испорчено 4 орудия, изрублено (по немецким же источникам) 600 немцев. У нас убито 2 казака, ранено 4 человека и смертельно капитан Леонтьев, получивший от Государя посмертно орден святого Георгия 3-й степени.

В последних числах ноября 7-я армия была выдвинута в расположение 11-й армии на Серете, включив в свой состав левофланговый ее XXII армейский корпус.

Наступление должна была начать 9-я армия генерала Лечицкого демонстративной атакой на Пруте, в Новоселицком районе. 7-й армии надлежало затем отбросить за Стрыпу Южную германскую, нанеся главный удар от Трембовли II армейским корпусом. Для развития прорыва с Северного фронта на Подолию была переброшена гвардия (I корпус, новообразованный II Гвардейский пехотный и Гвардейский конный корпуса), ставшая в резерве фронта у Волочиска.

Между штабами 7-й армии и Юго-Западного фронта сразу возникли серьезные трения. Щербачев и Головин давали чувствовать невежественному Иванову свое превосходство, а тот, в свою очередь, не пропускал случая показать профессорам, что главнокомандующий — он.

Технические средства, отпущенные фронтом на прорыв, были мизерные. У нас стреляло 428 орудий. На артиллерийскую подготовку, длившуюся целых десять дней, было отпущено всего 34 000 снарядов — слишком мало для сколько-нибудь серьезных разрушений, но достаточно для того, чтобы этой учащенной стрельбой привлечь внимание противника. Наша норма артиллерийской подготовки — 1 тяжелый снаряд на 3 сажени фронта, немецкая — 130. Своеобразное же понятие генералом Ивановым элемента внезапности (запрещение разведки) привело к тому, что войскам пришлось атаковать вслепую... Наступление, назначенное на 6 декабря, все откладывалось.

14 декабря атаковала 9-я армия, завязав 19-й и 32-й пехотными дивизиями упорные шестидневные бои в проволочных лабиринтах у Раранчи. Особенно отличились здесь полки 73-й Крымский, 76-й Кубанский и 126-й Рыльский, преодолевшие по 20–25 рядов заграждений. В делах у Раранчи нами взято 1850 пленных и 3 пулемета. Урон 9-й армии

составил 21 975 человек.

15 декабря 7-я армия начала сближение с неприятелем, продвигаясь с Серета на Стрыпу. 16-го начались ее атаки — тяжелые бои в ненастную погоду и без шансов на успех. Слишком узкий фронт главной атаки II армейского корпуса насквозь простреливался косым огнем противника. Штаб 7-й армии вводил в бой войска пачками, нисколько не согласуя их усилий. V Кавказский и II армейский корпуса атаковали без всякой связи. Растрепав зря эти два корпуса, генерал Щербачев бросил в атаку 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, но мимолетный успех ее 26 декабря у Бобулинцев не был поддержан и развит. Операция была прекращена. Десять дней бессвязных и бессистемных атак не увенчались успехом. Войска сделали что могли, и, если крестный путь Сербии не облегчился, вина не тех русских воинов, что тысячами повисали окровавленными ключьями на оледенелой проволоке врага в те декабрьские дни на Стрыпе!

Сближение 15 декабря обошлось в 5000 человек, причем особенно пострадал V Кавказский корпус, бывший в эту операцию в составе 2-й и 4-й Финляндских стрелковых дивизий. Атаки 16-го по 19 декабря велись II армейским корпусом, причем V Кавказский топтался на месте. 26 декабря атаковала 3-я Туркестанская стрелковая бригада, захватившая 1500 пленных и 8 орудий (20-м полком), но не бывшая в состоянии развить успеха. Потери 7-й армии составили 24 828 человек, а всему Юго-Западному фронту декабрьская попытка наступать обошлась в 47000 человек¹⁰.

После этого неудачного наступления Ставка взяла назад войска гвардии. Из 8-й армии еще раньше был отправлен на север — в 10-ю армию — XXIV армейский корпус (замененный XXXII корпусом 9-й армии), а из 7-й армии — V Кавказский. Повинуясь настояниям западных союзников, Ставка обратила все свое внимание на север от Полесья. Юго-Западный фронт окончательно был признан второстепенным.

Январь и февраль прошли на всем театре войны спокойно. Единственным выдающимся событием здесь был исключительно смелый налет капитана Щепетильникова с колыванцами 27 февраля по уже вскрывавшемуся льду озера Нарочь.

Ввиду начавшейся оттепели поставленные немцами на льду поперек озера Нарочь проволочные заграждения упали. Поверх льда проступила вода. Капитан Щепетильников взял с собой все команды 40-го пехотного Колыванского полка, коими он заведовал: 600 штыков при 16 пулеметах Кольта и 8 ружейных пулеметов. Выступили в темноте и, нагрянув на немцев врасплох, захватили четыре их батареи, приведя в полную негодность 14 орудий и взяв в плен 9 штаб- и обер-офицеров и 163 нижних чинов. Назад отошли под огнем, переходя по доскам через трещины во льду. Результаты могли быть еще значительнее, но начальник штаба 10-й пехотной дивизии сплосковал и не поддержал вовремя капитана Щепетильникова екатеринбургцами, как то было условлено.

Наши потери составили около четверти всего отряда. Это дело надо поставить наравне с ледяным походом Багратиона на Аланд и с атакой Шелефтео 3 мая 1809 года по вскрывавшемуся льду Ботнического залива. Переход Нарочского озера в оба конца — туда в темноте, назад под огнем — велся по колено в воде, с постоянным риском провалиться в полыньи и трещины.

* * *

Давление союзников сказывалось все сильнее. Минотавры Соглашения требовали все больших жертв. Когда императорское правительство в декабре 1915 года попыталось было возразить, что человеческие ресурсы России, на Западе казавшиеся неисчерпаемыми, на самом деле подходят к концу, союзные правительства весьма недвусмысленно пригрозили приостановить снабжение нас военными материалами (за которые мы между тем платили вперед золотой валютой и по необычайно высокой расценке). Приходилось тянуться изо всех сил и призвать срок 1918 года, в то время, как во Франции призывался еще срок 1916 года.

Союзники не видели — и не желали видеть — разницы в хозяйственной структуре России и западноевропейских стран, где человека на производстве заменяла машина. У нас же призыв очередного срока новобранцев, очередной категории ополченцев вызывал

незаживающую рану — истощал соки, которыми питалась страна.

В том же декабре Россию посетила французская миссия сенатора Думера. Речь шла не больше и не меньше, как об отправке во Францию 300 000 русских солдат в смысле 20 000 тонн человеческого мяса — без офицеров и вне всякого организационного кадра. Они должны были, подобно марокканцам, сенегальцам или аннамитами, составить особые ударные роты французских пехотных полков под командой французских офицеров. Автором этого остроумного предложения был какой-то Шерадам — публицист. При всей нашей дряблости и уступчивости этот чудовищный проект был отвергнут. Но французы все-таки настояли на отправке на их фронт русских войск (правда, в гораздо меньшем количестве и с русскими же начальниками). Человек бюрократической складки, генерал Алексеев вместо отправки уже существовавших и сплоченных частей задумал формирование каких-то особых стрелковых полков, целиком импровизированных либо надерганных из отдельных рот. В январе — феврале было сформировано и отправлено на Западный театр войны 3 особые бригады и намечено формирование в продолжение 1916 года еще 5.

1-я Особая бригада генерала Лохвицкого¹¹, отправленная через Сибирь, Маньчжурию, Индийский океан и Суэцкий канал, высадилась в Марселе в первых числах мая. 2-я бригада генерала Дитерихса¹² отправлена была через Архангельск, Ледовитый и Атлантический океаны и высадилась в Шербуре. Из Франции она была отправлена на Салоникский фронт. 3-я бригада генерала Марушевского, высадившись в Шербуре, составила с 1-й дивизию под общим начальством генерала Лохвицкого.

Как бы то ни было, отношения между союзниками заметно ухудшились. Ничтожество Сазонова и явная несостоятельность назначенного нашим военным представителем на междусоюзных военных конференциях генерала Жилинского привели к тому, что интересы России стали игнорироваться. Первым военным авторитетом Согласия был победитель на Марне генерал Жоффр. Однако Жоффру совершенно не доставало тех качеств, которые нашлись у Фоша: желания понять союзников и широты кругозора, позволявших бы ему разобраться в сложной обстановке совокупности всех фронтов Мировой войны. Генерал Алексеев отводил душу в ламентациях, недостойных настоящего полководца.

Вот образец одной из таких ламентаций. В январе 1916 года генерал Алексеев писал генералу Жилинскому по поводу угроз Франции прекратить нам снабжение. Заключение, что Франция, имеющая 2 200 000 бойцов, должна быть пассивной, а Англия, Италия и Россия должны истощать Германию, тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и стратегические нелепости безусловно необходима. Хуже того, что есть в отношениях, не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимают с нас последнюю рубашку. Это ведь не условие, а очень выгодная сделка, но выгоды должны быть хоть немного обоюдны, а не односторонни... Посылая эти мудрые советы, безвольный Алексеев не отдавал себе отчета в том, что внушительная отповедь союзникам — его дело, как ответственного главнокомандующего, а отнюдь не дело генерала Жилинского — инстанции подчиненной.

В высшем командовании произошло много перемен. С декабря по февраль Северным фронтом командовал генерал Плеве, заменивший болевшего генерала Рузского. Его 12-ю армию принял командир XIX армейского корпуса генерал Горбатовский, передавший свой корпус генералу Долгову¹³. В марте 1916 года генерал Плеве скончался.

Еще осенью вместо отрешенного генерала Мрозовского командиром Гренадерского корпуса был назначен генерал Куропаткин, тщетно с самого начала войны добивавшийся какого-нибудь назначения и не получивший его при великом князе, неприязненно к нему относившемся. На посту командира корпуса генерал Куропаткин проявил совершенное непонимание большой европейской войны. Заботливый и деликатный Куропаткин был полной противоположностью грубому и черствому Мрозовскому. Со всем этим следует признать, что и в Мировую войну, как и в Японскую, он руководился тактическими

масштабами туркестанских походов. Он задумал прорвать фронт противника без артиллерийской подготовки, ослепив немцев сильными прожекторами.

В ночь на 10 января генерал Куропаткин приказал Киевскому и Таврическому гренадерским полкам, одетым в белые балахоны, ползти к проволочным заграждениям, а прожекторам ослепить сидевших в окопах напротив немцев. Кокандцы и бухарцы, пожалуй, были бы поражены такими чудесами техники, но немцам прожектора были не в диковинку, и у них имелась артиллерия, что Куропаткин совершенно упустил из виду. Несколькими очередями немцы погасили наши прожекторы (осветившие заодно и наших grenader на проволоке) и затем сильным огнем заставили нас отойти в исходное положение. Нелепая затея привела к бессмысленным потерям.

В другой раз, наметив прорыв неприятельского фронта на участке 1-й гренадерской дивизии, он назначил для всей операции один батальон Несвижского полка... А в феврале месяце, когда генерал Плеве вынужден был покинуть Действующую армию по расстроенному вконец здоровью, генерал Куропаткин был призван — непосредственно из корпусных командиров — на должность главнокомандующего Северного фронта. Трудно сказать, чем руководствовался Император Николай Александрович, призвав на ответственный пост заведомо непригодного деятеля. Во всяком случае, убитый под Мукденом Куропаткин скоро доказал, что его не стоило воскрешать.

В марте был отчислен главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов, столь неудачно распорядившийся декабрьским наступлением на Стрыпе. На его место был назначен генерал Брусилов, сдавший 8-ю армию командиру XII армейского корпуса генералу Каледину. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Саввич и командир XVI корпуса генерал Клембовский поменялись постами еще раньше.

* * *

1 февраля 1916 года в Шантильи, во французской Главной Квартире, состоялся междусоюзный военный совет, на котором было постановлено начать общее наступление на Восточном театре 2 (15) июня, нанося главный удар на Вильну, а на Западном — 18 июня (1 июля), нанося главный удар на Сомме. Фантастический проект генерала Алексеева о нанесении главного удара на Балканском театре был отвергнут генералом Жоффром, вообще недооценивавшим значение Балкан. Генерал Алексеев предлагал двинуть на Балканы не больше и не меньше как 16 корпусов примерно треть нашей вооруженной силы. Союзники должны были тоже довести силы своего Салоникского фронта до 10 корпусов.

Каким образом могли попасть на Балканы 16 русских корпусов, этот забавный проект не объяснял. Румыния еще в минувшем декабре отказалась пропустить через свою территорию русские войска, а к десанту сам генерал Алексеев относился враждебно. Оставалось перевезти эти 16 корпусов на аэропланах. Подобный стратегический лепет отнюдь не увеличивал престижа русской Ставки в глазах французского командования.

Принятое в Шантильи за четыре месяца вперед решение напоминало знаменитый аустерлицкий план Вейротера, по словам Наполеона, хороший в случае, если неприятель будет оставаться неподвижным, как верстовые столбы. Противник, с которым пришлось в Мировую войну иметь дело союзникам, меньше всего походил на неподвижные веи. Уже 8 февраля немцы ринулись на Верден, положив начало восьмимесячной титанической войны.

Междусоюзный план кампании пошел прахом уже через неделю по его принятии. Помощь Франции потребовалась немедленно. 11 февраля в Ставке состоялось экстренное совещание по этому вопросу. 21-го же числа представитель Франции генерал По — как Палеолог в августе 1914 года — передал настойчивую просьбу генерала Жоффра о помощи.

Ренненкампф и Самсонов именовались теперь Куропаткиным и Эвертом. В последних числах февраля был принят план комбинированного удара. На Северном фронте, где 1-я и 5-я армии поменялись местами, 5-й армии надлежало наступать от Якобштадта на Поневеж, а 1-й непосредственно содействовать своим левым флангом Западному фронту. 12-я армия не могла быть привлечена к наступлению ввиду полной ее непригодности. 12-я армия еще не закончила перевооружения японскими винтовками. Кроме того, почти что накануне (за три

дня) предполагавшегося наступления выяснилось, что войска не имеют ножниц для резки проволоки.

На Западном фронте ударной армией была назначена правифланговая 2-я, которой было указано атаковать на Свенцяны — Вильно. Состав 2-й армии был доведен до 10 корпусов, и командовать ею было поручено командующему 4-й армией генералу Рагозе (командовавший 2-й армией генерал Смирнов эвакуировался).

Генерал Рагоза ввел в управление армией хаос импровизации. Он разделил совершенно ему незнакомые войска на три группы, создав три совершенно ненужных промежуточных организма. На правом фланге образована была группа генерала Плешкова (I Сибирский корпус его самого, I армейский корпус генерала Душкевича и XXVII армейский корпус генерала Баланина). В центре — группа генерала Сирелиуса (IV Сибирский корпус самого Сирелиуса¹⁴ и XXXIV армейский корпус генерала Вебеля — генерал Скоропадский¹⁵ принял корпус только в конце 1916 года). На левом фланге — группа генерала Балуюева (III Сибирский корпус генерала Трофимова¹⁶, V армейский корпус самого Балуюева и XXXV армейский корпус генерала Парчевского¹⁷). В резерве: III Кавказский корпус генерала Ирмана, XV армейский корпус генерала Торклуса¹⁸ и XXXVI армейский корпус генерала Короткевича¹⁹.

Генерал Рагоза разделял один из софизмов лееровской школы, в силу которого невозможно будто бы управлять более чем пятью единицами одновременно. Сентенция эта приписывалась Наполеону. Возникал вопрос, раз во 2-й армии количество единиц превышало сакраментальное число, не проще ли было бы перевести под Нарочь еще одно армейское управление.

Пришлось атаковать за три месяца до срока, бросить в бой еще необученные, неготовые войска, расстреливать еще не накопившийся запас снарядов, наступать в озерно-болотистом районе, в весеннюю распутицу, когда пехота проваливалась выше колен в воду, а артиллерия при выстреле осаживала по ступицу колес!

5 марта началось десятидневное побоище, известное под именем Нарочского наступления.

Корпус за корпусом шел на германскую проволоку и повисал на ней, сгорал в адском огне германской артиллерии. Наша слишком малочисленная и слабая калибром артиллерия, вдобавок чрезвычайно неудачно сгруппированная, оказалась беспомощной против бетонных сооружений, войска увязали в бездонной топи. Полки Плешкова и Сирелиуса были расстреляны у проволоки и на проволоке. I Сибирский корпус прорвал было железной грудью мощные позиции 21-го германского корпуса, но, не поддержанный, захлебнулся в своей крови... Небольшой успех был только в группе генерала Балуюева, где 8 марта V корпус выбил немцев из Постава. Беспросветная бойня шла во 2-й армии до 15 марта, пока, наконец. Ставка не приказала прекратить ее.

16 атаковавших у Нарочи русских дивизий 2-й армии лишились 90 000 человек (20 000 убитых, 65 000 раненых, 5000 без вести пропавших). В I армейском корпусе 22-я пехотная дивизия лишилась 8900 человек, в I Сибирском корпусе 1-я Сибирская стрелковая дивизия потеряла 7612 человек. Урон десяти дивизий X германской армии составил 10 000, в 9 раз меньше нашего. Распоряжение Ставки прекратить наступление спасло от избиения III Кавказский и XV армейский корпуса. Нашими трофеями 8 марта у Постава были 33 офицера, 1850 нижних чинов, 1 орудие, 85 минометов и бомбометов и 18 пулеметов²⁰. Для характеристики полководчества генерала Рагозы и его групп упомянем, что ежедневно в штаб 2-й армии поступало до 3000 (трех тысяч) всякого рода входящих!..

На Северном фронте генерал Куропаткин произвел 8 марта ряд безрезультатных наступлений. В 12-й армии дело ограничилось атакой VI Сибирским корпусом Куртенгофа. Войска 5-й армии — 5 дивизий из состава XIII, XXVIII корпусов и XXXVII армейского корпуса — безуспешно наступали 8-го по 12 марта от Якобштадта. По примеру генерала Рагозы генерал Гурко образовал здесь группы (генералов Гандурина²¹ и Слюсаренко²²) — и с тем же результатом. В 1-й же армии левобережный XIV корпус генерала Войшин-

Жилинского, атакуя со 2-й армией, разделил печальную участь войск Плешкова. Северный фронт лишился 60 000 человек — 10 000 в 12-й армии, 38 000 в 5-й армии и 12 000 в XIV корпусе 1-й армии (этот последний был усилен 40-й пехотной дивизией IV армейского корпуса).

Ни один германский батальон не был перевезен из России под Верден²³. Русским армиям это обошлось в полтораста тысяч человек — больше, чем к тому времени пало под Верденом французов... В своем обстоятельном труде Верден, вышедшем 13 лет спустя, маршал Франции Петен не нашел ни одного слова памяти этих 150 000 русских офицеров и солдат. Более того. Поместив в 1929 году в известном еженедельнике иллюстрация очерк Верденского сражения, маршал Петен и здесь игнорировал кровавую русскую жертву и подчеркнул, что французская армия первую помощь получила только три месяца спустя после начала Верденского сражения, в мае, и что эта помощь пришла... от доблестного сопротивления итальянских войск австрийским атакам в Тироле. Почему именно от итальянских войск в Тироле, а не от японских пожарных или португальских бойскаутов маршал не указывает.

* * *

Мартовская неудача катастрофически повлияла на обоих главнокомандующих Куропаткина и Эверта. Они совершенно пали духом, и всякое наступление стало им казаться невыносимым. 1 апреля в Ставке состоялось под Высочайшим председательством совещание главнокомандующих фронтами относительно дальнейших действий в открывающуюся кампанию 1916 года. Генерал Куропаткин и генерал Эверт высказались за полную пассивность. При нашей технической нищете наступление должно было, по их мнению, закончиться неизбежной неудачей. Это мнение всецело разделял и приглашенный на совещание генерал Иванов.

Но тут заговорил новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Государь и Алексеев услышали мужественную речь солдата и полководца. Генерал Брусилов верил в русские войска и требовал для своего пассивного фронта наступательной задачи, ручаясь за победу. Он увлек за собой нерешительную Ставку и робких своих коллег, зажег верой (хоть и не надолго) уже потухшие их сердца.

После совещания Куропаткин подошел к Брусилову:

Охота была вам, Алексей Алексеевич, напрашиваться! Вас только что назначили главнокомандующим, и вам притом выпало счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться неприятностям? Вы можете быть смещены с должности и потерять тот военный ореол, который вам удалось заслужить в настоящее время. Я бы на вашем месте всеми силами отрекся от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут.

Куропаткин весь вылился в этих словах. Что можно сказать о таких военачальниках и можно было ли быть спокойным за будущее страны, участь которой вверялась в такие руки?

Решено было наступать 18-го (31 мая). Западные союзники, оставив для себя прежний срок 1 июля нового стиля, требовали в то же время от нас возможно скорейших действий — срок 15 июня нового стиля, указанный нам Жоффром в Шантильи, их больше не удовлетворял.

Юго-Западному фронту надлежало открыть кампанию демонстрацией из Ровненского района. Решительное же наступление должно было состояться к северу от Полесья. Западному фронту — нанести главный удар из Молодеченского района на Ошмяны и Вильну, Северному фронту — вспомогательный из Двинского района на Свеняны. Эверту надлежало бить, Куропаткину — помогать, Брусилову демонстрировать.

Четвертая Галицийская битва (Брусиловское наступление)

Апрель и большая часть мая прошли в подготовке к решающему удару. Сборы Северного фронта были мешкотны. Куропаткин колебался, сомневался, теряя дух. Во всех его распоряжениях чувствовался ничем не обоснованный страх перед высадкой германского

десанта в Лифляндии — в тыл Северного фронта. Прося все время усилить свои армии, генерал Куропаткин отправлял все посылаемые ему подкрепления (в общей сложности 6 пехотных и 2 кавалерийские дивизии) на охрану Балтийского побережья, ослабляя этим свою маневренную группу. Совершенно так же он накануне Мукденского сражения ослабил Маньчжурскую армию на целый корпус, опасаясь несуществовавших хунхузских полчищ в Монголии. Видно было, что на широкую наступательную операцию главнокомандующий Северным фронтом так никогда и не решится.

Для психологии старших русских военачальников эпохи Японской и Мировой войн чрезвычайно характерны скептицизм к собственным десантным операциям и одновременно панический страх перед возможностью десанта противника. Составитель плана войны Ю. Данилов оставил целую 6-ю армию на финском побережье. Первая Ставка не желала слышать о десанте на Царьград, а в то же время выход немецких кораблей в море повергал ее в трепет. То же можно сказать про генерала Рузского и Куропаткина.

Сходно обстояли дела и на Западном фронте. Никогда ни один военачальник не работал столько, сколько работал генерал Эверт. Заваленный отчетами, таблицами, ведомостями, он в свою очередь засыпал войска бесчисленным количеством приказов, указаний, наставлений, стремясь обязательно все предусмотреть до последней мелочи. Генерал Эверт и начальник его штаба генерал Квецинский²⁴ не умели мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, стремясь с совершенно негодными средствами воспроизвести и так невысокие образцы Шампанской битвы сентября 1915 года.

После неудачи мартовского наступления ими овладело отчаяние. Они видели, что то, что они делали, не годилось. Создать же свое, новое, найти выход из стратегического тупика, куда завела русские войска чужая мысль, они были не в состоянии. За суетливой работой штаба Западного фронта чувствовалась большая нервность, неуверенность в себе и в войсках. Сосредоточенных для удара на Вильну в Молодеченском районе 12 корпусов 2-й и 4-й армий — 480 000 бойцов против 80 000 неприятеля — уже казалось генералу Эверту недостаточным — он желал иметь по корпусу на версту фронта атаки! Чем ближе надвигался решительный срок 18 мая, тем более падал духом незадачливый главнокомандующий Западным фронтом.

В последнюю минуту, когда все уже было готово, он вдруг переменял весь свой план и вместо удара на Вильну избрал почему-то удар на Барановичи, переводя на это направление штаб 4-й армии. Для переработки планов он просил две недели отсрочки — с 18 мая на 31-е и, едва лишь получив их, попросил новую отсрочку до 4 июня, опасаясь... неудачи в Троицын день! На этот раз рассердился даже покладистый Алексеев. Эверту приказано было наступать, не справляясь со святыми.

Совсем иное дело было на юго-западе. Сдавая фронт, генерал Иванов характеризовал свои армии небоеспособными, а наступление в Галиции и на Волыни — безнадежным. Генералу Брусилову удалось преодолеть инертность своих подчиненных (проникшихся было подобными взглядами бывшего своего начальника) и заставить их энергично приняться за дело. Каледин и Сахаров не ждали от наступления ничего хорошего. У более мужественных начальников — Щербачева и Лечицкого — проскальзывал скептицизм. Заминок, однако, не было никаких.

Идея, положенная генералом Брусиловым в основу плана наступления, была совершенно новой и казалась парадоксальной. Учтя полностью опыт неудавшихся наступлений и попыток прорыва сплошного фронта на Французском и Русском театрах войны, он отказался от сосредоточения в одном месте кулака, всегда заранее обнаруживаемого неприятелем, и потребовал подготовки наступления по всему фронту, дабы держать в заблуждении противника. По той же причине он решил сократить затяжную артиллерийскую подготовку и дать больше места суворовской внезапности. Каждый командующий должен был атаковать в направлении, которое сам выберет. Эти смелые идеи, порывавшие со всеми принятыми доселе шаблонами, смутили было лишенного творческой интуиции генерала Алексева. Он пытался было возражать — по своему обыкновению слабо

против этой разброски сил, но, получив отпор подчиненного, смирился — тоже по своему обыкновению.

Главную роль генерал Брусилов отвел своему правому флангу — 8-й армии как смежной с Западным фронтом, который должен был нанести врагу главный удар. Он все время помнил, что роль Юго-Западного фронта — второстепенная, и все свои стратегические расчеты подчинял выработанному в Ставке плану, сознательно принося в жертву главное направление своего фронта — Львовское, на котором стояла 11-я армия. Эту дисциплину стратегической мысли надо поставить ему в большую заслугу. В 8-ю армию он направил треть пехоты (13 дивизий из 381/2) и половину тяжелой артиллерии (19 батарей из 39) всего фронта и указал ей направление на Ковель — Брест (указание смелое, если принять во внимание, что до Бреста было 200 верст, а в резерве армии и вместе с тем всего фронта всего одна дивизия). Командовавший армией генерал Каледин решил нанести главный удар своим левым флангом в луцком направлении превосходными войсками XI и VIII армейских корпусов.

В 11-й армии генерал Сахаров наметил прорыв от Тарнополя на участке своего левофлангового VI корпуса, командиру которого энергичному генералу Гутору он больше всего доверял. 7-я армия, против которой находился наиболее крепкий участок австро-германского фронта, была самой слабой, насчитывая всего 7 пехотных дивизий. Генерал Щербачев решил прорвать фронт врага там, где тактически это было легче всего осуществимо — на участке левофлангового II армейского корпуса у Язловца. Наконец, генерал Лечицкий положил сперва разделаться с неприятелем в Буковине, нанеся удар своим левым флангом (усиленный XI армейский корпус) в юго-западном направлении — к Карпатам, — а затем, обеспечив себя здесь, перенести удар на правый фланг, в Заднестровье.

Таким образом, Юго-Западный фронт намечал четыре отдельных сражения. Каждый командовавший армией выбрал направление для своего удара, ничуть не считаясь с задачей соседа. Все четыре армии наносили удар своими левыми флангами. Особенно досадно должен был сказаться разноречием в действиях 8-й и 11-й армий. Эта последняя должна была бы обратить все свое внимание на свой правый фланг, действовавший в соседстве с главным ударом 8-й армии на Луцк. Вместо этого генерал Сахаров все свои усилия направил на левое крыло, а своему правофланговому XVII корпусу приказал только демонстрировать.

Штаб Юго-Западного фронта не задавался целью связать воедино действия своих четырех армий. Генеральное сражение на юго-западе совершенно не входило в расчеты Ставки: оно должно было разыграться к северу от Припяти. Генералу Брусилову было указано демонстрировать — и только. Венцом и конечной целью этой своей стратегической демонстрации Брусилов наметил прорыв неприятельского фронта в четырех местах, рассчитывая этим в достаточной степени сковать неприятеля. Развития этих прорывов не должно было предвидеться, кроме разве Луцкого в 8-й армии — и то в зависимости от успеха главного наступления Западного фронта. Для Эверта прорыв был только средством к нанесению решительного удара. Для Брусилова он был целью, за которую его усилия не должны были идти.

Подготовка к прорыву была проведена юго-западными армиями выше всякой похвалы. Следует отметить как четкую организацию огневого кулака штабом 8-й армии, так и поразительную тщательность к подготовке пехотного приступа, его ювелирную отделку штабом профессорской 7-й армии. Летчики нашей 7-й армии сфотографировали неприятельские позиции на всем протяжении фронта Южной германской армии. По этим снимкам были составлены подробнейшие планы, на которых были занесены все ходы сообщения и пулеметные гнезда. В тылу нашей 7-й армии были сооружены учебные городки, точно воспроизводившие намеченные для штурма участки неприятельской позиции. Войска учились на них заранее, чтобы затем быть в неприятельских окопах, как у себя дома. Штаб 7-й армии даже перестарался. Он утомлял войска поистине циклопическими и в значительной степени бессмысленными земляными работами по инженерному наступлению. Один II армейский корпус отрыл, например, на удивление потомству 12 000

кубических метров земли.

В ночь на 15 апреля X германская армия коротким ударом выбила из района Постов наш V армейский корпус, восстановив этим свое положение до нашего Нарочского наступления. Немцы отравили наши войска фосгеном, от которого маски старого образца не защищали. В этом неудачном деле мы лишились 130 офицеров, 10697 нижних чинов, 6 орудий, 72 пулеметов. Артиллерия корпуса спасена от захвата штыками витебцев и колыванцев. Через двенадцать дней, 27-го числа, немцы атаковали XIV корпус на стыке 1-й и 2-й армий, но были отбиты.

В мае месяце две новоформированные дивизии — 123-я и 127-я — были с управлением V Кавказского корпуса отправлены на усиление Кавказского фронта, а одна — 126-я — дана Юго-Западному фронту, где составила со 2-й Финляндской ХБУ армейский корпус — единственный резерв генерала Брусилова. В то же время не входившая в состав корпусов 77-я и 100-я пехотные дивизии в Полесье были сведены в ХБУ! армейский корпус на крайнем правом фланге 8-й армии и Юго-Западного фронта.

Общая картина нашей вооруженной силы представлялась в следующем виде:

Северный фронт — генерал Куропаткин, начальник штаба генерал Сиверс²⁵, ХЫI отдельный корпус генерала Гулевича — в Финляндии, I, III армейские и усиленный V Сибирский корпуса — на лифляндском побережье в резерве фронта. 12-я армия генерала Радко Дмитриева, начальник штаба генерал Беляев — ХЫП армейский, VI Сибирский, XXXVII армейский корпуса и VII Сибирский корпус (в резерве) — в районе Риги. 5-я армия генерала Гурко, начальник штаба генерал Миллер⁶¹ — XIII, XXXVIII, XIX армейские корпуса и II Сибирский корпус (в резерве) — в районе Якобштадта. 1-я армия генерала Литвинова, начальник штаба генерал Одишелидзе²⁶ — XXIX, XXI, IV, XIV армейские и I конный корпуса — в районе Двинска.

Западный фронт — генерал Эверт, начальник штаба генерал Квецинский. 2-я армия генерала Смирнова, начальник штаба генерал Соковнин²⁷ — XXVII, XXXIV, XV армейские, I Сибирский, XXXVI армейский корпуса и V армейский корпус (в резерве) — в районе Нарочи. 4-я армия генерала Рагозы, начальник штаба генерал Юнаков²⁸ — XX, XXIV армейские, III Сибирский, II Кавказский, XXXV армейские корпуса — в районе Сморгони. Обе армии нацелены на Вильну. За ними во второй линии XXIII армейский корпус в резерве фронта, I Гвардейский, II Гвардейский, IV Сибирский и Гвардейский конный корпуса в резерве Ставки. Левее 4-й армии 10-я армия генерала Горбатовского, начальник штаба генерал Попов²⁹ — XXIV армейский, III Кавказский, I Туркестанский, XXXVIII, ХЫУ армейский, VII конный корпуса — в направлении на Крево. 3-я армия генерала Леша, начальник штаба генерал Баиов³⁰ — XXV, Гренадерский, IX, XXXI армейский и VI конный корпуса — в направлении на Барановичи.

Юго-Западный фронт — генерал Брусилов, начальник штаба генерал Клембовский, 8-я армия генерала Каледина, начальник штаба генерал Сухомлин³¹, после генерал Стогов³² — IV конный, ХБУ! армейский, V конный, XXX и XXXIX армейский корпуса — на ковельском направлении; ХБ, VIII и XXXII армейские корпуса — на луцком направлении. ХБУ армейский корпус в резерве фронта. 11-я армия генерала Сахарова, начальник штаба генерал Шишкевич³³ XVII, VII, XVIII, VI армейские корпуса — в направлении на Дубно — Броды Злочев (и дальше на Раву Русскую — Львов). 7-я армия генерала Щербачева, начальник штаба генерал Головин — XXII, XVI, II армейские корпуса — вдоль Стрыпы, II конный корпус (в резерве). 9-я армия генерала Лечицкого, начальник штаба генерал Санников³⁴ — XXXIII, ХЫ, XII, XI армейские, III конный корпуса от Днестра до румынской границы.

Неприятельские силы располагались следующим образом:

Вдоль Двины сильная VIII армия Отто фон Белова против 12-й и 5-й армий. На двинском направлении — армейская группа Шольца против 1-й армии. На виленском направлении — X армия Эйхгорна — против 2-й и 4-й армий, XII армия Галльвица против 10-й армии. Все эти силы составляли группу войск Гинденбурга.

Против нашей 3-й армии у Барановичей находилась группа войск Леопольда

Баварского в составе IX армии самого принца и армейской группы Войерша. В Полесье — группа войск Линзингена: армейская группа Гронау против 3-й армии на Припяти, а все остальные силы против нашей 8-й армии — австро-венгерский конный корпус Гауэра, отдельный сводный австро-венгерский корпус Фата и IV австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда.

В Галиции — группа войск Бем Ермолли — I австро-венгерская армия генерала Пухалло и II самого Бем Ермолли — против нашей 11-й армии, Южная германская графа Ботмера — против нашей 7-й армии и VII австро-венгерская армия Пфланцер Бал-тина — против нашей 9-й армии.

Группа войск Леопольда Баварского была подчинена Гинденбургу, имевшему титул главнокомандующего на Востоке. Войска же Линзингена и Бем Ермолли, действовавшие против нашего Юго-Западного фронта, подчинялись австро-венгерской Главной Квартире (эрцгерцог Фридрих, фельдмаршал Конрад).

Всего к северу от Припяти мы собрали для решительного удара 106 пехотных и 26 конных дивизий против 49 пехотных и 8 кавалерийских дивизий неприятеля, а к югу — в армиях генерала Брусилова — состояло 39 пехотных и 13 конных дивизий для демонстративных наступлений на равносильного противника, имевшего 38 очень сильных пехотных и 11 кавалерийских дивизий³⁵.

15 мая австро-венгры (снявшие ранней весной 9 дивизий с русского фронта) перешли в энергичное наступление в Италии, нанеся в Тироле итальянцам сильное поражение. Итальянский главнокомандующий генерал Кадорна обратился за помощью к генералу Алексееву, король Виктор Эммануил телеграфно умолял Императора Всероссийского. Зная вассальную зависимость русской Ставки от западных союзников, Кадорна обратился к генералу Жоффру, прося его подействовать на генерала Алексеева для ускорения русского наступления. Генерал Жоффр отнесся к этому несочувственно — дело непосредственно не касалось Франции, значит, можно было позволить русским действовать так, как того могли требовать русские интересы. Кроме того — и это было главное, — скороспелое русское наступление не могло облегчить положение Французского фронта в такой степени, как наступление, хорошо подготовленное.

Генералу Брусилову было поэтому предписано ускорить переход в наступление, не дожидаясь подхода в 8-ю армию V Сибирского корпуса с Северного фронта. Русская карета скорой помощи опять понеслась на спасение очередного союзника.

* * *

На рассвете 22 мая гром двух тысяч орудий от Припяти до Прута возвестил славу русского оружия.

В это утро атаковали наши 11-я армия генерала Сахарова и 9-я армия генерала Лечицкого. 23 мая перешла в наступление 8-я армия генерала Каледина, а 24-го и 7-я армия генерала Щербачева, дольше других ведшая артиллерийскую подготовку.

Успех сразу же превзошел все ожидания, и 25 мая армии Юго-Западного фронта подарили России победу, какой в Мировую войну мы еще не одерживали.

Правофланговая 8-я армия атаковала 23 мая. Генерал Каледин ввел в бой 12 пехотных и 7 кавалерийских дивизий — 170 000 бойцов с 582 орудиями против 12 пехотных и 4 кавалерийских дивизий — 160 000 бойцов и 766 орудий (группы войск Линзингена — отдельных корпусов Гауэра³⁶, Фата³⁷ и IV австро-венгерской армии).

Тяжелая местность — сплошные болота — чрезвычайно затрудняла бои и делала невозможным использование сосредоточенной в ковельском направлении конной массы в 5 дивизий — 15 000 пик и шашек IV конного корпуса генерала Гилленшмидта³⁸ и V конного корпуса генерала Вельяшева³⁹. Генерал Брусилов имел в виду стремительным наскоком IV конного корпуса по воде, трясинам и колючей проволоке захватить Ковель — важнейший узел сообщения в тылу врага. Невозможные местные условия и наличие в Полесье сильнейших групп Гауэра и Фата совершенно не принимались им в расчет. Генерал Гилленшмидт — начальник храбрый без опрометчивости — видел на месте всю

невыполнимость этого плана. 23-го, 24-го и 26 мая он пробовал наступать совместно с войсками ХБУГ корпуса генерала Истомина⁴⁰, в боях у Рафаловки и Костюхновки не добился особенного успеха и имел мужество не исполнить категорические, но неосновательные требования штаба фронта.

В корпусе Гауэра — Польский легион (3 пехотные бригады) и 3 кавалерийские дивизии — 17000 бойцов с 85 орудиями. В корпусе Фата — 2 пехотные дивизии 27000 бойцов и 105 орудий. В боях у Костюхновки были разбиты поляки. У Рафаловки отличилась 16-я кавалерийская дивизия генерала Володченко⁴¹ (черниговские гусары взяли батарею лишь месяц спустя, 23 июня у Волчецка).

В направлении на Ковель атаковали XXX армейский корпус генерала Зайончковского⁴² и XXXIX корпус генерала Стельницкого⁴³. Упорными трехдневными боями им удалось отбросить за Стырь левый фланг армии эрцгерцога — 2-й австро-венгерский корпус. В боях 23 мая в XXIX корпусе особенно отличился 407-й пехотный Саранский полк, взявший 3300 пленных (в том числе 1000 германцев) и 8 пулеметов.

Если в ковельском направлении нами был одержан только тактический успех, то в луцком — на путях главного удара — нас ждала полная победа.

Блистательным прорывом XI. корпус генерала Кошталинского растерзал в боях 23-го и 24 мая у Жорнища и Олыки центр IV австро-венгерской армии — 10-й армейский корпус, тогда как VIII армейский корпус (где генерала Вл. Драгомирова временно замещал генерал Булатов) нанес полное поражение правофланговому сводному корпусу генерала Шурмая. Во 2-й стрелковой дивизии генерала Белозора⁴⁴ особенный успех имели 5-й и 6-й полки, открывшие XII корпусу путь на Олыку и Луцк. В 4-й стрелковой дивизии генерала Деникина первым прорвал все шесть линий неприятельских позиций 3-й батальон 13-го стрелкового полка капитана Тимановского, будущего начальника Марковской дивизии.

8-го стрелкового полка прапорщик Егоров с десятью разведчиками, скрытно пробравшись в тыл противнику, заставил положить оружие упорно дравшийся венгерский батальон и сам 11-й взял в плен 23 офицера, 804 нижних чина и 4 пулемета, отразив еще при этом конную атаку неприятельского эскадрона.

Эрцгерцог отвел свою разбитую армию на Стырь, и здесь 25 мая она была окончательно разгромлена. В этот день наша 14-я пехотная дивизия форсировала Стырь у Круп, а Железные стрелки генерала Деникина ворвались в Луцк. 56-й пехотный Житомирский полк, на которого был возложен штурм Круп, вначале не мог одолеть могучее предмостное укрепление. Штаб VIII корпуса распорядился прислать подкрепление. Услыша об их подходе, офицеры и солдаты отказались от поддержки:

Нас будут выручать? Житомирцы сами постоят за себя!

Дружным ударом взяли они оплот врага, захватив при этом 67 офицеров, 2000 нижних чинов и 13 пулеметов. Луцк взял 16-й стрелковый полк.

В то же время левофланговый корпус 8-й армии — XXXII генерала Федотова имел многотрудные бои с цепко державшимся на реке Икве левым флангом 1-й австро-венгерской армии. Генерал Каледин подкрепил его своим единственным резервом — XIV армейским корпусом генерала Лайминга⁴⁵. 25 мая войска 105-й пехотной и 2-й Финляндской дивизий форсировали Икву в боях у Дорогостая и Торговицы. 23 мая в 101-й пехотной дивизии полки 401-й Корневский и 402-й Усть-Медведицкий потеряли одними только убитыми 35 офицеров. 24 мая эти же полки захватили 2000 пленных. В 105-й пехотной дивизии отличился у Дорогостая 420-й пехотный Сердобский полк, взявший 4 орудия, а 6-й Финляндский полк Свечина форсировал Икву у Торговицы по горящему мосту, повторив бессмертное дело павловских гренадер под Клястицами и взяв 2000 пленных. Штаб 8-й армии плохо разбирался в обстановке, иначе он подкрепил бы не свой левый фланг, а свой центр — ХБ корпус, имевший наибольший успех и наибольшие возможности.

В Луцком сражении 23-го по 25 мая войсками 8-й армии было взято 45000 пленных, но только 66 орудий. Трофеи 8-й армии в Луцком сражении составили пленными 922 офицера, 43 628 нижних чинов, 66 орудий, 71 миномет и бомбомет и 150 пулеметов. Львиная доля

добычи — половина пленных и две трети орудий приходится стрелкам ХВ корпуса.

Неприятель показал свой урон в 82 200 человек — 51 процент всего состава войск Линзингена (10-й корпус потерял свыше 80 процентов). Наш урон в 8-й армии составил: 417 офицеров и 32 957 нижних чинов убитыми и ранеными — 20 процентов общей численности. А между тем большая часть неприятельской артиллерии — без малого 300 пушек и мортир — и все штабы, начиная со штаба IV армии — давились нам в руки, оставшись без прикрытия за гибелью либо бегством пехоты. Но вся наша конница оказалась где-то в ковельских болотах, и некому было пожать плоды победы... На луцком направлении оставалась одна 12-я кавалерийская дивизия, но генерал Каледин запретил ей преследовать разбитого врага. Генерал Каледин держал 12-ю кавалерийскую дивизию за VIII армейским корпусом, тогда как главный успех и возможность конного наскока представились в ХВ. корпусе. Став высшими начальниками, Брусилов и Каледин перестали быть кавалеристами.

Начальник 12-й кавалерийской дивизии барон Маннергейм⁴⁶ просил разрешения преследовать разгромленного и бежавшего неприятеля, потерял время и получил отказ. Будь на его месте граф Келлер, он без всякого спросу давно был бы во Владимире Волынском, а эрцгерцог Иосиф Фердинанд — в штабе Каледина!

Штаб Юго-Западного фронта совершенно не отдавал себе отчета в размерах и значении луцкой победы. Ставка смотрела не на Брусилова, а на Эверта. И связанный ее директивами генерал Брусилов смотрел не на Луцк, а на Ковель — не на Деникина, а на Гилленшмидта.

Командовавший же 8-й армией генерал Каледин не чувствовал пульса боя. Он придерживал рвавшиеся вперед, чужавшие скорую и полную победу войска, подравнивал их, не смел преследовать, все время оглядывался на штаб фронта и неумело израсходовал резервы.

Корпусные командиры не были на высоте своих войск. Старик Кашталинский⁴⁷ в XI, корпусе сказал себе ныне отпускаеши. Он получил победу, большего не желал и, видно, страшился дальнейших успехов и ответственных решений, так и оставшись, несмотря на луцкую победу, побежденным при Тюренчене. В VIII корпусе сказывалось отсутствие энергичного и талантливого Б. М. Драгомирова. Его заместитель генерал Булатов⁴⁸ получил на несколько дней совершенно незнакомые ему войска, сам будучи уже назначен командиром I армейского корпуса на Западном фронте, и при таких условиях не мог сделать много. Командир же корпуса XXXII генерал Федоров разменялся на мелочи, терял время, шел ощупью и упустил возможность ударить в открытый левый фланг 1-й австро-венгерской армии...

26 мая генерал Брусилов предписал Каледину придержать победоносные центральные корпуса 8-й армии — ХВ и VIII — и подравнять по ним отставшие фланги. Штаб Юго-Западного фронта отказывался от использования Луцкого прорыва: это использование не входило в его расчеты. Внимание генерала Брусилова было поглощено ковельским направлением, как того требовал план Ставки, наметивший почему-то главный удар на Западном фронте.

Свечин⁴⁹ полагает — и, по-видимому, с большой долей вероятности, — что Брусилов заранее страшился возможности неприятельского удара от Ковеля во фланг атаковавшей от Луцка 8-й армии, помня, как уже однажды — в сентябре 1915 года — подобное наступление группы Герока сорвало первую Луцкую операцию. Брусилов не желал поэтому зарываться за меридиан Луцка — на Владимир Волынский и дальше на Раву Русскую, не разделившись предварительно с Ковелем. Это предположение вполне приемлемо, особенно если не упускать из вида, что Юго-Западному фронту надлежало только содействовать Западному.

В боях 26-го и 27 мая правофланговые корпуса 8-й армии имели тактические успехи в ковельском направлении. В ХВУ! корпусе они были невелики, зато XXX корпус форсировал Стырь, а XXXIX взял Рожище. Центральные — ХВ и VIII — были придержаны после своей блестящей победы.

На левом крыле войска ХВУ и XXXII армейских корпусов прорвали фронт I австро-венгерской армии в дубненском направлении. Дружным ударом 2-й Финляндской и 101-й

пехотной дивизий был истреблен 18-й австро-венгерский корпус и 28 мая взят Дубно. При взятии Дубна особенно отличился 401-й пехотный Корневский полк. Трофеи наши в боях 28 мая составили 110 офицеров и 5000 нижних чинов пленными. Чрезвычайно посредственное руководство генерала Федотова не использовало всех блестящих возможностей стремительного прорыва наших войск и полной разрухи неприятеля. Оба эти левофланговые корпуса были вслед за взятием Дубна переданы в 11-ю армию.

Остается пожалеть, что генерал Брусилов не перенес в эти решительные дни свой командный пост ближе к полю сражения — в штаб 8-й армии либо даже в непосредственный тыл главной ударной группы своего фронта — ХВ и VIII корпусов. На месте он лучше отдал бы себе отчет в размерах победы и степени разгрома неприятеля. Тогда бы он принял, быть может, то полководческое решение, что дало бы нам выигрыш кампании, а быть может, и войны. Система командных постов, широко принятая в армиях французской и германской, позволяла командующему армией (либо группой армий) быть в личном контакте с исполнителями на местах, сохраняя в то же время постоянную связь с высшей инстанцией — штабом группы (либо Главной Квартирой). Наши уставы и положения этой системы не предусматривали. Подкрепив победоносный ХВ корпус резервным ХБУ, переведя сюда быстро V конный и бросив его с 12-й кавалерийской дивизией на Владимир Волынский, он окончательно стер бы с лица земли IV армию врага в след за тем вывел бы из строя Австро-Венгрию...

* * *

Командовавший 11-й армией генерал Сахаров перешел в наступление уже 22 мая после 8-часовой артиллерийской подготовки — самой кратковременной на всем фронте. 11-я армия развернула 81/2 пехотные и 1 конную дивизии — 15 400 бойцов и 382 орудия — против превосходного в силах неприятеля — 157 000 бойцов и 614 орудий — I, II австро-венгерской армии и левого фланга Южной германской армии, насчитывавших 9 сильных пехотных и 21/2 кавалерийских дивизий.

Удар VI армейского корпуса генерала Гутора пришелся по самому сильному месту неприятельского фронта — левофланговому 9-му корпусу Южной армии, усиленному германцами. В упорных боях 22-го по 27 мая у Воробьевки он понес большие потери и не имел успеха.

На правом фланге 11-й армии нашему XVII корпусу противостояли: правый фланг 18-го австро-венгерского корпуса I армии, группа генерала Козака⁵⁰ и 5-й австро-венгерский корпус II армии (этот последний, правда, слабого состава) — 31-й пехотных дивизий против двух наших. В центре нашему VII корпусу противостоял 4-й австро-венгерский корпус. На левом фланге против VI корпуса — усиленный 9-й австро-венгерский корпус, имевший 253 орудия против 120 наших. Нашему XVIII армейскому корпусу противостояла 48-я германская дивизия с почти равной по силе артиллерией (74 орудия против наших 84).

Командир VI корпуса генерал Гутор руководил боями, раненный незадолго до наступления. Корпус потерял половину своего состава — 198 офицеров и 14 711 нижних чинов убитыми и ранеными. Особенно пострадала 16-я пехотная дивизия, где Казанский полк лишился всех своих офицеров на высоте 369. В 4-й пехотной дивизии заслуживает внимания отличная работа наших и бельгийских броневых автомобилей. Трофеи были невелики, составив около 1300 пленных, 3 орудия, 25 минометов и бомбометов и 15 пулеметов. Весь урон свой при Воробьевке австрийцы показали в 54 офицера и 2875 нижних чинов — в пять раз меньше нашего.

Зато на правом фланге армии, в демонстрировавшем XVII корпусе, 3-я пехотная дивизия генерала Шольпа⁵¹ имела блестящий успех у Сопанова, овладев 22-го по 23 мая сильнейшими позициями и прорвав фронт на стыке I и II австро-венгерских армий. 25-го было сокрушено бешеное наступление двух дивизий левого фланга Бем Ермолли, и только бездарность командира XVII корпуса генерала Яковлева, упустившего момент ввести в дело приданную его корпусу Заамурскую конную дивизию, помешала нам овладеть всей неприятельской артиллерией.

Вся I австро-венгерская армия состояла из 18-го армейского корпуса, усиленного 7-й австро-венгерской кавалерийской дивизией и бригадой ландштурма — 61 000 бойцов и 232 орудия, по большей части ввязавшихся в бои с XXXII корпусом. Во II австро-венгерской армии слева направо (от нашего правого фланга к левому) были развернуты: группа генерала Козака, 5-й и 4-й армейские корпуса — 82 000 бойцов и 308 орудий. Удар 3-й пехотной дивизии пришелся по стыку этих двух армий — в правый фланг 18-го австро-венгерского корпуса.

Обращает на себя внимание исключительно красивая наша группировка. 3-я пехотная дивизия занимала фронт в 20 верст. Генерал Шольп собрал все силы в кулак у Сопанова на фронте в 2 версты, а на остальном фронте — 18 верст оставил одни дозоры. До Сопановского дела такая четкая группировка была за двести лет применена только один раз — князем Михаилом Голицыным 14 февраля 1714 года у Лаппо, когда из 8000 человек 7500 были направлены в обход шведской армии графа Армфельдта.

В боях 22-го по 23 мая особенно отличились полки 10-й Новоингерманландский и 12-й Великолуцкий. Трофеями 22-го и 23 мая были 190 офицеров, 7600 нижних чинов, 5 орудий, 58 минометов и бомбометов и 38 пулеметов. В тяжелом бою 25 мая наш 9-й пехотный Ингерманландский полк полковника Сапфирского схватился с пятью австро-венгерскими полками и отразил их. Неприятельская артиллерия — 80 орудий — взяла на передки и бежала врассыпную, преследуемая надрывным криком победителей: Кавалерию сюда! Кавалерия, вперед!.. Но генерал Яковлев еще накануне 24-го увел замурских конников куда-то в глубокий резерв, считая, что в образовавшееся окно конница не сможет проскочить. Урон неприятеля в сопановских боях составил, по самому осторожному подсчету, 17000 человек. У нас убыло 6000 человек (за прорыв 22–23 мая только 1500, остальные при отражении врага 25-го).

Видя неудачу своего главного удара и удачу демонстрации, генерал Сахаров решил развить Сопановский прорыв и обратил, наконец, внимание на свое правое крыло.

29 мая в состав 11-й армии, как мы видели, были включены ХБУ и XXXII армейские корпуса, только что разгромившие I австро-венгерскую армию на Икве и взявшие Дубно. Генерал Сахаров начал с того, что придержал их, не доходя до следующего за Иквой рубежа — реки Пляшевки, чтобы дать возможность подравняться XVII корпусу... В действиях штаба 11-й армии в эти дни — в делах у Воробьевки, Сопанова и за Дубном — чувствовалась какая-то растерянность и неуверенность. Генерал Сахаров больше всего занимался подравниванием.

Подобно своему соседу Каледину и начальнику Брусилову, он не отдавал себе отчета в размерах одержанной его войсками победы, нервничал и жаловался на слишком быстрое продвижение 8-й армии. Левофланговые корпуса этой последней и были приданы ему вследствие этих жалоб, и, получив их, Сахаров остановил великолепный прорыв дубненских победителей, подобно Каледину, задержавшему победителей луцких — 7-я армия генерала Щербачева перешла в наступление 24 мая после 45-часовой артиллерийской подготовки — позже всех. Ей предстояло сокрушить самый крепкий участок неприятельского фронта при наличии у противника более чем двойного превосходства в артиллерии. Генерал Щербачев развернул 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии — 143 000 бойцов при 326 орудиях — против 9 пехотных и 1 кавалерийской дивизий — 138000 человек и 710 орудий Южной германской армии. Против нашего правофлангового XXII корпуса корпус генерала Гофмана⁵² (не брест-литовского, а австрийского), против центрального XVI корпуса — 6-й австро-венгерский корпус и против левофлангового ударного II корпуса — 13-й. Оба последних переданы графу Ботмеру из VII армии Пфланцера.

Язловецкое сражение было разыграно Щербачевым и Головиным как по нотам. Прорыв II армейского корпуса генерала Флуга удался блестяще. Позиции у Язловца, считавшиеся германцами неприступными (и модель которых была выставлена в Берлине и Вене), были сокрушены туркестанскими стрелками 3-й дивизии, поддержанными справа 26-й, слева 43-й дивизиями. 13-й австро-венгерский корпус был сброшен в Стрыпу. В 3-ю Туркестанскую

дивизию переданы 20-й и 21-й полки расформированной 6-й дивизии (3-й и последний полк которой — 22-й — включен во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию). Туркестанцами под Язловцом взято за 24-е и 25 мая в плен 235 офицеров и 9700 нижних чинов.

25-го атаковал центральный XVI корпус генерала Саввича⁵³, опрокинув 6-й неприятельский, а 27-го — и XXII корпус барона Бринкена, где финляндские стрелки разделились с корпусом Гофмана. 7-я армия форсировала Стрыпу всеми своими тремя корпусами. Преследовать разбитого врага был брошен II конный корпус — и тут 9-я кавалерийская дивизия прославилась геройской атакой укрепленной неприятельской позиции у Порхова. Эта атака — на мощную позицию и 15 рядов колючей проволоки — довершила разгром 13-го корпуса. 2-я австро-венгерская кавалерийская дивизия, дравшаяся в пешем строю, была изрублена не изменившей коню русской кавалерией. Киевские гусары захватили 2 орудия. За Порховское дело командир 9-го уланского Бугского полка полковник Савельев награжден орденом святого Георгия 3-й степени, а командир 9-го драгунского Казанского полка полковник Лосьев помимо ордена святого Георгия 4-й степени получил еще небывалую для штаб-офицера награду — французскую военную медаль, которой по статуту награждаются только командующие армиями.

С 28 мая противник, воспользовавшись выдвинутым положением XVI армейского корпуса, повел сильные атаки на открытый его правый фланг у Бучача. 41-я пехотная дивизия понесла большие потери и отошла. В последовавших боях это встречное наступление графа Ботмера было генералом Щербачевым отражено. Правофланговый XXII армейский корпус, продвинувшись за Стрыпу, атаковал 3-й Финляндской стрелковой дивизией прорывавшегося неприятеля во фланг, тогда как 47-я пехотная дивизия XVI корпуса опрокинула его встречными ударами у Гниловод и Бобулинцев. К 4 июня положение в 7-й армии было полностью восстановлено, но генерал Щербачев прекратил дальнейшее продвижение, не желая зарываться с недостаточными силами. Австро-германцы очень искусно выбрали момент своей контратаки, используя оплошность штаба XVI корпуса. Вся артиллерия этого корпуса меняла позиции, и стрелять могли только три пушки из общего числа 103.

В боях 2-го по 4 июня у Гниловод и Бобулинцев прославился 4-й полк 9-й кавалерийской дивизии — 1-й Уральский казачий полк полковника Бородина, блестящей конной атакой у Гниловод 2 июня захвативший 24 офицера и 1600 нижних чинов (в том числе 400 германских егерей), 3 орудия и 2 пулемета. Полковник Черноярский со 185-м пехотным Башкадыкларским полком взял 126 офицеров, 4423 нижних чинов, 4 орудия, 2 миномета и 30 пулеметов, а 188-й пехотный Карский полк полковника Петрова — 80 офицеров, 4500 нижних чинов, 3 орудия и 6 пулеметов. В XXII корпусе отличились 9-й и 10-й Финляндские стрелковые полки. Всего за всю операцию генералом Щербачевым с 24 мая по 4 июня взято 900 офицеров, 37000 нижних чинов, 41 орудие, 25 минометов и 180 пулеметов

* * *

В 9-й армии генерал Лечицкий влил XII корпус, не имевший пока командира, в XI корпус графа Баранцева⁵⁴, доведя его состав до 4 дивизий. Усиленный XI корпус на левом фланге армии должен был нанести главный удар в черновицком направлении, XIЛ корпусу генерала Бельковича⁵⁵ в центре надлежало способствовать ему энергичной демонстрацией на Онут, а правофланговый XXXIII корпус генерала Крылова в долине Днестра оставлялся пассивным. Всего в 10 пехотных и 4 кавалерийских дивизиях 9-й армии насчитывалось до 180 000 бойцов при 489 орудиях.

Защищавшая Буковину VII австро-венгерская армия генерала Пфланпер Балтина насчитывала 7 пехотных и 41/2 кавалерийских дивизий — в общей сложности до 130000 строевых и 548 орудий. Нашему XXXIII корпусу противостояла группа генерала Ходфи⁵⁶ (1 пехотная и 1 кавалерийская дивизии), ХЫ корпусу в центре — группа генерала Бенигни⁵⁷ (3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии), а против нашего XI корпуса был 11-й же австро-венгерский корпус генерала Корда⁵⁸ (3 пехотные и 1/2 кавалерийские дивизии).

22 мая 9-я армия перешла в наступление. ХЫ корпус имел большой тактический успех при Онуте, а XI корпус — при Черном Потоке. Но в боях 23-го и 24-го наступление захлебнулось: высота 458 — ключ Буковины — осталась в руках неприятеля. В боях 22-го и 23 мая особенно отличилась 3-я Заамурская дивизия, взявшая Онут и Окну, а в XI корпусе 11-я и 32-я пехотные дивизии у Баламутовки и Ржавенцев. Было взято 12 800 пленных (из них 7000 замурцами), 14 орудий и 18 пулеметов. Неприятель лишился до 25 000 человек, но и наш урон составил 98 офицеров и 12 300 нижних чинов убитыми и ранеными. Приостановив наступление и произведя перегруппировку, Лечицкий рванул неприятеля 28 мая, введя в дело и XXXIII корпус.

В этот день — в Доброноуцком сражении (что для австрийцев Окненский прорыв) — он растерзал Пфланцер Балтина, разорвав его армию пополам и отбросив группу Корда на юг, к Пруту, а Ходфи и Бенигни — на запад, в Заднестрие. Главный удар на высоту 458 повела 32-я пехотная дивизия генерала Лукомского⁵⁹. Саму высоту и Доброноуц взял 126-й пехотный Рыльский полк полковника Рафальского.

Краткая реплика на статутные награды рисует нам картины боев в этот славный день 28 мая. Раненые офицеры 9-го и 10-го Заамурских пехотных полков приказывали нести себя впереди атаковавших цепей и выпускали дух на неприятельских орудиях. В 11-й пехотной дивизии полковник Батраец с Охотским полком кинулся на два венгерских полка, разметал их и взял одним ударом 100 офицеров и 3800 нижних чинов в плен. Впереди Камчатского полка шел начальник 11-й пехотной дивизии генерал Бачинский. В 12-й пехотной дивизии раненые офицеры Днепровского полка отказывались от перевязок до победы, иные, получив по три и четыре раны, продолжали идти вперед. Командир Одесского пехотного полка полковник Корольков повел свой полк на проволоку на коне. Одесцы захватили 26-й австро-венгерский полк. Огнем 500 орудий, подготовивших решительную атаку 28 мая, руководил полковник Кирей.

Всего в Доброноуцком сражении 28-го по 31 мая нами взяты 1 генерал, 3 полковых командира, 754 офицера, 37852 нижних чина, 49 орудий, 32 миномета и бомбомета и 120 пулеметов. Урон неприятеля дошел до 70 000 человек — наш составил около 14 000 человек.

Холмы Буковины стали свидетелями бессмертного подвига капитана Насонова, с горстью конноартиллеристов атаковавшего и захватившего батарею врага при Заставне и повторившего подвиг Никитина под Красным и Арнольди при Денневице. Видя уходившую батарею неприятеля, командир 2-й батареи 1-го конно-горного дивизиона полковник Ширинкин посадил всю прислугу и ездовых своей батарее на коней и кинулся преследовать неприятеля. Сам он с 60 конноартиллеристами изрубил остатки неприятельского батальона, пытавшегося спасти свою батарею, а его старший офицер капитан Насонов с 20 остальными взял наперерез, догнал неприятеля, изрубил и перестрелял сопротивлявшихся и взял всех остальных — 3 офицеров, 83 нижних чина, 4 орудия и 6 зарядных ящиков с запряжками. Это была 3-я батарея 5-го австро-венгерского артиллерийского полка.

Что бы тут сделала кавалерия, да еще с таким вождем, как граф Келлер!.. Но генерал Лечицкий упустил драгоценную возможность использовать стратегически свою конницу и дал III конному корпусу пассивную задачу обеспечивать левый фланг армии и всего Юго-Западного фронта. Энергичный граф Келлер пытался на свой риск форсировать Прут и взять сильно укрепленную неприятельскую позицию. Однако предприятие это не увенчалось успехом и стоило напрасных потерь. Один лишь Текинский полк кинулся в шашки у Юркоуц. Текинцами взято 822 пленных. Их водил в атаки ротмистр Ураз-сердар — сын знаменитого Тыкма-сердара, воевавшего со Скобелевым. Командир полка полковник Зыков за эту атаку получил святого Георгия 3-й степени.

В боях 29-го, 30-го и 31 мая довершился разгром южной группы армии Пфланцера. В наших руках осталось 39 000 пленных и полсотни пушек.

Штаб Юго-Западного фронта, как мы видели, сразу не мог дать себе отчета ни в размерах одержанной его армиями победы, ни в степени разгрома неприятеля. Количество пленных, захваченных четырьмя армиями генерала Брусилова, составило в конце первых

суток — 24 мая — 41 000 человек. 26 мая их уже было 72 000, к 28 числу — уже 108 000 и к 30 — 115 000, с тем чтобы вечером 1 июня перевалить за 150000!

IV австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда на Волыни и VII армия генерала Пфланцер Балтина в Буковине были совершенно истреблены. I, II и Южная германская — сильно потрясены. Никакой Макензен не смел бы и мечтать о подобных результатах за одну всего неделю!

Луцкий прорыв обещал полную и близкую победу. Его надлежало немедленно развить — искрошить и сокрушить надломленные неприятельские армии и молниеносным ударом 8-й и 11-й армий от Луцка и Сопанова на Раву Русскую — во фланг и в тыл всему неприятельскому расположению — вывести из строя потрясенную и заколебавшуюся

Австро-Венгрию!

Наступил полководческий момент. Но полководца в Ставке не было!

30 мая генерал Алексеев отдал, правда, директиву, в которой указывал армиям Юго-Западного фронта наносить удар на Раву Русскую — в тыл Львовскому району. Сделал он это в своей излюбленной форме советов, уговоров, намеков и недомолвок (что Суворов так образно называл нихтбештимтсагерством), Брусилов и Клембовский могли такую директиву только принять к сведению, отнюдь не к исполнению.

Для того чтоб требовать от армий Юго-Западного фронта производства широких стратегических операций, надо было прежде всего развязать этим армиям руки. Этого Алексеев как раз и не догадался сделать. Директива 30 мая отнюдь не отменяла предыдущие. Главный удар, очевидно, оставлялся за армиями Западного фронта, и в этом случае Юго-Западному фронту невозможно было задаваться самостоятельной широкой операцией, для которой к тому же не было предоставлено необходимых средств. Раз по-прежнему во главу угла ставился удар Эверта на Вильну либо Барановичи, то Брусилову оставалось лишь вести вспомогательный удар на Ковель.

Повторилось то же, что за два года до того в Галиции — при наступлении на Львов. И тогда, как и теперь, изменившаяся стратегическая обстановка требовала полководческого решения. И тогда и теперь генерал Алексеев, нащупывая и чувствуя это решение, не сумел провести его в жизнь — не смог ясно, четко и чеканно его сформулировать, отменив первоначальные, оказавшиеся нежизнеспособными директивы. И Рузский продолжал ломить на лишенный значения Львов, и Брусилов продолжал долбить потерявший ценность Ковель. И оба раза Австро-Венгрия спасла свою вооруженную силу. Русской армии не хватало головы.

* * *

К 1 июня по всему Юго-Западному фронту шли упорные и успешные для нас бои. Генерал Брусилов рассчитывал добиться решительных результатов в 8-й армии и направил в ее центр подошедший с Северного фронта V Сибирский корпус генерала Воронова⁶⁰, на смену выведенному в резерв X корпусу. Однако удобный момент на Волыни был уже пропущен — неиспользованные возможности Луцкой победы мстили за себя.

Противник усиливался здесь с каждым часом. С необычайной быстротой из Пикардии на Волынь был переброшен 10-й германский армейский корпус генерала Лютвица, ставший ядром неприятельского сопротивления. Словно из-под земли выросли: группа генерала фон Бернгарди, подкрепившая в ковельском направлении левый фланг IV австро-венгерской армии, группа фон дер Марвица, подкрепившая центр ее, и группа генерала Фалькенгайна⁶² 2-го, подкрепившая правый фланг IV армии и левый фланг I армии. 8 германских дивизий уже стояло перед фронтом Каледина, 8 других ожидалось в скором будущем, и, наконец, 8 австро-венгерских дивизий было вызвано с Итальянского фронта в Галицию.

2 июня Бернгарди⁶³ отразил V Сибирский корпус от Порицка, и, начиная со следующего дня, 8-й армии пришлось отбиваться от яростных контратак 18 австро-германских дивизий, по большей части свежих. Началось восьмидневное жестокое оборонительное сражение у Киселина нашей 8-й армии генерала Каледина с группой войск Линзингена.

На нашем правом фланге атаки Гауэра, Фата и 2-го австро-венгерского корпуса (выделенного из IV армии) были отражены ХЬУ! и ХХХ армейскими корпусами. В центре — на реке Стоходе — V Сибирский и ХХХIX армейский корпуса сдержали яростный натиск Бернгарди и фон дер Марвица, а выдвинутый в боевую линию ХЬ корпус отразил IV австро-венгерскую армию (корпуса 10-й и Шурмая64), которой вместо отрешенного после Лупка эрцгерцога Иосифа Фердинанда командовал карпатский мясник генерал Терстянский65. Ставкой отмечена лихая конная атака белорусских гусар 3 июня, изрубивших 1-й и 11-й полки венгерского гонведа. Самый напряженный характер бои приняли на стыке 8-й и 11-й армий, где левофланговый VIII корпус Каледина и правофланговый ХЬУ корпус Сахарова с трудом сдерживали бешено рвавшуюся группу Фалькенгайна. Генерал Каледин пал духом. Ему мерещилась катастрофа, он видел себя опрокинутым, отрезанным от тыла. Генералу Брусилову приходилось все время его подбадривать.

Главкомандующий Юго-Западным фронтом направил в 8-ю армию только что подошедший ХХIII корпус, восстановивший положение в ее центре, в ХХХIX корпусе, тогда как подходивший I армейский корпус должен был сменить на Стоходе истощенный отражением Бернгарди V Сибирский. К 10 июня положение в 8-й армии могло считаться совершенно окрепшим. Потери 8-й армии в оборонительном сражении у Киселина должны превышать 40 000 человек. По сообщениям австро-германцев, неприятелем с 3-го по 13 июня у нас взято пленными 75 офицеров, 11512 нижних чинов, 2 орудия и 20 пулеметов, что очень немного, принимая во внимание размер и ярость боев. За тот же период мы взяли 150 офицеров, 6600 нижних чинов, 2 орудия и 32 пулемета. Потери неприятеля должны составлять около 35 000 человек.

* * *

В то время как армия Каледина отражала в Киселинском сражении натиск группы войск Линзингена, три другие армии Юго-Западного фронта продолжали наступление. В 11-й армии генерал Сахаров нанес сильный удар армиям Пухалло и Бем Ермолли, ударив своим центром в их стык.

2 июня ХХХII армейский корпус в геройском бою форсировал Пляшевку, овладев Берестечком, а брошенная преследовать врага Заамурская конная дивизия на плечах его расстроенного 18-го корпуса ворвалась в Радзивиллов. Тем временем XVII корпус овладел Почаевом и Почаевской Лаврой, оттеснив левый фланг II австро-венгерской армии за линию границы и завершив тем самым славное для нашего оружия сражение под Берестечком.

Удар нанесла 101-я пехотная дивизия генерала Гильчевского66. 404-й пехотный Камышинский полк под ураганным огнем бросился в Пляшевку и перешел ее по горло в воде. 6-я рота его, попав в глубокое место, вся утонула. Командир полка, ветеран Шипки полковник Татаров был сражен пулей в сердце, успев крикнуть: Умираю! Камышинцы, вперед! Бешеным ударом Камышинский полк опрокинул три полка неприятеля, взял на штыках Берестечко и захватил в плен 75 офицеров, 3164 нижних чина, 3 орудия и 8 пулеметов. Трофеями Заамурской конной дивизии генерала Розалион-Сошальского67 было 10 офицеров, 800 нижних чинов и батарея в 4 пушки. XVII корпус в почаевских боях захватил 6000 пленных и 4 орудия. Всего в сражении под Берестечком нами захвачено до 12000 пленных и 11 орудий.

В последовавшие дни левофланговый VII армейский корпус овладел Черным лесом, тогда как на правом фланге ХЬУ корпус ввязался в тяжелые бои 8-й армии у Киселина. 7-я армия, к которой отошел левый фланг 11-й армии — XVIII и VI армейские корпуса — отразила, как мы уже видели, своими ставшими центральными ХХII и XVI корпусами яростное наступление графа Ботмера и рядом коротких ударов нанесла Южной германской армии чувствительное поражение у Гниловод и Бобулинцев.

Наконец, 9-я армия развивала свой блестящий успех у Доброноуц, громя расстроенные войска Пфланцера. 5 июня XI корпус занял Черновицы. Генерал Лечицкий остановил свою ударную группу (войска ХЫ, XII и XI корпусов) на линии Прута, готовясь к перемене операционного направления на восток — на Коломею и Станиславов. Преследовать

бежавшую южную группу VII австро-венгерской армии (11-й корпус и отряд Паппа) был отправлен только Сводный корпус генерала Промтова⁶⁸ (82-я и 103-я пехотные дивизии) и III конный корпус графа Келлера. 10 июня генерал Промтов занял Сучаву, а граф Келлер — Кымполунг. При занятии Черновиц захвачено 1500 пленных и 10 орудий, 6 июня у Кучур Маре — еще 600 пленных и 2 пушки. Трофеями 10 июня у Кымполунга было 60 офицеров, 3500 нижних чинов и 11 пулеметов. У Сучавы взято 27 офицеров, 1235 нижних чинов и 27 пулеметов. 15 июня терцы взяли в пешем строю 2 пушки.

Преждевременная остановка ударной группы на Пруте, слабость Сводного корпуса и запоздалое использование штабом 9-й армии конницы графа Келлера привели к тому, что разбитого противника, вместо того чтобы отрезать от Карпат, только оттеснили к горам, где он и закрепился, сопротивляясь из последних сил.

Между штабами Западного и Юго-Западного фронтов и Ставкой велись напряженные разговоры. Генерал Эверт все не решался наступать, прося отсрочку за отсрочкой:

с 31 мая на 4 июня, с 4-го на 20-е... Генерал Брусилов жаловался на бездействие генерала Эверта, прося Ставку ускорить его наступление. Несчастный Алексеев соглашался то с одним, то с другим — в зависимости от того, с кем в данную минуту говорил. Упрашивая Эверта торопиться, подчеркивая, что счет времени сейчас надо вести на минуты! он вслед за тем дарил ему восемнадцать драгоценных дней!

Директивы генерала Алексеева были столь расплывчаты и неясны, что целая армия — 3-я генерала Леша — оказалась вне пространства и на нее претендовали одновременно и Западный и Юго-Западный фронты. По духу директив Ставки (навязывание Брусилову Пинского района) она должна была войти в рамки Юго-Западного фронта — по букве их оставалась в составе Западного. Оба главнокомандовавших обратились с запросом в Ставку. Алексеев сперва согласился с генералом Эвертом, а затем с генералом Брусиловым, которому в конце концов 10 июня и передал 3-ю армию. Однако генерал Эверт успел отобрать себе четыре корпуса из пяти, так что в распоряжение генерала Брусилова поступил только штаб армии и один XXXI армейский корпус. Генерал Брусилов передал в 3-ю армию крайний правый фланг 8-й армии — IV конный и ХБУ! армейский корпуса, намереваясь развить удар по обоим берегам Припяти.

В бездонных трясилах Полесья без всякой пользы завязло семь превосходных кавалерийских дивизий. Их присутствие здесь вопияло к небу, но кавалерист Брусилов этого не замечал. V конный корпус оставлен был 8-й армии. В Полесье остался IV кавалерийский корпус генерала Гилленшмидта — 16-я кавалерийская, 2-я Сводно-казацья и 3-я Кавказская казацья дивизии. В 3-й армии, кроме того, находилось четыре конных дивизии — 3-я Кавказская, 5-я Донская, 1-я Кубанская и Забайкальская казацья.

В распоряжении Юго-Западного фронта Ставка направила, помимо уже прибывших I и XXIII армейских корпусов, еще V армейский и I Туркестанский. Генерал Брусилов рассчитывал произвести перегруппировку на Волыни и ударить 3-й и 8-й армиями на Ковель, а пока что прекратить наступательные операции по всему фронту за исключением 9-й армии, которой указано было наступать на Станиславов — Галич. На этом наступлении 9-й армии особенно настаивала Ставка — не столько потому, что здесь угадывалось слабое место неприятельского фронта, сколько потому, что ей импонировало внушительное число захваченных генералом Лечицким трофеев.

К 12 июня — за двадцать дней победоносного наступления — армии Юго-Западного фронта захватили в плен 4013 офицеров, 194041 нижний чин, 219 орудий, 196 минометов и бомбометов, 644 пулемета. Количество пулеметов надо считать гораздо большим, так как части задерживали захваченные пулеметы у себя, переделывали их затем под русский патрон. Сдавали только неисправные, либо захваченные действующими, в случае если их лично взял офицер (за что полагалась статутная награда). Можно сказать, что войска объявляли только половину взятых ими пулеметов.

Потери неприятеля превысили 400 000 человек, но и наши составили уже 4020 офицеров, 285 298 нижних чинов. А именно — убито 739 офицеров, 40 659 нижних чинов,

ранено 3118 офицеров и 212904 нижних чина, без вести пропало 163 офицера и 31 715 нижних чинов. В строю Юго-Западного фронта с подошедшими подкреплениями считалось 711 000 бойцов против 600 000 неприятелей, имевших, однако, более чем полуторное превосходство в артиллерии.

* * *

В середине июня неприятель произвел широкую перегруппировку своих сил к югу от Припяти. Ведение контрнаступления на 8-ю нашу армию было поручено главнокомандующему на востоке фельдмаршалу Гинденбургу, которому была подчинена группа войск Линзингена: Гауэр, Фат, Бернгарди, IV австро-венгерская армия Терстянского и переведенный на правое крыло фон дер Марвиц — 231-й пехотные (8 германских) и 7 кавалерийских дивизий. Бем Ермолли с I и II австро-венгерскими армиями должен был удерживаться против нашей 11-й армии.

Наконец Южная германская и VII австро-венгерская армии образовали группу войск престолонаследника эрцгерцога Карла, к которому был приставлен опытный ментор — генерал фон Зеект⁶⁹. Группу эрцгерцога Карла в приказах условно обозначали XII армия, чтобы ввести русское командование в заблуждение относительно ее состава. Хитрость удалась вполне. Сюда были направлены из Франции 3 германские дивизии: одна в Южную армию, а две в VII, где они должны были составить на ее левом фланге группу генерала Кревеля⁷⁰.

Немедленно по прибытии войск Кревеля VII армия должна была перейти в наступление. В то время как Линзинген ударял в правое крыло Юго-Западного фронта — по 8-й армии, эрцгерцог Карл должен был ударить в левое крыло — по 9-й армии. Получался двухсторонний охват — излюбленные германской доктриной Канни. Наступление Линзингена было назначено на 17 июня, эрцгерцог Карл должен был атаковать с подходом Кревеля 20-го числа. Так полагали Гинденбург и Конрад. Но не так рассудил генерал Лечицкий.

Заслонившись от южной группы Пфланцера в Карпатах Сводным и III конным корпусами, доброноуцкий победитель обратился на северную группу неприятеля, развернув между Днестром и Прутом XXXIII, XBI и XII армейские корпуса для удара на Коломею. XI корпус должен был содействовать операции в горах за Прутом. 15 июня он перешел в стремительное наступление, разгромив группы Ходфи и Снярича яростными ударами замурцев у Снятыня и кулачковцев. 16-го пал Обертынь, а 17-го, преследуя разбитую группу Бенигни, полки XII корпуса ворвались в Коломею.

Генерал Лечицкий хотел было остановить свою армию на меридиане Коломеи и выждать обещанные Ставкой подкрепления. Однако, узнав, что на выручку армии Пфланцера идут немцы, этот решительный военачальник положил не дожидаться ни немцев, ни подкреплений. 18 июня он нанес крепкий удар своим центром — XII корпусом — в долине Прута у Печенежина, еще раз прорвав центр VII австро-венгерской армии — группу Бенигни (названную 8-м корпусом). Но в это время подоспел Кривель и 19 июня бросился с группой Ходфи на наш правый фланг — XXXIII армейский корпус — от Тлумача на Хочимерж.

Этот удар не смутил Лечицкого. Осадив XXXIII и XBI корпусами несколько назад, он контратаковал своим центром и левым флангом, XII и XI корпусами на Пруте и за Прутом.

Получив этот новый удар по больному месту, Пфланцер придержал Кревеля и Ходфи, а Лечицкий, развивая свой успех, занял 24 июня Делятынь, победно закончив девятидневное сражение при Коломее. Наши трофеи в Коломейском сражении — 764 офицера, 30 875 нижних чинов пленными, 18 орудий и 130 пулеметов. Свой урон за первые только три дня — с 15 по 17 июня до падения Коломеи — австрийцы показали в 40 000 человек. Их урон за все сражение можно определить довольно точно в 60 000 человек, наш — в 25 000. Из славных дел обращает на себя внимание взятие гаубичной батареи 15 июня под Снятынем. Командир 1-го батальона 5-го пехотного Заамурского полка, старый солдат, поручик Гусак послал в атаку на батарею, бившую картечью, роту своего сына прапорщика Гусака. Обертынь брала

2-я Заамурская дивизия. 19 июня под Печенежином удар нанесла 19-я пехотная дивизия, причем отличился 73-й пехотный Крымский полк.

Соседняя 7-я армия генерала Щербачева содействовала 9-й армии ведением вспомогательной операции с 22 по 24 число II и XVI корпусами на реке Коропце. Генерал Щербачев упустил драгоценную возможность ударить в обнажившийся правый фланг Южной армии. Еще 17 июня командир II кавалерийского корпуса князь Туманов (заменивший назначенного генеральным инспектором конницы великого князя Михаила Александровича), воспользовавшись обнажением правого фланга Ботмера вследствие отхода VII армии, бросил под Олешвой в атаку лавы 6-й Донской дивизии. Геройская дивизия была расстреляна. 22 июня войсками II корпуса захвачено у Суходолек 5000 пленных и 11 пулеметов. 24 июня у Грегорова XVI корпус захватил еще 1000 пленных.

А 11-я и 8-я армии в дни Коломейского сражения отразили натиск неслыханной еще силы.

17 июня началось наступление войск Линзингена на 8-ю армию. Русским удалось сорвать Канны на Днестре — тем крепче должен был быть удар на Волыни!

Фронт нашей 8-й армии описывал широкую дугу по трем рекам — Стоходу, Безымянной и Липе. Линзинген решил ее срезать ударами группы Бернгарди на Стоходе с севера на юг и группы фон дер Марвица на Безымянной с юго-запада на северо-восток — в разрез между 8-й и 11-й армиями. Между этими двумя охватывающими группами IV австро-венгерская армия, усиленная 10-м германским корпусом, должна была прорвать центр 8-й армии фронтальным ударом. Наступление группы Бернгарди на Стоходе было отражено V Сибирским и XXXIX армейским корпусами. 19 июня Бернгарди повторил удар, воспользовавшись сменой V Сибирского корпуса (сильно пострадавшего в июньских боях) I армейским. Ему удалось было прорвать наш фланг, но контратаками 24-й пехотной дивизии у Линевки положение было восстановлено. Здесь отличился 96-й пехотный полк Дашкевича-Горбатского.

IV австро-венгерская армия, усиленная германцами, набросилась на наш центр — XXXIII и XБ армейские корпуса. Против 4 наших дивизий развернулось 9 неприятельских. Особенно жестокое побоище разыгралось у Затурцев, где 10-й германский корпус схватился в бешеном единоборстве с нашим XБ и где брауншвейгская Стальная 20-я пехотная дивизия была сокрушена нашей Железной 4-й стрелковой дивизией генерала Деникина. С 17 по 21 июня 10-й германский корпус произвел 44 отчаянных атаки. В его полках осталось 300–400 штыков. Изведав в первый день стойкость нашей Железной дивизии, брауншвейгцы Стальной дивизии вывесили плакат: Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, но мы его разобьем! — и получили в ответ: А ну, попробуй, немецкая колбаса!

На левом фланге 8-й армии отчаянное сопротивление VIII корпуса генерала Вл. Драгомирова сломило порыв корпусов Шурмая и Фалькенгайна, но XБУ корпус правофланговый 11-й армии — не смог сдержать напора главных сил Марвица. Наша 126-я дивизия была прорвана — и дорога на Луцк, в тыл 8-й армии, неприятелю была открыта... 17 июня 22-й германский корпус Фалькенгайна прорвал было VIII корпус (15-ю дивизию) у деревни Ватин. Выручила беззаветная атака 2-го батальона модлинцев на пять германских батальонов, уже заходивших в тыл 15-й пехотной дивизии. Геройский батальон гнал ошеломленную германскую бригаду до Корытницкого леса. Командир его, подполковник Русов, вел атаку верхом и пал смертью храбрых. Это дело было отмечено Ставкой.

Тогда начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Клембовский по своей инициативе (Брусилов отсутствовал) бросил туда — под Ниву Золочевскую, Дубовые Корчмы и Перемель — два полка подходившего V армейского корпуса на автомобилях, 12-ю и Сводную кавалерийскую дивизии, 7-ю и 10-ю артиллерийские бригады на рысях. Дружным и неожиданным ударом силы эти пригвоздили к месту прорвавшихся гессенцев фон дер Марвица, приняв их, до роду оружия, на штыки, в шашки и на картечь. В пятидневных боях атаковавшие дивизии были почти совершенно уничтожены и 21 июня отброшены в исходное положение.

27-й пехотный Витебский полк вылетел на автомобилях прямо на германские цепи и, соскочив, толпою в образе колонны, кинулся на немцев в штыки и опрокинул. Ахтырские гусары и самаро-уфимцы 3-го Оренбургского казачьего полка атаковали в конном строю. 19 июня неприятель снова сбил ополченцев 126-й пехотной дивизии, но геройская конная атака архангелогородских драгун и заамурцев 1-го конного полка у Нивы Золочевской спасла положение. 2-й Заамурский конный полк атаковал в конном строю укрепленную позицию у Кшаки, и за это дело его командир полковник Карницкий получил святого Георгия 3-й степени. К 21 июня подоспела 6-я Сибирская стрелковая дивизия, и кризис был окончательно преодолен.

Обращает на себя внимание согласованная и дружная работа всех наших частей, а также робость трех неприятельских кавалерийских дивизий, не посмевших использовать полученный прорыв. Генерал Брусилов лестной телеграммой в самый критический момент операции чрезвычайно подбодрил генерала Сахарова, показав себя искусным психологом (только сравнить с поведением Жилинского в отношении Самсонова!). При отражении Марвица нами взято 2400 пленных германцев и 12 пулеметов. Это жестокое оборонительное сражение мы назовем сражением на трех реках.

Крушение задуманных Канн — поражение Линзингена и разгром Пфланцера ошеломило австро-германское верховное командование. Из Литвы и Франции спешно были затребованы новые германские дивизии. С Итальянского фронта было переведено управление III армии генерала Кевеша, в которую были включены все войска VII армии между Днестром и Прутом. Пфланцеру был оставлен Карпатский фронт. Наши враги не успели произвести перегруппировку, как их ждал новый удар.

22 июня — на следующий же день по отражению Линзингена — генерал Брусилов сам перешел в энергичное наступление своими армиями правого крыла — 3-й и 8-й — на Ковель. 21 пехотная и 10 кавалерийских дивизий Леша и Каледина ударили по 261/2 пехотным и 7 кавалерийским дивизиям Линзингена.

В 3-й армии генерала Леша правофланговый XXXI корпус генерала Мищенко слегка потеснил германскую группу Гронау на Огинском канале. Южнее Припяти IV конный корпус генерала Гилленшмидта, Сводный генерала Булатова и ХБУ! корпус генерала Истомина наголову разбили группу Гауэра в делах у Галузии, Волчецка и Маневичей. Победа 3-й армии осталась неиспользованной по вине генерала Леша, не чувствовавшего пульса боя, генерала Гилленшмидта, совершенно не сумевшего распорядиться своей конницей, а особенно генерала Булатова, не использовавшего успех Сводного корпуса (нанесшего главный удар) и придержавшего рвавшуюся вперед 78-ю пехотную дивизию, чем была дана возможность неприятелю удержаться на Стоходе.

8-я армия развернула справа налево V конный, I Туркестанский, XXX, I и XXXIX армейские корпуса. XXIII, ХБ, VIII и переведенный на левый фланг V Сибирский оставались на месте, наблюдая отраженную IV австро-венгерскую армию и разбитого Марвица. 11-я армия оставалась на месте, развернув ХБУ (смененный затем подошедшим V корпусом), XXXII, XVII и VII армейские корпуса. Левофланговые VI и XVIII корпуса отошли к 7-й армии.

Наибольший успех в армии Каледина имели правофланговые корпуса: I Туркестанский генерала Шейдемана, разгромивший у Тумана и Разиничей группу генерала Фата, и XXX армейский корпус генерала Зайончковского, сбросивший в Стоход 2-й австро-венгерский корпус в боях у Грузятина. 25 июня Линзинген отвел разбитые свои войска за Стоход, и 26-го река эта была с боем форсирована туркестанцами и XXX корпусом. По словам Людендорфа, это был один из самых серьезных кризисов на Восточном фронте.

При Волчецке 16-й уланский Новоархангельский полк взял 13 орудий (уступив из них 7 — 397-му пехотному Запорожскому полку), черниговские гусары взяли 3-орудийную тяжелую батарею. Одновременно Забайкальская казачья дивизия лихо атаковала вечером 23 июня Маневичи. Ее трофеями было: командир полка, 26 офицеров, 1399 нижних чинов, 2 орудия (взяты 1-м Верхнеудинским полком), 2 бомбомета, 9 пулеметов и 41 зарядный ящик.

16-я кавалерийская дивизия и Забайкальская составили конную группу генерала Володченко. Всего в сражении с 22-го по 26 июня на Стоходе войсками 3-й и 8-й армий захвачены 671 офицер, 21 145 нижних чинов, 55 орудий, 16 минометов и 93 пулемета. Из этого числа до 12 000 пленных и 8 орудий захватил I Туркестанский корпус, где 7-й и 8-й Туркестанские стрелковые полки вброд под убийственным огнем по грудь в воде форсировали семь болотистых рукавов Стохода. В XXX корпусе геройский подвиг совершил полковник Канцеров, первый во главе своего 283-го пехотного Павлоградского полка перебежавший на левый берег Стохода по пылавшему мосту. Это дело было отмечено Ставкой. Урон австро-германцев превысил 40 000 человек. Корпус Фата, особенно пострадавший, лишился 18400 человек из 34400.

Победы у Волчеца, Разиничей и Грузятина на Стоходе, к сожалению, не были развиты и использованы. Генерал Брусилов не имел свободных резервов, будучи вынужден держать значительные силы на левом фланге 8-й армии, где и после отражения прорыва Марвица положение продолжало оставаться напряженным, и не смог закрепить свой успех на Стоходе.

Неприятель же напряг все усилия к удержанию Ковеля. Группы Фата и Бернгарди были усилены германскими войсками, и уже 27-го и 28 июня Линзинген яростными контратаками заставил туркестанцев и XXX корпус отойти на правый берег Стохода. Наши попытки 29-го и 30 июня вторично форсировать реку оказались безуспешными, но и неприятель не имел успеха в своих дальнейших наступательных попытках.

Блестящие возможности остались неиспользованными. У генерала Брусилова не было войск. Подкрепления подходили пачками и с большим опозданием по недостатку рокадных линий. Нагромоздив силы и средства на Западном фронте. Ставка никак не решалась направить сразу значительные силы генералу Брусилову. Лишь директивой 26 июня, увидя, что Эверт так никогда и не решится на серьезную наступательную операцию, она передала Юго-Западному фронту главный удар. Опоздание получилось на целый месяц — и это в то время, как генерал Алексеев сам признавал, что счет надо вести на минуты!. Раньше середины июля генерал Брусилов не смог возобновить своего наступления.

Неприятелю было подарено три недели, драгоценных три недели, за которые он накопил силы, устроил войска, подтянул резервы и превратил долину Стохода и Ковельский район — и так трудно проходимый от природы — в неприступную крепость.

* * *

Сорвавшимся наступлением Каледина за Стоход и победой Лечицкого при Коломее кончается Четвертая Галицийская битва — славное Брусиловское наступление. В последних числах мая были разгромлены австро-венгерские армии в двадцатых числах июня на полях Волыни были сокрушены отборные дивизии кайзера.

За Луцком, Сапановом, Язловцем и Доброноуцом следовали Киселин, Затурцы и Коломыя. За тридцать семь дней боя в наших руках осталось 272 000 пленных и 312 пушек.

Каковы бы ни были его последовавшие заблуждения, вольные или невольные, Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову. Когда после несчастий пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую веру в русского офицера и русского солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед.

Колебания Западного фронта. Барановичи

Победы генерала Брусилова побудили в малодушном генерале Эверте надежду, что его избавят от наступления. Однако надежды эти не сбылись.

Ставка настояла на переходе в наступление 31 мая, несмотря на Троицын день, которого так боялся главнокомандующий Западным фронтом. Генерал Эверт постарался тогда свести операцию до минимальных размеров, введя в дело всего один корпус из вверенных ему 26. Этот не имевший никакого смысла частичный удар он предписал произвести левофланговой 3-й армии генерала Леша, бывшей еще в составе пяти корпусов (XXV, Гренадерский, IX, XXXVI).

Генерал Леш назначил для удара Гренадерский корпус генерала Парского⁷¹, указав ему общее направление на Столовичи.

Утром 31 мая гренадеры дружно бросились вперед, ошеломили внезапным наскоком неприятеля и овладели его позициями. Но генерал Леш не дал подкреплений, а соседние командиры корпусов (XXV — Юрий Данилов и IV — Абрам Драгомиров) отказались поддержать гренадер в их неравном бою. Не поддержанный ни соседями, ни резервами, контратакованный превосходными силами, Гренадерский корпус вынужден был отойти в исходное положение, совершенно зря понеся жестокие потери. Из состава Гренадерского корпуса были взяты 81-я пехотная дивизия и польский легион (бригада). Атаковали только 1-я и 2-я Гренадерские дивизии. Наш урон в этой бессмысленной операции — 8000 убито и ранено.

После этого между Ставкой и штабом Западного фронта вновь возобновились переговоры: с одной стороны — упрасивание, с другой — отговорки. Эверту ни под каким видом не хотелось наступать. Получив отсрочку общего наступления до 4 июня, он заявил Ставке, что коренным образом меняет свои планы и вместо Вильны будет наступать на Барановичи. Для переработки планов он просил 15 дней отсрочки. Ставка имела дряблость согласиться на эту перемену — и генерал Эверт получил эту новую отсрочку до 20 июня, в тайной надежде, что к тому времени Брусилову как-нибудь так удастся победить врага, что его, Эверта, помощи совершенно не потребуется.

10 июня 3-я армия перешла в состав Юго-Западного фронта, т. е., вернее, перешел один левофланговый ее XXXI корпус с армейским управлением. Все же остальные корпуса прежней 3-й армии составили новую 4-ю армию, которой, по новому плану генерала Эверта, надлежало нанести главный удар на Барановичи. Для руководства этим наступлением генерал Эверт назначил генерала Рагозу, уже доказавшего разительным образом в Нарочское наступление свою неспособность командовать армией. В 4-ю армию, помимо корпусов прежней 3-й, были назначены XXXV армейский, III Сибирский и III Кавказский корпуса, ставшие в резерве. Генерал Эверт решил окончательно наступать на Барановичи. Приняв это скороспелое решение, штаб Западного фронта не отдавал себе отчета в том, что злополучное дело 31 мая — бессмысленное наступление Гренадерского корпуса в одиночку — открыло глаза врагу и заставило его держаться под Барановичами на чеку. Наступление гренадер на Столовичи, открывшее неприятелю наши намерения, сыграло такую же роль, как дело авангарда Засса под Вайценом в Венгерском походе и поиск Липранди на Балаклаву в Крымскую кампанию.

Генералу Рагозе это новое направление главного удара — на Барановичи — не казалось выгодным после того, как все силы и средства фронта в продолжение трех месяцев затрачивались на подготовку наступления на Вильну. Командовавший 4-й армией взглянул на атаку Барановичей как на отбывание номера.

Прорыв неприятельского фронта был намечен на участке длинного лесного массива, прозванного войсками и штабами Фердинандовым Носом. Существовал еще другой Фердинандов Нос у Иллукста — самое гиблое место Северного фронта памятник самоотверженной стойкости полков 17-й и 38-й дивизий, бившихся там изо дня в день в продолжение двадцати месяцев. Самое название Фердинандов Нос получил под влиянием карикатур на царя болгарского.

Правый фланг 4-й армии — XXV армейский корпус — должен был демонстрировать в обход Носа с севера, тогда как остальные силы — IX, Гренадерский и X корпуса — атаковали в лоб, а XXXV, III Сибирский и III Кавказский корпуса готовились их поддержать. Так как число корпусов армии превысило сакраментальную норму пять, то генерал Рагоза снова применил злосчастную систему групп и объединил три атаковавших в лоб корпуса под начальством командира IX армейского корпуса генерала А. Драгомирова. Против 4-й армии находилась армейская группа Войерша в составе 12-го австро-венгерского корпуса (на фронте XXV и отчасти IX наших корпусов) и 2-го прусского ландверного двойного состава (на фронте остальных). Нашим 8 атаковавшим дивизиям противостояло 6 неприятельских на

чрезвычайно сильной позиции.

Ни генерал Эверт, ни генерал Рагоза не оказались способными на самостоятельное творчество. Подготовку наступления они мыслили не иначе, как рабски копируя неудавшиеся французские шаблоны Арраса и Шампани: трехдневную артиллерийскую долбежку, указывавшую неприятелю сроки наступления и заблаговременное сооружение исходного плацдарма, выдававшее место, куда будет нанесен удар. Нелепые и в условиях технически оборудованного Французского фронта (где лунный пейзаж хоть отчасти маскировал плацдарм), эти бездарные методы в условиях Русского театра войны были преступными.

Генерал Ю. Данилов советовал, и вполне основательно, нанести главный удар в слабое место врага — в обход Фердинандова Носа и по австрийцам. Но генерал Рагоза не дорос до уразумения даже таких простых истин. Он решил идти по линии наибольшего сопротивления и штурмовать сильнейшие германские позиции фронтально.

К утру 19 июня артиллерийская подготовка была доведена до степени ураганного огня, и на рассвете 20-го войска 4-й армии с мужеством двинулись на штурм. На правом фланге, в XXV корпусе, Юрий Данилов распорядился своими силами так: 4 полка на пассивном правом участке, 2 — в резерве за правым флангом пассивного этого участка и 2 — на главном, ударном, левофланговом участке. За такую ордер де баталию в сколько-нибудь благоустроенной армии командир корпуса был бы отрешен в ближайшие полчаса.

Геройский порыв и блестящий успех остроленцев и пултуссцев захлебнулся в крови. Ударь Данилов кулаком, а не мизинцем, 12-й австрийский корпус был бы уничтожен... Но кулак получил пассивное назначение. Направь сюда Рагоза свои резервные корпуса — он получил бы победу, равную луцкой. Но все внимание командовавшего 4-й армией было обращено на фронтальное побоище в ударной группе Драгомирова.

В IX корпусе храбрая 5-я дивизия генерала Галкина⁷² и доблестнейшая 42-я дивизия генерала Ельпина⁷³ истекли кровью у Скрובה, заплатив жестокой ценой за небольшой тактический успех. Южнее гренадеры, которым не везло с самого начала войны, были расстреляны на проволоке, а X корпус генерала Ник. Данилова был лишь немногим счастливее... Рагоза и Абрам Драгомиров воспроизвели у Фердинандова Носа буквально Третью Плевну, бросая в бой войска пачками, без связи и ориентировки. Уже вечером 20-го пришлось подкрепить обескровленный IX корпус XXXV и частями III Кавказского.

Весь день 21 июня шла артиллерийская подготовка — и вечером войска IX, XXXV и III Кавказского корпусов вновь истекли кровью у Скрובה и Дробышева. Стремительным ударом 181-й Остроленский и 183-й Пултусский пехотные полки захватили 1 генерала, 60 офицеров и 2700 нижних чинов пленными при 11 орудиях, взяв 31-ю австро-венгерскую дивизию во фланг и тыл. Но резервы Юрий Данилов держал в самом отдаленном от прорыва пункте... В 5-й пехотной дивизии архангелогородцы (полковник Буйвид) овладели Фердинандовым Носом, вологодцы и галичане — Дальним и Горным Скробовом. В этих делах частями 5-й и 67-й пехотных дивизий (XXXV корпуса) взято около 1000 пленных и 4 орудия.

Самый трудный участок неприятельской позиции выпал на долю 42-й пехотной дивизии, потерявшей всех четырех командиров полков. Командир 166-го пехотного Ровненского полка полковник Сыртланов со знаменем в руке впереди всех первым вскочил на бруствер неприятельского окопа, где пал смертью героя. Чтобы видеть, в каких условиях велся Скробовский штурм, достаточно указать, что 3-му батальону миргородцев полковника Савищева пришлось преодолеть 50 рядов наэлектризованной проволоки. Трофеями 4-й армии было 4000 пленных и 15 орудий, не окупивших огромных наших потерь. За 20–25 июня мы потеряли 80 000 убитыми и ранеными. Неприятель лишился 13 000 (из них 5500 германцев). Особенно пострадали Гренадерский и IX армейский корпуса.

Видя неудачу, штаб Западного фронта распорядился отложить дальнейшее наступление — и даже подготовку к нему — до 24 июня, а затем до 25-го. В этот день III Сибирский корпус, сменив XXV, пытался было развить первоначальный его успех (с опозданием на пять

дней), но неудачно. После этой попытки генерал Эверт распорядился отложить наступление примерно до 1 июля. Скажем сразу, что оно никогда не возобновилось.

Скоровское сражение стоило России крови 80 000 ее офицеров и солдат. Положение 4-й армии после этого наступления тактически ухудшилось: занявшие неприятельские позиции войска стали сильно терпеть от немецкого огня, а наша артиллерия осталась на прежних позициях, и ее по местным условиям нельзя было продвинуть вперед. Реки крови пролились зря.

26 июня Ставка предписала Западному фронту удерживать врага, поручив ведение главного удара генералу Брусилову. С этой задачей удерживания генерал Эверт справился, в общем, если не блестяще, то, во всяком случае, удовлетворительно. Кулак Западного фронта, все время занесенный, сделал свое дело. Германское командование сняло с этого фронта только 8 дивизии, направив против генерала Брусилова 16 дивизий из Франции⁷⁴.

Июль месяц прошел на Западном фронте вяло. 20 июля XII германская армия произвела внезапную газовую атаку на позиции нашей 10-й армии у Сморгони, на стыке II Кавказского и XXIV армейского корпусов, понесших большие потери. В Кавказской гренадерской и 48-й пехотной дивизиях погибло свыше 8000 человек. Здесь геройской смертью погибли офицеры грузинских и мингрельских гренадер, по почину полковника Отхмезури снявшие в газовых волнах свои маски, чтобы солдатам лучше слышались слова команды и одобрения. Геройски погибла, сняв маски, и 1-я батарея второочередной 84-й артиллерийской бригады поручика Кованько.

Северный фронт бездействовал весь май и июнь. Принявший 12-ю армию генерал Радко Дмитриев проектировал широкую наступательную операцию на Туккум с участием в ней Балтийского флота и высадкой немцам в тыл их VIII армии у Роена десанта под командой генерала Геруа 1-го. Генерал Геруа 1-й командовал 38-й пехотной дивизией в 5-й армии, откуда его вызвали. В десант были назначены 3-я стрелковая, 116-я пехотная дивизии, 4-я отдельная кавалерийская бригада (20-й драгунский Финляндский и Офицерской кавалерийской школы полки) и моряки. В строй Балтийского флота уже вступили четыре Гангута, и против 24 11-дюймовых орудий старых германских броненосцев мы имели 64 12-дюймовых, бивших через горизонт при превосходстве в эскадренной скорости. Генерал Куропаткин, подобно всем рутинерам русской военной мысли того времени, скептически относился к десантным операциям, но мало-помалу склонился на доводы лозенградского победителя. Момент для этого был самый подходящий: весь германский флот чинился после Ютландской битвы и мы временно владели Балтийским морем⁷⁵.

Операция была, однако, скомкана. Ставка директивой от 26 июня потребовала наступления Северного фронта и все время торопила его началом. Во исполнение этих требований 12-я армия атаковала 9 июля VI Сибирским корпусом на Бауск. Шестидневные бои окончились без иных результатов, кроме бесполезных потерь. Эта бессмысленная операция обошлась 3-й и 14-й Сибирским стрелковым дивизиям VI Сибирского корпуса в 15 000 человек.

Окончание этих боев совпало со сменой главнокомандующих фронтом. Генерал Куропаткин был спешно отозван в Туркестан. Там он блестяще, и без всякого кровопролития усмирил серьезное брожение среди туземного населения, лишней раз доказав свои выдающиеся административные способности. Вместо него во Пскове тускло замаячила зловещая фигура генерала Рузского, по телеграфу отменившего начавший было уже садиться на корабль десант. Приготовления к наступлению совершенно заглохли.

Ковельская бойня

26 июня Ставка, как мы знаем, отдала директиву, в которой предписывала Северному фронту перейти в наступление, Западному — удерживать врага, а Юго-Западному фронту овладеть Ковелем и зайти в тыл Пинской группе неприятеля. Совершенно непонятно то значение, которое Ставка в многочисленных своих директивах придавала Пинскому району и Пинской группе генерала Гронау. Таким образом, роли фронтов менялись. Эверту надлежало только демонстрировать, Брусилову — нанести главный удар.

Этот главный удар генерал Алексеев указал нанести в самое крепкое место неприятельского фронта — в ковельском направлении, сплошь занятом отборными германскими дивизиями и почти непроходимом от природы.

Когда в конце мая и начале июня генерал Брусилов требовал от 8-й армии наступления на Ковель, он имел в виду оказать помощь Западному фронту. Ковельское направление было важно только вследствие своего соседства с главным Западным фронтом. Теперь, когда Западному фронту отводилась второстепенная роль, направление на Ковель сразу теряло всякую стратегическую ценность. Переменив идею плана кампании, генерал Алексеев оставил прежние формы. Благодаря этой чудовищной аберрации, Ковель, бывший для Брусилова лишь средством, стал для Алексеева самоцелью.

Для развития операции на Ковель — и дальше на Брест — Пружаны Юго-Западному фронту был передан резерв Ставки — Гвардейский отряд генерала Безобразова в составе I и II Гвардейских пехотных и Гвардейских конных корпусов, представлявшие как бы зародыш армии, и IV Сибирский корпус. Превосходные войска гвардии возглавлялись старшими начальниками, подобранными по придворной протекции и совершенно негодными в боевом отношении. Генерал Брусилов в своих воспоминаниях дает им уничтожающие характеристики.

Одновременно с Северного фронта передавался III армейский корпус. Эти войска должны были подойти в первых числах июля. В то же время левофланговая 7-я и 9-я армии были усилены 3 пехотными дивизиями и конницей. В 7-ю армию 108-я и 113-я пехотные дивизии, в 9-ю армию — 79-я пехотная дивизия и Уссурийская конная.

С 27 по 30 июня, как мы видели, в 3-й и 8-й армиях шли жаркие бои за овладение Стоходом. Нам не удалось форсировать реки, но и неприятельские попытки наступать были отражены. Генерал Брусилов предполагал первоначально возобновить наступление уже 1 июля, атакуя 3-й армией на Камень Каширский, в обход Ковеля с севера, а 8-й армией — на Ковель фронтально и в обход с юга.

Одновременно 11-я армия должна была наступать на Броды, связывая руки неприятелю. Операцию пришлось, однако, отложить для 3-й и 8-й армий до прибытия обещанных Ставкой подкреплений.

6 июля была произведена перегруппировка правофланговых армий Юго-Западного фронта. Группа Безобразова вдвинута между 3-й и 8-й армиями, и ей переданы правофланговые корпуса этой последней. Генерал Брусилов предписал 3-й армии атаковать Ковель с севера и востока, овладеть переправами через Стоход и затем действовать в тыл Пинской группе немцев, как то требовала Ставка. Группа Безобразова должна была форсировать Стоход и охватить Ковель с юга. 8-я армия нацеливалась на Владимир Волынский, 11-я армия — на Броды — Львов, 7-й армии указывалось сковать противника, а 9-й армии наступать в общем направлении на Галич.

Положение фронта в начале июля было следующее. Трем нацеленным на Ковель нашим армиям — 3-й, Безобразова и 8-й — противостояла группа войск Линзингена: Гронау, Гауэр, усиленный Фатом и Лютвицем⁶¹, Бернгарди и IV австро-венгерская армия. Всего против наших 29 пехотных и 12 кавалерийских дивизий неприятель сосредоточил на подступах к Ковелю 251/2 пехотных и 7 кавалерийских дивизий.

В центре, на львовском направлении, нашей 11-й армии — 141/2 пехотным и 2 кавалерийским дивизиям — противостояли подчиненная Линзингену группа Марвица и группа войск Бем Ермолли — I и II австро-венгерские армии — всего 13 пехотных и 2У2 кавалерийских дивизий, а 7-й армии с 10 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями — Южная германская — 11 пехотных и 1 кавалерийская дивизии.

Наконец, на левом фланге генерал Лечицкий со своей 9-й армией — 11 пехотных и 5 кавалерийских дивизий — имел дело с двумя неприятельскими: III армией в Заднестровье и VII армией в Карпатах — всего 14: 10 пехотных и 4 кавалерийские дивизии. Южная германская, III и VII австро-венгерская армии составляли группу войск эрцгерцога Карла.

631/2 пехотным и 21 кавалерийским дивизиям русской армии, развернутым от Припяти

до Румынии, надлежало разбить 631/2 пехотных и 141/2 кавалерийских дивизий неприятеля, мощно укрепившихся и располагавших почти вдвое сильнейшей артиллерией. Задача была тяжелой даже для великолепных войск Брусилова.

Общее наступление было назначено на 15 июля, но этот срок не касался 11-й армии, для которой оставлена была в силе прежняя директива. Ей надлежало атаковать безотлагательно, выполняя демонстрацию относительно главного удара на Ковель. В состав 11-й армии был на короткое время передан VIII армейский корпус. Генерал Сахаров положил нанести врагу ряд коротких, но мощных ударов, развернув справа налево VIII, V армейский, V Сибирский, XXXII, XVII, VII и VI армейские корпуса (ХБУ корпус был выведен в резерв).

В сражении на Стыри 3 и 4 июля он отбросил группу Марвица за эту реку стремительным натиском V армейского и V Сибирского корпусов, причем 6-я Сибирская стрелковая дивизия рассчиталась с немцами за Брезины у Вильгельминова. Одновременно центральный XXXII корпус, сильно нажав на I армию Пухалло, подравнял ее по Марвицу. В сражении 3–4 июля на Стыри 11-я армия взяла 317 офицеров, 12 637 нижних чинов, 30 орудий (из коих 23 взяты сибиряками 6-й дивизии, а остальные — колыванцами), 36 минометов и бомбометов и 49 пулеметов. 10-я пехотная дивизия V армейского корпуса разгромила 61-ю австро-венгерскую дивизию при Звиняче, а 6-я Сибирская дивизия разбила 108-ю германскую дивизию у Вильгельминова.

21-й Сибирский стрелковый полк полковника Сергеева силой всего в 1600 штыков взял в плен 2 командиров германских полков, 58 офицеров, 1050 нижних чинов, 13 орудий и гнал немцев 6 верст. У Звиняче 40-й пехотный Колыванский полк захватил 8-дюймовую гаубичную батарею, немедленно обратив ее в сторону немцев.

Затем Сахаров нанес врагу второе, еще более жестокое поражение своими четырьмя правофланговыми корпусами (VIII, V армейским, V Сибирским и XXXII армейским). 7 июля он форсировал Стырь, а 8-го отбросил Марвица и Пухалло за Липу. Сражение на Липе 7-го и 8 июля австрийцы называют сражением под Берестечком. Нами взято 1 генерал, 370 офицеров, 13 700 нижних чинов, 10 орудий и огромная добыча. Пушки взяты 10-й пехотной дивизией — могилевцами и колыванцами. 40-й пехотный Колыванский полк (полковник Головин) взял 17 офицеров, 3000 нижних чинов и 5 орудий в боях у Перемели. Наша 101-я пехотная дивизия XXXII корпуса совершенно разбила 46-ю австро-венгерскую дивизию, выведя у нее из строя до 10 000 человек. После этого сражения на Липе VIII корпус был снова направлен в 8-ю армию и вместо него введен XIЛ' (вдвинутый между V армейским и V Сибирским корпусами).

12 июля 11-я армия атаковала вновь правофланговыми ХБУ и V Сибирским и центральными XXXII и XVII корпусами. Была форсирована Слоневка, и этим началось упорное трехдневное сражение за Броды.

* * *

15 июля юго-западные армии перешли в наступление по всему фронту от Припяти до Прута. Это был день начала первого Ковельского сражения в армиях Леша и Безобразова, день Кошевской победы в армии Каледина, завершения сражения под Бродами в армии Сахарова и начала Заднепровского сражения армии Лечицкого — самый кровопролитный, но и самый яркий день Мировой войны...

В 3-й армии правофланговый IV Сибирский корпус генерала Сирелиуса потерпел неудачу на Огинском канале. Центральные III, XXXI и Сводный корпуса имели с 15-го по 18 июля ряд успешных дел на Припяти и Нижнем Стоходе. На левом фланге ХБУ! армейский корпус имел небольшой успех у Заречья, а I Туркестанский — у Гулевичей. Неприятель (группа Гронау) перешел 19–20 июля в сильные контратаки и потеснил наш правый фланг IV Сибирского и III армейского корпусов. Наступление на Камень Каширский, в обход Ковеля с севера, захлебнулось. Трофеями 3-й армии в этих делах было около 3000 пленных и 4 орудия.

Группа генерала Безобразова имела блестящие тактические успехи.

На правом фланге XXX армейский корпус генерала Зайончковского форсировал Стоход и глубоко вклинился в неприятельское расположение. В центре I армейский корпус генерала Душкевича не имел успеха, а I Гвардейский великого князя Павла Александровича захлебнулся у Райместа и Немера, понеся жестокие потери. Зато на левом фланге II Гвардейский корпус генерала Рауха⁷⁷ разметал группу Лютвица (10-й германский корпус и австрийцы) блестящими ударами стрелков у Трестеня и 3-й Гвардейской пехотной дивизии у Ворончина. Были захвачены в плен либо подняты на штыки германские генералы. 56 орудий осталось в руках литовцев, кексгольмцев, царскосельских и императорских стрелков.

Почин в этом славном деле принадлежал Лейб-Гвардии Кексгольмскому полку барона Штакельберга, первым прорвавшему фронт врага и взявшему 12 орудий. Развившие этот успех литовцы захватили 13 орудий и штаб 19-й германской дивизии. Лейб-Гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк взял 12 орудий, 4-й Императорской Фамилии полк — 13 орудий, а 3-й взял пушку, двух германских генералов и одного поднял на штыки. В XXX армейском корпусе взято 5 орудий, причем особенно отличился 319-й пехотный Бугульминский полк, взявший целиком 31-й венгерский полк. Всего группой Безобразова в этот день взято 2 генерала, 400 офицеров, 20 000 нижних чинов, 56 орудий и огромная добыча.

Но командование армией в сложившейся под Ковелем очень трудной обстановке слишком превышало способности генерала Безобразова. Он остановил сулившее крупную победу продвижение XXX корпуса за Стоход, равняясь по отстающим, и не сумел использовать уже одержанную победу под Трестенем. Полководческий момент был генералом Безобразовым упущен. В последовавшие дни XXX корпус уже не смог одолеть оправившегося противника у Кухар, а II Гвардейский корпус — у Витонежа. I Гвардейский корпус занял, правда, Райместо, но генерал фон Бернгарди крепким ударом по нашему I армейскому корпусу (между XXX армейским и I Гвардейским корпусами) воспрепятствовал дальнейшим нашим успехам.

21 июля левофланговый I Туркестанский корпус 3-й армии по собственному почину пытался взять Рудку Миринскую, но, не поддержанный XXX корпусом соседней армии Безобразова, успеха не имел. В этот день закончилось первое Ковельское сражение, тактически — в нашу пользу, стратегически — вничью.

* * *

8-й армии генерала Каледина надлежало наступать на Владимир Волынский. Правофланговые XXXIX и XXIII армейские корпуса, атаковавшие позиции Бернгарди, не имели особенного успеха в боях с 15-го по 19 июля у Киселина и Пустомыт. Трофеями этих боев были 2300 пленных и 12 пулеметов.

Левофланговые же — ХБ и VIII — совершенно разгромили IV австро-венгерскую армию генерала Терстянского в сражении 15 июля при Кошеве. Честь Кошевской победы принадлежит командиру VIII корпуса генералу В. М. Драгомирову, богатырской 14-й дивизии и оренбургским казакам, подхватившим лихим наскоком в шашки сокрушительный удар подольцев и житомирцев на обе дивизии корпуса Шурмая! Их почин немедленно же был поддержан стрелками стального ХБ корпуса, истребившими другой корпус неприятельской армии — 10-й.

До рассвета подольцы полковника Зеленецкого и житомирцы полковника Желтенко внезапным ударом овладели Шельвовским лесом. Подольский полк опрокинул 11-ю австро-венгерскую пехотную дивизию, а Житомирский в рукопашном побоище совершенно истребил 70-ю дивизию, захватив 1 генерала, 89 офицеров, 1937 нижних чинов и 7 орудий. Части 10-го и 11-го Оренбургских казачьих полков захватили в конной атаке 10 офицеров, 821 нижнего чина и 16 бивших картечью в упор орудий. К сожалению, остальные 6 полков V конного корпуса не были введены в дело, хотя жатва могла быть огромной (вспоминал генерал Драгомиров).

В ХБ армейском корпусе 2-я стрелковая дивизия испепелила 37-ю австро-венгерскую дивизию, а 4-я растерзала 2-ю и 13-ю дивизии. Особенно удачно действовал 15-й стрелковый

полк (полковник Софонов), захвативший у Воли Садовской 78 офицеров, 1170 нижних чинов и 9 орудий, а 16-й стрелковый полк взял 1 генерала, 2 командиров полков, 49 офицеров, 993 нижних чина, причем генерал и оба полковых командира взяты 3-й ротой прапорщика Битко.

Всего в коротком и ослепительном Кошевском сражении нами захвачено 2 генерала, 320 офицеров, 9000 нижних чинов, 46 орудий и 90 пулеметов. Австрийский Генеральный штаб дает следующие сведения о составе IV армии после Кошева: 10-й корпус, 13-я стрелковая дивизия с частью 2-й — 1300 штыков, 37-я гонведная дивизия — 600 штыков, бригада 2-й дивизии (меньше других пострадавшая) — 1850 штыков. Корпус Шурмая (истребленный двумя полками нашей 14-й дивизии) — бригада 11-й дивизии — 600 штыков, вся 70-я — 940 штыков (причем три превосходных гонведных полка 312-й, 314-й и 315-й все вместе дали только 170 бойцов!). Во всей армии из 38000 бойцов (25000 штыков) осталось 17000 (6000 штыков). За три часа боя IV австро-венгерская армия лишилась двух третей своего состава...

Конрад был поражен неожиданной катастрофой. И в полдень, когда подольцы и житомирцы еще добивали гонвед в Шельвовском лесу, фельдмаршал Гинденбург уже выслал из Литвы победителя Ковны генерала Лицмана для ободрения, а то и замещения потерявшего голову генерала Терстянского. Из германских дивизий в Галиции прямо из боя выдерживались полки и даже батальоны и бросались на автомобилях под Кошев, в агонизировавшую IV армию. Продолжи Каледин наступление XБ и VIII корпусов, брось он в прорыв весь V конный корпус, а не только два полка — и к вечеру 15 июля рухнул бы весь фронт Линзингена.

Но штаб Каледина, как и все высшие штабы упадочной эпохи русской армии, был слишком далеко от войск. О своей победе командующий 8-й армией узнал гораздо позже, чем Гинденбург (не говоря уже о Конраде и Терстянском) узнал о своем поражении. И, узнав, не принял решения полководца, а подсек своей победе крылья, совершенно как под Луцком.

Только 17-го возобновилось наступление, но тут дорогу победителям на Владимир Волынский уже заступила молниеносно собранная мозаика 40-го германского корпуса, подпершего и спаявшего обломки IV армии. Ядро 40-го корпуса генерала Лицмана составила 108-я германская дивизия. Остальные войска — отдельные батальоны, сведенные затем в резервные полки⁷⁸.

Кошевское дело составило эпоху в истории военного искусства. Здесь в первый раз отказались от длительной и даже ускоренной артиллерийской подготовки. Огневой шквал длился всего 15 минут, и атака была для неприятеля полной неожиданностью. Генерал В. М. Драгомиров вывел военное искусство из тупика позиционного застоя, но его почин руководителями русской армии не был оценен, ни даже осознан. Им зато воспользовался германский противник, широко применивший эти русские методы весной 1918 года во Франции.

* * *

На правом фланге 11-й армии командир V армейского корпуса генерал Балугев отказался по чисто бюрократическим соображениям поддержать атаку смежного VIII корпуса чужой армии и остался безучастным зрителем Кошевской победы. Генерал Брусилов все время подчеркивал своим подчиненным не считаться с разграничительными линиями и поддерживать соседей, пусть и чужой армии. Но эти приказы были не для Балугевых. Вскоре после своей Кошевской победы генерал В. М. Драгомиров был отрешен от командования корпусом, а фаворит Ставки генерал Балугев получил Особую армию. А в центре XVII корпус, поддержанный XXXII, овладел Бродами, завершив этим четырехдневное сражение.

В сражении под Бродами 11-й армией взято 216 офицеров, 13 569 нижних чинов, 9 орудий и 40 пулеметов. Орудия взяты 3-й пехотной дивизией. В строю 18-го корпуса и группы Козака считалось 43 000 бойцов при 214 орудиях. Урон противника — не меньше 20000 — 22000 человек (половина состава). Броды взял 11-й пехотный Псковский полк, командир которого полковник Радцевич-Плотницкий принял от магистрата ключи города. I

армия генерала Пухалло и левый фланг II группа генерала Козака — были растерзаны страшной битвой с 11-го по 15 июля, и фельдмаршал Гинденбург бросил для спасения Львова новые 3 дивизии с Французского фронта, составившие 1-й армейский корпус генерала фон Эбена.

В день падения Брод войска I австро-венгерской армии (усиленный 18-й корпус) были присоединены ко II. Управление же армии было переведено в Трансильванию, и во главе ее вместо отрешенного генерала Пухалло поставлен генерал фон Арц.

7-я армия все эти дни вела местные бои, развивавшиеся довольно туго. На реке Коропец взято было около 1000 пленных. Позиции Южной германской армии были слишком сильны, и генерал Щербачев выжидал, чтобы успехи соседей Сахарова справа, Лечицкого слева — поколебали фланги Ботмера.

* * *

На левом крыле нашего расположения в 9-й армии генерал Лечипкий развернул для удара те же силы, что и в Коломейском сражении: XXXIII корпус — против германской группы Кревеля, XVI корпус — против Ходфи, XII и XI корпуса — против 1-го и 8-го австро-венгерских корпусов.

15 июля стало днем славы заамурской пехоты. Прорвавшись у Трояна на стыке Ходфи и Кревеля, XVI корпус взял германскую группу во фланг и в тыл, XXXIII корпус отшвырнул ее могучим ударом у Хоцимержа. И в тот день и час, когда оренбургские казаки рубили австрийскую артиллерию под Кошевом, кабардинцы Туземной дивизии ворвались на германские батареи в Езерянах! Одновременно с этими делами правофланговых корпусов центральный XII прорвал в долине Прута у Хлебичина центр III австро-венгерской армии на стыке Ходфи и 1-го корпуса. В ночь на 16-е Кевеш отступил по всему фронту.

Под Хоцимержем 1-я пехотная Заамурская дивизия опрокинула 105-ю германскую дивизию, а 2-я — 119-ю германскую дивизию. Особенно отличился 1-й пехотный Заамурский полк, взявший штыковым ударом 19 офицеров, 996 нижних чинов германцев, 7 орудий, 3 миномета и 9 пулеметов. Ингуши под Езерянами захватили 6 пушек. Под Трояном удар нанесла 74-я пехотная дивизия, причем отличился 295-й пехотный Свирский полк. У Хлебичина фронт неприятеля был прорван 19-й пехотной дивизией (особое отличие оказали севастопольцы).

Всего в боях 15 июля войсками 9-й армии было взято 8000 пленных, 21 орудие и 85 пулеметов.

Генерал Лечицкий не использовал этой своей красивой победы. Отбросив 16 июля врага по всему фронту, он прекратил наступление, озабоченный накоплением противника в Карпатах против своего слабого левого фланга и растяжением своей армии в двух направлениях — на Галич и в Трансильванию.

20 июля эрцгерцог Карл перешел в наступление VII армией Пфланцера, усиленной 3 (затем 4) германскими дивизиями из Франции, и потеснил наш буковинский заслон — 82-ю, 103-ю пехотные дивизии и III конный корпус у Гринявы. Затяжные бои с более чем вдвое превосходным неприятелем шли здесь шесть дней, и прорыв германского Карпатского корпуса был сломен. Карпатский корпус генерала Конта⁷⁹ состоял из превосходных егерских дивизий — 199-й и 200-й, прибывших из Франции. На подкрепление ему из Франции прибыли 117-я и 1-я пехотные дивизии. VII австро-венгерская армия развернула слева группу Брудермана против левого фланга XI корпуса, в центре — Карпатский корпус против Сводного корпуса и на правом фланге 11-й австро-венгерский корпус против графа Келлера. В делах у Гринявы мы лишились 2 орудий.

Генерал Лечицкий требовал подкреплений, указывая на трудность своей задачи — наступать в Галиции и защищать Буковину, имея против себя две сильные неприятельские армии. Ставка предписала пассивной 7-й армии усилить 9-ю, и генерал Щербачев отправил Лечицкому 37-ю пехотную дивизию с управлением корпуса XVIII. Прибытие этой закаленной дивизии на левый фланг 9-й армии в Лесистые Карпаты укрепило наше положение и позволило Лечицкому вновь обратиться на Кевеша.

Первое Ковельское сражение, казалось, должно было выявить всю неосновательность стремлений найти ключ к победе в гиблых болотах Стохода. Вместо стратегически неинтересного и тактически безнадежного ковельского направления следовало искать полководческого решения на других, истинно стратегических путях. Можно было развить победу Сахарова под Бродами, добить надломленные войска Марвица и Козака и прорваться на Львов — в тыл армии Ботмера. Можно и должно было развить победу Лечицкого под Хочимержем и Трояном, добить армию Кевеша, произведя широкую перегруппировку армий фронта в предвидении неизбежного выступления Румынии на нашей стороне.

Ничего этого не было сделано. Всецело во власти ковельского миража, генерал Алексеев ничего не видел и ничего не предвидел. Он решил вновь долбить Ковель — теми же силами и с теми же средствами. И не успели полесские трясины засосать убитых в боях 15 июля, как Ставка воздвигла новые гати из человеческого мяса...

На 23 июля было назначено наступление южной группы фронта — 11-й, 7-й и 9-й армий, а 25-го должен был состояться вторичный удар трех северных армий на Ковель. Группа Безобразова была наименована Особой армией (во избежание очередного 13-го номера). В кампанию 1915 года у нас уже была 13-я армия (генерала Горбатовского), и никакого несчастья с ней не случилось. Если XIII армейский корпус и погиб в Пруссии, то 13-я пехотная дивизия, например, всегда вела удачные бои, и ни один из пеших либо конных полков, носивших 13-й номер, не мог на него пожаловаться. Любопытно, что и немцы разделяли это суеверие. У них было 12 армий (не считая многочисленных армейских групп), когда в октябре 1917 года понадобилось образовать новую для Итальянского фронта, она была названа XIV.

В основу наступления трех южных армий была положена идея удара 11-й и 9-й армиями во фланги неприятелю, занимавшему чрезвычайно крепкие позиции перед 7-й армией. Сахарову и Лечицкому надлежало выжимать врага перед фронтом Щербачева.

11-я армия перешла в наступление в ночь на 23 июля. Генерал Сахаров ввел в дело свой левый фланг — VII армейский корпус генерала Экка80, указав ему атаковать в общем направлении на Заложнице. 13-я пехотная дивизия имела лихое дело на реке Грабарке у Маркополя, а 34-я дивизия — под Тростянцом. Прорыв полков VII корпуса был назван потом в австрийской Истории войны неотразимым. Мадыарский 4-й армейский корпус был совершенно уничтожен в жарких шестидневных боях, и лишь прибытие из Франции81 1-го германского корпуса воспрепятствовало крушению II австро-венгерской армии, а быть может, и падению Львова. Сражение при Заложнице было нами выиграно. В 13-й пехотной дивизии 49-й пехотный Брестский полк атаковал Маркополь в ночь на 23 июля через реку Грабарку по грудь в воде.

В 34-й дивизии отличились у Белоглавы феодосийцы. Наступление этой дивизии привело к очищению австрийцами сильнейшей их позиции у Воробьевки, о которую разбилось наше майское наступление VI корпуса. Трофеями шестидневного сражения у Заложнице были 268 офицеров и 14 000 нижних чинов при 6 орудиях, 15 бомбометов и 30 пулеметов. Оно могло бы превратиться в победоносное сражение под Львовом, подкрепи Сахаров VII корпус и поддержи его Щербачев. Но генерал Сахаров выполнял только то, что от него требовал штаб фронта — вспомогательную операцию, не преследующую широких целей. А генерал Щербачев считал, что не он должен поддерживать соседа, а соседи должны помогать ему.

25 июля, в полдень, после короткой, но могучей артиллерийской подготовки, зеленые полки замурцев XXXIII и XYI корпусов, подкрепленные XII корпусом на Пруте, рванули армию Кевеша. Главный удар генерал Лечицкий нанес своим правофланговым XXXIII корпусом по германскому противнику — группе Кревеля, тогда как XYI корпус расправлялся с группой Ходфи, а XII корпус — с австро-венгерским 1-м корпусом. Так началось сражение под Станиславом. Вечером XXXIII корпус захватил Тлумач — оплот врага в Заднестровье. III австро-венгерская армия осадила назад по всему фронту.

Осыпаемые бешеными ударами зеленых чертей, германцы Кревеля отдавали позицию

за позицией. Круто пришлось и группе Ходфи и 1-му корпусу, фронт коего был прорван 26-го нашим XII корпусом у Вороны. Кревель доносил Кевешу, что не может больше сдерживать такой натиск, и командовавший III австро-венгерской армией, страшась за свой левый фланг, отводил, равняясь по немцам, остальные свои корпуса. 27-го Кревель снова отскочил, и Кевешу стало ясно, что Станиславова его армии не удержать. 28-го он предписал общее отступление за Быстрицу, и в этот день XXII армейский корпус занял Станиславов. Германцы здесь сорвали фронт австрийцам...

25 июля — в первый день наступления — 9-й армией было взято 7500 пленных. Трофеи всего сражения под Станиславоном составили 250 офицеров, 19 400 нижних чинов, 18 орудий, 11 бомбометов и 157 пулеметов. Кевеш намеревался было контратаковать, но германское командование через генерала фон Зеекта приказывало отступить, чтобы как можно скорее оторвать германские войска Кревеля от заамурских штыков.

Нанося главными силами 9-й армии удар Кевешу, генерал Лечицкий отражал в то же время в Карпатах атаки Пфланцера, к которому все время подходили подкрепления из Италии и Франции⁸¹. Задача Лечицкого была самой трудной на всем фронте — и он эту трудную задачу решил лучше всех. Двойной удар (Сахарова по Бем Ермолли — на Залозице и Лечицкого по Кевешу — на Станиславов) обнажил фланги армии Ботмера и чрезвычайно облегчил наступление генералу Щербачеву.

25 июля 7-я армия перешла в наступление. Наш XXII армейский корпус сбил Гофмана и овладел совместно с XVI корпусом знаменитым Бурканувским лесом последним участком майского фронта от Припяти до Румынии, оставшимся еще в руках неприятеля. Затем генерал Щербачев произвел перегруппировку, переведя XXII корпус на левый фланг своей армии. 31 июля он нанес Бот-меру крепкий удар, отбросив его на Золотую Липу, причем II армейский корпус форсировал эту реку и овладел Збаражем, а XXII корпус занял Тустобабы. С 1-го по 3 августа VI армейский корпус на правом фланге сбил неприятеля на реке Ценювке, подравниваясь по остальным. Трофеями наступления 7-й армии — сражение под Збаражем — было 166 офицеров, 8415 нижних чинов, 4 орудия, 11 бомбометов и 19 пулеметов. Здесь отличилась 108-я пехотная дивизия, бывшая в составе XXII корпуса (пушки взяты 430-м пехотным Валкским полком).

Наступление трех левофланговых армий — победы Сахарова у Залозице, Щербачева — под Збаражем и Лечицкого — под Станиславоном — дало нам в последние июльские дни до 50 000 пленных и крупные местные выгоды. Однако развить эти успехи не было возможным: все силы и средства фронта пошли на ковельскую мясорубку.

* * *

Наступление на Ковель 3-й, Особой и 8-й армий, назначенное на 25 июля, было отложено на сутки: Особая армия не успела изготавиться, а 3-й самой пришлось выдержать сильный германский натиск у Заречья.

26 июля началось Второе Ковельское сражение. 3-я армия в этот день еще заканчивала подготовку. В ее состав был включен подошедший с Западного фронта I Сибирский корпус. В Особой армии генерал Безобразов затеял чрезвычайно сложную перегруппировку, заходя правым плечом. XXX корпус атаковал вяло, без прежнего подъема. I армейский корпус был отброшен в исходное положение сильными контратаками, что заставило отойти и гвардию, зря истекшую кровью у Кухарского леса. Урон I армейского корпуса 26 июля составил около 4000 человек. XXX армейский корпус, отбывавший номер, потерял за всю операцию 1300 человек, I Гвардейский корпус — 5500 человек (2-я Гвардейская дивизия лишилась в Кухарском лесу 4000 человек). Следует отметить, что храбро наступавшие, но неумело дравшиеся гвардейские части всегда несли большие потери, чем более искусные и сноровистые армейцы. За 8-месячное пребывание в резерве гвардию учили только прохождению александровскими колоннами, как будто войны не существовало. Британский генерал Нокс отмечает это с удивлением, Брусилов — с горечью.

На следующий день, 27-го, начала наступление 3-я армия, развернувшая IV Сибирский, III армейский, I Сибирский, XXXI, ХБУ! и I Туркестанские корпуса. Успех имел один III

корпус. В Особой армии II Гвардейский корпус тщетно атаковал Витонеж. 8-я армия оба дня, 26-го и 27-го, вела безрезультатные бои у Киселина.

Генерал Брусилов пытался оживить явно сорвавшуюся операцию, однако новое наступление 3-й армии на Любашев, а гвардии на Витонеж повлекло только новые потери. Неудача концентрического наступления тремя армиями на Ковель стала ясна — и 29-го атаки были прекращены.

* * *

30 июля 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту. Ставка решила покончить с растягиванием усилий Юго-Западного фронта в двух направлениях ковельском и галицийском. Кроме того, генерал Алексеев надеялся, что передача Западному фронту ковельского направления выведет из апатии генерала Эверта. Как видно, он еще недостаточно знал этого военачальника.

6 августа генерал Селивачев по собственному почину форсировал Стоход со своей 4-й Финляндской стрелковой дивизией и захватил у Тополы Червищенский плацдарм, что приобрел затем такую печальную известность, погубив один за другим два занимавших его корпуса. Финляндские стрелки взяли у Тополы и Червище 16 офицеров, 1130 нижних чинов, 1 орудие, 4 миномета и 18 пулеметов. 2-я Сводно-казачья дивизия генерала Краснова⁸³ пыталась было преследовать неприятеля, но была приведена в расстройство атакой шести немецких самолетов. За 25 месяцев войны не удосужилась Ставка издать ни одного наставления о борьбе с воздушным врагом, как будто у неприятеля не существовало авиации!

3 августа генерал Эверт отдал директиву, в которой назначил наступление 3-й и Особой армии на 15-е число.

Однако уже через несколько дней незадачливый главнокомандующий Западным фронтом отложил удар на 23-е, а затем на 24-е. Когда же 22 августа уже проведена была артиллерийская подготовка, генерал Эверт отменил всю операцию и донес Ставке, что за наступлением осеннего времени шансов на удачу не предвидит...

А через пять дней, 27 августа, неожиданно для Ставки и для соседа Брусилова, а быть может, и для самого себя, он произвел в 3-й армии бестолковое наступление III и XXVI корпусами на Червищенском плацдарме и, конечно, не имел успеха. Это было последнее проявление полководческого таланта генерала Эверта.

* * *

К 1 августа на Северном фронте в трех армиях генерала Рузского сидело в окопах 39 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. На Западном фронте в пяти армиях генерала Эверта собиралось наступать 621/2 пехотных и 15 кавалерийских дивизий. На Юго-Западном фронте в четырех армиях генерала Брусилова дралось с неприятелем 481/2 пехотных и 12 кавалерийских дивизий — третья часть нашей Действовавшей армии.

Во всей Действовавшей армии австро-германского фронта к этому времени считалось 150 пехотных и 35 конных дивизий. В пехоте — 4 Гвардейские, 4 Гренадерские, 51 пехотная 1-й очереди (одна на Кавказе), 31 пехотная 2-й очереди (одна на Кавказе, 3 расформированы), 23 пехотные 3-й очереди (2 на Кавказе и 3 расформированы), 5 стрелковых, 14 Сибирских, 4 Финляндские, 2 Кавказские (и 5 на Кавказе), 4 Туркестанские (3 на Кавказе и

1 расформирована), 3 Заамурские пехотные, 1 пограничная (1 на Кавказе).

Кроме того. Балтийская матросская дивизия, Югославянская дивизия, 2 бригады латышей и

2 Закаспийские стрелковые бригады на Кавказском фронте. Не засчитаны формирующиеся 128-я, 130-я пехотные дивизии, 8-я и 10-я Туркестанские стрелковые, а также Чехословацкая бригада и Польский легион. Ополчение — 1 бригада в 11-й армии и 4 на Кавказском фронте. Кроме того, на Французском фронте — 3 особых бригады и 3 формирующиеся в России. Кавказских дивизий: 3 Гвардейские, 18 армейских, Заамурская, Сводная, Уссурийская, Кавказская, Туземная, Кавказская пограничная, 18 казачьих (1-я и с

3-й по 6-ю Донские, 2-я Сводно-казачья, 2-я Кубанская, Терская, Уральская, Оренбургская, Закаспийская, Туркестанская, с 1-й по 5-ю Кавказские, Забайкальская). На Кавказском фронте еще бригады — Сибирская, 2-я и 3-я Забайкальские, Донская пешая в 4 пластуны. Всего с Кавказской армией (141/2 пехотных и 9 конных дивизий) наши силы простирались до 166 пехотных (с особыми бригадами) и 44 конных дивизий.

Нашим 150 пехотным и 35 конным дивизиям австро-германского фронта противостояло 117 пехотных и 23 кавалерийские дивизии неприятеля. 14У2 пехотных и 9 конных дивизий Кавказского фронта имели против себя 25 пехотных и 4 кавалерийских турецких дивизий. Расформированные дивизии: в 1914 году — 72-я пехотная, в 1915 году — погибли в Новогеоргиевске: 58-я, 63-я, 114-я, 118-я и 119-я, а 6-я Туркестанская стрелковая соединена с 3-й.

4 августа генерал Брусилов указал своим армиям наступать 16-го числа. 8-й армии надлежало атаковать на Владимир Волынский, 11-й армии — на Бржезаны, 7-й армии — способствовать соседям, а 9-й армии — наступать по двум расходящимся направлениям — на Галич и на Мармарош — Сигет. Генералу Брусилову случалось отдавать более удачные директивы.

8 последовавшие дни план этот подвергся изменению. Ввиду протеста генерала Лечицкого галицкое направление было передано вместе с нацеленными на него XXXIII и ХЫ корпусами в 7-ю армию. Вместе с тем 8-я армия усилена была IV Сибирским корпусом, а все наступление было отложено на два дня по просьбе штаба 7-й армии, производившей перегруппировку ввиду нового своего задания наступать на Галич. Генерал Щербачев перевел XXXIII корпус на левый берег Днестра для уплотнения своей ударной группы (ХЫ корпус в Заднестровье был растянут в ниточку).

9 августа совершенно неожиданно атаковал генерал Сахаров своими центральными XXXII и XVII армейскими корпусами на Пеняки — Баткув, но успеха не имел. Начальник штаба фронта генерал Клембовский советовал оборвать это бесполезное наступление 11-й армии, но генерал Брусилов не захотел угадать наступательный дух своих подчиненных. Соображения вряд ли целесообразные.

18 августа армии Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. 8-я армия, развернувшая справа налево XXXIX, ХЬ, IV Сибирский, VIII и V армейский корпуса, атаковала своим центром — стрелковыми ХЬ и IV Сибирскими корпусами. Успех — у Шельвова, Бубнова и Корытницы — был мимолетный и сведен был на нет германскими

контратаками, 21 августа генерал Каледин повторил удар, но с тем же результатом. Это Третье Ковельское сражение особенно дорого обошлось сибирякам.

В 11-й армии (ХЬУ, V Сибирский, XXXII, XVII, VII в вновь переданный VI армейский корпус) генерал Сахаров атаковал тремя левофланговыми корпусами, причем VII армейский корпус имел тактический успех у Зборова. К 22-му числу наступление здесь замерло. Особенно отличалась Саратовская ополченская бригада, где 486-й пехотный Верхнемедведицкий полк взял 15 офицеров, 800 нижних чинов и 4-орудийную батарею. Имея около 7000 штыков, бригада в летних боях взяла 5000 пленных и к сентябрю потеряла половину состава.

Честь всей августовской операции фронта принадлежала 7-й армии. 18 августа пополудни генерал Щербачев, развернувший XVI, II, XXII, XXXIII и ХЫ корпуса, после 8-часовой артиллерийской подготовки рванул армию Бот-мера своим центром — могучим кулаком II, XXII и XXXIII корпусов на Золотой Липе, в общем направлении на Галич. II армейский корпус сбил германо-турок на Нараевке, XXII корпус разбил 6-й австро-венгерский корпус у Тустобабы, а XXXIII, налетев у Бороденки на 13-й австро-венгерский корпус, совершенно истребил его. 20-го вступил в бой и правофланговый XVI корпус на реке Ценювке.

Спешно переброшенная из-за Днестра германская группа Кревеля отчаянными контратаками 22-го пыталась было задержать наше продвижение, но 23 августа могучим ударом финляндских стрелков и замурцев в долине Нараевке Южная германская армия

вновь была прорвана, откатившись за Гнилую Липу, и 25 августа XXXIII армейский корпус форсировал эту реку у Скоморохов.

Повелением императора Вильгельма 4 германские дивизии, следовавшие в Румынию, были брошены на Щербачева. Остатки 6-го, 13-го австро-венгерских корпусов и группы Кревеля были сведены в 24-й германский корпус генерала фон Герока, а подкрепления — в 10-й резервный германский корпус.

Начав сражение на двух Липах с австрийцами, 7-я армия кончала его с германцами. Слабость огневых средств и недостаток тяжелой артиллерии не дали возможности преодолеть мощных укрепленных полос врага — и Заамурские полки XXXIII корпуса замерли на подступах к Галичу, не дойдя полуверсты до железнодорожной станции.

В сражении на двух Липах 10 пехотных дивизий генерала Щербачева разгромили 141/й неприятельских (7 германских, 51/2 австро-венгерских, 2 турецких). 13-й австро-венгерский армейский корпус, насчитывавший утром 18 августа в своих 15-й и 36-й пехотных дивизиях 19 000 штыков, к утру следующего дня имел только 1600, и дивизии его сведены были каждая в батальон. Артиллерийской подготовкой атаки ударной группы (300 орудий) руководил инспектор артиллерийского XXXIII корпуса князь Масальский. В составе XXXIII корпуса кроме заамурцев с отличием действовала 108-я пехотная дивизия. Было взято 29 000 пленных (8500 германцев), 25 орудий, 30 минометов, 200 пулеметов и огромная добыча. Первым ударом 18 августа было взято 289 офицеров, 15500 нижних чинов (2400 германских), 6 орудий, 7 минометов и 58 пулеметов. Под Галич были двинуты кайзером 3-я гвардейская, 208-я пехотная, 1-я резервная, 10-я пехотная дивизии.

В 9-й армии генерал Лечицкий, заслонившись от разбитой под Станиславом III австро-венгерской армии в долине Прута XII армейским корпусом, приступил к организации горного похода в Трансильванию войсками XI, XVIII армейских корпусов и III конного корпуса.

Пфланцер Балтии предупредил его, перейдя 9 августа в энергичное наступление и потеснив левый фланг XI корпуса в Лесистых Карпатах. 17 августа, накануне дня начала нашего наступления, VII австро-венгерская армия атаковала на стыке XI и XVIII корпусов, захватив горный массив Куколь. Но уже на следующий день генерал Лечицкий перешел в наступление по всему фронту. XVIII армейский корпус сбил Карпатский корпус немцев с только что захваченного Куколя.

С 18 по 29 августа, все время отражая яростные контратаки неприятеля, 9-я армия неуклонно продвигалась вперед, многотрудными боями преодолевая вершину за вершиной, перевал за перевалом. В неудачном деле у Куколя 9 августа мы лишились 5000 человек, 2 орудий, 1 миномета и 7 пулеметов. 26 августа царицынцами взята высота 1582 и 4 орудия Карпатского корпуса немцев, 29 августа взята гора Капул, где захвачено 13 офицеров, 900 нижних чинов и 9 минометов и бомбометов. Наша 9-я армия в начале августа была усилена 64-й и 197-й пехотными дивизиями.

После этого августовского наступления Юго-Западный фронт был значительно усилен. В 8-ю армию из Особой армии была передана вся гвардия. В 11-ю армию из резерва Западного фронта был назначен III Кавказский корпус, в 7-ю армию из резерва Северного фронта — VII Сибирский корпус и, наконец, в 9-ю — XXXIII корпус из Особой армии.

Выделив из состава Особой армии три корпуса на усиление Юго-Западного фронта, генерал Эверт направил в нее из 2-й армии XXXIV армейский корпус генерала Скоропадского, из 10-й армии — XXVI генерала Миллера, а из 4-й армии — XXV армейский корпус, которым вместо назначенного начальником штаба Северного фронта генерала Ю. Данилова командовал герой Карпат, только что бежавший из австрийского плена генерал Корнилов.

Выступление Румынии (14 августа) давало нам огромные преимущества. Действуя из северной Молдавии совместно с Северной румынской армией, во фланг и в тыл неприятельского расположения, мы могли бы добиться падения всего неприятельского фронта. Но наша Ставка не подозревала о существовании обходных движений в стратегии...

1 сентября генерал Брусилов предписал своим армиям вновь перейти в наступление: 8-й армии — на Владимир Волынский, в обход Ковеля с юга, 11-й и 7-й армиям — на Львов, 9-й армии — на Мармарош — Сигет.

3 сентября это широко задуманное наступление состоялось. В 8-й армии генерал Каледин ударил центром — ХВ армейским, II Гвардейским, I Гвардейским и VIII армейскими корпусами. Фланговые корпуса — XXXIX справа, V слева остались на местах. Наступление наше было отражено по всему фронту у тех же Шельвова, Бубнова и Корытницы. 7 сентября Каледин повторил атаку. VIII армейский корпус овладел Корытницей, а I Гвардейский корпус — Свинюхами, но скромный этот успех стоил громадных потерь. Кровопролитнейшее Четвертое Ковельское сражение окончилось безрезультатно.

Наши потери были огромны и за всю операцию дошли до 30 000 человек. Особенно пострадала 3-я Гвардейская пехотная дивизия: из 180 офицеров ее четырех полков в строю осталось только 26. В бою 3 сентября одни лишь модлинцы удержались в захваченных окопах. 7 сентября у Свинюх преображенцы и измайловцы захватили 900 пленных, 2 орудия, 3 миномета и 7 пулеметов. У Корытницы взято 6 офицеров и 687 нижних чинов. Неприятель показал свой урон в делах 3 сентября во всей IV австро-венгерской армии и германской группе Бекмана в 2874 человека и претендует, что русскими было оставлено 12 000 трупов. 7 сентября их урон был значительнее и за все Четвертое Ковельское сражение должен составлять около 7000.

11-я армия, развернув ХБУ, XXXII армейский, V Сибирский, XVII, VII и VI армейские корпуса, атаковала левым флангом (XVII и VII корпуса). Небольшой тактический успех был на следующий же день, 4-го, сведен на нет контратаками врага. 10 сентября генерал Сахаров пытался атаковать центром — V Сибирским и XVII армейскими корпусами — и снова был отражен.

В 7-й армии XVI и II корпуса на правом фланге, соседние с 11-й армией, остались на месте (а между тем по духу директивы фронта эти две армии должны были атаковать в тесной связи между собой). Остался на месте и левофланговый XI/У корпус. Генерал Щербачев ударил центром — XXII и XXXIII армейскими корпусами — по 10-му резервному и 24-му германскому корпусам армии Ботмера. Сражение при Нараевке не принесло нам больших выгод, но сильно потрясло неприятеля чудовищной силой удара железных полков XXXIII корпуса. Памятна осталась атака Свистельной рощи пешими заамурцами 3-го и 4-го полков, воскресившая образы Бородина и Горохова и отмеченная Ставкой конная атака крымских татар.

1-я Заамурская пехотная дивизия атаковала 1-ю резервную германскую дивизию. Командир 3-го полка полковник Циглер повел свой полк на германскую проволоку верхом, по-скобелевски, под ураганным огнем. Участники атаки навсегда запомнили своего командира, старика, с развевавшимися бакенбардами, ехавшего впереди цепей и кричавшего:

Помните, заамурцы, что георгиевские кресты висят на германских пушках, а не на пулеметах!

Увлеченные солдаты дорвались до бившей в упор батареи и взяли 14 офицеров, 1695 нижних чинов германцев, 2 орудия и 10 пулеметов. Приданный XXXIII армейскому корпусу Крымский конный полк стремительно атаковал по лесной чаще тяжелую батарею и захватил 3 пушки. Всего 7-й армией в наступление 3 сентября взято 48 офицеров и 5000 пленных (из них 36 офицеров и 3000 нижних чинов германцев), 5 орудий, 6 бомбометов и 20 пулеметов. 1-я резервная германская дивизия на следующий же день была снята с фронта и отправлена в Литву на отдых и пополнение.

Наконец, 6-я армия вела в Лесистых Карпатах бои, которые иначе чем геройскими историей не назовет.

С 4 сентября войскам пришлось драться в глубоком снегу. Армия Лечицкого билась на фронте в 240 верст, в горах и облаках. Наш XII армейский корпус держал крепкой хваткой III австро-венгерскую армию на Быстрице, тогда как поредевшие цепи XI, XVIII и

образованного затем между ними XXIII армейских корпусов отчаянно бились с VII армией, тесня ее на Дорна-Ватру. 4 сентября XXIII корпус сбил Карпатский — центральный корпус армии Пфланцера, а 5-го XI корпус ударом по 25-му германскому корпусу заставил отступить и левый фланг VII армии врага.

32-я пехотная дивизия нашего XI корпуса разбила 117-ю германскую дивизию. В Карпатском корпусе особенно пострадала 1-я пехотная дивизия. В этих делах нами взято 43 офицера, 2596 нижних чинов, 4 орудия, 3 миномета и 13 пулеметов. Историки восточнопруссских полков только что прибывшей сюда из-под Вердена 1-й германской пехотной дивизии свидетельствуют об этих боях у Дорна-Ватры, Якобен и Кирлибабы как о самых тяжелых за всю войну. Последняя августовская неделя у Кирлибабы обошлась этой дивизии дороже, чем два месяца у Мортomma и на высоте 30485. О верденских боях знает весь мир — о буковинских не знает никто. Русская армия презирала рекламу.

10 сентября в состав Юго-Западного фронта была включена Особая армия (I Туркестанский, XXX, I, XXVI, XXXIV и XXV армейские корпуса), которой вместо ушедшего генерала Безобразова командовал энергичный Гурко.

Ставка разочаровалась в Ковельском направлении, и генерал Алексеев под свежим впечатлением августовской победы Щербачева на двух Липах советовал Брусилову перенести центр тяжести на юг — в 7-ю и 9-ю армии, тем более что того требовала и создававшаяся после выступления Румынии политическая и стратегическая обстановка. Как в августе 1914 года под Львовом и в мае 1916 года после Луцкой победы, Алексеев ходил вокруг и около правильного решения, нащупывал его, но оказался неспособным принять его и даже четко формулировать.

Но генерал Брусилов пренебрег советами Ставки, твердо решив долбить Ковель. Неудачи лишь распаляли его упорство. Отправив по настоянию Ставки один корпус — XXVI — в Буковину к Лечицкому, он в пятый раз решил повторить наступление, не удавшееся четыре раза.

Особой армии были переданы правофланговые XXXIX и Xb армейские корпуса 8-й армии и IV Сибирский корпус резерва фронта. Ей были указаны активная оборона линии Стохода (короткими ударами) и решительное наступление на Владимир Волынский левым флангом в обход Ковеля с юга. 8-й армии предписывалось содействовать генералу Гурко наступлением на Грубешов, 11-й армии по-прежнему бить на Львов, 7-й армии — на Галич (причем она была усилена за счет 11-й III Кавказским корпусом), в 9-й армии — на Дорна-Ватру. Общее наступление всего фронта было назначено на 17 сентября.

Однако уже 14 сентября неприятель спутал наши расчеты. Группа Марвица нанесла крепкий удар в стык Особой и 8-й армий — по IV Сибирскому корпусу, понесшему большие потери под Свинюхами. Весь удар 20 батальонов (три дивизии) и 57 батарей пришелся по 10-й Сибирской дивизии, понесшей тяжкие потери — 100 офицеров, 6000 стрелков (3000 пленных), 2 орудия и 48 пулеметов. Положение здесь было спасено 3-й Гвардейской пехотной дивизией (дивизия скорой помощи), для которой выручка соседей, близких и дальних, всю войну была делом привычным.

Одновременно и Южная германская армия Ботмера выбила 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию нашей 7-й армии из Свистельников. Неприятель вернул утраченное им 3 сентября, воспроизводя в то же время кошевские образцы Драгомирова. Первый короткий удар по кошевскому образцу был произведен 6 сентября корпусом Фата на Стоходе у Заречья. Наша 77-я пехотная дивизия (ХЬУ! армейского корпуса 3-й армии) была отброшена на правый берег Стохода, оставив в руках неприятеля 31 офицера, до 2500 нижних чинов пленными и 17 пулеметов. Австро-германцы, располагавшие подавляющей по силе артиллерией, показали свой урон только в 200 человек.

Эти короткие удары стратегических целей не преследовали, но поражение IV Сибирского корпуса заставило генерала Брусилова отложить наступление Особой и 8-й армий на два дня. 11-я и 7-я армии атаковали 17 сентября. Левый фланг генерала Сахарова — VI армейский корпус — имел небольшой успех у Красне — этим исчерпалась вся

наступательная операция 11-й армии. Трофеями боев у Красне было 59 офицеров и 1928 нижних чинов пленными.

Штаб 7-й армии сомневался в успешности наступления в долине Днестра в Галицком направлении, где противник чрезвычайно сильно укрепился. Генерал Щербачев решил нанести удар не левым крылом на Галич, а правым — на Львов, совместно с соседней 11-й армией. Для наступления он назначил только часть XVI армейского корпуса и подошедший III Кавказский корпус — 3, а затем 4 дивизии из общего числа 15.

Удар пришелся по галиполийскому 15-му турецкому корпусу, стоявшему на левом фланге Ботмера. В неистовом побоище 17 сентября под Диким Ланом кавказские полки 21-й и 52-й дивизий поддержали славу Суходола, Иван-города и Сенявы, а турки — славу Дарданелл. 18 и 19 сентября XVI корпус форсировал Нараевку и Ценювку, отбросив корпус Гофмана. 22-го генерал Щербачев нанес крепкий, но безрезультатный удар правофланговыми XVI, III Кавказским, частями VII Сибирского и II армейского корпусов, введя в дело 7 дивизий — и этим закончилась попытка 7-й армии наступать на Львов.

Весь бой под Диким Ланом велся на штыках — пощады не просили и не принимали. Турки (19-я и 20-я пехотные дивизии) оказали бешеное сопротивление. Поле сражения осталось поделенным перпендикулярно исходному положению — как некогда при Цорндорфе. Наши трофеи составили 112 офицеров, 2268 нижних чинов почти сплошь австро-германцев, так как турки не сдавались. Ночью 15-й турецкий корпус был отведен в резерв и сменен германскими 119-й и 216-й пехотными дивизиями. В боях 18 и 19 сентября на Ценювке было взято еще 2600 пленных, а 22 сентября у Млынова — еще 15 офицеров и 822 нижних чина.

Щербачев и Головин, так хорошо проводившие прежние наступления, на этот раз действовали очень посредственно. Колеблясь в выборе направления, изменив его в последнюю минуту, назначив для удара едва четвертую часть всех сил, вводя эти недостаточные силы в бой к тому же по частям, они воспроизвели здесь худшую из своих операций — декабрьское наступление на Стрыпе.

19 сентября перешли в наступление Гурко и Каледин, начав Пятое Ковельское сражение. Особая армия атаковала левым крылом, развернув XXXIX, XXV, XXXIV и XБ армейские корпуса (XXX и I были на Стоходе, а I Туркестанский и IV Сибирский корпуса выведены в резерв). Слабость технических средств не могла возместиться доблестью войск. Решительный Гурко продолжал непрерывно наносить удары, пока 22 сентября не истощил своих войск (у нашей артиллерии, к счастью, не хватило снарядов, и пехотную бойню пришлось остановить).

Неукротимой энергии и полководческому творчеству генерала Гурко невозможно было развернуться в условиях осадной войны — на подступах к обращенному в гигантскую крепость Ковелю. Командуй он здесь в начале Брусиловского наступления вместо слабого и нерешительного Каледина, Владимир Волынский и Ковель были бы захвачены с налета, луцкая, а затем и кошевская победы были бы использованы полностью. Сейчас — в сентябре — октябре — полководцу под Ковелем делать было уже нечего: тут хватило бы и Эверта для спокойного отсиживания в окопах. Энергия и напористость генерала Гурко шли только во вред, умножая без всякой нужды и без того громадные потери.

8-я армия нанесла удар тремя правофланговыми корпусами — I Гвардейским, II Гвардейским и VIII (левофланговый V армейский корпус остался на месте). Атака Квадратного леса закончилась неудачей, и огромный урон соответствовал огромному мужеству атаковавших. Всего в Пятом Ковельском сражении 14 наших дивизий атаковали 12 неприятельских (германская группа Бекмана⁸⁶, 6-й германский корпус Марвица и IV австро-венгерская армия), занимавших оборудованные по-крепостному позиции и располагавших вдвое сильнейшей артиллерией. Гвардия атаковала 17 раз. В Особой армии неприятель отметил особенный пыл XXXIV корпуса (56-я и 104-я пехотные дивизии), штурмовавшего 12 раз позиции 10-го австро-венгерского корпуса.

После этого сражения Государь и Алексеев воспротивились дальнейшей бойне на

Ковельском направлении, требуя перенесения тяжести Юго-Западного фронта на Буковину и Лесистые Карпаты. Туда было переведено управление 8-й армии, а все войска этой последней включены в Особую армию, доведенную до состава 12 пехотных и 2 кавалерийских корпусов — 27 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Однако у Ставки не хватило твердости настоять на своем решении прекратить ковельскую операцию перед более волевыми подчиненными инстанциями. Брусилов и Гурко настояли на продолжении этого безумного самоистребления.

Генерал Гурко разделил свою ставшую слишком громоздкой армию на две группы — северную и южную (соответствовавшие, в общем, прежней Особой и 8-й армиям), приняв лично руководство ударными корпусами. Он решил напрячь всю энергию войск, все время сближаться с врагом, непрерывно ведя инженерное наступление, нанося ему безостановочно крепкие короткие удары — давить неприятеля горами земли, дерева и человеческого мяса.

Систему непрерывно нажимать на мощно укрепившегося неприятеля принял было в самом начале позиционной войны на Западе генерал Жоффр. Я их грызу! (*3е 1е3 дп^по^е!) — говорил он. Эта грызня зимой 1914/15 годов и весной 1915 года стоила Франции 500 000 убитых и раненых и совершенно не принесла ущерба немцам.

Генерал Гурко не отдавал себе отчета в том, что при нашей технической бедности у нас не может получиться лучшего.

Последняя сентябрьская неделя и первые октябрьские дни были, пожалуй, самым тяжелым временем ковельской страды. От войск, чередовавших тяжелые инженерные работы с кровопролитными и малоуспешными штурмами, требовалось страшное напряжение. 25 сентября вел упорнейший бой XXV армейский корпус генерала Корнилова, поддержанный XXXIX корпусом. 1 и 2 октября гвардейские стрелки истекли кровью в Квадратном лесу. 3 сентября расстреляны на проволоке стрелки I Туркестанского корпуса и снова XXV армейский корпус. Эти трехдневные жестокие и кровопролитные бои мы можем назвать Шестым (и, к счастью, последним) Ковельским сражением.

Тяжелое положение Румынии побудило нашу Ставку принять меры к облегчению незадачливых союзников. По мере того как румыны переводили свои силы из Молдавских Карпат в угрожаемую Валахию, место их занимали войска нашей 9-й армии, протягивавшей все больше свой левый фланг к югу. Чрезмерное (к середине сентября до 300 верст) растяжение фронта, кровавые потери в непрерывных боях, необходимость выделить значительное количество людей на сообщения в этой дикой горной местности, для эвакуации раненых и заболевших, подноса боевых припасов по трудно проходимым, заваленным снегом тропам, — все это еще более затрудняло и без того нелегкую задачу генерала Лечицкого, державшего за горло III и VII австро-венгерские армии. Но он и вверенные ему войска с честью вышли из этого положения.

Переведенное в Буковину управление 8-й армии объединило XII, XI, XXIII и XVIII армейские корпуса в Заднестровье и Карпатах. Генералу Лечицкому было оставлено дорнаватренское направление, против которого были развернуты III конный и XXVI армейские корпуса — правый фланг новой 9-й армии. Южнее их строили фронт в Молдавских Карпатах постепенно прибывавшие с севера корпуса. За октябрь это были II армейский корпус из 7-й армии, XXXVI и XXIV армейские корпуса — оба с Западного фронта.

Генерал Лечицкий видел всю выгоду трансильванского направления, выводившего долиной Мароша в обход всего неприятельского расположения, и предлагал наступать на Чик-Среду. Но Ставка, пораженная стратегической слепотой, не желала замечать этой выгоды, считая трансильванское направление опасным. Она предписывала Лечицкому долбить на Дорна-Ватру и Кирлибабу, где неприятель тем временем устроил нам второй Ковель.

Октябрьские бои 1916 года нашей 9-й армии приковали к Молдавским Карпатам VII австро-венгерскую армию с многочисленными германскими подкреплениями и половину I армии, на целый месяц отсрочив падение Бухареста. Склоны гор у Кирлибабы превратились в обширные русские кладбища.

В конце октября действовавшая против Румынии IX германская армия генерала Фалькенгайна, получив сильные подкрепления с Французского фронта⁸⁷, нанесла румынам решительный удар. Генерал Лечицкий напряг все свои усилия и с 15 ноября перешел в наступление по всему своему фронту. Правым своим флангом XXVI и II армейскими корпусами — он ударил на Дорна-Ватру, а левым — XXXVI и XXIV корпусами, к которым присоединился вскоре ХБ, — пытался прорваться на Чик-Середа.

Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками — сражение у Кирлибабы. История их когда-нибудь будет написана. Трофеи наши в этой горной войне были значительны, потери — огромны, героизм — беспределен. К сожалению, все сроки были уже пропущены. XII австро-венгерская армия прочно занимала карпатские проходы своими 11 дивизиями, располагавшими гораздо более сильной артиллерией, нежели 8, затем 10 дивизий генерала Лечицкого. Что можно было легко совершить в конце августа, когда фланг противника в трансильванском направлении буквально висел в воздухе, становилось уже невыполнимым два месяца спустя, в ноябре, когда неприятель укрепился в превосходных силах на горных позициях, оказавшихся неприступными благодаря своему положению, инженерному искусству, снегу и морозу наступившей третьей и самой суровой зимы Мировой войны.

* * *

Героическим побоищем у Кирлибабы закончилась наступательная кампания 1916 года на русском фронте.

Тактические результаты ее были внушительны. Завоевана была Буковина, захвачено 420 000 пленных⁸⁸ (из них германцев 80 000), 600 орудий, столько же минометов и бомбометов, 2500 пулеметов и огромная добыча. Велико было и политическое значение Брусиловского наступления. Итальянская армия была спасена от разгрома (Капоретто отсрочено на полтора года). Французский фронт получил⁸⁹ большое облегчение в критический момент июньского кризиса под Верденом: кронпринц приостановил свое наступление на Маасе, и его резервы отправились на Волынь. Наконец, буковинская победа Лечицкого побудила к выступлению Румынию.

Стратегического решения это политически выгодное и тактически удавшееся наступление не принесло. Сперва его не требовали, а затем его не сумели добиться. Для России и русской армии вся эта грандиозная наступательная операция в конечном счете оказалась вредной.

Победы мая — июня были утоплены в крови июля — октября. Было перебито 750 000 офицеров и солдат — как раз самых лучших. Превосходный личный состав юго-западных армий был выбит целиком. Болота Стохода поглотили восстановленные с таким трудом полки гвардии, с которыми лег и остальной цвет императорской пехоты — богатыри VIII корпуса, железные полки ХБ, замурцы, туркестанские стрелки... Заменить их было нечем.

Ставка ждала от Юго-Западного фронта прорыва — и Юго-Западный фронт дал ей этот прорыв, и даже целых четыре сразу. Россия ждала от Ставки победы, и Ставка ей этой победы дать не сумела.

Была упущена последняя возможность окончить войну выводом из строя Австро-Венгрии, предупредив этим близившиеся великие внутренние потрясения. Враг содрогнулся от полученного страшного удара. Ему дали время оправиться, а затем стали наносить удары в самые крепкие его места, вместо того чтобы бить в самые слабые. И лавры Луцка сменились терновым венцом Ковеля...

Во всю эту злополучную кампанию русского стратега — если только злосчастного генерала Алексеева можно назвать стратегом — преследовало какое-то непонятное ослепление — стремление во что бы то ни стало идти по линии наибольшего сопротивления.

Решение Ставки нанести главный удар Западным фронтом в самое крепкое место неприятельского расположения — и это несмотря на неудачу Нарочского наступления — было едва ли не самым большим стратегическим абсурдом Мировой войны. И то, что это решение было навязано союзниками, лишь отягчает вину русской Ставки перед Россией и

русской армией. А когда не поддержанное Ставкой наступление Юго-Западного фронта уже успело захлебнуться. Ставка решила его развить и указала для главного удара опять-таки самое крепкое, единственно крепкое место вражеского расположения — Ковель!

У русских было много войск, но они тратили их слишком беспорядочно, вспоминал Фалькенгайн про июльские наши наступления на Стоходе. Сил наших было тогда достаточно для полного разгрома неприятеля — не было только разумного их применения.

Владимиров день — 15 июля — был решающим днем кампании. Он должен был показать всю бессмысленность ковельских сражений — вбивание лбом гвоздя в стенку. Будь тогда в Ставке полководец, он отказался бы от бессмысленного и кровавого ковельского миража и, учтя полностью создавшуюся политическую и стратегическую обстановку, произвел бы единственно возможную перегруппировку сил для нанесения сокрушительного удара из Молдавских Карпат во фланг и в тыл неприятельского расположения. Враг страшился этого удара, самой природой начертанного на карте. Его военачальники не скрывали своей тревоги в напряженные дав августа — сентября. И рев вашей артиллерии, тщетно надрывавшейся под Ковелем, должен был им казаться райской музыкой, показывая, что русские заняты совершенно иным, чем следовало бы.

Генерал Алексеев считал главным то направление, на котором в первый момент было захвачено наибольшее количество пленных, орудий и пулеметов. Первые дни Брусиловского наступления, после Луцкого прорыва, это было направление 8-й армии. После Доброноуцкой победы внимание Ставки перенеслось в 9-ю армию в Буковину, а затем по очереди — в 11-ю армию (после Брод) и в 7-ю армию (после августовского сражения на двух Липах). Вместо того чтобы управлять событиями. Ставка сама следовала за ними. Верховного руководства российской вооруженной силой не существовало.

Волевого Военачальника генерала Брусилова следует поставить гораздо выше генерала Алексеева. Он громил неприятельские армии, одерживал блестящие победы, которыми генерал Алексеев совершенно не умел пользоваться. Его одновременный прорыв в четырех местах, отказ от шаблонной подготовки удара кулаком в одном направлении указывает на самостоятельное стратегическое творчество. Единственный из всех старших наших военачальников он оказался способным на него. Алексеев не умел мыслить иначе, чем по раз навсегда с академии еще усвоенному шаблону. О других и говорить нечего.

Генералу Брусилову удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному вождю союзных армий — прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Брусилова обвиняют в том, что, произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Использовать прорыв было делом не главнокомандующего Юго-Западным фронтом (которому было указано только демонстрировать), а Ставки. Ставка же оказалась совершенно неспособной принять полководческое решение и упустила все представлявшиеся возможности.

Упрек генералу Брусилову может бросить не стратег, а тактик. Этот кавалерист не нашел кавалерии... Превосходная конница Юго-Западного фронта осталась неиспользованной. Из 13 дивизий была использована лишь одна (9-я у Порхова) — и как раз на труднейшем участке. В какой триумф превратилась бы наша победа, кинься IV и V конные корпуса — 20 тысяч шашек (и каких шашек!) преследовать наголову разбитого врага под Луцком. И уцелел бы из разгромленной армии Пфланцера хоть один человек, если бы вместо одного Текинского полка ее стал бы рубить весь III конный корпус графа Келлера?

Семь кавалерийских дивизий на правом крыле фронта сидели по брюхо коня в болоте, три на левом крыле двинуты были в горы... А за уходящими неприятельскими батареями гналась горсточка наших конноартиллеристов!

Нашей победе не хватило крыльев.

Из командовавших армиями на первое место следует поставить генерала Гурко. К сожалению, он явился на Волынь слишком поздно. Волевой, энергичный и умный начальник, он много требовал от войск и командиров, но много и давал им взамен. Его приказы и наставления — краткие, ясные, проникнутые наступательным духом, ставили

войска в наилучшее положение при сложившейся исключительно тяжелой и невыгодной для наступления обстановке. Возглавь Гурко Луцкий прорыв, трудно сказать, где остановились бы победоносные полки 8-й армии, и остановились бы они вообще.

Командование армией явно превысило способности генерала Безобразова, сорвавшего своей методикой Первое Ковельское сражение. Немногим лучше был генерал Каледин, как-то неуверенно чувствовавший себя во главе армии, сомневавшийся в своих силах, не веривший в победу, нуждавшийся в постоянном подбадривании.

В действиях генерала Сахарова в начале наступления сказывалась нервность и плохое понимание стратегической обстановки. Однако в последовавший период он выровнялся и действовал отлично. Вполне на своем месте был генерал Щербачев, армия которого между тем была поставлена в самые невыгодные стратегические и тактические условия. И превосходен был железный Лечицкий, давший нам Буковину, истребивший австрийцев и заставивший германского противника пожалеть о верденском пекле.

Разгром Румынии

Победы армий генерала Брусилова имели последствием выступление на стороне Соглашения Румынии, решившей, что настал час поспешить на помощь победителю. Раньше, чем объявить войну, бухарестское правительство запрдало Центральным державам все запасы хлеба и нефти в стране по весьма дорогой цене, рассчитывая все получить затем даром от России.

Эта коммерческая операция по реализации урожая 1916 года потребовала времени, и Румыния объявила войну Австро-Венгрии лишь 14 августа, когда Брусиловское наступление уже закончилось. Выступи она на шесть недель раньше, — в момент луцкой победы Каледина и доброноуцкого триумфа Лечицкого положение австро-германских армий из критического стало бы катастрофическим, и при умелом использовании румынских возможностей нам удалось бы вывести из строя Австро-Венгрию. Но удобный момент был безвозвратно пропущен, и выступление Румынии в августе совершенно не имело того эффекта, который оно могло бы иметь в конце мая — начале июня.

К выступлению Румынии особенно энергично побуждала Франция. Генералу Жоффру важно было оттянуть как можно больше германских дивизий с Западного театра. Россия относилась к румынскому вмешательству гораздо более сдержанно. Как это ни кажется невероятным, но руководители нашей стратегии в лице генерала Алексеева совершенно не заметили огромного преимущества Румынского театра войны. Наступлением из Молдавии на северо-восток можно было поймать в мешок VII и III австро-венгерские армии, перехватив у них в тылу немногочисленные карпатские проходы и взяв во фланг все неприятельское расположение к югу от Припяти.

Этот полководческий маневр был начертан на карте. Его страшились Гинденбург и Конрад. Но его совершенно не замечал злополучный Алексеев. Никогда еще отсутствие у него творческой интуиции не сказалось с такой трагической очевидностью, как в августовские дни 1916 года! Сама судьба протягивала ему ключ к победе, и он его не взял — и даже не заметил.

Наша Ставка желала видеть одну лишь обратную сторону медали — неудобства и невыгоды выступления Румынии, выражавшиеся, главным образом, в опасности растяжения до Черного моря и без того огромного фронта от Риги до Кирлибабы.

Видя, что его возражения совершенно не принимаются к сведению волевым полководцем Жоффром, генерал Алексеев занял странную, обиженно индифферентную позицию, словно подчеркивая, что раз с ним не желают считаться, то он, в свою очередь, не желает считаться с создавшейся вопреки его уговорам и представлениям обстановкой и попросту игнорирует навязанного ему союзника. Впрочем, вполне игнорировать румын не пришлось. Волей-неволей надо было определить с ними люаиз упгешИ — заключить военную конвенцию. Это состоялось 4 августа — за 10 дней до выступления Румынии.

Поддерживаемая Францией Румыния вначале пожелала отправки 250-тысячной вспомогательной русской армии на Балканы. Алексеев, еще в феврале мечтавший о похода

туда 16 корпусами, в августе категорически отвергнул это румынское домогательство. Он обещал 50 тысяч, но затем пожалел и их и послал всего 30 тысяч. Жалуясь на нелояльность к нам наших союзников, генерал Алексеев в отношении новых союзников сам допустил нелояльность.

Конвенция 4 августа оставляла открытым самый важный вопрос: согласование действий союзных русско-румынских армий. Нам надо было сговориться с румынами относительно их главного операционного направления, которое нам надлежало указать в Молдавские Карпаты — в непосредственном соседстве с 9 — и армией генерала Лечицкого и в обход правого фланга всего австро-германского расположения. Но наша Ставка отстранилась от всякого участия в разработке этого вопроса капитальной важности. Она словно подчеркивала, что это ее не интересует и ее не касается.

* * *

Предоставленные собственным силам румыны распорядились ими как нельзя хуже. Они положили заслониться на юге от Болгарии, а наступать на севере в Трансильванию.

В их мобилизованной армии считалось 564 000 человек, составивших 23 пехотные и 2 кавалерийские дивизии. Они направили 5 дивизий на Дунай, образовав из них 3-ю армию генерала Аслана⁹⁰; 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии оставили внутри страны в качестве стратегического резерва, а остальные 11 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии развернули в ниточку на огромном, почти тысячеверстном, фронте от Дорна-Ватры до Железных Ворот. Это были слева направо 1-я армия генерала Кульчера⁹¹ в Малой Валахии, 2-я армия генерала Крайничано, после генерала Авереско⁹² в Большой Валахии и 4-я армия, или Северная, генерала Презана⁹³ в Молдавии. Между этими удаленными друг от друга в горах тремя армиями не существовало никакой связи.

Трансильванию занимала новообразованная I австро-венгерская армия генерала фон Арца⁹⁴ в составе 4У2 пехотных дивизий австрийских войск, но с управлениями германских резервных корпусов — 1-го (фон Морген) и 39-го (фон Штаабс⁹⁵). Это были австро-венгерские войска, совершенно истребленные Брусиловым у Лупка и Кошева, заново восстановленные в Трансильвании. Несмотря на подавляющее численное превосходство, румыны действовали вяло. Они заняли было Кронштадт и Германштадт, но на этом их успехи на севере замерли, тогда как на юге произошла Туртукайская катастрофа.

Помнившая 1913 год Болгария немедленно же объявила войну Румынии. III болгарская армия генерала Тошева⁹⁶, подкреплённая германцами, под общим начальством главнокомандовавшего на Балканах фельдмаршала Макензена стремительным наступлением вошла в Добруджу, разметав румынские авангарды. 23-го и 24 августа Макензен наголову разбил 3-ю румынскую армию при Туртукае. Яростным штурмом он взял этот румынский Верден, сбросив его защитников в Дунай.

Командовавший 3-й румынской армией генерал Аслан на банкете союзным военным агентам заявил: Туртукай — наш Верден. Кто его тронет — уколется! Сутки спустя Туртукай пал. Из 39 000 защитников 7000 спаслось на лодках и вплавь, 3570 было убито и ранено, а 28500 сдалось со 162 орудиями и 40 пулеметами, бывшими на вооружении крепости. Все старшие начальники бежали первыми. Гарнизон оказал посильное сопротивление — из 25000 германо-болгар убито и ранено было 7950 человек — 30 процентов, что для защитников неплохо.

Остатки 3-й румынской армии отступили в Среднюю Добруджу, где были спасены подошедшими русскими войсками. Это были 61-я пехотная дивизия генерала Симанского⁹⁷ и Югославянская дивизия полковника Хаджича, сведенные в ХЬУП армейский корпус генерала Зайончковского и усиленные 3-й кавалерийской дивизией. Посылкой этих войск в Добруджу генерал Алексеев надеялся исчерпать свои союзнические операции.

Развернувшись на линии Разово — Кобадин — Тузла, впереди железной дороги Черноводы — Констанца, и вобрав в себя остатки 3-й румынской армии, войска генерала Зайончковского встречным ударом 1 сентября у Кокарджи остановили продвижение III болгарской армии, а 4-го числа отразили сильную контратаку германо-болгар. У Кокарджи

полки 3-й кавалерийской дивизии лихо атаковали в конном строю. Югославянская дивизия взяла 8 орудий. Дивизия эта была сформирована из военнопленных, управление и часть кадров прибыли из сербской армии.

Весь сентябрь в Добрудже царило затишье. Наши войска здесь были в конце месяца усилены 30-й пехотной дивизией, составившей с 3-й кавалерийской дивизией VI конный корпус генерала Леонтовича⁹⁸ на левом фланге русско-румынского расположения, а затем и 115-й пехотной дивизией.

Победа генерала Щербачева над армией Ботмера в сражении на двух Липах заставила германское командование направить под Галич все войска, предназначавшиеся для удара по румынским главным силам. Румыны могли благодаря этому оставаться целый месяц в Трансильвании. В первых числах сентября в Семиградье было переведено из Полесья управление IX германской армии во главе с Фалькенгайном и с войсками (61/2 пехотных и 2 кавалерийские дивизии), снятыми, главным образом, с Французского фронта. Одновременно и I австро-венгерская армия была доведена до 6 дивизий придачей германских войск.

Генерал фон Арц сдержал наступление Северной румынской армии, дав ей отпор у Чик-Середы, тогда как Фалькенгайн крепким ударом с 14-го по 16 сентября при Германштадте отбросил 2-ю румынскую армию за линию границы, освободив этим сражением Трансильванию. 1-я румынская армия держалась все время пассивно, имея против себя в Банате сперва две бригады ландштурма, а затем две дивизии из состава IX германской армии. Октябрь прошел в Трансильвании спокойно. Фалькенгайн накапливал силы для решительного наступления. Зато Добруджский фронт пришел в движение.

Пользуясь вялостью союзной армии генерала Саррайля⁹⁹ (ограничившейся демонстрациями на Флорину), Макензен совершенно оголил Македонский фронт¹⁰⁰, сосредоточив в Добрудже 14 дивизий против 4 русских и 4 румынских. 6 октября он прорвал расположение группы генерала Зайончковского у Кобадина, перерезал Черноводскую железную дорогу и 9-го числа занял Констанцу. Русско-румынские войска отступили на север — к Тульче и Бабадагу. Добруджа была потеряна.

Неудача эта встревожила нашу Ставку. В Добруджу были спешно направлены с Юго-Западного фронта IV Сибирский корпус, а с Северного фронта 3-я стрелковая и 8-я Кавказская дивизии. Вместе с ХБУП армейским и VI конными корпусами силы эти составили Дунайскую армию. Командовать ею был призван генерал Сахаров, сдавший 11-ю армию генералу Клембовскому. Одновременно, как мы знаем, войска нашей 9-й армии в Западнестровье и Буковине были переданы управлению 8-й армии, а управление 9-й армии объединило корпуса, перебрасывавшиеся в Молдавские Карпаты.

IX германская и I австро-венгерская армии были совместно с VII австро-венгерской армией (где Пфланпера заменил Кевеш) объединены в группу войск престолонаследника Карла¹⁰¹, которому была предназначена выигрышная роль завоевателя Румынии.

29 октября Фалькенгайн нанес Румынии сокрушительный удар, разгромив 1-ю румынскую армию в долине реки Жиу. Одновременно генерал фон Арц нанес поражение 2-й румынской армии у Кронштадта. Развивая свое наступление, IX германская армия стремительно двинулась долиной Ольты в Валахскую равнину. Румынское командование спешно сосредоточило на подступах к Бухаресту все остававшиеся еще у него войска. Молдавский фронт был передан не закончившей еще своего сосредоточения 9-й армии генерала Лечицкого, а Добруджа — Дунайской армии генерала Сахарова.

3 ноября в Молдавские Карпаты уже прибыли передовые корпуса 9-й армии XXIV и ХБ. В Дунайскую армию с Северного фронта подошел IV армейский корпус, но он по просьбе румынского командования был вместо Добруджи направлен в самую Валахию — под Бухарест. IV армейский корпус был в составе 2-й и 40-й пехотных дивизий. 30-я пехотная дивизия находилась еще в Добрудже и не успела присоединиться к своему корпусу. Следом за IV корпусом в Валахию должны были сосредоточиться еще VII, VIII, XXIX и XXX армейские корпуса с управлением 4-й армии генерала Рагозы. В Молдавии ожидалось в 9-й армии XXVI и XXXVI корпуса. В дальнейшем решено было двинуть в Румынию еще I и

ХЫУ армейские корпуса с Западного и ХЫУ корпус с Юго-Западного фронтов.

Русской армии дорого приходилось расплачиваться за недалекость и узость взгляда генерала Алексева, пожалевшего отправить своевременно 5–6 корпусов, как о том в августе просили румыны. Теперь не то что пяти, а десяти корпусов было мало. Раньше начала декабря 4-я армия не могла сосредоточиться. Русская железнодорожная сеть работала все с большими перебоями. Одноколейные бессарабские дороги совершенно не были приспособлены к массовым перевозкам войск и их довольствия, румынские же были в полном расстройстве. От линии Прута войска приходилось вести в глубь Валахии походным порядком. Шедший таким образом 500 верст из Буковины к Бухаресту III конный корпус графа Келлера совершенно измотал лошадей.

12 ноября исторические Систовские высоты через сорок лет вновь сотрясались от грома пушек. Сыновья освобожденных солдатами Драгомирова болгар шли на сыновей своих освободителей... Новосформированная неприятельская Дунайская армия в составе 5 дивизий (1 германской, 2 турецких и 2 болгарских) под личным руководством фельдмаршала Макензена форсировала Дунай от Систова к Зикнице. Сосредоточившись у Зимницы и заняв Журжу, Макензен двинулся на Бухарест.

* * *

Румынские войска в Бухарестском районе под общим начальством генерала Презана состояли из 1-й армии и Дунайской группы, собранных на реке Арджеше для отражения Фалькенгайна и Макензена. 2-я армия прикрывала Валахию с севера против армии фон Арца.

Силы эти — совершенно недостаточные — охватывались неприятелем с трех сторон. С севера шли группы Моргена и Крафта¹⁰², с запада теснили Кюне и Этметов, с юга надвигался Макензен...

У румынского командования не хватило кутузовского глазомера для того, чтобы, пожертвовав столицей, спасти вооруженную силу. Сосредоточив на Арджеше 81/2 полуразбитых, большей частью сводных дивизий (доведенных затем бессистемной посылкой пачками до 151-й пехотных и 3 кавалерийских дивизий), оно приняло бой с 15 победоносными, по большей части свежими дивизиями неприятеля.

И Бухарестское сражение с 14-го по 18 ноября окончилось тем, чем должно было закончиться — полным разгромом румынской вооруженной силы. От окончательной гибели румыны были спасены только войсками нашего IV армейского корпуса (40-я пехотная дивизия), остановившими под Команой армию Макензена и давшими возможность выйти из наметившегося окружения немногочисленным остаткам румынских войск.

В Бухарестском сражении румынские войска показали себя выше своей репутации. Они дрались храбро и упорно, все время переходя в отчаянные контратаки. Но неравенство сил усугублялось плачевным руководством. Начальник ударной группы генерал Сочек в решительный момент контрнаступления 16 ноября по слабости нервов бежал в Бухарест, никого не предупредив. Старый гусар Макензен в сопровождении всего трех офицеров первым прискакал в Бухарест, занятый еще отступавшими румынскими войсками. Он опередил голову своего авангарда на 10 верст. Из 120 000 румын до 25 000 было перебито, 65 000 взято в плен и только 30 000 (остатки 15 дивизий) смогли отступить. Германо-болгаро-турки взяли 124 орудия и 115 пулеметов. Урон их остался неизвестным¹⁰³.

20 ноября Фалькенгайн вступил в Бухарест, а 23-го левофланговая его группа Моргена (1-й и 39-й резервные корпуса), прорвавшись на Плоешты, перехватила главный путь отступления румын и под Кокорештами взяла в плен левофланговую группу их 2-й армии.

Наша конная группа графа Келлера (III и подоспевший из Добруджи VI конные корпуса) и IV армейский корпус генерала Хана Алиева самоотверженно прикрыли румынский отход, отступательными боями сдерживая шаг за шагом армии Макензена и Фалькенгайна. В районе Аджуда спешно сосредоточивалась наша 4-я армия. Подошедший раньше других VIII армейский корпус генерала Деникина был двинут на широком фронте к Бузео навстречу отступавшим румынам с задачей собрать и привести в порядок все, что

осталось от румынских армий.

В то же время в Молдавских Карпатах, как мы знаем, шли жестокие бои. 9-я армия генерала Лечицкого, развернув справа налево XXVI, II, XXXVI, XXIV и XБ корпуса на фронте от Дорна-Ватры до Аджуда, атаками на Дорна-Ватру и Кирлибабу приковала VII австро-венгерскую армию, а наступательными боями в долине Тротуша оттянула на себя в конце концов и всю I армию, облегчив, как могла, положение румын и положив несчетные тысячи бойцов. 16 ноября туркестанцы 3-й стрелковой дивизии овладели высотой 1295 у Дорна-Ватры, где взяли 1300 пленных, 3 орудия, 4 миномета, 4 бомбомета и 4 пулемета. 20 ноября в XБ корпусе Железные стрелки захватили еще 2 пушки. 19 ноября в XXIV корпусе частями 49-й пехотной дивизии взято 1 орудие и 8 минометов и бомбометов. Эти бои требовали гигантского напряжения.

24 ноября был образован новый Южный фронт, почти тотчас же переименованный в Румынский. Главнокомандующим считался номинально король Фердинанд. Ответственным главнокомандующим (в звании помощника и подчиненный Ставке) стал генерал Сахаров. Его Дунайскую армию принял штаб 6-й армии, переведенный из Петрограда, и командующим этой армией был назначен генерал Цуриков (одно время замещавший генерала Горбатовского в 10-й армии).

Румынский отход протекал в катастрофических условиях. В обильной земледельческой стране не оказалось хлеба: все запасы, как мы видели, были накануне объявления войны проданы австро-германцам. Страна и остатки армии погибали от голода и страшной эпидемии тифа. Русским войскам пришлось не только выручать румынскую армию, но и спасти население страны! Слабая боеспособность румынских войск, продажность администрации и развращенность общества чрезвычайно раздражали наших военачальников. Отношения между союзниками с самого начала установились крайне натянутыми.

Взятие Бухареста совпало с кончиной престарелого императора Франца Иосифа. Престолонаследник Карл стал императором Карлом I. Его группа войск была передана прибывшему с Итальянского фронта эрцгерцогу Иосифу в составе I и VII армий. IX германская. Дунайская и III болгарская армии образовали группу войск Макензена. IX армией командовал генерал фон Эбен¹⁰⁴ (Фалькенгайн был назначен главнокомандующим турецкими армиями в Палестине), а Дунайскую армию от Макензена принял генерал Кош¹⁰⁵.

С 6-го по 8 декабря группы Моргена и Крафта IX армии вели яростные атаки на стык наших 9-й и 4-й армий в долине реки Путны. XБ и VIII армейские корпуса понесли тяжелые потери, но встречным ударом XXIV армейского корпуса генерала Некрасова Лечицкий восстановил положение. В боях с 5-го по 8 декабря особенно пострадала 14-я пехотная дивизия (правофланговая 4-й армии), потерявшая половину своего состава. Пользуясь замечательным качеством войск славного XБ корпуса, все время отбивавшего атаки Моргена, генерал Лечицкий растянул его в ниточку, выведя в маневренный резерв два полка 2-й стрелковой дивизии, которые бросил в стремительную контратаку долиной реки Чобанаша. Стрелками было захвачено 2 орудия, и немцы были отброшены в исходное положение.

Потерпев неудачу на Путне, Макензен решил нанести удар на Рымнике с целью прорвать фронт нашей 4-й армии. 11 декабря он ударил IX армией Фалькенгайна в направлении на Рымник — Сарат. Так началось упорнейшее четырехдневное сражение при Рымнике — Сарате, которое немцы называли Рождественской битвой (УУеНшасЪйзсЫасЫ;). VII армейский корпус стойко выдержал удар группы Моргена, понеся огромные потери. Стойко бились и XXX корпус, и остатки румын. Все же 4-й армии пришлось осадить назад, и генерал Рагоза отвел ее 15-го с Рымника на молдавский Серет. Офицеры VII корпуса вспоминают это сражение при Рымнике Сарате, как самое тяжелое за всю войну. Доблестная 34-я пехотная дивизия четыре дня отражала на высоте 417 четыре германские дивизии 1-го резервного корпуса Моргена. За всю Рождественскую битву (с 24-го по 28 декабря нового стиля) немцы захватили около 10 000 пленных, но нами не отдано ни одной пушки. Урон 4-й

армии превысил 40 000 человек.

20 декабря Макензен нажал на нашу 6-ю армию, закончившую еще 14-го числа эвакуацию Добруджи. 24-го германо-болгаро-турки генерала Коша заняли Браилов, будучи, впрочем, потрепаны контратаками наших IV армейского и IV Сибирского корпусов 6-й армии.

К 25 декабря Румынский фронт застыл в снегах жестокой зимы. В его состав была включена и 9-я армия. Остатки румынских войск были сняты с боевой линии и отправлены в тыл, в Молдавию, где были полностью реорганизованы прибывшей из Франции миссией генерала Вертело. Румынские потери составили 73 000 убитых и раненых и 147 000 пленных при 359 орудиях и 346 пулеметах. Перепуганная Ставка отправила в Румынию столько войск, что расстроенные наши железные дороги оказались не в состоянии их всех довольствовать сколько-нибудь продолжительное время. С огромными трудностями стоявшие в резерве Румынского фронта ХЫУ и ХБУ корпуса были отправлены назад — на Юго-Западный фронт, а I армейский корпус на Северный фронт. Полупарализованная наша железнодорожная сеть была подвергнута совершенно излишнему напряжению.

36 русских пехотных и 13 конных дивизий — до 500 000 бойцов — стояло от Буковины по Молдавским Карпатам, Серету и Дунаю до Черного моря, имея против себя 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий четырех неприятельских держав.

Разгром Румынии имел большое значение для Центральной коалиции. Кампания 1916 года складывалась для них невыгодно. На Западе германская армия должна была признать себя побежденной под Верденом, и в первый раз за всю войну ее бойцы усомнились в своих силах в затяжном сражении на Соме, где оставили за три месяца в руках англо-французов 105 000 пленных и 900 орудий¹⁰⁶. На Востоке Австро-Венгрия еле удалось спасти от катастрофы, и если Жоффр на Марне отрезал Мольтке-младшего, то Брусилов своим наступлением заставил уйти Фалькенгайна.

Быстрая и сокрушительная победа над Румынией и завоевание этой страны с ее огромными нефтяными запасами вновь вселили бодрость в народы Центральной коалиции, подняли ее престиж в мировой политике и дали твердую почву Германии для предложения уже в декабре 1916 года мирных условий тоном победительницы. Предложения эти были, само собою разумеется, отвергнуты союзными кабинетами.

В произошедшей катастрофе прежде всего виноваты сами румыны. Виновато, во-первых, их правительство, пропустившее удобный момент — июнь месяц — по совершенно недостойным меркантильным соображениям реализации урожая 1916 года. В августе было уже слишком поздно: кризис неприятельского фронта миновал. Виновато и румынское командование. Два года войны пропало для него даром, оно не воспользовалось опытом ни Восточного, ни Западного театров, и стратегическое невежество шло об руку с исключительной безграмотностью. Румынские стратеги не справились с составлением плана кампании. Они не учли беспримерно невыгодного географического положения маленькой страны, имевшей соприкосновение с неприятелем на протяжении 2000 верст по Карпатам и Дунаю.

Погнавшись за кинематографически дешевым эффектом похода в Трансильванию обетованную землю румынского ирридентизма, они не отдавали себе отчета в том, что их армия слишком слаба для решения самостоятельных стратегических задач. Необходимым условием для их успеха было все время чувствовать локоть могучего русского союзника. Если гора не шла к Магомету, то Магомету надлежало пойти к горе. Если Россия отказывалась дать Румынии 250 000 штыков для похода за Дунай, то Румыния должна была предложить России 250 000 штыков для удара из Молдавии во фланг и в тыл всего австро-германского расположения на востоке. Иными словами, назначить в Северную армию, единственно имеющую стратегическое значение, не 3, а 10 дивизий, от-рлштчяыпись на всем остальном фронте активной обороной, чрезвычайно удобной в горной стране. Удар си. гт. г-^й армии генерала Презана по висевшему в воздухе обнаженному флангу армии Пфланцера и всего австро-германского расположения мог бы иа*еть неисчислимые бо'-л-дствеея. Надо

было твердо помнить, что в условиях туяг; , ан ьойнк ру лык > (.& v.>opy>г-оннбя сила яу. укдш. ь 1-о существу ЛЕгяь 14-1 русской армией. Бес-ску-сл-'ч" Е. г- б^-по тетсв-г — лмЕ-гюру где-то у Кронштадта — Гер? ^"!л^та, в 50и гсгк-тьх ра отлете от главных сил ^^-. ^.могч театра юйвк.

Огр:(>.!А ь Бква русс.-. -.-т; Стывки. О^а была поражена какЕК-то г-трйшным ос-дег^-вйг-м, не замечая выгоды Румынского театра, позволявшего взять во фланг и в тыл все неприятельское расположение перед армиями Юго-Западного фронта.

Предоставив румынам воевать где им вздумается и как им вздумается, генерал Алексеев совершил преступление перед русской армией. Его долгом было указать румынам то направление, в котором нам был желателен их главный удар — в обход Дорны армией Презана, и сразу же оказать им здесь существенную помощь. Требования румын показались ему чудовищными и были с негодованием отвергнуты.

А затем под давлением событий, которых Алексеев не хотел предвидеть, наша Ставка была вынуждена отправить в Румынию втрое больше войск, но уже без всякой пользы. 5—6 русских корпусов, двинутые в августе 1916 года в Молдавские Карпаты или в Добруджу, могли нам дать победу. 15 корпусов, ставшие в декабре от Буковины до Черного моря, не смогли воспрепятствовать поражению. Мы направили в Румынию четвертую часть нашей вооруженной силы, и притом лучшую по качеству, весьма ослабив сопротивляемость Западного и Юго-Западного фронтов наших армий. На войне, как и в жизни (а ведь война — сама жизнь), за нерасчетливость приходится переплачивать. Алексеев переплатил ровно втрое и переплатил за счет России и русской армии, которым дорого обошлось его недомыслие.

Наконец не следует забывать и ответственности французского командования. Франция, столь энергично побуждавшая Румынию к выступлению, не оказала ей ни малейшей поддержки. Весь август, сентябрь и октябрь армии генерала Саррайля провели в полном бездействии в то время, как ноша 9-я армия генерала Лечицкого истекла кровью в Молдавских Карпатах, пытаясь облегчить румын. Только 6 ноября Салоникский фронт перешел в наступление русско-франко-сербскими войсками на Бптоль. Но главная масса войск Саррайля не сдвинулась с места — и Болгария смогла направить свыше трети своих сил на Румынский фронт.

В общем, выступление Румынии оказалось неудачным для Согласия. Оно прибавило лавров, правда, недорогих, к знаменам Центральных держав и чрезвычайно ослабило Россию, побудив растянуть наш фронт с 1200 до 1900 верст и направить туда огромные силы. Выгодным оно стало в конечном счете лишь для западных союзников — с французских плеч 107 на русские переложено было бремя 9 хороших германских дивизий.

Третья зимняя кампания

В конце октября генерал Алексеев заболел на почве переутомления канцелярской работой. На все время лечения его заменил генерал Гурко, сдавший Особую армию командиру V армейского корпуса генералу Балуюеву. Опасаясь потери своего влияния и все время подчеркивая свою незаменимость, завистливый и не терпевший талантливых военачальников Алексеев приказал соединить клинику, где он лежал, прямым проводом со Ставкой.

Новый ответственный главнокомандующий был в противоположность генералу Алексею волевым военачальником полководческой складки. Руководи генерал Гурко действиями Ставки весной и летом 1916 года, вся кампания сложилась бы совершенно иначе. Сейчас — в октябре — полководческий момент был безвозвратно пропущен. Наследство Алексева было тяжелым. Разгром Румынии принимал с каждым днем все большие размеры. Туда по закупоренным и парализованным железным дорогам посылался корпус за корпусом. Весь Русский фронт обратился в источник пополнения новообразованного Румынского. С 1200 верст протяжение боевой линии увеличилось до 1900.

При прежнем количестве войск фронт становился гораздо более разреженным.

Это обстоятельство чрезвычайно тревожило генерала Гурко. В ту упадочную пору

русской стратегии силу фронта полагали в его насыщенности человеческим мясом. Фронт прибавился — значит надо было спешно прибавить мяса. Исходя из этих соображений, генерал Гурко решил увеличить без малого в полтора раза состав пехоты Действовавшей армии, приведя все армейские корпуса из 2-дивизионного состава в 3-дивизионный, и новые дивизии формировать средствами самих корпусов.

Для этого пехотные полки из 4-батальонного состава приводились в 3-батальонный. Освобождавшиеся четвертые батальоны сводились затем в полки с пятисотыми, шестисотыми и семисотыми номерами; к ним добавлялись новосформированные из маршевых рот батальоны, и получалась 12-батальонная дивизия 4-й очереди. Корпус состоял из трех 12-батальонных дивизий вместо прежних двух 16-батальонных. Дивизии эти формировались без артиллерии, и в этом заключался первый источник слабости реформы генерала Гурко. Артиллерия корпуса — прежняя сотня пушек — обслуживала уже не две дивизии, а три. Огневая сила корпуса разжижалась наполовину, и вместе с тем уменьшалась вполнину его пробивная сила и наступательная способность.

Но самой отрицательной стороной этой крайне неудачной реформы было резкое понижение качества нашей пехоты. Над живыми, болезненно чувствительными организмами старых полков была произведена грубая вивисекция. Оторваны и ушли в небытие четвертые батальоны, как правило, самые бойкие. Последние уцелевшие кадровые подполковники и полковники — геройские командиры батальонов и заместители мимолетных цензовых полковых командиров — получали новосколотые части, и с ними отлетала душа старых полков, отнюдь не вселяясь в новые понурые серые полчища.

Кадры старых полков, и без того совершенно ослабевшие, подверглись окончательному разгрому. На каждом фронте была устроена бескровная Горлица, в каждой из армий организован бескровный Танненберг. Новые полки, надерганные же с бору по сосенке наподобие куропаткинских отрядов, не обладала никакой спайкой и были боеспособностью значительно ниже ополченских дружин начала войны. Генерал Гурко провел эту свою злосчастную реформу с выдающейся энергией. Первые дивизии 4-й очереди появились к началу декабря 1916 года. Было сформировано 76 пехотных дивизий 4-й очереди: а-я, 6-я и 2-я Кавказские гренадерские; 128-я — 138-я, 151-я, 153-я — 157-я, 159-я — 194-я; 6-я — 8-я стрелковые; 3-я и 6-я Финляндские стрелковые; 15-я — 22-я и Сводная Сибирская стрелковая; 6-я и 7-я Кавказские стрелковые; 8-я — 10-я Туркестанские стрелковые; 4-я и 5-я Заамурские пехотные.

Формирование длилось весь январь и к февралю было закончено — после чего новообразованные полчища спешно пришлось расформировывать. Возникает вопрос, отчего понадобилось убивать дух армии, раздробляя и калеча носителей этого духа — старые полки и создавая никому не нужные мертворожденные серии шестисотых и семисотых.

Фронт растянулся. Требовались новые дивизии. Нельзя ли было их создать без разгрома вооруженной силы? Иными словами, не вырывать кровоточащие куски мяса из живых полковых организмов, убивая тем самым эти живые полки, а отделить безболезненно из состава дивизий четвертые полки со всеми их командами, обозами, управлениями,

командирами, офицерами, всем сложившимся укладом жизни? Составленные из живых организмов дивизии оказались бы живыми, тогда как сформированные генералом Гурко из груд ампутированных кусков мяса жить не могли и начали разлагаться.

Немцы уже зимой 1914/15 годов увеличили безболезненно число своих дивизий на треть, перейдя на трехполковую состав¹⁰⁸. Французы осенью 1916 года последовали их примеру. При переходе на трехполковое положение мы могли бы получить 58 вполне прочных новых дивизий, составленных уже из обстрелянных и спаянных полков, и притом без разжижения кадров, административного хаоса и понижения боеспособности всей армии. Это простое и целесообразное решение напрашивалось само собой. Оно, казалось, могло бы ускользнуть от нестроевого деятеля, незнакомого с природой войск, но никак не от выдающегося строевого и боевого начальника, каким был Василий Иосифович Гурко.

Рационализм и позитивизм отравил и лучших из военных деятелей той упадочной

эпохи. Они предпочитали иметь 4 сборных полка в 3 батальона, чем 3 цельных в 4 батальона, наивно полагая, что если трижды четыре — двенадцать, то и четырежды три должны дать тоже двенадцать. За арифметикой проглядели душу, не учли того, что полк — это вовсе не три или четыре поставленных друг за другом по порядку номеров батальона. Не видели, что полки — хранители главного сокровища армии — ее духа и что, разбивая опрометчиво эти сосуды, они угашают дух. Дивизия же — чисто организационная инстанция. При дроблении старых полков и импровизации новых качество войск резко и бесповоротно снижалось, тогда как при переформировании дивизий из четырехполкового состава в трехполковой дух войск остался бы прежним. В соответственных ведомостях были проставлены соответственные цифры. На бумаге сила Действовавшей армии возросла в полтора раза. На деле — она вдвое уменьшилась.

Разгрому подверглась и кавалерия. Новые артиллерийские формирования влекли за собой увеличение конского состава Действовавшей армии. Угасавшие железные дороги совершенно не могли справиться с дополнительной доставкой фуража. Решено было пожертвовать конницей для артиллерии. В декабре месяце кавалерийские полки из 6-эскадронного состава были сведены в 4-эскадронные. Спешенные эскадроны, растворившись в толпе необученного пополнения, образовали какие-то, никому не нужные стрелковые кавалерийские полки — по одному на дивизию. Идея этих стрелковых кавалерийских полков принадлежала генералу Алексееву, вряд ли понимавшему кавалерийское дело.

Одним росчерком пера конница — самый сохранившийся род оружия — теряла треть своего состава. И это в то время, когда все указывало на неизбежность серьезных внутренних потрясений... Этим сохранившимся родом оружия надо было особенно дорожить и в предвидении конца войны, когда офицерский и унтер-офицерский кадр кавалерии мог помочь воссоздать обескровленную пехоту. Ставка ничего этого не хотела сознавать... Особенно настаивал на спешивании 5-х и 6-х эскадронов великий князь Сергей Михайлович, желавший получить поскорее запряжки для формируемых батарей. Его энергично поддерживал генерал Брусилов.

После того как регулярные кавалерийские полки были сведены из 6-эскадронного состава в 4 эскадрона, хотели было приняться за казаков. Однако в начале февраля нами была перехвачена радиограмма Макензена, поздравлявшего командира конного корпуса графа Шметтова с саморазгромом русской кавалерии. Государь немедленно же повелел прекратить ампутацию — и казачьи полки остались в составе 6 сотен.

Артиллерийские формирования не могли угнаться за пехотными. Злополучные дивизии 4-й очереди были развернуты совершенно без артиллерии. В дивизиях 3-й очереди — 100-й — 128-й — из отдельных дивизионов постепенно развертывались артиллерийские бригады. Усиленно формировались тяжелые части. Количество тяжелой артиллерии за год удвоилось, составив к весне 1917 года 1819 орудий (389 пушек, 1430 гаубиц), причем лишь 72 орудия были калибром свыше 6 дюймов цифра совершенно ничтожная, если принять во внимание тысячи жертв французской, британской и германской сверхтяжелой артиллерии. Конная артиллерия получила новую пушку облегченного образца.

По настоянию великого князя Сергея тяжелая артиллерия особого назначения (сокращенно ТАОН) была сведена в отдельный ХБУТО армейский корпус в составе 4 тяжелых артиллерийских бригад. Эта ТАОН должна была образовать могучий огневой кулак будущего решительного наступления.

Инженерные войска получили совершенно нецелесообразную организацию. Саперные батальоны были развернуты в тяжеловесные и громоздкие полки.

Кавалерийские корпуса получили по батальону самокатчиков и по автоброневому дивизиону (8 — 12 машин). Эти последние составились из автоброневых взводов, придававшихся со второй половины 1915 года кавалерийским дивизиям. Развернуты: 17-я кавалерийская дивизия сборного состава, на Кавказском фронте — 3-я, 4-я и 5-я Кубанская и 2-я Туркестанская казачьи. В феврале 1917 года наша конница состояла из 48 конных дивизий, 75 отдельных полков и 5 отдельных дивизионов (корпусная конница) и 274

отдельных конных сотен. Всего 1754 эскадрона и сотен. Дивизии: 1-я — 3-я гвардейская, 1-я 17-я, Кавказская и Сводно-кавалерийская. Кавказская, Туземная, Заамурская и Уссурийская конные и казаки: 1-я и 3-я — 6-я Донские, 2-я Сводная, 1-я — 5-я Кубанские, 1-я — 3-я Кавказские, 1-я и 2-я Туркестанские, Терская, Уральская, Оренбургская, Сибирская, 1-я и 2-я Забайкальские и Закаспийская.

В артиллерии были сформированы 7-е батареи артиллерийских бригад — по 4 гаубицы. Было образовано еще два новых корпусных управления ХЫХ на Юго-Западном фронте — в Особой армии и Ъ на Западном фронте — в 3-й армии.

Продолжались национальные формирования. Югославянская дивизия с конца лета дралась в Румынии. На Юго-Западный фронт была отправлена 1-я Чехословацкая бригада, и две другие формировались генералом Ходоровичем¹⁰⁹ в Киевском военном округе. Польский легион подлежал развертыванию в корпус. 8 латышских стрелковых батальонов развернуты в полки. Наконец, на Кавказе делались попытки создания армянских дружин.

Подводя итог организационным мероприятиям Ставки, можно сказать, что они нисколько не считались ни с боевым опытом, ни с природой войск, ни с требованиями простого здравого смысла.

Весь ноябрь, как мы знаем, шли жестокие и затяжные бои в 9-й армии на подступах к Дорна-Ватре и Кирлибабе.

К декабрю центр тяжести и событий переместился из Молдавских Карпат в Валахскую равнину — в собиравшуюся на марше 4-ю армию, выдержавшую жестокую Рождественскую битву на Рымнике.

На всем остальном фронте от Риги до Дорна-Ватры царила тишина. Войска пополняли убыль от ковельской бойни. В конце октября сильный разлив Стохода повлек катастрофу I Туркестанского корпуса, занимавшего Червищенский плацдарм. Единственный мост у Черевеице был снесен наводнением. Болота и топи превратились в моря, в окопах вода стояла выше человеческого роста. Сотая стрелков утонули, тысячи стали жертвой простудных заболеваний, пробыв пять суток в ледяной воде.

Корпус лишился половины состава и был отведен в резерв. Корпуса Юго-Западного фронта, отправленные в Румынию, в значительной степени были замещены в Галиции и на Волыни войсками Северного и Западного фронтов, как правило, плохо обученными, засидевшимися в окопах и пониженной боеспособности. Сгусток сил переместился с севера Припяти на юг, но он благодаря прорве Румынского фронта получился далеко не столь внушительным, как минувшей весной у генерала Эверта.

К 15 декабря на Северном фронте находилось 31 пехотная и 8 кавалерийских дивизий (против 16 пехотных и 2 кавалерийских дивизий германцев). На Западном фронте — 471/2 пехотных и 12 кавалерийских дивизий (против 471/2 же австро-германских пехотных и 7 кавалерийских дивизий). На Юго-Западном фронте — 38 пехотных и 7 кавалерийских дивизий (против 41 пехотной и 4 кавалерийских дивизий). На Румынском фронте — 37 пехотных и 8 кавалерийских дивизий (против 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий). Всего нашим — 1531/2 пехотным и 35 конным дивизиям противостояло 1361/2 пехотных и 20 кавалерийских дивизий неприятеля.

По армиям силы эти распределялись к 15 декабря так:

Северный фронт: охрана Балтийского побережья — 4 пехотные дивизии и 2 кавалерийские бригады; 12-я армия — 10 пехотных дивизий и 3 пехотные бригады, 1 кавалерийская дивизия и 2 конные бригады; 5-я армия — 7 пехотных и 5 кавалерийских дивизий; 1-я армия — 7 пехотных дивизий; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии.

Западный фронт: 10-я армия — 9 пехотных и I кавалерийская дивизии; 2-я армия — 13 пехотных дивизий, 1 пехотная бригада и 4 кавалерийские дивизии; 3-я армия — 8 пехотных и 4 кавалерийские дивизии; Особая армия — 15 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии.

Юго-Западный фронт: 11-я армия — 10 пехотных дивизий и 4 кавалерийские дивизии; 7-я армия — 15 пехотных и 2 кавалерийские дивизии; 8-я армия — 9 пехотных и 1

кавалерийская дивизии; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии; резерв фронта — 2 пехотные дивизии.

Румынский фронт: 9-я армия — 13 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; 4-я армия — 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии; 6-я армия — 8 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; резерв фронта — 10 пехотных дивизий.

На Западе 180 пехотным и 14 кавалерийским дивизиям союзников противостояло 129 пехотных германских. В Италии 68 итальянских пехотных и 3 кавалерийские дивизии сдерживались без особенного труда 34 пехотными австро-венгерскими. В Македонии 191/2 пехотных и 1 кавалерийская дивизии генерала Саррайля оставались безучастными зрителями румынской катастрофы, имея перед собой 121/2 неприятельских дивизий. В Месопотамии и Палестине 25 британских дивизий опасно наблюдали 14 турецких дивизий, а на Кавказском фронте 14 русских дивизий расправлялись с 25 турецкими.

Из 351 пехотной дивизии всей коалиции Центральных держав 1611/2 дивизий 46 процентов всех сил — было схвачено за горло русской армией. Британская империя, Франция, Италия и остальные союзники удерживали другую половину.

* * *

В прифронтовой полосе шло формирование и усиление сколачивание полчищ 4-й очереди. В штабах готовились к будущему общему наступлению, относительно которого ничего определенного не было еще известно. Подготовка эта не выходила из рамок обычного французского трафарета: атаки после продолжительной артиллерийской подготовки. Собственным богатейшим опытом мы пренебрегли, не умея его разработать. Откровения искали в чужих и крайне невысоких образцах битвы на Сомме, заменивших шаблоны шампанского наступления.

Тем более чести было немногим, но сильным умам, шедшим вразрез с твердо укоренившейся рутинной, плывшим против течения, пытавшимся создать свою русскую стратегию Русского театра войны и вывести русское военное искусство из позиционного лабиринта на широкую дорогу маневренного творчества. Методы этой новой стратегии стихийно, но не вполне сознательно, нащупывались весной генералом Брусиловым. Их применил в тактике и блестяще формулировал 15 июля под Кошевым генерал В. Драгомиров. Они заглохли в плеве рутины, но их вновь пробудили к жизни на противоположном конце огромного фронта.

Заслуга этого самостоятельного творчества принадлежала командовавшему 12-й армией генералу Радко Дмитриеву. Проработав опыт только что минувшей кампании — кровавый и ценный опыт Нарочи, Луцка и Ковеля, — он, подобно В. М. Драгомирову, пришел к заключению, что шаблонный метод наступления, не дающий внезапности, заранее обречен на неудачу. В. Драгомиров свел затяжную артиллерийскую долбежку на уничтожение к молниеносному, парализующему неприятеля огневому шквалу. Радко Дмитриев пошел еще дальше и решил атаковать без всякой артиллерийской подготовки вообще.

С большим трудом ему удалось уговорить рутинера Рузского на производство наступления частью 12-й армии по этому новому методу. Генерал Рузский заранее снял с себя всякую ответственность, заявив командовавшему 12-й армией, что вся операция пойдет на личный его риск. Радко Дмитриев решил атаковать рождественскими праздниками для большей неожиданности. Удар должен был нанести центральный VI Сибирский корпус генерала Васильева, усиленный латышами из Бабитского озерного района, в общем направлении на Митаву.

Темной ночью на 23 декабря, в 20-градусный мороз, сибирские стрелки без выстрела, сняв затворы с винтовок, ринулись на совершенно не ожидавшего их врага. Успех был полный: был смят 60-й армейский корпус VIII германской армии, 106-я германская дивизия была совершенно разгромлена, потеряв свою артиллерию. Трофеями этого наскока было свыше 1000 пленных и 33 орудия (из коих 15 захватил особенно отличившийся 56-й Сибирский стрелковый полк полковника Шрамкова). Немцев переколото было без счета.

Взято также 18 минометов и 40 пулеметов.

В дальнейшем, однако, наступление захлебнулось. Штаб 12-й армии не сумел его организовать. Атаковавшие не имели между собой связи, поддержка запоздала, совершенно не оказалось конницы для немедленного преследования, артиллерия не получила указаний. Победа была разменена на мелочи. 25-го Радко Дмитриев повторил удар безрезультатно, поднажав своим правофланговым ХЫП армейским корпусом генерала Новикова¹¹⁰; VI Сибирский корпус имел некоторый успех. 26-го были отражены сильные германские контратаки. На этом и закончилась операция, смело задуманная, но неудачно выполненная¹¹¹.

Еще в октябре Ставка стала принимать меры к подготовке плана кампании 1917 года и предписала главнокомандовавшим фронтами представить свои соображения. Сам Алексеев (в скором времени заболевший) не имел руководящей идеи и по свойствам своей нерешительной натуры обратился за советом к подчиненным.

Не успели, однако, русские военачальники сговориться по этому первостепенному и жизненному для русской армии вопросу, как союзники навязали русскому пушечному мясу свой план. На состоявшейся 2-го по 15 ноября междусоюзной конференции в Шантильи (в присутствии русского статиста Жилинского) было постановлено заручиться инициативой военных действий и для этого еще в феврале перейти к активным операциям, нанося неприятелю короткие удары. Никаких стратегических целей эти короткие удары не должны были преследовать, будучи только наступлением ради наступления, предпринятыми для того, чтобы не дать противнику возможности взять инициативу в свои руки.

Жоффри не желал повторения стратегических неожиданностей вроде февральского удара немцев на Верден, сорвавшего все планы союзников на 1916 год. Операции стратегического характера должны были начаться впоследствии — точных сроков для них не было назначено. Особенное внимание должно было быть уделено Балканам. Предполагалось вывести Болгарию из строя вражеской коалиции и для этих операций привлечь в самой широкой мере русские войска.

Решение наносить короткие удары было нелепо. Его надо рассматривать как кульминационный пункт снижения военного искусства в Мировую войну. Эти короткие удары грозили зря истощить и обескровить войска, подорвав их силы до начала серьезных операций. При этом было ясно и бесспорно, что из всех союзных армий больше других этими короткими ударами будет измотана русская армия, как хуже всех снабженная техникой. Преподнесенная нам в форме, не допускавшей возражений, указка из Шантильи смутила Ставку и главнокомандующих фронтами. Русские военачальники сознавали ее губительность, но не смели протестовать, питая непреодолимую робость перед всемогущими союзниками. Заместивший Алексеева генерал Гурко не чувствовал себя достаточно авторитетным. Наш же представитель в Шантильи генерал Жилинский просто не понимал смысла тех протоколов, которые ему давали подписывать.

В течение ноября месяца в Ставку поступили соображения и планы главнокомандовавших фронтами.

Генерал Рузский предложил в кампанию 1917 года нанести удар германским армиям наступлением на стыке Северного и Западного фронтов в районе Вильно Сморгонь, то есть повторить Нарочскую операцию, столь блестяще уже проведенную однажды.

Генерал Эверт считал выгоднейшим направлением своего фронта — виленское. Удар он полагал нанести в одном месте — кулаком — на фронте всего 18 верст, имея здесь 23 дивизии. Операция требовала затраты 46 дивизий и дополнительно еще 25. Иными словами, половина российской вооруженной силы направилась бы на участок 18 верст. Февральский срок коротких ударов привел Эверта в знакомое уже нам настроение, и он с места же запрашивал отсрочки на май (чтобы потом добиться новых и в конечном счете не атаковать). Для окончательной характеристики этого удивительного полководца надо отметить его записку, где он высчитал, что для успеха операции надо будет выпустить 814 364 тяжелых снаряда. Ни больше, ни меньше.

Генерал Брусилов смотрел гораздо шире и дальше своих незадачливых коллег. Он считал, что решения войны надо искать на Балканах и у стен Царьграда. Что касается своего Юго-Западного фронта, то галицийским 11-й и 7-й армиям он назначил разгромить живую силу врага, а карпатским 8-й и 9-й армиям подкрепить этот маневр и содействовать Румынскому фронту.

Оставайся в Ставке Алексеев, он стал бы искать компромисса между этими тремя планами, соглашаясь по очереди с тем из главнокомандующих, кто в данную минуту беседует с ним по Югу. Но Гурко не был Алексеевым, как Лукомский не был Пустовойтенкой. Новые руководители Ставки доказали, что они способны на самостоятельное стратегическое творчество.

Ставка выступила со своим собственным планом (составленным генералом Лукомским). Учитывая опыт только что закончившейся кампании, она отказывалась от сколько-нибудь широких операций на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах и переносила стратегическое решение на Румынию и Балканы. В первый раз с начала войны стратегия поняла политику. Это было первое осмысленное решение Ставки за тридцать месяцев войны, в продолжение которых она не управляла событиями, а только подчинялась им. Рутинная оказалась, однако, сильнее.

17-го и 18 декабря в Ставке происходило совещание главнокомандующих фронтами. С планом Гурко — Лукомского согласился один Брусилов. Ружский и Эверт категорически воспротивились балканскому направлению, считая, что наш главный враг не Болгария, а Германия. Проиграв по тридцать сражений, эти два военачальника все еще не научились воевать и не доросли до сознания той основной истины, что врага следует бить не в крепкое место, а туда, где он слабее. Оппозиция рутинеров оказалась слишком сильной, и вопрос о главном направлении остался открытым. Генерал Гурко находился в Ставке временно и не мог настоять на принятии своего плана.

В начале февраля генерал Алексеев, еще не оправившись от болезни, вернулся в Ставку. Ему в помощь был назначен генерал Клембовский (в звании помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего). Освободившуюся 11-ю армию получил — по линии старшинства — генерал Баланин, ничем не выдававшийся командир скромного XXУП армейского корпуса.

Четкая стратегическая мысль генерала Гурко пугала робкого генерала Алексева. Эверт и Ружский, мыслившие по общепринятому шаблону и раз навсегда установленному трафарету, были для него ближе и понятнее. План Гурко Лукомского был отвергнут. Вместо него генералом Алексеевым был составлен и Государем утвержден новый, бывший по существу компромиссом представленных в Ставку планов главнокомандующих фронтами. Этот план кампании 1917 года предусматривал главный удар на Юго-Западном фронте и вспомогательные наступления на остальных. На Северном фронте ударной армией назначалась 5-я армия Абрама Драгомирова, доведенная до 14 дивизий, нацеленная от Двинска на Свенцяны.

На Западном фронте должна была атаковать 10-я армия генерала Горбатовского. Ей указывались целью Вильна — Молодечно, и она доводилась до 28 дивизий, из коих, правда, не все могли считаться полноценными, не имея артиллерии.

На Юго-Западном фронте вновь туда переданной Особой армии указано было сковать неприятеля. 11-я армия должна была бить на Львов в обход с севера (на Злочев), а 7-я армия — фронтально (на Бржезаны). 8-й армии указывалось содействовать наступлением на Днестре.

Наравне с Юго-Западным фронтом видную роль должен был играть и Румынский фронт. Генерал Алексеев упорно не желал замечать стратегических выгод Румынского театра и совершенно охладил к своему прошлогоднему плану похода на Балканы. В Румынии просто оказались сосредоточенными 36 пехотных дивизий, и надо было этим войскам дать какое-нибудь применение. Перевозить их обратно было невозможно из-за полной разрухи транспорта в России. 9-й армии указывалось демонстрировать в Карпатах, а 4-я и 6-я армии

должны были двусторонним охватом взять в клещи неприятельские армии Макензена в районе Фокшан.

Румынские армии, полностью реорганизованные французской военной миссией, были доведены до 15 пехотных дивизий очень сильного состава (по 14–20 батальонов и 60 орудий). 2-я армия с февраля уже находилась на фронте между нашими 9-й и 4-й у Ойтузского перевала, а 1-я должна была к лету двинуться между 4-й и 6-й армиями на Нижнем Серете.

План кампании на 1917 год не обещал победы. Он предусматривал повторение прошлогодних безнадежных боен на Северном и Западном фронтах. На Юго-Западном и в Румынии мы имели все основания ждать крупных тактических успехов, если и не размеров Луцка и Доброиоуц, то, во всяком случае, размера Брод и Станиславова. Взятие Львова можно было считать обеспеченным. Но все это не могло дать нам победы. Слишком очевидна была разброска сил, допущенная этим безыдейным планом, и слишком велика рутина в тактических методах.

Злополучный вопрос о февральских коротких ударах отпал сам собой. Английские армии оказались неготовыми до марта, а в марте условия русского фронта исключали сколько-нибудь успешные наступательные операции. Через посредство прибывшего в Россию генерала де Кастельно Алексеев условился с новым французским главнокомандующим генералом Нивеллем о производстве решительных наступлений на Восточном и Западном театрах войны в апреле (до 1 мая нового стиля).

Государь лично настоял на производстве в начале апреля десантной операции для овладения Царьградом. Руководить ею должен был командовавший Черноморским флотом адмирал Колчак.

За два года до того — в апреле — мае 1915 года — этот поход на Константинополь дал бы России выигрыш войны и предотвратил бы надвигавшиеся на страну потрясения. Сейчас же все сроки были уже безвозвратно пропущены, и государственное преступление первой Ставки оказалось непоправимым.

Глава XVI. Борьба на Кавказе

В те дни, когда все внимание России было устремлено на поля Галиции и Польши и когда казалось, что судьбы нашего Отечества решаются на берегах Немана, Вислы и Сана, небольшая горсть русских воинов готовилась к встрече векового врага на далекой закавказской окраине. Выступление Турции на стороне Центральных держав было предreshено еще в первые дни мирового конфликта, когда 22 июля был заключен германо-турецкий оборонительно-наступательный договор. Султан Махмуд V был в ужасе от предстоящей войны (Воевать с Россией! Но ее труп одного достаточно, чтобы нас сокрушить!).

Однако старотурки и сам повелитель правоверных ничего уже не значили в Турции 1914 года. Власть султана существовала там лишь номинально, и в стране после переворота 1908 года безраздельно господствовала младотурецкая партия Единство и прогресс, возглавляемая пылким и честолюбивым Энвером — убежденным сторонником германской ориентации. Турецкая армия — единственная политическая сила в стране и опора младотурок — была в руках германских инструкторов во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом¹¹². Начальником Генерального штаба был полковник Бронсар фон Шеллендорф. К началу конфликта Турция была бесповоротно втянута в орбиту германской политики, и союзный договор 22 июля явился венцом обдуманных и планомерных усилий берлинской дипломатии. Прибытие 28 июля в Золотой Рог Гебена и Бреслау и передача их кайзером Турции было первым результатом столь много обещавшего союза.

Все силы России были отвлечены тяжелой борьбой на Западе. Кавказ оставался почти что без защиты. Подобный случай не мог больше повториться. Им надлежало

воспользоваться сейчас или никогда. Турции представлялась возможность вернуть все утерянное ею с Кучук-Кайнарджийского мира до Берлинского трактата. Энвер-паша не колебался. Опыренный германскими доктринами, окрыленный грандиозными политическими планами, он верил фанатически в свою звезду. И жребий был брошен: в ночь на 16 октября 1914 года германо-турецкие корабли атаковали наши черноморские порты, сумев возвратиться безнаказанно.

Начало войны

Для войны с Россией Оттоманская империя располагала на Кавказе 12 пехотными и 6 конными (регулярными либо курдскими) дивизиями, составившими 3-ю армию Гассан-Изета-паши, начальником штаба которого был немецкий майор Гюзе. Турецкие дивизии были 3-полкового состава, насчитывая 9 батальонов и 6 батарей — 8000 бойцов и 24 орудия. В корпусе считалось 3 дивизии пехоты, 1 конный полк, дивизион гаубиц и батальон сапер — 25 000 бойцов при 84 орудиях. Турецкая дивизия равнялась примерно нашей бригаде, но турецкий корпус был значительно сильнее нашей дивизии. Реорганизованная в 1913 году после неудачной Балканской войны немцами турецкая армия первая применила тройственную систему: по 3 полка на дивизию.

Всего Турция располагала 50 пехотными дивизиями, но главная масса войск держалась в Европе — в константинопольской 1-й и адрианопольской 2-й армиях. В долине Евфрата — на правом фланге неприятельского расположения сосредоточивался подходивший из Моссула 13-й корпус

Две трети русских войск Кавказского округа были еще в августе отправлены на Запад. В Закавказье оставался один лишь 1-й Кавказский корпус генерала Берхмана (20-я и 39-я пехотные дивизии), усиленный единственной второочередной дивизией округа — 66-й пехотной. В Персии находилась 2-я Кавказская стрелковая бригада. К этим силам надо было прибавить 2 бригады пластунов, 31/2 дивизии конницы и пограничные части. В сентябре на Кавказ был переведен малочисленный II Туркестанский корпус (4-я и 5-я Туркестанские стрелковые бригады), штаб которого с командиром корпуса генералом Лешем при мобилизации отправлен был на Юго-Западный фронт.

К началу военных действий — в середине октября — части нашей Кавказской армии образовали пять групп на 600-верстном фронте от Черного моря до Персии. С правого фланга к левому это были:

- 1) Приморский отряд генерала Ельшина (сборного состава), прикрывавший Батум;
- 2) Ольгинский отряд генерала Истомина (бригада I Кавказского корпуса), прикрывавший главные силы на кружных путях от Карса к Эрзеруму;
- 3) Главные силы или Сарыкамышский отряд генерала Берхмана (I Кавказский корпус) — на прямом пути от Сарыкамыш к Эрзеруму;
- 4) Эриванский отряд генерала Огановского (бригада 66-й дивизии), прикрывавший главные силы на баязетском направлении;
- 5) Азербайджанский отряд генерала Чернозубова (стрелки), поддерживающий порядок в Северной Персии и наблюдавший моссульское направление. В армейском резерве находились II Туркестанский корпус и гарнизон Карса (формировавшаяся 3-я Кавказская стрелковая бригада).

Главные силы 3-й турецкой армии — 9-й и 11-й корпуса — собирались в районе Эрзерума, куда подходил и 10-й корпус, предназначавшийся сперва для десантной операции в Новороссию. На десанте настаивали немцы, но осуществление его было возможно лишь при условии господства на море, чего германо-турки не могли, однако, добиться. Тем не менее настроение юга России до самой Сарыкамышской победы было паническое.

Номинальным главнокомандующим был наместник — престарелый граф Воронцов-Дашков. Фактически всем распоряжался помощник его по военной части генерал Мышлаевский (бывший начальник Главного управления Генерального штаба). Начальником штаба армии был генерал Юденич.

План войны предусматривал активную оборону Кавказа от неприятельского нашествия.

При численной слабости Кавказской армии думать о широких наступательных операциях не приходилось.

Существовало три варианта плана войны:

1) в случае войны только с Турцией в Кавказскую армию назначалось не только три Кавказских корпуса, но еще 4–5 европейских (Одесского и Казанского военного округа). Образ действия был широко наступательным;

2) в случае одновременного выступления Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии на Кавказе оставлялись I и II Кавказские корпуса (III Кавказский корпус в этом случае все равно отправлялся на Запад). Кавказской армии указывалась стратегическая оборона;

3) в случае нейтралитета Турции — как то и случилось в июле 1914 года — на Кавказе временно оставлялся один I Кавказский корпус, который затем тоже отправлялся на Запад.

19 октября был отдан приказ о переходе государственной границы всеми отрядами, и 20-го наши главные силы (39-я пехотная дивизия) перевалили Зевинскую позицию и двинулись в Пассинскую долину. Продолжая наступление в эрзерумском направлении, генерал Берхман овладел 25 октября Кепри-Кейской позицией, и здесь полторы наши дивизии I Кавказского корпуса столкнулись с шестью турецкими дивизиями 9-го и 11-го корпусов.

В то же время Эриванский отряд, двинувшись за Чиигильские высоты, овладел Баязетом и Каракилиссой и занял Алашкертскую долину, обеспечив левый фланг главных сил и притянув на себя 13-й турецкий корпус. Азербайджанский отряд оккупировал Северную Персию, заняв Тавриз и Урмию.

Командовавший III турецкой армией Гассан-Изет-паша перешел в энергичное контрнаступление против наших главных сил и отбросил их в упорном четырехдневном сражении при Кепри-Кее (с 26-го по 29 октября). Наши главные силы не смогли задержаться на Зевинской позиции, откуда были сбиты уже 30 октября и отступили в долину Аракса. На усиление I Кавказского корпуса были спешно двинуты части II Туркестанского корпуса, и в первых числах ноября генералу Берхману удалось остановить турецкое наступление.

Наш урон в Кепри-Кейском сражении составил 10 000 убитых и раненых. Никаких трофеев врагу не оставлено. Турки лишились 7000 человек. На Араксе положение спасла 2-я пластунская бригада, перейдя в ночь на 7 ноября по грудь в воде ледяную реку и ударив во фланг турок.

Одновременно турки повели атаки на слабый числом наш Приморский отряд, разбросанный на непомерном фронте в дикой местности. Генерал Ельпин искусно ликвидировал прорыв у Лимана десантом в тыл туркам. Однако в тылу у нас восстало мусульманское население Чорохского края. Паника тыловых батумских властей перебросилась в Тифлис и создала в короткое время атмосферу катастрофы. Положение было окончательно восстановлено к половине ноября.

Приморский отряд — 264-й пехотный Георгиевский полк, несколько сотен пограничников и батальон пластунов — имел дело с переброшенной из Константинополя 3-й турецкой пехотной дивизией и иррегулярными ополчениями. Его действия в сложившейся трудной обстановке можно считать образцовыми. Вопреки установившемуся мнению, здесь не было никаких сдач в плен. Направленный в Батум превосходный 19-й Туркестанский стрелковый полк остался всю войну в Приморском отряде, став его ядром.

Эриванский отряд имел ряд дел с турками в Алаш-кертской долине и был переименован в IV Кавказский корпус. В первых числах ноября турки пояснили нашу 2-ю Кавказскую дивизию у перевала Клыч Гндук, где нами потеряно 2 орудия. 14 ноября положение было восстановлено ахульгинцами, и мы взяли в свою очередь у турок 2 пушки.

В конце ноября в Эрзерум прибыли Энвер-паша и начальник турецкого Генерального штаба полковник Бронсар фон Шеллендорф¹¹³. Турецкий вождь задумал грандиозный план. Пользуясь всем своим превосходством в силах, он решил уничтожить слабую Кавказскую армию, вторгнуться в пределы России и поднять на русских все мусульманское население

Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Это должно было привести к созданию великого Туранского царства — от Казани до Суэца и от Самарканда до Адрианополя под его, Энвера, главенством.

Это была заветная мечта его жизни. Заклятый враг России, Энвер решил воспользоваться русской смутой для отторжения Туркестана и с этой целью весной 1922 года пробрался из Берлина (где он жил после разгрома 1918 года) в русскую Среднюю Азию, где поднял восстание. Химера эта оказалась для него роковой: при подавлении восстания Энвер был заколот в рукопашном бою.

Свой план Энвер стал проводить с большой решительностью, не смущаясь наступлением холодов. Гассан-Изет протестовал против наступления, видя в нем авантюру, и подал в отставку. Энвер сам стал во главе III армии. Приказав сильному 11-му корпусу сковать русских фронтальным ударом на Караурган, он двинулся с главными силами — 9-м и 10-м корпусами — в обход правого фланга русских главных сил — на Сарыкамыш.

Над Кавказом нависла туча, грознее собравшейся 117 лет до того, когда Наполеон стоял в Москве, а на защищавшую Кавказ горсть гренадер и егерей Котляревского двинулось полчище Аббаса-мирзы.

Сарыкамыш

За несколько дней до разразившегося внезапно турецкого нашествия Кавказ посетил Император Николай Александрович. Поездка Государя (на виду турецких пикетов) была очень рискованной, но чрезвычайно подняла дух войск, которым суждено было через десять дней явить сверхчеловеческое напряжение.

8 декабря 10-й турецкий корпус обрушился на Ольгинский отряд (бригада), в трехдневных боях смял его и открыл этим себе дорогу на Сарыкамыш. В этих неудачных боях мы лишились 2 орудий.

11-го на фронт прибыли генералы Мышлаевский и Юденич, сразу отдавшие себе отчет в серьезности положения. Генерал Мышлаевский вступил в командование армией, а генерал Юденич принял II Туркестанский корпус, схватившийся на подступах к Сарыкамышу с двумя обходившими турецкими корпусами. 12 декабря к Сарыкамышу подошел 10-й турецкий корпус, остановленный геройским сопротивлением горсти защитников. Переоценив русские силы, турки замедлили темп наступления. 13-го и 14-го под Сарыкамышем и в самом Сарыкамыше шел отчаянный бой — туда навалился и 9-й турецкий корпус. Защитники Сарыкамыша (в общей сложности 2 сборных бригады против 5 дивизий врага) казались обреченными.

12 декабря в Сарыкамыше случайно оказалось несколько взводов выделенных для формирования 23-го Туркестанского стрелкового полка, 2 горных пушки, 100 только что прибывших из Тифлисского училища молодых подпоручиков и несколько случайных команд. В командование этим сборным отрядом вступил случайно проезжавший полковник Букретов (впоследствии кубанский атаман) и спас Сарыкамыш. 13 декабря подоспели кабардинцы и начали подходить отдельные батальоны пластунов и туркестанских стрелков, вступавших в жаркий бой со всем 10-м турецким корпусом. 14 декабря к нам подошли елисаветпольцы и дербентцы, а к туркам — 9-й корпус. Энвер заявил: Если русские отступят, они погибнут! У нас дралось 15 батальонов против 51 турецкого. Мы пишем II Туркестанский корпус и I Кавказский корпус по руководившим у Сарыкамыша (Юденич) и Караургана (Берхман¹¹⁴) штабам. В действительности части были перемешаны туркестанские полки дрались и под Караурганом, тогда как кавказские в конце концов составили большинство под Сарыкамышем.

Генерал Мышлаевский пал духом. Считая II Туркестанский корпус все равно погибшим, он предписал всеобщее отступление, чтобы спасти хоть часть войск I Кавказского корпуса. Одновременно с этим он приказал отступать в глубь Кавказа даже не атакованным войскам — IV Кавказскому корпусу в Алашкертской долине и Азербайджанскому отряду в Персии. Отдав 15 декабря эти губительные распоряжения, он бросил войска на произвол судьбы и поспешно выехал, никого не предупредив. Связь армии с Тифлисом была

прервана...

Но тут погибавшая Кавказская армия была спасена. Железная воля и неукротимая энергия генерала Юденича повернули колесо судьбы.

Взятие Сарыкамыша для турок, удержание его для нас сделалось вопросом жизни и смерти для бойцов: отступление в дикие, занесенные снегом горы в 20-градусную стужу было равносильно гибели как для нас, так и для турок. Сверхчеловеческая выдержка защитников Сарыкамыша сломала ярость турецких атак. 16 декабря турки ворвались было в город, но были выбиты. И в то время, как в Тифлисе считали Кавказскую армию погибшей у Сарыкамыша, генерал Юденич сам решил нанести смертельный удар III турецкой армии. Нам мало отбросить турок от Сарыкамыша, — сообщал генерал Юденич 17 декабря генералу Берхману, ведущему упорный бой с 11-м турецким корпусом у Караурган. — Мы можем и должны их совершенно уничтожить. Настоящим случаем должно воспользоваться, другой раз он не повторится.

17 декабря наши войска перешли в наступление. 18-го была восстановлена связь с Тифлисом, а 19-го перехвачены пути отступления 9-го турецкого корпуса. К 19 декабря в наших руках уже было 40 офицеров, 5000 аскеров пленных и 6 орудий. В сокрушительных контратаках 20-го по 23 декабря нами взято 11 орудий (из них 10 — бакинцами). Турки оказывали упорное сопротивление, — пишет генерал Масловский. — Полузамерзшие, с черными отмороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врвались в окопы.

20 декабря Энвер, оставив агонизировавшие у Сарыкамыша 9-й и 10-й корпуса, бросился под Караурган в 11-й корпус, пытаясь отчаянным усилием сломить сопротивление войск генерала Берхмана. Он лично водил в атаку войска — и весь храбрый 11-й корпус был расстрелян и переколот. Тут наша 39-я дивизия получила в Кавказской армии название железной. Атакуя в снегу по брюхо коней, 1-й Уманский полк Кубанского войска взял 21 декабря 8 пушек.

Преследуя бежавших турок, 14-я рота 154-го пехотного Дербентского полка капитана Вашакидзе захватила блестящей атакой в штыки 8 стрелявших орудий, взяв в плен командира 9-го турецкого корпуса Исхана-пашу с его штабом, начальников 17-й, 28-й и 29-й дивизий с их штабами, 107 офицеров и 2000 аскеров. Окруженный неприятелем, капитан Вашакидзе, имевший при себе едва 40 солдат, не растерялся. Он выдал себя за парламентаря и так сумел запугать турок (сказав, что за лесом у нас три полка), что те после короткого колебания положили оружие. Храбрый и любимый войсками Исхан-паша — турецкий Корнилов бежал из русского плена в 1916 году через Афганистан и Персию и с отличием сражался вторую половину войны против англичан.

21 декабря Юденич атаковал 9-й и 10-й корпуса под Сарыкамышем — и 29 декабря 9-й корпус перестал существовать. Остатки 10-го корпуса, бежавшие в горы, попали под удар оправившегося Ольтинского отряда и были разгромлены 23-го числа под Ардаганом. Бой под Ардаганом был крещением только что сформированной 3-й Кавказской стрелковой дивизии, полки которой поддерживали старую славу кавказских гренадер. Князь Цулукидзе с 10-м Кавказским стрелковым полком захватил начальника 30-й турецкой дивизии со штабом, было взято 4 орудия. Только что подошедшая из семиреченских степей Сибирская казачья бригада генерала Калитина¹²³ стремительно атаковала в конном строю по оледенелым кручам и захватила 2 пушки, а 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк взял знамя 8-го Константинопольского полка.

25 декабря генерал Юденич вступил в командование Кавказской армией и, обратившись на Караурган, доконал 11-й турецкий корпус, причем Зевинская позиция в тылу этого корпуса была взята пятидневным обходным движением в снегу выше человеческого роста. Этот подвиг совершен стрелками 18-го Туркестанского полка (полковник Довгирта). За пять суток они прошли 15 верст в снегу выше человеческого роста в 20-градусную стужу и не получая горячего. Под Караурганом захвачен начальник 34-й турецкой дивизии со штабом.

К 5 января 1915 года наши войска выдвинулись на 30–40 верст в неприятельскую территорию и здесь остановили свое преследование. Да и преследовать было некого:

из 90-тысячной турецкой армии уцелела едва седьмая часть — 12 400 человек¹¹⁸.

Так закончилось трехнедельное Сарыкамышское сражение — самое упорное дело, что за два с половиной столетия и одиннадцать войн русские имели с турками. За трехнедельную Сарыкамышскую операцию у нас из 63 000 бойцов 20 000 было убито и ранено, а 6000 обморожено. Убыль составила 42 процента. Турки лишились 78 000 человек, из коих 15 000 взято в плен, а остальные погибли. К весне в одном лишь Сарыкамышском районе похоронено было 28 000 турецких трупов. Германо-турецкие источники все подтверждают, что из 90 000 спаслось только 12 400. Нами взята вся артиллерия, бывшая у турок, — 65 орудий (наступая налегке, турки захватили с собой третью часть своей артиллерии).

Кампания 1915 года

Кавказ был надежно и надолго защищен от вражеского нашествия. Наша Кавказская армия смогла получить заслуженный отдых и приступить к своему устройству. Раньше всего надлежало восстановить положение на нашем левом фланге в Персии.

Когда в разгаре сарыкамышского кризиса потерявший голову генерал Мышлаевский (подобно Лорис-Меликову после зевинской осечки 1877 года) приказал отступить за линию границы даже не атакованным войскам Кавказского фронта, то командир IV Кавказского корпуса генерал Огановский отказался выполнить это малодушное приказание и сохранил свои позиции в Алашкертской долине. Но начальник Азербайджанского отряда генерал Чернозубов счел нужным повиноваться и эвакуировал всю Северную Персию, что подорвало престиж России и усилило германское влияние в этой стране.

Вступив в командование Кавказской армией, генерал Юденич предписал отряду немедленно возвратиться. 17 января вновь занят был Тавриз, и к концу месяца положение в Северной Персии было восстановлено. Азербайджанский отряд имел небольшие бои с мятежниками и арьергардами отступавшего 13-го турецкого корпуса. 17 января при занятии Тавриза взято 21 орудие.

В феврале — марте был очищен Чорохский край от турок и мятежных аджарцев. Взамен получившего назначение на австро-германский фронт генерала Елыпина Приморским отрядом командовал генерал Ляхов. В февральских боях 19-м Туркестанским полком полковника Литвинова взято знамя и 2 орудия, другими частями — еще 3 пушки. Вообще с объявления войны по половину февраля было взято в плен 4 паши (многие дивизии у турок велись полковниками), 337 офицеров и 17675 нижних чинов. Следует подчеркнуть, что турки вообще предпочитали смерть плену. Сдавались очень немногие. Это следует иметь в виду, дабы не судить о размерах операций Кавказской армии по количеству трофеев и пленных, обычно очень небольшому. В апреле IV Кавказский корпус был выдвинут на одну линию с остальными и 18 апреля имел удачный бой у Дильмана.

Был образован новый V Кавказский корпус генерала Истомина, и сформированы 4-я Кавказская стрелковая, 4-я и 5-я Кавказские казачьи дивизии, а из Польши прибыла Кавказская кавалерийская дивизия. Благородный старик Воронцов оценил Юденича и не вмешивался в его распоряжения, взяв себе лишь административную часть. Так сто лет назад Ртищев предоставил полную свободу действий Котляревскому.

Турки заново восстановили свою III армию, вверенную сперва Хаки-паше, умершему от тифа, а затем Махмуду Киамилу.

Весной 1915 года державы Согласия положили нанести Турции решительный удар форсированием проливов. Этой операцией должно было восстановиться сообщение изолированной России с союзниками и могли быть привлечены Румыния, Греция, а быть может, и Болгария. Инициатива этого похода принадлежала Англии Черчилля, желавшей получить львиную долю турецкого наследства, отчасти и предупредить Россию у Константинополя. Франция, не заинтересованная здесь непосредственно, отнеслась к этому проекту сдержанно, ограничившись тем, что послала небольшой экспедиционный корпус.

Поведение же российского правительства и Ставки было совершенно необъяснимо.

Вначале мы согласились на форсирование Босфора одновременно с атакой союзниками Дарданелл. Для Босфорской операции была назначена, как мы видели, собранная в Одессе и Крыму 7-я армия генерала Никитина, и в эту армию вытребованы с Кавказа V Кавказский корпус и 20-я пехотная дивизия.

Однако Ставка променяла Константинополь на гуцульские халупы. Босфорская экспедиция не состоялась. Кавказские войска не вступили в Царьград, что знаменовало бы для России выигрыш войны, а были без толку загублены на Сане у какого-то Радымна... Был совершен жесточайший промах всей войны. Форсирование проливов целиком было возложено на союзников. Британское командование взялось за эту операцию чрезвычайно неумело, и высаженная в апреле армия генерала Яна Гамильтона была с первых же дней скована на Галлиполи V турецкой армией Лимана фон Сандерса, терпя от нее поражение за поражением.

В мае месяце от Тавриза на Урмию и Ван (вокруг Ванского озера) был предпринят конный рейд генерала Шарпантье, произведший большое впечатление на курдов и способствовавший поднятию престижа России в Персии. Конницей Шарпантье — 36 эскадронов и 22 орудия — было пройдено в общей сложности с 6-го по 20 мая 800 верст. В небольших делах на ванском направлении захвачено 3 орудия. В самом Ване взято 26 орудий.

В июне 1915 года вновь пополнившаяся III турецкая армия насчитывала до 150 000 бойцов и 360 орудий. Наша Кавказская армия насчитывала 133 000 штыков, 36 000 шашек и 356 орудий. Справа налево силы эти составили: Приморский отряд, II Туркестанский, I Кавказский, IV Кавказский корпуса и Азербайджанский отряд.

Энергичный Махмуд Киамиль решил, сосредоточив на своем правом фланге сильный кулак (до 60 000 сабель и штыков), разгромить наш IV Кавказский корпус, сбив его, зайти во фланг и в тыл нашим главным силам и взять реванш за Сарыкамыш.

Узнав о сосредоточении крупных турецких сил против нашего левого фланга в долине Евфрата, генерал Юденич предписал IV Кавказскому корпусу разбить сосредоточившегося врага. 28 июня IV Кавказский корпус перешел в энергичное, но неумелое наступление. Генерал Огановский¹¹⁵ повел его по трем расходившимся направлениям и зря распылил всю массу конницы (115 эскадронов почти 5 кавалерийских дивизий) по фронту.

9 июля сосредоточившаяся турецкая группа Абдул Керима обрушилась на IV Кавказский корпус, попавший в критическое положение и совершенно не поддержанный соседним Азербайджанским отрядом. После тяжелых боев IV корпус начал 13 июля отступление на границу. 20 июля турки, энергично наступая, заняли Каракилису и стали взбираться на гребни Агридага. Весь левый фланг нашей армии оказался в критическом положении.

Генерал Юденич реагировал немедленно. Он решил дать туркам втянуться как можно глубже в горы, а затем молниеносным ударом им в тыл перехватить им пути отступления. Быстро и скрытно сосредоточил он у Даяра ударную группу генерала Баратова¹¹⁹ (4-я Кавказская стрелковая и 1-я Кавказская казачьи дивизии), скрыв ее сосредоточение не только от неприятеля, но и от графа Воронцова и генерала Огановского. Генерал Баратов должен был перехватить пути отступления неприятеля, выйдя от Даяра на линию Евфрата.

22 июля Абдул Керим приостановил свое наступление, видя, что зарвался. Но Юденич не дал ему опомниться, и в ночь на 23 июля группа генерала Баратова молниеносным ударом вышла во фланг и в тыл турецкому кулаку. Турки были разгромлены этим фланговым ударом и одновременным переходом в наступление IV Кавказского корпуса, и расстроенная их маневренная группа откатилась вниз по Евфрату.

Вялость нашего Азербайджанского отряда генерала Назарбекова¹²⁰ воспрепятствовала полному уничтожению неприятеля. Генерал Шарпантье со своей конницей созерцал бегство турок на Евфрате столь же безучастно, как в свое время смотрел под Лодзью на бежавшую мимо его корпуса немецкую артиллерию и обозы. Из вверенных ему 10 тысяч острых шашек ни одна не вылетела из ножен...

31 июля победоносная Евфратская операция закончилась. Положение нашего левого фланга было не только восстановлено, но и улучшено: он был продвинут к Ванскому озеру, что обеспечивало его от обхода. Наши трофеи составили: 1 паша, 81 офицер, 5209 аскеров при 12 орудиях и 10 пулеметов. Кроме того, захвачено 300 только что произведенных подпоручиков, прибывших из Константинополя и не успевших еще прикоснуться к своим частям.

В начале сентября на Кавказ прибыл назначенный наместником великий князь Николай Николаевич, и в скором времени стала сказываться тенденция нового главнокомандующего подчинять более строгому контролю распоряжения командующего Кавказской армией.

Тем временем союзная армада — 550 000 человек и сильный флот — была разгромлена на Галлиполи вдвое слабейшей (250000 бойцов) V турецкой армией. Пав духом, британское командование в октябре приступило к ликвидации Дарданелльского фронта, тем более что обстановка на Балканах в связи с выступлением Болгарии и нашествием Макензена на Сербию сложилась катастрофически для Согласия.

Пrestиж Англии на Востоке пал, и Персия заволновалась. Душой германских интриг был там граф Каниц, нашедший поддержку в организованной шведами-русофобами персидской жандармерии и всякого рода разбойных шайках. Усмотрев в этом угрозу Индии, Англия стала требовать от России ввода крупных сил в Персию для защиты британских интересов. Желания Англии были законом для Сазонова. Ни великий князь, ни генерал Юденич не сочувствовали растяжению фронта с 600 верст на 1000, тем более что ничего серьезного нам оттуда угрожать не могло. Тогда союзники показали свои волчьи зубы дерзким ультиматумом нашему посланнику, и перепуганный Сазонов настоял на производстве этой бесполезной для нас операции.

Экспедиция в Персию была поручена генералу Баратову с отрядом в 14 000 человек, главным образом конницы при 38 орудиях. В начале ноября отряд этот высадился на северном побережье Персии и в короткий срок навел порядок во всей стране, занял Тегеран, ликвидировал все происки врага и к декабрю продвинулся до Хамадана. В состав отряда генерала Баратова вошли Кавказская кавалерийская и 1-я Кавказская казачья дивизии. Турко-персидские банды, так страшившие англичан, числились в 12000 при 22 орудиях. Все они были рассеяны, пушки отобраны, и сам граф Каниц убит.

Пока генерал Баратов справлялся с Каницем, дела у англичан пошли совсем скверно. Наступавший в Месопотамии вверх по Тигру их экспедиционный корпус генерала Таунсенда был наголову разбит при Ктезифоне VI турецкой армией старика фон дер Гольца¹²¹ и укрылся в крепости Кут-эль-Амара, где и был блокирован слабейшим турецким отрядом.

Общая обстановка на всех турецких фронтах складывалась чрезвычайно неблагоприятно для Кавказской армии, которой приходилось надеяться на свои лишь силы. Падчерица Ставки, она не смела рассчитывать ни на какие подкрепления из России. Наоборот, значительная часть ее скудных боевых припасов отправлялась в бездонное чрево австро-германского фронта. В то же время турецкая армия должна была к весне по меньшей мере удвоиться прибытием свежих и сильных галлиполийских корпусов, окрыленных только что одержанными блестящими победами над англо-французами.

Генерал Юденич принял решение полководца: перейти теперь же в энергичное наступление, несмотря на начавшиеся зимние холода и снегопад, уничтожить живую силу III турецкой армии до прибытия к ней подкреплений, не дать туркам времени и возможности собрать на Кавказе все свои силы. С помощью генерала Янушкевича ему удалось склонить на это колебавшегося великого князя. Наступление было назначено на рождественские праздники, когда германо-турки всего менее могли его ожидать.

Азап-кей и Эрзерум

Оба фланга III турецкой армии были надежно защищены: левый — диким хребтом Понтийского Тавра, правый — еще более неприступным массивом Драм-Дага. Ее приходилось рвать фронтальным ударом. Операция была возложена на II Туркестанский корпус генерала Пржевальского¹²² и I Кавказский корпус генерала Капитана, самый прорыв

— на превосходную 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию генерала Воробьева¹²⁴, молниеносно выдвигаемую из резерва. Подготовка велась в строжайшей тайне — не только войска, но и старшие начальники были извещены в последнюю минуту, причем каждому было секретно сообщено, что именно на него возложен главный удар — чрезвычайно важное психологическое мероприятие, благодаря которому всеми была развита предельная энергия.

Насколько германо-турки не ожидали нашего удара, видно по тому, что командовавший III турецкой армией Махмуд Киамиль и его начальник штаба полковник Гюзе оба уехали в отпуск. Введенные в заблуждение демонстративными передвижениями некоторых частей у Джульфы на нашем левом фланге, турки до последней минуты полагали, что в наступление перейдет наш IV Кавказский корпус на Битлис. Весь же район Ольты — Каре — Кагызман, где происходило сосредоточение нашей ударной группы, был изолирован от внешнего мира.

29 декабря перешел в наступление II Туркестанский корпус, а 30-го числа и I Кавказский. Наступление развивалось туго и с большими потерями: сильные турецкие позиции упорно оборонялись. Особенно жестокий бой шел 31 декабря за Азап-Кейскую позицию. В ночь на Новый год, вовью и метель, 4-я Кавказская дивизия прорвала здесь неприятельский фронт. 1-го и 2 января наступление развивалось, а 3-го числа кавказские стрелки стремительным ударом спустились в Пассинскую долину и 4-го взяли Кепри-Кей. Ошеломленные турки 9-го и 11-го корпусов дрогнули и бежали. Предшествуемая неутомимой 4-й дивизией Кавказская армия взяла Гассан-Калу и подошла к массиву Деве-Бойну.

Наш урон в этом восьмидневном сражении составил 20000 человек. 39-я пехотная дивизия потеряла до половины своего состава. 154-й пехотный Дербентский полк, потерявший своих штаб-офицеров, на штурм Азап-Кея повел полковой священник, протопоп Смирнов, лишившийся на штурме ноги. За всю операцию перебито до 25 000 турок, а 7000 взято в плен с 11 орудиями.

Разгром III турецкой армии был полный, и генерал Юденич, видя это и зная, что порыв не терпит перерыва, решил сейчас же приступить, пользуясь подъемом духа войск, к штурму Эрзерума — главного оплота турецкой армии.

Операция эта — штурм сильнейшей крепости в жестокую стужу, по грудь в снегу и без осадной артиллерии — требовала необычайной силы духа от полководца и жертвенного героизма войск. Сие дело подобно измаильскому, — сказал бы Суворов и, перекрестив Юденича, прибавил бы: Атакуй с Богом! Но великий князь не был Суворовым. Подобно Мольтке, не допускавшему и мысли о переходе Балкан зимою, он считал совершенно невозможной операцию, шедшую вразрез с незыблемыми положениями военного рационализма, убежденными последователями которого были он и ближайший его сотрудник генерал Палицын.

Ставя, подобно их идеалу Мольтке, материалистический принцип во главу стратегии и совершенно пренебрегая духовной стороной, они решительно воспротивились эрзерумской операции. Великий князь предписал отвести армию от Эрзерума и стать на зимние квартиры. Юденич настаивал, но получил повеление отходить в категорической форме. Ему ничего не оставалось, как скрепя сердце приготовиться к отходу. Для организации этого отхода он послал на фронт двух офицеров своего полевого штаба — полковника Масловского и подполковника Штейфона. Но эти офицеры, убедившись на месте в степени разгрома неприятеля и высоком духе азап-кейских победителей, доложили командовавшему армией о настоятельной необходимости продолжать наступление.

На этом примере мы видим разительное превосходство наших офицеров Генерального штаба послеманьчжурских выпусков над их германскими сверстниками Большого генерального штаба. Сравним поступок Масловского и Штейфона с таковым же пресловутого Генча, посланного Мольтке-младшим на фронт в критические дни битвы на Марне.

Деморализованный штабом Бюлова, Генч, прибыв к фон Клуку, приказал ему именем

главнокомандующего отступать. А между тем Клук в то утро 9 сентября стоял на пороге полной и окончательной победы над разбитой им уже 6-й (Парижской) армии французов.

Тогда генерал Юденич в последний раз решительно запросил по телефону Августейшего главнокомандующего, заявив, что всю ответственность он готов принять на себя. И Суворов победил Мольтку: великий князь уступил, заявив, что он слагает с себя ответственность за все, что может произойти.

Вторая половина января протекла в подготовке к штурму Эрзерума. Утопая в бездонном снегу, втаскивая на руках орудия на совершенно недоступные скалы, войска Кавказской армии занимали исходное к атаке положение. Штурм был назначен окончательно на 8 часов вечера 29 января 1916 года. Когда собранные в штабе армии старшие начальники узнали, что штурм назначен уже на 29-е, они пришли в изумление и стали просить отсрочки хотя бы на неделю. Генерал Юденич, выслушав их, спокойно сказал: Вы просите отсрочки — отлично! Согласен с вашими доводами и даю вам отсрочку: вместо 8 часов штурм начнется в 8 часов 5 минут...

На правом фланге общего расположения II Туркестанский корпус должен был обойти могучую Деве-Бойненскую позицию. В центре 4-я Кавказская стрелковая дивизия нацеливалась на Каргабазарское плато. На левом фланге на I Кавказский корпус была возложена честь лобовой атаки Деве-Бойну и Палантекена. 66-я пехотная дивизия составила резерв. Одновременно с наступлением главных сил на Эрзерум IV Кавказский корпус должен был сковать правый фланг III турецкой армии энергичным наступлением на Муш и Битлис.

Вечером 29 января начался изумительный приступ турецкого оплота, славнейшее дело русского оружия в Мировую войну — дело, подобно которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире. Неистовые атаки кавказских и туркестанских полков встречали яростное сопротивление. 30-го и 31-го отбивались бешеные контратаки, но взятое не упускалось. 1 февраля 10-й неприятельский корпус повел наступление на II Туркестанский, но 4-я Кавказская дивизия преодолела Каргабазарское плато, прорвала весь турецкий фронт и открыла армии Эрзерумскую долину.

Первым спустился в Эрзерумскую долину 15-й Кавказский стрелковый полк полковника Запольского. Падение Каргабазарского плато, зимой недоступного даже для коз, ошеломило командование и войска III турецкой армии и ознаменовало выигрыш Эрзерумского сражения. В этот день скобелевский 11-й Туркестанский стрелковый полк полковника Андриевского взял форт Карагюбек и 8 орудий, а 17-й полковника Кириллова — форт Тафта и 10 орудий.

2 февраля на фронте геройского 1-го Кавказского корпуса пали считавшиеся неприступными форты Палантекена и Чобан-Деде. 39-я пехотная дивизия превзошла самое себя, и духом ее прониклись дружины Казанского ополчения.

В ночь на 3 февраля началось преследование турок по всему фронту, и 3 февраля части Железной 39-й пехотной дивизии вступили в потрясенный Эрзерум.

Всех подвигов на штурме Эрзерума невозможно перечислить. 153-й пехотный Бакинский полк взял форт Далангез, единственный форт Эрзерума, взятый нами на штурме 1877 года, и как раз тоже бакинцами (и в 1877 году и в 1916 году Далангез брала 10-я рота, и тогда и теперь командир этой роты — в 1877 году штабс-капитан Томаев, а в 1916 году прапорщик Навлянский — отдали за победу жизнь). С подполковником Пирумовым 6 рот бакинцев повторили на Далангезе подвиг горталовского батальона (но с большим счастьем).

Расстреляв патроны, они штыками и гранатами отбили 8 бешеных атак. Вспомним елисаветпольцев полковника Фененко, истекавших кровью в жестокую стужу у подножия Чобан-Деде на восьми бесплодных штурмах. Полк отказался быть сменным, чтобы иметь честь, наконец, овладеть сильнейшим этим фортом, что ему и удалось на девятой атаке. Взяв Чобан-Деде, елисаветпольцы с львиной атакой ринулись на оба палантекенских форта, захватив и их. Дербентцы довершили их дело, взяв в штыки у Чобан-Деде 28 орудий, бивших картечью в упор, а 155-й пехотный Кубинский полк взял форт Гяз. Форт Узун Ахмет взял

достойный сын Самурского полка — 263-й пехотный Гунибский.

Только что сформированная 5-я Кавказская стрелковая дивизия получила свое крещение на штурме и взятии фортов Кобургу и обоих Ортаюков. Ополченцы (будущая 6-я Кавказская стрелковая дивизия) взяли форт Каракол. Кизляро-гребенские казаки конной атакой на Девв-Бойну взяли 6 орудий. Первым ворвался в Эрзерум есаул Медведев с конвойной сотней штаба I Кавказского корпуса, бросившейся в шашки на плечах бежавшего врага. На штурме крепости нами взято 235 офицеров, 12 753 аскеров пленных, 12 знамен и 323 орудия.

Не задерживаясь, Юденич погнал дальше, в глубь Анатолии, расстроенного и ошеломленного неприятеля. Преследование — в метель, стужу и без дорог длилось еще пять дней и было приостановлено только 9 февраля. В наших руках осталось 20 000 пленных и до 450 орудий, Общий урон III турецкой армии при обороне Эрзерума и отступлении составил 60 000 человек. Наши потери на штурме — 8500 убитых и раненых, 6000 обмороженных. Помимо захваченных на штурме пленных и трофеев, при преследовании взято еще 80 офицеров, 7500 аскеров и 130 орудий. Из этого числа 39-я пехотная дивизия взяла 2600 человек и 59 орудий. 4 февраля у Илиджи Сибирская казачья бригада конной атакой захватила остатки 34-й турецкой дивизии со штабом и 20 орудиями. За Эрзерум генералу Юденичу была пожалована георгиевская звезда.

Господь Бог оказал сверхдоблестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятидневного беспримерного штурма взят, — доносил Государю великий князь главнокомандующий. Эрзерумский штурм изумил Россию и союзные страны. Он потряс Турцию и заставил ее бросить недобитых англичан и все внимание обратить на Россию.

Трапезондская операция и поход в Месопотамию

После взятия Эрзерума центр нашей Кавказской армии продвинулся на 140 верст к западу от покоренной твердыни и образовал выступ в районе Мамахатун, вдавшись клином в турецкое расположение. 29 февраля у Килисса-Куми 1-й Екатеринодарский полк конной атакой взял 200 пленных и 2 орудия. Мамахатун был взят 5 марта бакинцами, захватившими 800 пленных и 5 орудий.

Одновременно с ударом главных сил на Эрзерум IV Кавказский корпус генерала де Витта повел предписанную ему вспомогательную операцию для оттяжки неприятельских сил. 3 февраля, в день взятия Эрзерума, он взял с боя Муш, а 17-го авангард генерала Абациева 128 стремительной атакой захватил Битлис. Битлис взят порывом 2-й Кавказской стрелковой и 2-й Кавказской казачьей дивизий отряда генерала Абациева, атаковавших до рассвета тремя колоннами. В этом славном деле взято в плен 59 офицеров, 1427 аскеров, знамя и 20 орудий, из коих 17 взято 8-м Кавказским стрелковым полком.

В то же время Приморский отряд генерала Ляхова, действуя совместно с флотом, высадил 21 февраля в тыл туркам десант и 24-го занял Ризе. Частичные и весьма упорные бои велись в Приморском районе всю вторую половину января и весь февраль. В делах с 23-го по 27 января на Архавских позициях взято 2 орудия, 27 февраля у Буюк-Дара взято знамя и еще 2 орудия.

Наш Черноморский флот так и не сумел добиться полного господства над морем, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах. Турки почти что беспрепятственно могли перебрасывать морским путем подкрепления. Поэтому ближайшей задачей Кавказской армии генерал Юденич поставил овладение Трапезондом — важнейшим азиатским портом и главной базой III турецкой армии.

Приморскому отряду надлежало фронтально атаковать турок, укрепившихся по реке Кара-Дере, в то время, как в тыл неприятелю должен был высадиться десант. Бои начались 13 марта, и 20-го Приморский отряд подошел вплотную к Кара-Дере. 25 марта генерал Юденич лично у Сюрмене высадил десант. Высадка у Сюрмене привела к конфликту между штабами Кавказской армии и Черноморского флота. Адмирал Эбергардт считал ее слишком рискованной. Моряки бросили транспорты с войсками и штабом генерала Юденича на

произвол судьбы, а сами удалились в безопасные районы. Подойди Гебен — и погибла бы 2-я Кубанская пластунская бригада, погиб бы и генерал Юденич.

1 апреля Кара-Дере была форсирована вброд и вплавь — турки, атакованные с фронта и во фланг, были отброшены, и 6 апреля Трапезонд был взят. Честь перехода Кара-Дере и покорения Трапезонда принадлежит полковнику Литвинову с его 19-м Туркестанским стрелковым полком, разбившим турок у Офа. По героическому почину своих офицеров стрелки бросились в бурную Кара-Дере и форсировали ее под ураганным огнем врага. Каменный мост был взорван в тот момент, когда по нему перебегала 6-я рота. Уцелевшие стрелки, оглушенные взрывом и попадавшие в воду, кое-как выбрались на неприятельский берег, бросились на пораженных турок и выбили их из окопов. Наши трофеи в трапезондских боях составили 2000 пленных. Генерал-губернатором Трапезонда был назначен защитник Ивангорода генерал Шварц.

В первых числах мая в Трапезонде высадился V Кавказский корпус генерала Яблочкина¹²⁵, составивший правый фланг нашего расположения. Далее — в дебрях Понтийского Тавра — располагался II Туркестанский корпус. К западу от Эрзерума — в центре общего расположения — I Кавказский корпус. На левом фланге, в долине Евфрата — IV Кавказский корпус и Азербайджанско-Ванский отряд, а в Персии — отряд генерала Баратова, названный Кавказским конным корпусом.

В конце весны зашевелился и перешел в наступление наш левый фланг Кавказский конный корпус генерала Баратова. Наступление это из Персии в Месопотамию

от Керманшаха на Багдад — совершенно не было в интересах Кавказской армии. Оно было навязано нам Англией.

Разбитый у Ктезифона британский экспедиционный корпус генерала Таунсенда укрылся в Кут-Эль-Амарской крепости на Тигре (на юго-востоке от Багдада), где был блокирован одной турецкой дивизией, вдвое слабейшей. Генерал Таунсенд в декабре высчитал, что запасов корнед бифа и мармелада ему хватит до 13 апреля 1916 года, и поставил Лондон в известность, что если к 13 апреля его не деблокируют, то он с вверенными ему героями не станет дожидаться 14-го числа и капитулирует. Британское правительство потребовало направить войска генерала Баратова на выручку Кут-Эль-Амары.

Если желания союзников были равносильны приказаниям, то приказания их (как то было в данном случае) являлись высшим законом для руководителей российской великодержавности. Нужды не было в том, что англичане собрали на Тигре, всего в 150 верстах от Кут-Эль-Амары, 4 дивизии, тогда как у генерала Баратова было за 800 верст всего 4 батальона пехоты. Англичане требовали от четырех русских батальонов то, чего не смели требовать от своих четырех дивизий...

В первых числах апреля корпус генерала Баратова занял Керинд и спустился в пустыни северной Месопотамии. Опасный и трудный этот поход скоро потерял свой смысл:

кут-эль-амарские вояки сдались 13 апреля — как то заблаговременно обещали. Однако своим движением генерал Баратов обратил на себя силы действовавшей против англичан в Месопотамии VI турецкой армии Халила-паши (заменившего умершего от тифа победителя при Ктезифоне фельдмаршала фон дер Гольц-пашу).

Оставив против 65-тысячной британской армии генерала Мода слабый 18-й турецкий корпус (16 000) в долине Тигра, Халил-паша с другим корпусом своей армии — 13-м (25 000 бойцов и 80 орудий) двинулся на отряд генерала Баратова, насчитывавший всего 7000 шашек и штыков при 22 орудиях.

Силы были слишком неравны. 21 мая генерал Баратов был отражен от Ханекена. 25-го турки вторглись в Персию. 16 июня нами был потерян Керинд, а 20-го Керманшах. Турки приостановили здесь свое наступление, но возобновили его по настоянию немцев месяц спустя, дойдя 28 июля до Хамадана. Генерал Баратов отвел свой ослабленный лихорадками корпус в район Казвина. За май месяц (ханекенские бои) корпус генерала Баратова лишился в делах с неприятелем всего 460 человек, тогда как от болезней убыло 2430 человек — свыше трети строевого состава. Англичане ничем не помогали, несмотря на свое четверное

превосходство в силах. Требуя русскую помощь как должное, наши союзники сочли бы неслыханной дерзостью аналогичное обращение с русской стороны (если мы вообще осмелились бы на это).

Эрзинджанская операция

В мае месяце германо-турецкое командование решило вернуть обратно утерянные Эрзерум и Трапезонд и рассчитаться с Кавказской армией за жестокий свой разгром.

Турецкие силы на Кавказе с 11 дивизий были доведены до 24. В III армию морем были переброшены 5-й и 12-й корпуса; она была доведена до 15 дивизий и вверена Вехибу-паше. В то же время на правый фланг турецкого расположения, в долину Евфрата, перевозилась по Багдадской железной дороге II армия Ахмет Изета-паши — дарданелльские победители: 2-й, 3-й, 4-й и 16-й корпуса. Сосредоточение этой армии замедлялось тем, что ее корпусам приходилось идти походным порядком от 250 до 600 верст от станций выгрузки до районов сосредоточения.

III армии надлежало перейти в наступление в середине июня, сковывая наши силы. II же армия должна была затем нанести нам главный удар в стык между I и IV Кавказскими корпусами — на Гассан-Калу и дальше, заходя правым плечом в тыл Эрзеруму, окружить и уничтожить главные силы Кавказской армии. Благодаря счастливой случайности нам удалось заблаговременно узнать этот план. К нам перебежал майор Генерального штаба, черкес по происхождению, оскорбленный несправедливым к нему отношением германо-турок и отомстивший сообщением всех их планов.

До перехода в общее наступление Вехиб-паша решил ликвидировать Мамахатунский выступ. 16 мая 9-й и 11-й турецкие корпуса обрушились на 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию и заняли Мамахатун. Развивая этот успех, турки двинулись дальше в эрзерумском направлении, но генерал Юденич двинул на них 39-ю пехотную дивизию. В богатырском бою с 21-го по 23 мая непобедимая 39-я дивизия отразила пять турецких и прикрыла русский Эрзерум. В деле 16 мая под Мамахатуном нами потеряно 2 орудия. В боях с 21-го по 23 мая 153-й пехотный Бакинский полк полковника Масловского опрокинул 17-ю и 28-ю пехотные турецкие дивизии и отразил две конные дивизии неприятеля, стреляя стоя и с колена, как на ученье. Неприятеля положено без счета, но и бакинцы лишились 21 офицера и 900 нижних чинов.

13 июня вся III турецкая армия перешла в решительное наступление, направив главный удар свежими 5-м и 10-м корпусами долиной Лиман-Су в трапезондском направлении (на Оф). Туркам удалось здесь вклиниться между V Кавказским и II Туркестанским корпусами, но развить этот прорыв они не могли: 19-й Туркестанский полк двое суток держал мертвой хваткой две галлиполийские дивизии, дав время генералам Яблочкину и Пржевальскому произвести перегруппировку. Ударом 123-й пехотной дивизии в левый фланг турок и 3-й пластунской бригады в правый их фланг продвижение было остановлено.

Из 60 офицеров и 3200 нижних чинов полковник Литвинов недосчитался 43 офицеров и 2069 нижних чинов. 19-й Туркестанский стрелковый полк своей кровью спас положение всего Кавказского фронта, положив на месте 6000 турок. В рукопашном бою стрелками был поднят на штыки начальник 10-й турецкой дивизии сын Абдул Гамида. В дальнейших боях 490-й пехотный Ржевский полк захватил знамя Сводно-Гвардейского турецкого полка.

Сдержав 5-й и 12-й турецкие корпуса на трапезондском направлении охватывавшими их контратаками V Кавказского и II Туркестанского корпусов, генерал Юденич перешел в энергичное наступление I Кавказским корпусом на 9-й и 11-й турецкие корпуса у Мамахатуна. 23 июня 39-я пехотная дивизия опять схватилась с пятью турецкими и в ночь на 25-е нанесла им решительный удар. 27-го был отобран Мамахатун, и турки отброшены далеко к востоку. Июньские бои на мамахатунском направлении были упорны и кровопролитны. Бакинский полк взял 63 офицера, 1500 аскеров и 2 орудия. Всего здесь было захвачено около 4000 пленных.

Юденич решил развить это наступление и овладеть важнейшим узлом сообщений Анатолии — Эрзинджаном, желая лишить III турецкую армию главной ее рокадной линии. I

Кавказскому корпусу надлежало атаковать Эрзинджанскую группу турок (9-й и 11-й корпуса) фронтально, а II Туркестанскому корпусу — обойти ее левый фланг, сбив предварительно 10-й турецкий корпус. V Кавказский корпус обеспечивал всю операцию на крайнем правом фланге общего расположения, преследуя разбитый 5-й турецкий корпус и перевалив Понтийский Тавр.

Сбив рядом крепких ударов 10-й корпус, туркестанцы и пластуны II корпуса заняли 2 июля Байбурт, широко охватив левый фланг Эрзинджанской группы турок. В боях вокруг Байбурта нами взято 138 офицеров (4 командира полков), 2100 аскеров, знамя, 6 орудий и 8 пулеметов. В то же время с фронта I Кавказский корпус форсировал Кара-Су, опрокинул 9-й и 11-й турецкие корпуса, и 10 июля 39-я пехотная дивизия ворвалась в Эрзинджан. В Эрзинджан первыми ворвались дербентцы, форсировавшие Мурад-Чай по грудь в воде.

Оборонительными июньскими и наступательными июльскими операциями наша Кавказская армия совершенно разгромила III турецкую армию и, взяв Эрзинджан, смогла обратиться на нового врага. За июньские и июльские бои нами взято (согласно труду генерала Масловского) 17000 пленных. О количестве захваченных трофеев сведений нет. Подсчитывая и пересчитывая по много раз бомбометы и пулеметы, захваченные армиями Брусилова, Ставка совершенно игнорировала Кавказский фронт. Из реляций на статутные награды можно установить взятие с боя двух знамен. Орудий захвачено около 20, примерно 50 пулеметов.

Огнот и Муш

Назначенная для главного удара по нашему левому флангу II армия турок Ахмета Изета медленно собиралась в долине Евфрата. Раньше других здесь собрался 16-й турецкий корпус героя Дарданелл Мустафы Кемаля-паши¹²⁶, слева от него развернулись 4-й, 3-й и 2-й.

Организуя удар на Эрзинджан, генерал Юденич предписал командиру IV Кавказского корпуса сковать собиравшегося на Евфрате неприятеля наступлением на харпутском направлении. Генерал де Витт¹²⁷ направил туда 66-ю пехотную дивизию, сбившую Кемаля в боях 29-го и 30 июня у Куртис-Дага и далее имевшую с ним ряд удачных столкновений в середине июля. В делах 17-го и 18 июля нами взято 300 пленных, 1 орудие и 3 пулемета.

20 июля Ахмет Изет перешел в решительное наступление на Эрзерум. Направив свой левофланговый 2-й корпус на наш I Кавказский, чтобы сковать его, он обрушился тремя остальными на IV Кавказский корпус. Галлиполийские победители атаковали с большим подъемом и энергией, и под их яростными ударами части IV Кавказского корпуса стали отходить... 23 июля мы потеряли Битлис, 24-го — Муш и 25-го отошли за государственную границу, опасно обнажив левый фланг наших главных сил и сообщения с Эрзерумом. У Битлиса 23 июля мы потеряли 2 орудия. Генерал Масловский отмечает чрезвычайно слабое руководство боями начальника 2-й Кавказской стрелковой дивизии генерала Назарбекова, ограничившегося пассивной обороной и упустившего возможности для контратаки.

Одновременно северная группа VI турецкой армии Халила, пользуясь бездействием англичан, нажала на отряд генерала Баратова в Персии и на слабый наш Азербайджанско-Ванский отряд генерала Чернозубова¹¹⁶. Со времен Сарыкамыша это был самый серьезный кризис Кавказского фронта.

Юденич решил парировать этот наметившийся обход своих главных сил ударом в левый фланг прорвавшейся II турецкой армии (обходящий сам обойден). Иными словами, повторить свою прошлогоднюю Евфратскую операцию, но в более крупном масштабе. Этот удар был возложен на резерв фронта — группу генерала Воробьева (4-я, 5-я Кавказские стрелковые дивизии и 2-я пластунская бригада), которой указано было атаковать в общем направлении на Огнот.

Наше встречное наступление началось 6 августа. Рядом стремительных ударов с фронта и во фланг группа генерала Воробьева сперва остановила, а затем сбила прорвавшиеся от Огнота 3-й и 4-й неприятельские корпуса. Одновременно огрызнулся фронтально и IV Кавказский корпус. Генерал де Витт, сжав свое расположение, опрокинул

правофланговый корпус Кемаля. 10 августа был возвращен Муш, а 14-го группа генерала Воробьева уже стояла на Евфрате. В боях с 7-го по 10 августа на подступах к Мушу разбита 7-я турецкая пехотная дивизия 16-го корпуса. Нами взято 2200 пленных, 4 орудия и 3 пулемета.

Одновременно Азербайджанский отряд нанес 11 августа у Раята полное поражение 13-му турецкому корпусу, чем полностью восстановил сильно было поколебленное положение в Персии. У Раята наши Сводно-пограничная и 4-я Кавказские казачьи дивизии окружили и уничтожили в боях с 9-го по 11 августа 4-ю турецкую пехотную дивизию. Взято 60 офицеров (2 командира полков), 2300 аскеров, 4 орудия и 4 пулемета.

Энергичный Ахмет Изет не желал признать себя побежденным. Он бросил в бешенные контратаки свои 3-й, 4-й и 16-й корпуса. В тяжелых боях с 15-го по 18 августа у Хеваршаха и Огнота наступательный порыв этих превосходных войск был сломлен. В этих боях взято 1500 пленных и 2 орудия.

Всю вторую половину августа и начало сентября в долине Евфрата кипели ожесточенные бои — Огнотское сражение. Против наших 41/2 дивизий неприятель развернул 11. Турки дрались с той же отвагой, что и на Галлиполи, но противник у них здесь был не тот — и шаг за шагом дарданелльские победители оттеснялись в исходное свое положение эрзерумскими победителями...

У нас из 50 000 бойцов за всю операцию убыло 20 000 человек. У турок же из 120 000 — 56 000 человек. Пленных и трофеев в этих ожесточенных боях взято мало. 20 августа захвачено 8 офицеров, 205 аскеров и 1 орудие. 22 августа еще 10 офицеров и 538 аскеров, а 27 августа — 4 офицера, 240 аскеров, 3 орудия и 1 пулемет. Вообще же за всю операцию по отражению II турецкой армии с конца июля по середину сентября нами взято 5000 пленных и 10 орудий (не считая трофеев Азербайджанского отряда с 9-го по 11 августа у Раята). Все остальные потери турок — кровавые.

Группа генерала Воробьева составила VI Кавказский корпус под командой генерала Абациева¹²⁸. Одновременно и Азербайджанско-Ванский отряд был переименован в VII Кавказский корпус князя Вадбольского¹²⁹.

В половине сентября бои стали затихать. К октябрю 1916 года весь Кавказский фронт утопал в снегу. Живая сила неприятеля была сокрушена окончательно. Из 150 000 бойцов своей III турецкой армии Вехиб-паша едва собрал 36 000, а во II турецкой армии Ахмета Изета из 120 000 аскеров осталось 64 000 человек. Дарданелльские корпуса были сведены в кавказские дивизии... Возместить эти жестокие потери обескровленная Турция уже не могла...

Огнотским сражением закончилась героическая борьба нашей Кавказской армии. С ничтожными силами она свершила великие дела и сделала значительно больше того, что от нее требовал общий ход войны.

В кампанию 1917 года ей надлежало действовать оборонительно. Дальнейшее наступление в глубь горных пустынь Анатолии не имело никакого смысла и могло оказаться только гибельным. 17 февраля 1917 года 19-й Туркестанский стрелковый полк полковника Хромых, атакуя по собственному почину в 5-аршинном снегу, овладел позициями турок на хребте Ики-Сиври (высота 3300 метров). Полк был укомплектован офицерами гвардейской пехоты, просившими перевода на Кавказ, где еще дерутся по-настоящему. Это было последнее наступательное дело на Кавказском фронте.

С занятием Эрзинджана наше продвижение в глубь Турции достигло своего стратегического предела. Сообщения вытянулись на 500–600 верст в дикой местности. Продовольственные транспорты сами вынуждены были съедать большую часть своих запасов. Роль Кавказской армии стратегически закончилась.

На апрель 1917 года Император Николай Александрович повелел овладеть Царьградом. Государю удалось победить инерцию слепой и косной Ставки. Два года назад — в апреле 1915 года — операция эта должна была спасти Россию, теперь же все сроки были давно пропущены.

Разбор войны

Двадцать месяцев от Сарыкамыш до Эрзинджана, через Даяр, Азап-Кей и Эрзерум — славнейшая эпоха нашей военной истории в столетие, последовавшее за биваком Платова на Елисейских Полях.

Лавровый венок Кавказской армии пытались обесценить заявлением, что он был добыт в борьбе с противником отсталым и неравноценным. Упрек, исходящий от военных позитивистов, ни на чем не основанный.

Турецкая армия имела славное боевое прошлое. Не говоря о давних временах, когда она, завоевав половину Европы, держала вторую половину триста лет в постоянном страхе — еще в XVIII веке Турция дважды побеждала могущественную Австрийскую империю и дважды — в 1739-м и 1790 годах — продиктовывала Габсбургам позорный мир. Затем турки нанесли в Сирии поражение непобедимому до тех пор Бонапарту. В последовавшее затем столетие Турция воевала только с Россией, и благодаря высокому качеству русской армии воевала неудачно (хотя и оказалась в выигрыше Болгарской кампании 1828-го и Дунайской 1854 годов).

Войну 1877–1878 годов нам удалось выиграть с очень большим трудом. Затем, если Турция и была в 1912 году побеждена славянскими армиями, то в 1915 году она победила Англию и Францию, сбросив могущественную армию союзников в море на Галлиполи и взяв в плен высадившийся в Месопотамии британский экспедиционный корпус. После этого англичане, схватывавшиеся на Западе с германским противником в равных силах, отказывались иметь дело с турками, даже имея двойное и даже тройное превосходство, и для решительного наступления в Палестине в 1918 году маршал Алленби обеспечил себе неслыханное в истории превосходство в десять раз.

Третья часть сухопутных, морских и воздушных сил Британской империи была поглощена турецкими фронтами. Все это достаточно ясно доказывает абсурдность утверждения, что турки не были противником равноценным. Будь это так, могучая союзная армия и флот не бежали бы осенью 1922 года из Константинополя по первому приказанию Кемаля: Галлиполи, Ктезифон и Кут-эль-Амара свое дело сделали.

Так же почетно проявили себя турки и на европейских фронтах. Их 6-й корпус был опорой Макензена в Добрудже и под Бухарестом, а 15-й в Галиции заступил Щербачеву пути на Львов под Диким Ланом. Англичане считали турок противником гораздо более опасным, чем германцы в тех же силах. И если эти превосходные войска оказались на Кавказе побежденными, то причиной тому не их отсталость, а высокий дух их победителей.

* * *

Превосходство духа над материей во все времена составляло основу русской национальной военной доктрины. Кавказская же армия как раз и оказалась той частью русской армии, где в самом полном и ярком виде сохранились бессмертные заветы науки побеждать.

Войска эти были исключительно высокого качества. Они превосходили своим духом войска других округов. Дела III Кавказского корпуса на Юго-Западном фронте, желтых дьяволов II Кавказского корпуса, на Северном фронте доказывают это. Немудрено, что и полки I Кавказского корпуса, воспитанные на той же старой славе, проникнутые тем же духом, совершали такие подвиги. Того, что совершила одна только 39-я пехотная дивизия, хватило бы на целую европейскую армию (на которую тогда наши военные позитивисты стали бы указывать как на образец). Печать того же русского духа и русской боевой традиции лежала и на скобелевских птенцах — туркестанских стрелках. Немногочисленные вначале второочередные части, попав в эту обстановку, крепили с первых же шагов.

Конницы было много, хотя значительная часть ее и состояла из полков 3-й очереди. Были славные конные дела, особенно у сибирских казаков, но посредственность подавляющего большинства кавалерийских начальников помешала использовать по-настоящему эти 222 эскадрона и сотни.

Артиллерия наша количественно была равна турецкой, качественно же во много раз

превосходила ее. Немногочисленные инженерные части были поглощены разработкой сообщений, особенно постройкой железных дорог в Армении и Персии, совершая тем самым огромное русское культурное дело в этих диких краях.

Чрезвычайно трудна была служба летчиков в стране, где изобиловали горные хребты в 2000–3000 метров, которые приходилось преодолевать на ветхих машинах, не набравших высоты. Тем не менее единственный авиационный отряд Кавказской армии с честью вышел из этих затруднений.

Всего наши боевые потери составили 22 000 убитыми, 71000 ранеными, 6000 пленными и до 20 000 обмороженными. Турки лишились 350 000 человек, из коих 100 000 пленными. Нами потеряно в боях 8 орудий и взято 650.

* * *

Убежденный сторонник национального естества военного дела, генерал Юденич свой яркий талант сочетал с огромной силой духа. Отметая псевдонаучный рационализм, твердо вел он свою армию от победы к победе. В то время как на Западном нашем театре войны русские военачальники, даже самые лучшие, пытались действовать сперва по Мольтке, а затем по Жоффру, на Кавказе нашелся русский полководец, пожелавший действовать по-русски, по Суворову.

Конфликт Юденича с Тифлисом накануне эрзерумского штурма особенно показателен. В нем как нельзя более ярко выявилось противоречие двух систем: классической русской — превосходство духа над материей — и наносной рационалистической, второе столетие отравлявшей русский воинский дух. Последователь Суворова видел и чувствовал то, чего не дано было видеть и чувствовать выученикам Мольтке.

Это был тот полководец, которого не хватало в Ставке весной и летом 1916 года для победы над Германией и Австро-Венгрией.

Глава XVII. Последняя война Петровской армии

Трофеи и потери

За три года исключительно тяжелой борьбы русской армией было взято 2 200 000 пленных и 3850 орудий. Из этого числа германцев — 250 000 пленных и 550 орудий, австро-венгров — 1 850 000 пленных и 2650 орудий и турок — 100000 пленных при 650 орудиях. За то же время Францией было взято 160 000 пленных и 900 орудий, Англией — 90 000 пленных при 450 орудиях, а Италией — 110 000 пленных и 150 орудий.

Русские трофеи в шесть раз превысили трофеи остальных армий Согласия, взятых вместе.

С чувством глубокого удовлетворения русский историк просматривает списки потерь по полкам германской армии, дравшихся на Востоке и Западе. Русский фронт для них оказался вдвое убийственнее англо-французского. Об австро-венгерской армии и говорить нечего. Весь цвет ее лег на полях Галиции и в ущельях Карпат. Итальянцы на Виттории Венето добивали остатки их эрзац ландштурма. Наконец победители англо-французов — турки — сами потерпели от нас жесточайшие поражения за всю свою историю.

Русский меч лежал грозной тяжестью на весах войны, хоть им и владели руки слабые и неискусные. Он сокрушил бы неприятельскую коалицию, найдись в России полководец. Россия одна схватилась с половиной сил Центральных держав; Франция, Англия, Италия и Соединенные Штаты — державы, во много раз сильнее техникой, поделили между собой другую половину.

Мы можем видеть поэтому, какое огромное напряжение потребовалось от русской армии. Это напряжение несравнимо с таковым же других больших армий Согласия. То, что Франция испытывала в продолжение нескольких недель верденского кризиса либо последних германских наступлений весной 1918 года, то, чего вообще не пришлось испытать Британской империи, было нашим неизменным уделом в продолжение сорока месяцев.

Одной лишь кампании 1915 года в тех условиях, в которых мы ее проделали, было достаточно для того, чтобы погубить любую из первоклассных армий мира, не исключая и германской, а наши войска между тем ее выдержали с честью.

Беспримерное напряжение повлекло за собой и беспримерные потери. Размеры этих потерь никогда не удастся определить в точности. Русское верховное командование совершенно не интересовалось уже использованным человеческим мясом. Не интересовалось этим и Главное санитарное управление: в госпиталях не существовало статистики умерших от ран, что не может не ошеломить исследователя.

Подсчеты потерь производились во время войны и после нее отдельными лицами по неполным и несистематизированным данным. Они носили случайный характер и приводили к совершенно различным, зачастую фантастическим заключениям (достаточно сказать, что количество, например, пленных определялось в пределах от 1 300 000 до 4 500 000 человек¹³⁰). Интендантство подсчитывало едоков. Красный Крест и земско-городские союзы регистрировали, как могли, и без всякой связи друг с другом раненых, проходивших через их лазареты и отправлявшихся в глубь России (оставшиеся в прифронтовой зоне ни в какие ведомости не попадали).

В добросовестной работе доктора Авраменко в 1919 году, по неполным сведениям, к декабрю 1916 года имелись картотеки на убитых 12 813 офицеров и 652 077 нижних чинов, умерших от ран в частях войск 716 офицеров и 17662 нижних чинов, умерших от газов 72 офицера и 6268 нижних чинов. По картотеке Главного управления Генерального штаба, умерло от ран не 716, а 3622, и эта последняя цифра далеко не полна. Далее доктор Авраменко классифицирует картотеки ранений — 72 486 офицеров, 3 676 183 нижних чинов (из них осталось в строю 15 766 офицеров и 303 679 нижних чинов). Отравлено газами не смертельно 1282 офицера, 63876 нижних чинов (осталось в строю 684 офицера и 15 974 нижних чинов). Всего к декабрю 1916 года удалось установить по данным военно-санитарных управлений 85 369 офицеров и 4 416 066 нижних чинов убитыми и ранеными. Сюда не вошли данные по многим частям Юго-Западного фронта за Брусиловское наступление, совершенно не приняты во внимание Румынский и Кавказский фронты, а также очень значительное число раненых, не эвакуированных в Россию, а оставшихся на излечении в прифронтовой полосе.

Пропавших без вести (оставшихся на поле сражения убитыми и ранеными, попавших в плен) показано 13 382 офицера и 2 319 993 нижних чинов, что тоже очень сильно приуменьшено: столько на самом деле было одних пленных.

Ставка совершенно не интересовалась вопросом о понесенных потерях. Люди, три года подряд славшие на убой миллионы русских офицеров и солдат, изобретавшие двойной обход Мазурских озер, наступление в сердце Германии, отдававшие обескровленным армиям иступленные директивы Ни шагу назад! воздвигавшие пирамиды черепов на Бзуре, Нарочи, у Ковеля, эти люди ни разу за три года не поинтересовались узнать, во что, хотя бы приблизительно, обходится России и русской армии их стратегическое творчество.

Когда в июле 1917 года французский представитель в Ставке, позорной памяти генерал Жанен (впоследствии предавший Колчака), запросил сведений о потерях, понесенных Россией, то Ставка была застигнута врасплох. После трехмесячных суетливых поисков и обращений не в те инстанции Ставка представила французам первые попавшиеся цифры.

Убитыми значилось всего 700 000 человек, пленными зато 2 900 000. Давая эти объяснения без всяких оговорок либо пояснений, наши военные бюрократы не потрудились сообразить, что подсчет убитых проведен сколько-нибудь удовлетворительно лишь по войскам Северного фронта, тогда как у значительной части пленных имеются дубликаты фишек (две карточки на одного человека), отчего и получается столь значительная цифра. Ставка совершенно не отдавала себе отчета в том, что подобного рода сведения только бесчестят русскую армию в глазах иностранцев.

По данным Военного ведомства, представленным незадолго до революции в Совет министров, наши окончательные потери — убитыми, умершими от ран и болезней,

инвалидами, пропавшими без вести и взятыми в плен — определялись с начала войны по декабрь 1916 года в 5 500 000 человек. Число это было получено из сопоставления общей цифры призванных — 14 500 000 — с таковой же находившихся на довольствии в

Действующей армии, на флоте, в тыловых частях и на излечении — 9 000 000 человек, по сведениям Главного интендантского управления. Отметим сразу же, что эта цифра 9 000 000 значилась по списку, тогда как налицо состояло гораздо меньше. Весь ноябрь и декабрь шли кровопролитнейшие бои в Карпатах и в Румынии, Западный фронт пухнул от цинги, а Кавказский наполнял лазареты обмороженными, тифозными, дизентерийными и лихорадочными. К указанным 5 500 000 окончательных потерь можно было бы уже в декабре 1916 года приписать 200 000 — 300 000.

По сведениям, официально сообщенным нашему Красному Кресту неприятелем, к зиме 1916/17 годов в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции состояло 2 200 000 русских военнопленных. Цифра эта вполне достоверна (неприятелям, во всяком случае, не было никакого расчета ее приуменьшать).

Вычтя это число из общей суммы, получим 3 300 000 потерь по его сторону наших позиций. Умерло от болезней 100 000 человек (число установлено весьма точно — статистика больных велась гораздо лучше, чем статистика раненых). В самовольной отлучке числилось до 200 000 человек (явлению этому удивляться нечего, вспомним только дезертиров наполеоновских войск во Франции знаменитую агтее ги1ап1;е). Далее, 600 000 человек было исключено из-за увечий, полученных в бою, 300 000 человек — по причине болезней. Сложив эти потери, получим в итоге 1 200 000 человек увечных, умерших и дезертиров.

Остальные 2 100 000 человек не подошли ни под одну из указанных категорий... Вечная им память! Около 700 000 человек — примерно третья часть сохранили свои имена, остальные 1 400 000 человек — это те неизвестные солдаты, о коих не скажет ни камень, ни крест и чьи останки были выброшены из могил кощунственной польской рукой.

Приняв во внимание потери зимней кампании 1916/17 годов и летней 1917 года, сосчитав убитых в Шампани и Македонии, погибших на флоте и, наконец, прибавив к ним синодик верных долгу русских воинов, замученных насмерть в неволе немецкими и мадьярскими палачами, мы будем очень недалеко от цифры 2 500 000, из коих 2 400 000 человек пало с оружием в руках. Все германские исследователи определяют потери русской армии убитыми в 2 500 000 человек. Бывшие союзники, стремясь умалить жертвы России, приводят часто голословное число 1 700 000, не объясняя его происхождения.

2 417 000 пленных, взятых у нас Центральными державами за всю войну, число, способное привести поверхностного наблюдателя к ложному заключению о невысоких качествах боевых русских войск. Поэтому ни на минуту нельзя упускать из вида другую цифру, а именно 2 200 000 германцев, австро-венгров и турок, взятых в плен этими русскими войсками, несмотря на недостойное их высшее командование и катастрофическую нехватку техники и боевых припасов. Сделав эту оговорку, перейдем к ближайшему рассмотрению этой огромной цифры. Приблизительно 1 400 000 попало в плен ранеными. Кто посмеет их упрекнуть за то, что они были эвакуированы не на восток, а на запад?

Из остального миллиона — попавших в плен неранеными — было весьма много трусов и негодяев, сдавшихся по своей охоте. Таковые встречаются во все времена и во всех армиях. Но еще большее количество попало в плен по вине высшего командования, ставившего в продолжение всей войны наши войска в самые невозможные условия. Ответственны ли офицеры и солдаты 2-й армии за бесхарактерность Ключева, трусость Благовещенского, малодушие Самсонова, рутину Жилинского и невежество Юрия Данилова? Можно ли винить новогеоргиевских ополченцев за недомыслие генерала Алексеева и подлость духа Бобыря? А все 975 000 раненых и нераненых пленных, взятых врагом весной и летом 1915 года, не искупали разве своими страданиями преступное Ни шагу назад! первой Ставки? Из 1 312 000 находившихся в Германии русских пленных 233 000 пыталось бежать (по данным Рейхсархива).

Бесчеловечное отношение к русским военнопленным легло навсегда несмываемым

позором на память австро-германских армий. Пленных заставляли рыть окопы на Французском, Итальянском и Македонском фронтах. Отказывавшихся подвергали пыткам. Самой распространенной было подвешивание за руки. В Германии практиковалось распинание и членовредительство. Русских воинов, до конца оставшихся верными присяге и отказывавшихся работать на неприятельскую армию, расстреливали перед фронтом.

Производить казнь назначались кадеты — будущие офицеры императорско-королевских армий. Для этих немецких юношей расстреливать русских пленных было праздником — и количество желающих во много раз превышало число избранных счастливых. Имена измайловца Федора Лунина, дагестанца Николая Алексева и память тысяч других богатырей, замученных среднеевропейскими дикарями, должны, подобно неугасаемым лампадам, светиться в русских душах, подобно именам Агафона Никитина и Фомы Данилова, замученных дикарями среднеазиатскими. Зверства австро-венгров превзошли зверства германцев.

А между тем российское правительство, имевшее в своей власти сотни тысяч пленных немцев и мадьяр, раз навсегда могло бы положить конец этому всемирному задушению русского имени, пригрозив репрессиями. Но у нас предпочитали плакаться на нарушение немцами каких-то гаагских и женевских бумажонок, как будто эти жалкие lamentации могли хоть немного облегчить участь русских мучеников!

Но еще более бесчеловечным, вдвойне преступным, было отношение к своим попавшим в несчастье солдатам со стороны императорского правительства. Оно ничего не захотело сделать для облегчения их ужасной участи. Русские пленники были брошены на произвол судьбы. Солдаты русского Царя рылись в отбросах своих союзных товарищей по несчастью...

Единственная помощь продуктами, получавшаяся нашими пленниками, шла от французских жертвователей, тронутых их участью из писем французских пленных. В то время как французы, англичане, итальянцы все время чувствовали за собой поддержку своих правительств, снабжавших их продуктами и грозивших немцам репрессиями, русские были брошены на произвол тюремщиков и палачей своим Отечеством, за которое они проливали кровь. Призывы французского комитета помощи русским пленным оставляли одинаково равнодушными как императорское правительство, так и демократическую общественность. Немцы после этого могли себе позволить с русскими все, что вздумается.

Количество раненых приблизительно определяется в 5 500 000 человек. Точные сведения существуют лишь относительно эвакуированных в Россию — их было к декабрю 1916 года круглым числом 3 800 000 человек, причем сюда тоже, как и относительно убитых, не вошли раненные на всех фронтах в зимнюю кампанию 1916/17 годов и летнюю 1917 года, а также за всю войну на Кавказском и Румынском фронтах. По очень осторожным исчислениям мы можем приписать за эти периоды еще 400 000 эвакуированных и примерно 1 200 000 — 1 500 000 раненых за всю войну, не эвакуированных в Россию, а оставшихся в 1914–1917 годах в прифронтовой полосе.

Присчитав к этому общему количеству 5 500 000 раненых, оставшихся у своих, еще 1 400 000 раненых, попавших в плен, мы получим около 7 000 000 раненых, вернее случаев ранения (многие бывали ранены по несколько раз) — примерно по три ранения на одного убитого. Это пропорция всех армий, принимавших участие в Мировой войне. Она полностью подтверждает выведенное нами число 2 400 000 убитых для русской армии.

Боевые потери России за всю войну можно считать в 10 300 000 — 10 500 000 случаев убыли или 9 000 000 человек (принимая во внимание, что 30 процентов ранений — по второму разу тех же людей, и не считая для простоты ранения по третьему и четвертому разу, которых было немало). Из этих 9 000 000 человек 6 000 000 убыло безвозвратно — убитыми, умершими от ран, пленными и увечными.

Условия борьбы

За три года Мировой войны мы потеряли в три раза больше людей, чем за все остальные войны России — от Азова до Мукдена. Вся Русско-Японская война составляет

только один месяц Мировой войны. Это позволяет судить о том напряжении, какое потребовалось от наших войск в 1914, 1915, 1916 годах.

В Отечественную войну, как и в неудачное ее подражание — кампанию 1915 года, за три месяца нашими армиями было отмаршировано 600 верст в глубь страны. Но там

за 80 дней наши главные силы имели только пять боев и одно генеральное сражение. А здесь за те же 80 дней наши

3-я и 13-я армии имели 80 боев, каждый из коих стоил генерального сражения былых времен, иными словами, каждый день по Бородину! А что могли значить Клястицы и Полоцк в корпусе Витгенштейна в сравнении с тем беспросветным двадцатидневным Наревским сражением, что выпало одновременно с этим на долю 1-й и 12-й армий?

Суворовский поход через Альпы длился три недели. А Карпатская эпопея 3-й и 8-й армий длилась шесть месяцев — и каких! Велик был день Сен-Готарда, но выше его — шестнадцать дней Лутовиска. Страшна была Муттенская долина, но страшней Творыльня, где цепи мертвых стрелков стояли по грудь в снегу. Был грозен Рингенкопф, но еще грозней Черемха.

Славны были подвиги Багратиона, Милорадовича, Розенберга, Каменского 2-го. Но у них был Суворов. А у Корнилова, Деникина, Альфтана, графа Келлера Суворова не было...

Каково было в продолжение шести месяцев брать каждый день по Чертову мосту, да еще защищаемому пулеметами? А ведь боевая работа 3-й и 4-й стрелковой бригад, 65-й, 78-й дивизий, VII, VIII, XII, XXI, XXII, XXIV и III конного корпусов как раз и состояла в этом! И по окончании горного похода войска эти ждал не отдых в Фельдкирхе, а двухнедельное побоище на Сане, затмившее все предыдущее, и затем три месяца непрерывных боев.

Эрзерум затмил Каре. Защита Козювки превзошла защиту Шипки. И если великий князь Николай Николаевич-старший снял шапку перед Железными стрелками после Шейнова, то что сказал бы он им после Лутовиска, Перемышля, Чарторыйска, Луцка?

Боевое напряжение, потребовавшееся от русских офицеров и солдат Мировой войны, в десятки раз превзошло то, что требовалось в свое время от их предков. И в то же время им гораздо меньше было дано. Неунывающий суворовский чудо-богатырь служил ведь всю свою жизнь и в отставку выходил либо за старческой дряхлостью, либо за бесчеловечием (когда от ран или увечий терял человеческий облик). Победители Наполеона служили 25 лет. Они были воинами в самом широком понятии этого слова. А вооруженные русские люди Мировой войны прапорщики и рядовые — обучались военному делу едва три месяца, а то и шесть недель. Условий борьбы русской армии не выдержала бы никакая иная армия в мире.

Германская армия в кампанию 1918 года была поставлена в тактические и технические условия несравненно более легкие, чем русская армия летом и осенью 1915 года¹³¹. Армия кайзера стала на колени. Армия русского Царя с честью выдержала жесточайшее испытание и еще крепче ударила врага в кампанию 1916 года!

Стратегическое руководство

Переходя к оценке русского полководчества, будем кратки: его не существовало. Русской армии не хватало головы. Прежде всего потому, что она имела сразу несколько голов.

Абсурдное учреждение фронтов — результат стратегического недомыслия привело к тому, что русская армия получила сразу трех главнокомандующих, впоследствии даже четырех и пятерых. Сколько голов, столько умов — и в результате ни одного ума... По мысли своих изобретателей — Куропаткина в 1902 году, Юрия Данилова в 1912 году — фронты должны были облегчить ведение войны Ставкой. В действительности эти стратегически безобразные организмы стали непроницаемым средостением между Ставкой и действовавшими армиями.

Гипертрофия фронтов, начальники коих, наименованные главнокомандующими, получили совершенно неслыханные права и преимущества в области ведения войны, привела к полной анархии и разнобою. Северный удельный князь знать не желал юго-западного удельного князя, тот и другой мало считались с великим князем, авторитет

которого как Верховного главнокомандующего игнорировался удельно-вечевой хартией Положения о полевом управлении войск 1914 года. В первый год войны наши армии сплошь да рядом выполняли одновременно два, а то и три плана — Ставки и фронтов, то есть трех главнокомандовавших, тогда как иной раз и каждого из них в отдельности было достаточно для совершенного поражения по всем правилам схоластики. Во второй и третий год, при Алексееве, роль Ставки свелась к регистрации планов трех главнокомандовавших фронтами, воевавших каждый по-своему.

Деятельность Ставки за все время войны до революционного развала распадается на три периода, соответствующие, в общем, трем кампаниям императорской армии.

В кампанию 1914 года ею руководит стремление действовать активно безудержная фантазия наступления в сердце Германии. В директивах Ставки этого периода совершенно не чувствуется стратегии (ибо ничего не говорится о сокрушении живой силы врага). Все сводится к мечтаниям над школьной картой Европы, на которой назначаются различные воображаемые линии и призрачные рубежи (Ярочин — Кемпен — Каттовиц — Освечин).

Вся эта стратегия вне времени и вне пространства неукоснительно срывается — иногда неприятелем (Лодзь), но чаще всего удельными князьями фронтов. Эти последние упорно не желают считаться с директивами из Барановичей, а то навязывают Ставке свои собственные планы. Следствие — либо компромисс, либо одновременное выполнение двух, а то и трех взаимно друг друга исключаящих операций, вроде наступления по трем расходящимся направлениям; и в Восточную Пруссию, и на Берлин, и в Карпаты. Военное искусство и военная наука не терпят безнаказанного над собою издевательства и мстят нам за это всю кампанию 1914 года.

В кампанию 1915 года мистика наступления в сердце Германии сменяется мистикой Ни шагу назад!. Армиям приказывается стоять и умирать. Результат утрата пятнадцати губерний и трех миллионов бойцов: полный разгром нашей вооруженной силы и отступление куда глаза глядят, что вызывает смену верховного командования.

Наконец, в кампанию 1916 года вся работа Ставки сводится к переговорам, уговорам и разговорам...

Следует заметить, что управляй Ставка непосредственно армиями, то при всем ее неумении события сложились бы иначе — и притом в лучшую для нас сторону. В самом начале войны удалось бы избежать Танненберга, бывшего делом рук штаба Северного фронта в большей степени, чем Гинденбурга. А в Галиции удалось бы нанести сокрушительный удар австро-венгерской вооруженной силе, направив 3-ю армию во фланг и в тыл Ауффенбергу. Повелительный окрик великого князя произвел бы на генерала Рузского совершенно другое впечатление, чем невнятные упрасливания младшего в чине Алексеева.

В общем, всю войну судьбами русской армии и России вершил гофкригсрат, проявлявшийся то в виде совещаний главнокомандующих (в великокняжеский период), то в виде бесконечных бесед по прямому проводу (в алексеевские времена). Исключительно вредная инстанция фронтов парализовала всю русскую стратегию Мировой войны.

Порочной организации соответствовала порочная система управления войсками из глубокого тыла путем расплывчатых и неопределенных директив, всегда опережавшихся событиями на фронте. Система директив, заведенная Мольтке-старшим, соответствовала своей эпохе — второй половине XIX века. В условиях большой войны XX столетия она оказалась неприменимой и анахроничной. Главнокомандовавшие в Мировую войну располагали такими средствами лично влиять на ход операций, о каких не мог подозревать Мольтке-старший. Телефон и автомобиль давали возможность тесного личного общения с исполнителями, постоянного контроля событий и властного вмешательства полководца всякий раз, когда он замечал, что его план может быть сорванным превратным толкованием либо своеволием подчиненного.

Русская Ставка так же не осознала этого изменения условий войны, как не уразумел его Мольтке-младший, державшийся заветов своего дяди яко слепой стены. Система отдачи директив привела германскую армию к поражению на Марне и дважды лишила нас

победоносного окончания войны, помешав вывести из строя Австро-Венгрию в августе 1914-го и в мае — июне 1916 годов. Управление войсками издалека — будь то Мольтке-младший из Кобленца и Люксембурга или русская Ставка из Барановичей и Могилева — ведет в условиях современной войны к неизбежному поражению.

Методы 1866 и 1870 годов — отдача по телеграфу издалека директив — отжили свой век. Первым осознавшим это был генерал Жоффри. Оттого французское командование и было единственным, выдержавшим экзамен Мировой войны. Русской военной мысли, совращенной с национального своего пути, осознать это изменение не было дано. Благоговение перед Мольтке возводило его учение в степень непреложных догматов, а его методы считало извечными истинами.

Злополучные русские рационалисты не подозревали, что в открывшийся век чудес техники бессмертный образ Румянцева и его Стой, ребята! окажется куда более современным, чем образ великого молчаливника в тиши своего кабинета за сотни верст от полей сражения! При условии, конечно, что это Стой, ребята! будет сказано не дрогнувшему под ятаганами гренадерскому каре, а потерявшим сердце либо сбитым с толку командующим армиями и командирам корпусов...

Стратегическая анархия, порожденная учреждением нелепых фронтов с их удельными князьями-главнокомандующими, не привела бы к добру даже при наличии во главе этих бессмысленных организмов даровитых военачальников. Окажись в России полководец — его талант был бы в значительной степени сведен на нет антиполководческим и глубоко порочным Положением о полевом управлении войск 1914 года.

Но полководца в России не нашлось. Фронты возглавили деятели маньчжурского и даже ниже маньчжурского уровня. Жилинский, Рузский, Иванов и Эверт могли погубить любую армию, свести на нет любую победу, обратить в катастрофу самую незначительную неудачу. Лучших мишеней, лучших соломенных чучел для рубки Гинденбургу было невозможно желать — и прусский фельдмаршал всю свою удивительную карьеру построил на этих русских ничтожествах, пройдя по их головам, как по торцовой мостовой к высотам почестей и власти. Хуже всего было то, что при этом была брошена тень на ту безупречную репутацию, которой столетиями пользовались в мире российские войска. Этого позора Россия своим недостойным военачальникам никогда не простит.

Исключительно плохой подбор главнокомандовавших фронтами парализовывал работу командовавших армиями. Из их среды выдвинулся ряд способных и волевых военачальников — Лечицкий, Плеве, Гурко, Щербачев, Флуг, Радко-Дмитриев. Они еще не то дали бы, но что могли они сделать с такими главнокомандующими, как Иванов и Рузский! Их полководческое творчество было связано по рукам и ногам: генерал Флуг был, например, отрешен от армии за то, что посмел одержать победу вопреки штабу фронта, где Рузский и Бонч-Бруевич заранее полагали разыграть сражение вничью.

Удовлетворительно себя зарекомендовали Сахаров в Леш. Что касается отличных войсковых начальников — Радкевича, Горбатовского и особенно Каледина, — то пост командующего армией был создан явно не для них. Отдельно отметим генерала Ренненкампа — способного и любимого всеми своими подчиненными военачальника. На его долю выпал тягчайший крест послужить козлом отпущения для двух преступно бездарных главнокомандовавших фронтом.

Остальные командовавшие армиями производили впечатление полной бесцветности. Плох был Безобразов. Еще хуже Рагоза. И совершенно невозможны слабодушный Самсонов и методичный Сивере. Руководство корпусами и дивизиями, за несколькими блестящими исключениями, было посредственно, несколько выровнявшись на второй год войны. Командиры полков, выступившие на войну, были, как правило, превосходны, и эту же характеристику можно дать всему нашему офицерству — как кадровому, так и прапорщикам первого года войны.

Отметим чрезвычайно вредное влияние Георгиевского статута 1913 года на войсковых начальников и войсковые штабы. Статут этот обратил орден св. Георгия в средство для

делания карьеры, связав с заветным белым крестиком несоразмерные служебные преимущества и материальные выгоды. Георгиевский статут 1913 года развратил армию (в первую очередь и больше всего — штабы дивизий). Он создал неслыханный карьеризм и узаконил лживые донесения, ставшие язвой Действовавшей армии.

Исключительно плохой подбор офицерского состава оперативной части Ставки (куда автоматически переключились столоначальники Главного управления Генерального штаба, никогда не видевшие боя и не знавшие строя) был причиной того, что опыт войны совершенно не был разработан и войска два года не получали никаких наставлений. В июле 1916 года Ставкой было разослано в войска первое с начала войны наставление о действиях пехоты в бою. Оно рекомендовало атаку густыми массами и совершенно упускало из вида наличие у противника пулеметов. Книжки эти остались в частях войск неразрезанными. Честь и слава тем безвестным строевым подполковникам и капитанам и молодым офицерам Генерального штаба войсковых штабов, что, не ожидая ничьей указки, сами прорабатывали опыт боев, сами создавали свои уставы и наставления, нередко писанные собственной кровью... Они спасли армию от полного истребления.

В общем, подводя итоги нашему управлению войск, следует еще раз признать, что уроки Японской войны, оздоровившие русскую армию от взводных командиров до начальников дивизий, совершенно не пошли впрок нашему высшему командованию. Самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им профанировалась и пропадала даром.

Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандовавших. Вот причина той безотрадной обстановки, в которой протекло все участие России в Мировой войне.

* * *

И несмотря на эту безотрадную обстановку, преодолевая неслыханные препятствия, русская военная мысль продолжала работать. Работа эта вывела военное искусство из того тупика, в который его завела позиционная война. И русскому историку больно отметить, что этим творчеством воспользовались не вершители судеб русской армии, для которых военное искусство было закрытой книгой, а неприятель...

Это новое слово было сказано командиром VIII армейского корпуса генералом В. М. Драгомировым и вписано в историю военного искусства штыками подольцев и житомирцев 15 июля 1916 года под Кошевом.

Кошевское сражение составило в этой истории такую же эпоху, как Левкстры, Канны, Моргартен, Рокруа, Полтава, Лейтен и Ульм. В тот же день искусство было поставлено на подобающее ему первое место, а техника подчинена тактике. И большим несчастьем для русской армии было то, что замечательная инициатива Драгомирова не была надлежаще оценена и понята.

Но плагиаторский ум Людендорфа подхватил идею русского военачальника, применив ее к германским условиям, и Кошевский прорыв, повторенный в грандиозных размерах, нашел себе всемирное признание (как немецкий метод!) в германских наступлениях в Пикардии и на Шмен де Дам и в ответных ударах французского Скобелева — генерала Манжена — при Мери-Курселе и Суассоне.

Если высшим проявлением тактики в Мировую войну был Кошевский прорыв, то высшим проявлением оперативки было Брусиловское наступление — одновременный удар в четырех местах, обеспечивший стратегическую внезапность. Два года спустя маршал Фош эмпирическим путем и совершенно самостоятельно нащупал тот же метод при выталкивании германских армий из Франции. За Брусиловым остается заслуга первого применения этой стратегической идеи и оперативного метода, применения, заметим, не эмпирически найденного, а интуитивно открытого.

Русский военный гений жил и проявлял себя где мог и как мог. Но в ту упадочную эпоху проявление творчества не ценилось людьми, на творчество не способными. Полководцы не были на полководческих местах — и судьбы России вверены были не им, а

отданы в трясущиеся руки Рузского, Эверта и Алексеева...

* * *

Давление союзников — а именно Франции — сказывалось на русской стратегии тяжелым бременем.

Союзники наши имели полное право требовать наступления в Восточную Пруссию, и притом сколь можно скорейшего. Это было уже условлено существовавшей конвенцией и отвечало насущнейшим интересам самой России. Спасая Париж на полях Гумбиннена, мы прежде всего спасали самих себя. Связанные недобитой Австро-Венгрией, мы погибли бы от яростного удара тридцати победоносных германских корпусов Французского фронта. Обещав наступление неготовыми армиями уже на 14-й день, генерал Жишинский этим своим недомыслием сорвал весь план войны Германии. Русское недомыслие повлекло за собой германскую ошибку. Минус на минус дал плюс. Перейди мы границу Пруссии не на 14-й день, а на 21-й с хорошо устроенными войсками — никаких стратегических последствий наша восточнопрусская операция уже не имела бы. Торопливый наш поход в Восточную Пруссию полностью оправдан историей — и оправдан именно благодаря своей торопливости.

Французский главнокомандующий был в своем праве просить — и даже требовать — ускорения наступления русских армий германского фронта. Но он не был вправе навязывать нам свои соображения о походе на Берлин с левого берега Вислы, указывать нам маршрут с Мокотовского поля на Темпельгофский плац. Это не касалось генерала Жоффра.

Сознательно идя на риск сорвать план стратегического развертывания союзных армий, французский главнокомандующий совершал преступление. Но еще большее преступление совершил русский Верховный главнокомандующий, сразу подчинившийся этой чужой фантазии и разбивший 26 июля весь наш и так уже посредственный план стратегического развертывания. Во имя химеры похода от Варшавы на Берлин была ослаблена на два корпуса (Гвардейский и I армейский) армия Ренненкампа, и с назначением XX корпуса в Пруссию было оголено опаснейшее люблинское направление Юго-Западного фронта. Не доведенная до конца Гумбинненская победа, едва не повлекшее общей катастрофы поражение нашей 4-й армии под Красником были результатом непрошеного вмешательства французского главнокомандующего в дела, его совершенно не касающиеся.

Второй случай вмешательства генерала Жоффра в русскую стратегию произошел в ноябре 1915 года на совещании в Шантильи. Французский главнокомандующий навязал нам идею наступления к северу от Припяти, тогда как слабое место неприятельского расположения было на нашем Юго-Западном фронте. Отсюда порочный план кампании 1916 года: нагромождение всех сил и средств на Западном фронте для заведомо безнадёжного наступления, вдобавок и не состоявшегося, тогда как обещавшее полную победу наступление генерала Брусилова не смогло быть своевременно поддержано. Генерал Жоффр помыкал нашими главнокомандующими как сенегальскими капрами. Позволявшие так с собой обращаться наши злополучные стратеги показали тем самым, что лучшего и не заслуживают, но за все их ошибки страдать пришлось России.

* * *

Стратегический обзор Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям русской армии. Безмерно строг этот обвинительный акт. Безмерно суров был приговор, вынесенный историей. И еще суровее, чем современники, осудят этих людей будущие поколения. Людям этим было дано все, и они не сумели сделать ничего.

Составленный Юрием Даниловым по австрийской шпаргалке план стратегического развертывания был в первую же неделю еще ухудшен принятым в Ставке решением наступать одновременно по трем расходящимся направлениям. Распоряжаясь судьбами наших армий неприятель, он не смог бы их поставить в более невыгодное исходное положение...

Доблесть войск дала нам победу в Галицийской битве. Она могла вывести из строя

Австро-Венгрию и успешно закончить войну еще в сентябре — октябре. Но для этого надо преследовать разбитые неприятельские армии, а не задаваться планами осады никому не нужного Перемышля. Румянцев учил: Никто не берет города, не разделившись прежде с силами, его защищающими. Суворов приказывал: В атаке не задерживай! Но их заветы были не для генерала Иванова и генерала Алексеева. Имея 24 дивизии несравненной конницы, они не затупили их пик и шашек о спины отступающего в расстройстве неприятеля и вместо беспощадного его преследования построили ему золотой мост. Война затянулась на долгие годы — и Россия этой задержки не выдержала.

Стоит ли упоминать о Польской кампании генерала Рузского в сентябре-ноябре 1914 года? О срыве им Варшавского маневра Ставки и Юго-Западного фронта? О лодзинском позоре? О бессмысленном нагромождении войск где-то в Литве, в 10-й армии, когда судьба кампании решалась на левом берегу Вислы, где на счету был каждый батальон...

И, наконец, о непостижимых стратегическому — и просто человеческому — уму бессмысленных зимних боях на Бзуре, Равке, у Болимова, Боржимова и Воли Шилдовской?

Но величайший грех был совершен весною 1915 года, когда Ставка отказалась от овладения Константинополем, предпочтя ему Дрыщув и погубив без всякой пользы десантные войска на Сане и Днестре. Вывод из строя Турции предотвратил бы удушение России. Овладение Царьградом свело бы на нет ту деморализацию, которая охватила все слои общества к осени, как следствие катастрофического, непродуманного и неорганизованного отступления, отступления, проведенного Ставкой под знаком Ни шагу назад!

Последний раз возможность победоносного окончания войны представилась нам в летнюю кампанию 1916 года. Победа вновь реяла над нашими знаменами. Надо было только протянуть к ней руку. Но Брусиловское наступление захлебнулось, не поддержанное своевременно Ставкой.

И за этой упущенной возможностью последовала другая: игнорирование выступления Румынии. Выступление это давало нам случай взять во фланг все неприятельское расположение крепким, исподволь подготовленным, ударом из Молдавии, ударом, которого так страшились Людендорф и Конрад. Но для генерала Алексеева не существовало обходных движений в стратегии, как не существовало вообще и Румынского фронта.

Один лишь Император Николай Александрович всю войну чувствовал стратегию. Он знал, что великодержавные интересы России не удовлетворит ни взятие какого-либо посада Дрыщува, ни удержание какой-нибудь высоты 661. Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре. Государь настаивал на спасительной для России десантной операции, но, добровольно уступив свою власть над армией слепорожденным военачальникам, не был ими понят.

Все возможности были безвозвратно упущены, все сроки пропущены. И, вынося свой приговор, история изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!

Боевая работа войск

Мы не можем привести, как то делали, описывая прошлые войны, перечня наград войскам. Высший Судья воздал по заслугам тем, кто предстал перед Ним. Уделом же уцелевших стали не лавры, а неслыханные тернии.

Вместо списка георгиевских знамен, труб, знаков и петлиц за отличие мы вспомним здесь те дела, за которые их надлежало бы получить, окинем беглым взглядом тот кровавый славный путь, который прошли наши войска. В первую очередь — императорская пехота. Подвиги гвардии в прошлые войны были превзойдены ее делами в Мировую войну. Тарнавка, Красновосток и Трестень затмили не только Горный Дубняк, Варшаву и Варну, но превзошли даже Фридрихсбург, Бородину и Кульм.

1-я Гвардейская пехотная дивизия действовала всю войну ровно и без осечек, вписав в свой формуляр люблинские бои, Ивангород, краковские скалы, Ломжу, сокрушение

прусской гвардии под Красноставом, Вильну — и далее Стоход. Отметим под Люблином и в ивангородских боях преображенцев графа Игнатьева, под Тарнополем — их уже с полковником Кутеповым и под Красноставом — измайловцев Геруа 2-го.

В тех же делах прославилась и 2-я Гвардейская пехотная дивизия, начав кампанию богатырским боем на Тарнавке, где москвичи с полковником Гольфтером в день сто второй годовщины Бородине одним ударом разнесли дивизию силезского ландвера Войерша и взяли 42 стрелявших орудия¹³². Как по своим размерам, так и по своим последствиям Тарнавка — самое блестящее пехотное дело всей войны. Исключительно красивым было дело 4-го батальона лейб-гренадер 9 июля 1915 года под Крупам. Командир батальона полковник Судравский 2-й (дядя Саша), смертельно раненный, приказал нести себя впереди шедших в контратаку рот, затянув полковую песню, подхваченную гренадерами, и скончался с этой песней на устах на бруствере немецкого окопа.

Больше всех повидала и крепче всех была 3-я Гвардейская пехотная дивизия, уничтожившая 3-ю же гвардейскую германскую при Журавне и 19-ю у Ковеля. Тернист был путь Кексгольмского полка, рассчитавшегося за Лану под Трестенем. И несокрушимо ломили на врага железные волынцы, спасшие Лодзь в бою под Константиновом, а под Журавном истребившие образцовый полк германской армии Потсдамский БеБг-Ке^теп!. Волынцами под Константиновом командовал генерал Геруа 1-й, а под Журавном — генерал Кушакевич.

В стрелковой дивизии памятные остались Камень Калишанский, Опатов, Сенница Королевская, Трестень, Квадратный лес. С полсотни пушек осталось в руках царскосельских и императорских стрелков, а 3-й полк получил от германского противника прозвище сердитого полка. Царскосельским полком командовали генерал Пфейфер и Верцинский, 3-м — Усов и Семенов, 4-м Императорской Фамилии Гольтгоер.

Гренадерский корпус имел мало счастья в этой войне. Прежде всего ему не везло на командиров. Замечательным его делом было отражение, совместно с гвардейской конницей, II австро-венгерской армии от Петрокова в ноябре 1914 года.

Подобно гренадерам, и I армейский корпус видел почти исключительно обратную сторону медали (Сольдау, Лодзь, Нарочь, Стоход). 22-я пехотная дивизия не имела счастья, но 24-я пехотная дивизия показала себя превосходно. Отметим иркутцев полковника Копытынского и енисейцев полковника Чермоева под Казимиржем 12 октября 1914 года.

II армейский корпус отличился с генералом Слюсаренко в Мазурской битве и с генералом Флугом в Брусиловское наступление (Язловец, Збараж). В Мазурских озерах 2-я бригада 26-й пехотной дивизии генерала Ларионова отразила 3 дивизии 11-го, 17-го и 20-го германских корпусов, в то время как под Арисом 169-й пехотный Ново-Трокский полк сразился со всем 1-м армейским германским корпусом. Армия Ренненкампа была этими делами спасена от Танненберга.

Отлично подготовленный генералом Ренненкампом III армейский корпус сыграл блистательную роль в Восточной Пруссии, где его полки и батареи решили под Гумбинненом участь Мировой войны. Особенно отличились 27-я пехотная дивизия генерала Адарида (уфимцы и саратовцы). Дивизия легла затем в Августовских лесах, где уфимцы взяли германское знамя. 106-м пехотным Уфимским полком командовал полковник Отрыганьев. 25-я пехотная дивизия отличилась под Болимовом и Боржимовом. В 25-й пехотной дивизии выделялся 99-й пехотный Ивангородский полк с полковником Верховским. Обе эти превосходные дивизии все время придавались другим корпусам.

IV армейский корпус, которым всю войну прокомандовал генерал Алиев, участвовал в самых тяжелых боях германского фронта (Восточная Пруссия, Лодзь, Пултуск и отход с Нарева) и выдержал затем на своих плечах отступление из Румынии. Это относится и к двум коренным его дивизиям — 30-й и 40-й — и к приданной корпусу 2-й пехотной дивизии.

В V корпусе (которым после генерала Литвинова командовал лукавый царедворец генерал Балугев) были знаменитые дела. 10-я дивизия прославилась в первом же своем бою под Лашовом, где тюменцы полковника Пацевича и колыванцы полковника Мокржецкого

взяли по знамени, а затем у Ярослава, Ловича, в наревских боях, у Нарочи и далее в Брусиловское наступление в сражениях на Стыри и Липе. По трофеям — 2 знамени и 77 орудий — она занимает первое место на всем австро-германском фронте. В 7-й дивизии отличились в томашовских боях витебцы полковника С. Богдановича, разгромившие 10-ю венгерскую кавалерийскую дивизию, а у Вильны могилевцы подполковника Петрова. В кампанию 1916 года на Волыни Витебский полк с полковником Меньчуковым штыковым ударом прямо с автомобилей предотвратил катастрофу в 11-й армии в критический момент сражения на трех реках.

Избавившись от Благовещенского, VI армейский корпус под командой генерала Гурко выдержал с честью самые тяжелые бои первой зимней кампании на Равке и отличился затем в мае — июне 1915 года в Галиции при Журавне. В кампанию же 1916 года на долю стойких и надежных 4-й и 16-й пехотных дивизий выпали самые трудные и неблагодарные бои Брусиловского наступления.

В VII армейском корпусе старого ветерана генерала Экка 13-я и 34-я пехотные дивизии зарекомендовали себя так, что в продолжение всей войны — с первого боя на Гнилой Липе, знаменитого генеральского дела 34-й дивизии генерала Баташева под Янчином до последнего под Марашештами, когда 13-я дивизия ликвидировала прорыв Макензена, — их присутствие неизменно служило залогом верного успеха. Неудач эти дивизии не знали, в самом худшем случае сводя бои вничью. За взятие Балиграда на Карпатах командир 51-го пехотного Литовского полка полковник Лихачев (впоследствии начальник 122-й пехотной дивизии) награжден орденом св. Георгия 3-й степени.

Блестяще было участие VIII армейского корпуса, которым командовали последовательно Радко Дмитриев (Галиция), Орлов (Сан), Владимир Драгомиров (Карпаты, Волынь), Деникин и Елчанинов (Румыния). Чем тяжелее были бои, тем больше славы приобретали эти войска. Нельзя перечислить здесь всех дел 14-й и 15-й дивизий. Упомянем только Желиборы (прагцы полковника Кушакевича), Закличин (минцы полковника Бакрадзе), Ватин (модлинцы подполковника Русова), Кошев (подольцы полковника Зеленецкого и житомирцы полковника Желтен-ко). Корпус этот был щитом Юго-Западного фронта при обороне, его тараном при наступлении. По трофеям он занимает первое место, взяв 130000 пленных и 110 орудий. За бой под Закличиним на Дунайце 1 декабря 1914 года, где Минский полк взял остатки разгромленной им бригады с генералом, его командир полковник Бакрадзе получил орден св. Георгия 3-й степени.

IX армейский корпус, которым командовали генералы Щербачев, Абрам Драгомиров и Киселевский, брал Львов, дрался на Сане, штурмовал краковские форты, схватился на Дунайце со всей IV австро-венгерской армией и отразил ее, а после сдерживал напор Макензена от Тарнова до Барановичей и истек кровью в скрбовских боях. В 5-й дивизии (генералы Парчевский, Галкин, Койчев) Гривицу затмила Бохния, где особенно отличился Вологодский полк полковника Ступина. За взятие Бохнии полковник Ступин имел орден св. Георгия 3-й степени. Отметим и лихое дело полковника Раевского с костромцами под Холмом. А молодая 42-я дивизия (генералы Роде и Ельшин) с первого же своего боя у Кросно всю войну считалась лучшей в 3-й армии. Отметим скобелевское дело полковника Духонина с лучанами в любачевских боях, миргородцев полковника Яковенко у Ярослава в октябре, а после на Дунайце, ровненцев полковника Сыртланова на скрбовском штурме.

С именами полков 9-й и 31-й дивизий X корпуса встают славные предания Шипки и Плевны. Но предания эти бледнеют перед делами, совершенными в Галиции, на Карпатских предгорьях, на Сане и на Дунайце. Под Горлицей эти полки, не дрогнув, приняли неслыханный по своей силе в истории удар всей XI германской армии Макензена, спасая своей кровью российскую вооруженную силу. Упомянем ельцов, взявших первый трофей — знамя — на Золотой Липе. Вспомним севцев у Грабовца и, наконец, последний бой пензенцев полковника Мансурадзе у Вашкоуц.

В XI армейском корпусе 11-я пехотная дивизия отличилась в Первой Галицийской битве — камчатцы Май-Маевского у Красны, селенгинцы полковника Фолька у Равы

Русской (где взяли знамя тирольских егерей). С генералом Бачинским дивизия участвовала в разгроме Пфланцера в Буковине и дальше в труднейших карпатских боях. А 32-я пехотная дивизия стяжала себе славу в Карпатах и после в Доброноуцком сражении в командовании генерала Лукомского. Там отличились рыльцы (полковник Рафальский) и путивльцы (полковник Хростицкий). Дивизия играла главную роль в завоевании Буковины.

XII корпус достойно замыкает эту славную серию. Им командовали генералы: Леш, Каледин, Альфтан и Черемисов, 12-й дивизией — генералы Орлов, Ханжин и Вирановский, 19-й дивизией — Рагоза, Нечволодов и Янушевский. С полками 12-й и 19-й дивизий остались связанными Руда (азовцы), Фирлеев (днепровцы), а с 19-й — штурм Перемышля (крымцы и кубанцы), труднейшие бои у Кросно и Римунова в ноябре 1914 года, а затем карпатская страда — Мезо — Лаборч (кубанцы), Вишава (севастопольцы), защита Перемышля, Коломея и Станиславов (крымцы у Печенжина, севастопольцы у Хлебичина) и, наконец, последнее наступление Корнилова на Галич.

XIII корпус погиб в Восточной Пруссии. Восстановленная на двинском фронте 1-я и 36-я пехотные дивизии не имели сколько-нибудь выдающихся дел.

В XIV корпусе генерала Войшин-Жилинского и барона Будберга превосходно дралась 18-я пехотная дивизия, а в ней блестяще Тульский полк с полковником Курбатовым, выполнявший один всю работу пяти кавалерийских дивизий генерала Новикова, решавший самостоятельно в продолжение целого месяца стратегические задачи и истекший кровью под Сандомиром. Отлично сражались и полки 45-й дивизии. Красник, Люблин, Ивангород, Кельцы, а после Нижний Сан, холмское побоище, Меченица под Вильной и нарочская Голгофа были почетным и трудным уделом этого корпуса.

XV корпус разделил печальную участь XIII в самсоновской катастрофе. Восстановленные 6-я и 8-я пехотные дивизии приняли участие в гродненских боях и отличились в поражении IV австро-венгерской армии в июне 1915 года на подступах к Люблину при Ужендове.

XVI армейским корпусом командовали генерал Гейсман, Клембовский, Савич и Владимир Драгомиров. Хорошая 41-я и превосходная 47-я пехотные дивизии имели многотрудные бои под Красником, Ивангородом, на Ниде, в отступлении 1915 года и в Брусиловское наступление (Бучач, Бобулинцы).

В XVII корпусе 35-я пехотная дивизия отличилась в декабре 1914 года в сражении под Новым Корчином (особенно зарайцы полковника Дормана), а 3-я пехотная дивизия генерала Шольпа блестяще работала в Брусиловское наступление под Сопановом и Бродами, которые взял Псковский полк (полковник Радцевич-Плотницкий). Подготовленный Лечицким XVIII корпус показал себя в первом же бою (двинцы полковника Левстрема на Ходеле) и в дальнейшем — на Сани и Ниде — корпус действовал хорошо. Памятны остались в 23-й пехотной дивизии карпатские бои первой зимы войны, а в 37-й пехотной дивизии — Журавно, августовские бои 1915 года на Стрыпе (которую самарцы и царицынцы форсировали по грудь в воде) и тяжелая горная война осенью 1916 года в армии Лечицкого с германским Карпатским корпусом.

XIX корпусом командовали генерал Горбатовский (То-машов, Лодзь, Прасныш), Долгов (Шавли, Илукст) и Веселовский (Фердинандов Нос). В 17-й пехотной дивизии генерала Балуева Бородинский полк (полковник Тумский) прославился победоносным единоборством со 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизией при Владимире Волынском, а тарутинцы взяли при Тарнаватке первое знамя в этой войне. Не отставала и 38-я пехотная дивизия, которую генерал Плеве в командование генерала Геруа 1-го считал лучшей дивизией Северного фронта.

В XX корпусе превосходно дрались 29-я пехотная дивизия генерала Розеншильд-Паулина, а в ней полки: Вяземский полковника Медера (взавший под Сталлупененом первые трофеи Мировой войны — две германские батареи) и Малоярославский полковника Вицнуда. Речная 28-я пехотная дивизия (где полки носили имена рек) в полной мере разделила ее боевую работу в обоих тяжелых восточнопрусских походах и в жестоком

зимнем побоище в Августовских лесах. Кровавую боевую страду прошел XXI армейский корпус генерала Шкинского. Рава Русская, Сан, Завислянские высоты, Карпаты, Вислока, Радымно, Нарев, а затем озеро Свентен были обагрены кровью его храбрых полков. В 33-й пехотной дивизии особенно отличились бессарабцы (взявшие знамя у Кашицы за Вислой), а в 44-й пехотной дивизии — батуринцы при Радоставе (на подступах к Раве Русской) и переволочненцы при Клодно.

Финляндские стрелки XXII корпуса получили боевое крещение в сентябре 1914 года в Августовских лесах. Но настоящую свою славу стяжали они в Карпатах в первую зиму войны геройской, превзошедшей Шипку, защитой Козювки — тут особенно отличилась 1-я бригада. Четыре Финляндские бригады два месяца подряд держали мертвой хваткой всю Южную германскую армию Линзингена. 1-я и 3-я остались в своем корпусе, отличившись при Журавне и на Стрыпе, где 3-й полк с полковником Ахвердовым одним ударом взял 30 пушек, а после в Брусиловском наступлении (Бурканувский лес). 2-я и 4-я бригады, переброшенные под Вильну, входили одно время в состав V Кавказского корпуса (Вилейка, Свенцяны, а после декабрьское наступление на Стрыпе). В кампанию 1916 года 2-я Финляндская дивизия в составе ХБ/У корпуса играла видную роль в Брусиловском наступлении (где особенно отличился 6-й полк Свечина у Торговицы). 4-я же генерала Селивачева овладела Черевещенским плацдармом на Стоходе, а в 1917 году в составе ХЫХ корпуса играла видную роль в последнем наступлении.

XXIII армейский корпус всю войну, подобно III корпусу, играл роль проходного двора, переменив неоднократно состав дивизий. Взамен 3-й Гвардейской дивизии прибыла 53-я, а вместо 2-й пехотной прибыла 62-я, отличившаяся в праснышских боях и замененная 20-й с Кавказского фронта. Славным полкам этой последней не повезло с самого начала Мировой войны (Ольты). Они были зря погублены в бесплодных атаках на Сане в мае 1915 года, сражались под Вильной, приняли впоследствии участие в Брусиловском наступлении (Киселин), но не имели сколько-нибудь замечательных дел.

В XXIV корпусе (Цуриков, Некрасов) прославилась 48-я пехотная дивизия Корнилова — у Стрыя, Мезо-Лаборча, Такошан, Малого Перемышля и Гомонны в Венгрии. Воодушевленные своим вождем, измаильцы, очаковцы, ларго-кагульцы и рымникцы не спрашивали, сколько врагов, а только, где они. За семь месяцев многотрудной суворовской горной войны с октября 1914 года по апрель 1915 года они взяли 35 000 пленных.

Понеся жестокие потери у Дуклы (самой жестокой была утрата Корнилова), дивизия под командой генерала Е. Ф. Новицкого отчаянно билась все лето 1915 года, особенно отличившись на Таневе, где контратаковала через реку, по грудь в воде. В строю Очаковского полка после этого дела осталось только 60 штыков (взвод), но он ни на мгновение не утратил своей боеспособности — 49-я пехотная дивизия (генералы Пряслов и Некрасов) вписали в свой формуляр Миколаев, Галич (где взято 50 орудий), Хыров и Бескиды. Корпус вел позиционную войну у Сморгони, а после вновь оросил своей кровью Карпаты, на этот раз Молдавские.

XXV корпус (Зуев, Рагоза, Ю. Данилов, Корнилов) был коренным корпусом 4-й армии, оставаясь в ее составе 25 месяцев. 3-й Гренадерской дивизии вначале очень не повезло у Замостья. Впоследствии с генералами Бауфалом и Киселевским она доблестно дралась у Ново-Александрии в ивангородских боях (фанагорийцы), в краковском направлении (малороссийцы), на Ниде, в мае 1915 года у Опатова, на подступах к Люблину в июне 1915 года при Вильколазе и Уржендове (где отличились сибирцы полковника Токарева. За Вильколаз полковник Токарев посмертно награжден орденом св. Георгия 3-й степени).

Сходен с ней был и боевой путь 46-й пехотной дивизии, разделившей как неудачи гренадер у Замостья, так и успехи их при Вильколазе и с отличием дравшейся год спустя, в июне 1916 года, при Барановичах (остроленцы полковника Аджиева и пултусцы полковника Говорова).

Часть сформированных из второочередных дивизий корпусов обратилась в проходные дворы, переменив по несколько дивизий (через управление XXI армейского корпуса

генерала Зуева за год — с октября 1914 года по сентябрь 1915 года — прошло, например, 19 дивизий). В постоянном составе были только XXX армейский корпус генерала Зайончковского (71-я и 80-я пехотные дивизии), XXXII — генерала Федотова (101-я и 105-я дивизии), XXXIII — генералов Добротина и Крылова (1-я и 2-я Заамурские пехотные дивизии), XXXV — генерала Парчевского (55-я и 67-я дивизии), XXXIX — генерала Стельницкого (102-я и 125-я дивизии), ХБ — генералов Кашталинского и Берхмана (2-я и 4-я стрелковые дивизии), ХБ — генерала Бельковича (3-я Заамурская и 74-я пехотная дивизии), ХІІІ Отдельный корпус генералов Гулевича и Орановского (106-я и 107-я дивизии), ХБІІІ — генералов Новикова и Болдырева (109-я и 110-я дивизии) и ХБУ! корпус генерала Истомина (77-я и 100-я пехотные дивизии).

Состав прочих корпусов непрерывно менялся.

1-я стрелковая бригада придавалась различным корпусам. Она участвовала в неудачной попытке генерала Сирелиуса выручить армию Самсонова (Нейденбург), а после в лодзинских боях, где была совершенно разгромлена под Ленчицей. В кампанию 1915 года она выручила ХІХ корпус под Иллуком и в дальнейшем ничем особенным себя не проявила.

3-я стрелковая бригада, считавшаяся до войны образцовой в Киевском округе, по справедливости сохранила эту репутацию на полях Галиции (9-й полк при Желиборах), на штурме Перемышля и в Карпатах (Лупковский перевал и Смольник). Развернутая в дивизию, она была затем переведена на Северный фронт, а оттуда на Румынский, в Добруджу.

5-я стрелковая бригада-дивизия честно исполняла свой долг на германском фронте (Пруссия, Литва), не имев возможности прославить себя громкими победами. На Стоходе она вошла в состав III армейского корпуса и понесла огромные потери на Черевиченском плацдарме, где от ее 17-го полка не осталось ни одного человека.

Две стрелковые бригады-дивизии стяжали себе исключительную славу. Это были 2-я и 4-я, сведенные в конце сентября 1915 года в непобедимый ХБ корпус, которым командовал на Волыни генерал Кашталинский, а в Молдавских Карпатах старый кавказец генерал Берхман.

2-й стрелковой бригаде генерала Яблочкова пришлось вначале круто под Красником и Госцерадовом и в опатовском бою. Переброшенная в феврале 1915 года с Пилицы в Заднепровье под Коломею, отличившись весной у Красны, Ланчина и Космержина, она была развернута в дивизию и сведена с 4-й стрелковой, в ХБ корпус. Здесь под командой генерала Белозора она разделила с Железными стрелками славу Чарторыйска (где отличились 5-й и 8-й полки), Олыки и Луцка (5-й и 6-й), а затем Киселина (7-й) и тяжелых боев в горах Румынии. Отметим здесь полковника Кулинича, неоднократно и в самых трудных положениях командовавшего 5-м, 6-м и 7-м стрелковыми полками.

4-я стрелковая дивизия — Железные стрелки — была всю войну ударной фалангой 8-й армии Брусилова при наступлении, дивизией скорой помощи при обороне, выручив за первые 14 месяцев войны 16 различных корпусов. В первых боях бригадой командовал герой Шипки генерал Бауфал, сдавший ее генералу Деникину, который водил ее в бой с августа 1914 года по август 1916 года. После него командирами были генерал Станкевич и Батраец. Монастержиска, Хыров, Стрый осенью 1914 года, Дукло, Кросно, Ясло, а после Лутовиска, Творильня, оборона Перемышля, волынские бои у Луцка в сентябре 1915 года (где отличился Марков с 13-м полком), Чарторыйск, где 16-й полк взял целиком восточнопрусский 1-й Гренадерский кронпринца полк, а в кампанию 1916 года Луцкий прорыв, Затурцы, Кошев... Всего дивизией за войну было взято 70 000 пленных и 49 орудий. 16-го стрелкового полка подполковник Удовиченко (впоследствии командир полка) был в этом чине награжден орденом св. Георгия 3-й степени за Чарторыйск.

I Кавказский корпус всю войну дрался на Кавказе. Им командовали генерал Берхман и генерал Калигин, 20-я пехотная дивизия вскоре его покинула. Что же касается богатырской 39-й, то каждый ее полк стоил целой дивизии. Вспомним знаменитое дело дербентцев при Сарыкамыше, где рота Вашакидзе взяла Исхана-пашу и его трех начальников дивизий.

Вспомним кубинцев при Азап-Кее, штурм Эрзерума — бакинцев Пирумова на Далангезе, елисаветпольцев Фененко при Чобан-Деде. А затем мамахатунские и эрзинджанские бои, где каждый из полков 39-й дивизии уничтожил по две дивизии отборной турецкой пехоты дарданелльских победителей. Корпус взял за всю войну до 400 орудий, из них 265 — на штурме Эрзерума.

На долю II Кавказского корпуса генералов Мищенко и Бека Мехмандорова¹³³ выпали самые трудные бои германского фронта — Сувалки, Сохачев, Бзура, Прасныш, Любачев на Сане, Холм, Влодава, Вильна. И во всех этих сражениях, как и вообще за всю войну, II Кавказский корпус не оставил неприятелю ни одного трофея, не потерял ни одного орудия. Явление, неслыханное ни в одной армии, ни союзной, ни неприятельской. С первых же своих боев в Августовских лесах кавказские гренaдеры получили от восточнопрусских гренaдер прозвание желтых дьяволов. Контратака эриванцев выручила тогда всю нашу 10-ю армию. Не отставала от гренaдер и молодая 51-я пехотная дивизия.

III Кавказский корпус с героем Порт-Артура генералом Ирманом покрывал себя славой всюду, где шел в бой. Суходол, где апшеронцы с генералом Веселовским первые прорвали фронт армии Данкля, Ивангород, Козеницы (где отличались самурцы), Кельцы, выручка Осовца, отражение фаланги Макензена у Змигорода и поражение ее под Сенявой (апшеронцы, лорийцы). Холм и Брест — все эти дела принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу стальных. В своем секретном справочнике для войсковых штабов от января 1917 года австро-венгерская Главная квартира, отмечая высокий дух III Кавказского корпуса, особенно выделяет Апшеронский и Самурский полки. Во всем справочнике характеристика войскам русской армии (обычно весьма лестная) дается сразу на дивизию, и это единственный случай, когда упоминаются отдельные полки. По окончании войны корпус отбыл из Галиции на Кавказ, где демобилизовался и впоследствии был целиком восстановлен в Добровольческой армии.

Кавказские стрелковые бригады не последовали в составе своих корпусов. 1-я стрелковая бригада была отправлена на Северный фронт. Она приняла участие в лодзинских боях и с отличием действовала в июне — июле 1915 года под Шавлями, не спускаясь южнее Полесья.

2-ю стрелковую бригаду объявление войны застало в оккупированной Северной Персии, где ее и решено было оставить. Всю войну она действовала на крайнем левом фланге Кавказской армии — в Азербайджане и на Евфрате, составив ядро IV Кавказского корпуса и особенно отличившись при взятии Битлиса.

1-я пластунская бригада генерала Гулыги участвовала в Сарыкамышском сражении, а после доблестно дралась в Галиции на Сане и в Заднепровье летом 1915 года (особенное отличие показал 4-й батальон с героем Сары-камышы полковником Букретовым). В кампанию 1916 года она действовала на Черноморском побережье, составив крайний правый фланг Кавказской армии.

2-я пластунская бригада, развернутая при мобилизации, имела славные дела в ноябрьских боях 1914 года на Араксе (где форсировала реку по грудь в ледяной воде, восстановив положение на всем фронте). Затем она дралась при Караургане, а в 1915 году — на Днестре в Галиции. В 1916 году она совместно с 1-й бригадой участвовала в десантных операциях генерала Юденича.

3-я пластунская бригада, сформированная в 1915 году, участвовала в июне 1916 года в ликвидации Офского прорыва и особенно отличилась при Байбурте.

4-я пластунская бригада (в состав которой кроме кубандов вошли и терцы) участвовала в мамахатунских и эрзинджанских боях.

I Туркестанский корпус (генералов Ерофеева и Шейдемана) не спускался южнее ковельского направления. 1-я Туркестанская бригада имела тяжелые бои осенью 1914 года у Лыка и летом 1915 года при Нарве (в этих делах особенно выделился 4-й полк). 2-я Туркестанская бригада отличилась в декабре 1914 года у Боржимова (8 и полк), а после — летом 1916 года — превосходно дралась на Стоходе, где отличились 7-й и 8-й полки.

Входившая в состав корпуса 11-я Сибирская стрелковая дивизия деблокировала Осовец в сентябре 1914 года, с отличием (особенно 42-й и 43-й полки) дралась в февральских боях под Праснышем, а в июле в Наревском сражении обессмертила себя героическим отражением шести германских дивизий 11-го и 17-го корпусов.

3-я Туркестанская стрелковая бригада-дивизия входила в 1914–1915 годах в состав различных корпусов, участвуя в Лодзинском сражении и в боях на левом берегу Вислы. В кампанию 1916 года, в Брусиловское наступление, она вошла в состав II армейского корпуса и особенно отличилась в прорыве Щербачева под Язловцем, где играла главную роль. Поздней осенью она приняла видное участие в сражении под Кирлибабой и на Румынском фронте вошла в состав XV армейского корпуса.

6-я Туркестанская бригада попала из степей Семиречья под Варшаву. Она отличилась в июле 1915 года в Наревском сражении, где 21-й полк принял в штыки германскую кавалерию. Бригада была затем распределена между 3-й Туркестанской и 2-й Заамурской дивизиями.

II Туркестанский корпус, подготовленный генералом Лешем и возглавленный в самую критическую минуту генералом Юденичем, вписал славные страницы в русскую военную летопись. 4-я и 5-я Туркестанские бригады-дивизии всю войну дрались на Кавказском фронте под начальством генерала Пржевальского. В 4-й бригаде при Караургане прославились скобелевцы 14-го полка. В 5-й бригаде 23-й полк спас Сарыкамыш в самый день и час своего формирования, 17-й полк полковника Кириллова отличился на штурме Эрзерума, а 18-й полк полковника Довгирта удивил даже Кавказскую армию своим пятидневным походом в снегах выше головы в тыл туркам Энвера на Зевинской позиции. Особо следует поставить 19-й полк, два года действовавший с полковником Литвиновым отдельно от дивизии (Батум, Трапезонд, Оф) и решавший самостоятельно стратегические задачи.

* * *

Репутация сибирских стрелков, созданная уже на сопках Шахэ и на верках Порт-Артура, была с кровавым блеском подтверждена в бурях Мировой войны.

I Сибирский корпус генерала Плешкова стяжал себе славу с самого начала войны. Его 1-я дивизия прямо из вагонов, без единого орудия, бросилась на немцев у Пясечна и спасла Варшаву. Корпус отстоял затем Лодзь и сокрушил 1-й германский резервный полк под Праснышем, где 3-й полк с полковником Добржанским взял знамя померанских фузилер. В праснышских боях 12 февраля 1915 года у деревни Эмово конные разведчики 2-й Сибирской стрелковой дивизии, собранные в отряд под начальством 5-го полка капитана Толстова, конной атакой захватили батарею в 4 орудия. Капитан Толстов со своими разведчиками в ноябре — декабре неоднократно атаковал и опрокидывал в конном строю австрийскую и германскую кавалерию. 2-я Сибирская дивизия прославилась отражением совместно с 11-й Сибирской дивизией всей XII германской армии в Наревском сражении июля 1915 года. В кампанию 1916 года корпус лил свою кровь в бездонные топи Нарочи и Припяти, и самоотверженная его храбрость была достойна лучшей участи.

Менее успешно действовал II Сибирский корпус генералов Сычевского и В. Новицкого, вынесший на себе всю тяжесть Варшавского сражения в последних числах сентября 1914 года, где под Блоне и Гройцами лег весь первый состав 4-й и 5-й Сибирских дивизий. За бой 27 сентября под Гройцами награжден посмертно орденом св. Георгия 3-й степени командир 16-го Сибирского стрелкового полка полковник Рожанский, атаковавший неприятеля с последними 50 оставшимися у него стрелками. В кампанию 1915 года он истек кровью в борьбе с Макензеном у Красностава и Холма, а в 1916–1917 годах был на Рижском фронте.

III Сибирский корпус генералов Радкевича и Трофимова, восхитивший немцев своей героической обороной Лыка в феврале 1915 года, спас в этом деле Северный фронт от крушения. Таковую же стойкость он выказал во всех дальнейших боях, где его 7-я и 8-я дивизии были гранитными утесами в строю северных армий.

IV Сибирский корпус прибыл на фронт под Ломжу в январе 1915 года, им командовали генералы Савич и Сирелиус. Упорный и стойкий в обороне (наревские сражения), он не имел счастья в наступлении (Нарочь, Огинский канал, Котель), несмотря на выдающуюся и отмеченную противником храбрость его 9-й и 10-й дивизий. Из-под Ковеля он был переброшен в Добруджу, а оттуда — в Молдавию, на Нижний Серег.

Что касается V Сибирского корпуса генералов Сидорина и Воронова, то по прибытии в октябре 1914 года на левый берег Вислы обе его коренные дивизии 3-я и 6-я — были заменены 50-й и 79-й пехотными. Эта последняя вскорости убыла и вновь была заменена 6-й. Превосходная 6-я Сибирская стрелковая дивизия приобрела в нашей военной литературе плохую репутацию совершенно незаслуженно, как выпустившая из мешка немцев под Брезинами. Обвинять два полка, оставленные высшими штабами без ориентировки, в том, что они не сумели сдержать и разбить 14 германских полков, нелепо. Войска эти показали, чего они стоили, летом 1916 года на Волини, когда три дивизии 22-го германского корпуса в сражении на Стыри 3 июля бежали шесть верст под штыками 21-го, 22-го, 23-го и 24-го полков, взявших тогда же 23 пушки за полчаса боя. Что касается стойкой и храброй 50-й дивизии, то она честно выполняла свой долг, не имея сколько-нибудь блестящих дел.

VI Сибирский корпус генерала Васильева вначале состоял из 13-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий второй очереди. После Лодзинского сражения 13-я была заменена 3-й. Обе дивизии — как первоочередная 3-я, так и резервная 14-я — были всю войну храбрыми и надежными, прославившись атакой без выстрела германских позиций у Бабита в декабре 1916 года. В этом деле особенно отличились в 14-й дивизии 56-й полк полковника Шрамкова, а в 3-й дивизии герой Тюренчена, 11-й полк полковника Пименова. 14-я Сибирская дивизия в мае 1915 года первая извела на себе немецкие газы и была ими совершенно уничтожена.

Две второочередные дивизии, сформированные III Сибирским корпусом, — 12-я и 13-я — отлично показали себя в первые месяцы войны, особенно 12-я, имевшая геройские дела в ноябре — декабре на Карпатах (Бескиды). Потеряв свой превосходный первый состав, эти дивизии не были счастливы в пополнениях, выказав летом 1915 года в Курляндии мало стойкости, и образованный из них VII Сибирский корпус не пользовался доброй славой. Им командовали генералы Радко Дмитриев, Ступин и Бачинский.

* * *

Поля и холмы Червонной Руси от Днестра до Прута были напоены молодой кровью Заамурских полков, пришедших в Заднепровье из далекой Маньчжурии только в апреле 1915 года.

Личный состав этих пограничных войск, закаленных в повседневной и многолетней партизанской войне, был исключительно высокого качества. Превосходно было и полученное ими укомплектование из полтавских казаков.

Россия не знала этих далеких часовых ее великодержавности. И даже старый воин Лечицкий, до войны командовавший войсками в Приамурье, имел плохое представление об этих зеленых полках Министерства финансов, опасаясь за их боевые качества. Так за сто лет до него будущий граф Эриванский судил о кавказских войсках — до первого боя.

1-я Заамурская пехотная дивизия генерала Самойлова отличилась в апрельском наступлении 1915 года у Залещиков (особенно 4-й полк), затем в Брусиловское наступление — у Ходимержа и Тлумача, при Нараевке, где полковник Циглер со своим 3-м полком воскресил скобелевские атаки Ловчи и Плевны, а в последнее наступление Старой армии обогрела своей кровью древний Галич.

2-я Заамурская пехотная дивизия, которой командовал герой Бохнии генерал Ступин, внесла в свой формуляр Дзвиняче, Обертынь и Снятынь, а 3-я Заамурская пехотная дивизия прославилась свое оружием на Черном Потоке, при Онуте, Окне и у Трояна. Победы над австрийцами сменились победами над германцами, долго помнившими затем чудовищную силу удара зеленых чертей...

Пограничная пехотная дивизия защищала в июле — августе 1915 года Ковну упорно,

но без счастья, в сентябре дралась под Вольной, а в дальнейшем вела позиционную борьбу на Западном фронте в Полесье.

* * *

Переходя к обзору боевой работы наших второочередных дивизий, скажем сразу, что их организация была непродуманной, а применение — порочным.

Второочередная дивизия представляла собой весьма точный сколок со своей первоочередной, что вполне естественно: одна плоть, одна кровь, один дух. Она была как бы ухудшенным ее изданием, что тоже понятно: полки велись старшими штаб-офицерами, батальоны — ротными командирами, роты — младшими офицерами первоочередных полков, вынужденными приобретать под огнем недостававший им командный навык и опыт. Затем офицеры не знали солдат, а эти последние не знали не только своих офицеров, но и друг друга. Это отсутствие спайки и было ахиллесовой пятой наших второочередных частей.

Все зависело от трех условий. Во-первых, от духа, царившего в полевой дивизии, — он передавался второочередной. Во-вторых, от командиров. И, в-третьих, от исхода первого боевого столкновения. Был богатырский дух в старом полку — оставалось кое-что и для молодого. Командир с головой и сердцем умел наладить спайку. А если войска видели спины врагов в первом своем деле, то старались и в дальнейшем обеспечить себе это ни с чем не сравнимое зрелище. Наоборот, недостаточная сплоченность старой полковой семьи, плохой командир и неудача первых столкновений портили второочередные полки надолго, а в некоторых случаях — и навсегда. В общем, мы можем считать, что отличная полевая дивизия давала хорошую второочередную. Хорошая полевая давала посредственную.

Посредственных же полевых дивизий в императорской пехоте не было, и потому не могло быть плохих второочередных.

Отсутствие спайки в только что сформированных частях было естественным. Этот крупный недостаток необходимо было заранее иметь в виду и стараться свести его на нет в кратчайший срок соответственной организацией второочередных дивизий.

Ничего в этом отношении сделано не было. Материализм был всесилен на верхах русской армии задолго до большевизма. На полк там смотрели не как на часть Великой России и ее истории, не как на живой и чуткий организм, а только как на проставленную в соответственной графе соответственной ведомости цифру 4000 штыков....

Развертывая второочередные полки, уничтожали всякую преемственность духа и традиций, давая молодым полкам новые имена в честь захолустных уездных и заштатных городков, ничего не говоривших ни уму, ни сердцу офицера и солдата, вместо того чтобы сохранить старое и славное имя и шефа с прибавкой резервный. Второочередным полкам по штатам не полагалось хора музыки, и это как раз в только что сформированных частях, где так важно подбодрить людей музыкой.

Не позаботившись о спайке второочередных дивизий, наше Главное управление Генерального штаба совершило другой, еще более крупный промах. Оно не разработало способа их применения. Вместо того чтобы держать эти на первых порах хрупкие и неустойчивые войска в рамках тех корпусов, при коих они были развернуты и где они могли бы постепенно закаляться в привычной обстановке, бездарные составители плана нашего стратегического развертывания изъяли второочередные дивизии из рамок корпусной организации, поставив их в наихудшие условия, создав для них самую невыгодную обстановку.

Второочередные дивизии Московского округа были направлены сразу по сформировании на германский фронт. Северные штабы сразу же образовали из этих войск, не имевших еще никакой внутренней спайки, самостоятельные группировки XXVI армейский корпус, Вержболовскую группу, и скороспелые эти организмы не выдержали тяжести маневренной войны с противником, специально на то натасканным. Железо перегорело, не успев закалиться...

Совсем иначе поступили на Юго-Западном фронте. Хорошие второочередные дивизии Киевского округа вошли третьими в корпуса своей же Киевской 3-й армии. В 9-й и 4-й

армиях второочередные войска тоже были вкраплены в полевые, и результаты получились совсем не те, что на Северном фронте. Ауффенберг в своих записках с удивлением подчеркивает, что у русских совсем не замечалось разницы в работе войск 1-й и 2-й очереди.

Отметим положительную сторону нашей организации. Второочередные дивизии получили то же количество артиллерии и пулеметов, что и полевые, а не половинную норму, как во Франции и Германии.

Из общего количества 35 второочередных дивизий 10 было сформировано Московским округом.

53-я приняла участие в отходе из Восточной Пруссии, понесла большие потери в неудачных боях у Вержболова и была совершенно уничтожена в катастрофе XX корпуса в Августовских лесах. Восстановленная и включенная в XXIII армейский корпус, она отлично себя зарекомендовала в Брусиловское наступление на Волыни. Менее счастливы были 54-я и 72-я пехотные дивизии. Разгромленные в последних числах августа 1914 года на Мазурских озерах, они были расформированы.

55-я пехотная дивизия охраняла вначале побережье Финского залива. Затем она участвовала в Лодзинском сражении и в тяжелых боях на Равке. Дивизия показала себя очень посредственной, за исключением молодых суворовцев — 219-го пехотного Котельнического полка полковника Смердова. Котельнический полк был развернут из суворовского Фанагорийского. Городишко Котельнич Вятской губернии не имел никогда никакого отношения ни к Суворову, ни к фанагорийцам и ничего не говорил сердцу. Тогда полковник Смердов скрыл от людей безобразное наименование полка, заявив им, что полк называется Молодым Суворовским. Прибывавших запасных полковник Смердов не ранжировал, а направлял в роты группами, по мере прибытия, благодаря чему односельчане попадали в одну роту, и этим сразу создавалась спайка. Наконец, от фанагорийцев был взят старый комплект музыкальных инструментов, и в полку образована внештатная музыкантская команда. По дороге на фронт солдатам было объяснено — кратко и толково — за что они сражаются. В дальнейшем у 55-й дивизии — отступление в составе XXXV корпуса, виленские бои, Нарочь и Скробово.

56-я пехотная дивизия действовала слабо. Она была разгромлена под Вержболовом в сентябре 1914 года. Начиная с виленских боев, она постепенно выравнивалась и осенью 1916 года самоотверженно атаковала под Ковелем в XXXIV корпусе.

57-я пехотная дивизия хорошо зарекомендовала себя в Пруссии, отлично в Осовце, где составила гарнизон крепости и всю войну считалась надежной и крепкой дивизией. Она составила XBY корпус со 111-й пехотной дивизией. 59-я пехотная дивизия ничем себя не проявила, проведя первый год войны в гарнизоне Новогеоргиевска. Участвовала в виленских боях и Нарочском наступлении.

61-я пехотная дивизия, которой почти всю войну прокомандовал генерал Симанский, понесла тяжкое поражение в самом начале, в Томашевском сражении. Дух славных полков 10-й пехотной дивизии помог преодолеть эту неудачу. Остальную войну ей не выпадали выигрышные роли: тяжелые бои в карпатских предгорьях, Горлица, румынское похмелье в Добрудже...

То же можно сказать и про 73-ю пехотную дивизию, всю войну честно тянувшую лямку на германском фронте и напоследок разгромленную в марте 1917 года на Черевещенском плацдарме. 73-я артиллерийская бригада была отправлена на фронт, не дожидаясь готовности дивизии, и приняла участие уже в Гумбинненском сражении. Весь восточнопрусский поход она находилась в составе XX армейского корпуса отдельно от своей пехоты, состоявшей в гарнизоне Ковны.

81-я пехотная дивизия, двинутая из-под Перемышля в Карпаты, понесла там в апреле 1915 года полное поражение и всю войну считалась не из бойких.

Киевский округ выставил 7 дивизий: по второочередной на полевую, за исключением корпусов прикрытия.

58-я пехотная дивизия очень хорошо дралась в Галицийской битве в августе 1914 года

(где состояла в своем же IX армейском корпусе). Она осаждала Перемышль, дралась в Карпатах и на Сане и погибла в Новогеоргиевске.

Хорошо показала себя и 60-я пехотная дивизия (особенно 240-й пехотный Ваврский полк под Львовом и на штурме Перемышля, и в карпатских предгорьях в декабре 1914 года). На боевой ее репутации есть, однако, темное пятно Козювка. Войдя в состав XIV армейского корпуса на Северном фронте, она стойко отразила наступление германской группы Шольца в апреле 1916 года.

Отлично воевала развернутая из 19-й пехотной дивизии 65-я, особенно 237-й пехотный Евпаторийский полк. В ее формуляр занесены Первая Галицийская битва (Ферлеюв, Рогатин), Лесистые Карпаты, затем отступление из Галиции, Виленская операция, окопная война у Сморгони, а в последний год войны, когда она составила с 78-й дивизией XXVI армейский корпус, борьба в Буковине у Дорна-Ватры и Кирлибабы.

69-я пехотная дивизия (Львов, Перемышль, Карпаты, отход из Галиции, окопная война Северного фронта) показала себя надежной.

70-я пехотная дивизия имела в августе 1914 года тяжелые бои у Замостья, в 1915 году истекла кровью у Горлицы и затем с XIV корпусом попала на Северный фронт, где выказала стойкость в последних наступательных попытках 1917 года. 70-я пехотная дивизия 2-й очереди в командование барона Будберга так отличилась летом 1915 года под Холмом, что Государь повелел сохранить ее полки по демобилизации армии.

Совершенно исключительной по качеству была 78-я пехотная дивизия, которой командовали генералы Альфтан, Добророльский и Васильев. Укомплектованная запасными гвардии, крепко спаянная превосходным офицерским составом полков и батарей 42-й дивизии, она показала себя в первом же бою у Кросно в наступлении на Львов, одним ударом захватив 25 стрелявших пушек. В февральских боях 1915 года у Стрыя — во Втором Карпатском сражении — она отразила четыре германские дивизии Линзингена. Особенно славными были ее майские дела 1915 года на Большом Днестровском болоте. Враг знал имена Овручского, Шацкого, Кременецкого и Васильковского полков, знал и фамилии их командиров и страшился встречи с этой, не дававшей ему спуска, дивизией.

В бою 14 мая у Тержаковского леса 310-й пехотный Шацкий полк шестью ротами разбил внезапной атакой 70-й и 71-й венгерский полки, захватив 28 офицеров, 1300 нижних чинов и 14 пулеметов. 31 мая полк сокрушил пять неприятельских (200-й, 201-й, 202-й, 203-й австрийские и 17-й германский полки), взяв 68 офицеров, 3000 нижних чинов и 26 пулеметов.

В один из следующих дней утомленный полк, располагаясь на отдых, выставил плакат неприятелю: Перед вами — Шацкий полк. Советуем оставить нас в покое. За всю ночь австрийцы не дали ни одного выстрела. 15 лет спустя уже в эмиграции, в Белграде, бывший командир Шацкого полка генерал Васильев, предъявляя для льготного проезда свою инвалидную карточку, услышал вопрос контролера (как оказалось, уроженца Баната, служившего на войне в венгерских войсках): Не тот ли вы Васильев, что командовал Шацким полком, которого у нас все так боялись?..

Наконец, 79-я пехотная дивизия добросовестно дралась с германским противником в тяжелых боях при Влоцлавске, у Кутно и по Нареву.

Четыре пехотные дивизии Одесского округа сформировали каждая по второочередной. Дивизии эти составили при мобилизации 7-ю армию генерала Никитина, на фронт были вызваны только осенью и успели приобрести необходимую спайку и сноровку, что сразу же и сказалось на их работе.

Выделенная из 13-й пехотной дивизии 62-я генерала Иевреинова, попав на Северный фронт, вдребезги разнесла 6-ю германскую резервную дивизию при Еднорожце, где особенно отличился 248-й пехотный Славяносербский полк. Раненые солдаты Славяносербского полка (все — запасные Екатеринославской губернии) отказались идти на перевязку, пока их не сфотографируют на захваченных ими орудиях. Дивизия затем сдерживала на Сане Макензена, а затем составила с 69-й пехотной дивизией XXXVIII

армейский корпус на Западном фронте.

Превосходная 34-я пехотная дивизия того же VII корпуса образовала превосходную же 71-ю генерала Десино, отличившуюся в составе XXX армейского корпуса сперва в Днестровском сражении в апреле 1915 года, а осенью на Волыни, где 282-й пехотный Александрийский полк (всю войну особенно отличавшийся) взял знамя. Дивизия имела славные дела на Стоходе в Брусиловское наступление (где отличился полковник Концеров с 283-м пехотным Павлоградским полком), а в августе 1917 года поголовно легла в тучах немецкого газа под Марашештами в Румынии, остановив армию Макензена и тем героически закончив свое существование.

В VIII корпусе 14-я дивизия дала начало 63-й, не посрамившей предков в тяжелых ноябрьских боях под Лодзью. Дунайцы и балтинцы с полковником Барыбывым стяжали себе славу знаменитой обороной Прасныша. Дивизия дралась затем в Галиции с Макензеном и в августе погибла в Новогеоргиевске. Она заслуживала лучшей участи.

Развернутая из 15-й дивизии 64-я завоевала солидную репутацию в 10-й армии, где боевой ее дух придавал бодрости войскам в февральских боях 1915 года у Гродны. В кампанию 1916 года она была переброшена в Лесистые Карпаты под Дорна-Ватру. В буковинских боях начальником штаба 64-й дивизии был полковник М. Г. Дроздовский — впоследствии герой Добровольческой армии.

Три дивизии Санкт-Петербургского округа — 67-я, 68-я и 74-я — оставлены были в 6-й армии на охрану Балтийского побережья. 67-я, составив с 55-й XXXV армейский корпус, участвовала в отступлении 1915 года из Польши, в Нарочском наступлении 1916 года и в скрбовских боях. 68-я была первый год войны у Либавы и Мемеля на крайнем правом фланге нашего стратегического расположения, а затем дралась на Западном фронте и в Румынии, составив с 25-й XXXVI корпус.

Наконец, 74-я пехотная дивизия, развернутая из 37-й, была зимой 1914/15 годов отправлена в 8-ю армию в Карпаты. Генерал Брусилов свысока отнесся к этим петербургским швейцарам и дворникам, много раз между тем выручавшим его армию в Карпатах и с отличием участвовавшим весной и летом 1916 года в Доброноуцком в Коломейском сражениях.

75-я пехотная дивизия генерала Штегельмана Варшавского округа отлично дралась осенью 1914 года в Польше у Ивангорода (гарнизон которого составляла), в кельцких боях (Полична), причем особенно выделился 297-й пехотный Ковельский полк. В следующие кампании она в составе XXXI армейского корпуса генерала Мищенко вела бои в Полесье, на Припяти и Огинском канале.

Образованная Виленским округом 76-я пехотная дивизия пользовалась на Северном фронте репутацией стойкой части.

Казанский военный округ, подобно другому внутреннему — Московскому, образовал по второочередной дивизии на каждую полевую.

77-я пехотная дивизия добросовестно исполняла свой долг, составив с 100-й пехотной дивизией ХВУ! корпус в Полесье, на Стоходе. Осенью 1916 года она не выказала особенной стойкости. Хорошо дралась 80-я пехотная дивизия, вошедшая в состав XXX корпуса на Волыни и в Румынии. То же можно сказать и о 82-й пехотной дивизии генерала Промтова, имевшей вначале заминки в люблинских боях, отразившей последнюю вылазку перемышльской армии и очень успешно действовавшей в Буковине в кампанию 1916 года.

83-я пехотная дивизия, вошедшая с 75-й в состав XXXI корпуса, особенно выдающихся дел не имела, а 84-я пехотная дивизия генерала Герцыка очень бойко работала осенью 1914 года в Польше, а затем, переброшенная в Литву, считалась храброй дивизией и у нас, и у противника. В сентябре 1916 года она доблестно дралась в Галиции, где выделился особенно 333-й пехотный Глазовский полк. В бою 10 сентября 1916 года у Майкова Гая глазовцы взяли лихим ударом 60 офицеров, 1600 нижних чинов и 3 миномета.

Наконец, 66-я пехотная дивизия Кавказской армии поддержала славу стальной 21-й на берегах Евфрата в упорных боях у Клыч Гядука, Мелашкерта и Вана, а после — на штурме

Эрзерума и в Огнотском сражении. Наиболее отличились полки 261-й пехотный Ахульгинский и 263-й пехотный Гунибский.

3-я Кавказская стрелковая дивизия тоже не осрамила гренадер в трудных зимних боях под Ардаганом, а затем в еще труднейших на Сане.

* * *

Что касается дивизий 3-й очереди, сформированных в 1915–1916 годах из ополчения и новобранцев, то при оценке их боевой работы надо руководствоваться иными соображениями, нежели при оценке второочередных. Эти войска не могли получить духовного наследия старых полков, не будучи с ними связаны кровно. Определяющим началом здесь были: во-первых, командиры, во-вторых, та среда, в которой этим полкам с четырехсотыми номерами пришлось сделать свои первые шаги и дать свои первые бои. Обстановка победоносного Брусиловского наступления сильно разнилась от унылого сидения в окопах на севере.

100-я пехотная дивизия дралась на Волыни, пройдя от Стыри до Стохода удачными боями у Волчеца, Галузии и Маневичей. В ней выделился 397-й Запорожский пехотный полк.

101-я пехотная дивизия генерала Гильчевского действовала блистательно, взяв Дубно, Перемель и нанеся крепкий удар врагу под Бродами. А Камышинский полк с героем Татаровым явил под Берестечком самое лихое дело императорской пехоты за эту кампанию. Австро-венгерская Главная квартира дала 101-й пехотной дивизии следующую характеристику: Испытанная дивизия очень высокой ценности. Очень хороший дух. Другая дивизия XXXII корпуса — 105-я — отличилась у Дорогостая и Млынова, особенно полки 417-й Луганский и 420-й Сердобский.

102-я пехотная дивизия успешно действовала в мае 1916 года у Рожища (особенно 407-й пехотный Саранский полк), в июне — в оборонительном сражении у Киселина, а поздним летом и осенью храбро, но безуспешно дралась в ковельских сражениях. То же относится и к другой дивизии XXXIX корпуса — 125-й, где в 500-м пехотном Ингульском полку образовался зародыш будущей чехословацкой армии.

103-я пехотная дивизия по сформировании участвовала в виленских боях, а затем была переведена на бессарабско-буковинский рубеж. Здесь она приняла участие в завоевании Лечицким Буковины, в горных боях у Гринявы, Якобен и Дорна-Ватры и в Румынии.

104-я пехотная дивизия XXXIV корпуса участвовала в 1915 году в ковенских и виленских боях, а в 1916 году осенью — под Ковелем. В разруху 1917 года оказалась устойчивой.

106-я пехотная дивизия в Финляндии просто не воевала, не дав за всю войну ни одного выстрела. То же можно сказать и о 107-й, единственным делом которой была бесславная сдача Моон-Зунда. Обе эти дивизии составляли XYI корпус.

108-я пехотная дивизия в кампанию 1915 года охраняла Балтийское побережье, а в 1916 году бойко работала в 7-й армии у Щербачева.

109-я и 110-я пехотные дивизии, составившие XYII корпус на Икскюльском плацдарме, всю войну сидели в окопах под Ригой.

111-я пехотная дивизия сидела в окопах на Западном фронте, а затем в составе XYII корпуса была переброшена в Молдавские Карпаты.

112-я пехотная дивизия была на Западном фронте, приняв незначительное участие в наступлении генерала Рогозы на Барановичи. Она составила с 81-й дивизией B армейский корпус.

113-я пехотная дивизия успешно действовала в составе XVI корпуса армии Щербачева в июле — августе 1916 года.

114-я и 119-я пехотные дивизии, не закончив своего формирования, погибли в Новогеоргиевске. 115-я пехотная дивизия с Северного фронта была переброшена в Добруджу, где показала себя довольно посредственной.

116-я, 120-я и 121-я пехотные дивизии знали только тоскливое сидение в окопах

Северного фронта.

117-я пехотная дивизия, охранявшая Дунай, была из Бессарабии переброшена к Лечицкому в Карпаты и разбила там 117-ю германскую дивизию. Она вошла в XII корпус.

122-я пехотная дивизия была сформирована позже всех — лишь в октябре 1916 года. Она развернута из Саратовской ополченской бригады генерала Лихачева, превосходно дравшейся в VII корпусе у Почаева и у Зборова (где отличился 486-й Верхнемедведицкий пехотный полк).

Благодаря своему выдающемуся начальнику дивизия эта сохранила твердую дисциплину до самого конца российской вооруженной силы.

123-я и 127-я пехотные дивизии отправлены были на Кавказский фронт в составе V Кавказского корпуса. Первая из них приняла участие в ликвидации Офского прорыва (490-й пехотный Ржевский полк — с отличием). Вторая действовала, в общем, бесцветно, понесла огромные потери от болезней в Трапезонде.

Следует отметить хорошую дисциплину испытанной 122-й пехотной дивизии австро-венгерская Главная квартира подчеркивала это еще до нашей революции.

124-я пехотная дивизия старика генерала от инфантерии Лопушанского в июле — августе 1915 года защищала Ковну, где за несколько дней до того была сформирована. В кампанию 1916 года вела позиционную войну на Западном фронте, откуда была переброшена в Румынию, где летом 1917 года — в августе — сентябре — имела успешные наступательные бои в Молдавских Карпатах.

Сильно доставалось летом 1916 года на Волыни 126-й пехотной дивизии от яростных германских контратак. Дивизия имела, однако, хороших соседей и своевременную поддержку.

Ярко блеснула в первом же своем деле, у Драм-Дага в Евфратском сражении, 4-я Кавказская стрелковая дивизия генерала Воробьева, сразу же занявшая почетное место в кавказской фаланге Юденича. Ее делами были Азап-Кейский прорыв, овладение Каргабазаром на Эрзерумском штурме и ликвидация Огнотского прорыва Изета-паши. В 4-й Кавказской стрелковой дивизии подобрался превосходный закаленный солдатский состав от 25 до 30 лет. В этом отношении большое сходство с ней имел германский Альпийский корпус.

В этом последнем деле с успехом приняли участие 5-я Кавказская стрелковая и Кавказская пограничная пехотные дивизии, только что перед этим сформированные и показавшие хорошие боевые качества, чему способствовала вся среда Кавказской армии.

Образованные зимой 1916/17 годов низкокачественные дивизии 4-й очереди были мертворожденными. Протекая кампания 1917 года в нормальных условиях, они все равно ничем бы себя не проявили. Противоестественной системе формирования дивизий 4-й очереди соответствовала хаотическая система наименований полков.

Истощив весь запас уездных городов на третьеочередных дивизиях, столоначальники из Главного штаба принялись за горные хребты, почтовые тракты, заштатные захолустья, ошеломляя войска дикими названиями, создавая полки Ворохтенский, Нерехтский, Прешканский, Тихобужский, Стерлитамакский, десятки других, произнести которые солдату не было никакой возможности... Гораздо удачнее были даваемые по почину строевого начальства имена славных дел и побед 1914–1916 годов, которые фронтовые корпуса передавали формиовавшимся при них дивизиям 4-й очереди. После революции ряд полков изменил по собственному почину безобразные имена — в память былых побед.

Приводим составленный генералом П. Н. Симанским список войск 4-й очереди. Труд П. Н. Симанского Развитие вооруженной русской силы в период Мировой войны не был еще напечатан, когда выпущена была эта книга. Данные о войсках 4-й очереди помещены в его III части. В список мы внесли небольшие добавления.

5-я Гренадерская дивизия (при Гренадерском корпусе) — Гренадерский пехотный полк, 17 и Аладжин-ский, 18-й Карсский, 19-й Плевненский, 20-й Базарджикский — в память гренадерских побед прошлого столетия;

2-я Кавказская гренадерская дивизия (при II Кавказском корпусе) — 23-й Манглисский, 24-й Навтлугский, пехотные полки 703-й Сурамский, 704-й Рионский — дивизия переименована из 176-й пехотной;

6-я Гренадерская дивизия (при XXV армейском корпусе) — Гренадерский пехотный полк, 21-й Румянцевский, 22-й Суворовский, пехотные полки 607-й Млыновский, 608-й Олыкский;

128-я пехотная дивизия (при ХЫI корпусе) — 509-й Гжатский, 510-й Волховский, 511-й Сычевский, 512-й Дисненский;

129-я пехотная дивизия (при X армейском корпусе) — 513-й Холмогорский, 514-й Мурманский, 515-й Усть-Пинежский, 516-й Мезенский;

130-я пехотная дивизия (при XXXI корпусе) — 517-й Батумский, 518-й Алашкертский, 519-й Кизлярский, 520-й Фокшанский;

131-я пехотная дивизия (Минск) — 821-й, 822-й, 823-й, 824-й пехотные полки;

132-я пехотная дивизия (при II Кавказском корпусе) — 525-й Кюрюк-Даринский, 526-й Деве-Бойненский, 527-й Белебеевский, 528-й Ямпольский.

Обращает на себя внимание неряшливость, с которой столоначальники давали имена полкам 4-й очереди. Уже существовал один Белебеевский полк (2-я очередь), имевший номер 235-й. Получилось таким образом два Белебеевских полка;

133-я пехотная дивизия (при XX армейском корпусе) — 529-й Ардатовский, 530-й Васильсурский, 531-й Сызранский, 532-й Волоколамский;

134-я пехотная дивизия (Могилев) — 533-й Ново-Николаевский, 534-й Ново-Киевский, 535-й Липецкий, 536-й Ефремовский;

135-я пехотная дивизия (Калужская ополченская бригада) — 537-й Лихвинский, 538-й Медынский, 539-й Боровский, 540-й Сухиничевский;

136-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 541-й Велижский, 542-й Лепельский, 543-й Городокский, 544-й Себежский;

137-я пехотная дивизия (Харьковская ополченская бригада) — 545-й Ахтырский, 546-й Волчанский, 547-й Северо-Донецкий, 548-й Чугуевский;

138-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 549-й Борисовский, 550-й Игуменский, 551-й Велико-Устюжский, 552-й Сольвычегодский;

139-й по 150-й пехотных дивизий не существовало;

151-я пехотная дивизия (при V армейском корпусе) — 601-й и 602-й Лащовский, 603-й Нарочский, 604-й Вислинский — в память мест, прославленных этим корпусом;

152-я пехотная дивизия — смотри 6-ю Гренадерскую. 152-я пехотная дивизия была укомплектована амнистированными ссыльными, и полки ее носили названия мест не столь отдаленных. 612-й полк — Каторжно-Тобольский. Дав 612-му полку имя Тобольского, столоначальники Главного штаба не потрудились заглянуть, в списки войсковых частей. Они увидели бы, что в русской армии уже два столетия как существовал с честью Тобольский пехотный полк, имевший номер 38-й;

153-я пехотная дивизия (при XXXIV корпусе) — 609-й, 610-й Мензелинский, 611-й Чердынский, 612-й Тобольский (смотри выше);

154-я пехотная дивизия (при XXXIX корпусе) — 613-й Славутинский, 614-й Клеванский,

615-й Киверепкий, 616-й Рожищенский — в память майских боев корпуса в 1916 г. на Волыни;

155-я пехотная дивизия (при VI армейском корпусе) — 617-й Зборовский, 618-й Тарнопольский, 619-й, 620-й Ново-Алексинский — в память осенних боев 1915 г.;

156-я пехотная дивизия (при XVII корпусе) — 621-й Немировский, 622-й Сопановский, 623-й Козеницкий, 624-й Ново-Корчинский — в честь побед;

157-я пехотная дивизия (при XXXII корпусе) — 625-й Пляшевский, 626-й Берестеченский, 627-й Шумский, 628-й Бродо-Радзивилловский — в честь героических дел этого корпуса в Брусиловское наступление;

158-я пехотная дивизия — переименована в 22-ю Сибирскую стрелковую дивизию;

159-я пехотная дивизия (из 20-й и 108-й дивизий) — 633-й Ахалкалакский, 634-й, 635-й, 636-й;

160-я пехотная дивизия (при XVI корпусе) — 637-й Кагызманский, 638-й Ольтинский, 639-й Артвинский, 640-й Чорохский;

161-я пехотная дивизия (при I армейском корпусе) — 641-й Березинский (в армии уже существовал 294-й Березинский полк), 642-й Стерлитамакский, 643-й Со-ликамский, 644-й Равский;

162-я пехотная дивизия (при III Кавказском корпусе) — 645-й Тарнавский, 646-й Санский, 647-й Сенявский, 648-й Долинский — в память славных дел 1914–1915 гг.;

163-я пехотная дивизия (при VI армейском корпусе) — 649-й Скобелевский, 650-й Тотемский, 651-й Шенкурский, 652-й Цильменский. IV корпус Скобелевский, и это сказалось на имени 649-го полка. У П. Н. Симанского приведены вторые имена полков — 650-й Царьградский, 651-й Кавказский и 652-й Зевинский. 163-я пехотная дивизия взбунтовалась в мае 1917 года и была расформирована;

164-я пехотная дивизия (при XII корпусе) — 653-й Перемышльский, 654-й Рогатинский, 655-й Драгомирченский, 656-й Станиславовский — в память побед. У. Н. Симанского приводится второе имя 656-го полка — Богородчанский, тогда как 653-й полк назван Перемышлинским;

165-я пехотная дивизия (при XI корпусе) — 657-й Прутский, 658-й Карпатский, 659-й Буковинский, 660-й Черновицкий — в память мест, политых кровью храбрых полков этого корпуса;

166-я пехотная дивизия (при XVIII корпусе) — 661-й Селетинский, 662-й Язловецкий, 663-й Изворский, 664-й Новокарпатский — в память побед 1916 г. В списке генерала Симанского даны вторые имена — 661-й Пинский, 662-й Цимброславский, 663-й Язловецкий, 664-й Кымполунгский. Название Пинский маловероятно — ни 37-я, ни 43-я, ни 64-я пехотные дивизии XVIII корпуса в Полесье никогда не воевали. Что касается Кымполунгского, то полк с этим именем и с номером 760 существовал в 190-й пехотной дивизии;

167-я пехотная дивизия (при XXIII корпусе) — 665-й Ворохтенский, 666-й Козювский, 667-й Делятынский, 668-й Тысменицкий. 686-й полк вначале, по-видимому, именовался еще Кутским. Во всяком случае, уже в июле 1917 г. он носил имя Козювского;

168-я пехотная дивизия (при IX корпусе) — 669-й Бохненский. 670-й Дунаецкий, 671-й Радымненский, 672-й Яворовский — увековечение славной боевой страды;

169-я пехотная дивизия (при X корпусе) — 673-й Прилукский, 674-й Шипкинский, 675-й Конотопский, 676-й Сеньковский. Шипкинский полк — из четвертых батальонов 35-го Брянского и 36-го Орловского — защитников горы Св. Николая и Орлиного Гнезда с Радецким. Сеньково — близ Горлицы;

170-я пехотная дивизия (при XXXV корпусе) — 677-й Мологинский, 678-й Шекснинский, 679-й Челябинский, 680-й. У генерала Симанского 677-й полк помечен Малаховским. Челябинский полк с 335-м номером уже существовал;

171-я пехотная дивизия (при III армейском корпусе) — 681-й Алтайский, 682-й Забайкальский, 683-й Ангарский, 684-й Саянский;

172-я пехотная дивизия (при XXXI корпусе) — 685-й Логишинский, 686-й Огинский, 687-й Полесский, 688-й Телеханский;

173-я пехотная дивизия (при ХБУ! корпусе) — 689-й Столинский, 690-й Горынский, 691-й Стоходский, 692-й Припятский — в память боев;

174-я пехотная дивизия (при XX корпусе) — 693-й Слуцкий, 694-й Мирский, 695-й Новогрудский, 696-й Мозырский. В списке генерала Симанского 694-й полк помечен Минским, что весьма маловероятно;

175-я пехотная дивизия (при XXXVIII корпусе) — 697-й Проскуровский, 698-й Шаргородский, 699-й Саровский, 700-й Елатьминский;

176-я пехотная дивизия — смотри 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию;

177-я пехотная дивизия — 705-й Тихобужский, 706-й Галузийский, 708-й Россиенский (из 27-й пехотной и Сводной пограничной дивизий), 707-й Нешавский;

178-я пехотная дивизия (при I корпусе) — 709-й Кинешманский, 710-й Макарьевский, 711-й Нерехтский, 712-й Узенский;

179-я пехотная дивизия (при VII армейском корпусе) — 713-й Радомельский, 714-й, 715-й, 716-й Ушицкий;

180-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 717-й Сандомирский, 718-й Розвадовский, 719-й Лысогорский, 720-й Рудниковский — в память боев;

181-я пехотная дивизия (при XV корпусе) — 721-й Дубенский, 722-й Салтыково-Неверовский, 723-й Вильколазский, 724-й Любартовский. Салтыково-Неверовский полк получился от соединения четвертых батальонов 23-го Низовского фельдмаршала графа Салтыкова и 24-го Симбирского генерала Неверовского пехотных полков;

182-я пехотная дивизия (при XIII корпусе) — 725-й Чесменский, 726-й Даурский, 727-й Ново-Селенгинский, 728-й Крапивенский;

183-я пехотная дивизия (при XIX корпусе) — 729-й Ново-Уфимский, 730-й Городеченский,

731-й Комаровский, 732-й Покровский;

184-я пехотная дивизия (при XXVIII корпусе) — 733-й Девмерский, 734-й Прешканский, 735-й Сенахский, 736-й Авлиарский. Второе имя 735-го полка Каменский — очевидно, в честь деда — 34-го Севского графа Каменского 2-го, из коего был развернут 238-й Ветлужский, давший начало 735-му полку;

185-я пехотная дивизия (при XXI корпусе) — 737-й Аблавинский, 738-й Григориопольский, 739-й Каменец-Подольский, 740-й Борзненский;

186-я пехотная дивизия (при XЫH корпусе) — 741-й Перновский, 742-й Поневежский, 743-й Тирульский, 744-й Кейданский — в память боев в Литве и в Курляндии;

187-я пехотная дивизия (при XXVII корпусе) — 745-й Ново-Александрыйский, 746-й Опатовский, 747-й Плонский, 748-й Вилейский;

188-я пехотная дивизия (при XXIV корпусе) — 749-й, 750-й Раховский, 751-й Самборский, 752-й Корунтский;

189-я пехотная дивизия (при XXVI корпусе) — 753-й Винницкий, 754-й Тульчинский, 755-й Литинский, 756-й Новоузенский. Новоузенский полк (2-й очереди) уже существовал и носил номер 328-й;

190-я пехотная дивизия (при XXX корпусе) — 757-й Черемшевский, 758-й Сучавский, 759-й Коломенский, 760-й Кымполунгский — по местам боев;

191-я пехотная дивизия (при XXXVI корпусе) — 761-й Режицкий, 762-й Невельский, 763-й Люцинский, 764-й Зареченский;

192-я пехотная дивизия (при XЫУ корпусе) — 765-й Зимнипкий, 766-й Шипкинский. 767-й Осовецкий, 768-й Граевский. Родоначальницей Зимницкого и Шипкинского полков, без всякого сомнения, следует признать 14-ю дивизию VIII корпуса. В XЫУ корпусе ни 57-я, ни 111-я пехотные дивизии не могли дать таких имен. Во всяком случае, получилось два Шипкинских полка — 674-й в 169-й пехотной дивизии и 766-й в 192-й пехотной дивизии;

193-я пехотная дивизия (при II армейском корпусе) — 769-й Царевококшайский, 770-й Гипсарский, 771-й Краснопольский, 772-й Кашинский. Кашинский полк (3-й очереди) уже существовал и носил номер 442-й;

194-я пехотная дивизия (при XБУ корпусе) — 773-й Зайсанский, 774-й Байкальский, 775-й Памирский, 776-й Кустанайский.

6-я стрелковая дивизия (при XЬ корпусе) — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й стрелковые пехотные полки;

7-я стрелковая дивизия (при XXIX корпусе) — 25-й, 26-й, 27-й, 28-й стрелковые пехотные полки;

8-я стрелковая дивизия (при XБуп корпусе) — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й стрелковые

пехотные полки. Все три дивизии — на Румынском фронте.

5-я Финляндская стрелковая дивизия (при XXII корпусе) — 17-й, 18-й, 19-й, 20-й Финляндские стрелковые полки;

6-я Финляндская стрелковая дивизия (при XIIX корпусе) — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й Финляндские стрелковые пехотные полки;

15-я Сибирская стрелковая дивизия (при III Сибирском корпусе) — 57-й, 58-й, 59-й, 60-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

16-я Сибирская стрелковая дивизия (при I Сибирском корпусе) — 61-й, 62-й, 63-й, 64-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

17-я Сибирская стрелковая дивизия (при III Сибирском корпусе) — 65-й, 66-й, 67-й, 68-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

18-я Сибирская стрелковая дивизия (при VI Сибирском корпусе) — 69-й, 70-й, 71-й, 72-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

19-я Сибирская стрелковая дивизия (при VII Сибирском корпусе) — 73-й, 74-й, 75-й, 76-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

20-я Сибирская стрелковая дивизия (при II Сибирском корпусе) — 77-й, 78-й, 79-й, 80-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

21-я Сибирская стрелковая дивизия (при IV Сибирском корпусе) — 81-й, 82-й, 83-й, 84-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

22-я Сибирская стрелковая дивизия (из 158-й пехотной дивизии при V Сибирском корпусе) — 85-й, 86-й, 87-й, 88-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

Сводная Сибирская стрелковая дивизия (при VII Сибирском корпусе) — 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Сводные Сибирские стрелковые пехотные полки;

8-я Туркестанская стрелковая дивизия (при I Туркестанском корпусе) — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;

9-я Туркестанская стрелковая дивизия (в Туркестане) — 33-й, 34-й, 35-й, 36-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;

10-я Туркестанская стрелковая дивизия (в Туркестане) — 37-й, 38-й, 39-й, 40-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;

6-я Кавказская стрелковая дивизия (при I Кавказском корпусе) — 23-й, 24-й, 25-й, 26-й Кавказские стрелковые пехотные полки;

7-я Кавказская стрелковая дивизия (при VII Кавказском корпусе) — 27-й, 28-й Кавказские стрелковые пехотные полки;

4-я Заамурская пехотная дивизия (при XXXIII корпусе) — 11-й, 12-й, 13-й, 14-й Заамурские пехотные полки;

5-я Заамурская пехотная дивизия (при XYI корпусе) — 15-й, 16-й, 17-й, 18-й Заамурские пехотные полки;

1-й, 2-й, 3-й Гвардейские кавалерийские стрелковые пехотные полки;

Кавалерийские стрелковые полки:

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й Кавалерийские стрелковые полки;

Заамурский конный стрелковый полк. Кавказский кавалерийский стрелковый полк. Сводный кавалерийский стрелковый полк — при соответственных дивизиях.

Из этих формирований 4-й очереди примерно половина не смогла — и не захотела — принять участие в военных действиях. Удовлетворительно себя показали: 164-я дивизия на Ломнице, 165-я, 166-я и 167-я в Буковинских Карпатах, 4-я Заамурская под Галичем, Сводная Сибирская под Бржезанами, 194-я при отступлении из Галиции. Все остальные были плохи, причем особенно печальную славу приобрели: 163-я, 169-я, 8-я стрелковая, 21-я Сибирская, 6-я Гренадерская и 2-я Кавказская гренадерская.

Из появившихся в 1915 году и особенно развившихся во время революции национальных формирований в первую очередь отметим составленную из военнопленных сербского, хорватского и словенского происхождения Югославянскую дивизию, щедро

пролившую свою кровь в Добрудже. Самое слово Югославия было в первый раз произнесено Россией — и произнесено в ту зиму 1915/16 годов, когда казалось, что самой Сербии наступил конец.

1-я бригада чехословацких легионеров полковника Троянова с отличием дралась в июльском наступлении 1917 года под Зборовом.

Польские войска появились к лету 1916 года в окопной войне под Барановичами дел против неприятеля они не имели.

Заметную роль на Северном фронте в 12-й армии сыграли латышские стрелки, с отличием дравшиеся в зимнем наступлении Радко Дмитриева на Бабите. К революции их было уже 8 полков, ставших затем опорой советского строя. Раньше, чем заводить латышские войска, правительство должно было припомнить события 1905 1907 годов в Прибалтийском крае.

Грузинские и армянские формирования Кавказского фронта никакой боевой ценности не имели. Отметим учреждение в январе 1917 года Евфратского казачьего войска из армян и добровольцев.

Остается упомянуть о предназначавшихся для Западного театра войны особых стрелковых бригадах. Формирование этих надерганных с бору по сосенке частей было досадной ошибкой нашей Ставки, лишенного солдатского сердца бюрократа Алексеева. Во Францию следовало послать восстановленный в январе 1916 года XIII корпус — взять реванш за Восточную Пруссию в благоприятной обстановке Французского фронта. Присутствие полков XIII корпуса лишний раз напомнило бы союзникам о жертвах, принесенных Россией в первые же дни войны в Восточной Пруссии.

За море было послано 4 особые бригады: 1-я и 3-я — во Францию, а 2-я и 4-я — на Балканы. Из пяти оставшихся в России сколько-нибудь заметное участие в военных действиях приняла одна 6-я бригада — в декабрьском наступлении Радко Дмитриева. Успеха она не имела — слишком много в строю ее оказалось георгиевских кавалеров. Георгиевский кавалер должен служить примером для остальных. В 6-ю Особую бригаду отобрали почти сплошь георгиевских кавалеров, проявлявших в своей среде мало порыва и жертвенности, особенно успевшие набрать полный бант. Поголовное награждение нижних чинов крестами и медалями понижало ценность части. Тому пример — пресловутый георгиевский батальон Ставки, никуда не годившийся.

1-я и 3-я бригады образовали дивизию генерала Лоховицкого. Они участвовали с отличием в апрельском наступлении 1917 года у Реймса и понесли большие потери. 1-й и 6-й Особые стрелковые полки получили французские военные кресты на знамена. До войны единственной иностранной наградой в нашей армии были серебряные трубы за освобождение Амстердама в 1813 году, пожалованные принцем Оранским Тульскому пехотному и 2-му егерскому пехотному полкам (от егерей их унаследовал 90-й пехотный Онежский полк).

С точки зрения национальной этики мы должны решительно осудить принятие чужестранных знаков отличия: иностранный главнокомандующий не может присваивать себе право награждать русские полки. Генералы Нивелль¹³⁴ и Петен¹³⁵ могли только сделать нашей Ставке представление к награде отличившихся русских полков георгиевскими знаменами, георгиевскими трубами и знаками за отличие. Отметим, что один полк русской армии получил георгиевское знамя по представлению неприятельского главнокомандующего. Это 6-й стрелковый, храбро дравшийся при Сандепу и Мукдене и о награждении которого просил маршал Ойяма. Остатки их осенью бунтовали и были интернированы, а из офицеров и верных воинскому долгу солдат был сформирован особый русский легион, названный Легионом Чести.

2-я бригада — генерала Дитерихса — отправлена была на Балканский фронт в Салоники. В ноябре 1916 года она рванула казавшиеся неприступными германо-болгарские позиции и взяла Битоль, положив на своей крови начало грядущего освобождения Сербии. Геройская бригада вся легла в этом победном бою, и когда пришло приказание выйти в

резерв, исполнить его было уже некому. Сменившие русских стрелков французские егеря могли только отсалютовать полю, где недвижно на своей последней и вечной позиции лежали битольские победители. Так погибла 2-я Особая бригада русской армии — единственная воинская часть во всем мире, ни разу не отступавшая за все свое существование!

Легион Чести — единственный обломок гранитной русской скалы в бурном море грандиозных сражений восемнадцатого года — победно пронес свой значок и русское имя сквозь огонь двадцати сражений от Эны до Рейна. Этот последний русский батальон под командой туркестанского стрелка полковника Готуа первый из всех союзных армий Фоша прорвал знаменитую линию Гинденбурга в сражении с 1-го по 14 сентября при Терни-Сорни и 16 декабря 1918 года вступил в Майнц. Полковник Готуа — черный полковник, как называли его французы — в свое время, служа в рядах 8-го Туркестанского стрелкового полка, взял штыковым ударом господский двор Боржимов.

В общем, кадровый состав наших пехотных частей был отлично подготовлен своими офицерами. Большое количество запасных (свыше половины строевого состава даже в первоочередных войсках) понизило качество нашей пехоты сразу же по выступлении в поход — по среднему возрасту людей и по степени их втянутости наши полевые дивизии равнялись германским резервным.

Милютинский Устав 1874 года с его антигосударственными льготами по образованию и особенно по семейному положению неизбежно должен был снизить качество войск при мобилизации — малочисленность обученного контингента запасных приводила к тому, что в строй у нас ставили значительно более старые сроки, чем у противника. При этом надо иметь в виду, что благодаря экстратерриториальной системе комплектования войска при мобилизации пополнились совершенно чужими людьми.

Нестроевой дух милютинских учреждений и пресловутая хозяйственность Ванновского и Куропаткина привели к тому, что русская армия игнорировала существование унтер-офицеров запаса. Учет запасным нижним чинам велся по 45 различным категориям — графам. Были графы хлебопек, кузнецов, слесарей, плотников, сапожников, даже каретников, но не было первой и самой важной унтер-офицеров. Из-за деревьев проглядели лес...

Как следствие, при мобилизации старые опытные взводные и фельдфебели запаса назначались в строй старшими звеньев, а то и рядовыми. Они погибли в первых же боях, и когда зимой 1914/15 годов в запасные батальоны хлынул поток молодых солдат и ратников 2-го разряда, обучить их уже было некому.

Наша пехота изумила неприятеля своим применением к местности и быстротой самоокапывания, но еще больше своей способностью переносить самые жестокие потери, не утрачивая своих боевых качеств.

Командир 1-го германского резервного корпуса генерал фон Морген, которому первые месяцы войны пришлось иметь дело исключительно с посредственными нашими дивизиями, в своем рапорте кайзеру в январе 1915 года писал, что русская пехота совершенно не оправдывает себя в атаке и не умеет действовать наступательно. Писалось это накануне Прасныша, где корпус Моргена был разгромлен сибиряками. Генерал фон Морген ставит русскую артиллерию в пример германской и признает значительное превосходство наших артиллеристов над своими. Он отмечает способность русской пехоты совершать очень большие кавалерийские — переходы.

Искусство ружейной стрельбы — этот конек после маньчжурского периода, на который было затрачено столько времени и усилий — оказалось в условиях войны малоприменимым. Отдельные блестящие эпизоды — вроде отражения бородинцами выдержанным ружейным огнем наскоков неприятельской конницы — не в счет. На полях сражений царил артиллерийский и пулеметный огонь. После гибели кадрового состава наша пехота стреляла так же плохо, как и неприятельская. Пополнения вовсе не умели стрелять, да и в хорошо обученных частях при наступлении перебежками забывали переставлять прицелы.

Огромный вред принесла частая смена полковых командиров — назначение на короткие сроки командирами полков офицеров Генерального штаба, незнакомых со строем и чуждых полку. За время войны каждый полк имел двух, трех, а то и четырех таких моментов. Одни смотрели на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Другие, сознавая свою неподготовленность, лишь отбывали номер, взвалив все управление полком на кого-либо из уцелевших кадровых капитанов либо подполковников батальонных командиров.

Боевые хроники наших полков Мировой войны не сохранили доброй памяти об этих мимолетных командирах, совершенно не интересовавшихся вверенным им полком. До чего часты были смены командиров, видно из того, что каждый полк за три года войны переменял 4–6 командиров, а то и больше. 319-й Бугульминский пехотный полк за первые 12 месяцев имел 10 командиров и командовавших (причем боевой убыли не было).

Ставка не сознавала огромного значения должности командира полка. Полк отнюдь не чисто тактическая инстанция, как батальон или дивизия. Это инстанция духовная. Полки — носители духа армии, а дух полка — прежде всего зависит от командира. В этом все величие призвания полковника. На должность командиров полков следовало назначать носителей их духа и традиций — уцелевших кадровых батальонных либо даже ротных, произведенных за боевые отличия. Только такие командиры, любившие свой полк, могли бы сплотить вновь переменявшийся от беспрестанной убыли и пополнений офицерский состав.

Само собою разумеется, надо было дать офицерам Генерального штаба необходимый строевой и боевой опыт. Но это надлежало делать до производства их в полковники, назначая подполковников и капитанов Генерального штаба командирами батальонов, — инстанции чисто тактической, где бы они с пользой могли применять свои познания.

* * *

Конницы у нас было очень много, и была превосходного качества. Но организация ее была неудачной, и возглавлялась она, за редкими исключениями, начальниками, совершенно ее недостойными.

В мирное время кавалерийские дивизии были включены в состав армейских корпусов. Этот разумный порядок был нарушен при объявлении мобилизации, когда конница была брошена на границу прикрывать наше стратегическое развертывание. Когда же развертывание это закончилось, то кавалерию вместо того чтобы вернуть корпусам, то есть собственно войскам, оставили в подчинении штабам армий. Конницу придали не войскам, а далеким штабам.

Получилось безобразное положение: войска, то есть пехота и артиллерия, дрались сами по себе, а кавалерия болталась где-то на отлете — тоже сама по себе, получая указания не от непосредственно ведущей бой инстанции — командира корпуса, а из штаба армии с неизбежным опозданием. Несоответствие подавляющего большинства наших кавалерийских начальников, отсутствие у них кавалерийского глазомера и паралич инициативы довершали остальное. Победоносная пехота в бессильной ярости смотрела на берущую на передки неприятельскую артиллерию, на уходящие обозы, на расстроенную пехоту противника вне пределов ее граненого штыка. Надрывный ее крик Кавалерию! Кавалерию! замирал, не встречая отклика. А в это самое мгновение кавалерия, потоптавшись весь день за обозами 1-го разряда, стройно, уставными ящичками, шла на ночевку — за двадцать верст в тыл, а штаб дивизии в уютной помещицкой усадьбе безмятежно писал приказ на завтрашний день, бывший точным повторением только что прошедшего...

Так было в первых боях — под Гумбинненом, Томашовом, Злочевом, Перемышлянами, Фирлеевом, Рогатином, Равой Русской... Так осталось и впоследствии — под Сандомиром, Варшавой, Кольцами, Лодзью... Граф Келлер был исключением. Новиков, Мориц, Шарпантье, Хан Нахичеванский были правилом.

Сухотинский дух был силен. Увлечение ковбоями американской междоусобицы Шерманом и Шериданом — повлекло за собой то, что мы по опрометчивости сделали второй шаг, не сделав первого, — стали заводить стратегическую конницу, упустив создать

войсковую. За блестящими исключениями Городенки и Ржавенцев, конные корпуса не оправдали возлагавшихся на них надежд и не принесли армии никакой пользы. Наоборот, вбирая в себя конницу и замораживая ее в своих ящиках, они принесли армии очень большой вред.

Старшие начальники конницы создались еще в школе Сухотина. Они были знатоками уставных построений и перестроений, ревнителями пешего строя, ценителями спокойных биваков в глубоком тылу и, наконец, людьми своей упадочной эпохи, больше всего боявшимися инициативы. Перевоспитание конницы великим князем Николаем Николаевичем не успело коснуться старших начальников, бывших в сухотинские времена уже штаб-офицерами. Кроме того, это перевоспитание коснулось почти исключительно берейторской части и мало повлияло на тактические навыки. Лошадиный генерал далеко не оказался равнозначим кавалерийскому начальнику. Со всем этим великолепный состав нашей конницы оказал русской армии неоценимые услуги, скрыв от глаз врага наше стратегическое развертывание. Конница стяжала славу себе и русскому оружию всякий раз, когда ее лавы одухотворялись и управлялись достойными ее начальниками.

Ею было произведено до 400 атак в конном строю, в коих захвачено 170 орудий, нанесено поражение целой неприятельской армии (VII австро-венгерской армии 27–28 апреля 1915 года у Городенки и Ржавенцев), дважды спасены наши собственные армии (1-я у Нерадовы 3 июля 1915 года и 11-я у Нивы Злочевской 19 июня 1916 года). Вспомним, как помогла 12-я кавалерийская дивизия 8-й армии при Руде, какое огромное стратегическое значение для всего Северного фронта имела атака нижегородских драгун под Колюшками, как потряс все австро-германские армии наскок оренбургских казаков под Кошевом и Дикой дивизии под Езерянами. И сколько раз наши пехотные дивизии и корпуса выручались беззаветными атаками ничего не боявшихся и все сметающих сотен и эскадронов...

Оценив и взвесив все это, мы можем прийти к заключению, что, несмотря на бездарное высшее управление, роль русской конницы в 1914–1917 годах была не менее значительна, чем в 1812–1814 годах. Было гораздо меньше конных боев (чему причиной похвальное благоразумие неприятельской кавалерии). Но было значительно больше конных атак на неприятельскую пехоту и артиллерию, а, главное, некоторые конные дела имели не только тактическое, но и стратегическое значение.

В общем, если характеризовать боевую работу русской конницы, то надо сказать, что корнеты совершали блестящие подвиги, а генералы упускали блестящие возможности...

Гвардейской конницей в Восточной Пруссии и после (по сведению ее в корпус) на Волини командовал генерал Хан Нахичеванский. Честный солдат, не замаравший своих генерал-адъютантских вензелей, он был неспособным кавалерийским начальником и дал одни лишь отрицательные образы вождения конницы.

Кирасирская дивизия генерала Казнакова была превосходной. Особенно отличились в тяжелых петроковских боях кавалергарды (где три их офицерских разезда остановили всю 1-ю германскую кавалерийскую дивизию). В конном полку отметим дело Врангеля под Каушеном, у кирасир Его Величества — под Дембовым Рогом и у Синих — Курополь за Вильной.

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия генералов Рауха и Гилленшмидта действовала тоже без заминок.

3-я Гвардейская кавалерийская дивизия составлена была только весной 1916 года. В нее вошла Варшавская бригада, действовавшая с начала войны на Юго-Западном фронте (Янов, Городенка) и казачья, бывшая в начале войны на охране Ставки, а после — в лодзинских боях. 1-я кавалерийская дивизия хорошо показала себя с генералом Гурко в Восточной Пруссии (как в набеге на Алленштейн, так и при отступлении, в Мазурских озерах). В 1915 году дивизия дралась в Литве, а в 1916–1917 годах — на Двинском фронте.

2-я кавалерийская дивизия, которую вывел на войну Хан Нахичеванский, дралась тоже всю войну на Северном фронте — в Пруссии, Литве, у Нарочи и на Двине.

3-я кавалерийская дивизия генералов Бельгарда и Леонтовича дралась в Пруссии,

зимой 1914/15 годов — в Августовских лесах, а весной и летом — в Курляндии и Литве, откуда была переброшена в Полесье. Спускаясь все южнее, она в августе 1916 года попала в Добруджу, где с отличием действовала в пешем и конном строю (особенно смоленские уланы) и до конца войны пробыла на Румынском фронте.

4-й кавалерийской дивизии не повезло с незадачливым генералом Толпыго в самом начале войны у Бялы. Она действовала на Северном фронте и особенно выдающихся дел не имела.

В 5-й кавалерийской дивизии, которой у Сандомира и Лодзи командовал бездарный генерал Мориц, были блестящие корнетские дела. Всю войну дивизия провела на Северном фронте, будучи из Польши переброшена в Литву, а оттуда на Двинский фронт.

6-я кавалерийская дивизия генерала Роопа боями в пешем строю задерживала, как могла, 1-й германский корпус, шедший в тыл армии Самсонова. Затем она в 1914–1915 годах дралась на Нареве, а потом была у Нарочи.

В 7-й кавалерийской дивизии неспособного генерала Тюлина сменил энергичный генерал Рерберг. Знаменитым делом была атака полковника Полякова (Александра) 2 июня 1915 года у Олешницы, где под пиками донцов 11-го полка погиб 91-й германский полк. В 1916 году на Волыни прославились белорусцы, с графом Zubовым изрубившие 1-й и 11-й полки венгерского гонведа. В 1917 году под командой генерала Врангеля дивизия прикрыла общее отступление за Збруч.

8-я кавалерийская дивизия генерала Зандера не имела случая отличиться. Она была в корпусе Новикова на левом берегу Вислы, затем у Вильны — Свенцян и, наконец, на Румынском фронте.

9-я кавалерийская дивизия князя Бегильдеева дралась в Галиции, под Львовом, на Сане и при осаде Перемышля. Пушки, взятые у австрийцев 1-м Уральским полком, послужили началом Уральской казачьей артиллерии, упраздненной после пугачевского бунта. В 1916 году в Брусиловское наступление казанские драгуны, бугские уланы и киевские гусары прославились, как мы знаем, атакой укрепленной позиции при Порхове, а уральцы — атакой у Гниловод.

10-й кавалерийской дивизии посчастливилось найти вождя в лице графа Келлера. Она прославила свои штандарты в конном бою 8 августа 1914 года у Ярославце, изрубив 4-ю австро-венгерскую дивизию (эскадроны и сотни всех четырех полков), у Перемышлян, Яворова — беззаветными атаками на пехоту и артиллерию, у Равы Русской, где одесские уланы выручили 9-ю пехотную дивизию, в карпатских предгорьях, в краковском походе. Переброшенная ранней весной 1915 года на бессарабско-буковинский рубеж, она под командой генерала Маркова (оставаясь все время в III конном корпусе графа Келлера), отличилась у Хотина, Баламутовки и Ржавенцев, изрубив 42-ю дивизию гонведа. В июне — июле дивизия вела отступательные бои у Коломеи (особенно кровопролитное у Виноград), а в 1916 году с отличием участвовала летом в горной войне в Буковине, а поздней осенью — в отступлении от Бухареста.

11-я кавалерийская дивизия генерала Вельяшева очень хорошо работала на Юго-Западном фронте в 1914 году в Галиции, затем в карпатских предгорьях, в 1915–1916 годах на Волыни: на Стыри и Горыни, а в Брусиловское наступление под Кошевом.

В превосходной 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина первым блестящим делом была знаменитая атака 2-го эскадрона ахтырцев Бориса Панаева 13 августа у Демни на австрийскую драгунскую бригаду. Четыре дня спустя дивизия выручила 8-ю армию комбинированным боем у Руды.

Генерал Брусилов, вообще чрезвычайно неблагодарный к памяти своих соратников, обвиняет в своих мемуарах генерала Каледина в том, что он у Руды вел пеший бой тремя полками, бросив в конную атаку одних ахтырцев, когда бы мог атаковать всей дивизией. Генерал Брусилов несправедлив. Приказ его Каледину в тот день гласил буквально: 12-й кавалерийской дивизии — умереть. Умирать не сразу, а до вечера! Генерал Каледин и действовал в духе этого приказа, затянув бой до вечера, что можно было добиться только

пешим строем. Атака всей дивизией в конном строю соответствовала бы приказанию умереть сразу.

Стародубовские драгуны первыми вступили во Львов. Всю остальную кампанию 1914 года в Галиции дивизия работала выше всякой похвалы. В 1915 году отметим атаку дивизии 18 марта у Залещиков и особенно атаку белгородских улан с полковником Чекотовским 29 сентября у Гайворонки на Днестре, где были изрублены майкеферы — прусские гвардейские фузилеры. В кампанию 1916 года при генерале Маннергейме дивизия имела хорошие дела на Волыни, а зимой — в Румынии.

13-я кавалерийская дивизия князя Туманова с отличием дралась под Красником (нарвские гусары у Аннополя). В 1915 году она была переведена на Северный фронт, участвовала в виленских боях (владимирские уланы у Оленца) и остальную войну провела на Западном фронте.

Районом действий 14-й кавалерийской дивизии в первые месяцы войны был левый берег Вислы к югу от Пилицы — Радом, Кельцы, Сандомир, а после — Лодзь. После Новикова дивизию принял генерал Эрдели. Она сражалась у Нарева, где 3 июля 1915 года у Нерадовы обессмертили себя митавские гусары и донцы 14-го полка, спасшие 1-ю армию от крушения фронта. Дивизия участвовала в Виленской операции и кампании 1916 года на Двине, а в 1917 году подавила июльское выступление большевиков в Петрограде.

В 15-й кавалерийской дивизии, где генерала Любомирова заменил летом 1915 года генерал Абрамов, — поход со 2-й армией в Восточную Пруссию (славная атака переяславских драгун на воинский поезд у Фридрихсгофа), февральские бои под Праснышем (где отличились украинские гусары), Литва, Курляндия и Двинский фронт.

Кавказская кавалерийская дивизия незадачливого Шарпантье в кампанию 1914 года действовала в Польше — у Ловича, Сохачева, Лодзи. Нижегородцы прославились своей, выручившей весь Северный фронт, атакой под Колюшками. Зимой 1914/15 годов она была переброшена на Кавказский фронт, где дралась на Евфрате и в Персии в корпусе генерала Баратова.

16-я кавалерийская дивизия генералов А. Драгомирова и Володченко образовалась из 2-й (гусарской) и 3-й (уланской) отдельных кавалерийских бригад и вначале именовалась Сводной. Уланы отличились в набеге на Раву Русскую в самом начале войны. Дивизия сражалась в Западной Галиции, под Новым Сандецом и в карпатских предгорьях. При отступлении от Горлицы в апреле 1915 года у Прухникова самоотверженно атаковали нежинцы, а черниговские гусары поддерживали атаку донцов Полякова у Олещицы. В Брусиловское наступление мы отметили лихие атаки черниговцев у Рафаловки и новоархангельских улан при Волчецке.

17-я кавалерийская дивизия генерала Каныцина была образована в 1917 году под Ригой и сколько-нибудь выдающихся дел не имела (в нее вошла 4-я отдельная кавалерийская бригада — Финляндский драгунский и Офицерской кавалерийской школы полки — 5-й и 10-й конные пограничные).

Сводная кавалерийская дивизия, которой командовали генералы Аболешев, князь Вадбольский и Свечин, имела в своем составе 1-й и 2-й Заамурские конные полки и Варшавскую гвардейскую бригаду, замененную летом 1915–1916 годов 1-й отдельной кавалерийской бригадой, полки которой — Архангелогородский драгунский и Иркутский гусарский — имели в 1914–1915 годах лихие конные дела в Восточной Пруссии и у Нарева (Тсиск).

Сразу по формировании дивизия участвовала в знаменитой атаке 28 апреля 1915 года у Городенки, где прославились 1-й и 2-й Заамурские конные полки. В кампанию 1916 года геройская атака 1-го Заамурского конного полка (поддержанного архангелогородцами и частью 2-го полка) у Нивы Злочевской спасла 11-ю армию. Отметим атаку 2-го Заамурского конного полка на укрепленную позицию у Кшаки, а в кампанию 1917 года — конную атаку 1-го Заамурского 13 июня под Швейковцами. Командиры атаковавших полков: 19-го драгунского Архангелогородского у Тсиска — Генерального штаба полковник Ник.

Степанов, 1-го Заамурского у Городенки — полковник Колзаков, 2-го Заамурского там же полковник Карницкий. В атаку при Ниве Злочевской замурцев 1-го полка вел Генерального штаба полковник Моравицкий. За Кшаки командир 2-го Заамурского конного полка полковник Карницкий награжден орденом св. Георгия 3-й степени. За Швейковцы командир 1-го Заамурского конного полка полковник Мосцицкий получил св. Георгия 3-й степени, став последним кавалером этого высокого отличия в Мировую войну.

3-й по 6-й Заамурские конные полки весной 1915 года, прибыв из Маньчжурии на Днестр, вначале действовали побригадно. Памятными остались дело генерала Черячукина с 3-м и 4-м полками 29 мая под Залещиками и блестящая атака барона Рекке с 5-м полком на артиллерию 31 августа у Мшанца. Сведенные летом в Заамурскую конную дивизию, они отличились в командование генерала Розалион-Сошальского в Брусиловское наступление атакой 2 июня 1916 года под Радзивиловом, а 19 июня у Дубовых Корчм и Злочевка. В кампанию же 1917 года дивизия дралась на Румынском фронте — и это были последние конные дела Мировой войны.

1-я Донская казачья дивизия отлично работала в августе 1914 года в томашовских боях. Войдя в состав III конного корпуса графа Келлера, она дралась у Недзелиски, Баламутовки, Ржавенцев, где полки ее захватили неприятельскую артиллерию, а затем в Буковине — у Черновиц, Кымполунга, Гринявы в Карпатах и в Румынии.

Лихие бои были во 2-й Сводной дивизии генерала Павлова в августе 1914 года у Городка (отражение и поражение 5-й австро-венгерской кавалерийской дивизии), Черткова (где казаки атаквали воинские поезда австрийцев на ходу), Дзюрина, Миколаева и в сентябре у Мармарош — Сигета. В III томе этого издания взятие 4-орудийной батареи австрийцев у Дзюрина 9 августа 1914 года ошибочно приписано Волгскому полку. На самом деле ее взяла конной атакой 2-я сотня 1-го Линейного полка есаула Тихоцкого. В кампанию 1915 года дивизия была на Дунайце и оттуда с генералом Красновым отходила из Галиции на Волынь, где имела удачное дело у Железницы, а в Брусиловское наступление — у Костюхновки.

3-я Донская дивизия действовала довольно бледно (Томашов, левый берег Вислы, Полесье). То же можно сказать и о 4-й (Томашов, Лодзь, Прасныш, Шавли).

5-я Донская дивизия хорошо работала в Томашовском сражении, дралась под Лодзью и Шавлями. Образованная впоследствии 6-я Донская дивизия была на Юго-Западном фронте. В Брусиловское наступление сражалась храбро, но не всегда успешно.

1-я Кубанская казачья дивизия была на Юго-Западном фронте и в Полесье. Она не имела выдающихся дел. 2-я, 3-я и 4-я Кубанские дивизии были на Кавказском фронте и не имели случая выдвинуться.

Терская казачья дивизия работала превосходно всю войну в Заднестровье и Буковинских Карпатах, неоднократно атакуя в конном строю.

Уральская казачья дивизия генерала Кауфмана Туркестанского воевала в Польше.

Сибирская казачья дивизия князя Мышецкого с отличием действовала в отступательных боях у Гродны и Вильны.

Сибирская казачья бригада (в которую вошли первоочередные полки войска) превосходно сражалась на Кавказском фронте под командой генерала Калитина. Особенно знамениты ее атаки под Ардаганом 24 декабря 1914 года и у Илджиджи за Эрзерумом 4 февраля 1916 года — обе в глубоком снегу и обе с захватом штабов, знамен и артиллерии врага.

Забайкальская казачья дивизия хорошо себя показала в Польше и Полесье.

С исключительным блеском действовала Уссурийская конная дивизия генерала Крымова, как в Польше и Литве, так и в Лесистых Карпатах. В ней особенно выделился Приморский драгунский полк (Жуromинек, Попеляны, Иоганишкели), уничтоживший одновременно 8 германских кавалерийских полков (с соответственным количеством пехоты).

1-я Туркестанская казачья дивизия на Западном фронте и 2-я Туркестанская казачья

дивизия на Кавказском фронте ничем не выделились.

Оренбургская казачья дивизия показала себя зимой 1915/16 годов в Полесье, где оренбургские казаки составили ядро партизанских отрядов. Но день ее славы был 15 июля 1916 года под Кошевом. После кошевской атаки, как свидетельствует в своей истории войны австрийский Генеральный штаб, в войсках вновь появился страх перед казаками — наследие первых кровавых дел войны....

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова с отличием действовала летом 1915 года на Евфрате, а в 1916 году — в Персии.

2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева — в Алашкертской долине, в феврале 1916 года на штурме Битлиса, а летом на Евфрате.

4-я Кавказская казачья дивизия — в Азербайджанско-Ванском отряде и 5-я Кавказская казачья дивизия — у Мамахатуна и Эрзинджана. 3-я Кавказская казачья дивизия с самого начала войны была на Юго-Западном фронте в Галиции и Полесье.

Кавказской Туземной дивизией — или, как ее называли, Дикой дивизией — в 1914–1915 годах командовал великий князь Михаил Александрович. Дивизия имела блестящие дела зимой в Карпатах, весной 1915 года в Заднепровье и осенью на Днестре у Гайворонки. Командир Черкесского полка полковник князь Святополк-Мирский за атаку 15 февраля 1915 года на Карпатах был посмертно награжден орденом св. Георгия 3-й степени. В атаках у Гайворонки отличились 2-й Дагестанский и Татарский полки. 15 июля 1916 года в Брусиловское наступление она отличилась атакой ингушей под Езерянами.

Отметим два отдельных полка.

Крымский конный полк в начале войны работал на Северном фронте, а с весны 1915 года был придан новообразованному XXXIII корпусу в Заднепровье. Он участвовал во всех славных боях заамурской пехоты и особенно отличился при Нараювке в сентябре 1916 года.

И, наконец, Текинский конный полк, геройски работавший всю войну и особенно блестяще действовавший в Доброноуцком сражении.

Русская артиллерия решила участь Мировой войны блестящей стрельбой 25-й и 27-й артиллерийских бригад 7 августа 1914 года на полях Гумбиннена в Восточной Пруссии. Эти батареи сорвали все планы и расчеты германского командования на Французском фронте.

В искусстве стрельбы наши артиллеристы не знали себе соперников. Искусству этому были поставлены, однако, две большие препоны: во-первых, ненадежность снабжения боевыми припасами первый год войны, во-вторых, неудовлетворительность старших артиллерийских инстанций, узость их тактического кругозора.

Артиллеристы считали себя как бы мастерами пушкарского цеха, обособленного от войск, и свою артиллерийскую тактику мыслили вне всякой связи с общевойсковой. Артиллерийский офицер, приобщавшийся к этой общевойсковой тактике в академии Генерального штаба и расширявший этим свой тактический кругозор, назад в артиллерию не принимался. Он считался как бы отрезанным ломтем и зачислялся по пехоте, а если был конноартиллеристом — то по кавалерии.

Благодаря этому антагонизму между артиллерией и Генеральным штабом (в чем виноваты обе стороны), антагонизму, существовавшему еще издревле — с гладкоствольных времен и тщательно культивировавшемуся, — в строю артиллерии не было офицеров с высшим тактическим образованием и с широким тактическим кругозором. На должностях командиров батарей и дивизионов этот недостаток не давал себя знать, но на должности командира бригады делался сразу ощутительным, а на должности инспектора артиллерии корпуса — болезненным.

От подпоручика до генерал-инспектора артиллерии наши артиллеристы полагали: все дело — в меткой стрельбе. Они добивались этой меткой стрельбы добились ее на славу, но им в голову не пришло облечь эту свою меткую стрельбу в тактические формы. Тактика считалась достоянием одиозного Генерального штаба. Ревниво оберегая свое дело от его посягательств, артиллеристы, в свою очередь (за очень немногими исключениями), стремились игнорировать все, что выходило за рамки пушкарского цеха.

Уже в артиллерийских училищах тактика преподавалась в виде проформы. Быть ездовым коренного уноса там считалось гораздо почетнее, чем иметь 12 баллов по тактике. Эта психология осталась навсегда. Интересовались исключительно техникой — техникой стрельбы, материальной частью (особенно этой последней). Об артиллерийском деле в рамках военного искусства не помышляли.

Увлечение материальной частью переходило границы целесообразности. На инспекционных поверках от офицеров требовалось знание веса в долях золотника самого ничтожного штифтика, поперечной нагрузки всякого винтика. Не засоряя голов и сберегая время, все это можно было поместить в справочную книжку. Ездившая незадолго до войны во Францию наша артиллерийская миссия обратила все свое внимание опять-таки на материальную часть, совершенно пренебрегая тактической стороной дела. Русские генералы и подполковники не нашли ничего лучшего, как сфотографироваться номерами у французской полевой пушки. В то же время никому из них не пришло в голову познакомиться с книжкой полковника Файоля (будущего маршала) Сосредоточение огня, проводившей оригинальные тактические идеи об организации огневого кулака.

В результате если наш батарейный командир легко расправлялся с немецким, то немецкий командир бригады — тактик и немецкий корпусной инспектор — тактик рассчитывались за это с русскими бригадным и корпусным мастерами пушкарского цеха.

Мы признавали только фронтальный огонь, стреляя прямо перед собой, действовали исключительно лобовым натиском. Наш огонь был меток, но в крупных соединениях не гибок. Немцы оставляли по фронту незначительное количество батарей, а всеми силами, собранными в кулак, наваливались во фланг, действовали косопримельно. Лучшая тактика, численное превосходство и неограниченное питание огневыми припасами ставили германскую артиллерию в самое выигрышное положение, но наши артиллеристы своей сноровкой и меткостью стрельбы восполняли свои тактические пробелы. В равных силах германская артиллерия ничего не значила перед нашей. В полуторном получалось устойчивое равновесие. В двойном — что было обычным явлением — наша артиллерия выходила с честью из неравного и тяжелого поединка. Для решительного успеха немцам надо было сосредоточивать по меньшей мере тройное количество батарей.

Наша пехота жаловалась — и совершенно основательно — на страх наших артиллеристов потерять орудия и их тенденцию прятаться за спину пехоты и оставлять ее без поддержки в самую критическую минуту. Эту бесцеремонность русских артиллеристов по отношению к своей пехоте отметил и Морген. Наша артиллерия исходила из абсурдного и вредного положения: пушки — наши знамена! Терять орудия считалось бесчестным. Покинуть в критическую минуту погибающую пехоту, лишить ее поддержки — за бесчестие не считалось и было в порядке вещей.

Следует отметить, что австрийская артиллерия стреляла значительно лучше германской, научившись многому у нас. Все, что сказано о пехотных наших дивизиях, относится и к их артиллерии, подготавливавшей их успехи и смягчавшей их неудачи.

* * *

Инженерные войска выполнили очень большую работу по укреплению 2,5 тысячи верст фронта от Балтийского моря до Черного и от Черного до Каспийского. Наряду с этим они оборудовали дорогами и мостами прифронтную полосу и затратили много сил и энергии на приведение в боевую готовность крепостей Ивангорода, Варшавы, Новогеоргиевска, Осовца, Ковно, Бреста, Гродно, Усть-Двинска и на циклопические и бесполезные работы в Свеаборге, Выборге, Ревеле и Карее. Особо следует упомянуть о замечательной деятельности железнодорожных войск.

Авиация, учрежденная только в 1911 году, выступила на войну, не имея ни уставов, ни руководств. В ней царил чисто спортивный дух — увлечение всякого рода рекордами. Назначение авиации полагали исключительно в разведке — боевая ее подготовка была чрезвычайно слаба.

С первых дней войны спортивный дух быстро сменился боевым. Русские летчики

прославились блистательными подвигами. Всем известен геройский подвиг изобретателя мертвой петли штабс-капитана Нестерова, протаранившего неприятельский самолет ценою собственной гибели. В холмских боях июля 1915 года поручик Покровский (будущий герой Добровольческой армии) с наблюдателем корнетом Плонским атаковали вооруженный пулеметом немецкий Альбатрос, имея только револьверы, заставили неприятеля сесть на землю, снизились рядом сами и захватили аппарат и летчиков буквально на виду подбегавших австрийских цепей. Из летчиков-истребителей особенно отличился полковник Казаков, сбивший 30 неприятельских самолетов¹³⁶ и не побоявшийся с успехом повторить подвиг Нестерова, на что не осмелился ни один союзный и ни один германский летчик.

С начала 1915 года появилась истребительная авиация и в то же время Сикорским создана авиация бомбардировочная — первые в мире воздушные корабли (Ильи Муромцы). Сикорский первый стал строить многомоторные самолеты. С лета 1916 года у нас появились боевые эскадры, ядром которых служил обычно отряд воздушных кораблей с придачей 2–4 истребителей. Особенно интенсивный характер приняла воздушная война в Ковельском районе в период наших сентябрьских наступлений. На Западе немцы теряли 1 аппарат на 2 союзных. В России за каждый сбитый русский самолет платились своим. За лето 1916 года немцы сбили 182 англо-французских самолета и потеряли 75. На русском фронте, сбив 23, потеряли 20¹³⁷.

За исключением кораблей Сикорского, все самолеты были иностранного происхождения. Авиационной промышленности у нас создать не умели¹³⁸ — и это ставило Россию в полную зависимость от произвола и злой воли ее союзников.

* * *

Нам необходимо, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать работу второй руки потентата — флота.

Руководство морскими силами было сосредоточено в Ставке. Флотом командовали за тысячу верст из болот Полесья и командовали по-болотному.

Ставка запрещала всякую активность Балтийскому флоту, несмотря на ничтожность германских сил принца Генриха, состоявших исключительно из старых кораблей. Всю войну в нашем распоряжении был германский морской шифр, благодаря которому все намерения неприятеля были нам заранее известны. Шифр этот достался нам при уничтожении в самом начале войны крейсера Магдебург. Немцы об этой нашей находке и не подозревали. Мы немедленно поделились этим нашим ценнейшим открытием с англичанами. Имея такой небывалый козырь, мы могли бы всю войну действовать нападатально, громя германские балтийские силы, уклоняясь от флота Открытого моря.

Но флотоводца в Барановичах — Могилеве не было, как не было и полководца. О морской стратегии там так же не имели понятий, как и о сухопутной. Все распоряжения Ставки по морской части были проникнуты страхом потерять корабли. Флот обрекался на бездействие и неизбежную деморализацию... Страшась потерять один-два корабля, Ставка погубила всю российскую морскую силу. Наши четыре Гангута обеспечивали нам подавляющее превосходство над силами принца Генриха. Имея эскадренный ход до 24 узлов (скорость свыше контрактной) и вооруженные более дальнобойными орудиями, чем немцы, они могли бы с отличным успехом сразиться и с частями флота Открытого моря, выходившими в Балтику и имевшими эскадренную скорость не свыше 18 узлов. Двукратный печальный опыт управления флотом с берега — Меншикова в 1854 году, наместника Алексея в 1904 году, оба раза приведшего флот к гибели, пропал совершенно даром...

Командовавший Балтийским флотом адмирал Эссен безвременно скончался весной 1915 года — как раз перед вступлением в строй новых кораблей. Его преемник адмирал Непенин при всех своих выдающихся качествах не имел достаточно авторитета в глазах Ставки и должен был подчиняться ее безнадежно пассивным директивам. Организованная адмиралом Непениным разведка причинила неприятелю огромный вред — ее плодами всю войну пользовался британский флот: все английские операции на море — результаты русской разведки. Русский флот был мозгом британского. Германское морское командование

угадало в Непенине и его высококвалифицированных офицерах своих опаснейших врагов.

Следует отметить, что русские услуги были совершенно односторонними. Узнавая планы противника, добыв его шифр, мы немедленно, без того, чтобы нас о том просили, делились нашими сведениями с союзниками. Англо-французы, получив еще в начале весны 1915 года благодаря чешским патриотам контроль над кайзер-линией — специальным кабелем, соединявшим австро-венгерскую Главную квартиру в Тешене с германской в Спа, не сообщали нам текста перехваченных переговоров неприятеля, жизненных между тем для русского фронта и России. Лорд Китченер по собственной инициативе пытался было нас осведомлять (перед Горлицей). Но, очевидно, ответственные руководители британской политики запретили своему командованию осведомлять Россию, так как с марта месяца 1915 года эти сообщения сразу прекратились.

Руководство морскими силами в мирное время — Морское министерство и морской Генеральный штаб — было лишено всякого стратегического чутья. Судостроительные программы разрабатывались исключительно с узкотехнической точки зрения и совершенно не обсуждались стратегически. Стратег указывал Балтийскому флоту оборону, а судостроитель не дал ему ни одного корабля береговой обороны и снабдил заградителями из старых фрегатов с 11-узловым ходом. Черноморскому флоту надлежало заниматься крейсерством у турецких берегов с целью воспрепятствовать переброске сил на Кавказский фронт — и в составе его как раз не оказалось крейсеров. Постройка первой дивизии дредноутов начата была для Балтийского флота. Эти четыре корабля дали бы нам полное господство над Черным морем и предупредили бы оказавшееся гибельным для России выступление Турции — на Балтийском же море создавшегося положения дел они не изменили.

Со всем этим Балтийский флот поставленные ему более чем скромные задачи выполнил вполне успешно. Не столь успешно работал Черноморский флот, показавший более высокие боевые качества, но имевший в лице адмирала Эбергардта гораздо худшего руководителя. В общем же, если от армии потребовали более того, что она могла бы дать без надрыва, то всех возможностей флота не использовали.

На этом мы могли бы закончить наш скромный труд. Мы описали, как могли, жизнь и работу Императорской Российской армии — армии, созданной Царями, и создавшей Российскую Империю, стараясь не пропустить ни одной светлой страницы и не замалчивая темных. Но описание наше не выйдет полным, если мы из тех темных страниц не дойдем до самой темной. И к написанным семнадцати главам нам придется с болью в сердце прибавить еще одну.

Глава XVIII. Без веры, царя и отечества

Тройной подкоп

К началу третьей осени Мировой войны определились силы, ставшие подрывать тысячелетние устои Российского государства. По своему происхождению силы эти из трех, совершенно различных источников.

Первую группу составляли придворные круги — уклонявшиеся от фронта великие князья и представители высшего света. Их интриги были направлены особенно против царствовавшей Императрицы. Предметом их мечтаний был дворцовый переворот — устранение Государя и, во всяком случае, Государыни, а предельным их достижением — отвратительное и бессмысленное убийство Распутина. Имя Распутина¹³⁹ стало своего рода жупелом для страны.

Значение этого человека было безмерно преувеличено современниками. Чрезвычайно искусный магнетизер-знахарь, бессознательно пользовавшийся, этой своей силой, он с неизменным успехом лечил наследника от гемофилии — болезни, с которой были бессильны совладать лучшие врачи. Этим он приобрел сердечную признательность исстрадавшихся

царственных родителей, которые с доверием относились к нему как представителю подлинного русского народа и уважали его истовое благочестие, искусно наигранное.

Распутин пользовался этим расположением царской семьи самым корыстным образом, пустившись в разные сомнительные дела. Донельзя развращенное высшее общество столицы развратило и дворцового лампадного. Когда о его бесчинствах и оргиях докладывали Государю и Государыне, они — сами чистые душой — с негодованием отказывались верить этой клевете и навсегда оставались враждебными клеветнику. Так мало-помалу от трона было удалено все то небольшое честное, что еще оставалось в придворных кругах. Царскую семью стали окружать либо себялюбивые и ничтожные карьеристы, либо ослепленные мистики.

В салонах этих высокопоставленных или, еще хуже, августейших особ сочинялись инсинуации самого гнусного свойства. Салонные эти сплетни делались достоянием улицы, роняя в грязь престиж Династии. В общем, эта группа назовем ее придворной — рубила тот сук, на котором сидела.

* * *

Вторая группа — чрезвычайно могущественная и влиятельная — представлена была всей либеральной общественностью во главе с Государственной думой, Земско-городским союзом и Военно-промышленным комитетом. Удельный вес этой группы был неизмеримо значительнее. Владея огромными денежными средствами и всей русской печатью, она создавала общественное мнение страны.

Целью этих прогрессивно-парламентских кругов было на первых порах создание ответственного министерства (ответственного перед ними самими — и только перед ними).

Сгорая властолюбием, они торопились сменить бездарных бюрократов и самим вершить судьбами России, руководясь при этом исключительно теоретическими познаниями, почерпнутыми из примеров заграничных законодательных учреждений. О том, что сейчас война и что надорванный непомерно тяжелыми усилиями организм страны может и не выдержать добавочного испытания — борьбы за власть и экспериментов новых порядков, никто из этих кандидатов в великие люди не отдавал себе отчета. Наоборот, в войне они видели благоприятное обстоятельство, могущее потом не повториться. Удачный исход войны укрепил бы ненавистное самодержавие, а потому надлежало прийти к власти теперь же, во время войны, и довести эту войну в единении с союзниками до победного конца. Союзные посольства, в частности британское (Бьюкенен¹⁴⁰), питали к этой парламентско-общественной группе горячие симпатии, вряд ли платонические.

Главные свои усилия оппозиционная общественность обратила на привлечение к себе вооруженной силы. Она отчетливо сознавала, что победит тот, на чьей стороне окажется армия. Опыт 1905 года был учтен полностью: для успеха надо было заручиться содействием штыков — вернее тех, кто располагал этими штыками. Еще в 1905–1906 годах возник довольно радикальный Всероссийский офицерский союз, скоро прекративший, впрочем, свое существование. Одним из главных его деятелей был библиотекарь академии Генерального штаба Масловский (по партии Мстиславский) — недостойный сын нашего военного ученого, бывший душою всей конспирации. Его квартира при академии служила надежным убежищем для нелегальных и складом оружия и литературы. Масловский составил руководство по уличным боям, которым впоследствии воспользовался Ленин.

Еще задолго до войны члену Думы Гучкову удалось создать военно-политический центр — так называемую Военную ложу, — проводивший идеи всероссийской оппозиции в среде молодых карьеристов Главного управления Генерального штаба. Происшедшая в 1908 году в Турции революция младотурок навела Гучкова на мысль произвести подобного рода переворот и в России. Для ознакомления с техникой переворота Гучков ездил тогда же в Константинополь. По возвращении его в Россию и родилась Военная ложа, организованная по образцу масонских лож. Не будучи масонской по существу, Военная ложа была связана тем не менее — через того же Гучкова — с думской ложей определенно масонского повиновения. Соучредителями Гучкова по Военной ложе были генералы Поливанов¹⁴¹,

Лукомский, Гурко. Тесная дружба между Василием Иосифовичем Гурко и Гучковым началась со времени Трансваальской войны, на которой оба они участвовали на стороне буров.

Заседания ложи происходили на квартире Гурко — Гучков пользовался генералом Гурко, как ширмой. Удаление генерала Гурко в Москву на должность начальника 1-й кавалерийской дивизии было следствием доклада генерала Сухомлинова Государю о деятельности ложи. Как мы видели, члены вербовались преимущественно среди молодых карьеристов Главного управления Генерального штаба (одним из них был, например, Бонч-Бруевич). Сухомлинов, а через него и Государь, узнали о существовании этого военно-политического центра.

Император Николай Александрович не пожелал крутых мер. Ложу оставили существовать, ограничившись переводом ее членов из столицы на первые же открывшиеся вакансии. Таким образом, к началу войны ложу удалось в значительной степени обезвредить.

Оппозиции удалось создать себе кадр молодых, напористых и беспринципных проводников ее идей — тот рычаг, которым при возможности надлежало действовать на высших военачальников. Возможность эта представилась в конце первого года войны — к осени 1915 года. Оппозиционная общественность использовала несчастье своей Родины — поражения на фронте — к своей выгоде, развив исступленную антиправительственную агитацию.

Наступил момент привлечь на свою сторону вождей армии, используя их политическую неграмотность и играя на их патриотических чувствах. Замершая было с войной деятельность Военной ложи вновь оживилась. Влияние ее членов значительно к тому времени возросло.

Капитаны стали полковниками, полковники — генералами. Правая рука Гучкова — аморальный Поливанов — возглавлял Военное ведомство. 8 сентября 1915 года Гучков отдал свою диспозицию номер первый, провозглашавшую войну на два фронта против германской коалиции — вовне и против самодержавия — внутри.

За зиму 1915–1916 годов и за 1916 год выкристаллизовались методы этой войны на два фронта. Заветной целью оппозиционной общественности была власть. Средством для достижения этой власти должен был стать дворцовый переворот устранение Государя, а если возможно, то и вообще монархического строя. Правителями России намечался триумvirат в составе: председателя Думы Родзянко¹⁴² (регентом или президентом), председателя Земско-городского союза князя Львова (председателем Совета министров) и председателя Военно-промышленного комитета Гучкова (военным министром). Мы видим, что Гучков заимствовал от младотурок не только технику переворота, но и схему управления — триумvirат. В Талаты он прочил Родзянку, в Джемали — Львова, а в Энверы — самого себя.

К осени 1916 года триумvirату Родзянко — Львов — Гучков удалось наложить свою руку на российскую вооруженную силу в лице ее вождей. Одни из них были посвящены в заговор, другие взяты под контроль соответственно подобранным окружением.

На Северном фронте генерал Рузский — целиком во власти Юрия Данилова и Бонч-Бруевича — перешел в стан заговорщиков.

На Западном фронте лояльный генерал Эверт и его начальник штаба незначительный генерал Квещинский зорко опекались генерал-квартирмейстером Лебедевым (Павлом) и его офицерами.

Главкомандовавший Юго-Западным фронтом генерал Брусилов затаил в душе горькую обиду на Государя, оставившего без награды его знаменитое наступление. Заговорщикам не пришлось его долго упрашивать.

На новоучрежденном Румынском фронте генерал Сахаров был в плену у своего штаба.

Наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич находился в большой и плохо скрытой вражде к Государю и Государыне. Участие в заговоре он, однако, отклонил, предпочитая занять выжидательную позицию. В октябре 1916 года князь Львов отправил к великому князю Николаю Николаевичу своего сотрудника по Земско-городскому союзу

тифлисского городского голову Хатисова с предложением примкнуть к заговору. Вместо того чтобы повесить Хатисова за это предложение своей властью наместника, великий князь попросил у него сутки на размышление и по прошествии этого срока отклонил приглашение. Свой отказ он мотивировал тем, что солдаты откажутся идти на Царя и что поэтому движение обречено на неудачу и он не желает участвовать в этом слишком рискованном предприятии.

Но самым важным приобретением триумvirата было согласие на участие в заговоре ближайшего и доверенного сотрудника Государя генерал-адъютанта Алексеева. Оно одно обеспечивало почти целиком успех крамолы. Болезнь генерала Алексеева побудила отложить задуманный на 30 ноября переворот (арест Государя на пути из Ставки в Петроград). Заместившему генерала

Алексеева генералу Гурко заговорщики не доверяли, несмотря на его близкие отношения к Гучкову. Новый генерал-квартирмейстер Ставки генерал Лукомский был для них вполне своим человеком.

Так дали себя обмануть честолюбивым проходимцам генерал-адъютанты Императора Всероссийского. Невежественные в политике, они приняли за чистую монету все слова политиканов о благе России, которую сами любили искренне. Они не знали и не догадывались, что для их соблазнительей благо Родины не существует, а существует лишь одна-единственная цель — дорваться любой ценою до власти, обогатиться за счет России.

Самолюбию военачальников то льстило, что эти великие государственные мужи — соль земли русской — беседуют с ними как с равными, считают их тоже государственными людьми.

Им и в голову не пришло, что от них скрыли самое главное. Что удар задуман не только по Императору Николаю II (которого все они считали плохим правителем), а по монархии вообще. Что их самих используют лишь как инструмент, как пушечное мясо, и что они, согласившись по своему политическому невежеству продать своего Царя, сами уже давно проданы теми, кто предложил им эту сделку с совестью.

* * *

Третья группа притаилась в подполье. Это была зловещая группа пораженцев. Политические эмигранты марксистского толка — партия социал-демократов большевиков во главе с Лениным — составляли за границей ее головку, а в самой России находились кадры боевиков — распропагандированного фабрично-заводского пролетариата, особенно сильные в Петрограде. Программой этой группы был захват власти и установление сначала в России, а затем и во всем остальном мире социалистического строя на основе коммунистической диктатуры пролетариата. В деятельности этой группы, рассчитывавшей на поражение России, была заинтересована Германия, почему мы и назовем ее германо-большевистской.

Таким образом, схематически антирусские силы представлялись в следующем виде.

Первая группа — придворная. Состав — придворные круги, праздный высший свет и оппозиционные члены Императорской Фамилии. Цель — дворцовый переворот.

Исполнители — кучка офицеров. Средства — интриги. Программы никакой.

Вторая группа — общественники. Состав — вся либеральная оппозиция. Цель замена бюрократически самодержавного строя конституционно-демократическим путем дворцового переворота, а в дальнейшем — учреждение демократической республики. Исполнители — высшие военачальники. Поддержка — союзные посольства. Средства — русские капиталисты-толстосумы, общественное мнение, думская трибуна и печать.

Третья группа — германо-большевистская. Состав — политическая эмиграция за границей, революционное подполье в России. Цель — социальная революция. Средство — вооруженное восстание и развал армии. Исполнители — боевики. Поддержка — германское командование.

Эти три группы работали, само собою разумеется, вне всякой связи друг с другом, каждая отдельно. Но их разрозненные усилия устремлены были в одном направлении. При этом придворная группа играла на руку общественной своей травлей Государя и

Государыни, а общественная группа травлей всего бюрократического строя чрезвычайно облегчала работу германо-большевистской группы.

Великие князья и дамы света, генерал-адъютанты и думские трибуны, земские деятели и военно-промышленные дельцы — все вместе прокладывали дорогу притаившимся в подполье марксистам и боевикам.

Императорское правительство являло картину совершенного упадка. С убийством Столыпина ушел последний государственный человек, теперь же с уходом в 1916 году старика Горемыкина¹⁴³ ушел и последний сановник...

Началась дикая вакханалия интриг, сведения личных счетов и мышинной возни всевозможных комбинаций — скорбная эпоха, вошедшая в историю нашей Родины под именем министерской чехарды. Всюду искал людей Император Николай Александрович — и нигде не нашел их... Неожидаемые назначения сменялись поэтому назначениями еще более неожиданными. Общественное мнение желало видеть здесь одни лишь происки Распутина, со злорадством наблюдая тяжелую драму своей Родины.

Бездарного, но честного столоначальника Горемыкина сменил незадачливый Штюмер — человек с немецкой фамилией, разумеется, сделанный немедленно ставленником немки, агентом Германии, изменником, мечтающим о сепаратном мире. А вслед за Штюмером, в декабре 1916 года, назначен был убогий князь Голицын¹⁴⁴. Голицын был назначен председателем Совета министров только потому, что владел французским и английским языками. Государь хотел было Рухлова — человека способного и умного, но не говорившего на иностранных языках. В Петрограде же собиралась конференция союзников. Считалось, что министры Российской Империи не смеют говорить с иноземными по-русски, а подобно швейцарам больших гостиниц должны говорить с каждым на его языке. Садясь на председательское кресло, он не подозревал, что сел на облучок погребальной колесницы...

* * *

1 ноября 1916 года член Думы Милюков¹⁴⁵ произнес свою знаменитую речь Глупость или измена — речь, направленную против Императрицы Александры Феодоровны в составленную по инсинуациям австро-германских бюро печати. Если диспозицию номер первый Гучкова можно было рассматривать как приказ о всеобщей мобилизации, то речь Милюкова, бывшая одновременно и глупостью, и изменой, стала открытым объявлением войны.

Настроение общества из оппозиционного стало революционным, и все внимание его к зиме 1916–1917 годов с внешнего фронта переключилось на фронт внутренний. Никто уже не следил за картой, не передвигал с замиранием сердца на ней булавок — все набрасывались на газеты, но не на сообщения Ставки (те времена уже прошли), а на пестревшие знаменательными и волнующими белыми местами отчеты думских заседаний. Гаденький шепот полз, все ширясь, по стране, захватывая все большие пространства, все более широкие круги населения. Вспышка патриотизма, охватившая в июле 1914 года Россию, при всей своей мощности была непродолжительной. Подобно вороху соломы, энтузиазм вспыхнул ярким пламенем — и быстро погас.

В этом виновато было правительство, не сумевшее использовать исключительно благоприятную возможность всенародного подъема, не догадавшись создать аккумулятор для длительного использования внезапно проявившейся энергии, огромный заряд которой пропал поэтому даром. Виновато и общество, оказавшееся неспособным на длительное волевое усилие и скоро вернувшееся в свое обычное состояние едкого скептицизма и страстной, но бесполезной (потому что злостной) критики. Инерция трех поколений никчемных людей взяла верх. Война затронула интеллектуальный отбор в России гораздо слабее, чем в остальных странах. На фронт пошел лишь тот, кто хотел доказать любовь к Родине не на словах, а на деле. Для большинства же интеллигенции военный закон — и так преступно снисходительный для образованных — существовал лишь для того, чтобы его обходить.

Начиная с весны 1915 года, когда выяснился затяжной характер войны, стремление

устроиться как-нибудь, приспособиться где-нибудь побезопаснее стало характерным для огромного большинства этой соли земли. В ход пускались связи и знакомства — и цветущий здоровьем молодой человек объявлялся неизлечимо больным либо незаменимым специалистом в какой-нибудь замысловатой области. Характерным показателем глубокого разложения русского общества было то, что подобного рода поступки не вызывали почти ни у кого презрения и осуждения. Наоборот, общество относилось к таким приспособившимся скорее сочувственно.

Бесчисленные организации Земско-городского союза стали спасительным прибежищем для полутора тысяч интеллигентных молодых людей, не желавших идти на фронт, щеголявших полувоенной формой и наводнявших собой отдаленные тылы, а в затишье и прифронтовую зону. Эти земгусары имели на армию огромное разлагающее влияние, сообщая части фронтового офицерства и солдатам упадочные настроения тыла, став проводниками ядовитых сплетен, мощным орудием антиправительственной агитации. На это и рассчитывали учредители и возглавители Земгора, которым необходимо было заручиться поддержкой возможно более широких военных кругов в своей борьбе с правительством.

Духовному оскудению сопутствовало падение нравов. Оно наблюдалось во всех воевавших странах, но ни в одной из них не сказалось в таких небывалых размерах, как в России.

Разгулу способствовало обилие денег — излишне высокие оклады военного времени, а главное — непомерная нажива общественных организаций на поставках в армию. Фронт утопал в крови, тыл купался в вине. Хаотическое беженство лета осени 1915 года с его психологией после нас — хоть потоп! и все равно пропадать! тоже способствовало всеобщей деморализации. Но главными растлителями духа были безобразно раздувшиеся организации Земско-городского союза с их сотнями тысяч развращенной мужской и женской молодежи. Общество стремилось забыть о затянувшейся войне. А общественность видела в ней дело прибыльное и экономически и сулившее заманчивые политические возможности.

Война чрезвычайно развратила деревню. Политически и экономически русское крестьянство эволюционировало за три года с 1914-го по 1917 год больше, чем за три поколения с 1861-го по 1914 год.

Материальное благосостояние крестьянства повысилось. Хлеба сеялось меньше, и он был в большой цене. Семьи взятых на войну получали щедрые денежные пособия, превышавшие заработок кормильца. Деревня, отдавая Царю своих сынов, сама богатела — у нее появились городские потребности и городские привычки.

Но этот материальный подъем сопровождался страшным духовным оскудением. Падение религиозного чувства, разврат и рост хулиганства сопровождалось развитием бунтарского духа и стяжательских инстинктов. Этот бунтарский дух и стяжательские инстинкты нашли себе удовлетворение в диких разгромах помещичьих усадеб и культурных хозяйств в 1917 году и в расчетливом, бездушном снимании за горсть муки последней рубашки с умиравшего от голода буржуа в 1918–1921 годы.

С каждым месяцем все явственнее сказывалась непомерность напряжения, потребовавшегося от России. Ни политически, ни экономически (экономия вытекает из политики) наше Отечество не было к такому напряжению подготовлено.

Осенний призыв в 1916 году срока 1918 года захватил пятнадцатый миллион землепашцев и кустарей. Поля зарастали бурьяном. Гужевой промысел был парализован — и запасы зерна все труднее становилось подвозить на железную дорогу. В городах, а затем и на фронте все чаще стали случаться нехватки продовольствия. Транспорт неуклонно разваливался. Потеря летом 1915 года стратегической железнодорожной сети оказалась роковой. Обслуживание всех потребностей страны и небывало разросшейся вооруженной силы легло на слабо оборудованную экономическую сеть, которая с этой явно для нее непосильной задачей справлялась все с большими перебоями. Кровеносная система страны была поражена склерозом.

Экономическая структура России резко отличалась от таковой же Центральной и

Западной Европы. Там основой ее было заводское производство, у нас же кустарное. Количество лошадиных сил германской промышленности превышало наше в 13 раз, французской — в 10 раз. То, что немцы и французы делали машинным способом, мы должны были делать вручную. А это требовало в несколько раз большего количества рабочих рук в тылу — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. На Западе человека заменяла машина — в России человека заменить было нечем. Человеческий запас России оказался относительно гораздо меньшим, нежели в союзных или неприятельских странах — в декабре 1916 года был уже объявлен набор срока 1919 года, тогда как во Франции и в Германии еще не был призван срок 1918-го.

Нездоровый мистицизм на самом верху страны, и, как следствие мистицизма, ослепление; интриги в высших слоях, недовольство и раздражение в средних, озлобление на низах — все на фоне непрерывно растущей разрухи, невозможного напряжения и непомерной усталости — такова была картина России в последние месяцы петровской империи.

Русская армия на третий год войны

Объезжая войска осенью 1916 года. Император Николай Александрович вызвал из строя старослуживших солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту — из иных рот никто не выходил.

Первый, кадровый, состав императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях 1914 года.

Второй окрасил своей кровью снег первой зимней кампании — снег Бзуры, Равки и Карпат.

Третий состав — это перебитые, но не разбитые полки великого отхода.

Пришедший ему на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию.

Пятый лег в ковельские болота.

Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой.

Шесть составов переменяла вообще вся пехота. Однако добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшиеся на Юго-Западном фронте, переменяли свой состав за войну 10 раз и более. 48-я пехотная дивизия, например, 12 раз. 1-я Сибирская дивизия за один первый год войны переменяла шесть составов (из строя 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка с сентября 1914 года по август 1915 года убыло 20 000 человек). Через Лейб-Гвардии Гренадерский полк с начала войны по август 1917 года прошло, по словам генерала Рузского, 44000 человек — 11 полных составов... Все эти части принадлежали к числу наиболее стойких, пленных врагу не оставляли, так что все это были кровавые потери.

Изменение состава повлекло за собой изменение облика армии. Она стала действительно вооруженным народом. Офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего только несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те, ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае — двухмесячный курс учения в запасном полку, солдат попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное учение в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища.

Сами по себе эти русские люди были храбрыми, выносливыми и способными при случае на подвиг отваги и самопожертвования. Со всем этим они представляли совершенно сырую, необработанную массу. Это далеко еще не были солдаты, подобно тому, как их наскоро произведенное начальство далеко не могло считаться господами офицерами.

* * *

На полк оставалось пять — шесть коренных офицеров, редко больше (обычно на должностях командиров батальонов и заведующих хозяйственной частью). В ротах и командах состояло 30–40 офицеров военного времени, а командир полка, как правило, отбывал мимолетный ценз и ничем не был связан с полком. Офицерская среда была пестра по составу, разнообразна по происхождению и неодинакова по качеству. Старая полковая

семья погибла, новая не имела возможности создаться.

Остатки кадрового офицерства распределились между фронтом, где на них, в сущности, все и держалось, и тылом, где наряду с незаменимыми специалистами поспешили устроиться менее стойкие элементы нашего офицерского корпуса. Отбор по этим двум категориям произошел в первые же месяцы войны. Просматривая списки вышедших на войну кадровых офицеров, можно всегда на полк найти 4–5 офицеров, обычно аттестованных выдающимися, сказавшихся контуженными в первом же деле и больше в полк не возвращавшихся. Полк в их лице мало что терял. Подобное явление наблюдалось во всех воевавших армиях.

Превосходными оказались офицеры из подпрапорщиков. Недостаток образования они восполняли высоким сознанием долга и жертвенной преданностью к воспитавшему их полку. Очень хороши были и офицеры из вольноопределяющихся. Эти немногочисленные категории офицеров были почти целиком перебиты к концу 1916 года. Уцелевшие были в чине поручиков и штабс-капитанов.

Что касается главной массы офицерства — прапорщиков ускоренного производства, — то первые их выпуски дали армии уже к весне 1915 года много превосходных боевых офицеров, поверхностно подготовленных, но от всего сердца дравшихся. Это был цвет русской молодежи, увлеченной патриотическим порывом начала войны в военные училища.

Однако с осени 1915 года качественный уровень нашего офицерского пополнения стал резко понижаться. Разросшиеся вооруженные силы требовали все большего количества офицеров. Непрерывные формирования и непрерывные потери открывали десятки тысяч новых вакансий. Пришлось жертвовать качеством. Служилое сословие было уже обескровлено. Интеллигенция так или иначе приспособилась. Новых офицеров пришлось набирать в полуинтеллигенции. Университетские значки мелькали на защитных гимнастерках земгусар, а в прапорщики стали подаваться окончившие городские училища, люди четвертого сословия, наконец, все те, кто пошел в офицеры лишь потому, что иначе все равно предстояло идти в солдаты...

Появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе. Слово прапорщик сделалось нарицательным. Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах командовал ротой в полтора раза — двести мужиков в солдатских шинелях. Он мог их повести в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал.

Меч кует кузнец, а владеет им молодец. Молодцов было еще достаточно, но кузнецов не стало. Погибший кадровый офицерский состав был незаменим.

* * *

Взятые от сохи новобранцы и не проходившие раньше службы в войсках ратники 2-го разряда попадали в запасные полки. Эти организационные соединения насчитывали по 20000 — 30000 человек при офицерском и унтер-офицерском составе, рассчитанном на обыкновенный полк в 4000 штыков. Роты этих запасных полков — по 1000 человек и более — приходилось делить на литерные роты в 250–350 человек. Литерной ротой командовал прапорщик, только что выпущенный, имевший помощниками двух — трех унтер-офицеров, иногда еще одного прапорщика, столь же неопытного, как он сам. Оружие имелось в лучшем случае у половины обучаемых, обычно же винтовка приходилась на звено. В пулеметных командах имелось по два пулемета, зачастую неисправных, и на этих двух пулеметах два прапорщика должны были за шесть недель подготовить 900 пулеметчиков. За невозможностью показа приходилось обучать рассказом — отбивать номер, одинаково тягостный и для обучаемых, и для обучающихся.

Запасные войска были сгущены в крупных населенных центрах. Военное ведомство не озаботилось устройством военных городков — лагерей, где, вдали от тыловых соблазнов, можно было вести серьезные занятия на местности. Эта система лагерей была, между прочим, принята во всех воевавших странах — как союзных, так и неприятельских.

Литерные роты выводились на улицы и площади городов. Здесь им производилось учение, заключавшееся в поворотах и маршировке. Иногда на панелях, под сбивчивые команды неопытных начальников, производились перебежки по воображаемой местности. Подобного рода упражнения ничего не прибавляли к сноровке солдата и тактическим познаниям прапорщика.

Когда подготовленные запасными частями пополнения прибывали на фронт, то их остерегались ставить в строй, а сперва переучивали заново — и по-настоящему. Система анонимных запасных полков, готовивших пополнения для неизвестных полков на фронте, была преступной. Простой здравый смысл требовал подготовки пополнений определенными запасными частями для определенных действовавших частей.

Каждый полк на фронте должен был иметь свой запасной батальон в тылу, где его офицеры и унтер-офицеры готовили бы солдат для своей части. Вместо отбывания номера тут было бы настоящее обучение, обучающий был бы кровно заинтересован в подготовке обучаемых, и на фронт шли бы уже готовые селенгинцы, модлинцы, ширванцы, а не Иваны, не помнящие литерных рот. Свои запасные батальоны имелись только в полках гвардии, но, расположенные в столице, они были поставлены в особенно растлевающие условия.

Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на людей. Глазам солдата открывалась разгульная картина тыла с его бесчисленными соблазнами, бурлившей ночной жизнью, повальным развратом общественных организаций, наглой, быющей в глаза роскошью, созданной на крови.

Революционные партии не имели возможности наладить систематическую пропаганду в войсках — тому препятствовала текучесть состава запасных частей, все время менявшегося. За революционеров работал весь уклад жизни отравленного тыла и весь порядок службы и безделья перегруженных пушечным мясом запасных полков. Антиправительственная агитация велась в тылу и в прифронтной зоне Земско-городским союзом — широкой и беспрепятственной раздачей оппозиционной печати, превосходно налаженной передачей и распространением слухов и сплетен, умелой обработкой больных и раненых в лазаретах Земгора. Подобно запасным частям, лазареты были тоже скучены в больших городах. И население и войска могли свободно созерцать ужасы войны.

Живое и ответственное дело пополнения вооруженной силы, дело, требовавшее непрерывного творчества, было поручено мертвым канцеляриям, людям двадцатого числа, на творчество неспособным. В управления Главного штаба и на командные должности в военных округах назначали не по признаку организаторских способностей данного лица, а единственно по признаку негодности для службы в Действовавшей армии. Только этим объясняется возглавление Казанского округа генералом Сандецким¹⁴⁶, Московского — генералом Мрозовским, рокового Петроградского — генералом Хабаловым¹⁴⁷. Еще в апреле 1916 года, стремясь угодить общественному мнению (но так и не получив его расположения), правительство решилось на позорный шаг — арест генерала Сухомлинова.

Семидесятилетнего старика, генерал-адъютанта и георгиевского кавалера схватили и засадили в крепость, не предъявив ему никакого обвинения.

Военным министром после вынужденного ухода генерала Сухомлинова был сделан совершенно беспринципный Поливанов, весь смысл службы видевший в недостойных офицера интригах и ставший угождать Думе и оппозиционной общественности. Он оставался на посту министра с июня 1915 года по март 1916 года, когда по воле Государя должен был уйти. Поливанов снабжал оппозиционных членов Думы материалами для выпадов против правительства, в состав которого сам входил (например, по делу забастовок на Путиловских заводах, не подлежащих оглашению). Для окончательной характеристики Поливанова упомянем, что он умер в 1921 году в Риге, будучи главным экспертом советской делегации, подписавшей позорный Рижский мир с Польшей.

Поливанова сменил генерал Шуваев¹⁴⁸ — дельный интендант. А в январе 1917 года на кресла Милютин сел генерал Беляев¹⁴⁹ — человек совершенно ничтожный, всю жизнь не выходявший из канцелярии и прозванный в Генеральном штабе мертвой головой.

* * *

Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде.

Для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа.

Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только господ, принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни. Стоя в строю литерных рот, а затем и действовавших частей, люди эти чувствовали себя не гвардейцами, гренадерами, стрелками, не солдатами старых полков, чьи имена помнила и чью руку извела Европа, а землепашцами, ремесленниками, фабричными, для которых военная служба была только несчастным событием жизни. В своих темных душах они считали офицеров представителями господ, тогда как для старых солдат офицер был представителем Царя.

Остатки кадрового офицерства сохранили доверие солдат. Хуже было с офицерами военного времени. Большая часть прапорщиков — случайного элемента в офицерских погонах — не сумели надлежащим образом себя поставить. Одни напускали на себя не принятое в русской армии высокомерие и этим отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками популяризовать. Солдат чуял в них ненастоящих офицеров.

Унтер-офицеров русская армия уже не имела. Были солдаты с унтер-офицерскими нашивками, пробывшие месяц в учебной команде, ничем не отличавшиеся от своих подначальных и не пользовавшиеся в их глазах никаким авторитетом.

Такова была общая картина нашего вооруженного народа к концу третьей зимы Мировой войны. Она менялась к лучшему в дивизиях с крепким боевым духом, в полках со славными традициями, но оставалась безотрадной в дивизиях, засидевшихся в окопах, либо наспех сбивавшихся из четвертых батальонов.

Служба стала нестись небрежно. За маленькими упущениями следовали все большие. Обычной отговоркой служило то, что на войне не время заниматься мелочами. Из мелочей между тем состоит вся жизнь организма — человеческого вообще, и военного в частности. Упущения в мелочах влекли за собой упущения в целом. Дисциплина в пехоте стала заметно ослабевать. Командиры полков из делавших карьеру рационалистов-академиков пренебрежительно относились к шагистике и арапчешине. Офицеры же военного времени сами не знали порядка службы. В частях, где по целым неделям не производилось проверок и перекличек, стало заводиться дезертирство. В полках, где нестроевым позволялось ходить босиком, и строевые стали приобретать неряшливый вид.

Из военной жизни под тем же преступным предлогом военного времени вытравлялась вся обрядность, вся та торжественная красота, что прививала офицеру и солдату сознание святости воинского звания. Безобразнейшая обмундировка, так и напрашивавшаяся на неряшливое ношение, отнюдь не способствовала внедрению этого сознания. В шапках поддельного серого барашка, каких-то неслыханных ушастых монгольских малахаях и стеганных на вате зипунах и кофтах армия стала по внешнему виду походить на среднеазиатскую орду, на тех басурманов, которых из рода в род били российские войска, когда они были еще одеты в российские мундиры... Офицеры шили себе обмундирование на английский образец — так называемые френчи, что было явлением совершенно недопустимым в благоустроенной армии. Утрата воинского вида влекла за собой и снижение воинского духа.

Окопное сидение создавало непрощенные досуги, которых не умели заполнить. Праздность рождала праздные мысли. Вопрос за что мы воюем? не имеющий значения в регулярной армии, приобретал первостепенную важность для вооруженного народа.

Целей войны народ не знал. Сами господа, по-видимому, на этот счет не сговорились.

Одни путанно писали в книжку про какие-то проливы — надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян, которых надлежало то ли спасать, то ли усмирять. Надо было победить немца. Сам немец появился как-то вдруг, неожиданно — о нем раньше никто народу не говорил. Совершенно так же неожиданно за десять лет до того откуда-то взялся японец, с которым тоже надо было вдруг воевать... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе, никто не мог себе уяснить. Одно было понятно всем — так приказал Царь. К царствовавшему Императору народ относился безразлично, но обаяние царского имени стояло высоко. Царь повелел воевать — и солдат воевал.

Великая бескровная

В конце декабря 1916 года в германской Главной квартире был принят план решительных действий на 1917 год. Было решено вывести из строя Англию беспощадной подводной войной, а Россию и Францию взорвать изнутри.

17 февраля 1917 года германский Рейхсбанк циркулярно сообщил своим представителям в Швеции об ассигновании срочных кредитов на субсидию революции в России. Кредиты были открыты на имя заграничных русских революционеров-пораженцев — Ленина, Зиновьева¹⁵⁰, Каменева¹⁵¹, Коллонтай¹⁵², Сиверса¹⁵³ и Меркалина. Паролями этих русских революционеров германское правительство назначило Диршау и Волькенберг.

Движение исподволь было организовано в Петрограде с его 400-тысячным революционно настроенным и подпольно обработанным фабрично-заводским пролетариатом. Им руководил Центральный исполнительный комитет (ЦИК) партии большевиков в составе Шляпникова¹⁵⁴, Молотова¹⁵⁵ и Залуцкого. Движению положено было придать форму демонстрации под общим лозунгом Долой войну!. Войска ни в коем случае не провоцировать и воздержаться от формирования боевых дружин. Пресненский опыт 1905 года показал, что подобные дружины не могут состязаться с войсками. ЦИК надеялся привлечь войска на свою сторону. Прочных связей в Петроградском гарнизоне большевики наладить не могли ввиду частой смены личного состава запасных полков. Почва для революционного брожения в этом 160-тысячном полчище, конечно, была, но рассчитывать на это полчище с самого начала было невозможно.

На собраниях заводских кружков и коллективов — этих взводных командиров революции — в конце января и в начале февраля тактика ЦИКа партии встретила полное одобрение. Началом массового выступления было назначено 23 февраля Международный день работницы. Весь февраль на петроградских заводах вспыхивали волнения и стачки.

Правительство, занятое межсоюзной конференцией, борьбой с оппозиционной Думой и надвигавшейся хозяйственной разрухой, не чувствовало социала, не придавало значения этим первым симптомам чумного озноба, несмотря на тревожные предостережения Департамента полиции. Главного врага России — врага подпольного — упустили из виду.

18 февраля вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. В демократической Франции завод, работающий на оборону и забастовавший в военное время, был бы оцеплен сенегальцами, и все зачинщики поставлены к первой попавшейся стенке. В стране произвола и кнута не сдвинулся с места ни один городской... Правительство полагало, что это — дело самих рабочих и администрации. Эта последняя объявила 22 февраля локаут 30000 забастовщиков.

Пролог трагедии был сыгран. Самой трагедии еще не замечали. Социала не видели, а он уже стучался могильной лопатой в ворота Империи Петра Великого.

И 22 февраля — в недобрый час — Государь спокойно отбыл в Ставку, покинув бурлившую столицу, в которую ему уже не суждено было вернуться.

* * *

23 февраля в заранее назначенный день и час ЦИК партии большевиков вывел на улицы Петрограда 88 000 рабочих и работниц с криками Долой войну!. Желая избежать кровопролития, генерал Хабалов отказался от применения оружия.

24 февраля движение все ширилось, не встречая противодействия. В этот день

бастовало уже 197000 рабочих. Появились красные флаги. Демонстранты приветствовали войска, державшиеся совершенно пассивно без приказаний. Предоставленная самой себе, дезорганизованная Протопоповым¹⁵⁶, полиция надрывалась из последних сил. На весь Петроград с его двухмиллионным населением было всего 3500 городских. Министр внутренних дел Протопопов, вместо того чтобы собрать в кулак эти ничтожные силы, разбросал их по всему городу слабыми патрулями. Эти патрули в 2–3 человека, которым вдобавок запрещено было прибегать к оружию, сметались многочисленными толпами, все более и более смелыми.

Для поддержания порядка вызваны были учебные команды запасных полков гвардии. Военный министр генерал Беляев лепетал генералу Хабалову удивительные приказания: Целить так, чтобы не попадать, Стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая.... Растерявшийся Хабалов не решался открывать огня — и это несмотря на то, что в полиции уже были убитые и много раненых. Психология каптенармусов, столь характерная для наших нестроевых генералов, сказалась в стремлении властей объяснить беспорядки единственно нехваткой хлеба. Ни Хабалов, ни Беляев не подозревали о социале — о партии большевиков, руководившей мятежными толпами и в свою очередь руководимой германской Главной квартирой. В этот день 24 февраля слабость и убожество правительства ясно были осознаны всеми, и в первую очередь мятежниками.

25 февраля бастовало 240 000 — по правительственным сведениям и все 400 000 на самом деле. ЦИК партии большевиков выпустил манифест о борьбе с царским правительством, требуя демократическую республику, 8-часовой рабочий день, помещичью землю

крестьянам, окончание войны и всемирное братство трудящихся. Эти короткие хлесткие лозунги овладели бурлившей массой.

Избиваемая полиция начала применять оружие, но войска продолжали держаться пассивно. Хабалов запрещал стрелять, побуждаемый к тому генералом Беляевым, нывшим о том, какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой. Этот удивительный военный министр Российской империи, так трогательно оберегавший нервы наших союзников от резких ощущений, не соображал, что всего за десять месяцев до того — в апреле 1916 года — Англия подавила в море крови ирландское восстание Роджера Кеземента, разгромив Дублин артиллерией, убив тысячи мужчин и женщин и казнив сотни мятежников.

Войска созерцали анархию, держа ружья к ноге. Пехота была еще надежна, несмотря на очевидный соблазн, но казачьи части уже заколебались. В пехоте были вызваны только учебные команды, то есть лучшие люди запасных полков. Редкая команда пли! подававшаяся на свой риск и страх отдельными мужественными офицерами, принималась безотказно.

Достоин быть отмечен Лейб-Гвардии Финляндского полка подпоручик Иосс. Одним метким револьверным выстрелом он усмирил весь Васильевский остров, напав уложив вожака демонстрантов на казенном трубочном заводе. Беспорядки после этого сразу там стихли. Подпоручики у русского Царя были, но не было генералов. Несмотря на это критическое положение столицы, петроградские власти допустили преступное очковитительство, все время обманывая своего Государя из карьерных соображений. Обманутый Венценосец все же начал тревожиться и повелел Хабалову энергично прекратить беспорядки, недопустимые во время войны.

Мятеж застал врасплох Государственную думу и оппозиционную общественность. Там готовили младотурецкий переворот в конце марта. Выступления рабочих масс в феврале никто не предвидел. Оппозиционной общественности надо было так или иначе реагировать на эти внезапные события. И вождь этой общественности Родзянко — колебался недолго.

Вспыхнувший мятеж надлежало использовать во что бы то ни стало. Этот драгоценный случай был неповторим. Если царские министры испытывали ужас при мысли о трупах на петроградских мостовых, то для Родзянки и его единомышленников эти трупы были поистине подарком небес, трамплином для прыжка к заветной цели — власти во что бы то

ни стало. Не приходилось долго раздумывать, доискиваться причин разразившегося бунта. Им надо было воспользоваться, даже если он был организован врагами России. Важно было dokonать заколебавшийся ненавистный режим, дорваться до власти и захватить все места для себя! Для этого надо было бунт превратить в революцию — перевести прицел с городского на Царя.

Старшие военачальники — и в первую очередь ближайший сотрудник Государя генерал Алексеев — были на стороне оппозиции, и Родзянко мог вполне на них положиться: под их генерал-адъютантскими мундирами скрывались думские ливреи. 26 февраля Родзянко телеграфировал Государю, а одновременно и главнокомандующим фронтами, что в столице анархия и необходимо образовать ответственное министерство. Государь, получив успокоительные телеграммы Беляева и Хабалова, естественно, больше верил своим генералам. Он повелел распустить Думу на неопределенное время.

В этот день, 26-го, беспорядки приняли стихийный характер и перебросились в казармы запасных частей, которые лишь с трудом удалось удержать от выступления. Улицы Петрограда были в крови. Хабалов же доносил Государю: Сегодня все спокойно.

27 февраля стало роковым днем. Случилось худшее, что могло случиться: военный бунт. Унтер-офицер Кирпичников учебной команды одного из запасных полков убил своего начальника выстрелом в спину и, взбунтовав часть, вывел ее на улицу. Временное правительство чувствовало предателя, как первого солдата, поднявшего оружие против царского строя. Кирпичников был потом — накануне 1-го Кубанского похода — арестован в Ростове добровольцами и расстрелян по приказанию генерала Кутепова¹⁵⁷.

Взбунтовавшиеся войска вышли на улицы и слились с бушевавшей чернью. Русский солдат обагрил свои руки кровью русского офицера.

Был разгромлен арсенал, истреблена полиция, сожжен окружной суд и выпущены арестанты из тюрем. Толпы восставших смяли оставшиеся верными части войск.

Видя успех восстания, ЦИК партии большевиков провозгласил учреждение Совета рабочих депутатов, наподобие того, что руководил всеобщей забастовкой 1905 года. Совет состоял из представителей нелегальных партий революционной демократии. Председательское место было предложено члену Думы грузинскому сепаратисту, меньшевику Чхеидзе¹⁵⁸ — ненавистнику России. Товарищами председателя были член Думы социалист-революционер Керенский¹⁵⁹ и делегат ЦИКа большевик Овший Моисеевич Нахамкес. Чхеидзе представлял II Интернационал, Керенский — самого себя, а Нахамкес — восставший пролетариат и германский Генеральный штаб. Он и стал хозяином положения в Совете.

Одновременно с учреждением Совета рабочих депутатов возник Комитет Государственной думы. Не желая подчиниться царскому указу о роспуске, общественники решили возглавить этим комитетом революционное движение.

Из 160-тысячного гарнизона у генерала Хабалова осталось две тысячи. Он вверил их полковнику Кутепову, а сам совершенно отстранился от руководства.

Правительства не существовало. Протопопов скрылся. Растерянные министры собрались у князя Голицына, догадавшегося — на пятый день революции — объявить осадное положение. Военный министр генерал Беляев предложил запретить демонстрантам выходить после 9 часов вечера.... Это было все, до чего смогли додуматься люди, которым была вверена судьба России...

Родзянко вновь настойчиво просил Государя об ответственном министерстве, сообщая, что в столице анархия. В этом же духе высказался и великий князь Михаил Александрович, повторивший слово в слово все продиктованное ему Родзянкой, и, наконец, злосчастный Голицын, телеграфно умолявший о своей отставке и назначении Родзянки либо Львова.

Встревоженный Император Николай Александрович почувствовал, что его до сих пор обманывали и в столице происходят действительно серьезные беспорядки. Он повелел отправить с Северного и Западного фронтов по бригаде пехоты и конницы, а из Ставки — георгиевский батальон. Эти силы были подчинены генерал-адъютанту Иванову,

облеченному диктаторскими полномочиями. Вслед за Ивановым Государь решил отправиться в Царское Село сам. Утром 28 февраля царский поезд покинул Могилев...

* * *

28 февраля последние защитники монархии в столице либо погибли, либо были поставлены перед невозможностью продолжать борьбу. К вечеру большая часть министров, в том числе Голицын, Протопопов и Беляев, были арестованы.

Достоин быть отмеченным запасной самокатный батальон с героем — командиром полковником Балкашиным, оказавший 27-го и 28 февраля отчаянное сопротивление дикой черни и изменившим войскам и погибший. Отряд полковника Кутепова занял было Зимний дворец, но был вынужден его покинуть по требованию великого князя Михаила Александровича, опасавшегося за целостность дворца и не заботившегося о последних защитниках престола. Полковник Кутепов занял тогда Адмиралтейство, но должен был покинуть и эту позицию по настоянию адмирала Григоровича, тоже опасавшегося за целостность здания и своей в нем квартиры. Это было важнее сохранения монархии. Отряд, в котором считалось еще 1100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, навзрыд плакавший, приказал ему разойтись.

Эти последние слуги Императора Всероссийского были измайловцы, егеря и государевы стрелки 3-го полка.

Рассчитывая возглавить революционное движение думским комитетом и опасаясь прибытия войск с фронта, Родзянко приказал члену Думы Бубликову овладеть путями сообщения. Правой рукой Бубликова был некий профессор Ломоносов, старый большевик, подпольщик, имевший большое влияние на распропагандированных железнодорожников.

Одновременно с захватом комитетчиками Петроградского железнодорожного узла Совет рабочих депутатов отдал приказ номер первый Петроградскому гарнизону, утверждавший выборные комитеты во всех частях войск, лишавший офицеров дисциплинарной власти и отдавший их под контроль комитетов. Людендорф и Нахамкес знали, что делали. Им надо было уничтожить русскую армию, а этого можно было достигнуть лишь уничтожением дисциплины.

Гучков в бытность свою военным министром не сомневался в заграничном происхождении приказа номер первый. Действительно, подробный анализ приказа позволяет вынести заключение, что фактическая его часть (учреждение комитетов, обезоруживание офицеров) сделана германскими специалистами — самое построение фраз носит на себе следы влияния немецкого синтаксиса. Приписка же: Приказ этот прочесть во всех полках, батальонах, ротах и прочих командах — сделана Соколовым и доказывает долгое незнание им военного-языка и военной организации.

Вместе с армией был нанесен смертельный удар флоту. В ночь на 1 марта распропагандированные флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2-го на 3-е на гельсингфорском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров эскадры. Был убит и адмирал Непенин. По списку, заготовленному Адмирал-штабом, были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь столь досадивших немцам разведки и контрразведки), и этим наш Балтийский флот был выведен из строя.

Тем временем царский поезд не был пропущен мятежниками на Николаевскую дорогу. Государь повелел повернуть на Псков — в штаб Северного фронта. Не чувствуя себе опоры в лице генерала Алексеева, он понадеялся на генерала Рузского... 1 марта вечером литерный поезд подошел ко Пскову.

В этот день мятеж в столице утих. Комитет Думы и Совет рабочих депутатов завязали переговоры друг с другом. Не чувствуя еще себя достаточно подготовленными (вожди были еще за границей), советчики охотно предоставили общественникам всю ответственность и все бремя власти.

От этой долгожданной власти у общественников в первый же день закружилась голова. Ответственное министерство никого уже не удовлетворяло. Надо было ковать железо, пока оно было горячо, использовать до конца внезапно представившуюся блестящую

возможность — устранить Государя и захватить в свои руки безраздельный контроль над 12-летним больным Императором Алексеем и слабым и безвольным регентом великим князем Михаилом. Милуков говорил: Комбинация из Алексея Николаевича и Михаила выгодна: один — больной ребенок, другой — совсем глупый человек.

Родзянко телеграфировал Алексею в Ставку и Рузскому во Псков о принятии власти Временным правительством под председательством князя Львова и просил отозвать войска. Рузский немедленно доложил об этом Государю, и вечером 1 марта последовало Высочайшее повеление вернуть войска на фронт, а генералу Иванову ничего не предпринимать. Государь согласился и на ответственное министерство. Восставшие железнодорожники не пропустили поезда генерала Иванова. России дорого пришлось заплатить за упущение милитаризации железных дорог.

Убедившись в том, что никаких мер к подавлению мятежа не будет принято, Родзянко приступил к решительным действиям.

* * *

2 марта утром Родзянко вызвал к аппарату генерала Рузского и объявил ему, что ответственное министерство запоздало и уже недостаточно и что династический вопрос поставлен ребром. Он сообщил, что только отречение Государя от престола способно умиротворить страну и революционные массы, безгранично доверяющие ему, Родзянке, и требующие войны до победного конца. (Родзянко знал, что массы кричали Долой войну!.) Упорство же Государя способно лишь вызвать кровопролитие. В том же духе честолюбивый председатель Думы сообщил и генералу Алексею в Ставку.

Тогда генерал Алексеев разослал всем главнокомандовавшим телеграмму, в которой изложил требования Родзянки и просил их в свою очередь настоять на отречении Государя... Телеграмма была отправлена в 10 часов утра, и через четыре часа получились ответы... Великий князь Николай Николаевич, коленопреклоненно, Эверт, Брусилов и Сахаров без коленопреклонения, но не менее настоятельно, требовали отречения. Рузский действовал на месте.

Получив телеграмму Алексея, бесхарактерный, но хитрый Эверт сообщил ему, что ответит только тогда, когда узнает, что ответили Брусилов и Сахаров. Сам Алексеев, посылая Государю телеграммы главнокомандовавших, воздержался от собственного мнения и скрыл свою инициативу, представляя дело так, что главнокомандующие посылают просьбы об отречении по своему собственному почину. Вечером 2 марта получились ответы от командовавшего Балтийским флотом адмирала Непенина, тоже советовавшего отречение, и телеграмма командира Гвардейского конного корпуса Хана Нахичеванского, сообщавшего о готовности гвардейской конницы умереть за своего Государя. Телеграмму Непенина Алексеев немедленно доложил Государю во Псков, а телеграмму Хана скрыл.

Убеждать Государя долго не пришлось. Ничего не желал для себя Император Николай Александрович. Ни власть, ни самая жизнь не имели для него никакого значения, раз их ценой можно было купить счастье и благополучие матери России. Вожди армии — люди, которым он безгранично доверял, находили, что его отречение пойдет на благо страны. Значит, ни о чем не могло быть и речи.

В 3 часа дня Государь подписал отречение в пользу цесаревича Алексея Николаевича. Регентом становился великий князь Михаил Александрович, Верховным главнокомандующим — великий князь Николай Николаевич, председателем ответственного министерства — князь Львов, командующим войсками Петроградского военного округа — генерал Корнилов.

Алексеев, как и остальные участвовавшие в заговоре военачальники, не был посвящен до конца в замыслы думской общественности. Стремясь хотя бы отчасти обелить печальную память Алексея, генерал Лукомский приписывает ему фразу: Никогда не прошу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграммы главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от престола. Последовавшим затем поступком — сокрытием 4 марта телеграммы Государя об отмене отречения за наследника

— Алексеев показал, что никакого раскаяния не чувствовал.

На горе России, в это самое время была получена от Родзянки телеграмма, в которой тот сообщал о выезде во Псков делегатов Временного правительства Шульгина¹⁶⁰ и Гучкова для переговоров об отречении. В ожидании их Государь повелел задержать манифест об отречении в пользу цесаревича.

Делегаты прибыли во Псков поздно вечером, и тут, в салон-вагоне литерного поезда. Император Николай Александрович после краткого, но мучительного колебания отрекся от престола за себя и за наследника в пользу брата. Это решение было принято после того, как лейб-медик Боткин объявил Государю, что безнадежно больной Алексей Николаевич не сможет царствовать. Непоправимое совершилось. Соединенными усилиями германских и русских генералов и политиков был свергнут Император Всероссийский.

* * *

Монарх был устранен. Оставалось устранить самую монархию. Регентство и контроль над регентством уже не удовлетворяли думскую общественность. Она пожелала захватить всю власть без остатка.

На рассвете 3 марта Родзянко вызвал генерала Рузского и потребовал задержать манифест и не объявлять его народу и войскам, ибо воцарение великого князя Михаила Александровича абсолютно неприемлемо. Изумленному Рузскому председатель Думы сообщал, что совершенно неожиданно вечером 2 марта вдруг вспыхнул такой солдатский бунт, которому он, Родзянко, еще не видел подобного и что взбунтовавшиеся войска требуют низложения династии, грозя в противном случае все залить кровью. Эту же ложь Родзянко передал вслед за тем и Алексею, прося Ставку задержать манифест. В душе у Алексея шевельнулось подозрение. Он почувствовал, что Родзянко его обманывает (по вполне достоверным сведениям Ставки, никакого нового бунта в Петрограде не произошло, и жизнь в столице вошла в нормальную колею). Но требование Родзянки генерал Алексеев исполнил. Он отправил длинную растерянную телеграмму главнокомандовавшим, обращаясь по свойству рыхлой своей натуры за советом к подчиненным.

Обманув без особенного труда недалеких и дряблых военачальников, общественники стали уговаривать великого князя Михаила Александровича отречься от престола в свою очередь. Царский брат был человеком слабым и безвольным и на завещанный ему престол он посмотрел не как на служение Родине, а только как на личное неудобство. Он отрекся охотно и быстро. Но это свое отречение он не отправил Государю (который знал бы тогда, как поступить). Он отрекся в пользу Временного правительства и этим ввергнул Россию в пропасть, а себя самого — на дно уральской шахты...

Эта измена долгу как громом поразила вернувшегося в Ставку Императора Николая Александровича. Видя крушение страны. Венценосец решил принести в жертву Родине своего больного сына. 4 марта утром, узнав о малодушии своего брата, он взял назад псковское отречение за наследника. Цесаревич Алексей должен был стать

императором, и Россия вновь становилась на свой природный тысячелетний путь.

Государь вручил эту телеграмму генералу Алексею для отправки в Петроград. Но генерал-адъютант Алексеев скрыл от России эту телеграмму и не отправил ее. Существование этой телеграммы генерал Алексеев открыл генералу Деникину на Кубани незадолго до своей смерти осенью 1918 года. Ее сокрытие он объяснил нежеланием создать путаницу в стране в результате ежедневных противоречивых манифестов. Страна не узнала о начавшемся царствовании юного Императора, а от армии скрыли последний приказ Царя-Подвижника, которому суждено было стать Царем-Мучеником.

Вот слова этого написанного кровью царского сердца приказа:

В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть перешла к Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролили крови, много сделали усилий, и уж близится час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечеству, его предатель.

Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угаснет в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий!

9 марта вся царская семья была арестована. Временное правительство предписало произвести этот арест командовавшему войсками Петроградского военного округа генералу Корнилову. Люди, бросившие своего Государя на произвол врагов и сами попрятавшиеся, впоследствии (сохранив свою жизнь благодаря корниловским добровольцам) не могли этого простить Корнилову и всячески чернили его память.

Совсем иначе относились к генералу Корнилову царственные узники. Государыня была довольна, что арест был поручен не кому-нибудь, а известному всем герою войны, и сказала начальнику охраны полковнику Кобылинскому, что Корнилов вел себя в эти дни, как настоящий верноподданный. В конце июля, по назначении Корнилова Верховным главнокомандующим, Государь говорил Кобылинскому: Спасение России от анархии, спасение имени России на дрогнувшем фронте зависит только от Корнилова. Мы все молимся ежедневно, чтобы Господь помог ему довести предпринятое дело оздоровления до конца. Из тобольского заточения Государь Николай Александрович послал в сентябре арестованному Корнилову свое благословение. О нем Корнилов вспоминал в Ледяном походе в беседе с гвардии капитаном Булыгиным: После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом... Россия рухнула в бездну.

Всеобщий развал

Не будем изображать всех подробностей революционного позора нашей Родины. Восемь месяцев, с февраля по октябрь 1917 года, были грязной страницей тысячелетней нашей истории. Невиданная грязь была затем смыта великой кровью... Совет рабочих депутатов представлял тех, кто поднял мятеж. Временное правительство — тех, кто пытался использовать этот мятеж в своих целях.

Сердце русской революции с первого же дня ее существования — а это был Международный день работницы 23 февраля — забилося в ЦИКе партии большевиков, создавшем Совет. Временное правительство было и до конца осталось чуждым революционной стихии, не имея в ней никаких корней. Либеральная общественность рассчитывала прийти к власти путем дворцового переворота. Вместо этого она вдруг очутилась у этой власти в непредвиденной и грозной обстановке военного мятежа.

Великой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю и начали с того, что уничтожили все тормоза.

5 марта Временное правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию. Были отрешены все губернаторы и вице-губернаторы.

Возвращены все политические ссыльные и уголовные каторжники, и упразднены полиция и корпус жандармов. Призваны в Россию все эмигранты-пораженцы, агенты неприятеля, и упразднена контрразведка. Объявлена свобода, и брошены в тюрьмы тысячи инакомыслящих реакционеров. Провозглашена война до победного конца, и уничтожена

дисциплина в армии...

Инстинкт государственности, понимание интересов государства были совершенно незнакомы либерально-демократической общественности. Ею владели два чувства: безотчетная ненависть к старому режиму и страх прослыть реакционерами в глазах Совета рабочих депутатов. Не было удара, которого эти люди не согласились бы нанести своей стране во имя этой ненависти и этого страха.

* * *

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией. Рушилось все мировоззрение офицера и солдата, опустошалась их душа.

Построенные темными квадратами на мартовском снегу войска угрюмо присягали неизвестному Временному правительству. Странно и дико звучали слова их присяги.

Тихое сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего Императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы, вспоминает командовавший в те дни VIII армейским корпусом генерал Деникин.

10 марта генерал Алексеев представил князю Львову записку об отражении революции на фронте. Согласно этой записке, составленной по данным, поступившим в Ставку до проникновения на фронт приказа номер первый, на Северном фронте отречение было встречено сдержанно, многими с грустью, многие солдаты манифеста не поняли. Стрелки II Сибирского корпуса заявили, что без Царя нельзя, евреям выходить в офицеры нельзя, а солдат следовало бы наделить землей, с платежами через банк. В 5-й армии солдаты были в недоумении: Почему же нас не спрашивали?

На Западном фронте к манифесту отнеслись спокойно, многие с огорчением. В IX, X и Сводном корпусах 3-й армии — с удивлением и сожалением; сибирские казаки были удручены. Выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа.

[...]

На Румынском: в 9-й армии — тягостное впечатление. В 4-й — преклонение перед высоким патриотизмом Государя и недоумение перед поступком Михаила Александровича. В III конном корпусе — нервность... Найдись в Ставке воля и сердце, армию можно было бы спасти.

Царя не стало. Солдат недоуменно смотрел на офицера. Офицер растерянно молчал и оглядывался на старшего начальника. Тот смущенно снимал с погон царские вензеля...

Так прошла первая неделя марта месяца, пока от Риги до Измаила огромный фронт не содрогнулся от удара отравленным кинжалом в спину. В Действующую армию был передан приказ номер первый...

Назначенный Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич был уволен Временным правительством, не успев принять этой должности. Временное правительство утвердило Верховным генерала Алексеева. Начальником штаба стал генерал Деникин (сдавший свой VIII армейский корпус генералу Ломновскому), а генерал-квартирмейстером — генерал Юзефович¹⁶¹ (генерал Лукомский получил I армейский корпус). Военным министром стал честолюбивый заговорщик, вдохновитель младотурок Гучков, наконец-то удовлетворивший свою давнишнюю мечту руководить российской вооруженной силой сообразно своим личным симпатиям и антипатиям.

Гучков при содействии услужливой Ставки произвел настоящее избиение высшего командного состава. Армия, переживавшая самый опасный час своего существования, была обезглавлена. Была отрешена половина корпусных командиров (35 из 68) и около трети начальников дивизий (75 из 240). Из высших военачальников был отрешен главнокомандовавший Западным фронтом генерал Эверт, замененный генералом Гурко, командовавшие армиями — 2-й армией генерал Николай Данилов, замененный командиром XIX корпуса генералом Веселовским¹⁶², 10-й генерал Горбатовский, замененный командиром IX корпуса генералом Киселевским¹⁶³, 11-й — генерал Баланин, замененный командиром VI армейского корпуса генералом Гутором. Генерал Клембовский,

отказавшийся от армии, был зачислен в Военный совет, и должность помощника начальника штаба Верховного упразднена.

Временное правительство прибегло к опросу высших военачальников, предложив им самим назначить Верховного главнокомандующего (начало пресловутой керенщины), Генерал Рузский уклонился от ответа. Остальные указали на генерала Алексеева, как уже находившегося на месте. О самом Алексееве все были невысокого мнения. Брусилов, Горбатовский, Николай Данилов и Рагоза в своих ответах подчеркивали безволие Алексеева, указывая на него только за неимением лучшего.

Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Воинской иерархии для проходимца министра не существовало. Московский военный округ получил зауряд-подполковник Грузинов — друг Гучкова, октябрист и председатель Московской земской управы. Казанский — зауряд-подполковник Коровиченко — социалист и присяжный поверенный. Киевский — некто Оберучев, социалист-революционер, из разжалованных подпоручиков, сосланный в 1905 году в Сибирь, возвращенный Гучковым из ссылки и произведенный прямо в полковники для уравнивания со сверстниками.

Наглый Гучков целиком подчинил себе растерявшуюся Ставку. Злополучный Алексеев впал в совершенную прострацию и выпустил управление Действовавшей армией из своих неверных рук. Руль корабля беспомощно завертелся во все стороны в тот самый момент, когда на корабль налетел шквал неслыханной ярости...

Приказ номер первый попал в армию... И военный министр Гучков, и Верховный главнокомандующий генерал Алексеев знали, что приказ этот смертелен, что он составлен в неприятельской Главной квартире, что, убивая дисциплину, он убьет армию. Ни тот, ни другой не посмели его отменить. Временное правительство заискивало перед Советом, а Ставки не существовало. Алексеев растерянно оглядывался на Гучкова, Гучков подобострастно смотрел на Нахамкеса, и Овший Моисеевич Нахамкес с кучкой единомышленников с приятным изумлением увидели, что они оказались хозяевами России и ее вооруженной силы.

Ставка выпустила из своих рук управление армией. Грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить демократизации армии и оказать соответственное давление на весь ход последовавших событий... Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петрограда превзошли все ожидания революционной демагогии. Этот приговор генералу Алексееву вынес в своих воспоминаниях его ближайший сотрудник генерал Деникин.

Ушли в отставку, не желая присягать революционному правительству, командиры корпусов: Гвардейского конного Хан Нахичеванский, III конного граф Келлер и XXXI армейского генерал Мищенко. Гучков плыл по течению. Он думал овладеть положением, санкционировав приказ номер первый и предписав учреждение комитетов во всех частях войск. Этим он убил всякий авторитет правительства и командования.

Солдат решил, что раз Царя не стало, то не стало и царской службы и царскому делу — войне — наступил конец... Он с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за пришедших к власти господ. Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена свобода, то кто имел право заставлять его, солдата, проливать свою кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?

И в первые весенние дни 1917 года толпы русских солдат вышли из своих окопов... У колючей проволоки их ждал бесчестный враг с прокламациями и водкой. Германские офицеры, братаясь и спаивая русских солдат, призывали их убивать русских офицеров, бросать окопы, идти домой. И одурманенные люди, возвращаясь в землянки, с тупой злобой начинали смотреть на своих офицеров.

Из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий браталось 165, из коих 38 обещали немцу не наступать... Конница и артиллерия, сохранившие еще часть старых кадров, сохранили и воинский дух. И часто меткая очередь наших трехдюймовок прекращала безобразные сцены братанья — и вражеская кровь германского офицера смешивалась с кровью обманутого русского солдата...

Братанье продолжалось весь март и к апрелю прекратилось. На этом настояло австро-венгерское командование, опасавшееся, что зараза перебросится на его разноплеменные войска. Отрезвляюще действовали на нашу деморализованную пехоту и короткие удары немцев в различные места нашего фронта и, наконец, самоотверженная, подвижническая работа строевого русского офицера. Войска не обрели прежней своей боеспособности, но, по крайней мере, удалось задержать дальнейший развал.

* * *

22 марта, используя разлив Стохода в тылу нашего III армейского корпуса (центрального 3-й армии), генерал Линзинген коротким ударом группы Гауэра овладел Черевиченским плацдармом. III армейский корпус был совершенно разгромлен, потеряв две трети своего состава.

Германцы давно нацеливались на Черевиченский плацдарм — занозу их Полесскому фронту и поджидали разлива Стохода. Командир III армейского корпуса генерал Янушевский неоднократно просил разрешения очистить Черевичи по причине ненадежности войск и неудобств самого плацдарма, но командовавший армией генерал Леш не соглашался отступить, не теряя надежды на будущее наступление.

В ночь на 22 марта Стоход бурно разлился, снес мосты в тылу защитников плацдарма. Сосредоточив против пяти наших полков три сильные дивизии и против 84 орудий 300 орудий и 100 минометов, Гауэр стремительным натиском истребил все наши войска на плацдарме, в достаточной степени деморализованные революцией. Из 19 500 бойцов III корпуса (73-я и 5-я стрелковые дивизии) 3000 было убито и утонуло, а 9000 человек, отравленных газами, попало в плен. Из 17-го стрелкового полка не спаслось ни одного стрелка. Немцы взяли 15 стоявших на плацдарме орудий и 200 пулеметов.

Катастрофа на Стоходе произвела большое впечатление на войска и командование. Генерал Леш был отрешен, 3-я армия расформирована, ее войска распределены между 2-й армией и Особой, а управление с генералом Квечинским переведено на крайний правый фланг Западного фронта — на Двину. Одновременно была произведена перегруппировка Северного фронта. Правительство и Ставка опасались германского десанта на Петроград. Генерал Рузский влил войска 1-й армии в 5-ю, а управление ее перевел в Эстляндию, где образовалась новая 1-я армия.

В высшем командовании продолжались перемены. В 12-й армии был уволен Радко Дмитриев, замененный командиром Гренадерского корпуса генералом Парским. Подал в отставку Лечицкий, которого во главе 9-й армии заменил командир XXX армейского корпуса генерал Кельчевский (ХЫУ корпусом командовал генерал Бржозовский 164). Ушел, наконец, и главнокомандовавший Румынским фронтом генерал Сахаров. На его место был назначен генерал Щербачев, а освободившуюся 7-ю армию получил командир ХЫ армейского корпуса генерал Белькович.

Страна была охвачена революционным угаром. Этот угар, беспрепятственно передаваясь на фронт, отравлял армию. Подобно ядовитой сыпи, вся она покрылась комитетами — от фронтовых до ротных. В этих комитетах господствовали инородцы, главным образом большевики — евреи и меньшевики — грузины. Служба была заброшена... Все время солдата было посвящено собраниям и митингам, заседаниям и комитетам — каким-то занимательным, но совершенно непонятным пленумам, кворумам, платформам и резолюциям...

Реформы Гучкова следовали одна за другой. Вслед за введением комитетов и разгромом командования он распорядился уволить вчистую всех нижних чинов старше 43 лет и на летние работы — всех старше 40 лет. Эта совершенно непродуманная частичная

демобилизация вконец расстроила железные дороги. Но худшее было еще впереди. Одним из первых мероприятий Гучкова было учреждение так называемой комиссии по устройству армии на новых началах под председательством генерала Поливанова, и эта комиссия из нестроевых петербургских генералов, раболепствовавших перед революционной демократией, принялась за разработку Декларации прав солдата — полное уничтожение дисциплины в армии...

В течение всего марта на фронте возникали самочинные комитеты. Первый комитет на фронте возник по почину Генерального штаба полковника Егорова¹⁶⁵ — будущего красного маршала. В конце месяца Ставка издала положение о комитетах, пытаясь их регламентировать и создать какое-то равновесие между офицерским и солдатским составом. Но уже в половине апреля Временное правительство, совершенно не считавшееся со Ставкой, передало на фронт — через голову верховного командования — свое собственное поливановское положение, совершенно отменявшее офицеров.

Злополучный Алексеев решил протестовать против разрушительной работы комиссии Поливанова, но в последнюю минуту сробел и попросил подчиненных военачальников протестовать совместно. Те же убоялись гнева Гучкова — и из протеста ничего не вышло... Семеро военачальников испугались одного штатского министра, в свою очередь, их боявшегося. Таковы были вожди русской армии в ту весну 1917 года. Ее могли спасти великие сердца... Гучков и Алексеев создали Совету рабочих депутатов такую обстановку, о которой его вожаки в своем революционном подполье не смели и мечтать.

* * *

16 апреля из Швейцарии в запломбированном вагоне германского командования через Швецию и Финляндию в Петроград прибыли главари партии большевиков. Это были Апфельбаум-Зиновьев, Розенфельд-Каменев, Собельсон-Радек, Финкелыптейн-Литвинов и главный их вождь Ульянов-Ленин.

Владимир Ульянов-Ленин, возглавивший после Петра Струве партию социал-демократов большевиков, был прежде всего прирожденным организатором. Его небольшой ум, чрезвычайно односторонний и ограниченный марксистскими шорами, был умом начетчика. Этот ограниченный ум подкреплялся железной логикой и железной волей маньяка и во много раз усиливался чрезвычайно развитым политическим чутьем и поразительным инстинктом революционера. Организаторские способности и политическое чутье делали из Ленина человека неизмеримо более крупного, чем ничтожества Временного правительства. Ленин был единственной политической величиной семнадцатого года, но величиной для своей страны отрицательной. Он впитал в себя весь яд подонков материалистической немецкой философии — нежизнеспособной и устарелой теории марксизма.

Займствовав цели от Маркса, Ленин взял средства от Клаузевица¹⁶⁶. Осуществление социализма в бесклассовом обществе он полагал достигнуть вооруженной борьбой, захватив власть и установив диктатуру организованной им партии. О войне была настольной книгой Ленина в большей степени, чем Капитал. Без Маркса Ленин мог бы остаться Лениным-человеком, оседлавшим русскую революцию. Без Клаузевица он был бы ничем и закончил бы свою бесполезную жизнь в каком-нибудь швейцарском венерическом госпитале.

На русский народ интернационалист Ленин смотрел только как на морских свинок, над которыми надо было произвести опыт прививки нигде еще не проверенных социалистических теорий. Россия — это дикий сырой лес, который нужно сжечь дотла! — писал и проповедовал он. Взяв основное положение Клаузевица Война — та же политика, Ленин вывел логическое заключение: Политика — та же война. Для верного успеха война эта должна была быть беспощадной, откуда и знаменитая формула: Кто не с нами, тот против нас.

Безмерно затянувшаяся война, смысл которой совершенно ускользнул от народа, чрезвычайно тому благоприятствовала. Народ был, во-первых, раздражен, во-вторых, вооружен. Бескровная русская революция с самого своего рождения творилась винтовкой и

пулеметом. Человек революции, как никто еще в истории, Ленин был первым, кто целиком и в совершенстве постиг всю природу русской революции — ее исключительный динамизм. Он понял, что в отличие от английской и французской революций борьба партий и программ в России существенного значения иметь не может, а все решат штыки и пулеметы. Эти штыки и пулеметы надо было привлечь на свою сторону — и все остальное тогда само собой прилагалось. Интуиция революционера подкреплялась школой Клаузевица.

Организация захвата власти особенного труда не представляла. Отсутствие государственности у Временного правительства создавало идеальные условия для подготовки порабощения России — для образования ведущей головки партии в столице, партийных ячеек на местах и боевиков красной гвардии в важнейших центрах. Главной квартирой Ленина сделался особняк балерины Кшесинской, захваченный большевиками при бездействии милиции. Там заседал ЦИК партии, строя планы разгрома России. Оттуда — с балкона — произносились зажигательные речи толпам черни — вооруженной и еще не вооруженной — и отправлялись грузовики с агитационной литературой в части войск гарнизона и фронта.

Заседания происходили в атмосфере полной безопасности. Временное правительство гарантировало свободу собраний. Призывы к убийству произносились безнаказанно — во имя свободы слова. Распространению же в войсках листовок с призывами к братанию и немедленному миру благоприятствовала свобода печати. Большевики властно требовали от злополучных чеховских людей во имя их принципов полной свободы для себя, с тем чтобы потом — уже во имя своих принципов — лишить их всякой свободы...

Я хочу, чтобы Ленин мог в России говорить столь свободно, как в Швейцарии! — воскликнул Керенский, мудрый министр этого замечательного правительства. Желание Керенского сбылось.

Незадолго до русской революции, в феврале, молодой император Карл попытался завязать переговоры о сепаратном мире. Он выбрал ложный путь и, вместо того чтобы обратиться к России — главному противнику Австро-Венгрии, обратился к западным союзникам, в мире с Австрией не заинтересованным. Тайные переговоры Австро-Венгрии с Францией, Англией и Италией длились весь март и закончились полной неудачей: Италия предъявила чрезмерные требования. Франция и Англия, от которых все зависело, не соглашались на мир по соображениям принципиального характера: западные демократии добивались разгрома и уничтожения реакционно-клерикальной аристократии Габсбургов. Масон Рибо и проходимец Ллойд Джордж¹⁶⁷ отвергли предложение кайзера Карла и предпочли затянуть войну на полтора года и погубить зря миллионы жизней.

Австрийский император, не пожелавший завязать переговоры с Россией, поплатился за это недомыслие развалом страны, крушением трона и смертью в изгнании. Франция, Англия и Италия скрыли эти переговоры от своей союзницы России, ведя их за нашей спиной. Министр иностранных дел Милюков узнал об этих переговорах только несколько лет спустя, после войны, из мемуарной литературы.

С 3-го по 16 апреля состоялось наступление французской армии в Шампани. От многочисленных своих осведомителей во влиятельных пораженческих кругах Франции германское командование было своевременно о нем извещено. Тем не менее положение немцев было критическим. Нас спасла только русская революция, откровенно признался Людендорф. Наступление было прекращено недостойной политической интригой. Талантливый Нивель был уволен министром Пенлевэ. В мае начались повсеместные военные бунты. Беспорядки охватили 28 дивизий, и одно время дорога на Париж была немцам открыта. Всецело поглощенный русским фронтом, Гинденбург упустил эту замечательную возможность, недооценив работу своих агентов во Франции, бывшую столь же плодотворной, как в России.

В руках Германии была значительная часть французской политической полиции. Министерство внутренних дел издавало газету Красный колпак (своего рода Окопная правда) с открытым призывом к восстанию и миру. Влиятельные парламентские круги были

тоже прикосновенны к этому делу. Бунты в войсках начались 20 мая. Взбунтовались 28 дивизий (в 16 корпусах) — 75 пехотных полков, 23 егерских батальона, 2 колониальных пехотных полка, 12 артиллерийских полков и 1 драгунский полк. Между Суассоном и Парижем остались только две верные дивизии. Генерал Петен отнесся к бунтовщикам-солдатам строго, но не сурово, зная, что главные виновники — в глубоком тылу. За лето и осень 1917 года французские военные полевые суды приговорили к смертной казни 150 человек, но было расстреляно только 23 зачинщика.

Преемник генерала Нивеля — энергичный и заботливый генерал Петен — в конце июня овладел положением — это не был убогий Алексеев. Тем не менее Франция выбыла из строя Соглашения на все лето и осень 1917 года. Остались лишь неготовая Англия и еле державшаяся на ногах Россия...

В конце апреля перевертень Поливанов закончил свою Декларацию прав солдата — этот, по словам генерала Алексева, последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы.... Согласно этой Декларации, военнослужащие получали все политические права (участие в выборах), могли поступать в любую из политических партий (в том числе и в большевистскую), могли исповедовать и проповедовать любые политические убеждения (Долой войну! Долой офицеров! и т. д.).

В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания (в том числе анархические и большевистские). Отменялось обязательное отдавание чести. И, наконец, упразднялись все дисциплинарные взыскания. Регулярной вооруженной силе наступал конец.

Гучков пришел в ужас от поливановского творчества и, отказавшись утвердить его, подал 30 апреля в отставку. Бесславное его управление длилось два месяца. Военным министром стал 36-летний помощник присяжного поверенного А. Ф. Керенский, совмещавший до тех пор должности министра юстиции и товарища председателя Совета рабочих — самоуверенный профан.

По своему происхождению, воспитанию и взглядам Керенский был бесконечно далек от армии и не имел — да и не мог иметь — никакого понятия о военном деле. Безмерно себялюбивый, самоуверенный и самовлюбленный, он считал себя героем русской революции, не имея к тому решительно никаких данных. Это был человек фразы, но не слова, человек позы, но не дела.

Узнав о содержании Декларации, ошеломленные старшие военачальники собрались 1 мая в Ставке на совещание. Решено было отправиться всем в Петроград, просить Временное правительство не утверждать Декларации. 4 мая состоялось совещание главнокомандовавших с военным министром и членами Совета. Оно не дало никаких результатов. Революционеры отнеслись с высокомерным пренебрежением к доводам военачальников — и 9 мая Керенский утвердил Декларацию прав солдата. Утверждение Декларации Керенский считал большой своей заслугой, хвалясь, что осуществил то, на что не осмеливался Гучков.

Первая половина мая принесла значительные перемены как в составе Временного правительства, так и в командовании.

Проповедь Ленина принесла первые плоды. 10 мая обработанные им части Петроградского гарнизона выступили с требованием отставки министров-капиталистов. Трусливый Львов поторопился дать им удовлетворение. При реформировании Временного правительства в состав его вошел с портфелем министра земледелия только что вернувшийся из Циммервальда Ицка Либерман (левый социалист-революционер, взявший себе защитный псевдоним Виктор Чернов), Либерман-Чернов¹⁶⁸ служил в германском военном министерстве на штатной должности редактора газеты, издававшейся германским командованием для обработки в революционном духе русских военнопленных. Возмущенный этим командовавший Петроградским военным округом генерал Корнилов подал в отставку. Его заменил генерал Половцев¹⁶⁹.

Был уволен главнокомандовавший Северным фронтом генерал Рузский. Его заменил

генерал А. М. Драгомиров, сдавший свою 5-ю армию генералу Юрию Данилову.

14 мая, стремясь угодить революционной общественности, Временное правительство отрешило Верховного главнокомандующего генерала Алексеева (как недостаточно революционного). На его место был назначен генерал Брусилов. Юго-Западный фронт принял генерал Гутор, а его 11-ю армию — генерал Эрдели¹⁷⁰. Начальником штаба Верховного стал генерал Лукомский.

Пребывание генерала Брусилова на посту Верховного главнокомандующего оставило тягостное впечатление. Брусилов думал овладеть разнузданной солдатской массой, подлаживаясь под нее и угождая ей, стремясь войти в доверие революционной демократии. Он надеялся таким образом мало-помалу вернуть армию на путь воинского долга. Об искренности революционных убеждений генерала Брусилова, конечно, не могло быть и речи. В беседе с генералом Деникиным Брусилов излил горечь, накопившуюся у него на душе: Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю. По Брусилову выходило, что для успешного лечения болезни врач должен сам притвориться больным. Эта тактика разделялась очень многими старшими начальниками. Она оказалась ошибочной и не дала решительно никаких результатов.

Генерал Брусилов отрешил командовавшего 8-й армией генерала Каледина за несочувствие демократизации и заменил его генералом Корниловым (генерал Каледин скоро был избран донским атаманом). По той же причине недостаточной демократичности был уволен герой Эрзерума — и Кавказскую армию принял командир II Туркестанского корпуса генерал Пржевальский.

Недоверие Керенского к генералам сказалось в учреждении им правительственных согладатаев — комиссаров — при Ставке, штабах фронтов и армий для согласования их работы с комитетами и для слежки за военачальниками.

В первых числах мая в Россию прибыл правая рука Ленина Бронштейн-Троцкий¹⁷¹, снабженный громадными кредитами (72 миллиона марок золотом) германским Рейхсбанком и еврейскими банками в Америке, всегда субсидировавшими русское революционное движение. Если Ленин был головой русской революции, то иступленно кровожадный Бронштейн стал ее душой, вложив в дело разрушения России безграничный пафос ненависти.

Прибытие Троцкого с деньгами дало возможность большевикам широко развить свою печать и пропаганду.

* * *

В безобразной обстановке комитетов, съездов, митингов и резолюций Ставка и штабы фронтов продолжали разрабатывать планы летнего наступления.

Планы эти были разработаны до мельчайших подробностей. Не знали только главного — удастся ли вывести войска из окопов, согласятся ли вкусившие всяких свобод русские солдаты пойти на неприятельскую проволоку. Этого не знали ни Верховный, ни штабы, ни строевые офицеры, ни сами солдаты.

Германское командование усилило свою контрподготовку, все время приказывая Ленину устраивать демонстрации в Петрограде и предписав ему вести борьбу против наступления под лозунгом мира без аннексий и контрибуций. 17 июня командир 1-го германского резервного корпуса генерал фон Морген отметил в своем дневнике циркулярное распоряжение германской Главной квартиры сообщить в русские окопы лозунг мира без аннексий и контрибуций. Таким образом, этот дурачивший головы русских солдат лозунг был придуман Людендорфом.

Сообщения с Лениным Гинденбург и Людендорф поддерживали курьерами через Финляндию и дальше телеграфом через Швецию посредством Фюрстенберга-Ганецкого¹⁷² и Гельфанда-Парвуса¹⁷³. Приказания германской Главной квартиры достигали Ленина на второй день. 16 июня германская печать сообщила своим читателям о готовящейся 18 июня в Петрограде большевистской манифестации, а 20 июня — всего два дня спустя — поместила

о ней обстоятельнейший отчет.

Ни одна армия в мире не могла бы не то что воевать, но просто существовать в тех условиях, в которых русская армия готовилась еще наступать! Ставка назначила началом наступления 10 июня для Юго-Западного фронта, 15-е — для остальных. Юго-Западному фронту ставилось задачей нанести поражение австро-венгерским армиям на путях ко Львову. Остальные фронты должны были способствовать этому главному удару ведением вспомогательных операций: Северный — на Вилейку, Западный — на Сморгонь — Крево. Румынский фронт должен был наступать в первой половине июля по окончании реорганизации румынских войск.

Общее положение на театре войны представлялось в следующем виде.

Северный фронт генерала А. М. Драгомирова, начальник штаба Бонч-Бруевич. ХЫI отдельный корпус в Финляндии. 1-я армия генерала Литвинова, а после генерала Ванновского¹⁷⁴ — I и XXXVII армейские корпуса — на Балтийском побережье. 12-я армия генерала Парского — VI Сибирский, II Сибирский, ХЫП и XXI армейские корпуса — в районе Риги. 5-я армия генерала Ю. Данилова — XIII, XXVIII, XIX, XXVII, XIV армейские и I конный корпуса — в районе Двинска.

Западный фронт генерала Деникина, начальник штаба генерал Марков¹⁷⁵. Главнокомандовавший генерал Гурко ушел из-за резких несогласий с Временным правительством. 3-я армия генерала Квевцинского — XV, XXXV, X, XX армейские корпуса — в районе Полоцка. 10-я армия генерала Киселевского — II Кавказский, I Сибирский, XXXVIII и III армейские корпуса — в районе Сморгонь — Крево. 2-я армия генерала Веселовского — III Сибирский, Гренадерский, IX, Б и Сводный корпуса — в районе Барановичей. В резерве фронта — XI/УШ армейский корпус (тяжелая артиллерия особого назначения).

Юго-Западный фронт генерала Гутора, начальник штаба генерал Духонин. Особая армия генерала Балугева — XXXI армейский, IV конный, ХБУI, XXXIX армейские корпуса — растянута в Полесье и выделившая половину сил в резерв фронта. 11-я армия генерала Эрдели — I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский, XVII, ХЫХ, VI армейские корпуса — в районе Дубно Броды. 7-я армия генерала Бельковича — ХЫ армейский, VII Сибирский, XXXIV, XXII армейские, III Кавказский корпуса — в долине Гнилой Липы. 8-я армия генерала Корнилова — XXXIII, XII, XVI корпуса на Днестре и Задне-строве, XI, XXIII и XVIII корпуса в Буковинских Карпатах. В резерве фронта — I Гвардейский, II Гвардейский, V, XXV и ХБУ армейские корпуса и V конный корпус.

Румынский фронт генерала Щербачева, начальник штаба генерал Головин. 9-я армия генерала Кельчевского — II конный, XXVI, II, XXXVI, ХБ армейские корпуса — в Молдавских Карпатах. 2-я румынская армия генерала Аве-реско — IV и II румынский корпуса и 4-я русская армия генерала Рагозы — VIII, VII, XXX армейские корпуса — в долине Сушицы. 6-я армия генерала Цурикова — IV армейский, IV Сибирский, ХБУП армейский и VI конный корпуса — по Серету и Дунаю. 1-я румынская армия генерала Кристеско (III, V и VI румынские корпуса) готовилась вдвинуться между 4-й и 6-й армиями, а III конный, XXIX армейский и неготовый I румынский корпуса были в резерве фронта.

Неприятельский фронт Леопольда Баварского составляли:

группа войск Эйхгорна: VIII германская армия генерала Гутьера — против нашей 12-й армии. Двинская группа генерала Шольца — против нашей 5-й армии и X армия генерала Карловица — против нашей 3-й армии; группа войск Войерша: армейская группа Шеффера — против 10-й армии, самого Войерша и Гронау — против 2-й армии;

группа войск Линзингена: армейская группа генерала Бернгарди, IV австро-венгерская армия генерала Кирхбаха¹⁷⁶ и армейская группа генерала Фалькенгайна 2-го — все против Особой армии; группа войск Бем Ермолли — II австро-венгерская армия самого Бем Ермолли — против нашей 11-й армии; Южная германская армия графа Ботмера — против 7-й армии и III австро-венгерская армия генерала Терстянского — против нашей 8-й армии на Днестре.

Самостоятельная группа войск эрцгерцога Иосифа (подчиненная австро-венгерской Главной квартире):

VII австро-венгерская армия генерала Кевеша — против Буковинской группы 8-й армии, I австро-венгерская армия генерала Рора — против нашей 9-й и 2-й румынской армий. Самостоятельная группа войск Макензена (подчиненная германской Главной квартире): IX германская армия Эбена — против 4-й и 6-й армий (туда 52-м корпусом вошла упраздненная Дунайская армия) и III болгарская армия генерала Нерезова — против левого фланга 6-й армии. Всего слабым нашим 216 пехотным и 42 конным дивизиям противостояло 132 пехотных и 21 кавалерийская дивизия противника.

Наша Ставка — а вслед за нею и штабы фронтов и армий — любили производить фантастические исчисления сил неприятельских армий с точностью до десяти штыков. Чего стоил весь этот заочный подсчет неприятельских мундирных пуговиц, показывает пример генерала Алексева, ошибавшегося весной 1916 года, как мы видели, на 200 000 штыков на одном Юго-Западном фронте. Наоборот, организацию высшего неприятельского командования в Ставке совершенно проглядели. Еще в июле 1917 года Ставка не знала, что фельдмаршал Конрад командует на Итальянском фронте, а вместо него главнокомандующим — генерал фон Арц, и продолжала считать Арца командующим I австро-венгерской армией. Между тем назначения Конрада и Арца не составляли секрета. Стоило только читать неприятельские газеты (чего в Ставке не делалось). Далее Ставка, так никогда и не разгадавшая ребуса XII австро-венгерской армии, не знала ничего о VII австро-венгерской армии Кевеша. Не знала она ничего и о том, что Фалькенгайн давно сдал свою IX армию, а сам командует Палестинским фронтом, что XII германская армия расформирована, что в Полесье образована новая группа Фалькенгайна 2-го и что у австрийцев Кирхбах и Терстянский поменялись армиями.

В числе наших 216 дивизий треть — 72 дивизии (4-й очереди и национальные формирования) — совершенно не имели артиллерии. Мы не сосчитали 6 дивизий в 1-й армии, охранявшей Балтийское побережье, и 6 дивизий в Финляндии и на балтийских морских позициях. У неприятеля 81 германская, 43 австро-венгерских, 5 турецких и 3 болгарских дивизий пехоты. Австро-венгерская конница вся спешена, и кавалерийские дивизии образовали стрелковые полки.

Пятая Галицийская битва

Наступление наших армий пришлось отложить на Юго-Западном фронте — на неделю, на Западном и Северном — на целых три недели. Войска митинговали, соглашаясь, как правило, с каждым из бесчисленных ораторов, хотя бы и говоривших совершенно противоположное. В одной и той же дивизии сплошь да рядом один полк выносил постановление наступать, второй высказывался только за оборону — без германских принцесс аннексии и контрибуции, а третий, ничего не постановляя, втыкал штыки в землю и самотеком шел домой — в Тамбовскую губернию, до которой немцу не дойти. Последнее решение зачастую принималось через четверть часа по вынесении единогласно и восторженно резолюции воевать до победного конца. Этот сумасшедший дом преподносился ничего не смыслившим делегациям английских и французских социалистов как величайшее достижение демократии XX столетия.

Главная работа по уговорам ложилась на комитеты, шедшие на Юго-Западном фронте, где их возглавлял бывший террорист Савинков, рука об руку с командованием. На фронт юго-западных армий приехал Керенский — и наступление, отложенное уже с 10-го на 12 июля, пришлось отложить еще на четыре дня, чтобы дать речистому военному министру по возможности исчерпать свое красноречие, объезжая назначенные к атаке корпуса. Керенский, получивший в эти дни полушутливое-полупрезрительное прозвище главноуговаривающего, был совершенно искренне уверен в своем магическом влиянии на войска. Разубеждать его не приходилось — об этом в самом непродолжительном времени постаралась сама жизнь. Боявшийся сесть на коня Керенский объезжал войска на автомобиле.

Многие начальники развалившихся частей приглашали главноуправляющего нарочно — для того чтобы затем иметь возможность умыть руки (сам Керенский не мог уговорить). Керенский принимал такие приглашения за чистую монету, убеждался в своей неопишуемой популярности и начинал любить себя еще больше. Полное незнакомство революционного военного министра с военной жизнью приводило иногда к забавным случаям. Когда Керенский в Тарнополе смотрел Забайкальскую казачью дивизию, то для встречи его был по уставу выставлен почетный караул, взявший при его приближении шашки наголо. Увидя сверкнувшее грозно оружие, Керенский вообразил, что наступил его последний час, и с громким жалобным пискom побежал от караула и растерявшихся штабных назад, в автомобиль.

К счастью, в распоряжении штаба Юго-Западного фронта помимо уговоров имелась еще многочисленная и прекрасная артиллерия. Могучий рев трех тысяч орудий действовал вернее всяких уговоров. Картина подавляла своей грандиозностью, и войска невольно проникались боевым духом, конечно, поскольку это допускала природа самой свободной армии в мире. Для большего подъема духа генерал Гутор приказал продолжить артиллерийскую подготовку еще на два дня.

Наступление было назначено окончательно на 18 июня. Особой армии отводилась пассивная роль. 11-я и 7-я армии наносили главный удар на Львов: первая в обход с севера — на Зборов — Злочев, вторая фронтально — на Бржезаны. 8-й армии надлежало вести в долине Днестра вспомогательную операцию на Галич и страховать все наступление от неприятельских покушений из Карпат.

* * *

На рассвете знойного дня 18 июня под гром могучей артиллерии наши армии Юго-Западного фронта перешли в свое последнее наступление.

В 11-й армии генерал Эрдели, развернув на пассивном участке I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский и XVII армейские корпуса, атаковал левым флангом: ХЫХ армейский корпус в этот день демонстрировал, а VI корпус крепким ударом у Конюхов прорвал фронт 25-го австро-венгерского корпуса на стыке II австро-венгерской и Южной германской армий. VI армейский корпус был в составе пяти дивизий (4-й, 16-й, 151-й, 155-й и 2-й Финляндской), но вся тяжесть операций легла на две его коренные дивизии, особенно на 4-ю. Было взято 5000 пленных и 10 орудий.

Весь день шел упорный бой, а на следующий день генерал Эрдели нанес сокрушительный удар ХЫХ корпусом генерала Селивачева по 9-му австро-венгерскому корпусу у Зборова. В ХЫХ армейский корпус входили 4-я и 6-я Финляндские стрелковые, 82-я пехотные дивизии и Чехословацкая бригада полковника Троянова. 4-я Финляндская дивизия нанесла удар по 32-й венгерской и 223-й германской пехотной дивизиям и чехословаки — по 19-й австро-венгерской дивизии, в значительной степени состоявшей из чехов. Финляндские стрелки взяли тактический ключ позиции — сильно укрепленную гору Могила, считавшуюся неприятелем неприступной. Особенно отличился 13-й Финляндский стрелковый полк полковника Папчинского, взявший 1500 пленных и 6 орудий. Атаковавшие с огромным порывом чехи опрокинули втрое сильнее него неприятеля и взяли 6000 пленных и 15 орудий (потеряв 150 убитыми и 1000 ранеными из 5000 бывших в строю). Ввод в дело чехословацких частей потряс австро-венгерское командование, и войска 9-го австро-венгерского корпуса были ночью же выведены в резерв и сменены 51-м германским корпусом.

Зборовская победа 19 июня 1917 года была крещением молодой чехословацкой армии и лебединой песнью финляндских стрелков... Блестящий успех не мог быть развит — тому препятствовало отсутствие конницы и развал пехоты. Вместо того чтобы поддержать истекавших кровью братьев, резервы митинговали и выносили резолюцию о недоверии министрам-капиталистам и мире без аннексий и контрибуций... Наступление 11-й армии замерло — на третий день она вела только огневой бой. 22 июня части XVII и ХЫХ корпусов атаковали вновь, но не добились сколько-нибудь значительных успехов. Добычей

было 17 офицеров и 1032 нижних чинов. Трофеи 11-й армии за Зборовское сражение с 18-го по 22 июня составили 300 офицеров, 18 500 нижних чинов пленными, 31 орудие и 33 пулемета.

Командовавший 7-й армией генерал Белькович сгруппировал четыре ударных корпуса — ХЫ армейский, VII Сибирский, XXXIV и XXII — в могучий кулак на правом фланге, а левофланговый III Кавказский корпус растянул на пассивном участке. Войска двинулись вперед с большим порывом, овладев двумя, а то и тремя укрепленными полосами. Центр армии Ботмера — 25-й резервный и 27-й резервный германские корпуса — был оттеснен в этом сражении при Бржезанах, но яростными контратаками германо-турок в ночь на 19-е и днем 19 июня наш успех в значительной степени был сведен на нет. Местные условия чрезвычайно затрудняли артиллерийское наблюдение, и наша пехота в критические часы неприятельских контратак была лишена огневой поддержки. А главное, войска были уже не те... Проявляя в наступлении нервный порыв, подчас напоминавший прежнюю беззаветную лихость, войска начинали быстро сдавать при заминках и, переходя к обороне, уже не выказывали былой стойкости. Это уже не были прежние русские, вспоминал об этих боях Людендорф.

У нас принято было считать, что войска 7-й армии, выйдя из окопов с красными флагами, лишь потоптались на месте и вернулись назад. Только из официального описания войны австрийским Генеральным штабом мы можем видеть, какое упорное сражение выдержала 18–19 июня Южная германская армия. Из 20 пехотных дивизий 7-й армии 8 атаковало, 2 (III Кавказского корпуса) удерживали пассивный участок, а 10 митинговали в тылу. На атакованном участке неприятель имел 5 дивизий. ХЫ армейский корпус (74-я и 3-я Заамурская дивизии) оттеснил 25-й резервный германский корпус у Бржезан, VII Сибирский корпус (Сводная и 108-я пехотная дивизии) и XXXIV корпус (23-я и 19-я Сибирские стрелковые дивизии) прорвали 27-й резервный корпус под Диким Ланом. Бой велся здесь весь день и всю ночь с ожесточением. XXII корпус (3-я и 5-я Финляндские стрелковые дивизии) сбил было 15-й турецкий корпус, но турецкой контратакой был возвращен в исходное положение.

Неприятель свой урон за сутки боя под Бржезанами показал в 328 офицеров и 12 218 нижних чинов из 35 000 введенных в дело и определяет на глаз наши потери в 40 000 человек, из коих одними убитыми 13 000. Это совершенно неверно. Весь урон Юго-Западного фронта (11-я армия у Зборова, 7-я армия у Бржезан и 8-я армия у Галича) составил за июньское наступление 1222 офицера и 37 500 нижних чинов убитыми и ранеными. В 8 слабых дивизиях генерала Бельковича на бой 18 июня пошло самое большее 50 000 штыков. Наш урон должен составить 15 000 человек. 7-я армия взяла 23 офицера и 198 нижних чинов пленными. 24-я германская резервная дивизия, разбитая 3-й Заамурской, была снята с фронта. Германцы потеряли 5454 человека, из них 1982 пленных (22 процента), а турки — из 2526 человек только 191 пленного (8 процентов). Доказательство высокого качества турецких войск.

Генерал Гутор надеялся еще устроить армии и возобновить в конце июня захлебнувшееся наступление. Он усилил 11-ю армию XXV корпусом с Волыни и ХЫ/У с Румынского фронта и передал в 7-ю армию гвардию. Вспомогательное наступление 8-й армии в общем направлении на Рогатин должно было облегчить ведение операции.

Командовавшие армиями и командиры корпусов не скрывали своих опасений. В сорвавшемся наступлении они видели грозное предостережение. Они знали, что 18 июня атаковали только те, кто еще хотел рисковать жизнью за Родину, что лучшие из них погибли, что огромное взбаламученное море войск в любой момент готово выйти из повиновения и фронт держится лишь тонкой цепочкой частей, оставшихся верными долгу.

Но Керенский ничего этого не замечал. Он видел лишь блестящий фейерверк Зборова и совершенно не чувствовал трагического положения. Ему показали пленных и захваченные пушки — и он вывел отсюда заключение о непобедимости самой свободной армии в мире. Победа 18 июня укрепляла престиж Временного правительства в стране и за границей, и

Керенский извещал о ней республиканского князя Львова и всю Россию ликующей телеграммой. Пошляк Львов ответил напыщенным приветствием, восхваляя силу революционной армии, устроенной на демократических основах и пропитанной демократическим идеалом. Проявления этой революционной силы и демократических идеалов не заставили себя ждать...

* * *

8-й армии Ставка и штаб фронта указывали вести вспомогательный удар в северо-западном направлении на Рогатин, в правый фланг Южной германской армии, что должно было облегчить главную атаку 7-й армии с фронта. Но волевой Корнилов отвергнул доводы Брусилова и Гутора. Глазомером полководца он угадал слабое место неприятельского фронта в Галиции и Буковине и положил наступать не на северо-запад к Рогатину, а прямо на запад — на Галич и Калуш, нанеся удар по III австро-венгерской армии в долине Быстрицы.

Правофланговую ударную группу 8-й армии составили 11 дивизий XXXIII, XII и XVI армейских корпусов, развернутых против III австро-венгерской армии Тер-стянского между Днестром и Прутом. 8 дивизий XI, XXIII и XVIII корпусов занимали пассивный участок в Буковинских Карпатах против VII армии Кевеша. Ведение главной атаки было возложено на центральный из ударных корпусов — XII генерала Черемисова, доведенный до 6 дивизий и развернутый вдоль Быстрицы. Левее XVI корпус должен был демонстрировать на Богородчаны, а на правом фланге ударной группы и всей армии замурцы XXXIII корпуса были нацелены на Галич.

В XXXIII армейском корпусе — 2-я и 4-я Заамурские дивизии, в XII корпусе 11-я, 19-я, 56-я, 117-я, 164-я пехотные и 1-я Заамурская дивизии, в XVI корпусе — 41-я, 47-я, 160-я пехотные, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии. У неприятеля — 26-й корпус на фронте XXXIII и XII корпусов и 13-й корпус на фронте ХАЛ корпуса. Противостоявшая Корнилову III австро-венгерская армия генерала Терстянского насчитывала 61/2 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии в своих 26-м и 13-м армейских корпусах. У Кевеша было 11 пехотных и 31/й кавалерийских дивизии.

23-го и 24 июня XVI корпус рядом демонстраций сковал 13-й неприятельский корпус и отвлек внимание Терстянского на юг. А 25-го под гром 300 орудий бросился в бой наш XII корпус. Фронт III армии врага был прорван могучим ударом под Ямницей (у австрийцев сражение при Утренней Горе). Старые полки 11-й и 19-й дивизий — герои севастопольских бастионов и ветераны кавказских походов — достойно завершали свой славный путь, и баварской картечью в упор был крещен новый полк — Корниловский ударный. Его ура под Ямницей было первым криком рождавшейся другой армии, первым видением надвигавшейся другой войны...

26-й австро-венгерский корпус (группа Ходфи) был растерзан и перестал существовать. Вся долина Быстрицы была в наших руках. В боях 26 июня были разбиты подошедшие германские подкрепления и отброшен 13-й корпус. Южная германская армия спешно загнула свой правый фланг, повисший в воздухе за гибелью 26-го корпуса.

Корниловским ударным отрядом (полк) командовал капитан Неженцев. Ударниками взято 26 офицеров и 831 нижний чин пленными и 6 орудий. Их выбыло 300 человек, из коих треть заколото штыками. Всей 8-й армией за день 25 июня взято 131 офицер, 7000 нижних чинов и 48 орудий. 15-я австро-венгерская пехотная дивизия была совершенно уничтожена, выведя из 7700 бойцов только 800 и потеряв все 43 орудия. 26 июня при отражении германских контратак взято еще 1000 пленных и 3 орудия. 26-й австро-венгерский корпус был расформирован, и его остатки влиты в 40-й германский резервный корпус генерала Лицмана.

27 июня Корнилов вогнал ударный клин XII корпуса еще глубже — до Ломницы, а на правом фланге 8-й армии замурцы быстрым ударом взяли Галич. При взятии Галича частями 1-й и 4-й Заамурских дивизий захвачено 2000 пленных и 26 орудий. Терстянский и Ходфи были отрешены, и на Ломнипу Леопольд Баварский направил старика Лицмана, уже

спасшего императорско-королевские армии год назад под Кошевом.

На рассвете 28 июня молодая 164-я пехотная дивизия, прикрываясь садами, без выстрела проскользнула в Калуш. Стоявшие на биваках германские войска, захваченные врасплох, бежали за Ломницу, уничтожив переправы. В лихом наскоке на Калуш 164-й пехотной дивизией взято свыше 1000 пленных и 13 орудий.

29-го и 30 июня генерал Корнилов равнял по передовым Свой XVI корпус. Отсутствие конницы — вечная язва нашей тактики — сильный разлив Ломницы воспрепятствовали развитию Калушской победы.

Директивой 28 июня генерал Гутор предписал вверенным ему армиям Юго-Западного фронта возобновить наступление не позже 30-го числа. Особой армии давалась по-прежнему пассивная задача, 11-й армии указывалось наступать на Злочев, 7-й армии — сковывать врага фронтально, а 8-й армии ударить правым флангом на Рогатин и Жидачев. Двусторонним охватом 11-й и 8-й армий надлежало зажать в клещи Южную германскую армию. Одновременно Ставка предписала Северному фронту наступать 5 июля. Западному — 3-го, а Румынскому — 9 июля.

Однако демократические основы устройства армии взяли свое. Приходилось тратить время на разговоры с комитетами и уговоры митинговавших и не хотевших наступать войск. Наступление Северного фронта было отложено на 10-е, Западного — на 9-е, Румынского — на 11 июля. А на Юго-Западном фронте его откладывали со дня на день, пока на митингующие толпы не обрушился бронированный кулак врага...

С трибуны парламента военный министр Франции Пенлевэ заявил, что французская армия на лето и осень не намерена предпринимать сколько-нибудь серьезных наступательных операций. Германское командование как бы приглашалось к переброске войск с Французского фронта на Русский. И оно этим приглашением не преминуло воспользоваться. Еще 17 июня, накануне нашего наступления, из Франции были направлены на Восток 7 отборных дивизий гвардии 3-го и 10-го армейских корпусов. Управления этих корпусов остались во Франции, а войска вошли в состав 23-го резервного, 51-го и Бескидского корпусов Злочевского отряда.

Эти войска прибыли в Галицию после того, как наступление наших 11-й и 7-й армий захлебнулось. Две дивизии были тотчас же посланы выручать III армию на Ломницу, а остальные направились под Зборов, где образовали на правом фланге II австро-венгерской армии Злочевский отряд генерала Винклера¹⁷⁷. Прибывший в Злочев во II австро-венгерскую армию главнокомандовавший Восточным фронтом неприятеля принц Леопольд Баварский предписал Злочевскому отряду перейти в контрнаступление в общем направлении на Тарнополь с целью вернуть утраченное 18-го и 19 июня. Для этого Злочевский отряд был доведен до 12 пехотных дивизий (11 германских) и нацелен на левый фланг нашей 11-й армии, тогда как остальные силы 11-й армии — 7 пехотных и 1У2 кавалерийских дивизии — должны были удерживать правофланговые корпуса генерала Эрдели.

Наша 11-я армия развернула справа налево I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский, XXV, XVII, ХЫХ, I Гвардейский и V армейский корпуса. ХЫ корпус сосредотачивался в резерве. 7-я армия получила VI корпус, слева от которого развернулись ХЫ, VII Сибирский и XXII, а XXXIV был выведен в резерв.

Перегруппировка наших армий еще не успела закончиться, как на рассвете 6 июля Злочевский отряд генерала Винклера перешел в стремительное наступление, подготовленное коротким, но сокрушительным огнем 600 орудий и 180 минометов. Удар его пришелся у Перепельников по XXV армейскому корпусу, не выказавшему никакой стойкости. Распропагандированная 6-я Гренадерская дивизия взбунтовалась, и весь корпус безобразной толпой хлынул с фронта...

6-я Гренадерская дивизия была переименована из 152-й — полки ее именовались пехотными. Один из них — 607-й Млыновский — был заклеямен Ставкой как бежавший первым. Из всей дивизии удалось собрать двести человек. XXV корпус оставил в руках у неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов пленными и 10 орудий. Немцы, по

собственному их признанию, были ошеломлены таким успехом. Атака на соседний справа V Сибирский корпус была отражена 6-й Сибирской стрелковой дивизией, и немцы в дальнейшем сибиряков не трогали, перенеся удар все более на юг.

Отход XXV корпуса увлек за собой и XVII. Прорыв неудержимо ширился и углублялся. Генерал Эрдели бросил 7 июля в контратаку ХЫХ корпус, но он был отражен и вовлечен в общий водоворот. Вслед за ним отскочил и I Гвардейский. V армейский корпус, видя свой фланг оголенным, отошел в свою очередь...

8 июля развалившаяся 11-я армия стихийно продолжала катиться назад. Правый фланг 7-й армии, обнаженный этим отливом, оказался под ударом, и генерал Белькович стал отводить ее на Золотую Липу. Поражение 6 июля превратилось 7-го в разгром 11-й армии, а 8-го в катастрофу всего фронта... В этот день генерал Гутор был отчислен от своей должности. Генерал Брусилов проявил себя двумя мероприятиями: смешным — обратившись к революционным войскам с воззванием не отдавать Тарнополя и дельным — назначив главнокомандующим Юго-Западного фронта генерала Корнилова.

На полях, которых нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования, — характеризовал Корнилов общее положение своего фронта. Он предписал 11-й и 7-й армиям отходить на Серет — из Бурканув и Монастержиску, двинув XXXIV армейский корпус на заполнение разрыва между ними. Одновременно пришлось отвести и 8-ю армию и отдать без боя Галич и Калуш. 8-й армией командовал ставленник революционной общественности генерал Черемисов.

Злочевский отряд неприятеля, развивая свое почти неудержимое продвижение, свернул с восточного направления почти под прямым углом на юг. Косым ударом Винклер стал резать тылы 7-й армии... Благодаря перемене направления на юг XXV и XVII армейские корпуса смогли оторваться от противника и выйти из-под удара. К счастью, у немцев не оказалось кавалерии. Свою Баварскую кавалерийскую дивизию они сгоряча отправили под Галич сдерживать Корнилова, а в Злочевском отряде на 12 дивизий пехоты оказалось всего одна бригада лейб-гусар. Помня Попеляны, где их раз и навсегда проучили приморские драгуны, эти 8 гусарских эскадронов действовали робко и нерешительно.

В наступление перешла вся группа войск Бем Ермолли. Винклер, громя 11-ю армию, брал 7-ю армию во фланг и в тыл. Ботмер с Южной германской нажимал на 7-ю армию с фронта. III австро-венгерская армия, которой вместо отрешенного Терстянского командовал генерал Критек¹⁷⁸, осторожно следовала за нашей 8-й армией, еще не решаясь ее преследовать. Главнокомандовавший на востоке принц Леопольд Баварский, не отдававший себе отчета в размерах русской катастрофы, приказывал Бем Ермолли не зарываться группой Винклера дальше Тарнополя. Армии Ботмера конечной целью была указана линия Серета, причем она была усилена за счет Винклера.

9 июля 11-я и 7-я армии докатились до Серета, но удержаться на этом рубеже не смогли. В 11-й армии подошедший на ее левый фланг для заполнения бреши ХБУ корпус стал митинговать и смешался с потоком беглецов. Генерал Зайончковский упоминает об одном позорном деле, где 3 роты германцев обратили в бегство 24 батальона из состава этого корпуса. Ставка хвалила поведение 194-й пехотной дивизии. 2-я Финляндская и 126-я пехотная дивизии отказались драться. Тогда офицеры этих дивизий — 300 человек — пошли одни на 10 000 неприятелей. Никто из них не вернулся... В 7-й армии генерал Белькович направил XXXIV корпус на правое крыло, чтобы заполнить разрыв, но Винклер предупредил его, бесповоротно выиграв его правый фланг. Одновременно XXII корпус — еще полгода назад краса русского оружия — самовольно ушел с фронта. Правый фланг 8-й армии — III Кавказский корпус — был оголен и стал отходить. Командовавший 8-й армией генерал Черемисов¹⁷⁹ предписал отступление на меридиан Станиславова и двинул на усиление фланга армии XII армейский корпус.

Генерал Брусилов пал духом, но Корнилов оказался на высоте положения. Энергичными и решительными мерами он упорядочил условия отхода. Батальоны смерти с

рухнувшего фронта были направлены в клочующий тыл, где задерживали бегущие части, ловили дезертиров и расстреливали на месте бунтарей. Трупы расстрелянных оставались на месте в назидание с надписью: Изменники Родине. В Волочiske за одну лишь ночь на 11 июля батальон смерти 11-й армии задержал 12 000 беглецов. Повальное бегство с 10-го по 11 июля стало походить на отступление — правда, поспешное и беспорядочное.

С Северного фронта в Буковину было переведено управление 1-й армии генерала Ванновского (войска прежней 1-й армии были переданы в 5-ю). Новая 1-я армия объединила левофланговые корпуса 8-й — XI, XXIII и XVIII, остававшиеся еще на месте в Буковинских Карпатах. В 8-й армии остались XII армейский, III Кавказский, XXXIII и XVI армейские корпуса и II конный корпус. Генерал Эрдели получил Особую армию, а командовавший этой последней генерал Балув возглавил хаотические толпы 11-й армии.

10 июля 11-я армия собралась на Стрыпе. За четыре дня революционная подлость отдала врагу все то, что было добыто безмерной доблестью и кровью 700 тысяч русских офицеров и солдат за четыре месяца Брусиловского наступления. Правофланговая, неатакованная, группа 11-й армии — I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский и V Сибирский корпуса — оставались еще на волинско-галицком рубеже — в районе Брод. Разгромленная левофланговая — XXV, XVII, XIX, I Гвардейский, V и XVI армейские корпуса — разбросалась по дуге от Серета до Стрыпы. Дальше между долинами этих рек дрожал фронт 7-й армии XXXIV, VI, XII, VII Сибирский и XXII армейский корпуса, к которым подходил из резерва II Гвардейский корпус.

Винклер ударил на Тарнополь, но был отражен нашим I Гвардейским корпусом. Второй раз за войну, и в условиях неизмеримо более тяжких, чем два года назад под Красновом, русская гвардия сломила прусскую. Ставка в своем сообщении почему-то отметила одну лишь Петровскую бригаду. Преображенцы полковника Кутепова, правда, особенно выделились лихими контратаками. Храбро дрались в те дни и остальные полки 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий. В тарнопольских боях отличились также 3-й и 5-й батальоны самокатчиков, уничтожившие 143-й германский пехотный полк. Винклер, получив отпор, сразу же перешел от наскока к планомерным действиям. Армия Ботмера имела, однако, успех, опрокинув XXXIV корпус и заставив нашу 7-ю армию подравняться по бежавшим.

11 июля в 11-й армии шли упорные бои за Тарнополь. 7-я армия в беспорядке собиралась на Стрыпе, а 8-я продолжала свой отход с Ломницы, спасаясь от наметившегося окружения. Сбив 7-ю армию, Ботмер выходил на сообщения 8-й, грозя перехватить ей пути отступления. Вслед за Калушем пришлось пожертвовать Станиславовом... 12 июля было несчастным днем. Винклер сбил V армейский корпус, и гвардия, взятая во фланг, должна была оставить Тарнополь. 7-я армия сдала Бучач и Монастержиску. Линия Стрыпы была потеряна...

Следуя за отступавшими соседями, 8-я армия оставила врагу политые геройской русской кровью поля Надворны, Коломеи и Ходимержа, где ровно за год до того — в июльские дни 1916 года — слава венчала русское оружие. Вечером 12 июля генерал Корнилов с болью в сердце предписал общее отступление на государственную границу. Червоная Русь и Буковина вновь отдавались под иноплеменное иго, но что было до того разнузданным революционным полчищам? В этот день перешла в наступление и VII австро-венгерская армия Кевеша. Наша 1-я армия оказала стойкое сопротивление, отступая лишь шаг за шагом — с долины Белого Черемоша в долину молдавского Серета и дальше на восток, на Прут — в связи с общим отходом фронта.

13-го и 14 июля были покинуты последние клочки галицкой земли, и 15-го армия Керенского откатилась за Збруч, за тот самый Збруч, который три года тому назад, в июле 1914 года, с таким подъемом перешла армия Петра Великого...

11-я армия заняла фронт от Радзивилова до Волочиска, 7-я собиралась в районе Гусятина.

8-я армия оставила 14 июля Городенку. 15-го ее правофланговые корпуса XII армейский и III Кавказский — отчаянно бились в устьях Збруча с армией Ботмера и ночью

отошли на левый его берег. Левофланговые — XXXIII и XVI огрызнулись у Залещиков и Снятыня, сдержав армию Критека в Заднестровье. Неприятельская история войны отмечает упорство войск

8-й армии, отступавшей в порядке. В этом заслуга генерала Корнилова, управлявшего корпусами 8-й армии через голову растерявшегося и павшего духом Черемисова. Для заполнения разрыва между этими двумя группами генерал Корнилов приказал направить в центр 8-й армии конную группу из пяти дивизий под начальством генерала Врангеля.

Энергичными мероприятиями Корнилов навел порядок в тылу и дал возможность командирам взять в руки войска. 7-я армия, перешедшая к генералу Селивачеву, развернула вдоль Збруча XXXIV, XBI, VII Сибирский и II Гвардейский корпуса, позади которого устраивались VI и XXII. В 8-й армии Черемисова XII армейский и III Кавказский корпуса стояли на Збруче, конница Врангеля сдерживала неприятеля в долине Днестра, а XXXIII и XVI отступали в Буковине.

II австро-венгерская армия с группой Винклера остановились перед фронтом нашей 11-й армии. Южная германская армия нацеливалась на стык 7-й и 8-й. III австро-венгерская армия продвигалась на Черновицы, тесня левый фланг нашей 8-й армии. Опыренный успехами, граф Бот-мер настоял на форсировании Збруча и вторжении в Подолию с целью глубокого охвата правого фланга армии Черемисова.

16 июля Южная германская армия (Бескидский, 25-й австро-венгерский, 25-й и 27-й резервные германские корпуса) атаковала по всему своему фронту и неожиданно получила решительный отпор. На правом фланге 7-й армии XXXIV и XBI армейские корпуса отразили Бескидский. VII Сибирский и II Гвардейский сдержали напор 25-го австро-венгерского корпуса, тогда как на правом фланге 8-й армии XII армейский и III Кавказский корпуса спружинили удар 25-го и 27-го юрманных. 17 июля Ботмер вновь пытался наступать, но Корнилов предупредил его: в 7-й армии XXXIV и XBI корпуса сорвали неприятельское наступление своими контратаками, VII Сибирский и II Гвардейский корпуса держались, а в 8-й армии III Кавказский корпус заступил туркам путь на Каменец-Подольский. 18 июля Южная армия нажала по всему фронту, одержав ценою значительных потерь ряд местных успехов. Подкрепленный финляндскими стрелками XBI корпус сдержал порыв Бескидского корпуса.

Входившая в состав 27-го резервного германского корпуса 20-я турецкая пехотная дивизия поклялась взять Каменец, имеющий для турок огромное значение по войнам, которые в XVII веке Империя османов вела с Ляхистаном. Турки мечтали отомстить за поражение, которое они понесли у стен Каменца от Чарнецкого и Собесского, но аллах и кавказские полки судили иначе. В своем сообщении Ставка отметила железный дух Лейб-Гвардии полков Литовского и Волынского и отличившиеся части: 3-ю Финляндскую стрелковую дивизию, особенно 10-й Финляндский стрелковый полк и Проскуровский пограничный пехотный полк, входивший во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию.

Неприятель выдохся, и генерал Корнилов предписал общее контрнаступление. Это было последним его распоряжением как главнокомандующего Юго-Западным фронтом. 19 июля он был назначен Верховным главнокомандующим, сдав фронт генералу Балуюеву.

19 июля к северу от Гусятина XXXIV, XBI и XXII армейские корпуса армии Селивачева дружной атакой опрокинули Бескидский корпус немцев и 25-й австро-венгерский. Гусятин был возвращен, и неприятель сброшен в Збруч. В ночь на 23 июля перешла в наступление и 8-я армия, только что выведшая свой левый фланг из Буковины. XII армейский корпус потеснил 25-й германский у Скалы, а III Кавказский у Выгоды коротким ударом опрокинул 27-й.

Этим закончилось восьмидневное сражение на Збруче — славное дело русского оружия, оставшееся в тени. Потери неприятеля в сражении на Збруче, по признанию австрийского Генерального штаба, были немалые. Мы можем их определить в 25 000 человек. О взятых нами трофеях имеются лишь неполные сведения, позволяющие установить захват 23 июля у Выгоды 7 офицеров, 300 нижних чинов и 4 пулеметов и у

Гусятина 9 пулеметов.

* * *

В. то время как 7-я армия и правый фланг 8-й нанесли поражение Южной германской армии на Збруче, левофланговая группа армии Черемисова — XXXIII и XVI корпуса — отступала в Буковине под напором III австро-венгерской армии генерала Критека (усиленные 40-й германский и 13-й австро-венгерские корпуса). Оставив Залешики и Спятын, наши войска с 17-го по 20 июля вели на подступах к Черновицам упорные арьергардные бои для выигрыша времени, и на рассвете 21-го столица Буковины была нами покинута.

Преследуемая III австро-венгерской армией, наша заднепровская группа отошла 22-го числа на буковинско-бессарабский рубеж, и 23 июля, в день победы на Збруче, наш XVI корпус опрокинул 13-й австро-венгерский встречным наступлением у Должка. Удар у Должка нанесла 41-я пехотная дивизия, причем особенно отличился 163-й пехотный Ленкоранско-Наштрбургский полк полковника Дорошкевича, отмеченный в сообщении Ставки. Нами взято 20 офицеров и 500 нижних чинов пленными и 3 пулемета. Получив этот удар в свой правый фланг, Критек придержал свою армию.

Отражением германского нашествия на Збруче закончилась Пятая Галицийская битва. Мимолетные лавры Зборова и Галича сменились позором Тарнополя позором, которого русская армия никогда еще не испытывала и никогда более не испытает.

Но позор этот пал не на толпы обезумелого человеческого стада, а на тех, кто превратил геройские полки России в эти толпы... Шайка интернационалистов из заплombированного вагона делала то, для чего она была нанята германским правительством и германским командованием. Преступление совершили не одни эти маньяки и проходимцы, а и те вожаки российской демократии, которые поставили эту шайку в наилучшие для нее условия

и дали ей возможность беспрепятственно впрыскивать яд в тело и душу России и русского народа...

Июльское наступление сбитый с толку крикливой рекламой обыватель прозвал наступлением Керенского. В действительности если на фронте в те дни находился человек, совершенно непричастный к Зборовской и Галицкой победам, то это был, конечно, злополучный главноуправляющий. Хуже всего было то, что, побывав неделю в войсковых штабах, научившись распознавать чины на погонах и услышав в первый раз в жизни пушечный гром, военный министр Временного правительства открыл в себе военный гений, о существовании которого он раньше не подозревал.

Честь победы и заслуга предотвращения окончательного крушения принадлежат по праву тому, кто в дни Галича и Калуша командовал 8-й армией, а в дни Тарнополя возглавил агонизировавший фронт и вернул его к жизни на скалистых берегах Збруча. В неслыханно трудной обстановке держал здесь Корнилов экзамен на полководца и выдержал его. В условиях гораздо менее трагических Гинденбург предпочел подать в отставку-Окружение Керенского стремилось всячески умалить заслугу Корнилова, усиленно выдвигая революционного генерала Черемисова. В своей книге комиссар Северного фронта Станкевич, личный друг Керенского, пишет, например, что судьба не дала Корнилову возможности доказать свои стратегические таланты и что лавры взятия Галича оспаривал у него Черемисов.

Мы знаем, что штаб фронта требовал от 8-й армии только наступления на Рогатин. Если она ударила на Галич, то это произошло исключительно по личной инициативе Корнилова. Черемисов командовал XII армейским корпусом, а Галич брал XXXIII. Но если бы даже Галич был взят корпусом Черемисова, то этот последний, действуя по указанию своего командовавшего армией, никак не мог бы оспаривать лавры у Корнилова. Если допустить подобную невоенную постановку вопроса, то тогда, в свою очередь, лавры у Черемисова мог бы оспаривать ротный командир, первым вступивший в Галич.

Всего за всю наступательную операцию Юго-Западного фронта с 18-го по 30 июня

нами было взято в плен 834 офицера, 35 809 нижних чинов, 121 орудие и 99 минометов и бомбометов, 3 огнемета и 403 пулемета. Неприятель потерял не менее 45000 убитыми и ранеными. При отступлении из Галиции мы лишились около 20 000 убитыми и ранеными, а пленными 655 офицеров, 41000 нижних чинов, 257 орудий, 191 миномета и бомбомета и 546 пулеметов.

* * *

С тарнопольской катастрофой совпало вооруженное выступление большевиков в Петрограде 4-го по 6 июля. Организованное наспех, это выступление закончилось полной победой правительства, не захотевшего, однако, этой победой воспользоваться. Временное правительство получило документальные данные о работе большевиков на Германию, и большевики, опасаясь неминуемых арестов, решили рискнуть на выступление. Нагнав слишком много людей — матросов из Кронштадта, рабочих и запасные пулеметные полки, — большевики не сумели снабдить их руководством. На Литейном мосту хаотическое полчище было остановлено 180 и отражено одним нерастерявшимся офицером — штабс-капитаном Цагурия с горной пушкой, из коей он сам и стрелял.

Партия большевиков была совершенно разгромлена, а Петроград и Петроградский гарнизон надежно усмирены прибывшими с фронта 45-й пехотной и 14-й кавалерийской дивизиями. Ленин бежал в Финляндию. Троцкий, Нахамкес, Крыленко¹⁸¹ и все остальные главари были арестованы¹⁸². Львов подал в отставку. Временное правительство возглавил Керенский, передавший пост военного министра террористу Савинкову. Первым распоряжением Керенского было удалить из столицы в Финляндию фронтовые войска, как слишком контрреволюционные, и немедленно освободить всех арестованных большевиков... Еще до того Бронштейн-Троцкий был освобожден по приказу Либермана-Чернова. С трибуны совдепа наглый Бронштейн кричал Керенскому: Почему вы меня не арестуете?

Керенский распорядился не только освободить большевиков, но и прекратить судебное преследование. Возмущенный раболепством Керенского перед большевиками, министр юстиции Переверзев подал в отставку. Его заменил некто Малянтович, поспешивший выполнить все распоряжения плачевного главы Временного правительства. Служба в неприятельской разведке, выполнение приказаний неприятельского командования, вооруженное восстание и массовые убийства в его глазах отнюдь не были преступлением. Большевики — первенцы Революции — были в глазах Керенского своими. Их можно было не одобрять, но с ними не надо было бороться.

Товарищ Керенского Либерман-Чернов служил в германской разведке, занимая в то же время должность министра земледелия Временного правительства. Керенский считал это вполне нормальным и допустимым, предупреждая только военачальников не сообщать секретных сведений в присутствии товарища Чернова. Освободив большевиков, Керенский распорядился арестовать генерала Гурко, к которому питал личную неприязнь.

Основанием для ареста генерала Гурко послужило его письмо отрекшемуся Государю от 4 марта. Письмо это носило совершенно частный характер (Гурко справлялся о здоровье болевших детей). Это для Керенского было преступлением куда большим, чем предательство своей Родины за немецкие деньги. Мы видим также, чего стоила пресловутая свобода слова — Керенский допускал ее лишь для большевиков, которые, впрочем, и не думали спрашивать у него разрешения, и для своих однопартийцев — эсеров.

Говоря о генерале Гурко, не следует упускать большого вреда, принесенного им в Ставке зимней реформой армии и самовольной отменой в январе 1917 года посылки гвардейской конницы в Петроград. В первые недели революции, приняв Западный фронт, генерал Гурко всячески поощрял новые порядки.

Одновременно был смещен главнокомандовавший Северным фронтом генерал Драгомиров, замененный генералом Клембовским. Главнокомандовавший Западным фронтом генерал Деникин получил Юго-Западный фронт, поменявшись с генералом Балухевым. Особую армию от генерала Балухева еще раньше принял командир IV конного корпуса генерал Володченко.

Марешты и Марашешты

По плану кампании, составленному еще царской Ставкой, Румынскому фронту отводилась значительная роль. Первоначальный проект похода в Добруджу не встретил сочувствия румын, мечтавших отвоевать Валахию. Решено было поэтому предпринять широкую наступательную операцию на Нижнем Серете. Революционный развал побудил генерала Сахарова сократить размеры этой предполагаемой операции и свести ее к частичным наступлениям местного характера. С назначением энергичного генерала Щербачева и окончанием реорганизации румынских войск вновь стали обсуждать вопрос о производстве большого наступления всеми силами фронта. На нем особенно настаивали румыны. Имея 15 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, сильных числом и бодрых духом, они уже не удовлетворялись наступлениями местного значения и требовали для фронта генеральное сражение, а для себя — главную в нем роль.

В конце концов генералом Щербачевым был разработан, а королем Фердинандом принят план решительного наступления 1-й румынской армии генерала Кристеско с Нижнего Серета в глубь Валахии. Наша 6-я армия генерала Цурикова должна была содействовать этому наступлению в придунайской полосе и вести удар в общем направлении на Бузео. Одновременно 2-я румынская армия генерала Авереско при поддержке нашей 4-й армии генерала Рагозы должна была рвануть врага в карпатских предгорьях, в долине Сушицы.

Главную роль в предстоящей операции должны были играть восстановленная румынская пехота и непревзойденная русская артиллерия. В случае удачи IX германская армия охватывалась с обоих флангов. После долгих и унижительных упрашиваний и уговоров войска 6-й армии согласились наступать и заняли исходное положение без боевого порыва, но и без особенных заминок.

Артиллерийская подготовка была назначена с 9 июля. 2-я румынская и 4-я русская армии должны были атаковать 11 июля, а 1-я румынская и наша 6-я армии — 13-го. 4 июля охотники нашей Черноморской дивизии, занимавшей дунайские гирла на крайнем левом фланге 6-й армии, имели удачное дело с болгарями, захватив на Георгиевском рукаве у деревни Дунаевец 1 орудие, 2 пулемета и 200 пленных.

* * *

2-я румынская армия насчитывала 4 пехотные дивизии очень сильного состава и одну кавалерийскую бригаду. Генерал Авереско предписал правофланговому IV румынскому корпусу демонстрировать, а левофланговому II корпусу прорвать неприятельский фронт у Марешт совместно с русским VIII армейским корпусом (правофланговым 4-й армии). Наступление было тщательно подготовлено двухдневным ураганным огнем.

На рассвете 11 июля русско-румынские войска перешли в наступление. Их удар пришелся по правому флангу I австро-венгерской армии — 24-му германскому резервному корпусу генерала Герока. Румыны прорвали австрийцев, а наш VIII корпус генерала Елчанинова опрокинул германцев, причем наша 15-я пехотная дивизия растерзала 218-ю германскую. Румыны ввели в дело 11/2 пехотных дивизии против 1-й австро-венгерской кавалерийской дивизии 8-й горной бригады. У нас атаковала 15-я пехотная дивизия, опрокинувшая 218-ю германскую дивизию. 14-я пехотная дивизия содействовал атаке, а 3-я Туркестанская стрелковая была в резерве. Ведение преследования в гористой и пересеченной местности было очень затруднительно, и генерал Авереско, вдохновлявшийся мешкотными образцами сражения на Сомме своих французских инструкторов, выпустил противника и потерял с ним соприкосновение.

12 июля сражение под Марештами было возобновлено во 2-й румынской армии и нашем VIII корпусе. Операция здесь развивалась успешно. В то же время на Нижнем Серете, в районе Намолосы, гремели 600 орудий русско-румынской артиллерии, готовя главный удар армий Кристеско и Цурикова. Под этот гром креп дух войск IV армейского, IV Сибирского и ХБУП корпусов. Румыны не сомневались в победе, в победу начинали верить и измученные русские военачальники. Тем губельнее был неожиданный удар в спину, полученный

Румынским фронтом вечером 12 июля...

Перепуганный падением Тарнополя и бегством самой свободной армии в мире, председатель Совета министров Керенский в припадке безотчетного малодушия телеграфно из Петрограда предписал отменить обещавшее несомненный успех наступление. Поступок Керенского был неслыханным беззаконием. Председатель Совета министров никак не мог отдавать директивы Действовавшей армии да еще помимо Ставки, игнорируя Верховного главнокомандующего. Что бы сказал год тому назад этот же Керенский (и с ним вся демократическая общественность), если бы председатель Совета министров Штюрмер вдруг телеграфировал Брусилову приостановить наступление Юго-Западного фронта?..

Не подозревавшие выходки Керенского немцы сначала полагали, что отмену русско-румынского наступления следует приписать энергичной артиллерийской контрподготовке их IX армии. Начальник русской артиллерийской миссии в румынской армии генерал Виноградский в своих воспоминаниях дает яркую картину ошеломляющего действия, произведенного этой предательской телеграммой. Требовать знания военного дела — значило бы требовать слишком многого от этого ничтожества, знавшего только историю своего революционного движения, — пишет он про Керенского.

Телеграмма Керенского сразу же через комитетчиков стала известна войскам. Скрыть ее Щербачев и Головин не имели никакой возможности. Уже вечером 12 июля на фронте солдаты сообщили своим ошеломленным офицерам, что завтрашнее наступление отменяется по приказу самого Керенского. Вся самоотверженная работа офицерства рухнула. Созданное грандиозной обстановкой трехдневного ураганного огня приподнятое настроение, обещавшее на следующий день перейти в победный порыв, сменилось сразу озлобленным усталым равнодушием. Рука, уже заносившая меч над головой врага, вдруг дрогнула, опустилась и выронила оружие. И канонада на Серете стала прощальным салютом отлетавшей душе некогда славных полков 6-й армии.

Отчаяние румын было велико. Не имея возможности наступать на Серете, король Фердинанд предписал генералу Авереско продолжать наступление на Сушице. В боях 13-го и 14 июля румынские войска, широко поддержанные артиллерией нашей 4-й армии, достигли всех намеченных ими целей, успешно завершив сражение под Марештами. Всего в сражении под Марештами взято 3000 пленных и 43 орудия. Из этого числа 1000 пленных германцев и 11 орудий взято нашей 15-й пехотной дивизией, а остальное — румынами, показавшими весь свой урон в 7000 человек.

* * *

11 июля, в день падения Тарнополя, в австро-венгерской Главной квартире в Бадене под Веной молодой император Карл и его начальник штаба генерал фон Арц имели совещание с германским главнокомандующим фельдмаршалом Гинденбургом (Вильгельм II был под Тарнополем, любуясь русским развалом и успешной работой своего наемника Ленина).

На этом совещании было решено развить тарнопольскую победу переходом в общее наступление в Галиции и Румынии. Группе армий Бем Ермолли было приказано отобрать Галицию и продолжать наступление до Збруча. Группе эрцгерцога Иосифа — нанести из Буковины VII армией Кевеша удар в Молдавию — во фланг и тыл Русско-Румынского фронта. Группе же Макензена предписывалось нанести решительное поражение русско-румынским армиям, прорвав их фронт на Нижнем Серете, завоевать Молдавию и вывести из строя Румынию. В случае полной удачи этого своего плана неприятель надеялся продиктовать России прибыльный для себя мир.

Группа армий Бем Ермолли, как мы видели, выполнила свою задачу. Она завоевала обратно Галицию, но была отражена нашими армиями от Збруча.

Группа эрцгерцога Иосифа не смогла развить широкой наступательной операции. Ее VII армия генерала Кевеша была сдержана стойким сопротивлением нашей 1-й армии в Буковинских Карпатах, а I армия генерала Рора183, не успев перейти в наступление, получила сама удар в свой правый фланг под Марештами.

В двадцатых числах июля по отступлении 8-й армии на бессарабско-буковинский рубеж наша 1-я армия генерала Ванновского занимала в Буковинских Карпатах фронт от Прута до Сучавы, прикрывая Молдавию с севера. 25 июля она вошла в состав Румынского фронта. Далее к югу — от Дорна-Ватры до Ойтуза — в Молдавских Карпатах располагались корпуса 9-й армии генерала Кельчевского.

Произведенный в счет будущих побед в фельдмаршалы Кевеш должен был прорвать фронт нашей 1-й армии, тогда как фон Рору надлежало, сковав 9-ю армию фронтальными атаками, прорвать ее на стыке со 2-й румынской, связывая это наступление с главным ударом Макензена на Нижнем Серете. 27 июля армия Кевеша бросилась на нашу 1-ю армию, тогда как армия Рора нажала на 9-ю армию.

На правом фланге 1-й армии наш XI корпус опрокинул в жарком бою у Маморницы группу генерала Фабини¹⁸⁴ и 17-й австро-венгерский корпус. В центре наш XXIII корпус держал крепкой хваткой германский Карпатский корпус у Опришен. На левом же фланге XVIII армейский корпус отразил у Радауц восстановленный 26-й австро-венгерский. 28 июля VII австро-венгерская армия снова перешла в наступление и снова была отражена по всему фронту.

В этом двухдневном сражении при Маморнице наша 1-я армия грудью отстояла румынскую землю. Мечты австро-германского верховного командования проникнуть в северную Молдавию — во фланг и в тыл Румынского фронта — так и остались мечтами. Неприятель ввел в дело 11 пехотных и 4 кавалерийские дивизии против 10 пехотных дивизий слабого состава нашей 1-й армии. Свой урон австрийцы показали в 3500 человек в одной лишь группе Фабини за бой 27 июля. Можно считать, что четыре неприятельских корпуса за два дня лишились 15000 человек. Наш урон несколько меньше. Из трофеев можно установить захват 10 офицеров, 500 нижних чинов и 6 пулеметов, но их должно быть больше. В боях 28 июля Ставкой отмечен храбро бившийся 666-й пехотный Козювский полк полковника Акимова.

* * *

Фельдмаршал Макензен решил ударить центром IX германской армии на Нижнем Серете. Удар вести в северном направлении — на Марашешты и дальше — на Аджуд, отбросив разгромленную 4-ю русскую армию и перехватив пути отступления 2-й румынской. Одновременно I австро-венгерская армия должна была прорваться в Молдавию Ойтузским проходом, на стыке нашей 9-й и 2-й румынской армий и, заходя левым плечом, идти навстречу прорвавшейся на Аджуд IX германской. В районе Аджуда получались, таким образом, Канны для 2-й румынской и остатков 4-й русской армий. Но этих Канн показалось Макензену мало — он задумал уничтожить, кроме того, и 1-ю румынскую армию, а при удаче и 6-ю русскую. С этой целью правая клешня предположенных клещей — IX германская армия — должна была по взятии Марашешт пустить разветвление на юго-восток — на Текуч, в тыл 1-й румынской. Доведенная до 10 дивизий IX армия генерала Эбена составила две группы одинаковой силы — правофланговая генерала Моргена (1-й резервный корпус) должна была прорваться на Текуч, левофланговая генерала Венингера (18-й резервный корпус) — ломить на Аджуд.

IX германской армии в долине Путны противостояла русская 4-я; против группы Венингера — VIII армейский корпус, против группы Моргена — VII. Десяти германским дивизиям противостояло пять русских слабого состава — 103-я, 14-я, 71-я, 13-я и 34-я — славные войска императорской пехоты. Немецкий полководец сделал ставку на их революционный развал.

В двадцатых числах июля наш Румынский фронт произвел общую перегруппировку вправо. В его состав 25-го была включена 1-я русская армия в Буковине. Чрезвычайно напряженное положение на севере Буковины после падения Черновиц тревожило короля Фердинанда и его помощника генерала Щербачева, опасавшихся прорыва неприятеля в Молдавию — во фланг и в тыл Румынскому фронту. Они решили образовать за своим правым флангом, на севере Молдавии, маневренную группу для парирования этой

опасности. В эту маневренную группу в районе Фольтичен были отправлены из 6-й армии ХХІХ корпус, из 4-й — ХХХ и из 9-й — ХЬ. В ближайшие дни туда предполагалось перебросить и VII армейский корпус, а линию Путны и Серета передать 1-й румынской армии. Перегруппировка эта оказала существенное влияние на последовавшие в ближайшие дни события: вместо разложившегося ХЬ корпуса в Ойтузской долине (где неприятель намечал левую клешню своего охвата) заступили крепкие румынские войска 2-й армии.

Наступление IX германской армии началось 24 июля. В этот день группа Моргена (5 дивизий) атаковала наш VII армейский корпус. Удар четырех германских дивизий пришелся по левофланговой нашей 34-й дивизии, отошедшей за Серег и уничтожившей переправы. Косоприцельный огонь мощной русско-румынской артиллерии (нашего VII и румынского III корпусов) с левого берега Серета во фланг втянувшейся в излучину реки группы Моргена парализовал ее дальнейшее продвижение на Козьмешты — Текуч. В бою 24 июля мы понесли жестокие потери. Немцы захватили 3300 пленных и 17 орудий.

Макензену пришлось сразу же отказаться от направления на Текуч и охвата 1-й румынской армии. Он предписал Моргену отклониться от этого губительного огня на север и северо-запад и атаковать Марашешты. Главный же удар он наметил группой Венингера на Аджуд. 25-го и 26 июля шли жестокие бои. Знаменитые войска VIII и VII корпусов даже теперь, ослабленные революцией, были грозным противником. С большим трудом IX армия овладела линией Путны. Генерал Рагоза отвел свой правофланговый VIII корпус на Сушицу, а левофланговый VII осадил на Се-рет и частью за Серет. Атака Моргена на Марашешты была отражена 71-й и 13-й пехотными дивизиями VI корпуса.

На 27 июля генерал Рагоза предписал контрнаступление по всему фронту. Наш VIII армейский корпус смял группу Венингера, отбросив ее частью в исходное положение на Пугну. Подкрепленный румынами VII корпус тоже потеснил группу Моргена. Наши контратаки, решительно и энергично веденные, продолжались и 28-го числа. VIII армейский корпус развернул 15-ю пехотную дивизию на пассивном участке и отражал удары 103-й и 14-й пехотными дивизиями. VII корпус, отбиваясь на Серете 13-й и 34-й пехотными дивизиями, нанес своей правофланговой 71-й крепкий удар до 62-й австро-венгерской дивизии, отбросив их в долину Путны. Нами было взято 1300 пленных. Мост через Серег взорвал, пожертвовав собой, неизвестный герой, солдат 136-го пехотного Таганрогского полка.

Произведя перегруппировку IX армии и понадеявшись на успех I австро-венгерской армии (левой клешни предположенных Канн), Макензен рванул утром 29 июля Венингером на Панчиу, а Морген — на Марашешты. Здесь разыгралось яростное побоище. Защищавшая Марашешты 71-я пехотная дивизия целиком легла в облаках фосгена. Генерал Рагоза бросил в бой конных замурцев и авангарды подходившего V румынского корпуса. Отчаянным усилием Марашешты удалось отстоять. Ночью остатки обескровленного VII корпуса были сменены свежими войсками V румынского. 1-я румынская армия, перешедшая к энергичному генералу Григореско, была подчинена генералу Рагозе. Генерал Щербачев приказал 6-й армии демонстрировать для облегчения истекавших кровью войск Рагозы и Григореско. Морген выдохся в своем бешеном порыве и 30-го числа атаковал уже вяло. В этот день он ничего не добился под Марашештами и начинал подумывать о возобновлении удара в козьмештском направлении в обход Марашешт с востока... Наступление группы Венингера встретило упорное сопротивление нашего VIII корпуса и развивалось крайне туго.

Наша 6-я армия демонстрировала своим правым флангом — частями IV армейского корпуса — против Рымникской группы IX германской армии. Генерал Цуриков имел местный успех, но Макензен не дал ввести себя в обман и предписал фон Эбену продолжать наступление IX армии. Ударные батальоны 30-й и 40-й пехотных дивизий сильно потрепали 109-ю германскую пехотную дивизию и взяли у нее 4 орудия и 8 пулеметов.

31 июля положение под Марашештами оставалось очень напряженным. Русские войска понесли громадные потери, и генерал Рагоза предписал эвакуировать Марашештский плацдарм. Но генерал Григореско наотрез отказался выполнить это приказание.

Мужественный Щербачев согласился с доводами румынского военачальника и передал ему командование русско-румынскими силами на Сушице и Серете. Генерал Рагоза был отозван в северную Молдавию принять новую 4-ю армию. Для непосредственного руководства операциями под Марашешты прибыл начальник штаба фронта генерал Головин. Румынские резервы постепенно сменяли обескровленные русские войска. 1-я румынская армия развернула справа налево VIII русский корпус на Сушице, V румынский корпус под Марашештами и III румынский корпус у Козьмешт.

1 августа IX германская армия атаковала вновь, и группа Моргена нанесла у Козьмешт сильное поражение III румынскому корпусу. 5-я румынская пехотная дивизия была совершенно уничтожена и сброшена в Серег. Немцы взяли 3000 пленных и 13 орудий. Группа же Венингера была остановлена в долине Сушицы нашим VIII армейским корпусом. Ставка отметила отличные действия 412-го пехотного Славянского полка, захватившего в одной из своих контратак 500 пленных. После этих боев 103-я пехотная дивизия была сменена подошедшей с Дуная свежей 124-й пехотной дивизией.

Отчаянное сопротивление румын не дало возможности использовать успех Моргена. Наступление IX германской армии захлебнулось, и Макензен приостановил неудавшуюся операцию — сражение под Марашештами.

* * *

В то время как правая клешня намеченных Канн начала свое наступление на Марашешты, левая завязала в Молдавских Карпатах сражение при Ойтузе.

Эрцгерцог Иосиф решил сковать нашу 9-ю армию I армией фон Рора, а правым флангом этой последней — группой Герока — форсировать Ойтузский проход и охватить 2-ю румынскую армию совместно с Макензеном. I австро-венгерская армия развернула слева направо 1-й, 11-й, 21-й, 6-й, 8-й австро-венгерские и 24-й резервный германский корпуса — два последних составили группу генерала Герока. 25 июля 1-й австро-венгерский корпус атаковал наш XXVI (правофланговый 9-й армии) у Гурагуморы, но не имел успеха. 26 июля Рор перешел в наступление своим правым флангом. 6-й австро-венгерский корпус потеснил слегка наш XXIV у Клея, а ударная группа Герока атаковала долиной Ойтуза правофланговый IV корпус 2-й румынской армии. 27-го сражение сделалось общим.

Наша 9-я армия отразила неприятеля по всему фронту своему: XXVI, II, XXXVI и XXIV армейские корпуса имели дело соответственно с 1-м, 11-м, 21-м и 6-м неприятельскими. Противник был отражен русскими войсками, но группа Герока после упорного боя оттеснила IV румынский корпус. Неприятель отметил особенно стойкое сопротивление нашего XXXVI армейского корпуса (25-я, 68-я и 191-пехотные дивизии).

28 июля Рор приостановил фронтальную атаку на 9-ю армию и все свое внимание сосредоточил на группе Герока, ведущей жестокий бой на Ойтузе. Но и здесь его ждала неудача, и он был остановлен 2-й румынской армией.

Прорыв в Молдавию долиной Ойтуза неприятелю не удался.

* * *

Ни Макензен, ни эрцгерцог не желали признать себя побежденными. Переведя дух, они 6 августа рванулись еще раз.

IX германскую армию ждала полная неудача. Отбив ее удар, 1-я румынская армия сама перешла во встречное наступление. Под Марашештами был прорван и опрокинут Морген, а под Ирештами был отражен Венингер. I австро-венгерская армия была лишь немногим счастливее, но первоначальный ее успех был сведен на нет контратаками 2-й румынской армии.

9 августа германская Главная квартира воспротивилась дальнейшей трате войск и предписала прекратить наступательные попытки. Орех оказался слишком твердым, и клещи сломались, хоть и были из крупновской стали высшего качества. В сражении под Марашештами в 4-й армии из 70 000 человек строевого состава (7 слабых пехотных и 1 кавалерийская дивизии) было убито и ранено 40 000 человек, а 5000 с 17 орудиями попало в плен. Урон наш составил 65 процентов, что показывает, до чего самоотверженно бились под

Марашештами русские войска. Румыны показали свой урон в 400 офицеров и 21 000 нижних чинов — 20 процентов своих сил (108 000 бойцов в 6 очень сильных пехотных и 2 кавалерийских дивизиях), из них 5000 пленных с 13 орудиями. Немцы скрыли свои громадные потери. Очень осторожно мы можем определить их в 40000 человек, из коих свыше 4000 пленными и 4 орудия. Это составит 40 процентов введенных в дело войск IX германской армии (131/2 пехотных дивизий).

В сражении на Ойтузе в группе Герока участвовало 5 дивизий. 2-я румынская армия противопоставила им 5 сильных пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Урон румын составил 14 000 человек, из коих 4000 пленными.

К середине августа Румынский фронт был полностью перегруппирован, протянувшись от устья Збруча до устья Дуная. В его состав была включена 8-я армия. Штаб 1-й армии был переброшен в Дубно на Волынь, возглавив правый фланг непомерно разросшейся 11-й армии. Войска прежней 1-й армии распределились между 8-й и 9-й армиями. Эта последняя, протянув правый фланг к северу, получила X армейский корпус с Западного фронта и передала большую часть своих войск 4-й армии.

8-ю армию, которой командовал генерал Черемисов, а после генерал Соковнин, составляли от Днестра до Верхнего Серета: II конный, XXXIII, XVI, XI и XXIII армейские корпуса. 9-ю армию между Серетом и Молдовой — X, XXIX, XII, XVIII и XXVI корпуса, командовали ею генерал Кельчевский, а после генерал Некрасов. 4-ю армию генерала Рагозы в Молдавских Карпатах составляли II, XXXVI и XXIV армейские корпуса. Дальше — по Сушице и Серету — шли румынские армии: 2-я генерала Авереско (IV и II корпуса) и 1-я — генерала Григореско (VI, V и III корпуса). По Нижнему Серету и Дунаю — 6-я армия генерала Цурикова (IV армейский, IV Сибирский, ХВУП армейский и VI конный корпуса). В резерве фронта — XXX армейский корпус, обескровленные VII и VIII и не закончивший своей организации I румынский.

Всего королю Фердинанду и генералу Щербачеву было подчинено 70 пехотных дивизий (из них 59 на фронте) и 12 конных. У неприятеля за отбытием 4 дивизий в Италию считалось на фронте 44 пехотные и 11 кавалерийских дивизий.

Военные действия носили в дальнейшем эпизодический характер. 15 августа III австро-венгерская армия потеснила нашу 8-ю у Должка с целью обеспечить Черновицы, а IX германская имела небольшой успех на Сушице против 1-й румынской армии. Вскоре после этого дела выстрелом одной из батарей нашего 124-го артиллерийского дивизиона был убит объезжавший войска генерал Венингер и уничтожен штаб его 18-го резервного корпуса. Нагроможденные в Молдавии наши войска всю осень держались пассивно, постепенно расставаясь с жизнью...

29 сентября в X армейском корпусе 31-я пехотная дивизия генерала Волховского рванула 17-й австро-венгерский корпус коротким и блестящим ударом у Вашкоуц. Трофеями славного дела при Вашкоуцах были 12 офицеров, 800 нижних чинов пленными, 18 орудий (4 тяжелых), 2 миномета, 1 бомбомет и 10 пулеметов. Все взято 121-м пехотным Пензенским полком. Храбрый его командир полковник Мансурадзе был убит. Штыками пензенцев была начертана последняя строка в более чем двухвековой летописи. Старая армия Петра Великого в последний раз глубоко вздохнула и сама закрыла свои глаза...

Крево и Рига

Поднять на неприятеля засидевшиеся в окопах и сильно разложившиеся войска Северного и Западного фронтов было делом более трудным, чем повести юго-западные армии, в душе которых еще теплился огонек.

Пришлось вести одновременно две операции — одну против неприятеля, другую — против собственных войск, оцепляя верными войсками и разоружая мятежные полки и дивизии. Разнузданные комитеты нагло вмешивались в оперативную работу, заставляя смещать неугодных начальников вотумом недоверия. Съезд фронтовых комитетов высказался 8 июня против наступления, 18 июня — за и 20-го — снова против. За это время 60 строевых начальников, до командиров полков включительно, были вынуждены покинуть

свои части, выразившие им через комитетчиков недоверие.

Наступление Северного фронта — 5-й армией вдоль железной дороги Двинск Вильно — было окончательно назначено на 10 июля. Западный фронт должен был атаковать 9-го числа своей ударной 10-й армией в общем направлении на Крево.

За три дня до наступления по требованию Временного правительства был отчислен командовавший 10-й армией генерал Киселевский. Его заменил прибывший из Румынии командир VIII корпуса генерал Ломновский. Подготовка к наступлению проходила в безобразной обстановке.

30 июня взбунтовавшимися солдатами 2-й Кавказской гренадерской дивизии был избит член совдепа, оборонец присяжный поверенный Соколов — один из составителей приказа номер первый. Временное правительство, равнодушно взиравшее на избиение и убийства десятков и сотен заслуженных боевых офицеров, бывших для него чужими, теперь, когда пострадал свой, потребовало примерного наказания виновных и смещения командовавшего армией. Генерал Брусилов счел нужным исполнить это требование. Генерал Киселевский покинул армию, обезглавленную накануне наступления, что, впрочем, ничуть не смущало ревнителей углубления революции.

Правофланговый корпус 10-й армии — II Кавказский — закинулся и отказался наступать. Тогда на его участок был перемещен смежный с ним XX армейский корпус (левофланговый 3-й армии), и в него включились боееспособные части кавказцев. 10-я армия развернула справа налево XX армейский, I Сибирский и XXXVIII армейский корпуса — 7 дивизий против 2 германских. На пассивном участке был растянут III армейский корпус — 3 дивизии против 5 неприятельских. Для развития операции в резерв фронта были стянуты X и Ъ армейские корпуса. По подсчету штаба 10-й армии, в ударной группе XX, I Сибирского и XXXVIII корпусов было 85 000 бойцов против 10 300 немцев, а на пассивном участке III армейского корпуса — 23 700 человек против 37 700 германцев.

Утром 9 июля наша 10-я армия перешла в наступление своей ударной группой против правого фланга X германской армии. Правофланговый XX корпус генерала Ельпина и центральный I Сибирский генерала Искрицкого имели тактический успех, но понесли жестокие потери. Левофланговый же XXXVIII корпус генерала Довбор-Мусницкого дошел до неприятельской артиллерии, взял ее, но стал митинговать и без всякого давления неприятеля возвратился в свои окопы.

Генерал Деникин отказался возобновить наступление, бывшее покушением с совершенно негодными средствами. В XX армейском корпусе 28-я пехотная дивизия залегла, 51-я дивизия атаковала с большим подъемом и взяла три линии неприятельской укрепленной позиции. Храбро атаковала и 29-я пехотная дивизия, форсировавшая по горло в воде разлившуюся Безымянную речку. Войска атаковали на местности, совершенно им незнакомой. Командир корпуса генерал Ельшин был жестоко отравлен разрывом газового снаряда.

I Сибирский корпус опрокинул 16-ю ландверную дивизию и взял 1400 пленных. В XXXVIII корпусе была полная неудача. Ставкой был отмечен подвиг подполковника Янчина, собравшего 44 офицера и 200 оставшихся верными долгу солдат и пошедшего во главе их в атаку. Из этого отряда никто не вернулся. К вечеру немцы контратакой потеснили сибиряков, уже не имевших прежней стойкости, и заняли их окопы у Новоспасского леса. Но на рассвете 10 июля прусский ландвер был оттуда выбит женским ударным батальоном прапорщика Марии Бочкаревой (50 ударниц было убито и 200 ранено). Потери 10-й армии за наступление с 9-го по 10 июля были очень значительны. Эвакуировано было 30 000 раненых (по-видимому, значительный процент из них был палечников). Мы можем присчитать к этому еще около 6000–7000 убитых и пропавших без вести, что составит около половины (45 процентов) всех введенных в дело войск. Из 14 дивизий наступало только 7, а из тех только 4 оказались вполне боееспособными.

На Северном фронте генерала Клембовского командовавший 5-й армией генерал Ю.Данилов образовал ударную группу на своем правом фланге у Якобштадта из XIII и XIV

армейских корпусов, влив в XIII корпус 1 армейский корпус и введя в бой 6 дивизий против 2 дивизий германской Двинской группы. 10 июля в сражении под Якобштадтом XIII корпус топтался на месте. XIV корпус генерала Будберга дрался храбро, но один ничего не смог поделаться с подоспевшими сильными резервами врага. Наступательная попытка Северного фронта потерпела крушение.

XIII корпус был сборного состава. Его коренная 36-я пехотная дивизия овладела было двумя линиями неприятельских позиций, но 22-я дивизия (приданная из I армейского корпуса) отказалась наступать, а 182-я дивизия бежала, охваченная паникой. В XIV корпусе 120-я дивизия уклонилась от наступления (кроме ударного батальона), но коренные 18-я и 70-я пехотные дивизии дрались самоотверженно. Ставкой отмечен 280-й пехотный Сурский полк и геройская работа 72-го пехотного Тульского полка, взявшего 1000 пленных. Храбро дралась и 24-я пехотная дивизия.

Весь июль и первую половину августа к северу от Полесья парило спокойствие, бывшее для нас спокойствием кладбища. Юго-Западный фронт с Корниловым держался на Збруче. Румынский — Щербачева отразил нашествие при Маморнице и Марашештах. Но на севере и западе все было кончено. Главнокомандовавший Северным фронтом генерал Клембовский и ставший во главе Западного генерал Балувей плыли по течению, избегая всего, что могло бы пойти вразрез с чаяниями революционной демократии. Весь 750-верстный фронт от Рижского залива до Припяти держался на 40 ударных батальонах и 15 конных дивизиях.

Позади была миллионная толпа митинговавшего человеческого стада...

К началу августа у неприятеля освободились значительные силы в Галиции. Приостановив наступление на Збруч, главнокомандовавший на востоке принц Леопольд Баварский вывел в резерв гвардию, 23-й и 51-й корпуса упраздненной группы Винклера и направил эти войска на север.

Император Вильгельм решил использовать свое детище — русскую революцию для отторжения от России Прибалтийского края. Еще в конце июля он повелел начать приготовление к овладению Ригой. Операция была возложена на VIII армию генерала Гутьера¹⁸⁵, доведенную до состава 11 пехотных и 2 кавалерийских дивизий при 2000 орудий. Защищавшая Ригу наша 12-я армия генерала Парского имела главные силы — VI Сибирский, II Сибирский и XYII армейский корпуса — 13 пехотных и 2 кавалерийские дивизии на левобережном плацдарме, а XXI корпус — 4 пехотные дивизии — был растянут на правом берегу Двины. Лифляндское побережье охраняли 2 конные дивизии с переведенным на морской фронт управлением XIII армейского корпуса.

На рассвете 19 августа VIII германская армия под ураганный огонь 500 батарей обрушилась под Икскюлем на XYII корпус генерала Болдырева, прорвала его и к полудню перебросила свои авангарды за Двину. Гутьер стремился перехватить путь отступления 12-й армии и поймать в мешок левобережные корпуса. Отчаянные контратаки немногих стойких частей XYII и правобережного XXI армейских корпусов воспрепятствовали этому плану. Генерал Парский отдал приказ эвакуировать Ригу, задерживая на правом берегу прорвавшихся немцев. 20 августа VI и II Сибирские корпуса, оставив плацдарм, хлынули беспорядочной толпой через Ригу на север без всякого давления противника. Разложившиеся части XYII корпуса бежали за Двину, неразложившиеся прикрыли, как могли — беспорядочно, но самоотверженно — это бегство всей армии...

21 августа торжествующий неприятель вступил в Ригу, двести семь лет не выдавшую врага в своих стенах. 12-я армия катилась на север под прикрытием спешенной конницы, ведшей 22-го арьергардные бои. 23 августа соприкосновение с противником было потеряно. Гутьер придержал свою армию, не желая зарываться, тогда как кайзер, позируя в гроссмейстеры меченосцев, осматривал древнюю столицу ордена...

25 августа 12-я армия собралась на Венденских позициях. Чтобы найти неприятеля, ей пришлось в последовавшие дни продвинуться на два перехода. Потери 12-й армии генерал Клембовский определил в 25 000 человек, из коих 15000 пленными и без вести пропавшими,

а генерал Парский — в 18 000, из коих 8000 пленными. Эта последняя цифра верней, так как немцы показали свои трофеи в 8900 пленных, 262 орудия, 45 минометов и 150 пулеметов.

Немецкие потери незначительны и не должны превышать 4000–5000 человек. Вся тяжесть боев легла на 136-ю пехотную дивизию ХЫП корпуса и 33-ю и 44-ю дивизии XXI. После падения Риги в 12-ю армию было направлено с Западного фронта и из Финляндии 6 пехотных и 3 кавалерийские дивизии.

Бесславная летопись российской демократии обогатилась новой позорной страницей. Но как ни прискорбно было для нас падение Риги, оно ничего не значило в сравнении с тем несчастьем, что постигло Россию в последовавшие дни.

Преступление Керенского

Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя заветов демократии. Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления — заменить трескучие фразы решительными мерами.

Генерал Корнилов, возглавивший русскую армию в самый тяжелый час ее существования, видел бездну, разверзавшуюся под ногами ослепленной России. Он считал спасительным установление сильной власти на диктаторских началах. Одновременно надлежало оздоровить армию восстановлением попорченной дисциплины, официальным введением смертной казни и замены зловещей Декларации прав солдата декларацией его обязанностей. Корнилов считал необходимой милитаризацию военных заводов и железных дорог и находил, что надо иметь три армии — одну на фронте в окопах, другую — на заводах для изготовления боевого снаряжения и третью — на железных дорогах для подачи снаряжения на фронт.

Додумайся до этого шталмейстеры и столоначальники императорского правительства в 1916 году, мы не имели бы революции.

Вся первая половина августа прошла для Корнилова в напряженном труде по созданию законопроекта об устройстве армии. Верховный был одинок в этой своей огромной работе. Его непосредственное окружение — случайные люди полувоенного-полукомиссарского облика и явно авантюристической складки поражало своим самонадеянным ничтожеством. При всех своих положительных качествах Корнилов не умел подбирать себе сотрудников. Когда Корнилову указывали на несостоятельность его окружения, он отвечал, что не имеет выбора и что эти люди, по крайней мере, желают работать.

Робевший и колебавшийся Керенский все откладывал утверждение законопроекта, страшаясь своих коллег-пораженцев и Совета рабочих депутатов. Из своего финляндского тайника Ленин продолжал властвовать над слабым умом и дряблой волей главы российской демократии.

Мало-помалу Корнилову удалось склонить Керенского на ввод в столицу надежных войск. События на фронте тому способствовали. Рига пала, Петроград оказался под непосредственным ударом врага, и страх перед германскими генералами пересилил у Керенского его неприязнь к русским генералам. В Петроградский район был двинут с Румынского фронта III конный корпус генерала Крымова¹⁸⁶. Можно было считать обеспеченным создание директории в составе Корнилова, Керенского и Савинкова, и снабженной диктаторскими полномочиями. Оставалось договориться, кому в этом триумvirате занять председательское место. Для Корнилова этот вопрос особенного значения не имел — Верховный главнокомандующий добивался лишь полноты власти на фронте. Но для Керенского вопрос возглавления был всем. Безмерно честолюбивый председатель Временного правительства мыслил себя не иначе как в центре всеобщего поклонения и обожания.

Корнилов пригласил Керенского в Ставку, чтобы лично договориться с ним о всех необходимых подробностях предположенного государственного устройства. Но

главноуправляющий уже впал в свое обычное состояние возбужденного малодушия. Керенский уже стал сожалеть о своей сделке с революционной совестью, о своем сговоре с казачьим генералом. Он уклонился от поездки в Ставку и послал для переговоров с Корниловым случайного человека — обер-прокурора Синода Владимира Львова, давно слышшего у всех притчей во языцех своей сумбурной бестолковостью. Казалось, Керенский искал предлога, чтобы порвать с одиозной военщиной.

* * *

Львов прибыл в Ставку 24 августа. Генерал Корнилов заявил ему, что необходимо учреждение диктатуры при обязательном участии Керенского и что он, Корнилов, готов подчиниться кому укажут.

Вернувшись 26 августа в Петроград, Владимир Львов заявил Керенскому, что Корнилов требует себе всю верховную власть — как военную, так и гражданскую, что он не верит Керенскому и Савинкову и не ручается за их жизнь. Испуг Керенского был велик. Но он не заслонил расчета, вдруг вставшего перед ним: опираясь на все силы революционной демократии, от Савинкова до Ленина включительно, раздавить обнаружившийся генеральский заговор и этим раз навсегда избавиться от опасного соперника. Интересы государства всегда были у Керенского на третьем плане (после личных и партийных). Сейчас они окончательно перестали для него существовать.

Керенский вызвал Корнилова по прямому проводу и спросил его, верно ли то, что передал ему Львов, нарочно не поясняя, что именно сказал Львов. Далекий от мысли о провокации, генерал Корнилов лаконически ответил, что правда, не догадавшись ни расспросить Керенского, ни повторить вкратце содержания своей беседы со Львовым. Тогда Керенский приказал Корнилову сложить с себя звание Верховного главнокомандующего. Ошеломленный Корнилов отказался сойти со своего ответственного поста. Сношения Петрограда с Могилевом были прерваны.

27 августа вся Россия была потрясена манифестом Временного правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. В этом манифесте Керенский назвал героя Карпат изменником... Когда в июле ему были представлены доказательства службы большевиков у германского командования, то Керенский Ленина изменником не называл. Любопытнее всего, что из революционной общественности громче всех об измене Родине кричал министр земледелия Либерман — по псевдониму Виктор Чернов, активный деятель Циммервальдского съезда пораженцев в 1915 году, тот самый, от которого Керенский на совещании 3 августа предостерегал Корнилова. Чернов уже третий год занимал штатную и хорошо оплачиваемую должность в германской разведке, и тайны это ни для кого не составляло. Керенский называл Чернова товарищем, а Корнилова — изменником...

Корнилов не остался в долгу, заклеив в своем воззвании все Временное правительство немецкими наемниками. Генерал Деникин считает это воззвание ошибкой, так как из всего состава Временного правительства один Чернов мог по справедливости считаться немецким наемником. Враждебно к Корнилову относились только Керенский, Чернов и Некрасов. Остальных Корнилову не следовало от себя отталкивать. В этом утверждении генерала Деникина нельзя не видеть чрезмерного его уважения к общественности.

Керенский приказал военачальникам не подчиняться мятежному Верховному, а войскам не повиноваться начальникам. Он амнистировал арестованных большевиков, призвав их к совместной защите завоеваний революции, и приказал раздать оружие революционному петроградскому пролетариату.

Пока Керенский организовывал и вооружал большевиков, Корнилов бездействовал в Ставке. Ему надо было стать во главе шедшего на Петроград III конного корпуса и лично возглавить спасительную контрреволюцию. Вместо этого он оставался в Могилеве, застигнутый провокацией врасплох. Его полувоенное-полукомиссарское окружение изменило ему и покинуло его.

Конница Крымова разбросалась от Пскова до Луги, дойдя передовыми своими частями

до этого города. Два слова корниловцы идут! преобразили весь распущенный тыл Северного фронта. В частях, давно вышедших из повиновения, сама собой и мгновенно воцарилась аракчеевская дисциплина.

Однако генерал Крымов не сумел воспользоваться столь благоприятно складывавшейся обстановкой. Не получая из Ставки никаких указаний, никакой ориентировки, подобно Корнилову ошеломленный неожиданной провокацией правительства, он задержал 29 августа свои войска у Луги, а сам отправился для выяснения обстановки в Петроград. Там он был предательски убит. По одной версии Крымов был застрелен адъютантами Керенского, по другой — застрелился сам. Выяснено только, что он сразу не был убит и что Керенский запретил перевязку истекавшего кровью генерала. Заступивший его место князь Багратион-Мухранский по приказу Временного правительства отвел III конный корпус в район Псков — Великие Луки. Гидра контрреволюции была побеждена. Армия вновь погрузилась в анархию, чтобы больше из нее не выходить...

1 сентября Керенский торжественно провозгласил Россию демократической республикой, а себя самого Верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами этой демократической республики. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен небрежливый генерал Алексеев, а военным министром — честолюбивый и беспринципный младотурок — полковник Верховский. Полу корниловцу Савинкову Керенский больше не доверял.

Первым и единственным мероприятием Керенского как Верховного главнокомандующего была расправа с крамольными генералами. Прибывший в Ставку генерал Алексеев именем Керенского арестовал генералов Корнилова и Лукомского. Одновременно были арестованы открыто солидаризировавшиеся с Корниловым главнокомандовавший Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и командовавший Особой армией генерал Эрдели. Арестованные военачальники были заключены в Быховскую тюрьму. Алексееву удалось настоять на охране заключенных преданными Корнилову текинцами. Корнилов и его сподвижники были спасены этим от самосуда озверелой черни.

Председательствование во Временном правительстве и выступления в новосозданной говорильне — так называемом предпарламенте отнимали все время Керенского и делали его главнокомандование сухопутным и морским бессилием российской демократической республики чисто номинальным. Сознавший всю неловкость своего положения генерал Алексеев оставался в Ставке всего несколько дней и ушел. Начальником штаба и фактическим Верховным главнокомандующим был назначен новый начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Духонин, а генерал-квартирмейстером генерал Дитерихс — оба доблестные боевые начальники и талантливые офицеры Генерального штаба. Однако проявить свои дарования на этом посту им уже не пришлось. Армия превратилась в толпу_

* * *

Выступление Корнилова было последней попыткой предотвратить крушение великой страны.

Удайся оно, Россию, конечно, ожидали бы еще потрясения. Прежде всего немцы попытались бы утвердить своего Ленина штыками, и нашим неокрепшим еще армиям пришлось бы в сентябре — октябре выдержать жестокий натиск и отступить в глубь страны. Затем надо было считаться с тем, что за шесть месяцев керенщины анархия успела беспрепятственно пустить глубокие корни в народную толщу. При всех своих достоинствах героя Корнилов не был государственным человеком и правителем. Его убогое окружение было только немногим выше Временного правительства. Выздоровление России было бы долгим и тяжелым. Но она осталась бы Россией...

Оставшись в Могилеве и не возглавив лично шедшие на Петроград войска, Корнилов совершил роковую ошибку. Некоторым оправданием для него была полная неожиданность провокации. Пассивность Верховного предрешила неудачу спасительной контрреволюции.

Провокаторская работа Вл. Львова очевидна. Как низко ни расценивать его умственные

способности, нельзя предположить, что он только напутал, передав Керенскому прямо противоположное тому, что говорил ему Корнилов. Львов, сразу после октябрьского переворота примкнувший к большевикам, был, по-видимому, уже в августе их сотрудником.

Во всяком случае, Керенский поверил Львову, потому что хотел ему поверить. Разговор Керенского по прямому проводу с Корниловым выдает его с головой. Его вопрос, правда ли то, что сказал Львов, без пояснения, что же именно сказал Львов, можно считать непревзойденным образцом провокаторского мастерства.

Трагически сложившаяся обстановка потребовала от главы Временного правительства выбора между Корниловым и Лениным. И Керенский выбрал Ленина. Выбор этот был для Керенского естественным. Воспитанный на культе революции и преклонения перед светлыми личностями, Керенский был человек своей среды упадочников.

Корнилов звал спасти Россию. Ленин призывал углубить завоевания революции. Россия была для Керенского отвлеченным, ничего не говорившим понятием географической картой на стене III класса гимназии. Революция зато была чем-то близким и родным — прекрасной дамой. Россия обретала для Керенского смысл лишь с обязательным прибавлением прилагательного. Царская Россия была страной кнута и произвола, неприятельской державой, Карфагеном, который необходимо было разрушить. Революционную Россию, наоборот, можно и должно было считать своей страной при обязательном условии запретить в тюрьму всех инакомыслящих реакционеров (это называлось свободой).

Государство, государственность, государственные интересы были терминами чужими и враждебными. За ними чудился ненавистный жандарм и одиозный земский начальник. Могли существовать лишь общественность, лишь общественные интересы. Если государство мешало общественности — следовало упразднить государство. Если государственные интересы мешали тому, чтобы Ленин мог говорить в России столь же свободно, как в Швейцарии, то надлежало отменить государственные интересы.

Корнилов говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственник по воззрению, он был ему трижды непонятен, трижды неприятен, трижды чужд, тогда как Ленин был своим. Конечно, Керенский не одобрял Ленина, возмущался его аморальностью, негодовал на братоубийственную проповедь марксистского изувера. Но это были только частности. И тот, и другой поклонялись революции. Один воскуривал ей фимиам, другой приносил ей кровавые жертвы. И Ленин, и Керенский говорили на одном и том же языке. Разница была лишь в акценте.

Керенский предпочел своего Ленина чужому Корнилову. И отдал Ленину Россию на растерзание. В выборе между Россией и революцией он не колебался, ставя выше революции только себя самого.

Корнилов отдал жизнь за Родину. Керенский отдал Родину за жизнь. История их рассудила.

Разбор кампании

Русская армия воевала восемь месяцев в таких условиях, при которых германская армия год спустя смогла воевать только три дня, став на четвертый день на колени перед Фошем.

Кампания 1917 года — последняя нашей старой армии — привела к потере Лифляндии, Галиции и Буковины. Мы потеряли за июнь — сентябрь 200 000 убитыми и ранеными, 80 000 пленными и 732 орудия. В то же время наша смертельно больная армия вырвала из строя неприятеля 140000 убитыми и ранеными, 46000 пленных, 155 орудий, 120 минометов и 600 пулеметов. 26 октября — в день захвата власти большевиками в Петербурге — в 10-й армии на Березине полковник Щепетильников с 681-м пехотным Алтайским полком атаковал немецкие позиции, где взял 200 пленных и отбил у неприятеля 2 новогоргиевские поршневые пушки. Это было последним делом русской армии в Мировую войну.

Ведись эта кампания в нормальных условиях, она все равно не смогла бы принести

решение войны. События 1917 года в России нельзя рассматривать отдельно от событий во Франции. Мастерским ходом бесчестного врага была выведена из строя не только русская армия, но и французская. Сильнейшая из армий Согласия, лучше всех организованная и лучше всех веденная, обрекалась на полную пассивность. Одна же Россия не смогла бы вывести из строя и Германию, и Австро-Венгрию.

Стратегическая роль русской армии в печальную кампанию 1917 года была огромна. Она притянула на себя 144 пехотные и 21 конную дивизии врагов больше чем когда-либо за всю войну. Уже покрытая ядовитой пылью большевизма, наша армия продолжала самоотверженно выручать своих союзников, дав возможность Франции заняться лечением своей вооруженной силы, а Англии развернуть и устроить свои армии на континенте. Весь 1917 год германский меч был обращен на восток, и агония одного русского полка давала возможность генералу Петену исцелить один французский.

Спотыкаясь и падая, теряя сознание и вновь поднимаясь напряжением последних сил, смертельно пораженный русский больной нес на своих плечах двух тяжелых союзников, из коих один несколько прихворнул, а другой просто берег силы. А когда в изнеможении он упал и уронил свою ношу, то союзники, ушибившись при падении, в гневе на русского изменника бросили в Версале жребий о его одеждах.

* * *

Армия Петра Великого погибла по тем же причинам, по которым погибла петровская империя. У людей, ее возглавлявших, иссякла сила духа, совершенно отсутствовала творческая интуиция.

Своевременный переход в сентябре — октябре на добровольческое положение сберег бы нашу армию и тем самым уберег бы нашу Родину. Надо было отказаться от вооруженного народа, раз этот народ тяжело заболел, отказаться от шаблонов и принять новое решение, которое само собою напрашивалось — перейти от полчища к дружине, от семи миллионов глоток к одному миллиону бойцов, на которых можно было положиться.

В конце сентября комиссар Северного фронта Станкевич предложил свести всю Действовавшую армию в 15–20 корпусов, установив высокие оклады жалованья и денежные награды за трофеи. По плану Станкевича оклады жалованья солдат на фронте приравнялись заработкам рабочего в тылу. За каждого взятого пленного должно было выдаваться 1000 рублей, за каждую неприятельскую винтовку — 500 рублей и т. д. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал Дитерихс отвергнул этот план, найдя, что денежные премии не соответствуют началам воинской этики. Как будто все то, что до тех пор случилось — братание с неприятелем, избиение офицеров и повальное дезертирство, — не было нарушением этики в сто крат худшим!

В октябре командир XIV армейского корпуса барон Будберг тщетно призывал павших духом военачальников перейти, пока не поздно, на добровольческие начала... Он не был услышан... В начале октября, уже в период полного развала Северного фронта, в XIV армейском корпусе был произведен опрос желавших воевать до победного конца. В 18-й пехотной дивизии откликнулось 1000 человек, в 70-й — 1400. Генерал Будберг считал, что во всей русской армии должно набраться до миллиона вполне боеспособных солдат. Это предположение нельзя не признать правильным, имея в виду, что Юго-Западный и Румынский фронты разложились менее Северного. На конницу и артиллерию можно было вполне положиться.

Когда на совещании корпусных командиров 5-й армии барон Будберг изложил эту точку зрения, ему стал возражать командир XIX армейского корпуса генерал Антипов, усмотревший в переходе на добровольческие начала нарушение организации (как будто всякая организация не была давно нарушена и даже дотла разрушена приказом номер первый, Декларацией прав солдата и выборным началом). Остальные командиры корпусов молча и уныло слушали, соглашаясь в душе с бароном Будбергом, но не смея высказать это согласие вслух.

Школа Жомини, готовя из своих питомцев образцовых и исполнительных

столон начальников, не сообщала им широкого философского кругозора, не прививала им творческих инстинктов. Привыкнув действовать и мыслить только по усвоенному раз навсегда трафарету, они растерялись и потерялись, когда эти трафареты вдруг перестали годиться.

А когда все возможности были безвозвратно упущены и все сроки безнадежно пропущены, тогда догадались принять решение, три месяца подряд диктовавшееся жизнью. Добровольческая армия была создана, но создана в порядке импровизации, с совершенно негодными средствами. У генерала Алексеева было всего тридцать юнкеров и восемьсот рублей деньгами. За два месяца до того, в бытность генерала Алексеева в Ставке, в его распоряжении были сотни тысяч офицеров и верных долгу солдат, которых надо было только организовать, были миллиарды рублей... Организация рушилась. До реорганизации вовремя не додумались. Пришлось взяться за худшее — за импровизацию...

Последние выстрелы

Рижская операция показала германскому командованию, что с развалившимися армиями Северного фронта оно может отныне все себе позволить. После ареста Корнилова вооруженные силы российской демократической республики превратились в обозначенного противника. Узнав, что Корнилов арестован, а присяжный поверенный А. Ф. Керенский провозгласил себя генералиссимусом, фельдмаршал Гинденбург предписал отправить с Восточного фронта на Западный четвертые орудия всех батарей и приготовить переброску во Францию 25 дивизий. Наши враги решили окончательно обезвредить русский Северный фронт захватом Якобштадтского плацдарма на левом берегу Двины и укрепленных островов Моон-Зундской группы, командовавших входом в Рижский и Финский заливы. Овладение Якобштадтом было поручено 58-му германскому корпусу графа Шметова. Утром 8 сентября Шметов атаковал наш XXVIII армейский корпус, занимавший плацдарм, и к рассвету следующего дня отеснил его за Двину. Разложившаяся 5-я армия и не пыталась контратаковать.

Проливные дожди и болотистый грунт затруднили немцам подвоз артиллерии и маневрирование. 58-й германский корпус атаковал двумя дивизиями. С нашей стороны бои вела 60-я пехотная дивизия при незначительной поддержке 1-й Кавказской стрелковой дивизии. Мы потеряли около 3000 убитыми и ранеными, а пленными 32 офицера, 4700 нижних чинов и 55 орудий. Немцы (генерал Шварте) отметили высокое самоотвержение русской артиллерии, остававшейся на позиции до последней минуты и выпустившей последнюю свою картечь в упор.

Моон-Зундскую группу островов у Ливонского побережья составляют Эзель на юге. Даго на севере и Моон на востоке. С весны 1915 года эта передовая позиция Балтийского фронта была сильно укреплена и вооружена дальнобойной флотской артиллерией. Ее занимала 107-я пехотная часть и часть Балтийской морской дивизии при поддержке отряда устарелых кораблей контрадмирала Бахирева. Особенно тщательно был укреплен южный фронт Эзеля, обращенный к материку и предназначенный для отражения германской армии из Курляндии. Немцы решили поэтому атаковать острова с тыла — с морской (северной) стороны.

С этой целью в Балтику был введен флот Открытого моря в составе 3-й и 4-й его эскадр — кораблей новейшего типа с 15-дюймовой артиллерией. Десантная операция была возложена на резервный корпус генерала Катена, посаженный в Либаве на транспорты.

29 сентября германский десант высадился на севере Эзеля, прошел этот остров насквозь и, заняв порт Аренсбург, повернул против часовой стрелки, обойдя с небольшими боями 1-го и 2 октября весь остров и пленив его довольно многочисленных, но павших духом защитников. 4-го и 5 октября занят был Моон, причем наши старые корабли имели неравный бой с германскими сверхдредноутами, а 8 октября Катен овладел и третьим островом — Даго, заблаговременно эвакуированным. 107-я пехотная дивизия положила оружие на восточной окраине Эзеля, частью на Мооне, куда немцы проникли с Эзеля по плотине. За всю свою операцию немцы взяли 20 130 пленных, 141 орудие и 130 пулеметов. В

морском бою 4 октября в Моон-Зунде у нас погиб линейный корабль Слава.

Потеря Моон-Зунда вызвала словоизвержения ничтожных людей, пытавшихся править великой страной. Одержимой революционным иступлением России не было уже дела до последних ее защитников, агонизировавших в слякоти окопов четвертой осени Мировой войны. От Двины до Дуная царила тишина на позициях и сумасшествие позади позиций. Растерянные штабы продолжали еще жить по инерции... Офицерство, раздробленное и обезглавленное, расплылось и сходилась на нет. Офицер превратился в поднадзорного.

Служить — и даже жить — становилось невозможно.

Именовавшиеся еще частями толпы отказывались сменять товарищей на фронте. А те, не дожидаясь смены, покидали постылые окопы... И часто в этих опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах — последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только Смерть. Россия не сберегла своих офицеров.

Страна погрузилась в грязь и кровь. Каждый уездный город объявлял себя республикой. Разбой, насилия и самосуды царили на всем протяжении русской земли, еще за год до того великой, славной, могучей...

Выборы в так называемое Учредительное собрание дали до Уз всех мест партии большевиков. Русский рабочий, русский крестьянин и русский солдат голосовали за список номер пятый — за партию Ленина — за свою смерть.

Обманутый русский народ выдал врагу свою страну и сам своими руками надел себе на шею ярмо такого ига, какого мир не видел с тех пор, как существуют цепи...

Ответственность за катастрофу

Если бы Россия в 1918 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, — сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. — Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...

Ни к одной стране рок не был так беспощаден, как к России, — пишет, в свою очередь, другой иностранный государственный деятель — Черчилль. — Ее корабль пошел ко дну, когда пристань была уже в виду. Он уже перенес бурю, когда наступило крушение. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена одолели власть, когда задача была уже выполнена...

Россия могла стать сильнейшей и славнейшей державой мира. Но этого не захотели ни русская общественность, ни русский народ. Этого не желали ни наши враги, ни наши союзники.

Можно и должно говорить о происках врагов России. Важно то, что эти происки нашли слишком благоприятную почву. Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не страшны были бы все золото мира и все козни преисподней. Русские люди 1917 года все виноваты в неслыханном несчастье, постигшем их Родину.

Эта вина ложится, во-первых, на императорское правительство, не сумевшее ни предвидеть катастрофы, ни предотвратить ее, и это когда за долгие месяцы до февраля не то что люди, а сами камни петроградских мостовых кричали о готовившейся революции.

Безмерна вина оппозиционной общественности, увидевшей в этом потрясении неповторимый случай прийти, наконец, к власти, захотевшей обратить несчастье Родины в средство для достижения своих узко эгоистических целей, в средство для насыщения своего чудовищного честолюбия.

Обманутые общественностью военачальники сыграли роль позорную и жалкую. Лично для себя они, правда, никакой выгоды не искали. Ими руководило желание блага России, ложно понятого. Они полагали, что благоденствия Родины можно добиться изменой Царю... Их непростительной ошибкой было то, что они слишком стали считать себя общественными

деятелями и недостаточно помнили, что они прежде всего — присягнувшие Царю офицеры. Милютинская гражданственность и здесь сослужила свою печальную службу.

Эти три категории виновных — растерявшиеся сановники, предатели-политиканы и недостойные военачальники — не имеют оправдания. История вынесла им приговор, справедливый и беспощадный.

Отречение Государя Николая Александровича за себя и за сына было ошибкой. Но кто посмеет упрекнуть за нее Императора Всероссийского, к виску которого было приставлено семь генерал-адъютантских револьверов? Этим своим отречением Царь-Мученик надеялся избежать гражданской войны. Кровь его подданных была для него кровью собственного сердца. Он не мог решиться ее пролить... Это благородное заблуждение свойственно природе венценосцев. Не прикажи Людовик XVI своей швейцарской гвардии прекратить огонь — он мирно закончил бы свой век на троне, а счастливая его страна избежала бы ужасов революции и опустошительных войн империи. А у нас декабристы залили бы кровью Россию, не выкажи Император Николай Павлович самоотверженной твердости на Сенатской площади. Этого железного духа не хватило тихому подвижнику, правившему Россией в труднейшие годы ее одиннадцативековой истории.

Подобно тому, как садовод обязан отсекал сухие ветви и вырывать сорные травы, так и монарх обязан отсекал преступные головы, помня, что иначе, щадя кровь ста негодяев, он губит миллионы честных людей. Никогда еще венценосец не спасал своей страны принесением себя в жертву.

* * *

Подобно всякой революции, русская революция представляет одно и нераздельное и неразрывное целое. Попытки искусственного разделения ее на хорошую февральскую и нехорошую октябрьскую — ребячески несерьезны. Это все равно, что толковать о первой французской революции 1789 года и второй 1792-го, или о первой Мировой войне 1914 года и второй Мировой войне 1915 года. Октябрь неотделим от февраля в календаре русской революции совершенно так же, как неотделим в календаре природы. Это два звена одной непрерывной цепи, озноб и язва одной и той же чумы. Если в октябре Ленин отдал приказ Грабь награбленное, то исключительно потому, что за семь месяцев до того февральский министр Керенский заявил: Я желаю, чтобы Ленин мог говорить столь же свободно в России, как в Швейцарии!

Дикий опыт стопроцентной демократии с марта по ноябрь 1917 года насаждение в военное время совершенно нового, неиспробованного строя, полное пренебрежение государственностью во имя каких-то книжных принципов, оказавшихся никуда негодными, — этот безумный опыт вошел в историю под названием керенщины, по имени своего самого характерного и в то же время самого бесхарактерного деятеля.

Вина Ленина, зря погубившего тридцать миллионов русских жизней, огромна. Но еще больше ответственность Керенского, давшего Ленину возможность погубить эти тридцать миллионов жизней. Это самая страшная ответственность, какую знает История.

* * *

Кому мало дано, с того меньше и спросится. Вот почему мы не должны винить выше меры все те миллионы малых сил, что были соблазнены в тот навеки проклятый год. Разнузданные дикие толпы солдат-дезертиров, рабочих-красногвардейцев и крестьян-погромщиков, конечно, виновны перед своей страной, перед памятью отцов и перед своими детьми.

Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не сделала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать ее и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров — единственных воспитателей 150-миллионного русского народа они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учили любить свою страну.

Неудивительно, что он в конце концов любил лишь свою деревню, до которой немцу все равно не дойти, да и в деревне лишь свою избу.

Орды дезертиров, митинговавших против аннексий и контрибуций, братавшиеся с неприятелем, избивавшие своих офицеров и валившие с фронта домой — делить землю, были те самые солдаты, что менее года назад сокрушали австро-германские армии в Брусиловском наступлении, те самые полки, что за каких-нибудь полгода до того, сняв затворы с винтовок, без выстрела, кинулись черной ночью и в двадцатиградусный мороз на грозные германские позиции у Бабита... И если бы какие-то люди где-то далеко в Петрограде не устроили великой бескровной, то эти браталычики и дезертиры пошли бы в кампанию 1917 года, как и в предыдущие, героями на вражескую проволоку. И так же самоотверженно поднимались бы под пулеметным огнем во весь рост, чтобы прикрыть своих офицеров, как то они делали минувшим летом и осенью в ковельских боях...

Петроградские рабочие-красногвардейцы не родились большевиками, но ими сделались. Они искали социальной справедливости, которой не находили. Классовое самосознание выковывалось долгими десятилетиями и в обстановке, как нельзя более благоприятствовавшей обострению социальной розни. И все-таки значительная, подавляющая численно, часть русского рабочего класса не приняла марксистского интернационала. Вспомним только ижевцев, вписавших в историю нашей гражданской войны самую удивительную главу.

Война, как мы видели, сильно развратила русскую деревню. Более чем стомиллионная масса русского крестьянства переживала тот же период оскудения духа, как и остальные слои русского народа...

Со всем этим и солдат, и рабочий, и крестьянин виновны перед своей родиной — Россией. За эту вину они справедливо заплатили раскулачиванием, коллективизацией, пятилетками, стахановщиной и ссылками целых губерний в концлагеря. Этого не могли предвидеть своим темным умом голосовавшие за список номер пятый дезертиры, красногвардейцы и погромщики великой и бескровной.

* * *

Но кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь незапятнанными и через грязь незамаванными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилося сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить.

Заключение

История русской армии — это история жизни русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и в несчастье, история великой армии великой страны.

Лавров и терниев за эти два с половиной столетия хватило бы на все остальные армии мира, вместе взятые, и еще осталось бы на славнейшую из них. Нет истории более поучительной, и нет дел более великих. Наследники русской славы, мы их продолжим на будущие времена и впишем мечом и гнусной кровью бесчисленных врагов матери России новые и новые подвиги в ее скрижали.

Мы должны все время помнить, что мы окружены врагами и завистниками, что друзей у нас, русских, нет. Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас. У России только два союзника: ее армия и флот, — сказал Царь-Миротворец.

Мы располагаем бесчисленными духовными сокровищами. Они лежат еще втуне, но дадут, при умении взяться за дело, небывалые плоды как в мирном строительстве, так и на

полях сражений.

Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от какого бы то ни было фильства и знать одно русофильство.

Довольно с нас мировых проблем и дорого стоящего мессианства! Не будем мечтать о счастье человечества — устроим лучше счастье нашей собственной страны. Довольно и священных союзов на русской крови, и мировых революций на русские деньги и русские страдания. Научимся смотреть на вещи ясно и просто, раз навсегда отрешившись от мистики, засоряющей и затуманивающей государственное сознание.

Русский народ — отнюдь не богоносец, как то думали люди, великие сердцем, но не умевшие мыслить государственно. Он также не преступник, как полагают люди недалекие и озлобленные. Богоносцами могут быть не народы, а только отдельные люди, причисляемые за это к лику святых. У нас богоносцев больше, чем где-либо. Народ — это не только сто миллионов людей, живущих в данное время. Это также миллиард их праотцев, оставивших наследием великую страну. И это также миллиард их потомков, что еще не родились, но приумножат это наследие в грядущие века. Народ, как и часть народа — армия, как и часть армии — полк, это не только те, кто есть, но и те, кто были, и те, кто будут. Поколению, духовно нестойкому, наследуют поколения более сильные. В 1612 году добрые люди взяли верх над ворами, в 1917 году воры одолели добрых людей одолели в силу известных причин и обстоятельств, которые можно было бы изменить людям, духовно более сильным.

Наш народ — землепашец, в то же время и народ-воин. Никакой иной народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашца с обязательным для всех воинским долгом. В какой стране и в какую эпоху мы найдем явление, подобное казачеству?

Военный гений русского народа велик и могуч — тому свидетели все покоренные столицы Европы и те шедшие на Русь завоеватели, что стали затем верноподданными Белого Царя.

У русского народа есть свои достоинства, есть и свои недостатки. Развивая достоинства, мы должны по мере сил сводить на нет недостатки, то есть в первую очередь стремиться к удалению причин, способствующих этим недостаткам. Труд огромный, но благородный, труд, за который надо только суметь как следует взяться, а взявшись — вложить в него все сердце и всю душу без остатка. И за этот беспримерный труд возьмутся и доведут его до завершения те поколения воссоздателей Родины, русских офицеров, для которых в тяжелые годы и писались эти строки.

Нам придется преодолеть великие трудности, но это для того, чтоб совершать затем великие дела!

А когда эти трудности покажутся неодолимыми, рвы Измаила — глубокими. Чертовы мосты — непроходимыми, когда вот-вот опустятся руки и упадут сердца, тогда оглянемся назад и спросим совета у Петра, Румянцева, Суворова. И они дадут совет — тот самый, какой надо. И вновь содрогнется Вселенная от дел русского оружия.

Но горе нам и горе вам, что придете, если вместо русских великанов станете спрашивать совета у чужих нихтбештимзатеров, если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут нашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден — Мазурскими озерами.

Суворов учил: Мы — русские. С нами Бог. Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные доктрины и методы, рассчитанные на сердца чужих армий. Мы перестали быть русскими... Бог перестал быть с нами.

Со времен Тридцатилетней войны первой армией в мире была созданная Густавом Адольфом шведская армия. Она сокрушала цесарские рати и польские ополчения. Но наступил день — день Полтавы, — когда ее знамена склонились перед другой армией — юной армией Петра, одетой по-иноземному, но мыслившей по-русски и дравшейся по-русски.

Прошли годы. Европа стала считать своей лучшей армией автомат Фридриха II.

Победы этой армии-машины над армиями Франции и Австрии создали ей репутацию непобедимой. И вот это непобедимое дотоле войско встретилось на полях Бранденбурга с другим войском. Встретилось — и перестало существовать... Та сокрушившая пруссаков Фридриха сила была русской армией дочери Петра, армией Румянцева и Салтыкова, думавшей по-русски и по-русски дравшейся.

Сменилось еще одно поколение — и мир потрясли победы армии французской республики. В ста сражениях разгромили Европу синие ее полубригады, но на полях Италии сами были сокрушены чудо-богатырями Суворова — самым русским войском, которое когда-либо имела Россия.

Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание первой в мире, как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась второй в мире.

Вот основной вывод нашей военной истории. Так было, и так будет.

История русской армии писалась в тяжелых условиях изгнания. Погрешности были неизбежны, и их оказалось немало. Закончим же нашу летопись словами инок Лаврентия: Господа отцы и братья! Если где-либо я описался и переписал, или не дописал, читайте и исправляйте ради Бога и не кляните, ибо книги ветхи, а ум молод и не дошел...

Об авторе «Истории Русской армии»

Шесть лет назад в Русском военном вестнике, преобразованном затем в Царский вестник, стали появляться статьи по военным вопросам, подписанные — А. Керсновский. В этих статьях явно проявлялись оригинальность и дисциплина мысли, интересный выбор тем и определенно выраженный публицистический темперамент. Все вместе создавало ощущение свежего, несомненного дарования, усиленного серьезными знаниями военного дела. Талантливость автора была настолько очевидна, что я счел своим долгом обратить на него внимание читателей Нового времени, в котором тогда вел отдел Военных заметок.

Не найдя в списках офицеров Генерального штаба фамилии Керсновского, я решил, что он — артиллерийский штаб-офицер, принадлежащий к группе наших чудесных артиллеристов типа полковников Дашкова и Тимофеева. Побуждаемый и личным любопытством, и многочисленными задаваемыми мне вопросами друзей и читателей, кто такой Керсновский, я просил Н. П. Рклицкого сообщить мне данные о личности его нового сотрудника. Велико было мое удивление, когда редактор Царского вестника разъяснил мне, что А. Керсновский — совсем молодой человек, не прошедший военной школы и не имевший возможности усвоить военно-бытовой опыт.

Если я не знал бы Н. П. Рклицкого, я мог бы подумать, что он мистифицирует меня. И действительно, трудно было поверить, чтобы столь юный автор (А. А. было тогда не более 22–23 лет) мог накопить так много основательных военных знаний. Еще более необычным представлялись основные свойства дарования А. Керсновского: самостоятельность суждений, убежденность, вразумительность анализа и чуткое понимание армейской психологии.

В дальнейшем я узнал, что А. А. ведет в Париже тяжелую трудовую жизнь, что неблагоприятно отражается на его здоровье.

Я узнал, что он служит во французской издательской фирме, развозя ночью по городу выходящие газеты и журналы. Работа крайне изнурительная для человека со слабыми легкими. Зато, как писал мне А. А., ночная работа дает ему возможность заниматься днем военной наукой и ежедневно проводить несколько часов в национальной библиотеке. Только талант Божьей милостью может обнаруживать такое горение духа, какое проявляет А. Керсновский!

За истекшие годы дарование А. А. чрезвычайно окрепло и утончилось. Ныне он вполне зрелый военный писатель, сохраняющий драгоценные дары молодости: энтузиазм и

дерзание. По своему военному мировоззрению Керсновский принадлежит к школе русских военных классиков и является убежденнейшим проповедником духа. В этом сила и качество его творчества.

Париж — опасный город. Не одно русское дарование лишилось в Париже своей самобытности, будучи отравленным французским рационализмом. Предоставленный собственным силам, А. А. Керсновский мог, казалось, так легко заблудиться среди фолиантов национальной библиотеки и пойти по ложным, ныне столь модным путям, однако, просвещаемый высшей правдой, он верно угадал свой путь, путь, проложенный выдающимися русскими военными деятелями XVIII века.

Своей интуицией Керсновский осознал величайший и основной военный закон, что военное искусство национально. Подобное убеждение дало ему возможность постигнуть духовные глубины такого гения, как Суворов. А постигнув, найти неиссякаемый источник вдохновения для собственного творчества. Теперь ясно, что с путей русского военного классицизма он уже не свернет...

Карьера Керсновского, как военного писателя, необычна. Силою своего таланта он в короткий срок сумел обратить на себя внимание не только русских, но и иностранных военных авторитетов. Казалось бы, что успех редкий. Однако, братья-писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое. И рок действительно сопутствует в литературной деятельности А. А. Керсновского.

Казалось бы, что наша национальная гордость должна была испытывать чувство большого удовлетворения, сознавая, что в лице Керсновского молодое русское поколение дало столь талантливое своего представителя. Казалось бы, что следовало всячески оберегать и поощрять одаренного молодого человека, отдающего все свои досу-ги военно-научной работе, а не прыгающего в парижских дансингах или увлекающегося пляжной физкультурой. Между тем надо с горечью признать, что за исключением Нового времени (и, конечно, Царского вестника) вся остальная зарубежная пресса с удивительным единодушием замалчивает Керсновского.

И очевидная причина столь печального явления одна: Керсновский не уместается в партийных рамках и органически не способен творить в партийных шорах. К тому же, и этого многие не могут ему простить, Керсновский пламенный монархист!

Не так давно в Возрождении были помещены очерки господина В. Ходасевича, характеризующие состояние русской литературы. Господин Ходасевич, лучший зарубежный критик, с горечью и с большим гражданским мужеством писал о кризисе зарубежной литературы и зарубежного художественного творчества.

Наша военная литература и публицистика пребывают еще в более печальном состоянии. Русская национальная программа (всех оттенков) ставит одним из своих основных пунктов возрождение национальной армии. Для осуществления этой грандиозной задачи необходима напряженная предварительная работа, в перечне заданий которой центральное место должно быть отведено выявлению русской военной доктрины и ее популяризации. Ибо невозможно армейское строительство в обстановке идейной пустоты.

Наше зарубежье обладает кадром высококультурных военных писателей. Кадром столь одухотворенным, каким не обладает (и это можно смело утверждать!) ни одна европейская армия. Однако эти ценные интеллектуальные силы обречены на бездействие. Наши военные писатели работают или только для себя, или для узкого круга своих идейных друзей. Они не имеют возможности печатать свои труды. Все мы — бедняки.

Между тем молодому таланту особенно необходима читающая аудитория, так как, только печатаясь, он будет развиваться и совершенствоваться. Мало того, только печатаясь, молодое дарование услышит и полезную критику, и благожелательный совет, ибо чуткая совесть и возвышенный ум могут добросовестно заблуждаться.

Редактору Царского вестника Н. П. Рклицкому, относящемуся с трогательной нежностью к своему молодому, одаренному сотруднику, пришла удачная мысль обратиться к общественной поддержке, чтобы издать труд А. Керсновского История русской армии. С

этой целью редакцией Царского вестника разослано обращение к русским людям способствовать предварительной подпиской осуществлению задуманного издания. От души приветствую это начинание!

Не сомневаюсь, что благородный призыв господина Рклицкого будет услышан теми многочисленными русскими людьми, в коих не заглухла любовь к славному прошлому и кто сохранил способность ценить такой самобытный, национально настроенный талант, как автор Истории русской армии А. А. Керсновский. В. Штейфон,

генерал Генерального штаба.

Царский вестник. Белград, 1933 год.

Ответы А. Керсновского на вопросы П. Ф. Петрову-Александрийскому, младоросу

...Теперь отвечу, как смогу, на Ваши вопросы:

1. От III части остался долг в типографии в размере 6000 динар, то есть 130 долларов. Его надо как-то погасить раньше, чем печатать IV часть. Раньше будущей весны вряд ли удастся. Я составил книгу Русские подвиги, в которой занесены 800 геройских дел, начиная от Святослава. Надеюсь издать ее в Америке у Рыбакова (редактор газеты Россия) — вопрос этот выяснится к Новому году. Сейчас работаю над историей полков.

2. Взносы в фонд Истории русской армии составили 3000 динар и дали возможность выкупить том III, который был уже готов в марте, но находился под арестом у каналы типографщика. Не знаю, что я делал бы без помощи этих героев (внесших в фонд).

3. Материалы (для Истории русской армии) почерпнул из всех доступных мне библиотек (замечательна библиотека Военного министерства с богатым русским отделом). Страсть к военному делу получил при рождении на свет Божий.

4. Вы хотите знать, в каких условиях мне пришлось писать и работать. Извольте. Представьте себе чердак с покатой крышей и деревянными перегородками. Это комната. Посредине небольшой ящик — это стул. Перед ним ящик солидных размеров — это стол и в то же время книжный шкаф. Огромный ворох тетрадей, бумаг и бумажонок — это мой архив, выписки из книг, мемуаров и газет. День проходит в беготне по урокам, а вечером могу работать, если не очень устал и не оступел словом. Николай Михайлович Карамзин писал Историю Государства Российского с большим комфортом. Впрочем, эти неудобства — ничего, хуже то, что у меня туберкулез легких в хронической форме (залечиваюсь, но не вылечиваюсь). Что называется, медленно, но верно. Грудь я испортил еще 13 лет в Добровольческой армии.

5. Война не только возможна, но неизбежна. Весь вопрос, куда нанесет Германия свой первый удар? Лично склонен думать, что по чехам. Бельгия расторгнула союз с Францией, и сейчас Франция лишена возможности благодаря этому помочь СССР и Чехии наступлением на Рейн. Их левый фланг, не обеспеченный бельгийцами, повиснет в воздухе, и им останется лишь одно сидеть как мышь под метлой. Решение Бельгии связало руки Франции на Рейне и в то же время развязало их Германии на юге (на Чехию) и востоке (на СССР). Бельгийцы видят, что война неизбежна, и заранее отмежевываются — моя хата с краю. Очень умно поступили.

6. Младоросы начали было хорошо, а кончили плохо. Они безнадежно запутались в противоречиях о советском национализме, советской эволюции и т. д. Кому-то удалось очень ловко провести за нос энергичного, но недалеконидного Казем-бека в 1931 году. Он поверил в эволюцию, совершил ряд промахов, запутался и сейчас не имеет мужества сознаться в ошибках и дать задний ход. Движение определено на ущербе, а могло бы дать много.

7...Тухачевский?! — ползает на брюхе перед Сталиным, поэтому Наполеоном ему не бывать.

Дано примерно в 1936 году.

Антон Антонович Керсновский

В конце июня 1944 года на одном из парижских чердаков скончался от чахотки Антон Антонович Керсновский. Через несколько минут, закрыв глаза покойнику, его жена выбросилась из окна и разбилась насмерть.

Эта двойная смерть осталась малозаметной в русской эмиграции. Париж был накануне очищения от немецкой оккупации, русской прессы не существовало. Похороненные на парижском кладбище, тела Керсновских были впоследствии перевезены на русское православное кладбище под Парижем на средства, собранные в Америке.

Не особенно широко распространенным среди русской эмиграции оказался и капитальный труд покойного — четырехтомная История русской армии — ставший теперь библиографической редкостью, так же, как и его Философия войны. Книги Керсновского печатались в ограниченном количестве экземпляров на скуднейшие средства в Белграде, бывшем всегда на положении провинции по отношению к Парижу.

Однако все, кому попадались в руки труды Керсновского, не могли не дочитать их до конца. Дело здесь не только в удавшейся популяризации темы (перед войной 1914 года вышла История русской армии и флота в 15 томах — труд громоздкий и разнотомный благодаря сборному сотрудничеству специалистов) и не в образованности автора и его темпераменте (который иногда даже мешал ему), а в том, что Керсновский, смело отказавшись от академических традиций, рассматривает армию как составную, нераздельную часть национального организма, выявляя ее значение в жизни и истории русского народа.

Керсновский утверждает преобладание духа над материей и доказывает национальность военной доктрины. Основная идея этого труда, — говорит автор в предисловии к своей Истории русской армии, — это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекающая из духовных его основ, и мощь русского военного гения — мощь, до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная...

По молодости лет Керсновский никогда военным не был и никакого специального образования не получил, что и придает особую ценность его таланту. Родился он в 1907 году в Одессе, где его отец был следователем по особо важным делам; уже за границей Керсновский окончил консульскую академию в Вене и университет в Дижоне.

Пишущему эти строки пришлось познакомиться с Антоном Антоновичем незадолго до его смерти, когда ему уже не могли помочь ни санатории, ни лекарства, когда он при высокой температуре своей страшной болезни и при еще более высокой температуре своего духовного горения, неистового энтузиазма и фанатической веры в принципы, им исповедуемые, в нищете, в обреченности, продолжал напряженно работать, боясь упустить каждую минуту, над очередной темой, полонившей его. Нам неизвестна судьба рукописей его трудов, подготовленных к печати: 1000 русских подвигов, История императорской пехоты, Военное дело, Русская стратегия в образцах, Синтетический очерк современных кампаний, Крушение германской военной доктрины в кампании 1914 года и т. д. В двух чемоданах, оставшихся после покойного, нашлись только разрозненные листки, из которых мы и печатаем здесь Страницы древнерусской доблести. Это скорее конспективные заметки, но они проникнуты непоколебимым верованием автора: Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего.

Н. Н. Туруверов.

Париж, 1947 год

Из журнала Русская военная старина.

Комментарии

Часть 1

1 Царский престол был пуст...но помимо него существовал еще один престол — престол патриарший... — Митрополит Московский еще обладал независимостью от царя (он

подчинялся патриарху Константинопольскому), но патриарх входил в число членов Боярской Думы и даже административно уже подчинялся царю, не говоря уже о том, что все патриархи лично были креатурами русских царей (исключая Филарета).

2...в продолжение целых шести веков сойти... — Монгольское иго продолжалось менее трехсот лет.

3...на протяжении семисот лет... враг традиционный... — За это время войны с немцами продолжались не более 50 лет, в том числе действительно с Германией (включая Пруссию) — не более 15 лет.

4...поставить восточного врага на оба колена, западного на одно... Портсмутский мир 1905 года вряд ли поставил на колени Японию; исход же первой мировой войны известен:

Николай II сам был поставлен на колени. Скорее всего, автор пользовался источниками немецких историков революции 1918–1919 годов в Германии.

5...освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным... — Кого же освободили в 1914–1917 годах?!

6 Правление этого слабого государя... — Развитие полков нового строя, церковная реформа, зарождение флота, присоединение Смоленска и Малороссии, поражения, нанесенные туркам у Чигирина — слабость?!

7...и к закрепощению... — Закрепощение крестьянства было завершено Петром I в 1724 году (введение подушной подати, которую за крестьян платили их владельцы).

8 Лишь покорением Крыма... — На деле по Белградскому миру 1739 года Турция обязалась возвратить всех невольников, когда-либо захваченных татарами. Последний татарский набег, после которого удалось увести часть полона, был в 1737 году. Применение невольников на французских и венецианских галерах уже в XVII веке сомнительно: там были парусные флоты.

9 В основу русской... — Интересно, что дружина Рюрика и сам он были наемниками, захватившими политическую власть в Новгороде.

10 Московская рать... — Английская армия еще с XIII века была национальной. То же можно сказать о шведской армии Густава II Адольфа и обо всех европейских армиях после Тридцатилетней войны 1618–1648 годов. Регулярное войско — стрельцы... — Стрельцы не были регулярным войском; сравни с. 17.

11...в открытом поле шведов и немцев-наемников... — над шведами во время Ливонской войны не зафиксировано побед. Среди немцев (ливонских рыцарей) наемников не было; орденские войска комплектовались по принципу ополчения, шведские — рекрутскими наборами.

12...смоляне... — Как свидетельствуют документы, Смоленск в 1611 году пал именно из-за нежелания горожан оборонять крепость.

13В середине XIV века западный... — Балтика стала внутренним морем шведов только после Северной войны 1655–1661 годов.

14...почти одной Польшей. — Приводимые автором далее строки характерны для российской глубинки и начала XIX века. Московская Русь имела регулярные связи со Швецией, Данией, Австрией, Голландией, Англией, Венецией.

15...Толстого (наш первый посол в Турции)... — Первым послом был заключивший 3 июля 1700 года мир думный дяк Украинцев.

16...русская кровь не проливалась за чужие интересы. — В 1717–1719 годах русские полки защищали герцога Мекленбургского, лишённого места за жестокие расправы с подданными, от жителей герцогства и англо-ганноверского штрафного корпуса только потому, что тот был женат на Екатерине Романовой.

1718-го августа... — Константинопольский мир заключен 3(14) июля 1700 года (размен ратификаций).

18...в шведскую Голштинию... — Герцог Гольштейн (правильнее Хольштайн) не был вассалом шведского короля. Это было княжество в рамках Священной Римской Империи Германской Нации.

19...Кронгиорта... — правильное Кронхьерд. с. 25:...Шведов перебито до 3000... - В шведском отряде было всего до 2000 солдат. (Тарле Е. В. Соч. Т. X. — М., 1959. — С. 428.).

20...первая морская победа. — фрегат, севший на мель, был поврежден береговой артиллерией и брошен экипажем.

21...против 7000 шведов — У шведов было 2 тыс. человек. (Там же. С. 429).

22...5000 штыков и 3000 сабель... — Для XVIII–XIX веков этот термин, отражающий истинную боевую силу какой-либо части, неприемлем.

2312000 шведов... — В сражении при Фрауштадте было 8000 шведов (Тарле Е. В. Соч. Т. X. С. 456.).

24...24-го сентября... — Альтранштадтский мир подписан 13(14) октября 1706 года.

25...конная армия Меншикова. — Драгуны русской армии вплоть до конца XVIII века сражались в пешем строю. Корпус Меншикова лучше именовать подвижным или мобильным.

26Австриец Парадиз... — Псевдоним полковника фон Райски, бывшего австрийским представителем в российской армии в 1738 году.

27Имена Калиша, Лесной, Полтавы, Переволочны... — Во всех этих сражениях русские драгуны сражались в пешем строю, а у Переволочны боя вовсе не было. В то же время в войну за испанское наследство известны бои с применением масс конницы.

28...в Жолкиеве... — Вероятно, в Жолкве.

29с. 33:...Либекера — Правильнее Любекер.

30...и Голштиния)... — Голштиния никогда не была шведским владением.

31с. 39:... (редкая для эпохи)... — Скорее, отвечавшая духу времени. Окопами крепился фронт многих армий в войнах конца XVII — начала XVIII веков. Следует выделить тольхофенские и Этлинггенские линии на Рейне, Донауверт, Рамильи, Мальплаке, Турин и Люцаре в войну за испанское наследство.

32с. 40:...в Шонии... — Шведская область Сконе на юге Скандинавского полуострова.

33с. 42: Турция предлагала России... — Даже в более позднее время, когда турки были в куда худшем положении (1718, 1737, 1791 годы), они не разбрасывались своими владениями.

34с. 43: визирь Балтаджи согласился... — Следует, конечно, Баталджи-паша (здесь и далее).

35...и 11 июля... — Прутский договор заключен 12 июля 1711 года.

36с. 45:...14-го июля... — Гангутское сражение было 27 июля 1714 года.

37с. 46:...и вывел в 1717 году... — Русские войска были выведены из Германии только в 1719 году под давлением Австрии, Англии, Франции, Голландии.

38...Фредериции. — Карл XII был убит при осаде крепости Фредриксхалль.

39 27-го июня... — Сражение произошло 27 июля 1720 года. небольшое вознаграждение. — 2 млн. талеров и право беспошлинного вывоза из России хлеба на 50000 руб. в год.

4047:...законному шаху Тамаспу... — Тахмасп II, свергнутый афганскими племенами, не имел реальной власти.

41с. 48:...переименованным в Ряц... — Решт, в тогдашних русских источниках Ряц, никогда не переименовывался. Баку и Астрабад заняты не в 1722, а в 1723 году. Каспийское море так и не стало русским озером в результате завоеваний 1722–1723 годов.

42...ближайшие преемники Петра Великого не поняли... — Потери русских войск в персидских провинциях за 1722–1735 годы превысили 130 тыс. человек. В начале 30-х годов там стояло 18 полков, ежегодно вымиравших от болезней и партизанской борьбы горцев.

43...Этого с Россией не случилось... — Россия вела до этого 25-летнюю Ливонскую войну.

44с. 49; Внешняя политика Петра безупречна... — Благодаря ей Россия едва не получила войну с великими державами в 1719–1720 годах, испортила отношения с Турцией и всей Европой, оставшись ко времени смерти Петра I в полной политической изоляции.

45с. 50:... Не множеством побеждают. — Во время петровских войн не было ни одного сражения, в котором русские не имели бы численного превосходства, за исключением Прутского похода (и то подтверждений числа турецко-татарских воинов нет).

46с. 52:...Фридриха II и Наполеона. — Следовало бы прибавить также принца Евгения Савойского, современника Петра, фельдмаршала Б. К. А. фон Миниха, эрцгерцога Карла, П. Гинден-бурга, П. Фоша, Ж. Бернадотта.

47с. 54:...Вывод армии из Гродны... — Войска выводили А. Репнин и О'Тильви.

48...заводит конную артиллерию... — Фактически появилась в России по требованию П. Лэйси в конце 40-х годов — по примеру держав европейских.

49...и великолепно обучена как конному... — Драгуны сражались пешими.

50с. 55:...Румянцевым при Гросс-Егерндорфе... — В сражении при Гросс-Егерндорфе армией командовал С. Ф. Апраксин; П. А. Румянцев возглавил контратаку 4-х резервных полков.

51...это деятель гораздо более крупный... — Как таковой, регулярной конницы в общепринятом смысле в России не было до середины XVIII века.

52с. 57:...генерал рода оружия... — Такого чина в русской армии Петра I не было. Был чин генерал-аншефа, должности генерал-кригскомиссара (начальник снабжения) и генерал-фельд-цейхмейстера (начальник артиллерии и инженерных войск).

53с. 58:...Александра Невского (основан в 1722 году). — Орден основан в 1725 году.

54...(экспедиции)... — Коллегия делилась на повытья. Экспедиции образованы при Павле I.

55с. 59:...полковника (чаще всего черным)... — Черные знамена были только у гвардии, а остальные полки не имели права на гвардейский цвет.

56с. 60: чарок вина и гарнца... — Пиво, вино или водку давали только зимой.

57с. 63:...двадцатипятилетней борьбы... — Северная война продолжалась 21 год.

58с. 64:...фон Дельдена — Вероятно, фон дер Фельдена. 64-й пехотный Казанский — то же.

59с. 65;...Великолуцкого... — До середины 20-х годов XVIII века. Великолуцкий полк назывался Луцким.

60...16-й пехотный Ладожский. — Ладожский полк был развернут из Ладожского батальона, сформированного в 1726 году из добровольцев-солдат, оставшихся на строительстве Ладожского канала.

61с. 66:...11-й драгунский Рижский... — В 1725–1727 годах назывался драгунским Хлопова.

62с. 67: Внешней политики Россия этого периода, можно сказать, не имела вовсе... — В 1725–1730 годах Россия в союзе с Австрией (6 августа 1726 года) успешно боролась с Ганноверским блоком (морские державы и Франция, Дания, Швеция) за признание великими державами петровских завоеваний; в 1729 году упорядочены отношения с Ираном. В 1725–1726 годах готовился поход на Данию для отнятия Шлезвига в пользу собственников Романовых из Голштинии, в 1727 году подготовка вспомогательного корпуса сорвала планы войны Лондона и Версаля (в корпус, стоявший в Лифляндии и у Смоленска, входило 16 пехотных полков и 10 драгунских полков с Украины).

63с. 69:...избавлена от охлократии. — Вероятно, от олигархии. Охлократия — власть толпы.

64 Иоганн Бургард — а по-русски Иван Богданыч — Миних... — Миниха (правильнее фон Мюнних) звали Буркхардт-Кристоф (Христиан Антонович). Йоханн Буркхард — это генерал-аншеф фон Вейзбах (правильнее Вайсбах), командовавший в 30-е годы Украинским корпусом. Миних не участвовал в Северной войне, зато прошел путь от капитана до полковника, участвуя в 1702–1712 годах в войне за испанское наследство в имперской армии принца Евгения.

65с. 70: От немцев же переняты наказания фухтелями (шомполами... Наказание шомполами (деревянными) введено при Петре I — их называли шпицрутены (Spitzrutten,

буквально: трость саженой длины).

66с. 71:...упразднены гренадерские роты... — Только как подразделения мирного времени. Во время войны гренадеры полка сводились в роту и даже действовали отдельными колоннами (в 1735 году на Рейне, в 1737 году у Очакова, в 1739 году при Ставучанах).

67...на 3 пушки в пехотных и драгунских полках. — В пехотных полках по 4 орудия, а в драгунских артиллерии не было.

68...еще на западной (Смоленская)... — Смоленской ландмилиции не существовало. В 1735 году сформировано ополчение смоленских дворян, распущенное после окончания войны за польское наследство.

69с. 72:...получили голубые, василькового цвета... — Драгуны имели эту форму с 1721 года Васильковый цвет — синий, а не голубой (лазоревый). Галстуки были черные, а не белые.

70с. 74: В конце 1732 года скончался Август II... — Август II умер 1 февраля 1733 года. Его сына звали Фридрих-Август II (избран польским королем под именем Августа III).

71...и на него претендовали два кандидата:... - Еще был и австро-русский кандидат, инфант Португальский Дон Уммануэль. От его поддержки отказались только в июне — июле 1733 года.

72...и в августе 1733 года он был избран королем. — Станислав Лещинский избрал королем 12 сентября 1733 года...достигала 50000... - В 1733 году в Польшу было введено не более 35 тыс. солдат в корпусах П. Лэйси и А. Загрезского.

73с. 75: засел Лещинский с 20000 войска... — Гарнизон Данцига насчитывал 24 тыс. чел.

74...под видом экипажей курфюрста вюртембергского... — Две 96-фт мортиры были доставлены в саксонский отряд через Пруссию как личный багаж герцога Адольфа фон Заксен-Вайсенфельс.

75 "...в составе 4-х полков... — У крепости Вайхельмюнде было высажено три французских батальона из полков Блезуа, Пе-ригор и Ламарш (4000 солдат).

76 и 8-го июля... — Крепость сдалась 7 июля 1734 года.

77...штурма Габельберга... — При штурме Хагельберга 30 апреля русские потеряли 673 убитыми и 1418 ранеными.

78с. 76:...с 20-тысячным корпусом... — В русском вспомогательном корпусе было 13,5 тыс. человек.

79...и 30-го прибыл в Нюрнберг... — Корпус П. Лэйси пришел в Нюрнберг 30 июля.

80...под Филиппсбург. — Корпус прибыл в Хайдельберг 16–17 августа 1735 года.

81...а вскоре и мир с обеими империями. — Перемирие с Австрией заключено 3 октября 1735 года, мир подписан 18 ноября 1738 года. С Россией Франция официально не воевала.

82...В ноябре месяце... двинулся обратно в Россию... — Корпус отправился в Россию в марте — апреле 1736 года.

83с. 77: В августе этого года генерал Леонтьев... — Поход генерала Леонтьева начался 1 октября 1735 года. Весной 1736 года к Азову был двинут корпус... — Не корпус, а Донская армия (45 352 человека).

84...овладевший крепостью 20-го июля. — Азов сдался 20 июня 1736 года. Было убито и умерло от ран 295 человек, ранено — 1444 человека.

85...17 пехотных, 17 драгунских полков.... — В Днепровской армии Миниха было к 4 мая 10 драгунских и 15 пехотных полков.

8616-го августа армия отошла за Перекоп... — Отход начался 27 июля.

87 Из строя выбыло 30000... - В основном больными войска потеряли не более 15 тыс. человек, из них погибло и пропало без вести 924 (Баиов А. Русская армия в царствование Анны Иоанновны. СПб., 1902. — Т. I. Приложение 67).

88...отвергли турецкие предложения... — Турки требовали освободить Крым, Азов и Кинбурн.

89с. 78:...хан, собрав до 100000.... — В набеге 12 февраля 1734 года участвовало не более 40 тыс. татар (Баиов А. Указ. Соч. Т. I. С. 346).

90...в Новороссии. — Явная модернизация; Новороссийская губерния появилась лишь в 60 — 70-е годы XVIII века.

91Армия Миниха — 90000... - В армии Миниха было 50 580 пехоты, 35 945 драгун и ландмилиции, 20 тыс. иррегулярных войск и 2842 артиллериста при 389 орудиях и мортирах. (Баиов А. Указ. Соч. Т. I С. 357–358).

92с. 79: погребено 15000 человек... — Убитыми, ранеными, больными Миних в походе 1737 года потерял 16 тыс. человек (Баиов А. Указ. Соч. Т. I. С. 406).

93 австрийцы, терпели в Сербии одно поражение за другим... — Австрийцы за лето 1737 года взяли Ниш, оккупировали Валахию, Сербию, часть Болгарии и Молдавии, но были отбиты в Боснии. Осенью 1737 года турки перешли в контрнаступление и вновь вернули Ниш и Валахию, но потеряли Ужицу.

94довести до 105000... - У Миниха в 1738 году было 110 932 человека при 289 орудиях и 444 мортирах (Баиов А. Указ. Соч. Т. I. С. 486–487).

95с. 80:...кампания 1737 года, стоившая подобно двум предыдущим... Вероятно, 1738 года.

96...с 30-тысячным корпусом... — В Трансильванию готовилось только 20 тыс. пехоты.

97с. 81:...на Каменке 6 августа мы лишились... — не 6-го, а 1-го августа Потери фуражиров, оставленных без прикрытия, составили 124 убитыми, 94 ранеными, 580 пропавшими без вести и пленными (Баиов А. Указ. Соч. Т. I. С. 531).

98...Весной 1739 армия Миниха... — У Миниха было 90 358 человек и 806 орудий и мортирок (Баиов А. Указ. Соч. Т. I. С. 130–132).

99с. 82:...(сперва отбитие натиска, затем переход в наступление)... При Ставучанах было наоборот: сперва атака ключевых позиций, а затем отражение турецкого контрудара, когда ударная группа янычар (12–13 тыс.) была почти целиком выбита стрелковым огнем, и дело даже не дошло до рукопашного боя, где турки были сильнее.

100...наша общая потеря в Ставучанской битве не менее 1800... Потери в бою 17 августа составили 13 убитыми, 54 ранеными, а в перестрелках 1 — 16 августа (когда турки бездействовали) и у Синковиц 22 июля — 221 убитый и пропавший без вести и 157 раненых (Баиов А. Указ. Соч. Т. 2. С. 194, 198, 211–220, 231–232).

101...уже 12 сентября в армию... — Миних получил известие о Белградском трактате (кстати, заключенном 18 сентября как с австрийской, так и с русской стороны и не таком уж позорном для Австрии, а для России во многом выгодном) 21 сентября.

102...и это ценою 150000 человеческих жизней... — Всего за войну 1735–1739 годов русские потери убитыми, ранеными и больными не превышали 100 тыс. человек. Турки обязались прекратить пиратство, наказывать татар за набеги и возвратить всех русских невольников, независимо от времени их пленения. Прочный мир на юге и безопасность Украины вплоть до конца 60-х годов — вот было главное завоевание Миниха и войск.

103с. 83:...не были вовлечены в австрийскую катастрофу. — А если бы Австрии была оказана помощь, то и катастрофы бы не было. А если бы направились в Молдавию в 1737-м, то могли покончить с османским господством на Балканах.

104с. 85:...Кавалерия, по словам Парадиза... — У Парадиза (Райски) следует: драгун за кавалерию почитать нельзя (ЦГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1738 г. Д. 153).

105...русские войска без чрезмерного напряжения... — Разница лишь в том, что Петр без напряжения ходил по лесам и лугам средней полосы, а не в выжженных татарами степях. На Пруте он сам оказался в безвыходном положении и подписал позорный мир, в отличие от армий Миниха, добивавшихся побед, или В. Голицына, сохранившего войско и ничем не поступившегося.

106с. 86:...а уже 26-го главнокомандующий... — Бой у Вильманстранда был 3 сентября 1741 года.

107с. 87: но свержение брауншвейгской династии... — Миних ушел в отставку 7 марта 1741 года, а переворот произошел 25 ноября 1741 года.

108с. 88:...частью по национальностям..., частью по цветам... Именование было или по национальности, или по цвету формы...поход 30-ти тысячного корпуса... — В корпусе Репнина было 37 тыс. пехоты и 800 конницы; он шел не на Рейн, а в Нидерланды, и не через Баварию, а через Байройт и Заксен-Готу.

109...Пруссия склонялась на мир... — Не Пруссия, а Франция. Пруссия вышла из войны в декабре 1745 года.

110с. 89:...выразила сожаление, что не обратилась раньше за помощью к русским... — Мария-Терезия с декабря 1740 года обращалась за помощью по союзу 1726 года, но Елизавета расторгла союз в 1743 году, а в договоре 1746 года даже констатировала, что нынешняя война (за австрийское наследство 1740 1748) не повод для помощи. Полки Репнина шли на помощь Англии и Голландии.

111...солдаты не дезертируют... — Из корпуса Репнина дезертировало 1168 человек, или 3,1 % общего числа солдат (наиболее высокий процент за всю первую половину XVIII века).

112с. 91:...были при Елизавете самые холодные... — Только с 1745 года. До этого, в 1743 году, Фридрих II был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Его агентами были лейб-медик Х. Лешток, вице-канцлер М. Л. Воронцов, многие члены свиты цесаревича Петра Федоровича и его супруги.

113с. 92:...1731 год Офицерское училище... — Шляхетный сухопутный корпус никогда так не назывался. 1749 год Чугуевский слободской... Чугуевский полк калмыков был образован в 1733 году.

114с. 93: Австрия, потеря в 1734 году Силезию... — Силезия была захвачена Фридрихом II в 1741 году и окончательно отошла к нему по Дрезденскому миру 1745 года.

115с. 103:...не меньшим 12000... - Пруссаки при Пальциге потеряли 6800 убитыми, ранеными и пленными (Сгоелег О. Ше Кг1еее РпейпсЪз II, В., 1981).

116с. 108:...австрийцев Ласси... — Имеется в виду Ф. Лэйси, сын русского фельдмаршала П. Лэйси.

117с. 110:...а также (и главным образом) наш австрийский союзник. Интересно, что не называются тяжелые потери (350000 человек), которые в три с половиной раза превысили потери в войне с Турцией.

118с. 113:...когда, схватив пехоту авангарда... — При Гросс-Егерсдорфе П. А. Румянцев командовал 4-мя полками резерва.

119с. 118:...противник бесполезной для страны бойни 1812–1814 годов... — Следовательно, сторонник капитуляции перед Наполеоном?!

120с. 125:...Россия получала Белоруссию, Волынь и Подолию... — По первому разделу Россия получила Полоцкое воеводство и часть Литвы (Инфлянты).

121с. 127:...против ожидавшегося 600-тысячного полчища... — У турок всего набралось до 200 тыс. человек.

122с. 130:...проникнуть в Дарданеллы... — Орлов должен был поддержать восстание греков и овладеть островами Эгейского и Ионического морей.

123с. 131:...затруднили преследование... — Румянцев преследовал противника 20 километров.

124 Тем временем визирь Молдаванчи... — Турецкой армией командовал Халил-паша (до 150 тыс. человек — по очень преувеличенным данным, не более 180 орудий).

125с. 132:...оставив в наших руках 200 пушек — Всего было захвачено 140 орудий.

126...почти в один день с Кагульским... — Чесменское сражение произошло ночью 25–26 июня; эскадрой командовал Г. А. Спиридов; Кагульская битва — 21 июля 1770 года.

127с. 135:...но не давших никаких результатов... — 1 — 12 ноября 1772 года. Крым был объявлен независимым и отдался под покровительство России.

128с. 137:...их объединяла с восставшими казаками ненависть к начальству. — Скорее,

это движение антирусской направленности отразило стремление башкирской знати к грабежу русских земель.

129с. 138:...Осада Яицкого городка... началась 30-го декабря 1773... Пугачев осадил Яицкий городок 18 сентября 1773 года.

130...оставшееся у него убежище — Секмарский городок — всего со 150 мошенниками. — Пугачев оставил Сакмарский городок после боя 1 апреля 1774 года, в котором потерял 400 убитыми, 2800 пленными, и ушел на Урал с 500 товарищами.

131с. 139:...он овладел средним и нижним течением Камы... — В июне Пугачев уже был выбит из этих районов.

132...которую и разгромил 12-го и 13-го июля... — Казань занята восставшими 12 июля, но за исключением кремля...Казань за отсутствием войск защищали гимназисты... — Гарнизон города состоял из 3456 пехотинцев и 920 драгун при 68 орудиях генерал-поручика П. С. Потемкина.

133...В бою 13-го декабря с Михельсоном... — Бой на Арском поле произошел 15 июля.

134...но здесь 24-го августа... — Бой у Соленниковой ватаги был 25 августа.

135...погнался и его взял... Суворов. — Пугачев был схвачен группой своих же соратников; Суворов только начальствовал над конвоем его и вел первые допросы.

136с. 140;...изменников среди офицеров не оказалось... — Сам Пугачев был хорунжим; у него было несколько бывших офицеров, причем один из них писал указы от имени Петра III на немецком языке.

137с. 141:...Петр I понимал всю аморальность этого учреждения, но не мог его отменить... — Поскольку сам его ввел в 1724 году.

138с. 142:...Составленный Потемкиным в 1777–1778 годах Греческий проект... — Первый такой проект составлен Минихом в 1736 году.

139 Вместо неопределенного, пожизненного срока службы... — Рядовые еще со времен Миниха служили 10 лет; 25-летний срок введен уже Петром III в 1762 году.

140с. 144;...В 1776 году решено ликвидировать Запорожскую Сечь. Ликвидирована еще в 1775 году, 5 августа.

141...Войско это было затем слито с Кубанским... — Кубанское войско образовано из Черноморского и Кавказского линейного только в 1860 году.

142с. 148:...русские войска на Рейн в помощь матери Иосифа... — Корпус В. А. Репнина был отправлен в Нидерланды на помощь Георгу II Английскому и принцу Виллему IV Оранскому, штат-хальтеру Голландии.

143...только что (в 1782 году) приобретенного Крыма... — Крым присоединен в 1783 году.

144с. 149:...и 1-го октября высадили свой десант... — Первый десант на Кинбурнской косе был высажен 14 сентября 1787 года.

145с. 150:...под Мехадией и Слатиной в западной Валахии. — Мехадия и Слатина расположены в Темешварском Банате, а не в Валахии.

146с. 154:...и... 11-го декабря беспримерным штурмом... — Штурм Измаила был 11(22) декабря 1790. Измаильский гарнизон оценивался в 35 тыс. человек еще осенью 1790 года. Им командовал Айдос-Мехмет-паша. В плен взято 9 тыс. турок, русские потери — 4000 убитыми и 6000 ранеными...у Бабадача... — У Бабадага.

148с. 157:...и Фридрихсгамом... — Фридрихсгам отошел к России в 1743 году и не был занят шведами в 1787 году.

149с. 165:...будучи единственной национальной армией... — Национальные армии в это время существуют во всех странах Европы...Румянцев в Молдавии и Суворов в Италии... — Но как велико сходство всех больших сражений с турками с походами принца Евгения Савойского! Атаки Рябой Могилой, Ларги, Кагула, Фокшан будто списаны с Зенты 1697 года и Белграда 1717 года. Рымник почти полностью повторяет сражение у Петервардайны 1716 года и у Белграда (второй этап боя).

- 150с. 172:...ордена (госпиталитов)... — Правильнее госпитальеров.
- 151с. 183:... (Берген и Кастрикум)... — Вероятно, Бергенан-Зе?
- 152с. 185:...армия генерала Моро... — Французами в Северной Италии командовал генерал Б. Шерер; Ж. В. Моро сменил его только 15(26) апреля 1799 года.
- 153 16-го апреля на реке Адда... — Сражение при Кассано д'Адда велось 15–17 апреля 1799 года. У Суворова было 43000 солдат. Милан пал 18 апреля.
- 154с. 186:...четырёхдневном жестоком бое... — Бои на р. Треббия шли 6 8 июня.
- 155с. 190:...форсирована бурная Рейсса... — Река Ройс.
- 156...достигла озера Четырёх кантонов... — Озеро Фирвальдштеттен, или Люцернское.
- 157...в Муттенской долине... — В Муотатале.
- 158с. 191:...и Кенталь — Кинталь.
- 159...20-го сентября...армия собралась в Гларусе. — Гларус был занят 23 сентября.
- 160...26-го сентября армия имела первый отдых в Паниксе... — Переход арьергарда П. И. Багратиона через снежную вершину Панике вряд ли можно считать отдыхом.
- 161с. 201: В 1802 году упразднены коллегии и учреждены министерства... Военная коллегия вошла в состав Министерства военно-сухопутных сил как структурная часть и была расформирована в 1811 году.
- 162 "...именоваться с 1812 года военным министерством... — С 17 декабря 1815 года.
- 163с. 208: В 1809 году главнокомандующим в Грузии и на Кавказе... — П. Д. Цицианов стал главнокомандующим в сентябре 1802 года. В том же году... Мингрелия перешла в подданство России в 1804 году.
- 164 "...гнездо хищников — Ганжа. — Правильнее Гянджа...и Цицианов в ноябре вынужден был снять осаду... — Осада Эривани снята 4 сентября 1804 года.
- 165с. 209:...28-го июля при Загаме... — При Дзегаме.
- 166с. 210: 14-го июня 1810 года с тремястами егерей он овладел... Мигри... — Сражение у Мегри — 17 июня 1810 года.
- 167...в ночь на 8-е декабря под стенами крепости... — Бой у Ахалкалаки произошел 5 сентября 1810 года.
- 168с. 214:...Беззаконная казнь герцога Ангьенского... — Герцога Энги-еиского.
- 169с. 216: — где 8-го числа положила оружие в количестве 66000 человек... — 8(20) октября в Ульме сдалось 32000 австрийцев, а всего за операцию Наполеон взял 61000 пленных (Тарле Е. В. Наполеон, Соч. Т. 7. С. 154).
- 170...при Дюрнштейне... — При Дюренштайне.
- 171с. 218:...где не начинают парад, пока не придут все полки!
В лучших традициях Суворова и Фридриха II!
- 172с. 221; "...Военные дарования Александра I бесспорны... — Как это совместить с предыдущим абзацем?
- 173...до него сто лет спустя не додумалась хваленая немецкая доктрина... — В 1914 году германские армии также шли на Париж.
- 174 и 14-го октября... — Если держаться юлианского стиля, по которому автор приводит даты, то 2-го октября.
175. 222...Гогенлоэ у Пренцлау... — Соответственно 16 и 26 октября ст. ст. Правильнее — Хозенлоэ.
- 176...было, пожалуй, не так сильно... — Да и Наполеон потерял много меньше, чем едва не уступивший позицию Салтыков.
- 177с. 224:...за счет бездорожья и морозов... — Две вещи несовместимые.
- 178...у Бишофштейна... — правильнее Бишофштайн.
- 179С. 225:...у Янкова... — правильнее Янкау.
- 180...у Прейсиш-Эйлау... — правильнее Проясиш Эйлау.
- 178с. 227:...на гейльсбергской позиции... — правильнее Хайльсберг.
- 179...Урон наш 8000, французов — до 12000... - У Тарле; 8 тыс. французов, 10000 русских...Наполеон с 80000 атаковал 46000 русских... — У Наполеона было 125 тыс., у

Беннигсена — 85 — 100 тыс. солдат. (Тарле Е. В. Указ. Соч. Т. 7. С. 186.).

180". Наши потери до 10000 убитыми и ранеными... — Русские потери достигали 25 тыс. человек. Наполеон потерял до 8000. (Тарле Е. В. Указ. Соч. Т. 7. С. 187.).

181с. 238: ".получала Бессарабию... — И Западную Грузию.

182...самой продолжительной из всех войн, веденных Россией против Турции... — самая долгая война с турками велась Россией в 1686–1699 годах.

183с. 239:...Молдавия и Валахия ускользали от России! — По Бухарестскому миру 1812 года Молдавия (до р. Прут) присоединялась к России.

184с. 241:...сдался 26-го апреля... — Свеаборг сдался 21 апреля 1808 года.

185с. 242: —. тремя колоннами по льду Ботнического залива — Две колонны, Багратиона и Барклая-де-Толли, шли по льду, колонна Шувалова — по суше.

186с. 243: ".у Гриссельгама... — У Грисলেখамна.

187 —. Герцог Зюдерманландский... — Правильнее Седерманланд.

188 — при Шелефте... — При Шеллефтео.

189с. 248: —. двадесяти язык-. — Не 20, а 12-ти — двенадцати язык.

190с. 249: вестфальскому королю Иерониму-. — Правильнее Жером Бонопарт.

191с. 256:...У него было 113000, у Наполеона 145000... - Фактически в сражении участвовало до 130 тыс. французов и до 140 тыс. русских.

192...и распорядился отложить решительную атаку на следующий день-. Рейд конницы Платова и Уварова последовал в первом часу пополудни и не достиг расположения Наполеона, так что плен ему не угрожал. После этого еще 4 часа продолжались атаки на Семеновский овраг; до вечера шел бой близ Утицкого кургана; третья атака на курганную батарею (Раевского) произведена в три часа пополудни, и в четвертом часу батарея пала; следом пошли атаки ручья Огник (до пяти часов вечера). Последняя французская атака (в Утицком лесу) последовала в 9-м часу вечера.

193...Всего с русской стороны убыло 58000... - В сражении 26 августа русские потеряли 9252 убитыми, 19 226 ранеными и 10 028 пропавшими без вести, в бою при Шевардино — 652 убитыми, 1437 ранеными, 723 пропавшими без вести. Наполеон потерял 6569 убитыми, 21 517 ранеными и 1176 пропавшими без вести и пленных за 24–26 августа, захватил 60 орудий. В Можайске в руки французов попало еще около 10 тыс. русских раненых.

194с. 260: ".по саксонцам Ренье... — Правильнее Реянье.

195 — при Волковыске 31 октября... — Сражение у Волковыска было 4(16) ноября 1812 года.

196с. 262: — Наполеон перевел свою истерзанную армию по тонкому льду только что ставшего Днепра у Орши... — По льду через Днепр перевел остатки корпуса М. Ней, присоединившийся к главной армии.

197с. 263: ".около 20000... - Кроме того, Макдональд увел из России еще 30000.

198с. 268: ".на границу всего 40000... - В Тарутине Кутузов имел 97 112 солдат и 622 орудия, а в Вильне — 27 464 человека. У Витгенштейна оставалось 34 483 бойца, у Чичагова — 24 438 (без учета потерь при Березине). Преследование обошлось в 12000 убитыми и 48000 ранеными (Тарле Е. В. Соч. Т. 7. С. 710).

199с. 269: ".27-го февраля Витгенштейн овладел Берлином... — Берлин 20 февраля (4 марта) освобожден отрядом А. И. Чернышева.

200с. 270: —. Союзники потеряли 12000 человек, французы — 15 тысяч... — У Люцена (Гросс-Гершена) потери сторон были примерно равными — по 10–12 тыс. человек (по другим данным — 12000 французов и 14000 союзников).

201с. 271: —. Урон союзников 12 тысяч, французов — 18 тысяч. — УБа-уцена стороны потеряли по 12 тыс. солдат.

202с. 272: ".и Жирар... — Э. Жерар (здесь и далее).

203с. 276:...Французы лишились 40000... Союзники потеряли 45000... Стороны при Лейпциге понесли примерно равные потери — по 60 тыс. человек.

204с. 277:...при Ганау... — При Ханау.

205с. 282:...Гнейзенау... — Правильнее Гнаязенау.

206...Клейста... — Правильнее Кляйст.

207с. 284:...А 18-го числа 170000 союзников... — Париж капитулировал 18(30) марта 1814 года, так что штурмов 19 марта не существовало (Монмартр и Бельвиль взяты 18-го).

208...и на фламандской равнине он был заклеван немецкими коршунами... Скорее английскими, если имеется в виду Ватерлоо.

209с. 293:...Калишский подвиг петровских драгун через сто лет был повторен... — При Калише драгуны вели бой в пешем строю, при Фер-Шампенуазе в конном.